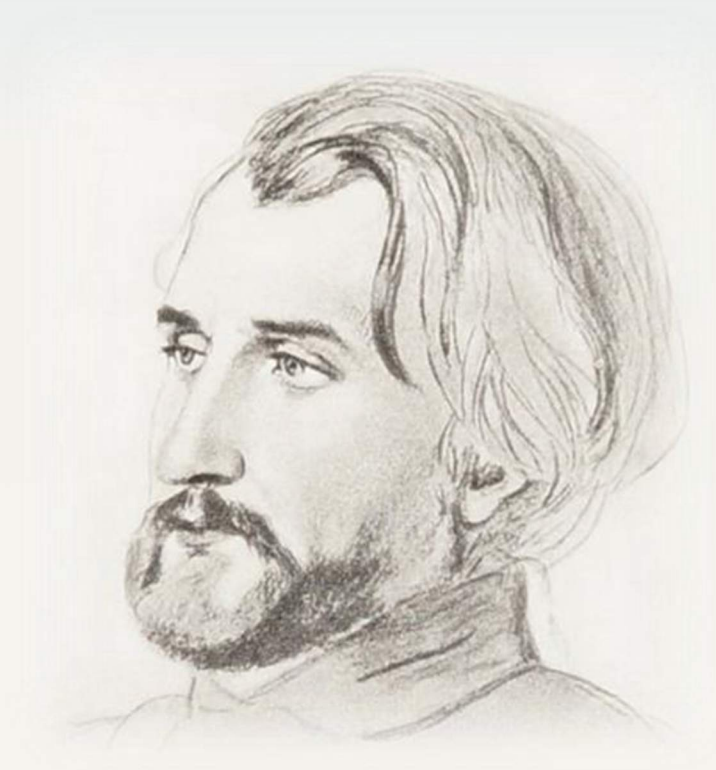

Московский государственный университет
имени М.В.Ломоносова
Высшая школа перевода (факультет)

VIII Международная научная конференция
**РУССКИЙ ЯЗЫК И КУЛЬТУРА
В ЗЕРКАЛЕ ПЕРЕВОДА**

К 200-летию со дня рождения
И.С.Тургенева

МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИИ

27.04.2018 – 02.05.2018
г. Салоники (Греция)

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ М.В. ЛОМОНОСОВА
Высшая школа перевода

VIII Международная научная конференция
Русский язык и культура в
зеркале перевода

Материалы конференции

27.04 – 02.05. 2018 г.

Издательство Московского университета
2018

УДК 81'25:008

ББК 81-7:71.0

P89

P89 **Русский язык и культура в зеркале перевода: VIII Международная научная конференция; 27.04 – 02.05.2018 г., Салоники, Греция: Материалы конференции.** – М.: Издательство Московского университета, 2018. – 706 с.

ISBN 978-5-19-011281-8

В сборник включены материалы докладов, представленных на VIII Международной научной конференции «Русский язык и культура в зеркале перевода».

В опубликованных докладах освещаются различные аспекты общей теории, истории, методологии и дидактики перевода, а также теории художественного перевода. Ряд выступлений посвящен творчеству И.С. Тургенева и критическому анализу переводов его произведений на разные языки мира (к 200-летию со дня рождения). Традиционно в докладах рассматриваются также вопросы преподавания русского языка как иностранного и сравнительной культурологии. Сборник представляет интерес для исследователей в области методики и практики преподавания русского языка как иностранного, теории, методологии и дидактики перевода, сопоставительной лингвистики и сравнительного литературоведения, культурологии и межкультурной коммуникации.

Материалы сборника будут, несомненно, полезны для преподавателей, аспирантов, студентов и всех, кому близка данная тематика.

Ключевые слова: теория и методология перевода, художественный перевод, творчество И.С. Тургенева, сравнительная культурология, межкультурная коммуникация, русский язык как иностранный.

УДК 81'25:008

ББК 81-7:71.0

Все материалы публикуются в авторской редакции

Russian Language and Culture Reflected in Translation: Proceedings of the 8nd International conference; 27.04 – 02.05. 2018, Thessaloniki, Greece. – Moscow, MSU Publishing House, 2018. – 706 p

The compilation includes materials of the reports presented at the 8nd International scientific conference “Russian Language and Culture Reflected in Translation”.

The published reports touch on various aspects of the general theory, history, methodology, translation didactics as well as the theory of literary translation. A number of presentations is focused on the work of Ivan Turgenev and the critical analysis of existing translations of his books into different languages (dedicated to the 200th anniversary of his birth). Traditionally, reports also examine the aspects of teaching Russian as a foreign language and comparative culturology.

This compilation is of interest to the researchers studying technique and practice of teaching Russian as a foreign language, theory, methodology and translation didactics, contrastive linguistics and literary criticism, culturology and intercultural communication.

The compilation materials will be undoubtedly of use to teachers, postgraduates, students and anyone related to the subject.

Key words: theory and methodology of translation, literary translation, the work of Ivan Turgenev, contrastive linguistics, intercultural communication, Russian as a foreign language.

Электронное издание

Издательство Московского университета

119991 ГСП-1, Москва, Ленинские горы д.1, стр. 15, МГУ им. М.В. Ломоносова

ISBN 978-5-19-011281-8

© Коллектив авторов, 2018

© Высшая школа перевода МГУ имени М.В. Ломоносова, 2018

НАПРАВЛЕНИЕ 1
ПРОЗА И.С. ТУРГЕНЕВА В МИРОВОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

<i>Абаева Г.Б.</i> Патриотическая направленность творчества И.С. Тургенева на Западе.....	7
<i>Агафонова Н.Д., Корнейчук С.П., Нектаревская Ю.Б.</i> Экстраполяция концепта «красота» на творческое наследия И.С. Тургенева.....	15
<i>Анастасьева И.Л.</i> «Полузабытая легенда» русской литературы.....	25
<i>Артемьева Ю.В., Разыграева С.А., Явари Ю.В.</i> Роль языковой личности при переводе реалий в произведениях И.С. Тургенева	32
<i>Васильева С.П.</i> Интерпретация этнографических реалий в переводе «Записок охотника» И.С. Тургенева на якутский язык.....	41
<i>Доманский В.А.</i> Переводы Ивана Тургенева для музыкальных альбомов Полины Виардо.....	46
<i>Есакова М.Н., Кольцова Ю.Н.</i> Русский аристократ глазами иностранных читателей (на материале романа И.С. Тургенева «Отцы и дети»).....	58
<i>Иванова О.Ю.</i> И.С. Тургенев в «отражении» И.Ф. Анненского (литературная критика как вид внутриязыкового перевода).....	69
<i>Кафанова О.Б.</i> Дебюты И.С. Тургенева-переводчика.....	78
<i>Ковалевич Е.П., Томашева И.В.</i> Природа в очерке И.С. Тургенева «Лес и степь» («Записки охотника») в переводах на английский и испанский языки.....	91
<i>Леоненкова Е.Д.</i> Произведения И.С. Тургенева в мировом литературном пространстве..	101
<i>Мишкuroв Э.Н.</i> И.С. Тургенев – человек, писатель, переводчик: pro et contra.....	109
<i>Миронова Н.Н.</i> «Русский европеец» И.С. Тургенев: писатель и переводчик	120
<i>Новикова М.Г.</i> Тургеневские девушки как отражение национального менталитета русского народа.....	128
<i>Одесская М.М.</i> Юродство как феномен культуры в рассказе Тургенева «Странная история»	136
<i>Пушкарева Н.В.</i> Речь И.С. Тургенева «Гамлет и Дон-Кихот» сквозь призму русского менталитета (языковой аспект).....	147
<i>Разумовская В.А., Тарасенко Т.В.</i> Творческое наследие И.С. Тургенева в пространстве перевода	156
<i>Селезнева А.И.</i> Герои повести И.С. Тургенева «Ася» глазами английских читателей.....	165
<i>Серезжкина Л.Д.</i> К вопросу об авторстве первого французского перевода романа «Отцы и дети». Баден-Баден. 1862 год.....	173
<i>Судакова О.Н.</i> И.С. Тургенев как автор переводов.....	205
<i>Чович Л.И.</i> Концепты «жизнь» и «смерть» в «Стихотворениях в прозе» И. Тургенева...	213

НАПРАВЛЕНИЕ 2

НАУКА О ПЕРЕВОДЕ В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

<i>Барчот Б.</i> Немецко-хорватско-русские анималистические фразеологические связи с транслатологической точки зрения.....	228
<i>Губайдуллина А. Н.</i> Итальянский проект “Save the story” в контексте двуадресной (взрослый + ребёнок) литературы.....	239
<i>Зельдович Г.М.</i> «Маркеры композиции» в лирическом стихотворении и перевод. «Ласточка» О.Э. Мандельштама в польском переводе, «Дней сползающие слизи...» М.И. Цветаевой в переводе на английский язык.....	249
<i>Калевич Н.А.</i> К вопросу о переводе «Сказки о царе Салтане» А.С. Пушкина на английский язык (на примере переводов Луиса Зеликова и Мэри Хобсон).....	264
<i>Ковалева К.Н.</i> «Проводники» в мир западной культуры. Переводчики кинофильмов 1980-90-х годов XX века.....	275
<i>Кольцова Д.А.</i> Отражение советской культуры повседневности первой половины XX века в повести М.А. Булгакова «Роковые яйца» и в его переводе на английский язык.....	284
<i>Кольцов С.В.</i> Асимметрия в передаче внешности в переводе (на материале романа М.А. Булгакова «Белая гвардия» и повести «Собачье сердце»).....	292
<i>Коровкина М.Е.</i> Об интерпретационных и компетентностных факторах перевода.....	298
<i>Крашенинников А.Е., Нарбут Е.В.</i> Психолингвистический подход в методологии перевода.....	310
<i>Лимарова Е.В., Соколова Е.Е.</i> Интерпретация замысла автора при создании адекватного перевода.....	318
<i>Литинская Е.П.</i> Роман «Бедные люди» Ф.М. Достоевского в переводах на новогреческий язык.....	326
<i>Манолопулу П.</i> Переводческие стратегии при переводе глаголов с двойным управлением с греческого языка на русский.....	344
<i>Метревели М.Г.</i> Психолингвистический и лингвокультурный аспекты перевода.....	351
<i>Тер-Саркисян Л.А.</i> Стиль автора и перевод.....	361
<i>Томанова С.</i> Этнические обозначения в переводе (перевод слов и словосочетаний с этническим обозначением).....	373
<i>Хамраева Ш.А.</i> Когнитивные аспекты перевода менасивных речевых актов в политическом дискурсе.....	378
<i>Черненькая С.В.</i> Концепция перевода в работах Н.В. Гоголя и ФР. Шлейермахера.....	386
<i>Уржа А.В.</i> Переводной текст для детей: опыт комплексного функционального анализа.....	392

<i>Цю Ши</i> История переводов произведений А.П. Чехова в Китае в первой половине XX века.....	405
<i>Чович Б.</i> От перевода ключевых фрагментов к основной идее художественного произведения (история и поэтика).....	411

НАПРАВЛЕНИЕ 3 КУЛЬТУРНО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ МЕЖЪЯЗЫКОВОЙ КОММУНИКАЦИИ

<i>Богданова Л.И.</i> Понимание и оценка в межкультурном общении.....	419
<i>Боженкова Н.А., Боженкова Р.К.</i> Дискурсивные слова как лингвокультурные экспликанты легитимных политических практик.....	430
<i>Вотякова И.А.</i> Изменение в структуре словообразовательного гнезда существительного <i>страх</i> при репрезентации эмоционального концепта <i>страх</i>	439
<i>Вьюнов Ю.А.</i> Концепт «Русская соборность» как социокультурный феномен.....	446
<i>Гасанова Сеадет Гусу гызы</i> Пути использования национальных традиций с опорой на пример родителей и учителей.....	459
<i>Голубева-Монаткина Н.И.</i> Заметки о французской авторской лексикографии.....	468
<i>Джасим В.</i> Социально-религиозные аспекты глоттонии в арабских странах.....	476
<i>Дутбаева С.С., Арсениев С.</i> Образ родины в болгарской поэзии XX века в рецепции В. Арсеньева.....	483
<i>Зверева М. И.</i> Эвфемизмы и национальный менталитет.....	494
<i>Лыткина О.И.</i> Концепт «свой - чужой» в художественной картине мира С. Довлатова И М. Задорнова.....	502
<i>Савосина Л.М.</i> Вопросы взаимодействия культур в межъязыковой коммуникации.....	510
<i>Юнал К.</i> Краткая характеристика турецко-тюркских заимствований в русском языке.....	520

НАПРАВЛЕНИЕ 4 СИСТЕМА ПОДГОТОВКИ СПЕЦИАЛИСТОВ МЕЖЪЯЗЫКОВОЙ КОММУНИКАЦИИ

<i>Абрамова В.И., Архангельская Ю.В., Фатюшина Е.Ю.</i> «В поисках «зеленой палочки» Л. Толстого»: методика создания и результаты апробации виртуального образовательного квеста для изучающих РКИ.....	530
<i>Бердичевский А.Л.</i> Социально - психологическая оптимизация учебного процесса при изучении русского языка как иностранного.....	541

<i>Гао Гуоцуй</i> О системе подготовки специалистов РКИ к межкультурной коммуникации. На основе комплексной реформы обучения бакалавров в СВПУ (2014 -2017).....	553
<i>Гергинов Д., Филипов П.</i> Стилистика в русской лингвистической традиции.....	565
<i>Гюрдзиди С.С.</i> Вопросы методики преподавания русской предложной системы в грекоязычной аудитории на примере предлога «в».....	575
<i>Зиновьева Т.И.</i> Готовность педагога поликультурной школы к профессиональной деятельности в области устного дистантного общения.....	585
<i>Костова-Панайотова М.</i> Русская литература в болгарии после 1989 г. Проблемы преподавания и перевода.....	597
<i>Кулик А.Д.</i> Моделирование языкового содержания в предвузовской подготовке иностранных студентов. Профессиональные модули «Политология», «Международные отношения».....	604
<i>Лесневская Д.</i> Особенности преподавания русского языка как иностранного в болгарской аудитории.....	615
<i>Литвинова Г.М.</i> Обучение иностранных учащихся русской интонации: проблемы и перспективы.....	624
<i>Мареева Ю. А.</i> Редупликация в русском и греческом языках (на материале наречий)....	633
<i>Петрова С. М.</i> Графико-символический анализ рассказа И.С. Тургенева «Бежин луг» в контексте обучения русскому языку как иностранному.....	643
<i>Садыгова А.А.</i> Лингводидактические принципы обучения коммуникативной речи на уроках РКИ.....	650
<i>Сарапас М.В.</i> Исторический комментарий при обучении русскому языку как иностранному.....	657
<i>Смолина К.П.</i> Деловая и профессиональная коммуникация – важнейший объект в изучении РКИ.....	667
<i>Сюань Чжиинь</i> Методика преподавания перевода и тестирование в системе подготовки специалистов межъязыковой коммуникации КНР.....	672
<i>Торсуков Е.Г.</i> Формы суггестии в обучении иностранному языку.....	681
<i>Трегубова Л.С.</i> Проблема повышения мотивации изучения русского языка на начальной ступени обучения в условиях многоязычия.....	695

НАПРАВЛЕНИЕ 1

ПРОЗА И.С. ТУРГЕНЕВА В МИРОВОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Абаева Г.Б.

Казахско-Русский Международный университет
г. Актобе (Казахстан)

Abayeva Gulnar

Kazakh - Russian International University.
Aktobe (Kazakhstan)

ПАТРИОТИЧЕСКАЯ НАПРАВЛЕННОСТЬ ТВОРЧЕСТВА И.С.ТУРГЕНЕВА НА ЗАПАДЕ

PATRIOTIC ORIENTATION OF CREATIVITY I.S.TURGENOVA IN THE WEST

В статье автор подчеркивает патриотическую направленность произведений И.С.Тургенева, вызывавшую постоянные споры в критической среде литераторов, некоторые из которых пытались подчеркнуть тяготение И.С.Тургенева к западному как нелюбовь к родному, русскому. Многие образы произведений И.С.Тургенева показывали негативную сторону тогдашнего русского общества. Ни один русский писатель не вызывал столь пристального внимания критики, газет и журналов, не был переводим с такой регулярностью, как Тургенев. Патриотические чувства, неразрывно связанные со страстным желанием добра и лучшей жизни для народа, не покидали писателя ни в России, ни за ее пределами. Тургенев делал все возможное для того, чтобы лучшие произведения его русских коллег становились известны французским читателям, а французских и английских — русским.

In the article the author emphasizes the patriotic orientation of the works of I.S Turgenev, which caused constant arguments in a critical literary environment, some of which tried to emphasize Ivan Turgenev's attraction to the West as a dislike for the native, Russian. Many images of Ivan Turgenev's works showed the negative side of the then Russian society. No Russian writer has attracted so much attention of criticism, newspapers and magazines, has not been translated with such regularity as Turgenev. Patriotic feelings, inextricably linked with the passionate desire for good and a better life for the people, did not leave the writer either in Russia or abroad. Turgenev did everything possible to ensure that the best works of his Russian colleagues became known to French readers, and French and English - Russian.

Ключевые слова: Родина, родная почва, патриотическая направленность, русское общество, русский народ, культурный изоляционизм.

Keywords: Homeland, native soil, patriotic orientation, Russian society, Russian people, cultural isolationism.

Иван Сергеевич Тургенев - русский писатель-реалист, поэт, публицист, драматург, переводчик. Один из классиков русской литературы, внёсших наиболее значительный вклад в её развитие во второй половине XIX века. Член-корреспондент императорской

Академии наук по разряду русского языка и словесности (1860), почётный доктор Оксфордского университета (1879).

Созданная им художественная система оказала влияние на поэтику не только русского, но и западноевропейского романа второй половины XIX века. Иван Тургенев первым в русской литературе начал изучать личность «нового человека» - шестидесятника, его нравственные качества и психологические особенности, благодаря ему в русском языке стал широко использоваться термин «нигилист». Являлся пропагандистом русской литературы и драматургии на Западе.

Изучение произведений И. С. Тургенева является обязательной частью общеобразовательных школьных программ России и Казахстана. Наиболее известные произведения — цикл рассказов «Записки охотника», рассказ «Муму», повесть «Ася», романы «Дворянское гнездо», «Отцы и дети» - изучаются школьниками.

Большинство произведений И.С.Тургенева было создано на родине и, прежде всего, в милом сердцу писателя имении Спасском-Лутовинове. Родная почва как бы питала его творчество, несмотря на, казалось бы, неблагоприятные социально-политические условия, и в чем-то вопреки им.

«Нет счастья вне родины, - говорил писатель, — каждый пускай Корни в родную землю»...» [Батюто,1990,с156]

Во второй половине XIX века именно И. С. Тургенев представлял «лицо» русской литературы во Франции и в Англии. Ни один русский писатель не вызывал столь пристального внимания критики, газет и журналов, не был переводим с такой регулярностью, как Тургенев. Можно утверждать, что серьезное освоение русской литературы во Франции и Англии началось с Тургенева.

Столь искреннему утверждению отнюдь не противоречило то обстоятельство, что значительную часть своей жизни Тургенев провел за рубежом, в основном, во Франции. Патриотические чувства, неразрывно связанные со страстным желанием добра и лучшей жизни для народа, не покидали писателя ни в России, ни за ее пределами. Хорошо сказал об этом парижский и буживальский гость и почитатель Тургенева, американский писатель Генри Джеймс. Одной из всегдашних тем разговоров Тургенева, вспоминал американец, «была его родная страна, его надежды и опасения за ее будущее.

Принятый с огромным уважением как «свой, а точнее, как «мэтр», в парижских литературно-художественных кругах, Иван Сергеевич особенно любил дружеские встречи близких ему по духу писателей. Поначалу эти встречи назывались «обедами освищенных авторов», потом «обедами пяти» или «обедами Флобера». Помимо И.С.Тургенева и Г.Флобера в этих литературных «рандеву» участвовали Эмиль Золя, Эдмон де Гонкур и

Альфонс Доде. «Мы садились за стол в семь часов вечера, а в два часа ночи трапеза еще продолжалась, — вспоминал Доде. — Флобер и Золя снимали пиджаки, Тургенев растягивался на дивине. Мы выставляли за дверь гарсонов... и беседовали о литературе... Мы разговаривали с открытой душой, без лести, без взаимных восторгов».

Помимо этих имен в обширной переписке Тургенева чаще других фигурируют Ги де Мопассан, Жорж Санд, молодой Анатоль Франс.

Авторитет знаменитого русского литератора огромен. В 1878 г. на состоявшемся в Париже Международном конгрессе писателей Тургенева избирают вице-председателем. Председательствует на этом форуме Виктор Гюго.

Весьма спокойно, по-философски воспринимая собственную популярность, Тургенев делал все возможное для того, чтобы лучшие произведения его русских коллег становились известны французским читателям, а французских — русским. Автор «Отцов и детей» по праву становится первейшим посланцем русской культуры во Франции и Англии.

Крупнейшие парижские и лондонские газеты и журналы («Рёвю де дё монд», «Фрэзерс мэгэзин», диккенсовский «Хаусхолд вёдз» и др.) в 1850–60-х годах регулярно печатают новые переводы произведений Тургенева. В 1858 г. выходит новый, авторизованный перевод на французский язык «Записок охотника», выполненный литературным критиком Анри-Ипполитом Делаво. Переводчиками Тургенева выступали П. Мериме, (перевел в 1863 г. «Отцов и детей»; перевод был отредактирован Тургеневым), Л. Виардо, Дюран-Гревиль, Э. де Пори и др. Некоторые переводы на французский были сделаны самим Тургеневым.

Переводчиками Тургенева в Англии в XIX веке были У. Ролстон, Ч. Тернер, Э. Дилк и др. Ролстон и Тернер сделали первые переводы с русского языка: Ролстон в 1869 г. опубликовал свой перевод «Дворянского гнезда», вышедший под названием «Лиза»; Тернер в 1877 г. напечатал перевод романа «Накануне». Огромная заслуга принадлежит известной английской переводчице Констанс Гарнетт, внесшей особый вклад в ознакомление английской читающей публики с Тургеневым и ставшей на рубеже XIX–XX веков автором классических и лучших переводов Тургенева на английский язык. К. Гарнетт перевела все романы писателя, его повести и рассказы, а также несколько пьес и стихотворения в прозе.

Знакомство Тургенева с Англией состоялось на десять лет позже, чем с Францией. Впервые писатель приехал в Англию в 1857 г. Впоследствии Тургенев неоднократно бывал в Англии, познакомился с такими известными английскими писателями, как Т. Карлейль, Джордж Элиот, А. Теннисон, получил степень почетного доктора Оксфордского университета. В 1870 г. с началом франко-прусской войны Тургенев

переезжает в Лондон. В 1875 г. в Париже состоялось личное знакомство Тургенева с Генри Джеймсом, который станет одним из самых активных пропагандистов творчества русского писателя в Англии, где американский писатель поселится с конца 1876 г. [Курляндская, 1980, с.16]

В 1883 г. очерк «Иван Тургенев» опубликовал Ги де Мопассан. Это живой, эмоциональный отклик на кончину писателя, с которым Мопассан был хорошо знаком и учеником которого себя называл (при создании рассказа «Мадмуазель Кокотка» Мопассан заимствовал ряд ситуаций и мотивов из «Муму» Тургенева.). Еще при жизни Тургенева Мопассан посвятил ему свой сборник новелл «Заведение Телье», который он предварил дарственной надписью «Ивану Тургеневу — дань глубокой привязанности и великого восхищения».

«Ивана Тургенева я увидел впервые у Гюстава Флобера.

Дверь отворилась. Вошел великан. Великан с серебряной головой, как сказали бы в волшебной сказке. У него были длинные седые волосы, густые седые брови и большая седая борода, отливавшая серебром, и в этой сверкающей снежной белизне — доброе спокойное лицо с немного крупными чертами. Это была голова Потока, струящего свои воды, или, что еще вернее, голова Предвечного отца...

Иногда, желая дать для выражения своей мысли точное французское слово, он запинался, но всегда находил его удивительно верно... Он чудесно рассказывал, сообщая самому незначительному факту художественную ценность и своеобразную занимательность, но его любили не столько за возвышенный ум, сколько за какую-то трогательную наивность и способность всему удивляться. И он, в самом деле, был невероятно наивен, этот гениальный романист, изъездивший весь свет, знавший всех великих людей своего века, прочитавший все, что только в силах прочитать человек, и говоривший на всех языках Европы так же свободно, как на своем родном...

Возможно, что его крайнее прямодушие и огромная врожденная доброта оскорблялись при столкновении с грубостью, порочностью и лицемерием человеческой природы, в то время как его ум в минуты одиноких размышлений за письменным столом, напротив того помогал ему постигать жизнь и проникать в нее до самых ее позорных тайников, подобно тому как наблюдают из окна уличные происшествия, не принимая в них участия.

Это был человек простой, добрый и прямой до крайности; он был обаятелен, как никто, предан, как теперь уже не умеют быть, и верен своим друзьям — умершим и живым.

Его литературные мнения имели тем большую ценность и значительность, что он не просто выражал суждение с той ограниченной и специальной точки зрения, которой мы все придерживаемся, но проводил нечто вроде сравнения между всеми литературами всех народов мира, которые он основательно знал, расширяя таким образом, поле своих наблюдений и сопоставляя две книги, появившиеся на двух концах земного шара и написанные на разных языках.

Несмотря на свой возраст и почти уже законченную карьеру писателя, он придерживался в отношении литературы самых современных и самых передовых взглядов, отвергая все старые формы романа, построенного на интриге, драматическими и искусными комбинациями, требуя, чтобы давали "жизнь", только жизнь — "куски жизни", без интриги и грубых приключений...

Наряду с поэтом Пушкиным, которым он страстно восхищался, наряду с поэтом Лермонтовым и романистом Гоголем он всегда будет одним из тех, кому Россия должна быть обязана глубокой и вечной признательностью: ибо он оставил ее народу нечто бессмертное и неоцененное — свое искусство, незабываемые произведения, ту драгоценную и непреходящую славу, которая выше всякой другой славы! Люди, подобные ему, делают для своего отечества больше, чем люди вроде князя Бисмарка: они стяжают любовь всех благородных умов мира...» [Буданова, 1987, с.58]

На смерть Тургенева откликнулись видные представители французской культуры: Э. Ренан, М. де Вогюэ, П. Бурже. Однако вскоре после кончины великого писателя его место во французском культурном сознании как представителя «загадочной русской души» заняли Л. Н. Толстой и Ф. М. Достоевский. Показательна в этом отношении запись в «Дневнике» Э. де Гонкура от 10 октября 1887 г., где он рассказывает о своем споре с Флобером по поводу произведений Тургенева. Гонкур считал, что в изображении русских Тургеневу недостает варварских, ярких красок, что ему не удалось показать «первобытную грубость его страны». Флобер настаивал на верном изображении русского национального характера у Тургенева. «С той поры романы Толстого, Достоевского и других, мне думается, доказали, что я был прав».

Однако это изменение отношения к Тургеневу во Франции не помешало М. де Вогюэ в своей знаменитой книге «Русский роман» (1886) посвятить ему отдельную главу. В Тургеневе Вогюэ увидел крупнейшего русского писателя, «который сумел быть русским, не порывая с Западом, реалистом, не оставлявшим заботы о форме и стремившимся к идеалу».

Вслед за писателями и литературными критиками с 1890-х годов возник устойчивый интерес к Тургеневу и во французской академической среде. Известный

славист Луи Леже включил раздел о Тургеневе в свою антологию «Русская литература» (1892). Литературовед Эмиль Оман, автор критико-биографического очерка «Иван Тургенев» (1906), считал, что Тургенев способствовал повороту в культурных отношениях между Россией и Европой, что благодаря Тургеневу «Россия завоевала для себя неотъемлемое место в интеллектуальной жизни Европы».

Более долгим и сложным, чем во Франции, был путь Тургенева к английскому читателю. Тенденция к культурному изоляционизму наложила отпечаток на восприятие Тургенева в Англии почти на всем протяжении XIX столетия. Снисходительное отношение английской критики и большей части литературной элиты к новым явлениям и тенденциям в европейской (в том числе русской) литературе обусловило поверхностное восприятие творчества Тургенева в Англии почти до конца XIX века.

Первое значительное по объему эссе «Произведения Ивана Сергеевича Тургенева» в Англии было опубликовано в «Бритиш куотерли ревью» за 1869 г. (том 50, с. 423–447). Его автор — литературный критик и переводчик Чарльз Тернер много лет провел в России, был преподавателем английского языка в Петербургском университете, прекрасно владел русским языком. В 1890 г. он опубликовал свою вторую книгу о русской литературе (первая «Очерки русской литературы» вышла в 1882 г. и охватывала период от Ломоносова до Некрасова) «Современные русские романисты», в которую, наряду с главами о Гончарове, Достоевском, Толстом, Короленко и Гаршине, вошла глава о Тургеневе. Глава представляет собой аналитический обзор творчества русского писателя. Тернер акцентирует внимание на романах Тургенева, оставляя в тени «Записки охотника» и «Стихотворения в прозе». Значительная часть обзора — это характеристика шести романов русского писателя («Рудин», «Дворянское гнездо», «Накануне», «Отцы и дети», «Дым», «Новь»), которые в своей совокупности, по мнению Тернера, «дают общую картину наиболее критического момента истории современной России». Тернер констатирует, что И. С. Тургенев — единственный русский писатель, приобретший общеевропейскую известность. Вместе с тем успех писателя в России Тернер объясняет тем, что он среди писателей своего поколения стал самым ярким и последовательным продолжателем пушкинской традиции в русской литературе. [Буданова, 1987, с17]

Однако интенсивность последующей переводческой деятельности английских переводчиков Тургенева была не меньшей, чем у их французских коллег (особенно благодаря подвижнической работе Констанс Гарнетт). Во всяком случае, Англия уже к 1922 г. имела полное собрание художественной прозы Тургенева, в то время как во Франции его не было даже к 1935 г.

Различным был алгоритм восприятия творчества Тургенева в двух странах. Во Франции пик известности Тургенева пришелся на 1870-е годы, а после смерти писателя (1883) его место крупнейшего представителя русской литературы в сознании французов быстро заняли другие (прежде всего Л. Н. Толстой и Ф. М. Достоевский). В Англии же, напротив, именно на 1880–90-е годы пришелся пик интереса к творчеству Тургенева, пессимистическая интонация которого, близость в некоторых отношениях к переживавшему в эти годы расцвет импрессионизму делали русского писателя созвучным новым идейно-художественным устремлениям поздневикторианской Англии.

Таким образом, с середины и почти до конца XIX столетия в обеих крупнейших европейских странах Тургенев воспринимался как центральная и наиболее представительная фигура современной русской литературы, а иногда и шире — как носитель характерных черт славянской ментальности (так считали, например, Эрнест Ренан, Поль Бурже). Между тем «образ Тургенева» во Франции был отчетливее, чем в Англии, что было обусловлено большей ассоциированностью Тургенева с французской литературной средой (показательно, что Г. Джеймс включил очерк о Тургеневе в книгу «Французские поэты и романисты»). Приоритет в области перевода произведений русского писателя на западноевропейские языки принадлежит французам (Шарьер, Делаво, Мериме). [Курдюмова, 1981, с. 136]

Романы и повести Тургенева, широко известные западному читателю, привлекали внимание к русской литературе и общественной мысли вообще. Высокие оценки, которые давал Тургенев произведениям русских писателей, старых и современных, содействовали распространению интереса к русской литературе в разных странах Европы. Кроме того, он переводил сам и способствовал появлению французских и английских переводов Пушкина, Гоголя, Л. Толстого, Салтыкова-Щедрина, Писемского, Шевченко. Некоторые из этих переводов Тургенев снабдил своими предисловиями, в иных случаях он помещал в иностранных журналах отклики на книги русских писателей. Так, он напечатал в одном из английских журналов рецензию на басни Крылова в английском переводе и заметку об «Истории одного города» Щедрина, еще не переведенную в то время на иностранные языки. В популяризации русской литературы за рубежом Тургенев видел свой патриотический долг.

В силу ряда причин Тургеневу выпала честь представлять свою родину на Западе, и этой чести он оказался достоин. Блестящая образованность, неизменная благожелательность, наконец, лирическое обаяние его личности и таланта обеспечили ему уникальное место в истории русско-европейских отношений. Можно сказать, что в

течение многих лет он был послом России в Европе и Европы в России. Но эта служба была не из легких. [Барсукова,1997,с.120]

Я дважды напрасно пытался застать вас дома и решил, наконец, вам написать. Мне не терпится сказать вам, как глубоко, как безгранично я восхищен романом Новь, который вы сообразовали мне прислать.

Это, несомненно, одна из прекраснейших книг, которые я когда-либо читал, и она особенно поразила меня своим спокойно-мудрым проникновением в сущность вещей и людей. Вы даете нам почувствовать, что представляет собой русский народ, его характер, природные свойства его ума, и мы до последней страницы живем как бы в атмосфере России.

Спасибо, дорогой учитель. Остаюсь глубоко и почтительно преданный вам.

Письмо Ги де Мопассана Ивану Тургеневу Париж, 12 мая 1877 г.. [Буданова, 1987, с. 36]

Список литературы:

Барсукова О.М. Роль символических мотивов в прозе И.С. Тургенева. Дис. ... канд. филол. наук. / О.М Барсукова М., 1997. - 175 с.

Батюто А.И. Творчество И.С. Тургенева и критико-эстетические мысль его времени / А.И. Батюто. - Л.: Наука, 1990. - 297 с.

Буданова Н.Ф. Достоевский и Тургенев: творческий диалог / Н.Ф. Буданова. - Л.: Наука, 1987. - 196 с.

Курляндская Г. Б. И. С. Тургенев и русская литература: Учеб. пособие для студентов пед. ин-тов/ Г. Б. Курляндская . М., 1980. 192 с.

Курдюмова Т.Ф. Тургенев в школе: Пособие для учителей / Сост. Т. Ф. Курдюмова. М., 1981. 175с.

*Агафонова Н.Д.
Корнейчук С.П.
Нектаревская Ю.Б.*

Ростовский государственный медицинский университет
г. Ростов-на-Дону (Россия)

*Agafonova N.J.
Korneichuk S.P.
Nectarevskaya U.B.*

Rostov-on-Don State Medical University
Rostov-on-Don (Russia)

ЭКСТРАПОЛЯЦИЯ КОНЦЕПТА «КРАСОТА» НА ТВОРЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ И.С. ТУРГЕНЕВА

THE EXTRAPOLATION OF THE CONCEPT "BEAUTY" IN THE CREATIVE HARITAGE OF I. S. TURGENEV

В статье предпринята попытка осмысления и интерпретации тургеневского концепта «красота». На фактографическом материале прозаических произведений И.С. Тургенева мы попытались реконструировать эстетические предпочтения писателя. Пронаблюдая два когнитивных сценария: «эстетика быта» и «красивая женщины» автор статьи высказывает мнение, что эстетическая языковая картина мира И.С. Тургенева детерминирована отчасти историко-политическими факторами. На гипотетическом уровне в работе высказывается мнение, что в творчестве мастера слова И.С. Тургенева отчетливо просматривается как рациональное осмысление красоты, так и психоинтуитивное. Именно последнее делает эстетику И.С. Тургенева гениальной и безыскусной.

In this paper having researched the Turgenev's creative works we tried to comprehend his genuine aesthetics. We studied the environmental causes which influenced upon his aesthetics views. To understand better the Turgenev's concept of "Beauty" two cognitive sceneries : "Beautiful lady" and "Home aesthetics" have been analyzed and interpreted. Different language unites such as words, collocations, idioms have been observed to trace Turgenev's aesthetic preferences. On hypothetic level we attempted to penetrate into Turgenev's "creative laboratory" to understand the ways of his aesthetics thinking and reflection. We dare to say that his " beautiful girls" were created just to please progressive critics and audience. Genuine Turgenev's aesthetics is neither rational nor artificial.

Ключевые слова: концепт «красота», эстетическая картина мира, когнитивный сценарий «эстетика быта», рациональная эстетика, эстетическая интуиция.

Keywords: concept "Beauty", Turgenev's aesthetics, cognitive scenery, aesthetic intuition, rational aesthetic.

Объектом нашего лингвокультурологического наблюдения является концепт "красота". Предметом настоящего исследования являются средства его языковой репрезентации в произведениях И.С. Тургенева. Известно, что языковые единицы плана выражения, являющиеся предметами интереса лингвоконцептологов, помогают открывать новые культурные смыслы многомерных концептов, к которым и относится концепт "красота". Ключевая цель настоящей работы проанализировать, на основе разноуровневых

языковых единиц объективирующих как эксплицитно, так и имплицитно, тургеневское осмысление красоты . Иными словами через его творческое наследие попытаться реконструировать подлинно тургеневский концепт "красота". Мы также попытались интерпретировать экстралингвистические факторы, сформировавшие тургеневскую эстетическую языковую картину мира и проследили трансформации его ценностных ориентиров.

Известно, что И.С. Тургенев не просто любил красоту, она была для него некой сверх ценностью. "Ведь Красота - единственная бессмертная вещь, - писал он Полине Виардо в сентябре 1850 года, - единственная бессмертная вещь, и пока продолжает еще существовать хоть малейший остаток ее материального проявления, бессмертие ее сохраняется. Красота разлита всюду, она простирает свое влияние даже над смертью..."¹ [цит. по Дунаев, 2003, с. 26]. Он не только боготворил ее, но умел ее прозревать и даже создавать. Любовь к людям, природе, жизни он считал главным условием прозрения или видения красоты в мире. «Сознание прекрасного находится в нас самих, писал он Бакунину, - и чем больше мы любим природу и все, ею созданное, тем более мы находим прекрасного везде на земле. Глубина чувства, глубина любви определяет степень и, если хотите, размеры прекрасного... Полюбите только природу и людей, заметьте: людей без всяких имущественных, сословных и расовых различий, и они, природа и люди, будут везде казаться для вас... прекрасными»² [цит. по Дунаев, 2003, с. 52]. Но, дело в том, что в его время, время расцвета литературного направления критического реализма, "прогрессивными" людьми, монополизировавшими эстетическую мысль, такое мировоззрение не приветствовалось. Передовые люди, того времени, критики и писатели, вольно или невольно "призывая мужика к топору", наоборот поощряли смакование пороков, бедности, трудностей, социального неравенства и т.п.

Тургенев не был прогрессивистом, не был он и славянофилом, называя себя «коренным и неисправим западником»³ [Дунаев, 2003, с. 56]. Он любил комфорт, ему была мила западная цивилизация. Красота примиряла его с действительностью. Красота нередко является объектом его словесного творчества . В его произведениях часто встречаются не только фрагменты детального описания эстетически привлекательных «дворянских гнезд» и уютных интерьеров, но, что достаточно нетипично для русской литературы эстетизация еды и ее процесса. Именно то, что особенно популярно в Европе в настоящее время: еда должна быть не только полезной, вкусной, но и эстетически привлекательной. И.С. Тургенев предвосхитил эту эстетическую идею

¹ Дунаев М.М. Православие и русская литература в 6-ти частях, Ч. III, –М.: Христианская литература, 2003.

² Дунаев М.М. Православие и русская литература в 6-ти частях, Ч. III, –М.: Христианская литература, 2003.

³ Там же.

западноевропейских рестораторов и поваров еще в XIX веке. Вот как в «Вешних водах» он описывает «Итальянскую кондитерскую Джованни Розелли» во Франкфурте: «Перед диваном, на круглом столе, покрытом чистой скатертью, возвышался наполненный душистым шоколадом, окруженный чашками, графинами с сиропом, бисквитами и булками, даже цветами, - огромный фарфоровый кофейник; шесть тонких восковых свечей горело в двух старинных серебряных шандалах; с одной стороны дивана вольтеровское кресло раскрывало свои объятия < ...> . Все обитатели кондитерской, не исключая пуделя Тарталья и кота, казались несказанно счастливыми; пудель даже чихал от удовольствия; один кот по-прежнему все жеманился и жмурился... Санин принужден был выпить две большие чашки превосходного шоколада и съесть замечательное количество бисквитов...» («Вешние воды»). В этом эпизоде транслированы эстетические предпочтения быта самого автора. Например, упоминание о "чистой белой скатерти" и о свечах, встречается и в описании столовой дома Калитиных в «Дворянском гнезде». Ср. : « В углу в столовой на четырехугольном столе, покрытой чистой белой скатертью, уже находились прислоненные к стене небольшие образа в золотых окладах, с маленькими тусклыми алмазами на венчиках . Старый слуга <<...>>поставил две восковые свечи в тонких подсвечниках ...» («Вешние воды»). Тема чистоты в русском быту чрезвычайно важна, потому что ее не хватало. Ее не было даже в дворянской среде, не говоря уже о чистоте и комфорте в крестьянском быту. Вот почему эстетика быта в языковой картине мира И. С. Тургенева неразрывно связана с чистотой . Лексемы «чистая» и «белая» актуализируют опрятность. Вообще белый цвет, по нашему наблюдению, можно считать тургеневским цветом красоты. Он не только символизирует молодость и чистоту души, но и в прямом смысле указывает на гигиеничность, чистоту, аккуратность и уют. Ср.: «У Лизы горела свеча за белым занавесом... Мелькнул знакомый облик, и в гостиной появилась Лиза. В белом платье, с нерасплетенными косами по плечам...» («Дворянское гнездо»).

Описание функциональной красоты И.С. Тургенев осуществляет имплицитно. В словесном интерьере итальянской кондитерской, например, нет прямых указаний на красоту, т.е. нет слов: красиво, прекрасно, замечательно и т.п. Однако красота "разлита" по всей кондитерской. Красив ее интерьер, красивы ее обитатели, красивы их отношения. Эстетическую функцию выполняют отдельные лексемы и словосочетания, в значениях которых отсутствует сема красоты. Однако эти стилистически нейтральные языковые единицы - цветы, душистый шоколад, чистая скатерть, цветы, фарфоровый кофейник, восковые свечи... – все вместе транслируют красоту. Посредством описание эмоций кота и пуделя, специфического стилистического приема, И.С. Тургенев вызывает у читателя

приятное гармоничное состояние. Этот способ, эмоциональной характеристики персонажа для эвокации аналогичных эмоций у читателя, писатель использует всегда, когда его герои соприкасаются с красотой. Этот же стилистический прием позволяет нам (на гипотетическом уровне) интерпретировать по-своему некоторые эстетические предпочтения, например женской красоты И.С. Тургенева - писателя и Тургенева-человека.

Как уже отмечалось бесцельное любование красотой во время жизни и творчества И.С. Тургенева не поощрялось передовыми умами России, за что его достаточно жестко критиковали. Писатель, как известно, серьезно переживал по этому поводу. Он писал: «Судя по всем отзывам и письмам, меня пробирают за «Дым» не на живот, а на смерть во всех концах нашего пространного отечества. Я оскорбил народное чувство – я лжец и, клеветник...»⁴ [Дунаев, 2003, с. 134]. Известно, что В. Г. Белинский, имевший влияние на молодого Тургенева, хотя и считал его "зачинателем" русской эстетики, тем не менее, пытался привить ему свою точку зрения на мир, желая приблизить писателя к "прогрессивному" лагерю, к которому принадлежал сам. Писатель и сам пытался соответствовать "духу времени", однако, как это часто случается с гениальными людьми, талант ему не позволил этого сделать до конца. Известно, что на интуитивном уровне художники постигают то, что на рациональном они постигнуть не могут. Так случилось, например, с английским писателем О. Уайльдом в XX веке, также случилось и И.С. Тургеневым в XIX веке.

На иррациональном уровне И.С. Тургеневу удалось создать свою неповторимую эстетическую языковую картину мира. Но наше исследование свидетельствует, что попытки И.С. Тургенева на рациональном уровне «соответствовать своему времени» завершились тем, внес свой весомый вклад в будущую русскую революцию, создав своих «идеальных девушек». Этот женский тип, с "нежным и кротким сердцем, стремящемся помогать нуждающимся в помощи", устремленных за неким мужчиной -руководителем, выдуманный писателем стал этико- эстетическим идеалом девушек-революционерок в XX веке. Его больше не критиковали, «противник революции, бессознательно послужил русской революции»⁵ [Дунаев, с. 145]. Наоборот, поклонник И.С. Тургенева князь-анархист П.А. Кропоткин, отдавая дань уважения писателю за его вклад в дело революции, пишет: "Если русская женщина сыграла такую великую роль во всевозможных формах жизни во время последнего пятидесятилетия нашего

⁴ Дунаев М.М. Православие и русская литература в 6-ти частях, Ч. III, –М.: Христианская литература, 2003.

⁵ Дунаев М.М. Православие и русская литература в 6-ти частях, Ч. III, –М.: Христианская литература, 2003.

освободительного движения, то нет сомнения, что весьма многим мы обязаны Тургеневу"⁶ [Кропоткин, 1966, с. 26]. Л.Н. Толстой, - по воспоминаниям А.М. Горького, - замечает по этому поводу: «Может быть, таких, как он писал, и не было, но когда написал их, они появились. Это – верно; я сам наблюдал потом тургеневских женщин в жизни»⁷ [Горький, 1960, с. 30]. Таким образом, И.С. Тургенев, писавший о себе "я либерал старого покроя, человек ожидающий реформ только свыше- принципиальный противник революции» активной писательской фантазией соблазнил, - по меткому определению М.М. Дунаева - «энтузиастических фанатичек»⁸ [Дунаев, 2003, с. 156]. Однако зададимся вопросом, а были на самом деле этот эстетический тип женщины тургеневским типом? Теоретически - да. Но смог ли бы сам писатель полюбить и провести всю свою жизнь с преданной ему Еленой Стаховой («Накануне»), Натальей Ласунской («Рудин»), Марианной Синецкой («Новь») или даже Татьяной из его повести "Дым". Ответ попытаемся найти в произведениях писателя и в его биографии. Анализируя портретные фреймы типичных положительных тургеневских девушек, поражаемся их удивительному сходству: все они сероглазы, стройны, обладают легкой походкой, светловолосые, с тонкими чертами лица и тонкой талией, имеют дворянское происхождение. Отсутствие последнего принципиально важно в тургеневском когнитивном сценарии "идеальная женщина". И это неудивительно. Дворянство было "вгравировано" в эстетическое сознание не только писателя, но и его современников. Хотя он оставил много словесных портретов красивых женщин простого происхождения, например, красавицы Аси из одноименной повести «Ася». Однако и в ее жилах течет благородная кровь. Она незаконная дочь дворянина и крепостной крестьянки. О чем Тургенев не забывает сообщить своему читателю. Больше того, отсутствие дворянского происхождения, воспринималось Тургеневым, если и не как антикрасота, то во всяком случае как серьезный недостаток. Так, в словесном портрете некой княгини, представительницы аристократического общества в Вестбадене, в повести "Дым", писатель иронично отмечает: "Annette, которая бы всем взяла, если бы по временам, внезапно, как запах капусты среди тончайшей амбры, не проскакивала в ней простая деревенская прачка" («Дым»). Автор не распространяется, каким образом "прачка проскакивает" - вербально, морально, эстетически, однако именно этот словесный штрих лишает женщину красоты. Отсутствие благородного происхождения задевает самолюбие и самих тургеневских женщин. Они само утверждают, заставляя страдать статусных мужчин. Можно и так интерпретировать настойчивое желание Марьи Ивановны непременно соблазнить Санина, главного героя повести «Вешние воды».

⁶ Кропоткин П.А. Записки революционера. –М.: Наука, Ч. 6, 1966.

⁷ Горький М., А.П. Чехов. Переписка, Статьи, Высказывания. –М.: Гослитиздат, 1960.

⁸ Дунаев М.М. Православие и русская литература в 6-ти частях, Ч. III, –М.: Христианская литература, 2003.

Возможно не только потому, что он ей понравился. Сложившая ситуация не похожа на любовь, хотя он и был молод, богат и привлекателен. Либо он задевал ее самолюбие, либо она завидовала его невесте, либо она, таким образом, само утверждалась, заключив пари, соблазняя, а, в последствие, безжалостно унижая человека благородного происхождения. И.С. Тургенев неслучайно актуализирует ее простое происхождение. Ср.: Марья Николаевна все время говорила по-русски удивительно чистым, прямо московским языком - народного, не дворянского пошиба" («Дым»). Или: «И не то чтобы она была отъявленная красавица: в ней довольно явственно сказывались следы плебейского происхождения...» Следы «плебейского происхождения» по Тургеневу это: «нос несколько мясистый и вздернутый, ни тонкостью кожи, ни изяществом рук и ног она похвалиться не могла» («Вешние воды»). Если идти от противоположного, то эстетический идеал Тургенева писателя: тонкий прямой нос, тонкая кожа, изящные руки и ноги. Однако, замечает Тургенев, «...кто бы не встретился с нею, но перед обаянием мощного, не то русского, не то цыганского, цветущего женского тела.... и невольно остановился бы он» («Вешние воды»). Итак, для Тургенева художника и мужчины эротическая эстетика, манифестированная в молодом женском теле на бессознательном уровне желанна. Это позволяет утверждать, что именно женская сексуальность является конституантой тургеневского концепта «красота». В словесном портрете Марьи Ивановны можно найти много «смысловых осколков» позволяющих, хотя и на гипотетическом уровне реконструировать тот женский тип, который на самом деле, не в угоду критикам и читателям, представлял не этическую, а прежде всего эстетическую ценность. Хотя, как известно, в русской культуре этическое и эстетическое обычно не только неразрывно связано, но часто последнее редуцировано в первом. Что на самом деле привлекало в женщине Тургенева-эстета и мужчину? Ответ находим в его работах. Дело в том, что «каждый писатель, - как справедливо утверждает М.М. Дунаев, - вольно или невольно, раскрывает в созданиях своих то, что таится порою и от него самого в глубине его «внутреннего Я»⁹ [Дунаев, 2003, с. 50]. Что по настоящему, заставляя забывать не только о себе, но и передовые идеи? "Особенную красоту, - считает И.С. Тургенев Марье Николаевне, - придавали ее глаза и брови, густые, немного надвинутые, настоящие соболиные" («Вешние воды»). А также длинные русые волосы, белые платья, драгоценности... Ср.: «Вдруг дверь из соседней комнаты растворилась, и на пороге появилась молодая красивая дама в белом шелковом платье, с черными кружевами, в бриллиантах в кружевах и на шее - сама Марья Николаевна Полозова. Ее густые русые волосы падали с обеих сторон головы - заплетенными, но не подобранными косами»

⁹ Дунаев М.М. Православие и русская литература в 6-ти частях, Ч. III, –М.: Христианская литература, 2003.

(«Вешние воды»). Белое платье, красивые глаза и волосы, упоминаются и в другом словесном портрете женщины - соблазнительницы, но уже аристократического происхождения Ирины Осининой. Ср.: «когда она вышла к нему в белом тарлатановом платье, с веткой небольших синих цветов в слегка приподнятых волосах, он так и ахнул: до того она показалась ему прекрасною и величественною...- и какая осанка! Что значит, однако, порода!». Если, как уже отмечалось белый и серый цвет можно считать любимыми цветами в цветовой эстетической палитре И.С. Тургенева, то глаза его героинь являются эстетическим центром их лиц. Обычно именно глаза, а не губы или нос, детально описывает художник. Например, у Ирины Осининой: «Поразительны, истинно поразительны были ее глаза, исчерна-серые, с зеленоватыми отливами, с поволокой, длинные как у египетских божеств, с лучистыми ресницами и смелым махом бровей. Хотя было в них что-то "странное выражение было у этих глаз: они как будто глядели, внимательно и задумчиво глядели из какой-то неведомой глубины и дали» («Дым»). Эстетическую привлекательность И.С. Тургенев усматривал в женской загадочности. Можно предположить, некая таинственность, скрытая в глазах его сильных героинь, ему очень нравилась. Не положительные тургеневские девушки определяют уникальность тургеневского концепта "красоты", а именно эстетизация таящейся опасности в красивой женщине делает его уникальным. Ср.: «...а в самом рисунке этих чуть улыбающихся губ , этого небольшого орлиного, несколько сжатого носа было что-то своевольное и страстное, что-то опасное для других и для нее.» («Дым»). Мистичны глаза Марьи Николаевны. И это не удивительно: глаза - зеркало души. А душа ее загадочна, непонятна... Ср.: «Когда она щурила глаза, выражение их становилось очень ласковым и немного насмешливым; когда же она раскрывала их во всю величину - в их светлом, почти холодном блеске проступало что-то недоброе» («Вешние воды»). Герой романа Санин, чувствуя опасность, таящуюся в этих глаз, тем не менее по-русски, не может противостоять постигнутому его соблазну. Опасность притягательна для русского человека. Подойти к пропасти и посмотреть, что там... Таящаяся опасность и сексуальная привлекательность, имплицитно присутствующая в манерах и походке Марьи Николаевны, окончательно покоряют и главного героя произведения «Вешние воды», как и самого мастера слова. Ср.: «Марья Николаевна «шла рядом с ним кошачьей походкой, слегка прислоняясь к нему, и заглядывая ему в лицо; и шла она в образе молодого женского существа, от которого так и веяло тем разбирающим и томящим, тихим и жгучим соблазном, каким способны донимать нашего брата - грешного, слабого мужчину, - признается Тургенев-мужчина, - одни - и то некоторые и то нечистые, а с надлежащей помесью славянские натуры» («Вешние воды»). Если сравнивать походку Марьи Николаевны и, например, Елена

Стаховой, то последняя ходила некрасиво, точнее она совсем не обращала внимания на свою походку. Целеустремленной, доброй девушке, жаждущей жертвенной любви даже не и приходило в голову соблазнять любимого мужчину. Ср.: «...ходила она быстро, почти стремительно, немного наклоняясь вперед». Здесь следует обратить внимание на еще одну специфическую конституанту по-тургеневски привлекательной женщины: предполагает некую легкую женскую нервность. Если у Пушкина «все в ней гармония, все диво», т.е. античная статика, то Тургеневу нравятся немного нервные красавицы. Вот как описывает писатель Ирину Осинину («Дым») чуть было не разрушившую жизнь другого соблазненного героя Литвинова. Ср.: «Черты ее лица, почти изыскано правильные, не вполне еще утратили то простодушное выражение, которое свойственно первой молодости; но в медлительных наклонениях ее красивой шейки, в улыбке, не то рассеянной, не то усталой сказывалась нервическая барышня...» («Дым»). Анализируя портретные фреймы героинь тургеневского концепта «красота» применительно к когнитивному сценарию «идеальная женщина», мы обратили внимание на упоминание об «усталости». Усталость присутствует не только в словесном портрете еще совсем юной Ирины Осининой, но и в портрете совсем еще юной девушки Варвары Павловны. Метафоры этого феномена интерпретировать сложно. Возможно, здесь лексема «усталость» является контекстуальным синонимом слова «томный», значение которого в Словаре Ушакова определяют как: «Устало-нежный, исполненный истомы, сладкого томления»¹⁰ [Ушаков 2014, с. 375]. Усталая красавица - личное эстетическое предпочтение великого мастера русского слова. Также как и специфическая одорическая конституанта - запах гелиотропов и молодого женского тела. Красивые женщины нередко музицируют, у них приятные мелодичные голоса. Например, Варвара Павловна, впоследствии неверная жена Лаврецкого, соблазнила его не только своей ласковой самоуверенностью и сексуальной притягательностью своего тела, но и голосом. Ср.: «Варвара Павловна ...была спокойна и самоуверенно-ласкова, что всякий в ее присутствии в тотчас чувствовал себя как бы дома; притом от всего ее пленительного тела, от улыбающихся глаз, от невинно-покатых плечей и бледно-розовых рук, от легкой и в то же время усталой походки, от самого звука ее голоса, замедленного, сладкого, - веяло, пока еще стыдливой, негой, чем-то таким, что словами передать трудно...» («Дворянское гнездо»). Слово «немягкой» позволяет утверждать, что Тургеневу-мужчине нравятся сильные независимые женщины.

Пытаясь реконструировать я тургеневский концепт "красота" мы обратились к описанию эмоциональных состояний героев-мужчин реципиентов женской красоты. Прав

¹⁰ Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка. –М.: Славянский дом книги, 2014.

В.И. Шаховский, когда утверждает, что "смыслы эмоций автора, вложенные в его персонажей и озвученные, воспроизведенные как их собственные мысли, обладают интенциональной прагматикой"¹¹ [Шаховский, 2008, с. 69]. В этой связи нам представилось проанализировать эмоциональные состояния некоторых тургеневских героев. Например, Инсарова в тот самый момент, когда красавица Елена Стахова объясняется ему в любви. Ср.: «Он стоял неподвижно, он окружал своими крепкими объятьями эту молодую, отдавшуюся ему жизнь, он ощущал на груди это новое, бесконечно дорогое бремя; чувство умиления, чувство благодарности неизъяснимой разбило в прах его твердую душу, и никогда еще не изведенные слезы навернулись на его глаза» («Накануне»). Инсаров, как явствует из приведенного отрывка, переживает чувство благодарности, умиления, и даже ответственности. Он слишком правилен, а потому - не убедителен. Создается впечатление, что писатель пытается транслировать чуждую ему рациональную психологию своих героев. «А она не плакала; она твердила только: "О, мой друг! О мой брат». Иное дело, несчастные соблазненные мужчины женскими чарами . Здесь Тургенев не выдумывает. Из лабиринтов своей собственной души он извлекает эмоционально-философские глубокомысленные и дерзновенные обобщения, лишённые искусности и аффектации. Ср.: «Совершенно уничтоженный и безнадежно несчастный, он (Литвинов), однако отдыхал после тревог и терзаний... Он не узнавал себя; он не понимал своих поступков, точно он свое настоящее «я» утратил, да и вообще он в этом "я" мало принимал участия. Иногда ему сдавалось, что он собственный труп везет, и лишь пробегавшие изредка горькие судороги неизлечимой душевной боли напоминали ему, что он еще носится с жизнью» («Дым»). В искренности эмоционального переживания тургеневского героя нет сомнения, потому что в этом фрагменте Тургенев-прозаик, становится поэтом. Его язык поет грустную песню чувств, которую на рациональном уровне художнику создать невозможно.

Подводя итог нашему наблюдению эстетических предпочтений И.С. Тургенева, позволим высказать предположение, что в тургеневском концепте «красота» отчетливо проявляется эстетическая дихотомия. Как показало исследование фактографии эстетическое двоемирие писателя, прежде всего, связано с требованиями эстетики его времени, которым художник не смог не уступить, результатом которых и явились созданные им прекрасные, добрые преданные тургеневские девушки. Однако сам писатель, о чем свидетельствует, не только его творческое наследие, но и история его личной жизни, пожелал провести свою жизнь «на краю чужого гнезда». Предпочтя одиночество, и связанное с ним душевное страдание, мирному существованию с

¹¹ Шаховский В.И. Лингвистическая теория эмоций: монография. –М.: Гнозис, 2008.

понимающей, любящей, преданной, чистой, прекрасной женщиной - другом. Интерпретация концепта «красота» на материале творческого наследия И.С. Тургенева предполагает наличие у наблюдателя не только смелости, но также и меры, и осторожности. Одно остается вне сомнения, тургеневский концепт «красота» многомерен и нуждается в дальнейшем исследовании.

Список литературы:

- Горький М., А.П. Чехов.* Переписка, Статьи, Высказывания. –М.: Гослитиздат, 1960.
Дунаев М.М. Православие и русская литература в 6-ти частях, Ч. III, –М.: Христианская литература, 2003.
Кропоткин П.А. Записки революционера. –М.: Наука, Ч. 6, 1966.
Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка. –М.: Славянский дом книги, 2014.
Шаховский В.И. Лингвистическая теория эмоций: монография. –М.: Гнозис, 2008.

Анастасьева И.Л.
МГУ имени М.В. Ломоносова
г. Москва (Россия)

Anastasyeva Irina
Lomonosov Moscow State University
Moscow (Russia)

«ПОЛУЗАБЫТАЯ ЛЕГЕНДА» РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

«ALMOST FORGOTTEN LEGEND» OF THE RUSSIAN LITERATURE

В статье исследуется отношение писателей Серебряного века к личности и творчеству И.С. Тургенева, «полузабытой легенде», по определению Д. Мережковского, на рубеже XIX-XX веков. Исследователи, принадлежавшие периоду Серебряного века, интерпретировали значение этой личности в истории русской литературы и культуры в традициях модернистской эстетики: с их точки зрения, важнейшее достоинство его произведений, помимо прочих, проявилось в теме любви (плотской и платонической) как в его произведениях, так и в отношениях с Полиной Виардо. В этом чувстве писатели рубежа XIX-XX веков усматривали проявление идеи Вечной Женственности.

The article deals with the attitude of the writers of the Silver Age at the turn of the XIX-XXth centuries to the personality and works of I.S. Turgenev, "half-forgotten legend" (D. Merezhkovsky). The Silver Age writers interpreted the significance of his personality in the history of the Russian literature and culture from the point of view of the modern aesthetics: they believed that the most important aspects of his works — among others — is manifested in love (both carnal and platonic) which was the significant part both of his novels and his relations with Pauline Viardot. Writers of the turn of the XIX-XXth centuries saw in this sense the manifestation of the idea of the Eternal Feminine.

Ключевые слова: И.С.Тургенев, Д.С.Мережковский, В.В.Розанов, Полина Виардо, Вечная Женственность.

Keywords: I. Turgenev, D.S. Merezhkovsky, V.V. Rozanov, Pauline Viardot, Eternal Feminine.

«Тургенев, говорят, устарел», — такими печальными словами начинает свою статью 1909 года Д.С. Мережковский [Мережковский, 1995, с. 475]. С еще большим отчаянием он воскликнет в 1914 году: «Тургенев забыт, не нужен, ничтожен по сравнению с Л. Толстым и Достоевским. Такова еще робкая, не сказанная, но уже у многих шевелящаяся мысль» [Мережковский, 1996, с. 623]. Еще одно литературное свидетельство о «беспамятстве» своего поколения оставил нам Сергей Аркадьевич Андреевский, русский поэт, критик и судебный оратор. «Имя Тургенева переживает кризис, — пишет он. — По нынешним временам Тургенев представляется читателю несколько слащавым, искусственным и манерным, несмотря на поучительную простоту его языка и его художественное стремление к правде. Вкусы "опростились", и вечная красота теперь не в почете. Из всех отзывов о Тургеневе, характеризующих современное отношение к нему, мне показался наиболее выразительным отзыв В.В. Стасова в беседе со мною: "Тургенев, — сказал мне господин Стасов, — это персик, а не бифштекс", разумея под бифштексом,

очевидно, Льва Толстого и Эмиля Золя. В сущности, к этому реалистическому парадоксу и сводятся все недоразумения насчет Тургенева» [Андреевский, 1891]. В небольшой статье 1898 года «Город Тургенева» он опишет свое посещение европейского пристанища писателя — Баден-Бадена, в котором тот долго жил в собственной вилле; города, в подробностях воспроизведенного в романе «Дым» и полностью утратившего следы пребывания русского литератора.

Досадно, что Мережковскому, знаменитому писателю Серебряного века, по прошествии нескольких лет после выхода первых статей (в 1892 году), звучавших в той же тональности, все еще приходится напоминать читателям и своим собратьям по перу о важной роли, сыгранной этим западником (не в бранно славянофильском значении), а точнее, этим русским европейцем (если помнить, с каким энтузиазмом Тургенев воспринял речь почвенника Ф.М. Достоевского о Пушкине), — в истории российской литературы и культуры. Если и пишут о Тургеневе, подчеркивает он, то получается какая-то «уродливая куколка, пустая кожица, из которой вылетела бабочка» [Мережковский, 1996, с. 624]. Та мысль, что Тургенева не просто стали замалчивать, а подменять, вытеснять с литературного Олимпа «двумя исполинскими кариатидами русской литературы — Л. Толстым и Достоевским» [Мережковский, 1995, с. 475], и вовсе звучит обескураживающе. А между тем, он, по справедливому замечанию Мережковского, — «гений культуры».

Не менее прославленный, в сравнении с Мережковским, философ рубежа XIX-XX веков Василий Розанов сетует по тому же поводу: «Имя Тургенева без вражды, без полемики, без ясных причин, тихо замерло в сознании живущего сейчас поколения. Мало кого называли так редко, как его, в литературе, в беседах истекших двух десятилетий» [Розанов, 1995, с. 138]. Впрочем, отношение к нему, как к великому литератору, не менялось со дня его смерти, однако осознание того, что с уходом этого человека завершилась целая культурная эпоха, растворился и выветрился ее аромат, посещало малое количество умов, убежден Розанов. Заслуга Тургенева, прежде всего, в том, что он сумел привнести в литературу русский дворянский дух, обрисовать и воплотить в своих текстах неповторимый, а потому драгоценный национальный облик образованного человека XIX века, хотя при этом сам презирал барство и крепостничество.

В новую эпоху модернистских устремлений художественные открытия писателя нашли свое отражение в эстетических поисках поэтов Серебряного века. Уже избитой, хотя и правдивой мыслью, особенно в наше время, звучат слова об исключительной выразительности, красочности, точности тургеневского языка; но мало кто при этом подмечал его «излишнюю неподвижность», статичность, отсутствие изящного порыва,

великолепия. «Язык его равно хорош везде, но не имеет в себе вершин», — подчеркивает Розанов [Розанов, 1995, с. 139]; в этом он, пожалуй, действительно уступает Толстому и Достоевскому, речь которых не настолько филигранна, разнообразна, но в минуты эмоционального напряжения может достигать беспредельных высот. Однако в этой ровности повествования, спокойствии прячется изумительная мудрость писателя, не позволявшего упадническим идеям овладевать его сознанием и поэтому не пытавшегося и читателя заражать постулатами декадентствующих представителей молодого поколения и травить публику болезненными строками, порожденными безумным сознанием, наподобие героев Достоевского.

Безусловность тургеневского влияния на писателей рубежа XIX-XX веков обнаруживается и в теме любви, в особенности — в передаче чувства несчастного, неразделенного, меланхолического. Здесь наиболее близко, как нам кажется, к нему приблизился Иван Бунин, в творчестве которого мы найдем и строки о разочаровании в страстных переживаниях, как в «Митиной любви», и в изображении любви рыцарской, романтически возвышенной. А такая невозможна в жизни супружеской, убеждены и Бунин, и Тургенев, поэтому мы не натолкнемся в их романах и повестях на описание размеренной, спокойной, вяло текущей жизни семьи. Розанов подмечает привлекательные образы тургеневских девушек — и при этом ни одного очаровательного лица матери, полное отсутствие изображения «особого старческого идеализма», характерного для героинь и героев Толстого и Гончарова: «все умное и прекрасное содержится только в людях до 35-ти лет, которым старшие только мешают жить» [Розанов, 1995, с. 143]. Но кто знает, кому лучше удастся выступать в роли учителей и наставников молодежи, вступающей в жизнь, познающей сокровенные тайны любовных переживаний и рыцарского преклонения перед возлюбленной, — толстовским старикам, носителям деревенской мудрости и знания о буддийской нирване, или тургеневским персонажам, окруженным ароматом любви, а точнее, — влюбленности, придавшей текстам разнообразие чувств и настроений? «<...> именно Тургенев сделался у нас певцом чистой, высокой любви к женщине, благоговения к ней. И, воспев столько "историй любви", он ни одной не довел до конца. Все любви бесплотные, без результата. <...> Сам не зная того, он, в сущности, везде говорит о монашеской любви, аскетической любви, самоотверженной любви, самоотрицающейся любви», — в этих строках из статьи, посвященной привязанности Виардо и Тургенева, а точнее — Тургенева к Виардо [Розанов, 1995, с. 440], Розанов обозначит чувствительную для символистов тему эроса, воссоединения плотского и духовного, земного и небесного, языческого и христианского, трансцендентного и позитивистского, актуального для того времени, когда

интеллигентское свободомыслие переживало духовный кризис и возникла потребность в реформации научных воззрений на природу и человека. Христос и Дионис более не разъединялись, как это было у Ницше, а превращались в цельного, единого, воскресающего своей дионисийской, оргийной сутью. Подобные умонастроения модернистов требовали от них реабилитации плоти, не противопоставленной духу, а всецело спаянной с ним. «Платоновский "Эрос" — лишь смутное предчувствие христианства в самом язычестве», — скажет Мережковский [Мережковский, 1996, с. 630]. Поэтому-то отношения Тургенева и Виардо так волновали Розанова — не их физиологически-интимной стороной, не в форме праздного любопытства и пошлого копания, а их феноменологической сущностью.

Чувство Тургенева к Виардо не переросло в привычку, как это часто происходит при долгом знакомстве или даже браке. Он мог влюбляться, например, в баронессу Вревскую, и следы чувственного влечения сохранились в письмах, но «во всех бесчисленных письмах (к Виардо — И.А.), самых интимных, ни одного физического штриха, ни одного чувственного пожелания» [Розанов, 1995, с. 539]. Тургенев не замечал некрасивости Виардо, не мог сказать, добра ли она, он просто молился на нее, преклонялся перед ней, как перед Прекрасной Дамой. Глядя на нее, он невольно догадывался о язычестве, прозревал его, как прозревает «невидимое небо» христианин. Языческая любовь у обоих проявлялась в деторождении, небесная — в отношении друг к другу. Воспевший Прекрасную Даму, Тургенев сам — «вечный жених», полагает Розанов. В его платоновскую Афродиту, созданную по образу и подобию Божьему (идея плоти), Бог вдохнул бессмертную душу (идея духа).

Несколько иначе проявление вечноженственного начала в Тургеневе видит Мережковский. Оно воплотилось не только в его творчестве, но и в самом писателе, убежден он. Тургенев — не «вечный жених». Женская читательская публика особенно ценит произведения Тургенева, не понимая, что она, эта публика, интуитивно ощущает в нем женское начало. Тонкий голос при богатырском телосложении, вялость и слабость характера, умение увидеть, описать женщину не со стороны, не внешним мужским взглядом, как это делали Гете, Шекспир, Пушкин, а изнутри, проникновенно, собственной женственной сутью — вот, что отличает тургеневский гений, по мысли Мережковского. В нем осуществилась смена рода, такая желанная для всего мира. Гностическая София Премудрость, растворившаяся в Бездне, как бы воскресает, возрождается вновь, сходит на землю, Душа Мира воплощается в андрогинном человеке.

Этот исполин часто вел себя не по-мужски: и во время пожара на пароходе, и по отношению к крепостной Фетиске, и к собственной незаконной дочери. Белинский

сравнивал его Хлестаковым, Толстой ненавидел, как, впрочем, и он Толстого, да и Достоевского не жаловал. Но эти качества слабого характера и робкой личности не отрицают, а скорее, провозглашают наличие в нем Вечной Женственности. И в человеке, и в обществе постоянно борются, враждуют, антагонистически отрицают друг друга мужское и женское начало. Торжество маскулинного начала в истории древнего Рима, в истории варваров чуть не стало причиной гибели мира. Если Запад воплощает собой мужское начало, то Вечная Женственность явлена в России. Она же проявилась и во влюбленности Тургенева к Виардо. Эта влюбленность, пишет Мережковский, требует *«утверждения абсолютной личности в поле. Влюбленность хочет брака, соединения любящих, но иного брака, иного соединения, чем то, которое может дать обладание телесное, и, только изнемогая, изменяя себе, падает в брак»* [Мережковский, 1996, с. 629]. Влюбленность Тургенева и Виардо — это воспоминание души о жизни небесной, о жизни до рождения и после ухода из нее. Поэтому-то их чувства платонические, ибо любовь, переросшая в страсть чувственную, не может способствовать истинному перерождению плоти. Нынешняя органическая материя, воплощенная в человеческом теле, не есть образец будущей плоти, в которой воскреснет человек после смерти и в которой предстал перед учениками Иисус Христос в книге Мережковского «Иисус Неизвестный». Стремление реабилитировать плоть не сводилось философом к наивным попыткам утвердить ее нынешнее материальное значение, в его представлении она должна была метафизически переродиться и воскреснуть одновременно с духом. Впрочем, не только Мережковский был певцом плоти в своих религиозно-философских изысканиях, целая плеяда писателей-символистов видела в себе самих персонифицированный символ, ненадолго явившийся из «реальнейшей из реальностей», из мира трансцендентного в мир земной, чтобы принести человечеству великую правду божественных предназначений. В отношениях Тургенева и Виардо Мережковский искал отражение собственного брака с Зинаидой Гиппиус. Вл. Соловьев с мистическим чувством к Вечной Жене, А. Блок, принесший глубокие страдания вполне земной женщине — Любви Менделеевой, сестры Гиппиус и Карташев — все эти союзы могли бы претендовать на роль двойников в истории Тургенева и Виардо, на брак Христов, но не христианский, по определению Мережковского.

Тургеневские девушки видятся Мережковскому не земными, не плотскими, а призрачными, как в его «Призраках». Этим философ объясняет проявление тяги писателя к мистике — той мистике, за которую современники жестоко его критиковали, указывает на возможность «расширения художественной впечатлительности», к чему Мережковский призывал и современных ему литераторов. Поэт и переводчик, историк литературы Петр

Исаевич Вейнберг написал весьма злобную, хотя и забавную эпиграмму «И.С. Тургеневу» на его рассказ «Собака», в котором герой (названный Н. Страховым «пошляком-помещиком») повествует о фантастических приключениях, происшедших с ним в жизни, и о столь же счастливом избавлении от своих злосчастий, в чем ему помог его Трезор:

Я прочитал твою «Собаку»,
И с этих пор
В моем мозгу скребется что-то,
Как твой Трезор.
Скребется днем, скребется ночью,
Не отстает
И очень странные вопросы
Мне задает:
«Что значит русский литератор?
Зачем, зачем
По большей части он кончает
Черт знает чем?» [Меланхолик: 1866, с. 100]

Рассказ не понравился ни Л. Толстому, ни Достоевскому, ни позднее — Н.К. Михайловскому и В. Брюсову; высоко его оценили А. Чехов и Мережковский, отозвавшийся о нем в лекции "О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы", прочитанной в Петербурге в конце 1892 года и опубликованной в 1893 году. Тургенев, по определению Мережковского, — «властелин полуфантастического, ему одному доступного мира <...> Вот где неподражаемый, оригинальный Тургенев, сам себе не знающий цены, вот где он царь обаятельного мира. Здесь комизм, уродство бытовых типов, людская пошлость служат ему только, чтобы отметить красоту фантастического» [Мережковский, 1995, с. 538-539]. Героини этих мистических новелл — барышни, которых не существовало в реальной жизни, — нужны автору, чтобы отдохнуть от навязчивых, злободневных социальных тем и от пошлости современной ему реальности. Такую же сверхъестественную жизнь писатель наблюдает в природе, — не созерцая, не наблюдая ее сторонним взглядом, а язычески растворяясь в ней, органически принадлежа ей, чудотворно произнося ей поэтические заклинания.

Конечно, надо иметь в виду, что писатели Серебряного века, в частности, Д.С.Мережковский, пытались интерпретировать творческую манеру и содержание произведений Тургенева по-своему. «Мережковский всегда строит из чужого материала, но с чувством родного для себя. В этом его честь и великодушие», — не раз восклицал Розанов [Розанов, 1990, с. 68]. Для нас не так важно, насколько плодотворной оказалась

идея писателей Серебряного века ассимилировать творчество И.С. Тургенева в новых эстетических условиях модернистской эпохи, действительно ли Тургенев стоял у истоков мистического сознания, во всей силе проявившегося в произведениях символистов, была ли любовь Тургенева к Виардо покрыта эмблематической завесой Вечной Женственности. Существенно лишь то, что «неподражаемый, оригинальный Тургенев, сам себе не знающий цены, <...> царь обаятельного мира» [Мережковский Д.С.: 1995, с. 539] в своем творчестве выразил те идеи, которые обогатили русскую литературу новым содержанием, способствовали зарождению гармонии в культуре, пока еще переживавшей тяжелый кризис, спровоцированный антиэстетическим периодом господства шестидесятников XIX века, подготовил почву для рождения новой идеальной поэзии, поэтому и был так высоко оценен лучшими писателями-модернистами.

Список литературы:

- Андреевский С.А.* Тургенев. Его индивидуальность и поэзия. [Электрон. ресурс] // Андреевский С.А. Тургенев. Его индивидуальность и поэзия. — 1891. — Режим доступа: http://dugward.ru/library/andreevskiy_s_a/andreevskiy_turgenev.html
- Андреевский С.А.* Город Тургенева. [Электрон. ресурс] // Андреевский С.А. Литературные очерки. — 1898. — Режим доступа: <https://www.litmir.me/br/?b=285540&p=2>
- Меланхолик (Вейнберг П.И.) И.С. Тургеневу // Будильник. 1866, №25, 12 апреля. с.100.
- Мережковский Д.С.* Тургенев. // Мережковский Д.С. Л. Толстой и Достоевский. Вечные спутники. — М.: Республика, 1995. С.475-479.
- Мережковский Д.С.* О причинах упадка и о новых литературных течениях современной русской литературы. // Мережковский Д.С. Л. Толстой и Достоевский. Вечные спутники. — М.: Республика, 1995. С.522-560.
- Мережковский Д.С.* Памяти Тургенева. [Электрон. ресурс] // Мережковский Д.С. Памяти Тургенева. — 1893. — Режим доступа: http://dugward.ru/library/merejkovskiy/merejkovskiy_pamyati_turgeneva.html
- Мережковский Д.С.* Поэт Вечной Женственности <И.С.Тургенев> // Мережковский Д.С. Вечные спутники: Роман. Стихотворения. Литературные портреты. Дневник. — М.: Школа-Пресс, 1996. С. 623-632.
- Розанов В.В.* О памятнике Тургеневу. // Розанов В.В. — М.: Республика, 1995. с.294-296.
- Розанов В.В.* Ив. С. Тургенев (К 20-летию его смерти). // Розанов В.В. — М.: Республика, 1995. с.138-145.
- Розанов В.В.* Виардо и Тургенев. // Розанов В.В. — М.: Республика, 1995. с.437-443.
- Розанов В.В.* Загадочная любовь (Виардо и Тургенев). // Розанов В.В. — М.: Республика, 1995. с. 536-545.
- Розанов В. В.* Уединенное // Розанов В. В. Сочинения. М., 1990. С.68.

Артемяева Ю.В.

Разыграева С.А.

Российский государственный социальный университет
г. Москва (Россия)

Явари Ю.В.

Тверской государственный технический университет
г. Тверь (Россия)

Artemyeva Julia

Razygraeva Sophya

Russian State Social University
Moscow (Russia)

Yavary Julia

Tver State Technical University
Tver (Russia)

РОЛЬ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ РЕАЛИЙ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ И.С. ТУРГЕНЕВА

THE ROLE OF LANGUAGE PERSONALITY IN TRANSLATION OF REALIAS OF WORKS BY IVAN TURGENEV

В статье кратко описываются промежуточные результаты исследования языковой личности переводчика. Авторы сравнивали переводы одних и тех же произведений разными переводчиками, иногда наблюдая зависимость качества перевода от гендерной идентификации переводчика. Однако данный факт ещё требует своего окончательного обоснования. Авторы статьи считают, что в любом случае, переводчику необходимо учитывать интенцию автора, поэтому наличие реалий в дискурсе намного усложняет решение переводческой задачи – адекватно и полноценно перевести произведение. Поиск методов и приёмов сопряжён с методом проб и ошибок. Используя опыт перевода и опираясь на знание экстралингвистических факторов, можно достичь адекватного перевода.

The article covers intermediate results of research of language personality of translator. The authors compared the translations of the same fiction works done by different translators, sometimes observing the dependence of quality of translation on gender identification of translator. However this fact is still requires its final foundation. The authors consider that in any case the interpreter is to take into account the intention of the original text; therefore the presence of realias in the discourse complicates the solution of task of adequacy in translation very much. The search of translation methods is connected with the trial-and-error method. Using the experience of translation and knowledge of extralinguistic factors it's possible to help us to achieve adequacy in translation.

Ключевые слова: переводчик, языковая личность, языковая культура, гендерная идентификация, интенция автора, дискурс, метод проб и ошибок, экстралингвистический фактор, реалия, адекватность в переводе.

Keywords: a translator; language personality; language culture; gender identification; author's intention; a discourse; the trial-and-error method; an extralinguistic factor; a realia; the adequacy in translation.

Творчество И.С.Тургенева всегда представляло интерес для западной читающей публики, поэтому его произведения активно переводились на разные языки. Во второй

половине 19 века французской и английской читающей публике стало известно содержание романа «Записки охотника». Француз Эрнест Шарьер был одним из первых переводчиков произведений Тургенева, однако результатом его деятельности стало вольное переложение романа русского писателя, начиная с названия «Воспоминания русского помещика» - «М» – «Mémoires d'un seigneur russe». Именно эта интерпретация впоследствии легла в основу первого перевода на английский язык, выполненного Джеймсом Майклджоном в 1855 году. Однако возможность составить более полное представление о творчестве И.С. Тургенева у зарубежных читателей появилась лишь в начале XX века благодаря трудам именитой английской переводчицы Констанс Гарнетт.

Неиссякаемый интерес иностранных читателей к работам И.С. Тургенева привел к появлению новых переводов произведений классика. Так, например, в 1967 году Ричард Фриборн [Richard Freeborn, 1990] представил на суд читателей свою интерпретацию книги «Записки Охотника» известного русского писателя. Этот перевод, как и более ранний, выполненной Констанс Гарнетт выступили в качестве материала изучения и сопоставления.

Наша цель – определить влияние гендерной принадлежности переводчика на точность перевода реалий с русского на английский язык. Методом сплошной выборки из 7 рассказов из цикла «Записки охотника» был отобран ряд реалий разных семантических категорий. Ниже приведены наиболее показательные, на наш взгляд, примеры и комментарии к ним.

Пример 1.

<p>Оригинал В качестве охотника посещая Жиздринский <i>уезд</i>, сошелся я в поле и познакомился с одним калужским мелким помещиком, Полутыкиным, страстным охотником и, следовательно, отличным человеком.</p>	<p>Перевод (Констанс Гарнетт) On a visit to the Zhizdrinsky <i>district</i> in search of sport, I met in the fields a petty proprietor of the Kaluga province called Polutikin, and made his acquaintance. He was an enthusiastic sportsman; it follows, therefore, that he was an excellent fellow.</p>	<p>Перевод (Ричард Фриборн) While out hunting in the Zhizdra <i>region</i> I became acquainted with a small Kaluga landowner, Polutykin, also a passionate hunter and, consequently, an excellent fellow.</p>
---	--	---

Оба перевода являются адекватными, однако функциональный аналог, предложенный К. Гарнетт, является более точным, так как лексема «district», согласно данным представленным онлайн-словарем Dictionary.com означает «a region defined for an administrative purpose», что по смыслу наиболее близко к русской реалии «уезд».

Пример 2.

Оригинал Мы отправились к нему. Посреди леса, на расчищенной и разработанной поляне, возвышалась одинокая <i>усадыба</i> Хоря.	Перевод (Констанс Гарнетт) We went in that direction. In a well-cultivated clearing in the middle of the forest rose Hor's solitary <i>homestead</i>	Перевод (Ричард Фриборн) We set off for his place. Khor's isolated <i>settlement</i> stood amid woodland in a clearing that had been given over to cultivation.
--	--	--

Мы полагаем, что перевод, выполненный Ричардом Фриборном, в данном случае, неточным, так как он не только не передает смысл оригинала, но и искажает его изначальный смысл. Понятие «усадыба» предполагает наличие сложного архитектурного комплекса и парковых территорий, что не коррелирует с образом, вызванным в сознании читателя лексемой «settlement» («A place, typically one that has hitherto been uninhabited, where people establish a community».)

Пример 3.

Оригинал	Перевод (Констанс Гарнетт)	Перевод (Ричард Фриборн)
Ермолай принадлежал одному из моих соседей, <i>помещику</i> старинного покрыя.	Yermolai belonged to one of my neighbours, a <i>landowner</i> of the old style.	Yermolay belonged to one of my neighbours, a <i>landowner</i> of the old school.

В данном случае переводчики едины в своем мнении, и на наш взгляд, предложенный вариант перевода является адекватным.

Пример 4.

Оригинал Лет двадцать пять тому назад <i>изба</i> у него сгорела.	Перевод (Констанс Гарнетт) Twenty-five years ago his <i>cottage</i> was burnt down.	Перевод (Ричард Фриборн) About fifteen years ago his <i>hut</i> burned down
---	---	---

На наш взгляд, наиболее точным вариантом является функциональный аналог, подобранный Ричардом Фриборном, так как понятие «hut» наиболее ясно дает читателю понять уровень жизни крестьян того времени.

Проведённый анализ вариантов перевода русских реалий на английский язык показал, что перевод, выполненный женщиной, в большинстве своём более точный, тогда как варианты перевода, предложенные мужчиной – более обобщённые.

Многие исследователи отмечают значительные трудности, связанные с переводом реалий, некоторые же утверждают, что данные лексические единицы вообще не поддаются переводу. Например, С. И. Влахов и С. П. Флорин считают понятие «перевод реалий» дважды условным, поскольку «реалия, как правило, непереводаема (в словарном порядке) и опять-таки, как правило, она передается (в контексте) обычно не путем перевода» [Влахов, Флорин, 2009, с. 77]. Иржи Левый относит реалии к крестным мукам переводчика (*crucis translatorum*) [Левый, Иржи, 1974, с. 149], а Л. Н. Соболев, говоря о непереводаемости, отмечает, что «именно реалии, как правило, непереводаемы» [Соболев, 1952, с. 281]. Однако существует и другое мнение по поводу переводимости реалий, которого придерживается А. В. Федоров, отрицающий существование слова, «которое не могло бы быть переведено на другой язык, хотя бы описательно, т. е. распространенным сочетанием слов данного языка» [Федоров А. В., 1968, с. 182].

При работе с реалиями переводчика поджидают две основные трудности: отсутствие в переводящем языке, языке перевода, (ПЯ) точного однословного соответствия переводимой реалии из-за того, что в культуре и быте носителей языка перевода нет обозначаемого данной реалией объекта, т. е. самого референта, и необходимость не только передать предметное значение реалии, но и сохранить её национальный и исторический колорит.

Болгарские лингвисты, теоретики и практики перевода, С.И. Влахов и С.П. Флорин, обобщая, сводят способы передачи реалий в переводе к двум основным: транскрипции и переводу (в широком смысле слова) [Влахов, Флорин, 2009, с. 83]. Учитывая различные разновидности перевода, можно отметить, что Влахов и Флорин указывают на следующие способы передачи реалий на ПЯ: транскрипция; транслитерация; калькирование; полукалька; освоение; создание семантического неологизма и различные виды перевода (уподобляющий, описательный, контекстуальный); родовидовая замена; замена реалии ИЯ на реалию ПЯ [Влахов, Флорин, 2009, с. 89], В.С. Виноградов называет так же, как и болгарские лингвисты, транскрипцию и транслитерацию, гиперонимический перевод, уподобление, перифрастический перевод и калькирование в качестве способов перевода реалий [Виноградов, В. С., 2009, с. 118–120].

При сравнении переводов романа И.С. Тургенева «Дворянское гнездо» [Тургенев, 1974] на английский [Ivan Turgenev, 1951] и немецкий [Iwan Turgenjew, 1947] языки можно отметить, что переводчики используют практически весь арсенал способов и средств передачи реалий на другой язык, причем частотность употребления того или иного способа является различной не только в переводах на английский и немецкий, но и

при передаче реалий на какой-то один из данных языков переводчики отдают предпочтение определенному способу. Эти расхождения обусловлены индивидуальностью переводчика, его личными предпочтениями и особенностями лексического состава переводящего языка. Так, например, оба переводчика используют транскрипцию. В большинстве случаев использования транскрипции при передаче реалий на английский язык речь идет о "словарной", или "постоянной" [Явари, 2017, с. 222] транскрипции, т. е. о лексических единицах, освоенных ПЯ, которые когда-то были заимствованы из ИЯ при помощи транскрипции, заняли свое место в лексическом составе ПЯ и отражены в словарях. Примером такой "словарной" транскрипции может служить *muzhik* [Ivan Turgenev, 1051, с. 9] (a Russian peasant [Concise Oxford Dictionary, 1995, с. 899]). Наличие в ПЯ данной лексической единицы значительно облегчает задачу переводчика, в то время как из-за отсутствия в немецком языке заимствованной транскрибированной лексической единицы переводчику приходится прибегнуть к эквиваленту, который можно рассматривать как гиперонимический перевод – *Bauer* (крестьянин) [Iwan Turgenjew, 1947, с. 7]. "Словарная" транскрипция используется обоими переводчиками при передаче русской меры длины "верста" – *Verst* [Ivan Turgenev, 1951, с. 7] и *Werst* [Iwan Turgenjew, 1947, с. 6] соответственно. Говорить о словарной транскрипции в данном случае дает право не только отражение данной лексической единицы в словарях: *verst* – a Russian measure of length, about 1.1 km (0.66 mile) [Concise Oxford Dictionary, 1995, с. 1558; 11], но и форма множественного числа *versts*, образованная по правилам грамматики английского языка при помощи окончания *-s*. Название русской денежной единицы *рубли* так же передается при помощи транскрипции – *rubles* (англ.) [Ivan Turgenev, 1951, с. 17] и *Rubel* [Iwan Turgenjew, 1947, с. 16]. При помощи "словарной" транскрипции оба переводчика передают название русского национального напитка "квас" – *kvass* (англ.) [Ivan Turgenev, 1951, с. 71] и *Kwaß* (немец.) [Iwan Turgenjew, 1947, с. 82], однако для передачи названия другого напитка – водка переводчики выбирают различные способы: переводчик на английский выбирает транскрипцию *vodka* [Ivan Turgenev, 1951, с. 42], а переводчик на немецкий использует лексическую единицу *Schnaps* [Iwan Turgenjew, 1947, с. 48], что можно рассматривать и как замену реалии ИЯ на реалию ПЯ, и как использование эквивалента, поскольку электронный словарь AbbyLingvo x5 предлагает нем. *Schnaps* как эквивалент русск. *водка* [Электронный словарь].

"Переводческую" транскрипцию, т. е. транскрипцию, которую вводит переводчик именно при переводе данного произведения и которая, наиболее вероятно, в дальнейшем не появится при переводе других произведений другими переводчиками, а также не

войдет в словарный состав ПЯ, найдя свое отображение в словарях данного языка [Явари, 2017, с. 222], оба переводчика практически не используют, возможно из-за необходимости давать пояснения. Исключение составляет лишь передача названия меры земли *четверть*. Переводчик на английский использует "переводческую" транскрипцию – *chetvert (of land)* [Ivan Turgenev, 1951, с. 30], а переводчик на немецкий заменяет русскую реалию четверть другой русской реалией, тоже обозначающей меру земли – *десятина*, которую так же, как и его коллега, транскрибирует – *Desßjatine Land* [Iwan Turgenjew, 1947, с. 32]. Ни один из переводчиков не приводит пояснения, однако в данном случае это и необязательно, поскольку читатели переводов из-за присутствия в тексте переводов слов *land* (англ.) *Land* (немецк.) понимают, что речь идет о некоей единице измерения земли, а ее размер ни для развития сюжета произведения, ни для общего понимания читателями текста не является решающим. Иногда, при отсутствии в ПЯ эквивалента, для передачи одной и той же реалии переводчики прибегают к различным способам, так, например реалию *курная изба* (изба, отапливаемая печью без трубы [Тургенев, 1974, с. 5]) переводчик на немецкий передает описательно: *Hütte ohne Rauchfang (хижина без дымохода)* [Iwan Turgenjew, 1947, с. 7], а переводчик на английский использует функциональный аналог: *ramshackle hut (ветхая хижина)* [Ivan Turgenev, 1951, с. 9].

Рассказывая об образовании дворянских детей, И.С. Тургенев упоминает некоторые реалии того времени. Так, например, он упоминает, что одна из героинь провела несколько лет в институте [Тургенев, 1974, с. 4]. Русскоязычные читатели, знакомые с образом жизни XIX века, понимают, что речь идет об институте благородных девиц, учебном заведении для дочерей из дворянских семей. Несмотря на то, что автор упоминает просто "институт", без каких-либо уточнений, переводчики и на английский язык, и на немецкий стараются донести до своих читателей назначение и уровень учебного заведения, причем переводчик на английский язык использует описательный перевод: *ladie's institute* [Ivan Turgenev, 1951, с. 7], вводя англоязычную *реалию ladies* для обозначения "благородных девиц", а переводчик на немецкий язык выбирает дословный перевод: *Institut für adlige Töchter* [Iwan Turgenjew, 1947, с. 5] (институт для благородных дочерей). Другая героиня романа по окончании института получила *шифр* (знак отличия в виде вензеля царицы – высшая награда отлично окончившим курс институткам [Тургенев, 1974, с. 42]). Значение данного слова в связи с традицией награждения переводчики передают при помощи различных способов: переводчик на английский язык использует дословный перевод – *received her cipher* и приводит пояснение в сноске в низу страницы: *a mark of distinction in the shape of monogram a gold with the royal cipher* [Ivan Turgenev, 1951, с. 51], а переводчик на немецкий выбирает гиперонимический перевод: ...

hat eine Auszeichnung bekommen (получила награду) [Iwan Turgenjew, 1947, с. 57]. Еще один герой романа учился в университете и окончил его с *чином действительного студента* [Тургенев, 1974, с. 10] низшая учёная степень в дореволюционной России. Присваивалась лицам, закончившим университет без отличия [Он-лайн словарь]), передавая данное понятие на английский язык, переводчик использует функциональный аналог – *degree of bachelor* [Ivan Turgenev, 1951, с. 15] (степень бакалавра), при передаче на немецкий язык переводчик дает дословный перевод: *der Grad eines "wirklichen Studenten"* [Iwan Turgenjew, 1947, с. 14], таким образом, читатели английского перевода получают более полное представление о полученном героем образовании и его успехах в этой области. В данном случае дословный перевод имел бы право на существование, если бы он сопровождался пояснением.

С точки зрения передачи на другой язык, интересно сравнить переводы на английский и немецкий языки устойчивого русского выражения "не заплатил ни копейки", содержащего реалию *копейка*, и, хотя при передаче названия другой денежной единицы *рубли* переводчик на английский язык использовал транскрипцию – *rubles* [Ivan Turgenev, 1951, с. 17], при переводе данного выражения, делает выбор в пользу замены реалии ИЯ *копейка* реалией ПЯ: *farthing* [Ivan Turgenev, 1951, с. 20], а переводчик на немецкий использует транскрипцию: *Kopeke* [Iwan Turgenjew, 1947, с. 20].

Реалия *степной барин* [Тургенев, 1974, с. 25] на английский язык передается описательно – *Landowner of the steppes* [Ivan Turgenev, 1951, с. 31], а при переводе на немецкий имеет место сочетание дословного перевода с заменой реалии *барин* на *барон* – *Steppenbaron* [Iwan Turgenjew, 1947, с. 32]. Такая реалия как *души* в качестве единицы измерения количества крепостных крестьян английский язык передается как *serfs* (*крепостные*) [Ivan Turgenev, 1951, с. 31], а на немецкий язык – как *Seelen*, т. е. дословно и сопровождается пояснением переводчика *Während der Leibeigenschaft im alten Rußland wurden die leibeigenen Bauern auch als "Seelen" gezählt. (Во время крепостного права крепостные считались "душами")* [Iwan Turgenjew, 1947, с. 33].

Названия слуг, представленные в романе, можно разделить на две группы: прислуга, характерная для различных стран (дворецкий, приказчик, лакей) и прислуга, встречающаяся только в России: казачок, девка, т. е. служанка из крепостных крестьян, люди (общее название прислуги в барском доме). Для передачи названий прислуги первой группы переводчики пользуются эквивалентами, имеющимися в ПЯ: *дворецкий* [Тургенев, 1974, с. 37] – *butler* (англ.) [Ivan Turgenev, 1951, с. 45] и *Haushofmeister* (нем.) [Iwan Turgenjew, 1947, с. 50], для передачи названий типично русских слуг из второй группы переводчики используют описательный или гиперонимический перевод: казачок

[Тургенев, 1974, с. 6] (старинном дворянском быту – мальчик-слуга, одетый в казакин или черкеску. [Он-лайн словарь]) – *Servant boy* (англ.) [Ivan Turgenev, 1951, с. 10] и *kleine Bediente* (нем.) – *маленький слуга* [Iwan Turgenjew, 1947, с. 8], лексическую единицу люди [Тургенев, 1974, с. 34], обозначающую прислугу, оба переводчика передают посредством перевода денотата – *servants* (англ.) [Ivan Turgenev, 1951, с. 42] и *Dienstpersonal* (нем.) [Iwan Turgenjew, 1947, с. 46]. В случае с реалией девка (должность молодой крепостной крестьянки) оба переводчика используют эквиваленты ПЯ – *wench* (англ.) [Ivan Turgenev, 1951, с. 38] и *Madg* (нем.) [Iwan Turgenjew, 1947, с. 42], имеющие в обоих ПЯ значения и "девушка" и "служанка" [Электронный словарь].

Названия различных должностей и сословий, характерных для того времени на английский и немецкий языки передаются либо при помощи эквивалентов, существующих в ПЯ: *статский советник* [Тургенев, 1974, с. 5] – *Councillor* (англ.) [Ivan Turgenev, 1951, с. 10] и *Staatsrat* (нем.) [9, с. 8]; губернский *прокурор* [Тургенев, 1974, с. 3] – *prosecutor of the gubernia* (англ.) [Тург Англ, с. 7] и *Gouvernementsstaatsanwalt* (нем.) [Iwan Turgenjew, 1947, с. 5]; *штабс-ротмистр* [Тургенев, 1974, с. 9] – нем. *Stabsrittmeister* [Iwan Turgenjew, 1947, с. 14] или описательно: *попович* [Тургенев, 1974, с. 5] – *son of a village priest* (англ.) [Ivan Turgenev, 1951, с. 10] и *Popensohn* (нем.) [Iwan Turgenjew, 1947, с. 8]; *ремонтёр* (в дореволюционной русской армии – офицер, уполномоченный производить закупку лошадей по вольным ценам для ремонта, т. е. для пополнения убыли лошадей в войсках [Тургенев, И.С., 1974, с. 9] – *Army contractor* (англ.) [Ivan Turgenev, 1951, с. 13] и *Pferdehändler* (нем.) [Iwan Turgenjew, 1947, с. 12]. Название должности "чиновник по особым поручениям" [Тургенев, 1974, с. 9] передается при помощи дословного перевода – *Civil servant acting on special commissions* (англ.) [Ivan Turgenev, 1951, с. 14] и *Beamter für besonderen Verwendungen* (нем.) [Iwan Turgenjew, 1947, с. 13].

В последние десятилетия в современной лингвистике обнаруживаются две взаимосвязанные, чётко прослеживаемые тенденции: экспансионизм и антропоцентризм. Первую направленность можно охарактеризовать широким применением междисциплинарного подхода к языковым исследованиям. Вторая ставит во главу угла человека, а именно изучение языковой личности. Возникновение вышеупомянутых тенденций объясняется тем, что язык, как знаковая система, созданная человеком, не может существовать изолированно от внешних факторов, которые влияют на жизнь общества, использующего данный конкретный язык. Таким образом, языковая личность объединяет в себе социальный, исторический, психологический и культурный аспект языка.

Список литературы:

- Артемяева Ю.В., Явари Ю.В. Средства осмысления реалий в кинематографе. Языки Культуры. Перевод. 2017. № 1. с. 5-9.
- Виноградов, В. С. Перевод. Романские языки: общие и лексические вопросы. 5-е изд. М.: КДУУ, 2009. 238 с.
- Влахов, С.И., Флорин, С.П. Непереводимое в переводе. Изд. 4-е, М.: Р. Валент, 2009. 360 с.
- Левый, Иржи. Искусство перевода. М., 1974. 394 с.
- Ощепков, А. Р. «Тургенев и Запад: Восприятие творчества И. С. Тургенева во Франции и Англии XIX века». Москва. Институт русского языка им. А.С. Пушкина, Культурные константы. 2008. №3. С. 41-46
- Соболев, Л. Н. Пособие по переводу с русского языка на французский. М.: Лит. на иностр. яз., 1952. 402 с.
- Тургенев, И.С. Дворянское гнездо. Роман. М., Дет. лит., 1974. 176 с.
- Тургенев, И. С. Записки охотника. М., Махаон, 2014. 128 с.
- Федоров А. В. Основы общей теории перевода. М.: Высшая школа, 1968. 359 с.
- Явари Ю.В. Транскрипция как один из способов передачи реалий в переводе. Вестник Тверского государственного университета Серия «Филология», 2017. № 2. с. 219-224.
- Ivan Turgenev. A Nest of the Gentry. М., Издательство литературы на иностранных языках. 1951. 180 с.
- Iwan Turgenjew. Ein Adelnest. Moskau Verlag für fremdsprachige Literatur. 1947. 208 pp.
- Turgenev, I. S. A Sportsman's Sketches translated by Garnett Constance, North Charleston, CreateSpace Independent Publishing Platform, 2014. 148 pp.
- Turgenev, I. S. Sketches From A Hunter's Album, translated by Richard Freeborn, London, Published by the Penguin Group, 1990. 416 pp.
- Concise Oxford Dictionary, the 4-th ed. Oxford University Press, 1995. 1674 pp.
- Электронный словарь. AbbyLingvox5 Professional 20.
- Он-лайн словарь Academic [Электронный ресурс] URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/633735> (дата обращения 17. 02. 2018)
- English Oxford Living Dictionaries [Электронный ресурс] URL: <https://en.oxforddictionaries.com/>

Васильева С.П.
СВФУ имени М.К. Аммосова
г. Якутск (Россия)

Vasilieva Sargylana
North-Eastern Federal University
Yakutsk (Russia)

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ РЕАЛИЙ В ПЕРЕВОДЕ «ЗАПИСОК ОХОТНИКА» И.С. ТУРГЕНЕВА НА ЯКУТСКИЙ ЯЗЫК

INTERPRETATION OF ETHNOGRAPHIC REALITIES IN TRANSLATION "NOTES HUNTER" I.S. TURGENEV IN THE YAKUT LANGUAGE

В статье приводятся краткие сведения из истории якутской школы перевода, в частности, раскрывается роль П.А. Ойунского, основателя якутской советской литературы в становлении художественного перевода в республике. Также представлен перечень произведений И.С. Тургенева, переведенных на якутский язык, и данные об их переводчиках. В первую очередь, описывается творческое наследие Г.С. Тарского, чтобы читатели могли иметь представление хотя бы об ядре якутского переводного дискурса. Рассматривается специфика русских этнографических реалий в рассказах И.С. Тургенева и способы их перевода на якутский язык. Исследование проведено на материале 15 рассказов из «Записок охотника», переведенных Г.С. Тарским на якутский язык. Большинство выявленных реалий относятся к географическим: названиям птиц, растений, ландшафта. Природные реалии помогают автору воссоздать красоту родной природы, особую прелесть ружейной охоты на пернатых, силу и талант русских крепостных крестьян. Основными способами перевода являются: транслация, транскрипция, переводческая перифраза. Частотность способа транслации обусловлено отсутствием самого денотата в якутской культуре и, соответственно, в якутском языке. Прием транскрипции используется при употреблении уже знакомых переводчику русских заимствований.

The article contains brief information from the history of the Yakut school of translation, in particular, the role of P.A. Oyunsky, the founder of Yakut Soviet literature in the development of artistic translation in the republic. It also includes a list of works by I.S. Turgenev, translated into the Yakut language, and data on their translators. First of all, the creative heritage of GS Tarski is described, to give readers an idea of at least the core of the Yakut translation discourse. The specifics of Russian ethnographic realities in the stories of I.S. Turgenev and ways to translate them into the Yakut language are examined. The study was conducted on the basis of 15 stories from "Notes of the Hunter", translated by G.S. Tarski into the Yakut language. Most of the identified realities are geographical: the names of birds, plants, and landscapes. Natural realities help the author to recreate the beauty of his native nature, the special charm of hunting for birds, the strength and talent of Russian serfs. The main methods of translation are: translation, transcription, and translation periphrasis. The frequency of the method of translation is due to the absence of the denotata in the Yakut culture and, consequently, in the Yakut language. Reception of a transcription is used at the use already familiar to the translator of Russian borrowings. Transcription reception is used under/in the event of/for use of Russian borrowings already familiar/known by/to the translator.

Ключевые слова: якутская школа художественного перевода, ядро якутского переводного дискурса, перевод названия и заголовков, природные реалии, тематическая группа, транскрипция, транслитерация, переводческая перифраза.

Keywords: Yakutsk School of literary translation, the kernel of the Yakut transferable discourse, translation of names and titles, natural realities, the thematic group, transcription, transliteration, translation periphrasis.

Якутская школа перевода сформировалась в конце 19 - в нач. 20 века. Ее начало было заложено православными миссионерами, которые перевели на якутский язык до 1917 года 85 книг религиозного содержания.

Все известные якутские писатели считали делом чести перевод произведений русских классиков на родной язык, так что ядро якутского переводного дискурса составляют произведения русских классиков. В 30-40-ые годы 20 века вышли переводы рассказов и повестей А.С. Пушкина, «Школы» А. Гайдара, «Поднятой целины» (1 части) М. Шолохова, «Как закалялась сталь» Н. Островского и других произведений. И в дальнейшем талантливые писатели, известные мастера перевода продолжали с увлечением заниматься переводом прозы. Так были переведены многие произведения М. Горького, романы Л.Н. Толстого «Анна Каренина», «Война и мир», «Воскресенье», 2 часть «Поднятой целины» и «Тихий Дон» М. Шолохова, «Живые и мертвые» К. Симонова, «Путь Абая» М. Ауэзова и др.

Самыми переводимыми, бесспорно, являются произведения А.С. Пушкина. «По нашим неполным данным, в переводе произведений поэта участвовало свыше 30 лучших поэтов, прозаиков и переводчиков. В настоящее время насчитывается свыше 150 произведений А.С. Пушкина, в их числе великолепный перевод «Евгения Онегина» Джона Джангылы (1954 г., 2-е изд. – 1997г.), переводы «Бориса Годунова» в разное время осуществлены П.А. Ойунским, Н.Н. Павловым и Н.Д. Неустроевым, С.К. Дьяконовым. ... Книги переводов издавались массовым тиражом. Издано около 20 книг тиражом около 215 тыс. экз.» [Слепцов, 2008, с. 501].

В развитии якутско-русского художественного перевода неопределима роль П. А. Ойунского, писателя, выдающегося государственного и общественного деятеля, основоположника якутской советской литературы, первого якутского ученого-филолога. Якутский писатель-классик инициировал не только перевод произведений русских классиков и советских писателей, но учебной литературы для школьников, составление словарей. П. А. Ойунский поднял уровень якутского художественного перевода (и поэзии, и прозы) до уровня искусства.

Именно в школе перевода П. А. Ойунского прошел закалку Г. С. Тарский. Григорий Семенович Тарский (1908 - 1982) – заслуженный работник культуры Якутской АССР, член Союза писателей СССР и Союза журналистов СССР. Удивительно многосторонен талант этого человека: Георгий Семенович – известный, почитаемый библиограф-краевед, журналист, литературовед, критик, автор и соавтор школьных учебников и словарей, писатель-переводчик. Григорий Семенович перевел на якутский язык более 160 произведений русских и зарубежных классиков, национальных писателей,

в том числе трилогию М. Горького «Детство», «В людях», «Мои университеты», его романы «Фома Гордеев», «Дело Артамоновых», «Кавказский пленник» Л. Толстого, рассказы А.П. Чехова, «Судьбу человека» М. Шолохова, «Дерсу Узала» В.К. Арсеньева, «Сказки» Р. Киплинга, «Жан Кристофер» Р. Роллана, произведения Л. Соболева, Ю. Рытхэу, А. Коптяевой, М. Ауэзова, В. Лациса и др.

В 1949 г. Григорий Семенович перевел рассказ И.С. Тургенева «Бежин луг» для детей среднего и старшего возраста. И только в 60-ые годы Г.С. Тарский завершил перевод 15 рассказов из «Записок охотника». Произведения И. С. Тургенева, по признанию многих переводчиков, трудно поддаются переводу. Ведь И.С. Тургенев был величайшим стилистом, тонким психологом, на перевод его произведений отваживались не многие.

В 1963 г. Якутским книжным издательством был издан перевод «Записок охотника» И. С. Тургенева («Сааһыт суруктара»), подготовленный Г.С. Тарским. Из 25 рассказов на якутский язык им было переведено 15. Сопоставим название произведения и заголовки рассказов:

«Записки охотника»	«Сааһыт суруктара»
Хорь и Калиныч	Солондо уонна Калиныч
Ермолай и мельничиха	Ермолай уонна миэлинсэһит ойоҕо
Малиновая вода	Малина уута
Уездный лекарь	Уезд куоратын эмчитэ
Мой сосед Радиллов	Ыалым Радиллов
Одноворец Овсяников	Биир олбуордаах Овсяников
Льгов	Льгов
Бежин луг	Бежин мэччирэнэ. 1963 (Бежин хонуута. 1976)
Касьян с Красивой Мечи	Кэрэ Миэч Касьяна
Бурмистр	Бурмистр
Контора	Хонтуора
Бирюк	Бирюк
Два помещика	Икки помещик
Певцы	Ырыаһыттар
Лес и степь	Хара тыа уонна хонуу-куйаар

Интересен перевод самого названия книги: «Записки охотника» - «Сааһыт суруктара», а не «Булчут суруктара». По воспоминаниям современников, И.С. Тургенев - неутомимый ходок, недюжинный стрелок. Особенно увлекался Иван Сергеевич осенней

охотой на вальдшнепов. Благодаря своей способности ходить долго и упорно, Иван Сергеевич так же любил охоту за куропатками. В якутском языке русское слово «охотник» имеет два соответствующих эквивалента, которые зафиксированы в новом 15-томном толковом словаре якутского языка: «Булчут. 1. Тот, кто добывает диких зверей, птиц или рыбу, занимается охотой и рыболовством, охотник. 2. Владеющий умениями охотника, обладающий опытом и качествами охотника» [Большой толковый словарь якутского языка. Том 2.с. 511]. «Сааһыт. 1. Охотник на уток с ружьем. 2. Умелый в ружейной охоте на уток» [Там же, том 8, с. 98]. Как здесь не вспомнить свидетельство И.Ф. Рынды о том, что Тургенев был охотник ружейный и исключительно «по перу». Так что, действительно, И. С. Тургенев был, по представлениям якутов, не булчут, а сааһыт. При переводе заголовков рассказов имена, фамилии и названия местности, в основном, транслитированы: Калиныч, Ермолай, Радилов, Овсяников, Касьян; Льгов, Бежин, Малина. Так же использована транслитерация при переводе двух реалий, обозначающих понятия, связанные с сословным строем общества: бурмистр, помещик; одной единицы административно-территориального деления: уезд. Используются транскрипции известных якутским читателям русских реалий: мельница, город, контора – миэлинсэ, куорат, хонтуора.

В Якутии, где во многих улусах охота многие века была иногда единственным источником пропитания, с особым интересом читают книги об охоте. Поэтому закономерен интерес читателей и переводчиков к «Запискам охотника» И. С. Тургенева. Ведь И.С. Тургенев – страстный охотник, удивительно тонко и пронзительно точно воспевший красоту русской природы: ее восходы и закаты, ее поля, степы и леса; и чувства, которые обуревают охотника на тяге... Из четырех рассказов И.С. Тургенева «Хорь и Калиныч», «Ермолай и мельничиха», «Льгов», «Лес и степь» методом сплошной выборки выписаны наименования птиц, наиболее часто употребляемые наименования растений, наименования охотничьего снаряжения и сопоставлен их перевод на якутский язык.

Из 30 наименований птиц русскими реалиями оказались 10. Семь реалий переводчик передал транслитерацией: соловей, зяблик, малиновка, горихвостка, пеночка, чибис, коростель. В якутском тексте эти нарицательные существительные употребляются с тюркским аффиксом множественного числа: малиновкалар, чибистэр и т.п. Две реалии подверглись транскрипции: куропатка - курупааскы, голубь – холууп. Слово перепелка переведено перифразой хонуу курапааскыта (букв. полевая куропатка, где первое слово якутское, а второе –транскрипция русского слова куропатка). Три реалии - наименования растений и орловское диалектное слово транслитерированы: ландыш, липа, гречиха;

майер. Дуб, конопля, оруос – подверглись транскрипции: дууп, көнөппүлэ, оруос; орешник, василек, коноплянник – переводческой перифразе: эриэхэлээх мас (дерево с орехами), василек сибэкки (цветок василек), көнөппүлэ үүнэн турар сирэ (место, где растёт конопля). При этом в перифразе использованы русские заимствования: орех, василек, конопля. Наименования охотничьего снаряжения: порох, дробь, мешок, пистон – переведены способом транскрипции: буорах, доробунньук, мөһөөк, бөстүөн. При переводе слова дробь дополнительно использован аффикс –унньук со значением предметности. Способом транслитации переведено только слово патронтаж. С 1949 года по 1976 год на якутском языке было издано 10 книг с переводами произведений И.С. Тургенева. Кроме Г.С. Тарского, к произведениям И. С. Тургенева обращались и другие якутские переводчики.

В 1951 году Д. Федоров-Таас перевел рассказ «Муму». Дмитрий Таас (1914-1951) – поэт, прозаик, член Союза писателей России с 1938 года. В том же году М. Д. Ефимов, ныне народный поэт РС (Якутия), член Союза писателей СССР, заслуженный работник культуры ЯАССР, перевел рассказ старика «Часы». В 1951 году на якутском языке был издан роман «Рудин». Переводчиком был Г. Р. Кардашевский, ученый, педагог, писатель. Георгий Романович так же перевел повести «Вешние воды» (1957) и «Ася» (1970). В 1961 году Кардашевский Г.Р. совместно с Кондаковым Н.А. перевели рассказы, стихи в прозе и повесть И.С. Тургенева. Кондаков Н.А. – легендарная личность: Герой Советского Союза, заслуженный учитель, заслуженный работник культуры ЯАССР, боевой офицер, член Союза журналистов СССР, Почетный радист СССР. В 1954 году рассказы русских писателей, в том числе и рассказ И. Тургенева перевел на якутский язык коллега Г.Р. Кардашевского – П.И. Егоров, ученый, педагог.

Список литературы:

Большой толковый словарь якутского языка. Новосибирск, Наука СО РАН ИГиИПМНС 2 том 2005, 8 том 2011.

Гарбовский Н.К. Русский переводной дискурс: миф или реальность //О переводе. М., Форум, 2016. 752 с.

Слепцов П. А. Ступени и проблемы якутского языкознания (сб. науч. ст.) Якутск: ИГиИПМНС СО РАН, 2008. 544 с.

Тургенев И.С. Записки охотника// Собрание сочинений в 6 томах Том 1. Библиотека «Огонек. Изд-во «Правда». М., 1968.576 с.

Тургенев И.С. Сааһыт суруктара. Пер. Тарского Г.С. Якутск, Якутское книжное изд-во. 1963. 183 с.

Доманский В.А.
Государственный университет
Речного и Морского Флота имени адмирала С.О. Макарова
г. Санкт-Петербург (Россия)

Domanskii Valerii
State University of Maritime
and Inland Shipping name of the admiral S. O. Makarov
Saint-Petersburg (Russia)

ПЕРЕВОДЫ ИВАНА ТУРГЕНЕВА ДЛЯ МУЗЫКАЛЬНЫХ АЛЬБОМОВ ПОЛИНЫ ВИАРДО

TRANSLATIONS OF IVAN TURGENEV FOR A MUSIC ALBUM POLINA VIARDO

Творческое сотрудничество Тургенева с Полиной Виардо в области музыкально-вокального искусства – одна из интереснейших глав жизни и художественной деятельности русского писателя. Здесь он выступает в новой для себя роли – вокального переводчика. Вокальный перевод предполагает перевод стихотворных текстов (песен, романсов, оперного либретто) с сохранением стихотворного размера: числа слогов, ударений, пауз, ритмического рисунка. Самостоятельным переводчиком с немецкого языка на русский для музыкального альбома Полины Виардо Тургенев выступил в 1868 году. Особенно интересным является история тургеневского стихотворения «Разгадка», которое до сих пор не соотносилось с текстом Рихарда Поля.

В 1871 году в петербургском музыкальном издательстве А. Р. Иогансена Тургенев выпустил «немецкий» альбом под названием «Шесть стихотворений Г. Гейне, Э. Мёрике и Р. Поля, переведенные на русский язык И. Тургеневым и положенные на музыку Полиною Виардо-Гарсиа». Это оригинальная форма бытования переводческого дискурса: музыка объединяет два текста – немецкий и русский, которые параллельно прилагаются к нотам для вокального исполнения. В этом альбоме Тургенев демонстрирует разные виды вокального перевода.

Creative cooperation of Turgenev with Pauline Viardot in the field of music and vocal art - one of the most interesting chapters life and artistic activity of the Russian writer. Here he performs in a new role for himself - a vocal translator. Vocal translation involves the translation of poetic texts (songs, romances, opera librettos) with the preservation of the verse size: the number of syllables, accents, pauses, rhythmic patterns. An independent translator from German into Russian for the musical album of Polina Viardot Turgenev performed in 1868. Particularly interesting is the history of the Turgenev poem "The Riddle", which until now did not correlate with the text of Richard Pohl. In 1871, in the St. Petersburg music publishing house of A.R. Iogansen, Turgenev published a "German" album entitled "Six Poems by G. Heine, E. Mörrike and R. Paul, translated into Russian by I. Turgenev and put on music by Polinoi Viardot-Garcia ". This is the original form of the existence of a translation discourse: music combines two texts - German and Russian, which are attached in parallel to the notes for vocal performance. In this album Turgenev demonstrates different types of vocal translation.

Ключевые слова: Тургенев, Полина Виардо, музыкальные альбомы, вокальный перевод, виды вокального перевода, переводческий дискурс, Рихард Поль, Эдуард Мёрике.

Keywords: Turgenev, Pauline Viardot, music albums, vocal translation, types of vocal translation, translation discourse, Richard Paul, Eduard Mörrike.

В 1863 году Полина Виардо оставила сцену и посвятила себя педагогической и композиторской деятельности. С этого времени началось совместное музыкальное творчество Тургенева и французской певицы. Особенно он было успешным в создании и продвижении музыкальных тетрадей и альбомов романсов. Тургенев подбирал тексты для романсов, подгонял их к вокалу, создавал собственные оригинальные тексты и осуществлял переводы, нанимал и вознаграждал переводчиков, давал им свои советы и рекомендации, договаривался с издателями, иногда оплачивая их услуги, занимался рекламой и появлением рецензий на музыкальные альбомы в периодических изданиях.

Мысль о создании музыкальных альбомов у Полины Виардо и Тургенева родилась не сразу. Сначала выдающаяся французская певица сочиняла романсы лишь к отдельным стихотворным текстам. К лету 1863 года она уже написала музыку более чем к десяти текстам русских поэтов, и у Тургенева возникает мысль о создании музыкального альбома, романсы в котором будут объединены общими музыкальными темами. Но поскольку альбом предназначался не только для русской, но и немецкой публики, возникла необходимость в переводе русских текстов на немецкий язык. С этой целью Тургенев обращается к Фридриху Боденштедту, известному переводчику произведений Пушкина и Лермонтова, с просьбой перевести шесть стихотворений Пушкина и пять стихотворений Фета. Свою просьбу он формулирует в письме из Баден-Бадена от 24 июня (6 июля) 1863 года.

В музыкальных тетрадях Полины Виардо мы имеем дело с так называемым *эквиритмическим переводом* (от лат. *aequus* – равный ритм) или *вокальным переводом*, то есть переводом вокальных произведений (песен, романсов, оперного либретто) с сохранением стихотворного размера: числа слогов, ударений, пауз, ритмического рисунка в целом. Текст такого перевода должен быть равноценным оригиналу и прежде всего в метроритмическом отношении при условии сохранения формы и содержания исходного языка. Поэтому Тургенев просит своего адресата «сохранить в точности размер и ритм оригинала». Когда же переводчик не выполняет этих условий вокального перевода, писатель указывает ему на неточности в ритмике и дает свои советы, по улучшению текста перевода, как, например, в своем письме к Боденштедту из Баден-Бадена, написанном в начале июля 1863 года. Приведу фрагмент из этого письма. Так, касаясь перевода стихотворения Пушкина «На холмах Грузии...» («Auf Grusiens Hügeln...»), Тургенев дает совет Боденштедту, как лучше перевести строку «Что не любить оно не может...»:

«Нельзя сказать: “Unmöglich nicht... zu lieben”, потому что это меняет смысл. Следовало бы что-нибудь вроде: “S’kann nicht umhin... zu lieben”.

Разумеется, я вам даю только то, что французы называют “образчиками” – с тем, чтобы вы, прикосновением вашей волшебной палочки, превратили бы их в прелестные стихи»¹ (П: V, 349).

В следующем своем письме Боденштедту из Баден-Бадена от 4(16) июля 1863 года Тургенев приводит уже развернутый «образчик» – собственный перевод двух строф стихотворения Фета «Тихая светлая звездная ночь» («Stille helle Sternennacht»).

У Фета:

Тихая, звездная ночь,
Трепетно светит луна;
Сладки уста красоты
В тихую, звездную ночь.
Друг мой! в сияньи ночном
Как мне печаль превозмочь?..
Ты же светла, как любовь,
В тихую, звездную ночь.

У Тургенева:

Ruhige, heilige Nacht,
Dämmerig scheint der Mond;
Süss sind die Lippen der Frau
Während der ruhigen Nacht.
Freundin, im Dunkel der Nacht
Wie könnt' ich traurig noch sein –
Du bist so hell, wie das Licht
Während der ruhigen Nacht! (П: V, 191–192).

Свою работу над шлифовкой переводов Боденштедта Тургенев ведет скрупулезно и обстоятельно, время от времени возвращая тексты немецкому поэту на доработку со своими замечаниями и советами. Но делает он это очень деликатно, чтобы не обидеть своего адресата: он все время подчеркивает, что перевод его превосходен, а если нужны кое-какие в нем изменения, то они обусловлены музыкальным рисунком. Работа над переводами ведется с июня до октября 1863 года. Вдохновившись работой над музыкальным альбомом и освоив принципы написания «вокальных» текстов, Тургенев создает замечательное по своему звучанию стихотворение «Синица» («Die Meise»),

¹ Тургенев И. С. Собр. соч. и писем в 30 т. Соч. в 12 т. Письма в 18 т. М.: Наука, 1978–2018. Письма, т. V., С. 191–192. Далее ссылки в тексте с указанием тома и страницы.

которое было послано Боденштедту для перевода на немецкий язык 27 сентября (8 октября) 1863 г.

В начале января 1864 года Тургеневу удалось договориться с издателем А. Р. Иогансенем об издании этого музыкального альбома. Детали публикации альбома можно узнать из письма Тургенева к Полине Виардо 10 (22) января 1864 г. в Баден-Баден из Петербурга:

«Издатель Иогансен публикует его; рукопись уже прошла через *цензуру* – это было необходимо; теперь начнут печатать “Цветок”. Рубинштейн распределил романсы в следующем порядке: “Цветок”, “На холмах Грузии”, “Тихая ночь”, “Полуночные образы”, “Шёпот”, “Заклинание”, “Синица”, “Две розы”, “Ночью”, “Узник”, “Птичка божия”, “Звезды”. <...>

Через полтора месяца альбом выйдет в свет» (Письма: V, 370).

Первый музыкальный альбом в составе 12 тетрадей вышел в Петербурге (тексты стихотворений поэтов были приведены на русском и немецком языках), а почти одновременно он был опубликован в Лейпциге в издательстве «Breitkopf et Härtel» («Брайкопф и Гертель») на немецком языке.

Полина Виардо совместно с Тургеневым создала шесть музыкальных альбомов (1864, 1865, 1868, 1870, 1871, 1874) и сорок текстов музыкальных тетрадей, которые составляли эти альбомы или предполагали самостоятельные издания. Выход в свет каждого такого альбома представляет собой отдельный сюжет и заслуживает отдельного внимания.

Самостоятельным переводчиком стихотворных текстов с немецкого языка на русский для музыкального альбома Полины Виардо Тургенев выступил в 1868 году. Этот альбом состоял из пяти романсов на слова М. Ю. Лермонтова («Утес» и «Русалка», И. С. Тургенева («Разлука») и двух тургеневских переводов из Э. Мёрике («На заре»: у Мёрике «In der Frühe») и Р. Поля («Разгадка» у Поля «Räthsel»).

Особенно интересным является история тургеневского стихотворения «Разгадка», которое до сих пор не соотносилось с текстом Поля и считалось, что оно создано по мотивам пьесы Э. Мёрике «Frage und Antwort» («Вопрос и ответ»)². Н. Г. Жекулин, обратившись к веймарскому (1859) и лейпцигскому изданию этого романса (1870), установил, что «Разгадка» является вольным переводом стихотворения Р. Поля «Räthsel»³.

² См.: Ден Т. П. «На заре». Тургенев и Мёрике // Тург. сб. Материалы к полному собр. соч. и писем И.С. Тургенева. М.-Л.: Наука, 1964. Вып. 1, С. 254-256. (XII, 647), коммент. И. С. Чистовой.

³ Жекулин Н. Г. Тургенев и Рихард Польш. С. 260. См.: Räthsel. Gedicht von Richard Pohl. Für eine Singstimme mit Begleitung des Pianoforte componirt von Pauline Viardot-Garcia. Leipzig & Weimar: Robert Seitz, <1870>. Немецкий текст в издании Зайца тождествен тексту в первом издании стихотворений Поля (Gedichte von Richard Pohl. Weimar: Landes-Industrie-Comptoir, 1859. S. 17).

Вместе с тем нельзя полностью отрицать и авторство самого Тургенева. Сопоставление двух текстов Тургенева и Поля показывает, что оба автора развивают одну и ту же тему блаженного мига любви, которую замечательно передает музыка Полины Виардо, но у каждого автора эта тема разворачивается по-разному. Сопоставим оба текста, снабдив немецкий текст собственным подстрочным переводом.

Подстрочный перевод:

В твоих глазах таится
 Золотая загадка,
 Которая приковала мой взгляд
 К святому месту.
 Долго обращался я к волшебству,
 Чтобы открыть твои уста,
 Вызволить спрятанное сокровище
 Я пытался в урочный час.
 И вот я всматриваюсь
 В глубину твоего сердца,
 Твой поцелуй раскрыл мне загадку,
 Что сделала меня счастливым.

R. Pohl. Räthsel	И. Тургенев. Разгадка
In deinen Augen schlummert Ein holdes Räthselwort, Das meine Blicke bannte An den geweihten Ort.	Как приликала к сердцу Вся кровь в груди моей, Когда в меня вперялись Лучи твоих очей!
Lang forscht' ich nach dem Zauber, Zu öffnen deinen Mund, Verborgnen Schatz zu heben Sucht' ich die rechte Stund'!	Мне долго непонятен Был их язык немой... Искал его значенья Я с страхом и тоской...
Nun schaue ich hernieder In deines Herzens Schacht, Dein Kuss löst mir das Räthsel, Das mich so selig macht!	Вдруг все сомненья пали И страх навек затих... Мой ангел, всё я понял, В один блаженный миг!

Оба стихотворения замечательны и оригинальны по-своему и представляют собой интересную творческую переключку на тему переживаемой лирическим героем волнения любви. Текст Поля представляет собой метафорическое объяснение мгновения интимной близости, которая ассоциативно связана с эротическим намеком – «святым местом»

(«geweihten Ort»). Девушка носит маленький крестик на шее, который свисает до ее груди. Лирический герой смотрит как завороченный на это место. Оно имеет для него побуждающий смысл. Конечно, здесь нет никакой сказочности, а есть красивая эротическая образность. Räthsel, или по-русски загадка – это волнующие для лирического героя состояние, когда он ждет от девушки любовного признания. Поцелуй, который она дарит, является ее разгадкой.

У Тургенева интимное сближение передано более сдержанно и не так откровенно. В его стихотворении нет столько уточняющих деталей и подробностей переживаемого интимного момента. Его лирический герой, испытывающий любовное томление, робок из-за страха быть отвергнутым. Для него непонятен обращенный на него взгляд возлюбленной, но неожиданно «блаженный миг» поцелуя разрешает все загадки.

Из петербургского письма Тургенева к Полине Виардо от 26 февраля (10 марта) 1867 года можно предположить, что романс «Räthsel» имел для писателя и личный смысл, который открывается в его переводе. Именно в этом письме Тургенев, переходя на немецкий язык, не сдерживается и выплескивает свои глубокие чувства к Полине Виардо, вновь пробудившиеся во время недавней встречи в Германии: «Эти дни в Берлине – эти неожиданные прекрасные свидания – всё это, – и потом жестокое расставание – поистине, слишком много для меня; под тяжестью тех незабываемых переживаний я чувствую себя совершенно разбитым, подобного со мной никогда еще не бывало. Ах, мои чувства к вам слишком велики и сильны. Я не могу, не могу больше жить вдали от вас, – я должен чувствовать вашу близость, наслаждаться ею, – день, когда мне не светили ваши глаза, – для меня потерян...» (Письма: VII, 263–264).

Известно, что романс «Разгадка» Тургенева вышел в 1868 года с посвящением русской певице Елизавете Андреевне Лавровской, ученице Полины Виардо. Писатель тщательно пытался скрыть от современников очевидный адресат своего стихотворения. Вместе с тем посвящение романса Е. А. Лавровской тоже имеет свой смысл. Певица с большим успехом исполняла романсы Полины Виардо, о чем Тургенев сообщал в своем письме из Петербурга от 5 (17) марта 1867 г.: «Третьего дня вечером я получил очень большое удовольствие: г-жа Ниссен-Саломан пригласила меня на один из вечеров, которые Консерватория устраивает один или два раза в месяц; там я слушал некую г-жу Лавровскую, которая с большим вкусом красивым меццо-сопрано спела ваш “Цветок”, “Шепот” и “Сюда!” (Заклинание) Публика – надо заметить, весьма разборчивая, – аплодировала неистово – и мои хлопки заметно выделялись на фоне этого шума» (Письма: VII, 267).

В 1871 году в петербургском музыкальном издательстве А. Р. Иогансена Тургенев выпустил «немецкий» альбом под названием «Шесть стихотворений Г. Гейне, Э. Мёрике и Р. Поля, переведенные на русский язык И. Тургеневым и положенные на музыку Полиною Виардо-Гарсиа». В него вошло шесть стихотворных переводов Тургенева из Рихарда Поля («Märchen» – «Лесная тишь», «Verfehltes Leben» – «Загубленная жизнь», «Allein» – «Ожидание»), Эдуарда Мёрике («Der Gärtner» – «Садовник», «Agnes» – «Былое счастье») и Генриха Гейне («Das ist eine schlechtes Wetter» – «Стоит погода злая»)⁴. Музыка Полины Виардо объединяет два текста – немецкий Р. Поля и русский И. Тургенева, которые параллельно приводятся как стихотворные тексты к нотам для вокального исполнения.

В данном альбоме музыка и слово органично взаимосвязаны и равнозначны, поэтому стихотворные тексты романсов не следует рассматривать «в отрыве от мелодии»⁵. Вместе с тем нельзя игнорировать и самой художественной ценности этих текстов, хотя их восприятие и истолкование определяется вокальной спецификой. Поэтому романсы данного альбома представляют собой синтетический музыкально-поэтический жанр, где стихотворный текст «подогнан» под музыкальную мелодию, а ее ритм и такт и, конечно, развитие музыкальной темы определяется стихом. Шесть стихотворений цикла образуют музыкально-драматическое единство. Тургенев неслучайно в некоторых случаях в своих переводах отказывается от названия оригиналов, заменяя их ключевыми словами, определяющими главный мотив стихотворения. Так, название стихотворения Рихарда Поля «Märchen» («Сказка») он заменяет на «Лесную тишь»; его же стихотворение «Allein» («Одна») названо в переводе «Ожидание»; стихотворение Эдуарда Мёрике «Agnes» переименовано Тургеневым в «Былое счастье», а гейневское «Das ist ein schlechtes Wetter» («Стоит плохая погода») получило название в соответствии с его авторской интерпретацией – «Стоит погода злая».

Единство альбомного стихотворного цикла, развитие, переплетение, смена и последовательность музыкальных мотивов во многом определяется жанровыми особенностями каждого конкретного стихотворного текста, который, в свою очередь, обусловлен характером музыки, ее ритмом и темпом. Перед нами оригинальная форма бытования переводческого дискурса: музыка объединяет два текста – немецкий и русский, которые параллельно прилагаются к нотам для вокального исполнения. Вместе с тем

⁴См.: *Шесть стихотворений Г. Гейне, Э. Мёрике и Р. Поля*, переведенные на русский язык И. Тургеневым и переложенные на музыку Полиною Виардо-Гарсиа. Тетради №1-№6. СПб., у А. Иогансена [1871].

⁵ *Алексеев М. П.* Стихотворные тексты для романсов Полины Виардо//Тургеневский сборник. Материалы к полному собранию сочинений и писем И. С. Тургенева. IV. Л.: Наука, 1968. С. 189.

«немецкий альбом» может быть рассмотрен как интересная словесно-музыкальная композиция.

Первое стихотворение цикла «Лесная тишь» (по мотивам стихотворения Рихарда Поля «Märchen») написано в жанре идиллии. Лирический герой восхищен и одухотворен природой, ощущает с ней органическое единство. Второе стихотворение «Загубленная жизнь» (перевод из того же автора) написано в несколько ином ключе. Умеренный темп *moderato*, приглушенный звук, минор максимально соответствует жанру элегии, в которой звучит тоска, даже скорбь по безвозвратно ушедшей юности, всей жизни. Эту элегичность хорошо передает музыкальный жанр баркаролы с колеблющимися движениями мелодии, которые то возвращают в светлую юность, то говорят о безысходной старости.

Контрастно по отношению к предыдущему стихотворению звучит тургеневский перевод из Мёрике «Садовник». Живой, веселый и грациозный характер музыки, написанной в темпе *allegretto con brio*, с припевами и повторами, как нельзя лучше передает лирический монолог молодого садовника, восхищенного красотой и очарованием юной княжны. Песня включает в себя восторг, любовную экзальтацию, пластические образы, рисующие юную девушку, гарцующую на вороном коне. Эту грациозность стихотворного образа хорошо выражает музыкальная мелодия, предполагающая не только вокал, но и элементы танца.

Стихотворение «Ожидание» (создано по мотивам стихотворения Р. Поля «Allein») опять возвращает нас к музыкальному темпу *moderato*, передающему любовное томление молодой девушки, мечтающей о новой встрече со своим возлюбленным.

«Былое счастье» (перевод из Э. Мёрике) представляет собой литературную стилизацию под любовную народную песню. Стихотворный ритм и неторопливая музыкальная мелодия, созданная в темпе *andante*, воспроизводит мелодраму чувств молодой девушки, которая, оставшись одна, ожидает своего возлюбленного.

Оживленно, в быстром темпе звучит заключительное стихотворение цикла «Стоит погода злая!..» (перевод из Г. Гейне), написанное в жанре баллады. Состояние природы в нем контрастно по отношению к человеческой жизни. Иронию автора удачно передают две живые бытовые сценки: изображение слепой материнской любви и изнеженности молодой девушки. Темп *allegro molto* подчеркивает эту веселость и комичность ситуации.

Тургеневские тексты музыкацентричны, вместе с тем они могут быть рассмотрены как отдельный цикл стихотворений, в которых нашли свое отражение как тургеневская рецепция текстов оригинала, так и его переводческие принципы. Прежде всего, как отмечал еще М. П. Алексеев, перед нами образцы так называемого *вокального перевода*, когда автор добивается «полного совпадения логических ударений переводимого текста с

музыкальной акцентировкой певческой строки», учитывая при этом «все изменения мелодического рисунка, высоту и динамику звука, эмоциональное развертывание всех музыкальных элементов данного музыкального произведения»⁶.

Тургенев демонстрирует нам разные типы вокального перевода. Так, первое стихотворение цикла «Лесная тишь» представляет собой собственно не перевод, а вольное развитие поэтического мотива, заданного начальной строкой Р. Поля: «Waldeinsamkeit, Waldeinsamkeit!» («Лесное уединение, лесное уединение»), не случайно автор не сохраняет немецкое название «Märchen» («Сказка»). Первую строку он переводит «Лесная тишь! Лесная тишь!», чтобы сохранить четырехстопный ямб оригинала, временами переходящий в дольник. Затем, практически до финала тургеневского текста, нет ничего общего в семантике поэтических образов двух текстов, за исключением шестой строки, в которой в оригинале говорится о серебристом ручье.

В заключительной части подлинника появляется поэтический мотив звучащей издали песни на закате, полной романтического томления:

Wie sensuchtsvoll aus weiter Fernen
Erklingt ein Lied im Abendschein⁷.

Тургенев заменяет его «чистым звоном», который обычно называют из-за его спокойного, мелодического звучания «вечерним звоном». В развитии музыкальной темы он органично включается в идиллию лесной тиши.

Совсем другой тип перевода представляет собой второй текст Тургенева из «немецкого альбома» Полины Виардо «Загубленная жизнь», название которого точно соотносится с названием немецкого первоисточника – «Verfehltes Leben». Здесь русский писатель стремится к эквилинейрной передаче ритмического рисунка Рихарда Поля к лексическому и мотивному соответствию перевода оригиналу. Прежде всего, следует отметить, что он удачно экспериментирует в области метрики и ритмики, используя в своем переводе достаточно редко употребляемый в русской поэзии XIX века *дольник*, точнее его разновидность *логаэд* с константно-фиксированными стопами: первой ямбической, второй трехсложной стопой анапеста и третьей стопой ямба или анапеста. Тем самым переводчик добивается наибольшей точности воспроизведения немецкого тонического стиха Поля, близкого к русскому дольнику, а также музыкального ритма баркаролы.

Совпадают также способ рифмовки и строфика в обоих текстах, в которых используется перекрестная рифма: при этом рифмуются лишь 2 и 4 строки (в первой

⁶ Там же. С. 194.

⁷ *Шесть стихотворений Г. Гейне, Э. Мёрике и Р. Поля <...>*. Тетрадь № 1. С. 7.

строфе с мужской, во второй и третьей с женской клаузулой). Кроме того, в третьей строфе (четвертая и пятая строки) используется рефрен, который не только удлиняет ее, но и эмоционально выражает страдания бабушки, вспоминающей свою невинную юность, скрытую за мрачной пеленой, и молящей о смерти.

Тургенев значительно усиливает психологические переживания лирической героини при помощи таких деталей, как «дрожащие, бедные руки», «бледные» уста. В тексте Поля больше выражен христианский элемент ее благочестия и покорности судьбе. Мольба о благом конце героини в оригинале звучит как всхлипывание, что выражено при помощи цепочки аллитераций с повторяющимися согласными – сонорными *l, n*, свистящим *s*. Так обеспечивается связь между звуковым рисунком текста и его значением. В тургеневском тексте мольба старушки больше напоминает заклинание, фонетически передаваемое повторяющимися сонорными носовыми *n, m*, губным *b* и зубным *d*. Сравним:

R. Pohl:	И. Тургенев:
Großmutter, die Fromme, sie faltet Andächtig die zitternden Hände Und flüstert mit bebender Lippe: «Verleih uns ein seliges Ende; Verleih uns ein seliges Ende»	А бабушка тихо слагает Дрожащие, бедные руки И бледными шепчет устами: «Подай нам кончину без муки! Подай нам кончину без муки!»

В третьем стихотворении цикла «Садовник» Тургенев уже не просто стремится к точности перевода стихотворения Э. Мёрике «Der Gärtner» на ритмико-звуковом, лексическом и синтаксическом уровнях. Он пытается адаптировать переводимые поэтические образы к русской национальной стихии. При этом писатель вносит свою «внутреннюю тему»⁸, ключевые образы, которые определяют лирический сюжет и ритмический рисунок текста. В «Садовнике» такими ключевыми образами являются «княжна молодая» и «вороная лошадка». Тургенев сознательно заменяет этими образами «прекрасную принцессу» и «белоснежного конька» в оригинале⁹, чтобы внести в переводимый им текст национальный колорит. В русской устно-поэтической и литературной традиции юркий, быстрый, грациозный «вороной, как сталь конь» или «лошадь» является устойчивым образом. С ним органично связан образ его наездника (или наездницы) – удалого, молодцеватого человека. Тургенев, несомненно, знал

⁸ См.: Гинзбург Л. В поисках святого грааля // Поэтика перевода. Сб. статей. М., 1988. С. 16.

⁹ Заборова Р. Б. О переводах Тургенева из Мёрике и Гейне (1871). С. 178.

семантику этих образов, поэтому не случайно в письме к Полине Виардо от 27, 28 февраля (11, 12 марта 1871 г.) настаивал на их сохранении (П: XI, 320).

Соотношение цветовой гаммы в тексте потребовало замены цвета золотого песка на серебряный, так как на его фоне более эффектно смотрится «вороня лошадка». Переводчик также сознательно удлиняет первую строфу на три строки за счет дублирования второй, третьей и четвертой, акцентируя внимание на ключевых образах и передавая при помощи ритмико-фонетических средств нетерпеливость, юркость подвижной лошадки и грациозность, кокетливость ее наездницы. Этой цели служит и *логаэд* (как и в стихотворении Мёрике) с первой ямбической стопой и второй стопой анапеста. Вместе с тем в ритмической организации текста Тургенева множество отклонений от оригинала. Любопытной в этом отношении является четвертый (и дублирующий его седьмой) стих, в начале которого автор вводит дополнительный ударный слог – *спондей*.

Сравним:

Эдуард Мёрике:	Тургенев:
<p>Auf ihrem Leibrößlein, So weiß wie der Schnee Die schönste Prinzessin Reitet durch die Alee.</p>	<p>Верхом на лошадке, Как сталь вороной? Княжна молода Скок передо мной! Как сталь вороной, Княжна молодая Скок передо мной!</p>

Творческое сотрудничество Тургенева с Полиной Виардо в области музыкально-вокального искусства – одна из интереснейших глав жизни и художественной деятельности русского писателя, где он выступает в новой для себя роли – вокального переводчика, который предполагает симбиоз музыки и слова, их равнозначность и взаимопроникновение.

Список литературы:

Алексеев М. П. Стихотворные тексты для романсов Полины Виардо//Тургеневский сборник. Материалы к полному собранию сочинений и писем И. С. Тургенева. IV. Л.: Наука, 1968. С. 189-204.

Гинзбург Л. В поисках святого грааля // Поэтика перевода. Сб. статей. М., 1988.

Ден Т. П. «На заре». Тургенев и Мёрике // Тург. сб. Материалы к полному собр. соч. и писем И.С. Тургенева. М.-Л.: Наука, 1964. Вып. 1, С. 254-256. (XII, 647), коммент. И. С. Чистовой.

Жекулин Н. Г. Тургенев и Рихард Поль// Ivan S. Turgenev. Leben, Werk und Wirkung. Beiträge der Internationalen Fachkonferenz Bamberg 1993/Hrsg. Peter Thiergen. München, 1995. S. 243 – 271.

Заборова Р. Б. О переводах Тургенева из Мёрике и Гейне (1871) // Тургеневский сборник. Материалы к полному собранию сочинений и писем И.С. Тургенева. II. Л.: Наука, 1966. С. 175-182.

Тургенев И. С. Собр. соч. и писем в 30 т. Соч. в 12 т. Письма в 18 т. М.: Наука, 1978–2018. Шесть стихотворений Г. Гейне, Э. Мёрике и Р. Поля, переведенные на русский язык И. Тургеневым и переложенные на музыку Полиною Виардо-Гарсия. Тетради №1-№6. СПб.,: у А. Јогансена [1871].

Gedicht von Richard Pohl. Für eine Singstimme mit Begleitung des Pianoforte componirt von Pauline Viardot-Garcia. Leipzig & Weimar: Robert Seitz, <1870>. Немецкий текст в издании Зайца тождествен тексту в первом издании стихотворений Поля (*Gedichte von Richard Pohl.* Weimar: Landes-Industrie-Comptoir, 1859).

Есакова М.Н.

Кольцова Ю.Н.

Высшая школа перевода (факультет)
Московского государственного университета
имени М.В. Ломоносова
г. Москва (Россия)

Koltsova Yulia

Esakova Maria

Higher School of translation and interpretation
Lomonosov Moscow State University
Moscow (Russia)

РУССКИЙ АРИСТОКРАТ ГЛАЗАМИ ИНОСТРАННЫХ ЧИТАТЕЛЕЙ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА И.С. ТУРГЕНЕВА «ОТЦЫ И ДЕТИ»)

RUSSIAN ARISTOCRAT BY EYES OF FOREIGN READERS (BASED ON THE NOVEL OF TURGENEV "FATHERS AND SONS")

Процесс перевода художественной литературы оказывается достаточно сложным, и не всегда литературное произведение, обладающее «национальным своеобразием», может с абсолютной полнотой быть «воссоздано» на другом языке.

Произведения И.С. Тургенева переводили и переводят на разные языки мира до сих пор. Популярность произведений Тургенева для перевода заключается не только в их идейно-тематическом содержании, но и в том, что писатель не выходит за рамки языковой нормы русского литературного языка, заботясь о красоте и изяществе стиля.

В романе «Отцы и дети» писатель создает галерею неповторимых, разноплановых, красочных портретов, в каждом из которых подчеркнута уникальность персонажа.

Помимо внешних характеристик, включающих в себя сведения о причёске, одежде, манерах, аксессуарах, портрет отражает и вкусы, и пристрастия, и привычки героя, подчеркивая тем самым его индивидуальность. Кроме того, в портретном описании героев Тургенев проявляет и своё отношение к ним.

В статье рассматриваются фрагменты текста, где характеризуется Павел Петрович Кирсанов, и анализируются их переводы на французский, английский, греческий и китайский языки. Каким же видят Павла Петровича читатели, говорящие на этих языках?

The process of literature translation is quite complicated, and not always a literary work, having "national originality" can be fully "translated" in another language.

Turgenev's works were and are translated into different languages. The popularity of the works of Turgenev for translation lies not only in their ideological and thematic content, but also in the fact that the writer does not go beyond the linguistic norms of the Russian literary language, taking care of the beauty and elegance of style.

In the novel "Fathers and Sons" the writer creates a gallery of unique, diverse, colorful portraits, all of which emphasizes the uniqueness of the character.

In addition to the external characteristics, including information about the hairstyle, dress, manners, accessories, portrait reflects the tastes and preferences, habits and character, thus emphasizing his individuality. In addition, in the portrait description of the heroes Turgenev shows his attitude towards them.

The article considers fragments of the text, where Pavel Petrovich Kirsanov is characterized, and their translations into French, English, Greek and Chinese are analyzed. How do readers who speak these languages see Pavel Petrovich?

Ключевые слова: художественный перевод, портрет, психологизм, деталь, роман И.С. Тургенева «Отцы и дети», Павел Петрович Кирсанов

Keywords: literary translation, portrait, psychology, detail, Turgenev "Fathers and Sons", Pavel Petrovich Kirsanov.

«Перевод это не только соприкосновение двух семантических систем со своими национально-культурными свойствами, но и контакт представителей двух лингвокультурных общностей со своим мировосприятием и определенным фондом культурного наследия...» [Томахин, 1997]. Именно поэтому процесс перевода художественной литературы оказывается достаточно сложным, и не всегда литературное произведение, обладающее «национальным своеобразием», может с абсолютной полнотой быть «воссоздано» на другом языке.

Не случайно известный русский писатель Ф.М. Достоевский утверждал, что русские писатели принципиально не переводимы. Он писал, что если из всех русских писателей «взять хотя бы Тургенева», которого он считал самым западным из всех писателей второй половины XIX века, а из всех произведений Тургенева роман «Рудин» - самое европеизированное, то и оно вряд ли будет понятно европейскому читателю [Русские писатели о переводе: XVIII-XX вв., 1960].

Можно ли всецело согласиться с мнением Ф.М. Достоевского? Ведь произведения И.С. Тургенева активно переводились и до сих пор переводятся на разные языки мира.

Например, во французском переводе роман «Отцы и дети» вышел в 1863 году без указания имени переводчика под заглавием «Pères et enfants». Достоверно не известно, кто был автором французского перевода. Существует предположение, что перевод мог принадлежать Ипполиту Делаво (Delaveau)¹². Однако никаких фактических данных, подтверждающих это предположение, не существует [Лукина, <http://lib2.pushkinskijdom.ru>]. Известно, что этот перевод был отредактирован Проспером Мериме, который написал к нему небольшое предисловие в форме письма к издателю. «В этом небольшом произведении г. Тургенев показал себя, по обыкновению, проницательным и тонким наблюдателем...» [Лит. насл., т. 31-32, с. 720-721]. Мериме дал высокую оценку как самому роману, так и творчеству Тургенева в целом. Назвав перевод романа на французский язык «очень точным», П. Мериме отмечал, что «переводить с русского на французский не так легко. Русский язык создан для поэзии, он необычайно богат и, в особенности, замечателен по тонкости выражаемых им оттенков. Вы представляете себе, что может извлечь из подобного языка искусный писатель, отдающийся наблюдению и анализу, и какие непреодолимые трудности готовит он для переводчика. В конце концов, если портреты г. Тургенева теряют для нас кое-что в

¹² см. библиографию французских переводов произведений Тургенева, составленную П. Уоддингтоном при участии Ф. Монрейно: *A Bibliography of French Translations from the Works of I. S. Turgenev, 1854–1885*. Wellington, NZ, 1980. Item 28.

блестящем колорите, всегда сохраняются их правдивость и непосредственная прелесть, характеризующие все добросовестно с натуры написанные произведения» [там же, с. 722].

Сам И.С. Тургенев в письме к Л. Пичу от 3 (15) января 1869 г. назвал этот перевод «превосходным».

Первый перевод «Отцов и детей» на английский язык был сделан несколько позже, в 1867 году Е. Скайлером [<http://turgenev-lit.ru/turgenev/proza/otcy-i-deti/prim-v.htm>], и впоследствии еще не раз переводился. В нашем исследовании мы обратились к переводу, выполненному Майклом Катцем в середине XX века.

Перевод на китайский язык осуществил известный китайский писатель Ба Цзинь в 1943 году, однако в качестве источника он использовал не только оригинал, но и перевод романа на английский и немецкий языки. А в 1995 году Ши Чжэнь Чуань уже перевел роман непосредственно с русского языка.

Перевод на греческий язык был выполнен с русского оригинала Елены Мпакопулу. Книга вышла в 2015 году в Афинах.

Популярность произведений Тургенева для перевода заключается не только в их идейно-тематическом содержании, но и в том, что писатель не выходит за рамки языковой нормы русского литературного языка, заботясь о красоте и изяществе стиля. На эту особенность обращал внимание один из исследователей писательской манеры Тургенева А.В. Чичерин в книге «Тургенев и его стиль». «Тургенев, идущий в одном ряду с Достоевским, Толстым, Писемским, Гончаровым, в самом корне своего стиля был противоположен каждому из них. Из традиций Пушкина Тургенев извлекал совсем другие мелодии, нежели Достоевский, - мелодии гармонические и ясные. В будущее он нес и несет нечто совсем иное, чем его великие современники, принцип трепетной отзывчивости и моцартовской чистоты звука» [Чичерин, 1980, с. 28].

Произведения И.С. Тургенева гармоничны и поэтичны, им свойственна яркая образность, тонкий лирико-психологический анализ.

В романе «Отцы и дети» писатель создает галерею неповторимых, разноплановых, красочных портретов, в каждом из которых подчеркнута уникальность персонажа.

С самого начала романа И.С. Тургенев – истинный художник-портретист – немногословно, но метко схватывает самую суть персонажа, выявляя его «изюминку», его характер, то есть портрет выступает как одно из основных средств индивидуализации персонажа. Помимо внешних характеристик, включающих в себя сведения о причёске, одежде, манерах, аксессуарах, портрет отражает и вкусы, и пристрастия, и привычки героя, подчеркивая тем самым его индивидуальность. Кроме того, в портретном описании героев Тургенев проявляет и своё отношение к ним.

«Я так люблю Татьяну милую мою», – восклицает Пушкин. Эта фраза без всяких комментариев наглядно отражает позицию автора. У Тургенева же такой характеристикой героя является портрет. Тургенев создал теорию «тайной психологии», согласно которой «психолог должен исчезнуть в художнике, как исчезает от глаз скелет под живым и теплым телом, которому он служит прочной, но невидимой опорой». «Поэт должен быть психологом, – разъяснял Тургенев К.Н. Леонтьеву, – но тайным: он должен знать и чувствовать корни явлений, но представляет только самые явления – в их расцвете или увядании» [Соб. соч., IV, с. 135]. На эту особенность творческой манеры Тургенева обращал внимание и его современник, критик П.В. Анненков, который писал о том, что исследование психологии у Тургенева «всегда скрыто в недрах произведения <...> и развивается он вместе с ним, как красная нитка, пущенная в ткань».

Приемы психологического раскрытия характеров у Тургенева находятся в тесном соответствии с формой его романов, являясь их неотъемлемой частью. Тургенев изображает психологический процесс, как бы идя рядом с читателем, поручая ему о многом в душевной жизни героя догадываться. В этих целях, считает исследователь А.И. Батюто, Тургенев пользуется методом «тайного раскрытия душевных движений». Писатель строит свой анализ таким образом, что, не рассказывая о подоплеке душевных явлений, все-таки дает возможность читателю составить представление о ее сущности. [Батюто А.И., 1961].

Проблема отцов и детей представлена в романе в основном во взаимоотношениях молодого нигилиста Базарова с аристократом Павлом Петровичем Кирсановым.

Павел Петрович Кирсанов, представитель аристократической элиты, сущность его характера раскрывается в основном посредством внешних характеристик. Он всегда безупречен и элегантен: носит накрахмаленные белые рубашки, темный английский сюртук, модный низенький галстук и лаковые полусапожки. Бывший светский лев, некогда шумевший в столичном обществе, он сохранил свои привычки, живя у брата в деревне. Этот человек ведет жизнь типичного представителя аристократического общества – проводит время в праздности и безделье, активно защищает старые устои и верен традициям.

Следует отметить, что портрет Павла Петровича Кирсанова детализирован, писатель дает подробное описание роста, телосложения героя, костюма, прически, выражения лица, глаз и т.д., Тургенев прямо не обозначает социально-психологических черт персонажа, а лишь намечает их.

Подтекст, заключенный в портретах героев, в частности Павла Петровича Кирсанова, не всегда удастся передать средствами другого языка, и в восприятии

иностранных читателей Павел Петрович представляется несколько иначе, нежели в тексте оригинала.

Рассмотрим фрагменты текста, где характеризуется этот персонаж, и проанализируем их переводы на французский, английский, греческий и китайский языки. Каким видят Павла Петровича читатели, говорящие на этих языках?

С Павлом Петровичем Кирсановым читатель знакомится в начале четвертой главы романа.

« ...в это мгновение вошел в гостиную человек среднего роста, одетый в темный английский сюрт, модный низенький галстук и лаковые полусапожки, Павел Петрович Кирсанов. На вид ему было лет сорок пять: его коротко остриженные седые волосы отливали темным блеском, как новое серебро; лицо его, желчное, но без морщин, необыкновенно правильное и чистое, словно выведенное тонким и легким резцом, являло следы красоты замечательной; особенно хороши были светлые, черные, продолговатые глаза. Весь облик Аркадиева дяди, изящный и породистый, сохранил юношескую стройность и то стремление вверх, прочь от земли, которое большею частью исчезает после двадцатых годов».

Французский перевод этого фрагмента выглядит следующим образом:

«...et il se dirigeait déjà vers la porte lorsqu'un homme d'une taille moyenne, portant un suit anglais d'une couleur sombre, une cravate basse à la dernière mode et des bottines vernies, entra dans le salon. C'était Paul Petrovitch Kirsanof. Il paraissait avoir quarante-cinq ans environ ; ses cheveux gris coupés très-court avait le reflet foncé de l'argent lorsqu'il est encore neuf ; les traits de son visage au teint bilieux, mais net et sans rides, étaient d'une grande régularité, et dessinés avec une délicatesse extrême. On reconnaissait bientôt qu'il avait dû être très-beau ; ses yeux noirs, limpides et allongés, étaient surtout remarquables. L'élégant extérieur de Paul Petrovitch conservait encore l'harmonie de la jeunesse, et ce je ne sais quoi d'élancé, qui semble vouloir quitter la terre, et qui disparaît ordinairement avec la vingtième année ».

(Дословный перевод: Он уже направлялся в сторону двери, когда мужчина среднего роста, одетый в темный английский костюм с модным низким галстуком и в лаковых ботинках, вошел в комнату. Это был Павел Петрович Кирсанов. Казалось, что ему примерно лет 45. Его короткие седые волосы имели глубокий блеск как у нового серебра. Его лицо желчного цвета было чистым и без морщин, а черты имели четкую закономерность (регулярность) и проявлялись исключительно деликатно. Легко понять, что раньше он был очень красивым, его черные глаза, ясные и узковатые, были очень запоминающимися. Элегантный внешний вид Павла Петровича до сих пор сохранял

гармонию юности, и такую возвышенность, казалось, что он вот-вот оторвется от земли. Обычно, это исчезает годам к двадцати.)

Перевод на английский язык:

«...but at that moment a man of medium height, dressed in a dark English suit, fashionable low cravat, and patent leather shoes, entered the drawing room – Pavel Petrovich Kirsanov. He appeared to be about forty-five: his closely cropped gray hair shone with a dark luster, like new silver; his face, sallow, but without wrinkles, unusually regular and pure of line, as if carved by a light and delicate chisel, revealed traces of remarkable beauty; his bright, black almond-shaped eyes were particularly exquisite. The entire figure of Arkady's uncle, elegant and well-bred, retained a youthful gracefulness and a striving upward, away from the earth, which in most cases is lost after a man leaves his twenties behind».

(Дословный перевод: Но в этот момент мужчина среднего роста в темном английском костюме, модном низком галстуке и в лакированных кожаных ботинках вошел в гостиную – Павел Петрович Кирсанов. На вид ему казалось лет сорок пять: его короткие седые волосы блестели темным блеском как новое серебро; его лицо, желтоватое, но без морщин, с необычно правильными и понятными (чистыми) чертами, как будто вырезанное легким и тонким долотом, показывает следы невероятной красоты; его яркие черные миндалевидные глаза были особенно изысканными. Вся фигура дяди Аркадия, изящного и хорошо сложенного, сохранила юношескую грациозность и стремление вверх, вдаль от земли, что обычно пропадает в человеке, когда ему исполняется двадцать).

Перевод на греческий язык:

... εκείνη τη στιγμή μπήκε στο σαλόνι ένας άντρας μέτριου αναστήματος, ντυμένος με σκούρο αγγλικό κοστούμι, κόντη γραβάτα τελευταία λέξη της μόδας και μποτίνια από λουστρίνι, ο Πάβελ Πετρόβιτς Κίρσάνοφ. Τον έκανες σαράντα πέντε χρονών: τα κοντοκουρεμένα γκρίζα μαλλιά του είχαν μια σκούρα στυλνάδα, σαν φρέσκο ασήμι, το πρόσωπο του ωχρό, αλλά χωρίς ρυτίδες, ασυνήθιστα αρμονικό και φωτεινό, σαν να ήταν σμιλεμένο από λεπτό σκαρπέλο ακρίβειας, διατηρούσε ίχνη αξιοζήλευτης ομορφιάς, ιδιαίτερος όμορφα ήταν τα λαμπερά, μαύρα, ελαφρώς σχιστά (с лёгким разрезом) μάτια του. Το παρουσιαστικό του θείου του Αρκάντι, κομψό, εκλεχτής ράτσας, διατηρούσε τη νεανική του σφριγηλότητα κε εκείνη την τάση για ανάταση, για υπέρβαση των γήινων, που μεγάλο μέρος της εξαφανίζεται μετά τα είκοσι.

(Дословный перевод: «... в это мгновение вошёл в гостиную мужчина среднего роста одетый в тёмный английский костюм, в коротком по последнему крику моды галстуке и лаковые полусапожки, Павел Петрович Кирсанов. Ему (кто-то) дал бы сорок пять лет: его короткие пепельные волосы с темноватым блеском свежего серебра (по

тексту «как свежее серебро»); *лицо его, бледное (бесцветное), но без морщин, необыкновенно правильное и чистое, словно выведенное тонким и легким резцом, являло следы красоты замечательной; особенно хороши были светлые, черные, с лёгким прищуром глаза. Внешность дяди Аркадия изящный (κοιψός ещё = элегантный, тонкий, изысканный), избранной расы (в греческом раса -ράτσα в сочетании с прилагательным καλής- породистый используется для характеристики породы животных; «хорошей породы, породистый»: «καλής ράτσας». Переводчик использовал прилагательное «εκλεχτής» – «избранная» в сочетании с существительным «ράτσας». Здесь уместно было перевести «ἦταν ἀπό σοί» – «происходил из известного рода»), сохранял юношескую пылкость и стремление к взлёту и возвышению над всем земным, большая часть которого исчезает после двадцати»).*

Итак, для Тургенева портрет персонажа имеет чрезвычайно важное значение. В нем заложены основные характеристики внутреннего мира героя и его мировосприятия. Более того, в портретной характеристике этого персонажа присутствует и так называемая историко-культурная составляющая.

Характеризуя внешность Павла Петровича, писатель обращает внимание на следующую деталь: *лицо его было «желчное, но без морщин».*

Если обратиться к толкованию значения слова «желчный», то становится очевидным, что для писателя это не обозначение цвета кожи персонажа, а особенность его характера. В словаре русского языка С.И. Ожегова слово «желчный» означает «раздражительный, злой» (*желчный тон, желчный характер*) [СРЯ, 1985, с.165]. Именно в этом значении его и использует Тургенев. У русского читателя складывается впечатление о характере Павла Петровича уже из этой небольшой портретной детали.

Рассмотрим, как переводчики передали эту значимую деталь портрета.

В переводе романа на английский язык слово «желчный» переводится как «sallow», то есть «желтоватый, землистый». Английский читатель вместо язвительного человека видит человека болезненного с желтовато-землистым цветом лица. Это стирает важную особенность характера героя и добавляет ту характеристику, которой нет в тексте оригинала. Тургенев же, напротив, подчеркивает красоту, молодость аристократа Павла Петровича Кирсанова, наделяя его следующими характеристиками: «...лицо его, желчное, но без морщин, необыкновенно правильное и чистое, словно выведенное тонким и легким резцом, являло следы красоты замечательной...».

В переводе на греческий язык, слово «желчный» переводится как «ωχρό», то есть «бледное», «бесцветное» лицо, что также не соответствует тексту оригинала.

Подобным образом видят этого героя и китайские читатели. В переводе Ба Цзиня цвет лица героя определяется переводчиком как «ненормальный, нездоровый, но без морщин» (在他那血色不好, 但没有一条皱纹的脸上), аналогичный перевод делает и Ши Чжэнь Чуань. По его версии, лицо героя тоже желтого цвета (脸容虽说是黄黄的, 但没有一丝皱褶). Таким образом, можно сделать вывод, что и китайские читатели видят перед собой человека больного, с нездоровым цветом лица. Можно предположить, что на подобное восприятие внешности героя переводчиками повлияла характеристика Павла Петровича, появляющаяся несколько позже, в двадцать четвертой главе «*Освещенная ярким дневным светом, его красивая, исхудавшая голова лежала на белой подушке, как голова мертвеца... Да он и был мертвец*». Очевидно, Тургенев подчеркивает, что время Павла Петровича неминуемо уходит в прошлое, и в этой жизни ему нет места.

Наиболее интересным с точки зрения раскрытия характера героя нам представляется французский перевод романа. В нем слово «желчный» переводится как «bilieux», что, с одной стороны, означает «желтоватый», но, с другой – может иметь и значение «раздражительный». Это значение вполне соответствует той характеристике персонажа, которая присутствует в оригинале. Однако в переводе к слову «bilieux» добавляется слово «au teint», что означает «цвет». Возникает вопрос, каким же видят французские читатели Павла Петровича Кирсанова: раздражительным или болезненным с желтоватым цветом лица?

Описывая далее облик Павла Петровича, Тургенев использует и такие определения, как «изящный и породистый»: «*Весь облик Аркадиева дяди, изящный и породистый, сохранил юношескую стройность...*», что позволяет автору подчеркнуть аристократичность героя.

В переводе на английский язык определения «изящный и породистый» передается при помощи слов «elegant and well-bred», что означает «элегантный и благовоспитанный, имеющий хорошие манеры». Это вполне соответствует характеристике, данной в оригинале.

А вот в переводе на греческий язык данные определения передаются при помощи слова и словосочетания «*κομψό, εκλεκτής ράτσας*», что означает «изящный» или «элегантный, тонкий, изысканный», и «избранной расы» (в греческом раса -ράτσα в сочетании с прилагательным καλής- породистый используется только для характеристики породы животных; *хорошей породы, породистый* – καλής ράτσας). Переводчик же использовал прилагательное «εκλεκτής» – «избранная» в сочетании с существительным

«ράτσας». Здесь уместно было перевести «ἦταν ἀπό σοῦ» – «происходил из известного рода»).

В переводе на французский язык эта характеристика вообще отсутствует. Переводчик использует выражение «*L'élégant extérieur de Paul Petrovitch...*», что, на наш взгляд, упрощает портрет героя, так как аристократичность и порода, на которых акцентирует внимание Тургенев, - существенные черты героя.

В переводе Ба Цзиня на китайский язык «阿尔卡季的伯父的整个外貌，在贵族的高傲和优雅之外，还保留着青春的和谐，以及一般过了二十岁的人所少有的那种超脱世俗的憧憬。」 («*Вся его внешность, кроме высокомерного, породистого и изящного, сохранил гармонию юношескую, и ту мечту, стремление прочь от земли, которое большей частью исчезает после двадцати лет*»)

Ши Чжэнь Чуань стирает эту характеристику, заменяя ее словами «изящный и красивый»阿尔卡季伯父的雅致容貌还保留着年轻时的健美和一种超凡脱俗的气派，一般说来，人过三十，这种风度和气派便大半消失的了。 («*Его изящная и красивая внешность и фигура, сохранила юношескую стройность и не светской стиль. В общем, такой стиль и такие прекрасные манеры, большая часть которых исчезает после 30 лет*»).

Завершает описание героя следующая фраза: «*Весь облик Аркадиева дяди, изящный и породистый, сохранил юношескую стройность и то стремление вверх, прочь от земли, которое большей частью исчезает после двадцатых годов*». Эта характеристика героя требует обязательного историко-культурного комментария, так как она не всегда понятна даже современному русскоговорящему читателю. Тургенев оставляет читателю определенную интригу: идет ли речь здесь о возрасте героя или об определенной исторической эпохе?

Возможны разные интерпретации данного фрагмента. Первая интерпретация, которую подсказывает сам контекст, уводит нас в сторону возраста персонажа: «*сохранил гармонию юношескую*». Однако грамматическая форма порядкового числительного «*после двадцатых годов*» скорее указывает не на возраст героя, а на определенный исторический период. Дело в том, что 20-е годы XIX века – знаковый период русской истории, связанный, с одной стороны, с прогрессивными идеями и их жестоким подавлением в 30-е годы XIX века. «*Души прекрасные порывы*» – так А.С. Пушкин характеризовал настроение прогрессивных дворян того времени. Окрыленные свободолобивыми мечтами, они верили в то, что в «Россия вспрыгнет ото сна». Однако этим мечтам не

суждено было сбыться – восстание декабристов 1825 года было подавлено, а романтические порывы сменились разочарованием. С другой стороны, облик старшего Кирсанова возвращает нас к «онегинской» эпохе, изящной, ориентированной на английские вкусы и манеры, ко времени «дендизма». Аристократы-денди несли себя над землей, они не садились на коня, а взлетали в седло, их тросточки тончайшей работы только подчеркивали легкость походки их владельцев. «Острижен по последней моде,/ Как денди лондонский одет» был пушкинский лишний человек Онегин. Короткая английская стрижка здесь, в шестидесятых, – признак консервативности вкусов тургеневского героя, Тургеневу было важно показать, что Павел Петрович принадлежит именно этой эпохе, эпохе романтизма, на которую пришелся период его молодости. Социально-психологические черты героя четко прописаны. Через описание внешности героя дается характеристика времени, точнее, двух эпох: эпохи, породившей эстетические запросы героя, и о современности Тургенева – 60-х годах, еще сохраняющих те пристрастия героя, причем – как признак изысканного, классического аристократизма, доходящего в определенной степени до снобизма.

Во всех анализируемых переводах эта важная характеристика персонажа как представителя определённой эпохи упускается. Переводчики на все языки видят в ней только ссылку на ушедший возраст. Из этого можно сделать вывод, что для адекватного перевода подобных фрагментов текста, их необходимо снабжать культурологическим комментарием.

Перевод на французский язык:

«L'élégant extérieur de Paul Péetrovitch conservait encore l'harmonie de la jeunesse, et ce je ne sais quoi d'élancé, (qui semble vouloir quitter la terre) et qui disparaît ordinairement avec la vingtième année» (...казалось, что он вот-вот оторвется от земли. Обычно это исчезает годам к двадцати).

Перевод на английский язык:

*«The entire figure of Arkady's uncle, elegant and well-bred, retained a youthful gracefulness and a striving upward, away from the earth, which in most cases is **lost after a man leaves his twenties behind**» (...что обычно пропадает в человеке, когда ему исполняется двадцать).*

Перевод на греческий язык:

«Το παρουσιαστικό του θείου του Αρκάντι, κομψό, εκλεχτής ράτσας, διατηρούσε τη νεανική του σφριγηλότητα κε εκείνη την τάση για ανάταση, για υπέρβαση των γήινων, που μεγάλο μέρος της εξαφανίζεται μετά τα είκοσι» (...стремление к взлёту и возвышению над всем земным, большая часть которого исчезает после двадцати).

Переводы на китайский язык:

Ба Цзиня «Арлка季的伯父的整个外貌，在贵族的高傲和优雅之外，还保留着青春的和，以及一般过了二十岁的人所少有的那种超脱世俗的憧憬» (*...которое большею частью исчезает после двадцати лет*»).

Ши Чжэнь Чуаня «Арлка季伯父的雅致容貌还保留着年轻时的健美和一种超凡脱俗的，一般说来，人过三十，这种风度和气派便大半消失的了»。*(большая часть которых исчезает после тридцати лет*»).

Таким образом, подводя итог данному исследованию, можно сделать целый ряд выводов. Для того чтобы перевод наибольшим образом соответствовал оригиналу не только в общих чертах, но и в самых небольших, но чрезвычайно важных для понимания замысла автора, его стиля и всей смысловой структуры произведения, необходимо иметь довольно подробный культурологический комментарий. Однако никакой комментарий не может предвидеть на каком фрагменте, на какой детали споткнется переводчик. Поэтому важным оказывается переводческая критика, заключающаяся в подробном анализе большого корпуса текстов оригинала в сопоставлении с текстами перевода. Результаты работы критика способны оказать большую помощь в работе над новыми переводами.

И последний вывод подтверждает хорошо известную в истории перевода истину о том, что при всем мастерстве переводчика перевод не способен в силу культурной, языковой и исторической асимметрии передать все нюансы авторского замысла, сохранить авторские интриги и «игру» автора со своим читателем.

Список литературы:

- Батюто А.И.* Структурно-жанровое своеобразие романов И.С. Тургенева 50-х начала 60-х годов // Проблемы реализма русской литературы XIX в. – М.; Л., 1961.
- Лукина В.А.* Тургенев – редактор немецкого перевода романа «Отцы и дети». Электронный ресурс: <http://lib2.pushkinskijdom.ru>
- Русские писатели о переводе: XVIII-XX вв. Под ред. Ю. Д. Левина и А. Ф. Федорова. Л.: «Советский писатель», 1960.
- Ожегов С.И.* Словарь русского языка. Под ред. Н.Ю Шведовой. М., 1985.
- Томахин Г.Д.* Реалии в языке и культуре // ИЯШ., 1997 - №3. – с. 13 – 18.
- Тургенев И.С.* Полное собрание сочинений и писем: в 28 томах – М.; Л., 1960-1968. Литературное наследство. Т. 31-32. Электронный ресурс: <http://litnasledstvo.ru>
- Чичерин А.В.* Тургенев и его стиль // Чичерин А. В. Ритм образа. М., 1980. С. 26-52.

Иванова О.Ю.
Российский новый университет
г. Москва (Россия)

Ivanova Olga
Russian New University
Moscow (Russia)

И.С. ТУРГЕНЕВ В «ОТРАЖЕНИИ» И.Ф. АННЕНСКОГО (ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА КАК ВИД ВНУТРИЯЗЫКОВОГО ПЕРЕВОДА)

IVAN TURGENEV IN INNOKENTIY F. ANNENSKY'S "REFLECTION" (LITERARY CRITICISM AS AN INTRA-LANGUAGE TRANSLATION)

В центре внимания исследования находится образец критической прозы И.Ф. Анненского – статья, посвященная оценке одного из последних произведений И.С. Тургенева – повести «Клара Милич». Автор исследования считает, что все виды творческой деятельности И.Ф. Анненского (поэтическое творчество, перевод, литературная критика) могут быть осмыслены как коммуникативные практики, а литературная критика конкретизирована как внутриязыковой перевод. Анализ текста статьи в сопоставлении с текстом повести и узловыми концептами идиолекта (семиосферы) Анненского позволяет подтвердить этот тезис.

The focus of the study is a sample of I.F. Annensky's critical prose, an article devoted to the evaluation of one of the last works of I.S. Turgenev – the novel "Clara Milich". The author of this study believes that the whole of I.F. Annensky's creative work (poetic creativity, translation, literary criticism) can be interpreted as communicative practices, and his literary criticism understood as an intra-linguistic translation. Analysis of the text of the article in comparison with the text of the story and the key concepts of the idiolect (semiosphere) of Annensky allows to confirm this viewpoint.

Ключевые слова: И.С. Тургенев, И.Ф. Анненский, литературная критика, перевод, коммуникативная практика.

Keywords: I.S. Turgenev, I.F. Annensky, literary criticism, translation, communicative practice.

В этой статье мы попытаемся ответить на несколько вопросов, которые имеют отношение к творчеству Иннокентия Федоровича Анненского, но в контексте одной из его работ, посвященных Ивану Сергеевичу Тургеневу. Речь идет о статье «Умиравший Тургенев. Клара Милич», которая вошла в «Книги отражений», представляющие собой два сборника критических статей Анненского.

Это очень специфический материал, включивший размышления Анненского-поэта, критика и переводчика только о тех произведениях и тех авторах, которые показались Анненскому «созвучными». В предисловии к сборнику Анненский предупреждает читателя: «Я же писал здесь только о том, что *мною* владело, за чем я следовал, чему я отдавался, что я хотел сберечь в себе, сделав собою» [Анненский, 1979, с.5]. Читателя, знакомого с творчеством Анненского-поэта и переводчика, при чтении статей не покидает ощущение, что текст этих статей, всех без исключения, перекликается с поэтическими

текстами Анненского, и не только «концептуально», на уровне идеи, но, прежде всего, семиотически, самим составом слов, концептов, тем-образов. Это особое свойство критической прозы Анненского подчеркнул в свое время и А.В. Федоров: «Критическая проза Анненского – это проза поэта. В отдельные моменты она переключается с определенными местами его поэзии (в общем это бывает не столь уж часто – и, по-видимому, значительно реже, чем подобные переключки между поэтическим и критическим творчеством встречаются у Блока)» [Анненский. 1979, с. 547].

Как нам кажется (и мы это уже неоднократно подчеркивали), такие совпадения являются результатом общей интертекстуальности того, что является продуктом творческой деятельности И.Ф. Анненского – стихотворения, критическая проза, переводы, статьи на педагогические темы. При этом, если понимать все поле творческой деятельности Анненского как некое гипертекстовое пространство, оформленное в виде текстов, то при всей самоценности и значимости каждой из сфер именно поэзия, вобравшая в себя все грани его творческой личности, как квинтэссенция осознанного и интуитивного, как самое откровенное, а точнее сокровенное, личное, включившее все мысли и переживания, а потому неизбежно проецирующееся на другие сферы его деятельности, может быть квалифицирована как «сильный текст» творчества Ин. Анненского в целом.

Перевод для И.Ф. Анненского, представляющий собой не менее важную сторону его творческой жизни, также должен быть включен в систему его средств «самовыражения» и «отражения» посредством интерпретации (и внесения новых смыслов) на языке перевода, в форме собственного оригинального текста, тех иноязычных и инокультурных текстов, которые он стремится «сделать своими». Такой перевод в свое время мы предложили назвать «герменевтико-синтетическим» [Иванова, 2012]. Отметим, что такой подход к переводу не является особенным свойством переводчика Анненского. Он отражает общие тенденции в отношении к переводу авторов, представляющих культуру Серебряного века [Иванова, 2013]. Сущность этого перевода может быть выражена в следующих двух позициях:

1. «Поэты искали способ выразить себя в большей мере, чем выполнить переводческую задачу и ввести новое поэтическое имя в круг чтения русского общества» [Топер, 2001, с.109].

2. Переводы Серебряного века адресованы такому читателю, который знаком с оригиналом или без труда для себя может с ним познакомиться [Любжин, 2011].

Анализ «Книг отражений» позволяет говорить о том, что в определенной мере представленные в этом сборнике тексты являются результатом тех же интенций, которые

лежат в основе собственно переводческих практик И.Ф. Анненского. В «Книгах отражений» И.Ф. Анненский пишет о тех (и для тех, что также весьма существенно), кто близок и созвучен лично ему, кто входит в круг его своеобразных единомышленников, кого он может назвать «своими». При всем формальном демократизме литературная критика Анненского не менее элитарна, чем его поэзия и его переводы. Анненский и Белинский с точки зрения литературной критики – планеты разных галактик. Цель Анненского в его критических статьях – представить в «отражении» «другого» прежде всего - самого себя, но для тех, кто способен смысл этих «отражений» - «самовыражений» адекватно воспринять, кто находится с самим Анненским на одной волне, в состоянии синергии. В предисловии ко «Второй книге отражений» он отмечает: «Я пишу здесь только о том, что все знают, и только о тех, которые всем нам близки. Я отражаю только то же, что и вы» [Анненский, 1979, с.123]. Тем самым он дает характеристику своему потенциальному читателю, указывая на прагматику «своего» текста, рассчитывая если не на абсолютное понимание, то, по крайней мере, на равнозначность этого уровня, т.е. на то, что Р.К. Миньяр-Белоручев называет уровнем «информационного запаса». Важную роль в культуре Серебряного века играет «средовой контекст», определяющий интенции любого вида творческой деятельности возможностью создавать тексты «для себя», «о себе» и «для своих», т.е. тех, кто обладает *равно-значностью* восприятия и понимания. Сама культура Серебряного века представляет собой некое универсальное пространство коммуникации творческих людей. Эта коммуникация реализуется посредством разного рода текстовой деятельности, в которой текст понимается в самом широком смысле этого слова. У каждого автора существует свое текстовое пространство, сформированное собственной семиосферой, находящейся в постоянном взаимодействии с другими текстами в рамках единого гипертекста. Знаки каждой частной семиосферы (идиолекта) могут быть адекватно интерпретированы всеми участниками коммуникативного процесса в силу их «средовой» осведомленности, погруженности в пространство общего для всех культурного гипертекста.

По сути, все виды текстовой деятельности в этой культуре выступают функционально равнозначными коммуникативными практиками, имеющими своей целью не столько передачу информации, сколько формирование и интерпретацию смыслов. Таким образом, мы можем повторить вслед за Р.О. Якобсоном, несколько преобразив его знаменитый тезис о трех видах перевода [Якобсон, 1978], что в культуре Серебряного века любая текстовая деятельность есть перевод.

И если, в развитии сказанного, понимать под поэтическим творчеством вид межсемиотического перевода, представляющий собой процесс вербализации эмоции,

ощущения, то литературная критика И.Ф. Анненского - это процесс интерпретации («отражения») средствами русского языка, реализованного в форме специфического идиолекта (и идиостиля) Анненского, интертекстуальных взаимодействий его собственного поэтического текста (вербализованного ощущения), появившегося в результате трансмутации, с равноценными и равнозначными (или понимаемых как равноценные и равнозначные) текстами «других», понимаемых в силу равноценности и равнозначности как «свои», с целью экспликации своего ощущения этого «отражения» и создания в результате этого взаимодействия новых или дополнительных смыслов. Таким образом, литературную критику И.Ф. Анненского мы можем понимать как внутриязыковой перевод. В свою очередь поэтический перевод Анненского (межъязыковой перевод) нацелен на то, чтобы включить в общий процесс интерпретации и порождения смыслов тексты, созданные на других языках, причем именно известных, доступных для понимания потенциальным адресатам перевода («своим») и именно этой доступностью для понимания адекватно, т.е. в соответствии с интенцией переводчика, влияющих на процесс интерпретации смыслов.

Таким образом, в творчестве И.Ф. Анненского все виды его текстовой деятельности имеют одни и те же интенции и стимулы и нацелены на одни и те же результаты. Исходя из этого его поэтический перевод и литературную критику можно рассматривать как две стороны одной медали.

Мы не случайно упомянули выше особый идиолект Анненского. На уровне поэтического текста он создает свой собственный язык, свою личную семиосферу, включая в нее слова, темы и их специфические коннотации, которые отражают главные концепты его личной картины мира: *я, не-я, листы-листья, ель (елинка), страх, страдание, тоска, скука, мука, умирание, смерть, гроб, ночь, сломанная кукла, свеча, сердце, алый (красный) цвет жизни, часы, камень, поезд, огонь-пламя, дорога, ящик, желтизна как символ смерти, чаша жизни, мираж, неизбежность, невозможность, осень, просветы, пар-дым, здесь, там* и др.

Именно эти слова составляют базовый тезаурус всех его текстов: собственно поэтических (включая драматургию), переводных, критических. В новых контекстах (новых текстах) они выступают своеобразным маркером ассоциации, дополнительного смысла, коннотации. Именно поэтому в текстах Анненского все слова «неслучайны».

Обратимся к статье И.Ф. Анненского, посвященной И.С. Тургеневу – «Умиравший Тургенев. Клара Милич». Главная тема статьи – как связаны ощущения Тургенева в последние месяцы его жизни с содержанием его последнего, предсмертного и самого

загадочного, произведения, с повестью «Клара Милич». Главная тема повести «Клара Милич» - «любовь побеждает смерть».

Начало статьи – описание похорон Тургенева, как оно явилось глазам Анненского, принимавшего в них участие «22 года тому назад» [Анненский, 1979, с.36]. Похороны представлены через характерное для Анненского «видение вещи», через описание людей и предметов. Композиция и ассортимент слов-знаков, составивших текст этого описания, представляют собой определенную параллель к композиции и базовой, концептуальной, лексике «Трилистника балаганного» из сборника «Кипарисовый ларец» [Анненский, 1990, с.128-130]:

Описание похорон: 1) экспозиция (смерть как неизбежность) – «теплое утро... осенью», «бойня ...символ неизбежности и равнодушия», «редкий дым лениво ползет из трубы», «дымящаяся гладь канала»; 2) окружение (суета жизни) - «я не один...толпа, готовая каждую минуту пострадать», «лошади фыркают у жандармов», «репортеры с карандашиками», «болезненно-бледный малый...подвязал себе уши пестрым платком», «суетливые люди – чуть ли не с бантами...точно в клубе» 3) похороны как итог «умирания» – «завяли ленты... засверкали золотом литеры, серебром венки», «с сукровицей на атласной подушке гроба», «свистнул поезд»¹³, «извозчики крестятся, - и в шапках у них видны пропотевшие красные платки».

«Трилистник балаганный»: «Серебряный полдень» (экспозиция, смерть как неизбежность): «...туман к полудню еще не развеян, стал даже желтей и мертвей он», «меж клочьями мертвых паров», «пришли Арлекин и Пьеро... и стали у гроба с свечами»; «Шарики детские» (окружение, суета жизни) – продавец разноцветных воздушных шариков в толпе из разных «балаганных людей»: «Пожалте, старичок!...Вот этот пузатенький, желтоватенький¹⁴». «Умирание»: «шар на нитке» (темно-алое сердце) над головой «темно-алый» как двойник, как символ надежды на то, что пока «он над головой» жизнь не закончится.

В статье – о конце жизни Тургенева. Его «темно-алый шар» уже пойман, он не «над головой», а «на подушке», «в шапке», в «Трилистнике» - «желтый шарик» пока отдали другому, а «темно-алый шар» - над головой.

В целом вступление содержит почти полный набор слов, входящих в ассортимент концептов Анненского. Обращает на себя фраза «И как у нас тихо...». «Тишь», «тишина»

¹³ Традиционный для Анненского символ конца.

¹⁴ Желтизна у Анненского – традиционный символ смерти.

у Анненского – слово с очевидной коннотацией, указывающей на тишину как символ неизбежной смерти.¹⁵

В тексте статьи одним из символов жизни-смерти выступают часы, характерный для текстов Анненского амбивалентный образ (Ср. «Стальная цикада» [Анненский, 1990, с.97]. В статье «часы» - образ стиля жизни в семье Аратова – «Сама жизнь привыкла сливаться там с движением часовой стрелки» [Анненский, 1979, с.38]; «А самих-то часов, т.е. жизни все равно не вернешь» [Анненский, 1979, с.40].

В тексте есть и другие очевидные словесные отсылки (знаки) к поэтическим текстам самого Анненского: «Все это было для меня чем-то вроде сна или декорации...» [Там же]. Ср. стихотворение «Декорация» - «Эта лунная ночь невозможного сна» [Анненский, 1990, с.72]. В рассуждениях, касающихся «умирания Тургенева» (разумеется в обязательной для Анненского параллели, указывающей на неизбежность его собственного умирания) появляется «знак» желтизны как характерный у Анненского символ смерти¹⁶: «... тусклый день желто смотрит на меня уже сквозь пыльные стекла»; «...перебирающий у камина желтую тетрадь»; «слова его (Тургенева – прим. *наше О.Иванова*) падали старчески-медленно, а рядом также медленно падали с дрожащих веток желтые листья» [Анненский, 1979, с.37, 38]. Листья – в контексте творчества Анненского – символ человеческой жизни, человека как такового, символ бренности человеческого бытия. Люди – как листья [Анненский, 1990, с.58 и др.]. «Кукла» - двойник я – не я у Анненского Ср. «Но игрушка сломана, и я не заметил даже, когда это произошло» [Анненский, 1979, с.40]; «...но глаза оставались неподвижными, и вся фигура принимала вид какой-то куклы [Анненский, 1979, с.41] - Ср. у Анненского «То было на Валлен-Коски» - брошенная в волны кукла [Анненский, 1990, с.92]. Сквозной знак поэзии Анненского «скука»- «тоска». В статье «скука» определена как характерная черта Аратова – «Если Аратов весь – будни, весь – скука» [Анненский, 1979, с.40]; «тоска» же – это образ Клары : «тоскливое, оно похоже на тот образ, который Аратов увидел в стереоскопе» [Анненский, 1979, с.41]; «Тоскливый осадок жизни – вот первый абрис Клары» [Анненский, 1979, с.41]. Характерный для поэзии Анненского образ «чаши жизни» (Ср., например, «С четырех сторон чаши» [Анненский, 1990, с.68] здесь превращается в кубок - «Чем полнее наливают ему кубок, тем горячее будет он верить, что там была лишь одна капля и та испарилась...» [Анненский, 1979, с.41].

¹⁵ Ср. его перевод «Ночной песни странника» Гете – «Тишь и тебя возьмет». См. об этом – Иванова О.Ю. Иванова О.Ю. К вопросу о новых терминах в переводе (И. Анненский и его модель перевода) / Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Филология. 2012. № 1(2). С.64-67.

¹⁶ Ср. «Желтый пар петербургской зимы...», «Одуванчики» и др.

Исследуя статью, мы найдем в ней полный набор слов-знаков поэтических текстов Анненского. В определенной мере статью «Умиравший Тургенев» можно рассматривать как проекцию словаря идиолекта И.Ф. Анненского. Ответ на вопрос «почему» дает сам Анненский, определяя суть сюжета повести, – «Это драма умирания» [Анненский, 1979, с.38]. «Драма умирания», которая в свою очередь «отразила» ощущения и мысли «умирающего Тургенева». В свою очередь Анненский «отражает» эту повесть и предполагаемые им ощущения умирающего Тургенева потому, что тема «умирания» - это главная тема его поэзии. Эта тема тесным образом переплетена с «мифологемой» его «жизнетворчества», не сказать о которой нельзя, поскольку без нее потеряется, на наш взгляд, логика и закономерность наших рассуждений.

И творчество, и личную жизнь Ин. Анненского можно осмыслить в форме так называемой «платоновской биографии» (термин М.М. Бахтина), отражающей путь духовного (творческого) познания личности, самосовершенствования души-Психеи, поднимающейся по лестнице Эроса и припоминающей «реалии» идеального мира, как путь жизнетворчества. Понятия «жизнетворчество» и «мифологема жизнетворчества» применительно к Серебряному веку впервые сформулированы в статье С.С. Хоружего «Мифологема Эдема в жизни и творчестве Флоренского» [Хоружий, 1995]. С.С. Хоружий пишет: «Жизнь и творчество как два слагаемых биографии отнюдь не мыслятся независимыми сферами, но интенсивно взаимодействуют между собой. Они обращены навстречу друг другу, друг в друге отражаясь и раскрываясь: жизнь и личность превращают себя в материал творчества, в эстетический или философский предмет, а творчество, в свою очередь, посвящает себя духовной проработке этого экзистенциального материала. В этом своем взаимодействии они соединяются в нерасторжимое двуединство, которое естественно называть жизнетворчеством... Всякий подлинный, состоявшийся опыт жизнетворчества есть поэтому воплощение некоторой мифологемы или, другими словами, легенды». С.С. Хоружий считает, что «понять жизнь, которая протекает как жизнетворчество, означает найти ее персональную мифологему» [Хоружий, 1995, с.53-54]. «Легенда» творчества представлена у Ин. Анненского в виде нескольких мифологем, в определенной степени дополняющих друг друга, но центральной мифологемой его «жизнетворчества» выступает образ гомеровского Одиссея. Именно в этой мифологеме сходятся все основные проблемы и сюжеты «биографии» его души, вопросы смысла жизни и творчества, жизни и смерти, вечности и мгновения. У Анненского эта мифологема уже задана псевдонимом¹⁷, которым подписан его первый

¹⁷ Проблема роли мифа об Одиссее в творчестве Ин. Анненского нашла определенное развитие в работах Г. Козубовской, Б. Конрад (Conrad), В. Мусатова, Г. Пономаревой.

сборник «Тихие песни» - «Ник. Т-о», т.е. «Утис», имя, которым назвал себя Одиссей в пещере циклопа Полифема, чтобы спасти себя и товарищей.. Изначальная заданность темы позволяет отнести к «одиссеевой» тематике большое число стихотворений поэта, причем не только в «Тихих песнях», но и в «Кипарисовом ларце», и в стихотворениях, не вошедших в сборники. Сама суть странствий гомеровского героя у Анненского-Одиссея может быть понята весьма своеобразно¹⁸. Ключом к разгадке тайны странствий Анненского-Одиссея (Утиса) может послужить версия болгарского писателя Тончо Жечева, который в своем эссе об Одиссее [Жечев, 1997, с.235], сам того не предполагая, дает, как нам кажется, самое верное толкование «одиссееву» тексту И.Ф. Анненского. По Жечеву, «Одиссея», безусловно, - это не история путешествий вообще, а история возвращения - путь назад. Путь в Трой, к неизвестному, был путем к жизни, путь назад - путь к известному, путь к смерти. Именно на этом пути, свободном от жизненных страстей, последняя страсть - естественный страх смерти проясняет смысл жизни. Жечев называет этот путь «соединением концов и начал, восхода и заката... родины и мира, поэзии и прозы, рождения и смерти». В последние годы «проблематика смерти как факта культуры» несмотря на «непривычность» все больше заинтересовывает собой историков и культурологов. Это связано с тем, что смерть является безусловным компонентом картины мира, именно в отношении к смерти раскрывается человеческая личность. С позиции мифологемы Одиссея творчество Анненского демонстрирует нам его концепцию отношения к смерти как неизбежности, позволяющей осознать смысл жизни. Именно об этом – его стихотворения, на выражение именно этого смысла нацелены все знаки его семиосферы, все слова его идиолекта.

О чем «Клара Милич»? О том, что любовь побеждает смерть. Именно об этом думал умирающий Тургенев, ощущая неизбежность смерти, именно эту мысль находит созвучной себе и «отражает» И.Ф. Анненский, осознавая, что он уже стоит совсем близко к тому неизбежному рубежу, которого достиг Тургенев «22 года назад»: «22 года тому назад все это было для меня чем-то вроде сна или декорации... Я, видите ли, тогда проводил время еще на площади и каждую минуту готов был забыть, что нахожусь хотя и в хвосте, но все же перед театральной кассой, откуда в свое время и получу билет. Но теперь, когда поредело передо мной, а зато позади толпа так и кишит, да только вернуться туда я уже не могу, - теперь, когда незаметно для самого себя я продвинулся с площади в темноватый вестибюль театра и тусклый день желто смотрит на меня уже сквозь его пыльные стекла, - когда временами, через плечо соседа, я вижу даже самое окошечко

¹⁸ Более подробно – см. Иванова О.Ю. Мифологическая картина мира И. Анненского и М. Волошина (Пещера Полифема) // Русский символизм и мировая культура. Сборник научных трудов под ред. Л.А. Сугай. М.: ГАСК, 2004. Вып. 2. 320 с.

кассы... О, теперь я отлично понимаю ту связь, которая раз навсегда сцепила в моей памяти похороны Тургенева с его последней повестью» [Анненский. 1979, с. 37].

Список литературы:

Анненский И.Ф. Книги отражений / И. Ф. Анненский; Отв. ред. Б. Ф. Егоров, А.В. Федоров. - М.: Наука, 1979. - 680 с.

Анненский И.Ф. Стихотворения и трагедии /Вступ.ст., сост., подгот. текста, примеч. А.В. Федорова. – Л.: Сов.писатель, 1990. – 640 с. 8 илл.

Жечев Т. Миф об Одиссее (Главы из книги) // Иностранная литература.1997. № 1.

Иванова О.Ю. К вопросу о новых терминах в переводе (И. Анненский и его модель перевода) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Филология. 2012. № 1(2). С.64-67.

Иванова О.Ю. Переводческая деятельность поэтов Серебряного века как объект изучения в курсе истории перевода / Русский язык в современном мире... Материалы III международной научной конференции. М.: Изд. Высшая школа перевода МГУ. 2013. С.407-414.

Любжин А.И. «Не на простых крылах, на мощных я взлечу...» Оды Горация в переводах Иннокентия Анненского /Литературно-философский альманах. – [Эл. ресурс]: [http: Alexandria.ussh.ru](http://Alexandria.ussh.ru) (Дата обращения 12.03.2011).

Топер П.М. Перевод в системе сравнительного литературоведения. - М.: Наследие, 2001. – 254 с.

Якобсон Р.О. О лингвистических аспектах перевода /Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. - М., 1978. - С. 16-24

Хоружий С.С. «Мифологема Эдема в жизни и творчестве Флоренского» / сб. П. Флоренский и культура его времени. - Марбург, 1995. С. 53-66.

Кафанова О.Б.
Государственный университет
Речного и Морского Флота имени адмирала С.О. Макарова
г. Санкт-Петербург (Россия)

Kafanova Olga
State University of Maritime
and Inland Shipping name of the admiral S. O. Makarov
Saint-Petersburg (Russia)

ДЕБЮТЫ И.С. ТУРГЕНЕВА-ПЕРЕВОДЧИКА

TURGENEV'S DEBUTS AS A TRANSLATOR

И.С. Тургенев был не только замечательным писателем, художником слова и классиком русской литературы, но и незаурядным переводчиком. Получив прекрасное образование и владея основными европейскими языками, он переводил не только с английского, немецкого и французского языков на русский язык, но и с русского – на французский. Тургенев начал проявлять интерес к переводам с ранней юности и сохранил его до последних лет жизни. Его первые переводческие опыты относятся к 1840-м годам. Это: стихотворение Байрона «Darkness», несколько отрывков из сочинений Гёте (песня Klärchen из трагедии «Egmont», заключительная сцена «В тюрьме» из первой части «Фауста», двенадцатая элегия из цикла «Römische Elegien») и фрагмент из пьесы А. Мюссе «Le Chandelier». Тургенев выбирает то, что интересно ему и представляет интерес для русской культуры. При этом каждый из переводческих опытов погружен в дискурс, развернутый в эпистолярном и критическом наследии Тургенева, и связан с определенным этапом его собственного развития. Вместе с тем с 1845 года начинается интересный период деятельности Тургенева – переводчика русской классической литературы на французский язык. В этом случае Тургенев начинает действовать, как «русский европеец», знакомя французского читателя с шедеврами отечественной культуры и выбирая для перевода произведения трех наиболее ценимых им авторов – Гоголя, Лермонтова и Пушкина. Впереди были высшие достижения – переводы повестей Г. Флобера на русский язык и автопереводы на французский язык. Но уже на раннем этапе обозначилась двоякая позиция Тургенева-переводчика, направленная на сближение культур.

I.S. Turgenev was not only a wonderful writer, artist of words and classic of Russian literature, but also an outstanding translator. Having received an excellent education and knowledge of the main European languages, he translated not only from English, German and French into Russian, but also from Russian into French. Turgenev began to show interest in translations from an early age and kept it until the last years of his life. His first translation experiments date back to the 1840s. They are: a poem of Byron «Darkness» several passages from Goethe's works (Klärchen's song from the tragedy «Egmont», the final scene of «In prison» from the first part of «Faust», the twelfth Elegy series «Römische Elegien») and a fragment from the play by A. de Musset's «Le Chandelier». Turgenev chooses what is interesting to him and is of interest to Russian culture. At the same time, each of the translation experiments is immersed in a discourse developed in the epistolary and critical heritage of Turgenev, and is associated with a certain stage his own development. However since 1845 an interesting period of Turgenev – translator of Russian classical literature into French begins. In this case, Turgenev begins to act as a «Russian European», introducing the French reader to the masterpieces of national culture and choosing to translate the works of three the most valued authors – Gogol, Lermontov and Pushkin. Ahead were the highest achievements – the translation of novels of Flaubert into Russian language and taxpayers into French. But already at the early stage there was a dual position of Turgenev-interpreter, aimed at bringing the rapprochement of cultures.

Ключевые слова: переводчик, переводы с немецкого, английского, французского языков на русский; «русский европеец», сближение культур.

Keywords: a translator, translations from German, English, French into Russian; «Russian European», the rapprochement of cultures.

И.С. Тургенев был не только замечательным писателем, художником слова и классиком русской литературы, но и незаурядным переводчиком. Получив прекрасное образование и владея основными европейскими языками, он переводил не только с английского, немецкого и французского языков на русский язык, но и с русского – на французский. Тургенев начал проявлять интерес к переводам с ранней юности и сохранил его до последних лет жизни.

В 1844 году он написал рецензию на один из первых русских переводов «Фауста» – произведения, которое он высоко ценил: «Фауст» Гёте. Перевод первой и изложение второй части М. Вронченко». В ней Тургенев изложил свое понимание переводческих принципов. По его мнению, перевод должен передавать «дух» оригинального произведения и его смысл, но при этом он несет на себе печать индивидуальности автора. Он называет переводом - «метаморфозой» и переводом-«портретом» текст, который нельзя отличить от оригинального произведения. Перевод - «дагерротип», т.е. буквалистский вариант перевода, является противоположным первому. Тургенев выражает убеждение в том, что любой одаренный поэт или писатель потенциально может сделать совершенный перевод. Впоследствии сам он смог доказать это в переводах повестей Флобера на русский язык и в собственных автопереводах на французский язык.

Что касается раннего периода, то в 1830-1840-х гг., когда происходит становление Тургенева как писателя, он одновременно пробует себя и как переводчик. При этом он, по-видимому, специально обращается к разноязычным произведениям различных жанров. Первым переводным автором стал при этом Дж. Г. Байрон. Совсем юным, в 1837 году, Тургенев переводил его поэму «Манфред» однако свой перевод, по-видимому, уничтожил. Дошедшие до нас переводческие опыты Тургенева относятся уже к 1840–1845 годам. Перевод лирического стихотворения Байрона «Darness» («Тьма») был опубликован¹ и неоднократно привлекал внимание исследователей. Тургенева привлекло сложное произведение, концентрированно передающее романтическое мироотрицание. Байрон изобразил грандиозную картину всеобъемлющей катастрофы, опровергая Апокалипсис, в котором силы добра одерживают победу над мировым злом. У него, наоборот, с наибольшим трагизмом репрезентируются присущие его творчеству

¹ Тьма: (Из Байрона) // Петербургский сборник, изданный Некрасовым. СПб.: 1846. С. 501–503. То же: Для легкого чтения...СПб.:1856. Т. 3. С. 213–216.

богоборческие мотивы: темные силы зла воцаряются в человеческой душе, разрушая ее, и безраздельно овладевают Вселенной.

Это стихотворение привлекало многих русских поэтов и переводчиков. Одним из предшественников Тургенева был М. Ю. Лермонтов, который в 1830 году дал прозаическую версию этого своего рода романтического анти-Апокалипсиса².

Перевод Тургенева выявил качественно новую тенденцию в подходе к тексту оригинала, а именно – стремление к прозаизации поэтического оригинала, отказ от высокого намеренно архаизированного стиля за счет введения разговорного языка, реалистически выверенных деталей и психологически обусловленных мотивировок. В результате суровая патетика Байрона в переводе Тургенева заметно ослабляется³. Вероятно, Тургенев намеренно «выправил» то, что ему было чуждо в Байроне, то, что вызывает «горькое и смутное беспокойство». Он считал, что эти чувства «возбуждают в нас каждое творение лорда Байрона, этой надменной, глубоко симпатичной, ограниченной и гениальной натуры»⁴. Под «нами» он имел в виду круг Белинского, к которому сам принадлежал, в стилистике этого перевода как раз и отразилась связь Тургенева с представителями «натуральной школы». По-видимому, Тургенев воплотил в этом случае тот принцип, который он обозначил как перевод-«портрет», выражая на материале байронического материала свою мироконцепцию.

Тургенев попробовал свои силы и в переводах с немецкого, обратившись к монументальному творчеству И. В. Гёте. Живя в Германии и получая там образование в Берлинском университете, он с юности восхищался произведениями этого великого «поэта натуры». Ранний творческий интерес Тургенева к Гете проявился уже в 1839 году, когда он перевел песню Клерхен из трагедии «Эгмонт». В письме к М.А. Бакунину и А.П. Ефремову от 29 августа (10 сентября) 1840 г. он пишет: «Сегодня вспоминал мой перевод песенки Клерхен в Эгмонте. Придумал нечто вроде музыки на эти слова и пел целый день...». Приводя текст в письме, Тургенев добавил: Как они далеки от оригинала, я чувствую глубоко – да что мне за дело. *Das deutsche Lied klingt in mir, wenn ich dieses singe*: но мне приятно, что я русский, выражаюсь тогда по-русски. Вот и всё»⁵.

«Фауст», «главнейшее создание Гёте», Тургенев относил к «вековым творениям», был настолько важным для Тургенева, что он не только перевел последнюю сцену из его

² Федоров А.В. Творчество Лермонтова и западные литературы // Лит. наследство. М.: 1941. Т. 43/44. С. 142–158; Федоров А.В. Лермонтов и литература его времени. Л.: 1967. С. 312–335. Ср. также: Шувалов С. Лермонтов — переводчик Байрона // Шувалов С. Семь поэтов. М.: 1927. С. 75–113.

³ Сухарев С. Л. Стихотворение Байрона «Darkness» в русских переводах// Великий романтик: Байрон и мировая литература. Сб. статей. М.: «Наука», 1991. С. 221–236.

⁴ «Фауст», траг. Соч. Гёте. Перевод первой и изложение второй части М. Вронченко // Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Соч.: В 12 т. Т. 1. М.: «Наука», 1978. С. 206.

⁵ Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем. Письма: В 18 т. Т. 1. М.: «Наука», 1982. С. 167.

первой части, но и выучил первую часть «Фауста» наизусть. В статье о «Фаусте» в переводе Вронченко Тургенев представил великого немецкого поэта как антипода Байрона: «все противоречия а priori примирены в классически спокойной душе Гёте, которая могла, не разрушаясь, даже не страдая, вынести в себе Мефистофеля»⁶. Анализу подверглась сцена в тюрьме, заключающая первую часть, которую он и выбрал для перевода: «А последняя сцена в тюрьме... кто ее не читал, кто ее не знает?.. И скажите, читатель, Гретхен, этот бедный, глупый, обманутый ребенок, в этой сцене не в тысячу ли раз выше умного Фауста, который с торопливым смущением умоляет ее бежать вместе с ним, хотя он очень хорошо знает, что комедия с Гретхен разыграна и что вся эта любовь, говоря гётевским слогом, относится к его прошедшему?»⁷ С точки зрения Тургенева, естественная нравственность героини, выбирающей смерть, возвышает ее над скептиком Фаустом. И еще он делает важное наблюдение, которое мотивирует его выбор как переводчика. Он замечает, что первая часть, которую Гёте начал писать еще в молодости, создана импульсивно, она «прямо вылилась из души» автора, поэтому она так эмоционально воздействует на читателей: «Вся первая часть “Фауста”, как произведение в высшей степени гениальное, проникнута бессознательной истиной, непосредственным единством». И только приступая к написанию второй части значительно позже, Гёте «начал “обдумывать”, “округлять” и художнически “оканчивать” свое творение»⁸.

Еще один перевод Тургенева обусловлен его интересом к Гёте-классику, создателю цикла «Римских элегий» («Römische Elegien», 1790); он датируется 1845 годом. В письме к Т.Н. Грановскому от 4 (16) декабря 1839 г., студент Тургенев высказал свое восхищение этим сочинением: «Я всё не перестаю читать Гёте. Это чтение укрепляет меня в эти вялые дни. Какие сокровища я беспрестанно открываю в нем! Вообразите – я до сих пор не читал “Римских элегий”. Какая жизнь, какая страсть, какое здоровье дышит в них! Гёте — в Риме, в объятиях римлянки! Особенно III-ая, V-ая, VII-ая, XII-ая и XV-ая. Эти элегии огнем пролились в мою кровь – как я жажду любви!» (Наст. изд., Письма, т. I)⁹. Одну из названных элегий, – двенадцатую, он и выбрал для перевода. Белинский с похвалой отозвался об этом труде Тургенева¹⁰.

Эта элегия в тургеневском переводе была включена в 1879 г. Н. Гербелем в новое собрание сочинений Гёте в русских переводах. Гербель предпринял новый перевод «Римских элегий», отказавшись от авторского принципа. В его издании представлены все двадцать элегий, но в переводах шести переводчиков: Ф. Миллера, А. Яхонтова, В.

⁶ «Фауст», траг. Соч. Гёте. С. 206.

⁷ Там же. С. 214.

⁸ Там же.

⁹ Тургенев И. С. Полн. собр. соч.: В 30 т. Письма. Т. 1. М., 1982. С. 144.

¹⁰ Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: В 13 т. М.: Изд-во АН СССР, 1955. Т. 9. С. 575.

Крестовского, Н. Холодковского, самого Н. Гербеля и И. С. Тургенева, сделанном еще в 1846 году. Несмотря на похвалы Белинского, перевод Тургенева можно назвать неудачным, отражающим ученический этап его творчества: здесь и перебивка ритма, и тяжелые выражения, затрудняющие передачу смысла; вместо пластичности гётевского языка – схематичность и книжность¹¹. Следует заметить, что эти недостатки имели историческую обусловленность. Русские западники смогли подметить два главных достижения Гёте в «Римских элегиях»: эротизм предстал в них как проявление внутренней свободы человека; вместе с тем через главные мотивы и образы этого цикла его автор открыл европейской (в том числе русской) литературе нового времени Италию и одновременно античность. Новизна «Römischer Elegien» состояла в культе «телесности», чувственности; вместе с тем новым был и образ лирического героя, совмещающего свободу частного человека и художника в одном лице, способного видеть, осязать, познавать красоту и пластику вечно прекрасного живого женского тела. Надо признать, что русская критическая рецепция «Römischer Elegien» вступала в противоречие с традициями русской ментальности. Восхищение красотой и пластичностью женского тела, пронизывающее элегии, противоречило целомудренности и аскетизму в изображении женщины и телесности, свойственным русской культуре (иконопись, философия, классическая литература). Все это объясняет неудачу Тургенева-переводчика на «заре» ознакомления русского читателя с «Римскими элегиями».

Все эти ранние поэтические переводы Тургенева выявляют повторяющиеся особенности. Прежде всего, его выбор не носит случайного характера: он скрупулезно знакомится с оригинальным творчеством переводимого автора, выбирает то, что ему интересно, что представляет интерес для русской культуры. При этом каждый из переводческих опытов погружен в контекст, развернутый в эпистолярном и критическом наследии Тургенева, и связан с определенным этапом его собственного развития¹².

Вместе с тем с 1845 года начинается интересный период деятельности Тургенева – переводчика русской классической литературы на французский язык. В этом случае Тургенев начинает действовать, как «русский европеец». Он озабочен ознакомлением французского читателя с шедеврами отечественной культуры, выбирая для перевода произведения трех наиболее ценных им авторов – Гоголя, Лермонтова и Пушкина. При этом потребность в разъяснении, комментировании и просвещении становится для него

¹¹ См.: Кафанова О.Б. «Römische Elegien» И. В. Гёте в русском переводческом дискурсе//Русское в немецких дискурсах, немецкое в русских дискурсах. /Отв. редакторы О. Б. Кафанова, Н. Е. Разумова. Томск, 2009. С. 65–66.

¹² Следует назвать и перевод с французского, песню Фортунио из комедии А. де Мюссе «Подсвечник» («Le Chandelier»).

еще более настоящей, и он пишет статью о русской литературе, публикуя ее анонимно. Да и переводы поначалу выходят без указания имени Тургенева.

Замысел переводов повестей Н.В. Гоголя возник довольно случайно, во время второго приезда Полины Виардо на гастроли в Петербург в сезон 1844/1845 года, в сопровождении мужа – человека, который занимает видное место в истории французской культуры. Луи Виардо, юрист по образованию, был известным журналистом и писателем. В 1820–1830-е годы он сотрудничал в таких газетах и журналах, как «Globe», «National», «Siècle», «Revue des Deux Mondes»; вместе с Жорж Санд в 1840-е годы издавал журнал «Revue indépendante». Его перу принадлежат многочисленные труды по истории культуры и истории искусств, самые значительные из которых: «Notices sur les principaux peintres de l'Espagne» («Заметки о главных художниках Испании, 1839»), «Musées d'Italie» («Музеи Италии», 1842), «Espagne et beaux-arts» («Испания и изящные искусства», 1866), «Les Merveilles de la peinture» («Шедевры живописи», 1868–1869), «Les Merveilles de la sculpture» («Шедевры скульптуры», 1869) и другие сочинения¹³.

Виардо прославился и своим переводом «Дон-Кихота» Сервантеса (1836–1837) на французский язык. Сборник повестей Гоголя под названием: «Nicolas Gogol. Nouvelles russes. Traduction française. Publiée par Louis Viardot» («Николай Гоголь. Русские повести. Французский перевод. Изданный Луи Виардо») вышел в 1845 году. Примечательно, что себе Виардо отвел роль публикатора, а в предисловии признавался: «Мне остается лишь объяснить, как, не зная ни слова по-русски, я издаю перевод русской книги. Выполненная в Санкт-Петербурге, работа эта принадлежит мне в меньшей степени, нежели двум моим друзьям, гг. И. Т., молодому писателю, уже известному как поэт и критик, и С. Г., который подготавливает, наряду с более легкими сочинениями, “Историю славянских племен”»¹⁴.

Под инициалами И. Т. подразумевался Иван Тургенев, а под С.Г. – Степан Гедеонов, сын директора императорских театров, историк и драматург. Можно предположить возникновение и осуществление замысла переводов Тургенева следующим образом. Блистательные гастроли Полины Виардо в Петербурге привели в ее дом нескольких наиболее настойчивых поклонников, среди которых двоим – Гедеонову и Тургеневу – удалось стать друзьями дома и сблизиться с Луи Виардо. Однако если сотрудничество Гедеонова с мужем прославленной певицы оказалось кратковременным,

¹³ Виардо-Гарсиа // Большая энциклопедия. Словарь общедоступных сведений по всем отраслям знания. СПб., 1903. Т. 5. С. 175. См. также: Escalier E. Hispanistes français érudits de 1830 à 1875 (de Viardot à Th. De Puymaigre) // Mémoire dactylographié. Paris, 1961. P. 94–219; Zviguilsky A. Louis Viardot. Actes de la Table Ronde sur Louis Viardot // Cahiers. N 8 (1984). P. 5–14.

¹⁴ Gogol Nicolas. Nouvelles russes. Traduction française. Publiée par Louis Viardot. Paris, 1845. P. VI–VII. Перевод Л. Р. Ланского цит. по: Литературное наследство. М.: «Наука», 1964. Т. 73. Кн. 1. С. 273.

то Тургенев до конца жизни оставался близким другом Луи Виардо, причем эта дружба подкреплялась их совместной литературной деятельностью¹⁵ и страстью к охоте.

О том, каким образом осуществлялся перевод повестей Гоголя, Л. Виардо поведал сам в предисловии к изданию Гоголя: «Они любезно согласились продиктовать мне по-французски подлинный текст. Я же только слегка выправил слова и фразы; и если стиль принадлежит отчасти мне, то смысл – им одним. Я могу поэтому обещать, во всяком случае, совершенную точность». По признанию Виардо, они (то есть он и его русские помощники) следовали правилу, предписываемому переводчикам Сервантесом: «Ничего не прибавлять и ничего не убавлять»¹⁶. Этот принцип знаменовал отказ от принятого во Франции на протяжении XVIII – начала XIX веков того принципа перевода, который справедливо именуется «склонением на наши нравы». Виардо пояснил и свои критерии отбора: он выбрал произведения, отличавшиеся «более общим характером, который позволил бы лучше передать их на чужой язык и понять в чужой стране»¹⁷.

В этот первый сборник было включено пять повестей: «Тарас Бульба», «Записки сумасшедшего», «Коляска», «Старосветские помещики» и «Вий». Их «общий характер» состоял, по-видимому, в том, что все они так или иначе были связаны с мифами, мифологическими персонажами и фольклором. «Тарас Бульба» «перекликался» с легендами о древних европейских героях, а старосветские помещики могли напомнить Филемона и Бавкиду, благочестивую супружескую чету из греческой мифологии. Мистика «Вия» во многом восходила к фольклору с его «бродячими сюжетами». Безумие могло восприниматься как болезнь, которая способна поразить человека любой национальности. И, наконец, «Коляска» строилась на анекдотичной сюжетной основе, не чуждой для многих культур. Таким образом, повести Гоголя, вошедшие в первый сборник, объединялись идеей близости тому, что было близко любому, в том числе и французскому читателю. Правда, Виардо сразу отметил в предисловии «оригинальную манеру» Гоголя, «живописную» и «немного грубую и дикую, как нравы и страна, которые он верно воссоздает»¹⁸.

О характере совместной работы Тургенева и Виардо оставили свое свидетельство некоторые деятели русской культуры. Например, Ф. В. Булгарин довольно иронично

¹⁵ Вопрос о подготовке первых переводов Гоголя на французский язык был подробно рассмотрен М. П. Алексеевым в статье «Мировое значение Гоголя» (Алексеев М. П. Русская литература и ее мировое значение. Л., 1989. С. 175–206). Ученый считал, что «идея этого издания, выбор текстов и самый перевод принадлежали И. С. Тургеневу». (Там же. С. 181). О полемике по поводу участия Л. Виардо в переводе Гоголя см.: Генералова Н. П. О первых переводах произведений Н. В. Гоголя во Франции (И. С. Тургенев, Луи Виардо и «Nouvelles russes de Nicolas Gogol») // Н. В. Гоголь: Загадка третьего тысячелетия. Первые Гоголевские чтения. М., 2002. С. 155–164.

¹⁶ Gogol Nicolas. Nouvelles russes. P. VII.

¹⁷ Ibid. P. VI. Перевод Л. Р. Ланского цит. по: Литературное наследство. С. 273.

¹⁸ Ibid. P. VI.

описал, как Тургенев готовил переводы (или подстрочник к ним) для Л. Виардо: «Недавно еще, в текущем году, говорил я в “Северной пчеле” (“Всякая всячина”, номер 22), что у нас есть люди, которые ловят каждого заезжего чужеземного литератора, чтоб внушить ему свои понятия о русской литературе и русских литераторах, т. е. похвальное мнение о своих собственных и приятелей своих сочинениях и дурное о своих противниках и критиках. Таким образом *уловили* г. Мармье и других; точно так же поймали и г. Виардо, уверили его, что первый писатель в России, из всех бывших и будущих, есть г. Гоголь, и пригласили перевести его сочинения. Но как же переводить, когда г. Виардо, как мне весьма хорошо известно, не знает трех слов по-русски? *К нему отрядили одного из гениев новой натуральной школы, знающего французский язык (т. е. французские слова)*, и он стал надстрочно переводить для г. Виардо сочинения г. Гоголя, а г. Виардо долженствовал сообщить этому переводу слог и свойство французского языка, как говорится, *офранцузить* чужеземное слово. *Встречая часто у г. Виардо этого гения новой натуральной школы за бумагами, я однажды не мог вытерпеть, чтоб не изъявить моего удивления, и тогда г. Виардо сознался мне, что этот гений переводит для него сочинения г. Гоголя, с которыми он намерен познакомить Европу»*¹⁹.

Если абстрагироваться от язвительного тона и тяжеловесного стиля Булгарина, то его слова приобретают значение важного и достоверного свидетельства, проясняющего метод работы над переводом. Здесь речь идет явно не о диктовке, а о записанном тексте. Тогда весь процесс можно представить следующим образом: Тургенев готовил подстрочник, а Виардо его редактировал, снабжая комментариями, необходимыми, по его мнению, для французского читателя.

С другой стороны, несомненно, именно Тургеневу принадлежали все рассуждения о Гоголе и о его значении для русской литературы, высказанные в предисловии к сборнику. При этом, конечно, все эти суждения несут печать непосредственного влияния идей В. Г. Белинского и всего его кружка, на что в свое время справедливо указывал академик М. П. Алексеев. В краткой статье, предпосланной сборнику переводов 1845 года, говорилось, что «после смерти поэтов Пушкина и Лермонтова, погибших в расцвете жизни в результате роковых дуэлей, именно Гоголю отводят место в первом ряду русских писателей»²⁰.

С еще большим основанием можно предположить, что Тургенев явился автором предисловия ко второму французскому сборнику повестей Гоголя, который Л. Виардо переиздал в 1853 году под другим названием, но так же только со своим именем на

¹⁹ Цит. по: Белинский В. Г. Литературные и журнальные заметки // Белинский В. Г. Полн. собр. соч. Т. 9. С. 610.

²⁰ Gogol Nicolas. Nouvelles russes. P. V.

обложке: «Nouvelles choisies de Nicolas Gogol. Traduites du russe par Louis Viardot» («Избранные повести Николая Гоголя. Переведены с русского Луи Виардо»). Это издание вышло уже после смерти Гоголя, которую Тургенев глубоко переживал. Очевидны явные переключки между его мыслями о Гоголе в письме к Полине Виардо, написанном под впечатлением этой трагедии, и характеристикой русского писателя в предисловии к изданию 1853 года. В письме от 21 февраля (4 марта) – 4 (16) марта 1852 года Тургенев сообщал ей: «Нас постигло великое несчастье: Гоголь умер в Москве, умер, предав всё сожжению, всё – 2-й том “Мертвых душ”, множество оконченных и начатых вещей, – одним словом, всё! Вам трудно оценить всю огромность этой столь жестокой, столь невосполнимой утраты. Нет русского, сердце которого не обливалось бы кровью в эту минуту. Для нас он был не просто писатель: он нам открыл нас самих <...> Самые проницательные и умные из иностранцев, как, например, Мериме, видели в Гоголе только юмориста английского типа, его историческое значение совершенно ускользнуло от них. Повторяю, надо быть русским, чтобы понимать, кого мы лишились! <...> Похороны его вызвали поистине всеобщую скорбь. Гроб не дали водрузить на катафалк, толпа несла его на руках до самого кладбища, расположенного в 6 верстах от церкви. Представьте себе, здешняя цензура запрещает уже самое упоминание его имени!!!»²¹.

Данная в нем характеристика своеобразия творческого метода Гоголя была точным воспроизведением и развитием тургеневских суждений: «Мы впали бы в серьезную ошибку и отняли бы у Гоголя его истинное значение, – говорилось в предисловии, – <...> если бы ограничились тем, что причислили его к писателям-фантастам, юмористам, наподобие Свифта или Стерна. Это означало бы видеть только одну сторону его таланта, наименее значительную, и заниматься только формой его сочинений; это означало бы в особенности не понимать его высокого исторического значения. Николай Гоголь такой великий художник нравов, что русские говорят о нем: “Он нам показал нас самих”»²².

Эти текстуальные совпадения свидетельствуют о том, что Тургенев, глубоко почитавший Гоголя, скорее всего, был не только вдохновителем самой идеи второго издания перевода его произведений на французский язык как дани памяти ушедшего писателя, но и автором не учтенного ни в одном собрании сочинений писателя предисловия к изданию «Nouvelles choisies de Nicolas Gogol». В отборе произведений, демонстрирующих разнообразие поэтики – от исторического эпоса до мистического и гротескно-сатирического повествования, также чувствовался вкус знатока и художника. Это тем более очевидно, что тургенеvedы давно убедительно связывают авторство статьи

²¹ Тургенев И. С. Полн. собр. соч. Письма. Т. 2. С. 386–387. (Оригинал по-франц.)

²² Nouvelles choisies de Nicolas Gogol. Traduites du russe par Louis Viardot. Paris, 1853. P. IV–V.

о русской литературе, вышедшей во Франции в июле 1845 года в газете «Illustration» и как бы предварявшей появление переводов из Гоголя, именно с Тургеневым. В статье отмечалась самобытность Гоголя как представителя Малороссии, а также присущий ему «неистоцимый комический дар» и талант аналитика. «...Он обладает, – говорилось в ней, – своеобразным юмором, свойственным ему одному и отмеченным тем отпечатком глубокой грусти, которую всегда найдешь на дне славянской души. В русской жизни для него нет тайн; все классы общества поочередно подвергаются его беспощадному анализу <...>. Что касается его описаний русской природы, то они изумительно верны и поэтичны. И наконец, Гоголь произвел полный переворот в литературе своего отечества».

Далее Тургенев пояснял, в чем состоял этот переворот, подчеркивая своеобразие реалистического метода Гоголя: «Сознательный отказ от всякой высокопарности, от всякого литературного шарлатанства, широкая и спокойная манера воспроизведения современного состояния России, умение говорить о положительных сторонах без энтузиазма и о дурных – без негодования, величайшая способность создавать типы, искусство вдыхать жизнь во все описания вещей и людей, – эти разнообразные, но родственные качества обусловили поразительное влияние Гоголя и поставили его на первое место среди современных писателей»²³.

Таким образом, если резюмировать весь процесс работы над переводами Виардо–Тургенева–Геденова, то можно выделить ряд этапов.

Еще до появления повестей Гоголя на французском языке Виардо организует 19 июля 1845 публикацию в популярной газете «Illustration» (№ 125. Р. 350–351) статьи «De la littérature russe contemporaine. Pouchkine. – Lermontof. – Gogol». В настоящее время можно считать доказанным, что ее автором является Тургенев. Завершалась статья анонсом готовящихся переводов. Французскому читателю предлагалось проверить мнение русских «о самом народном из их писателей»²⁴.

Вторым этапом явилась работа Тургенева над подстрочником, который Виардо редактирует, и публикует повести в журналах. В октябре в «Illustration» появилась повесть «Un Ménage d'autrefois» («Старосветские помещики») в номерах 136 и 137 (4 и 11 октября 1845) и «Les Mémoires d'un Fou» («Записки сумасшедшего») в номерах 138 и 139 (18 и 25 октября). Затем в «Journal des Débats» в декабре 1845 (№ 16) появляется «Вий» («Le Roi des Gnomes»), а в самом конце 1845 года выходит сборник из пяти повестей Гоголя. Любопытно, что две повести – «Тарас Бульба» и «Коляска» не прошли этой предварительной журнальной апробации.

²³ Тургенев И. С. Полн. собр. соч. Соч. Т. 12. С. 515.

²⁴ Там же.

Наконец, на заключительном этапе – в январе 1846 года – по-видимому, сам Виардо подготавливает анонс о выходе тома переводных повестей Гоголя для «*Illustration*». Там, в частности, говорилось: «Г. Виардо неутомимый путешественник. Из своих поездок он всегда привозит интересные очерки (исследования), иногда о политике и литературе, иногда об искусстве»²⁵. Напомним, что первое объявление о готовящемся выходе повестей Гоголя было помещено в «*Illustration*» еще раньше, он содержался в самой статье о современной русской литературе, а также в примечании от редакции, сопровождавшем публикацию второй части «Старосветских помещиков». Между прочим, там говорилось: «Сборник г. Гоголя имеет еще одно достоинство, помимо достоинства стиля и композиции, – он дает возможность читателю ознакомиться с нравами его родины и показывает нам Россию, как Вальтер Скотт показал нам старую Шотландию, а Купер – остатки диких и воинственных народов Северной Америки»²⁶.

Сейчас мы назвали бы эту стратегию действий продуманной пиар-кампанией. Ее удача подтверждается появлением сочувственной статьи Ш.-О. Сент-Бёва в декабре 1845 года («*Revue des Deux Mondes*»), переизданием сборника повестей в 1853 году, а также многочисленными отдельными публикациями «Тараса Бульбы», пять из которых появились при жизни Виардо (1872, 1874, 1875, 1882, 1885). Еще около десяти публикаций вышли после его смерти, причем последняя – в 1978/1979 году.

В рамках небольшой статьи невозможно дать анализ перевода, по поводу которого в России и во Франции разгорелась полемика. Оценивая труд Виардо и Тургенева в исторической перспективе, необходимо признать, что 160 лет назад вряд ли возможно было ожидать от французского перевода чего-то большего. Многочисленные исторические, бытовые, военные, этнографические комментарии, по-видимому, во многом возмещали потери в воспроизведении художественного слова. Не случайно «Тарас Бульба» в переводе Тургенева-Виардо переиздавался 13 раз уже после их смерти, вплоть до 1962 г., несмотря на то, что появилось, по крайней мере, полтора десятка новых переводов, в свою очередь, переиздававшихся иногда до трех–четырех раз. По библиографическим данным на 1947 г. это было наиболее часто издаваемое во Франции переводное произведение русской литературы²⁷. При переводе повестей Гоголя Тургенев столкнулся с явлением, которое в современной науке межкультурной коммуникации получило название лакунарности, т. е. отсутствия эквивалента в виде слова слову в другом языке. Возникла труднопреодолимая проблема восполнения как языковых (лексических,

²⁵ Bulletin bibliographique // *Illustration*. 1846. 24 janvier. № 152. P. 334.

²⁶ См.: Литературное наследство. М.: «Наука», 1964. Т. 73. Кн. 1. С. 272. По мнению Л. Р. Ланского, это примечание к переводу принадлежит самому Л. Виардо.

²⁷ Boutchik V. Bibliographie des œuvres littéraires russes traduites en français // Boutchik V. La littérature russe en France. Paris, 1947. P. 12.

стилистических), так и культурологических (этнографических, национально-психологических, поведенческих) лакун. Тургенев в целом с честью справился с возникшими проблемами в содружестве с Виардо, который хорошо представлял особенности восприятия французского читателя.

Можно утверждать, что многие русские современники Тургенева (в том числе и Достоевский) были к нему несправедливы, ругая за переводы повестей Гоголя. Все недостатки этого переводческого труда имели историческую обусловленность, но и по ним угадывался писатель со сложной поэтикой, многослойной картиной мира, неординарным взглядом на человека. И все это не могло не пробудить во Франции интереса к Гоголю, а затем и к другим русским писателям с их инаковостью и непохожестью на европейских авторов. Без инициативы Тургенева, вызванной его большой любовью к Гоголю, его рецепция во Франции началась бы позже и была бы, наверное, иной.

Переводы Гоголя были только началом, за ним последовало обращение Тургенева-переводчика к Лермонтову («Герой нашего времени», «Мцыри») и Пушкину (отдельные стихотворения, «Евгений Онегин», «Дубровский», «Капитанская дочка», Борис Годунов»). Не все в них было удачным, но поразительно упорство Тургенева сделать лучшие произведения русской литературы известными европейскому читателю. Впереди было его высшее переводческое достижение – переводы повестей Флобера на русский язык. Тем не менее, уже на раннем этапе сформировалась его позиция «русского европейца», стремящегося к сближению культур. Он одинаково способствовал продвижению шедевров мировой словесности на родине и одновременно прилагал немало усилий, чтобы изменить представление о России на Западе как варварской стране и продемонстрировать замечательные достижения ее словесности.

Список литературы:

- Алексеев М. П.* Русская литература и ее мировое значение. Л., 1989. С. 175–206.
- Белинский В. Г.* Литературные и журнальные заметки // Полн. собр. соч.: В 13 т. М.: Изд-во АН СССР, 1955. Т. 9. С. 610.
- Генералова Н. П.* О первых переводах произведений Н. В. Гоголя во Франции (И. С. Тургенев, Луи Виардо и «Nouvelles russes de Nicolas Gogol») // Н. В. Гоголь: Загадка третьего тысячелетия. Первые Гоголевские чтения. М., 2002. С. 155–164.
- Кафанова О. Б.* «Römische Elegien» И. В. Гёте в русском переводческом дискурсе // Русское в немецких дискурсах, немецкое в русских дискурсах. /Отв. редакторы О. Б. Кафанова, Н. Е. Разумова. Томск, 2009. С. 57–72.
- Петербургский сборник, изданный Некрасовым. СПб.: 1846. С. 501–503.
- Сухарев С. Л.* Стихотворение Байрона «Darkness» в русских переводах // Великий романтик: Байрон и мировая литература. Сб. статей. М.: «Наука», 1991. С. 221–236.
- Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Соч.: В 12 т. Письма: В 18 т.

- Федоров А.В.* Творчество Лермонтова и западные литературы // Лит. наследство. М.: 1941. Т. 43/44. С. 142–158;
- Федоров А.В.* Лермонтов и литература его времени. Л.: 1967. С. 312–335.
- Boutchik V.* La littérature russe en France. Paris, 1947.
- Bulletin bibliographique // Illustration. 1846. 24 janvier. № 152. P. 334.
- Gogol Nicolas.* Nouvelles russes. Traduction française. Publiée par Louis Viardot. Paris, 1845. P. VI–VII.
- Escalier E.* Hispanistes français érudits de 1830 à 1875 (de Viardot à Th. De Puymaigre) // Mémoire dactylographié. Paris, 1961. P. 94–219;
- Nouvelles choisies de Nicolas Gogol. Traduites du russe par Louis Viardot. Paris, 1853. P. IV–V.
- Zviguilsky A.* Louis Viardot. Actes de la Table Ronde sur Louis Viardot // Cahiers. N 8 (1984). P. 5–14.

Ковалевич Е.П.

Томашева И.В.

Армавирский государственный педагогический университет
г. Армавир (Россия)

Kovalevich Elena

Tomashева Irina

Armavir state pedagogical University
Armavir (Russia)

**ПРИРОДА В ОЧЕРКЕ И.С. ТУРГЕНЕВА «ЛЕС И СТЕПЬ» («ЗАПИСКИ
ОХОТНИКА»)
В ПЕРЕВОДАХ НА АНГЛИЙСКИЙ И ИСПАНСКИЙ ЯЗЫКИ**

**NATURE IN THE SKETCH "THE FOREST AND THE STEPPE" BY I.S. TURGENEV
IN ENGLISH AND SPANISH TRANSLATIONS**

В статье рассматриваются вопросы, связанные с особенностями перевода очерка И.С. Тургенева «Лес и степь» из цикла «Записки охотника» на английский и испанский языки. Природа у писателя обретает обобщённое, символическое звучание и служит не только характеристикой перехода героя от одного душевного состояния к другому, но и переломных моментов в развитии действия. Следует признать безусловное мастерство К. Гарнетт, точно передающей проникнутое чувством глубокого лиризма описание природы на английском языке. В испанских переводах природа не выполняет своей функции, характерной для очерка И.С. Тургенева в части поэтизации, психологического параллелизма, таинственности и восторженности.

In article, the questions of translating the sketch by I.S. Turgenev "The Forest and the Steppe" ("A Sportsman's Sketches") into English and Spanish are considered. The nature in the cycle sounds symbolic and serves as the characteristic of both changes of the heroes' mood and the plot turning points. The undoubted skill of K. Garnett, precisely transferring the description of nature filled with deep lyricism in English, should be recognized. In Spanish translations the nature doesn't perform the function characteristic of I.S. Turgenev's sketch regarding poeticizing, psychological parallelism, mystery and delightfulness.

Ключевые слова: кольцевая композиция, цикличность, поэтизация, психологический параллелизм, стилистика перевода

Keywords: cycle composition, cyclicity, poeticizing, psychological parallelism, translation stylistics.

Одним из характерных свойств духовной жизни писателя И.С. Тургенева была его особенность впитывать в себя позитивные черты самых разных общественных течений, пропуская через своё мировидение, синтезируя их, выходя на своё, особое миропонимание.

Книгу И.С. Тургенева «Записки охотника» можно назвать книгой о природе и о человеке в природе, поскольку в своём повествовании автор регулярно обращается к пейзажу. Сборник не случайно заканчивается поэтическим гимном природе – очерком «Лес и степь». Как отмечают исследователи, описание охоты занимает очень малое место

в рассказах, «сразу чувствуется, что написан он по другому поводу и что упоминание охотничьих скитаний или приключений носит здесь орнаментальный характер, ... чему в действительности имелись вполне основательные причины» [Алексеев, 1969].

Завершающий цикл рассказов писателя «Записки охотника» очерк «Лес и степь» отличается от всех остальных, хотя и является логичным завершением, создавая кольцевую композицию всего произведения противопоставлением леса и степи.

В литературоведении очерк описывается как прозаическое произведение, основанное на фактах, документах, личных впечатлениях автора, то есть, в отличие от собственно рассказа, лишённое элементов вымысла. Очерк может включать не только описание: портрет, пейзаж, интерьер, но и повествование о событиях и персонажах. Для данного жанра характерны также свободное построение и открытость позиции автора [СЛТ], который может выступать как рассказчик, как повествователь и как герой, причём эти роли могут меняться даже в одном произведении.

В небольшом по объёму очерке «Лес и степь» автор только рассказчик, и его авторская позиция реализуется своеобразно, расширяя уникальные возможности писателя-реалиста: Тургенев в любой момент может сделать лирическое отступление или оборвать повествование. В очерке, завершающем кольцевую композицию цикла, выявляются свои кольцевые композиции, отображающие цикличность Времени и Природы. Благодаря этой цикличности автор приближает читателя к осознанию вечного круга жизни: день завершается, и начинается новый; год завершается, и начинается новый; жизнь завершается, и начинается новая. При этом она начинается не для автора, а для обитателей того странного мира, который он на протяжении всего цикла пытается понять. И теперь цикл меняет свои формы: с одной стороны, он полностью завершён, но с другой стороны открыт в бесконечность.

Очерк «Лес и степь» является своеобразным обращением к читателю, а стихотворный эпиграф к нему – лирическим отображением чувств автора, для которого ощущение природы – важная часть его жизни, связывающая с окружающим миром героя его собственное мировосприятие.

Во многих исследованиях, посвященных «Запискам охотника», отмечается, что изображение природы является важным характерологическим свойством тургеневского повествования – психологического параллелизма [Гинзбург, 1971; Курляндская, 2001]. Природа в произведениях Тургенева проста и открыта в своей реальности, но сложна и таинственна в своих проявлениях. Природа для писателя – это тайна, которую нельзя разгадать, но можно почувствовать, поэтому через описание природы он пытается понять доминирующее в данный момент в человеке психологическое состояние. Все пейзажные

зарисовки в произведении либо становятся психологической подготовкой читателя к последующим событиям, либо оставляют некое эмоциональное «послевкусие», когда рассказчик ещё не может сформулировать своей оценки и пытается найти психологическую опору в состоянии окружающей природы.

У автора отмечается тончайшая поэтизация природы, которая выражается в его взгляде на неё как художника. Тургенев – мастер полутонов, динамического, проникновенного лирического пейзажа. Основная тональность тургеневского пейзажа, как и в произведениях живописи, обычно создаётся освещением. Писатель улавливает малейшие нюансы в чередовании света и тени и в этом движении отмечает сходство с переменчивостью настроения героев. Пейзаж у писателя приобретает обобщённое, символическое звучание и служит не только характеристикой перехода героя от одного душевного состояния к другому, но и переломных моментов в развитии действия.

Отсутствие эпиграфа после заглавия перед текстом в испанском переводе лишает читателя разъяснения его прочтения. В качестве композиционного приёма эпиграф выполняет роль экспозиции и предлагает читателю воспринимать последующий текст как поэтическое произведение. Таким образом, перевод очерка на испанский язык уже в самом начале формирует рецептивную лакуну на уровне поэтизации всего текста, поскольку природа в произведениях И.С. Тургенева всегда поэтизирована, окрашена чувством глубокого лиризма.

Зарубежные читатели впервые ознакомились с «Записками охотника» (1847–1852) И.С. Тургенева в середине 1850-х годов. В английских журналах второй половины XIX в. публиковались переводы отдельных рассказов из этого цикла. Так, перевод цикла К. Гарнетт (Constance Garnett) под названием *A Sportsman's Sketches* был опубликован в 1895 г. Позднее появились переводы И. Хапгуд (Isabel Florence Hapgood. *Memoirs of a sportsman*, 1903), Б. Герни (Bernard Guilbert Guerne. *The hunting sketches*, 1969), Р. Фриборн (Richard Freeborn. *Sketches from a Hunter's Album*, 1990). Последним из известных переводов на английский язык является труд Ч. Хёпберна, Н. Хёпберн и М. Эгремонта (Charles Hepburn, Natasha Hepburn, Max Egremont. *A sportsman's notebook*, 1992).

Мы остановим своё внимание на переводе Констанс Гарнетт, которой, как полагают исследователи творчества писателя, принадлежит честь «открытия» этого цикла для англоязычных читателей [Куликова 2017, С. 82].

Интересным представляется само заглавие, в котором слово «охотник» переводится как *sportsman*, в соответствии с традиционным для английской культуры восприятием охоты как обычного развлечения дворян. По данным словарей:

sportsman – noun, plural sportsmen.

1. a man who engages in sports, especially in some open-air sport, a shunting, fishing, racing, etc. [Dictionary.com];

sportsman – NOUN plural sportsmen

1.1 *dated* A man who hunts or shoots wild animals as a pastime.

'Among the draperies and furniture upholstered in this redundancy of plaids are other tropes of the sportsman's lodge - chandeliers, racks of antlers, hunting prints framed in plaids.'
[OLD];

sports·man /'spɔ:tsmən \$ 'spɔ:rts-/noun (plural sportsmen /-mən/) [countable]

2 American English a man who enjoys outdoor activities such as hunting and fishing
[LD].

Можно увидеть, что спортсмен – это человек, занимающийся охотой в качестве любимого занятия, причём данное значение лексемы маркировано либо как устаревшее, либо как регионально-вариантное, что подтверждается данными словаря Вэбстера, в котором оно выступает как основное:

sportsman – noun sports·man \ 'spɔ:rts-mən \

1: a person who engages in sports (such as hunting or fishing) [MW].

Предложенный К. Гарнетт вариант перевода слова «охотник» оказывается точным в том смысле, какой был присущ этому слову во времена Тургенева, о чём свидетельствует этимология англоязычного аналога:

sportsman (n.) – 1706, from sports + man (n.).

sport (n.) – early 15c., "pleasant pastime," shortening of disport "activity that offers amusement or relaxation; entertainment, fun" (c. 1300), also "a pastime or game; flirtation; pleasure taken in such activity" (late 14c.), from Anglo-French disport, Old French desport, deport "pleasure, enjoyment, delight; solace, consolation; favor, privilege," related to desporter, deporter "to divert, amuse, please, play" [OED].

В соответствии с выдержкой из словаря, ключевыми семами в значении являются «удовольствие», «развлечение», «отдых», «веселье», что и позволяет переводчику обеспечить достижение нужного уровня эквивалентности, в том числе в передаче имплицитной информации, связанной как с популярностью «охотничьего очерка» в России того времени, так и с необходимостью провести тургеневский очерк через цензуру.

В более поздних переводах тургеневского цикла, выполненных Б. Герни (1969) и Р. Фриборном (1990), авторами предлагаются варианты, производные от лексемы hunt, не передающие, однако, всех коннотаций, присущих произведению И.С. Тургенева,

поскольку не содержат в своём значении ключевой семы, благодаря которой слово становится единственно верным вариантом, эксплицирующим содержание без искажений.

Действительно, словари убеждают нас в том, что охотник – это человек /животное, который выслеживает, убивает и /или ловит дичь, т.е. охотится:

hunter /'hʌntə/ noun –

1. a person or animal that seeks out and kills or captures game [Dictionary.com];

1 A person or animal that hunts. 'a deer hunter' [OLD].

В семантике самого глагола присутствует сема «спорт», но её сочетание с такими семами, как «преследовать», «ловить» и «убивать» едва ли способно правильно донести до иноязычного читателя важные элементы смысла, сам дух произведения:

to chase animals and birds in order to kill or catch them [LD];

to chase and try to catch and kill an animal or bird for food, sport, or profit: *Jack and Charlie like to hunt/go hunting (= chase and kill animals for sport) at weekends.* [CD];

pursue and kill (a wild animal) for sport or food. 'in the autumn they hunted deer' [OLD].

В испанском переводе слово cazador (1. adj. Dicho de una persona: Que caza por oficio o por diversion [DLE]) включает сему «развлечение», поэтому заглавие цикла «Relatos de un cazador» в целом соответствует интенции автора и сохраняется без изменений.

Следует заметить, европейские писатели приняли с удивлением это заглавие, т.к. ни образ охотника, ни само произведение не отвечало сложившемуся, например, в Англии литературному направлению «охотничьих» очерков, которые были полны как серьёзными, так и комическими, сатирическими наставлениями охотникам, перемежавшимися анекдотическими картинками сельской жизни.

В самом деле, если вчитаться в очерки тургеневского цикла, автор предстаёт большим чудачком, который, хоть и скитается в охотничьем одеянии с ружьём и собакой, не столько охотится, сколько вписывает себя в природу [Скокова].

Констанс Гарнетт с предельным вниманием отнеслась к переводу «Записок охотника», все истории которого преломляются через природно-эстетическую призму, подчёркивая нравственную красоту человека, связанного с природой. Обратимся к отрывку из «Леса и степи», где перед читателем предстаёт картина зари:

А между тем заря разгорается; вот уже золотые полосы протянулись по небу, в оврагах клубятся пары; жаворонки звонко поют, предрассветный ветер подул — и тихо всплывает багровое солнце. Свет так и хлынет потоком; сердце в вас встрепенется, как птица. Свежо, весело, любо!

Следует признать безусловное мастерство К. Гарнетт, точно передающей проникнутое чувством глубокого лиризма описание природы на английском языке, о чём

свидетельствуют лексико-грамматические замены и перестановки: *the glow of dawn is beginning, singing musically, slowly the purple sun floats upward, a perfect flood of light*. К удачным переводческим решениям следует отнести аллитерацию *streaks - stretching - across - sky, slowly - purple - sun - floats, perfect flood of light*, позволяющую на фонетическом уровне ощутить начало нового дня:

And meanwhile the glow of dawn is beginning; already streaks of gold are stretching across the sky; mists are gathering in clouds over the ravines; the larks are singing musically; the breeze that ushers in the dawn is blowing; and slowly the purple sun floats upward. There is a perfect flood of light; your heart is fluttering like a bird. Everything is fresh, gay, delightful!

Проблема интерпретации специфики авторского видения природы в переводе на испанский язык вызвана тем, что в тексте Тургенева оно выражается имплицитно. Трудность перевода проявляется уже с первых строк рассказа. Исчезает важная для понимания психологического состояния рассказчика характеристика, выраженная восклицательными простыми предложениями: «А летнее, июльское утро!», «Свет так и хлынет», «Свежо, весело, любо!» В переводе они либо отсутствуют полностью, либо трансформированы в иные синтаксические формы с изменением семантики:

Poco a poco alumbra la aurora; algunos hilos de fuego surcan el cielo, mientras la niebla se acumula contra los barrancos. Rompe el canto de la alondra, sopla un viento mas liviano, el disco purpureo del sol se eleva mas sensiblemente. La luz colorea la cuesta, las colinas, penetra en el fondo de los vallados. Es un derroche de luz, una magnifica armonizacion de tonos deslumbrantes. El corazon se agita en el pecho como el pajaro en el ramaje; y todo parece decir alegria, bienestar, dicha.

Внутреннее ощущение охотника эксплицируется также в описании солнца, когда заря сначала алеет, затем разгорается и, наконец, появляется багровое солнце. В переводе на испанский язык используются следующие варианты: *el alba – alumbra la aurora – el disco purpureo del sol*, что не передает градацию восхищения, включенную в глагольный ряд с семантикой оттенков цвета.

Образ солнца, света в рассказе сквозной: ...блестит и алеет на солнце; Солнце всё выше и выше; Но вот солнце опять заиграло; ... но вот наступает вечер. Заря запылала пожаром и обхватила полнеба. Солнце садится.

Английский перевод в основном чётко следует оригиналу: *the sun rises higher and higher*, и в некоторых случаях автор удачно сочетает аллитерирующие синонимы с семантикой яркого цвета, включая оттенки оранжевого и красного: ... *and glows and glistens in the sun*; *And then the evening comes on. There is the blaze of fire glowing and covering half the sky. The sun sets ...* Единственное в данном примере отступление от

оригинала связано с идиоматичным значением глагола «заиграть» в русском языке. К сожалению, переводчик вынужден отказаться от англоязычного эквивалента *play*, по причине иных коннотаций, актуализирующих совершенно другие характеристики света: *if something such as light plays somewhere, it moves quickly over a surface, appearing in different places for a very short time* [MD]. Поэтому, используя приём компенсации, К. Гарнетт вводит синонимическую доминанту *shine* в сопровождении лексемы *bright*, приближаясь к оригиналу за счёт усиления экспрессивности: *but now the sun is shining bright again*.

В семантической композиции солнцу противопоставлены образы «мглы» и «темноты», олицетворяющие беспокойное, тревожное состояние рассказчика: «Небо темнее по краям; колючим зноем пышет неподвижный воздух», «Вы в тени, ... вам хорошо», «Трава, кусты, всё вдруг потемнело», «Солнце село; звезда зажглась и дрожит в огнистом море заката ... Вот оно бледнеет; синеет небо; отдельные тени исчезают, воздух наливается мглой».

В англоязычном варианте эти образы вербализуются прилагательным *dark* в составе фразового глагола *grow dark*, а также производным от него существительным *darkness*, которое, в сочетании с глаголом вызывает у читателя ассоциации, отсутствующие в оригинале, а именно – внезапность и быстрота наступления темноты, поскольку именно эти семы обнаруживаются в значении лексемы *plunge* (to fall quickly from a high position [MD]; to (cause someone or something to) move or fall suddenly and often a long way forward, down, or into something [CD]):

The sky grows dark over the horizon the still air is baked with piercing heat...; You are in the shade, you ... take your ease; The grass, the bushes, everything around grows dark ... ; The sun has set: a star gleams and quivers in the fiery sea of the sunset... and now it pales; the sky grows blue; the separate shadows vanish; the air is plunged in darkness.

Тургенев наоборот, акцентирует внимание читателя на постепенности, но неотвратимости прихода ночи, используя в описании глаголы настоящего времени и существительное «мгла», которое, увы, в переводе на английский становится «темнотой», поскольку семантически референт аналоговой лексемы *haze* (something such as heat or smoke in the air that makes it less clear, so that it is difficult to see well [CD]) не связан с тёмным временем суток, а её денотат указывает на изменённое состояние воздуха вследствие температуры или наличия вещества, затрудняющего видение.

Переводчики на испанский язык используют в основном слова *sombra* (*Oscuridad, falta de luz, más o menos completa*) в семантике которого присутствует денотативный компонент «темнота» – *oscuro* (1. *Incierto, de modo que infunde temor, inseguridad o desconfianza*; 2. *Triste, sombrío, que produce pesadumbre*) – «мало освещенный и вследствие

этого грустный, устрашающий, зловещий» и *sombria* (1. *Triste o melancólico*), усиливающее значение грусти и меланхоличности, а также глагол *oscurecer* (1. *Ir anocheciendo, faltar la luz y claridad desde que el sol empieza a ocultarse [DLE]*) с денотативным значением приближения ночи. Таким образом, стараясь сохранить эмоциональное состояние рассказчика, переводчики вводят новые компоненты грусти, меланхолии и сильно выраженного страха, хотя в тексте оригинала это тревожное состояние скорее связано с ожиданием чуда.

Оппозиция «вечер – мгла – ночь» в тексте перевода представлена бинарным противопоставлением *tarde – noche*. Исключая элемент «мгла» (непрозрачный воздух (от тумана, пыли, дыма, сгущающихся сумерек [ТСРЯ]), переводчики изменяют имплицитно выраженную автором размеренность природы и закономерность жизни человека, его восхищение этим состоянием, поскольку Тургенев не случайно использует древнее общеславянское [ЭСРЯ] стилистически маркированное по своей функции слово.

Таким образом, природа в тексте перевода на испанский язык не выполняет своей функции, характерной для очерка Тургенева в части поэтизации, психологического параллелизма, таинственности и восторженности.

Следует заметить, что очерк «Лес и степь» буквально соткан из описаний лесных, луговых и степных пейзажей ранним утром, в полдень, на закате дня и при восходе луны. Писатель восторгается природой во все времена года, о чём свидетельствуют восклицательные предложения в самом тексте:

Свежо, весело, любо! Какой вид! Как вольно дышит грудь, как бодро движутся члены, как крепнет весь человек, охваченный свежим дыханьем весны! А летнее, июльское утро! Боже мой, как весело сверкает всё кругом, как воздух свеж и жидок, как пахнет земляникой и грибами! И как этот же самый лес хорош поздней осенью, когда прилетают вальдшнепы! Но как тихо, как невыразимо тихо всё кругом! Глянешь с горы – какой вид! Вот она наконец – безграничная, необозримая степь! А в зимний день ходить по высоким сугробам за зайцами, дышать морозным, острым воздухом, невольно щуриться от ослепительного мелкого сверканья мягкого снега, любоваться зеленым цветом неба над красноватым лесом!..

В английском переводе, умение К. Гарнетт позволяет читателю не только увидеть, но и восхититься красотой русского пейзажа, подтверждая мысль автора о том, что главным эстетическим звеном всех новелл цикла является рассказчик, странный охотник, чей образ человека природы неразрывно с ней связан:

Everything is fresh, gay, delightful! What a view! *How freely one drinks in the air, how quickly the limbs move, how strong is the whole man, clasped in the fresh breath of spring!...*

And a summer morning--a morning in July! My God, the joyous sparkle of everything! the fresh, limpid air, the scent of raspberries and mushrooms! And how fair is this same forest in late autumn, when the snipe are on the wing! But how peaceful, how unutterably peaceful it is everywhere! You look from a hill-top: what a view! Here it is at last--the boundless, untrodden steppe!

Произведение И.С. Тургенева заканчивается внезапно, что характерно для жанра очерка: «Однако пора кончить. Кстати заговорил я о весне: весной легко расставаться, весной и счастливых тянет вдаль... Прощайте, читатель; желаю вам постоянного благополучия».

But it is time to end. By the way, I have spoken of spring: in spring it is easy to part; in spring even the happy are drawn away to the distance.... Farewell, reader! I wish you unbroken prosperity.

Тем не менее, оно звучит мощным и жизнеутверждающим аккордом охотничьего цикла о включённости человеческой личности в общий поток жизни, которое можно коротко выразить словами самого автора: «Свежо, весело, любо!» / Everything is fresh, gay, delightful!

Список литературы:

- Алексеев М. П. Заглавие «Записки охотника» // Тургеневский сборник. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1969. С. 210-218.
- Гинзбург Л.Я. О психологической прозе. Л.: Наука, 1971. 464 с.
- Куликова А.Ю. «Записки охотника» И.С. Тургенева: первая критика и первые английские переводы // Новая наука: Стратегии и векторы развития. 2017. Т3. №4. С. 81-84.
- Курляндская Г.Б. И.С. Тургенев. Мировоззрение, методы и традиции. Тула: Гриф и К, 2001. 229 с.
- Скокова Л.И. И. Тургенев и Руссо / Л.И. Скокова [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://turgenev-lit.ru/turgenev/kritika-o-turgeneve/skokova-turgenev-i-russo.htm>.
- Словарь литературоведческих терминов (СЛТ) / С.П. Белокуров [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://literary_criticism.academic.ru.
- Толковый словарь русского языка (ТСРЯ) [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://tolkru.com>.
- Этимологический словарь русского языка (ЭСРЯ) [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://etymological.academic.ru>.
- Cambridge Dictionary (CD) [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://dictionary.cambridge.org>.
- Diccionario de la lengua española (DLE) [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://dle.rae.es>.
- Dictionary.com [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.dictionary.com>.
- Longman Dictionary (LD) [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.ldoceonline.com>.
- Macmillan Dictionary (MD) [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.macmillandictionary.com>.

Merriam Webster Dictionary and Thesaurus (MW) [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.merriam-webster.com>.

Online Etymology Dictionary (OED) [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.etymonline.com/word/sport>.

Oxford Living Dictionaries. English (OLD) [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://en.oxforddictionaries.com>.

Тургенев И.С. Записки охотника [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://ilibrary.ru/text/1204/p.25/index.html>.

Ivan Turgenev. A Sportsman's Sketches. Translated from the Russian by CONSTANCE GARNETT. Ebook [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://originalbook.ru>.

Iván Turguenev. Relatos de un cazador. Ebook [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://originalbook.ru>.

Леоненкова Е.Д.
Высшая школа перевода (факультет)
Московского государственного университета
имени М.В. Ломоносова
г. Москва (Россия)

Leonenkova Ekaterina
Higher School of Translation and Interpreting (faculty)
Moscow State University
Moscow (Russia)

ПРОИЗВЕДЕНИЯ И.С. ТУРГЕНЕВА В МИРОВОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

WORKS OF I.S. TURGENEV IN THE WORLD LITERATURE

В данной статье рассматриваются переводы произведений И.С. Тургенева на немецкий, французский и английский языки, а также мнение писателя, переводчиков и исследователей об этих переводах. И.С. Тургенев – всемирно известный русский писатель XIX века, который внес огромный вклад в популяризацию русской литературы и культуры за рубежом. Его произведения переводились на разные языки мира. Часть переводов осуществлялась через языки-посредники. Зачастую И.С. Тургенев выступал в качестве консультанта и редактора переводов его произведений.

This article deals with translations of works by I.S. Turgenev in German, French and English, as well as the views of the writer, translators and researchers on these translations. I.S. Turgenev is a world-famous Russian writer of the nineteenth century, who made a great contribution to the popularization of Russian literature and culture abroad. His works were translated into different languages of the world. Some of the translations were done through intermediary languages. I.S. Turgenev often acted as a consultant and editor of translations of his works.

Ключевые слова: И.С. Тургенев, русский язык, художественный перевод, переводческая критика.

Keywords: I.S. Turgenev, Russian language, literary translation, translation criticism.

И.С. Тургенев – великий русский писатель XIX века, творчество которого получило широкое распространение далеко за пределами России. Он внес огромный вклад в развитие русской и зарубежной литературы. Ю.М. Лотман писал: «...Тургенев приобрел значение “писателя для писателей”. Его произведения открывали перед литературой новые перспективы, на него смотрели, как на мастера, авторитетного судью в вопросах искусства, и он ощущал свою ответственность за его судьбы» [Лотман, 1997, с. 726].

Его популярность способствовала тому, что его произведения переводились на разные языки мира. Согласно Index Translationum¹⁹, произведения И.С. Тургенева были переведены на 66 языков. Больше всего переводов было сделано на немецкий, китайский и английский языки. Среди редких языков перевода можно выделить вьетнамский,

¹⁹ Index Translationum — это библиографическая база данных, содержащая информацию о переводах книг, которые издаются по всему миру. Создается при поддержке ЮНЕСКО.

тайский, персидский и другие. Часть переводов осуществлялась через языки-посредники (например, для перевода на баскский язык использовали испанский перевод, а для перевода на тайский язык - английский). Наибольшей популярностью пользовались переводы романов «Рудин», «Отцы и дети», повестей «Первая любовь», «Муму» и цикла рассказов «Записки охотника».

Таблица 1. Переводы произведений И.С. Тургенева на языки мира (согласно данным Index Translationum)

Язык перевода	Кол-во переводов	Язык перевода	Кол-во переводов
Немецкий	136	Казахский	4
Китайский	92	Латышский	4
Английский	71	Панджаби	4
Испанский	54	Тамильский	4
Французский	48	Грузинский	3
Итальянский	31	Каталанский	3
Корейский	20	Литовский	3
Арабский	16	Маратхи	3
Турецкий	15	Молдавский	3
Болгарский	12	Таджикский	3
Чешский	12	Армянский	2
Нидерландский	11	Белорусский	2
Норвежский	10	Бенгальский	2
Польский	10	Гуджарати	2
Румынский	10	Иврит	2
Финский	10	Сингальский	2
Венгерский	9	Телугу	2
Киргизский	9	Урду	2
Хинди	8	Абхазский	1
Эстонский	8	Ассамский	1
Хорватский	7	Баскский	1
Македонский	6	Бирманский	1
Датский	5	Вьетнамский	1
Малаялам	5	Индонезийский	1
Персидский	5	Каннада	1
Португальский	5	Каракалпакский	1
Сербскохорватский	5	Непальский	1
Словацкий	5	Словенский	1

Узбекский	5	Тайский	1
Шведский	5	Уйгурский	1
Японский	5	Украинский	1
Азербайджанский	4	Чувашский	1
Греческий	4	Эсперанто	1

Хотя при жизни И.С. Тургенев был одним из самых известных русских писателей в Англии, Германии и Франции, в настоящее время произведения писателя пользуются меньшей популярностью за пределами России (за исключением некоторых стран, например, Китая). Как следствие, большинство переводов было сделано до 1990 года.

Обратимся к переводам произведений И.С. Тургенева на немецкий, французский и английский языки.

«Я столь многим обязан Германии, что люблю и почитаю ее, как свою вторую родину», – писал И.С. Тургенев. Впервые читатели в Германии смогли познакомиться с творчеством великого русского прозаика в 1854 году. Август Видерт опубликовал перевод первой части «Записок охотника» под заглавием «Aus dem Tagebuche eines Jägers, von I».

Август Видерт работал над переводом «Записок охотника» с 1851 года и опубликовал отдельные рассказы в различных немецких газетах и журналах еще в 1852-1853 гг. 24 февраля 1852 года он написал русскому литератору Г.П. Данилевскому, что перевел уже следующие рассказы – «Малиновая вода», «Уездный лекарь», «Бирюк», «Лебедянь», «Татьяна Борисовна и ее племянник», «Смерть», «Хорь и Калиныч», «Петр Петрович Каратаев» и переводит «Бурмистра» [Тургенев, 1978, с. 420]. Однако в 1854 году ему удалось напечатать только первую часть своего перевода.

Этот перевод имел успех. Рецензии на него начали появляться уже к концу года. Одна из рецензий была написана известным немецким писателем Паулем Гейзе. Людвиг Пич, друг И.С. Тургенева, в своих воспоминаниях о прозаике писал: «Молодой Русский немец Видерт, лично знакомый с Тургеневым, весьма увлеченный талантом поэта, тщательно перевел “Записки охотника” на немецкий язык <...> Большинство читающей публики в Германии не поняло сначала всех достоинств этих рассказов <...> Между прочим, молодой Пауль Гейзе был горячо увлечен ими...» [Иностранная критика о Тургеневе, 1884, с. 55-56].

Переводчик готовил перевод второй части цикла, но в 1855 году он узнает, что том уже вышел в переводе Августа Больтца. Однако Видерт отмечал, что по количеству ошибок и искажений перевод Больтца не уступает переводу Эрнеста Шарьера (см. ниже). Через князя П.А. Вяземского Видерт передает письмо И.С. Тургеневу: «Вы, может быть,

удивлены, прочитав имя другого переводчика. Но, поверьте мне, я был удивлен больше Вас, когда мне ее прислали на дом вместе с последним Вашим письмом. Дело в том, что этот псевдоперевод сделан и напечатан был тихонько от меня. <...> они знали, что мой перевод второй части был уже готов и что я, если б узнал об их намерении, мог бы опередить их, издав тотчас мой перевод»²⁰.

В 1858 году публикуются обе части цикла «Записки охотника». Август Видерт пишет отрицательную рецензию на перевод Больтца, отмечая, что из-за обильного числа ошибок переводчик сильно искажает смысл произведения.

Переводы Августа Видерта и Августа Больтца послужили лишь первоначальному знакомству немецкой публики с автором. Популярность И.С. Тургенева начинает расти в 1860-е гг. В 1862 году вышло «Дворянское гнездо» в переводе Пауля Фукса; в 1864-1865 гг. появляется собрание сочинений в переводе Фридриха Боденштедта; роман «Дым» был переведен дважды в 1868 году.

Фридрих Боденштедт, немецкий писатель, переводчик и поэт, внес огромный вклад в распространение русской литературы в Германии: он переводил произведения А.С. Пушкина, А.А. Фета, Г.Р. Державина и других, а также вел переписку с известными русскими писателями (М.Ю. Лермонтовым, А.К. Толстым, И.С. Тургеневым и другими). Переводчик и его жена, Матильда, были впечатлены работами И.С. Тургенева. Во введении к «Русским фрагментам» (1861) немецкий писатель Фридрих Боденштедт утверждал, что произведения Тургенева равны произведениям лучших современных новеллистов Англии, Германии и Франции.

Вскоре в свет вышли переводы и других произведений писателя – «Муму», «Яков Пасынков», «Фауст». Последний настолько понравился писателю, что он написал переводчику: «Не могу прежде всего не поговорить с вами о переводе моей повести “Фауст”, хотя это и немного эгоистично с моей стороны. Только что прочёл его и был буквально в восторге – это просто-напросто совершенство. (Говорю, разумеется, о переводе, а не об оригинале). Недостаточно знать до основания русский язык - надобно ещё самому быть большим стилистом для того, чтобы создать нечто столь совершенно удавшееся» [Тургенев, 2017, электронный ресурс].

Впоследствии писатель обращался к Фридриху Боденштедту с просьбой перевести и другие произведения: «Повторяю – для меня истинная удача найти такого переводчика, как вы, и я заранее горжусь этим. Что же касается выбора, который вы просите меня сделать из моих произведений, то я полагаю, что вы лучше меня можете судить о том, что

²⁰ Viedert Vladimir with Žekulin Nicholas G. The Viedert — Turgenev Correspondence. P. 34–35. Письмо от 30 июня 1855 г.

может подойти немецкой публике. Однако, сообразуясь с вашим желанием, я назову некоторые сочинения - а именно: “Дворянское гнездо”, “Рудин”, “Постоялый двор”, “Дневник лишнего человека”, “Первая любовь”, “Ася”, “Три встречи”, “Затишье”, не считая “Муму” и “Фауста”, уже переведенных вами. К этому можно бы еще прибавить мой последний роман: “Отцы и дети”... Повторяю, сделайте с этим то, что сочтете нужным, и это будет прекрасно» [Письма И.С. Тургенева, письмо 1400 Фридриху Боденштедту].

И.С. Тургенев отредактировал переводы Фридриха Боденштедта и дал им высокую оценку. Несмотря на то, что Фридрих Боденштедт не был первым переводчиком писателя, именно его работы открыли Германии И.С. Тургенева.

Как отмечалось выше, больше всего переводов произведений И.С. Тургенева было сделано на немецкий язык. И это не случайно. Еще в 1883 году немецкий литературный критик Б. Штойбен в статье, посвященной памяти прозаика, писал: «Ни в одной другой стране его произведения так часто не переводились и с такой жадностью и восторгом не читались, как в нашей. /.../ Мы, немцы, всё более и более привыкаем к Тургеневу и уже считаем его почти своим».

Во Франции первое знакомство с творчеством И.С. Тургенева произошло в 1954 году. Эрнест Шарьер, французский писатель и переводчик, опубликовал перевод «Записок охотника». Это произошло через два года после выхода книги в России. Данный перевод считается вольной интерпретацией произведения И.С. Тургенева. Писатель в письме С.Т. Аксакову отмечает: «Получил я наконец французский перевод моих “Записок” – и лучше бы, если б не получил их! Этот г-н Шарриер чёрт знает что из меня сделал – прибавлял по целым страницам, выдумывал, выкидывал – до невероятности...» [Тургенев, 1982, с. 223].

Переводчик изменил название книги: «Записки охотника» стали «Воспоминаниями русского помещика, или картина современного состояния благородного общества» («*Mémoires d'un Seigneur Russe ou tableau de la situation actuelles des nobles et des paisans dans les provinces russes*»). Кроме того, Шарьер добавляет пояснение к каждому названию рассказов из цикла, стараясь настроить читателя на такое понимание произведения, которое ему казалось правильным. Это зачастую искажало основную идею автора (например, «Контора» – «Контора или служба в России», «Бурмистр» – «Бурмистр. Крепостные и управляющие в России») [Воскресенская, 2010, с. 835].

Позже И.С. Тургенев напишет письмо редактору газеты «*Journal de St. Pétersbourg*», в котором дает свою оценку переводу Эрнеста Шарьера: «...вряд ли найдется много примеров подобной литературной мистификации. Не говорю уже о бессмыслицах и ошибках, которыми он изобилует, – но, право, нельзя себе представить все изменения,

вставки, прибавления, которые встречаются в нем на каждом шагу. Сам себя не узнаешь. Утверждаю, что во всех “Записках русского барина” нет четырех строк, правильно переведенных... Вы понимаете, м. г., что с такой системой перевода можно дать полный разгул своей фантазии, и г. Шарриер не преминул это сделать. Он кроит, режет, изменяет, заставляет меня, по произволу, плакать, смеяться, подсмеиваться, и за это-то я наиболее сердит на него» [Тургенев, 1982, с. 221].

В 1856 году Ипполит Делаво сделал первый перевод «Фауста» на французский язык. После выхода перевода И.С. Тургенев написал письмо В.П. Боткину: «Делаво перекатал моего “Фауста” и тиснул его в декабрьской книжке “Revue des 2 Mondes” – издатель (де-Марс) приходил меня благодарить и уверял, что эта вещь имеет большой успех; а мне, ей-богу, все равно, нравлюсь ли я французам или нет, тем более, что М-те Виардо этот “Фауст” не понравился» [Тургенев, 2017].

Через два года выходит единственный авторизованный перевод «Записок охотника» на французский язык, сделанный также Ипполитом Делаво. Тургенев лично просмотрел перевод и сделал в нем правки, после чего издание произведения получило статус авторизованного. Важно отметить, что более точный перевод Делаво не пользовался той популярностью у французских читателей, которую имел вариант Эрнеста Шаррьера. Кроме того, Ипполит Делаво в предисловии сделал ряд замечаний к переводу своего коллеги, что не понравилось одному из издателей. Перевод оказался ближе к оригинальному произведению, однако он получился менее выразительным, бледным, недостаточно «французским». Сам писатель был также не доволен переводом. «Только ввязавшись в эту историю, я обнаружил непригодность Делаво как литератора» [Письма И.С. Тургенева, письмо 657 Луи Виардо].

Во Франции переводчиками произведений И.С. Тургенева были также Проспер Мериме, Луи Виардо, Э. Дюран-Гревиль (французский авторизованный перевод «Нови», рассказ «Перепелка»²¹), Э. де Пори и др. Некоторые произведения писатель сам перевел на французский язык.

Проспер Мериме внес огромный вклад в популяризацию творчества И.С. Тургенева во Франции. Он одним из первых рекомендовал французский перевод Эрнеста Шаррьера «Записок охотника» (рецензия «Литература и рабство в России»). Впоследствии Проспер Мериме редактировал переводы произведений И.С. Тургенева, снабжал их предисловиями, а также сам их переводил. Первое произведение, которое перевел Проспер Мериме, была повесть «Призраки» (перевод 1865 года). Годом позже он взялся за

²¹ Этот рассказ был переведен уже после смерти писателя. Перевод был опубликован в «Revue politique et littéraire» в 1883 году с примечанием переводчика.

перевод рассказа «Собака». Оба произведения были напечатаны в сборнике «Nouvelles moscovites» (1869).

В 1855 году (по некоторым источникам даже ранее, в 1854 году) Джеймс Миклджон опубликовал первый перевод «Записок охотника» на английский язык, который носил название «Russian Life in the Interior, or the Experiences of a Sportsman» («Русская жизнь во внутренних областях страны, или Впечатления охотника»). За основу им был взят перевод Эрнеста Шарьера. Английский переводчик не стал опускать примечания Шарьера, однако, не зная русского языка и точно следуя переводу своего французского коллеги, Джеймс Миклджон также допустил ряд искажений оригинала. В частности, ошибки были в транскрипции русских слов.

И.С. Тургенев в английском журнале дал крайне отрицательную оценку переводу Джеймса Миклджона. Много лет спустя (в 1868 году), выступая против издания неудовлетворительного перевода на английский язык своего романа «Дым»²², прозаик отмечает: «Мне не везет; уже мое первое произведение было совершенно искажено и урезано в переводе, вышедшем в Эдинбурге» [Тургенев. Материалы и исследования, 1940, с. 13].

Использование языка-посредника было типичной ситуацией для Англии XIX века. Чаще всего в роли языка-посредника выступал французский язык. Лишь в конце 1860-х гг. начали появляться первые переводы произведений И.С. Тургенева с русского языка.

В XIX веке в Англии переводчиками И.С. Тургенева были Вильям Рольстон, Чарльз Тернер, Э. Дилк и другие.

В 1869 году английский критик и переводчик Вильям Рольстон опубликовал перевод «Дворянского гнезда», который вышел под названием «Лиза». После прочтения И.С. Тургенев написал переводчику: «... Этот перевод намного лучше всех других переводов моих произведений» [Тургенев, Письма, т. VIII, с. 57]. Рольстон стал одним из главных переводчиков произведений писателя на английский язык.

Следующий перевод был сделан лишь в 1877 г. – Тернер напечатал перевод романа «Накануне».

Однако полностью произведения И.С. Тургенева были переведены лишь в конце XIX – начале XX вв. Огромный вклад в популяризацию творчества писателя внесла известная английская переводчица Констанс Гарнетт. Переводчица сделала перевод всех романов писателя, его повестей и рассказов, а также нескольких пьес и стихотворений в прозе.

²² В 1868 году вышел анонимный перевод «Дыма» на английский язык. И.С. Тургенев назвал этот перевод неудачным и отметил, что он искажает смысл романа.

Список литературы:

Воскресенская Н.А. Русская действительность 40-50 годов XIX в. сквозь призму социального аспекта перевода («Записки охотника» И.С. Тургенева в переводе Э. Шарьера. // Литературоведение. Межкультурная коммуникация. Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского, 2010, № 4 (2).

Лотман М.Ю. О русской литературе. Статьи и исследования (1958-1993). СПб.: Искусство СПб, 1997. 848 с.

Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем в 30 томах. Письма в 18 томах. Изд 2-е. М., 1982. Т. 2.

Тургенев И. С. Полное собрание сочинений: В 30 т. Т. 2. – Наука, 1978.

Тургенев И.С. Фауст. – Litres, [Электронный ресурс] - 2017. Режим доступа: <https://books.google.ru/books?id=vTGjAAAAQBAJ&lpg=PP1&hl=ru&pg=PP1#v=onepage&q&f=false>

Иностранная критика о Тургеневе. СПб., 1884

Сборник «Тургенев. Материалы и исследования», Орел, 1940

Viedert Vladimir with Žekulin Nicholas G. The Viedert — Turgenev Correspondence // N Z Sl J. 1991.

Ресурсы удаленного доступа (INTERNET):

Index Translationum: www.unesco.org/culture/xtrans/

Письма И.С. Тургенева, письмо 1400 Фридриху Боденштедту: <http://turgenev-lit.ru/turgenev/pisma-1862-1864/letter-132.htm>

Письма И.С. Тургенева, письмо 657 Луи Виардо: <http://turgenev-lit.ru/turgenev/pisma-1855-1858/letter-288.htm>

Мишкuroв Э.Н.
Высшая школа перевода (факультет)
Московского государственного университета
имени М.В. Ломоносова
г. Москва (Россия)

Mishkurov Eduard
Higher School of translation and interpretation
Lomonosov Moscow State University
Moscow (Russia)

И.С. ТУРГЕНЕВ – ЧЕЛОВЕК, ПИСАТЕЛЬ, ПЕРЕВОДЧИК: PRO ET CONTRA

TURGENEV AS A MAN, WRITER, TRANSLATOR: PRO ET CONTRA

В работе в рамках специфического междисциплинарного биобиблиографического литературного жанра – «имярек: pro et contra» освещаются личностные, гражданские и разносторонние профессионально-деятельностные качества И.С. Тургенева как представителя «могучей кучки» русских литераторов «золотого века». Будучи не в простых личных взаимоотношениях с некоторыми своими коллегами, он сумел со временем объективно оценить значимость их творчества и помириться со многими из своих собратьев по перу. Высокообразованный полиглот, великолепный мастер художественного слова, он снискал большой авторитет как писатель-либерал, ненавидевший крепостничество в царской России, пропагандист великой русской литературы за пределами своей Родины, неутомимый воспитатель молодых литературных талантов, знаменитый переводчик, стилист-редактор и корректор переводов своих западноевропейских и отечественных коллег. Его творчество широко известно в Западной Европе, Латинской Америке, США и в других просвещенных странах мира. Прожив более 20 лет за рубежом и пропитавшись духом западноевропейской культуры, он, тем не менее, всегда оставался большим патриотом своей Родины, певцом и хранителем великого русского языка.

In the work within the framework of a specific interdisciplinary biobibliographical literary genre - "Name: pro et contra" - personal, civil and versatile professional-activity qualities of Ivan Turgenev are covered as a representative of the "Mighty Handful" of Russian writers of the "golden age". Being not in simple personal relationships with some of his colleagues, he managed to objectively evaluate the significance of their work over time and make peace with many of them. A highly educated polyglot, a great master of the artistic word, he gained great authority as a writer-liberal, who hated serfdom in tsarist Russia, propagandist of great Russian literature outside his homeland, tireless educator of young literary talents, famous translator, stylist-editor and proofreader of translations of his Western European and domestic colleagues. His work is widely known in Western Europe, Latin America, the United States and other enlightened countries of the world. Having lived abroad for over 20 years and soaked in the spirit of Western European culture, he nevertheless always remained a greater patriot of his homeland, a singer and guardian of the great Russian language.

Ключевые слова: литературный жанр «pro et contra»; Тургенев-гражданин, писатель-либерал; Тургенев-полиглот; Тургенев-переводчик, стилист-редактор и корректор; Тургенев – охранитель русского языка.

Keywords: literary genre "pro et contra"; Turgenev as a citizen, a liberal writer; Turgenev the polyglot; Turgenev the translator, stylist-editor and proofreader; Turgenev as a guardian of the Russian language.

1. В сентябре 1883 г. в Буживале (Франция), не дожив до своего 65-летия двух месяцев, на руках любимой женщины – Полины Виардо-Гарсия умирает от неизлечимой болезни Иван Тургенев – замечательный русский писатель, один из блестящих представителей «могучей кучки» литераторов «золотого века» русской литературы 80-х годов XIX в., подвижник и пропагандист, активный участник плодотворного диалога российской и западноевропейской культур Франции, Испании, Германии и иных мировых цивилизаций. Его имя в истории русской литературы, критических обзорах, рецензиях, антологиях по русской словесности XIX в. полноправно и равноправно соседствует с именами Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского, Н.В. Гоголя, А.А. Фета и др. Его творчество высоко ценил В.Г. Белинский, поддерживал с ним тесные, личные отношения. Тургенев, также как и его и его друг А. Фет, рьяно выступал поборником свободы искусства. Говоря о своем писательском кредо, Тургенев в предисловии к собранию своих романов, написанном в 1880 г. говорил о том, что он во всех своих произведениях от «Рудина» до «Нови» старался добросовестно и беспристрастно изобразить и воплотить в типы то, что Шекспир называет «самый образ и давление времени» [см.: Достоевский, художник и мыслитель, 1972, с. 586].

О жизни И.С. Тургенева можно сказать: она была безбедной, разносторонне событийной, цветисто-красочной, подчас житейски комичной и трагичной, но главное для нас – творчески плодотворной.

Это был энциклопедически образованный человек, получивший глубокие, фундаментальные знания не только в российских, но и зарубежных учебных заведениях, владевший немецким, французским, английским и итальянским языками. Он также ради любимой женщины изучил её родной язык – испанский. Читал античных классиков на древнегреческом и латинском языках. Поэтому он имел право сказать, что, к примеру, Плетнев и Белинский «мало знают», судить об «образовательном цензе» своих коллег по перу. Тем не менее, он признавал, что Белинский превосходно знает историю русской литературы.

Его заслуги на литературном поприще нашли официальное признание: Тургенев в 1860 году был избран членом-корреспондентом императорской академии наук по разряду русского языка и словесности. В 1879 году стал почётным доктором Оксфордского университета. С 1880 – он почётный член Московского университета.

В научно-исследовательской, аналитико-библиографической литературе есть такой своеобразный жанр – «имярек: pro et contra», цель которого максимально полно и объективно изучить труды некой исторически архиважной персоны – писателя, поэта, литературоведа, общественного или политического деятеля и др., а также воссоздать

историю рецепции искомой личности во всех его жизненно-деятельностных проявлениях. Библиотека таких огромных одно- и многотомных фолиантов включает в себя, к примеру, такие издания, как-то: «Вольтер: pro et contra» и тому подобные публикации, касающиеся Лермонтова, Л. Толстого, А. Ахматовой, Гёте, Бунина, Бахтина, Набокова и многих других. Подобного фолианта, посвященного И.С. Тургеневу, пока нет. Полагаю, что это только вопрос времени, так как исследовательская база, касающаяся этого знаменитого писателя, переводчика, критика-публициста на сегодняшний день более чем достаточна.

В этом контексте обратимся к объективному анализу жизненного кредо и деятельности И.С. Тургенева, а также к восприятию этой незаурядной личности некоторыми его современниками, сравнивая результаты их умозаключений с мнениями аналитиков XX-XXI вв.

Известно, что внешне он был весьма привлекателен – высокий, физически развитый мужчина. Однако над ним нередко подсмеивались и подтрунивали в “аристократических салонах” России и Западной Европы за его некоторую застенчивость, угловатость в поведении, а также за его «забавное, наивное» страстное увлечение П. Виардо и т.д.

В то же время его письменные труды считались образцом глубоко познавательной, высокохудожественной, красочной стилистики, тонко обработанной, подчас жесткой, иронической прозы и возвышенной, временами страдальческой, поэзии. Такие его произведения, как «Записки охотника», «Отцы и дети», «Муму», «Накануне» и др. поставили его в ряд выдающихся литераторов России.

Как справедливо пишут исследователи творчества больших писателей и поэтов, мы привыкли, что «классики – живые люди, обуреваемые теми же страстями и пороками, что и все остальные. Они ругались и ссорились не менее вдохновенно, чем творили. Поразительно, но в результате человечество только выигрывало! Потому что финал ссор двух талантов <...> сочиненный в пику визави очередной шедевр на все времена [Ефимов, 2018, с. 2].

Сам Тургенев далеко не всегда ладил с коллегами-современниками, особенно когда это касалось отрицательных отзывов последних о его творчестве. Он поссорился практически с большинством из них, о чём потом горько сожалел, но к старости, к своей великой радости, постарался со многими из них помириться. Поводов к неладам с рядом лиц из профессионального окружения было более чем предостаточно.

К примеру, возьмем характер взаимоотношений Тургенева с Достоевским. Вначале Достоевский достаточно лояльно и объективно писал о творчестве Тургенева. Так, критикуя некоего великосветского романиста и критика В.Г. Авсеенко, он писал о

«Записках охотника» Тургенева в ряду с «Мёртвыми душами» Гоголя, «Обломовым» Гончарова и комедиями Островского как о произведениях, которые «меньше всего могут быть обвинены в бедности внутренним содержанием», которое не может быть «верно прочувствованно и принято людьми типа Авсеенко, уверенными, что культура сохраняется лишь элитой, верхним слоем культурных людей» [Фридлиндер, 1972, с. 139-140].

С другой стороны, Тургенев был потрясен описанием Достоевского игорных домов как своего рода «каторжной бани» в знаменитых «Записках из Мертвого дома».

Конечно, трудно себе представить более непохожих друг на друга людей: мнительный, какой-то мятый, погруженный в себя Фёдор Достоевский и холеный, уже добившийся признания Иван Тургенев.

Объявленный Белинским гением, будущий автор "Преступления и наказания" показался литературной «тусовке», и небезосновательно, хвастуном. Ехидный Тургенев подбил Некрасова на пару сочинить обидную эпиграмму: "Рыцарь горестной фигуры! / Достоевский, юный пыщ, / На носу литературы / Ты вскочил, как яркий прыщ".

Взаимное неприятие копилось годами. Тургенев подолгу жил за границей и ставил в пример тамошний образ жизни. Пламенному патриоту Достоевскому чудилось в этом пренебрежение Родиной: «Тургенев сделался немцем из русского писателя, - вот по чему познается дрянной человек», горячился Фёдор Михайлович в письме поэту Аполлону Майкову. Достоевский даже посоветовал Тургеневу купить телескоп, чтобы через него смотреть на далекую от него Россию.

Тургенев, после того как Достоевский памфлетно изобразил его в «Бесах», прекратил с ним всякие отношения.

И, тем не менее, спустя годы биографы сошлись во мнении: какими бы репликами ни обменивались Достоевский и Тургенев, они прекрасно понимали масштаб таланта друг друга. В знак согласия с таким умозаключением критиков приведу один очень яркий пример: на торжествах по случаю открытия памятника Пушкину в 1880 г. в Москве Достоевский, как известно, выступил с ярчайшей речью, вызвавшей небывалый восторг публики. Тургенев забыв, все обиды, со слезами на глазах бросился его обнимать и поздравлять с великолепным выступлением в честь их общего почитаемого гения русской поэзии. Кстати говоря, Тургенев также был тепло встречен присутствующими на этих пушкинских торжествах. Иван Аксаков, который должен был выступать после Достоевского, заявил, что ему «нечего сказать после этой гениальной речи»: «Вы сказали речь, после которой И.С. Тургенев представитель западников и я, которого считают

представителем славянофилов, одинаково должны выразить вам величайшее сочувствие и благодарность» [Благой, 1972, с. 424].

Естественно, что его отклики, высказывания о некоторых своих коллегах вызывали к нему неприязнь и чувство злорадства, когда это касалось некоторых слабостей и особенностей личности Тургенева. Его многие ненавидели за дворянское происхождение, за его «богатство и барство».

Это «антитургеневское» отношение ярко отразилось в «Воспоминаниях» Авдотьи Панаевой, которая была 15 лет гражданской женой Н.А. Некрасова и имела возможность встречаться со многими выдающимися литераторами и публицистами своего времени. Будучи благосклонной к людям «демократического склада» - Белинскому, Добролюбову, Чернышевскому и др., она весьма враждебно относилась к лицам из «дворянской партии», а именно к Тургеневу, Анненкову и др. Так, о ссоре Тургенева с Добролюбовым она саркастически писала: «Разрыв Тургенева с «Современником» произвел такое же смятение в литературном мире, как если бы случилось землетрясение. Приближенные Тургенева, которыми он себя всегда окружал, как глашатаи, оповещали всюду о разрыве и цитировали чуть ли не целые страницы ругательств на Тургенева, будто бы заключавшихся в статье Добролюбова. Одни словом, Добролюбов выставлялся Змеем Горынычем, а Тургенев богатырем Добрыней Никитичем, который спас литературу от чудовища, пожиравшего всех как прежних, так и современных авторитетных писателей» [Панаева, 1986, с. 291].

Тургенева за рубежом и на Родине, то объявляли светилом русской литературы, то ниспровергали с почетного пьедестала. Любопытен следующий факт. Когда в Англии открыли для себя Достоевского, увы, с запозданием, среди читающей публики стало модно говорить с пренебрежением о Тургеневе. Голсуорси с горечью заявил: «Казалось... для обоих талантов хватит места, но в литературном мире принято гасить один светильник, прежде чем зажигать другой» [Голсуорси, 1962, с. 399].

А.М. Горький, по одним источникам якобы считал Тургенева хорошим писателем-лириком: «Как у него всё понятно, просто и по-осеннему прозрачно, как чисты его люди, и как хорошо всё, о чём он кротко благовестит» [Горький, 2018, с. 1]. По другим свидетельствам, Горький испытывал «презрение и ненависть по отношению к писателям 19 века <...> люто презирал Тургенева, Достоевского и Гоголя» [см. Биография Горького: интересные факты, 2018, с. 2].

2. Творческая деятельность И.С. Тургенева встретила горячий отклик у многочисленных почитателей во многих западноевропейских странах – Франции, Испании, Германии, Англии и др. Его произведениями интересовалась также читающая

публика в США и Латинской Америке. Их печатали, в частности, в крупнейшем влиятельном журнале «La Revue des Deux Mondes». Вообще-то гордые французы считали свою литературу лучшей и отдавали страницы зарубежным авторам с неохотой. «Честь, которая досталась, кроме меня, одному Генриху Гейне», - подчеркивал Тургенев, сообщая о публикации П.В. Анненкову.

Известно, что в конце 50-х и начале 60-х годов Тургенев почти постоянно жил в Париже. Он поддерживал деловые и дружеские связи с рядом французских литераторов и переводчиков. Примером дружбы и творческих контактов с зарубежными коллегами могут служить его отношения с Проспером Мериме (1803-1870).

И.С. Тургенев горячо пропагандировал русский язык среди своих западноевропейских коллег – писателей и переводчиков, став при этом «во Франции первопроходцем в этой области». Он, в частности, больше десяти лет учил П. Мериме русскому языку. Мериме перевёл несколько Тургеневских рассказов на французский язык и выверял переводы, сделанные другими переводчиками [см.: Набоков-Уилсон. Переписка..., 2013, с. 422-423]. Он был почитателем Тургенева, написал предисловие к французскому переводу «Отцов и детей» (1864 г.), пропагандировал «Записки охотника» Тургенева наряду с произведениями Пушкина и других русских писателей.

И.С. Тургенев был глубоко огорчен известием о смерти Мериме. Он всегда подчеркивал, что «мы, русские, обязаны почитать в нём такого благородного человека, который питал искреннюю и сердечную привязанность к нашему народу, нашему языку, ко всему нашему быту, - человека, который положительно благоговел перед Пушкиным и глубоко и верно понимал и ценил красоты его поэзии. Лично я теряю в нём друга...» [Тургенев, Проспер Мериме: Некролог..., 2018, с. 1].

Однако замечу, что в Европе официальная цензура довольно пристально следила за деятельностью «либерала Тургенева». Известный американский литературовед Эдмунд Уилсон (1895-1972) в одном из писем Набокову упоминает о том, что «сколь пуританской и викторианской была Вторая империя. Тургенева постоянно цензурировал редактор «La Revue des Deux Mondes» [Набоков-Уилсон. Переписка..., 2013, с. 423]. Напомним, что и в России Тургенев был под надзором полиции по известному делу о невыдаче крепостной девушки прежней владелице.

В целом, оценивая творчество Тургенева в ряду других великих русских писателей и указывая на особенности стилистики его произведений, французский критик Э. М. де Вогиюэ, сравнивая Толстого и Тургенева, нашел, что «между этими двумя романистами целая пропасть. Тургенев еще проводил традиции прошлого и идеи европейского господства, он перенес к себе ту определённую, которую заимствовал от

нас; Толстой – порвал с прошлым, с чужеземным рабством; *это новая Россия*, устремившаяся во мраке на поиски собственных путей, не обращающая внимания на наши воззрения и часто *непонятная нам*». А, сопоставляя Достоевского с Тургеневым, Вогюэ писал, что «Достоевский столь же решительно, как и Толстой, порвал с европейской литературной традицией, верным приверженцем которой до конца своих дней оставался Тургенев» [см.: Достоевский, художник и мыслитель, 1972, с. 463-464].

Первые переводы русской классики на французский язык делали, как известно, русские переводчики самостоятельно или совместно со своими французскими коллегами. Так, княгиня Паскевич первой перевела «Семейное счастье» и «Войну и мир» Толстого, Гальперин-Каменский занимался переводами Достоевского, а первые переводы прозы Пушкина выполнены при участии Тургенева, как и большая часть его собственных произведений. Именно с этих переводов были сделаны первые английские и испанские переводы. К опыту этих переводов обращались также и немецкие переводчики. В 1880-1900-е годы произведения Тургенева и других русских писателей нередко издавались в Испании в сокращённом виде как во фрагментарных и «весьма вольных переводах» <...> В работах переводчика господствовали французские критерии «хорошего вкуса» и практики «исправления и улучшения оригинала» в переводах [см.: Оболенская, 2010, с. 46, 52].

Иными словами, в Испании и в ряде латиноамериканских стран произведения русских писателей с первой трети XIX в. и по 30-е годы XX в. переводились на испанский язык главным образом с французского как языка-посредника. Авторитет Тургенева был необычайно высок среди испаноговорящих читателей и писателей как в самой Испании, так и в Латинской Америке. В 80-е годы каждый образованный испанец считал своим долгом прочесть «почти всего Тургенева». На испанский язык были переведены «Дворянское гнездо», «Отцы и дети», «Записки охотника» и др.

Федерико Гана - чилийский переводчик, писатель, критик и активный пропагандист русской литературы в конце XIX – начале XX веков подчеркивал, что Тургенев стал его «главным учителем», а рассказы «Деревенские дни» (*Dias de campo*, 1916) отражают, прежде всего, влияние, оказанное на него «Записками охотника».

Справедливости ради стоит отметить, что ныне, как пишет Ю.Л. Оболенская, «романы Тургенева, оцененные критиками как социальные, во многом из-за несовершенства переводов утратили непреходящее значение и глубину своего идейно-художественного содержания и, утратив злободневность и новизну тематики, так высоко оцененные читателями начала XX века, мало популярны сегодня» [Оболенская, 2010, с. 184-185, 192].

Известно, что для большинства американских критиков знакомство с русской литературой XIX в. начиналось с произведений Тургенева. Большую работу по популяризации его творчества в США проделал известный критик и литературовед Э. Уилсон. Его исследования были интересны американскому читателю, в частности, тем, что он, владея русским языком и посетив СССР в середине 30-х годов, основывал их на источниках, доступных только на родном языке Тургенева. 20 декабря 1956 года он пишет Набокову: «Я работаю над большим эссе о Тургеневе-либерале, впадшем в пессимизм». Данная работа была напечатана в «The New Yorker» 19 октября 1957 г., а позже вошла в его книгу «Окно в Россию». В 1958 году Дэвид Магаршак перевел на английский язык книгу И.С. Тургенева «Литературные воспоминания и автобиографические фрагменты». В книгу вошло также эссе Уилсона «Тургенев и капли жизненного эликсира» [Набоков-Уилсон. Переписка..., 2013, с. 38-39, 390, 424-425].

В.В. Набоков, перебравшись в США, зарабатывал на жизнь, в частности, чтением курса русской литературы, в котором одна из лекций была посвящена творчеству И.С. Тургенева. В целом Набоков не был поклонником Тургенева. Пытаясь быть объективным, снисходительно писал: «Он не великий писатель, хотя и очень милый». А Достоевского он не любил еще больше, поэтому в его «школьной классификации» он следующим образом разделил места среди великих русских писателей: «Толстой был обозначен "5 с плюсом", Пушкин и Чехов - "5", *Тургенев* (курсив мой. – Э.М.) - "5 с минусом", Гоголь - "4 с минусом". А Достоевский был "3 с минусом" (или "2 с плюсом"...))» [см.: Шепелёв, 2016, с. 2]. А в лекции, посвященной Толстому, мы видим несколько иную классификацию русских литературных светил: 1. Толстой; 2. Гоголь; 3. Чехов; 4. Тургенев [Набоков, Лекции..., 2018, с. 1]. А в одном из писем адресованном «дорогому Пончику (т.е. Э. Уилсону)» он писал: «Генри Джеймс – писатель для некурящих. В нём свое очарование (также, как в *худосочной, бледной прозе Тургенева* (курсив мой. – Э.М.), но не более того» [Набоков-Уилсон. Переписка..., 2013, с. 81].

Время расставило всё по своим местам. Все вышеупомянутые лица непререкаемо вошли в славную историю своих отечественных и мировых литератур. Наступило время, когда можно объективно о каждом из них выразить свое отношение в рамках «pro et contra».

3. И.С. Тургенев как переводчик, стилист-редактор и корректор переводов своих коллег с иноязыков на русский и наоборот оставил нам огромное наследие, представляющее существенный исторический интерес по многообразию форм и методов, способов и приемов, стратегий и тактик перевода, отражавших по преимуществу суть господствовавших в Европе XIX в. теории и методологии перевода. К их числу относятся

«украшательская французская манера перевода», а также известные из древних времен приёмы буквального, построчного/подстрочного, вольного и других разновидностей перевода.

Отметим одну из начальных точек отсчёта интересов Тургенева в переводческой деятельности, основывающихся на потребности изучить творческую манеру великих писателей и поэтов Европы. Переводя, он ставил перед собой цель – осознать и освоить литературные приемы знаменитых драматургов Байрона и Шекспира, великих поэтов и писателей Франции и других стран. Это, собственно говоря, – «переводы для себя», «личностные переводы». Далее он становится переводчиком «для других».

В ряду переводов Тургенева находим отрывки из трагедии Гёте «Фауст», 12-ую «Римскую Элегию». В 1844 г. М. Вронченко опубликовал стихотворный перевод первой части «Фауста», изложение и перевод отдельных сцен второй части. Среди откликов на труд Вронченко самым значительным событием была статья-рецензия Тургенева, появившаяся на страницах «Отечественных записок» в 1845 году [Тургенев, Собр. соч., 1979. Т. 12. С. 28-32].

Большой интерес у писателей и критиков-демократов вызвал перевод Тургенева с украинского языка на русский произведения Марко Вовчка «Народні оповідання», в котором он, по его выражению, стремился сохранить «ту особую, наивную прелесть и поэтическую грацию, которую исполнены народные рассказы» [см.: Достоевский – художник и мыслитель, с. 127].

В списке переводов Тургенева находим также произведения Байрона, Шекспира, Уитмена, Флобера и других.

Тургенев выступает также как консультант, стилист-редактор и корректор трудов зарубежных переводчиков русских писателей. Он сам пишет предисловие, примечания к переводам русских писателей на европейские языки, а также и к русским переводам произведений известных европейских писателей. Так появились переводы произведений Флобера «Иродиада» и «Повесть о св. Юлиане Милостивом» для русского читателя и произведения Пушкина, Гоголя, Лермонтова, Достоевского и Толстого для западноевропейского читателя. Тургенев становится самым известным и читаемым русским автором в Европе. В 1878 году на международном литературном конгрессе в Париже писатель избирается вице-президентом, а в 1879 году его удостоили звания почетного доктора Оксфордского университета, при том, что его университет не оказывал такой чести ни одному беллетристу.

Особо отметим совместную творческую деятельность Тургенева с мужем и женой Виардо. Луи Виардо (1800-1883) как переводчик способствовал распространению русской

литературы во Франции. Помимо многочисленных переводов с итальянского языка, с испанского на французского, также переводил с помощью Тургенева произведения русских классиков, в частности, на французский язык он перевел «Тараса Бульбу» и другие произведения Гоголя, «Капитанскую дочку» Пушкина, а также многие рассказы Тургенева.

Работая с его супругой П. Виардо, Тургенев пробовал свои силы как «вокальный переводчик», в написании романсов, либретто. Он переводил их на западные языки, а певица на вокальные переводы Тургенева подбирала и писала музыку.

В итоге можем констатировать: в лице Тургенева теория и методология перевода XIXв. приобрела самобытного профессионала самой высокой квалификации.

4. Беспредельная любовь к П. Виардо превратила Тургенева в вечного скитальца, ехавшего туда, куда ездила с концертами эта великолепная певица с мировым именем. Она его муза, его страсть, его мука...

Но даже вдали от Родины он всю жизнь тосковал по России, стремился к ней всей душой и старался своими трудами, своим пером служить проводником её литературно-духовных ценностей в Западной Европе.

Он посвятил свое творчество матушке России во всей красе её природы, страдал от крепостнической закабалённости её народа и своим пером боролся с этим позором любимой Родины.

Он любит Россию всей душой, высоко ценит могучий родной русский язык, который единит его на чужбине с далекой Родиной. Он утверждает, что «... нас хоть в семи водах мой, - нашей русской сути из нас не вывести <...> я сужу по собственному опыту».

В своих эссе и мемуарах «Литературные и житейские воспоминания: 1854-1883» он писал в 1868 г. в Баден-Бадене: «Отечественная критика, возводившая на меня столь многочисленные, столь разнообразные обвинения, помнится ни разу не укоряла (?) меня в нечистоте и неправильности языка, в подражательстве чужому слогу» [Тургенев, пол. собр. соч., 1967, т. 14. с. 10].

И далее о себе: «преданность моя началам, выработанным западною жизнью, не помешали мне живо чувствовать и ревниво оберегать чистоту русской речи».

На закате жизни как апофеоз судьбе, связывающей его со своим народом страдальцем, звучит его прозаическое, белым стихом написанное откровение о роли русского языка в судьбах России и его личной жизни:

«Во дни сомнений, во дни тягостных раздумий о судьбах моей родины, — ты один мне поддержка и опора, о великий, могучий, правдивый и свободный русский

язык! Не будь тебя — как не впасть в отчаяние при виде всего, что совершается дома? Но нельзя верить, чтобы такой язык не был дан великому народу!»

Благодарный Фёдор Тютчев, которого Тургенев сподвигнул на публикацию первой книги его стихов написал на смерть великого писателя блистательные строки:

Тебя, как первую любовь,

России сердце не забудет!

Список литературы:

Биография Горького: интересные факты [Электрон. ресурс] – Режим доступа: <http://gorkiy.lit-info.ru/gorkiy/biografiya/biografiya-gorkogo-interesnye-fakty.htm> (06.02.2018). 2 с.

Благой Д.Д. Достоевский и Пушкин. / Достоевский – художник и мыслитель. Сборник статей. – М.: Художественная литература, 1972. С. 344-426.

Голсуорси Д. Собр. соч. в 16-ти томах, т. 16 – М.: Правда 1962. 399 с.

Горький А.М. [1953 - - Тургенев в русской критике [Электрон. ресурс] – Режим доступа: <http://i-s-turgenev.ru/books/item/f00/s00/z0000011/st041.shtml> (06.02.2018). 3 с.

Достоевский – художник и мыслитель. Сборник статей. – М.: Художественная литература, 1972. 687 с.

Достоевский и русские писатели. Традиции новаторство мастерство. Сборник статей. – М.: Советский писатель, 1971. 447 с.

Ефимов С. Как выясняли отношения Достоевский, Маяковский и Набоков [Электрон. ресурс] – Режим доступа: <https://kr.ua/life/529083-как-vyiasnialy-otnosheniya-russkyye-klassyky> (05.02.2018). 17 с.

И.В. Гете: pro et contra, антология. 2-е изд., испр. / Сост., Р.Ю. Данилевский, Е.С. Роговера, Г.В. Стадникова. – СПб.: РХГА, 2015. 946 с.

Климентьева А.С. И.С. Тургенев – переводчик. Автореф... дис... канд. филол. наук (Томск), 2007. 22 с.

Набоков В., Уилсон Э. Дорогой Пончик, Дорогой Володя: Переписка. 1940-1971. – М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2013. 496 с.

Набоков В.В. Лекции по русской литературе. Иван Тургенев [Электрон. ресурс] – Режим доступа: <http://nabokov-lit.ru/nabokov/kritika-nabokova/lekcii-po-russkoj-literature/index.htm> (24.01.2018). 25 с.

Набоков В.В. Лекции по русской литературе. Лев Толстой [Электрон. ресурс] – Режим доступа: <http://nabokov-lit.ru/nabokov/kritika-nabokova/lekcii-po-russkoj-literature/index.htm> (24.01.2018). 4 с.

Оболенская Ю.Л. Художественный перевод и межкультурная коммуникация. Изд. 3-е испр. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. 264 с.

Панаева А.Я. (Головачева). Воспоминания. – М.: Правда, 1986. 529 с.

Русский язык [Электрон. ресурс] – Режим доступа: http://rvb.ru/turgenev/01text/vol_10/02senilia/0267.htm (20.01.2018). 1 с.

Тургенев И.С. «Литературные и житейские воспоминания: 1854-1883» / И. С. Тургенев: Полное собрание сочинений и писем, т. 14 воспоминания критика и публицистика (1854-1883). – Москва-Ленинград: Изд-во «Наука», 1967. С 7-10.

Тургенев И.С. ПРОСПЕР МЕРИМЕ: Некролог (Из частного письма) [Электрон. ресурс] – Режим доступа: http://rvb.ru/turgenev/01text/vol_11/02bio/0358.htm (20.01.2018). 3 с.

Фридендер Г.М. Эстетика Достоевского / Достоевский – художник и мыслитель. Сборник статей. – М.: Художественная литература, 1972. С. 97-164.

Миронова Н.Н.
Высшая школа перевода (факультет)
Московского государственного университета
имени М.В. Ломоносова
г. Москва (Россия)

Mironova Nadezhda
Higher School of translation and interpretation
Lomonosov Moscow State University
Moscow (Russia)

«РУССКИЙ ЕВРОПЕЕЦ» И.С. ТУРГЕНЕВ: ПИСАТЕЛЬ И ПЕРЕВОДЧИК

«A RUSSIAN EUROPEAN» IVAN TURGENEV: A WRITER AND A TRANSLATOR

«Русский европеец», – термин таких направлений, как славянофильство и западничество – популярен в литературных, мемуарных, эпистолярных жанрах литературы и публицистики, начиная с 19 века. В 20 веке это понятие рассматривается в ряду концептов, потому что исторически и семантически оно сформировалось как феномен российско-европейского культурного пространства. Прежде всего это проявилось в рецепции литературы и литературной критики, с одной стороны, и с позиций сохранения национальной идентичности, с другой. Тургеневские романы, рассказы, мемуары, пьесы, стихотворения, критические статьи были изданы на английском, французском и немецком языках почти одновременно с оригиналами при жизни писателя.

И.С. Тургенев был редактором переводов своих произведений и произведений других русских писателей: его рекомендации по устранению семантических искажений выявляли несходство культуры и ментальности.

И.С. Тургенев известен как практик и теоретик перевода. Он начинал с перевода поэзии Дж. Г. Байрона и В. Шекспира. Позже он переводил отдельные произведения И.-В. Гёте, Г. Гейне, Г. Флобера, А. Мюссе, Ш. Перро и мн. др. известных европейских авторов того времени. Чаще всего русский писатель пользовался методами интерпретативного перевода и вокального перевода. Как теоретик перевода, И.С. Тургенев проявил себя в критике вариантов литературного перевода, которая нашла своё место как в отдельных статьях, так и в предисловии к отдельным книгам.

“A Russian European” is a term of such trends as Slavophilism and Occidentalism, and it has enjoyed popularity in belles-lettres, memoirs, epistolary and publicistic writing since the 19th century. In the 20th century this notion is looked upon as a concept, insofar as it has developed historically and semantically as a phenomenon of the Russian-European cultural space. This has been manifested first of all in the reception of literature and literary criticism on the one hand, and in terms of preserving national identity on the other. Turgenev’s novels, stories, memoirs, plays, poems, reviews were published in English, French and German almost simultaneously with their Russian originals during his life. Ivan Turgenev edited translations of his own works and translations of works by other Russian writers: his recommendations concerning the elimination of semantic distortions revealed diversity of culture and mentality.

Ivan Turgenev is known as a translator and translation theorist. He began by translating G.Byron’s and W.Shakespeare’s poetry. Later he translated some of I.W.Goethe’s works as well as those by H.Heine, G.Flaubert, A.Musset, Ch.Perrault and many other well-known European authors of that time. The Russian writer used mostly the methods of interpretative and vocal translation. As a translation theorist, Ivan Turgenev expressed himself in critical assessment of the variants of literary translation, which can be found both in his articles and in his prefaces to particular books.

Ключевые слова: концепт «русский европеец», русско-европейское культурное и ментальное пространство, рецепция произведений И.С. Тургенева в Европе

(Великобритании, Германии, Франции), литературная критика, критика перевода, интерпретативный перевод, вокальный перевод, сценический перевод.

Key words: the notion “Russian European”, Russian-European cultural and mental space, reception of I.S.Turgenev’s works in Europe (Britain, Germany, France), literary criticism, translation criticism, interpretative translation, vocal translation, stage translation.

Большинство исследований историографического, биографического, литературоведческого характера, определяющие значимость И.С. Тургенева, знаменитого русского писателя XIX века, уже в зачине текста акцентируют внимание читателей на факте принадлежности писателя к европейскому социуму, в самом широком его понимании: «этот русский тонкий европеец» [Боборыкин, 1883], «Тургенев – самый европейский из всех русских писателей» [Schmid, 2006; Der russische Roman, 2007].

Понятие «Русский европеец» относится к кругу явлений эмиграции и изгнания, славянофильства и западничества. Оно встречается в работах известных общественных деятелей России: А.И. Герцена, Н.М. Карамзина, Н.Н. Страхова, в литературных произведениях и мемуарах русских писателей и философов: Ф.М. Достоевского, В.В. Розанова В.С. Соловьева. И.Л. Карантаева рассмотрела понятие «русский европеец» в виде самостоятельного концепта в понятийном аппарате культурологии, содержащем представление о включенности творческой личности в диалог русской и европейской культур с сохранением национальной идентичности [Карантаева, 2010]. Интересно замечание исследователя о том, что сочетание «русский европеец» обладает единством и полисемией одновременно, что позволяет говорить об оксюморонной связи компонентов словосочетания.

И.С. Тургенев, как личность, сложился благодаря усвоению философского и культурного наследия Германии, Франции, Великобритании, Италии, исповедуя русскую и европейскую ментальность, сочетая русскую и европейскую идентичность [Миронова, 1995].

В современном литературоведении принята амбивалентная точка зрения о концепте «Русский европеец» применительно не только к личности самого писателя, но и его героям романов и повестей. Впервые это мнение было высказано Н.Г. Чернышевским в статье с «говорящим» названием «Русский человек на rendez-vous». Сегодня эта позиция окончательно утвердила себя. Сошлёмся на статью В.М. Марковича «Русский европеец» в прозе Тургенева 1850-х годов» [Маркович, 1995, с. 79-96]. Сравнив психологию героев М. Пруста и И.С. Тургенева (Асю, Рудина), литературовед констатирует, что эстетически и ментально они одинаковы, иначе говоря, у них европейский взгляд на мир.

Попытаемся определить источники концепта «Русский европеец».

Становление писателя связано с двумя ведущими российскими университетами. Он учился на факультете словесности Московского университета, затем, в связи с переездом семьи, на философском факультете Петербургского университета. Далее последовала поездка в Германию и обучение в Берлинском университете, что оказало в дальнейшем огромное влияние на становление И.С. Тургенева – писателя, переводчика, критика. Европейское мировоззрение сформировалось у него в эти годы – годы изучения европейской литературы, философии и языков: немецкого и французского, которыми он владел свободно, а также английского и итальянского.

В годы обучения в Германии И.С. Тургенев прочитал трагедию «Фауста» И.В. Гёте. Для 27-летнего И.С. Тургенева именно это произведение было первым и самым главным открытием немецкой литературы. Первую часть «Фауста» И.С. Тургенев знал наизусть. В дальнейшем, это произведение многократно перерабатывалось в разножанровые тексты, актуализированные самим писателем. В 1844 году в «Отечественных записках» был опубликован тургеневский перевод «Последней сцены» первой части «Фауста». В этом же году в Петербурге вышел перевод «Фауста», выполненный М. Вронченко. Известна статья И.С. Тургенева, в которой он, высоко оценив работу переводчика, подверг её нередко довольно едким замечаниям, касающимся неполной, а часто и неверной, искажённой передаче смысла отдельных слов, выражений и предложений. И.С. Тургенев пишет: «Встречаются даже ошибки, показывающие незнание языка — не книжного, а разговорного. Вот некоторые из них. На стр. 66: «gute Mähr sagen» совсем не значит: «рассказать сказочку», а просто «поболтать»; ... на стр. 102: «Sie sind vom Rhein», значит: «они родом с Рейна», а не «для них — Рейн был по пути» На стр. 186 слова: «aus dem vergriffenen Büchelchen» — переведены: «по книжке *наобум*» вместо: «по захватанной (от употребления запачканной, старой) книжке»²³.

А в 1855 году И.С. Тургенев написал рассказ в девяти письмах, назвав его «Фауст». Аллюзии с гётевским «Фаустом» проявляются в основной линии жизненных устремлений героев.

²³ Статья Тургенева о «Фаусте» представляет значительный интерес и потому, что, анализируя в ней достоинства и недостатки перевода Вронченко, Тургенев изложил свою теорию перевода. В библиотеке ИРЛИ РАН (Пушкинский Дом, С.-Петербург) хранится экземпляр книги М. Вронченко «Фауст, трагедия. Соч. Гёте» (шифр 175/8), которым Тургенев пользовался при работе над статьей. Книга испещрена многочисленными пометами Тургенева, которые свидетельствуют о том, что заключительная часть его рецензии, содержащая критический разбор перевода, была основана на тщательном изучении и сопоставлении немецкого подлинника с русским переводом. Не менее тщательно Тургенев изучил также статью М. Вронченко («Обзор обеих частей „Фауста“»), изданную в виде приложения к переводу. На полях этой статьи Тургенев сделал множество резких критических замечаний, направленных против стремления М. Вронченко интерпретировать «Фауста» Гёте с точки зрения патриархальной церковно-феодалной морали. В особенности резко осуждал Тургенев выпады М. Вронченко против философии и разума. [<http://turgenev-lit.ru/turgenev/kritika/faust-tragediya-gete.htm>](Режим доступа 4.03.2018).

Появление новых произведений И.С. Тургенева в России нередко было связано с применением цензуры со стороны правительства, что приводило к запрещению въезда писателя в Москву и Санкт-Петербург. Тем не менее, эти, скорее, социально-идеологические факты не помешали его блестящей писательской репутации, он стал член-корреспондентом императорской Академии наук России по разряду русского языка и словесности. Русскими биографами И.С. Тургенева были П.Д. Боборыкин²⁴, Б.К. Зайцев²⁵. П.Д. Боборыкин писал: «В Тургеневе прежде всего хотелось схватить своеобразные черты писательской души. *Он был едва ли не единственным русским человеком, в котором вы (особенно если вы сами писатель) видели всегда художника-европейца* [курсив мой – М.], живущего известными идеалами мыслителя и наблюдателя, а не русского, находящегося на службе, или занятого делами, или же занятого теми или иными сословными, хозяйственными и светскими интересами». И.С. Тургенев, наряду с Ф.М. Достоевским и Л.Н. Толстым, принадлежит к созвездию трёх великих русских писателей²⁶. И.С. Тургенев известен как автор шести романов, а также многих художественных произведений разных жанров: стихотворений, стихотворений в прозе, пьес, публицистики, рассказов, мемуаров, рецензий, статей. Эпистолярный жанр (письма на разных языках, написанные И.С. Тургеневым своим европейским и российским современникам) заслуживают особого внимания.

Так, статья «Гамлет и Дон-Кихот», опубликованная в 1860 году в журнале «Современник», по праву относится к весьма глубоким публицистическим работам в европейском и русском литературоведении. Через год статья была переведена на французский язык и стала доступна и популярна и во Франции и в Европе. Не зря её сравнивают со статьей Ф. Шиллера «О наивной и сентиментальной поэзии». Вполне справедливо мнение литературоведов и историков о том, что И.С. Тургенев не только был посредником русской культуры в Европе, но и европейской культуры в России.

Межсемиотический перевод (по Р.О. Якобсону) произведений И.С. Тургенева осуществился и продолжает воплощаться усилиями новых переводчиков, режиссёров и актёров на сцене и в кино. Так, пьеса И.С. Тургенева «Месяц в деревне» с давних пор

²⁴ Боборыкин Пётр Дмитриевич (1836 – 1921) русский писатель, драматург, журналист, мемуарист. Приведённая цитата заимствована из статьи «Тургенев дома и за границей», впервые эта статья была опубликована в издании: "Новости и биржевая газета", 1883, № 177, 27 сентября.

²⁵ Зайцев Борис Константинович (1881 – 1972) – известный русский писатель эмиграции первой волны, переводчик. Жил в Париже. Его книга «Жизнь Тургенева» вышла в 1932 году.

Среди выездных мероприятий Парижского книжного салона 2018 года состоялась презентация перевода на русский язык биографии И. С. Тургенева, написанной Б.К. Зайцевым. Книга была представлена 17 марта 2018 года в городе Буживале под Парижем, в доме, где жил и умер Иван Тургенев.

²⁶ «Dreigestirn», как называют это созвездие участники заседаний Немецкого Тургеневского общества в Баден-Бадене (ФРГ).

популярна на мировой сцене, а с 1984 года эта пьеса переместилась в США и на оперную сцену.

Меткое выражение даровитого немецкого кинорежиссёра Вима Вандерса «кино – единственный общий европейский язык» предваряет рецензию на фильм по роману И.С. Тургенева «Дым» («Der Rauch»). Немецко-русский фильм с большим успехом прошёл в Германии [Wille ..., 1992, S. 196].

Высоко ценил творчество писателя Ю.М. Лотман. Он отмечал, что И.С. Тургенев создал образцовые художественные произведения, шедевры, виртуозно владел русским языком. Ю.М. Лотман подметил важную черту романов и рассказов писателя, которая состоит в «сжимающемся» выражении лирической темы. Сегодня мы можем охарактеризовать эту особенность как проявление фреймового подхода при семантическом сжатии номинативных полей. Вместе с тем, подчёркивает Ю.М. Лотман, «тенденция эта не выражалась в эволюции творчества писателя и мысленные ряды, о которых идет речь, не носят хронологического характера» [Лотман, 1982, с. 158]. Иллюстрируют такой подход следующие названия произведений И.С. Тургенева: романы «Накануне» и «Новь», рассказ «Странная история». «Накануне» передаёт тревожное, волнующее звучание, «Новь» — бодрое, обнадеживающее и дополняющее его трагическое содержание нотой веры в будущее, «Дым» — в этом слове-метафоре выражается трагическое разочарование в смысле бытия и ощущение безвозвратно, как дым, уходящей жизни.

Как писатель, И.С. Тургенев известен своим уникальным стилем, который проявляется при описании природы. При этом, роль пейзажа состоит не только в отражении природы, но и в представлении психологического состояния героев художественного произведения. Так, эстетика «натуральной школы» писателя особенно ярко проявилась в «Записках охотника», где объекты природы изображены в статике и динамике: показаны изменения, происходящие с ними во времени (изменение освещения, облачности, погоды в целом, движение ветра, воды и т. д.). В романе «Дворянское гнездо» описание природы служит воплощению лирического психологизма: пейзаж служит раскрытию переживаний героев романа. В произведении «Стихотворения в прозе» пейзаж рассматривается как символ. Объекты природы – ветер, волны, вода, море, звезды, деревья, тучи, небо – нередко становятся семантическими объектами научных исследований [Ян Гоин: 2006].

Многие произведения И.С. Тургенева были переведены на иностранные языки (прежде всего, на французский и немецкий язык) ещё при жизни писателя. Некоторые

свои романы и повести он перевёл сам, в переводах других был активным участником, корректируя переводы.

Тургеневская группа сотрудников ИРЛИ РАН (Пушкинский Дом) внесла существенный вклад в изучение этой проблематики. Иноязычные переводы литературных текстов, текстов для сценического воплощения, вокальные переводы писателя и их изучение по сей день остаются в фокусе интересов специалистов по гуманитарным наукам разного профиля (литературоведов, лингвистов, переводчиков, критиков и т.д.) во всём мире. Так, в диссертационном исследовании А.С. Климентьевой [Климентьева, 1999], посвящённом изучению вопроса писатель-переводчик, введены в научный оборот следующие переводы писателя: сказки Ш. Перро, перевод песенки Клерхен из трагедии И.В. Гёте «Эгмонт», перевод песни Фортуньо из комедии А. Мюссе «Подсвечник», перевод отрывка «Жан, который плачет и смеётся» Вольтера, а также переводы И.С. Тургенева из произведений Г. Флобера.

Постепенно И.С. Тургенев стал весьма известным в Европе. Он популяризировал русскую литературу, выступая её посредником на западе. Опубликовано немало работ, посвященных рецепции произведений писателя в Европе (Германии, Франции, Англии, Венгрии, Сербии, США, Великобритании и др. стран [Денисова 1999; Ощепков 2008; Тиме 1995]).

Тургенев-переводчик формировался в разные эпохи своего творчества то под влиянием стратегий буквального и вольного перевода, то стратегии преобладания стилистических приёмов над другими. Главным критерием перевода становится передача авторского индивидуального стиля автора литературного произведения.

Отдельно следует рассматривать вопрос о вокальных переводах И.С. Тургенева, то есть переводах, где объединяются слова и мелодия. В этой связи в тургеневедении встречается имя Рихарда Поля (Richard Pohl). Уникальность творчества И.С. Тургенева и Р.Поля состояла в том, что они осуществили *взаимный перевод* (курсив мой – Н.М.): так, Р.Поль перевёл тургеневский текст «Последний колдун» с французского на немецкий, а затем с немецкого на русский. Этот перевод, предназначенный для вокального исполнения П. Виардо, как пишет Н.Г. Жекулин, оказался неудачным, так как вокальный перевод должен учитывать запросы музыки (ритм, паузы, длину нот и пр.), что было проигнорировано [Жекулин, 1995, с. 258-259].

Что касается переводов произведений И.С. Тургенева на другие языки, выполненные переводчиками, то укажем на тот факт, что переводы тургеневских произведений актуальны по сей день. Так, переводчиками произведений И.С. Тургенева на немецкий язык в разные годы были Эна фон Баер (Ena von Baer), Герберт Вотте

(Herbert Wotte), Вильгельм Плакмайер (Wilhelm Plackmeyer), Петер Урбан (Peter Urban). В последние десятилетия появилось немало новых переводов, которые уточняют и семантически и грамматически тексты прошлых лет. Эти изменения часто квалифицируют как корректуру, так как в основном, изменения касаются отдельных слов. Но вместе с тем, происходит и коррекция ошибок смысловых. Некоторые ошибки перемещаются из одного текста в другой, к подобным случаям можно отнести замечания П. Урбана в послесловии к его новому переводу «Записок охотника» [Urban, 2005].

Заметим, что за долгие годы были организованы многочисленные европейские школы исследования творчества И.С. Тургенева²⁷.

Писатель и переводчик, Иван Сергеевич Тургенев, русский европеец, по-прежнему объединяет исследователей, переводчиков, культурологов, историков разных стран в стремлении понять окружающий мир и модернизировать его. Режиссёры, переводчики, актёры, продюсеры создают мультимедийные версии его литературных произведений. При этом они создают новые версии «вечных» вопросов бытия: отношений отцов и детей, изменений социальной эстетики и этики.

Список литературы:

- Боборыкин П.Д.* Тургенев дома и за границей [Электрон. ресурс] // П.Д. Боборыкин. Режим доступа: http://dugward.ru/library/turgenev/boborykin_turgenev_doma.html.
- Денисова Т. М.* "Проблема восприятия творчества Тургенева немецкими писателями XX века". Автореф. дис. ... канд. филол. наук. 10.01.01 Специальность: Русская литература. Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 1999.
- Жекулин Н.Г.* Тургенев и Рихард Поль // Ivan S. Turgenev. Leben, Werk und Wirkung // Beiträge der Internationalen Fachkonferenz aus Anlass des 175. Geburtstages, Bamberg, 15. - 18. September 1993. Vorträge und Abhandlungen zur Slavistik. B. 27. Hg. V. Peter Thiergen. München: Verlag Otto Sagner, 1995. С. 243-271.
- Карантаева И. Л.* Историко-культурные основания и содержание концепта «русский европеец» (на материале биографии и эпистолярия И.С. Тургенева) Автореф. дис. ... канд. культурологических филол. наук. Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2010. 2 с.
- Климентьева А. С.* И.С. Тургенев – переводчик. Автореф. дис. ... канд. филол. наук 10.01.01 – русская литература Томск: Томский гос. ун-т, 2007. 23 с.
- Лотман Ю.М.* И.С. Тургенев. // История русской литературы: В 4 т. / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом). — Л.: Наука. Ленингр. Отд., 1980-1983. Т. 3. Расцвет реализма: История русской литературы. 1982. С. 120-159.
- Маркович В.М.* «Русский европеец» в прозе Тургенева 1850-х годов» Ivan S. Turgenev. Leben, Werk und Wirkung // Beiträge der Internationalen Fachkonferenz aus Anlass des 175.

²⁷ Профессор славистики Гейдельбергского университета Хорст-Юрген Геринг (Horst-Jürgen Gerngk) – крупный специалист в области русской литературы и литературоведения посвятил изучению творчества И.С. Тургенева немало работ, которые пользуются заслуженной репутацией. Сейчас он возглавляет Тургеневское общество Германии.

Профессор Сорбонны Александр Звигильский стал основателем и бессменным директором Тургеневского музея под Парижем. Этот уникальный музей объединяет большой круг почитателей И.С. Тургенева, Полины Виардо и Марии Малибран, родной сестры Полины Виардо и тоже знаменитой певицы.

- Geburtstages, Bamberg, 15. - 18. September 1993. Vorträge und Abhandlungen zur Slavistik. B. 27. Hg. V. Peter Thiergen. München: Verlag Otto Sagner, 1995. S. 79-96.
- Миронова Н.Н.* Рецензия: Ivan S. Turgenev. Leben, Werk und Wirkung // Beiträge der Internationalen Fachkonferenz aus Anlass des 175. Geburtstages, Bamberg, 15. - 18. September 1993. Vorträge und Abhandlungen zur Slavistik. B. 27. Hg. V. Peter Thiergen. München: Verlag Otto Sagner, 1995. 282 S. // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка, 1999, том 57, № 5-6, с. 60-65.
- Ощепков А.Р.* Восприятие творчества И. С. Тургенева во Франции и Англии XIX века // Культурные константы. №3. 2008. С. 41-
- Тиме Г.А.* Творчество И.С. Тургенева и немецкая литературно-философская мысль XVIII-XIX вв. (генетический и типологический аспекты) // Автореф. дис. . доктора филос. наук. 09.00.03, 10.01.01 Государственный университет, СПб., 1995.
- Тургенев И.С.* Полное собрание сочинений и писем в 30-ти томах. Письма в 18-ти томах. М.: Наука, 1978-2000.
- Тургенев И.С.* Фауст. Рассказ в девяти письмах. Полн. Собр. соч. и писем в 28 т. Соч. в 15 т. Том 7, М-Л, Наука, 1964.
- Ян Гоин.* Стилистические особенности описаний природы в произведениях И.С. Тургенева и проблемы их перевода на китайский язык: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Ян Гоин. С.-Петербург. гос. ун-т. СПб: Изд-во С.-Петерб. гос. ун-та, 2006.
- Der russische Roman.* Herausgegeben von Bodo Zelinsky unter Mitarbeit von Jens Herlth. Köln, Weimar, Wien: Böhlau Verlag, 2007. 564 S
- Gerigk H.-J.* Turgenjew. Eine Einführung für den Leser von heute. Heidelberg: Universitätsverlag «Winter», 2015. 287 S.
- Turgenev, Ivan S.* Leben, Werk und Wirkung // Beiträge der Internationalen Fachkonferenz aus Anlass des 175. Geburtstages, Bamberg, 15. - 18. September 1993. Vorträge und Abhandlungen zur Slavistik. B. 27. Hg. V. Peter Thiergen. München: Verlag Otto Sagner, 1995. 282 S..
- Turgenev, Ivan.* Aufzeichnungen eines Jägers. Aus dem Russischen übersetzt und mit einem Nachwort von Peter Urban. Zürich, Verlag Manesse, 2005.
- Urban, P.* Nachwort // Aufzeichnungen eines Jägers. Aus dem Russischen übersetzt. Zürich, Verlag Manesse, 2005.
- Wille zur Schönheit* // Spiegel. № 52. 1992. S. 196-197.

Новикова М.Г.
Российский государственный университет правосудия
г. Москва (Россия)

Novikova Marina
Russian State University of Justice
Moscow (Russia)

ТУРГЕНЕВСКИЕ ДЕВУШКИ КАК ОТРАЖЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО МЕНТАЛИТЕТА РУССКОГО НАРОДА

TURGENEV GIRLS AS A REFLECTION OF RUSSIAN NATIONAL MENTALITY

В статье определяется понятие менталитета, выявляются факторы, способствовавшие становлению русского национального менталитета. При помощи эксперимента, проведенного в Российском государственном университете правосудия, делается вывод о том, что система ценностей, запечатленная в образе «тургеневской девушки», включающая в себя женственность, романтичность, нравственность, образованность, внутреннюю силу, трезвость ума, жертвенность в отношении детей и близких и т.д., издревле была сформирована под влиянием религии, особенностей социальной и культурной жизни, географического расположения России. Данные ценности доказали свою историческую устойчивость, следовательно, являются неотъемлемой частью русского национального менталитета.

The article defines the concept of mentality, reveals the factors that contributed to the formation of the Russian national mentality. The experiment conducted at the Russian State University of Justice leads to the conclusion that the value system embodied in the image of the "Turgenev girl" (including femininity, romanticism, morality, education, inner strength, rationality, self-sacrifice, etc.) was formed since ancient times under the influence of religion, features of social and cultural life, geographical location of Russia. The enumerated values have proved their historical stability; therefore, they may be regarded as an integral part of the Russian national mentality.

Ключевые слова: тургеневские девушки, русский национальный менталитет, противоречивость характера; система ценностей, анкетирование.

Keywords: Turgenev girls, Russian national mentality, contradictory character; system of values, questionnaire.

*Тургеневские девушки невинные, наивные,
Точёные фигурки да шейки лебединые,
Сегодня вас, наверное, в природе вовсе нет,
Вы века двадцать первого заветный раритет.
(Валентина Семенчина)*

В своем стихотворении представительница прекрасной половины человечества (русская по национальности) сомневается в актуальности черт личности, присущих тургеневским девушкам, в современном мире. Например, она рассуждает о девичьей чести и достоинстве и отказывается видеть данные качества в представительницах собственного народа, пишет об искренней любви и полагает, что русские девушки не способны на подобные чувства:

*Богатому повесе шутя вас не обнять,
Вы честь свою умеете, как крепость защищать,*

*Но, если уж полюбите, то половодье чувств,
Тогда уж мир надменный завидует вам пусть.
Тургеневские девушки, ну, где же вы?
Вы потонули, что ли в злом океане лжи?*

Поэтесса – носительница русского менталитета – не замечает и никогда не поверит в то, что именно менталитет сказывается на образе ее мыслей и является глубинной причиной негативной реакции на современниц.

Подобная русофобская тенденция в творчестве русского автора, как ни странно, является закономерной. Уничижительное отношение к собственному народу имеет глубокие корни. Частично оно базируется на зарубежном мнении манипуляторного характера, метко подмеченном П.А. Флоренским: «Сейчас у большинства глубоко несправедливое, жестокое, нехристианское отношение к русскому народу, которое особенно стало развиваться в русском обществе в последнее время: презрительное, жестокое, враждебное» [Флоренский, 1990, с. 274]. С другой стороны, не следует забывать, что всеми обстоятельствами своей истории русский народ был соблазняем, развращаем и постоянно мучим, но при всем этом он на удивление сохранил не только человеческий облик, но и красоту своего образа. Данная глубокая противоречивость характера проявления ментальных качеств свойственна русскому народу. Специфика русского народа заключается в том, что ментальные противоречия приобретают у него форму парадоксов, то есть сочетания неожиданных, острейших, взаимоисключающих и в тоже время одинаково верных определений национального менталитета [Трофимоф, 2000, с. 6]. Действительно ли время тургеневских девушек прошло или же поэтесса попала в плен предрассудков?

Целью настоящего исследования является не только поиск ответа на данный вопрос, но и выявление особенностей менталитета русского народа, степени его отраженности в героях произведений И.С. Тургенева.

Прежде всего, для продуктивной работы необходимо внести определенность в используемую терминологию. Согласно этнопсихологическому словарю, термин «менталитет» произошёл от французского «mentalite» – духовность. Он означает присущий определенному народу стиль жизни, культуры, систему ценностей, взглядов и нормы поведения, которые характеризуются устойчивыми неизменностью, постоянством, консерватизмом [Этнопсихологический словарь, 1999, ЭР]. Словами В.К. Кантора, менталитет – это «умственный и духовный строй народа» [Кантор, 1994, с. 6].

Возможно выделить четыре основных фактора, способствовавших формированию специфичности русского менталитета: влияние православной религии, географические и

климатические условия проживания, особенности социальной жизни и национального воспитания [Трофимоф, 2000, с. 6].

На наш взгляд, наибольшее влияние на формирования уникального русского менталитета оказало православие, которое является духовным стержнем русской нации, средством национальной идентификации русских. Православие обеспечило стабильность, устойчивость и долговечность культурных традиций. Отдельно можно выделить такое качество русского менталитета, как эсхатологизм. Его особенностью является направленность на преобразование мира и человека. Он выражается в нацеленности на будущее, в особом восприятии понятий «страшного суда», «греха», «покаяния» и др. Для русской эсхатологии характерна идея общего, соборного, а не индивидуального спасения. Это – конец существующего мира, мира неправды и уродства, и начало нового мира, мира правды и красоты. Русская душа берет на себя бремя мировой ответственности, ей чужда идея о том, что добро и добродетель должны служить стяжению земных благ [Советов, 2007, ЭР]. Идея же жертвенности во благо общества становится привлекательной.

Географическое положение русского народа внесло свои коррективы в формирование менталитета. Наличие обширных лесов и полей и отсутствие естественных ограничителей в виде горных цепей обусловили склонность к экстенсивности у русского человека.

Необходимость выживания в суровых климатических условиях способствовало развитию таких качеств как изворотливость ума, миролюбие и беззлобие [Григорьева, 2008, ЭР].

Социальные факторы, повлиявшие на формирование менталитета, заключаются в исторически сложившемся общинном образе жизни русских людей. Подобный жизненный уклад позволял крестьянам чувствовать себя в относительной защищенности, гасил нездоровую конкуренцию. Благодаря общинному жизненному укладу русский менталитет приобрел такие качества как стремление к социальному равенству, доброта и отзывчивость, терпеливость и жалостливость, чувство локтя и готовность прийти на помощь ближнему [Ахиезер, 1998].

Невозможно оставить без внимания такой важный фактор формирования менталитета как культура. «Под культурой понимается совокупность духовных и материальных ценностей, то есть то, что называется духовной и материальной культурой русского народа. Движущими силами развития русской культуры являлись и продолжают оставаться таковыми как народные массы, так и личность. С одной стороны, все ценности материальной и духовной культуры Руси были созданы под воздействием накопленного опыта и ценностей предыдущих поколений. С другой стороны, все эти ценности помогают

воспитывать последующие поколения народа – народные песни, сказки, равно как и произведения композиторов и поэтов помогают воспитывать широту души в человеке.

Наследие материальных и духовных ценностей других больших и малых народностей, входящих в состав русского народа обогащает культуру всего нашего народа, равно как и мир каждой отдельной личности, воспитывает терпимость и уважение к другим культурам, учит видеть многообразие мира под взглядом, отличным от привычного» [Григорьева, 2008, ЭР].

Данная информация подводит к выводу о всеобъемлющей положительности и возвышенности русского менталитета, однако не стоит забывать и о его противоречивости. «С одной стороны, ментальными чертами русского народа явились коллективизм, доброта, устремлённость к возвышенным духовным ценностям, готовность к самопожертвованию, повышенная способность к перенесению превратностей судьбы, трудолюбие, терпимость к инородцам, щедрость, а с другой стороны эти черты взаимодействуют с патернализмом, фатализмом и волюнтаризмом, пассивно-трагическим отношением к жизни, безынициативностью, самоуничижением, протестно-нигилистическим отношением к власти и церкви» [Цигвинцева, 2005, ЭР].

Все эти особенности менталитета присущи и самому И.С. Тургеневу. Будучи образованным человеком, склонным к рефлексии, он не мог не осознавать противоречивости русской души, однако в своих героинях он отразил исключительно положительные качества «умственного и духовного строя».

Даниил Андреев полагает, что создание уникальной галереи женских образов – это миссия Тургенева. Возможно во многом благодаря особым врожденным свойствам темперамента, писатель как никто другой любил и понимал любовь, но только в ее начальной поре, счастливая совместная жизнь героев – это не тургеневская тема. Его героиня – это первая ласточка – женщина, «впервые вырывающаяся из вековой замкнутости женской судьбы, из узкой предопределенности ее обычаем и уходящей в то, что считалось до тех пор уделом только мужчины: в общественную борьбу, на простор социального действия» [Андреев, ЭР].

Тургеневские девушки – это яркий образ в русской литературе, который со временем трансформировался в устойчивый стереотип. В основе данного феномена лежит ряд образов героинь, созданных писателем на протяжении 1850-1890-х годов [Сахаров, ЭР]. Это Елена Стахова («Накануне»); Зинаида («Первая любовь»); Наталья Ласунская («Рудин»); Лиза («Дневник лишнего человека»); Ася из одноименного произведения; Лиза Калитина («Дворянское гнездо»); Вера («Фауст»). Несмотря на разные судьбы, уклад

жизни и личностные особенности, всех их объединяют внешние и внутренние характеристики, часть из которых поэтически отобразил сам автор произведений:

Вы только что вступили в свет –

Вам было восемнадцать лет...

...

Но я заметил ваши руки...

Заметил милый ваш наряд,

И ваш прекрасный, умный взгляд,

И речи девственные звуки.

...

На ваших мраморных чертах,

На несмеющихся губах

Печать могучего сознания...

Сияя страшной красотой,

Вы предстоите предо мной

Богиней гордого страдания

[Тургенев, 1843, ЭР].

Безответная любовь к Полине Виардо отразилась на творчестве Тургенева. С одной стороны, высокое чувство к французской певице способствовало созданию в воображении писателя образа утонченной девушки, очень женственной, романтической, невинной, легко смущающейся, безусловно, нравственной и добродетельной. Героиня Тургенева отличается скромностью, начитанностью, а главное – умом, умением мыслить и принимать решения не под влиянием (давлением) окружения, а исходя из собственных представлений о чести и справедливости.

С другой стороны, собственный горький опыт неразделенного чувства лишил «тургеневскую девушку» личного счастья. Данное обстоятельство позволяет полнее раскрыться характеру героини. Читатель видит несгибаемость духа, великую внутреннюю силу девушки, такие ее характеристики, как готовность служения высшей идее, готовность жертвовать своими интересами или даже жизнью ради нее.

Позволим себе привести показательный пример судьбы Елены Николаевны Стаховой («Накануне»), которая после кончины супруга решает продолжить дело его жизни и осознанно выбирает возможную смерть, о чем и сообщает в письме родителям:

«Милые мои родные, я навсегда прощаюсь с вами. Вы меня больше не увидите. Вчера скончался Дмитрий. Все кончено для меня. Сегодня я уезжаю с его телом в Зару. Я его схороню, и что со мной будет, не знаю! Но уже мне нет другой родины, кроме родины

Д. Там готовится восстание, собираются на войну; я пойду в сестры милосердия; буду ходить за больными, ранеными. Я не знаю, что со мной будет, но я и после смерти Д. останусь верна его памяти, делу всей его жизни. ... Вероятно, я всего этого не перенесу – тем лучше. Я приведена на край бездны и должна упасть. Нас судьба соединила недаром: кто знает, может быть, я его убила; теперь его очередь увлечь меня за собою. Я искала счастья – и найду, быть может, смерть. Видно, так следовало...» [Тургенев, 1981, ЭР].

Возможно ли найти «Тургеневскую девушку» в наше время или же свойственные данному образу личностные качества остались в далеком прошлом? Для ответа на данный вопрос в Российском государственном университете правосудия был проведен эксперимент. Шестидесяти студентам (37 девушкам и 23 юношам) была предложена анкета, содержащая восемь характерных черт менталитета героинь великого писателя:

Является ли необходимым качеством для современной девушки

1. Женственность,
2. Романтичность,
3. Начитанность, образованность,
4. Честность,
5. Внутренняя сила,
6. Трезвость ума?
7. Что такое нравственность и нужна ли она современной девушке?
8. В каких случаях современная девушка может пожертвовать своими интересами или здоровьем?

Ответы представителей прекрасного и сильного полов анализировались отдельно.

Все опрошенные посчитали женственность необходимым качеством для современной девушки.

Треть девушек видит в романтичности пережиток прошлого, в то время как большинство (20 человек) юношей ценит данное качество.

Все молодые люди полагают, что хорошее образование должна получить каждая представительница прекрасного пола.

Юноши ожидают честности от девушек, но только две трети опрошенных дам согласны на абсолютную честность в отношениях, однако заниматься самообманом девушки категорически не согласны.

Наличие внутренней силы является обязательным для наших современниц, а с мужской точки зрения (13 человек) данное качество красит девушек далеко не всегда.

Трезвость ума ценится всеми опрошенными, особенно юношами, которые данное качество считают приоритетным.

Мужской взгляд на нравственность связан с моральной устойчивостью, без которой девушки деградируют. Так же нравственность понимается как «свод внутренних законов», которые нельзя нарушать. Данное качество воспринимается обязательным.

Девушки связывают нравственность с воспитанием, культурой, рефлексией и душевными качествами (особенно добротой). Все опрошенные считают данные качества необходимыми.

Удивительное единодушие проявили анкетированные в отношении жертвенности, сойдясь во мнении, что жертвовать интересами, здоровьем и даже жизнью современные девушки могут ради собственных детей, родных и любимых мужчин.

Таким образом, на вопрос Людмилы Семенчиной о местонахождении «тургеневских девушек» можно ответить, что они среди нас, и свойства женского менталитета, воспеваемые Тургеневым, остаются актуальными в нашей стране.

Однако нельзя делать вывод о всеобщем положительном отношении к созданному Тургеневым образу. Свойственная русскому народу противоречивость характера заставляет современников отрицать наличие высоких душевных устремлений у молодого поколения (см. стихотворение В. Семенчиной). Что касается предшественников, то у многих из них «тургеневские девушки» вызвали резкое отторжение, которое запечатлел в своем стихотворении Н. Гумилев:

Мне не нравится томность
Ваших скрещенных рук,
И спокойная скромность,
И стыдливый испуг.
Героиня романов Тургенева,
Вы надменны, нежны и чисты,
В вас так много безбурно-осеннего
От аллеи, где кружат листья.
Никогда ничему не поверите,
Прежде чем не сочтете, не смерите,
Никогда никуда не пойдете,
Коль на карте путей не найдете.
И вам чужд тот безумный охотник,
Что, взойдя на нагую скалу,
В пьяном счастье, в тоске безотчетной
Прямо в солнце пускает стрелу.

В заключении исследования отметим, что система ценностей, запечатленная в образе «тургеневской девушки», включающая в себя женственность, романтичность, нравственность, образованность, внутреннюю силу, трезвость ума, жертвенность в отношении детей и близких и т.д. издревле была сформирована под влиянием религии, особенностей социальной и культурной жизни, географического расположения России. Данные ценности доказали свою историческую устойчивость, следовательно, являются неотъемлемой частью русского национального менталитета.

Список литературы:

- Андреев Д.* Роза мира [Электрон. ресурс]. Режим доступа: http://thelib.ru/books/andreev_daniil/roza_mira_knigi_1_12-read-44.html
- Ахиезер А.С.* Россия: критика исторического опыта (Социокультурная динамика России). Т.1: От прошлого к будущему. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1998, 804 с.
- Григорьева А.А.* Русский менталитет: сущность и структура: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11 / А.А. Григорьева; Томск, 2008. [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://www.diss.selukru/av-filosofiya/643242-1-russkiy-mentalitet-suschnost-struktura-socialno-filosofskiy-analiz.php>
- Гумилев Н.* Девушке. [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://slova.org.ru/gumilev/devushke/>
- Кантор В.К.* Свобода или произвол. К вопросу о российской ментальности // Дружба народов. 1994. №8. С. 6
- Сахаров В.* Образ «тургеневской девушки». [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://archvs.org/archvs/obraz-turgenevskoy-devushki.html>
- Семенчина В.* Тургеневские девушки. [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://stihi.ru/2013/02/25/10053>
- Советов Ф.В.* Интегративный потенциал русского менталитета: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11. /Ф.В. Советов; Нижний Новгород, 2007. [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://cheloveknauka.com/integrativnyu-potentsial-russkogo-mentaliteta#ixzz55PYxGcwB>
- Трофимов В.К.* Истоки и сущность русского национального менталитета: Социально-философский аспект: дис. ... д-ра философ. наук: 09.00.11. / В.К. Трофимов; Екатеринбург, 2000. 286 с.
- Тургенев И.С.* К А.С. ("Я вас знавал"), 1843. [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <https://www.mmsk.ru/notes/note/?id=50797>
- Тургенев И.С.* Накануне. Полное собрание сочинений и писем в тридцати томах. Т. 6. М.: "Наука", 1981. [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://ilibrary.ru/text/1648/p.35/index.html>
- Флоренский П.* У водоразделов мысли. Том 2. М.: «Правда», 1990. 447с.
- Цигвинцева Г.Л.* Особенности формирования и функционирования менталитета русского народа: дис. ...канд. филос. наук: 09.00.11. / Г.Л. Цигвинцева; Пермь, 2005. [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://cheloveknauka.com/osobennosti-formirovaniya-i-funktsionirovaniya-mentaliteta-russkogo-naroda#ixzz55Pnp2UNM>
- Этнопсихологический словарь / В.Г. Крысько. М.: МПСИ, 1999. [Электрон. ресурс]. Режим доступа: ethnopsychology.academic.ru/190/менталитет_национальный

Одесская М.М.
Российский государственный гуманитарный университет
г. Москва (Россия)

Odesskaya Margarita
Russian State University for the Humanities
Moscow (Russia)

ЮРОДСТВО КАК ФЕНОМЕН КУЛЬТУРЫ В РАССКАЗЕ ТУРГЕНЕВА «СТРАННАЯ ИСТОРИЯ»

HOLY FOOLISHNESS (“YURODSTVO”) AS A CULTURAL PHENOMENON IN THE TURGENEV'S *A STRANGE STORY*

Рассказ Тургенева «Странная история», подвергшийся двойному переводу и двойному авторедактированию, адресованный как немецкоговорящим, так и русскоговорящим читателям, оказался зеркалом, отразившим процесс межкультурной коммуникации. В статье рассматриваются стратегии адаптации к чужой культуре, применяемые Тургеневым как посредником, экспонировавшим феномен русской культуры – юродство – за рубежом. В статье также уделено внимание проблеме адекватности восприятия рассказа как переводчиками, так и российскими современниками писателя.

Turgenev's "A Strange story", which was subjected to double translation and double auto-editing, addressed to both German-speaking and Russian-speaking readers, turned out to be a mirror reflecting the process of intercultural communication. The article considers Turgenev's role as a mediator in developing strategies of adaptation of the phenomenon of Russian culture - "urodstvo" – to a foreign culture abroad. The article also pays attention to the problem of adequate perception of the story by Turgenev's translators, as well as by his Russian contemporaries.

Ключевые слова: юродство, феномен культуры, межкультурная коммуникация, адекватное восприятие

Key word: foolishness (yurodstvo), cultural phenomenon, intercultural communication, adequate perception

С рассказом Тургенева «Странная история», который был написан в июле 1869 года в Баден-Бадене по заказу немецкого журнала “Salon”, произошла, по словам самого автора, странная история, о чем он сообщает в письме А.Ф. Писемскому 27 сентября (9 октября) 1869 года: «Написал небольшой рассказец «Странная история», с которым тоже случится странная история: он появится раньше в немецком переводе, чем в русском переводе»²⁸. Но этим дело не ограничилось. С немецкого рассказ был самовольно переведен на русский и опубликован 10 (22) декабря 1869 года издателем газеты «Голос» А.А. Краевским, дабы, с одной стороны, привлечь подписчиков именем известного писателя, а с другой стороны, бросить на Тургенева тень и представить его как писателя, отрекшегося от России, произведения которого появляются через посредство переводчика [Тургенев, соч., 8, с. 470]. В свою очередь из-за этого неожиданно появившегося перевода

²⁸ Тургенев И.С. Полн. собр. соч.: В 30т. М.: Издательство «Наука». Письма: в 18т. 1978 – 1986. Т. 10. С. 56. Здесь и далее ссылки даются на это издание с указанием фамилии, тома и страницы в тексте статьи.

в газете «Голос» Тургеневу пришлось оправдываться перед редактором «Вестника Европы» М.М. Стасюлевичем, которому был обещан оригинал рассказа: «<...> во время переговоров с издателем «Салона», в котором, как известно, появился немецкий перевод «Странной истории», я заметил ему, что за отсутствием литературной конвенции, вроде той, которая заключена между Россией и Францией, всякий у нас вправе переводить любое немецкое сочинение; что и мой рассказ может подвергнуться подобной участи. <...> Всякий легко себе представит чувства писателя, детище которого, как бы оно незначительно ни было, является в первый раз изуродованным перед публикой; но мне особенно больно то, что часть последствий этой бесцеремонной проделки падает на Вас» [Тургенев, Письма, 10, с. 103]. Третья версия рассказа – оригинал на русском языке, исправленный и дополненный Тургеневым, – вышел в первом номере «Вестника Европы» за 1870 год.

Подвергшийся двойному переводу и двойному авторедактированию, адресованный с одной стороны, немецкоязычным, а с другой стороны, русскоязычным читателям небольшой рассказ «Странная история» оказался своего рода зеркалом, отражающим процесс межкультурной коммуникации. Интересно в этой связи рассмотреть стратегии адаптации к чужой культуре, применяемые Тургеневым как посредником, экспонирующим феномен русской культуры – юродство – за рубежом. Показательны реакция на рассказ Тургенева, а также степень адекватности его восприятия, с одной стороны, иностранными переводчиками, а с другой стороны, современниками писателя, русскоязычной аудиторией.

Итак, в рассказе «Странная история» представлен «магнетизер», он же юродивый, в котором девушка из хорошей дворянской семьи нашла своего учителя и наставника. Пожертвовав всем, она последовала за ним, сделалась его «прислужницей» ради веры, понимаемой ею как «самоотвержение», «уничужение». Рассказ построен как встречи нарратора – человека, заброшенного в провинцию по делам службы, – с людьми, экстраординарное поведение которых вызывает у него удивление и неприятие. Характеризуя странный, с точки зрения здравого смысла, поступок героини рассказа Софи, Иннокентий Анненский сделал достаточно точное замечание и о нарраторе. Критик не сомневается в том, что нарратор – это сам Тургенев, в воспоминаниях которого во время пребывания в Баден-Бадене, словно из тумана, выплыли образы подлинных людей, «фантастически-притягательных», как и сама его «загадочная родина»²⁹. Позицию

²⁹ Анненский И.Ф. Странная история, рассказанная Тургеневым / Анненский И.Ф. Белый экстаз. М.: Наука, 1979. http://az.lib.ru/a/annenskij_i_f/text_0740.shtml

нарратора – стороннего наблюдателя, - его «равнодушный, даже несколько брезгливый тон» критик определяет как дендизм, что можно трактовать как

В самом деле, в рассказе отчетливо выражены два типа ментальности – рациональный и иррациональный, что обычно связывается со стереотипами российской и западной культурной идентичности. Нарратор в рассказе «Странная история», персонаж, близкий автору, соединяет в себе два типа культурной идентичности: он рационалист, рефлектирующий собственную материнскую (по происхождению) культуру.

В рассказе «Странная история» Тургенев показывает примеры того, что Эрик Фромм определяет как иррациональную веру, то есть «<...> веру в личность, идею или символ, основанную не на собственном интеллектуальном или чувственном опыте, а на эмоциональном подчинении некоему иррациональному авторитету» [Фромм, 1993, с. 156]. Эрик Фромм рассматривает гипноз как одну из форм иррационального подчинения личности авторитету: «Наиболее выразительным примером может быть ситуация гипноза, в которой человек подчиняется воле другого лица и, находясь в состоянии гипнотического сна, готов думать и чувствовать то, как и что внушает ему гипнотизер. Даже после выхода из состояния гипнотического сна он продолжает следовать указаниям, внушенным ему гипнотизером, хотя думает при этом, что действует по собственному разумению и инициативе» [Фромм, 1993, с. 156]. Поразительно, что Тургенев задолго до появления теоретических размышлений немецко-американского философа сходным образом интерпретирует суть иррациональной веры как одно из проявлений русской ментальности.

В рассказе сначала происходит тайная встреча нарратора с Василием, больным человеком, страдающим эпилепсией, который имеет в городе славу магнетизера, способного вызывать души умерших. Не веря в подобные манипуляции с психикой человека, нарратор сознательно, ради эксперимента идет на встречу с Василием: « Я не сомневался в том, что меня хотят одурачить, но каким образом? Вот что возбуждало мое любопытство» [Тургенев, соч. т.8, с. 145]. Будучи одновременно сторонним наблюдателем, не верящим в чудеса, и испытуемым, нарратор точно и вместе с тем несколько иронично описывает свои ощущения во время сеанса, странную внешность магнетизера, производимые им манипуляции для вызывания духа умершего гувернера-француза, о котором испытуемый должен был думать согласно предварительной договоренности. Магнетизер производил отталкивающее впечатление: у него «косматая грива спутанных волос, падавших на лоб, да крупные слегка искривленные губы, да белесоватые глаза <...> эти глаза загорались зловещим внутренним огоньком» [Тургенев, там же, с. 146]. Манипуляции гипнотизера вызывают противоречивые чувства, они кажутся смешными, но одновременно внушают страх и вводят в состояние оцепенения:

«Тот все стоял у двери и дышал усиленно, точно на гору взбирался или ношу поднимал, а глаза его как будто расширились, как будто приближались ко мне <...> Вдруг я заметил, что *тот* уже отделился от двери и стоял на шаг или на два ближе ко мне; потом он чуть-чуть подпрыгнул, обеими ногами разом, и стал еще ближе... Потом еще... потом еще; а грозные глаза так и упирались во все мое лицо, и руки оставались за спиною, и широкая грудь дышала усиленно. Мне эти прыжки показались смешными, но и жутко мне становилось, и, что я уже никак понять не мог, сонливость вдруг начала находить на меня. Веки мои слипались... косматая фигура с белесоватыми глазами в синей чуйке задвоилась передо мной – вдруг совсем исчезла!» [Тургенев, там же, с. 146 - 147]. Увидев дух своего бывшего гувернера-француза, нарратор после сеанса чувствовал «усталость – даже слабость». Ложась спать, он размышлял над тайной и непонятной силой магнетизера. Нарратор испытывает двойственное ощущение от произведенного эксперимента. С одной стороны, он почувствовал на себе тайную, необъяснимую силу воздействия, а с другой стороны, он ищет поддержку в научных знаниях: «Науке известны подобные «метастазы» перестановления ощущений. Прекрасно; но сила, способная производить такие действия, оставалась чем-то удивительным и таинственным» [Тургенев, там же, с. 148].

На следующий день, желая развлечь на балу странную и молчаливую девушку Софи, нарратор рассказывает ей о своем приключении. Рассказ не удивляет Софи, которая знает Василия как богоугодного человека. Между ней и нарратором происходит спор о вере, который можно считать ключевым для понимания смысла рассказа. Нарратор утверждает, что случай, произошедший с ним, не имеет отношения к богоугодности, а лишь следствие воздействия магнетизма, что это «факт, интересный для докторов и естествоиспытателей». Он трактует суть магнетизма как «возможность подчинения воли одного человека воле другого <...>» [Тургенев, там же, с. 149]. У девушки же «были свои незыблемые и неискоренимые убеждения». Она верила в чудеса, которые дает человеку вера, принимаемая без рационалистических рассуждений:

«- Не допускаете же вы чудес! – воскликнул я.

- Конечно, допускаю, - спокойно промолвила она. – Да и как можно не допускать их? Разве не сказано в евангелии, что у кого на одно горчишное семя веры, тот может горы поднимать с места? Нужно только веру иметь, - чудеса будут» [Тургенев, там же, с. 149].

Софи считает, что начало веры в самоотвержении, унижении. Для нее главное – учителя, наставника найти. И когда нарратор резонно спрашивает ее, не является ли духовник ее наставником, она отвечает: «Батюшка мой духовный говорит мне, что я

должна делать; но мне нужен такой наставник, который сам бы мне на деле показал, как жертвуют собою!» [Тургенев, там же, с. 150].

Интересно, что Э. Фромм, характеризуя ситуации, в которых проявляется иррациональная вера, усматривает аналогию в подчинении личности вождю с гипнотическим воздействием: «Хотя ситуация гипноза служит самым убедительным примером для демонстрации взаимосвязи между подчинением авторитету и мыслительными процессами, есть множество вполне банальных ситуаций, обнаруживающих тот же механизм. Пример полугипнотической ситуации дает реакция людей на лидера, обладающего сильной способностью внушения» [Фромм, с. 156]. Философ, словно написал комментарий к рассказу Тургенева.

Описывая следующую встречу нарратора с Софи и Василием, которая произошла через два года, Тургенев сообщает о том, что девушка нашла для себя наставника. Сбежав из дома, отказавшись от своего имени (теперь она стала Акулиной), в простом мещанском шушуне и темном платке, надвинутом на самые брови, Софья сопровождает юродивого Василия, прислуживает ему, врачует его раны. Юродивый Василий, «грязный, оборванный, одичалый», с громадной, «как пивной котел», косматой головой, в рубище и веригах, он внушал нарратору «еще больше отвращения, чем ужаса» [Тургенев, там же, с. 153, 155].

Изображая юродивого, Тургенев отмечает в нем характерные особенности: истязание плоти: Василий носит тяжелые вериги. Его появление на постоялом дворе, где происходит встреча, сопровождается «отрывочным бряцаньем, подобным лязгу цепей» [Тургенев, там же, с. 152]. Юродивый проповедует аскетизм, он отказывается от всякого услаждения плоти как от сатанинского искушения. Так, он отвергает подобострастное предложение хозяйки постоялого двора попотчевать его чайком: « - Что выдумала! – отозвался юродивый. – Грешное тело баловать... Охо-хо! Все кости ему сокрушить... а она – чай! Ох, ох, старица почтенная, сатана в нас силен! На него глад, на него хлад, на него хляби небесные, дожди проливные пронзительные, а он ничего живуч!» [Тургенев, там же, с. 153 - 154]. Юродивый Василий соединяет в себе пародийные черты религиозного проповедника, Учителя с чертами сумасшедшего. Юродивый громогласно возвещает свое появление на постоялом дворе: «”Благослови бог всех сущих у дому сему. Благослови бог! Благослови бог! Аминь, аминь, рассыпья!” – повторил голос как-то нескладно и дико вытягивая последний слог каждого слова...Послышался шумный вздох, и грузное тело с тем же бряцаньем опустилось на лавку» [Тургенев, там же, с. 152]. Другие изречения юродивого удивляют и пугают хозяйку постоялого двора: « - Древний враг, адамант! А...да...мант! А...да...мант, - повторил несколько раз юродивый со

скрежетом зубов. – Древний змий! Но да воскреснет бог! Да воскреснет бог и расточатся врази его! Я всех мертвых призову! На врага его пойду... Ха-ха-ха! Тьфу!» [Тургенев, там же, с. 154]. Речь Василия отрывочна, невнятна, он благословляет, прокликает и угрожает каким-то невидимым врагам, в беспорядке выкрикивая отдельные слова, части фраз и молитв, оставляя в недоумении перед смыслом сказанного окружающих.

Тургенев показывает, что отношение к юродивым в народной среде - благоговейное. Не только сопровождающая его Софья заботливо прислуживает ему, не брезгуя ничем, но также и хозяйка постоялого двора говорит о Василии, что он «блаженный, божий человек», и она счастлива, что он их «посетить изволил» [Тургенев, там же, с. 153]. Хозяйка сожалеет, что не в состоянии разгадать смысл слов юродивого и видит в них особое тайное значение, предсказание:

« - Эх-ма! Степаныча нет! Вот наше горе-то! – словно про себя промолвила хозяйка, со всеми признаками глубочайшего внимания остановившаяся у двери. – Слово какое спасительное скажет, а мне бабе и невдомек!» [Тургенев, там же, с. 153].

Об особом отношении к юродивым как признаке иррациональной веры Тургенев писал и раньше. Например, характеризуя мать Базарова в романе «Отцы и дети», он говорит, что «Арина Власьевна <..> была очень набожна и чувствительна, верила во всевозможные приметы, гаданья, заговоры, сны; верила в юродивых, в домовых, в леших, в дурные встречи, в порчу, в народные лекарства, в четверговую соль, в скорый конец света <...>» [Тургенев, соч. т. 7, 113]. Нетрудно заметить, что Тургенев связывает веру в юродивых с суевериями, невежеством и отсталостью.

Почему Тургенев сделал юродивого объектом изображения своего небольшого рассказа? Хотя юродство своими корнями уходит в глубокую древность, это явление оказалось удивительно жизнеспособным, оно нашло отражение и в художественной литературе. Юродство – неотъемлемая часть средневековой русской культуры, ее психологический и социальный феномен. Феномен юродства состоит в том, что оно является частью православной культуры и в его основе лежит глубокая религиозная идея: пренебрежение своим человеческим обликом во славу Божию. Юродство противоречиво по своей сути: оно включает в себя, с одной стороны, модель поведения, имитирующую путь самоотречения и страданий Христа, а с другой – допускает надругательство и глумление над религиозными святынями. Юродивые, по определению А.М. Панченко³⁰, - это религиозные шуты и клоуны на христианской почве. Образ юродивого амбивалентен и отношение к нему в обществе неоднозначно, на разных этапах истории оно менялось. С

³⁰ Панченко А. М. Древнерусское юродство / Лихачев Д.С., Панченко А.М. «Смеховой мир» Древней Руси. Л., 1976.

одной стороны, юродивые третировались обществом, а с другой – их действиям, поступкам и словам придавался провиденциальный смысл, а сам юродивый, блаженный приравнялся в народном сознании к святому и канонизировался церковью как святой. Новый интерес к юродивым (после гонений на них в эпоху Петра I) в XIX веке был обусловлен развитием естественных наук, актуализацией идей позитивизма, атеизма, народнического движения. Все это давало возможность посмотреть на юродство с других позиций, альтернативных агиографии. Большую роль в расшатывании образа «юродивый-святой» сыграли работы по изучению народной культуры И.Г. Прыжова³¹, выпустившего в 1860-е годы ряд статей, в которых юродство рассматривается с позитивистской, атеистической позиции³². Юродивые показаны Прыжовым без ореола святости, как безумцы, алкоголики, бродяги. Десакрализация юродства, начатая Прыжовым, получила дальнейшее развитие в русской художественной литературе. В монографии И. В. Мотеюнайте «Восприятие юродства русской литературой XIX – XX веков» показано, как статьи Прыжова, а также журналистика 1860-х годов формировали критическое, ироническое отношение к юродивым. Скорей всего, интерес Тургенева к юродству как феномену русской культуры, десакрализация юродивого в рассказе «Странная история» были обусловлены не только западнической ориентацией писателя, но также и просветительской тенденцией, сформировавшейся в русском обществе 60 – 70-х годов XIX века. В рассказе «Странная история» Тургенев исследует психологию воздействия юродивых на массовое сознание. Он показывает, что это воздействие сродни гипнозу. Изображая девушку, посвятившую себя служению юродивому, нашедшую свой путь в самоотвержении и уничтожении как попрании своего «Я» во имя веры, Тургенев говорит, что, хотя он и не понимал поступка Софи, все же не осуждал ее. Нарратор заключает свой рассказ о девушке, пожертвовавшей всем, чтобы «пойти вслед полусумасшедшему бродяге», такими словами: «Я не мог не сожалеть, что Софи пошла именно *этим* путем, но отказать ей в удивлении, скажу более в уважении, я также не мог. Недаром она говорила мне о самоотвержении, об уничтожении... у *ней* слова не рознились с делом. Она искала наставника и вождя, и нашла его... в ком, боже мой!» [Тургенев, соч., т. 8, с. 157 - 158]. История Софи для автора рассказа пример подвига во имя идеи, идеала служения.

³¹ Иван Гаврилович Прыжов (1827 – 1885) – исследователь славянской культуры. Его научные интересы сформировались на пересечении двух модных направлений науки: позитивизма Г. Т. Бокля и сравнительно-исторической школы в филологии. Сам Прыжов прошел путь бродяги: не окончил курса в университете, пьянствовал, был сослан в Сибирь по нечаевскому делу, явился прообразом одного из героев романа Достоевского «Бесы» - Толкаченко. См. об этом: *Альтман М. С. Достоевский: По вехам имен.* Саратов, 1975. С. 91 – 101; *Лурье Л. Я. Жизнь и сочинения Ивана Прыжова / Прыжов И.* 26 московских пророков, юродивых, дур и дураков и другие труды по русской истории и этнографии. М.: Интрада, 1996. С. 5 – 9.

³² *Прыжов И. Г.* 1) Житие Ивана Яковлевича Корейши, известного пророка в Москве. М., 1870; 2) Очерки, статьи, письма. М.; Л., 1934; 3) 26 московских пророков...

Нарратор сравнивает ее с другими девушками, которые так же пожертвовали всем тому, «что *они* считали правдой, в чем *они* видели свое призвание» [Тургенев, там же, с. 158]. О таких девушках Тургенев писал прежде, например, в романе «Накануне».

Готовя рассказ «Странная история» к публикации в немецком издании «Salon», Тургенев особо заботился о качестве перевода произведения на немецкий язык. Как пишет в комментариях к рассказу Л. М. Лотман, «Тургенев правил перевод Л. Кайслера, с одной стороны, уничтожая буквализм и добиваясь того, чтобы живым народным языком адекватно передать русскую речь, а с другой – в отдельных случаях, когда изображалось явление, специфичное для русского быта и не известное Западу, отвергая несостоятельные попытки переводчика найти немецкий термин для его обозначения. Так он отмечает обозначения «*der Närrische*», «*ein Glückseliger*» (дурак, святой) для юродивого и вводит русское слово в немецкий текст (*Jurodiwi*), сопровождая его примечанием для немецкого читателя: «Под “юродивым” понимают в России особого рода фанатиков, которые наподобие восточных сеидов или индийских факиров бродят по стране, отрекаясь от благ жизни³³. Народ смотрит на них с набожным страхом, относится к ним с глубоким уважением, считает их посещение приносящим счастье и старается толковать бессмысленные речи этих безумцев как божественные откровения и пророчества» [Тургенев, там же, с. 467 - 468]. Конечно, этот комментарий Тургенева очень важен, потому что показывает нам писателя не только как автора рассказа, описывающего странную историю, но и как посредника в межкультурной коммуникации, представляющего для иностранной аудитории *юродство* как уникальное явление, феномен русской культуры.

Растолковывая суть этого явления, Тургенев, однако, сравнивает юродивых с индийскими факирами, которые, очевидно, были более знакомы западному читателю по описаниям путешественников, начиная с XVII века. В XIX веке эта категория странствующих факиров, своего рода актеров, фокусников и медиумов стала вызывать научный интерес в западной Европе. «Письма из Индии Франсуа Бернье, написанные между 1659 и 1669 годами, - как пишет Марк Синглтон, - задали стиль для многих последующих описаний йогинов. Бернье отмечает, что есть в Индии такие аскеты, с «репутацией особенно просветленных святых, совершенные Йоги (*Jauguis*), которые действительно соединяются с Богом» (Bernier 1968[1670], 318–19). Такие йоги проводят

³³ Поясняя немецким читателям роль юродивых в русской народной жизни и уподобляя их индийским факирам, Тургенев мог основываться на рассуждениях на эту же тему Дж. Флетчера, который в своей известной книге «О государстве русском» (1591) сравнил юродивых со странствующими индийскими религиозными философами гимнософистами (об этом см.: Лихачев Д. С., Панченко А. М. «Смеховой мир» древней Руси. Л., 1976, с. 178 – 179). Примечание Л.М. Лотман.

свою жизнь в созерцании и молитве, так же как европейские монахи»³⁴. Описывая другой тип йогоинов, Бернье говорит, что они ходят голыми, со спутанными волосами, длинными скрученными ногтями, некоторые несут тяжелые цепи, какие обычно можно видеть на слонах, а другие часами стоят в стойке на руках. Факиры или йогоины имеют способность производить ментальные иллюзии, они могут манипулировать толпой, причем, как отмечают путешественники, эти манипуляции могут происходить только в Индии, благодаря особому психическому состоянию масс, тогда как умственная атмосфера Запада, наоборот, скорее мешает таким явлениям. Разумеется, полного сходства юродивых с факирами нет, каждое явление уникально как часть определенной культуры, но аналогия, сделанная Тургеневым для того, чтобы более доходчиво объяснить феномен русской культуры, опираясь на известные западному читателю факты и образы, допустима. Интересно, что на английский язык название рассказа Тургенева было переведено В. Рольстоном как «The Idiot» (1870) [Тургенев, там же, с. 471]. Конечно, такой перевод полностью игнорировал связь юродства с религиозной православной культурой.

Проспер Мериме, сделавший перевод рассказа на французский язык в начале 1870 года, в письме Тургеневу 13 (25) марта 1870 года поделился с ним реакцией российской публики, с которой он имел беседы в Ницце по поводу «Странной истории»: «Как кажется, Ваш последний рассказ привел их в ярость. Они говорят, что Вы ожесточенный враг России и что хотите видеть *одни* только ее теневые стороны. Я спросил у одной дамы, которая казалась очень возмущенной, в чем теневая сторона в Вашем рассказе. Ответ: - Всюду. – Имеются ли юродивые в России? – Конечно. – А крайне набожные и восторженные девицы? – Безусловно. – На что же Вы тогда жалуетесь? – Не нужно говорить об этом иностранцам. – Я передаю Вам этот отзыв так, как я его слышал. Лакейский патриотизм повсюду один и тот же: я не знаю ничего более глупого» (*Mérimée*, II, 9, p. 74)» [Тургенев, там же, с. 472 - 473]. Это письмо показывает, что в обществе еще не было достаточной дистанции, чтобы посмотреть на юродство как факт культуры.

Рассказ был достаточно холодно и даже враждебно встречен и критикой. Так, Н.С. Лесков («Русские общественные заметки», 1869) не увидел в произведении Тургенева ничего особенного, кроме «самым обыкновенным образом рассказанного анекдота», основанного на реальных событиях [Тургенев, там же, с. 473]. В «Московских ведомостях» за 9 января 1870 года была опубликована небольшая заметка, в которой новый рассказ Тургенева назывался ничтожным. Автор заметки больше уделил внимания скандалу вокруг перевода рассказа с немецкого в газете «Голос». «Новое время» (22

³⁴ Синглтон М. Тело йоги. Истоки современной постуральной практики / <https://self.wikireading.ru/38367>

января 1870) упрекало журнал «Вестник Европы» за то, что редакцией был опубликован рассказ Тургенева, «не выходящий, по словам рецензента, из ряда тех ничтожных, бездарных творений, которые пишутся сотнями и рассыпаются, обыкновенно никем не замеченные, по разным мелким изданиям». Обращаясь в издевательском тоне к автору, рецензент завершает свой разговор о рассказе посрамлением писателя и риторическим вопросом: «Нечего сказать, хорошо же вы знакомите немецкую публику с русской жизнью, если показываете ей такие картинки, как ваша “Странная история”, признаюсь, и для нас-то русских это – диковинка, что же после этого для немцев?».

Писатель-маргинал М.В. Авдеев отозвался на рассказ Тургенева в личном письме от 2 января 1870 года. Он упрекал мэтра за мистицизм: «Вашу “Стран<ную> ист<орию>” прочел и в переводе, и в подлиннике. Она мне очень понравилась и идет к картинам рус<ской > жизни, которых Вы дали много, но самый конец Вы осветили - по-моему неверно. Читая некоторые Ваши вещи, человек Вас не знающий сочтет Вас мистиком. <...> но Вы из любви к правде и науке должны отбиваться от этого поэтико-молитвенного увлечения. В основании всякого фанатизма лежит сила, но сила глупая, и Софи во мне, кроме презрительного сожаления, никакого участия не шевельнула. <...>»³⁵. Ответ Тургенева Авдееву можно читать как ответ на упреки всех критиков, в нем писатель формулирует свое эстетическое кредо. Тургенев отстаивает свое право давать объективную картину жизни без всякой предвзятости, и произведения искусства, по его мнению, существуют не для того, чтобы давать урок читателю, а потому все, что существует в жизни, достойно внимания. Итак, 13 (25) января 1870 г. Тургенев писал своему корреспонденту Авдееву М.В. : «<...> Софи не возбуждает ничего, кроме “презрительного сожаления “; и этого, по-моему, еще много. Неужели каждый характер должен быть чем-то вроде прописи: вот, мол, как надо или не надо поступать? Подобные лица жили, стало быть, имеют право на воспроизведение искусством. Другого бессмертия я не допускаю: а это бессмертие, бессмертие человеческой жизни – в глазах искусства и истории – лежит в основании всей нашей деятельности. <...> могу Вас уверить, что меня исключительно интересует одно: физиономия жизни и правдивая ее передача; а к мистицизму во всех его формах я совершенно равнодушен <...>» [Тургенев, письма, т. 10, с. 132].

Положительно о рассказе «Странная история» отозвался А.М. Жемчужников, и в письме к нему Тургенев излил всю горечь из-за непонимания его современниками. 5 (17) июня 1870 г. он писал: «Вы едва ли не единственный человек, помянувший добрым

³⁵ Авдеев М. В. Письмо к И.С. Тургеневу от 2 января 1870г. / Тургеневский сборник. М. –Л.,1964. Т. 1. С. 430.

словом мою “Странную историю” <...> вообще не совсем легко передать словами, до какой степени я не любим нынешним поколением. На каждом шагу приходилось наткаться на изъявления то ненависти, то даже презрения» [Тургенев, письма, т. 10, с. 196].

Итак, рассказ «Странная история», представивший, с точки зрения соотечественников Тургенева, его современников, непрезентабельную сторону русской жизни, интересен сегодня прежде всего как историко-культурный факт. Рассказывая об уникальном явлении русской культуры юродстве, Тургенев дал не только психологически точный портрет одной из сторон русской жизни, русской ментальности - подчиненности массового сознания иррациональной вере, - но также показал себя как талантливый посредник, проводник русской культуры, способный адаптировать и интегрировать ее в чужую культуру.

Список литературы:

Анненский И.Ф. Белый экстаз. М.: Наука, 1979.

Лихачев Д. С., Панченко А. М. «Смеховой мир» древней Руси. Л., 1976

Мотейюнайте И.В. Восприятие юродства русской литературой XIX – XX веков. Псков, 2006.

Московские ведомости. 9 января 1870г.

Новое время. 22 января 1870г.

Прыжов И. Г. 26 московских пророков, юродивых, дур и дураков и другие труды по русской истории и этнографии. М.: Интрада, 1996.

Синглтон М. Тело йоги. Истоки современной постуральной практики / <https://self.wikireading.ru/38367>

Тургенев И.С. Полн. собр. соч.: В 30т. М.: Издательство «Наука», 1978 – 1986.

Тургеневский сборник. М. –Л.,1964. Т. 1.

Фромм Э. Вера как черта характера /Фромм Э. Психоанализ и этика. М.: Республика, 1993.

Пушкарёва Н.В.
Санкт-Петербургский государственный университет
г. Санкт-Петербург (Россия)

Pushkareva Natalia
Saint-Petersburg State University
Saint-Petersburg (Russia)

**РЕЧЬ И.С. ТУРГЕНЕВА «ГАМЛЕТ И ДОН-КИХОТ» СКВОЗЬ ПРИЗМУ
РУССКОГО МЕНТАЛИТЕТА (ЯЗЫКОВОЙ АСПЕКТ)**

**I.S.TURGENEV'S SPEECH "HAMLET AND DON QUIXOTE" THROUGH THE
PRISM OF RUSSIAN MENTALITY (LANGUAGE ASPECT)**

Языковые особенности речи И.С. Тургенева «Гамлет и Дон Кихот», прочитанной в 1860 г., рассматриваются в статье с точки зрения отражения в них черт русской ментальности. С опорой на теоретические работы В.В. Колесова и в соответствии с данными «Словаря русской ментальности» (2014) в тексте выявляются языковые единицы, выражающие представления русского народа об окружающем мире, а также этические и нравственные идеалы. Прослеживается связь и взаимозависимость этих единиц. Анализ описаний Гамлета и Дон Кихота приводит к заключению о том, что И.С. Тургенев использует в интерпретации образов этих персонажей концепты, характеризующие русскую ментальность, и сам проявляется в своей языковой деятельности как носитель этой ментальности.

Language particularities of I.S. Turgenev's speech "Hamlet and Don Quixote" delivered in 1860 is being analyzed in the article from the point of reflecting the features of Russian mentality in it. V.V. Kolesov's theoretical works and data of the "Dictionary of Russian Mentality" are used as a base for exposing of the Russian people understanding of the surrounding world and their ethical and esthetical ideals. Interconnection and mutual dependence of these units are observed here. The analysis of Hamlet and Don Quixote descriptions leads to the conclusion that I.S. Turgenev uses concepts characterizing Russian mentality in his interpretations of the personages. At the same time the writer appears in his language activity as a carrier of Russian mentality.

Ключевые слова: И.С. Тургенев, русский язык, менталитет, концепт русской ментальности, языковые особенности

Key words: I.S. Turgenev, Russian language, mentality, Russian mentality concept, language particularities

В год 200-летия И.С. Тургенева интересно будет обратиться к его публицистическому наследию, а именно к статье «Гамлет и Дон-Кихот», представляющей собой текст речи, произнесенной писателем в январе 1860 г. Мысли, высказанные в этом произведении, сегодня оказываются так же значимы, как 156 лет назад, а некоторые языковые особенности предоставляют богатый материал как для современных филологических исследований, так и для размышлений.

Статья о Гамлете и Дон-Кихоте была задумана Тургеневым под впечатлением от европейских революционных событий 1848 г., получивших название «Весна народов». Вопрос о душевных качествах человека, способного повести за собой народ, а также о целях такого человека, приобрел во второй половине XIX в. особую остроту [Левин,

1980]. Писатель начал работу над статьей в 1857 г., однако процесс затянулся, и текст был завершен только в декабре 1859 г. 10(22) января 1860 г. Речь «Гамлет и Дон-Кихот» прозвучала в Санкт-Петербурге на публичных чтениях, организованных Обществом для вспомоществования нуждающимся литераторам и ученым (Литературным фондом) в зале Пассажа, а статью с тем же названием опубликовали в январском номере журнала «Современник» [Багно, 1988; Левин, 1980].

Речь «Гамлет и Дон-Кихот» стала не просто сопоставлением или противопоставлением двух всемирно известных литературных персонажей, но отразила авторский взгляд на фундаментальные черты человеческого характера. И.С. Тургенев ставил целью своего выступления «возбудить некоторые мысли, быть может, даже не согласные с нашими» в слушателях, указав на «два коренных направления человеческого духа» [Тургенев, 1980, с. 348] – и ему это удалось: в полемику по поводу выступления сразу включились критики, журналисты, писатели, частные лица. Достаточно упомянуть лишь некоторые имена: статью И.С. Тургенева обсуждали П.В. Анненков, А.И. Герцен, А.А. Григорьев, Н.А. Добролюбов, П.Н. Кропоткин, Н.С. Лесков, Н.К. Михайловский, И.И. Панаев, Д.Н. Писарев, Л.Н. Толстой, Н.В. Шелгунов [Багно, 1988, с. 329-337; Левин, 1980]. П.А. Кропоткин, «учитывающий прежде всего реальное существование типов, описанных Тургеневым в русской действительности» [Багно, 1988, с. 346], поддержал писателя, заметив, что «Тургенев любил Гамлета и восторгался Дон Кихотом» (Там же). Высоко оценивший статью Л.Н. Толстой считал, что она дает «указание пути спастись от сознания пустоты» [Лазурский, 1939].

Речь и статья бурно обсуждались в прессе и в обществе [Левин, 1980], а интерпретация авторской точки зрения в связи с общественно-политической ситуацией в стране накануне реформ 60-х годов XIX в. закрепила за персонажами связь с реальными общественными силами: Гамлета в тургеневской интерпретации отождествляли с западниками, с «лишними людьми», а в Дон-Кихоте усматривали черты революционных демократов. В большинстве статей и критических выступлений акценты делались на общественную значимость и влияние персонажей, которых рассматривали как возможных предводителей масс. Вопрос о том, кто из двух героев способен повести людей за собой, решался Тургеневым и его критиками прямо противоположно: если Тургенев полагал, что Гамлет не может быть вождем масс, а Дон-Кихот способен привлечь преданных сторонников, то Писарев, Добролюбов и их революционно-демократическое окружение считали такое предположение ошибочным. Последнее мнение имело и практические основания: «Добролюбов должен был отклонить кличку Дон-Кихота от себя и своих единомышленников. Он не только сделал это, но и дал свое толкование донкихотства в

условиях общественно-политической борьбы 60-х годов. С точки зрения Добролюбова, Дон-Кихоты в русских условиях это «небольшие герои, несколько похожие на Инсарова отвагою и сочувствием к угнетенным» [Бялый, 1962].

Сегодня статья включена в университетские курсы истории русской литературы, ее ценность не вызывает сомнения, однако смыслы, содержащиеся в этом тексте, не исчерпываются только литературоведческим или историко-культурным содержанием. Кроме общественно-политического и исторического аспектов статья Тургенева интересна с точки зрения выражения в ней общекультурных констант, типичных для русского общества как в XIX в., так и сегодня. Авторский взгляд, выражающий мнение конкретного человека, демонстрирует такие оценки литературных героев, которые укладываются в рамки традиционного для России круга представлений о моральных и этических ценностях. Интерпретируя образы Гамлета и Дон Кихота, Тургенев выступал не только от своего имени, он стремился взглянуть на этих персонажей глазами русского человека. Во вводной части речи единение автора с русскими людьми выражается на языковом уровне с помощью личного местоимения мы: *«к сожалению, мы, русские, не имеем хорошего перевода "Дон-Кихота"; большая часть из нас сохранила о нем довольно неопределенные воспоминания; <...> слово "донкихотство" у нас равносильно с словом: нелепость, - между тем как в донкихотстве нам следовало бы признать высокое начало самопожертвования, только схваченное с комической стороны»* [Тургенев 1980, с. 330]. При дальнейшем развертывании текста в нем обнаруживаются оценки и суждения, типичные для русского восприятия мира, то есть ментальные черты русского человека, наблюдаемые при описании человеческих качеств, отношения к своему предназначению в мире, а также затрагивающие такие фундаментальные понятия как добро, зло, свобода, красота. Таким образом, изложенное письменно (и устно, в форме произнесенной речи) авторское мнение представляет собой отражение в языковых единицах и конструкциях менталитета русского народа. Эта ситуация может быть описана терминами концептологии *менталитет, ментальность, концепт* [Колесов, 2012].

Термин *менталитет* толкуется в различных сферах гуманитарного знания по-разному, мы следуем трактовке В.В. Колесова, согласно которой менталитет это «наивно-целостная картина мира в его ценностных ориентирах, существующая длительное время независимо от конкретных экономических и политических условий, основанная на этнических предрасположениях и исторических традициях; проявляется в чувстве, разуме и воле каждого отдельного члена общества на основе общности языка и воспитания и представляет собой часть народной духовной культуры, которая создает этноментальное пространство народа на данной территории его существования [Колесов, 2006, с. 11].

Одновременно с этим термином в гуманитарных исследованиях используется и единица *ментальность*, применяемая при описании языковых проявлений особенностей менталитета. Ментальность понимается как «национальный способ выражения и восприятия мира, общества и человека в формах и категориях родного языка, способность истолковывать явления как их сущности и соответственно этому действовать в определённой обстановке — это и есть ментальность» [Колесов, 2006, с. 12-13]. Национальную ментальность выражает концепт, понимаемый как «единица когнитивной грамматики, которая изучает языковые формы национальной речемышльи (от латинского слова *cognosco* ‘познавать, постигать’)» [Колесов, 2006, с. 27]).

Языковое проявление русского мировосприятия в статье Тургенева выражается в конструировании образов Гамлета и Дон-Кихота путем обращения к концептуальным понятиям русской ментальности. Так, сопоставление персонажей происходит на основании того, что «*в этих двух типах воплощены две коренные, противоположные особенности человеческой природы <...> Нам показалось, что все люди принадлежат более или менее к одному из этих двух типов; что почти каждый из нас сбивается либо на Дон-Кихота, либо на Гамлета*»³⁶ [Тургенев, 1980, с. 331]. Разделение людей на два типа происходит на основании идеалов, которые есть у каждого человека: «*Все люди живут — сознательно или бессознательно — в силу своего принципа, своего идеала, т. е. в силу того, что они почитают правдой, красотой, добром*» [Тургенев, 1980, с. 331]. Таким образом, критерий разделения людей оказывается онтологическим: обращение к представлениям о правде, красоте, добре затрагивает вопросы сути бытия, его фундаментальные принципы. Такой подход характерен для русского мирозерцания, которое «именно онтологично» [Колесов, 2014, с. 352], поскольку оно признает реальными и вещный мир, и мир идей. Добро, правда, красота – это концепты, в которых выражается русская ментальность, и именно их Тургенев называет в качестве основных представлений, формирующих идеал. Зададимся вопросом, как используются словесные единицы добро, красота, правда в речи Тургенева, и можно ли считать, что в данном случае в интерпретации образов всемирно известных литературных персонажей наблюдается языковое выражение концептов русской ментальности.

Согласно Словарю русской ментальности (далее СРМ), «ДОБРО – материальное воплощение **блага**³⁷, полезное (*добротно*) и нужное (*надобно*), противопоставленное наилучшему (*благо*) и вредному (*зло*)» [СРМ, 2014. Т.1, с. 205]. Слово *добро* появляется в характеристике Гамлета, точнее, в характеристике воплощенного в Гамлете «начала

³⁶ Дефисное написание «Дон-Кихот» соответствует орфографии источника.

³⁷ Здесь и далее выделение жирным шрифтом и курсивом в цитатах из Словаря русской ментальности принадлежит его авторам.

отрицания» [Тургенев, 1980, с. 340]: «*Отрицание Гамлета сомневается в добре, но во зло оно не сомневается и вступает с ним в ожесточенный бой. В добре оно сомневается, т. е. оно заподозревает его истину и искренность и нападает на него не как на добро, а как на поддельное добро, под личиной которого опять-таки скрываются зло и ложь, его истинные враги <...> Скептицизм Гамлета не есть также индифферентизм, и в этом состоит его значение и достоинство; добро и зло, истина и ложь, красота и безобразие не сливаются перед ним в одно случайное, немое, тупое нечто*» [Тургенев, 1980, с. 340]. Языковые единицы *добро, зло, истина, ложь, красота, безобразие* передают не просто антонимичные понятия, но противопоставляют представления и знания русского человека о том, что скрыто за словами. В этом смысле примечательно толкование концептуального смысла единицы *зло*: «важное отсутствие необходимого **блага** и низшая **степень добра**. З. противопоставлено *добру* как **тьма – свету, черное – белому, левое – правому**, влажное – сухому, как **действие – состоянию** или **качеству (благо)**» [СРМ, 2014, Т.1, с. 310]. Антиномии захватывают практически все аспекты вещного мира: от природных явлений до деятельности и качеств, но они наблюдаются на фоне неразделимости добра и зла, поскольку зло – это низшая степень добра.

Если непростые отношения Гамлета с добром и злом описываются сложной системой противопоставлений, то реакция Дон-Кихота на зло описана по-иному: «*Дон-Кихот, бедный, почти нищий человек, без всяких средств и связей, старый, одинокий, берет на себя исправлять зло и защищать притесненных (совершенно ему чужих) на всем земном шаре*» [Тургенев, 1980, с. 335]. Там, где Гамлет рефлексировал, Дон-Кихот действует. В персонаже проявляются качества, основанные, с одной стороны, на ограниченности знания, с другой стороны, на точном понимании цели (своего дела): «...он знает мало, да ему и не нужно много знать: он знает, в чем его дело, зачем он живет на земле, а это – главное знание» [Тургенев, 1980, с. 333]. В русской ментальности дело – «свободное, с **желанием, исполнение** привычной **работы**, результатом которой является материально ценная и весомая **вещь** («дело сделано»). Это всегда самый важный, хотя и тяжелый, обычно физический **труд**, созидательное **действие**, преобразующее **действительность** и способное подняться до **вершин деяния**» [СРМ, 2014, Т.1, с. 196]. Дело придает смысл жизни персонажа, и он исполняет свое дело истово, без сомнений и без страха, действительно поднимаясь в процессе действия до деяния. Таким образом, рядом оказываются два концептуальных представления: *дело* и *смысл жизни*, понимаемый в русской ментальности как «целостно ценностная идеальная **опора личности**, заданная **жизнью** как **добро**, утверждающая вечное **начало** в его постоянстве

и действию. Придает жизни **цель** и **ценность**, потому **поиски** С.-а Ж.-и – **извечное дело русского человека**» [СРМ. 2014, Т.2, с. 277].

Автор статьи толкует образ Дон-Кихота через представление об истине: *«что выражает собою Дон-Кихот? Веру прежде всего; веру в нечто вечное, незыблемое, в истину, одним словом, в истину, находящуюся вне отдельного человека, но легко ему дающуюся, требующую служения и жертв, но доступную постоянству служения и силе жертвы»* [Тургенев, 1980, с. 332]. Истина, в которую, по словам Тургенева, верит Дон-Кихот, это **«постигаемая рассудком как польза, неуловимая сущность действительности, представленная как настоящее, точное и достоверное знание о правде»**. Основная категория славянской гносеологии, служит для обозначения в **слове «того же самого»** предмета с указанием на его **суть (сущая истина)**» [СРМ, 2014, Т.1, с. 345]. Персонаж знает мало, но знает самую суть, и это определяет его поведение, восприятие окружающего мира и осознание себя самого как служителя и защитника истины.

В начале статьи Тургенев упоминает *правду* как основание идеала, согласно которому живет человек. Концептологические исследования XXI в. подтверждают эту мысль. В русской ментальности *правда*, знанием о которой является *истина*, существует как «основная категория славянской этики, идеально *Божья правда* – бытие, а не **быт**, – **мечта**, представленная всегда в законченном **виде**. Цельное и целостное проявление **идеала**; дается **благодатью** и совершается **любовью**; основная форма **выражения справедливости**» [СРМ, 2014, Т.2, с. 82]. Таким образом, изложенная в авторской интерпретации образа Дон-Кихота точка зрения совпадает с представлениями русского народа о соотношении правды, истины, идеала. Тургенев имел все основания объединять себя с русскими людьми: его представления о важнейших компонентах окружающего мира и особенности его мировосприятия, выражаемые в слове, соответствуют положениям русской концептологии.

Цельности и целеустремленности Дон-Кихота в интерпретации Тургенева противопоставляются безверие и эгоизм Гамлета: *«Что же представляет собой Гамлет? Анализ прежде всего и эгоизм, а потому безверье <...> Он не верит в себя - и тщеславен; он не знает, чего хочет и зачем живет, - и привязан к жизни...»* [Тургенев, 1980, с. 333]. Вера, о которой говорится в приведенном отрывке, проявляется в русской ментальности как **«некритичная уверенность в справедливости духовных истин, обусловленная опытом и интуицией; твердая надежда на верность в слове, доверие в деле, вероятность правдоподобия в мысли с предвосхищением идеала»** [СРМ, 2014, Т.1, с. 85]. В приведенном определении переплетаются представления о духовном и реальном;

справедливость духовных истин и доверие в деле оказываются равноположенными понятиями. Именно в таком смысле актуализируется значение слова *вера* в тургеневской интерпретации образа Дон-Кихота, а отсутствие этого смысла описано в статье на примере образа Гамлета. О Дон-Кихоте сказано прямо противоположное: «*В нем нет и следа эгоизма, он не заботится о себе, он весь самопожертвование - оцените это слово!*» [Тургенев, 1980, с. 332].

Завершающим аккордом интерпретации образа Дон-Кихота становится эпизод, когда умирающий персонаж отказывается от своего рыцарского имени. «*Когда бывший его оруженосец, желая его утешить, говорит ему, что они скоро снова отправятся на рыцарские похождения: "Нет, - отвечает умирающий, - все это навсегда прошло, и я прошу у всех прощения; я уже не Дон-Кихот, я снова Алонзо Добрый, как меня некогда называли, - Alonso el Bueno". Это слово удивительно; упоминание этого прозвища, в первый и последний раз - потрясает читателя. Да, одно это слово имеет еще значение перед лицом смерти*» [Тургенев, 1980, с. 348]. Единица *добрый* оказывается для Тургенева самым важным компонентом в характеристике Дон-Кихота. Это качество объясняет и преданность Санчо Пансы, и готовность людей следовать за Дон-Кихотом. Слово *добрый* входит в словосочетание *добрый человек*, представляющее собой языковую реализацию концепта русской ментальности: «**ДОБРЫЙ ЧЕЛОВЕК** – из ряда вон выходящий представитель **человечества**, выделяющийся повышенным **чувством справедливости**» [СРМ, 2014, Т.1, с. 209]. Концептуальные смыслы оказываются шире, чем предполагает семантика слова. Доброта, связанная с обостренным чувством справедливости, - это частая характеристика и реальных исторических лиц России, и литературных персонажей, в первую очередь, героев Тургенева (впрочем, и его самого). Таким образом, и в данном случае Тургенев описывает персонажа испанского романа с позиций русской ментальности, с помощью языковых форм, воплощающих концепты.

Единственное слово, которое не встретилось в статье применительно к персонажам, это единица *красота*. Однако если проследить за определениями концептов русской ментальности, выявленных в тексте, то становится ясно, что понимается автором под красотой, которая, по словам Тургенева, также лежит в основе идеала. «**КРАСА/КРАСОТА** – совокупность **свойств** и **качеств**, воспринимаемых как **чудо**, ибо свидетельствует о **возможности** обретения гармонии (*созвучия, лада*) в окружающей **действительности** <...> К. доставляет **наслаждение** взору, **слуху**, **разуму**, вызывая одобрение и **удовлетворение**, рождая **восторг** в душе и **радость** в сердце, принося **пользу** и **благо**» [СРМ, Т.1, с. 384].

Краткий обзор текста речи «Гамлет и Дон-Кихот» с позиций концептологического подхода показывает, что в описаниях двух литературных персонажей И.С. Тургеневым реализуются основные концепты русской ментальности, воплощенные в языковых формах и отражающие национальный менталитет. Писатель имеет все основания писать «мы, русские», поскольку он выступает в этих описаниях как представитель русского народа. Мнение И.С. Тургенева о Гамлете и Дон-Кихоте позволяет составить представление о системе ценностей самого автора статьи, чье восприятие мира совпадает с представлениями русской ментальности. Вероятно, в этом и заключается одна из причин, по которой ни одно произведение И.С. Тургенева не проходило незамеченным читающей публикой. По словам Д.Н. Овсяннико-Куликовского, творчество И.С. Тургенева – пример того, как «публика чрезмерно увлекается произведениями писателя, влагая в них свои мысли», а «художественные образы вызывают подражателей в самой жизни (так Печорин и Базаров породили в свое время многочисленных Печориных и Базаровых)» [Овсяннико-Куликовский, 1998]. Подобное воздействие на читателя возможно только при совпадении авторских и читательских ментальных представлений о мире.

Таким образом, эксплицированная в речи «Гамлет и Дон-Кихот» значимость *добра, истины, красоты, веры* демонстрирует яркие черты русской ментальности и свидетельствует о том, что писатель выступает не просто в роли автора текста и интерпретатора, но проявляет в своей языковой деятельности присущие ему черты русского менталитета. Здесь уместно привести оценку личности И.С. Тургенева, данную Л.Н. Толстым. Через год после смерти И.С. Тургенева Л.Н. Толстой в письме Н.А. Пыпину отметил, что Тургеневу были свойственны вера в красоту, сомнения во всем и «не формулированная <...> двигавшая им и в жизни, и в писанях, вера в добро — любовь и самоотвержение, выраженная всеми его типами самоотверженных и ярче, и прелестнее всего в Дон-Кихоте, где парадоксальность и особенность формы освобождала его от его стыдливости перед ролью проповедника добра»³⁸ [Толстой, 1934]. Как представляется, это свидетельство также подтверждает мысль о том, что русский менталитет и ментальность И.С. Тургенева проявлялись и в его частной жизни, и в его произведениях, в которых читатели находили мысли, созвучные их представлениям.

Список литературы:

- Багно В.Е. Дорогами «Дон Кихота»: Судьба романа Сервантеса // В.Е. Багно. М.: Книга, 1988. 448 с.
- Багно В.Е. «Дон Кихот» в России и русское донкихотство // В.Е. Багно. СПб.: Наука, 2009. 228 с.

³⁸ Цитата приводится в орфографии источника с изъятием немых «ъ» и заменой «ѣ» на «е», «і» на «и».

- Бялый Г.А.* Тургенев и русский реализм [Электронный ресурс] / Г.А. Бялый. - 1962. - Режим доступа: <http://i-s-turgenev.ru/books/item/f00/s00/z0000013/st007.shtml>
- Колесов В.В.* Русская ментальность в языке и тексте / В.В. Колесов. СПб.: Петербургское востоковедение, 2006. 624 с.
- Колесов В.В.* Концептология. Курс лекций / В.В. Колесов. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2012. 168 с.
- Колесов В.В., Колесова Д.В., Харитонов А.А.* Словарь русской ментальности. В 2-х т. / В.В. Колесов, Д.В. Колесова, А.А. Харитонов. СПб.: Златоуст, 2014. Т.1. 592 с. Т.2. 592 с.
- Лазурский В.Ф.* Дневник [Электронный ресурс] – 1939. – Режим доступа: <http://tolstoy-lit.ru/tolstoy/vospominaniya/v-vospominaniyah-sovremennikov/lazurskij-dnevnik.htm>
- Левин Д.Ю.* Комментарии: И.С. Тургенев. Гамлет и Дон-Кихот // И.С.Тургенев. Полн.собр. соч. и писем: в 30 т. М.: Наука,1980. Т.5. С.506-524.
- Овсянико-Куликовский Д.Н.* Психология русской интеллигенции [Электронный ресурс] – 1998/ - Режим доступа: http://az.lib.ru/o/owsjanikokulikowskij_d_n/text_1910_psihologia_russkoy_intelligentzii.shtml
- Толстой Л.Н.* Толстой Л.Н. – Пыпину А.Н., 10 января, 1884 г. // Л.Н. Толстой. Полн. собр. соч: в 90 т.[Электронный ресурс] - 1934. – Режим доступа: <http://tolstoy-lit.ru/tolstoy/pisma/1880-1886/letter-90.htm>
- Тургенев И.С.* Гамлет и Дон-Кихот // И.С. Тургенев. Полн.собр. соч. и писем: в 30 т. М.: Наука, 1980. Т.5. С.330-348.

Разумовская В.А.

Сибирский федеральный университет
г. Красноярск (Россия)

Тарасенко Т.В.

Сибирский государственный университет
науки и технологий имени академика М.Ф. Решетнева
г. Красноярск (Россия)

Razumovskaya Veronica

Siberian Federal University
Krasnoyarsk (Russia)

Tarasenko Tatiana

Reshetnev Siberian State University
of Science and Technology
Krasnoyarsk (Russia)

ТВОРЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ И.С. ТУРГЕНЕВА В ПРОСТРАНСТВЕ ПЕРЕВОДА

I.S. TURGENEV'S LEGACY IN TRANSLATION SPACE

В статье рассматриваются вопросы существования в мировом культурном пространстве «сильных» текстов русской культуры, представленных в формах межъязыковых и межсемиотических переводов. Материалом исследования послужили оригиналы произведений русского классика XIX века И.С. Тургенева и их вторичные тексты. В работе рассматриваются переводы тургеневских текстов на европейские и восточные языки, а также появление театральных постановок и оперных либретто. Особое внимание уделяется «тургеневскому кинематографу», формируемому киноадаптациями, выполненными в различных странах в XX-XXI веках. Генерирование вторичных текстов различной семиотической природы рассматривается как расширение границ переводимости художественных оригиналов за счет привлечения возможностей различных мультимедийных систем. Межсемиотические перспективы развития информации «сильных» художественных оригиналов продлевают жизнь оригинала во времени и пространстве и способствуют максимальному раскрытию их эстетического потенциала.

The article discusses the issues of existence of “strong” texts of Russian culture, represented in the forms of interlingual and intersemiotics translations, in the world cultural space. The originals of works by the Russian classic writer of the 19th century I.S. Turgenev and their secondary texts were used as the material of the present study. The research deals with Turgenev texts’ translations into European and Oriental languages, as well as the appearance of theatrical performances and opera librettos. Particular attention is paid to the “Turgenev cinematography” formed by cinema adaptations made in various countries in the 20-21st centuries. The generation of secondary texts of various semiotic nature is considered to be an extension of the limits of translatability of literary originals by employing the possibilities of various multimedia systems. The intersemiotic perspectives of the development of “strong” literary originals information prolongs the life of the original texts in time and space and promotes the maximum disclosure of their aesthetic potential.

Ключевые слова: «сильный» художественный текст, межъязыковой перевод, межсемиотический перевод, вторичный текст, адаптация, творчество Тургенева.

Keywords: “strong” literary text, interlingual translation, intersemiotic translation, secondary text, adaptation, Turgenev’s creativity.

Важнейшими информационными характеристиками художественного оригинала, прежде всего, являются неоднозначность и неисчерпаемость. Количество возможных интерпретаций текста напрямую зависит от потенциального количества читателей, так как появление различных вариантов понимания информации оригинала (как носителями языка оригинала, так и освоившими язык оригинала как иностранный) обусловлено неоднозначностью информации и имеет результатом многочисленные интерпретации смысла оригинала при его восприятии в процессе чтения. Высокой информационной неоднозначностью и неисчерпаемостью традиционно обладают оригиналы «сильных» текстов, которые принадлежат к ядру определенной культуры, известны большинству представителей «своей» и «чужих» культур, входят в национальные каноны образования различного уровня и характеризуются регулярной реинтерпретативностью [Кузьмина, 2009]. Через «сильные» тексты их читатели постигают особенности культур, к которым данные тексты принадлежат. Особое значение «сильные» тексты приобретают для понимания литературоцентрических культур, ярким примером которых является русская культура. Посредством текстов А.С. Пушкина, Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого и А.П. Чехова и других русских классиков представители «других» культур постигают культуру и историю России, а также загадочную русскую душу. Одним из авторов «сильных» текстов русской культуры, бесспорно, является и И.С. Тургенев. Изучение произведений Тургенева является обязательной частью общеобразовательных школьных программ России. Среди наиболее известных произведений писателя представлены цикл рассказов «Записки охотника», рассказ «Муму», повесть «Ася», романы «Дворянское гнездо», «Отцы и дети», пьеса «Месяц в деревне». Имея признанную художественную (культурную, эстетическую) «силу», тургеньевские тексты являются регулярными единицами межъязыкового перевода и генерируют многочисленные вторичные тексты, формально фиксирующие возможные интерпретации смысла оригинала в процессе переводческой деятельности. Читатели, принадлежащие «другим» языкам и культурам, знакомятся с произведениями И.С. Тургенева и отраженными в них особенностях русской культуры преимущественно через тексты переводов.

И.С. Тургенев сам вел масштабную и разнообразную переводческую деятельность. К области его переводческих интересов принадлежат тексты Дж. Байрона, И.-В. Гёте, А. Мюссе, Ш. Перро, Г. Флобера и других европейских мастеров художественного слова. Важно отметить, что писатель также редактировал переводы своих произведений. Так, он принимал участие в подготовке немецких переводов, которые вошли в двенадцатитомное издание «Ausgewählte Werke» («Избранные сочинения»), выпущенное в Митаве в 1869–1884 годах издательской фирмой Б. Э. Бере и ставшее первым авторизованным собранием

сочинений писателя на иностранном языке [Лукина, 2016, с. 171]. Исследователи творческого наследия Тургенева единодушно отмечают, что переводческая деятельность русского классика неразрывно связана с его становлением как писателя.

Тургенев вошел в мировую литературу, прежде всего, благодаря циклу рассказов «Записки охотника», впервые опубликованному в журнале «Современник» в 1847-1851 годах и вышедшему отдельным изданием в 1852 году. Уже в 1854 году появляется первый французский перевод цикла Ж. Шарьера («*Mémoires d'un Seigneur Russe ou tableau de la situation actuelles des nobles et des paysans dans les provinces russes*»), а в дальнейшем «Записки» переводились во Франции еще восемь раз [Воскресенская, 2014]. На основе первого французского перевода был выполнен и первый английский перевод нескольких рассказов цикла, также опубликованных в 1854 году. Первой полной публикацией «Записок охотника» на английском языке стал перевод Дж. Майклджона 1855 года под названием «*Russian Life in the Interior, or the Experiences of a Sportsman*» [Куликова, 2017]. В 1869 году У. Ролстон опубликовал свой перевод романа «Дворянское гнездо», вышедший под названием «*Liza*», а Ч. Тернер предложил читателям в 1877 году англоязычную версию романа «Накануне» («*On the Eve*»). Большая заслуга в переводе художественных сочинений И.С. Тургенева на английский язык принадлежит известной переводчице К. Гарнет, которая перевела все романы писателя, его повести и рассказы, а также несколько пьес и стихотворений, что надолго стало английским тургеневским каноном. Благодаря переводческой деятельности К. Гарнет и ее коллег к 1922 году в Англии уже было издано собрание сочинений тургеневской художественной прозы. Примечательно, что «Отцы и дети», «Дворянское гнездо», «Накануне», «Записки охотника» и другие произведения стали доступны зарубежным читателям уже при жизни писателя.

Еще раз отметим, что «жизнь» тургеневских текстов в «других» культурах началась с переводов «Записок охотника», что имело большое значение, как для дальнейшей судьбы переводов указанного цикла и глубокого понимания оригинала, так и для функционирования в мировом культурном пространстве переводов других текстов Тургенева. Отмечая мировое значение «Записок охотника», литературовед и исследователь взаимовлияния русской и западных культур М.П. Алексеев писал: «Записки охотника» в целом и частями были изданы сотни раз на различных языках, но все эти издания в той или иной степени восходили к первым переводам произведения, к которым, как известно, далеко не безучастен был и сам Тургенев. Последующие издания либо просто воспроизводили эти переводы, либо совершенствовали их, либо отталкивались от них. В истории переводов на зарубежные языки русской

художественной прозы ранним переводам «Записок охотника» также принадлежит весьма важное место: их многочисленность и наличие ряда близких по времени повторных переводов того же русского текста, сделанных разными лицами, позволили сразу же сделать подробные сопоставления этих переводов в пределах одного или даже нескольких языков (немецкие, французские и английские переводы «Записок охотника» появились почти одновременно) и тем самым глубже проникнуть в существо русского оригинала» [Алексеев, 1989]. Переводная регулярность и множественность произведений Тургенева привели к тому, что во второй половине XIX века именно писатель представлял «лицо» русской литературы во Франции и в Англии. «Ни один русский писатель не вызывал столь пристального внимания критики, газет и журналов, не был переводим с такой регулярностью, как Тургенев» [Ощепков, 2008, с. 41].

Начиная с конца XIX века познакомиться с творчеством И.С. Тургенева смогли и представители Востока. Писатель стал первым по-настоящему известным русским писателем в Японии. По образному выражению К. Рехо, Тургенев «прорубил окно на Восток». В 1888 году были опубликованы японские переводы Фтабатэя Симэя двух рассказов – «Свидание» («Записки охотника») и «Три встречи», ставшие одними из первых переводов писателя на японский язык, а в 1889 году – роман «Накануне» [Рехо, 1987]. «Первые китайские переводы русской литературы появились в самом начале XX века. Началось все с классиков, но постепенно стали переводиться и современные авторы. Порядок был таков: вначале Крылов, потом Пушкин, Тургенев, Лермонтов, Лев Толстой, Чехов и другие. Поразительно, что первые китайские переводчики так точно выбрали именно выдающихся русских писателей и именно шедевры среди их многочисленных произведений, что в течение очень короткого времени (около 10 лет) представили современникам весьма репрезентативную и обширную картину русской литературы» [Лю, 2004]. XX век стал веком Тургенева в Китае. И это был не только век знакомства китайских читателей с русским классиком, но и временем активного научного изучения его произведений. Из всех русских писателей Тургенев является одним из самых изучаемых писателей в Китае, что напрямую отразилось на количестве и качестве переводов тургеневских текстов. За первые десять лет истории переводов Тургенева на китайский язык было переведено большинство известных произведений писателя: «В 1915 г. были переведены четыре стихотворения в прозе – «Маша», «Дурак», «Ши», «Нищий», перевел их Лю Баньнун. В этом же году появились переводы произведений «Вешние воды» и «Первая любовь». В 1917 – «Смерть», «Ася», «Провинциалка», 1918 – «Собака». После движения «4 мая» Гэн Цзи Чжи перевел «Отцы и дети» и «Записки охотника»; в 1921 г. – «Дворянское гнездо», «Рудин», также в 20-х годах переведены

«Новь», «Накануне», «Дым», «Гамлет и Дон-Кихот», «Месяц в деревне», «Завтрак у предводителя» и т.д.» [Сенина, 2015, с. 426]. В 40-х годах XX века публикуются арабские переводы романов И. С. Тургенева «Дворянское гнездо» (под заглавием «Влюбленная девушка Лиза») и «Отцы и дети» (под заглавием «Борьба поколений»). В дальнейшем объем арабских переводов писателя только расширился. «О популярности Тургенева среди арабов свидетельствовало все увеличивающееся количество переводов его произведений на арабский язык. С 1920-х по 1980-е гг. в арабских странах были переведены стихотворения в прозе, многочисленные рассказы, в том числе цикл “Записок охотника”, ряд пьес и повестей, все романы писателя. Отдельные творения Тургенева представлены в нескольких переводах» [Али-Заде, 2012, с. 186].

Межъязыковое развертывание тургеневских текстов не является единственным способом их «сохраняемости» и «продолжаемости» в «своей» и «других» культурах. Произведения русского классика регулярно становились объектами межсемиотического перевода (по Р. Якобсону) – переписывались на «языки» других семиотических систем. Для тургеневских текстов, созданных во второй и третьей трети XIX века, в XX веке большое значение приобрел «язык» кино. «Тургеневский» кинематограф свидетельствует о привлекательности художественных текстов русского классика для кино. Произведения писателя легли в основу кинофильмов различных жанров (драма, комедия, мелодрама, мультфильм, телевизионный сериал), созданных в странах мира за более чем сто лет. Киноадаптации произведений Тургенева появились ещё на заре кинематографа. Первой известной экранизацией стала российско-французская лента 1910 года А. Метра «Лейтенант Ергунов» / «Le Lieutenant Yergounoff» (по мотивам рассказа «История лейтенанта Ергунова»). Следующая экранизация («Нахлебник»/ «Il pane altrui») появилась в Италии в 1913 году. Плодотворным для экранизации тургеневских текстов стал 1915 год. Так, в Российской империи были сняты фильмы «Дворянское гнездо» (режиссер В. Гардин), «Клара Милич» (режиссер Э. Пухальский), «После смерти» (по мотивам рассказа «Клара Милич», режиссер Е. Бауэр), «Песнь торжествующей любви» (режиссер Е. Бауэр), «Первая любовь» (режиссер Е. Бауэр), «Накануне» (режиссер В. Гардин) и «Отцы и дети» (режиссер В. Висковский). В перечисленных выше киноверсиях роли исполнили звезды немого кино: В. Холодная, В. Каралли и В. Полонский. Примечательно, что ряд произведений Тургенева неоднократно экранизировались даже в одних странах. Так, по мотивам комедии «Нахлебник» («Il pane altrui») были сняты фильмы в Италии в 1913 и 1924 годах, а также в СССР в 1953, 1970 и 1972 годах. Еще одна киноверсия вышла в 1967 году в Югославии («Na tudjem hlebu»). По рассказу «Муму» созданы два художественных

фильма: в 1959 году (режиссеры А. Бобровский и Е. Тетерин) и в 1998 году (режиссер Ю. Грымов), а также мультфильм В. Караваева (1987 год), озвученный А. Калягиным.

Несколько фильмов было снято по роману «Дворянское гнездо». В 1965 году в Югославии выходит лента «Plemicko gnijezdo». В 1969 году на экраны выходит фильм «Дворянское гнездо» А. Михалкова-Кончаловского, получившего в 1973 году премию Jussi Award (как лучший иностранный режиссер). Главные роли в советском фильме исполнили И. Купченко, Л. Кулагин и Б. Тышкевич. В 1969 году в ГДР выходит фильм «Adelsnest». Повесть «Вешние воды» также была неоднократно экранизирована в разных странах. Киноверсии выходили на экран в Германии (1924, «Frühlingsfluten»), Гонконге (1957, «Chun chao»), Великобритании (1959, «Torrents of Spring»), Чехословакии (1968, «Jarní vody»), ФРГ (1974, «Frühlingsfluten»), СССР (1976). В 1989 году одновременно появились две киноверсии «Вешних вод», ставшие плодом сотрудничества кинематографистов нескольких стран. В фильме («Torrents of Spring»), снятом в Италии, Франции и Великобритании режиссером Е. Сколимовским, главные роли исполнили Н. Кински, Т. Хаттон и В. Голино. В фильме производства СССР, Австрии и Чехословакии («Поездка в Висбаден») снимались С. Жигунов, Е. Серопова, Н. Лапина, З. Гердт, З. Боцвадзе, Е. Герасимов.

Роман «Отцы и дети» послужил основой для пяти фильмов: 1951 год – Великобритания («Весна в Марьино» / «Spring at Marino»); 1958 год – СССР (режиссеры А. Бергункер и Н. Рашевская); 1983 год – СССР (режиссер В. Никифоров, минисериал); 1991 год – Дания («Отцы и сыновья» / «Fædre og sønner»); 2008 – Россия (режиссер А. Смирнова, минисериал).

Повесть «Первая любовь» легла в основу нескольких художественных и телевизионных фильмов: 1941 год – Италия («Primer amor»); 1963 год – Франция («Premier amour»); 1968 год – СССР (режиссер В. Ордынский); 1970 год – ФРГ, Швейцария, Венгрия («Erste Liebe»); 1971 год – Польша («Pierwsza miłość»); 1974 год – Мексика («El primer amor»); 1975 год – Япония («初恋» / «Hatsukoi»); 1995 год – Россия, Германия («...Первая любовь», режиссер Р. Балаян); 2000 год – Япония («初恋» / «Hatsukoi»); 2001 год – США, Великобритания («Lover`s Prayer»); 2013 год – Канада («Premier amour»).

Многочисленные киноинтерпретации в различных странах получила пьеса «Месяц в деревне»: 1943 год – Франция («Secrets»); 1947 год – Великобритания («A Month in the Country»); 1955 год – Великобритания («A Month in the Country»); 1959 год – США («A Month in the Country»), 1960 год – ФРГ («Ein Monat auf dem Lande»); 1964 год – Финляндия («Kuukausi maalla»); 1964 год – Португалия («Um Mês no Campo»); 1965 год – ГДР («Ein Monat auf dem Lande»); 1966 год – Великобритания («A Month in the Country»);

1966 год – Франция («Un mois à la campagne»); 1967 год – Австрия («Ein Monat auf dem Lande»); 1967 год – Великобритания («A Month in the Country»); 1968 год – СССР (режиссер Е. Еланская); 1978 год – Великобритания («A Month in the Country»); 1979 год – Бельгия («Een maand op het land»); 1980 год – Венгрия («Egy hónap falun»); 1983 год – СССР (режиссер А. Эфрос); 1985 года – Великобритания («A Month in the Country»). В 2013-2014 годах В. Глаголева снимает художественный фильм «Две женщины» (Россия-Латвия) с британским актером Р. Файнсом в главной мужской роли. Отметим, что в данной киноверсии возвращено рабочее название пьесы, используемое Тургеневым для ее первой редакции. Необходимо обратить внимание на тот факт, что киноадаптациям пьесы, написанной в 1850 году и опубликованной в 1855 году, предшествовали, а позже и появлялись параллельно с ними театральные постановки. Первая театральная постановка была осуществлена в 1872 году в Малом театре. В дальнейшем пьеса неоднократно ставилась в России, США, Великобритании, Франции, Испании, Украине и Ирландии. Одна из последних постановок была осуществлена в 2013 году Санкт-Петербургским академическим театром имени Ленсовета под названием «Все мы прекрасные люди». Каждая театральная постановка становилась уникальным прочтением и представлением зрителям тургеневского текста, заново осмысленного режиссерами и актерами.

По рассказам из цикла «Записки охотника» также снято несколько фильмов: «Бирюк» в 1977 году (режиссер Р. Балаян); в 1971 году – двухсерийный художественный фильм «Жизнь и смерть дворянина Чертопханова» (по мотивам рассказов «Чертопханов и Недопюскин», «Конец Чертопханова» и «Певцы», режиссер В. Туров). Существуют киноверсии и многих других текстов Тургенева: «Рудин» (1977), «Ася» (1977), «Накануне» (1959), «Бежин луг» (1935), «Завтрак у предводителя» (1953), «Дым» (1992).

В 2006 году на экраны выходит мультфильм «Закрой глаза и не дыши» («Schließ die Augen und atme nicht») немецкого режиссера Вука Евремовича по рассказу «Призраки».

Еще одним направлением «перевода» тургеневских текстов стало создание оперных либретто. Прежде всего, это оперы «Ася» М.М. Ипполитова-Иванова, «Клара Милич» А.Д. Кастальского и «Дворянское гнездо» В. И. Ребикова, имеющие различные степени близости к тургеневскому оригиналу. Сопоставление художественных текстов (мономедийных) с мультимедийным «текстами» опер позволяет выявить закономерности трансформации литературного источника в его музыкально-сценическое воплощение, а также использование различных цитирований – как текстовых (фрагменты сочинений Тургенева и других авторов), так и музыкальных [Самородов, 2014].

На основании приведенных многочисленных случаев интерпретации произведений И.С. Тургенева «языками» нескольких семиотических систем (вербальных, невербальных

и креолизованных) можно предположить, что тургеневские оригиналы и их вторичные тексты образуют определенную полисистему, представляющую собой разнородный и иерархически упорядоченный конгломерат систем (первичных и вторичных художественных текстов), взаимодействие которых порождает непрерывный процесс их развития в рамках полисистемы в целом (по И.Эвен-Зохару). При этом подчеркнем, что если создатель полисистемной модели перевода преимущественно обращался к переводу межъязыковому [Even-Zohar. 2000], то включение в переводное пространство «сильных» текстов литературы результатов их межсемиотического перевода (трансмутации) дает возможность расширить понятие литературной полисистемы и ее составляющих. Выход за пределы мономедийного вербального пространства оригиналов и межъязыковых переводов позволяет развить и разнообразить обширную многомерную полисистему тургеневских текстов и увеличить ее «выживаемость» в мировом культурном пространстве.

Особое значение в данном контексте приобретают вопросы переводимости и переведенности «сильных» текстов. Так, в соответствии с идеями П. Фаббри о пределах переводимости художественного оригинала при изменении семиотической природы интерпретирующей системы можно также говорить об увеличении степени переводимости литературного оригинала [Fabbri, 1998]. «Языки» театра и кино обладают дополнительным инструментарием, который отсутствует в вербальных перекодирующих системах естественных языков и позволяет более полно репрезентировать информацию оригинала средствами невербальных или креолизованных систем. Поскольку основной задачей перевода художественного текста является наиболее полная и точная передача эстетической информации оригинала, то такого рода информацию можно определить как гиперединицу межсемиотического перевода. Так, обращаясь к проблемам киноадаптации литературных текстов, Н. Дуси отмечает, что эмоции составляют центральную проблему в отношениях между текстом литературы и аудиовизуальным текстом и могут быть переведены с использованием музыки, цвета, света или комбинации этих разных «языков» [Dusi, 2010].

Перенос «сильных» художественных текстов в межсемиотическое культурное пространство качественно изменяет перспективу их восприятия, что соответствует универсальному методологическому и эвристическому принципу науки – принципу дополнительности (по Н. Бору), в соответствии с которым применение различных понятий (в данном случае – инструментов различных семиотических систем) позволяет наиболее полно описать и передать информацию переводимого литературного объекта. Выход мономедийных вербальных художественных оригиналов в многомерное полимедийное

пространство посредством генерирования вторичных текстов различной семиотической природы продлевает жизнь оригиналов во времени и пространстве, а также способствует максимальному раскрытию эстетического потенциала, увеличивая их переводимость и переведенность.

Список литературы:

- Алексеев М.П.* Мировое значение «Записок охотника» / М.П. Алексеев // Русская литература и ее мировое значение. Л.: Наука, 1989. С. 207-267.
- Али-Заде Э.А.* И.С. Тургенев в арабском литературоведении и критике / Э.А. Али-Заде // Восток (Oriens), № 4, 2012. С. 186-193.
- Воскресенская Н.А.* Русский национальный характер в «Записках охотника» И.С. Тургенева и его восприятие во французской литературной критике и переводах XIX-XX веков: дисс. ... канд. филол. наук / Н.А. Воскресенская. Нижний Новгород, 2014. 205 с.
- Кузьмина Н.А.* Интертекст: тема с вариациями. Феномены культуры и языка в интертекстуальной интерпретации: монография / Н.А. Кузьмина. Омск: Издательство Омского государственного университета, 2009. 228 с.
- Куликова А.Ю.* «Записки охотника» И.С. Тургенева: первая критика и первые английские переводы / А.Ю. Куликова // Новая наука: стратегии и векторы развития, Т. 3, № 4, 2017. С. 81-84.
- Лукина В.А.* Тургенев – редактор и переводчик: об участии писателя в редактировании переводов собственных произведений (на примере митавского собрания сочинений) / В.А. Лукина // И. С. Тургенев. Новые исследования и материалы. М.; СПб.: Альянс-Архео, Вып. 4, 2016. С. 166-202.
- Лю Вэнфэй.* Перевод и изучение русской литературы в Китае (краткий обзор) / Вэнфэй Лю // НЛО, № 69, 2004. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nlo/2004/69/lu34.html>
- Ощепков А.Р.* Восприятие творчества И. С. Тургенева во Франции и Англии XIX века / А.Р. Ощепков // Знание, понимание, умение, № 3, 2008. С. 41-46.
- Рехо К.* Русская классика и японская литература / К. Рехо. М.: Художественная литература, 1987. 352 с.
- Самородов М.А.* Интерпретации произведений И.С. Тургенева оперными либреттистами / М.А. Самородов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, № 11 (41). Ч. 2, 2014. С. 172-177.
- Сенина Е.В.* Переводы русской литературы в Китае в контексте социокультурных трансформаций первой половины XX века / Е.В. Сенина // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества: Материалы V международной научно-практической конференции. Благовещенск: Благовещенский государственный педагогический университет, 2015. С. 424-427.
- Dusi N.* Translating, adapting, transposing / N. Dusi // Applied Semiotics. (Special Issue on Translation and Intersemiotic Translation), 24 (9), 2010. Pp. 82-94.
- Even-Zohar I.* The Position of Translated Literature in the Literary Polysystem / I. Even-Zohar // The Translation Studies Reader. Ed. by L. Venuti. London, New York: Routledge, 2000. Pp. 192-197.
- Fabbri P.* La svolta semiotica / P. Fabbri. Rome & Bari: Laterza, 1998. 137 p.

Селезнева А.И.
Высшая школа перевода (факультет)
Московского государственного университета
имени М.В. Ломоносова
г. Москва (Россия)

Selezneva Alexandra
Higher School of translation and interpretation
Lomonosov Moscow State University
Moscow (Russia)

ГЕРОИ ПОВЕСТИ И.С. ТУРГЕНЕВА «АСЯ» ГЛАЗАМИ АНГЛИЙСКИХ ЧИТАТЕЛЕЙ

THE CHARACTERS OF IVAN TURGENEV'S SHORT STORY "ASYA" FROM THE ENGLISH READER'S PERSPECTIVE

Перевод художественной литературы - это один из самых сложных видов перевода, поэтому переводчику не всегда удаётся достойно передать все литературные и психологические образы, созданные автором произведения. Процесс перевода художественной литературы требует от переводчика кропотливой творческой работы, глубокого понимания культурных особенностей и авторского стиля писателя.

Произведения И.С. Тургенева популярны среди иностранных переводчиков, так как писатель следует норме русского литературного языка, уважает и ценит богатство и изящество русской словесности.

В повести «Ася» И.С. Тургенев создаёт детальные психологические портреты героев, подчеркивая их русский национальный характер и индивидуальность.

Авторы статьи рассматривают фрагменты текста, где даётся характеристика Гагина, и анализируют их переводы на английский язык. Кроме внешних характеристик, таких как одежда, манеры героя, автор создаёт неповторимый портрет, где отражена психология русского человека. Все вышеупомянутые детали создают образ русского национального характера.

Translation of fiction is one of the most difficult types of translation. This is the reason why the translator is not always able to successfully convey all the literary and psychological images that were created by the author of the piece. The process of translating fiction demands from a translator laborious, creative work and profound understanding of cultural peculiarities and the author's style.

Turgenev's works are popular among foreign translators because the writer follows all the norms of the Russian standard language also respecting and valuing the wealth and elegance of Russian philology.

In Turgenev's short story «Asya» the author creates detailed psychological portraits of the characters emphasizing their Russian national character and individuality. The authors of the article consider the parts of the text with Turgenev's characteristics of Gagin and analyse the text's translations into English. Besides the external characteristics such as clothes and hero's manners, the author creates a unique portrait depicting the psychology of a Russian person. All of the aforementioned details create the image of the Russian national character.

Ключевые слова: художественный перевод, психологизм, русский национальный характер, повести И.С. Тургенева «Ася», Гагин.

Keywords: translation of fiction, psychological analysis, Russian national character, Turgenev's short story «Asya», Gagin.

Художественный перевод считается одним из самых сложных видов переводческой деятельности, так как он предполагает не только глубокое владение двумя языками, но и требует от переводчика внимательно относиться к авторским образам, а также к тем средствам художественной выразительности, которые присущи тексту оригинала. Все это превращает перевод в искусство.

Достояние мировой литературы может быть по праву оценено лишь благодаря кропотливой работе переводчиков, ведь, как сказал Василий Третьяковский, «Переводчик от творца только именем разнится».

«Высокое искусство» - именно так называет К.И. Чуковский свою книгу о переводе, где рассказывает о том, что переводческие ошибки, неточности или халатность создают совершенно другой образ, а автор произведения приобретает совершенное другое «лицо». Такие переводчики обычно не желают отказаться от своего собственного стиля при переводе, тем самым терпят неудачу: «Словом, беда, если переводчик не хочет или не может отречься от характернейших черт своего личного стиля, не хочет или может обуздывать на каждом шагу свои собственные вкусы, приёмы и навыки, являющиеся живым отражением мировоззренческих основ его личности» [Чуковский, 2014, с. 47]. Другое дело, когда переводчик действительно близок автору по духу: «гораздо чаще достигают точности те переводчики, которые питают к переводным авторам такое сочувствие, что являются как бы их двойниками. Им не в кого перевоплощаться: объект их перевода почти адекватен субъекту» [там же].

Однако грамотный перевод также невозможен, если переводчик тщательно не изучил культуру автора переводимого произведения, полностью не ощутил авторский стиль и особенности.

Прежде чем анализировать перевод повести Тургенева «Ася» мы обратились к высказыванию переводчика Ричарда Фриборна, который работал над переводом целого ряда повестей Тургенева. «Занимаясь переводом этих шести повестей, я старался быть как можно более верным русскому тексту, не делая уступок на современные тенденции английской стилистики и фразеологии. Некоторые изменения были необходимы для того, чтобы сделать повести более понятными для читателей последней четверти двадцатого века. Я надеюсь, что в процессе модернизации мне удалось избежать искажения оригинального текста; я стал очень бдительным к этой тонкой грани, разделяющей вышеупомянутую модернизацию от опасных неточностей и тенденций недостойного упрощения и популяризации. Только в пунктуации были намеренно сделаны некоторые изменения. В основном мне лишь пришлось заменить излюбленные Тургеневым точки с запятой на точки, чтобы создать более короткие, современно выглядящие предложения,

но только в тех местах, где это было уместно. Задача переводчика не может быть достигнута без чувства скромности, и я глубоко осознаю свою собственную человеческую природу, когда предлагаю эти переводы читателю, зная, как легко можно допустить ошибки и как сложно в переводе уловить ясность, выразительность и достоинство оригинального текста. Слова, нуждающиеся в пояснениях, отмечены звездочкой и вынесены в конец книги» [Фриборн, 2008, с.25] (перевод мой А.С.)

Следовательно, переводчик старался максимально передать атмосферу произведений Тургенева, осознавая как легко можно исказить подлинник, если увлечься ненужным упрощением, модернизацией.

Переводчик должен не только уважать текст оригинала, бережно относиться к нему, но и владеть богатым арсеналом своего родного языка, чтобы по достоинству передать всё богатство оригинального текста. Здесь появляется другой вопрос, который до сих пор затрагивается многими лингвистами, переводчиками и филологами нашего времени. Возможен ли перевод художественного произведения в целом? По словам А.В. Федорова, мастера художественного перевода, автора отечественной работы по теории перевода, «каждый высокоразвитый язык является средством достаточно могущественным для того, чтобы передать содержание, выраженное на другом языке в его единстве с формой. При этом стилистические средства языка, на который делается перевод, служат не для копирования формальных особенностей языка оригинала, а для передачи стилистических функций, выполняемых элементами подлинника - часто при всей их формальной разности.

То, что невозможно в отношении отдельного элемента, возможно в отношении сложного целого -- на основе выявления и передачи смысловых и художественных функций отдельных единиц, не поддающихся узкоформальному воспроизведению; уловить же и передать эти функции возможно на основе тех смысловых связей, какие существуют между отдельными элементами в системе целого. Реальность, осуществимость принципа переводимости доказывается практикой. [Федоров, электронный ресурс].

Можно ли полностью согласиться с высказыванием А.В. Федорова, который уверен, что перевод художественных произведений не только возможен, но и способен передать все детали и образы оригинала на любой высокоразвитый язык?

Интерес среди переводчиков к творчеству Тургенева обуславливается тем, что писатель уделял большое внимание нормам русского литературного языка, уважал и любил богатство русской словесности, а также был великим мастером психологического портрета. А.В. Дружинин, русский писатель, литературный критик и переводчик, писал о

творчестве Тургенева: «...есть у г. Тургенева достоинство, неразъясненное его ценителями. Да, г. Тургенев, слабый в смысле объективного творчества, имеет одну особенность, в которой он силен и неизъяснимо привлекателен. Особенность эта есть ничто другое, как высокое поэтическое дарование, с которым сам его обладать до сих пор еще совладать не в силах. ...мы [то есть Дружинин] смотрим на Тургенева не как на современного поучителя, не как на скептика и создателя живых типов, но как на тонкого и истинного поэта, передающего свои создания в прозаической и, по временам, весьма неровной форме» [Дружинин, электронный ресурс].

Произведения Тургенева лиричны и психологичны. В повести «Ася» Тургенев создает портреты героев, уделяя большое внимание описанию их характера, манере поведения и менталитету. Они предстают перед читателями как яркие личности со своей собственной судьбой. Большинство героев Тургенева обладают чертами, которые свойственны русскому национальному характеру. Однако возможно ли сохранить такие особенности при переводе? Какое впечатление остается у иностранного читателя? Все ли удается передать переводчику или что-то все же остается «за кадром»?

В нашем исследовании мы проанализировали перевод повести Тургенева «Ася», сделанного Ричардом Фриборном во второй половине XX века. Удалось ли переводчику в точности воссоздать русский национальный характер? Предстает ли Гагин – один из главных героев повести - в переводе таким же, каким его создавал Тургенев?

В исследовании мы рассмотрим конкретные примеры, доказывающие, что переводчик, действительно, с большим вниманием отнесся к исходному тексту. В целом, перевод выполнен вполне адекватно, переводчик не добавляет ничего от себя, не приукрашает, но и не умаляет достоинства тургеневского стиля. Однако мы также заметили некоторые детали, которые ускользают от внимания переводчика, что приводит к небольшим неточностям. В некоторых местах переводчик прибегает к обобщению образа, уходя от конкретизации, что в принципе может вызвать некоторые вопросы у иностранного читателя. В некоторых случаях Фриборн создает переводческие ссылки, где дает некие пояснения, чтобы передать характер героя, что является очень частым переводческим приемом.

Знакомство читателя с Гагиным происходит практически в самом начале повести. Рассмотрим фрагменты текста, где автор описывает главного героя, Гагина, и проанализируем перевод этих фрагментов на английский язык.

«Есть на свете такие счастливые лица: глядеть на них всякому любо, точно они греют вас или глядят. У Гагина было именно такое лицо, милое, ласковое, с большими

мягкими глазами и мягкими курчавыми волосами. Говорил он так, что, даже не видя его лица, вы по одному звуку его голоса чувствовали, что он улыбается» [Тургенев, 2016, с. 7]

Английский перевод этого фрагмента выглядит следующим образом:

«There are in the world certain happy faces: one likes looking at them because it's just as if they warm you or soothe you. Gagin had a face like that - charming, kindly, with large soft eyes and soft curly hair. He spoke in such a way that, even if you couldn't see his face, you'd feel simply by the sound of his voice that he was smiling» [Фриборн, 2008, с.103-104]

(Дословный перевод: *Есть в мире такие счастливые лица: на них любят смотреть, потому что они как будто согревают тебя и успокаивают. У Гагина было такое лицо - чарующее, доброе, с большими мягкими глазами и мягкими кудрявыми волосами. Он говорил так, что если вы и не видели его лицо, по одному лишь звуку можно было почувствовать, что он улыбается.*)

Описание лица: «милое, доброе, с большими мягкими глазами» передается на английский язык, как «очаровательное, доброе, с большими мягкими глазами», что в принципе полностью, практически дословно, отражает оригинал.

Следующий фрагмент, который привлек наше внимание:

«Это была прямо русская душа, правдивая, честная, простая, но, к сожалению, немного вялая, без цепкости и внутреннего жара. Молодость не кипела в нём ключом; она светилась тихим светом. Он был очень мил и умён, но я не мог себе представить, что с ним станется, как только он возмужает. Быть художником... Без горького, постоянного труда не бывает художников... а трудиться, думал я, глядя на его мягкие черты, слушая его непокорную речь - нет! трудиться ты не будешь, сжаться ты не сумеешь» [Тургенев, 2016, с. 14]

Английский перевод этого фрагмента выглядит следующим образом:

«His was a straightforward Russian spirit, truthful, honorable and unaffected, but unfortunately rather feeble, without staying power and inner fire. His youthfulness did not so much bubble up in him as glow with a calm inner glow. He was extremely charming and clever, but I couldn't imagine what would become of him when he matured into real manhood.

Be an artist...Artists aren't made without bitter, unceasing labour, and hard work, I thought, looking at his soft features and listening to his unhurried way of talking - no, you'll never be able to work hard, you'll never know how to!» [Фриборн, 2008, с. 111]

(Дословный перевод: *Это был простой/прямой русский дух, правдивый, честный и простой, но, к сожалению, довольно слабый, без выносливости и внутреннего огня. Его молодость не кипела в нем, но светилась спокойным внутренним светом. Он был*

невероятно обаятельным и умным, но я не мог представить, что из него выйдет, когда он возмущает.

Быть художником...Художники не получают без горького, непрекращающегося труда и тяжелой работы, думал я, смотря на его мягкие черты и слушая его неспешную манеру общения/говорения - нет, ты никогда не сможешь усердно работать, ты никогда не узнаешь как!)

В данном описании следует обратить внимание на следующие моменты, отражающие менталитет русского человека, которые могут вызывать трудности у переводчика: «прямо русская душа», «вялая, без цепкости и внутреннего жара», «молодость не кипела ключом», «...светилась тихим светом», «мягкие черты». Можно заметить, что переводчик подбирает, на наш взгляд, вполне подходящие эквиваленты и синонимы, которые помогают точно раскрыть образ главного героя: *straightforward Russian spirit* - прямой/простой русский дух, *rather feeble, without staying power and inner fire* - довольно слабый, без выносливости и внутреннего огня, *youthfulness did not so much bubble up* - молодость не кипела в нем, *glow with a calm inner glow* - ...светилась спокойным внутренним светом, *soft features* - мягкие черты.

Таким образом, фрагменты, в которых описывается портрет и характер Гагина, были переведены практически дословно. Хотя, конечно, встречаются небольшие неточности, которые несколько искажают образ героя. Например: такое словосочетание, как «непокорная речь» в переводе звучит как «*his unhurried way of talking*», что дословно переводится как «*неспешная манера говорения/общения*». Толковый словарь живого великорусского языка В.И. Даля дает определение слову «непокорный»: «непослушный, своевольный, не признающий над собой начальства и власти». Эта деталь необычайно важна для создания образа героя, так как она напрямую связана с причиной, по которой Гагин никогда не сможет добиться вершин на поприще художника: он не умеет трудиться и никогда не сумеет сжаться, он непокорен. Таким образом, у иностранного читателя возникает другой образ, не человека непокорного, своевольного, которым и являлся главный герой, а человека «неспешного, неторопливого».

Следующий интересный фрагмент для анализа:

«Проклятая славянская распущенность берет свое. Пока мечтаешь о работе, так и паришь орлом; землю, кажется, сдвинул бы с места - а в исполнении тотчас слабеешь и устаёшь» [Тургенев, 2016, с. 11].

Английский перевод выглядит следующим образом: «*that blasted Slavonic lack of discipline gets the better of me. So long as one's just dreaming about what to do, one can soar*

like an eagle and move mountains, it seems, but as soon as one starts doing it one gets worn out and tired» [Фриборн, 2008, с. 107]

(Дословный перевод: *Это проклятый славянский недостаток дисциплины забирает лучшее во мне. Пока просто мечтаешь о том, что делать, можешь парить как орел и сдвигать горы, кажется, но, как только, начинаешь делать, то изматываешься и устаешь.*)

Нельзя не заметить, как сильно проявляется в этих фрагментах психологизм героя. Характеристики «*парить как орел*», «*землю, кажется, сдвинул бы с места*» были переведены правильно, и у иностранных читателей создается тот же образ, что и у русских. Однако Тургенев, описывая Гагина, дает ему еще одну характеристику: «*славянская распущенность*». Это словосочетание было переведено как «*blasted Slavonic lack of discipline*», что дословно означает «*проклятый славянский недостаток дисциплины*». Здесь переводчик уходит от конкретизации, прибегнув к описательному переводу. Внимательный иностранный читатель может задаться вопросом: «О каком именно недостатке дисциплины идет речь?» Следовательно, может возникнуть не совсем правильное понимание этой черты характера героя.

В следующем фрагменте, переводчик прибегает к использованию переводческой заметки: «*останусь недорослем из дворян*» [Тургенев, 2016, с. 11], в английском переводе это высказывание звучит следующим образом: «*I'll just remain a young aristocrats ignoramus*» [Фриборн, 2008, с. 108]. (Дословный перевод: *Я просто останусь молодым аристократом невежей*). Переводчик дает сноску с объяснением этой цитаты Фонвизина, что на наш взгляд вполне оправдано.

Последующие характеристики образа Гагина: «*неясные речи, в которых так охотно разливается русский человек*» [Тургенев, 2016, с. 17] – в английском переводе передается практически дословно «*vague kind of talk in which Russians indulge so easily*» [Фриборн, 2008, с. 113]. (Дословный перевод: *расплывчатые речи, в которые русские так легко погружаются*).

«*Мягким, полуизнеженным, великорусским дворянином*» [Тургенев, 2016, с. 18], переводчик передал это как «*Softness and near-effeminacy of a true member of the Russia nobility*» [Фриборн, 2008, с. 114]. (Дословный перевод: «*Мягкость и почти изнеженность настоящего члена русского дворянства*»).

Переводчик верно передает идею автора, он точно «воссоздает» образ героя.

Итак, подводя итог, еще раз отметим, что Тургенев уделяет большое внимание созданию образа героя через его психологический портрет. Его герой – Гагин – мягкий, спокойный, добродушный человек с настоящей русской душой, однако без цепкости и

силы воли. Его «славянская распущенность», лень не позволят достичь чего-то большего в жизни.

В переводе в целом перед нами предстает аналогичный герой. Отказавшись от собственной манеры письма, внимательно проанализировав стиль Тургенева, переводчику Ричарду Фриборну, за некоторым исключением, удалось передать все детали русского национального характера и воссоздать образ, созданный на языке оригинала.

В заключении хотелось бы вспомнить высказывание К.И. Чуковского о переводчике художественной литературы. «Я понял, что хороший переводчик заслуживает почёта в нашей литературной среде, потому что он не ремесленник, не копист, но художник. Он не фотографирует подлинник, как обычно считалось тогда, но воссоздает его творчески. Текст подлинника служит ему материалом для сложного и часто вдохновенного творчества. Переводчик - раньше всего талант. Для того, чтобы переводить Бальзака, ему нужно хоть отчасти перевоплотиться в Бальзака, усвоить себе его темперамент, заразиться его пафосом, его поэтическим ощущением жизни». [Чуковский, с 8].

Список литературы:

Грабовский Н.К. Теория Перевода - М., 2007.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Электронный ресурс: <http://slovardalja.net>.

Дружинин А.В. Повести и рассказы И.С. Тургенева - СПб., 1856.

Чуковский К.И. Высокое искусство // Принципы художественного перевода - СПб., 2014.

Тургенев И.С. Ася - М., 2016 .

Turgenev I. First Love and Other Stories - NY, 2008.

Федоров А.В. электронный ресурс:

http://samlib.ru/w/wagapow_a_s/osnowyobshejteoriiiperewoda2002.shtml

Сережкина Л.Д.
г. Мценск (Спасское-Лутовиново) (Россия)

Serezhkina Ludmila
Mtsensk (Spasskoe-Lutovinovo) (Russia)

**К ВОПРОСУ ОБ АВТОРСТВЕ ПЕРВОГО ФРАНЦУЗСКОГО ПЕРЕВОДА
РОМАНА «ОТЦЫ И ДЕТИ». БАДЕН-БАДЕН. 1862 ГОД**

**ON THE QUESTION OF THE AUTHORSHIP OF THE FIRST TRANSLATION OF
THE NOVEL «FATHERS AND SONS». BADEN-BADEN. 1862**

В статье представлены точки зрения А.Гранжара, А.Михайлова, А.Звигильского, М. Клемана, П.Уоддингтона. Определяются временные границы работы над переводом романа (лето-осень 1862 года, Баден-Баден) и обосновываются имена переводчиков - Луи Виардо и Тургенев. Отмечается суждение отечественных и зарубежных исследователей о частных мотивах пребывания Тургенева в Германии в 1862 году. В настоящем исследовании баденский период коррелируется с общественными и политическими событиями в России того периода времени. Определяются политические мотивы пребывания писателя в Германии. Определяется направление дальнейшей разработки проблемы.

The article presents the point of A. Granger, A. Michailov, A. Zvigilski, M. Clement, P. Wadington. The temporal boundaries of the translations (summer-autumn 1862, Baden-Baden) are defined and the names of the translators Louis Viardot and Turgenev are justified. The judgements of domestic and foreign researchers on private motives of Turgenev's stay in Germany in 1862 are noted in this article. In this study Baden period of 1862 is correlated with external public and political events in Russia at that period of the time. Political motives of the stay of the writer in Germany are discussed. The direction for the further research of the problem is determined.

Ключевые слова: авторство перевода, Делаво, Мериме; Спасское-Лутовиново, Кетчер, Баден-Баден; Луи Виардо и Тургенев; события в России 1862 года; Герцен, «Колокол», Гейдельберг; письмо Луи Виардо от 3 июля н.ст.; перспектива исследования.

Keywords: authorship of the translation, Viardot, Delavo, Merimee; Spasskoye-Lutovinovo, Catcher, Baden-Baden; Louis Viardot and Turgenev; events in Russia, 1862; Herzen, "Bell", Heidelberg; letter of Louis Viardot, 3 July 1862; the perspective of the study.

В 1860 годы к Ивану Сергеевичу Тургеневу приходит европейская известность. В ознакомлении зарубежных читателей с творчеством Тургенева свою роль сыграли переводы произведений писателя на иностранные языки. В ряду многочисленных переводчиков произведений Тургенева к этому периоду времени и позднее были его соотечественники: писатель, граф В.А. Соллогуб; публицист, сотрудник «Московских ведомостей» и журнала «Русский вестник», редактор газеты «Le Nord» Н.В. Щербань; живший постоянно в Париже и писавший только на французском языке А.П.Голицин; известные французские литераторы: бессменный соавтор - Луи Виардо и члены Французской академии Ксавье Мармье и Проспер Мериме; один из самых последовательных французских сотрудников писателя - переводчик Анри-Ипполит

Делаво. Эрнест Шаррьер – единственный, выполненный им перевод - «Записок охотника», вышедший под названием «Mémoires d'un seigneur russe ou tableau de la situation actuelle des nobles et des paysans dans les provinces russes» (Paris, 1854) («Записки русского барина или картина современного положения дворянства и крестьян в русских провинциях») был встречен протестом писателя, что не помешало переводу получить широкую известность во Франции и выдержать 12 изданий; Шарль де Сен-Жюльен, Виктор Делож. Авторами переложений произведений Тургенева на немецкий язык были: Август Видерт, уроженец Москвы, живший впоследствии в Германии, хорошо знавший многих русских литературных деятелей; Август Больтц, преподаватель русского языка в Берлине, автор переводов на немецкий язык «Слова о полку Игореве» и стихотворений русских поэтов; Фридрих Боденштедт, преподаватель славянских языков Мюнхенского университета; Пауль Фукс, Фридрих Чиш, Мориц Гартман. В англоязычных странах произведения Тургенева выходили в переводах Джемса Миклджона, автора первого полного английского перевода «Записок охотника»; Юджина Скайлера, американского дипломата, писателя и переводчика; Вильяма Рольстона Шеддена, английского фольклориста, критика и историка литературы. Они были адаптированы для итальянских, датских, польских, чешских читателей.

Переводы, получавшие высокие оценки Тургенева; переводы, выполненные при участии самого писателя; переводы авторизованные, удачные переводы; более или менее адекватные и даже «неудовлетворительные», вызывавшие недовольство и нарекания Тургенева, требовавшие немалого труда самого автора при подготовке их к новым публикациям или изданиям. Каждый из этих, столь разных по качеству трудов, и все они в целом содействовали расширению границ освоения творчества писателя европейской читательской публикой и критикой, прокладывали путь к известности Тургенева за пределами России.

В мае 1863 года в Париже у издателя Жерве Шарпантье вышел в свет первый французский перевод романа «Отцы и дети» («Pères et Enfants») par Ivan Tourguénef. Paris. 1863).

Предваряя работу над переводом, И.С.Тургенев писал Полине Виардо 6(18) июня 1862 года из Спасского-Лутовинова в Баден-Баден: «Мой последний роман наделал здесь много шума, оттого что появился в такое время. Главный его герой – молодой человек передовых взглядов; я попытался представить конфликт двух поколений и оказался в центре их беспощадной борьбы. Ругательства и, надо признаться, похвалы сыплются в изобилии; подчас я не знаю, кого слушать. Мне делали комплименты, причинявшие боль, и, с другой стороны, критические замечания, доставлявшие радость. (...) Но все

это уладится. Вы прочтете эту вещь в течение зимы (курсив мой - Л.С.) и скажете свое мнение, которое, по крайней мере, с моей стороны, обжалованию не подлежит»³⁹.

Французское издание романа вышло немногим более года спустя после его публикации в февральском номере журнала «Русский вестник» (№ 2, 1862).

Принято считать, что «тяжелое состояние Тургенева, вызванное полемикой вокруг его романа, на время почти прервало его литературную деятельность: лишь повесть «Призраки» (...) была написана им в это время».⁴⁰ Действительно, по завершении работы над «Отцами и детьми» (июль - август 1861 года) писатель, судя по его письмам, «мало работал». Продолжая правку романа, Тургенев дважды осенью-зимой 1861 года возвращался к повести «Призраки», однако работу прервал. Весной 1862 года сделал первый набросок повести «Довольно», возобновил работу над «Призраками», однако, «писал ее с большими перерывами». Завершена повесть в целом была в июне 1863 года. Концом декабря 1862 – началом февраля 1863 года датируется набросок «Главных лиц будущей повести: «Дым».

Труд напряженный, между тем, не прекращался. Начало 1860-х годов явилось временем самым, пожалуй, плодотворным в сотрудничестве Тургенева и его коллег в области перевода.

Необходимо отметить, что в 1861 году в Париже на французском языке вышел авторизованный перевод «Дворянского гнезда»⁴¹, выполненный В.А. Соллогубом и А. де Калонном; журнал «Revue Européenne» (Т. XVII-XVIII) напечатал в новом переводе – А.-И. Делаво - роман «Накануне», вышедший под названием «Eléna». В первые месяцы 1862 года увидел свет сборник произведений, озаглавленный «Dimitri Roudine»⁴². После многолетнего перерыва Тургенев совместно с Луи Виардо вновь выступили в качестве переводчиков произведений А.С. Пушкина. Мысль о возобновлении этой работы, мелькнувшая, судя по письмам, в 1859 году, воплотится в жизнь в начале 60-х годов. До отъезда Тургенева в Россию и семьи Виардо в Баден-Баден [конец мая (начало июня) 1862 года] были завершены переводы повести «Дубровский» («Doubrovsky») ⁴³ и

³⁹ Цитаты из сочинений и писем И.С.Тургенева приводятся по изданиям: И.С.Тургенев. Полн. собр. Соч. и писем в 28 т. М.:Л, «Наука», 1967. [Изд. 1-е. Далее: ПССуП(1)]; Полн. собр. соч. и писем в 30 т. М. «Наука» 1982. [Изд.2-е. Далее: ПССуП(2)].

ПССуП(2). Письма. Т.5.С.72.

⁴⁰ Там же. С. 400.

⁴¹ «Une Nîchée de gentilhommes, moeurs de la vie de province en Russie». Traduction française par le comte Sollohoube et A. de Calonne autorisée par l'auteur. Paris. Э.-Д.-Ж. Dentu, 1861.

⁴² Книга зарегистрирована в «Bibliographie de la France» 19 апреля 1862 года: Ivan Tourgueniev «Dimitri Roudine». Paris. Hetzel. 1862. В сборник вошли: роман «Рудин», повести «Три встречи» и «Дневник лишнего человека».

⁴³ Повесть печаталась в *Illustration* фельетонами с июля по сентябрь 1862 года. См.: *Zviguilsky Alexandre. Correspondance Ivan Tourgueniev - Louis Viardot. Sous le sceau de la fraternité. Paris. HERMANN EDITEUR. 2000 (2010). P. 222. Далее в тексте дается сокращенный вариант написания: Zv. Cor. IT-LV.*

«Драматических произведений» (вышли на французском языке под названием «*Poemes dramatiques*» в ноябре того же года). К январю 1863 года - поэмы «Евгений Онегин» («*Eugène Onéguine*») ⁴⁴. В середине марта 1863 года, в авторизованном переводе А.-И. Делаво издан сборник произведений Тургенева «*Nouvelles scenes de la vie russe*». ⁴⁵ В апреле того же года журнал «*Revue Nationale et étrangère*» начал печатать перевод поэмы А.С.Пушкина «*Eugène Onéguine*» ⁴⁶. В мае на французском языке увидел свет роман «*Pères et Enfants*». ⁴⁷

Как видим, без малого два года, прошедшие со времени окончания работы над романом «*Отцы и дети*» до завершения работы над повестью «*Призраки*», были заполнены напряженным переводческим трудом.

Имена переводчиков названных произведений указаны при их публикации или издании ⁴⁸, упоминаются в дошедших до нас письмах и воспоминаниях. Исключением является роман «*Отцы и дети*».

Французское издание вышло без указания имени переводчика:

Pères et Enfants

par Ivan Tourguénef

Avec une préface de

Prosper Mérimée

De l'Académie française

«*Отцы и дети*»

Ивана Тургенева

С предисловием

Проспера Мериме,

Члена Французской академии

В предисловии к французскому изданию романа Мериме (высказывавший в свое время - в 1854 году - в специальной статье, посвященной французскому изданию «*Записок охотника*», критические замечания по поводу перевода, выполненного Эрнестом Шарьером), называя перевод романа «*Отцы и дети*» «очень точным», имени переводчика

⁴⁴ См.: Письмо Тургенева к Анненкову от 19(31) января 1862 года. *ПССУП* (2). *Письма*. Т.5. С. 144.

⁴⁵ *Ivan Tourguénef*. *Nouvelles scènes de la vie russe*. Traduction autorisée de H. Delaveau. Paris. E.Dentu-Editeur, 1863. Зарегистрирована в «*Bibliographie de la France*» 21 марта 1863 года.

В зарубежных изданиях и статьях можно встретить следующие варианты написания фамилии Тургенева: *Tourguniev*, *Tourguénef*, *Tourguéneff*, *Tourguénev*, *Tourguénève* (фр.), *Turgenev* (англ., нем.). Мы будем следовать принятому каждым автором написанию.

⁴⁶ «*Revue Nationale et Etrangère*». Т. XIII, 48-е, 49-е, 50-е, 51-е livr. (10 апреля, 10 мая, 10 июня, 10 июля 1863 года).

⁴⁷ Зарегистрирован в «*Bibliographie de la France*» 23 мая 1863 года.

⁴⁸ Уместно отметить здесь, что в тот же период времени во французском журнале «*Revue des Deux Mondes*» были опубликованы (соответственно в июльском 1861 и декабрьском номере 1862 года) два произведения Тургенева: пьеса «*Где тонко, там и рвется*» (1848) («*Trop menu le fils casse*») и повесть «*Дневник лишнего человека*» (*Le journal d'un homme de trop*) с без указания имен переводчиков.

не упоминает. В известных письмах Тургенева, всегда живо откликавшегося на переводы своих произведений, упоминаний о работе над переводом и авторе переложения не находим.

Проблема авторства первого французского перевода романа «*Отцы и дети*» была предметом интереса нескольких поколений исследователей. В той или иной степени, ее имели в виду ученые, занимавшиеся изучением творчества И.С.Тургенева в контексте социально-политических течений времени (А. Гранжар); творческих отношений И.С.Тургенева и П. Мериме (М.К. Клеман, М. Партюрье, А.Д. Михайлов); совместного творчества И.С. Тургенева и Луи Виардо (А. Мазон, М. Кадо, А. Звигильский); авторы примечаний к роману и комментариев к письмам Первого и Второго Академических изданий сочинений и писем И.С. Тургенева; исследователи, изучающие проблемы переводов произведений И.С. Тургенева (П. Уоддингтон, Ф. Монрейно, Н. Жекулин).

Единого мнения, между тем, не выработано. Историки литературы имеют в виду несколько имен.

Первое известное нам суждение принадлежит видному французскому слависту, профессору Анри Гранжару. Автор капитального труда «*Ivan Tourguénev et les courants politiques et sociaux de son temps*» («*Иван Тургенев и политические и социальные течения его времени*») называет имена И.С.Тургенева и Луи Виардо⁴⁹.

На той же точке зрения стоят исследователи более позднего времени: А.Д. Михайлов, член-корреспондент Российской Академии Наук СССР и А. Звигильский, французский ученый, доктор Сорбонны⁵⁰. Однако, ни исходная атрибуция, ни последовавшие за ней аналогичные суждения аргументами не подкреплены.

В связи с этими мнениями нельзя не указать здесь на специальную статью французского ученого, профессора университета Новая Сорбонна (Париж) Мишеля Кадо «*Le rôle de Tourguénev et de Louis Viardot dans la diffusion de la littérature russe en*

⁴⁹ В главе IX «Les années «soixantes» («Шестидесятые годы») Гранжар помечает: «Tourguénev (...) venait de traduire en français *Pères et fils* avec le concours de Louis Viardot». («Тургенев (...) только что перевел на французский язык «*Отцов и детей*» при участии Луи Виардо»). *Granjard Henri. Ivan Tourguénev et les courants politiques et sociaux de son temps. Paris. Instituts d'études slaves de l'Université de Paris. 1966. P. 325.*

Цитаты (здесь и далее в тексте) из исследований и писем с французского и немецкого языков приводятся в переводе автора статьи

⁵⁰ А.Д. Михайлов: «Он (роман – Л.С.) вышел по-французски отдельным изданием в мае 1863 года в переводе Луи Виардо с предисловием Мериме». // Мериме Проспер. Письма к незнакомке. Вст.ст., прим. А.Д. Михайлова. М., «Наука». 1991. С. 383.

В комментарии к письму Проспера Мериме к Ж. Шарпантье А.Д. Михайлов в более позднем своем исследовании уточняет: «Роман «*Отцы и дети*» был издан в переводе Луи Виардо и самого автора. Корректурa этого перевода была просмотрена и выправлена Мериме». // Мериме Проспер. Статьи о русской литературе. Издание подготовил А.Д. Михайлов. Москва. ИМЛИ РАН, 2003. С. 100.

А. Звигильский: «(...) есть основания полагать, что Тургенев сам перевел свой роман с помощью Луи Виардо». См.: «Письмо Жоржу Шарпантье (1876)». Публикация А. Звигильского. // И.С. Тургенев. Новые исследования и материалы. Т.III. Москва - С.-Петербург. Альянс-Архео. 2012. С. 418-419.

France».⁵¹ (1981) («Роль Тургенева и Луи Виардо в распространении русской литературы во Франции»). В поле зрения французского ученого перевод романа «Отцы и дети» не попал.

Необходимо было бы для полноты информации уточнить возможную точку зрения в других исследованиях, посвященных той же проблеме – творческим отношениям Тургенева и Луи Виардо. Недоступными для изучения оказались две статьи. Первая – более ранняя статья Мишеля Кадо – «Un problème de collaboration littéraire. Tourguéniev et Louis Viardot» (1969) («Проблема литературного сотрудничества. Тургенев и Луи Виардо») и вторая – статья Андре Мазона «Tourguéniev et Louis Viardot introducteurs de la littérature russe en France» («Тургенев и Луи Виардо – пропагандисты русской литературы во Франции»).

Важно отметить здесь равно и то, что в оригинале известного труда члена Французской академии Андре Мазона «Les manuscrits parisiens de Tourguéniev»⁵² («Парижские рукописи Тургенева»), содержащем «notices et extraits» («заметки и выдержки») из рукописного фонда писателя, находящегося в Национальной библиотеке в Париже, рукопись французского перевода романа «Отцы и дети» среди документального материала, проанализированного ученым, не значится.

Вопросом авторства перевода романа задавались исследователи, изучавшие проблемы творческих отношений Тургенева и Мериме.

Так, М.К. Клеман, опубликовавший впервые на русском языке письмо Мериме к издателю Ж. Шарпантье (вошло в качестве предисловия к французскому изданию романа), а также перевод письма Мериме Жени Дакен (от 3 января н.ст. 1863 года с оценкой не опубликованного еще на французском языке романа) в статье «Тургенев и Мериме» (1931), заметил: «В ряде случаев Мериме выступал, очевидно, не в качестве

⁵¹ Cadot Michel. Le rôle de Tourguéniev et de Louis Viardot dans la diffusion de la littérature russe en France.// Cahiers. Association des amis d'Ivan Tourguéniev, Pauline Viardot, Marie Malibran. Paris. 1981. №5. P. 51-62. Далее в тексте: Cadot M.

Ссылки на издание «Cahiers». Association des amis d'Ivan Tourguéniev, Pauline Viardot et Maria Malibran даются далее сокращенно: Cahiers (с указанием года издания, номера и страницы).

⁵² Mazon André, professeur au college de France. Manuscrits parisiens d'Ivan Tourguéniev. Notices et extraits. Paris. Librairie Ancienne Honoré Champion. 1930. («Парижские рукописи Тургенева. Заметки и выдержки»). (Далее в тексте: Mazon A.). На русском языке книга вышла под названием: «Парижские рукописи Тургенева». Москва-Ленинград. «ACADEMIA». 1931. Это, последнее издание и вышедшие позднее номера Литературного наследства «Парижские рукописи Тургенева» (Москва, «Наука». 1964. Т. 73. Кн. I, II.) содержат не все материалы Парижской Национальной библиотеки, проанализированные А. Мазоном в оригинале. В оригинальном издании среди автографов переводов произведений Тургенева на французский язык указываются фрагменты рукописей переводов, выполненных Тургеневым или неизвестными авторами. Среди них: «Biriouk» («Бирюк»), «L'eau framboise» («Малиновая вода»), фрагменты перевода романа «Fumée» («Дым»), повестей: «Apparitions» («Призраки»), «Brigadier» («Бригадир») и др. (P. 95-101).

переводчика (курсив мой - Л.С.), а в качестве редактора. Первая работа этого рода была им, *может быть*, произведена над текстом «*Отцов и детей*».⁵³

В одном из специальных исследований последнего времени, посвященном именно вопросам переводов произведений Тургенева на иностранные языки, известный канадский ученый Н. Жекулин, отмечая участие Мериме в подготовке романа к печатанию во Франции, имени автора перевода не называет.⁵⁴

Авторы примечаний к роману (Первое и Второе академические издания), предлагая фрагменты из предисловия Мериме к французскому изданию «*Отцов и детей*», о переводчике не упоминают.⁵⁵ Авторы комментариев к письмам помечают: «переводчик не известен».⁵⁶

Отсутствие документов продолжало открывать простор для предположений.

Отметим еще одно известное мнение. Видный новозеландский славист Патрик Уоддингтон и его соавтор Флоранс Монрейно, составители библиографии переводов произведений Тургенева на французский язык, предлагают следующий комментарий к французскому переводу романа: «This translation, proof - read and revised by Merimee, is probably by Delaveau».⁵⁷ («Этот перевод, проверенный и исправленный Мериме, принадлежит, по всей видимости, Делаво»). Доводов в пользу своей версии исследователи не приводят.

У этого предположения есть, казалось бы, на первый взгляд, достаточные основания.

Нельзя не отдать должное трудам Анри-Ипполита Делаво⁵⁸, всецело посвятившего себя «переводам произведений русских писателей и пропаганде русской литературы во Франции». В его переводах, как отмечалось, выходили произведения И.С. Тургенева, А.И. Герцена. Кроме того, с 1854 по 1860 годы Делаво выступал в журнале «*Revue des Deux Mondes*» со статьями о Н.А. Некрасове, А.Ф. Писемском, И.С.

⁵³ Клеман М.К. Тургенев и Мериме. ЛН. Т.31-32. М., «Наука». 1931. С. 720-721.

⁵⁴ Жекулин Н.Г. Тургенев-переводчик. Вопросы теории и практики. // И.С.Тургенев. Новые исследования и материалы. Москва-С.-Петербург. Альянс-Архео. 2009. Т. I. С. 82-83.

⁵⁵ ПССуП (1). Соч. Т. 8. С. 611-612; ПССуП. (2). Соч. Т. 7. С. 456.

⁵⁶ ПССуП.(2). Письма. Т.5. С. 503.

⁵⁷ Waddington Patrick with Montreynaud Florence. A Bibliography of French Translations from the Works of I.S. Turgenev, 1854-1885. // *Slavonic and East European Review*. Wellington. NZ. 1980. vol. LVIII. No.1 January, pp.76-98. За указание на эту работу и перевод приведенного здесь фрагмента с английского языка приношу благодарность профессору Н. Жекулину.

⁵⁸ В научных изданиях и публикациях Делаво представлен с разными именами. В письмах современников Тургенева, исследованиях можно встретить имя **Ипполит**. Авторы именного указателя в издании «Герцен и Огарев» отмечают: «Делаво **Анри** – **ошибочно Ипполит**». (ЛН. М., изд. АН СССР. Т. 62 (II). 1955. С. 875). Авторы именного указателя в Письмах А.И. Герцена называют Делаво - **Анри (Ипполит)**. (Герцен А.И. Письма 1860-1864 годов. Т. XXVII. Книга вторая. Изд. Академии Наук СССР. М., 1963.С. 940. Далее в тексте дается сокращенный вариант: Герцен. Письма). В Академическом издании Сочинений и Писем И.С.Тургенева находим имя Делаво **Анри - Ипполит**. Имеется в виду, между тем, одно и то же лицо. Мы будем пользоваться именем Анри-Ипполит Делаво.

Тургеневе, А.И. Герцене, Д.В. Григоровиче, Л.Толстом, С.Т Аксакове, М.Е. Салтыкове – Щедрине и других писателях.⁵⁹

Принимая во внимание точку зрения П.Уоддингтона и Ф.Монрейно, было бы справедливо напомнить, что к 1862 году, времени публикации романа «*Отцы и дети*» в журнале «Русский вестник», у Делаво была весьма большая практика переводческой работы. Напомним переводы, выполненные Делаво, в хронологическом порядке. С переводами из Тургенева Делаво выступил впервые в 1856 году. В декабрьской книжке «*Revue des Deux Mondes*» напечатана повесть «*Fauste*» («*Фауст*»). В 1857 году в «*Le Courrier de Paris*» - рассказ «*Biriouck*» («*Бирюк*»). Сборник рассказов «*Récits d'un chasseur russe*» («*Записки русского охотника*») вышел в Париже издательстве Э. Дантю в 1858 году. В том же году в журнале «*Revue des Deux Mondes*» (livr. du 1 octobre) печаталась повесть «*Ася*», озаглавленная «*Annouchka. Souvenirs des bords du Rhein*» («*Аннушка. Воспоминания с берегов Рейна*»). В 1859 году Делаво начал работу над переводом «*Дворянского гнезда*».⁶⁰ В период с 1860 по 1862 год в Париже в трех томах в его переводе выходили воспоминания Герцена «*Былое и думы*»⁶¹. В тот же промежуток времени (в 1861 году) в журнале «*Revue Européenne*» (Т. XVII-XVIII) в переложении Делаво (вслед за неудачным переводом Дуэра 1860-го года) печатался роман Тургенева «*Накануне*», озаглавленный «*Eléna*».

Внимание Уоддингтона и Монрейно не могло не привлечь и то, что на титульных листах некоторых отдельных изданий, вышедших в переводе Делаво, указано: «*seule édition autorisée par l'auteur*» («единственное авторизованное издание»)⁶². Авторизация позволяла читателям того времени и дает, безусловно, основание современным историкам литературы (не ставящим в своих исследованиях задачи сопоставления перевода с оригиналом) судить о достойном качестве перевода.

Уместно напомнить здесь равно и то, что имя Делаво, личности известной в русских литературных кругах, довольно часто упоминается в переписке А.И. Герцена,

⁵⁹ О сотрудничестве Тургенева и А.-И. Делаво см.: Прийма Ф.Я. Новые данные о «Записках охотника» Тургенева во французской литературе. // «Записки охотника» И.С.Тургенева. Статьи и материалы. Издательство «Орловская правда». Орел. 1955. С. 331-351. (Ф.Я. Прийма называет в своей статье Делаво Ипполитом). Далее ссылки на исследование даются сокращенно: Прийма Ф.Я.

⁶⁰ См.: письмо В.П. Боткина к И.С. Тургеневу от 6 апреля 1859 года. // В.П.Боткин и И.С.Тургенев. Неизданная переписка. 1851-1869. «АКАДЕМІА». Москва-Ленинград. 1930. С.153-154.

⁶¹ В начале 1860 года в Париже в издательстве Э.-Д.-Ж. Дантю вышел Т.1 французского перевода «*Былого и дум*» с измененным названием «*Le monde russe et la révolution. Mémoires de A. Herten. 1812 - 1835*». Traduits par H. Délaveau. («Русский мир и революция. Мемуары А.Герцена. 1812 -1835»). Перевод Делаво). В конце мая 1861 года в том же издательстве вышло продолжение мемуаров Герцена («*Le Monde russe et la révolution*». Т.2. 1835-1840). Третий том, включавший воспоминания 1840 -1847 годов, вышел во французском переложении Делаво весной 1862 года.

⁶² «*Récits d'un chasseur*» par Ivan Tourguenev. Traduit par Délaveau. Seule édition autorisée par l'auteur. Paris. E. Dentu, Libraire-Editeur. 1858; «*Le monde russe et la révolution*». Mémoires de A. Herten. Traduits par Délaveau. Seule édition autorisée par l'auteur. Paris. E. Dentu, Libraire-Editeur. Т.Т. I-III. (1860-1862).

В.П. Боткина, И.С.Тургенева и других корреспондентов, близких к кругу русских писателей.

Приведем фрагменты из писем Тургенева того периода времени, когда была завершена работа (июль-август 1861 года) над романом «*Отцы и дети*». Судя по письму Тургенева от 8(20) ноября 1861 года к Фету, Делаво стал первым французским читателем (или же присутствовал на чтении) романа в рукописи: «Что касается до моей повести [о которой так благоприятно отозвался все тот же *единственный* француз, «ночной фортепьянист» (Делаво – Л.С.)] - то она, по причинам внутренним и внешним, не явится раньше весны».⁶³ Некоторое время спустя, в другом письме – к дочери [от 27 января (8 февраля) 1862 года], в то самое время, когда незадолго до печатания романа в журнал «*Русский вестник*» отправлялись «многочисленные поправки», Тургенев помечает: «Посылаю тебе *мою рукопись* (курсив мой– Л.С.), которую прошу тебя передать г-ну Делаво (курсив мой - Л.С.), попроси его не растерять листы рукописи, которые совсем не держатся».⁶⁴

Многолетний опыт переводческой работы Делаво; упоминание в письме Тургенева к Фету имени Делаво – читателя (или слушателя) романа «*Отцы и дети*» до его публикации в «*Русском вестнике*»; просьба передать *рукопись* г-ну Делаво в письме к дочери, в котором слово «*рукопись*» могло быть не без основания соотнесено исследователями с романом «*Отцы и дети*»⁶⁵; и, более всего, видимо, общая положительная и даже высокая, пожалуй, оценка деятельности Делаво, данная в статье Ф.Я. Приймы⁶⁶, могли предопределить суждение П.Уоддингтона и Ф.Монрейно о Делаво, как о возможном переводчике романа.

Мы предприняли здесь попытку восстановить ход рассуждений исследователей. Нетрудно показать, между тем, что их предположение, как бы изложенное в нашей версии, недостаточно, пожалуй, убедительно. Ему противоречит совокупность фактов.

Воздавая должное трудам Делаво, мы не можем не отметить здесь суждения самого Тургенева о качестве переводов Делаво того периода, когда завершалась работа

⁶³ ПССуП (2). Письма. Т.4. С. 381.

⁶⁴ ПССуП(2). Письма. Т.5. С. 14 (323).

⁶⁵ Авторы комментариев к этому письму считают, что речь в нем идет «о рукописи переводов Делаво романа «*Накануне*» и повести «*Первая любовь*». (Там же. С. 408). Уточним фразу в письме Тургенева к дочери: «je t'envoie **mon** manuscrit» - «Я посылаю тебе **мою** рукопись». Роман «*Накануне*» был, как известно, уже опубликован к тому времени в журнале «*Revue Europeenne*» (1861). Повесть «*Первая любовь*» после того, как ее отказался взять Ф. Бюлоз для «*Revue des Deux Mondes*», была напечатана в №3 «*Bibliothèque pour la lecture*». (Cadot M. P. 56). Следовательно, в данном случае речь могла идти или о романе «*Отцы и дети*», находившемся в то время в рукописи, или же о рукописи какого-либо другого неопубликованного произведения Тургенева.

⁶⁶ Важно учитывать, между тем, что эта оценка не помешала Прийме отметить упущения и неточности в выполненном им переводе «Записок охотника», в котором он «отступает от оригинала, становясь тем самым по точности гораздо ниже Шаррьера». Прийма Ф.Я. С. 346.

над романом «*Отцы и дети*» и времени его публикации в «*Русском вестнике*». Писатель был недоволен переводом рассказа «Жид». 13/25 декабря 1861 он сопровождал посылаемый В. Делессер «пустячок» следующим комментарием: «(...) это совершенно незначительная безделица, но поскольку вы любезно пожелали с нею ознакомиться, я попросил бы вас сообщить, не следует ли моему переводчику вовсе отказаться от издания своего труда».⁶⁷ В то же время и о том же в письме к А. Биксио: «Перевод, хотя в нем и встречаются грубые ошибки, весьма добросовестен, весьма педантичен и весьма тяжеловесен».⁶⁸ О переводе повести «*Петушков*» Тургенев писал 26 марта (7 апреля) 1862 года Боткину: «Мериме здесь – ему очень понравился «*Петушков*», и собирался прочесть его со мною. Ни одной строки он не оставил так, как ее написал Делаво. (...) Бедный *Ночной Фортельянист* – сильно плох как писатель».⁶⁹

Мы склонны, между тем, разделять мнение Приймы: «Совсем было бы неверно судить об отношении Тургенева к Делаво – переводчику по его нескольким, случайно сказанным резким словам»⁷⁰. Важным свидетельством тому могут быть положительные отзывы писателя о других переводах Делаво того же времени. Так, 14 (26) марта 1861 года в письме к редактору «*Revue Europeenne*» Тургенев писал о французском переложении романа «*Накануне*» («*Eléna*»), выполнявшемся «под (его) руководством и с (его) согласия»: «Перевод этот полностью как в отношении эпизодов, так и в отношении характеров соответствует моему рукописному подлиннику».⁷¹ О качестве переводов Делаво можно судить по воспоминаниям Н.В. Щербаня: «Постоянно бывал у него (Тургенева – Л.С.) только один Делаво, переводивший тогда его повести – переводивший в высшей степени добросовестно, чуть не «надоедая» своей кропотливостью. Тургенев был, разумеется, доволен (...)».⁷² Напомним, что Герцен оценил перевод своего 1 тома «*Былого и дум*» (1860) несколько лет спустя, в 1868 году, как «очень хороший».⁷³ Что касается перевода Делаво повести «*Петушков*», который просматривал Мериме, то следует принимать во внимание то, что собственные переводы Мериме оставляли, по всей видимости, желать лучшего. Так, в повесть «*Apparitions*» («*Призраки*»), опубликованную в переводе Мериме в журнале «*Revue des Deux Mondes*» в 1866 году, Тургенев, как известно, внес большое количество изменений при подготовке ее к

⁶⁷ ПССиП.(2). Письма. Т.4. С. 391(444-445).

⁶⁸ Там же. С. 396 (446).

⁶⁹ Там же. Т 5. С. 46.

⁷⁰ Прийма Ф.Я. . С. 337

⁷¹ ПССиП.(2). Письма. Т. 4. С. 308 (436).

⁷² Щербань Н.В. Тридцать два письма И.С.Тургенева и воспоминания о нем. 1861-1875. // Русский вестник. 1890.Т. 209 (июль). С. 9-11.

⁷³ Летопись жизни и творчества А.И. Герцена. 1859 - июнь 1864. М., «Наука». 1983. С. 98-99. (Далее: Герцен. Летопись).

публикации в сборнике «*Nouvelles moscovites*» (1869) («*Московские новеллы*»). Из неизвестного можно привести упоминание в труде А. Мазона письма Тургеневу итальянского переводчика Нигра от 20 мая 1875 года, в котором тот критикует перевод стихотворения «*Пророк*» Пушкина, выполненный Мериме⁷⁴. И пр.

Признанием достоинств Делаво - переводчика может служить и то, что его статьи и переводы помещались в таком влиятельном журнале как «*Revue des Deux Mondes*»⁷⁵, выходили в свет в известном издательстве «*Dentu, Libraire-Editeur*».

И все-таки, если говорить о времени (зиме-весне 1861-1862 года) до и после публикации романа в журнале «*Русский вестник*», то Тургенев - «взыскательный художник» - вряд ли решился бы доверить Делаво работу над переводом по рукописи, в которую продолжал вносить «многочисленные поправки и прибавления» до конца января, незадолго до печатания в «*Русском вестнике*»; или даже по журнальной публикации, в которой «опечаток отыскалось много, а именно около 50, из которых штук 15 жестоких». Что касается самого Делаво, то зимой-весной 1862 года на «*chantier*» («на станке» - Гранжар, Кадо) у него было слишком много работы. До начала мая н. ст. он мог быть занят переводом и подготовкой к изданию на французском языке третьего тома «*Былого и Дум*» Герцена⁷⁶; в тот же период времени он переводил повести Тургенева. С мая по октябрь 1862 года у «строгого к себе, кропотливого и требовательного» переводчика Делаво, не упускавшего «возможностей свою работу над переводом осуществлять при участии самих авторов»⁷⁷, возможности соотнести перевод с Тургеневым не было бы. В мае Тургенев выезжал на несколько дней в Лондон для свидания с Герценом, Огаревым и Бакуниным, был занят семейными и другими делами. Июнь – июль 1862 года писатель провел в России. С 9 (21) августа по 14 (26) октября

⁷⁴ Mazon A. P. 107.

⁷⁵ Из газетки, основанной им в 1829 году только как литературное издание, «*Revue des Deux Mondes*» был превращен Франсуа Бюлозом (редактировавшим его с 1831 по 1877 год) в журнал, печатавший так же философские и научные сочинения. Бюлоз с самого начала сумел привлечь к сотрудничеству молодых талантливых писателей и критиков – Ш.О. Сент-Бева, В. Гюго, А. де Виньи, А. де Мюссе, А. Дюма и др., благодаря чему издание приобрело особую популярность. В то время, о котором здесь идет речь, в конце номера за 1 июля 1862 года указывалось, что журнал выходит дважды в месяц книжками в 256 страниц. Подписка на журнал была открыта в Париже и во всех городах Франции, в Германии, Англии, Швеции, Португалии, США, Египте, Канаде, России (Москве и Петербурге) и многих других странах. В журнале печатались такие известные авторы как Ф.-П.-Г. Гизо, Ш. С.-Р. Талландье, Ж. Мишле, Ф.-М.-Ш. Ремюза, Жорж Санд, П. Мериме Л. Вите и др. В том самом номере за 1 июля 1862 года в рубрике «*Bulletin bibliographique*» журнал поместил рецензию на вышедшие в издательстве Панер II и III части «*Les Misérables*» («*Отверженных*») Виктора Гюго. «*Revue des Deux Mondes*» представлял периодику, в том числе русскую (журналы «*Отечественные записки*», «*Современник*» и др.

⁷⁶ Третья часть перевода Делаво осуществлялась между декабрем 1861 и апрелем 1862 года по изданию, вышедшему в Лондоне в издательстве Трюбнера около 15 декабря н.ст. 1861 года. Выход датируется объявлением в № 19 BF («*Bibliographie de la France*») от 10 мая н.ст. 1862 года.

⁷⁷ Прийма Ф.Я. С. 336.

жил в Баден - Бадене. Ко времени возвращения Тургенева в Париж (15/27 октября 1862 года) работа над переводом была завершена.

Подводя итог обзору известных нам суждений, мы можем сделать вывод: в нашем знании об издании романа во Франции присутствует существенный пробел. Имя автора переложения с достоверностью не установлено. Реконструкция имени переводчика представляется весьма значимой. Этот перевод занимает достойное место в ряду многочисленных переводов произведений Тургенева. Как «превосходный», по определению самого писателя, как «очень точный» по мнению Мериме. Не менее важным является историко-литературное значение труда, поскольку именно он послужил источником для переводов романа «*Отцы и дети*» на другие языки. Вопрос установления автора перевода остается, таким образом, актуальным.

Решение о переводе романа на французский язык было принято до отъезда Тургенева в Россию [21 мая (3 июня) 1862 года]. По приезде в Спасское [5 (17) июня] Тургенев обещал Полине Виардо, не владевшей русским языком, в цитированном выше письме: «вы прочтете эту вещь в течение зимы» (курсив мой – Л.С.). Более точно определить время окончания работы над переводом можно было бы по письму Мериме Тургеневу от 24 ноября н. ст. 1862 года: «В Компьене я (...) читал «*Отцов и детей*». (...) По-моему, ваш роман представляет большие трудности для перевода. *Жалею, что не смогу просмотреть с Вами корректуру* (курсив мой – Л.С.). Впрочем, я готов служить вам, если вы мне ее перешлете в Канн». ⁷⁸

До отъезда в Компьен, где он находился с 11 по 18 ноября н. ст. 1862 года, Мериме располагал, таким образом, экземпляром романа «*Отцы и дети*» и предложением Тургенева просмотреть корректуру. Следовательно, работа над переводом была завершена, и речь шла уже о печатании романа. В Канн Мериме выехал 25 ноября н.ст. 1862 года.

Определяя время начала работы над переводом, необходимо иметь в виду, что роман «*Отцы и дети*», опубликованный в февральской книжке «*Русского вестника*» 1862 года, Тургенев получил от издателя с опозданием более чем на месяц. Только 11(23) апреля он написал Щербаню: «Четыре экземпляра «*Отцов и детей*» я получил в исправности». ⁷⁹

Вряд ли работа над переводом романа была начата до отъезда писателя в Россию [21 мая (3) июня]. По прочтении журнала Тургенев был озабочен качеством

⁷⁸ Мериме Проспер. СС в 6-ти томах. М., «Правда». 1963. Т.6. С. 167-168.

⁷⁹ ПССиП (2). Письма. Т.5. С. 51. См. так же: письма Тургенева Каткову от 23 марта (4 апреля) 1862 года, Анненкову от 25 марта (6 апреля) 1862 года, Боткину от 26 марта 7 апреля) 1862 года. Там же. С. 43, 44, 46.

публикации, «противоречивыми толками и ожесточенными баталиями» вокруг «*Отцов и детей*». «В этот момент, - как справедливо замечает А.И. Батюто, - решалась судьба романа в демократической среде»⁸⁰. Время накануне отъезда в Россию, могло уйти, как отмечалось выше, на поездку в Лондон к Герцену, на «семейные дела» (заботы, связанные с замужеством дочери) и пр.

Письма Тургенева из Парижа от мая 1862 года (незадолго до его отъезда в Россию), содержащие ремарки: «был завален делами», «дела пропасть» и т.п. следует, относить не только к делам семейным, как это принято считать. В это время могла завершаться, помимо прочего, работа над переводами и подготовка к печатанию на французском языке произведений А.С.Пушкина. Поскольку уже в начале июля н. ст. 1862 года журнал «*Illustration*» начал публиковать повесть «*Dobrovsky*». В июне-июле же Луи Виардо, будучи в Баден-Бадене, держал корректуру «*Poèmes dramatiques*» Пушкина.

Маловероятным было бы предположение о том, что к работе над переводом романа мог приступить сам писатель по прибытии в Спасское [5(17) июня 1862 года]. Еще до отъезда в Россию он рассчитывал «по возвращении из деревни доставить (...) новый труд» (повесть «Довольно») для «Русского вестника» Каткова и окончить повесть «Призраки» для журнала «Время» Достоевского.⁸¹ В письме из Спасского-Лутовинова издателю П.- Ж. Этцелю обсуждалась работа над переводом сказок Шарля Перро, который писатель обещал окончить «до наступления осени»⁸². Планы эти в летнее пребывание в деревне осуществлены не были.

Между тем, будучи в Спасском, Тургенев приступил к подготовке текста романа к изданию отдельной книгой. 13(25) июня он предложил Н.Х. Кетчеру «взяться напечатать» роман. 18(30) июня, «не дожидаясь (...) ответа», послал Кетчеру «исправленный экземпляр «*О<тцов> и д<етей>*» с прибавленным посвящением и двумя-тремя вступительными строками. (...) Сделал небольшие прибавления или, лучше сказать, восстановил выкинутое»⁸³. 27 июня (9 июля) 1862 года было получено цензурное разрешение. В письмах Кетчеру (между приездом в деревню в начале июня ст.ст. и отъездом в Баден-Баден в начале августа ст. ст.) Тургенев не раз выражал просьбу завершить издание романа «к концу июля», времени предполагаемого им отъезда за границу⁸⁴. Однако прямо накануне отъезда в Германию в письме издателю, написанном

⁸⁰ Батюто А.И. «Парижская рукопись романа «Отцы и дети». // Русская литература. Ленинград. Издательство Академии Наук СССР. № 4. С. 63.

⁸¹ Письмо Каткову от 14(26) апреля 1862 года; письмо Достоевскому от 22 апреля (4 мая) 1862 года. Там же. С. 57, С. 61.

⁸² Письмо от 9 (21) июля 1862 года. Там же. С. 87 (332).

⁸³ Там же. С. 81

⁸⁴ Письма Кетчеру от 13 (25 июня), 18(30) июня, 22 июля(3 августа) 1862 года. Там же. С. 80, 81, 97.

на следующий день после встречи с ним в Москве, он продолжал делать уточнения в тексте произведения⁸⁵. Таким образом, по приезде в Германию [9(21) августа 1862 года] писатель мог располагать рукописью и журнальной публикацией романа.

Судя по тому, что работа над переводом была завершена в октябре, правомерно было бы сделать вывод: основная часть труда была предпринята в Баден-Бадене, где писатель жил с 9(21) августа по 14(26) октября 1862 года рядом с семьей Виардо, прибывшей в Баден-Баден в начале июня того же года. И – едва ли подлежит сомнению – в соавторстве с Луи Виардо. Работа над переводом романа «*Отцы и дети*» оказалась в ряду других совместных работ 1862 года, самого плодотворного в сотрудничестве Тургенева и Луи Виардо в области перевода. Время приезда Тургенева в Германию было обусловлено с семейством Виардо до его отъезда в Россию⁸⁶.

Короткий баденский период 1862 года в жизни Тургенева и семьи Виардо отметили биографы: Анри Труайя, член Французской академии (Франция), Гюстав Дюлон (Франция), Борис Зайцев; историки литературы: Георг Швиртц (Германия), Надин Натов (США), Мишель Штегеман (Франция), Наталия Генералова, Николай Жекулин⁸⁷ и др.

⁸⁵ Письмо от 2 или 3 (14 или 15) августа 1862 года. Там же. С. 99-100.

⁸⁶ Луи Виардо писал Тургеневу 3 июля н.ст. 1862 года из Баден-Бадена в Спасское-Лутовиново: « (...) et quand vous arriverez ici au mois d'aout » (« (...) а когда вы приедете сюда в августе месяце »). // *Zv. Cor. IT-LV*. P. 221. См. так же письма Тургенева Полине Виардо от 6 (18) июня 1862 года, от 13 (25) июня 1862 года. *ПССУП (2)*. Т.5. С. 72 (326), 78 (329).

⁸⁷ *Troyat Henri*. Tourguéniev. Flammarion. 1985. P. 119-122; *Dulong Gustave*. Pauline Viardot. La tragédienne lyrique. Paris. Association des Amis d'Ivan Tourgueniev, Pauline Viardot et Maria Malibrán. 1987. P. 144-148; *Зайцев Б.* Жизнь Тургенева. Чехов. М., «Дружба народов». 1999. С. 292.

Значительное исследование Г. Швиртца баденского периода в жизни Тургенева позволяет уточнить важную для настоящей статьи дату приезда в Баден-Баден семьи Виардо: «*Als er am 21. VIII. 1862 in der Stadt eintraf, weilte die Familie Viardot schon seit Anfang Juni dort. Die Viardots, mit Bedienung zehn Personen, waren bei einer Fräulein Heinzen im Haus nr. 312 c untergekommen*». («Когда он (Тургенев – Л.С.) 21.VIII.1862 года приехал в этот город, семья Виардо уже жила там с начала июня. Семья Виардо с прислугой десять человек остановилась у некоей фройляйн Хайнцен в доме №312с »). (*Die Fremdenliste in: Badesblatt von 21.VIII.1862. S.820; Die Fremdenliste in: Badesblatt von 7.VI. 1862, S. 232 – Список иностранцев в: Баденский листок от 21.VIII.1862 . 820; от 7. VI. 1862, С. 232*). Имея в виду творчество Тургенева этого периода, Швиртц цитирует фрагмент известного письма Тургенева графине Ламберт от 7(19) октября 1862 года (*ПССУП (2)*. Письма. Т.5.С. 118). Пребывание Тургенева в Баден-Бадене Швиртц соотносит с приятным времяпрепровождением: осмотром окрестностей, поездкой 23 сентября н.ст. в Герольдзау, 16 октября н.ст. – в Гейдельберг. Любопытный момент исследования. Швиртц приводит заметку из газеты «*L'illustration de Bade*» (№ 16 vom 8. IX. 1862), в которой сообщается о знаменитых гостях, посетивших скачки в находившемся рядом с Баден-Баденом Ифецгейме: «*Von der Zahl der litterarischen und künstlerischen Berühmtheiten, die den Rennen beiwonten, möchte ich für den genauen Geschichtsschreiber, folgende ernennen: Frau Pauline Viardot, Fräulein Artot von Meinzen Theater, Herr Louis Viardot und Herr v. Turguenev, den grossen und gefeierten Autor der "Aufzeichnungen eines russischen Jägers"*». («Среди литературных и артистических знаменитостей, которые присутствовали на скачках я хотел бы, как точный историограф, назвать следующих: фрау Полину Виардо, фройляйн Арто из театра в Майнце, герра Луи Виардо и герра фон Тургенева, великого и блистательного автора «Записок русского охотника»). См: *Schwirtz G.* Baden im Leben und Schaffen Turgenews.// *I.S. Turguenev und Deutschland: Materialien und Untersuchungen*. Akademie -Verlag. Berlin.1965. Bd. 1. S. 248-249.

Natov Nadine, professeur à l'Université Geoge Washington de Washington. L'image de l'Allemagne dans les oeuvres de Tourguéniev. // *Cahiers*. № 7. 1983. P.89-90.

Доктор филологии, известный ученый-славист Рольф-Дитер Клуге (Германия), автор монографии с необычайно красивым названием «*Ivan S. Turgenev. Dichtung zwischen Hoffnung und Entsagung*» («Иван Тургенев. Созидание между надеждой и самоотречением») пишет в своем исследовании: «*Nachdem Turgenev den Sommer wieder auf seinem Landsitz Spasskoie verbracht hatte, entschloss er sich am August 1862, in Baden-Baden eine Wohnung zu nehmen, weil sich die Familie Viardot dort niedergelassen hatte*»⁸⁸.

И зарубежные, и отечественные исследователи сходятся во мнении о мотивах пребывания Тургенева в Баден-Бадене в 1862 году. В Примечаниях к письмам Тургенева (Первое и Второе академические издания) на первый план равно выдвигаются обстоятельства личной жизни писателя: «В связи с тем, что семья Виардо с весны 1862 года прочно обосновалась в Баден-Бадене, он также решает сделать этот немецкий курортный городок основным местом своего жительства»⁸⁹.

Имея в виду творчество этого периода, исследователи цитируют самого Тургенева, который из Баден-Бадена писал: «не знаю, буду ли работать»; «продолжая ничего не делать»; «разумеется, ничего не делаю». И, наконец, 7(19) октября, незадолго до отъезда в Париж, Е.Е. Ламберт: «Здесь я жил очень хорошо: видался постоянно с моими старинными приятелями, разъезжал, охотился, читал - ничего не писал сам»⁹⁰.

Рассматривая в нашей статье проблему авторства французского перевода романа «*Отцы и дети*», нельзя обойти вниманием другие - определяющие, скажем мы, - обстоятельства жизни Тургенева этого периода времени.

Биографы и историки литературы не отметили чрезвычайно важную сторону жизни писателя в Германии летом-осенью 1862 года. У поездки в Баден-Баден были и иные, изначально и прежде всего, полагаем, *политические prétextes (предпосылки)*.

С одной стороны, ко времени отъезда в Россию, т.е. до конца, по крайней мере, мая 1862 года речь могла идти, и, по всей видимости, назрела для Тургенева и обсуждалась уже необходимость перемещения состояния в Германию - эмиграции. Для семьи Виардо

Stégemann Michael. Pauline Viardot à Baden-Baden. // Cahiers. №9. 1985. P. 92. Благодаря Штерегману мы можем уточнить временные границы пребывания семьи Виардо в Баден-Бадене в 1862 году: «du 7 juin au 28 septembre» («с 7 июня по 28 сентября» н. ст. – Л.С.). Далее: Stégemann M.

Генералова Н.П. И.С.Тургенев: Россия и Европа. Санкт-Петербург. Издательство Русского Христианского гуманитарного института. 2003. С. 241-252.

Жекулин Н.Г. Тургенев в кругу семьи Виардо. // И.С.Тургенев. Новые исследования и материалы. Москва - С.-Петербург. Альянс-Архео. 2012. Т. III. С. 6, 7.

⁸⁸ «После того, как Тургенев вновь провел лето в своем имении Спасское, он принял решение в августе 1862 года приискать себе квартиру в Баден - Бадене, поскольку там обосновалась семья Виардо». *Kluge Rolf-Dieter. Ivan S. Turgenev. Dichtung zwischen Hoffnung und Entsagung. München. Erichewel Verlag. 1991. S. 97.*

⁸⁹ *ПССУП(2). Письма. Т.5. С. 401; см. так же: ПССУП(1). Письма. Т.5. С.491*

⁹⁰ *ПССУП(2). Письма. Т.5. С.118.*

эта поездка была связана, по мнению М. Штегемана, с «конкретизацией решения»⁹¹ о переселении в Баден-Баден. По прибытии в Баден-Баден (начало июня н. ст. 1862 года) Луи Виардо начал готовить почву для осуществления намерений. Приведем фрагмент не публиковавшегося на русском языке письма Луи Виардо, который может служить главным, полагаем, доводом в пользу нашего предположения. 3 июля н.ст. 1862 года он писал Тургеневу в Россию: «Со времени моего приезда в Баден-Баден я уже навел справки и даже у деловых людей (...). В случае если вы примете подобное (как и семья Виардо – Л.С.) решение, то *вам не нужно будет продавать почти все ваше состояние для того, чтобы перевести его в Германию с большими потерями при продаже, на денежном курсе и в доходах* (курсив мой - Л.С.), Вам следовало бы собрать достаточно денег для того, чтобы купить себе или построить шале в садике. С 30 000 или 40 000 франков вы имели бы то, что вам нужно. (...) Вам остается только последовать примеру многих ваших соотечественников, которых здесь довольно много, и не проездом, а обжившихся и ставших собственниками»⁹².

С другой стороны, из Баден-Бадена, «удобно соотносившегося с Гейдельбергом и Лондоном», можно было возобновить сообщение с лондонскими изгнанниками Герценом и Огаревым, а так же посетить находившийся рядом Гейдельберг⁹³, один из центров русской политической эмиграции.

В этой связи уместно напомнить об общественных и политических обстоятельствах того периода времени, с которыми сопрягается пребывание Тургенева в Германии в 1862 году, и в более широком контексте которых вызревала и реализовывалась идея перевода романа «*Отцы и дети*» - предмет нашего весьма и весьма скромного интереса.

В 1862 году массовый характер приняло крестьянское движение. Вслед за событиями весны 1862 года – покушением на великого князя Константина, распространением прокламаций, петербургскими майскими пожарами - правительство встало на путь открытой реакции и репрессий. В июне оглашен приговор военно-полевого суда по делу Варшавской революционной организации. Начались массовые аресты. Среди арестованных – Д.И.Писарев, открыто призывавший в своей статье-прокламации к

⁹¹ «Le but majeur de ce long séjour était de concrétiser la décision prise sans doute auparavant de s'établir définitivement à Baden-Baden» («главная цель этого длительного пребывания заключалась в том, чтобы конкретизировать решение, принятое, безусловно, заранее, - обосноваться в Баден-Бадене»). *Stégeman M.* Там же.

⁹² *Zv. Cor. IT-LV.* P.220-221. Полный текст письма от 3 июля н. ст.1862 года воспроизводится ниже.

⁹³ Гейдельберг и Лондон назывались Н.П. Огаревым чуть ли не на равных началах, как центральные пункты, с которыми должны быть связаны все комитеты и революционные организации России.

«изменению политического и общественного строя»⁹⁴. В июле арестован и заключен в Алексеевский рavelин Петропавловской крепости Н.Г. Чернышевский за «противозаконные сношения с изгнанником Герценом, стремящемся пропагандой ниспровергнуть существующий в России образ правления и участие с Герценом в сих преступных его замыслах»; «сочинение возмутительных воззваний к барским крестьянам»; «приготовление к возмущению», «принятие участия в ниспровержении правительства». Арестованы Н.А. Серно-Соловьевич, Н.М. Владимиров и другие революционеры⁹⁵. Правительством временно было запрещено издание журнала «Современник», в котором «развивались по преимуществу материалистические и социалистические идеи, стремящиеся к отрицанию религии, нравственности и закона»; журнала «Русское слово» и еженедельной газеты московских славянофилов «День».

Издававшийся Герценом в Лондоне «Колокол» информировал о ходе событий в России. Так Л.139 (датирован 3(15) июля) среди прочих содержит статью Герцена «Выстрелы, раны и убийства, Константин Николаевич, Лидерс, Арнгольдт и пр.», в которой сообщалось о приговоре военно-полевого суда по делу членов варшавской революционной организации (к расстрелу приговорены Арнгольдт, Сливицкой, Ростовский); а так же заявление «От издателей» с предложением издавать в Лондоне газету «День», журналы «Современник» и «Русское слово»⁹⁶. В зарубежной периодической печати помещаются статьи различного толка о Герцене⁹⁷, в отечественной публицистике открыто широкое место оппозиции против Герцена⁹⁸.

⁹⁴ Здесь и ниже в абзаце приводятся фрагменты из «Определения правительствующего сената»././ Лемке Мих. Политические процессы в России 1860-х гг. (по архивным документам). Издание второе. Изд-во Москва-1923-Петроград. С.474-486.

⁹⁵ Весть об аресте Д.И. Писарева, Н.Г.Чернышевского, Н.А.Серно-Соловьевича застала Тургенева в середине июля в Спасском-Лутовинове.

⁹⁶ А.И. Герцен. Летопись. С. 340.

⁹⁷ Еще в апреле 1861 года в Берлине, в издательстве Б. Бера вышла под псевдонимом Д.К. Шедо-Ферроти брошюра барона Ф.И.Фиркса «*Les serfs non encore libérés*» («Крепостные, не получившие ещё свободу») с полемикой против Герцена, особенно в связи с публикациями «Колокола». В феврале 1862 года в Берлине же была издана его брошюра «*Lettre de M-r Herzen à l'ambassadeur de Russie à Londres avec une réplique et quelques observations de D.K. Schédo-Ferroti*». («Письмо А.И. Герцена к русскому послу в Лондоне с ответом и некоторыми примечаниями Д.К. Шедо-Ферроти»). В политической позиции Герцена Шедо-Ферроти видит намерение «опрокинуть насильственно существующий» в России «порядок», «проповедование междоусобной войны», а в периодических изданиях Герцена – «орудия» его личных интересов, «органы партии беспорядка и насилия, партии демократического терроризма». Там же. С. 204, 284.

В парижской газете «*Siècle*» от 8 января н.ст. 1862 года помещена статья с критикой Герцена, который, «нравственно ломая старые императорские учреждения и нападая на них, не предлагает никаких новых порядков, которым бы народ повиновался и уважал бы». Там же. С.274.

15 января н.ст. 1862 года в №2 «*Revue des Deux Mondes*» в статье «*La Russie sous le règne de l'empereur Alexandre II*» («Россия в царствование императора Александра II») Шарля Мазада дается высокая оценка деятельности Герцена, «человека глубоких убеждений, пламенной любви к своей стране и возвышенного характера» Там же. С.277

Ряд статей во французской печати был посвящен выходу в свет французского издания «Былого и дум» в переводе Делаво. Три статьи поместил либеральный критик Анри Мартен в газете «*Siècle*» (от

Во время встречи Тургенева с Герценом, Огаревым и Бакуниным в Лондоне в мае [1(13)? – 5(17)?]⁹⁹ 1862 года вышел Л 133 «Колокола» [датирован 15 мая н.ст.]. В нем среди прочих публикаций - статья Герцена «Ultimatum», здесь же перепечатана распространяемая в Петербурге прокламация «Офицеры! Настало время...», призывавшая поддержать народ в его борьбе за освобождение¹⁰⁰.

Связь с лондонскими пропагандистами прервалась на все время пребывания Тургенева в России [26мая(7июня) – 4(16) августа 1862 года]. Прямо после встречи в Лондоне Герцен писал Тургеневу 9 (20) мая: «Прощайте bon voyage(...) Я собираюсь писать тебе *авангардное* письмо - о нашем споре»¹⁰¹.

Будучи проездом в Петербурге [26 мая (7 июня) – 2 (14) июня], Тургенев встретился в Петропавловской крепости с братьями Бакуниными; посетил редакцию нового журнала «*Время*» Достоевского; заходил к Серно-Соловьевичу, доставившему пакет важных бумаг от Герцена.

Сообщение с Герценом было возобновлено по приезде Тургенева в Германию [9(21) августа]. Только в Баден-Бадене Тургенев, активно сотрудничавший - со времени начала его издания в 1857 году - «в радикальном «*Колоколе*»¹⁰², смог прочесть вышедшие после его отъезда в мае в Россию номера газеты и помещенные в них первые пять (из восьми напечатанных в «*Колоколе*») «*авангардных писем*» Герцена, озаглавленных «*Концы и начала*». По прочтении «*Письма первого*» и «*Письма второго*», опубликованных соответственно 1 июля н.ст. и 1 августа н.ст. (Л.138, Л. 140), Тургенев

марта 26, мая 5, мая 12 н. ст. 1862 года). В них подчеркивается значение Герцена, сумевшего благодаря «его необыкновенному характеру, смелости», проникнуть «через все препятствия и барьеры прямо в сердце русского народа». Там же. С. 290-291. Интерес к личности Герцена объясняется той значительной ролью, которую он играет в современной жизни, подчеркивается его патриотизм. Там же. С. 301.

⁹⁸ Так в передовой статье газеты «Новое время» № 117 от 3(15) июня 1862 года петербургские пожары объясняются преднамеренными поджогами, высказываются подозрения о их связи «с одним из самых отвратительных произведений подземной литературы» (прокламацией «Молодая Россия») и содержится намек на связь этих событий с деятельностью Герцена. Там же С. 325.

Резкие выпады против Герцена помещались в «Современной летописи (еженедельном приложении к «Русскому вестнику» Каткова). 6 (18)июня 1862 года в редакционной статье Катков объявляет петербургские пожары делом рук передовой молодежи, а революционную деятельность «русских агитаторов, проживающих комфортабельно за морями» (Герцена и Огарева) оценивает «как те же поджоги». Там же. С. 326

⁹⁹ Указатель мест пребывания Тургенева отмечает эти даты нахождения Тургенева в Лондоне. (ПССиП(2). Письма. Т.5. С. 580.) В Летописи жизни и творчества А.И.Герцена (С. 307-308), а так же в комментариях к письмам Герцена (Герцен. Письма. Т. XXVII, кн. 2, С. 693) указываются следующие даты: приезда Тургенева в Лондон 2?(14?) мая, отъезда в Париж 7(19) мая 1862 года.

¹⁰⁰ Герцен. Летопись. С. 307.

¹⁰¹ Герцен. Письма. Т. XXVII, кн. 1. С. 222.

¹⁰² Рейсер С.А. Тургенев- сотрудник «Колокола». //И.С.Тургенев. Материалы и исследования. Сборник под ред. Профессора Н.Л. Бродского. Издательство Орловского областного Совета депутатов трудящихся. Орел. 1940. С. 136-147.

начал писать ответ на них, однако приостановился, получив «официозное распоряжение» не печататься в «Колоколе».

Первое письмо Тургенева (неизвестно) Герцену (после встречи с ним в Лондоне) было написано, судя по всему, незадолго до отъезда Тургенева в Германию¹⁰³. В ответном письме от 10(22)августа 1862 года, направленном уже в Баден-Баден, Герцен пересылал «Колокол» Л.141 [от 15 августа н.ст.]. В этом номере среди прочих статей («Отчего правительство притаилось следствием о зажигательстве?», «Журналисты-террористы», «Хроника террора» и др.) был опубликован «(Список лиц, которых правительство велело задержать по возвращении из-за границы)». В списке поименованы посещавшие Герцена в Лондоне В.В. Стасов, В.Ф. Корш, А.Ф. Писемский, Н.М. Жемчужников, Н.Г. Рубинштейн, Ф.М.Достоевский, С.П. Боткин и многие другие. Позднее Герцен пересылал другие номера «Колокола»¹⁰⁴.

В Баден-Бадене Тургенева посетил [до 16(28) сентября] Н.Ф. Лугинин, член гейдельбергской читальни. Будучи проездом из Лондона в Гейдельберг, Лугинин передал Тургеневу составленный Огаревым и одобренный Герценом и Бакуниным проект адреса Александру II. Аргументируя свою позицию в письме Лугинину от 26 сентября (8 октября), предназначенном для передачи Герцену, а так же в письмах Герцену от 26 сентября (8 октября) из Баден-Бадена и от 4(16) октября 1862 года из Гейдельберга, Тургенев не принял проекта адреса¹⁰⁵. «Историко-философская и социально-политическая дискуссия Тургенева с Герценом, Огаревым и Бакуниным, проходившая в Лондоне в начале мая 1862 года» (Оксман Ю.Г.), была продолжена в переписке Тургенева с лондонскими пропагандистами во время пребывания в Баден-Бадене и в цикле статей Герцена «Концы и начала». «Итогом полемики о путях развития России» явилось идейное разногласие и размежевание, за которыми последовал разрыв.

¹⁰³ Время его написания можно установить на основании ответа на него Герцена от 10 (22) августа 1862 года. Писалось оно Тургеневым по прочтении в журнале «Русский вестник» (номер от 18(30) июля 1862 года) «Заметки для издателей «Колокола» Н.М. Каткова. Катков обрушивается с бранью на Герцена, который «до последнего времени (...) был для русской литературы неприкосновенной святыней», с бранью и клеветой, подчеркивает опасность революционной агитации Герцена для русской молодежи, связывает его политические выступления с Петербургскими пожарами, обвиняет его в подстрекательстве «юношей-фанатиков» к кровавым преступлениям». (Герцен. Летопись. С. 347). 10(22) августа 1862 года Герцен отвечал Тургеневу: «Я твоему письму был очень рад и, хотя ни минуты не сомневался, что ты можешь апробовать говнословие Каткова - но все же было весело прочесть. Я еще не удостоился прочтения «Рус(ского) вест(ника)» (...) Читал ли ты ряд моих посланий к тебе («Концы и начала»), доволен ли ими, али прогневался, - прошу сказать». (Герцен. Письма. Т. XXVII. Кн.1. С.252). 15(27) августа 1862 года Тургенев писал Герцену: «(...) Спасибо за скорый ответ (...) легкие пени на тебя за то, что ты мог подумать, что твои две статьи («Концы и начала») могли меня рассердить. Я их только теперь прочел (курсив мой- Л.С.)». (ПССиП (2). Письма. Т.5. С. 102).

¹⁰⁴ Герцен. Летопись. С. 354, 359.

¹⁰⁵ Письмо Лугинину от 26 сентября (8 октября) 1862 года. ПССиП(2).Письма. Т. 5. С. 110-112; Письмо Герцену от 26 сентября (8 октября) 1862 года. Там же. С.112-114. Письмо Герцену от 4(16) октября 1862 года. Там же. С. 115-117.

Вслед за встречей с Лугининым Тургенев предпринял из Баден-Бадена две поездки в Гейдельберг [около/до 16(28) сентября и 4(16) октября].

Таким образом, на все время пребывания Тургенева в Баден-Бадене летом - осенью 1862 года пришлось, помимо прочего, кульминация диалога и спора с Герценом и Огаревым и членами русской студенческой читальни в Гейдельберге.

Принимая во внимание эту сторону жизни Тургенева в Германии, а также то, что семья Виардо выехала из Баден-Бадена 16(28) сентября, правомерно было бы сделать вывод, что месяца с небольшим для работы над переводом романа, пожалуй, недостаточно. Между прибытием Тургенева в Баден-Баден [9(21) августа] и отъездом семьи Виардо [16(28) сентября] из Баден-Бадена в Париж шла, скорее всего, совместная работа с Луи Виардо над завершением перевода и его редактированием.

Историки литературы не раз отмечали, что определить меру участия каждого из французских соавторов Тургенева в области перевода невозможно. В случае с переводом романа «*Отцы и дети*», не будет ошибкой предположение о том, что значительная часть труда осуществлялась Луи Виардо в течение лета по приезде в Баден-Баден (7 июня н.ст. 1862 года), одновременно с редактированием переводов произведений Пушкина.

Мы привносим в наше исследование неожиданное суждение, приняв известное мнение историков литературы о том, что Луи Виардо не знал русского языка. Мнение, безусловно, справедливое. Однако оно может иметь скорее отношение к рассматриваемому ими периоду - середине сороковых годов, времени начала совместного труда с Тургеневым над переводами произведений Гоголя, Пушкина, Лермонтова - и опирается на известное утверждение самого Луи Виардо, помещенное в предисловии к публикации переводов произведений Гоголя (1845).

Выполненные в сороковые годы Тургеневым при участии Луи Виардо; с другой - содействием Луи Виардо изданию во Франции произведений тех же писателей в пятидесятые годы, в ту пору, когда Тургенев жил в России; равно как и совместный труд с Тургеневым над переводом собственных произведений русского писателя по приезде его во Францию в 1856 году; и, наконец, неоднократное посещение России, годы дружеского общения с Тургеневым и другими русскими знакомыми не могли не принести своих плодов в овладении русским языком увлеченного Россией и ее культурой Луи Виардо. Отметим очевидное: имена, указанные на титуле отдельных изданий и в журнальных публикациях. В сборнике «*Nouvelles russes*» («*Русские новеллы*», 1845) Гоголя указано: «Traduction française publiée par Louis Viardot. En collaboration avec Tourguénev» («Французский перевод, опубликованный Луи Виардо. В сотрудничестве с Тургеневым»). Повесть Пушкина «*La fille du capitaine*» («*Капитанская дочка*») была

напечатана впервые во французском переводе в газете «*Illustration*» в 1846 году с указанием имен переводчиков: «*Traduction de Louis Viardot. En collaboration avec Tourguénev*» («Перевод Луи Виардо. В сотрудничестве с Тургеневым»). В следующем, сокращенном переиздании повестей Гоголя, вышедшем под названием «*Nouvelles choisies*» («*Избранные новеллы*») в 1853 году (напомним, с 1850 по 1856 год Тургенев жил в России) в издательстве Hachette, указано: «*Traduit par Louis Viardot*» («переведено Луи Виардо»). В том же 1853 году, в том же издательстве Hachette вышла повесть Гоголя «*Tarass Boulba*». «*Traduit du russe par Louis Viardot*» («переведена с русского Луи Виардо»). В 1855 году Луи Виардо был занят подготовкой третьего издания сборника «*Nouvelles*» («*Повестей*») Гоголя, к которым добавил повесть «*Le Manteau*»¹⁰⁶. В 1858 году в Париже вновь в издательстве Hachette вышел сборник произведений Тургенева «*Scènes de la vie russe*» (deuxième série, traduite avec la collaboration de l'auteur par Louis Viardot) («*Сцены из русской жизни*», вторая серия, переведено Луи Виардо в сотрудничестве с автором). Весной 1859 года [с 4 (16) июня 1858 года по 30 апреля (12 мая) 1859 года Тургенев жил в России] Луи Виардо был занят переводом романа «*Дворянское гнездо*»¹⁰⁷. Что касается 1862 года, того времени, о котором здесь идет речь, то отметим упоминавшиеся выше: сборник произведений Тургенева под названием «*Dimitri Roudine*» (Traduit par Louis Viardot en collaboration avec Tourguénev. Paris. Hetzel – переведено Луи Виардо в сотрудничестве с Тургеневым), а так же публикацию фельетонами в газете «*Illustration*» с июля по сентябрь повести Пушкина «*Doubrovsky*» (перевод Луи Виардо). Между тем, как в ноябре того же года отдельным изданием вышли «*Poèmes dramatiques*» в переводе и с предисловием Тургенева и Луи Виардо. К

¹⁰⁶ «Шинель». Перевод ее был осуществлен, как известно, при посредничестве Р. Таля. Сборник произведений Гоголя издан не был.

¹⁰⁷ Роман был опубликован в первом номере журнала «Современник» за 1859 год. 6 апреля ст.ст. 1859 года Боткин писал Тургеневу: «(Делаво) в великом беспокойстве по поводу перевода твоего «Гнезда». Ему сказали у Трубецких, что его переводит Виардо. Из этого он заключает, что если ты ему сам не послал, то это потому, что ты не хочешь, чтобы он перевел ее и он боится, чтобы ты не стал протестовать против его перевода. Между тем, - продолжает он, - перевод Виардо может напечататься только или в *Journal pour tous* или в *Illustration*, - и что для тебя конечно приятнее быть напечатанным в *Revue des Deux Mondes*. (...) В заключении он просит меня как-нибудь уладить это дело. (...). Потрудись, ответь мне, что я должен написать Делаво. Впрочем, если ты и действительно желал, чтобы перевод был сделан Виардо, но так как он может появиться не в *Revue*, а в других журналах, - то почему перевод Делаво не может явиться в *Revue*?» (Цит. По: В.П.Боткин и И.С.Тургенев. Неизданная переписка. 1851-1869. «ACADEMIA». Москва-Ленинград. 1930. С. 153-154). Работая над переводом «Дворянского гнезда», Луи Виардо в том же 1859 году отказал издателю Этцелю взяться за перевод одной из русских книг. В письме Виардо указал ту же причину, что и в 1845 году: «*Mon cher Hetzel, ne m'envoyez aucun livre, je ne sais pas un mot de russe. J'ai eu soin d'annoncer, à deux reprises, comment mes traductions du russe étaient faites (...)*» («Мой дорогой Этцель, не присылайте мне никакой книги, я не знаю ни слова по-русски. Я дважды в печати объяснял, каким образом были сделаны мои переводы с русского(...)»). (*Cadot M.* P.56.)

Указанная Виардо причина носила на этот раз, вне всякого сомнения, формальный характер. Он продолжал заниматься собственными или совместными переводами с русского языка на французский.

январю 1863 года будет завершена совместная работа над переводом «*Евгения Онегина*» (печатались в именами переводчиков – Луи Виардо и Тургенева).

Было бы неверно при этом не учитывать здесь того обстоятельства, что литературное сотрудничество, столь распространенное среди французских писателей и драматургов в 19 веке, допускало по взаимному согласию указание имени одного автора.

И все-таки, наше суждение, высказанное выше, имеет, полагаем, достаточные основания. Уезжая в Россию в конце мая (начале июня) 1862 года, Тургенев мог предоставить Луи Виардо журнальную публикацию «*Отцов и детей*».

Отдельное издание романа вышло в Москве в начале сентября ст.ст. 1862 года. До конца октября ст.ст. книгу от издателя Тургенев не получил. 28 октября(9 ноября) 1862 года он писал издателю Кетчеру из Парижа: «Экземпляров «Отцов и детей» я еще не получал – а очень бы мне хотелось посмотреть на них – да они мне и нужны. Ты распорядился насчет высылки?»¹⁰⁸. Впрочем, несколько книг мог доставить приехавший в Баден-Баден в середине сентября Боткин¹⁰⁹. Судя по тому, что «экземпляр» был препровожден Тургеневым из Баден-Бадена в Мюнхен О.Н. Нелидовой и обещан по приезду в Париж Ф. Боденштедту¹¹⁰. Это является еще одним свидетельством в пользу нашего утверждения, что перевод, работа над которым была завершена в октябре, осуществлялся по тексту первой публикации в «Русском вестнике».

Работу над совершенствованием перевода мог продолжать сам Тургенев по получении отдельного издания. Его пребывание в Бадене затянулось до 26 октября н.ст.¹¹¹. По приезде Тургенева в Париж (27 октября н.ст.) рукопись перевода была

¹⁰⁸ ПССуП(2). Письма. Т.5. С. 128.

¹⁰⁹ Дату приезда Боткина в Баден-Баден М.К. Клеман определяет – «13 (25) сентября около этого дня». Выход «Отцов и детей» Клеман датирует по объявлению в газете «*Московский вестник*» № 198 от 11 сентября ст.ст. 1862 года. См.: Клеман М.К. Летопись жизни и творчества И.С.Тургенева. Москва-Ленинград. «ACADEMIA». 1934. С. 135.

¹¹⁰ И.С.Тургенев – Ф. Боденштедту 19(31) октября 1862 года из Парижа: «Если увидите г-жу Нелидову, скажите ей, что я жду ответа на письмо, посланное ей из Баден-Бадена. Одновременно я отправил ей экземпляр моего последнего романа - «*Отцы и дети*». Если вам интересно его прочесть, то возьмите у нее – или же я вышлю вам экземпляр отсюда» (*курсив мой- Л.С.*). ПССуП(2) Письма. Т.5. С. 122 (337).

¹¹¹ Писатель рассчитывал выехать из Бадена в Париж в конце сентября вместе с семьей Виардо. Еще до отъезда в Германию он писал 9(21) июля из Спасского-Лутовинова французскому издателю Этцелю: «Я намереваюсь провести месяц в Бадене, прежде чем возвратиться в Париж, что произойдет приблизительно в конце сентября». [*Письма. Там же.* С. 87 (332-333)]. См. так же: письма Тургенева М.А.Маркович от 11(23) августа (там же, С.101); Н.Н. Рашет от 11(23) августа (там же); М.А. Маркович от 15(27) августа (там же, С. 103); Н.С.Тургеневу от 18(30) августа (там же, С. 104) и др. Совместный с семьей Виардо выезд в Париж в конце сентября н. ст. предполагался, очевидно, в связи с открытием нового театрального сезона, в течение которого (осень 1862 - начало 1863 года) Полине Виардо предстояло петь в «*Орфее*» в новом зале, торжественно открывавшемся в Шателе 4 октября н.ст. 1862 года.(См.: *Dulong Gustave. Pauline Viardot. Tragédienne lyrique. Deuxieme édition. Association des amis d'Ivan Tourgueniev, Pauline Viardot et Maria Malibran. Paris. 1987. P.144*). 28 сентября н.ст. 1862 года семья Виардо выехала из Баден-Бадена в Париж, Тургенев – в Гейдельберг. 16 октября н.ст. 1862 года состоялась еще одна поездка в Гейдельберг. В Париж Тургенев прибыл 27 октября н.ст. 1862 года.

передана в журнал «*Revue des Deux Mondes*», а письмо, в котором Тургенев предлагал «просмотреть корректуру», и «экземпляр» романа были препровождены Мериме

Подводя итог изложенному, мы можем, полагаем, с достаточным на то основанием утверждать: перевод романа «*Отцы и дети*» на французский язык является плодом совместного труда Луи Виардо и Тургенева.

В известных письмах Тургенева, Луи Виардо, каких-либо других документах и воспоминаниях упоминания об их совместных литературных трудах крайне редки. Для Тургенева и Луи Виардо, работавших по преимуществу бок о бок, их переводческая деятельность была, действительно, «легче, чем для кого бы то ни было» (Щербань). Они не имели необходимости, как в случае сотрудничества с другими переводчиками - часто на расстоянии, - в обсуждении возникавших проблем, оценки качества переводов в письмах. Тем большую сложность представляет сегодня реконструкция совместного труда двух писателей. А, следовательно, тем большую значимость приобретает каждый вновь найденный, равно как и в целом, в принципе, документ.

Недавний новый труд А. Звигильского «*Correspondance Ivan Tourgueniev- Louis Viardot. Sous le sceau de la fraternité*» («*Переписка. Иван Тургенев - Луи Виардо. Под печатью дружбы*»),¹¹² выход которого много лет ждали исследователи, дополняет известную переписку Тургенева и Луи Виардо, множеством новых ценных документов, хранившихся долгие годы в архивах и частных коллекциях во Франции.

В связи с предметом нашего исследования в этом издании примечательно письмо Луи Виардо Тургеневу из Баден-Бадена от 3 июля н.ст. 1862 года (фрагмент цитировался выше). Оно встраивается в контекст воспроизводимых здесь событий, дополняя их описаниями реальной баденской жизни. Публикация и комментарии (с 74 по 89 настоящей статьи) А. Звигильского.

¹¹² Zvigilsky Alexandre. Correspondance. Ivan Tourgueniev – Louis Viardot. Sous le sceau de la fraternité. NHERMANN-EDITEUR. Paris. Association des Amis d'Ivan Tourguéniev, Pauline Viardot et Maria Malibrán. Cahiers № 24. 2000 (2010). P. 219-222. Об этом издании см.: Звигильский Александр. Иван Тургенев в переписке с Луи Виардо. // И.С. Тургенев. Новые исследования и материалы. Москва - С.-Петербург. Альянс-Архео. 2011. Т. II. С.46-53.

Viardot a Tourgueniev

BADE, le 3 juillet 1862

Mon cher ami,

Nous étions tellement inquiets de vous, il y a quelques jours n'ayant reçu aucune nouvelle depuis votre billet de Berlin, que j'ai écrit à M Botkin pour le prier de nous faire savoir ce que vous étiez devenu. Presque aussitôt est arrivée votre lettre à Pauline datée de Spasskoïé le 6/18 juin. Ce n'est qu'hier que j'ai reçu votre lettre datée de Moscou le 4/6. Mais ce retard s'explique par la petite traite qu'elle renferme et qui porte la date du 13/25. Je suppose que vous avez laissé la lettre ouverte dans les mains de quelqu'un qui était chargé d'y glisser la traite, et qui ne s'est point hâté. Ainsi tout s'explique. L'essentiel, c'est que nous vous sachions arrivé chez vous bien portant, ayant rencontré sans encombre vos deux capitales agitées et trouvant vos affaires en bon situation, vous donnant bonne espérance.

C'est justement d'affaires que je veux aujourd'hui parler avec vous.

Qui donc vous a donné des renseignements sur la valeur des propriétés en Allemagne et du revenu qu'ont peut attendre d'un placement immobilier dans ce pays? Il me semble qu'il a commis une grave erreur, et vous a mis dans une fausse voie.

Depuis mon arrivée à Bade, j'ai pris aussi des renseignements, même près des gens d'affaires qui auraient intérêt à m'attirer dans leurs clientèle, et partout j'ai reçu une réponse uniforme: c'est qu'il ne fallait pas attendre un revenu supérieur à 3% du capital ainsi placé. C'est moins qu'en France. Dunque, la cosa cambia aspetto. Il nous a semblé dès lors qu'il valait mieux, sans renoncer à notre projet, lui donner un autre tour. Au lieu d'avoir les embarras de la propriété (avec un si faible revenu) dans un pays dont je ne sais ni la langue ni les lois, ni les habitudes; au lieu d'enterrer ma femme et mes enfants dans un village au fond d'une province, ne serait-il pas préférable d'acquérir seulement une habitation, en gardant un meilleur placement des capitaux, et de l'acquérir dans un beau pays qui réunirait les avantages de la société à ceux de la solitude et qui me donnerait la seule chose que j'ambitionne, comme vous, dans la propriété foncière, une chasse facile, bonne et variée? En d'autres termes, ne serait-il pas préférable d'acquérir simplement une villa autour de Bade? Vous connaissez ce pays et ses agréments de toute nature. Nous y voyons chaque jour autant de monde qu'à Paris, et, si nous nous enfonçons dans les bois, nous sommes au désert. Ces deux extrêmes plaisent également à ma femme, à Louise, aux enfants. Tous sont enchantés d'être ici. Quant à moi, j'ai la certitude d'y trouver de la chasse à coeur joie. Déjà, moyennant 15 florins par an, je suis sociétaire de la chasse dans les forêts qui entourent Bade et qui appartiennent à la ville. Il n'y a pas moins de 8 000 morgens! Je trouverai facilement, m'assure-t-on, à prendre également une part dans quelque bonne chasse de plaine.

Et cela, sans compter les invitations de M. Benazet et d'autres. On peut donc ici chasser en propriétaire, sans l'être, et en restant citadin. Cette combinaison nous semble la meilleure, et tellement que nous sommes en quête d'une maison qui serait de ville et de campagne, dedans et dehors, ni trop près, ni trop loin; et tellement que nous en avons une en vue, qui ferait parfaitement notre affaire. Mais je ne veux rien vous dire de plus, ne sachant pas encore si la négociation entamée aura une heureuse issue, et me réservant, dans ce cas, de vous adresser d'amples détails.

Seulement il faut payer le gibier qu'on emporte, à l'allemande.

Je me suis étendu un peu longuement sur ce sujet parce que j'imagine que notre exemple pourrait bien vous servir. Si vous preniez une résolution semblable, vous n'auriez pas besoin de réaliser presque toute votre fortune pour la faire passer en Allemagne, avec grande perte sur la vente, le change et le revenu. Il vous suffirait de ramasser assez d'argent pour acheter ou faire bâtir un chalet dans un petit jardin. Avec 30 ou 40 000F, vous auriez ce qu'il vous faut. La chasse se trouverait ensuite, sans dépense folle. Vous ne feriez qu'imiter beaucoup de vos compatriotes, qui sont nombreux ici, non de passage, mais établis et propriétaires.

Enfin réfléchissez bien à la position qu'il vous convient le mieux de prendre; choisissez entre un château et un chalet; voyez ce qui est le plus facile, le plus prompt, le moins embarrassant et le moins coûteux. Et quand vous arriverez ici, au mois d'août, vous dirigerez vos recherches en conséquence. Je pourrais même, en vous attendant, faire quelques recherches moi-même, et vous préparer le terrain, si vous preniez assez décidément votre parti pour n'avoir plus, en arrivant, que l'embarras du choix.

J'imagine que le récent oukase qui permet l'exportation du numéraire fera baisser le change et rendre moins ruineux un envoi ou un apport d'argent: autre facilité.

Depuis mon arrivée à Bade, j'ai corrigé les épreuves des Poèmes dramatiques de Pouchkine, qui doivent être maintenant en volume. On commence aussi à imprimer Doubrovski pour L'Illustration.

Cela dit, je passe la plume à d'autres mains, en vous envoyant une poignée des miennes.

Louis V.

Didie est allée se promener. Elle vous écrira la prochaine fois.

[P.V.] BNF.-Inédite

3 ИЮЛЯ 1862. Баден - Баден.

Мой дорогой друг,

Мы так беспокоились за вас, не получив в последние дни ни одного известия от вас со времени вашей записки из Берлина¹¹³ что я написал Боткину¹¹⁴, чтобы попросить его дать нам знать, что с вами случилось. Почти тотчас пришло ваше письмо к Полине из Спасского, датированное 6 (18) июня¹¹⁵. И только вчера я получил ваше письмо из Москвы, датированное 4(16) числа. Но это опоздание объясняется маленьким переводным векселем, который в нем находится и на котором стоит дата 13 (25)¹¹⁶ Я предполагаю, что вы передали письмо незапечатанным в руки кого-то, кто должен был вложить туда вексель, но который, видно, не поторопился это сделать. Таким образом, все объясняется. Главное, что мы знаем - вы добрались до дому живым и здоровым, миновав благополучно обе ваши столицы, охваченные волнениями¹¹⁷, и нашли ваши дела в изрядном состоянии, подающем хорошие надежды¹¹⁸.

О делах я как раз и хочу сегодня поговорить с вами.

Кто же дал вам сведения о цене на поместья в Германии и о доходе, который можно ожидать от помещения капитала в недвижимое имущество в этой стране? Мне кажется, что он ввел вас в заблуждение и направил по ложному пути.

Со времени моего приезда в Баден, я уже навел справки и даже у деловых людей, которые были бы заинтересованы привлечь меня в число своих клиентов, и всюду я получил одинаковый ответ: что не следовало бы ожидать доход выше 3% с капитала, помещенного таким образом. Это меньше, нежели во Франции. *Dunque, la cosa cambia aspetto*¹¹⁹. И нам показалось с тех пор, что лучше будет, не отказываясь от нашего плана, дать ему другой поворот. Вместо того чтобы иметь проблемы с недвижимостью (с таким незначительным доходом) в стране, ни языка, ни законов, ни обычаев которой я не знаю; вместо того, чтобы похоронить мою жену и моих детей в деревне в глубокой провинции, не лучше ли было бы приобрести только жилище,

¹¹³ Тургенев выехал из Парижа в Россию 3 июня н.ст.1862 года; 4 июня он находился в Берлине, откуда в тот же день написал записку Полинетте и ее английской гувернантке Мари Иннис. Его письмо к Виардо не сохранилось.

¹¹⁴ Боткин Василий Петрович (1812-1869), литературный критик, автор «Писем об Испании» и друг Тургенева. Он сопровождал его в Италию в 1857 году. Виардо знал, что Боткин был компаньоном Тургенева во время поездки из Парижа в Спасское-Лутовиново. (*NCI, P.100*).

¹¹⁵ Опубликовано: *NCI, P.100-102*. [*ПССиП(2). Письма*. Т. 5. С.71-73].

¹¹⁶ Письмо не сохранилась. Содержание в 200 франков, которое в нем находилось, было предназначено на пансион Полинетте.

¹¹⁷ Виардо отвечает на сообщение Тургенева о пожарах, которые уничтожили два рынка в Санкт-Петербурге. Правительство обвиняло в поджогах нигилистов, однако, ходили слухи, согласно которым поджигателем, якобы, была полиция.

¹¹⁸ «Я нашел всех моих домашних в добром здравии (...) Дела идут неплохо и урожай обещает быть хорошим» (Цитированное выше письмо от 6(18) июня 1862 года)

¹¹⁹ «Следовательно, дело меняет оборот» (ит.)

сохраняя лучшее помещение капиталов, и приобрести его в прекрасном месте, в котором сочетались бы преимущества жизни в обществе с преимуществами жизни в уединении, и которое дало бы мне единственную вещь, к которой я стремлюсь, как и вы, в земельной собственности - к легкой, хорошей и разнообразной охоте? Другими словами, не лучше ли было бы приобрести просто *villa* в окрестностях Бадена? Вы знаете эту местность и ее разнообразную привлекательность. Мы будем видеть там каждый день столько же светского общества, как в Париже, а в том случае, если мы углубимся в леса, то окажемся в пустыне. Эти две крайности нравятся и моей жене, и Луизе¹²⁰ и детям. Все рады тому, что мы находимся здесь. Что касается меня, то я уверен, что смогу поохотиться здесь вволю. За плату в 15 флоринов в год я уже являюсь членом общества охоты в лесах, которые окружают Баден и которые принадлежат городу. Не менее 8 000 моргенов¹²¹! Я смогу легко, как уверяют меня, принять участие также в какой-нибудь хорошей охоте на равнине.

И это, не считая приглашений господина Беназе¹²² и других (**Илл.12. Охоты господина Беназе. Гравюра 19 века**). Значит, здесь можно охотиться как собственнику, не являясь им, и оставаясь горожанином. Это сочетание кажется нам наилучшим и настолько, что мы ведем поиски дома, который был бы городским и деревенским, внутри и снаружи, и находился бы не слишком близко и не слишком далеко; и успели уже присмотреть один, который прекрасно устроит наше дело. Но я не хочу ничего сказать вам больше того, не зная еще, будут ли иметь счастливый исход переговоры, и оставляя за собой в этом случае сообщение вам необходимых деталей.

Только нужно будет оплачивать дичь, которую увозишь, по-немецки.

Я излишне расписался по этому поводу, поскольку думаю, что наш пример мог бы вам быть полезен. В случае если вы примете подобное решение, то вам не нужно было бы продавать почти все ваше состояние для того, чтобы перевести его в Германию, с большими потерями при продаже, на денежном курсе и в доходах. Вам следовало бы собрать достаточно денег, чтобы купить себе или построить шале¹²³ в садике. С 30 или 40 000 франков вы имели бы то, что вам нужно. Охота устроится потом, без безумных расходов. Вам остается только последовать примеру многих

¹²⁰ Луиза, старшая дочь в семье Виардо, в двадцать лет проявляла признаки психического расстройства и нездоровья. В том году она принимала кокаин. (*Cahiers* №15. P. 120).

¹²¹ Приблизительно 4 000 гектаров.

¹²² Эдуар Беназе (?-1867), французский директор Казино в Баден-Бадене с 1848 по 1867 годы. Беназе организовывал концерты в Курзале Баден-Бадена и, судя по журналу «*Revue et gazette musicale*» от 8 декабря 1867 года, он сделал из этого курортный городок «центром и любимым летним местопребыванием» европейских дилетантов - любителей искусств.

¹²³ Идея «шале» будет осуществлена в Буживале 13 лет спустя, а не в Бадене, где Тургенев учинит строительство виллы поблизости от семьи Виардо.

ваших соотечественников, которых здесь довольно много, и не проездом, но обжившихся и ставших собственниками¹²⁴.

Значит, подумайте хорошенько над местоположением, которое вам лучше всего подойдет; выбирайте между замком и шале; посмотрите, что легче всего, скорее всего, менее затруднительно и менее дорогостояще. И когда вы приедете сюда в августе месяце, вы будете руководить соответственно вашими поисками. Я мог бы даже, ожидая вас, сам поискать что-нибудь и подготовить вам площадку в том случае, если вы примете достаточно определенное решение, чтобы по приезде оставались только хлопоты, связанные с выбором.

Мне думается, что недавний указ, который позволяет вывоз денег, понизит курс и сделает менее разорительными пересылку или ввоз денег¹²⁵ - еще одно облегчение.

Со времени своего приезда в Баден я держал корректуру «*Poemes dramatiques*» Пушкина¹²⁶, которые должны быть теперь собраны в книгу. Начинают так же печатать «*Doubrovsky*» в «*Illustration*»¹²⁷.

Заканчиваю и передаю перо в другие руки, посылая вам мои рукопожатия.

Луи В.

Диди ушла гулять. Она напишет вам в следующий раз¹²⁸. [П.В.]

(Национальная библиотека Франции. Не опубликовано)

Предоставим, наконец, слово Ивану Сергеевичу. «**10 августа 1862 года**, в четыре часа пополудни, в Баден-Бадене, перед известною «*Conversatoin*» толпилось множество народа. Погода стояла прелестная, светлые дома уютного города, волнистые горы, - все празднично, полною чашей раскинулось под лучами благосклонного солнца (...) Оркестр в павильоне играл то попури из «Травиаты то вальс Штрауса(...), в игорных залах, вокруг зеленых столов теснились все те же всем знакомые фигуры(...). К русскому дереву – а l'Abre gusse – обычным порядком

¹²⁴ В Бадене жили критик Павел Анненков, композитор Антон Рубинштейн, художник Павел Жуковский.

¹²⁵ Этот указ Александра II от 25 мая ст.ст. 1862 года был обнародован 5 июня 1862 года. Он фигурирует под № 38.319 в Полном сборнике законов Российской империи, издание 2-е, Санкт-Петербург. 1865. т. XXXVII, С.485. Он давал разрешение на вывоз денег в слитках и в деньгах, находящихся в обращении, морским или наземным путем через границы империи, от Королевства Польского и Великого герцогства Финляндского. Достойна удивления либеральная мера царя-реформатора, которую руководство СССР и постсоветской России не сочло нужным предпринять.

¹²⁶ Драматические произведения Пушкина вышли в издательстве Ашетт в ноябре 1862 года за подписью переводчиков: Иван Тургенев и Луи Виардо.

¹²⁷ Этот перевод повести «*Дубровский*» Пушкина, подписанный Луи Виардо, печатался фельетонами в «*Illustration*» в 1862 году: 5, 12, 19, 28 июля; 2, 16 августа; 6, 20, 27 сентября. Перевод Виардо-Тургенева был, кажется, до сих пор не учтен.

¹²⁸ Письмо, иллюстрированное рисунками десятилетней Клоди Виардо утеряно, однако сохранился дружеский ответ на него Тургенева, тоже иллюстрированный карикатурой, на которой он представляет себя Дон-Кихотом..., и в котором он просит ее руки.

собирались наши любезные соотечественники и соотечественницы. („) В нескольких шагах от «русского» дерева, за маленьким столом перед кофейней Вебера, сидел красивый мужчина лет под тридцать, среднего роста, сухощавый и смуглый, с мужественным и приятным лицом». – Начало действия романа «Дым» (будет опубликовано в «Русском вестнике» в 1867 году) отсылает нас к 10 августа 1862 года, второму дню по приезду Тургенева в Баден-Баден. Концом декабря того же 1862 - началом февраля 1863 года датируется набросок «Главных действующих лиц будущей повести: «Дым».

Подведем итог, завершая наше исследование. В основе суждений и версий известных ученых относительно авторства французского перевода романа «*Отцы и дети*» лежали, вне всякого сомнения, убедительные доводы. Однако предложенные как бы между прочим в монографиях и статьях, предметом которых были иные темы, они аргументированы не были. Настоящая работа – первый, полагаем, опыт постановки и обсуждения проблемы.

Анализируя обстоятельства жизни Тургенева и события того периода времени, мы с достаточным на то основанием определили временные границы работы над переводом. Начало ее Тургенев мог доверить в свое отсутствие только своему бессменному соавтору - Луи Виардо. В тоже время – à priori и по определению перевод - этого «столь опасного» (Мериме) романа, неоднозначно принятого друзьями в России и в Париже еще по его прочтении в рукописи – от осуждения «на сожжение» до «горячего одобрения»; при публикации которого в журнале были допущены многочисленные «ошибки и упущения»; и, наконец, встреченного бурной полемикой по его выходе в свет в «Русском вестнике», - должен был осуществляться, вне всякого сомнения, под руководством самого писателя. Совместный труд Луи Виардо и Тургенева в Баден-Бадене летом-осенью 1862 года над переводом романа «Отцы и дети» стал важной вехой в сотрудничестве писателей.

Имея изначально главной целью нашего исследования проблему авторства перевода, мы вынуждены были по мере необходимости несколько расширить в процессе работы круг наших интересов и вышли на совершенно неожиданную, казалось бы, и вместе с тем вполне очевидную мысль о политических *pretextes* (предпосылках) пребывания Тургенева в Германии в 1862 году. Сосредоточив внимание помимо главного на этой, не отмеченной исследователями стороне жизни писателя в Баден-Бадене, мы пришли еще к одному, косвенному для настоящей работы и вместе с тем важному в принципе, выводу: первое совместное пребывание в Баден-Бадене было сопряжено для семьи Виардо, а вслед за ними и для Тургенева с

«конкретизацией» решения о переселении в Германию. В то же время, будучи в Бадене – Бадене писатель возобновил сношения с лондонскими изгнанниками и встретился с русским студенчеством, обучавшимся в Гейдельберге.

В настоящем исследовании важно было соотнести кульминацию диалога и спора Тургенева с Герценом, Огаревым и членами гейдельбергской читальни с очевидным - временем пребывания писателя в Баден-Бадене летом-осенью 1862 года. Это позволило не только с иных позиций оценить этот период в жизни Тургенева, но и отметить главное для настоящей работы - обстоятельства и условия, в русле которых осуществлялась основная часть работы над переводом романа «Отцы и дети».

Однако обратимся к проблеме, выведенной в заглавии нашего исследования.

Вывод, к которому мы пришли относительно авторства перевода романа «Отцы и дети», предполагает дальнейшее изучение проблемы. Между временем окончания работы над переводом (октябрь 1862), передачей перевода в для публикации в журнал «Revue des Deux Mondes» (конец октября-начало ноября н.ст. 1862), предложением Тургенева Просперу Мериме «держать корректуру» (конец октября - начало ноября н.ст. 1862) и выходом произведения в свет в Париже у издателя Жерве Шарпантье (май н.ст. 1863 года) прошло более полугода. Этот период в подготовке романа к печатанию во Франции предлагает не меньше вопросов, нежели те, которые мы рассмотрели при установлении имен авторов перевода.

Принимая во внимание совместный труд Тургенева и Луи Виардо над переводом романа «Отцы и дети», а также, судя по предложенному в нашем *etude* перечню выполненных самим Луи Виардо или в соавторстве с Тургеновым переводов, необходимо сделать еще один важный, полагаем, вывод: начало 1860-х годов явилось вершиной в творческом партнерстве писателей. Две последние совместные работы будут опубликованы несколько лет спустя. Только в 1868 году журнал «Revue des Deux Mondes» поместит повесть «Histoire du lieutenant Yergounoff» («История лейтенанта Ергунова») (апрель), газета «Journal des Debats» - (*Le Brigadier*) («Бригадир») (июнь). Со времени выхода в свет на французском языке романа «Отцы и дети» (май 1863 года) до публикации двух последних совместных работ пройдет пять лет.

Список литературы:

- Тургенев И.С.* Полное собрание сочинений и писем в 28 т. М.,Л. «Наука», 1967. (Издание 1-е).
- Тургенев И.С.* Полное собрание сочинений и писем в 30 т. М. «Наука», 1982. (Издание 2-е).
- Батюто А.И.* «Парижская рукопись романа «Отцы и дети»// «Русская литература», Ленинград, изд-во Академии наук, №4. 1965.
- В.П.Боткин и И.С.Тургенев. Неизданная переписка. 1851-1869. «ACADEMIA». Москва-Ленинград. 1930.
- Генералова Н.П.* И.С.Тургенев: Россия и Европа. Санкт-Петербург. Издательство русского гуманитарного института. 2003.
- Герцен А.И.* Письма 1860-1864 годов. Т.ХХУ11. Книг вторая. Изд. Академии наук СССР. М.,1963.
- Герцен и Огарев. ЛН.Т.62 (II). М., изд. АН СССР.1955.
- Жекулин Н.Г.* Тургенев-переводчик. Вопросы теории и практики// И.С.Тургенев. Новые исследования и материалы. Москва- С.- Петербург. Архео-Альянс.2009. Т.1.
- Жекулин Н.Г.* Тургенев в кругу семьи Виардо // И.С.Тургенев. Новые исследования и материалы. Москва- С.-Петербург. Альянс-Архео. 2012. Т.III.
- Зайцев Б.* Жизнь Тургенева. Чехов.М., «Дружба народов». 1999.
- Звигильский А.* Письмо к Жоржу Шарпантье (1876) // И.С.Тургенев. Новые исследования и материалы. Т.III. Москва - С.-Петербург. Альянс-Архео. 2012.
- Клеман М.К.* Тургенев и Мериме. ЛН. Т.31-32. М., «Наука». 1931.
- Летопись жизни и творчества А.И.Герцена. 1859- июнь 1864. М., «Наука», 1983.
- Мериме П. Письма к Незнакомке. М., «Наука».1991.
- Мазон А.* Парижские рукописи Тургенева. Москва-Ленинград. «ACADEMIA», 1931.
- Мазон А.* Парижские рукописи Тургенева. ЛН Т.73. Кн.1,II. Москва., «Наука». 1964.
- Мериме П.* Статьи о русской литературе. Издание подготовил А.Д.Михайлов. М., ИМЛИ РАН, 2003.
- Мериме П.* Собрание сочинений и писем в 6 тт. Библиотека «Огонек». М., Изд. «Правда». 1963.
- Прийма Ф.Я.* Новые данные о «Записках охотника» Тургенева во французской литературе. // «Записки охотника» И.С.Тургенева. Статьи и материалы. Орел., Издательство «Орловская правда». 1955.
- Рейсер С.А.* Тургенев - сотрудник «Колокола». // И.С.Тургенев. Материалы и исследования. Сборник под ред. профессора Н.Л. Бродского. Орел., Издательство Орловского областного Совета народных депутатов трудящихся. 1940.
- Щербань Н.В.* Тридцать два письма И.С.Тургенева и воспоминания о нем. 1861-1875. // «Русский вестник». 1890.
- Cadot M.* Le rôle de Tourguéniev et de Louis Viardot dans la diffusion de la littérature russe en France. Cahiers. 1981. № 5.
- Cahiers. Association des amis d'Ivan Tourguéniev, Pauline Viardot, Maria Malibran. №№ 1-34. 1979-2016.
- Dulong G.* Pauline Viardot. La tragédienne lyrique. Paris. Association des amis d'Ivan Tourguéniev, Pauline Viardot et Maria Malibran.1987.
- Granjard H.* Ivan Tourguénev et les courants politiques et sociaux de son temps. Institut d'études slaves de l'Université de Paris. 1966.
- Kluge R.- D.* Ivan S. Turgenev. Dichtung zwieschen Hoffnung und Entsagung. München. Erich Wewel Verlag. 1991.
- Mazon A.* Manuscrits parisiens d'Ivan Tourguénev. Notices et extraits. Paris. Librairie Ancienne Honoré Champion.1930.
- *Natov N.* L'image de l'Allemagne dans les oeuvres de Tourguéniev. Cahiers. 1983. № 7.

- *Stéguemann M.* Pauline Viardot à Baden-Baden. Cahiers. 1985. № 9.
- *Schwirtz G.* Baden-Baden im Leben und Schaffen Turgenews.// I.S. Turgenew und Deutschland Materialien und Untersuchungen. Akademie-Verlag. Berlin. 1965.
- *Troyat H.* Tourguéniev. Paris. Flammarion.1985.
- *Zviguilsky A.* Correspondance. Ivan Tourguéniev – Louis Viardot. Sous le sceau de la fraternité. HERMANN-EDITEUR. Paris. Association des amis d'Ivan Tourgu éniev, Pauline Viardot et Maria Malibran. Cahiers. 2000 (2010). № 24.
- И.С.Тургенев. Новые исследования и материалы . Москва – С.-Петербург. Альянс-Архео. Т.І. 2009; Т.ІІ. 2011; Т. 2012.
- Тургеневские чтения. Материалы Международной научной конференции «Россия и Германия: Литературные и культурные связи в XVIII-XXI веках». Москва. Книжница. 2014.
- К Тургеневу в Баден-Баден. Сборник Материалов международных научных конференций (2013-2014). Москва. 2016.
- И др.

И.С. ТУРГЕНЕВ КАК АВТОР ПЕРЕВОДОВ

TURGENEV AS A TRANSLATOR

В статье рассматривается еще недостаточно изученная сторона творческой деятельности И.С.Тургенева – его переводческое творчество. Особый интерес вызывают его переводы собственных произведений. Совершенное владение французским языком позволило Тургеневу самому переводить свои сочинения и публиковать их во Франции, что способствовало его быстрой известности и популярности в стране, в то время известной своим «холодным приемом» переводной художественной литературы. Характерной особенностью переводов, осуществленных Тургеневым на французский язык, является их коллективный характер. В качестве его коллег-переводчиков, стилистов и редакторов выступали выдающиеся литераторы Луи Виардо, Проспер Мериме и Гюстав Флобер. Вследствие коллективности авторства переводов, а также по ряду других причин нередко возникают сложности как с атрибуцией перевода в целом, так и с уточнением роли Тургенева в совместном переводе. В статье отмечается, что данная проблема успешно решается благодаря исследованиям переписки И.С.Тургенева, а также новых находок рукописного наследия писателя. Автор статьи отмечает, что одним из перспективных направлений исследования переводческого наследия Тургенева является сравнительный анализ переводов с текстом оригинала, который дает возможность установить важные характерные черты тургеневской практики переводчика. В статье описывается несколько интересных попыток такого исследования и подчеркивается связь между характерными особенностями тургеневского перевода и его статусом автора переводимого произведения. Автор убедительно демонстрирует оживление исследовательского интереса к теме «Тургенев – переводчик» на протяжении прошедших 2000-х годов.

The article highlights translation work undertaken by I.S.Turgenev, which is not, so far, sufficiently studied. Of special interest are his translations of his own works. His perfect command of French enabled Turgenev to translate and publish his fiction in France, at that time notoriously resistant to translated one. With his translations typically being of “collective” nature, Turgenev cooperated with such outstanding men of letters as Luis Viardot, Prosper Mérimée and Gustave Flaubert at his side. It is partly due to this sort of collaboration and some other factors that the attribution of translations is often hard to achieve as well as Turgenev’s personal involvement in a joint translation is difficult to assess. This problem, as the author argues, can be and is successfully resolved as more and more publications of Turgenev’s correspondence are disclosed and new manuscripts are found. It is also pointed out that another promising direction of studying Turgenev’s translation heritage is to undertake a contrastive study involving a translated and an original text, which is intended to specify essential features typical of Turgenev’s translation practices. The author refers to a few interesting research undertakings of that kind, emphasizing that the translator’s certain specific features are preconditioned by his position of the author. The article demonstrates an increasing research interest in the topic “Turgenev as a translator” over the past 2000s.

Ключевые слова: И.С.Тургенев, Луи Виардо, Проспер Мериме, Гюстав Флобер, перевод, авторский перевод, коллективный/совместный перевод, опущение, добавление, адаптация, корректорская правка, переписка И.С. Тургенева

Key words : I.S. Turgenev, Luis Viardot, Prosper Mérimée , Gustave Flaubert, translation, author's translation, collaborative translation/joint translation, omission, addition, adaptation, proof-reading, Turgenev's correspondence

Количество произведений, созданных Иваном Сергеевичем Тургеневым, не может не впечатлять. Однако не менее впечатляющим является объем собственных переводов и переводческой редактуры, который он осуществил за свою жизнь. Уникально также и то, что Тургенев не ограничивался одним иностранным языком. В сферу его переводческой деятельности вошли французский, немецкий, английский, испанский и латинский языки. Владение французским и немецким языками позволило писателю переводить и редактировать переводы не только с данных языков на русский, но и в обратном направлении, т.е. с родного на иностранный, что в переводческой среде является исключительным явлением.

Естественно, что столь яркий переводческий феномен не мог не привлечь к себе внимания исследователей творчества Тургенева. В этой статье, написанной в год двухсотлетия И.С. Тургенева, ставится задача дать общий обзор исследований, посвященных той части переводческого наследия И.С. Тургенева, которая связана с переводами его собственных произведений, в которых он сам участвовал.

Прежде всего, отметим, что вопрос относительно всего объема переведенного Тургеневым далеко не ясен. Как отмечает известный тургеновед Н.Г. Жекулин, «так как полный список его переводов никогда не составлялся, даже среди специалистов нет ясного представления об их ошеломляющем объеме» [Жекулин, 2009, с. 49]. В большой степени данная ситуация связана с проблемой атрибуции переводов, которая была вызвана разными обстоятельствами, о которых мы скажем позднее.

В 2009 году Н.Г. Жекулин с удивлением констатировал, что «тема «Тургенев – переводчик» до сих пор не возбудила у тургеноведов внимания, которого она заслуживает» [там же, с. 49]. К счастью, данная тема после 2009 года продолжила свое развитие, что я постараюсь продемонстрировать в данной статье.

В нашем обзоре литературы, связанной с темой «Тургенев – переводчик собственных произведений» начнем, прежде всего, с вопроса об опубликованных переводах И.С. Тургенева. Здесь логично обратиться к полному академическому собранию сочинений И.С.Тургенева. Во второе из двух его изданий включено большинство его переводов на русский язык, но не вошли его переводы с русского языка, хотя такая возможность обсуждалась и приветствовалась главным редактором Полного собрания М.П. Алексеевым¹²⁹. Однако не исключено, что такая возможность

¹²⁹ Подробнее об этом см. [Лукина В.А., 2016, с.166 - 168].

еще может быть реализована. В пользу этого высказывается В.А. Лукина (ИРЛИ). По ее словам, «наметившееся в последние годы пристальное внимание к изучению переводческого наследия русских писателей в целом и введение переводов в состав издающихся в настоящее время академических собраний сочинений вновь поднимают вопрос о необходимости включения в академическое издание Тургенева его переводов и о выработке текстологических принципов их подачи» [Лукина, 2016, с.166].

Большим прорывом в этом направлении будет планируемое в рамках совместного международного проекта издание электронного собрания переводов Тургенева, инициированное профессором Н.Г. Жекулиным. В ходе его подготовки впервые составлена наиболее полная библиография всех переводов писателя, включая коллективные, сохранившиеся лишь частично, а также утраченные [там же, с. 167]. Следует отметить также библиографию французских переводов произведений И.С. Тургенева, составленную П. Уоддингтоном и Ф. Монтрейно [Waddington P., Montreynaud, F., 1980].

Еще одним ценным источником и свидетельством, проливающим свет на ту роль, которую И.С. Тургенев играл в переводе и редактировании переводов своих произведений, являются его письма. В Полном собрании писем И.С.Тургенева в 18 томах мы встречаем переписку писателя с переводчиками, издателями, друзьями и знакомыми, которую он вел на прекрасном французском и немецком языках и очень хорошем английском языке. В этих письмах И.С. Тургенев, нередко весьма эмоционально (как в положительном, так и в отрицательном смысле), высказывается по поводу перевода своих произведений, осуществленного тем или иным переводчиком, и описывает ту редакторскую работу, которую он при этом осуществлял. Объем этой работы потрясает. Тем самым письма писателя напрямую свидетельствуют, сколько времени, и, самое главное, душевных сил Тургенев тратил на свою переводческую и редакторскую деятельность. Исследователи переводческого наследия Тургенева регулярно обращаются к его переписке с тем, чтобы уточнить его роль в случае коллективного перевода, степень его участия в редактировании текстов, сделанных другими переводчиками, а также в тех случаях, когда перевод нуждается в атрибуции, что будет отражено в нашем дальнейшем обзоре.

Огромную роль в изучении темы «И.С. Тургенев – переводчик и редактор переводов» играет серийный сборник Института Русской Литературы (Пушкинского Дома) «И.С. Тургенев: Новые исследования и материалы». Все 4 выпуска, вышедшие в 2000х годах, представляют эту тему глубокими научными статьями. Прежде всего, хочется выделить знаковую статью Н.Г. Жекулина «Тургенев – переводчик: вопросы

теории и практики» [Жекулин, 2009, с. 48-94]. Автор статьи создает яркую картину разнообразной переводческой и редакторской деятельности писателя, уточняя его участие в ней на основе его переписки. Проф. Жекулин раскрывает взгляды Тургенева на перевод как процесс, которые он высказывает в своих письмах. Он также касается вопроса о переводах И.С.Тургенева на русский язык, в первую очередь, с французского (Г. Флобер¹³⁰, Ш. Перро), с немецкого (И.В. Гете), с английского (Дж. Байрон, У. Уитмен, У. Шекспир), с испанского (М. Сервантес).

Как отмечает Н.Г.Жекулин, переводы на русский язык представляют собой лишь незначительную часть всех переводов, сделанных М.С.Тургеневым, а самое важное место в его переводческой деятельности занимают его переводы на французский язык [Жекулин, 2009, с. 58]. Наряду с тем, что он осуществлял переводы классиков русской литературы Пушкина, Гоголя и Лермонтова, преобладающая часть тех переводов, в которых он участвовал, это переводы его собственных произведений [там же, с. 58]. Профессор Жекулин делает важное наблюдение, что эти переводы с русского языка являются, почти без исключения, «коллективными», и роль Тургенева в них сильно разнится [там же, с.58]. Блестящее исследование, проведенное Н.Г. Жекулиным с привлечением обширной корреспонденции, связанной с Тургеневым, убедительно раскрывает степень этого участия в конкретных переводах.

И.С. Тургенев в совершенстве владел французским языком, что подтверждают многочисленные письменные свидетельства современников. Но при этом осуществляя переводы своих произведений, он неизменно прибегал к сотрудничеству с тремя известными французами: Луи Виардо, Проспером Мериме и, в меньшей степени, Гюставом Флобером. Естественно, что такое сотрудничество было продиктовано стремлением писателя достигнуть наивысшего качества перевода. Ведь это были выдающиеся литераторы и стилисты своего времени. Но не только. Как отмечает проф. Жекулин, это были «писатели с прочными связями в мире издателей, которые обеспечивали малознакомому иностранцу вход в этот мир» [Жекулин, 2009, с. 77]. Русская переводная литература не сразу находила широкую ответную реакцию у западной читающей аудитории, и столь высокие авторитеты, несомненно, способствовали быстрой известности автора и их совместных переводов во Франции.

Судя по описанным Н.Г. Жекулиным фактам, складывается впечатление, что взаимоотношения между этими выдающимися личностями на переводческой стезе не

¹³⁰ Единственные из собственных переводов, которые И.С.Тургенев включал в собрание своих сочинений, были переводы Г. Флобера.

были лишены сложностей, определенной ревности и соперничества, но данное сотрудничество принесло прекрасные плоды.

Из сохранившихся писем и рукописей переводов, цитируемых в статье проф. Жекулина, проясняется, как осуществлялся процесс перевода с Л. Виардо: Тургенев диктовал дословный перевод оригинала на французский язык, а затем Виардо, который не знал русского языка, перелагал его на литературный французский, и все трудные места обсуждались совместно [Жекулин, 2009, с. 79]. Об этом писал сам Л. Виардо. Так в 1859 году в письме издателю Ж. Этцелю он поясняет процесс перевода: «Я дважды объяснял, каким образом осуществлялись мои переводы с русского: один из друзей диктовал мне слово в слово, а я записывал по-французски, вот и все. Этот друг, Иван Тургенев, совсем недавно был у нас»¹³¹. Об этом же пишут Эмиль и Алис Дюран, которые переводили поздние произведения Тургенева: «Он диктовал перевод своего произведения как можно более дословно господину Виардо, который перелагал его, под руководством Тургенева, на литературный французский язык. Каждое трудное предложение, каждое сомнительное слово ими обсуждалось, и в итоге всегда получалось превосходно. Таким образом была переведена добрая треть его произведений».¹³² Отражая эту методику совместной переводческой деятельности, Л. Виардо предложил формулировку “*deuxième série, traduite sous la dictée de l’auteur par Louis Viardot*” («вторая серия, переведено Луи Виардо под диктовку автора») для титульного листа сборника повестей и рассказов “*Scènes de la vie russe*”, который вышел в 1858 году. Однако редактор изменил ее на следующую: “*traduite avec la collaboration de l’auteur par Louis Viardot*” (переведено Луи Виардо при участии автора») [Zviguilsky A., с.31].

Сборник “*Scènes de la vie russe*” («Сцены из русской жизни») – первое издание совместных с Луи Виардо переводов, в которое вошли «Постоялый двор» («*L’auberge de grand chemin*»), «Затишье» («*L’Antchar*»), «Нахлебник» («*Le pain d’autrui*»), «Переписка» («*Une correspondance*»), «Поездка в Полесье» («*Deux journées dans les grands Bois*»), «Завтрак у предводителя» («*Le partage*»).

Затем в 1862 вышло отдельное издание “*Dmitri Roudine*”(«Дмитрий Рудин»), куда вошли, помимо романа, “*Le Journal d’un homme de trop*”(«Дневник лишнего

¹³¹ “J’ai eu soin d’annoncer, à deux reprises, comment mes traductions du russe étaient faites: un ami me dicte le mot, et j’écris le français, voilà tous. Cet ami, Jean Tourguéneff, était à la maison il y a peu de jours ».См.: Parmènie A., Bonnier C. Histoire d’un éditeur et de ses auteurs : P.-J. Hetzel.Paris, 1953.P.397.

¹³² “Il dictait une traduction aussi littéral que possible de son ouvre à M.Viardot, qui la mettait en français littéraire sous sa direction. Chaque phrase difficile, chaque mot douteux était discuté entre eux, et le résultat finissait par être excellent. C’est ainsi qu’un bon tiers de son ouvre entier a été traduit». См.: Durand-Gréville E. Ivan Tourgenef: Seconde et dernière partie//Bibliothèque universelle et Revue suisse. 3e série. Vol.48 (Décembre 1890). P-579.

человека») и “Trois rencontres”(«Три встречи»). В 1868 году в журнале “Revue des Deux Mondes” появился перевод рассказа “Histoire du lieutenant Yergounoff” («История лейтенанта Ергунова»), а в журнале “Journal des Débats”- перевод повести “Le brigadier” («Бригадир»). Их последний изданный перевод “Les terres vierges” («Новь») вышел в 1877 году.¹³³

Наряду с Луи Виардо, с 1860-х годов до 1870 года (год смерти П. Мериме) И.С.Тургенев привлекал к переводу своих произведений Проспера Мериме, который имел огромный авторитет у писателя. По мнению Н.П. Жекулина, Мериме пользовался рядом преимуществ перед Л. Виардо: он был одним из самых знаменитых французских писателей того времени, знал русский язык [Жекулин, 2009, с.81]. Мериме перевел несколько произведений Тургенева, но не всякий раз они удовлетворяли автора¹³⁴. Но в вопросах корректуры и стилистической правки переводов других П. Мериме пользовался наивысшим доверием писателя. Кроме того, Мериме успешно отстаивал мнение автора в спорных вопросах, возникающих с редакторами, а также являлся автором предисловий к переводам произведений Тургенева, способствуя упрочению репутации русского писателя среди французской читающей публики [там же, с. 82-84].

Как уже говорилось выше, выдающийся писатель Гюстав Флобер также принимал участие в редактировании французского перевода И.С. Тургенева. Это был очерк Тургенева «Человек в серых очках». Как пишет А. Лапицкая в своем комментарии, к 25 октября (6 ноября) 1879 г. Тургенев закончил французский перевод очерка и показал его Флоберу, который в конце ноября — начале декабря читал его корректуру; поправки и замечания Флобера были с благодарностью приняты Тургеневым [Лапицкая]

Проф. Жекулин также пишет о том, что в конце жизни И.С.Тургенева в ноябре 1882 года появляется французский перевод повести «Песнь торжествующей любви». В журнале “La Nouvelle Revue française” этот перевод публикуется без указания переводчика. В декабре 1882 года в журнале “La Revue politique et littéraire” публикуется перевод тридцати стихотворений в прозе, который в печати приписывался одному Тургеневу [Жекулин, 2009, с. 85]. По мнению проф. Жекулина, оба эти перевода были осуществлены совместно с Полиной Виардо, убедительно подтверждая это цитатами из писем Тургенева¹³⁵.

¹³³ Данный список совместных переводов И.С.Тургенева и Л. Виардо приводится в статье Л.Д.Сережкиной [Сережкина Л.Д., 2011, с.63].

¹³⁵ В письме к Л. Пичу Тургенев пишет, что эти переводы сделаны “mit Hilfe Frau Viardot’s” («с помощью г-жи Виардо»[ПССиП (1).Письма.Том 13.Кн. 1. С.126], а в письме к В. Рольстону он

Перспективным направлением исследования является сравнительный анализ переводов с текстом оригинала. Такое сравнение «позволяет установить некоторые важные характерные черты тургеневской практики переводчика» [Жекулин, 2009, с. 75]. Нужно отметить, что таких исследований пока недостаточно. Удачную попытку подобного анализа предпринимает Н.Г. Жекулин, сравнивая четыре перевода на французский язык окончания рассказа «Бирюк», среди которых один (недавно обнаруженный) принадлежит И.С.Тургеневу, а остальные три – французским переводчикам Тургенева: Э. Шарриеру, Ш. Роллина и И. Делава. [там же, с. 93-94]. Обращает на себя внимание более подробное исследование Е.Г. Петраш «О двух переводах повести И.С. Тургенева «Дневник лишнего человека»», в котором сравниваются с оригиналом совместный перевод И. С.Тургенева/ Л. Виардо и современной переводчицы Франсуазы Фламан [Петраш, 2011, с. 173-193]. Что касается переводов трех французских переводчиков, которые проанализировал Н.Г. Жекулин, то его оценки полностью совпали с теми характеристиками, которые этим переводчикам давал сам И.С. Тургенев. Как заключил исследователь, «каждый из переводов соответствует репутации переводчика» [Жекулин, 2009, с. 76]. Самые интересные выводы, естественно, касались перевода самого Тургенева, который позволил себе самые большие «вольности». Среди них добавления к тексту, и, наоборот, пропуски текста, а также в ряде случаев изменение смысла высказывания. Данный анализ показал, что «перевод являлся для Тургенева своего рода продолжением творческого процесса работы над текстом» [там же, с. 76].

К аналогичному выводу в своем анализе приходит и Е.Г. Петраш. Она указывает, что перевод повести «Дневник лишнего человека», осуществленный Л.Виардо в тандеме с Тургеневым, представляет собой достаточно свободное обращение с текстом оригинала и напоминает адаптированный текст [Петраш, 2011, с. 192]. В данном переводе легче, более творчески, отнеслись к потерям и изменениям, не стремились к точности перевода и опускали то, что считалось неприемлемым для французского варианта [там же, с.192].

Выделяемые свойства перевода произведений И.С. Тургенева, осуществленного полностью им самим или с его участием, обусловлены, прежде всего, авторским статусом, который придает переводчику-автору бóльшую свободу в интерпретации текста оригинала, по сравнению с обычным переводчиком.

утверждает: "...the translation made in French by M-me Viardot was made according to her will, not mine" («...перевод на французский сделала г-жа Виардо по своему, а не по моему желанию»)[там же, с.133].

В рамках данной статьи мы не затрагиваем близкую тему редактирования Тургеневым переводов своих произведений, которое писатель осуществлял на французском и немецком языках. Данная деятельность писателя составляет огромный пласт его жизни и творчества. Эта тема нашла блестящее отражение в работах М.П. Алексеева, Р.М. Гороховой, В.А. Лукиной, Н.Г. Жекулина, однако в силу своего глобального масштаба требует дальнейших исследований. В частности, мало исследована тема участия Тургенева в вопросах перевода и издания его произведений на английском языке.

Резюмируя сказанное выше, следует отметить, что важной особенностью переводов собственных произведений на французский язык, сделанных И.С. Тургеневым, заключается в том, что они неизменно осуществлялись совместно с выдающимися французскими литераторами того времени. Участие в переводе каждого из них по-разному обозначалось на титульных листах различных изданий, вплоть до полного отсутствия имен переводчиков. Очевидно, что объединение творческих усилий таких выдающихся литераторов принесло замечательные результаты. Литературное наследие Тургенева-переводчика представляет огромный интерес и предлагает уникальный материал для дальнейших исследований.

Список литературы:

- Жекулин Н. Г.* Тургенев – переводчик: Вопросы теории и практики / И. С. Тургенев. Новые исследования и материалы, С.-Петербург : «Альянс – Архео», Москва , 2009. 622 с.
Латицкая А. Комментарии к очерку И.С.Тургенева «Человек в серых очках» / Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем в 30 томах. Том 11, Москва: Наука, 1983. 390 с.
Лукина В. А. Тургенев – редактор и переводчик: Об участии писателя в редактировании переводов собственных произведений (На примере митавского собрания сочинений) / И. С. Тургенев. Новые исследования и материалы. [Вып.] 4. К 200-летию И. С. Тургенева (1818-2018) / Рос. акад. наук, Ин-т русской лит. (Пушкинский Дом), Москва - Санкт-Петербург : Альянс-Архео, 2016. 968с.
Петраш Е. П. О двух переводах повести И.С. Тургенева «Дневник лишнего человека» / Тургеневские Чтения. Москва: Русский путь, 2011, с. 173-193
Письмо к Л. Пичу/ ПССиП (1).Письма.Том 13. Кн. 1. С.126
Письмо к В. Рольстону/ ПССиП (1).Письма. Том 13. Кн. 1. С.133
Сережкина Л.Д. Луи Виардо. К проблеме творческих отношений / Тургеневские Чтения. Москва: Русский путь, 2011, с.44-80
Durand-Gréville E. Ivan Tourgenef: Seconde et dernière partie/Bibliothèque universelle et Revue suisse. 3e série. Vol.48 (Décembre 1890). P. 579.
Parmènie A., Bonnier C. Histoire d'un editeur et de ses auteurs / P.-J. Hetzel.Paris, 1953. P.397.
Waddington P., Montreynaud Fl. A Bibliography of French Translations from the Works of I. S. Turgenev, 1854–1885. Wellington (New Zealand), 1980.
Zviguilsky A. Introduction / Nouv.corr. inéd. T.2. P31-32.

Чович Л.И.
Панъевропейский университет
г. Баня-Лука (Босния и Герцеговина)

Chovich Larisa
Pan-European University
Banja Luka (Bosnia and Herzegovina)

КОНЦЕПТЫ «ЖИЗНЬ» И «СМЕРТЬ» В «СТИХОТВОРЕНИЯХ В ПРОЗЕ» И.С. ТУРГЕНЕВА

CONCEPTS "LIFE" AND "DEATH" IN POEMS IN PROSE I. TURGENEV

Наряду с основной целью настоящей статьи - представление концептов «жизнь» и «смерть» в «Стихотворениях в прозе» И.С. Тургенева и в их переводах на сербский язык - задачами настоящей работы являются: выявление специфики индивидуально-авторского содержания исходных концептов «жизнь» и «смерть» и ряда сопровождающих его концептов в «Стихотворениях в прозе» И. Тургенева; определение механизма их взаимодействия в идиостиле писателя; описание круга лексических и фразеологических единиц, вербализующих концепты «жизнь» и «смерть» и, наконец, анализ тенденций перевода лексем и фразеологизмов, входящих в художественные концепты «жизнь» и «смерть», с русского языка на сербский язык в «Стихотворениях в прозе» И. Тургенева. На основании проведенных анализов автор приходит к заключению, что концепты «жизнь» – «смерть» репрезентированы в произведениях преимущественно на лексико-семантическом и, отчасти, на фразеологическом уровнях. Их ключевыми словами - репрезентантами являются существительные «жизнь» и «смерть». Писатель, актуализируя базисное значение этих понятий, закрепленное в словарях, обогатил их множеством дополнительных смыслов, заключающихся в трагизме и кратковременности человеческого бытия, неизбежности конца, перед которым человек бессилён.

Along with the main purpose of this article-the presentation of the concepts of "life" and "death" in the "Poems in prose" by I. S. Turgenev and in their translations into Serbian language-the objectives of this work are: to identify the specifics of the individual author's content of the original concepts of "life" and "death" and a number of accompanying concepts in the "Poems in prose" by I. Turgenev; description of the range of lexical and phraseological units, verbalizes the concepts of "life" and "death" and, finally, the analysis of trends in the translation of lexemes and phraseological units that are included in art the concepts of "life" and "death", from Russian language into Serbian language in the "Poems in prose" by Ivan Turgenev. On the basis of the analysis the author comes to the conclusion that the concepts of "life" – "death" are represented in the works mainly on lexical-semantic and, in part, on phraseological levels. Their key representative words are the nouns "life" and "death". The writer, updating the basic meaning of these concepts, enshrined in dictionaries, enriched them with a variety of additional meanings, consisting in the tragedy and short-term human existence, the inevitability of the end, before which man is powerless.

Ключевые слова: перевод, художественный перевод, концепт, эквивалент, репрезент, смысловая репрезентация.

Keywords: translation, fiction translation, concept, equivalent, representative, semantic representation.

Материалом для настоящей работы послужили, с одной стороны, «Стихотворения в прозе» И.С. Тургенева, являющиеся заключительным аккордом творчества писателя, которые Леонид Гроссман называет философской поэмой, поэмой о пройденном жизненном пути, жизненном долголетнем опыте, где «господствует органическое единство и полная спаянность частей вокруг крепких стержней основных замыслов»: «жизнь», «смерть», «природа», «любовь», «судьба», «страх», «одинокость» и др. [Гроссман, 1928], и, с другой стороны, переводы этих стихотворений на русский язык, осуществленные тремя сербскими переводчиками Миланом Даниным [Тургењев, 1883], Ольгой Коич [Тургењев, 1922] и Йованом Максимовичем [Тургењев, 1935, с. 227-296].

Прежде чем перейти к основной теме настоящей работы следует отметить, что в лингвистике отмечается довольно пристальное внимание к исследованию концептов «жизнь» и «смерть». Наблюдаются подходы к изучению упомянутых концептов с позиции выяснения их лексической представленности в сознании носителей языков [Тимонина, Барабанова; 2009, с. 164-168; Чернейко, Хо Сон Тэ; 2001, с. 50-59], а также с позиций выявления структурных связей организующих лексико-семантические поля данных концептов при сопоставлении нескольких языков [Гольдберг, 1984]. Востребованным остается изучение противопоставления вышеупомянутых концептов с культурологического аспекта [Власова, 2003, Мршевић-Радовић, 2008, Радић-Дуговић, 2003,], с точки зрения их вербальной представленности в идиостилях определенных авторов художественных произведений [Бычкова, 2004; Дзюба, 2001; Ермакова, 2006; Чумак, 2004], а также с позиций переводоведения [Влахов, Флорин; 1980; Гарбовский, 2007; Пејановић, 2010], для которого представляется важным выяснить тенденции перевода с одного языка на другой упомянутых структур при их функционировании в текстах. Перечисленные обстоятельства составляют обоснование актуальности выбранной темы исследования.

Именно поэтому, наряду с основной целью настоящего исследования - представление концептов «жизнь» и «смерть» в «Стихотворениях в прозе» И.С. Тургенева и в их переводах на сербский язык - *задачами настоящей работы* являются:

- 1) выявление специфики индивидуально-авторского содержания исходных концептов «жизнь» и «смерть» и сопровождающих его концептов в «Стихотворениях в прозе» И. Тургенева; определение механизма их взаимодействия в идиостиле писателя;
- 2) описание круга лексических единиц, вербализующих концепты «жизнь» и «смерть» и, наконец,

3) анализ тенденций перевода лексем и фразеологизмов, входящих в художественные концепты «жизнь» и «смерть», с русского языка на сербский язык в «Стихотворениях в прозе» И. Тургенева.

Современное языкознание характеризуется использованием когнитивного подхода к изучению языковых явлений. Концепты понимаются как единицы оперативного сознания, которые являются отражением факта действительности [Кубрякова, 1988, с. 141, с. 172; 1996, с. 47-50]. Они могут быть вербально представлены в виде ядерных лексем, фразеологических единиц, паремий, словообразовательных структур и т.д. Такое разнообразие средств их вербализации в языке предоставляет возможность полного отражения картины мира и культурных традиций в сознании носителей языка.

Жизнь и смерть – две философские категории, два художественных концепта, вербализация которых в тексте произведения отражает индивидуально-авторское мировосприятие. Исследование способов языковой реализации позволяет установить эстетические связи компонентов текста с его концептуальной целостностью и определить особенности идиостиля художника слова Ивана Сергеевича Тургенева. Ядерными лексемами этих концептов соответственно являются *жизнь и смерть* (серб. *живот и смрт*).

В основе методологии данного исследования лежит комплексный подход, в котором в качестве основных выступают методы семантико-стилистического, концептуального и интертекстуального анализов текста, предполагающие выявить наличие межъязыковых и внутриязыковых признаков концептов «жизнь» и «смерть», то есть рассмотреть способы их языковой манифестации с последующим моделированием структуры. Кроме того, используются приемы эмпирического исследования (наблюдение, сравнение), методы теоретического исследования (абстрагирование, анализ и синтез, следование от абстрактного к конкретному).

Мысль о трагическом одиночестве и беспомощности перед лицом смерти раскрывается в стихотворениях «*Старуха*», «*Конец света*», «*Собака*», «*Морское плавание*», «*Соперник*». *Быстротечность жизни, жизнь и смерть, смысл жизни, одиночество* – в стихотворениях «*Разговор*», «*Маша*», «*Памяти Ю. Вревской*», «*Насекомое*», «*Щи*», «*Нимфы*», «*Завтра! Завтра!*», «*Что я буду думать?*», «*Н.Н.*», «*Стой!*», «*Встреча*», «*Когда меня не будет*», «*Когда я один*», «*Фраза*», «*Монах*», «*Мы еще повоюем*», «*Дрозд*», «*Дрозд 2*», «*Песочные часы*», «*У – А...У – А!*», «*Собака*», «*Голуби*», «*Без гнезда*», «*Два четверостишия*», «*Необходимость, сила, свобода*», «*Двойник*».

Обратившись непосредственно к анализу названных произведений, легко проследить эволюцию анализируемых концептов и наполнение их новыми компонентами значений. Мысль о человеческом ничтожестве становится преобладающим мотивом в данном цикле и разрабатывается с дополнительными оттенками в каждой лирико-философской миниатюре.

Из-за ограниченного объема данной статьи рассмотрим только одно из «Стихотворений в прозе» - «Конец света» с подзаголовком «Сон». Выбор именно этого произведения не случаен, во-первых, система мировосприятия автора явлений *жизни и смерти* представлена в данном случае как своеобразная триада *жизнь - страх смерти - смерть*, с сопутствующими концептами «конец света» и «страх», во-вторых, из всех стихотворений этого цикла оно, по верному определению Леонида Гроссмана, является «жуткой поэмкой об окончании света» (Гроссман, 1928, с.8), и, в третьих, в одном из лучших образцов пятистопного ямба - «и треск, и гром, и тысячегортанный железный лай» (Тургенев, 1982, с.135) - с помощью которого достигается поразительного эффекта самая оригинальная, олицетворяющая конец света, тургеневская метафора, передаваемая на минимальном языковом пространстве («*тысячегортанный железный лай*» с несочетаемыми сочетаниями «*тысячегортанный лай*» и «*железный лай*»), являющаяся самой трудной для перевода на сербский язык.

В стихотворении «Конец света» представлена оппозиция *жизнь - смерть*. Настроение катастрофичности бытиях находит здесь предельное выражение. Рассказчику чудится происшествие: провалилась земля, море обступило уцелевший домик на круче... Представлен целый ряд философских проблем и узловых мест, но я остановлюсь лишь на некоторых.

Сон в стихотворении реален, выступает в двух значениях: в своем прямом значении – ‘физиологическое состояние покоя и отдыха’ и переносном, как ‘метафора жизни’.

Концепты «жизнь» – «смерть» репрезентированы в этом стихотворении преимущественно на лексическом уровне, их ключевыми словами - репрезентантами являются существительные *жизнь* и *смерть*.

1. Жизнь мыслится как *предощущение надвигающейся катастрофы*, предвкушение надвигающейся смерти. Такая интерпретация концепта «жизнь» подчеркивается эпитетами *чудовищный* («Одна сплошная чудовищная волна обхватывает весь круг небосклона, *морозный* («*Морозным вихрем несетя она <....>*»), *крошечный* («*<....> крутится тьмой крошечной*»).

К слову *морозный*, равно как и к слову *чудовищный*, все три переводчика подобрали более или менее адекватный эквивалент:

Прилагательное-эпитет *морозный* Милан Данин перевел как: «хладни вихор» [Тургеьев, 1889, с. 24]; Олга Коич - «ледени вихор» Тургеьев, 1922, с. 30]; Йован Максимович - как «ледени вихор» [Тургеьев, 1935, с. 242].

Прилагательное-эпитет *чудовищный* Милан Данин перевел как *страховити*: «Једини страховити једноставан талас обухвата цео ареник» [Тургеьев, 1889, с. 24]; Олга Коич и Йован Максимович перевели как *чудовиштан*: «Један огроман, чудовиштан талас обухвата цео круг хоризонта» [Тургеьев, 1922, с. 30]; «Један једноставан чудовиштан талас обухватио је цео домашај хоризонта» [Тургеьев, 1935, с. 242]. Однако следует указать на ошибочный перевод в этом предложении прилагательного *сплошной*, адекватным переводом которого являются слова *целовит*, *јединствен*, а не *једноставан*, как это сделали Милан Данин и Йован Максимович, и не *огроман*, как перевела Олга Коич.

Что касается перевода библеизма *тьма кромешная*, то следует напомнить, что, как известно, со словом «кромешный» существуют разные устойчивые выражения с отрицательной коннотацией. Слово «кромешный» выступает в значении ‘беспросветный и непроглядный’, тем самым усиливает ощущение темноты в словах «тьма» и «мрак».

В церковнославянском тексте Евангелия (от Матфея) так называется ад, преисподняя: «12. сынове же царства изгнаѣи боудоуть во тмоу кромѣшную: тоу боудеть плачь и скрежетъ зоуѣмь» (http://www.my-bible.info/biblio/bib_tsek/ev_matf.html#g8).

В переводе *Нового завета* Вука Стеф.Караджича : «12. А синови царства изагнаће се у таму најкрајњу; ондје ће бити плач и шкргут зуба“ (Нови Завјет господа нашега Исуса Христа., глава 8, с.12). То есть адекватным эквивалентом *тьма кромешная* в сербском языке является библеизм *тама најкрајња* или *мрки мрак*, что означает ‘беспросветную темноту’.

Анализируя три перевода, можно заключить, что ни Милан Данин, ни Олга Коич, ни Йован Максимович не нашли соответствующего эквивалента для церковнославянского фразеологизма, заменив его свободным словосочетанием, являющимся в данном случае лишь контекстуальным синонимом, но усиливающим страшную картину конца света: *адски мрак* в переводе Милана Данина: «са хладним вихором долази, гомила се као *адски мрак*» [Тургеьев, 1889, с. 24]; *паклени мрак* в переводе Олги Коич: «Као ледени вихор, кад се завитла, јури талас *кроз паклени мрак*»

[Тургењев, 1922, с. 30]; *наклена тама* в переводе Йована Максимовича: «Као ледени вихор бесомучно се ковитгла *као наклена тама*» [Тургењев, 1935, с. 242].

Кроме того, следует указать на неадекватный перевод двумя переводчиками русских конструкций с творительным сравнения: «Морозным вихрем несется она, крутится тьмой кромешной» (Тургенев, 1982, с. 135). В переводе Милана Данина первая часть этого предложения не соответствует оригиналу: *са хладним вихором*. В данном случае следует употребить сравнительную конструкцию *као хладни вихор*, что бы не изменило смысл предложения переводного языка. В переводе же Ольги Коич во второй части предложения используется конструкция *кроз наклени мрак*. А следовало бы: *као наклени мрак*.

Вербальными репрезентантами концепта «жизнь» в стихотворении являются словосочетания «голая равнина перед домом», «беспокойство и унылость», «тревожные взоры», «тонкий, однозвучный голос» (Тургенев, 1982, с. 134), «тошно на сердце» (Тургенев, 1982, с. 134), «серое, одноцветное небо» (Тургенев, 1982, с. 134). Переходим к анализу вышенаведенных репрезентов:

а) *голая равнина перед домом* (Тургенев, 1982, с. 134)

Адекватен перевод словосочетания «голая равнина перед домом» и Милана Данина: «пред кућом гола равница<...>» [Тургењев, 1889, с. 22], и Ольги Коич: «пред кућом је гола равница<...>» [Тургењев, 1922, с. 20], и Йована Максимович: «пред кућом гола раван <...>» [Тургењев, 1935, с. 241].

б) *беспокойство и унылость*

Все три переводчика успешно справились с подбором эквивалента синтагмы *беспокойство и унылость* («Ни один не знает: зачем он попал в этот дом и что за люди с ним? На всех лицах *беспокойство и унылость*... все поочередно подходят к окнам и внимательно оглядываются, как бы ожидая чего-то извне. Потом опять принимаются бродить вдоль и поперек» (Тургенев, 1982, с. 134), которую:

Милан Данин перевел как *немир и снужденост*: «На сваком лицу огледа се *немир и снужденост*. Сви редом долазе на прозор и пажливо мотре, као да очекују нешто с поља» [Тургењев, 1889, с. 22];

Олга Коич – как *узнемиреност и туга*: «Сва лица су пуна *узнемирења и туге*... сви редом прилазе прозорима, пажливо осматрају, као да чекају нешто споља» [Тургењев, 1922, с. 29];

Йован Максимович – как *забринутост и сета*: «На свим лицима *забринутост и сета*... сви један по један прилазе к прозорима и пажливо се загледају тамо амо – баш као да неког изгледају» [Тургењев, 1935, с. 241].

в) *тревожные взоры*: «Они избегают друг друга — и, однако, беспрестанно меняются тревожными взорами» (Тургенев, 1982, с. 134).

Милан Данин перевел как *брижни погледи*: «Они избегавају један другог - и непрестано се погледају *брижним погледима*.» [Тургењев, 1889, с. 22];

Олга Коич заменила синтагму ее значением *узнемирано*: «Избегавају један другог - и једнако, без престанка, погледају се *узнемирено*.» [Тургењев, 1922, с. 29];

Йован Максимович прилагательное *тревожный* перевел как *немирни (поглед)*: «Избегавају један другог – али се ипак непрестано погледају се *немирним погледима*.» [Тургењев, 1935, с. 241]. Все три перевода этого словосочетания являются рядом идеографических синонимов с различными оттенками значений, и перевод Данина, как нам кажется является самым близким оригиналу.

г) *тонкий, однозвучный голос* «Между нами вертится небольшого росту мальчик; от времени до времени он пищит *тонким, однозвучным голоском*: «Тятенька, боюсь!»

А мальчик нет, нет – да запищит. Ах, как бы уйти отсюда! Как душно! Как томно! Как тяжело!... Но уйти невозможно». (Тургенев, 1982, с. 134)

Что касается перевода словосочетания *тонким, однозвучным голоском*. То следует отметить, что все три переводчика дали близкий оригиналу эквивалент.

(Милан Данин перевел как: «Међу нама се вере један мален деран; с часа на час он пишти *танким, једнаком гласом*: „Бабо, ја се бојим!“ Мени је зима око срца од тог писка – ја се почињем да се бојим... од чега? не зна и сам. Али ја слутим ипак, да се приближује велика несрећа» [Тургењев, 1922, с. 22-23]; Олга Којић: «Један мали дечко врти се међу нама; с времена на време он пишти *танким, једноличним гласићем*: „татице, страх ме!“ Тешко ми је у души, од тога звука и ја почињем да се бојим не знам и сам. Осећам само: иде к нама и приближава нам се некаква велика несрећа» [Тургењев, 1889, с.29]; Йован Максимович: «Међу њима се врти и један омањи дечко; он с времена на време цвили тананим, једначитим гласом: „Тата, ја се бојим!“ о плача – па почињем ја да се бојим ... чега? Не знам и сам. Само осећам: иде и примиче нам се некака велика, велика несрећа.» [Тургењев, 1935, с. 241])

Хотелось бы обратить внимание на перевод глагола *пищать*. Самым близким является эквивалент, подобранный Йованом Максимовичем *цвилити*, исходя из окружающего контекста. А также - на перевод просторечного устаревшего обращения *тятенька*. Милан Данин использовал просторечное, областное обращение *бабо*, что является адекватным оригиналу, хотя, наверное, можно бы было это обращение перевести и как «*тајо*». Два других перевода: *тата, татице*, хотя и имеют

уменьшительно-ласкательную коннотацию, утратили экспрессивно-стилистическую окраску оригинала.

Важно отметить, что перевод архаического словосочетания *от времени до времени* вызвал определенные затруднения у переводчиков. И только Милану Данину удалось найти соответствующий стилистико-семантический эквивалент: из всех зафиксированных словарем сербского языка (*Речник српскохрватскога књижевног језика*, 2011, с. 1469) устойчивых архаических выражений: *од часа до часа* (час по час, час на час, час и час, из часа у час, с часа на час и сл.) Данин выбрал *с часа на час*, что соответствует оригиналу: *от времени од времени*, остальные переводчики использовали нейтральную форму *с времена на време*.

- *тошно на сердце*: «Мне тошно на сердце от этого писку – и я тоже начинаю бояться... чего? не знаю сам. Только я чувствую; идет и близится большая, большая беда». (Тургенев, 1982, с. 134)

Все три переводчика нашли более или менее верные смысловые эквиваленты.

(Милан Данин перевел как: «Међу нама се вере један мален деран; с часа на час он пишти *танким, једнаком гласом*: „Бабо, ја се бојим!“ Мени је зима око срца од тог писка – ја се почињем да се бојим... од чега? не зна и сам. Али ја слутим ипак, да се приближује велика несрећа» [Тургењев, 1922, с. 22-23]; Олга Којић: «Један мали дечко врти се међу нама; с времена на време он пишти *танким, једноличним гласићем*: „татице, страх ме!“ Тешко ми је у души, од тога звука и ја почињем да се бојим ... чега? не знам и сам. Осећам само: иде к нама и приближава нам се некаква велика несрећа» [Тургењев, 1889, с. 29]; Йован Максимович: «Међу њима се врти и један омањи дечко; он с времена на време цвили *тананим, једначитим гласом*: „Тата, ја се бојим!“ Мени је тешко око срца од његовог плача – па почињем ја да се бојим ... чега? Не знам и сам. Само осећам: иде и примиче нам се некак велика, велика несрећа.» [Тургењев, 1935, с. 241]).

д) *серое одноцветное небо* - «серое, одноцветное небо висит над нею как полог» (Тургенев, 1982, с. 134)

Как нам кажется, лучшим переводом, но единственно точным, является перевод Милана Данина: «Сиво, једнолико суро небо разастрто над над њом (равницом), као завес» [Тургењев, 1889, с. 22].

В двух других переводах использован межъязыковой омоним к глаголу *висит* – *виси*. Такого типа ошибки, к сожалению, очень часто бывают у сербских переводчиков:

Олга Коич : «Сиво, једнобојно небо *виси* над њом, као застирач » [Тургењев, 1922, с. 29];

Йован Максимович: «Суро, једнобојно небо виси над њом, као завеса» [Тургењев, 1935, с. 241].

Сама же жизнь в стихотворении охарактеризована как неустроенная, неосмысленная и бессмысленная, где превалируют *одинокчество и отчужденность людей*. Вербальная реализация концепта «жизнь» осуществлена с помощью перечисленных выше значений:

- 'неустроенная' реализуется с помощью словосочетаний: «*простой деревенский дом*», «*комната большая, низкая, в три окна; стены вымазаны белой краской; мебели нет*». (Переводы адекватны оригиналу: «*проста селячка кућа*», «*соба пространа и ниска са три прозора*», «*зидови окречени, намештаја нема*» (Милан Данин) [Тургењев, 1889, с. 22]; «*проста сеоска кућа*», «*Соба је велика и ниска са три прозора*», «*зидови обојени белом бојом; намештаја нема*» (Олга Коич) [Тургењев, 1922, с. 29]; «*проста сеоска кућа*», «*Соба је велика и сниска, са три прозора*», «*намештаја нема* », в приведенном переводе Йован Максимович пропущено целое предложение *стены вымазаны белой краской* [Тургењев, 1935, с. 240-241]

- 'неосмысленная' и 'бессмысленная', представляющая в ощущении растерянности и потерянности всех людей, окружающих героя: «ни один не знает: зачем он попал в этот дом и что за люди с ним?» (Тургенев, 1982, с. 134) (В переводах достаточно успешно подобраны соответствующие эквиваленты, описывающие неустроенность и бессмысленность человеческого бытия:

Милан Данин: «Ни један не зна, како је дошло у ту кућу и ко су ти други људи.» [Тургењев, 1889, с. 22];

Олга Коич: «Ни један не зна, како се створио у тој кући и какви су то људи са њим?» [Тургењев, 1922, с. 29];

Йован Максимович: «Ни један не зна, како је дошло у ту кућу и ко су ти други људи.» [Тургењев, 1935, с. 240-241].

- '*одинокчество и отчужденность людей*, подчеркивающая трагичность их существования: «они избегают друг друга», ходят «молча». Три коротких односоставных безличных предложения - «Как душно! Как томно! Как тяжело!...» (Тургенев, 1982, с. 134) - наивысшая точка выражения внутреннего состояния лирического героя. Не случайно в них использованы Тургеневым слова категории состояния.

2. Как мы уже отмечали выше, в системе мировосприятия автора явления *жизни* и *смерти* существуют как смысловое и структурное единство, состоящее из следующих основных членов: *жизнь - страх смерти – смерть* и сопутствующих - *конец света* и

страх, что в принципе и составляют наши анализируемые концепты «жизнь» и «смерть». Идея Тургенева о надвигающейся смерти, извечный ужас человека перед смертью, неизбежность смерти является как бы логическим завершением страшного существования и завершением бытия в целом, существования света.

Через изображение того, что видит герой во сне и что он чувствует, автор передает ощущение катастрофичности бытия: жизнь - это ожидание конца света. Поэтому закономерно, что понятие смерти прочно связано в семантическом пространстве этого стихотворения с еще одним сопутствующим концептом «страх», выражающемся в стихотворении с помощью следующих словосочетаний, синтаксических конструкций:

- *завыла от страха*: «Га! Какой рев и вой! Это земля завыла от страха... Конец ей! Конец всему!» (Тургенев, 1982, с. 135) и

- «я тоже начинаю бояться... чего? не знаю сам».

Что касается перевода, то проблем не возникло ни у одного из переводчиков:

Милан Данин: «Ха! Какав урлик и хукњава! То земља јечи од страха. Дошао јој је крај! И њој и свему осталом!» [Тургењев, 1889, с. 24];

Олга Коич: «Ха! Какав је то урлик и јаук... То земља у страху завапила... Крај је њој! Крај је свему» [Тургењев, 1922, с. 29];

Йован Максимович: «Ха! Какав урлик и ревања! То земља од ужаса зајаука.... Дође јој крај! Крај свему!¹³⁶» [Тургењев, 1935, с. 240-241]).

3. Писатель рисует жуткую, мрачную картину конца света.

Семантическое наполнение концепта «конца света» осуществляется с помощью конструкций: «земля провалилась», «и треск, и гром, и тысячегортанный, железный лай».

Самой трудной для перевода является сложная поразительная, тургеневская индивидуально-авторская метафора *тысячегортанный, железный лай* («Всё задрожало вокруг — а там, в этой налетающей громаде, и треск, и гром, и тысячегортанный, железный лай...») (Тургенев, 1982, с. 135), метафора жуткой картины конца света. Два переводчика не справились с переводом данной метафоры. Это - Милан Данин и Олга Коич.

Милан Данин: «Све је задрхтало наоколо – а тамо на грдосији, која налета, и тутњи и грми и разлеже се тисућогласни железни крик.» [Тургењев, 1889, с. 24];

¹³⁶ Вышеприведенный пример является также языковой манифестацией концепта «конец света», равно и как концепта «смерть».

Олга Коич: «Све је унаоколо задрхтало, а тамо у оној страхоти, што лети право ка нама чује се тресак и грмљавина и гвоздено урлање на тисуће грла» [Тургењев, 1922, с. 30];

Йован Максимович, которому все-таки удалось перевести этот отрывок близко к оригиналу: «Све се око нас затресе и задрхта – а тамо, у тој грдосији што на нас лети, - и тресак, и грмљавина, и гвоздени лавеж на тисуће ждрела» [Тургењев, 1935, с. 242]. Мы предлагаем следующий перевод данного отрывка: *Грљени и гвоздени лавеж који се цепао у тисућу еха* или *грљени и гвоздени лавеж који се тисуће пута разлеже*.

4. Концепт «смерть» реализует такие значения как:

- *неотвратимость конца, смерти,*
- *логические завершения страшного существования.*

Автор несколько раз подчеркивает: «как бы ожидая чего-то извне», «идет и близится большая, большая беда». Мироощущение героя сопряжено с желанием выбраться, уйти, избежать чего-то страшного, неотвратимо надвигающегося. «Но уйти невозможно» [Тургенев, 1982, с. 134].

Кроме того, языковой манифестацией концепта «смерть» является следующий отрывок: «Я хотел было ухватиться за товарищей, но мы уже все раздавлены, погребены, потоплены, унесены той, как чернила черной, льдистой, грохочущей волной!

Темнота... темнота вечная!» Семантическое наполнение концепта «смерть» расширяется здесь за счет использования образных средств. Эмоционально окрашенная лексика передает отношение лирического героя к такой философской категории, как смерть: *все раздавлены, погребены, потоплены*. Повторение кратких страдательных причастий прошедшего времени, обозначающих конец жизни, которое усугубляет мрак, то есть представление конца жизни в крайне мрачном свете. Это, скорее всего, тургеневская стилистическая фигура, представляющая собой «нагнетение», если можно ее так назвать, действующая на читателя угнетающе.

В сравнении с безотрадностью нарисованного человеческого существования смерть все равно остается страшной, она не является избавлением от бессмысленного, подавленного существования.

Смерть воспринимается как космическая катастрофа, перед лицом которой все ценности утрачивают свой смысл, например, дружба, любовь, взаимовыручка: «Я хотел было ухватиться за товарищей, но мы уже все раздавлены, погребены, потоплены...».

Смерть связывается с концом света:

Наступает конец света: «Темнота... темнота вечная!» [Тургенев, 1982, с. 135]

Смерть выступает логическим завершением индивидуального человеческого существования и завершением в целом бытия, существования света.

В переводах этот отрывок выглядит следующим образом:

Милан Данин: «Ја се хтедох ухватити за мога друга - но нас је све већ подавио, сахранио, разнео црни, ледени, бурни талас.

Мрак ... вечити мрак!» [Тургенев, 1889, с. 24]

Олга Коич: «Хтео сам да се ухватим за мога друга, али сви смо већ смрвљени, сахрањени, удављени, однешени оним црним као мастило, леденим таласом који хучи!

Мрак ... мрак вечити!» [Тургенев, 1922, с. 31];

Йован Максимович: «Ја хтедох да се ухватим за другове – али ми смо већ сви здругани, затрпани, потопљени, однесени оним као катран црним, леденим, громовним таласом!

Мрак ... вековечити мрак!» [Тургенев, 1935, с. 242].

Все три синонама в языке перевода *подавити*, *удавити*, *потопити* являются смысловыми эквивалентами краткому причастию *потоплены*. Милан Данин в переводе этого отрывка пропустил сравнение: *как чернила*, что выхолостило язык перевода; а Йован Максимович данное сравнение заменил конструкцией *как деготь (као катрен)*, так как у сербов чернили были только синие, что усилило страшную картину конца света и смерти всего живого, да и перевод этого отрывка Йованом Максимовичем, по нашему мнению, является лучшим и соответствует языку оригинала.

Однако финал стихотворения «Едва переводя дыхание, я проснулся» (Тургенев, 1982, с.135) воспринимается как преодоление безотрадных мыслей о катастрофичности бытия и смерти. В контексте всего цикла стихотворений в прозе в данной миниатюре «Конец света», наверное, можно почувствовать напряженную страсть жизнелюбия автора.

Для нравственно-философских понятий-концептов «жизнь» – «смерть» в каждом стихотворении И.С. Тургенев находит своеобразное семантическое наполнение: извечный ужас человека перед смертью приобретает совершенно мрачный характер - смерть неотвратима; ощущение катастрофичности бытия.

Анализ средств языковой экспликации художественных концептов, основных элементов авторского сознания, в текстах произведений писателя позволяет обнаружить специфику его идиостиля, отражающего индивидуально-авторское мировосприятие концептов «жизнь» и «смерть».

Вербализация художественных концептов с помощью репрезентов в тексте произведений, отражая творческое видение автора, тесно связана со всей его

речестилевой системой, с образно-ассоциативным мышлением художника слова. Эта ассоциативная природа концепта проявляется в субъективной структуре языковой личности, представленной в художественном тексте, где ментальные проекции объединены единой системой смысла и подчинены задачам создания художественной образности.

Специфика средств и способов эстетической репрезентации концептов «жизнь» и «смерть» в корпусе «Стихотворений в прозе» Ивана Тургенева дает возможность говорить о своеобразии жанровой экспликации художественных концептов.

В идиостиле Ивана Тургенева *жизнь* - явление более сложное и многомерное, чем *смерть*. Разнообразие структурных компонентов концепта «жизнь» и богатство средств его объективации в цикле миниатюр «Стихотворений в прозе» свидетельствуют об этом. Однако данные концепты существуют неотделимо друг от друга. Осмысление и интерпретация в этих философских категориях в «Стихотворениях в прозе» отражает многоплановость концептосферы Ивана Сергеевича Тургенева как проявление специфики его идиостиля. Лирический герой Тургенева чувствует себя слабым и несчастным существом, абсолютно бессильным перед лицом катастрофы, которая носит вселенский характер.

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы:

Концепты «жизнь» – «смерть» репрезентированы в данной миниатюре преимущественно на лексическом уровне, их ключевыми словами - репрезентантами являются существительные «жизнь», «смерть».

Писатель, актуализируя базисное значение этих понятий, закрепленное в словарях, обогатил их множеством дополнительных, порой нетрадиционных, смыслов.

В «Стихотворениях в прозе» Тургенев предстает художником, остро чувствующим трагизм бытия и мастерски выражающим свое мироощущение в слове. Трагический вывод, проявленный с помощью концептов «жизнь» – «смерть», заключается в констатации кратковременности человеческого бытия и неизбежности конца, перед которым человек бессилён. Но в то же время в миниатюрах, как нам кажется, все-таки имплицитно проскальзывают нотки гимна жизни.

При переводе с сербского языка на русский язык лексем, словосочетаний и устойчивых словесных комплексов, вербализующих концепты «жизнь» и «смерть», обнаружено были следующие тенденции:

1) замена устаревших слов высокого стиля нейтральными словами современного сербского языка, что, к сожалению, выхолащивает, обедняет перевод;

2) замена русских нейтральных слов сербскими архаическими словами и выражениями, чем достигается стилистическое «равновесие» оригинала и перевода;

3) перевод фразеологизмов оригинала свободными словосочетаниями, то есть использование свободных словосочетаний, передающих значение фразеологических оборотов, иногда усиливающих восприятие жуткой картины конца света, а иногда уменьшающих эмоциональную окраску оригинала; и

4) следует также отметить присущую переводу интерференцию, как явления взаимодействия структур и структурных элементов двух языков в их контакте, что иногда в переводе приводит к изменению в структуре или элементах структуры одного языка (языка цели) под влиянием другого (исходного языка).

Список литературы:

- Бычкова Т.А.* Концепт „жизнь – смерть” в идиолекте Михаила Зошенко: дис... канд. филол. наук: / Бычкова Т.А. Казань, 2004, с. 3-162. Некрасов А.Г. Управление результативностью межотраслевого взаимодействия логических связей : дис... д-ра экон. наук: 08.00.05 / Некрасов А.Г. М., 2003. 329 с.
- Власова С.А.* Концепт „life” в современной англоязычной культуре: дис... канд. филол. наук: / Власова С.А. Кемерово, 2003-180.
- Влахов С.* Непереводимое в переводе / С.Влахов, С.Флорин. М.: Международные отношения. 1980.
- Гарбовский Н.К.* Теория перевода / Гарбовский Н.К. М.: МГУ. 2007.
- Гольдберг В.Б.* Типология структурных связей, организующих лексико-семантическое поле (на примере поля „жизнь-смерть” в русском и английском языке) : дис... канд. филол. наук: / Гольдберг В.Б. Воронеж, 1984, с. 5- 226.
- Гроссман Л.* Тургенев. Этюды о Тургеневу. Театр Тургенева. Собрание сочинений в пяти томах. / Л.Гроссман. М.: «Современные проблемы», том 3, 1928.
- Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка / В.И. Даль. Москва, 1955.
- Дзюба Е.В.* Концепт „жизнь,, и „смерть,, в поэзии М.И.Цветаевой: автореф. дис... канд. фил. наук/ Е.В. Дзюба Екатеринбург, 2001, с.4-22.
- Ермакова А.В.* Способы и средства реализации концептов жизнь и смерть в художественном тексте: на материале романов „Чевенгур” А.Платонова и „Казус Кукоцкого” Л.Улицкой: дис... канд. филол. наук: / Ермакова А.В. Волгоград, 2006, с.4-181.
- Ипанова О.А.* Концепт „жизнь” в лингвокультурологическом аспекте.Лингвистика, методика и культурология в преподавании русского языка как иностранного / О.А.Ипанова. СПб.: Политехника, 2003, с. 22-29.
- Кубрякова Е.С.* Роль словообразования в формировании языковой картины мира //Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / Е.С Кубрякова. Москва: Наука, 1988, с.141, с.172.
- Кубрякова Е.С.* Когнитивные аспекты в исследовании семантики слова // Семантика языковых единиц: Доклады VI Межд.конф / Е.С. Кубрякова М.: Наука, 1996, с.47-50.
- Тимонина А.П.* Концепты „жизнь” и “смерть” в сознании французов. Языковые и культурные контакты различных народов: сборник статей Международной научно-методической конференции. / А.П. Тимонина, Е.С. Барабанова. Пенза: Поволжский Дом знаний, 2009, с.164-168.

- Тургенев И.С.* Стихотворение в прозе / И. С. Тургенев. Полное собрание сочинений и писем в 30-ти томах. М.-Л., «Наука», 1982, т. 10, с.134-135.
- Чернейко Л.О.*, Хо Сон Тэ . Концепты жизнь и смерть как фрагменты русской языковой картины мира // Филологические науки, 2001, № 5, с.50-59.
- Чумак О.С.* Корреляция концептов „жизнь” и „смерть” в идиостиле Б.Л.Пастернака (на материале романа „Доктор Живаго”): дис... канд. филол. наук: / Чумак О.С. Саратов, 200, с. 3-156.
- Мршевић-Радовић Д.* Фразеологија и национална култура / Д. Мршевић-Радовић. Београд: Штампа Чигоја, 2008.
- Нови Завјет господа нашега Иисуса Христа. Превео Вук Стеф.Карацић. У Београду:Издање Британскога и иностранога библијскога друштва, Глава 8, с.12.: „12
- Пејановић А.* Фразеологија „Горског вијенца”/ А.Пејановић. Подгорица, 2010, с.157-305.
- Радић-Дугоњић М.* Прилог проучавању инваријатних и варијантних обележја концепата емоције у српском и руском језику (на материјалу руског превода “Сеоба” Милоша Црњанског) // Стил, Међународни часопис, Београд- Бања Лука, 2003, с.321-330.
- Речник српскохрватскога књижевног језика. Нови Сад, Матица Српска, 2011. Matešić J. Frazeološki rječnik hrvatskog ili srpskog jezika, Zagreb:IRO „Školska knjiga”, 1982.
- Тургењев И.С.* Часовник и друге приповетке. Сабрана дела. / И.С.Тургењев. Београд, Народна просвета, Книга XV, 1935, с.227-296.
- Тургењев И.С.* Појезија у прози. С руског превео Милан Данин / И.С.Тургењев. Велики Бечкерек, издање књижаре Грчића и Марковића, 1883.
- Тургењев И.С.* Песме у прози. (Senilia). / И.С.Тургењев. Београд, Свесловенска књижарница, 1922.
- Евангелие (от Матфея) (http://www.my-bible.info/biblio/bib_tsek/ev_matf.html#g8)

НАПРАВЛЕНИЕ 2

НАУКА О ПЕРЕВОДЕ В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Барчот Б.

Философский факультет Загребского университета
г. Загреб (Хорватия)

Barčot Branka

Faculty of Humanities and Social Sciences, University of Zagreb
Zagreb (Croatia)

НЕМЕЦКО-ХОРВАТСКО-РУССКИЕ АНИМАЛИСТИЧЕСКИЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ СВЯЗИ С ТРАНСЛАТОЛОГИЧЕСКОЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ

GERMAN-CROATIAN-RUSSIAN ANIMALISTIC PHRASEOLOGICAL CONNECTIONS FROM THE TRANSLATOR'S POINT OF VIEW

В настоящей работе анализируются немецкие анималистические фразеологические единицы (ФЕ), имеющие структурно-семантические, структурные или семантические эквиваленты в хорватском и русском языках. Источником фразеологического материала в исходном языке (немецком), а также и в переводящих языках (хорватском и русском), являются одноязычные тематические фразеологические словари, относящиеся к миру животных. Цель данной работы заключается в ее применении в сфере транслатологии. Придуманные автором кодированные транслатологические формулы нацелены на переводчиков для облегчения поиска транслатологического решения, чтобы обеспечить более качественный перевод текстов, содержащих данные ФЕ.

In this paper, we analyze German animalistic phraseological units (PU) that have structural-semantic, structural or semantic equivalents in Croatian and Russian. The source for our corpus in the source language, i.e. German, as well as in the target languages, i.e. Croatian and Russian, are monolingual thematic phraseological dictionaries related to the world of animals. The aim of this paper is its application in the translational sphere. The author came up with several encrypted translational formulas that were coined in order to ease the seeking for a translational solution, and in order to raise the quality of translated texts containing these PU.

Ключевые слова: переводоведение, анималистическая фразеология, структурно-семантические фразеологические пары, структурные фразеологические пары, семантические фразеологические пары, немецкий язык, хорватский язык, русский язык.

Keywords: translation studies, animalistic phraseology, structural-semantic phraseological pairs, structural phraseological pairs, semantic phraseological pairs, German language, Croatian language, Russian language.

Мир животных интересует (и одновременно завораживает) людей с момента, когда первый раз вступают в контакт с ним: когда человек занимается охотой; в случаях, когда человек придает животным большую важность и которых приносит в жертву (бык, лошадь, баран, свинья, теленок и др.); в случаях, когда речь идет о

животных, которым человек приписывает сверхъестественные свойства и которых ему нельзя убивать (табуированные животные); когда речь идет о животных, которых дрессируют или приручают, и наконец, когда речь идет о тех животных, которых он разводит или которых он предпочитает в качестве питомцев. В баснях, сказках или в детской литературе появляются образы говорящих, мыслящих и чувствующих животных (например, лиса хитрая, заяц трусливый, лев храбрый, змея подколотная и т.д.). Это нам известно с Эзопа, а дальше из средневекового bestiaria, а потом в текстах Лафонтена и Крылова, и в настоящее время в мультфильмах Дисней. На самом деле нет такого сходства между реальностью какого-нибудь животного и стереотипного образца, конструированного о нем в ментальном пространстве человека. Этот стереотипный образец всегда по своей сути антропоцентричен – животным приписываются характеристики человека; они оцениваются в моральном, интеллектуальном, эмоциональном или интерперсональном контексте, а наблюдаются и их обычаи и привычки [Barčot, 2017, с. 73]. Реальность, менталитет и традиция образуют *circulus vitiosus* в стереотипном восприятии животных и обогащают язык многочисленными сравнениями и метафорами, при чем такой стереотипный символизм животных живет в языке и передается из поколения в поколение благодаря языковым единицам, над которыми говорящие не задумываются, т.е. говорящие не пересматривают их связь с внеязыковой действительностью [там же]. Мы различаем между антропоморфизмом и зооморфизмом. Антропоморфизм – перенесение человеческих характеристик на предметы, явления, события и животных, но мы его здесь понимаем исключительно в смысле наделения животных человеческими свойствами. С другой стороны, зооморфизм – наделение людей качествами животных. «Антропоморфизация» – человеческая тенденция, которая понимается как результат человеческого восприятия, а ее цель – облегчить человеку жизнь, чтобы он лучше разбирался в мире вокруг себя [Barčot, 2014, с. 482].

В настоящей работе мы проанализируем и сравним немецко-хорватско-русские анималистические связи в трех национальных фразеологиях с транслатологической точки зрения. Основная цель данной работы заключается в ее применении в сфере транслатологии. Придуманные автором кодированные транслатологические формулы нацелены на переводчиков для облегчения поиска транслатологического решения, чтобы обеспечить более качественный перевод текстов, содержащих данные ФЕ. В переводоведении есть несколько способов для перевода ФЕ: 1) употребление ФЕ с похожей формой и с похожим содержанием; 2) употребление ФЕ с похожим содержанием, но форма другая; 3) парафраз; 4) опущение ФЕ; 5) буквальный перевод

подлинной ФЕ; и 6) компенсация [Baker, 1992, с. 85-93 *цит. по* Pavlović, 2015, с. 89]. Здесь мы будем руководиться первыми двумя транслатологическими способами. Более того, нашей первоочередной задачей будет заменить ФЕ из исходного языка (в данном случае из немецкого) эквивалентной ФЕ в переводящих языках (в данном случае в хорватском и русском) (имея в виду и форму и содержание). Нашей задачей также будет остаться в той же области, что касается фразеологического компонента (в данном случае речь идет об анимализме). Анималистическая фразеология охватывает ФЕ с анималистическим компонентом. Он в нашем понимании подразумевает зоонимы (медведь, кошка), отзоонимные прилагательные (медвежий, кошачий), зоосоматизмы (хвост, лапа, морда), а также и другие компоненты, связанные с миром животных, как например, оборудование для животных или места, связанные с животными (намордник, поводок, поилка), биотопы (лес, пустыня), жилища (берлога, гнездо), названия продуктов животных (мед, молоко), глаголы, первое значение которых связывается с животными (лаять, доить, откармливать), и звукоподражательные компоненты.

Источником для анималистического фразеологического корпуса для немецкого языка послужил одноязычный фразеологический словарь «*Moderne deutsche Idiomatik*» (1966) Вольфа Фридриха. В нем ФЕ из современного немецкого языка тематически группируются. Раздел «*Tiere*» насчитывает 508 ФЕ, которые объясняются и иллюстрируются примерами использования. ФЕ приводятся в алфавитном порядке анималистического компонента. В. Фридрих под анимализмом подразумевает зооним, сложное слово с зоонимом, и зоосоматизм. Источник для хорватской части языкового корпуса является недавно опубликованный одноязычный «*Rječnik hrvatskih animalističkih frazema*» (2017) группы авторов: И. Видович Болт, Б. Барчот, Ж. Финк Арсовски, Б. Ковачевич, Н. Пинтариц и А. Васунг. Этот тематический словарь охватывает около 1400 ФЕ с анималистическим компонентом и примеры их использования, причем понятие анимализма авторы понимают так, как он объясняется выше в тексте. Русскую часть фразеологического корпуса мы собирали в «*Идеографическом словаре русских фразеологизмов с названиями животных*» (2001) Татьяны Валентиновны Козловой. В этом словаре содержится около 2000 ФЕ, а в нем включены ФЕ с зоонимами и отзоонимными прилагательными.

Наша задача – это обнаружить все хорватские и русские анималистические ФЕ, имеющие свой немецкий эквивалент, зафиксированный в словаре «*Moderne deutsche Idiomatik*», т.е. которые совпадают с немецкой ФЕ в структурном и/или семантическом плане. Еще раз стоит подчеркнуть, что исходный язык немецкий, а целевые языки хорватский и русский. В центральной части работы анализируется собранный

анималистический корпус в трех языках, а приводятся и придуманные автором кодированные транслатологические формулы нацелены на переводчиков для облегчения поиска транслатологического решения, чтобы обеспечить более качественный перевод текстов, содержащих данные ФЕ. Особо надо выделить, что нашей целью не является ревизовать собранный фразеологический материал в трех словарях по критерию частотности их использования в современном немецком, хорватском и русском языках.

Анализ языкового корпуса

Наш анималистический фразеологический корпус включает 53 устойчивых по составу и структуре, лексически неделимых и целостных по значению словосочетания в каждом из трех анализируемых языков. Получается в итоге 159 ФЕ. Все они приводятся в таблице ниже. Так как немецкий язык был исходным, немецкие ФЕ приводятся в первой колонке в алфавитном порядке анималистического компонента. Во второй колонке находятся хорватские ФЕ, а в четвертой – русские ФЕ. В третьей и пятой колонке дается транслатологическое толкование, т.е. транслатологическая модель. В третьей колонке эта модель объясняет немецко-хорватские фразеологические пары, а в пятой колонке – немецко-русские фразеологические пары. Кодированные транслатологические формулы включают следующие параметры: структуру (буква А), семантику (буква В), дополнительное значение в одном из трех языков (буква В⁺), фразеологический образ (буква С), анималистический компонент (буква Х). Математические символы + и – означают прибавление, т.е. отнятие определенного сегмента. После того как мы собрали языковой корпус, мы провели сопоставительный анализ и в итоге экстрагировали восемь моделей (кодов / формул) для обобщенного способа описания фразеологических пар. Речь идет о следующих транслатологических моделях (кодах / формулах):

1. *структурно-семантические пары*: код АВ.

Эта группа охватывает настоящие эквиваленты с тем же анималистическим компонентом;

2. *структурно-семантические пары с дополнительным значением в только одном из двух языков*: код АВ{+ В⁺}.

В зависимости от того в котором из двух языков встречается дополнительное значение, добавляется экспонент ^(H) для хорватского языка, экспонент ^(N) для немецкого, или экспонент ^(R) для русского языка: код АВ{+ В^{+(H)}}, АВ{+ В^{+(N)}}, АВ{+ В^{+(R)}};

3. *структурно-семантические пары с разными анималистическими компонентами:*

код АВ {другой X};

4. *структурно-семантические пары с разными фразеологическими образами:*

код АВ {другой C};

5. *структурные пары с частичным семантическим совпадением:*

код А {частичное В};

6. *структурные пары, которые семантически не совпадают:* код А{- В}.

Эта группа охватывает фразеологические ложные друзья переводчика;

7. *семантические пары с тем же анималистическим компонентом:*

код В {одинаковый X};

8. *семантические пары с разными анималистическими компонентами:*

код В {другой X}.

Дальше следует таблица (Таблица 1) с немецко-хорватско-русским языковым материалом и кодированными транслатологическими формулами. Звездочкой (*) отмечены ФЕ, которые фиксируются и как сравнительные ФЕ у Х. Вальтера, т.е. в его словаре «Wörterbuch deutscher sprichwörtlicher phraseologischer Vergleiche» (2008).

Таблица 1.

НЕМЕЦКАЯ ФЕ	ХОРВАТСКАЯ ФЕ	ТРАНСЛАТ. МОДЕЛЬ (нем→хорв)	РУССКАЯ ФЕ	ТРАНСЛАТ. МОДЕЛЬ (нем→рус)
glatt wie ein Aal	sklizak kao jegulja	А {частичное В}	изворотлив как угорь	АВ
sich wie ein Aal winden (krümmen)	izmicati (migoljiti se i sl.) kao jegulja	АВ {+ В ^(Н) }	угря в руках не удержишь (скользкий)	В {одинаковый Х}
schlafen wie ein Bär	spavati kao medvjed	АВ	спать как медведь <в берлоге>	АВ
<i>jmdm.</i> einen Bärendienst erweisen	napraviti / praviti (učiniti / činiti) medvjedu uslugu <i>komu</i>	АВ	оказать медвежьё услугу <i>кому</i>	АВ
einen Bärenhunger haben	gladan kao vuk	В {другой Х}	голодный как волк (собака)	АВ {другой Х}
Bärenkräfte haben	jak kao medvjed.	В {одинаковый Х}	силен как медведь	В {одинаковый Х}

emsig (fleißig) wie eine Biene	marljiv (vrijedan i sl.) kao pčelica	AB	трудолюбивый как пчела	AB
stur wie ein Bock	tvrdoglav kao magarac	AB {другой X}	упрямый как козел	AB
den Bock zum Gärtner machen	dati jarcu da čuva kupus	A {частичное B}	пустить козла в огород	AB
schlafen wie ein Dachs	spavati kao medvjed	AB {другой X}	спать как медведь <в берлоге>	AB {другой X}
sich benehmen wie ein Elefant im Porzellanladen	ponašati se kao slon u staklani (staklarnici, staklarni, trgovini porculana)	AB	вести себя как слон в посудной лавке	AB {+ B ^R }
ein dummer Esel* / dumm wie ein Esel	glup kao magarac	AB	ослиный разум у <i>кого</i>	B {одинаковый X}
störrisch wie ein Esel	tvrdoglav kao magarac (magare, sivonja)	AB	упрямый как осел	AB
stumm wie ein Fisch	nijem kao riba	AB	молчаливый как рыба	AB
sich fühlen wie ein Fisch auf dem Trockenen	osjećati se kao riba na suhom	AB	чувствовать себя как рыба без воды <на суше>	A {частичное B}
keiner Fliege etwas zuleide tun <können>	ne bi <ni> mrava zgazio <i>tko</i>	AB {другой X}	мухи не обидит <i>кто</i>	AB
zwei Fliegen mit einer Klappe schlagen	jednim udarcem ubiti dviije muhe	AB	<одним выстрелом> убить двух зайцев	AB {другой X}
ein schlauer Fuchs	stari lisac	AB	хитрый как лиса	B {одинаковый X}
im Gänsemarsch gehen	guščji hod; guščji poredak (slijed)	B {одинаковый X}	ходить гусем /диал.ирк./	A {- B}
stolz wie ein Hahn	šepiriti se (kočoperiti se i sl.) kao paun	B {другой X}	самодовольный (спесивый) как индюк	AB {другой X}
<i>jmdm.</i> den roten Hahn aufs Dach setzen	pustiti / puštati crvenoga pijetla na (pod) krov	AB	пустить / пускать красного петуха <i>кому</i> , (на что, по чему)	AB
da liegt der Hase im Pfeffer	u tom grmu leži zec	AB {другой C}	вот где (здесь, тут, в этом, в чем) собака зарыта	AB {другой C}
ein alter Hase	stari zec	AB	стреляных (старый) воробей (птица);	AB {другой X}; B {другой X}

			<i>кто собаку съел в чем</i>	
ein Hasenherz haben	plašljiv kao zec	В {одинаковый X}	заячья душа; труслив как заяц	В {одинаковый X}; В {одинаковый X}
dicht gedrängt wie die Heringe <in der Tonne>	zbijeni (stisnuti, nabijeni i sl.) kao sardine <u konzervi>	АВ {другой X}	<i>кого</i> как сельдей в бочке <i>где</i>	АВ
da liegt der Hund begraben	u tom grmu leži zec	АВ {другой C}	вот где (здесь, тут, в этом, в чем) собака зарыта	АВ
wie Hund und Katze leben	živjeti kao pas i mačka	АВ	жить как кошка с собакой	АВ
sich wie die Kaninchen vermehren	množe se (razmnažaju se, razmnožavaju se) kao kunići	АВ {+ В ^(H) }	плодиться (множиться) что голуби; размножаться как саранча	АВ {другой X}
die Katze im Sack kaufen	kupiti / kupovati mačku (mačka) u vreći	АВ	купить / покупать коту в мешке	АВ {другой X}
dastehen wie die Kuh am (vorm) neuen Tor (Scheunentor)	gledati (buljiti i sl.) <u koga, u što> kao tele u šarena (nova) vrata	АВ {другой X}	смотреть (установиться) как баран на новые ворота	АВ {другой X}
<i>jmdn.</i> als melkende Kuh betrachten	krava muzara	В {одинаковый X}	дойная корова	В {одинаковый X}
aus einer Mücke einen Elefanten machen	napraviti / praviti (raditi i sl.) od (iz) komarca slona	АВ	делать из мухи слона	АВ {другой X}
dastehen wie der Ochs am (vorm) Berg (neuen Tor, Scheunentor)	gledati (buljiti i sl.) <u koga, u što> kao tele u šarena (nova) vrata	АВ {другой X}	смотреть (установиться) как баран на новые ворота	АВ {другой X}
arbeiten wie ein Pferd	raditi (rintati) kao konj	АВ	работать (вкалывать, надрываться) как лошадь	АВ
ein weißer Rabe	bijela vrana	АВ {другой X}	белая ворона	АВ {другой X}
ein scheues Reh /scheu wie ein Reh	plah kao srna	АВ	труслив как заяц; заячья душа	АВ {другой X}
dicht gedrängt wie die Sardinen <in der Büchse>	zbijeni (stisnuti, nabijeni i sl.) kao sardine <u konzervi>	АВ	<i>кого</i> как сельдей в бочке <i>где</i>	АВ {другой X}

ein räudiges Schaf	šugava ovca	AB	паршивая овца	AB{+ B ^(R) }
das schwarze Schaf <in der Familie>	crna ovca <u obitelji>	AB	паршивая овца	AB{+ B ^(R) }
ein verirrtes Schaf	zalutala (izgubljena, zabudjela) ovca	AB	заблудшая овца (овечка)	AB
Schwanengesang	labuđi pjev	AB{+ B ^(H) }	лебединая песня	AB
besoffen wie ein Schwein	pijan kao svinja	AB	быть под мухой; быть пьяным до зеленого змия	B{другой X}; B{другой X}
Wo haben wir denn zusammen Schweine (Säue) gehütet?	nismo zajedno (skupa) ovce pasli (čuvali)	B{другой X}	мы с вами, кажется, гусей вместе не пасли	B{другой X}
wie ein Spatz essen	jesti kao vrabac	AB	есть как птичка	AB{другой X}
arbeiten wie ein Stier	raditi (rintati) kao konj (marva, stoka, vol, životinja)	AB{другой X}	работать (вкалывать, надрываться) как лошадь	AB{другой X}
den Stier bei (an) den Hörnern packen	uhvatiti / hvatati (zgrabiti) bika za rogove	AB	взять / брать быка за рога	AB
ein großes (hohes) Tier	krupna (velika) zvijer	AB{другой X}	важная птица; птица высокого полета	AB{другой X}; B{другой X}
wie ein Vögelchen essen	jesti kao ptičica	AB	есть как птичка	AB
in ein Wespennest stechen	dirnuti / dirati (taknuti) u osinje gnijezdo	AB	осиною гнезда не тронь	B{одинаковый X}
flink wie ein Wiesel	žustar kao mačka	AB{другой X}	ловкий как белка	AB{другой X}
ein Wolf im Schafspelz	vuk u ovčjoj koži	AB	волк в овечьей шкуре	AB
hungrig wie ein Wolf	gladan kao vuk	AB	голодный как волк	AB
sich wie ein <getretener> Wurm winden (krümmen)	previjati se kao crv	AB	извиваться как червяк	A{- B}

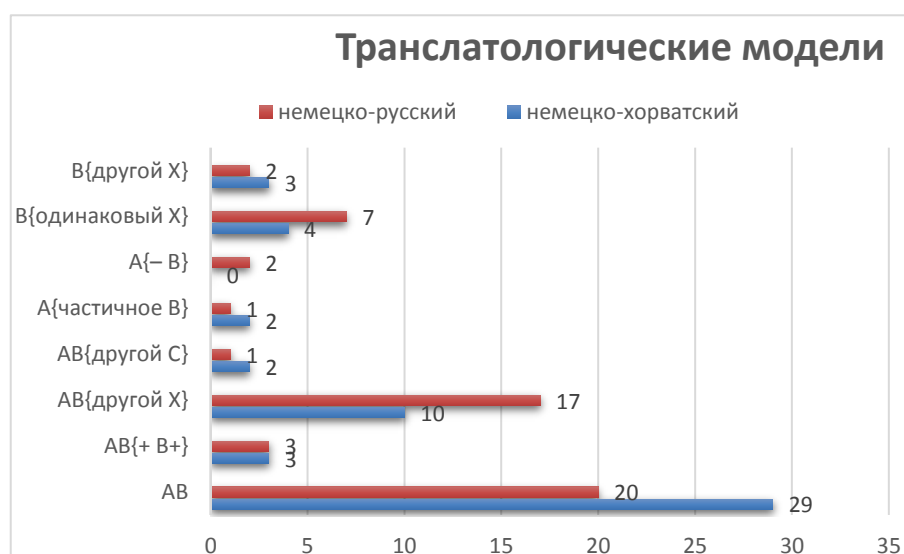
Среди 159 ФЕ мы обнаружили 13 настоящих фразеологических немецко-хорватско-русских анималистических «друзей», т.е. 39 ФЕ, структура и семантика

которых полностью совпадают: *schlafen wie ein Bär* – *spavati kao medvjed* – *спать как медведь* <в берлоге>; jmdm. *einen Bären dienst erweisen* – *napraviti / praviti (učiniti / činiti) medvjedu uslugu* кому – *оказать медвежьей услугу кому*; *emsig (fleißig) wie eine Biene – marljiv (vrijedan i sl.) kao pčelica* – *трудолюбивый как пчела*; *störrisch wie ein Esel – tvrdoglav kao magarac (magare, sivojka)* – *упрямый как осел*; *stumm wie ein Fisch – nijem kao riba* – *молчаливый как рыба*; jmdm. *den roten Hahn aufs Dach setzen* – *pustiti / puštati crvenoga pijetla na (pod) krov* – *пустить / пускать красного петуха кому* (на что, по чему); *wie Hund und Katze leben* – *živjeti kao pas i mačka* – *жить как кошка с собакой*; *arbeiten wie ein Pferd* – *raditi (rintati) kao konj* – *работать (вкалывать, надрываться) как лошадь*; *ein verirrtes Schaf* – *zalutala (izgubljena, zabludjela) ovca* – *заблудшая овца (овечка)*; *den Stier bei (an) den Hörnern packen* – *uhvatiti / hvatati (zgrabiti) bika za rogove* – *брать быка за рога*; *wie ein Vögelchen essen* – *jesti kao ptičica* – *есть как птичка*; *ein Wolf im Schafspelz* – *vuk u ovčjoj koži* – *волк в овечьей шкуре*; *hungrig wie ein Wolf – gladan kao vuk* – *голодный как волк*.

Что касается структурно-семантических эквивалентов (код АВ) в рамках двух языков, в нашем языковом корпусе эта самая большая группа: 29 немецко-хорватских пар и 20 немецко-русских пар. Переводчик должен обратить внимание на структурно-семантические пары с дополнительным значением в только одном из двух языков (код АВ{+ B⁺}). Например, русская ФЕ *вести себя как слон в посудной лавке* – в отличие от немецкого и хорватского эквивалента – имеет еще и следующее дополнительное значение: 'совершенно не способный к тонкой дипломатии, грубо и неумело подходит к решению сложных вопросов'. Вторая по многочисленности группа – это структурно-семантические пары с разными анималистическими компонентами (код АВ{другой X}) (например, *keiner Fliege etwas zuleide tun* <können> – *ne bi <ni> mrava zgazio tko*; *dastehen wie die Kuh am (vorm) neuen Tor (Scheunentor)* – *смотреть (установиться) как баран на новые ворота* и т.д.). Мы обнаружили всего лишь несколько ФЕ в анализируемом языковом корпусе, принадлежащих к группе структурно-семантических пар с разными фразеологическими образами (код АВ{другой C}) (например, *da liegt der Hase im Pfeffer* – *u tom grmu leži zec* – *вот где (здесь, тут, в этом, в чем) собака зарыта*). Существуют три структурные пары ФЕ с частичным семантическим совпадением (код А{частичное В}): две в немецко-хорватской части анализируемого корпуса (*glatt wie ein Aal* – *sklizak kao jegulja*; *den Bock zum Gärtner machen* – *dati jarcu da čuva kupus*) и одна в немецко-русской части (*sich fühlen wie ein Fisch auf dem Trockenem* – *чувствовать себя как рыба без воды* <на суше>). В таких случаях переводчику надо в зависимости от контекста обратить внимание на семы, которые, может быть, отсутствуют в одном из двух

языков. Следующие две группы ФЕ не должны представлять серьезной проблемы для переводчика: семантические пары с тем же анималистическим компонентом (код *V{одинаковый X}*) и семантические пары с разными анималистическими компонентами (код *V{другой X}*). Переводя семантические пары с тем же анималистическим компонентом (код *V{одинаковый X}*), переводчик должен обратить внимание на их включение в предложение, т.е. обратить внимание на синтаксис, как, например, в случае ФЕ *in ein Wespennest stechen* – *осинового гнезда не тронь* или при переводе ФЕ *ein Hasenherz haben* – *заячья душа & труслив как заяц*. Стоит подчеркнуть, что в «Идеографическом словаре русских фразеологизмов с названиями животных» Т.В. Козловой иногда не находим ФЕ, которые фиксируются в других фразеологических словарях, а которые довольно часто употребляются в современном языке: например, русским эквивалентом немецкой ФЕ *besoffen wie ein Schwein* послужили русские ФЕ *быть под мухой* и *быть пьяным до зеленого змия*, а в современном русском языке встречается структурно-семантический эквивалент *пьяный как свинья*. Следующие ФЕ устраивают ловушек для неосторожного и неопытного переводчика: *im Gänsemarsch gehen* – *ходить гусем* /диал.ирк./ и *sich wie ein <getretener> Wurm winden (krümmen)* – *извиваться как червяк*. Речь идет о структурных парах, которые семантически не совпадают (код *A{- V}*), т.е. о ложных друзьях переводчика. *Ходить гусем* значит 'зазнаваться'. В анализируемом словаре не зафиксирована ФЕ *идти гуськом*, которая является структурно-семантическим эквивалентом немецкой ФЕ *im Gänsemarsch gehen*. Русская ФЕ *извиваться как червяк* значит 'корчиться от боли'. Такое значение не находим в немецком языке. Результаты статистической обработки данных приводятся в следующей диаграмме (Диаграмма 1):

Диаграмма 1.

В результате проведенного исследования, представленного в настоящей работе, можно сделать следующие выводы: анализ собранного анималистического фразеологического материала в трех языках доказал сходство одной части фразеологической картины мира носителей немецкого и хорватского языков, с одной стороны, и сходство одной части фразеологической картины мира носителей немецкого и русского языков, с другой стороны. Это, во всяком случае, облегчит работу переводчика, когда он встретится с анализируемым языковым материалом – особенно в случае перевода ФЕ, обозначенных кодом *AB*. В отличие от этой группы ФЕ, есть и те ФЕ, которые осложняют работу переводчика – это ложные друзья переводчика, т.е. ФЕ, обозначенные кодом *A{-B}*. Неопытному или неосторожному переводчику могут осложнять работу и структурно-семантические пары с дополнительным значением в только одном из двух языков (код *AB{+ B^+}*).

Цель данной работы была внести небольшой вклад в фразеологические исследования в области транслатологии, но мы также думаем, что собранный языковой материал может пригодиться и в области фразеодидактики.

Список литературы:

- Козлова Т.В.* Идеографический словарь русских фразеологизмов с названиями животных, Дело и Сервис, Москва, 2001.
- Barčot B.* Antropomorfizam i zoomorfizam u hrvatskim, ruskim i njemačkim zoonimskim frazemima // *Philological Studies*, (2) с. 481–496, 2014.
- Barčot B.* Lingvokulturologija i zoonimska frazeologija, Hrvatska sveučilišna naklada, Zagreb, 2017.
- Friedrich W.* Moderne deutsche Idiomatik, Max Hueber Verlag, München, 1966.
- Pavlović N.* Uvod u teorije prevođenja, Leykam international d.o.o., Zagreb, 2015.
- Vidović Bolt I., Barčot B., Fink Arsovski Ž., Kovačević B., Pintarić N., Vasung A.* Rječnik hrvatskih animalističkih frazema, Školska knjiga, Zagreb, 2017.
- Walter H.* Wörterbuch deutscher sprichwörtlicher phraseologischer Vergleiche, Verlag Dr. Kovač, Hamburg, 2008.

Губайдуллина А.Н.
Национальный исследовательский
Томский государственный университет
г. Томск (Россия)

Gubaidullina Anastasiia
National Research Tomsk State University
Tomsk (Russia)

**ИТАЛЬЯНСКИЙ ПРОЕКТ “SAVE THE STORY”
В КОНТЕКСТЕ ДВУХАДРЕСНОЙ (ВЗРОСЛЫЙ + РЕБЁНОК) ЛИТЕРАТУРЫ**

**THE ITALIAN PROJECT "SAVE THE STORY"
IN THE CONTEXT OF LITERATURE OF DUAL AUDIENCE**

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (РГНФ) в рамках научного проекта № 17-03-00528 «Семейное чтение как помогающая практика в условиях социально-культурных трансформаций».

Автор статьи исследует русские переводы книг проекта «Save the story», который был инициирован в Италии в 2013 году как один из результатов работы школы сторителлинга «Холден». Миссия проекта заключается в адаптированном пересказе «вечных» сюжетов детям от 5 до 12 лет и спасении культуры через её осовременивание. Особое внимание в статье уделяется книгам А. Барикко «Дон Жуан», С. Бенни «Сирано де Бержерак», У. Эко «Обручённые». Истории совмещают признаки устного рассказа и художественного письма. В них реализован принципиально новый тип адаптации сложных текстов для детей: книги остаются двухадресными; они рассчитаны на прочтение как взрослыми, так и маленькими читателями. Акцент во взаимодействии с книгой перенесён с результата прочтения на процесс; чтение видится как сложный коммуникативный акт с элементами интерактивности.

The article explores the Russian version from the *Save the Story* series initiated in Italy in 2013 by the Holden School of Writing and Storytelling. The project mission is to adapt famous plots for children between 5 and 12 to save literary classics from oblivion by making them sound contemporary. The particular attention focuses on A. Baricco's *Don Juan*, S. Benni's *Cyrano de Bergerac*, and U. Eco's *The Betrothed*, which combine orality story features with elements of creative writing. The books realise a particularly new type of adaptation for children by retaining their complex dual addressee. In this research, reading is seen as a complex act of communication with interactive elements, whose emphasis is shifted from the result to the process itself.

Ключевые слова: сторителлинг, двухадресная литература, детская литература, художественный перевод, адаптированный текст, Алессандро Барикко, Умберто Эко.

Keywords: storytelling, literature of dual audience, children's literature, literary translation, adaptation, Alessandro Baricco, Umberto Eco.

В 1994 году пять энтузиастов основали в г. Турин (Италия) школу «Холден», основой обучения в которой являлся storytelling. Процедура сторителлинга заключается в том, что рассказчик транслирует слушателям истории (пересказывает, изображает, вовлекает зрителей в действие). «Рассказывание историй (*storytelling*) – сложная дискурсивная деятельность, требующая интеграции и взаимодействия различных типов

знаний. Обычно *storytelling* ассоциируется с развлекательной функцией, однако истории несут в себе и другие функции, являясь по своей сути отражением социальных ценностей, убеждений и целей, которые мотивируют человеческую интеракцию. В основе историй лежит последовательность событий, отражающая некоторые затруднительные положения, с которыми сталкиваются люди (живые существа), и различные способы, посредством которых они преодолевают возникающие трудности. Большинство историй начинается с событий и каких-то значительных условий, меняющих образ жизни протагониста и вынуждающих его к принятию решений и действий для достижения важной для сложившейся ситуации цели» [Юрьева, 2016, с. 24]. Для школы «Холден» сторителлинг стал как методом, – обучение воспитанников подразумевало использование этой технологии – так и целью: предполагалось, что некоторые выпускники сами могут стать нарраторами и новыми сторителлерами.

Одним из проектов, своеобразным результатом работы в школе *storytelling* явилась серия книг «Save the story». Основатель серии, её главный идеолог – итальянский писатель и эссеист Алессандро Барикко – назвал этот проект «операцией по спасению культуры» («salvataggio culturale») [Барикко, 2010].

Концепция проекта «Save the story» имеет неожиданный формат: современные писатели в книгах пересказывают детям известные классические сюжеты: одна книга – один сюжет. Проект объединил известных писателей, итальянских и не только, таких как: Умберто Эко; сам Алессандро Барикко (сценарист, драматург); сатирик, колумнист Стефано Бенни; сценарист, автор детективных романов Андреа Камиллери; а также израильский автор Авраам Иегошуа; перуанец, нобелевский лауреат Марио Варгас Льюса; шотландская писательница-новеллист Али Смит; американский автор и издатель Дэйв Эггерс.

В период с 2010 по 2013 годы было выпущено 11 книг в серии¹³⁷, включающих как мифологизированные или фольклорные истории (о Дон Жуане или о Гильгамеше), так и авторские тексты («Капитан Немо», «Нос», «Король Лир» – и другие). Три книги по горячим следам в 2013 году были переведены на русский язык и выпущены издательством АСТ: *Cogrus*: роман «Обручѐнные» в пересказе У. Эко; «Сирано де Бержерак» С. Бенни; «Дон Жуан» А. Барикко. В 2013 году итальянская серия была приостановлена и продолжения пока не получила.

¹³⁷ Имеет смысл перечислить изданные книги в хронологическом порядке. 2010 г.: А. Baricco «Don Giovanni»; U. Eco «I Promessi Sposi»; S. Benni «Cyrano de Bergerac». 2011 г.: А. Camilleri «Il Naso»; А. Yehoshua «Delitto e castigo»; Y. Lii «Gilgamesh»; А. Smith «Antigone»; J. Coe «Gulliver»; D. Eggers «Capitano Nemo»; M. Mazzucco «Re Lear». 2013 г.: M. V. Llosa «La nave dei bambini».

Несмотря на то что речь идёт о письменных текстах, книги ориентированы на поддержание практик сторителлинга: на вольный пересказ сюжета с опорой на текст, а также на совместное чтение взрослого и ребёнка.

Перед созданием книг все авторы получили одно и то же «техническое задание», регламентирующее композицию и объём материала, о чём свидетельствует интервью с Алессандро Барикко: «Con una regola: la singola storia, se narrata oralmente, non deve durare più di un' ora. Soltanto così si riesce a catturare l' attenzione dei lettori dai cinque ai dodici anni d' età. E anche per i genitori e per i nonni sarà più facile leggerle ai bambini» («Есть одно правило. Каждый рассказ, если он передается в устной форме, должен длиться не более часа. Это единственный способ привлечь внимание читателей в возрасте от пяти до двенадцати лет. И даже для родителей и бабушек и дедушек будет легче читать книги детям» (перевод мой – А.Г.)) [Барикко, 2010].

И далее: «L' aspetto dell' oralità è essenziale. Abbiamo chiesto ai nostri autori di scrivere periodi brevi, frasi leggibili, dialoghi dotati di ritmo. Anche i capitoletti non devono superare i cinque minuti: questo per andare incontro alla testa dei più piccoli, evitando che s' accascino nel bel mezzo della lettura. Noi cerchiamo di salvare le storie, non le opere da cui sono tratte, nella speranza che i bambini una volta cresciuti vadano a scoprire gli originali» («Наиболее важен аспект устного воспроизведения. Мы попросили авторов писать короткими предложениями, ясными фразами, ритмическими диалогами. Главы не должны читаться дольше пяти минут, чтобы могли адаптироваться самые маленькие, чтобы они не уснули во время чтения. Мы пытаемся спасти истории, а не те работы, из которых мы их взяли, чтобы дети, когда подрастут, захотели открыть для себя оригинальный текст» (перевод мой – А.Г.)) [Барикко, 2010].

Итак, была определена основная адресная группа (5 – 12 лет), принципы поэтики и миссия проекта. По своему замыслу, проект отвечает привычной задаче адаптации художественных произведений для детей. Подразумевается приспособление текста к уровню компетентности реципиента; происходит формальное и содержательное упрощение текста, а именно: упрощение синтаксических конструкций, замена лексики [Виноградов, 2001, с.5]. Но книги изначально предусмотрены как двухадресные: рассчитанные на обоюдный интерес родителей и детей, на посредничество взрослого в передаче сложных понятий и идей. И в совокупности со стратегиями сторителлинга двойная адресация порождает принципиально иной тип текста, чем адаптированный перевод или вольный пересказ.

Интересно, что на лицевой стороне книг не указан первоначальный автор произведения (так, фамилия Н.В. Гоголя написана только на задней стороне книги

«Нос» под рубрикой «Особая благодарность», точно так же упомянуты и авторы остальных книг); впереди есть только имя того писателя, кто пересказывает историю. Это однозначное указание на приоритет рассказчика, на свободу его решений в выборе, организации, содержании книги. В своём интервью Алессандро Барикко тоже подчёркивает то, что каждый современный автор «по-своему переписал историю, подчёркивая одни аспекты и пренебрегая другими» (перевод мой – А.Г.) («Ma generalmente ogni autore reinterpreta alla sua maniera il romanzo di partenza, valorizzando alcuni aspetti trascurandone degli altri») [Барикко, 2010].

Подобный метод культурной и возрастной адаптации приводит к исчезновению изначального авторского «голоса»: разумеется, в тех случаях, когда исходный текст априори имел определённое авторство. Даже если новая книга включает прямые цитаты из оригинала (например, в книге «Сирано де Бержерак» С. Бенни приводит развёрнутые отрывки из пьесы Эдмона Ростана¹³⁸), их выбор и способ интерпретации остаётся за рассказчиком.

При этом сторителлер использует те повествовательные инструменты, которыми лично он располагает. Ещё до написания книги перед ним встаёт проблема выбора: к какому литературному сюжету обратиться? «In alcuni casi abbiamo spinto noi: “I Promessi Sposi” potevano essere raccontati soltanto da Eco, insolito incrocio tra accademia e letteratura. Così il “Cyrano de Bergerac” ci sembrava un testo ideale per Benni. In altri casi abbiamo proposto una lista di storie, invitando a scegliere quelle più congeniali. Non è un caso che un autore come Yehoshua sensibile al tema morale abbia scelto “Delitto e castigo”, e l'ironia di Camilleri si sia concentrata su “Il naso” di Gogol» («В некоторых случаях тексты руководили нами: “Обручённые” мог рассказать только Эко – необычное пересечение академичности и художественности. “Сирано де Бержерак” показался нам идеальным текстом для Бенни. В других случаях мы предоставляли список историй, предлагая выбрать наиболее подходящие. Не случайно такой автор, как Иегошуа, чувствительный к теме нравственности, выбрал “Преступление и наказание”, а ирония Камиллери сконцентрировалась на “Носе” Гоголя» – из упомянутого интервью с Алессандро Барикко (перевод мой – А.Г.)) [Барикко, 2010].

Отражение писательского метода самого рассказчика и полнота его присутствия в «чужом» тексте может стать темой отдельного исследования. Приведём лишь пример: специалист по средневековой культуре Умберто Эко прибегает к пересказу романа «Обручённые» в том числе как к возможности познакомить детей с историей Италии XVII века: «Тяжёлые были времена. Ломбардия, где произошла эта история, почти

¹³⁸ В русской версии пьеса Э. Ростана цитируется в переводе Вл. Соловьёва.

целиком находилась под властью испанцев, которых поддерживали местные феодалы, богатые и не очень. В благодарность за помощь испанцы им позволяли творить всё, чего душа пожелает» [Эко У., 2013, с. 9]. У. Эко объясняет детям практику брави – вооружённых организованных отрядов, находящихся в подчинении феодалов и используемых в междоусобной борьбе [Сидоров Н.В.; 2016, с.53]. Таким образом, сюжет истории «обрастает» широким историческим контекстом и предусматривает ассоциативные переходы мысли рассказчика.

Однако не только рассказчик является провозвестником и интерпретатором культурного сюжета. Книги проекта «Save the story» реализованы как продукт коллективного творчества. В частности, как свидетельствует раздел «Откуда взялась эта история» (обязательное послесловие всех книг проекта), при работе над пересказом истории о Дон Жуане А. Барикко опирается на пьесу «Севильский распутник» Тирсо де Молина, на тексты Карло Гольдони и Жана-Батиста Мольера, либретто оперы В. А. Моцарта «Дон Жуан» Лоренцо да Понти... А. Барикко упоминает также трактат о Дон Жуане Сёрена Кьеркегора и пьесы португальского писателя Жозе де Сарاماго [Барикко, 2013, с. 97]. Для русской детской литературы текст А. Барикко, в свою очередь, переводит Геннадий Петрович Киселёв. В итоге, после цепи субъективных интерпретаций, едва ли можно говорить о передаче изначальной интенции сюжета; скорее, о его широком семантическом потенциале и поиске ключевых мотивов, смысловых элементов, актуальных для современного читателя.

Что касается изначального автора, то он превращается в одного из героев художественного текста. Так, У. Эко характеризует Алессандро Мандзони как «знатного господина», который «лицом походил на добрую печальную лошадку» [Эко, 2011, с. 7]; сообщает, что «господин Алессандро верил в чудеса» [Эко, 2013, с. 64], переводя фигуру реального автора в образ персонажа – повествователя, не столько за-текстового, сколько внутри-текстового. Книга «Сирано де Бержерак» также начинается с уравнивания прежнего автора, героя и прототипа героя в пространстве текста: «Более века назад в одном парижском театре молодой человек, тридцати лет, по имени Эдмон Ростан поставил пьесу о приключениях другого, реально существовавшего человека, который жил двумя столетиями раньше и которого звали Савиньен де Сирано» [Бенни, 2013, с. 7]. В момент превращения автора в героя он утрачивает сверхтекстовый непререкаемый авторитет демиурга; с ним можно дискутировать, над ним можно иронизировать. Это позволяет, например, Бенни предложить читателям альтернативные финалы истории о Сирано де Бержераке, где герой выживает, – и тут же признать их несостоятельность [Бенни, 2013, с. 92].

Двухадресная природа текста объясняет то, что современные итальянские авторы не стремятся достичь тематического, проблемного соответствия книг правилам детской литературы. Так, история о Дон Жуане и история Сирано заканчиваются смертью главного героя, что не характерно для детского текста, поддерживающего базовое доверие ребёнка миру. Рассказчики не редуцируют темы и мотивы, сглаживаемые традиционной детской литературой: например, мотив болезни или пьянства.

«Высокая» нарративная ирония сочетается с авантюрной, карнавальной смеховой культурой, поэтикой «телесного низа»: «Труслив он был до того, что чуть хлопнет где под ветром ставня, как у него тотчас же и штаны мокрые. Простите мне это невежливое выражение (и никогда за мной не повторяйте!), но я вынужден его употребить, потому что трусость нашего нового знакомого проявлялась, честное слово, именно таким образом» [Эко, 2013, с. 8]. Подобный физиологический мотив есть и у Бенни, описывающего пьянство Линьера: «Кажется, мягко говоря, что его описали сразу десять спившихся собак» [Бенни, 2013, с. 10].

Широкая детская литература избегает и мотивов эротического влечения или адюльтера, но Бенни без изменения цитирует строки Ростана из письма Сирано к Роксане: «Как я могу в письме послать вам поцелуи, чтоб вы губами прочитали их?» [Бенни, 2013, с. 47]. Барикко включает в повествования эпизод неудавшегося соблазнения Дон Жуаном Донны Анны и знаменитый «список» возлюбленных:

«— Тут дело в том, — сказал он, — что моему хозяину по нраву всё женское сословье без разбора. Крестьянки, мещанки, служанки, графини и княгини, баронессы и принцессы. <...> Зимой он предпочтёт толстушек, чтобы согревали пуше, а летом выберет худышек: с ними и потеть не надо...» [Барикко, 2013, с. 28].

Герои лишаются этической определённости. В частности, Дон Жуан — одновременно образ человека эгоистичного и смелого до безрассудства. Неоднозначность персонажей приводит к постановке сложных, экзистенциальных вопросов, не имеющих однозначного ответа: «<...> виноваты ли мы в том, что наши желания причиняют боль другим людям? Или наши желания всегда безобидны, и мы вправе их исполнить?» [Барикко, 2013, с. 94]. Резюмирующая идея каждой книги, как было сказано выше, — это, скорее, вопрос, чем ответ.

Вкупе с экзистенциальными доминантами детский текст «утяжелён» социальной проблематикой:

«Разве не должен священник быть добрым, великодушным и бесстрашно защищать своих прихожан, как велит ему Евангелие? Разве мало написано о

служителях Божьих, которые даже и смерть принимали, не отступив перед бандитами и негодяями? Всё верно, однако писатель с лошадиным лицом, хоть и был набожным христианином, знал, что характер человека не всегда соответствует роду его занятий. Знал он и ещё кое-что. В ту пору многие становились священниками или монахами <...> не потому, что ощущали в себе призвание или отличались самоотверженностью, а потому, что всюду царила нищета <...> а чему там учит Евангелие, им было начхать» [Эко, 2013, с. 8]

Амбивалентность социальной этики не отменяет дидактизма, свойственного детской литературе и выраженного в нескольких случаях в виде прямых сентенций: «Таким образом, господин Алессандро хочет донести до нас следующее <...>: гораздо больше мужества требуется, чтобы попросить прощения – и чтобы простить, – чем чтобы отомстить» [Эко, 2013, с. 23]

Помимо этического книга подразумевает игровой компонент.

Если обратить внимание на начало версии «Обручённых» У. Эко, то можно заметить, что оно в точности повторяет начало сказки Карло Коллоди «Приключения Пиноккио» (в русской книге воспроизведён перевод Э. Казакевича):

«Жил-был...

“Король!” – немедленно воскликнут мои маленькие читатели» [Коллоди, 2017, с.3] У. Эко продолжает этот отрывок, ссылаясь на образованность детей. При соотнесении двух текстов реализуется многоуровневый игровой принцип. С одной стороны, возникает интрига, построенная на обмане читательских ожиданий (сказка не об этом, о чём же тогда?). С другой стороны, У. Эко актуализирует для детей литературный фон, в том числе национальный. Наконец, начало задаёт тон постмодернистской интертекстуальной игры.

Интересен игровой эпизод в книге Бенни о Сирано де Бержерাকে. Комментируя поэму Рагно (поэта – кондитера, одного из персонажей пьесы Эдмона Ростана) о сладостях, рассказчик предлагает детям поучаствовать в литературной игре:

«Чёрт возьми, разве вам тоже не хочется написать стихотворение о вашей любимой сладости? Ну-ка, попробуйте, а я подскажу несколько названий.

“Ода Белоснежной Меренге”,

“Великая битва Фисташковой и Земляничной Трубочек” <...> – и так далее [Бенни, 2013, с. 34]. Книга приобретает интерактивный компонент и становится, помимо прочего, пособием по освоению поэтических жанров.

Поэтика игры не только выполняет развлекательную функцию. Это один из основных принципов сторителлинга, дающего ребёнку возможность освоения

различных когнитивных и поведенческих навыков в процессе игры с литературными моделями. «To play with authority, to play with strict models of "classical" literature, and to explore and question them will give children a sense of power, autonomy, and self-certainly» («Играть с авторитетами, со строгими моделями “классической” литературы, а также исследовать и подвергать их сомнению – это то, что даст детям чувство силы, автономности и уверенности в себе» (пер. мой – А.Г.)) [Zippe, 2013, с.18].

Следовательно, в книгах проекта «Save the story» присутствуют как явные признаки детской литературы: адаптированный синтаксис, лексика; коммуникативные игры; эпизодический дидактизм – так и приметы «взрослого» текста: экзистенциальная проблематика, образы и мотивы, требующие дополнительного комментария рассказчика; этическая неоднозначность...

Совместное (взрослый + ребёнок) взаимодействие с книгой рассматривается как дискурсивный акт. Важная роль подобного типа коммуникации заключается в формировании у ребёнка «искусственных вариантов идентификации» [Фадеева О.; 2015, с. 150]. По сути, речь идёт о своеобразной форме эскапизма и переносе литературных ролей, что всегда было важным свойством детской литературы, но не воспринималось как её основная цель. Поэтому в литературных пересказах проекта «Save the story» нарратор постоянно предлагает читателю поставить себя на место героя. Это достигается разными приёмами. Косвенно – с помощью риторических или провокационных вопросов:

«– Все, кто хочет умереть, – предлагает Сирано, – поднимите руку!

Вы подняли бы руку? Я – нет» [Бенни, 2013, с. 18]

С помощью прямых императивных реплик:

«Представьте себе самого неприятного и надменного человека, какого вы встречали когда-либо в жизни, так вот этот в десять раз противнее» [Бенни, 2013, с. 9].

Классический сюжет осовременивается, постоянно соотносится с детским опытом:

«Сегодня мы назвали бы такого человека хулиганом. Только нынешние хулиганы от скуки гоняют на мопедах и мотоциклах, а дон Родриго приставал к девушкам, когда те возвращались домой после трудового дня в прядильне» [Эко, 2013, с. 12].

Джек Зайпс – теоретик сторителлинга – использует подобный метод и предлагает считать сопоставление эпох не только адаптивной стратегией, позволяющей ребёнку понять и прожить древний литературный сюжет как современный, но и своеобразной проверкой жизнеспособности самого текста: «Like all "good" literature, the

classic are significant because they reveal a great deal about their times and continue to reveal something about ourselves. At their very best, classical models have something indelible about them because they touch upon our deep yearning for a better world. On the other hand, they often contain anachronistic ideas and forms that need to be recognized and discussed if we are to create a literature more commensurate with our own times» («Как и всякая “хорошая” литература, классические произведения значительны, потому что они во многом свидетельствуют о своем времени и продолжают выявлять что-то в нас. В своих лучших образцах, классические модели имеют что-то неуничтожимое, потому что они затрагивают нашу глубокую тоску по лучшему миру. С другой стороны, они часто содержат анахронистические идеи и формы, которые нужно признать и обсудить, если мы хотим создать литературу, более соразмерную нашему времени» (пер. мой – А.Г.)) [Zipes, 2013, с. 19].

Благодаря игре, интерактивным практикам и оспариванию канонического текста маленький читатель (слушатель) становится одним из соавторов нового произведения, входит в коллектив интерпретаторов сюжета. Писатели отходят от строгого литературного стиля в пересказе. Они постоянно употребляют разговорные выражения, жаргонизмы, что сближает повествование с разговорной речью. Кроме того, новые авторы обнажают сами повествовательные стратегии: «И только послушайте, что отвечает ему в стихах поэт и искусный фехтовальщик <...>» [Бенни, 2013, с. 20]. Или: «Последуем же примеру головорезов, то есть перейдём, как они, к делу без лишних церемоний» [Эко, 2013, с. 11]. В результате акцент переносится с «что» на «как»: важно не столько содержание книги, сколько возможность её новых толкований и того деятельностного фактора, который объединяет субъектов вокруг вечного сюжета.

Можно сделать вывод о том, что проект «Save the story» предлагает особый тип частичной адаптации текста, который, с одной стороны, подвергается усечению и упрощению в соответствии с возрастными особенностями реципиента (хотя возраст адресной группы заявлен очень условно, поскольку дети пяти и двенадцати лет принадлежат к разным периодам психического и когнитивного развития), но, с другой стороны, текст во многих аспектах остаётся ориентированным на взрослую аудиторию и рассчитывает на взрослое посредничество в передаче смысла. Традиционно адаптированные для детей книги сохраняют признаки жанра. «Узнавание жанра дает читателю возможность спрогнозировать дальнейший ход развития сюжета, формирует правильное предпонимание текста. При адаптации текстов важно сохранять жанрообразующие концепты через апелляцию к ним посредством правильного подбора лексических и синтаксических единиц» [с.133]. Однако книги проекта «Save the story»

не только обладают жанровым синкретизмом и допускают жанровую трансформацию, но и подразумевают своеобразный выбор источников: книга может родиться из нескольких предыдущих версий или из мифологизированного сюжета.

Список литературы:

Барикко А. Дон Жуан / Алессандро Барикко; пер. с итал. Г. Киселёва. М.: АСТ, Corpus, 2013. 104 с.

Бенни С. Сирано де Бержерак / Бенни Стефано; пер. с итал. И. Константиновой. М.: АСТ, Corpus, 2013. 104 с.

Виноградов В. С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы). / Венедикт Степанович Виноградов. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы). М.: Издательство института общего среднего образования РАО, 2001. 224 с.

Коллоди К. Приключения Пинокио. История деревянного человечка / Карло Коллоди; пер. с итал. Э.Г. Казакевича. М.: ЭНАС-КНИГА, 2017. 129 с.

Первухина С. В. Адаптированный художественный текст: способы повышения понятности / Вестник Челябинского государственного университета. 2011, № 25 (240). Филология. Искусствоведение. Вып. 58. С. 130–134.

Сидоров Н. В. Причины зарождения и ход развития рыцарских поединков в Италии периода Нового времени / Локус: люди, общество, культура, смыслы. 2016. №2. С. 52–58.

Фадеева, О. А. Сторителлинг как символическая информационно-коммуникативная технология / Политическая лингвистика, 2015. № 4 (54). С. 150-153.

Юрьева, Н. М. Когнитивный подход в исследованиях устного нарратива в онтогенезе / Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2016. №3(2). С. 24–27.

Эко У. Обручѐнные / Эко Умберто; пер. с итал. Е. Владимирской. М.: АСТ, Corpus, 2013. 104 с.

Riscrivere i capolavori Baricco: da Manzoni a Gogol, salviamo queste storie (Переписать шедевры, Баррико: от Манзони до Гоголя). / La Repubblica. 2010/09/24 / Алессандро Барикко, 2010. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://ricerca.repubblica.it/repubblica/archivio/repubblica/2010/09/24/riscrivere-capolavori-baricco-da-manzoni-gogol-salviamo.html>

Zipes J. Creative Storytelling / Jack Zipes. Creative Storytelling: Building Community / Changing Lives. New York, London: ROUTLEDGE, 2013. 280 с.

Зельдович Г.М.
Варшавский университет
г. Варшава (Польша)

Zeldowicz Gennadij
Warsaw University
Warsaw (Poland)

**«МАРКЕРЫ КОМПОЗИЦИИ» В ЛИРИЧЕСКОМ СТИХОТВОРЕНИИ
И ПЕРЕВОД.
«ЛАСТОЧКА» О.Э. МАНДЕЛЬШТАМА В ПОЛЬСКОМ ПЕРЕВОДЕ, «ДНЕЙ
СПОЛЗАЮЩИЕ СЛИЗНИ...» М.И. ЦВЕТАЕВОЙ В ПЕРЕВОДЕ НА
АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК**

**“COMPOSITION MARKERS” IN LYRIC POEM AND TRANSLATION.
THE POLISH VERSION OF O. MANDELSHTAM’S “THE SWALLOW”,
THE ENGLISH VERSION OF M. CVETAEVA’S “SLUGS OF DAYS CREEP OUT
THERE...”**

В связи с проблемой поэтического перевода рассматривается указанный в свое время Тamarой Сильман основной композиционный «разлом» лирического текста: его разделение на часть, где представлен определенный переживаемый лирическим «я» *опыт*, и часть, в которой лирическое «я» приходит к постижению некоторой важной истины и/или значимым образом изменяет свои взаимоотношения с миром. Показано, что лингвистические средства, маркирующие это композиционное противопоставление, важны не только в собственно структурном плане, но способны и серьезно обогатить смысл произведения, так что пренебрежение к ним со стороны переводчика оказывается в общем случае весьма нежелательным.

In connection with the problem of artistic translation, the basic compositional divide of lyric poem (as indicated by Tamara Sil'man) is considered, which consists in that lyrical discourse comprises, on the one hand, empirical fragments presenting the author's experience, and, on the other hand, focal fragment(s), where discovery of significant truth is made, and/or the author's attitude towards the world undergoes a significant change. It is shown that linguistic means serving to mark this distinction, beyond merely structuring the text, tend to also generate additional meanings, which may be of much importance for the overall interpretation of the poem, and therefore such means should not be viewed by translators as its merely formal, and hence negligible property.

Ключевые слова: поэтический перевод, лирический дискурс, композиция, маркеры композиции, О.Э. Мандельштам, М.И. Цветаева

Keywords: poetic translation, lyrical discourse, composition, composition markers, O. Mandelshtam, M. Cvetaeva

1. Об основном композиционном противопоставлении в лирическом тексте.

Хорошо известно, что лирическое произведение использует немало как формальных, так и содержательных средств, чтобы яснее обозначить свою композиционную структуру. Известно также, что хотя структура эта в принципе весьма сложна и может формироваться колоссальным числом разнообразных противопоставлений, среди последних есть одно особенно важное, предопределенное

самой природой лирического жанра и потому наличное практически в каждом лирическом тексте.

Речь идет о композиционном «разломе», который подробно анализировала еще Т.И. Сильман в замечательной книге «Заметки о лирике». Согласно Т.И. Сильман, по своей изначальной жанровой природе лирическое стихотворение предполагает, во-первых, что автор (или – лирическое *я*) переживает некоторый *опыт*, во-вторых, что последний подводит автора (лирическое *я*) к некоторому открытию, постижению некоторой истины, обобщению и/или изменяет авторское восприятие мира, дает новое его понимание; см., в частности, [Сильман, 1977, с. 30-31].

Поэтому в подавляющем большинстве случаев текст лирического стихотворения разделяется на эмпирическую часть и «постижение» (которое в дальнейшем для краткости будем называть также фокусом – по аналогии с термином, широко используемым в описании коммуникативной структуры предложения, а нередко и внутренней коммуникативной структуры слова).

Учитывая, что, с одной стороны, эмпирические фрагменты в определенном достаточно ясном смысле *служат* фокусу и ему *подчинены*, а стало быть, соотносятся с фокусом как второй план с первым планом дискурса, с другой же стороны, во многих – если даже не во всех – типах дискурса принадлежность тех или иных фрагментов главному или, наоборот, неглавному плану весьма последовательно маркируется особыми языковыми средствами (скажем, в нарративе, который среди типов дискурса изучен лучше всего, типичными маркерами становятся перфективность и переходность глагола, его реальная модальность, референциальная определенность субъекта и объекта и мн. др.; см. особенно [Hopper, Thompson, 1980; Fleischman, 1990]), – учитывая два эти обстоятельства, логично было бы ожидать, что две интересующие нас части лирического текста в чем-то лингвистически существенном будут устроены по-разному.

Действительно, как показал проведенный нами анализ приблизительно пяти сотен стихотворений (русских, польских, английских, испанских, португальских, японских – но главным образом все же русских), оппозитивность между эмпирической частью стихотворения и его фокусом обычно находит вполне определенное собственно лингвистическое выражение.

Например, поскольку отношения между эмпирической частью и фокусом глубоко диалектичны, поскольку последний и противостоит первой, и вместе с тем из нее как бы вырастает, постольку прекрасным способом его маркировки должен стать тот, который одновременно и отделит его от эмпирической части, и с ней

недвусмысленно будет скреплять. Поэтому нередко фокус маркируется особым обилием (собственно количеством или качественным разнообразием) своих дискурсивных связей с иными частями стихотворения: богатые связи, с одной стороны, выделяют его на фоне остального текста, с другой же стороны, именно их богатство, несколько парадоксальным образом, делает его от остального текста хуже отторжимым; см. подробно [Зельдович, 2015].

Наряду с богатством дискурсивных связей, приметой фокуса способен стать и его своеобразный референциальный отрыв от остального текста [Зельдович Г.М.; 2015б], и особая временная соотнесенность, и своего рода самоуглубленность, «самососредоточенность» авторского сознания [Zeldowicz, 2016], и осуществляемое достаточно разнообразными способами демонстративное увеличение информативности, «тесноты» стихового ряда [Зельдович, 2018; 2019], и завершение того или иного прежде развивавшегося в тексте мотива либо синтез нескольких мотивов, по отдельности развивавшихся ранее, и своего рода расхождение между когнитивной позицией автора и когнитивной позицией читателя (два последних способа для нас тут очень важны, так что ниже будут даны дополнительные пояснения).

Обследованный нами материал свидетельствует, что эти и некоторые другие характерные приметы появляются у фокуса в лирических стихотворениях с необыкновенной регулярностью, а вдобавок еще как правило и соседствуют друг с другом в одном и том же тексте. Подобная исключительная забота лирического дискурса о своей композиционной «разметке» никак не позволяет признать служащие последней его особенности случайными и пренебрежимыми; наоборот, они тут формируют достаточно самостоятельный уровень смысловой структуры, а их сохранность в переводе на другой язык должна быть одним из критериев при его оценке.

Критерий этот тем более существен, что появление в том или ином фрагменте текста определенных «фокусных» примет нередко ведет к дальнейшим, дополнительным и более конкретным когнитивным эффектам, которые обычно уже напрямую связаны с особенностями именно данного произведения и без которых его смысл обедняется уже самым ощутимым, трудновосполнимым образом.

Как легко догадаться, реальность художественного перевода – даже если принимать во внимание лишь несомненно одаренных авторов – отнюдь не всегда соответствует описанному идеалу. Ниже мы хотели бы привести два примера, которые наглядно покажут, с одной стороны, сколь легко нарушается эквивалентность

переводного текста в интересующем нас аспекте, с другой же стороны – сколь значительными (пускай и не сразу заметными, особенно при традиционной прикованности взгляда к собственно предметному, хорошо верифицируемому содержанию сказанного) смысловыми потерями это чревато.

2. «Ласточка» О.Э. Мандельштама в польском переводе А. Поморского:

потерянный подтекст

Присмотримся сначала к оригиналу:

1.

Я слово позабыл, что я хотел сказать.

Слепая ласточка в чертог теней вернется,

На крыльях срезанных, с прозрачными играть.

В беспамятстве ночная песнь поется.

2.

Не слышно птиц. Бессмертник не цветет,

Прозрачны гривы табуна ночного.

В сухой реке пустой челнок плывет,

Среди кузнечиков беспамятствует слово.

3.

И медленно растет как бы шатер иль храм,

То вдруг прокинется безумной Антигоной,

То мертвой ласточкой бросается к ногам

С стигийской нежностью и веткою зеленой.

4.

О, если бы вернуть и зрячих пальцев стыд,

И выпуклую радость узнаванья.

Я так боюсь рыданья Аонид,

Тумана, звона и зиянья.

5.

А смертным власть дана любить и узнавать,

Для них и звук в персты прольется,

Но я забыл, что я хочу сказать,

И мысль бесплотная в чертог теней вернется.

6.

Все не о том прозрачная твердит,

Все ласточка, подружка, Антигона...

А на губах, как черный лед, горит
Стигийского воспоминанье звона.

По мысли Т.И. Сильман, совершаемое в лирическом тексте открытие важной истины является синтезом (и, конечно, трансценденцией) соответствующего опыта, а потому, по логике вещей, один из продуктивных способов маркировать композиционное устройство стихотворения должен состоять в том, что те или иные мотивы – в том числе и мотивы «структурные» – сначала намечаются в эмпирической части каждый по отдельности, а затем объединяются, синтезируются в фокусе. Как мы показываем в [Зельдович, 2019], такая стратегия действительно распространена чрезвычайно широко. В частности, предельно изоощренным образом используется она и в мандельштамовской «Ласточке».

Начнем наш анализ издалека.

Известно, что в предложении нередко имеются особые сигналы о его связанности с предтекстом. Наиболее типичны среди них обращение к уже предупомянутым ранее референтам или референтам, которые из предтекста легко угадываются (см., например, [Prince, 1981]), а также представление той или иной информации как пресуппозитивной, то есть с большой вероятностью уже введенной раньше в текст. Бывают, однако, сигналы и менее типичные, такие, как, скажем, появление в начале фразы соединительного союза **и** или противительных союзов типа **а**, **но** – ибо такую фразу без обращения к предтексту достаточно трудно удовлетворительным образом осмыслить.

С другой стороны, существуют предложения, которые о своей связи с предтекстом не сигнализируют и в подобной связи, вообще говоря, не нуждаются. Таковы, например, относительно нечастые в нашей речи предложения с тематическим по коммуникативному статусу, но референциально неопределенным подлежащим, вроде *Я слышал, что один человек может укусить собственный локоть*. Таковы, при некоторых несложных дополнительных условиях (среди прочего – при отсутствии союзов типа **а**, **но**, слов типа *поэтому* и иных дискурсивных «скреп»), коммуникативно нечленимые конструкции, где тематично только представление о том, в каком месте и/или в какое время имеет место данная ситуация, а все актанты и предикаты рематичны; ср. хрестоматийный пример *Темная ночь* ≈ ‘то, что имеет место в данное время и в данном месте [тема], есть темная ночь [рема]’ (в этом и во многих иных случаях тема названного типа не получает формального выражения; см. о таких предложениях особенно [Jaeger, 2001]).

Существенно, что конструкции, у которых с предтекстом нет ни анафорической связи по линии референтов, ни связи, обеспечиваемой тождеством либо семантическим сходством предиката, в нашей речи встречаются достаточно редко и вполне естественны они только в начале текста (ср. *На холмах Грузии лежит ночная мгла; Ночь. Улица. Фонарь. Аптека; Бессонница. Гомер. Тугие паруса; Дней сползающие слизни...*),¹³⁹ а потому обилие подобных предложений *не* в начале должно бросаться в глаза и восприниматься как наделенный смыслом художественный прием.

Есть причины думать, что описанный параметр связанности/несвязанности с предтекстом играет в мандельштамовской «Ласточке» хотя и не сразу очевидную, но все же первостепенную композиционную роль.

Если в наиболее простом случае отправной точкой, начальной темой лирического текста является само по себе авторское *я* или авторское *я* вместе с *ты* адресата, а все прочее, что сообщается в открывающем стихи предложении, по коммуникативному статусу рематично (ср. хотя бы: *Выхожу один я на дорогу; Я не слыхал рассказов Оссиана; Я вас любил; На тебе, ласковый мой, лохмотья...*), то в интересующих нас стихах первое предложение *почти целиком* слагается из тематических смыслов: представления об авторе и о слове, которое он хотел сказать, – а ремой становится только то, что автор задуманного слова не помнит.

Разумеется, прагматически оправданной столь широкая рема способна быть лишь в том случае, если соответствующая информация предполагается известной наперед, то есть известной из какого-то фиктивного «пратекста», на связь с которым нетривиальная пространность темы здесь как раз и указывает.

Аналогичный сигнал этой «странной когезии» можно усмотреть и в строках 2-3 – ибо глагол *вернуться* требует здесь предположить наперед, что в *чертоге теней* ласточка уже побывала и представление это первой строкой стихотворения никак не подсказывается, а потому источник его должен быть найден в некотором «преждебывшем слове». Такой же статус надо, судя по всему, приписать и *ночной песни* в четвертой строке – «песнь» эта упоминается так, будто бы о ней говорилось еще прежде, нежели начался данный текст.

Как видим, в мандельштамовском стихотворении механизмы когезии включаются гораздо раньше, чем обычно, уже там, где они в общем случае неуместны

¹³⁹ Заметим, что в блоковском стихотворении «Ночь. Улица. Фонарь. Аптека» фраза обсуждаемого типа встречается еще и ближе к финалу (*Ледяная рябь канала*), однако здесь она создает осязаемый эффект своеобразной перебивки, разорванной речи, который, по-видимому, нужен для того, чтобы лучше оттенить назойливую повторяемость «ночи», «аптеки», «улицы» и «фонаря».

и бессмысленны, – а этим с самого начала подчеркивается их особая важность для данного текста и, соответственно, особая значимость их эвентуального бездействия.

Вполне очевидно, что подобное бездействие как раз и имеет место во всей строфе.

2. В строфе 3 есть эксплицитный сигнал о ее связанности с предтекстом, в этом качестве выступает открывающий ее союз *и*.

В строфе 4 как соединяющую ее с предтекстом скрепу, абстрактно говоря, можно было бы воспринять присутствие тут авторского *я* (эксплицитное в конце строфы, имплицитное в инфинитивном обороте *О, если бы вернуть...*), однако, с другой стороны, явленность автора в лирическом тексте – факт столь тривиальный и непреложный, столь саморазумеющийся, что в данном случае усматривать анафорическое соотношение с начальным *Я слово позабыл...* кажется все же огромной натяжкой. С другой стороны, коль скоро нигде раньше в пределах данного текста не говорилось об утрате «стыда зрячих пальцев» и «выпуклой радости узнавания», то содержащий презумпцию об этой утрате глагол *вернуть* снова отправляет нас к некоторому *пратексту*.

В строфе 5 сигналы связанности с предтекстом снова появляются: это и начальный контрастивный союз *а*, и союз *но*, и союз *и* в последней строке, и анафорический оборот *для них*, устанавливающий явную связь второй строки с первой, и, в конце концов, само уже то, что строки 3-4 тут оказываются почти буквальным повтором двух начальных строк стихотворения.

В шестой строфе, с одной стороны, смысл ‘ласточка о чем-то твердит’ является пресуппозицией, с другой же стороны, он не предсказан сколько-нибудь прямо в строфах 1-5 и потому источником его, вновь-таки, может быть только некий неявный и, вероятно, фиктивный *пратекст*.

Итак, в рассмотренной части стихотворения, то есть в строфах 1-5 и в начальной половине строфы шестой, обнаруживаются, во-первых, фрагменты, указывающие на свою связь с предшествующими фрагментами *этого же* текста (предтекстом), во-вторых, фрагменты, указывающие на свою связь с неким *пратекстом*, в-третьих, фрагменты, ни о какой подобной связи не сигнализирующие. При этом, хотя теоретически указание на связь с предтекстом и указание на связь с пратекстом вполне совместимы в границах одного предложения, реально такая контаминация нигде не происходит, автор следует принципу «либо одно, либо другое» – и, разумеется, в силу простой логической невозможности нигде не встречается предложение, которое на

свою связь с чем-то иным в данном тексте или пратексте одновременно и указывает, и не указывает.

Обратимся теперь к заключительному двустиию, которое устроено совсем иначе.

С одной стороны, тут есть недвусмысленные показатели связи с предтекстом. Во-первых, о ней сигнализирует начальный союз *а*. Кроме того, немаловажную роль играет и упоминание о *губах*. Хотя, как мы говорили выше, самим существованием лирического текста уже имплицуруется и присутствие в нем авторского *я*, для авторских *губ* это в общем случае уже не может быть верным – ибо автор способен выступать в лирическом произведении не только как субъект (реально или хотя бы потенциально) проговариваемой, артикулируемой речи, но и как субъект «чистого сознания». Поэтому *губы* здесь разумнее считать не заведомо данным референтом, как авторское *я*, но референтом, который с той или иной степенью надежности *угадывается* из предшествующего упоминания об авторе и вступает с этим упоминанием в близкую к анафорической связь.

Кстати, подобную связь – *mutatis mutandis* – допустимо, по-видимому, усматривать и между присутствующим тут упоминанием о Стиксе (хотя и косвенным – в прилагательном *стигийский*) и «чертогом теней», о котором говорилось в строфе 1.

С другой стороны, то, что возле Стикса или за Стиксом стоит *звон*, достаточно нетривиально и не угадываемо ни из какого более раннего фрагмента в этом стихотворении. А вместе с тем, наличие звона тут почти наверняка презумптивно: конструкция *А на губах, как черный лед, горит Стигийского воспоминанье звона* прежде всего призвана сказать о том, помнится ли стигийский звон автору и, если да, в каких ощущениях эти память себя ему являет, – сам же звон выступает как заведомая данность. В таком случае названное представление должно быть почерпнуто из пратекста – и перед нами тут сигнал с этим пратекстом недвусмысленной связи.

Как видим, финал стихотворения становится первым его фрагментом, где указания на связь с предтекстом и связь с пратекстом совместились в одном предложении.

Есть и другое чрезвычайно любопытное обстоятельство.

Как мы уже упоминали, совершенно тривиальным образом, предложение не может быть и связано в интересующем нас плане с предтекстом либо пратекстом, и одновременно с ними *не связано*. Но тем примечательнее то, что в двух заключительных строках «Ласточки» обнаруживается некое *стремление* к подобной обособленности, некий на нее вполне отчетливый намек.

Несомненно, среди синтаксических конструкций, не содержащих сигнала о своей связанности с пред- или пратекстом, наиболее прототипичны те, где в тематической роли выступает представление о месте и/или времени, к которым приурочена соответствующая ситуация; см. снова [Jaeger, 2001].

В свою очередь, самой распространенной и канонической разновидностью таких предложений являются предложения бытийные, или, шире, презентационные, чья главная функция – представить новый для данного текста референт, то есть предложения вроде *Темная ночь; Бессонница. Гомер. Тугие паруса; А в шкафу дремали книги; В углу сидел новый ученик* и т.п.

Между тем, именно такая конструкция – причем впервые с самого начала «Ласточки» (!) – используется в ее заключительных строках.

Учитывая же и то, что вообще конструкции подобного типа не слишком часты в нашей речи, и то, что употребляются они предпочтительно в начале или в середине текста, а случай, когда они его собой завершают, уже *предельно экзотичен*, ибо новые референты обычно вводятся в текст ради того, чтобы впоследствии *повторно* к ним обращаться, – учитывая эти обстоятельства, появление такой конструкции в последней строфе у О.Э. Мандельштама трудно объяснить чистой случайностью.

Таким образом, в предпоследней и последней строках «Ласточки» одновременно обнаруживают себя сразу три структурных мотива, которые до сих пор появлялись в тексте только порознь: тут есть и ясное указание на связь с предшествующим фрагментом данного стихотворения, и ясное указание на соотнесенность с определенным пратекстом, и глуховатое, но все же настолько явное, насколько позволяет логика, указание на возможность *отсутствия* таких связей.

Едва ли случайно, что к этому синтезу структурных мотивов и, как следствие, их «исчерпанию», невозможности их дальнейшего развития «Ласточка» приходит не прежде, чем достигается ее финал и, одновременно, главный содержательный итог.

Описанная особенность мандельштамовского текста исключительно важна не только в структурном, но и в содержательном плане.

«Ласточка» – это, по сути, стихотворение о приближающейся немоте слова, его обесцененности, в конечном счете, о надвигающемся *беспамятстве*, и всеобщем, и лично авторском. Однако, вопреки всему, что говорилось и что подразумевалось ранее, финал здесь становится своеобразным (не сразу распознаваемым, но совершающимся на некоем тонко-суггестивном уровне) *торжеством* памяти, соединением всех ее прежде намеченных ипостасей: памяти о только что сказанном в данном тексте, памяти о том, что (как будто) сказано в некоем пратексте, памяти о не упомянутых ни в первом,

ни во втором, но значимых для автора сущностях. В победе же этой есть та иррациональная надежда, без которой, по-видимому, поэзия вообще не может иметь дела с трагическим, а следовательно, и вообще не может состояться.

Обратимся теперь к польскому переводу «Ласточки», сделанному известным и талантливым переводчиком Адамом Поморским:

Jaskółka

1.

Nie wiem, co chciałem mówić, słowa zapomniałem.

Do zjaw pałacu ślepa jaskółka powróci

Ze skrzydłami ściętymi, przezroczystym ciałem

Noc w niepamięci swą piosenkę nuci.

2.

Nieśmiertelnik nie kwitnie. Ptaków się nie słyszy.

Koni wśród nocy przezroczysta grzywa.

Płynie po rzece puste czołno ciszy,

A słowo niepamięci wśród świerszczy zażywa.

3.

Wydźwiga się jak namiot czy świątyni stopy,

By nagle obłąkaną upaść Antygoną,

Lub jak martwa jaskółka rzucić się pod stopy

Ze stygijską czułością i wicią zieloną.

4.

Gdybyż jasnowidzący wstyd przywrócić rękom,

Wypukłą radość poznawania.

Tak bardzo się Aonid łkania lękam,

Rozziewu, mgiełki, podzwaniania.

5.

W palcach śmiertelnych dźwięk się staje ciałem,

Kochać, poznawać – wszystko to w ich mocy.

Ale ja nie pamiętam, co powiedzieć chciałem,

A myśl bez ciała wróci do pałacu nocy.

6.

Tylko szeptać od rzeczy sądzono z pośpiechem

Jaskółce, przyjaciółce, Antygonie...

Dzwonienia stygijskiego przypomnienie echem

Jak czarny lód na wargach płonie.

Легко видеть, что здесь в эмпирической части текста описанные выше особенности дискурсивных связей сохранены, но они теряются или почти теряются в «фокусных» двух заключительных строках.

Во-первых, тут отсутствует сочинительный союз, который бы соответствовал русскому *а* и эксплицитно связывал бы финальное двоестиишие с пратекстом.

Во-вторых, использованная тут переводчиком конструкция *если* и обладает какими-то чертами интродуктивности (имеем в виду, как и раньше, предназначенность к введению в текст нового референта), то в радикально меньшей степени, чем конструкция оригинала. В оригинале главную рему, несомненно, составляет именная группа *стигийского воспоминанье звона* – а именно рематическая именная группа и является наиболее типичным средством, позволяющим ввести новые референты в дискурс (там, где новый референт вводится тематической именной группой, имеет место своего рода аккомодация: адресату предлагается воспринимать нововведенный референт так, *будто бы* он уже известен; понятно, что такой прием и не слишком част в нашей речи, и весьма маркирован по самой своей сути). У А. Поморского наиболее убедительными кандидатами на рематическую роль оказываются уже совсем другие фрагменты предложения – *echem* ‘эхом’ в предпоследней строке и *na wargach płonie* ‘на губах горит’ в строке последней. И то, и другое суть обороты с предикатным значением, и новые сущности в дискурс они либо не вводят, либо вводят в некотором уже сугубо неканоническом, предельно маргинальном смысле. И наоборот, именная группа *dzwonienia stygijskiego przypomnienie* ‘воспоминание стигийского звона’ в таком окружении скорее оттесняется в тематическую позицию и должна, по всей видимости, прочитываться так, будто бы она уже появлялась в более ранних частях данного текста или (и это более вероятно, поскольку реально обнаружить такие части весьма проблематично) в некоем ассоциированном с данным текстом пратексте, и в результате соответствующее представление уже не будет воспринято как *впервые вводимое* здесь в текст.

Если же в данном переводе нивелировано многообразие связей (или – *не-связей*) с предшествующим текстом и пратекстом, то утрачивается и та активность, та «синтетическая устремленность» авторской памяти, которая, как мы говорили выше, создает у О.Э. Мандельштама столь существенный, по сути экзистенциально значимый контрапункт лежащему на поверхности или относительно близко к поверхности содержанию этих стихов.

3. Стихотворение М.И. Цветаевой «Дней сползающие слизи...»:
о «композиционной гиперболе» в оригинале
и в английском переводе Евгении Саркисянц

Обратимся теперь к стихотворению М.И. Цветаевой:

1.

Дней сползающие слизи,
...Строк поденная швея...
Что до собственной мне жизни?
Не моя, раз не твоя.

2.

И до бед мне мало дела
Собственных... – Еда? Спать?
Что до смертного мне тела?
Не мое, раз не твое.

Важная особенность этих стихов в том, что фокусов тут как бы два: важное открытие совершается и в четвертой, и в восьмой строках – причем и та, и другая наделены весьма типичными и внятыми фокусными приметами.

Особенно важно для нас следующее.

Принято считать, что для лирического жанра характерна чрезвычайная близость между автором (или, говоря более строго, лирическим героем) и читателем, что в идеальном случае читатель как чувствующий и познающий субъект практически полностью с автором отождествляется; что именно этому отождествлению служит та предельная обобщенность каждой фигуры и каждого обстоятельства, к которой тяготеет лирический текст; см. [Сильман Т.И.; 1977, с. 37-45]; ср. также [Левин Ю.И.; 1998, с. 466-467 и др.].

Думаем, что, будучи в целом глубоко верным, подобный подход все же нуждается в существенных уточнениях.

Если, как мы помним, в фокусе стихотворения открывается некое новое для соответствующего субъекта знание либо субъект этот определенным образом изменяет свое отношение к миру, то тут имеет место переход от когнитивного или/и эмоционального состояния S_1 к состоянию S_2 , то есть непременно имеет место некая *событийность*. Что же касается опыта, то он тоже может, конечно, содержать события, однако из самой его природы это еще никак не следует и ничто не мешает ему оставаться статическим, – например, быть переживанием некоторого чувства,

наблюдением некоторого пейзажа и проч. (как это действительно и происходит в огромном множестве стихотворений).

Отсюда видно, что опыт в общем случае аспектуально прост, а фокус – и даже не только в общем случае, а *всегда* – аспектуально *сложен*. Понятно, что чем ситуация сложнее устроена, тем менее вероятно, что два разных субъекта примут в ней одинаковое, полностью «равноправное» участие. Среди прочего, относительно маловероятно, что и автор, и адресат оба будут сперва находиться в одном и том же когнитивном или/и эмоциональном состоянии S_1 , а затем в соответствующий момент *совместно* совершат переход из состояния S_1 в состояние S_2 .

Поэтому в фокусе стихотворения, там, где оно приходит к своему главному итогу, «симпатическое сродство» между лирическим *я* и читателем должно оказываться намного более хрупким, «уязвимым», нежели в эмпирических фрагментах.

Поэтому если текст каким-либо способом указывает на отсутствие этой «симпатии», на «рассогласованность» в восприятии мира автором и читателем, то последняя скорее должна локализоваться в *фокусе* стихотворения, и, таким образом, ее можно считать хотя, конечно, не безусловной, а лишь вероятной, но – приметой фокуса в лирическом дискурсе; достаточно обширный подтверждающий это материал приводится в [Зельдович, 2019].

Что касается конкретных механизмов такого «рассогласования», то наиболее простой и продуктивный вариант состоит в том, что автор *заранее* открыл для себя соответствующую истину и уже достаточно *давно* пребывает в состоянии S_2 , а читатель открывает ее только при восприятии текста.¹⁴⁰

Именно это и происходит у М.И. Цветаевой в четвертой строке, где то, что жизнь автора не принадлежит адресату, является пресуппозицией, чем-то наперед автору известным, и в строке 8, где таков же статус у смысла ‘мое тело – не твое’. (Разумеется, тут можно возразить, что непринадлежность авторской жизни и тела другому человеку – нечто саморазумеющееся для всех, в том числе и для читателя этих стихов. Однако в том-то и дело, что у М.И. Цветаевой это само собой разумеется *перестает* и обсуждается как раз *противоположная* возможность).

¹⁴⁰ Речь тут, конечно, не о психологической стороне дела: не о том, действительно ли автор, когда писал стихотворение, заранее знал, к открытию какой истины он придет, или же она явилась внезапно, по мере появления текста. Это вопрос не языковедческий, а из области психологии творчества, вдобавок еще и в большинстве случаев просто неразрешимый. Мы имеем в виду нечто иное и более предметное. Если в стихотворении нет собственно лингвистических сигналов противоположного свойства, то по умолчанию мы воспринимаем текст *так, будто* автор к главному итогу приходит лишь в процессе его создания. С другой же стороны, иногда в фокусе стихотворения могут присутствовать более или менее прямые указания на то, что сообщаемое для автора *не ново*, так что новым оно становится только для читателя, в результате чего автор и читатель друг от друга дистанцируются.

Посмотрим теперь на английский перевод этого стихотворения, принадлежащий Евгении Саркисянц:

1.

Slugs of days creep on out there...

I stitch verses line by line...

Of my life what would I care?

It's not yours, so it's not mine.

2.

My own needs give little loading –

Bedtime? Food? Or other bores?

What's to care of in this body?

It's not mine, for it's not yours.

В четвертой строке тут мысль *It's not yours* 'она (моя жизнь) не твоя' уже не представлена как пресуппозиция, но прямо утверждается – тогда как в восьмой строке интересующая нас презумпция 'мое тело не твое' сохранена. Это значит, что в английской версии четвертая строка по крайней мере отчасти лишается своих фокусных черт.

Имеем ли мы право считать эту потерю малозначимой? Скорее нет, и вот почему.

С одной стороны, в обследованном нами материале (а это, напомним, в общей сложности около 500 лирических произведений) подобная только что описанной «двуфокусность», когда в тексте присутствует сразу два отдельных фрагмента, каждый из которых вполне способен претендовать на дискурсивно первоплановую роль, не была обнаружена почти нигде, а следовательно, она представляет собой очень своеобразную приметку данного стихотворения.

С другой стороны, хорошо известно, каким всепроникающим и изощренным гиперболизмом отмечено все цветаевское мышление. Можно предположить, что особого рода «композиционная гипербола» есть и в рассматриваемом случае: *уже придя* к несомненно важному и неожиданному выводу, уже в немалой степени *состоявшись* как лирическое произведение, текст все-таки продолжает двигаться дальше, двигаться «вон из мер», к выводу, по идее, еще более ошеломительному.

Разумеется, если не сохранить в переводе какие-то черты фокусности, свойственные четвертой строке, то и этот «композиционный гиперболизм» по крайней мере, отчасти будет утрачен.¹⁴¹

Итак, изложенным подтверждаются два наших главных взаимосвязанных тезиса. Во-первых, та или иная «композиционная разметка» лирического текста может обладать важностью не только в плане собственно структурном, может быть не просто некой функцией от его, так сказать, основного смысла, но и сама знаменательным образом этот смысл модифицировать, служа его эстетически существенному (даже если не всегда очевидному, но скорее суггестивному) *приращению*. Как следствие, сохранение названной «разметки» очень желательно в переводе, утрата же ее может в принципе стать его изъяном.

Список литературы:

- Зельдович Г.М.* О дискурсивной перспективе в лирической поэзии // Слова. Слова. Слова. Чикаго-Москва. № 2, 2015а. С. 456-499.
- Зельдович Г.М.* Об одном способе маркировать дискурсивную перспективу в лирической поэзии. Композиция и референциальные связи, или В чем неправы П. Хоппер и С. Томпсон // *Linguistica copernicana*. N 12, 2015б. С. 245-270.
- Зельдович Г.М.* Композиция лирического стихотворения и «теснота» стихового ряда: Типологическое богатство информации как маркер первого дискурсивного плана в лирическом тексте. 2018 (в печати).
- Зельдович Г.М.* Дискурсивная перспектива в лирической поэзии. Опыт жанровой грамматики. 2019 (рукопись).
- Левин Ю.И.* Избранные труды / Ю.И. Левин. М.: Языки русской культуры, 1998. 824 с.
- Сильман Т.И.* Заметки о лирике / Т.И. Сильман. Л.: Советский писатель, 1977. 224 с.
- Fleischman S.* Tense and Narrativity: From Medieval Performance to Modern Fiction / S. Fleischman. Austin: University of Texas Press, 1990. 443 p.
- Jaeger G.* Topic-comment structure and the contrast between stage level and individual level predicates // *Journal of Semantics*. Vol. 18, 2001. P. 83-126.
- Hopper P., Thompson S.* Transitivity in grammar and discourse // *Language*. Vol 56, 1980. P. 251-299.
- Prince E.* Toward a taxonomy of given-new information // Cole P. (ed.). *Radical Pragmatics*. N.Y.: Academic Press, 1981. P. 223-256.
- Zeldowicz G.* Extraverted consciousness, introverted consciousness, and composition of lyrical discourse // *Linguistica Copernicana*. 2016, N 13. P. 301-318

¹⁴¹ Добавим, что, в полном соответствии с только что сказанным, признаков фокусного статуса у восьмой строки в целом несколько больше, чем у четвертой; см. подробно [Зельдович Г.М.; 2019].

Калевич Н.А.
Российский новый университет
г. Москва (Россия)

Kalevich Nataliya
Russian New University
Moscow (Russia)

**К ВОПРОСУ О ПЕРЕВОДЕ «СКАЗКИ О ЦАРЕ САЛТАНЕ» А.С. ПУШКИНА НА
АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК
(НА ПРИМЕРЕ ПЕРЕВОДОВ ЛУИСА ЗЕЛИКОВА И МЭРИ ХОБСОН)**

**ON ENGLISH TRANSLATIONS OF
(LOUIS ZELIKOFF'S AND MARY HOBSON'S VERSIONS)**

Статья определяет место сказок А.С. Пушкина в англоязычной пушкиниане и переводах на английский язык; в ней представлен сопоставительный анализ двух переводов «Сказки о Царе Салтане» 1970 и 2016 гг. с точки зрения сохранения верности оригиналу и преодоления переводческих трудностей. Автор считает своевременным критическое осмысление и систематизацию пушкинского наследия сквозь призму переводов его произведений на английский и другие иностранные языки.

The article deals with determining Pushkin's fairy-tale weight and effect in the English Pushkiniana, and also compares two Alexander Pushkin's "The Tale of Tsar Saltan" translations, of 1970 and 2016, from preserving-the-spirit-of-the-original perspective; it also ponders on challenges the translators faced and the decisions they might have made to overcome difficulties in the process. It argues that it is time there be a comprehensive assessment and due analysis of Pushkin's heritage in English, and other languages as well.

Ключевые слова: перевод, пушкиниана, сказки, двустишие/четверостишие, ритм и рифма, четырёхстопный хорей, наследие.

Key words: translation, English Pushkiniana, fairy tales, couplets/quatrain, rhythm and rhyme, trochaic tetrameter, heritage.

Александр Сергеевич Пушкин – имя, которое в сознание и сердце русского человека и тех, кто русскую культуру считает своей, проникает с детства и остаётся там навсегда. В 2017 году исполнилось 180 лет со дня его кончины, в 2019 г. мы отметим 220-летие со дня его рождения, но в ряду классиков нашей литературы, знакомство с которыми позволяет ценить русское слово, лучше понимать окружающий мир и себя в этом мире, он – среди первых. Пушкин не только неотъемлемая часть нашей культуры, он – один из важнейших её символов, и это не преувеличение. Совершенно очевидно поэтому, что при освоении русского языка (в частности РКИ) и культуры важнейшую роль играет изучение его жизни и творческого пути. В этом смысле нас как переводчиков интересует, насколько известен Александр Сергеевич Пушкин, в частности его сказки, за пределами России, а именно в англоязычном мире.

К первой серьёзной попытке обобщить англоязычную пушкиниану и имеющиеся переводы его произведений, пожалуй, можно отнести появление в июле

1937 г. в «Вестнике» публичной библиотеки Нью-Йорка в год столетия со дня смерти А.С. Пушкина библиографического справочника “*Pushkin in English*” («Пушкин по-английски»), где указаны 482 источника, включая переводы и работы, посвящённые его жизни и творчеству; в представленном там же списке переводчиков фигурируют более 120 имён. Аврам Ярмолински, пушкинист и многолетний руководитель славянского отделения Нью-Йоркской публичной библиотеки, в предисловии отмечает, что в Англии, не говоря уже о других англоязычных странах, Пушкина при жизни практически не знали, хотя отдельные работы и переводы появлялись и в 19 в. Судя по содержащимся в перечне сведениям, основная масса публикаций приходится на 1900–1937 гг. Среди наиболее часто переводимых стихотворений – 15 вариантов «Я вас любил», 12 «Пророков», 11 «Памятников»; однако далеко не все переводы хороши, и это замечание распространяется не только на лирику, но также на поэмы и прозу. [1]

Тем не менее в переводах и прошлого, и настоящего незаслуженно мало место отводится сказкам, хотя они – настоящая жемчужина в творчестве поэта; их по большей части оставляют без внимания в том, что касается детального, в т.ч. переводческого, анализа и комментария, порой ограничиваясь упоминанием Лукоморья из поэмы «Руслан и Людмила». Один из ранних переводов можно отнести к 1903г.: это фрагмент «Сказки о Царе Салтане», опубликованный под названием “*The Three Sisters*” в «Антологии русской литературы» под редакцией британского журналиста и писателя Карла Эрика Бехгофера (1894–1949) [2]. В упомянутом выше Библиографическом справочнике [1] указаны переводы и других сказок (за исключением «Жениха» и «Сказки о медведихе») разных переводчиков, иногда в пересказе. Среди тех, кто перевёл пять сказок к столетней годовщине смерти поэта – английский литературовед Элтон Оливер (1861–1945). В настоящее время, в т.ч. благодаря возможностям, которые предоставляет интернет, помимо немногочисленных официальных переводов, появляются любительские, порой сомнительного качества, однако подкупает энтузиазм авторов и их желание разобраться, что же в творчестве Пушкина так привлекает российского читателя и почему он остаётся символом и гордостью России.

Итак, из семи пушкинских «Сказок» шесть созданы в 1830–1834 гг.: о медведихе (1830?), о царе Салтане (1831), о попе и его работнике Балде (1831), о рыбаке и рыбке (1833), о мёртвой царевне (1833), о золотом петушке (1834) (более ранняя сказка «Жених» датирована 1825 г.). Пушкин в это время – зрелый, состоявшийся поэт, он в целом завершил работу над «Евгением Онегиным»; он счастлив: в феврале 1831 г. начинается его семейная жизнь; в «сказочный» период появляются на свет двое из его четверых детей, Мария (1832 г.) и Александр (1833 г.).

В рамках одной статьи не представляется возможным рассмотреть переводы всех сказок, поэтому мы ограничимся анализом основных проблем, с которыми, по нашему мнению, не могли не столкнуться переводчики «Сказки о Царе Салтане», и на примере двух переводов попытаемся понять, как переводчики решают эти вопросы. Один из рассматриваемых переводов, впервые опубликованный в 1970 г., сделал Луис Зеликов (*Louis Zelikoff*) [3]; другой, опубликованный в 2016 г., – Мэри Хобсон [4]. Л. Зеликов также переводил «Сказку о золотом петушке» и ершовского «Конька-Горбунка». Мэри Хобсон, отдав почти восемь лет переводу «Евгения Онегина», перевела шесть сказок Пушкина (за исключением «Жениха»).

Графически, в соответствии с развитием сюжета, сказка (её 996 стихотворных строк) поделена на 27 частей. Самая короткая состоит из восьми строк (условно, это часть пятая: разгневанный новостью, которую ему принёс гонец о появлении на свет якобы «неведомой зверюшки», Салтан наказывает ждать своего возвращения); в самой длинной части – 98 строк (это условно часть 16: хлебосольный Салтан принимает купцов и уже во второй раз слышит о Гвидоне, сам же Гвидон, благодаря Лебеди на этот раз обратившийся в муху, находится там же). Сказка написана четырёхстопным хореем, её основной строфической единицей, очевидно, следует считать двустишие. Это простейшая из строф и, пожалуй, самая мобильная: она не только легко образует четверостишия со смежной рифмовкой (*аабб*), но также выступает сама по себе: сказка начинается двустишием-экспозицией; двустишия присутствуют в нескольких «частях», где количество строк не кратно четырём, т.е. двустишие – очень подходящая строфа для жанра сказки о царях и героях в стиле повествования соответствующей тональности и динамики. Еще одна особенность – на протяжении всей Сказки чередуются двустишия с женской (с ударением на предпоследнем слоге) и мужской рифмой (с ударением на последнем слоге – иногда это открытая рифма, т.е. заканчивающаяся ударным гласным), причем на протяжении всего текста эта закономерность ни разу не нарушается; четверостишия за редким исключением начинаются с женской рифмы, а завершаются мужской. Цельности читательского восприятия на русском языке, вероятно, способствует в том числе и такая звуковая и поэтическая организация.

Перед переводчиком стоит сложная многоплановая задача: как добиться того, чтобы перевод читался как оригинал, да и возможно ли это в переложении на английский язык сказки Пушкина? Насколько жёстко необходимо следовать музыке оригинала в стихотворном размере и ритме, ведь современная английская и американская поэзия, как правило, «лишена регулярного размера и рифмы», хотя и то,

и другое используется для создания определенной атмосферы (например, шутливости) [5]. Сказку о царе Салтане, как и остальные, отличает стройная организация, автор нигде не фальшивит, всё органично, ёмко и в то же время очень просто, как это бывает у Пушкина. Такая незатейливая, на первый взгляд, простота постижима, но достижима ли в переводе? Как в таком случае максимально приблизиться к пушкинской «сказочности»?

Оба перевода по-своему хороши, они в чём-то перекликаются, некоторые переводческие находки совпадают в рамках всего контекста. При сопоставлении трёх текстов (оригинала и двух переводов) заметно, что оба перевода больше оригинала: соотношение «количество слов в переводе–количество слов в оригинале» для текста Л.З. составляет 1:1,42, для М.Х. – 1:1,47; соотношение «количество знаков в оригинале–количество знаков в переводе» приблизительно одинаково у обоих и составляет 1:1,35. Перевод Луиса Зеликова на две строки короче оригинала (в части 6), Мэри Хобсон – в целом на две длиннее (небольшие изменения в длине коснулись пяти частей: 7, 13, 16, 17, 22, 24), что само по себе ни у кого из коллег-переводчиков возражений не вызовет.

Интересны некоторые разночтения в передаче реалий: они начинаются прямо с полного названия Сказки.

The Tale of Tsar Saltan, of his son, the <u>glorious and mighty knight Prince Gvidon Saltanovich</u> , and of the <u>fair Swan-princess</u> (L.Z.)	Сказка о Царе Салтане, о сыне его славном и могучем богатыре князе Гвидоне Салтановиче и о прекрасной царевне Лебеди	The Tale of Tsar Saltan, his <u>renowned son, the powerful warrior Prince Gvidon Saltanovich</u> , and the <u>beautiful swan princess</u> (M.H.)
--	--	--

Теперь о героях (два главных героя и царевна упомянуты в названии) и антигероях Сказки. «Три девицы» у Л.З. “*three fair maidens*”, у М.Х. – “*three young maids*”; третья сестра обещает родить «богатыря»: у Л.З. это просто «наследник» – “*an heir/ Handsome, brave beyond compare*”, у М.Х. – не один сын, а “*heroes for the tsar,/ To defend him near and far*”; «тридцать три богатыря» на службе у Гвидона – “*thirty stalwart knights and three*” (Л.З.), “*thirty-three bold warriors*” (М.Х.), что у обоих перекликается с названием. «С ними дядька Черномор»: “*led by Chernomor, their chief*” (Л.З.), “*old Chernomor*” (М.Х.); Луис Зеликов здесь ошибается: Черномор не командир храбрых воинов – он, согласно словарю В.И. Даля, «приставленный для ухода или надзора за ребёнком, пестун; к каждому рекруту в полку также приставляют *дядьку* из старых солдат» [6], Мэри Хобсон эту тему обходит, что можно считать более удачным, чем у коллеги, решением. Царевна «величава,/ Выступает, будто пава» (женская рифма в сочетании с лексикой, по сути дела, превращает образ в зримый): у Л.З. она “*Full of*

majesty and grace” (мужская рифма звучит решительнее, но ударный дифтонг [ei] уводит от категоричности). У М.Х. здесь не очень удачное сравнение “*Like a peacock she appears,/ Stately...*”, поскольку по-русски «павой» (во втором значении это слово разговорное) называют женщину «с горделивой осанкой и плавной походкой» [7], а *peacock* это самец павлина; английская идиома ‘(as) proud as peacock’, тоже разговорная, но образ создаёт совершенно неподходящий: так говорят о человеке (не только о мужчинах), который задирает нос и очень гордится тем, что ему, например, удалось сделать, чего достичь; самка павлина *peahen*, но это слово вряд ли поразит воображение читателя, *stately* же – скорее «чинный». (Следует, тем не менее, отметить, что это одна из весьма небольшого числа неудач в переводе Мэри Хобсон.) И, конечно, три злодейки «ткачиха с поварихой,/ С сватьей бабой Бабарихой» у Л.З. “*the royal cook, and weaver,/ And their mother, sly deceiver*”, у М.Х. “*The cook, the weaver, the match-maker/ Babarikha*”. Пушкинское «сватья» предполагает, что Бабариха приходится девушкам матерью (Гвидону она бабушка, которую он, когда шмелём побывал у Салтана, жалея «очей/ Старой бабушки своей» ужалил в нос), её Мэри Хобсон ошибочно принимает за «сваху».

Возвращаясь к поэтической форме, ритму и рифме, следует отметить, что оба переводчика в целом их сохраняют, придерживаясь пушкинского четырёхстопного хорея, очевидно, справедливо полагая, что это неотъемлемая часть повествования, а форма сказки этому не противоречит (см. выше). Не удаётся, однако, сохранить чередование мужской и женской рифм: у обоих переводчиков женские рифмы встречаются гораздо реже, но это во многом объясняется морфологическими несовпадениями в русском и английском языках. Оба переводчика прибегают к другим фонетическим приёмам, гораздо более значимым для английского языка. Во-первых, это некоторое нарушение ритма, что для англофонов может звучать естественнее. Например, у Мэри Хобсон встречаются переходы на ямб, более естественный ритм для английской разговорной речи, иногда в сочетании с другими элементами стиха:

/ _ _ / _ / / /
_ / _ / _ / _ /

Mother and son to the wild sea,
According to the tsar’s decree.
(часть 6)

После первой стопы хорея – переход на ямб, сохраняющийся и в последней строке двустопия; первая строка к тому же заканчивается спондеем, т.е. в стопе появляется дополнительное ударение. *The courier brings the document/ That the father tsar has sent* – после ямба первой строки возвращение к хорю. В *He gives a push, he*

gives a shout,/ He breaks the barrel and climbs out (будущий князь Гвидон освобождает мать и себя из плена бочки) обе строки – четырёхстопный ямб. В двустишии *You saved a swan, but your life-giving/ Arrow left a maiden living* ямб первой строки сопровождается переносом стиха.

Во-вторых, оба переводчика активно используют излюбленный английский приём звуковых повторов в виде аллитерации, которая в том числе помогает музыкально организовывать текст. Особенно интересны те части, где к аллитерации прибегают оба переводчика. В тексте выделены аллитерирующие буквы/звуки.

Breezes o'er the ocean play,
Speed a barque upon its way;
Sails all spread, it skims the geas,
Running swiftly 'fore the breeze.
Sailors, merchants, crowd the decks,
Marvel loud and crane their necks.
Wondrous changes meet their view
On an island which they knew!
(Л.З.)

Ветер на море гуляет
И кораблик подгоняет;
Он бежит себе в волнах
На раздутых парусах.
Корабельщики дивятся,
На кораблике толпяся,
На знакомом острове
Чудо видят наяву:

Strong winds roam the geas and drive
A little ship. Just watch it strive
To do battle with the gales,
Breast the waves with billowing sails.
Now the sailors are amazed,
Crowd on deck and stand there dazed;
On the isle, to their surprise,
A great wonder meets their eyes,
(М.Х.)

Или:

We have sailed the seven geas;
Costly furs, prince, were our ware,
Silver fox and sables rare.
Now our time is overstayed,
East-due East-our course is laid,
Past the island of Buyan,
Back to gracious Tsar Saltan."
(Л.З.)

«Мы объехали весь свет,
Торговали соболями,
Чорнобурыми лисами;
А теперь нам вышел срок,
Едем прямо на восток,
Мимо острова Буяна,
В царство славного Салтана...»

"We've sailed round the whole world, why,
We've got sables and black fox's
Furs, all stowed in bags and boxes.
Thank you for this splendid feast.
Now we're going to sail due east,
Past the island of Buian
To the illustrious Tsar Saltan..."
(М.Х.)

А также в заключительной части, где речь идёт о раскаянии злодеек:

While the cook, and royal weaver,
And their mother, sly deceiver,
Fled and hid beneath the stairs
But were dragged out by their hairs.
Weeping, each her crim^s confessed,
Begged forgiveness, beat her breast.
So the tsar, in his great glee
Sent them home across the sea.
(Л.З.)

А ткачиха с поварихой,
С сватьей бабой Бабарихой
Разбежались по углам;
Их нашли насилиу там.
Тут во всем они признались,
Повинились, разрыдались;
Царь для радости такой
Отпустил всех трех домой.

The cook, the weaver, the match-maker
Babarikha, they forsake a
Splendid feast to hide in corners
(And may their example warn us).
When the three are seized by force,
Sobbing, they protest remorse.
In his joy, the tsar decreed
That all three of them be freed.
(М.Х.)

К сожалению, в последнем из приведенных фрагментов оба переводчика допускают ошибку, неверно истолковав наречие «насилиу», означающее «с великим усилием, с трудом, с большим напряжением» [6]. В результате у обоих имеет место насилие по отношению к перепуганным и ожидавшим суровой кары злодейкам: они попрятались, но у Л. Зеликова их не просто извлекают из укрытия – они “*were dragged out by their hairs*”, а у М. Хобсон все трое “*are seized by force*”, что несколько меняет смысл. Правда, оба переводчика затем успешно справляются со сценой великодушного царского прощения.

На эмфатической фигуре переноса стиха (известного также как синафия или анжамбеман) следует остановиться отдельно; это перенесение части фразы или слова в следующую стихотворную строку у Пушкина встречается довольно часто и не только в нашей сказке. Здесь же перенос неизбежен: четырёхстопный хорей означает длину строки в 7–8 слогов, что не может не приводить к отделению одной смысловой группы от другой, например, группы подлежащего от группы сказуемого с прямым дополнением и т.п. Интереснее случаи (а они встречаются и в оригинале, и в переводах), когда перенос возникает внутри той или иной смысловой группы. Ниже приведены примеры, где пушкинскому переносу соответствует перенос одновременно в двух переводах.

Murmuring: "I wonder how We could break our prison now?" (Л.З.)	«Как бы здесь на двор окошко Нам проделать?» — молвил он,	"Shall I break a window in it With my head? Now. Just a minute." (М.Х.)
---	--	---

Перенос строки у Пушкина сопровождается инверсией, у Л.З. в первой строке остаётся союз придаточного дополнительного, у М.Х. вниз уходит обстоятельство образа действия – «инструментальная» часть устойчивого глагольного словосочетания *to break sth with sth*.

В следующем примере Лебедь превращает Гвидона в комара, чтобы он смог незаметно побывать у отца, после чего он:

Overtook the ship at sea, <u>Set</u> led noiselessly, and <u>st</u> ole Out of <u>gh</u> ft, into a hole. (Л.З.)	Судно на море догнал, Потихоньку опустился На корабль – и в щель забился.	Flying quietly down again, Landed on the deck and found A hiding-place – without a sound. (М.Х.)
---	---	---

У Л.З. при переносе появляется пауза между глаголом-сказуемым и предлогом, указывающим на направление движения, он здесь использует ещё и аллитерацию. У М.Х. на вторую строку перенесено прямое дополнение переходного глагола-сказуемого. Примеры совпадений переноса этим не ограничиваются, кроме того, переносы появляются в каждом переводе и в других частях текста.

Невозможно оставить без внимания один случай разрыва строфы у Пушкина: царь женится, но тут же уезжает бить врага.

But, by love and duty fired, She conceived, ere night expired, In her royal husband's arms.	А царица молодая, Дела вдаль не отлагая, С первой ночи понесла.	While the young tsaritsa, knowing She's a happy duty owing, Is with child on that first night.
These were days of war's alarms. [Ere he rode forth...] (Л.З.)	В те поры война была. [Царь Салтан, с женой простяся,..]	But there is a war to fight. [Tsar Saltan, he...] (М.Х.)

Вторая строка переходит в следующую часть, женская рифма в первой строке двустопная – будущее прекрасно, под сердцем ребёнок, она любит и любима; та же рифма во второй – война сулит разрушение и гибель. Если говорить о серьёзности пушкинской интонации, здесь – самое сильное и драматичное место Сказки. Это заметили и тоже старались передать оба переводчика.

Лексически Сказка насыщена народными, иногда просторечными, словами и формами: *Окиян, насили, кабы, молвит, бают, светлица, ариин, бояре, чудесить, тужить, сени, оне, -де*; оценочными единицами: *красная девица, батюшка-царь, царь-отец, грусть-тоска, голубушки-сестрицы*; здесь и перенос ударения на предлог: *на́ берег, на́ море, из моря, у моря*; и усечённые формы прилагательных: *неведому зверюшку, сладку речь, на добра коня, тонку тросточку*, и деепричастия на *-ся*: *протяся, садясь*, и возвратные глаголы на *-ся* при существительных женского рода: *полюбилася*. Все они органично вписываются в повествование и создают неповторимый колорит, не повышая регистр, не ограничивая рассказчика, кроме того, и синтаксис прост и абсолютно прозрачен. Не это ли удивительное пушкинское мастерство когда-то позволило американскому писателю-публицисту, поэту и литературному критику Максиму Истману (1883–1969) в статье о Пушкине и его переводчиках заметить, что он «поднял до уровня литературы незатейливую и прямодушную речь невоспитанных, “неотёсанных” славян – или лучше сказать, литературу поднял до уровня этой речи» (перевод наш – Н.К.) [8].

Как с этим богатством справляются переводчики? В целом, оба так или иначе используют стилистически маркированную лексику и синтаксис. Отличительная особенность перевода Луиса Зеликова – использование в тексте значительного количества лексики, попадающей в разряд «официальной» (“*formal*”: идиома *in sb’s stead, refrain, acquiescing, gracious, realm, compliments, waxed, wherein, stalwart, seethe, repent in sorrow, ardour*), «книжной» (“*literary*”: *wondrous, twas, slumber, girdled, throng, ne’er, hasten, hoary*), «устаревшей» (“*old-fashioned*”: идиома *without [further/more] ado, famished, gallant, frolic, o’er*, идиома *bandy words with sb*), «архаизмов» (“*old use*”: *whither, sire, tis, raiments, thee*). В английских толковых словарях эти характеристики часто выступают в сочетании: “*literary or old use*” (*fair, ’twixt*), “*old use or literary*” (*behold, tarry*, предлог *ere, bid*), “*formal or literary*” (*strife, ire, dwelling*), “*old-fashioned, literary*” (*tomorrow, anon, gallant*), “*old use or formal*” (*perforce*, идиома *at her behest*, идиома *if you please*), “*old use or humorous*” (междометие *lo, forsooth, quoth,*), “*old use or ironic*” (*pray*), “*old-fashioned or formal*” (*bear*) и это не полный список. Без сомнения, определённая лексика здесь к месту, но представляется, что в основном она приводит к

утяжелению языка перевода и, скорее, удалению его от оригинала. В этом смысле Мэри Хобсон не ограничивается предпочтением подобной лексики – она активно включает лексику разговорную, в том числе идиомы и фразовые глаголы.

В синтаксисе Л. Зеликов явно предпочитает изменение обычного порядка слов: у него до ста таких случаев в тексте перевода; М. Хобсон здесь тоже проявляет больше гибкости: она разнообразит синтаксис активным использованием исторического настоящего (оно есть и в пушкинском тексте); плеоназмами в форме пролепсиса – стилистического приёма дублирования подлежащего соответствующим личным местоимением, стилизация разговорной речи (*Tsar Saltan, **he** mounts his horse; The cook, the weaver, the matchmaker/ Babarikha, **they** all take...; The tsarevich, **he** takes on/ Princely powers; that squirrel, **she**/ Sits beneath a tall fir-tree; And the merchants, **they** reply*); разновидности пролепсиса – иллейзмов, где местоимение-подлежащее предваряет следующее за ним существительное или его полноценную замену (*There they sit, **those** three, and eye him; Off he flies, that buzzing bee*).

Все эти различия прекрасно иллюстрируются текстом переводов, который демонстрирует, насколько приблизился переводчик к оригиналу или от него отдалился. Покажем на примере перевода самой короткой, восьмистрочной, пятой части:

At these words, the royal sire
Raved and **r**aged in **f**urious ire,
 "Hang that messenger!" **r**oared he,
 "Hang him on the nearest tree!"
 But, **r**elenting, **s**pared him, and
 Sent him back with this command:
 "From all hasty steps **r**efrain
 Till the tsar comes home again."
 (Л.З.)

Как услышал царь-отец,
 Что донес ему гонец,
 В гневе начал он чудесить
 И гонца хотел повесить;
 Но, смягчившись на сей раз,
 Дал гонцу такой приказ:
 «Ждать царева возвращенья
 Для законного решенья».

When the father-tsar has **h**ead
 The courier's news to the last word,
 He begins to rage and shout
 Like a madman, he's about
 To **h**ang the man, but keeps his **h**ead,
 Sends him with these words instead:
 "Wait till I am home once more.
 My decision is the law."
 (М.Х.)

Интересное замечание высказал американский профессор Дэвид М. Бетеа: он считает, что перевод – «исторический процесс, одно из условий которого заключается в том, что произведение-оригинал неподвластно времени, оно существует вне времени, его перевод «современен и во времени конечен», отсюда делая вывод, что «каждое новое поколение его для себя переводит заново». (перевод наш – Н.К.) [9] Представляется довольно любопытным сопроводить его мысль, последним сравнением: первые 14 строк нашей «Сказки о Царе Салтане» в трёх переводческих версиях: К.Э. Бехгофера 1903 года [2] и двух рассмотренных нами в настоящей статье, Луиса Зеликова (1970) и Мэри Хобсон (2016). Переводы отделены друг от друга не одним десятилетием, а первый и третий разделяет столетие.

Three fair maidens evening late
 By a window spinning sate.
 "If an empress I could be,"
 Said one maiden of the three,
 "I myself would cook a feast
 All should eat from west to east."
 "If an empress I could be,"
 Said the second sister, she,
 "I would spin and quite alone
 Weave for all the world a gown."
 "If an empress I could be,"
 Said the youngest of the three,
 "I, to please my husband-Tsar
 Hero-sons to him would bear."
 (1903)

Three fair maidens, late one night,
 Sat and spun by candlelight.
 "Were our tsar to marry me,"
 Said the eldest of the three,
 "I would cook and I would bake –
 Oh, what royal feasts I'd make."
 Said the second of the three:
 "Were our tsar to marry me,
 I would weave a cloth of gold
 Fair and wondrous to behold."
 But the youngest of the three
 Murmured: "If he married me –
 I would give our tsar an heir
 Handsome, brave, beyond compare."
 (1970)

Three young maids sat at their spinning,
 Day was ending, night beginning.
 "Ah, if I were the tsaritsa,
 I'd prepare a feast that feeds a
 Multitude – the Christian world",
 Said one maid as her thread curled
 Round the bobbin. "Ah, if I
 Were tsaritsa, I'd supply
 Cloth for all – I'd weave such stuff,
 All the world would have enough",
 Said her sister. Then the third
 Sister spoke her honest word.
 "I'd bear heroes for the tsar,
 To defend him near and far."
 (2016)

Это, на наш взгляд, интересная ретроспективная иллюстрация, позволяющая согласиться с ещё одним утверждением Бетеа о том, что, следуя логике исторического развития, новый перевод должен быть лучше прежних. [9] Пока побеждает Пушкин, но приведенные фрагменты подтверждают обозначенную Бетеа мысль.

Несомненно, Пушкин остаётся для нас современным. За пределами нашей страны о нём сегодня, конечно, знают гораздо больше, чем 150 и 100 лет назад. Выросло не одно поколение англоязычных литературоведов и переводчиков, которые в состоянии понимать его произведения без языка-посредника и считают необходимым знакомить своих читателей с его творчеством. Можно продолжать ломать копья над тем, насколько переводим Пушкин и поэзия, но это не остановит истинных ценителей его творчества в попытках приобщить соотечественников к богатству, которым они владеют. Зарубежная Пушкиниана пополняется новыми переводами и исследованиями. Очевидно, пришло время серьёзно заняться изучением теперь уже переводческого наследия и опыта работы со всеми переведёнными произведениями Пушкина. Мы здесь говорим о переводе Пушкина на английский язык, но, возможно, этот вопрос заслуживает изучения и в применении к другим языкам и культурам, носители которых благодаря титаническим усилиям переводчиков приобщаются к великому и вечному.

Список литературы:

1. feb-web.ru/feb/pushkin/biblio/pie/pie-001-.htm – Pushkin in English. A List of Works by and about Pushkin. – Compiled by the Slavonic Division. Edited, with an Introduction by Avrahm Yarmolinsky. – New York: The New York Public Library, 1937. – (дата посещения – 29.03.2018.).
2. <https://archive.org/details/ant...> – Antology of Russian Literature..., 1903. – (дата посещения – 29.03.2018.).
3. teremok.in/perevedi_skazku/tsarj_saltan.htm – (дата посещения – 12.03.2018.).
4. *Пушкин А.С.* Сказки. На англ. и русск. яз./Перевод на англ. Мэри Хобсон. – М.: Русская школа, 2016. – 152 с.

5. kalaus.livejournal.com/10196.html – Озерс, Эвалс. Некоторые проблемы перевода русской поэзии на английский язык. Перев. Д. Кузнецовой (из сборника «Поэтика перевода». – М.: Радуга, 1988). – (дата посещения – 29.03.2018.).
6. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. В четырёх томах. – М.: Астрель, 2002.
7. *Словарь русского языка.* В четырёх томах. Под ред. А.П. Евгеньева. – М.: Русский язык, 1984.
8. <https://newrepublic.com/article/99159/pushkin-and-his-english-translator> – Eastman, Max. Pushkin and His English Translators. December 9, 1936. – (дата посещения – 18.03.2018.).
9. muse.jhu.edu/chaper/1061693 – Bethea, David M. Pushkin and Problems of Translation в кн. *The Pushkin Handbook.* Publication Year: 2006. – (дата посещения – 19.03.2018.).

Ковалева К.Н.
Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова
г. Москва (Россия)

Kovaleva Kristina
Lomonosov Moscow State University
Moscow (Russia)

**«ПРОВОДНИКИ» В МИР ЗАПАДНОЙ КУЛЬТУРЫ.
ПЕРЕВОДЧИКИ КИНОФИЛЬМОВ 1980-90-Х ГОДОВ XX ВЕКА**

**GUIDES INTO THE WORLD OF WESTERN CULTURE. MOVIE
TRANSLATORS 80-90 S.**

Статья посвящена жизненному и творческому пути самых известных советских и российских переводчиков – синхронистов 1980-1990-х, которые внесли значительный вклад в историю российской культуры. Углубление международных связей и ослабление цензуры периода перестройки дали возможность советским людям познакомиться с популярными направлениями западной культуры, в частности с зарубежным кинематографом. Представленные в статье кинопереводчики, посредством своей профессиональной деятельности повлияли не только на перестройку общественного сознания, но и на изменения в культуре речи и русском языке.

The article deals with the path of life and creative career of the most famous Soviet and Russian simultaneous interpreters of the 1980-1990s, who made a significant contribution to the history of Russian culture. The deepening of international relations and the censorship relaxation of the perestroika period made it possible for Soviet people to get acquainted with popular trends in Western culture, in particular with foreign cinematography. Movie translators presented in the article, through their professional activities, not only influenced the restructuring of public consciousness, but also changes in the culture of speech and Russian language.

Ключевые слова: кинопереводчики, киноперевод, перестройка, гласность, переводчики-синхронисты.

Keywords: movie translators, movie translation, perestroika, glasnost, simultaneous interpreters.

Период 1980-1990 гг. можно назвать как временем важнейших мировых научных открытий, так и временем культурной революции. За этот период произошло немало открытий в области телекоммуникации, медицины, космической науки, развития транспортного сообщения.

Культура в советское время находилась под идеологическим влиянием государства посредством различных союзов, которые играли в свою очередь роль учреждений по контролю в области культуры и искусства. Произведения, не соответствовавшие идеологии, не только не поддерживались государством финансово, но и вовсе запрещались, а их авторы подвергались преследованиям и были вынуждены

уезжать за границу. Таким образом, в условиях ужесточенной политической и идеологической цензуры страну пришлось покинуть таким выдающимся деятелям искусства и культуры, как режиссерам А. Тарковскому, Ю. Любимову, художникам - М. Шемякину, О. Целкову, Э. Неизвестному; поэтам Н. Коржавину, И. Бродскому, А. Галичу; писателям А. Солженицыну, В. Войновичу, В. Аксенову и др.; музыкантам М. Ростроповичу, Г. Вишневской, артистам балета - Р. Нуриеву, М. Барышникову и др.

В середине 80-х годов произошли изменения в политике правительства СССР, к власти пришел новый лидер компартии М.С. Горбачёв, который объявил курс на «перестройку». Изменения произошли, в том числе и в духовной жизни общества. А именно, это проявилось в отклонении правительства от административных методов управления в этой сфере. Немалая часть либерально настроенной интеллигенции поддержали реформаторский курс М.С. Горбачева. Другая же часть, специалисты, научные работники были категорически против изменений. Местом острых дискуссий о причинах «деформаций» социализма и определения отношения к политике «перестройки» стали периодические издания, такие как газеты «Аргументы и факты», «Огонек», «Московские новости».

Отправной точкой «культурной перестройки» стала политика гласности, установленная в 1987 г. Были опубликованы закрытые ранее архивы и мемуары, появилась свобода слова и открытая критика. Также были возвращены произведения творческого наследия деятелей искусства, находившиеся под идеологическим запретом, которые преследовались при Сталине, Хрущеве и Брежнев. Не допущенные ранее в печать литературные произведения отечественных авторов 20 века стали издаваться массовыми тиражами («Дети Арбата» А.Н. Рыбакова, «Мы» Е. И. Замятина, «Архипелаг ГУЛАГ» А.И. Солженицына, «Реквием» А. А. Ахматовой, а также произведения М.А. Булгакова, А.П. Платонова, В.В. Набокова, Б.Л. Пастернака, А.А. Бека, А. Т. Аверченко, В. Ф. Ходасевича, И.А. Бродского, В.П. Некрасова, В.П. Аксенова и др.) В сфере искусства человек творчества теперь мог вздохнуть более свободно. Также вернулись труды российских философов Н.А. Бердяева, В.В. Розина, В.С. Соловьева, П.А. Сорокина, Г.П. Федотова.

Позже реализация политики дала понять, что расширение границ гласности, безусловно, должно привести к избавлению от всяческих препятствий для распространения информации. В это время в России произошла настоящая культурная революция. Во второй половине 80-х ценности советской культуры стали отвергаться, считаться непрогрессивными и стали ставиться под сомнение лучшие традиции социалистической культуры.

Появились новые реалии культурной жизни. Ее развитие определялось по большей части попыткой демократизации, частичным снятием идеологических ограничений, падением «железного занавеса» и активным взаимодействием с зарубежными странами и культурами, которые потеснили своей продукцией отечественную в условиях свободно формирующегося рынка. Это и дало толчок к тому, что коммерция начала поглощать страну.

Государственное финансирование советской продукции стало сокращаться, что вызвало снижение ее количества и качества. Такая область культуры, как кинотеатр практически исчезла, а также это сказалось и на других отраслях культуры.

К концу 80-х годов стала активно выходить на первый план надежда на долгожданную свободу в связи с духовно-интеллектуальным напряжением, сложившимся за долгие годы. Поэтому любая западная продукция, в том числе музыка, одежда, техника, печатные издания и продукты питания считались лучшими по качеству и были желаемыми любым советским человеком в те годы. Расширение рамок международного взаимодействия дали возможность советским людям познакомиться с популярными направлениями современной западной культуры. А активнее всего стала развиваться киноиндустрия.

Перестройка общественного сознания, а именно молодежи, которая глубоко впитывает чуждые образцы, происходила в основном благодаря иностранной кинопродукции, которая была создана вне традиционных нравственно-духовных ориентиров. С экранов стал распространяться идеал удачливой личности, идущей напролом ради своих целей, который не был знаком национальному отзывчивому и сострадательному сознанию.

Начиная с 1987 г. в стране вышло на кино- и телеэкраны практически всё, что было под запретом и недоступно советскому человеку на протяжении всего 20 века. Деятели отечественного кинематографа стали затрагивать реальные социальные проблемы общества, существование которых ранее отрицалось («Мигранты», «Авария — дочь мента», «Интердевочка», «Рэкет», «Маэстро с ниточкой» и др.).

Во второй половине 80-х годов, благодаря возникновению рыночной экономики, увеличилось количество бизнесменов, которые пускали культуру в массы за деньги. Особенно интересно для массового зрителя было иностранное кино, в частности американское. А проводниками в этот новый и чуждый ранее мир зарубежного кино стали, конечно же, переводчики. Никто не знал их лица, потому что они всегда оставались за кадром, но все знали их голоса. Они переводили и озвучивали невероятное количество зарубежных фильмов в основном в «пиратском» качестве.

Бизнесменов 80-90-х объединяло то, что все эти люди очень любили и разбирались в кино и у каждого из них были свои переводчики. Это был бизнес, и они переводили то, что просили заказчики, в том числе и фильмы очень низкого сорта. Множество голливудских лент и мультфильмов «Диснея» попало на экраны телевизоров россиян в 80-90-е годы. Каждый бизнесмен стремился заполучить фильмы быстрее своих конкурентов, а также их переводы. Некоторые голливудские картины попадали в руки советских людей раньше, чем они выходили на экраны в своей стране. Предприниматели во время смогли оценить перспективы подобного бизнеса и нашли финансы, чтобы приобрести оборудование, которое стоило на тот момент целое состояние. После записи перевода, видеокассеты продавались на рынках и через знакомых. Проводились совместные кинопросмотры в обычных квартирах. Но переводы и распространение подобных западных фильмов были под запретом, так как правительство и КГБ не хотели допустить широкомасштабную идеологическую диверсию, поэтому запись этих переводов происходила в домашних условиях.

Кто же были эти переводчики? Безусловно, это были образованные люди, которые получали высшее образование на факультетах иностранных языков лучших университетов России. Они начинали свой творческий переводческий путь, еще будучи студентами, так как это приносило им относительно высокий дополнительный заработок и им самим хотелось первыми увидеть зарубежные фильмы. Из-за конкуренций предпринимателей и студий, на которых они работали, количество переводимых фильмов достигало в среднем 7-10 в день.

В данной статье мы рассмотрим жизненный и творческий путь самых известных переводчиков-синхронистов 1980-1990-х.

1. Михалев Алексей Михайлович родился 26 декабря 1944 года в семье журналиста и балерины. В свое время Алексей тоже полюбил балет и даже учился в Вагановском училище, но из-за травмы танцевальную карьеру пришлось оставить. Он поступил в Институт восточных языков, где безупречно овладел несколькими языками.

Алексей начинал свою карьеру кино-переводчика на Московском и Ташкентском кинофестивалях с двух языков. Первыми он переводил иранские фильмы с персидского языка, а позже перешел и на английский язык. Такое направление в переводе Михалеву понравилось, и он продолжил работать в этой области. По словам переводчика, перевод именно фестивального кино для него было интереснейшим хобби, которое давало широкое поле для творчества и для «импровизации в заданных рамках», чего нельзя было допускать при переводе литературы.

Алексей Михалев стал известен как единственный и незаменимый переводчик, который может перевести самую сложную картину. Когда наступила эпоха видео, переводчик смог сам выбирать, что ему переводить, а именно он отказывался переводить фильмы низшего сорта. Он предпочитал переводить драмы, комедии, детективы и мюзиклы. А те кинокартины, где текст изначально был глупым или бессмысленным, он при помощи своего артистизма и безупречного знания языка переводил качественно. Принято считать, что именно Михалев задал очень высокую планку, создал эталон профессии синхронного кинопереводчика в России. Михалёв был одним из немногих переводчиков, который не часто использовал нецензурную лексику в кинопереводе. В одном из интервью он сказал, что его задача состоит в том, чтобы «вызвать у зрителя ту реакцию, которая наблюдается у зрителя в Америке. То есть мы должны отреагировать на нецензурщину так, как отреагировали бы американцы. И ни в коем случае не форсировать ненужную реакцию, особенно нездоровую...». Переводчик позволял себе иногда додумывать или переделывать шутки на английском языке так, чтобы русский зритель смог понять зарубежный юмор.

Самые известные ленты в его переводе: «Последний император», «Битлджус», «Иствикские ведьмы», «Апокалипсис сегодня», различные голливудские мультфильмы («Золушка», «Аладдин», «Питер Пэн», «Русалочка», «Красавица и чудовище», «Алиса в стране чудес» и др.) и мюзиклы Боба Фосса. Так же Михалев занимался письменными переводами американской прозы. Он перевел множество художественных произведений, в том числе таких авторов как Мюриэл Спарк, Джеймс Джонс, Джон Стейнбек, Уильям Фолкнер и др.

9 декабря 1994 года Алексей Михайлович Михалёв скончался от лейкемии. Записи с голосом этого переводчика продолжают использоваться на телевидении и в видеобизнесе.

2. Следующий переводчик, которого хотелось бы упомянуть, - это Володарский Леонид Вениаминович. Он родился 20 мая 1950 года в семье преподавателей иностранных языков, поэтому его судьба уже была predetermined. Благодаря своему отцу английский язык он начал изучать в четыре года, а по окончании школы поступил в Московский институт иностранных языков им. Мориса Тореза с французским языком, который специально стал изучать для поступления по настоянию отца. В институте Леонид так же выучил итальянский и испанский языки.

Свою переводческую карьеру Володарский начал еще в студенческие годы. Он синхронно переводил зарубежные фильмы на закрытых правительственных показах советского периода, а так же принимал участие в качестве переводчика в

международных конференциях и кинофестивалях. По словам Володарского, особенность работы кинопереводчика заключалась в том, чтобы переводить фильм синхронно с одного дубля. Леонид одним из первых занялся «пиратским» переводом американских фильмов. За 30 лет непрерывной переводческой практики он перевел и озвучил более пяти тысяч кинолент. Голос Володарского очень известен среди любителей кино 80-90-х благодаря особой манере произношения и интонации голоса, а также качественным эмоциональным переводом.

Помимо многочисленных кинопереводов, Леонид Володарский перевёл множество американских и английских произведений художественной литературы. Он первым перевёл книги Стивена Кинга и других известных зарубежных писателей.

На сегодняшний день Леонид Володарский стал ведущим ряда авторских телепередач, с 2000 года работает на радио. Пишет сценарии к многосерийным телефильмам, занимается преподавательской деятельностью.

3. Еще один не менее известный переводчик-это Василий Овидиевич Горчаков. Будущий переводчик родился 5 июля 1951 года в семье знаменитого советского разведчика и переводчика Овидия Горчакова в Москве. Именно благодаря отцу Василий с раннего детства в совершенстве владеет английским языком, так как именно на этом языке с ним дома разговаривали родители. Учился Василий в военном институте иностранных языков, в институте иностранных языков им. Мориса Тореза и закончил факультет журналистики МГУ.

В 1973 году Леонид Володарский предложил своему другу Василию Горчакову заменить его на одном из просмотров на Московском Международном кинофестивале в кинотеатре «Зарядье». Таким образом, с перевода фильма «Тройное Эхо» режиссёра Гленды Джексон и началась карьера Горчакова как переводчика-синхрониста.

Позже Василий Горчаков стал переводить не только на кинофестивалях, но и сопровождал зарубежных знаменитостей, таких как Роберт Де Ниро, Мэрил Стрип, Роберт Редфорд, Джек Николсон, Стивен Сигал, Шон Пенн, Вуди Харрельсон, а так же работал с первыми лицами государства в качестве переводчика.

В эпоху видео Василий, так же как и Леонид Володарский, начал заниматься нелегальным переводом и озвучиванием видеокассет. Несколько раз переводчика арестовывали, когда он сидел в наушниках и с микрофоном в квартире. Горчаков перевел и дублировал более пяти тысяч зарубежных фильмов. Одни из самых известных фильмов в его переводе: «Однажды в Америке», «Иствикские ведьмы», «Смертельное оружие», «Прирожденные убийцы», «Бешеные псы», «Москва на

Гудзоне», «Почтальон всегда звонит дважды», «Пролетая над гнездом кукушки», «Крёстный Отец», «Последнее Танго в Париже», «Казанова» и др.

Жизнь Василия Горчакова связана с кинематографом не только посредством перевода фильмов. Десять лет он проработал на киностудии «Мосфильм» каскадёром, постановщиком трюков, а также сам снялся в ряде отечественных кинокартин и в 1990 году стал членом гильдии кинокритиков.

В настоящее время Горчаков посвящает себя журналистике. Он работает на нескольких американских русскоязычных радиостанциях, занимается продюсерскими делами в иностранных компаниях, снимается в кино и делает переводы с английского языка на русский и обратно.

4. Андрей Юрьевич Гаврилов – талантливый синхронный переводчик фильмов с английского и французского языков, исполнитель закадрового перевода и озвучивания, журналист, музыкальный издатель, радиоведущий и основатель музыкального лейбла SoLyd Records. Андрей Юрьевич Гаврилов родился 27 января 1952 г. в г. Москве. Гаврилов пошел по стопам отца журналиста и поступил на факультет журналистики в МГИМО. По окончании университета работал десять лет журналистом - международником в ТАСС, а также писал статьи о западной музыке для различных печатных изданий.

В середине 80-х были очень популярны просмотры зарубежных кинолент в «киноклубах». Это были клубы любителей кино, где просматривались западные картины синхронным переводом. И по счастливой случайности в одном из таких киноклубов "Экран" Гаврилову выпал шанс заменить опаздывающего на сеанс переводчика. Позже ему предложили заняться переводом фильмов на постоянной основе. Постепенно данный вид деятельности перерос в профессию. Таким образом, Андрей Юрьевич стал популярным кинопереводчиком.

Некоторое время спустя произошла подобная ситуация, но уже на Московском кинофестивале короткометражного и документального кино, где нанятый переводчик не пришел на показ фильма. Организаторы мероприятия вдруг оказались без переводчика и попросили Гаврилова срочно перевести фильм. Сам Андрей Юрьевич считает, что именно это и было началом его карьеры в качестве переводчика - синхрониста. В кинотеатрах Гаврилов сейчас работает крайне редко, так как дубляж давно вытеснил авторский перевод, и на него уже нет такого спроса как в 80-90-х годах.

У Гаврилова сформировался свой переводческий стиль. Он считает, что переводчик «не должен отвлекать внимание зрителя и навязывать свои эмоции и переживания». Поэтому свой стиль он называет «неэмоциональным».

Всего Андрей Юрьевич Гаврилов перевел около двух тысяч фильмов. В числе самых известных и удачных переводов фильмов на видео – «Кошмар на улице Вязов», "Бульвар Сансет", "Криминальное чтиво", «Поющие под дождём», трилогия "Властелин колец" и др. Также Гаврилов неоднократно работал переводчиком церемонии вручения премий «Оскар» на российском телевидении вместе с Юрием Сербиным.

В статье упомянуты самые известные кино переводчики 80-90-х годов прошлого века, те, кто стоял у самых истоков эпохи видео VHS (англ. Video Home System). А так как в тот период времени было не так много развлечений, культура занимала большое место в жизни людей. Просмотр кинофильмов, а особенно зарубежных, был целым событием для советского человека.

Поэтому можно сказать, что представленные переводчики посредством своей деятельности открыли окно в мир западной культуры, которая оказала огромное влияние на формирование сознания, характера и стиля жизни последующих поколений.

Благодаря такому колоссальному потоку информации и активному культурному взаимодействию с Западом, произошли и некоторые изменения в русском языке. В эти годы увеличился приток иностранных слов в связи с изменениями в политической, экономической и культурной сферах жизни.

С внедрением зарубежных фильмов и литературных произведений в жизнь советского человека, стали проникать в речь и новые заимствованные слова. А так как язык находится в постоянном движении, обусловленном историческим развитием, то в лексикон русского языка из кинематографа проникли и прочно закрепились многие уже привычные всем слова: бестселлер, вестерн бомонд, ноу-хау, форс-мажор, шоу, тинейджер, хит, криминал, триллер, монитор, эксклюзив, киднеппинг, дайджест, супермаркет, шопинг, рэкетир и т. д.

Таким образом, культурная революция эпохи перестройки дала начало не только разрушению национальных основ духовной культуры советского пространства, но и изменения норм в русском языке и литературе. Нельзя сказать, что падение железного занавеса сделала отечественную культуру качественнее и прогрессивнее, так как скорость потока информации с Запада не позволяла отделять массовую, компенсаторную культуру от настоящих шедевров зарубежного искусства. И на сегодняшний день этот поток нельзя остановить, так как уже несколько поколений молодежи выросло на массовой культуре, в частности кино и литературе.

Гласность и период перестройки принесли много изменений в жизнь советского, а также российского гражданина. Кроме того, что были подорваны ценности и устои

общественного сознания, появилась свобода слова и печати, идейный и политический плюрализм. Но до сих пор нельзя однозначно сказать, были ли стране действительно нужны эти изменения.

Список литературы:

- Ратковский И. С., Ходяков М. В.* История Советской России. М.: Лань, 2001. 416 с.
- Интервью А.М. Михалёва для телевизионной программы "Мегамикс"
<https://www.youtube.com/watch?v=zx7WjafDZAo>
- Телевизионная программа "Мой герой". Интервью Л. В. Володарского
http://www.tvc.ru/channel/brand/id/2324/show/episodes/episode_id/46838/
- Леонид Володарский о Навальном, кино и молодежи.
<https://www.youtube.com/watch?v=ВН6TG-L2-Es&t=3s>
- Рожденные в СССР, Василий Горчаков. <https://www.youtube.com/watch?v=Cbr-XQ8OWW8&t=2172s>
- «Я теперь очень знаменит...» <http://kinoart.ru/archive/2002/02/n2-article13>
- Андрей Гаврилов переводчик VHS https://www.youtube.com/watch?v=VHzIusz_3-A

Кольцова Д.А.
Высшая школа перевода (факультет)
МГУ имени М.В. Ломоносова
г. Москва (Россия)

Koltsova Daria
Higher School of Translation and Interpreting (faculty)
Moscow State University
Moscow (Russia)

**ОТРАЖЕНИЕ СОВЕТСКОЙ КУЛЬТУРЫ ПОВСЕДНЕВНОСТИ ПЕРВОЙ
ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА В ПОВЕСТИ М.А. БУЛГАКОВА «РОКОВЫЕ ЯЙЦА» И
В ЕГО ПЕРЕВОДЕ НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК**

**EVERYDAY LIFE AT THE BEGINNING OF THE XX CENTURY IN THE NOVEL
“FATAL EGGS”, WRITTEN BY MIKHAIL BULGAKOV AND IN ITS
TRANSLATION IN ENGLISH LANGUAGE**

В статье дается определение культуры повседневности, а также поднимается вопрос о сложности перевода связанных с ней реалий. Исследуется взаимосвязь понятий «повседневность», «повседневная культура» и «быт». Кроме того, дается характеристика России начала XX века и отражение культуры повседневности в повести М.В. Булгакова «Роковые яйца». Автор делает попытку классификации реалий, анализирует стратегии их перевода, а также ищет ответ на вопрос, может ли переводное произведение служить надежным источником культурологической информации.

The article deals with the concept of everyday culture and difficulties in translating the realia associated with it. The interrelation of the concepts "everyday life" and "everyday culture" is studied. In addition, the author gives the characteristics of Russia at the beginning of the 20th century and studies the reflection of the everyday culture in the novel "Fatal eggs", written by Mikhail Bulgakov. The author makes an attempt to classify realia, analyze the strategies of their translation, and also looks for answer to the question whether a translated book can serve as a reliable source of cultural information.

Ключевые слова: перевод, культура повседневности, реалии, Россия начала XX века.

Key words: translation, everyday culture, realia, Russia at the beginning of the 20th century.

В последнее время возникает интерес к такому понятию, как «культура повседневности». Это новое направление гуманитарного знания, которое начало формироваться примерно с середины 90-х гг. XX в. Однако историческая традиция исследования повседневной жизни отдельными научными дисциплинами гораздо старше [Иконникова, 2008, с. 194].

В 1964 г. в Бирмингемском университете был создан Центр современных культурных исследований, в основе деятельности которого лежало новое понимание культуры, сформулированное одним из основателей этого научного направления Реймондом Уильямсом. Согласно этой трактовке, культура есть способ жизни определенного сообщества. Подобное понимание культуры повседневности

существенно расширило и круг объектов исследования, и диапазон применяемых методов [Капкан, 2016, с.23].

В настоящее время в науке нет единого подхода к определению понятия «повседневность». История культуры рассматривает культуру повседневности как естественное, самоочевидное условие и пространство человеческой жизнедеятельности.

Термин «повседневность» пришёл из социологии в начале XX века. По определению Э. Гуссерля и А. Шюца - это «жизненный мир», мир опыта живого деятельного субъекта, предшествующий научной рефлексии, наша непосредственная «интуитивная среда» взаимодействий [Кошман, <http://www.lomonosov-fund.ru/enc/ru/encyclopedia:0134587>].

Под повседневностью также понимается сама собой разумеющаяся реальность фактичность; мир обыденной жизни, где люди рождаются и умирают, радуются и страдают. Повседневность – это не только мысли и переживания людей, но и деятельность, регулируемая нормами и институтами» [Марков, 2008].

В словаре современной западной философии можно найти определение повседневности, данное Н.Н. Козловой: «целостный социокультурный жизненный мир, предстающий в функционировании общества как естественное, самоочевидное условие человеческой жизнедеятельности». [Козлова, 1998, с.318 — 319.]

Таким образом, повседневность - это мир, который подвергается нашему воздействию и в то же время влияет на нас.

Многие исследователи отождествляют понятие повседневности с бытом. Возникает вопрос - можем ли мы считать бытовую культуру непосредственной частью повседневной жизни или это разные понятия?

Согласно толковому словарю Ушакова, быт – это общий уклад жизни, присущий какой-нибудь социальной группе [Ушаков, <http://ushakovdictionary.ru/>].

По определению толкового словаря русского языка С.И Ожегова и Н .Ю. Шведовой, быт - «жизненный уклад, повседневная жизнь» [Ожегов, Шведова, 2004, с. 66].

«Быт — это обычное протекание жизни в ее реально-практических формах; быт — это вещи, которые окружают нас, наши привычки и каждодневное поведение»- пишет Ю.М. Лотман [Лотман, 1997, с. 10].

Исходя из вышеперечисленных определений, можно утверждать, что быт тесно связан с повседневностью, это составляющая часть ежедневных будней человека.

Культура повседневности – это форма организации повседневной жизни человека, которая проявляется через ежедневное поведение человека, предметы, окружающие его в обычной жизни.

Согласно определению Т.Ю. Скопинцевой, повседневная культура - это условие человеческой жизнедеятельности, организация и институализация человеческих отношений, естественное «здесь» и «сейчас» бытие человека. В культуру повседневности входит сложный спектр потребностей и интересов человека [Скопинцева, 2010, с.12].

Таким образом, «повседневность», «повседневная культура» и «быт» - это взаимосвязанные понятия, отражающие жизнь человека, его опыт, ментальность и представления о мире.

М.А. Булгаков в своем произведении «Роковые яйца» очень красочно описывает культуру повседневности первой половины XX века, которая отражается при помощи различных реалий, включая бытовые и ситуативные. Здесь автор упоминает и «квартирный вопрос», который якобы был решен в 1926 году, вводит такие реалии как *совхоз, рабфак, различные народные комиссариаты* и тд.

Повесть «Роковые яйца» была написана в 1924 году, а опубликована в 1925 году, вначале в сокращенном виде в журнале «Красная панорама». Однако действие повести приурочено к 1928 году.

Главный герой повести — профессор Владимир Ипатьевич Персиков, изобретатель красного «луча жизни», с помощью которого выводятся на свет чудовищные пресмыкающиеся. Один из исследователей творчества Булгакова Б.В. Соколов пишет, что «красный луч — это символ социалистической революции в России, совершенной под лозунгом построения лучшего будущего, но принесшей террор и диктатуру». Он становится символом новой эры в естествознании и вместе с тем символом революционных идей [Соколов, iknigi.net/avtor-boris-vadimovich-sokolov/111553-bulgakov-master-i-demony-sudby-boris-sokolov/read/page-1.html].

Гротескная ситуация повести раскрывает роковой конфликт современной автору действительности – революционную переделку жизни и внедрение обезбоженной философии существования. Лживая и утопическая доктрина революционного созидания социальной пользы внедряется государством как норма жизни. М.В. Булгаков отмечал кампании антирелигиозной борьбы и следующие за ними смерти священнослужителей, фиксировал широкомасштабный процесс переименований, а также насаждения красной символики и революционной эмблематики во все сферы социокультурного существования [Менглинова, 2006]. В повести встречаются названия

московских журналов: «Красный Огонек». «Красный Проектор», «Красный Перец», «Красный Журнал», газета «Красная Вечерняя Москва», гостиница «Красный Париж»

Гибель Персикова во время стихийного бунта толпы, возбужденной угрозой нашествия на Москву непобедимых гигантских гадов, олицетворяет ту опасность, которую таил начатый Лениным и большевиками эксперимент по распространению «красного луча» сначала в России, а потом и во всем мире [Соколов, iknigi.net/avtor-boris-vadimovich-sokolov/111553-bulgakov-master-i-demony-sudby-boris-sokolov/read/page-1.html].

Повесть «Роковые яйца» переводилась на английский язык несколько раз разными переводчиками: Мирра Гинзбург, Grove Press, 1968;

Кэтлин Гук-Хоруджи,, дата неизвестна;

Хью Эплин, Hesperus Press, 2003;

Майкл Карпельсон, Translit Publishing, 2010;

Роджер Кокрелл, Alma Classics, 2014.

Для анализа мы выбрали перевод на английский язык Майкла Карпельсона. Мы попробуем классифицировать и проанализировать реалии культуры повседневности, а также мы рассмотрим, какие способы перевода были выбраны переводчиком, чтобы познакомить англоязычного читателя с советской эпохой, представленной в произведении М. Булгакова.

Рассмотрим первый пример.

<p><i>1. В 1919 году у профессора отняли из 5 комнат 3. Тогда он заявил Марье Степановне:</i></p> <p><i>- Если они не прекратят эти безобразия, Марья Степановна, я уеду за границу.</i></p> <p><i>[1;58]</i></p>	<p><i>In 1919 three of the Professor's five rooms were taken away. Whereupon he announced to Maria Stepanovna:</i></p> <p><i>"If they don't stop this outrageous behaviour, I shall leave the country [1;5]</i></p>
---	--

В данном отрывке интерес вызывают две ситуативные реалии: «В 1919 году отняли 5 комнат из 3», и «если они не прекратят эти безобразия, я уеду за границу». Если рассматривать эти фразы вне контекста, они будут непонятны для иностранного читателя.

В Советской России в 1918-1920 годах происходило уплотнение – изъятие «излишков жилплощади» в пользу (как правило) лиц пролетарского происхождения. Отстоять свои квартиры удалось лишь небольшому числу людей, которые смогли получить защиту от представителей новой власти. Герой произведения - профессор, которому не нравилась данная политика, угрожает уехать за границу, как делали многие ученые в то время.

Ситуативные реалии не вызывают особых трудностей при переводе, и в данном случае переводчик использует полный эквивалент. *Three of the Professor's five rooms were taken away* в дословном переводе звучит как: Три из пяти комнат профессора были отняты. Переводчик заменил глагол активного действительного залога в форме 3 лица множественного числа *отняли* страдательным залогом *were taken away* (*были отняты*). Такой прием объясняется тем, что в английском языке, в отличие от русского, глагол не может быть без подлежащего, а в данном случае предложение безличное, и подлежащего нет, поэтому подлежащим стали три комнаты.

Рассмотрим следующий пример:

М.А. Булгаков «Роковые яйца»	Michael Karpelson The fatal eggs
2. Дуня- уборщица оказалась в роще за совхозом <...> [8;124]	<i>Dunya the cleaner was in the woods behind the state farm <...> [8;47]</i>

Совхоз (сокращение от советское хозяйство) — государственное сельскохозяйственное предприятие в СССР. Совхозы начали создаваться после опубликования Декрета о земле от 27 октября (9 ноября) 1917, на базе отдельных помещичьих имений. Работающие в совхозах были наёмными работниками, получавшими фиксированную заработную плату в денежной форме [Википедия, <https://ru.wikipedia.org/wiki/Совхоз>].

Переводчик использует описательный перевод советизма: *state farm* (*государственная ферма*). Однако понятие «ферма» больше подходит для Запада, чем для России, поэтому в переводе можно было обойтись калькой *sovkhos*, которая уже укоренилась в различных культурах и не требует объяснений.

<p>3. В 23-м году Персигов уже читал 8 раз в неделю - 3 в институте и 5 в университете, в 24-м году 13 раз в неделю и, кроме того, на рабфаках <...> [1;61]</p>	<p><i>In 'twenty-three Persikov gave eight lectures a week, three at the Institute and five at the University, in 'twenty-four thirteen a week, not including the ones at workers' schools <...> [1;7]</i></p>
--	--

Рабочий факультет (сокращённо рабфак) — учреждение системы народного образования в СССР (курсы, позже собственно факультеты), которое подготавливало рабочих и крестьян для поступления в высшие учебные заведения, существовавшие с 1919 года до середины 1930-х годов [Википедия, https://ru.wikipedia.org/wiki/Рабочий_факультет].

В оригинале использовано сокращение рабфак, переводчик использовал полный вариант данного лексико-словообразовательного советизма и заменил факультет на школу (*workers' schools-школы для рабочих*). На наш взгляд, данный перевод неточный, так как иностранный читатель не поймет о какой реалии идет речь. В данном случае, необходимо делать описательный перевод или сноску с объяснением явления.

<p>4.Надо сказать, что вдова отца протоиерея Савватия Дроздова, скончавшегося в 26-м году от антирелигиозных огорчений, не опустила рук, а основала замечательное куроводство [5;84].</p>	<p><i>It must be said that instead of losing heart, the widow of Father Sawaty Drozdov, who had died in twenty-six of anti-religious mortification, set up a nice little poultry business [5;21].</i></p>
---	---

В данном отрывке интерес вызывает ситуативная реалья: *Отец протоиерей Савватий Дроздов, скончался в 26-м году от антирелигиозных огорчений*. Помимо пропаганды атеизма, государственными органами в 1920-е — 1930-е осуществлялись массовые аресты и преследование духовенства и религиозных проповедников. Вплоть до 1939 года политика ликвидации организованной религиозной жизни проводилась в административном порядке органами государственной власти.

Переводчик использует эквивалент *anti-religious mortification*. У слова *mortification* несколько значений в русском языке: унижение, подавление, огорчение. Данный перевод можно назвать удачным

5. <...>Я давно хотел познакомить московский пролетариат с результатами моего открытия...» [4;81]	<...>'I've wanted to tell the workers of Moscow the results of my discovery for some time...'" [4;21]
--	--

Пролетариат - в капиталистическом обществе класс, источником средств существования которого является заработная плата, а единственным имеющим материальную ценность достоянием – его рабочая сила. До 1961 г. советский режим официально определялся как «диктатура пролетариата» [Википедия, <https://ru.wikipedia.org/wiki/Пролетариат>].

Карпельсон использовал гипо - гиперонимический перевод, и заменил класс на отдельных рабочих (workers). Конечно, пролетариат – это рабочие, однако в данном случае, на наш взгляд удачнее было бы сделать транскрипцию с объяснением, так как у иностранного читателя не будет полного понимания советизма.

М.А. Булгаков «Роковые яйца»	Michael Karpelson The fatal eggs
6. Образована чрезвычайная комиссия по борьбе с куриной чумой в составе наркомздрава, наркомзема <...> [6;101]	An extraordinary commission has been set up to fight the fowl plague consisting of the People's Commissar of Health, the People's Commissar of Agriculture <...> [6;33]

Народный комиссариат, наркомат, в Советском государстве в 1917—46 центральный орган государственного отраслевого управления. Первые наркоматы были образованы постановлением «Об учреждении Совета Народных Комиссаров», принятым 2-м Всероссийским съездом Советов 26 октября (8 ноября) 1917.

Народный комиссариат здравоохранения СССР (Наркомздрав СССР) — орган государственной власти СССР в ранге министерства, управлявший развитием здравоохранения с 1936 по 1946 год. В непосредственное подчинение Наркомздрава СССР перешли наиболее крупные курорты, санатории, лечебницы спецназначения, заводы медицинской промышленности, медицинские научно-исследовательские институты и учреждения санитарного надзора. Народный комиссариат земледелия СССР (Наркомзем СССР, НКЗ СССР) — государственный орган СССР в ранге министерства, ответственный за планирование и руководство сельскохозяйственным

производством СССР [Википедия,[https://ru.wikipedia.org/wiki/Народный комиссариат здравоохранения СССР](https://ru.wikipedia.org/wiki/Народный_комиссариат_здравоохранения_СССР)].

Переводчик использовал полный вариант советизмов *наркомздрав* и *наркомзем*: *People's Commissar of Health, the People's Commissar of Agriculture*. Такой перевод можно назвать удачным, так как точно передана суть названий.

Рассмотрев вышеперечисленные примеры, можно сделать вывод, что реалии культуры повседневности трудно передать на иностранный язык. Поэтому переводчик должен уделять особое внимание не только языковой составляющей, но также детально изучать и культурный компонент народа-носителя переводящего языка. Это необходимо для создания качественного и адекватного исходному тексту перевода. Если переводчик видит, что читатель не поймет ту или иную реалию, лучше делать сноску с объяснением. Конечно, при этом может потеряться колорит текста, но иностранный читатель поймет, о чем идет речь.

Список литературы:

Капкан М.В. Культура повседневности: учебное пособие [Текст]/М.В. Капкан. — М-во образования и науки Рос. Федерации, Урал. федер. ун-т. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2016. — С. 110

Козлова Н. Повседневность// Современная западная философия: Словарь. — 2-е изд., переработанное и дополненное. — М.: ТОН. — Остожье, 1998-С. 318 — 319

Кошман Л.В. Культура повседневности [электронный ресурс] /Л.В. Кошман // Фонд знаний «Ломоносов», 2011. Режим доступа: <http://www.lomonosov-fund.ru/enc/ru/encyclopedia:0134587>

Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре [Текст]/ Ю.М. Лотман - СПб.: ТЕМП, 1997.- С. 10

Марков Б.В. Культура повседневности [Текст]/ Б.В. Марков. Уч. Пос. изд. Питер, 2008, — С. 27

Менглинова Л. Б. Апокалиптический миф в сатирической прозе М. А. Булгакова [Текст]/ Л.Б. Менглинова// Вестник КузГТУ, 2006. — С. 138-143

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. — М.: «А ТЕМП», 2004.- С. 66.

Скопинцева Т.Ю. Теория и история культуры повседневности России [Текст]: учебное пособие / Т.Ю. Скопинцева. — Оренбург.: ОГУ, 2010. — С. 142с.

Соколов Б.В. Булгаков. Мастер и демоны судьбы [электронный ресурс]. Режим доступа: <http://iknigi.net/avtor-boris-vadimovich-sokolov/111553-bulgakov-master-i-demony-sudby-boris-sokolov/read/page-1.html>

Теория культуры: Учебное пособие/ Под. ред. *С.Н. Иконниковой, В.П. Большакова* СПб.: Питер, 2008. — С. 592 с

Толковый словарь Ушакова [электронный ресурс] Режим доступа: <http://ushakovdictionary.ru/>

Википедия [электронный ресурс] Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/>

Кольцов С.В.
Высшая школа перевода
МГУ имени М.В. Ломоносова
г. Москва (Россия)

Koltsov Sergey
Higher School of Translation and Interpreting (faculty)
Moscow State University
Moscow (Russia)

АСИММЕТРИЯ В ПЕРЕДАЧЕ ВНЕШНОСТИ В ПЕРЕВОДЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА М.А. БУЛГАКОВА «БЕЛАЯ ГВАРДИЯ» И ПОВЕСТИ «СОБАЧЬЕ СЕРДЦЕ»)

THE PHYSICAL DESCRIPTION ASIMMETRY IN TRANSLATION OF THE NOVELS “THE WHITE GUARD” AND “THE HEART OF A DOG” WRITTEN BY MIKHAIL BULGAKOV

В статье поднимается вопрос о проблемах, возникающих при переводе художественного текста на иностранный язык, в данном случае на французский. К сожалению при переводе не всегда удаётся полностью передать задумку автора. Это происходит по многим причинам. Одной из этих причин является асимметрия. Асимметрия – это своеобразное несоответствие фрагмента на языке А и на языке Б. В данной статье мы рассмотрим только асимметрию, возникающую при переводе внешности .

The article deals with problems appearing in translation of a literary text into a foreign language, in this case French. Unfortunately, while translating sometimes it is impossible to fully convey the author's idea. This happens for many reasons. One of these reasons is the asymmetry. Asymmetry is a kind of divergence between the target and source languages. In this article the physical description asymmetry in translation of characters in the novels “The white guard” and “The heart of a dog” written by Mikhail Bulgakov will be studied.

Ключевые слова: Булгаков, Собачье сердце, Белая гвардия, асимметрия, портрет.

Key words: Mikhail Bulgakov, “The heart of a dog”, “The white guard”, asymmetry, portrait, translation.

Проблема создания художественного образа героя и действующих лиц произведения, несомненно, является ключевой как в классической, так и в современной литературе. Внешность людей, ее изменения во времени и в пространстве, способы имплицитной характеристики действующих лиц литературного произведения представляют несомненный интерес для литературоведческого, а также для культурологического анализа, поскольку, создавая образы людей, писатель одновременно создает образ своего времени и своей культуры.

Внешность человека, будучи, с одной стороны, универсальной для всех культур, в то же время несет в себе национально-культурную составляющую, а образ, создаваемый автором, несет на себе несомненный отпечаток его индивидуальности и

современности. Все эти аспекты, рассматриваемые в совокупности, могут, по нашему мнению, составить основу для сопоставительного анализа.

Материалом настоящего исследования стали произведения М.А. Булгакова и их переводы на французский язык. Перевод романа «Белая гвардия» был выполнен К. Лигни и вышел в издательстве. Перевод повести «Собачье сердце» был сделан В. Волковым.

Необходимо отметить мировую известность этих произведения, которая и обусловила особый интерес к сопоставлению текстов оригинала и перевода с целью выявления лингвокультурологической асимметрии.

В настоящее время все большее значение начинает иметь межкультурная коммуникация. Активное развитие наблюдается не только в области обмена знаниями и технологией, но и в области культурного обмена между различными странами. В таких условиях, в рамках всеобщей глобализации, все большее значение начинает иметь основной инструмент для передачи данных – язык, подвергающийся постоянным трансформациям.

Язык является отражением культуры своего народа, ему свойственно следовать за преобразованиями, которые проходит его культура. Удачное высказывание на эту тему можно найти, к примеру, у Сепира: «Культуру можно определить как то, что данное общество делает и думает. Язык же есть то, как думают... Само собой разумеется, что содержание языка неразрывно связано с культурой» [Сепир, с. 223]. Как отметила Л.В. Гарская, «в языке отображается не только реальный мир, окружающий человека, не только образ его жизни и поведение, но и общественное самосознание этноса, национальный характер, традиции, обычаи, система ценностей, мироощущение». [Гарская, 1] Поскольку у каждого народа свой путь, выражающийся в исторических условиях и особенностях их восприятия, каждый язык также уникален по своей сути. Встречаясь на своем пути развития с новым феноменом, который ранее нигде не встречался, народ вынужден придумывать его описание, которое впоследствии становится составляющей национальной культуры. Гумбольдт говорил, что любой язык – это продукт синтеза понятий, в процессе которого создаются новые формы и смыслы, которых не было в частях языка, взятых по отдельности. Причем совершенство языка определяется глубиной и органичностью синтеза элементов. Среди критериев совершенства языка Гумбольдт выделяет уровень образования выражений и логическую связь получаемых понятий [Потебня, 23]. Язык формируется в результате переплетения различных образов, вследствие чего образуется своеобразная философия, которая в основном опирается на контекстные знаки, культурные предпосылки, нежели

чем на явно выраженный смысл. Очевидно, что и этот фактор тоже с легкостью можно назвать дополнительным барьером в передаче идей на иностранном языке.

Язык – это результат не только поиска способа передачи рациональной информации, но и отражение эмоционального и духовного состояния народа. В языке фиксируются принципиальные основы видения мира представителями данной нации, которые передаются в форме лексических, фонетических и грамматических конструкций последующим поколениям. Таким образом, язык предопределяет основу отношений его носителя с внешним миром, помогая остальным внешним факторам формировать его мировоззрение.

Неудивительно, что в межкультурной коммуникации особое место естественным образом отводится переводу. Потребность в качественном и полном переводе становится все выше, и многие специалисты приходят к необходимости разработки новых методик получения качественного перевода, который бы абсолютно точно передавал смысл исходного текста на другом языке. Процесс перевода построен на том факте, что все языки обладают общей логической базой, представляющей собой ядро понимания мироздания, которое не зависит от национальности и культуры. Эта база дает возможность транспонировать информацию, выраженную на одном языке, в другой.

Однако на пути к созданию идеального, отвечающего всем требованиям качества перевода перед специалистом встает множество проблем, связанных с самыми разнообразными аспектами переводческой деятельности. С трудностями, связанными с особенностями этого вида коммуникации, сталкивается любой, даже самый талантливый и опытный переводчик. Его главная задача – с точностью передать содержание, смысл и эмоциональную нагрузку текста на другом языке, но при этом фоновые знания, подразумеваемые в тексте, и фоновые знания, которыми обладают реципиенты данного текста, могут существенно различаться.

Таким образом, одним из важнейших факторов, которые оказывают влияние на деятельность переводчика, является различие между культурным наполнением исходного языка текста и переводящим языком. Текст необходимо перенести в другую культурную среду, воссоздав стиль и смысловую нагрузку оригинала. Для этого переводчику необходимо сначала создать модель переводимого текста внутри себя, а затем перенести эту модель в среду переводящего языка. При этом качество перевода, во многом определяемое адекватностью построенной модели, будет определяться не только степенью информированности переводчика, но также и схожестью мышления автора с переводчиком, а также характером мышления самого переводчика.

Специалисты определяют проблему как феномен межкультурной асимметрии, которая, на самом деле, возникает при попытке перевода практически любого текста на иностранный язык.

Трактовка этого термина основана на общепринятом понятии симметрии и асимметрии. Асимметрия в данном случае означает расхождение между какими-либо двумя понятиями, наличие несоответствий, различий. Иными словами, асимметрия – отсутствие единообразия в трактовке единиц.

Перейдем к рассмотрению конкретных примеров переводческой асимметрии в передаче портретных характеристик в произведении «Белая гвардия» и ее перевода на французский язык.

<i>... её рыжеватая голова</i>	<i>... la tête rousse d'Hélène</i>	Французский переводчик передают цвет волос более конкретно, используя термин рыжие волосы. На мой взгляд переводчик не совсем понял цвет волос, так как во французском языке есть слово передающее этот цвет roussâtre. Почти совсем отсутствует внешний портрет Елены Тальберг, лишь одна деталь, варьируясь и видоизменяясь, возникает вновь и вновь — рыжеватые волосы ее. Духовный портрет Елены создается средствами сценическими, через монтаж таких проявлений, как взгляд, улыбка, голос, жест, смена выражений лица — без характеристики самого лица. Прекрасны любовь Елены к братьям, забота о них, ее доброта, мягкость, гостеприимство, мужественность.
<i>Её глаза черно - испуганы</i>	<i>Ses yeux sont assombris par la frayeur</i>	(дословно) её глаза потемнели от страха) французский вариант не передаёт экспрессию, заложенную автором в русской версии.
<i>На противоположном – Мышлаевский, мохнат, бел, в халате, и лицо в пятнах от водки и</i>	<i>A l'autre bout, en face d'elle, est assis Mychlaievski, drapé dans son peignoir blanc</i>	Переводчик конкретизирует нарисованный автором портрет, избавляясь от заложенной в нем загадки.

<p>бешеной усталости. Глаза его в красных кольцах – стужа, пережитый страх, водка, злоба.</p>	<p><i>duveteux, le visage marbré par la vodka et une mortelle fatigue. Le froid, la peur, la vodka, la haine ont rougi ses yeux.</i></p>	
---	--	--

Обратимся к примерам из повести «Собачье сердце».

<p><i>Но вот тело моё изломанное, битое, надругались над ним люди достаточно.</i></p>	<p><i>Mon corps, lui, est rompu, fracassé, les hommes l'ont tyrannisé à satiété.</i></p>	<p>Во французском варианте слово надругались заменено на издевались, не несущее такой стилистической окраски. Это происходит потому что во французском языке идет разделение на духовное и телесное. Поэтому все глаголы, которые обозначают надругались не подходят, так как они связаны с духовным проявлением.</p>
<p>– Во-первых, мы не господа, – молвил, наконец, самый юный из четверых, персикового вида. – Во-первых, – перебил его Филипп Филиппович, – вы мужчина или женщина? Четверо вновь смолкли и открыли рты. На этот раз опомнился первый тот, с копной. – Какая разница, товарищ? – спросил он горделиво. – Я – женщина, – признался персиковый юноша в кожаной куртке и сильно покраснел. Вслед за ним покраснел почему- то густейшим образом один из вошедших – блондин в папаше. – В таком случае вы можете оставаться в кепке, а вас, милостивый государь, прошу снять ваш головной убор, – внушительно сказал Филипп Филиппович.</p>	<p><i>D'abord, nous ne sommes pas des messieurs, prononça enfin le plus jeune des quatre, qui avait un teint de pêche. — D'abord, l'interrompit Philippe Philippovitch, êtes-vous un homme ou une femme ? Les quatre se tinrent cois, la bouche ouverte. Cette fois-ci, le premier à retrouver ses esprits fut celui à la meule. — Quelle différence y a- t-il, camarade? demanda-t-il avec hauteur. — Je suis une femme, avoua la jeune pêche qui portait une veste de cuir, et elle rougit beaucoup. A sa suite, l'un des visiteurs, un blond à bonnet en peau de mouton, rougit jusqu'aux yeux sans qu'on sût pourquoi. — Dans ce cas, vous pouvez garder votre</i></p>	<p>У французского переводчика заменен персиковый вид, на персиковую кожу. Во французском варианте покраснел густейшим образом заменено на покраснел до глаз. То есть переводчик показывает не интенсивность, а масштаб. Языковая игра автора заменяется языковой игрой переводчика, однако она имеет несколько другой смысл.</p>

	<i>casquette, mais vous, mon bon monsieur, je vous demanderai d'ôter votre coiffure, dit Philippe Philippovitch avec conviction.</i>	
--	--	--

Таким образом, межкультурная асимметрия действительно является серьезным препятствием на пути полноценной передачи авторского замысла на отличном от изначального языке. Это связано, в первую очередь, с различием в восприятии различных явлений на уровне языковой группы. Различия в восприятии некоторых явлений обуславливаются уникальностью исторического и культурного пути развития каждого народа. В результате следования собственному, уникальному вектору развития, каждый народ вырабатывает свойственные только ему черты и явления, которые и создают основные сложности при попытке передачи авторского замысла на ином языке.

Список литературы:

- Сепир Э.* Избранные труды по языкознанию и культурологии. / Э. Сепир – М., 1993. – 656 с.
- Гарская Л.В.* Социокультурный аспект коммуникации: этнолингвистическая и лингводидактическая проблемы. / Л.В. Гарская Вестник Самарского Государственного Университета, № 1, 2002, с. 1-14.
- Потебня А.А.* Из записок по русской грамматике. Т. I-II / А.А. Потебня М., 1958. – 161 с.
- Bulgakov M.* La garde blanche. / M. Bulgakov – Paris, 2015, 15 p.
- Bulgakov M.* Coeur de chien. / M. Bulgakov– Paris, 2007, 20 p.
- Булгаков М.А.* Белая гвардия. / М.А. Булгаков Белая гвардия Мастер и Маргарита – Минск, 1988, 15 с.
- Булгаков М.А.* Собачье сердце / М.А. Булгаков – М.: Изд-во ЭКСМО, 2012, 20 с.

Коровкина М.Е.
МГИМО МИД РФ
г. Москва (Россия)

Korovkina Marina
MGIMO-University
Moscow (Russia)

ОБ ИНТЕРПРЕТАЦИОННЫХ И КОМПЕТЕНТНОСТНЫХ ФАКТОРАХ ПЕРЕВОДА

INTERPRETATION AND COMPETENCE FACTORS OF TRANSLATION

В статье рассматривается сложное взаимодействие компетентностных и интерпретационных факторов перевода. Интерпретация в переводе означает не только осмысление и толкование смысла ИЯ/ВТ (исходного языка/текста), но и его перевыражение лингвоспецифичными средствами ПЯ (переводящего языка – языка перевода). Границы интерпретации устанавливаются инвариантом смысла, правильное толкование которого требует высокого уровня развития компетенций переводчика. Компетентностный фактор в переводе неразрывно связан с личностью переводчика. При низком уровне развития языкового и концептуального тезаурусов переводчика он действует отрицательно, ограничивая возможности интерпретационного фактора. Хорошо развитые переводческие компетенции обеспечивают способность переводчика к глубокому осмыслению пресуппозиций и импликаций в ИЯ, служащих основанием для интерпретации в переводе и критерием выбора переводческих трансформаций, применяемым с целью преодоления межъязыковых асимметрий и недопущения межъязыковой интерференции. Межъязыковые асимметрии проявляются на всех уровнях языка и могут стать причиной межъязыковой интерференции, приводящей к языковым и переводческим ошибкам. Специфика действия компетентностного фактора зависит от направления перевода: при переводе с иностранного языка на родной главной трудностью является первая фаза интерпретации – осмысление и толкование смысла, при переводе с родного на иностранный – вторая фаза: подбор лингвоспецифичных средств выражения инварианта смысла.

The article deals with a complex interrelation of competence and interpretation factors of translation. In translation the interpretation implies both the understanding of the sense presented in the Source Language/Source Text (SL/ST), and its expression in the Target Language/Target Text (TL/TT) utilizing linguo-specific means. The limits or boundaries of interpretation are established by the invariant sense, and its adequate rendering requires a high level of translator competences. The competence factor of translation is intrinsically tied to the translator's personality. When the translator's language and conceptual thesaurus is poorly developed, this factor serves as a negative one, as it limits the interpretation factor. Well-developed translator competences facilitate an in-depth understanding of presuppositions and implications in the SL, which serve as the basis for interpretation in translation and the criterion for the choice of translator transformations (shifts) used to cope with interlanguage asymmetries and prevent interlanguage interference. Interlanguage asymmetries are present at all language levels and can cause interlanguage interference that, in its turn, leads to language and translation errors. Competence factor produces specific impacts depending on the direction of translation: in the course of translation from the foreign language into the mother tongue the challenge is presented by the first phase of interpretation – understanding, while in the course of translation from the mother tongue into the foreign language the difficulty lies in the choice of idiomatic means to express the invariant sense.

Ключевые слова: перевод, интерпретация, профессиональные переводческие компетенции (ППК), инвариант смысла, переводческая трансформация, межъязыковые

асимметрии, языковой тезаурус, концептуальный тезаурус, пресуппозиции, интерференция

Keywords: translation, interpretation, professional translator competences (PTC), invariant sense, translation transformation (shift), interlanguage asymmetries, language thesaurus, conceptual thesaurus, presuppositions, interference

В качестве первого шага при переводе переводчик в своем стремлении точнее передать смысл исходного языка и текста (ИЯ, ИТ) старается сохранить не только семантику, но и структуру оригинала. Передача структурно-семантических особенностей ИТ в ПЯ/ПТ возможна только при языковых параллелизмах, что наблюдается на четвертом и пятом уровнях эквивалентности, согласно модели В.Н. Комиссарова [Комиссаров, 2002, с. 119-130]. При наличии межъязыковых асимметрий (первый–третий уровни его модели) дословное воспроизведение структурно-семантических особенностей ИЯ/ ИТ приводит к буквализмам и искажению смысла. В подобных случаях необходим отход от структурно-семантических особенностей ИЯ/ ИТ, т.е. девербализация инварианта смысла, и его переформулирование лингвоспецифичными средствами ПЯ (его ревербализация в ПТ). Ключевым моментом остается сохранение инварианта смысла ИТ, ведь целью перевода как акта межкультурной коммуникации является передача коммуникативно значимой и контекстуально обусловленной информации ИТ в ПТ.

Основной трудностью при этом становится умение отличать языковой параллелизм от межъязыковых асимметрий, представляющих собой контекстуальные несоответствия, вызываемые своеобразием языковых картин мира ИЯ и ПЯ. Анализ межъязыковых асимметрий показывает, что все они связаны с прагматическими факторами перевода. Это значит, что переводчик, кроме знания ИЯ и ПЯ, должен обладать способностью различать особенности построения дискурса в ИТ и ПТ, а также экстралингвистическими знаниями, способствующими правильному осмыслению ИТ и его интерпретации. Это помогает находить готовые переводческие соответствия в ПТ или применять переводческие трансформации для передачи инварианта смысла в случае межъязыковых асимметрий, когда буквальный перевод, как уже было сказано, невозможен.

Таким образом, кроме знаний ИЯ и ПЯ, владения технической стороной перевода (способностью к переключению с одного языка на другой и девербализацией/ревербализацией инварианта смысла), переводчик должен располагать знаниями о внеязыковой действительности. Возможность вовлечения в перевод внеязыковой ситуации основывается на общности знаний коммуникантов – участников

межкультурной коммуникации, что на практике реализуется в необходимости владения переводчиком, выполняющим роль межъязыкового и межкультурного посредника, пресуппозициями в ИЯ и ПЯ [Падучева, 1985; Лурия, 1998; Филлмор (Fillmore), 1969]. Пресуппозиции могут быть языковыми – семантическими, указывающими на определенные семы или компоненты смысла в словах, и референциальными, выделяющими конкретные денотаты (референты). Кроме того, они могут быть прагматическими, относящимися ко всей внеязыковой ситуации, описываемой в тексте или в его отрезке (фоновыми знаниями).

Осознание пресуппозиций позволяет переводчику в процессе перевода проводить постоянный анализ лингвистических, дискурсивных, экстралингвистических и прагматических особенностей ИТ для их последующей передачи в ПТ с сохранением инварианта смысла. Кроме знания пресуппозиций, он должен владеть целым комплексом профессиональных переводческих компетенций, умений и навыков. Этот комплекс представлен ниже в виде блок-схемы – модели профессиональных переводческих компетенций (ППК), отражающей в сжатой, компактной форме компетентностный фактор перевода. Такая модель основана на достижениях отечественных и зарубежных ученых, работающих в этой области [Гавриленко, 2008], представителей испанской школы перевода [Ороско (Orozco), 1996] [Пресас (Presas), 1996].

В эту модель входят три блока компетенций. Первый блок – *коммуникативная компетенция* – включает *лингвистическую (языковую)* и *прагматическую* составляющие. Последняя состоит из *дейктической* (характеризующей параметры коммуникативной ситуации), *дискурсивной* (учитывающей правила построения текста в ИЯ и ПТ) и *социокультурной* (реализующей межкультурную компетенцию в речи) подкомпетенций.

Второй блок отражает *экстралингвистическую компетенцию*, соотносящуюся с языковым и концептуальным тезаурусом личности переводчика и объединяющую знания: а) *культурного контекста* двух языков (т.е. межкультурные сведения) б) *предметных областей*; в) и *информацию о мире* (энциклопедические представления). Эта компетенция подразумевает знания упомянутых выше пресуппозиций ИЯ и ПЯ, что означает владение картиной мира двух языков. Картина мира родного языка, хотя и формируется с детства, некоторые ее аспекты расширяются и углубляются в процессе обучения. Картину мира иностранного языка человек осваивает только в процессе обучения (если речь не идет о биллингвизме).

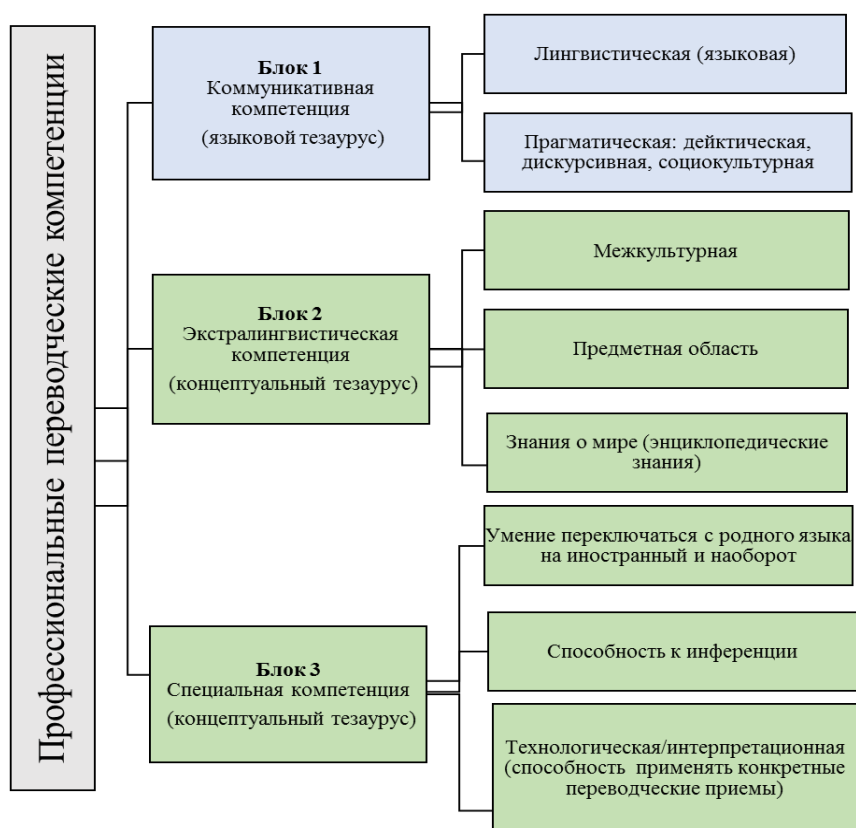
Третий блок модели ППК объединяет *профессиональные компетенции* переводчика, т.е. его специфические когнитивные способности в области обработки информации и переводческой интерпретации, о чем речь пойдет ниже. Он также состоит из нескольких компонентов:

а) *способности к переключению* – умению переключаться с ИЯ на ПЯ, переходя от поверхностных языковых структур к глубинным смысловым и наоборот (от девербализации к ревербализации);

б) *способности к инференции* – умению делать логические выводы на основе понимания имплицитных структур языка и речи (подтекста). Такое понимание при описании ситуации в ИЯ и ПЯ, связанное со знанием пресуппозиций, способствует формированию следующей когнитивной способности, также входящей в третий блок;

в) *технологической (интерпретационной)*, позволяющей применять конкретные переводческие трансформации и приемы в случаях межъязыковой асимметрии.

Рис. 1. Модель профессиональных переводческих компетенций

[Коровкина, 2017]

Модель ППК универсальна и эффективна при любых видах перевода (письменного и устного – синхронного и последовательного). Она наглядно показывает, каким сложным комплексом профессиональных компетенций должен

располагать переводчик, для того чтобы быть способным правильно интерпретировать смысл ИТ и передавать его инвариант в ПТ.

Интерпретацию мы трактуем в духе семиотических подходов к переводу. Прежде всего, это – «фундаментальное действие интеллекта – понимание и объяснение» [Крюков, 1988, с. 44]. Однако интерпретация в переводе, в отличие от других областей, имеет двоякую цель – здесь речь идет не только о выявлении смысла в ИТ, но и о его толковании и воссоздании в ПТ с помощью выразительных лингвоспецифичных средств ПЯ [Гарбовский, 2004, с.213; Иванов, 2014, с.120, 129; Мишкурин, 2013, с. 71]. При переводе отходу от инварианта смысла препятствует необходимость соблюдения требования переводческой эквивалентности, в соответствии с которым стараются передать не только смысл, но и форму единицы перевода. Разные виды буквализмов, выражающиеся в ПТ кальками различного вида, можно обойти, выполняя требование адекватности. При учете прагматических факторов в процессе перевода эквивалентность и адекватность тесно взаимодействуют. По мнению Н.В. Иванова, эквивалентность означает соответствие ПТ тексту ИЯ по форме, а адекватность – по содержанию [Иванов, 2015, с. 54]. Взаимоотношения и взаимодействия факторов эквивалентности и адекватности в переводе убедительно подтверждает следующая цитата: «Категория эквивалентности представляет собой установку на максимально полное содержательное, стилистическое, функциональное соответствие между ИТ и ПТ, на воспроизведение индивидуального авторского стиля для определенных типов текста, а категория адекватности направлена на приближение переводного текста к восприятию получателей в другом языке и культуре» [Евтеев, 2017, с. 265]. Подытоживая сказанное, можно прийти к заключению, что эквивалентность направлена на ИТ, а адекватность – на ПТ. При отсутствии языковых параллелизмов между ИТ и ПТ переводчик ищет адекватные выразительные средства в ПТ, т.е. обращается к интерпретации.

Это происходит, прежде всего, в случаях межъязыковых асимметрий, которые проявляются на всех уровнях языка и речи – на грамматическом, семантическом, стилистическом и прагматическом, – и могут приводить к пресуппозиционной языковой интерференции и языковым ошибкам в аспекте ПЯ/ПТ. Знание пресуппозиций, отражающих различия в картинах мира ИЯ и ПЯ, помогает переводчику избегать буквализмов и искажений или даже потери смысла: он предвидит и осознает факт межъязыковой асимметрии и преодолевает ее, прибегая к переводческим трансформациям.

Трансформации мы рассматриваем как интерпретационные фигуры, в основе которых лежит оппозиция смысла и референции. В практической плоскости это ведет к взаимозаменяемости элементов и признаков описания ситуации в двух языках. Ради сохранения смысла переводчик меняет способ языкового выражения и порядок обозначения реальности, выбирая способы описания предметной ситуации, типичные для ПЯ.

Систематизация переводческих трансформаций и приемов, содействующих разрешению проблем межъязыковой асимметрии, снижает уровень интерференции при переводе с родного языка на иностранный и повышает качество перевода.

В лингвокультурном, предметном и собственно языковом аспектах преодоление возможных случаев интерференции может достигаться самыми различными способами. Это может быть замена образа, нейтрализация образа путем семантического преобразования, использование приема семантического стяжения, различного вида метонимий (собственно метонимий, генерализаций, конкретизаций, антонимического перевода). Практически во всех трансформациях, так или иначе, происходит изменение либо адреса, либо порядка предметного обозначения. Рассмотрим различные варианты более подробно.

Прежде всего, межъязыковые асимметрии, разрешаемые при помощи переводческих трансформаций и приемов перевода, вызваны различиями в семантической структуре слова, что проявляется в несовпадениях в:

- образах, лежащих в основании метафор. Для преодоления таких различий применяются следующие приемы:

- замена образа:

*Он предостерег министров от «головокружения от успехов» и велел заботиться «о закромах Родины». – He warned ministers against getting dizzy with success and told them to be thrifty with **treasury funds/treasury coffers**.*

- описательный перевод (по сути представляющий собой метонимию): *Президент вспомнил и про закрома Родины. – The president said that the government must be **thrifty**.* - метонимия-термин:

- a) *Мы не можем позволить себе ситуацию, при которой будем распределять то, чего нет в закромах Родины». - “We cannot afford to allocate funds which will not be available **in the budget**”.*

- b) *С закромами в 2002 году все будет в порядке, если цены на нефть не спустятся ниже \$ 23,5 за баррель. . – **The 2002 budget** will have a surplus if the oil price does not fall below \$23.5 per barrel.*

Выше были приведены примеры перевода развернутой метафоры (термин А.Д.Швейцера, 1973) русского языка «закрома Родины», значение которой обыгрывается в тексте. В связи с этим она переводится на английский язык при помощи разных переводческих приемов, в зависимости от контекстуальной интерпретации смысла.

- сочетаемости, которая также зависит от семантической структуры слова. Например:

Экономический кризис 1998 г. поставил положение компании под угрозу, поскольку покупательная способность российских потребителей резко сократилась. – The 1998 economic crisis threatened that position, as the purchasing power of Russian consumers was dramatically curtailed.

Основные ошибки при переводе словосочетаний выражаются в передаче прямого (буквального) значения слова вместо переносного (метафоричного): часто стертая метафора не воспринимается как метафора.

- признаках описания ситуации, что обуславливает метонимические сдвиги, включающие конкретизацию, генерализацию, различного вида конверсивы. Несовпадения в картинах мира приводят к межъязыковым асимметриям, что проявляется в различиях в выборе признаков описания ситуации. На замене признаков, их импликации или, наоборот, экспликации, основаны все семантические трансформации, которые по сути представляют собой различные виды метонимий. Рассмотрим возможные варианты.

- **Конкретизация** заключается в уточнении, конкретизации при переводе смысла слов широкой семантики русского языка, в соответствии с требованиями контекста и нормами сочетаемости. Например:

Ресурсы, сконцентрированные в государственных финансах, вновь направляются в народное хозяйство в виде различных вложений... - Resources accumulated by the government are reallocated into the national economy as industrial subsidies and social allowances.

Деньги или на проекты, которые терпели крах или приносили слишком мало прибыли. – The money was wasted on projects that went bankrupt or could not generate sufficient profits.

- **Генерализация** используется при необходимости замены слова русского языка с более узкой семантикой английским словом более широкой семантики:

*Различаются два типа ценных бумаг: фондовые (акции, облигации) и коммерческие (векселя, чеки). – **There are two types of securities: stock (shares and bonds) and commercial (bills and cheques).***

*Правительство – самый полезный союзник компаний в борьбе с конкурентами. – **The government is the most useful ally a company can have when dealing with competitors.***

- Собственно **метонимии** – при их использовании возможны разные виды преобразований, соответствующие логическим отношениям между признаками описания ситуации в ИЯ и ПЯ. Это может быть замена процесса причиной или результатом, причины – следствием, исходной фазы действия конечной и наоборот и т.д.:

*При проведении аудиторских проверок в соответствии как с российскими, так и международными стандартами, KPMG использует свою уникальную методiku. – **To conduct auditing activities according to Russian and international standards KPMG has developed unique methods.** (процесс – результат).*

*Многие люди, потерявшие работу, до сих пор ее не нашли. – **Many of those who have lost their jobs are still unemployed.** (причина – следствие).*

- **Антонимический перевод**, представляющий собой замену отрицательной формы утвердительной и наоборот.

*Участники согласились, что главное требование к закону – чтобы он не давал возможности использовать банкротство в недобросовестной конкурентной борьбе. – **The participants agreed that the new law should prevent unscrupulous competitors from using bankruptcy as a tool in corporate battles.***

Выше были представлены примеры наиболее часто встречающихся трансформаций семантического уровня – метонимий, объединяющих, в связи со взглядом на проблему с точки зрения интерпретации, все семантические сдвиги (конверсивы, контекстуальные синонимы), а также приемы перевода метафор. Объясняется это, что метафора и метонимия – два основных инструмента концептуализации и категоризации действительности: «метафора и метонимия помогают осмыслять непредметные сущности в привычных и простых представлениях и становятся настолько распространенным способом концептуализации, что не осознаются носителями языка» [Рябцева, 2005, с.58]. Именно они становятся причиной межъязыковых асимметрий. Еще одним важным языковым аспектом, связанным с языковой картиной мира, является представление в тексте имплицитной информации, т.е. имплицитных моделей языка. Нередко это выражается:

- в степени детализации описания ситуации в двух языках.

- Ярким примером более имплицитного характера английского языка может служить прием семантического стяжения, создающий емкие по смыслу обозначения в ПЯ, когда одно слово может обозначать целую ситуацию:

*Его аналитики заранее подсчитали, к каким **негативным последствиям** может привести **дальнейшее развитие сложившейся ситуации**, в том числе и для крупных игроков, если вовремя не предпринять срочных, неотложных мер. – The bank's analysts had made estimates of **the damage** that could be inflicted by **a worst-case scenario** if regulators did not take urgent measures.*

- Более имплицитный характер английского языка проявляется и на уровне синтаксиса. Важным основанием для структурно-семантических расхождений между ИЯ и ПТ может стать явление грамматического анимизма (термин В.Г.Гака, 1998), при котором неодушевленное существительное в английском языке выступает в роли субъекта действия и занимает грамматическую валентность подлежащего. В традиционных классификациях переводческих трансформаций представлены грамматические замены, когда второстепенный член русскоязычного высказывания превращается в подобное подлежащие в английском языке. На наш взгляд, это служит примером изменения баланса имплицитных и эксплицитных признаков, используемых при описании ситуации в ИТ и ПТ. Такая трансформация применяется в том случае, если в высказывании русского языка подлежащее следует за сказуемым (в случае обратного порядка слов). Например:

***Из-за корпоративных скандалов и обвала акций интернет-компаний произошло резкое падение инвестиций.** – Corporate scandals and the Internet companies' stocks collapse **triggered/caused** a drastic drop in investments.*

Иногда данную трансформацию используют и при прямом порядке слов в ИЯ, так как она позволяет сделать высказывание английского языка более имплицитным:

После нескольких лет препирательств «зеленый континент» пошел с островитянами на мировую, согласившись выплатить \$73 млн. в течение 20 лет.** - **Several years of litigation resulted in an out-of-court settlement: Australia consented to pay the island \$73 million over a period of 20 years.

Другие приемы и трансформации, традиционно выделяемые на грамматическом уровне, также связаны с имплицированием или эксплицированием признаков описания ситуации в ИЯ и ПЯ. Например, членение и объединение высказываний, развертывание редуцированного предиката и перевод цепочек существительных и др. Имплицитных моделей на уровне слов, словосочетаний и предложений-высказываний (и даже

сверхфразового единства) очень много, и они соотносятся с единицами перевода, но их сравнительно-сопоставительный анализ в ИЯ и ПЯ в задачи данной статьи не входит.

Не менее значимая проблема при интерпретации смысла при переводе возникает под влиянием экспрессивной функции языка. Стилистические приемы, выражающие экспрессию, в каждом языке лингвоспецифичны. Их перевод часто возможен только посредством стилистической адаптации или использования приема компенсации, так как при переходе от ИТ к ПТ сохранение структурно-выразительных средств языка оригинала достигается в крайне редко. Но вместе с тем смысл экспрессивных средств может и должен быть передан. Например:

*Правда, организаторы подобных трюков все чаще оказывались за решеткой: один из них – Стивен Саккоchia – в 1991 г. **загремел** на 660 лет. Услышав приговор, он спросил у судьи: «Как же я смогу просидеть так долго?» На что судья ответил: «А ты постарайся как следует». – However, today financial manipulators **masterminding** such schemes tend to **end up** behind bars more frequently. One of them, Steve Saccochia, **was sentenced** to 660 years in prison in 1991. When he heard the verdict, he asked the judge: “How can I serve such a long sentence?” The judge replied: “Try as hard as you can”.*

Глагол *загреметь* передан нейтральным глаголом *to be sentenced to*. При этом в предложении появляются такие экспрессивные глаголы как *to mastermind*, *to end up*. Конечно, измерить степень часто бывает затруднительно. Ее восприятие имеет чисто интуитивный и субъективный характер: нередко приходится полагаться на чувства и вкусы носителей языка [Коровкина, 2017, с.22]. Тем не менее, в качестве ограничительного средства всегда выступает инвариант смысла.

Сложное взаимодействие компетентностного и интерпретационного факторов перевода продемонстрировано нами на материале перевода с русского языка (ИЯ) на английский (ПЯ). Как известно, традиционно исследования по теории перевода проводятся на основе перевода с иностранного языка на родной, так как это направление долгие годы считалось единственно возможным. Перевод с иностранного на родной язык сохраняет свою значимость в международных организациях, так как при таком направлении легче контролировать интерференцию, чем при переводе с родного на иностранный язык. Однако в настоящее время перевод с родного языка на иностранный становится более востребованным, и растет интерес к научным исследованиям в этой области.

Границы интерпретации и выбор переводческой трансформации в полной мере зависят от компетентностной подготовки переводчика, от уровня его языкового мышления как вторичной языковой личности в аспекте иностранного языка как языка

перевода. В предметном аспекте его слабая компетентностная подготовка ведет к более сложным и радикальным переводческим трансформациям, почти к вольному переводу, и в целом снижает профессиональное качество перевода. А низкая языковая компетенция становится причиной недостаточного учета лингво-культурного фактора и нежелательного структурного буквализма.

Список литературы:

- Гавриленко Н.Н.* Обучение переводу в сфере профессиональной коммуникации / Н.Н.Гавриленко. М.: РУДН, 2008. 176 с.
- Гак В.Г.* Языковые преобразования / В.Г.Гак. М.: Языки русской культуры, 1998. 768 с.
- Гарбовский Н.К.* Теория перевода / Н.К.Гарбовский. М.: МГУ, 2004. 544 с.
- Евтеев С.В.* Перевод – эквивалентно – насколько возможно, и адекватно – насколько нужно // Вестник Брянского государственного университета. Исторические науки и археология / Литературоведение / Языкознание / Педагогические науки / С.В.Евтеев. Брянск: РИО БГУ, 2017. – № 1 (31). С. 262 – 267.
- Иванов Н.В.* Антиномии интерпретации: начала анализа // Язык как системная реальность в социокультурном и коммуникативном измерениях. Материалы VIII Межд. науч.конф. по актуальным проблемам теории языка и коммуникации (27 июня 2014 г. Москва) / Н.В.Иванов. М.: Международные отношения, 2014. С.110 – 135.
- Иванов Н.В.* Дихотомии перевода (к онтологическим основаниям определения научного объекта переводоведения) // Вестник МГУ. Серия 22 «Теория перевода» / Н.В.Иванов М., 2015. – № 4. С. 34 – 65.
- Комиссаров В.Н.* Современное переводоведение / В.Н.Комиссаров. М.: ЭТС, 2002. 424 с.
- Коровкина М.Е.* Теоретические аспекты смыслового моделирования специального перевода с родного языка на иностранный (на материале публицистических текстов экономической тематики) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / М.Е. Коровкина. М., 2017. 241 с.
- Коровкина М.Е.* Теоретические аспекты смыслового моделирования специального перевода с родного языка на иностранный (на материале публицистических текстов экономической тематики) : автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / М.Е. Коровкина; Военный университет МО РФ. М., 2017. 27 с.
- Крюков А.Н.* Методологические основы интерпретативной концепции перевода: дис... д-ра фил. наук : 10.02.20 / А.Н. Крюков. М., 1988. 442 с.
- Лурия А.Р.* Язык и сознание / А.Р.Лурия. Ростов н/Д.: Феникс, 1998. 416 с.
- Мишкуроев Э.Н.* О «герменевтическом повороте» в современной теории и методологии перевода (часть I) // Серия 22 «Теория перевода» / Э.Н.Мишкуроев. М.: МГУ, 2013. - № 1. С. 69 – 91.
- Падучева Е.В.* Высказывание и его соотношенность с действительностью: референциальные аспекты семантики местоимений / Е.В.Падучева. М.: Наука, 1985. 272 с.
- Рябцева Н.* Язык и естественный интеллект / Н.Рябцева. М.: Academia, 2005. 640 с.
- Швейцер А.Д.* Перевод и лингвистика / А.Д.Швейцер. М.: Воен. изд.-во Мин. обор. СССР, 1973. 280 с.
- Fillmore Ch.* Types of Lexical Information. In: Studies in Syntax and Semantics // Ed. F.Kiefer / Ch.Fillmore. Dordrecht, 1969. P. 109 – 137.
- Orozco M.* Building a Measuring Instrument for the Acquisition of Translation Competence in Trainee Translators // Teaching Translation in Universities. Present and Future

Perspectives/ edited by P. Sewell and J. Higgins / M.Orozco. London: AFLS, 1996. P. 199 – 200.

Presas M. Bilingual Competence and Translation Competence // In Teaching Translation in Universities. Present and Future Perspectives/ edited by P. Sewell and J. Higgins / M.Presas. London: AFLS, 1996. P. 19 – 33.

Крашенинников А.Е.

МИЭ СПбУТУиЭ

г. Магадан (Россия)

Нарбут Е.В.

Северо-восточный государственный университет

г. Магадан (Россия)

Krasheninnikov Andrey

Magadan Institute of Economics of UMTE

Magadan (Russia)

Narbut Elena

North-Eastern State University

Magadan (Russia)

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ПОДХОД В МЕТОДОЛОГИИ ПЕРЕВОДА

PSYCHOLINGUISTIC APPROACH IN THE METHODOLOGY OF TRANSLATION

В статье говорится о необходимости применения новых подходов при изучении онтологии художественного перевода. Возникла необходимость выработки метатеории, позволяющей систематизировать и логически упорядочить множество подходов, гипотез, моделей и методов, которые накоплены в переводоведении, и тем самым заложить основу для формирования новой парадигмы, способной послужить прочным основанием для дальнейшего успешного продвижения переводоведения. Авторы статьи предлагают сравнение оригинального художественного текста с его переводом, в частности, через призму воссоздания в переводе психостилистического поля оригинала. В качестве примера даётся психостилистический анализ стихотворения Г. Гейне «Der Schiffbrüchige» и перевод этого стихотворения, выполненный Ф. Тютчевым.

The article deals with the requirement of introduction of new approaches for the studies of literary translation ontology. There has arisen a necessity of a metatheory formulation that will allow systematizing and logical ordering of many approaches, hypotheses, models and methods accumulated in translation studies. This will lay the foundations for a new paradigm formation able to serve as a solid basis for further successful advance of translation studies. The authors of the article suggest comparison of the original with its translation especially through a prism of reconstruction of psycho-stylistic background of the original. As an example, psycho-stylistic analysis of H. Heine's poem «Der Schiffbrüchige» and its translation performed by F. Tyutchev are represented.

Ключевые слова: онтология перевода, психолингвистическое поле оригинала и перевода, методология перевода, критика основных моделей перевода

Keywords: translation ontology, psycho-linguistic background of the original and its translation, methodology of translation, criticism of basic models of translation.

Онтологические подходы разрабатываются применительно к различным жизненно важным реалиям человеческого бытия. Одними из таких реалий являются язык, художественная литература и художественный перевод. Многочисленные наблюдения в области онтологии перевода и осознание того факта, что существующие проблемы в изучении онтологии переводного текста не находят достаточно

адекватного решения, приводят исследователей к мысли о необходимости применения новых подходов.

Например, М.Я. Цвиллинг, выделяя те объективные показатели, по которым теория перевода может считаться процветающей, приходит к утверждению, что теория перевода столкнулась с парадоксальной ситуацией: чем больше она узнает о своем предмете, тем труднее свести это знание в единую систему, тем менее достоверными и тем более относительными становятся ее утверждения. Он справедливо отмечает конфликт фазы развития любой науки «вширь» с необходимой фазой развития «вглубь»: «...на данном этапе своего развития теория перевода оказалась на своего рода распутье: экспансия вширь подвела ее к проблемам, носящим не столько предметно-специфический, сколько философско-эпистемологический характер, но в то же время „в тылу“ осталось еще немало очагов непознанного, требующих детального изучения «полевыми», статистическими, экспериментальными и иными эмпирическими методами, адекватными многообразию исследуемых объектов. Теория перевода перерастает в междисциплинарную отрасль науки с явно выраженной многомерной структурой» [Цвиллинг, 2002, с. 49-50]. М.Я. Цвиллинг приходит к вполне закономерному и своевременному выводу о необходимости выработки некоей метатеории, которая позволила бы свести воедино, систематизировать и логически упорядочить то множество подходов, гипотез, моделей и методов, которые к настоящему времени накоплены в переводоведении, и тем самым заложить основу для формирования новой парадигмы, способной послужить прочным основанием для дальнейшего успешного продвижения нашей науки как равноправной и авторитетной дисциплины в общем потоке самопознания человечества.

В свою очередь, А.Г. Витренко, поддерживая и высоко оценивая позицию М.Я. Цвиллинга, обращает особое внимание на критику основных моделей перевода, разработанных в отечественном переводоведении (модель закономерных соответствий, трансформационная или семантико-семиотическая модель, ситуативная модель и теория уровней соответствия): «Основываясь хотя и на объективных, но в общем-то частных наблюдениях, они не смогли предложить убедительной, целостной картины перевода как процесса, их обобщения оказались в значительной мере чисто умозрительными и малоприменительными в дидактике перевода, а попытки создать на их основе систему методики преподавания перевода обнаружили лишь сумбурность последней и сводимость ее к благим пожеланиям. Главным недостатком всех выдвинутых моделей перевода было то, что положенные в их основу наблюдения касались узкого круга функциональных стилей, и попытки распространить их на другие

стили оказались несостоятельными. Совершенно очевидно, что в основу построения общей модели перевода могут быть положены лишь наблюдения над функциональным стилем, сочетающим в себе в качестве иностилевых черты максимального числа функциональных стилей. Таковым является художественно-литературный стиль, в котором изображаются (могут изображаться) все прочие функциональные стили. Однако именно этот функциональный стиль частично в силу объективных – а чаще всего субъективных – причин оказывается вне поля внимания исследователей, разрабатывающих или, точнее сказать, разрабатывавших „в погоне за модой“ модели перевода» [Витренко, 2003, с. 32-33].

Для нас также важно, что А.Г. Витренко касается проблем, связанных с теорией художественного перевода, так как мы глубоко убеждены, что если художественные тексты занимают особое, обособленное положение в стилистической парадигме, то и художественный перевод играет подобную роль в парадигме переводов. А.Г. Витренко отмечает, что в художественном переводе одним из магистральных направлений исследований стал сопоставительный анализ текстов на исходном языке и их переводов на языке перевода, то есть результатов на входе и выходе. Однако выявлялись так называемые закономерные соответствия, в первую очередь лексические, по результатам статистической обработки переводов, выполненных зачастую далеко не безупречно. На этом основании многие переводчики, по сути, обвинялись в низкой квалификации. Но причина все-таки в том, что из-за неразработанности теоретических основ перевода, переводчики были приучены к восприятию текста на уровне предложения и действовали фактически в системе координат грамматики предложения, а не собственно перевода. Результаты таких исследований только способствуют воспроизводству и укоренению недостатков переводческой деятельности [Витренко, 2003, с. 33].

С удовольствием процитируем следующий полемический пассаж А.Г. Витренко, с которым, на наш взгляд, в обязательном порядке должен ознакомиться любой начинающий переводовед: «Ответ на вопрос: „Как переводится данная грамматическая конструкция?“, который ставят в качестве нерешенной научной проблемы, собственно говоря, с переводческой точки зрения, известен априори; как надо, так и переводится, то есть в зависимости от контекста, вариантам которого нет числа. К такому выводу авторы, как правило, и приходят. Поэтому подобные изыскания фактически ничего ни для теории, ни для практики перевода не дают» [Витренко, 2003, с. 34].

Менее жестко, но все же довольно критично оценивает сложившуюся ситуацию в теории перевода и Н.К.Гарбовский. Он так же, как и М.Я. Цвиллинг, отмечает, что

теория перевода развивалась по пути не качественного углубления научных знаний (движение «вглубь»), а лишь прибавления каждого нового знания к уже известному (движение «вширь»). «Если сравнить этот процесс с процессом логического развертывания мысли, то можно сказать, что в теории перевода накопление научных знаний шло главным образом не путем сложной импликации, когда одни теоретические положения выводятся из других, а путем конъюнкции, т. е. добавления одного знания к другому» [Гарбовский, 1998, с. 126].

Однако А.Г. Витренко более категоричен в своих оценках создавшегося положения: «Совершенно очевидно, что давно уже назрела необходимость проведения самой широкой научной дискуссии по теоретическим проблемам перевода. Предметом обсуждения должны стать все аспекты теории перевода – ее онтологический статус, основные направления исследований, которые позволили бы со временем решить ее пока что нерешенные проблемы, дидактика перевода, в основе которой должны лежать достижения лингвистической науки, а главное причины, порождающие деградацию теории перевода и ремесленничество в этой сфере. В настоящем же ее виде теория перевода свои возможности, на наш взгляд, исчерпала» [Витренко А.Г.; 2003, с. 36].

Продолжающиеся дискуссии по проблеме теории перевода подтверждают мысль А.Г. Витренко о том, что давно назрела необходимость в онтологической направленности дальнейших изысканий. Анализ современных филологических исследований показывает, что в научный оборот ученые уверенно вводят философское понятие «онтология». Так, например, в статье С.М. Конновой «Духовность в онтологии перевода» внимание уделяется сингулярности и телеологическим моментам в качестве онтологических черт [Коннова, 2014]. Поэтому, если феномен языка, феномен литературы требуют изучения их онтологии, то аналогичным образом встает требование к изучению и онтологии перевода как особого феномена в культуре.

Одним из путей, который может помочь в онтологическом понимании художественного перевода, мы предлагаем сравнение оригинального художественного текста с его переводом, в частности, через призму воссоздания в переводе психостилистического поля оригинала. Для сравнения психостилистических полей оригинала и перевода мы взяли стихотворение Г. Гейне «Der Schiffbrüchige» («Потерпевший кораблекрушение») и перевод этого стихотворения, выполненный Ф. Тютчевым. Несмотря на постоянный читательский и исследовательский интерес к поэзии Тютчева, его творчество не стало предметом внимательного изучения именно в аспекте переводческой деятельности, в частности, применительно к переводам из

Гейне. Мы имеем в виду не только литературоведческий, но и лингвостилистический анализ этой части творчества Тютчева.

Насколько же близок оказался оригинал Гейне Тютчеву? Адекватно ли перенёс его Тютчев в «стихию» русского языка? Можем ли мы считать стихотворение Тютчева адекватным переводом или иной формой переводного текста?

Стихотворение Гейне «Der Schiffbrüchige» (дословно: потерпевший кораблекрушение) мы считаем поэтическим текстом со сложной психологической энергетикой. В композиции стихотворения явно просматриваются три части. Первая часть – описание состояния одинокого человека, выброшенного на берег после кораблекрушения, вторая часть – его воспоминания о возлюбленной, третья часть – возвращение в реальность сложившегося положения. Стихотворение пронизано трагизмом любящего человека и его трагизм в том, что он разлучён с любимой не воздействием родственников, не мнением общества – с этим можно бороться. Он разлучён природной стихией, с которой, по мысли героя, бороться невозможно.

Обращение к природным стихиям (вода, огонь, воздух), к их поэтическому и философскому осознанию, характерно не только для Гейне, но и для творчества романтиков в целом. Эти стихии беспредельны, они дают жизнь всему живому, создают человека как частицу природы, сотворённой из хаоса. Но они далеко небезопасны, они могут превратиться в грозные силы, разрушающие гармонию и возвращающие всё в хаос.

Гроза в стихотворении Гейне – разрушительная сила, в один момент рушащая гармонию любви и повергающая влюблённого человека в безысходность. Именно безысходность – то психическое состояние, та эмоция, которая доминирует здесь над всеми другими чувствами.

Конечно, поэт не говорит прямо о чувстве безысходности (в тексте нет прямого вербального указания). Это состояние как бы растворено во всей ткани поэтического текста. Сразу обращает на себя внимание обилие ключевой, полеобразующей для данного стихотворения лексики в первой и третьей, заключительной части стихотворения: *Leiche* (труп); *öd* (пустынный), *kahl* (голый) – *Strand* (берег); *Wasserwüste* (водная пустыня); *formlos* (бесформенный); *mühsam* (устало); *trüb* (мрачный); *langweilig* (нудный); *nutzlos* (напрасная) – *Leben* (жизнь).

Эта ключевая лексика первой части стихотворения естественным образом создаёт предпосылки для восприятия энергетики текста как энергетики безысходности. Пустынный берег, где невозможно найти поддержку, характеризуется эпитетом *kahl* (голый), но ассоциативно в стихотворном контексте такой эпитет как психологический

знак вполне может стать сигналом для читателя: голый – значит, незащищенный. Пустынен не только берег, пустыня и морская стихия. Усталый, мрачный, нудный, напрасная жизнь – в этом поэтическом тексте всё это также психостилистические маркеры состояния безысходности. Примечательно употребление прилагательного *formlos* (бесформенный) при описании туч. Бесформенность – важная сущность хаоса, и здесь идея хаоса как результата гибели человека пусть имплицитно, но присутствует в тексте. В последней, третьей части стихотворения подводится мрачный итог: «Vorüber ist alles, Glück und Hoffnung,/Hoffnung und Liebe!» (Все прошло, счастье и надежда,/ надежда и любовь!). Нагнетание безысходности достигает предела: исхода нет.

Срединную, вторую часть стихотворения, в которой лирический герой вспоминает возлюбленную, невозможно рассматривать вне психостилистической картины первой и третьей части. Ключевая лексика этой части, ее стилистические маркеры существенно отличаются: *schön* (прекрасная) – *Weib* (женщина); *schlank* (гибкий, стройный) – *Gestalt* (стан); *lüstern* (сладостный, сладострастный); *süß* (сладкий); *selige Nacht* (божественная ночь); *Duft der Rose* (аромат розы) и т. п.

Если предположить, что эта часть является самостоятельным стихотворением, то ее энергетика была бы явно положительной. Но именно в ткани этого поэтического текста эти психостилистические маркеры под воздействием ключевых маркеров меняют свой знак на противоположный и своим контрастом начинают выполнять усиливающую роль в нагнетании энергетики безысходности.

Что могло подвигнуть Тютчева на перевод этого стихотворения Гейне? Родство душ, общность складывающихся философских взглядов на мир, на природу человека? Возможно, именно это могло стать основой поэтической эмпатии, реализовавшейся в этом стихотворном переводе.

Тютчева также увлекали природные стихии. Особенно манила его водная стихия. Вода, по определению поэта, холодна, подвижна и изменчива, это беспредельная («бездна»), живая и гармоническая стихия, «великая зыбь», которая и благодатна для Матери-Земли, так как охлаждает ее и поит, давая жизнь, но она же, в конце концов, и погубит Землю.

Исследователи творчества Тютчева отмечают, что образ грозы также очень важный образ в его поэтической философии. Гроза, буря, кораблекрушение, крушение надежд, крушение любви – все это порождает безысходность. Этой энергетикой, присущей оригиналу Гейне, наполнен и перевод Тютчева.

Тютчев прекрасно передал состояние безысходности, передал не по наитию, а как аналитик, если это определение можно применить к переводческому творчеству. В

этом подходе отразилась философия романтиков, по мнению которых категория «Я» не индивидуальность, а обобщение сущностных человеческих душевных состояний. «Подобно тому, как художественный прием создает метаморфоз материала произведения, он создает и метаморфоз чувств. Смысл этого метаморфоза чувств состоит, по мысли Выготского, в том, что они возвышаются над индивидуальными чувствами, обобщаются и становятся общественными... Так, смысл и функция стихотворения о грусти вовсе не в том, чтобы передать нам грусть автора, заразить нас ею... а в том, чтобы претворять эту грусть так, чтобы человеку что-то открылось по-новому – в более высокой, более человеческой жизненной правде» [Леонтьев, 1968, с.8].

Тютчев гениально использует возможности русского языка при воссоздании в своем переводе той энергетики безысходности, которой отличается оригинал Гейне. Он, и это следует особо подчеркнуть, создает именно адекватный перевод, а не вольный перевод, перевод-реминисценцию и т. п. Под адекватным переводом мы вслед за Р. Р. Чайковским понимаем «поэтический текст, содержательно, эстетически и функционально равноценный с оригиналом, т. е. текст, максимально полно и без искажений воссоздающий оригинал на языке перевода» [Чайковский, 1997, с.63].

Тютчев удивительно точно воссоздает практически весь оригинал. Показатель точности ключевой лексики приближается к 100%. Если оценивать лексику в целом, то коэффициент точности все равно остается высоким: около 90%. Такой уровень эквивалентности определился после применения стандартной методики подсчета, ориентированной на выявление степени словарных соответствий.

Однако мы считаем, что уровень эквивалентности, итак достаточно высокий, может быть оценен еще выше, если проблему адекватности словников оригинала и перевода рассмотреть под иным углом зрения. А именно: совместить стандартную методику оценки лексики с психостилистической оценкой адекватности выбора того или иного лексического соответствия в переводном стихотворении. Тогда такие расхождения, как, например, тютчевское «Ее, как пальма, стройный стан», когда у Гейне *die schlanke Zypressengestalt* (стройный, как кипарис, стан), формально не совсем соответствующие друг другу, но как психостилистические маркеры, равноценно направленные на реализацию в текстах одной и той же энергетики, одинакового психостилистического поля, можно считать контекстуально-адекватными. В переводе Тютчева мы находим очень тонкий вариант такого контекстуально-адекватного соответствия: «Уродливые дочери неба!» при описании туч (*Die formlosgrauen Töchter der Luft*). Тютчев заменяет Гейневское *formlos* (бесформенный) на определение

«уродливый». Это может показаться переводческой неточностью. Но бесформенность – это дисгармония, которая характеризует хаос, а уродливость – та же дисгармония.

Тютчеву действительно удалось в своем переводе гейневского оригинала максимально полно воссоздать не только его содержание, философию и форму, но и психостилистическое поле безысходности и тем самым дать возможность русскому читателю ощутить энергетику, свойственную немецкому стихотворению.

Представленный анализ представляется нам продуктивным и необходимым в развитии онтологической методологии переводоведения, так как накопленный материал не может не заставить исследователя снова и снова делать попытки максимально глубокого проникновения в сущность изучаемого предмета. Переводная художественная литература занимает особое место в принимающей культуре. Она находится в сложных взаимоотношениях не только с литературой языка оригинала, но и с литературой родного языка. В ней есть и похожие с ними реалии, но существует и ряд своих собственных черт, которые позволяют говорить об ее оригинальной онтологии.

Список литературы:

Витренко А.Г. Кризис переводоведения и возможности его преодоления // Вопросы филологии. 2003. № 1. С. 32-36.

Гарбовский Н.К. О некоторых проблемах современной науки о переводе // Вестник МГУ. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 1998. № 3. С. 125-135.

Гарбовский Н.К. Русский переводной дискурс: миф или реальность // Русский язык и культура в зеркале перевода. М., 2012. С. 130-136.

Коннова С.М. Духовность в онтологии перевода // Вестник ОГУ. 2014. №7. С. 14-16.

Леонтьев А.Н. [Предисловие] // Выготский Л.С. Психология искусства. М., Искусство, 1968. С. 3-9.

Цвиллинг М.Я. Исчерпала ли теория перевода свои возможности? // Вопросы филологии. 2002. № 1. С. 434-444.

Чайковский Р.Р. Реальности поэтического перевода (типологические и социологические аспекты). Магадан, Кордис, 1997. 197 с.

Лимарова Е.В.

Соколова Е.Е.

Российский государственный социальный университет
г. Москва (Россия)

Limarova Elizaveta

Sokolova Elena

Russian State Social University
Moscow (Russia)

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ЗАМЫСЛА АВТОРА ПРИ СОЗДАНИИ АДЕКВАТНОГО ПЕРЕВОДА

AUTHOR'S CONCEPT INTERPRETATION IN THE ADEQUATE TRANSLATION

В статье говорится о необходимости нового, более тщательного подхода к переводу художественного произведения, ухода от «буквализма», поиска новых методов интерпретации замысла автора. Переводчик художественной литературы должен не только в общем понимать замысел автора произведения, но и быть уверенным в выборе «алгоритма» преобразования знаков исходного языка с учетом картины мира автора произведения. Большая роль при достижении адекватности уделяется скрытым представлениям, что при интерпретации текста представляет собой сложнейшую задачу, не всегда имеющую однозначное решение и понимание переводчиком. В статье предложен двухэтапный алгоритм интерпретации авторского замысла для достижения наибольшей адекватности при переводе художественного текста. В подтверждение высказываемых теоретических предположений авторы приводят и анализируют ряд языковых примеров.

The article deals with the need of a new more careful approach to translation of belles-letters works and literary texts, avoiding literal translation, ways for new forms of author's concept interpretation. Literary translator should not merely understand the author's concept but get the idea of transformational algorithm of original language taking into account author's worldview. Great emphasis in getting adequacy is given to the role of interpretation of author's inner (a.k.a hidden) views. Two-step approach to the interpretation of author's concept for achieving the highest adequacy in the literary translation is given in the article. To corroborate the main theoretical points the authors develop an analysis of translation examples.

Ключевые слова: художественный перевод, авторский замысел, интерпретация, адекватность, авторская картина мира.

Keywords: literary translation, author's concept, interpretation, adequacy, author's worldview.

Особенностью художественных произведений является то, что в них раскрывается индивидуальная манера писателя. Ее отражение в переводе представляет собой трудновыполнимую задачу, так как в переводе произведений художественного характера неизбежны изменения, выбор которых связан с субъективной оценкой переводчика.

Актуальность данной статьи заключается в том, что художественный перевод уже давно привлекает внимание отечественных лингвистов, с тех пор как закончился

период «буквализма» в переводе и, благодаря известному переводчику И.Кашкину и его сподвижников [Кашкин,1968, с. 210], появилась тенденция к сохранению «не буквы, но духа» произведения, а художественный перевод стал восприниматься как искусство.

Представляется, что для правильной интерпретации замысла автора необходимо учитывать модель производства речи, предложенную Л. С. Выготским, которая состоит из трех этапов: замысел – внутренняя речь (переход от замысла к речи) – внешняя речь.

Известно, что для создания переводного текста переводчику в первую очередь нужна исходная точка, то есть замысел автора. Но замысел автора часто может представлять определенные трудности для интерпретации, так как может казаться переводчику слишком общим и, следовательно, неопределимым для относительно малых фрагментов текста (которые и являются единицами перевода). Внутренняя речь автора, целиком зависящая от замысла, не может быть «отправной» точкой по тем же причинам. И тогда роль замысла в процессе интерпретации переводчиком начинает играть единственно доступный и точный элемент авторской речи – внешняя речь, то есть собственно исходный текст. Однако так как сам текст и замысел абсолютно различны по своей форме (вербальная – ментальная, психическая), то переводчику приходится перекодировать текст в мысленный набор информации о содержании единицы перевода. В результате перекодирования получают лексические и грамматические значения слов, логические связи между частями предложений и тому подобные элементы лингвистического уровня, реже – информация о стиле, цели высказывания и т. п.

По завершении данного этапа, на этапе контроля, переводчик проверяет соответствие получившегося фрагмента текста (то есть, набора информации об этом тексте) с законами языка, на который он переводит, и с информацией, полученной при восприятии оригинального текста (псевдо-замыслом). Лучшим вариантом на данном этапе, на наш взгляд, является ситуация, когда результат перевода совпадает с псевдо-замыслом и хотя бы относительно не противоречит законам языка, на который осуществляется перевод. К сожалению, это возможно только в некоторых случаях, чаще всего коротких предложениях (например, I love you – Я люблю тебя). В более сложных вариантах переводной фрагмент либо нарушает законы языка, либо в большей или меньшей мере не соответствует замыслу автора.

В поисках решения данной проблемы более опытные переводчики не учитывают при сравнении формальные критерии, (например, порядок слов), и потому на этапе

контроля могут допускать соответствия для более сложных предложений, однако и они чаще всего включают в «замысел» элементы информации лингвистического уровня.

Следует отметить, что у данных элементов есть существенный недостаток, который заключается в том, что они зависят от определенного языка. Именно данный факт, в итоге, создает противоречие на этапе контроля, так как языки в большинстве своем имеют разную структурную организацию. На наш взгляд, данное противоречие состоит в том, что переводной текст проверяется на соответствие двум противоположным наборам информации – законам исходного языка в псевдо-замысле и законам родного языка.

Использование лингвистического подхода ведёт к дословному переводу, слабому с художественной точки зрения, то есть не выражающему содержание и мысль автора во всей полноте. Для создания полноценного перевода необходим комплексный подход, а именно, сочетание лингвистического и литературоведческого и логического принципов.

В работе Т. Казаковой говорится о содержании текста как об информации, которая подразделяется на статическую, ясную из прямых значений фрагментов текста, и динамическую – добавленные автором образные смыслы [Казакова, 2006, с. 45-64].

«В сущности, переводчик не столько выбирает объективные соответствия между единицами двух языков, сколько устанавливает аналогию между знаковыми свойствами этих единиц» [Казакова, 2006, с. 156]

«[В процессе перевода]... знаки исходного текста преобразуются вначале в психические образы словесных сигналов в том их виде, в каком они заданы текстом, а затем в психические образы УПК» или универсально-предметный код, который представляет собой набор знаний человека об окружающем мире, служащий для соотнесения воспринятых сигналов текста с действительностью, то есть для понимания текста [Казакова, 2006, с. 193].

Следовательно, переводчик, чтобы «перевоплотиться» в автора, должен выявить представления и задачи автора до создания переводного текста. Данные представления и задачи как психические образы, не зависящие от конкретного языка, на наш взгляд, составляют замысел автора, который, в свою очередь служит замыслом для создания переводного текста, а также метаязыком между оригиналом и переводом.

В ходе создания переводного текста переводчик не определяет, как трансформировались мысли автора, он определяет их конечный набор, который нашел выражение в тексте.

Другими словами, переводчики, которые при создании замысла переводного текста не включают в него авторскую направленность сталкиваются с трудностями, когда они либо придумывают какую-нибудь направленность сами (она может совпадать с авторской), либо пытаются просто передать языковые единицы (в этом случае адекватность зависит от сходства или различия методов выражения в разных языках) [Комиссаров, 2011].

Итак, замысел представляет собой совокупность психических образов автора как отправителя высказывания, не зависящих от конкретного языка. Для удобства понимания представляется возможным разделить данные образы на две группы: представления и установки. Под представлением мы будем понимать психический образ как элемент виртуальной действительности отправителя высказывания любой величины и сложности, от предложения до целого текста. Установкой, на наш взгляд, является психический образ, служащий для связи виртуальной действительности отправителя высказывания с реальной.

Конечно, полное совпадение картин мира невозможно, но, чем больше в них общего, тем легче переводчику правильно интерпретировать мысли автора. При несовпадении картин мира переводчик неправильно воспринимает форму, и даже как будто бы выраженные представления могут быть им не идентифицированы. Решение данной проблемы очевидно – чтение художественной литературы на разные темы.

Мы полагаем, что для читателя очевидна разница между известными и новыми представлениями. Однако критерий известности или новизны не только влияет на создание высказываний переводного текста, но и играет роль в определении границ единицы перевода. Представляется возможным выражение нового слова (не местоимения), если представление, выраженное новым словом, «входит» в уже известное.

С нашей точки зрения, словарные значения играют большую, но не единственную роль в формировании замысла. Имеет значение и позиция слова в предложении, а также его контекст. Например, одно и то же слово в позиции подлежащего вызовет скорее зрительное представление, в предикативной же позиции – целый комплекс представлений, среди которых будут и наглядные, и абстрактные в зависимости от кругозора получателя. Имеют место случаи, где формально несколько слов выражают одно представление: выражения типа «осуществлять сделку» или «прийти к соглашению».

По функции представления подразделяются на основные и вспомогательные. Основные могут быть как выраженными, так и скрытыми и передают информацию,

которая сохраняется в мыслях получателя достаточно долгое время и служит для связи предложений в тексте. Вспомогательные (всегда выраженные) сохраняются в памяти лишь на короткое время, а затем, путем логического мышления и ассоциаций, заменяются на основные. Например:

He ran as quickly as a hare. Он бежал быстро, как заяц. - Он бежал, как заяц.

При прочтении обоих предложений у читателя обязательно на короткое время возникнет зрительный образ зайца. Поскольку читатель априори считает текст связным, а зрительный образ зайца никак не встраивается в основное предложение, читатель начинает искать в памяти те представления, которые связаны и с образом зайца (уже не зрительным, а скорее, обобщающим, то есть сигнификатом) и с возможной характеристикой бега. В результате анализа всех сведений, который в нашем случае происходит практически мгновенно находится искомое представление «быстрота». Зрительный образ зайца в данном случае является вспомогательным представлением, с помощью которого выводится через сигнификат основное представление «быстрота» (или, более обобщённо – «высокая скорость»). В первом предложении это представление выражено словом «быстро», во втором оно представлено скрыто.

Трудности возникают на этапе анализа интерпретации полисемантических слов. Например,

He was as sick as a parrot. He was as sick as a dog. Правильный подбор представления зависит от значения слова *sick* в определенном контексте. В значении «чувствовать тошноту, физическое недомогание», например: *seasick*) ассоциативная связь с собакой (побитый как собака), в значении «чувствовать скуку, раздражение», например: *homesick*) – ассоциативная связь с попугаем, медленно угасающим в клетке (удрученный, подавленный).

Культурный контекст также играет большую роль при интерпретации переводимых единиц:

He is as drunk as a lord (в англоязычной картине мира – так напиться может только богатый человек, что подразумевает высокое происхождение или социальный статус), в русском языке ассоциативная связь негативная, даже брезгливая («пьян как сапожник», «в стельку», «как свинья»).

He is as sober as a judge (в англоязычной картине мира – трезвее судей не бывает, так велико уважение к закону), в русском языке: «трезвый как стеклышко», «ни в одном глазу». Ассоциативная связь с судьей полностью отсутствует.

Итак, вспомогательные представления являются непременной составляющей высказываний с дополнительным скрытым смыслом («Сегодня холодно», значит, «Оденься потеплее»), а также образных сравнений и тропов: метафор, эпитетов и т. п., основанных на трансформации из одного представления на другое. Причем, в таком тропе может быть выражено не одно представление, а два или больше, например: «Он бежал, как заяц, тихим утром высунувший трусливый носик из леса и вдруг услышавший выстрел из охотничьего ружья». В этом предложении все представления после «как» являются вспомогательными. Интересно, что, чем богаче сравнение (в том числе, в тропах), тем больше вероятность, что соответствующее ему основное представление будет скрыто по той причине, что его нельзя точно выразить средствами языка.

Что касается скрытых представлений, то их выявление при интерпретации текста представляет собой сложнейшую задачу, не всегда имеющую единственное решение. Можно сказать, что скрытые представления (неважно, поддается ли вербализации их содержание) передают тот самый «дух» произведения, о котором говорил переводчик И. Кашкин. Именно тогда, когда вроде бы сохранены выраженные, но потеряны скрытые представления, перевод кажется читателю «другим по стилю\атмосфере\духу». Обычно скрытые представления выводятся из выраженных путем логического анализа с использованием уже имеющихся у переводчика жизненного опыта и сведений о виртуальной действительности автора, которая может как совпадать с реальной, так и отличаться от нее. Резкое несовпадение картин мира автора и переводчика приводит к тому, что переводчик более или менее теряет возможность выявлять авторские скрытые представления (особенно, если большинство из них влияет на дальнейшее понимание текста).

Известно, что образ адресата зависит от того, с чьей точки зрения формулирует мысль создатель высказывания. Для автора адресат – это «идеальный» читатель, для героев – соответственно, другие герои. Как и образ отправителя, образ адресата влияет главным образом на стилевое оформление высказывания, окрашивая в определенные тона стилистически нейтральные представления.

Итак, важнейшими компонентами замысла любого текста являются психические образы или представления и установки. Критерием качества перевода является сохранение в переводном тексте как можно большей части авторского замысла, то есть совокупности его психических образов.

Интерпретируемая ситуация представляет собой совокупность представлений, единых по времени, из которых хотя бы одно является новым. Иными словами, это

своеобразный стоп-кадр, собранный из представлений, относящихся к одному времени и модальности (установки, даже скрытые, едины во всем тексте – именно поэтому текст воспринимается как целостный). Представляется, что первичной единицей перевода – является именно ситуация. Отношение ситуации и отдельного психического образа в замысле можно сравнить с отношением предложения и слова во внешней речи. Предложение во внешней речи – это минимальная единица текста, которая выражает хотя бы одно «предложение» замысла – ситуацию. Отсюда понятна и единица перевода первого этапа – предложение. Конечно, это не означает, что нужно обязательно сохранять в памяти границы предложений оригинала – их нужно просто учитывать для определения границ ситуаций.

В данном случае особенно важно разделение представлений на первичные и вторичные, так как без этого переводчик будет осознавать прямую речь и слова автора как одну цельную ситуацию, где прямая речь – одно богатое по содержанию представление. Тогда образ отправителя прямой речи не сможет временно стать для переводчика установкой, то есть переводчик не сможет встать на точку зрения героя, в его сознании, и, следовательно, в переводном тексте, она сольется с авторской (хотя может не совпадать в оригинале).

Для первого этапа - определения замысла – важнейшим навыком является умение с достаточной степенью дискретности определять, какие представления выражены определенным фрагментом текста. На наш взгляд, наибольшую сложность представляет определение абстрактных представлений, прежде всего, оценочных и модальных, потом – таких, как «процессность», «неоднократность» и т. п. Для того, чтобы их определять, нужно иметь их в своей картине мира. Иначе говоря, знать, во-первых, что они существуют, во-вторых – что они значат. Поэтому целесообразно подробнее рассматривать соответствующие семантические категории.

Второй навык данного этапа – умение выводить скрытые представления из выраженных – понимать, «что автор имел в виду». Приведем пример интерпретации переводимой ситуации, выраженной процессной формой Past Continuous:

“How are we going to deal with our client’s confusing account of what the photographs **were doing** in his brief case?” [Kay & Fillmore, 1999, p. 24]:

Ситуация: разговор юристов

Структура:

а) Функции: X: адвокат

Y: юрист

b) Свойства: Фотографии, упомянутые в разговоре, не должны были находиться в чемодане подозреваемого. X просит совета у Y о том, как заставить присяжных поверить в то, что он невиновен.

Условия:

1. Если бы X и Y не осознавали необходимость сокрытия факта нахождения фотографий в чемодане подозреваемого, то не было бы нужды обсуждать эту ситуацию.

2. Если X побуждает Y к обсуждению данной ситуации, то он находит ее неприемлемой, требующей внимания и разрешения.

3. Для описания обычной ситуации X, возможно, использовал бы обычную грамматическую форму Common.

Таким образом, с помощью логических умозаключений, переводчик может интерпретировать переводимую ситуацию, а также выбор грамматической формы автором высказывания для передачи замысла.

Мы полагаем, что главным навыком переводчика является умение создать такой перевод текста художественного произведения, который бы выражал наибольшую часть представлений авторского замысла соответствующего фрагмента оригинала. Авторский замысел – высокое понятие, которое должно найти отражение на уровне единиц перевода в конкретных средствах выражения, которые, в свою очередь, требуют адекватности по смыслу. Выбор как лексических, так и структурных единиц должен быть обусловлен в первую очередь авторским замыслом.

Список литературы:

Кашкин И.А. О методе и школе советского художественного перевода // Для читателя-современника : Статьи и исследования / [Предисл. П. Топера] – Москва: Сов. писатель, 1968.

Казакова Т.А. Художественный перевод. Теория и практика: учебник. / Т.А. Казакова. - Санкт-Петербург: ООО «ИнЪязиздат», 2006.

Комиссаров В.Н. Современное переводоведение. – 2-е изд., испр. / В.Н. Комиссаров. – Москва: Р.Валент, 2011.

Kay, P. & Fillmore, Ch. “Grammatical constructions and linguistic generalizations: the What’s X doing Y? construction”, *Language*, 1999. pp. 23- 34.

Литинская Е.П.
Петрозаводский государственный университет
г. Петрозаводск (Россия)

Litinskaia Evgenia
Petrozavodsk State University
Petrozavodsk (Russia)

РОМАН «БЕДНЫЕ ЛЮДИ» Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО В ПЕРЕВОДАХ НА НОВОГРЕЧЕСКИЙ ЯЗЫК

DOSTOEVSKY'S NOVEL "POOR PEOPLE" IN MODERN GREEK TRANSLATIONS

Статья посвящена анализу двух новогреческих переводов романа в письмах Ф. М. Достоевского «Бедные люди»: А. Сарандополоса и А. Александру. Сопоставление избранных отрывков, наиболее ярко иллюстрирующих переводческие манеры, осуществляется с учетом категорий адекватности и эквивалентности. Затрагиваются лингвистические и литературоведческие аспекты перевода. Автора статьи интересуют стратегии переводчиков при работе с повествовательной структурой русского текста. Характеризуется передача интимной тональности слога главного героя Макара Девушкина. Приводится пример портретного описания. Особое внимание уделяется рассмотрению проблематики перевода безэквивалентной лексики: реалий, говорящих имен и фамилий, фразеологизмов. Комплексный анализ оригинального и вторичных текстов представляет различные уровни языка: фонетика, морфология, лексика и синтаксис. В результате делается вывод об убедительности трактовок греческих переводчиков.

The article is devoted to the analysis of two modern Greek translations F. M. Dostoevsky's novel in the letters "Poor People": A. Sarandopoulos and A. Alexandrou. Comparison of selected passages, most clearly illustrating the translation manners, is carried out taking into account the categories of adequacy and equivalence. The author touches upon linguistic and literary aspects of translation. The author of the article is interested in the strategies of translators working with the narrative structure of the Russian text. The protagonist Makar Devushkin's the transfer of intimate tone of the syllable is characterized. The author considers an example of a portrait description. Particular attention is paid to the consideration of the problems of translation of the equivalent vocabulary: realities, talking names and surnames, phraseological units. A comprehensive analysis of the original and secondary texts represents different levels of the language: phonetics, morphology, vocabulary and syntax. As a result, the conclusion is made about the persuasiveness interpretations of the Greek translators.

Ключевые слова: Достоевский, Сарандопулос, Александру, новогреческий язык, переводоведение.

Key words: Dostoevsky, Sarandopoulos, Alexandrou, Modern Greek, translation studies.

Произведения Ф. М. Достоевского в изобилии представлены в греческом литературном пространстве. Библиотечные фонды этой страны насыщены литературным наследием классика в освещении разных переводчиков, а также немалым количеством литературоведческих и биографических исследований его творчества. Так, Элли Алексиу, греческая писательница, переводчица и литературовед, подготовила к печати и отредактировала полное собрание сочинений русского

писателя, снабдив издание собственной вступительной статьей. Греческий читатель знаком и с фундаментальным трудом М. Бахтина по поэтике Достоевского в переводе А. Иоаниду и В. Хадзивасилиу, и с биографией писателя, написанной Л. Гроссманом, в переводе Д. Триандафилидиса и Д. Самофраки.

В одном из интервью Н. Г. Николау, переводчица с новогреческого языка, отмечает: «Греки — это народ, который очень тонко чувствует и ценит красоту, искусство слова. Переведенные на греческий язык произведения русских классиков XIX века не просто хорошо известны греческому читателю, они любимы греками. Сколько раз на многочисленных конференциях и конгрессах, просто на летних студенческих каникулах мне приходилось убеждаться в том, как наши греческие коллеги хорошо знают русскую литературу, как близок и понятен им, например, Достоевский. Масштабность творчества русских писателей, те вечные вопросы, которые поднимали в своем творчестве Толстой, Достоевский, Пушкин, несомненно, предопределили огромную и бесспорную славу и популярность русской литературы в Греции и во всем мире. Но мне кажется, что именно греки поняли и почувствовали, что в нашей литературе их привлекает не только реализм, поняли, что величие реализма русских писателей было в том, что помимо реальности видимой их волновала духовная реальность. И в этом их понимании сыграли свою роль православная традиция, тот факт, что греки воспитаны на великих истинах, заложенных в писаниях Святых Отцов Православной церкви» [Николау].

Роман Достоевского «Бедные люди» имеет четыре перевода на новогреческий язык. В 1959 году переводчики С. Спафирис и К. Порфири подготовили первый перевод, в 1977 году А. Котзиас создает второй, а в 1990 году появилось сразу две интерпретации: один А. Александру (первая публикация в 1985 г.), с послесловием Эли Фор (Έλι Φορ), посвященным обзору биографии и творчества русского писателя, второй – А. Сарандопулоса, имеющий в качестве предисловия статью на греческом Г. Фридлендера.

Особое место занимают перевыражения Ариса Александру и Андреаса Сарандопулоса.

Несколько слов о личностях переводчиков. А. Александру (1922–1978), родился в Ленинграде, сын понтийского грека и эстонки с русскими корнями. Родным его языком был русский, греческий он выучил уже в Греции, куда вынуждена была переселиться его семья. В 30-х гг. во время диктатуры Метаксаса стал вместе с друзьями организатором тайного общества марксистской направленности, симпатизировал также коммунистам. Был студентом Афинского университета

экономики и бизнеса, но диплома об окончании так и не получил, поскольку предпочел университетским занятиям литературную деятельность. Для греческой культуры он стал важнейшим писателем послевоенной эпохи и переводчиком русской литературы на греческий язык, в первую очередь, произведений Достоевского, Маяковского, Чехова, Эренбурга и Солженицына¹⁴².

А. Сарандопулос (1915)¹⁴³ родился в деревне Агрилиа Мессинис (Греция). После окончания гимназии в девятнадцатилетнем возрасте был зачислен добровольцем в армию. Имел чин подпоручика. Участвовал в войне с Албанией и был активным участником Национального Сопrotивления в Греции. В период с 1945–1953 гг. провел в тюрьмах и изгнании. Сарандопулос самостоятельно выучил русский язык. Он является автором «Грамматики и синтаксиса русского языка», вышедшей в 1957 году. Им переведены свыше 40 разных по объему произведений с русского языка на греческий, среди которых выделяются переводы русских классиков: Толстого, Тургенева, Гончарова, Пушкина, Достоевского. Так же он перевел 20 томов «Всемирной истории», издание Института социальных наук СССР. Сарандопулос является автором и издателем четырехтомного труда «Маленькие и большие люди» («Μικροί και μεγάλοι άνθρωποι») о деятельности партизан. К творчеству Ф. М. Достоевского А. Сарандопулос впервые обратился середине прошлого столетия. В 1988 году вышел из печати перевод романа «Преступление и наказание» («Εγκλημα και τιμωρία»). Следующее десятилетие в популяризации переводческой деятельности грека оказалось очень продуктивным. Один за другим в разных издательских домах печатаются его работы: 1989 год – «Вечный муж» («Ο αιώνιος σύζυγος»), 1990 год – «Бедные люди» («Φτωχοί άνθρωποι»).

Переводческие стратегии Александру и Сарандопулоса при передачи текстов Достоевского на греческий язык ранее не становилась предметом пристального научного исследования. Цель данной работы раскрыть проблематику переводов на новогреческий язык романа в письмах Ф. М. Достоевского «Бедные люди», выполненных А. Александру и А. Сарандопулосом. Комплексный анализ избранных отрывков предполагает характеристику литературоведческих и лингвистических категорий.

Начнем критический обзор переводов с названия произведения, поскольку в нем заложен определенный код для трактовки авторской идеи. «Синтез двух значений слова

¹⁴² Подробнее о биографии и творчестве А. Александру см. [Βασιλείαδης Αριστοτέλης].

¹⁴³ Подробнее о биографии и творчестве А. Сарандопулоса см. [Σαραντόπουλος, Ανδρέας].

“бедный” слышен и в самом названии романа “Бедные люди”. Причем, из двух вариантов — «неимущие люди» и «несчастные в силу своих нравственных качеств люди» — мы в первую очередь должны будем указать на второй вариант» [Баршт, 1994, с.82].

Показательно, что самый точный перевод названия романа сделан Сарандопулосом: «Φτωχοὶ ἄνθρωποι», букв. «Бедные люди» (φτωχός – 1. бедный, неимущий, нищий; 2. бедный, убогий; 3. бедный, скудный; 4. бедный, несчастный). В Евангелии от Матфея (Мф 5; 3) в древнегреческом тексте используется эта же лексема: Μακάριοι οἱ πτωχοὶ τῷ πνεύματι (Блаженны нищие духом). Как видим, язык перевода выдерживает многозначность оригинального текста. Коллеги Сарандопулоса иначе передают название, сохраняя лексему «φτωχός»: у С. Спафириса и К. Порфири – «Φτωχόκοσμος», букв. «Бедный мир», у А. Котзиаса и А. Александру – «Οἱ Φτωχοί», букв. «Бедные».

Роман «Бедные люди» создан в эпистолярном жанре, для которого свойственны определенные черты: формальные – обращения, подписи, повторы, порядок слов в предложении и др. и содержательные – ярко выраженное субъективное начало повествования, исповедальность, главные герои раскрываются в слове, для каждого из них характерная особая манера при создании письменного диалога. Остановимся чуть подробнее на слоге Макара Девушкина.

Для сопоставительного анализа мы избираем несколько отрывков из русского и соответствующих греческих текстов, иллюстрирующих наглядно переводческие манеры Сарандопулоса и Александру.

Первое «романтическое» письмо героя Варваре Доброселовой восторженно и радостно. «Я даже и помечтал сегодня довольно приятно, и все об вас были мечтания мои, Варенька. Сравнил я вас с птичкой небесной, на утеху людям и для украшения природы созданной. Тут же подумал я, Варенька, что и мы, люди, живущие в заботе и тревожении, должны тоже завидовать беззаботному и невинному счастью небесных птиц... то есть я все такие сравнения отдаленные делал»¹⁴⁴.

Размышления героя сентиментальны, проникнуты мотивами райского блаженства. В. Б. Тарасов отмечает, что «“Отдаленные сравнения” Макара Девушкина имеют смысловую опору, безусловно, в Нагорной проповеди Христа: “Посему говорю вам: не заботьтесь для души вашей, что вам есть и что пить, ни для тела вашего, во что

¹⁴⁴ Текст романа «Бедные люди» Ф. М. Достоевского приводится по изданию: Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. в 30-ти тт. Бедные люди. Повести и рассказы. 1846–1847. Л.: Наука, 1972. Т. 1. С. 13-108.

одеться. Душа не больше ли пищи, и тело – одежды? Взгляните на птиц небесных: они ни сеют, ни жнут, ни собирают в житницы; и Отец наш Небесный питает их. Вы не гораздо ли лучше их? ” (Мф. 6, 25–26). Забота Девушкина о еде, питье и одежде как забота о душе делает невозможным для него исполнение заповеди Нагорной проповеди» [Тарасов]. Приведем два перевода этого отрывка. Сарандопулос: «Σήμερα μάλιστα κι ένα σωρό ευχάριστα όνειρα – κι όλα τα όνειρα ήταν για σένα, Βάριενσκα. Σας φαντάστηκα σαν ένα πουλάκι τ’ ουρανού που πλάστηκε για παρηγοριά στους ανθρώπους και για στολίδι της φύσης. Και σκέφτηκα, Βάριενσκα, πως κι εμείς, οι άνθρωποι, με τις τόσες φροντίδες και ανήσυχίες μας, θα πρέπει να ζηλεύουμε την ξένοιαστη και αθώα ευτυχία που χαίρονται τα πετεινά τ’ ουρανού – κι όλο τέτοια σκεφτόμουν, θάμπα, μακρινά»¹⁴⁵, букв. «Я сегодня даже много помечтал приятно, всё о тебе, Варенька. Вас представил птичкой небесной, которая создана людям для утешения и для украшения природы. И подумал, Варенька, что и мы, люди, с такими заботами и тревогами, должны завидовать беззаботному и невинному счастью, которому радуются птицы – и обо всем таком думал, смутно, отдаленно». Александру: «Έφτασα μάλιστα να κάνω κι ευχάριστα όνειρα σήμερα κι όλα μου τα ονειροπολήματα στριφογυρίζαν γύρω από σας, καλή μου Βάρενσκα. Σας παρόμοιασα μ’ ένα πουλάκι τ’ ουρανού το δημιούργησε ο Πλάστης για να παρηγορήσει τους ανθρώπους και να στολίσει τη φύση. Αμέσως ύστερα, Βάρενσκα, σκέφτηκα πώς και μεις, που ζούμε όλο φροντίδες κι ανήσυχίες, θα πρέπει και μεις να ζηλεύουμε την ξένοιαστη κι αθώα ευτυχία των πετεινών τ’ ουρανού – ε, κι άλλα πολλά τέτοιες λογής και παρόμοια: δηλαδή, θέλω να πω, έκανα όλην ώρα κάτι τέτοιες συγκρίσεις και παρομοιώσεις. Έχω εκεί ένα βιβλίο, Βάρενσκα, και λέει κι αυτό τα ίδια, τα περιγράφει όλα τα τέτοια με πολλές λεπτομέρειες»¹⁴⁶, букв. «Вот я (сейчас) даже помечтал приятно сегодня, и все мои мечтания вращались вокруг вас, хорошая моя Варенька. Сравнил я вас с птичкой небесной, которую создал Бог (творец), чтобы она утешила людей и украсила природу. Тут же затем, Варенька, я подумал, что и мы, что живем всё в заботах и тревогах, должны и мы завидовать беззаботному и невинному счастью небесных птиц – ну, и другое многое подобного рода; то есть, я хочу сказать, что делал все время такие сопоставления и сравнения».

Безусловно, оба переводчика смогли отразить в греческом тексте восторженное чувство Макара Алексеевича, благодаря сохранению синтаксической структуры текста,

¹⁴⁵ Перевод А. Сарандопулоса приводится по изданию: Ντοστογιέφσκι Φ.Μ. Φτωχοί άνθρωποι. Μετ. Α. Σαραντόπουλος. Αθήνα: Εκδότικος οίκος Σ. Ι. Ζαχαρόπουλος & Σία Ο.Ε., 1990. 176 σ.

¹⁴⁶ Перевод А. Александру приводится по изданию: Ντοστογιέφσκη Φ.Μ. Οι Φτωχοί άνθρωποι. Μετ. Α. Αλεξάνδρου. Αθήνα: Εκδόσεις Γκοβοστη, 1990. 278 σ.

аккуратному отбору лексических единиц и адекватному созданию образов, отсылающих к евангельскому тексту.

Макар Алексеевич Девушкин, получив ироничный ответ Вареньки, меняет тональность повествования и начинает свое второе «отеческое» письмо от 8 апреля патетическим обращением «милостивая государыня, Варвара Алексеевна!», переданным Сарандопулосом, как «ευγενέστατη δεσποσύνη, Βαρβάρα [Αλεξέγιεβνα]», букв. «любезнейшая барышня, Варвара Алексеевна». Отчество героини указано тут же в квадратных скобках, как известно в греческой культуре нет традиции употребления имени и отчества при обращении. В дальнейшем переводчик снимает квадратные скобки в подобных случаях. Александру использует то же сочетание, но не заключает отчество в скобки. Далее у Достоевского: «Да, маточка, да, родная моя, знать, уж и денек такой на мою долю горемычную выдался!» – «Ναι, μανίτσα, ναι, ακριβή μου, η μοίρα μου στάθηκε πολύ πικρή σήμερα!» (Сарандопулос), букв. «Да, матушка (вариант: золотце моё), да, дорогая моя, матушка, да, дорогая (вариант: любимая, милая) моя, доля моя оказалась совсем горемычной сегодня!». – «Ναι μανίτσα μου, ναι καλούλα μου, φαίνεται πως τόχει γραμμένο η θλιβερή μου μοίρα να την πιω αυτή τη μέρα σαν πικρό ποτήρι!» (Александру), букв. «Да, матушка моя, да, хорошенькая моя, кажется, что предначертано мне испить горестную мою долю в этот день, как горькую чашу».

В обращении Макар Алексеевич использует просторечную ласкательную форму «маточка», переданную переводчиками как «μανίτσα», образованную от обиходного существительного «μάνα» (мама) прибавлением уменьшительно-ласкательного постфикса для женского рода –ιτσα. Такой выбор можно считать эквивалентным. Очевидно, что переводчикам удастся передать и авторскую идею, воплощенную и в лексеме «маточка». И русский, и греческие варианты отражают многогранность чувств пожилого героя к молодой собеседнице. «Макар Алексеевич любит Вареньку и как возлюбленный <...>, и как друг, и как отец, и как сын» [Ветловская, 1988, с.135]. Лаконичный русский текст Александру распространяет фразеологическим оборотом с ветхозаветными аллюзиями, сравнением, переносным значением слова «ποτήρι», что утяжеляет фразу.

Далее у Достоевского: «Да; подшутили вы надо мной, стариком, Варвара Алексеевна! Впрочем, сам виноват, кругом виноват! Не пускаться бы на старости лет с клочком волос в амурь да в экивоки...» – «Ναι· θελήσατε ν' αστευτείτε μαζί μου, με μένα, ένα γεροντάκι, Βαρβάρα Αλεξέγιεβνα! Όπως και να' ναι, φταίω εγώ ο ίδιος και κανένας άλλος. Γιατί να καταπιαστώ με αγάπες και διφορούμενα τώρα στα γεράματα, με πέντε τρίχες όλες-όλες στο κεφάλι...» (Сарандопулос), букв. «Да; вы захотели подшутить

надо мной, надо мной, над старичком, Варвара Алексеевна! Как бы то ни было, я сам виноват и никто другой. Зачем я взялся за нежности и двусмысленности сейчас на старости лет с пятью волосинками всего-навсего на голове...». – «Ναι· με πήρατε λιγούλακι στο ψιλό, εμένα το γέρο, Βαρβάρα Αλεξέγιεβνα! Εδώ που τα λέμε, εγώ ο ίδιος φταίω, εγώ είμαι ο μόνος φταίχτης, πέρα ως πέρα. Ποιός μου είπε, τώρα στα γεράματα, με μια τούφα μαλλιά να καταπιαστώ με έρωτες και υπονοούμενα» (Александр), букв. «Да; чуть-чуть вы подшутили надо мной, над стариком, Варвара Алексеевна! Если на то пошло, я один виноват, я один виновник кругом. Кто мне сказал, что на старости лет с одним пучком волос я примусь за любовь и намеки».

Переводчики передают повторы русского текста, сохраняют восклицательную интонацию. Слово «амуры» имеет отчетливую шутивную, ироническую коннотацию при определении любовных отношений. Использованное Сарандопулосом «αγάτες» во мн. ч. приобретает иронический оттенок и может быть переведено, как «нежности». Существительное же «έρωτες», приведенное Александром, менее удачно, на наш взгляд, поскольку имеет иное значение, отражающее интимную сторону отношений¹⁴⁷. В русском тексте встречаем галлицизм во мн. ч. «экивок», *équivoque*, в значении «проделки, замысловатые ухищрения, выверты», имеющий оттенок просторечного, переданного греческими лексемами «διφορούμενα» (двусмысленности) и «υπονοούμενα» (подразумеваемое, намеки, недосказанности). Вариант Сарандопулоса нам кажется более точным. Образное выражение «с клочком волос» передано парафразой «με πέντε τρίχες όλες-όλες στο κεφάλι» (с пятью волосинками всего-навсего на голове) у Сарандопулоса и эквивалентным образным выражением «με μια τούφα μαλλιά» (с одним пучком волос) у Александра. Причем последний использует игру прямого и переносного значения слова «τούφα» (пасма *пряжи*, пучок *травы* и т.п., прядь *волос*).

У Достоевского: «Я, маточка, не сержусь, а так досадно только вспоминать обо всем, досадно, что я вам написал фигурно и глупо. И в должность-то я пошел сегодня таким гоголем-щеголем; сияние такое было на сердце. На душе ни с того ни с сего такой праздник был; весело было! За бумаги принялся рачительно – да что вышло-то потом из этого!» – «Εγώ, μανίτσα, δε θυμώνω· μόνο που αγαναχτώ πολύ σαν θυμάμαι όλα κείνα που σας έγραψα τόσο παραστατικά, και τόσο ανόητα. Και στο γραφείο πήγα σήμερα σαν κανένας δανδής, και με την καρδιά μου ολοφώτεινη. Κι η ψυχή μου λες και γιορτάζει – τόσο πολύ χαίρουν! Καταπιάστηκα με ζήλο με τα χαρτιά μου – μα τι βγήκε ύστερα απ' αυτό!» (Сарандопулос), букв. «Я, матушка, не сержусь; только что негодую очень, как вспоминаю все то, что я вам написал так образно, так глупо. А в контору я пошел

¹⁴⁷ Μπαμπινιώτης Γ. Λεξικό της νέας ελληνικής γλώσσας. Αθήνα : Κεντρο λεξικολογίας, 2012. Σ.765.

сегодня как какой-то щеголь с сияющим сердцем. И душа моя как будто праздновала – так я очень радовался. Взглянул с усердием за бумаги свои – но что вышло потом из этого!» – «Εγώ, μανίτσα μου, εγώ δε θυμώνω, μόνο που με πιάνει θλίψη και καῦμός σαν τ' αναθυμάμαι όλ' αυτά, ντρέπουμε σαν αναθυμάμαι πως έκατσα και σας έγραψα τόσο ανόητα και περιδιαγραμμάτου. Και να δείτε που σαν ξεκίνησα για το γραφείο ήμουνα σα νεαρός, δανδής. Είχα μέσα στην καρδιά μου όλο το φως του κόσμου. Η ψυχή μου – έτσι στα καλά καθούμενα – λες κι είχε πανηγύρι· περπατούσα και ξεχειλίζα χαρά! Καταπιάστηκα δραστήρια με τα χαρτιά μου – κι τι βγήκε απ' όλα αυτά;» (Александрю), букв. «Я, матушка моя, не сержусь, только охватывает меня печаль и сильное огорчение (досада), как это все вспоминаю, стыжусь, как вспоминаю, как сидел и вам писал так глупо и фигурно. И взгляните, как я отправился в контору, был как юноша, щеголь. В сердце моем было все сияние мира. Душа моя – вот так, как сидим – праздник имела; шел и был преисполнен радости! Взглянул активно за бумаги – и что вышло из всего этого?».

Сарандопулос не сохраняет повторение наречия «досадно», ограничивается сочетанием «αγαναχτώ πολύ» (негодую очень). Александрю, отталкиваясь от значения русской формы, существенно распространяет текст: «με πιάνει θλίψη και καῦμός <...> ντρέπουμε» (охватывает меня печаль и сильное огорчение (досада) <...> я стыжусь).

Удачно подобранным эквивалентом к сочетанию «написал фигурно» можно считать «έγραψα περιδιαγραμμάτου» (Александрю). Лексема «περιδιαγραμμάτου» имеет устаревшее значение «высокопарно» и т.п.¹⁴⁸ В русском тексте встречаем вышедшее из словесного обихода выражение «в должность пошел», что значит «на службу пошел», адекватно переданное, как «στο γραφείο πήγα» (в контору пошел) и «ξεκίνησα για το γραφείο» (отправился в контору), подчеркивающее чиновничий характер профессиональной деятельности героя. Разговорное выражение «я пошел гоголем-щеголем», имеющее ироническое значение (ср. «держаться франтом»), передано в обоих случаях сравнением: у Сарандопулоса «σαν κανένα δανδή» (как какой-то щеголь), с уточнением у Александрю «σα νεαρός, δανδής» (как юноша, щеголь). Книжное, устаревшее наречие «рачительно» переведено предложно-существительным сочетанием «με ζήλο» (с усердием), что можно считать более подходящим соответствием, чем «δραστήρια» (активно, энергично).

Читаем далее русский текст, преисполненный печалью главного героя: «Уж потом только как осмотрелся, так всё стало по-прежнему – и серенько и темненько. Всё те же чернильные пятна, всё те же столы и бумаги, да и я всё такой же; так, таким был,

¹⁴⁸ Подробнее об этимологии и употреблении словоформы «περιδιαγραμμάτου» см. словарную статью в электронном словаре греческого языка: <http://www.slang.gr/definition/27187-peri-dia-grammatou>

совершенно таким же и остался, – так чего же тут было на Пегасе-то ездить? Да из чего это вышло-то всё? Что солнышко проглянуло да небо полазоревело!» – «Μόλις μου πέρασε η φούρια, είδα πως όλα πήραν την προηγούμενη όψη τους – θολά και σκοτεινούτσικα. Ξανά οι ίδιες μελανιές, τα ίδια τραπέζια και χαρτιά, κι εγώ – ίδιος συνέχεια: όπως ήμουν, τέτοιος κι έμεινα – και τι βγήκε από την ιδέα μου να καβαλήσω τον Πήγασο; Και από πού ξεκίνησαν αυτά; Είναι, τάχα, γιατί φάνηκε λίγος ήλιος και ξαστέρωσε ο ουρανός;» (Сарандопулос), букв. «Только меня охватила спешка, я увидел, что всё приняло прежний свой вид – тускло и темновато. Вновь те же чернильные пятна, те же столы и бумаги, и я – такой же всё время: каким был, таким и оставался – и что вышло из затеи моей ездить на Пегасе? Откуда это всё началось? Потому что ли немного солнца показалось и прояснилось небо?» – «Σε λίγο, μόλις κοιτάχτηκα, όλα γίναν σαν και πρώτα – σταχτούτσικα και στενούστικα. Πάλι οι ίδιοι λεκέδες της μελάνης, πάλι τα ίδια τραπέζια και τα χαρτιά κι εγώ πάλι ο ίδιος: έτσι ήμουνα, τέτοιος απόμεινα ίδιος κι απaráλλαχτος – τι μου σκαρφίστηκε λοιπόν να καβαλήσω τον Πήγασο; Μα και τι έτρεξε αλήθεια για να γίνουν όλ' αυτά; Επειδή βγήκε μια στάλα ο ήλιος και ξαστέρωσε ο ουρανός; » (Александру), букв. «Вскоре, как только я огляделся, все стало по-прежнему – серовато и тесновато. Вновь те же чернильные пятна, вновь те же столы и бумаги, и я вновь тот же; каким был, точно таким и остался – что мне вздумалось на Пегасе ездить? Но что произошло действительно, чтобы случилось все это? Чтобы вышло немного солнца и прояснилось небо?».

Усилительная форма качественно-обстоятельного наречия «серенько» передана Сарандопулосом как «θολά» (тускло), утрачено уменьшительное значение, тогда как Александру использует эквивалентную форму «σταχτούτσικα» (серовато, пепельного цвета). Усилительная форма качественного народно-поэтического наречия «темненько» передана Сарандопулосом уменьшительной разговорной формой качественного наречия «σκοτεινούτσικα» (темновато), во втором переводе – «στενούστικα» (тесновато, узковато), что несколько искажает исходную лексему и образ ей созданный. Крылатое выражение «на Пегасе ездить» имеет древнегреческое происхождение, оно прекрасно знакомо переводчикам и передано точно. Перед нами редкий случай межкультурной симметрии. Буквальный перевод фразеологического сращения возможен благодаря общеизвестности мифологического образа Пегаса, крылатого коня бога Аполлона, который понятен и русскому и греческому читателю. Сочетание «небо полазоревело» в греческих текстах передано «ξαστέρωσε ο ουρανός» (прояснилось небо). Для переводчиков оказывается трудной задачей передать глагольную форму «полазоревело», встречающуюся в языке Достоевского лишь один

раз и являющуюся неологизмом. Э. М. Жиликова комментирует форму «полазоревело», как заимствование из «Шильонского узника» В. А. Жуковского [Жиликова, 1989, с.136]. Этимологически этот глагол восходит к греческому существительному «το λαζούριο», что значит «лазуревый камень», «лазурь, небесно-голубой цвет». Но в греческом языке отсутствует глагольная форма, обозначающая окрашивание предмета в небесно-голубой цвет. Хотя подобная словообразовательная модель существует: κόκκινος (красный) – κοκκινίζω (окрашивать в красный цвет), πράσινος (зеленый) – πρασινίζω (окрашивать в зеленый цвет) и др. И значит форма *λαζουρίζω* потенциально возможна, но переводчики пошли пути парафразы, используя глагол *ξαστερώνω* – проясняться (ср. сущ. η ξαστή – чистое, безоблачное небо; ясная погода; звездная ночь; прил. ξάστερος – ясный, чистый, звездный).

Поиск лексического эквивалента – труднейшая задача переводчика. Рассмотрим отдельные примеры, раскрывающие сложности переводческого процесса. У Достоевского: «говорит, что христарадничаю, что я по худой дороге пошла». Устаревший глагол «христарадничать» в значении «нищенствовать, просить милостыню» Сарандопулос передает описательно: «ζητιανεύω», букв. «нищенствую (прошу милостыню)». Ближе к оригиналу оказывается вариант Александру: «ψωμοζητώ» – глагольная форма, состоящая из двух корней «ψωμί» (хлеб) и «ζητώ» (просить), что соответствует значению «нищенствовать (собирать милостыню, жить подаянием)».

Разговорное выражение «хлеб-соль» невозможно воспроизвести в греческом тексте без потери его семантики, и потому переводчики используют равноценную лексему «φιλοξενία» (гостеприимство, радушие).

У Достоевского: «Вам, может быть, такая материя не нравится, да и мне вспоминать не так-то легко» – «Ἴσως ν' αρέσουν σε σας αυτά, μα σε μένα δεν είναι και τόσο εύκολο να τα θυμάμαι» (Сарандопулос), букв. «Может быть, вам и понравится это, но мне не так легко это вспоминать». – «Εσάς μπορεί να μην σας αρέσουν τέτοια θέματα, μα και μένα, δε μου είναι και τόσο εύκολο να τ' αναθυμάμαι» (Александру), букв. «Вам, может быть, не нравятся такие темы, да и мне вспоминать не так-то легко».

Сарандопулос в данном случае деформирует текст, опуская слово «материя» в устаревшем книжном значении «тема, предмет, речи», Александру подбирает лексический эквивалент современного греческого языка: «θέματα» (темы).

Книжная форма греческого языка «οι ευωδιές» (благоухания, ароматы), выбранная Сарандопулосом, адекватно отражает «ароматы» в русском тексте, тогда как Александру приводит нейтральное существительное «αρώματα» (ароматы).

Морфологические признаки исходного языка не всегда удается равно передать в переводящем языке. Однако нам встретились удачные примеры подобных трансформаций. Достоевский в изобилии использует уменьшительно-ласкательные формы, которые прекрасно воспроизводятся средствами греческого языка: «квартирка» – «το μικρό σπίτι» (Саандопулос), букв. «маленький дом, жилище, квартира» – «το σπίτιάκι» (Александрю), букв. «домик»; «старушка» – в обоих случаях «γριούλα», букв. «старушка» (форма образуется прибавлением постфиксом ж. р. -ούλα); «голубчик» – переводчики образуют уменьшительно-ласкательные формы от существительного «περιστέρι» (голубь): «περιστεράκι» (Сарандопулос) и «περιστερούλα» (Александрю), букв. «голубочек» и др.

Определенные затруднения переводчики испытывают при работе с реалиями. Приведем отдельные примеры передачи реалий русской культуры новогреческим языком. У Достоевского: «Она, бывало, всё вязала из лоскутков разных одеяла на аршинных спицах» – «Ἐπλεκε, θυμάμαι, συνέχεια από κάτι κουρέλια διάφορα ρούχα με μακρίες βελόνες» (Сарандопулос), букв. «Вязала, помню, она постоянно из каких-то лоскутков разную белье (одежду) на длинных спицах». – «Καθότανε θυμάμαι κι όλο έπλεκε χράμια από λογής-λογής κουρέλια με κάτι βελόνες ένα πήχυ μακρίες» (Александрю), букв. «Сидела, помню, и все вязала шерстяные покрывала из всякого рода лоскутков на спицах в аршин длиной».

Рассмотрим словосочетание «на аршинных спицах». Прилагательное «аршинный», которое образуется от существительного «аршин» – старинная русская мера длины, равная 0,711 метра, является этнографической реалией и переводится Сарандопулосом вполне уместным синонимичным, понятным получателю переводного текста, сочетанием «на длинных спицах». Однако существует возможность передать точно лексему, как и поступает Александрю: «πήχυς» (аршин). «Одеяла» заменены на «ρούχα» (трансформационная операция генерализации), букв. «белье (одежда)» и на «χράμια» (трансформационная операция конкретизации), букв. «шерстяные простыни, покрывала», хотя логичнее «κουβέρτες», букв. «одеяла».

«Тридцать пять рублей ассигнациями» – «τριάντα πέντε χάρτινα ρούβλια» (Сарандопулос), букв. «тридцать пять бумажных рублей» – «τριάντα χάρτινα ρούβλια» (Александрю), букв. «тридцать бумажных рублей». Переводчики сужают понятие «ассигнации» до «рубля», распространенное и по сей день, поскольку навряд ли греку-читателю знакомо такое название бумажных денежных знаков в России XVIII–XIX вв. Нужно сказать, что Александрю в другом примере выносит в сноску комментарий в отношении русских денежных единиц: «пять целковых» – «πέντε ασημένια» (пять

серебряных) – сноска: Στα 1840 το ασημένιο ρούβλι είχε τριάμισι χάρτινα (В 1840 серебряный рубль равнялся 3, 5 бумажных).

«Самовары у нас хозяйские» – «Τα πιο πολλά σαμοβάρ είναι ιδιοκτησία» (Сарандопулос), букв. «Большинство самоваров – в собственности» – «τα σαμοβάρια δω μέσα είναι τα περισσότερα της σπιτονοικοκυράς» (Александру), букв. «большинство самоваров здесь хозяйки». В данном случае этнографическая реалия «самовар», ставшая уже интернациональной, транслитерирована. Русское слово «чухна» в значении «простоватый, глупый» переведено «αμόρφωτος» (Сарандопулос), букв. «необразованный, некультурный» и «μλουρτζόβλαχος» (Александру), букв. «деревенщина», второй вариант нам кажется более соответствующим. «Пряничные петушки» эквивалентно переданы в обоих случаях, как «κοκοράκια [γλυκίσματα]» (Сарандопулос), букв. «петушки [сладости]»; – «“κοκοράκια”» (Александру), букв. «петушки». Устаревшее слово французского происхождения «салоп», обозначающее верхнюю женскую одежду, переведено описательно в обоих случаях «ζεστό πανωφόρι», букв. «теплая верхняя одежда».

В следующем примере Сарандопулос опускает слово шляфрок в немецком написании, затрудняющее понимание текста греческим читателем, и передает его описательно: «Хозяйка... целый день в туфлях да в шляфроке ходит» – «Η σπιτονοικοκυρά... όλη μέρα γυρίζει με τις παντόφλες και τη ρόμπλα της», букв. «Хозяйка... целый день ходит в туфлях и домашнем халате». Александру не подобрав эквивалента, в описании внешнего вида женщины опускает эту деталь ее одежды.

Отметим случаи уточнения в сносках, приведенные Александру: «Тереза да Фальдони» – «Η Τερέζα κι ο Φαλντόνι» – сноска: «“Τερέζα και Φαλντόνι”», αισθηματικό γαλλικό ρομάντζο του Λεονάρ, букв. «“Тереза и Фальдони”», sentimentalный французский роман Леонара); «Волково» – «Βόλκοβο» – сноска: «Νεκροταφείο στην Πετρούπολη», букв. «Кладбище в Петербурге» (Сарандопулос вносит комментарий непосредственно в текст романа: [νεκροταφείο]); «Гостинный двор» – «Γκοστίни Ντορ» (ошибка в транскрипции) – сноска: «Μεγάλη αγορά», букв. «Большой рынок»; «Поль де Кок» – «Πωλ ντε Κок» – сноска: «Πωλ ντε Κок (1749–1871): Γάλλος συγγραφέας που έγραψε “σόκιν” ρομάντζα», букв. «Поль де Кок (1749–1871): французский писатель, который писал фривольные романы»; «Шинель» – «Η χλαίνη», букв. «Шинель» – сноска: «Διηγήματα του Γκόγκολ. Περιγράφει ένα δημόσιο υπάλληλο που με χίλια βάσανα καταφέρνει να ράψει μια χλαίνη, μα πριν προλάβει να τη φορέσει του την κλέβουν», букв. «Повесть Гоголя. Он описывает некоего служащего, которому с большими усилиями удается сшить шинель, но прежде чем он успевает ее поносить, ее крадут»

(Сарандопулос в данном случае ограничивается только неточным указанием названия произведения: «Το παλτό», букв. «Пальто»); «Пчелка» – «Μέλισσα», букв. «Пчела» – сноска: «“Северная пчела”»: газета Петербурга».

Портретные описания в творчестве Достоевского имеют особую характеристику. Макар Девушкин дает трогательный портрет внучки пожилой женщины, у которой герой снимал комнату. «Внучка у ней Маша была – ребенком еще помню ее – лет тринадцати теперь будет девочка. Такая шалуныя была, веселенькая, все нас смешила...» И далее описание того, как девочка с увлечением слушала сказки бабушки: «Α дитя-то, шалуныя-то наша, призадумается; подопрет ручонкой розовую щечку, ротик свой раскроет хорошенький и, чуть страшная сказка, так жметя, жметя к старушке» – «Η εγγονή της η Μάσια, τη θυμάμαι από μικρή ακόμα, θα είναι σήμερα δεκατριών χρονών. Ήταν παιχιδάρα, πρόσχαρη, μας έκανε να γελάμε <...> Και η μικρή, το πειραχτήρι μας, ήταν όλο αφτιά, ακουμπούσε με το ρόδινο μαγουλάκι στο χεράκι της, άνοιγε πότε-πότε τ' όμορφο στοματάκι, και μόλις κάπου την τρώμαζε το παραμύθι σφιγγόταν πάνω στη γριούλα» (Сарандопулос), букв. «Внучка ее Маша, ее помню еще ребенком, тринадцати лет сейчас. Была шаловливая, веселая, нас смешила <...> Малышка, мучительница наша, вся превращалась в слух, подпирала ручкой своей розовую щечку, открывала иногда красивый ротик, и едва ее где-то пугала сказка, она жалась к старушке». – «Είχε μια μικρή εγγονή, τη Μαρίτσα – τη θυμάμαι μωρό ακόμα – θάναί κάπου δεκατριών χρονώ κοριτσάκι τώρα. Ήταν μια πεταχτούλα, ξέρετε, πάντοτε κεφάτη, όλο μας έκανε και γελάμε <...> Και μικρή, η αταχτούλα μας έπεφτε που λέτε σε βαθειά συλλογή, ακούμπαγε το ρόδινο μαγουλάκι της στη μικρή γροθίτσα της, άνοιγε το στοματάκι της και μόλις έφτανε το παραμύθι σε μέρος που την τρώμαζε, μαζευόταν και σφιγγόταν πάνω στην γριούλα» (Александрю), букв. «У нее была маленькая внучка, Машенька – я помню ее еще ребенком – будет около лет тринадцати. Она была шустренькая, знаете, всегда в хорошем настроении, все нас заставляла смеяться <...> Малышка, непослушница наша, задумывалась глубоко, как говорится, подпирала розовую щечку маленьким кулачком, открывала свой ротик и как только сказка подходила к месту, которое ее пугало, она прижималась и жалась к старушке».

В русском тексте дважды встречается определение «шалунья», в первом случае у Сарандопулоса оно переведено «παιχιδάρα», форма ж. р. от «παιχιδάρης» букв. «любящий играть, игривый, кокетливый, шаловливый», и во втором «το πειραχτήρι», букв. «мучитель» (обычно об озорном ребенке). Более удачным, семантически близким к оригиналу, можно считать первый выбор переводчика и не достаточно оправданным второй вариант. Александрю также не передает повтор в описании девочки и

использует две разные, менее удачные формы: «πεταχτούλα» (шустренькая) и «η αταχτούλα» (непослушница). Глаголу «призадумается», синонимичному «подумает, погрузится в раздумье, витает мыслями в облаках» ближе по значению глагол προσέχω – «внимательно следить, слушать», но Сарандопулос его передает как «ήταν όλο αφτιά», что буквально означает «превращалась в слух, слушала во все уши», а Александру «έλεφετε σε βαθειά συλλογή», букв. «глубоко задумывалась». Сарандопулос опускает повтор глагольной формы «жмется», динамика изображения снижается, Александру в этом примере использует близкие по значения лексемы: «μαζεύόταν και σφιγγόταν» (прижималась и жалась). В целом образ внучки передан близко к оригиналу.

Особую трудность для переводчиков представляет передача говорящих имен, фамилий. Сарандопулос последовательно воссоздает имена с помощью транскрипции, а Александру чаще пользуется транслитерацией: Макар Алексеевич Девушкин – Μακάρ Αλεξέγιεβιτς Ντιέβουσκιν (Сарандопулос), Μακάρ Αλεξέγιεβιτς Ντεβούσκιν (Александру), Варвара Алексеевна Добросёлова – Βαρβάρα Αλεξέγιεβνα Ντομπροσιόλοβα (Сарандопулос, Александру), Быков – Μπίκοφ (Сарандопулос), Μπίκοβ (Александру), Покровский – Πокρόφски (Сарандопулос), Πокρόβσκη (Александру). Оба переводчика избегают создания метатекста, комментария при работе с русскими именами. Как известно, имя Макар древнегреческого происхождения и имеет значение «блаженный». Можно предполагать, что и современный греческий читатель знаком с его этимологией. Отсутствие комментария переводчика в данном случае оправдано. Фамилия главного героя – Девушкин – отсылает нас не только к христианскому мотиву «сына девушки» [Яблоков] и приближает героя Достоевского к образу Христа, но и к библейскому мотиву грехопадения. «Ее <фамилии – Е. Л.> главная идея, возможно, связана с тем, что некий первый Девушкин (первоноситель матронимичной фамилии) был сыном безмужней и бесфамильной “девушки”. <...> “Девушками” называли служанок, работниц, горничных» [Владимирцев, 1983, с.87]. Фамилия студента Покровского так же является значимой и ассоциируется с праздником Покрова Пресвятой Богородицы. Как видим, в отношении фамилий главных героев очевидно недостаточно воспроизведения звукового или буквенного состава слова, необходимы сноски с пояснениями его внутренней формы. Текст перевода существенно обедняется.

Обратимся к анализу фразеологических единиц в греческих переводах. Роль фразеологии в художественном тексте огромна. Фразеологические единицы помогают создать яркие, живые образы повествования, раскрыть замысел произведения, передают стилистику автора. Переводчик всегда сталкивается с проблемой выбора при работе с фразеологическими единицами. По какому трансформационному пути он

пойдет: подберет ли удачный эквивалент, аналог или даст дословный перевод и калькирует фразеологизм одной языковой культуры в другую, или же только описательный перевод позволит донести ему смысл оригинального фразеологизма.

Рассмотрим примеры работы переводчиков с фразеологизмами.

У Достоевского: «А ведь случается же иногда заблудиться так человеку в собственных чувствах своих да занести околесную» – «Τυχαίνει να μπερδευτεί καμιά φορά ο άνθρωπος μέσα στα ίδια του τα αισθήματα, και να ξεστρατίσει λέγοντας άλλ' αντ' άλλων» (Сарандопулос), букв. «Случается запутаться человеку иногда в своих чувствах и сбиться, говоря чепуху». – «Γιατί πρέπει να ξέρετε πως συμβαίνει καμιά φορά να μπερδευτείς και να χάσεις το δρόμο σου μεσ' τα αισθήματα σου και ν' αρχίσεις να λες άλλα των άλλων» (Александрю), букв. «Потому что вы должны знать, что случается иногда запутаться и потерять свой путь в собственных чувствах и начать говорить чепуху».

Просторечный фразеологизм «занести околесную» («нести околесицу») имеет значение «говорить чепуху, вздор» переведен в допустимых вариантах в русском переводе «говорить одно вместо другого». Переводчики не найдя эквивалентного образного оборота, используют трансформационный прием описательного перевода.

Фразеологизм «седьмая вода на киселе», имеющий ироническое значение, указывающей на дальнейшее родство представлен следующим образом: «από της συκιάς το γάλα» (Сарандопулос), букв. «молоко из инжира»; «“η μαμά σου κι η μαμά μου άπλωναν τη πλουγάδα τους στο ίδιο σκοινί”» (Александрю), букв. «твоя мама и моя мама вешают белье на одной веревке». Сарандопулос подбирает фразеологический эквивалент, а вариант Александрю искажает исходный текст, поскольку имеется в виду общее происхождение людей, их схожие взгляды на жизни, привычки и т.п.

У Достоевского: «Я, Варенька, старый, неученый человек; смолоду не выучился, а теперь и в ум ничего не пойдет, коли снова учиться начинать» – «Εγώ, Βάριενσκα, είμαι ένας γέρος κι ένας αγράμματος άνθρωπος: δε σπούδασα στα νιάτα μου, και τώρα, αν αρχίσω να μαθαίνω τίποτα, θα τα φορτώσω στον κόκορα» (Сарандопулос), букв. «Я, Варенька, старый и неграмотный человек, в молодости не учился, если начну изучать что-нибудь, то нагрузу петуха». «Εγώ, καλή μου Βάρενκα, είμαι ένας γέρος κι αγράμματος άνθρωπος, σαν ήμουν νέος δε σπούδασα και τώρα πια, απ' τόνα αυτί θα μπαίνουν κι απ' τ' άλλο θα βγαίνουν, όσα κι αν καθόμουνα να μελετήσω» (Александрю), букв. «Я, хорошая моя Варенька, старый и неграмотный человек, как был молодым не учился и теперь уже, в одно ухо входит и из другого выходит, если бы сел учиться». Греческие переводы в обоих случаях интересны присутствием фразеологических единиц: «θα τα φορτώσω στον κόκορα», имеющий значение «перекладывать свои обязанности на

другого» [Σαραντάκος, 1997, с.58] и «απ' τόνα αὐτί θα μπαίνουν κι απ' τ' ἄλλο θα βγαίνουν», совпадающее с русским «в одно ухо влетает, в другое вылетает». Так перифразами передано высказывание «а теперь и в ум ничего не пойдет, коли снова учиться начинать».

У Достоевского: «Вы не смотрите на то, что я такой тихонький, что, кажется, муха меня крылом перешибет» – «Μη με βλέπετε τόσο ἤσυχο ποταμάκι, πῶς και μια μύγα, ἴσως, μπορεῖ να μου κάνει κακό» (Сарандопулос), букв. «Не смотрите на меня как на тихую речушку, что и муха, может быть, сможет мне сделать зло». «Μην κοιτάτε που στόμα ἔχω και μιλιὰ δε βιάζω, μην κοιτάτε που αν με δει κανεῖς θα νομίσει πῶς εἶμαι μιας φουσηξιάς ἄνθρωπος» (Александрю), букв. «Не смотрите, что уста имею и речь не произношу, не смотрите, что если меня увидит кто-нибудь, посчитает что я человек, которого сдуть можно (щупленький)». Сарандопулос использует описательный перевод с элементами дословного образного выражения «муха меня крылом перешибет», но компенсирует потерю присутствием в первой части предложения сравнение героя с тихой речушкой. В греческом языке есть поговорка «τα σιγανά ποτάμια/ποταμάκια να φοβάσαι», имеющая русский эквивалент «в тихом омуте черти водятся». Интересно присутствие в обоих выражениях лексемы со значением «воды»: ποτάμι (река), омут [Σαραντάκος, 1997, с. 44]. Перевод Александрю значительно уступает.

Иносказательное выражение «всё на тонкой ноге», в значении «прилично, негрубо» по-гречески передано описательно «όλο ευγένεια» (Сарандопулос), т.е. «всё благородно» и «επικρατεῖ μεγάλη λεπτότης» (Александрю), букв. «царит большая утонченность».

Выражение «кабалу стряпал», в значении «взводил напраслину», Сарандопулос передает нейтрально как «έβλαψα κάποιον», букв. «обидел кого-нибудь», а перевод Александрю точнее: «έβαλα λόγια», букв. «наговаривать».

У Достоевского: «напишите всё... о вашем житье-бытье» – «να μου τα γράψετε όλα... για την ζωή σας γενικά» (Сарандопулос), букв. «напишите мне всё... о вашей жизни в целом». «να μου τα γράψετε όλα... – πῶς τα περνάτε και τι κάνετε» (Александрю), букв. «напишите мне – как вы время проводите и что делаете». Разговорное выражение «житье-бытье» переведено описательно.

У Достоевского: «на нет и суда нет» – «όλοι εἶναι ευχαριστημένοι ἀπό μένα» (Сарандопулос), букв. «все довольны мной» и «όσο μπορώ, τοῦτο κάνω» (Александрю), букв. «что могу, то делаю». При передаче русской поговорки в значении «отсутствие претензий, недовольства, даже если желание не может быть удовлетворено» вновь используется описательный перевод.

Как видим, наиболее продуктивным способом передачи фразеологии романа становится описательный перевод.

Мы критически рассмотрели два перевода романа «Бедные люди» Ф. М. Достоевского на новогреческий язык: А. Сарандопулоса и А. Александру. Оба переводчика профессионально подходят к созданию вторичного текста, адекватно воспроизводят основные черты русского слова. Следует отметить, что каждый вариант перевода обладает своими достоинствами и недостатками. Так, Сарандопулос более точен, буквален в воспроизведении лексического уровня, однако, стилистически маркированные единицы (книжные, устаревшие или разговорные выражения и т.д.) не всегда передаются эквивалентно. Перевод Александру, наряду с успешными языковыми трансформациями, отличает описательность в подборе соответствий при передаче безэквивалентных единиц, фразеологических оборотов и т.д. Потери, возникающие при перевыражении оригинального текста в ином языковом и культурном пространстве, неизбежны, но в случае рассматриваемых переводов они не деформируют текст русского писателя, и значит, оправданны. Переводы Сарандопулоса и Александру становятся яркими примерами адекватного воплощения слова Достоевского в греческом литературном пространстве.

Список литературы:

- Баршт К. А.* Две переписки. Ранние письма Ф. М. Достоевского и его роман «Бедные люди» // Достоевский и мировая культура. № 3. М., 1994. С. 77-93.
- Ветловская В.* Роман Ф. М. Достоевского «Бедные люди». Л.: Худож. лит., 1988. 205 с.
- Владимирцев В. П.* Опыт фольклорно-этнографического комментария к роману «Бедные люди» // Достоевский: Материалы и исследования. Л.: Наука, 1983. Вып. 5. С. 74–89.
- Жулякова Э. М.* Традиции сентиментализма в творчестве раннего Достоевского. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1989. 272 с.
- Николау Н. Г.* «Быть греком – это быть православным» // Греческая газета [Электронный ресурс]. Режим доступа <http://www.greekgazeta.ru/archives/nomer05/articles/16.shtml> (дата обращения: 14.02.2018).
- Тарасов Ф. Б.* «Бедные люди» Достоевского: дебют писателя // Образовательный портал «Слово» [Электронный ресурс]. Режим доступа http://www.portal-slovo.ru/philology/37083.php?ELEMENT_ID=37083&PAGEN_1=3%29 (дата обращения: 13.02.2018).
- Яблоков Е. А.* Сын девушки, ставший словом (Мифопоэтические мотивы романа Ф. М. Достоевского «Бедные люди») // [Электронный ресурс]. Режим доступа <http://www.ejablokov.ru/article1.html> (дата обращения: 13.02.2018).
- Βασιλείαδης, Αριστοτέλης* (Ψευδώνυμο: Αλεξάνδρου Ἀρης) // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ekebi.gr/frontoffice/portal.asp?cpage=NODE&cnode=461&t=97> (дата обращения: 13.02.2018).
- Σαραντάκος Ν.* Το αλφαβητάρι των ιδιωματικών εκφράσεων. Αθήνα: Δίαυλος 1997. 74 σσ.

Σαραντόπουλος, Ανδρέας // [Электронный ресурс]. Режим доступа:
http://www.biblionet.gr/author/9957/%CE%91%CE%BD%CF%84%CF%81%CE%AD%CE%B1%CF%82_%CE%A3._%CE%A3%CE%B1%CF%81%CE%B1%CE%BD%CF%84%CF%8C%CF%80%CE%BF%CF%85%CE%BB%CE%BF%CF%82 (дата обращения:
13.02.2018).

Манолопулу П.
Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова
г. Москва (Россия)

Manolopulu Paraskevi
Lomonosov Moscow State University
Moscow (Russia)

ПЕРЕВОДЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ ГЛАГОЛОВ С ДВОЙНЫМ УПРАВЛЕНИЕМ С ГРЕЧЕСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ

TRANSLATION STRATEGIES FOR TRANSLATING VERBS WITH DOUBLE CONTROLS FROM GREEK TO RUSSIAN

Статья посвящена проблеме перевода греческих глаголов на русский язык. В частности, дается сравнительно-сопоставительный анализ переводческих стратегий при переводе глаголов с двойным управлением с греческого языка на русский. Предлагается классификация греческих глаголов в соответствии с падежами, которыми они управляют; сопоставляются примеры их употребления в греческом и русском языках. Сделаны выводы об адекватности перевода греческих глаголов на русский язык, о роли контекста, в которых глаголы функционируют.

The article is devoted to the problem of translating Greek verbs into Russian. In particular, comparative analysis of translation strategies is given in translating verbs with double control from Greek into Russian. The classification of Greek verbs according to the cases with which they govern is suggested; are compared examples of their use in Greek and Russian. Conclusions are drawn about the adequacy of translating Greek verbs into Russian, the role of the context in which verbs function.

Ключевые слова: глагол с двойным управлением, глагольная группа, прямой объект, косвенный объект, словосочинание.

Keywords: verb double cases, verb groups, direct object, indirect object, prepositional object.

Оглядываясь в прошлое на отношения Греции и России, мы можем сказать, что эти два народа не считали себя чужими друг другу. Взаимодействие между странами началось ещё в 988 году, когда Великий князь Киевский Владимир по политическим причинам женился на принцессе Анне, сестре правящего византийского императора Василия II и его брата-соправителя Константина VIII. Посредством династических браков, связи между двумя странами стали более тесными. Причина сближения двух государств и укрепление связей между ними кроется не только в торговых и политических амбициях, но и в привержении христианской веры. Более того, отметим, что в X-XV веках Россия испытала сильное влияние греческой культуры. Известным примером является славянская азбука, составленная для русского народа двумя братьями, греческими монахами, святыми равноапостольными Константином (Кириллом) и Мефодием. С момента создания ими кириллического алфавита и

начались первые переводы. Сначала на новый язык были переведены церковные тексты, а позднее торговые документы и договоры между государствами.

По мнению знаменитых русских литературных и научных деятелей, Греция сыграла важную роль в развитии России. Выдающийся русский учёный М.В.Ломоносов, национальный поэт А.С.Пушкин и многие другие писали на эту тему. Показательными являются слова В.А.Жуковского в одном из его писем: «Думаю с восхищением о греческом языке, который почитаю необходимым для усовершенствования русского, ибо наш русский язык воспитан греческим, с которого переведены первые наши книги...». А.С.Пушкин писал: «Язык славянорусский (так поэт называет литературный русский язык) имеет неоспоримое превосходство перед всеми европейскими. Судьба его была чрезвычайно счастлива. В XI веке древний греческий язык вдруг открыл ему свой лексикон, сокровищницу гармонии, даровал ему законы обдуманной своей грамматики, свои прекрасные обороты, величественное течение речи; словом, усыновил его, избавя, таким образом, от медленных усовершенствований времени...».

Тема русско-греческих связей и сходства между этими двумя странами издавна вызывает интерес к обсуждению и исследованию. Так многие учёные-лингвисты, работая с русским и греческим языками, изучали их в разных аспектах и с разных точек зрения. Были отмечены не только общие черты, но и различия, как в грамматике, так в синтаксисе и морфологии.

Данная работа посвящена глаголам с двойным падежным управлением в русском и греческом языках, и представляет собой сравнительный анализ этих глаголов в обоих языках. Мы анализируем синтаксическую, а не грамматическую составляющую двух языков. Исследование основано на собрании глаголов греческого языка и их переводе на русский язык. Мы описываем греческие глаголы, которые разделены на группы, в соответствии с падежами, которыми они управляют, переводим их на русский язык и проводим анализ, отмечая различия и трудности при переводе.

Нам важно определить, что такое двойное управление в русском языке. В системе подчинительных связей глагола значительное место занимает двойное управление. При двойном управлении лексико-грамматическими свойствами глагола предопределена зависимость от него двух форм имени с объектными значениями или со значениями объектным (у одной из форм) и объектно-восполняющим (у одной формы); объектно-восполняющее значение при этом часто осложняется разными обстоятельственными значениями. Двойное управление может быть беспредложным (обе управляемые формы - беспредложные падежи), беспредложно-предложным (одна

форма беспредложная, другая - с предлогом) или предложным (обе формы - с предлогами).

С другой стороны, в греческом языке от глагола с двойным падежным управлением зависят два дополнения: прямое, стоящее в винительном падеже, и косвенное, которое либо ставится в родительном падеже, либо выражается словосочетанием.

Далее будут представлены и проанализированы глаголы с двойным падежным управлением непосредственно в предложении. Следует отметить, что в греческом языке подобные глаголы делятся на три группы:

1-ая группа: глаголы, управляющие родительным и винительным падежами;

2-ая группа: глаголы, управляющие одновременно двумя винительными падежами;

3-ья группа: глаголы, при которых одно дополнение стоит в винительном падеже, а другое выражается словосочетанием.

Далее следует анализ глаголов с двойным падежным управлением:

1-я ГРУППА ГЛАГОЛОВ

1) Ο Γιάννης έδωσε ένα ωραίο βραχιόλι της Μαίρης. (= Яннис дал Мэри красивый браслет). В данном случае глагол «δίνω» (давать) имеет значение «δωρίζω» (дарить). Но: Яннис подарил Мэри красивый браслет. Глагол в греческом языке управляет двумя дополнениями, одно из которых, прямое, стоит в винительном падеже (βραχιόλι), а второе, косвенное (της Μαίρης), стоит в родительном падеже, указывая, на кого направлено действие. В русском языке глаголы «дать» и «подарить» управляют следующими падежами: косвенное дополнение стоит в дательном падеже, а прямое дополнение – в винительном. По данному предложению мы делаем следующий вывод: и в русском, и в греческом языке от глагола «δίνω/δωρίζω» зависит прямое дополнение в винительном падеже. Косвенное дополнение в греческом языке стоит в родительном падеже, а в русском – в дательном.

2) Η Ελένη μαγείρεψε του Νίκου σουτζουκάκια. (= Елени приготовила судзукакья Никосу). В греческом варианте предложения глагол управляет двумя дополнениями, одно из которых, прямое (σουτζουκάκια), стоит в винительном падеже, а другое, косвенное (του Νίκου), в родительном падеже, указывая на лицо, которое испытывает результат действия глагола. Очевидно, что в обоих языках падежи прямого дополнения совпадают. Как в греческом, так и в русском языке прямое дополнение стоит в винительном падеже. Что касается косвенного дополнения, то здесь, напротив, падежи

различаются. В греческом языке дополнение стоит в родительном падеже, а в русском – в дательном.

3) Χθες πήραν της Ελένης ένα εκατομμύριο δραχμές. (= Вчера они взяли у Елены один миллион драхм). Что касается прямого дополнения, то в данном случае расподобления в падежах не отмечается. В обоих языках прямое дополнение стоит в винительном падеже. В случае с косвенным дополнением имеем следующее: косвенное дополнение в родительном падеже при переводе на русский язык заменяется предложным дополнением.

4) Ο φίλος μου ζήτησε βοήθεια. (= Друг попросил у меня помощи). В данном примере, также как и в примере (3), отмечено совпадение падежей в обоих языках. Обращаем внимание, что при переводе происходит замена на предложное дополнение. Семантически, как и в предыдущем примере, косвенное дополнение показывает от кого исходит результат действия глагола. И в данном случае косвенное дополнение переводится как словосочетание с предлогом.

5) Τι δώρο μου έφερες από τη Γενεύη; (= Какой подарок принесла мне из Женевы?). Стоит отметить, что в данном вопросительном предложении прямое дополнение в обоих языках стоит в винительном падеже. Тогда как косвенное дополнение в греческом языке стоит в родительном падеже, а в русском языке – в дательном. То есть, чтобы определить косвенное дополнение в греческом языке мы должны задавать вопрос кого, а в русском языке - кому.

2-ая ГРУППА ГЛАГОЛОВ

В греческом языке существуют некоторые глаголы, у которых и прямое, и косвенное дополнение стоят в винительном падеже. Например, μαθαίνω, διδάσκω, ρωτώ, κερνώ.

1. Φέτος θα διδάξουν τους πρωτοετείς γραμματική. (= В этом году они будут преподавать первокурсникам грамматику). Глагол διδάσκω в греческом языке является глаголом, управляющим двумя винительными падежами. В русском языке этого не происходит. Прямое дополнение стоит в винительном падеже и в греческом, и в русском, тогда как косвенное дополнение в первом случае стоит в винительном падеже, а во втором – в дательном.

2. Κεράσανε τους φίλους τους παγωτό. (= Они угостили своих друзей мороженым). Как было показано на примере (1), относящемся ко второй группе глаголов, глагол «κερνώ» управляет двумя дополнениями, стоящими в винительном падеже, в русском же варианте прямое дополнение ставится в родительный падеж, а косвенное – в творительный.

3. Η μάνα μου με τάιζε κάθε μέρα πατάτες (= Моя мама кормила меня каждый день картофелем). В греческом языке при глаголе «ταΐζω» могут стоять два дополнения в винительном падеже, в то время как в русском – в родительном и творительном, как показано на примере (2).

4. Πήρα τηλέφωνο τη Μαρία αλλά δεν απάντησε. (= Я позвонил Марии, но она не ответила). В греческом языке обозначенное действие выражается словосочетанием (παίρνω τηλέφωνο), В русском языке такого не происходит, поскольку действие уже заложено в самом глаголе. Это значит, что в греческом варианте у нас есть два дополнения в винительном падеже, а в русском – одно, стоящее в дательном.

5. Θα σπείρουμε τον κήπο λαχανικά. (= Мы будем сажать овощи в огород). Глагол «σπέρνω» так же, как и в примерах 1, 2, 3 и 4, управляет двумя винительными падежами, в русском варианте используется предложное управление, существительное стоит в винительном падеже.

3-яя ГРУППА ГЛАГОЛОВ

1. Ο Γιώργος γέμισε το συρτάρι με χαρτιά. (=Йоргос заполнил ящик бумагами). К третьей группе относятся глаголы, управляющие дополнением, выраженным словосочетанием или стоящим в винительном падеже. В этом случае прямое дополнение стоит в винительном падеже, а косвенное выражается словосочетанием. Таким образом, глагол «γεμίζω» попадает в данную группу, однако соответствующий ему глагол в русском языке требует винительного падежа для прямого дополнения и творительного для косвенного.

2. Παρουσίασε στους μαθητές τον διευθυντή. (Он представил директора студентам). Глагол «παρουσιάζω» управляет дополнением, стоящем в винительном падеже, и дополнением-словосочетанием, его аналог в русском языке – винительным и дательным падежами. Так, чтобы проверить, какие падежи употребляются с глаголом «παρουσιάζω», мы задаем следующие вопросы: кого- на кого и кого-кому.

Теперь мы приступим к разбору тех случаев, когда некоторые глаголы относятся по способу управления дополнением к двум глагольным группам. Существуют глаголы, относящиеся к первой и второй группе, т.е. те, что управляют родительным и винительным падежом или же двумя винительными одновременно, однако они же могут управлять дополнением, выраженным словосочетанием, не теряя при этом своего первоначального значения. Так образуются следующие пары падежей:

1-ая ГЛАГОЛЬНАЯ ГРУППА: ВИНИТЕЛЬНЫЙ – РОДИТЕЛЬНЫЙ
→ВИНИТЕЛЬНЫЙ - ДОПОЛНЕНИЕ, ВЫРАЖЕННОЕ СЛОВСОЧЕТАНИЕМ

2-ая ГЛАГОЛЬНАЯ ГРУППА: ВИНИТЕЛЬНЫЙ – ВИНИТЕЛЬНЫЙ
→ВИНИТЕЛЬНЫЙ - ДОПОЛНЕНИЕ, ВЫРАЖЕННОЕ СЛОВСОЧЕТАНИЕМ

В представленных ниже примерах объясняется этот феномен. Чтобы смена одного падежа другим была понятна и ясна, мы проанализируем как примеры 1, 2 и 3, относящиеся к глаголам 1ой группы, так и примеры 1 и 5, относящиеся ко 2ой глагольной группе.

3. Ο Γιάννης έδωσε ένα ωραίο βραχιόλι της Μαίρης. (= Яннис дал/подарил Мэри красивый браслет). à Ο Γιάννης έδωσε ένα ωραίο βραχιόλι στη Μαίρη. (= Яннис дал/подарил Мэри красивый браслет).

4. Η Ελένη μαγειρεύε του Νίκου σουτζουκάκια. (= Елени приготовила судзукакья Никосу). à Η Ελένη μαγειρεύε στον Νίκο σουτζουκάκια. (= Елени приготовила судзукакья Никосу).

5. Χθες πήραν της Ελένης ένα εκατομμύριο δραχμές. (= Вчера они взяли у Елены один миллион драхм). à Χθες πήραν από την Ελένη ένα εκατομμύριο δραχμές. (= Вчера они взяли у Елены один миллион драхм).

6. Φέτος θα διδάξουν τους πρωτοετείς γραμματική. (= В этом году они будут преподавать первокурсникам грамматику.) à Φέτος θα διδάξουν στους πρωτοετείς γραμματική. (= В этом году они будут преподавать первокурсникам грамматику.)

7. Θα σπείρουμε τον κήπο λαχανικά. (= Мы сажать овощи в огород.) . Θα σπείρουμε στον κήπο λαχανικά. (= Мы сажать овощи в огород.)

ПРИМЕЧАНИЕ: когда в греческом языке при глаголах с двойным управлением меняются падежи, и дополнения, стоящие в родительном и винительном падежах, начинают выражаться словосочетанием, при переводе на русский язык падежи остаются прежними и НЕ МЕНЯЮТСЯ.

Наконец, в процессе исследования и разбора приведенных выше примеров нами было замечено, что в греческой глагольной системе выделяются три типа глаголов в соответствии с их падежным управлением. Например, понятие происхождения, как мы уже заметили, в греческом языке выражается родительным падежом или дополнением, выраженным словосочетанием, в то время как в русском языке – родительным падежом (см. пример 5, 3 глагольная группа). Сложность при переводе заключается в несовпадении применения падежей в этих двух языках. Переводчику необходимо опознавать смысловую конструкцию, выражаемую глаголом, поскольку и в греческом, и в русском языке падежи содержат в себе определенные понятия.

Список литературы:

Русская Грамматика, абзац 1749 [<http://rusgram.narod.ru/1749-1772.html>]

Скворцова Г.Л. Русские глаголы: Тетрадь-словарь студента- иностранца Первый сертиф. уровень / Г.Л.Скворцова, Г.Н. Чумакова. М.:Изд-во Русский язык курсы, 2014. 4-е изд. Стереотипное

Ресурс удалённого доступа ΕΛΛΗΝΙΚΟΣ ΠΟΛΙΤΙΣΜΟΣ, Раздел ΝΕΑ ΕΛΛΗΝΙΚΗ ΓΛΩΣΣΑ.

[<http://users.sch.gr/ipap/Ellinikos%20Politismos/Yliko/Theoria%20Nea/antikeimeno-NE.htm>]

David Holton. Граμματική της Ελληνικής Γλώσσας/ Peter Mackridge, Ειρήνη Φιλιππάκη-Warburton. Перевод: Βασίλης Σπυρόπουλος. Αфины: Изд-во ΠΑΤΑΚΗ, 2010. 13-е изд. С. 192-194.

Thomas R. Beyer, Jr. Barron's Foreign language guides, 501 Russian verbs. Канада: Изд-во BARRON'S, 2008.

ΛΕΞΙΚΟ ΤΗΣ ΝΕΑΣ ΕΛΛΗΝΙΚΗΣ ΓΛΩΣΣΑΣ:сл./авт.-сост. ΓΕΩΡΓΙΟΣ Δ. ΜΠΑΜΠΙΝΙΩΤΗΣ. Αфины: ΚΕΝΤΡΟ ΛΕΞΙΚΟΛΟΓΙΑΣ ΕΠΕ., 2002.

Метревели М.Г.
Телавский государственный университет им. Я. Гогешашвили.
г. Телави (Грузия)

Metreveli Medea
Iakob Gogebashvili Telavi State University (TESAU)
Telavi (Georgia)

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ И ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТЫ ПЕРЕВОДА

PSYCHOLINGUISTIC AND LINGUISTIC-CULTURAL ASPECTS OF TRANSLATION

В данной работе мы попытались выяснить, как соотносится результат перевода с личностью переводчика. В результате наших исследований, мы можем предполагать, что значения в речи автора и в переводе переводчика не тождественны. И вызвано это не только тем, что автор и переводчик являются представителями разных культур, но и тем, что каждому из них присущи разные психологические характеристики. Мы постарались выявить взаимосвязь между семантическими трансформациями, возникающими при переводе и индивидуальным сознанием переводчика. Экспериментально было проверено, как зависят семантические трансформации от личностных характеристик переводчика. В экспериментах, которые проводил и мы во время исследования, принимали участие профессиональные переводчики синхронисты. Все они действовали по одной схеме и выбирали из всех способов перевода те, которые были близки к вербализации их субъективного восприятия мира.

We came to the conclusion: the result of translation is correlated with the personality of the translator. We can assume: meanings in the author's speech and in the translation of the translator are not identical. Author and translator are representatives of different cultures; each of them has different psychological characteristics. We identified the relationship between semantic transformations and the individual consciousness of the translator. We checked experimentally, how semantic transformations depend from personal characteristics of the translator. In the experiments participated professional interpreters. All of them acted according to the same scheme: they chose those methods of translation, which were close to the verbalization their subjective perception of the world.

Ключевые слова: психолингвистика, перевод, речь, коммуникация, культура, переводчик, синхронный, семантические трансформации, психологический.

Keywords: psycholinguistics, translation, speech, communication, culture, translator, synchronous, semantic transformations, psychological.

В данной работе мы попытались выяснить, как соотносится результат перевода с личностью переводчика. Переводчик представляет речь автора в виде значений. А значения «живут двойной жизнью» (как говорил А.Н. Леонтьев). С одной стороны, они входят в социальный опыт или социальную память общества, с другой, составляют неотъемлемую часть внутреннего, психологического мира каждой отдельной личности [Леонтьев, 1993, с.17].

В результате наших исследований, мы можем предполагать, что значения в речи автора и в переводе переводчика не тождественны. И вызвано это не только тем, что автор и переводчик являются представителями разных культур, но и тем, что каждому из них присущи разные психологические характеристики.

Цель нашего исследования — выявить взаимосвязь между семантическими трансформациями, возникающими при переводе и индивидуальным сознанием переводчика.

Объект исследования - переводы художественной литературы, синхронные переводы: грузинско-русские, русско-грузинские, русско-итальянские, итальянско-русские, грузинско-итальянские, итальянско-грузинские.

Предмет исследования – семантические трансформации, которые протекают при переводе.

Материал – переводы художественной литературы, записи синхронных переводов разной тематики.

Методы исследования:

Тестирование записей перевода с помощью компьютерной системы ВААЛ

Метод сопоставительного анализа, записей речи автора и записей перевода.

Оценочный метод - анализ записей, которые содержат вербальные репрезентации картины мира автора речи и переводчика.

Задачи исследования:

Проверить экспериментом как зависят семантические трансформации от личностных характеристик переводчика в записях переводов.

Сделать анализ записей автора и записей перевода и установить, соответствуют ли их психологические содержания и реализации определенных когнитивных структур в них.

Развитие широкой исследовательской деятельности в сфере перевода начинается после создания ООН и Лиги Наций. В это время происходит развитие и увеличение дипломатических контактов, следовательно, становится необходимо перевести огромное количество материалов. Это, в свою очередь требует подготовку высококвалифицированных переводчиков. Естественно, создаются специальные школы. После этого начинается бурное развитие переводческой науки.

А.А Залевская в своей книге «Введение в психолингвистику» пишет, что «Психолингвистика появилась параллельно с рядом других наук, получивших сложные названия из двух, а иногда и трёх компонентов, что отвечало актуальности

разработки комплексного подхода в целях объяснения фактов, не поддающихся интерпретации в рамках одной из контактирующих дисциплин» [Залевская, 2007, с.9].

А.А. Леонтьев считает, что «Психолингвистика возникла в связи с необходимостью дать теоретическое осмысление ряду практических задач, для решения которых чисто лингвистический подход, связанный с анализом текста, а не говорящего человека, оказался недостаточным» [Леонтьев, 2003, с. 404].

В центре внимания психолингвистики и переводоведения фигурируют вопросы, связанные с говорящим человеком и языком. Объектом теории перевода является перевод, как особый вид речевой деятельности, а объектом психолингвистики является речевая деятельность. Исходя из этого, задачи этих дисциплин часто и во многом пересекаются. Таким образом, можно сказать, что эти науки развиваются параллельно. И сегодня учёные уже исследуют смежные задачи и ищут ответы на вопросы, которые являются близкими по проблематике. Вопросы, которые рассматриваются в психолингвистике, а именно теория речевой деятельности, актуальны и для науки о переводе. В это время на первый план выходят понятия: «языковая способность» и «языковая активность», «порождение и восприятие речи», «межкультурная коммуникация» и «фоновые знания», «языковая личность» и «образ мира», и т.д.

Для развития науки о переводе очень большое значение имеют психолингвистические исследования о том, как протекают речемыслительные процессы, что происходит во время порождения и восприятия речи, какие трансформации протекают на глубинных и поверхностных уровнях и т. д.

В переводоведении под влиянием психолингвистического подхода была создана теория эквивалентности, которая ставит изучение основ перевода за традиционно-лингвистические рамки. Сегодня современных лингвистов интересуют целостные и осмысленные тексты, а не фонетические, грамматические, лексические языковые средства. В современной теории перевода текст рассматривается как сложное структурное и содержательное целое, которое во время перевода сохраняется и воспроизводится в тексте перевода.

Современная теория перевода рассматривает перевод, как и язык, как средство общения, и называет эту теорию коммуникативной моделью перевода. Здесь уже явно заметно влияние психолингвистических понятий, таких, как «речевая коммуникация», «речевая деятельность» и т.д.

Каждая из контактирующих в переводе языковых сообществ имеет свою культуру. Межкультурная компетенция предполагает знание этих культур. Переводчик должен обладать умением не просто понимать и интерпретировать смысл оригинала,

но также учесть конкретную ситуацию общения, и таким образом построить содержание текста в переводе.

С точки зрения психолингвистики переводчик, с одной стороны должен точно передать смысловые оттенки исходного текста, а с другой стороны должен осознать, что он сам находится в определённом смысловом поле, в пределах своей индивидуальности и своей культуры. Предметная компетенция позволяет переводчику сделать авторскую интерпретацию описываемой предметной ситуации.

С психолингвистической точки зрения перевод является не просто лингвистическим или культурным явлением, не только особой психической или мыслительной деятельностью субъекта, а представляет сочетание всех этих факторов. Это речемыслительный процесс, который изучается в психолингвистике.

Мы исследуем эти процессы в продолжение многих лет. Идея нашей работы заключается в нахождении способов, при помощи которых будет возможно в основе процесса машинного перевода положить механизмы, разработанные на основе результатов исследования отношений на уровне глубинных структур предложений.

Порождению этой идеи способствовали две причины:

1. Именно глубинная структура предложения содержит обязательную информацию для семантической интерпретации. Она содержит не только предполагаемые значения слов, но и глубинные взаимоотношения между логического субъекта и логического объекта.

2. Взаимоотношения в глубинных структурах являются универсальными для всех языков. Соответственно, предложение на первом языке нужно перевести в свою глубинную структуру, потом автоматически, при помощи языковых универсалий, перенести эти взаимоотношения в глубинную эквивалентную структуру второго языка, и наконец, сформировать соответствующую поверхностную структуру. Так мы можем избежать трудностей, которые связаны с существующим различием между поверхностными структурами разных языков.

Задача исследования заключается в том, чтобы найти те методы и средства, при помощи которых будет возможен переход с одной структуры на другую, и сделать процесс таких трансформаций возможным. Мы продолжаем исследования в этом направлении. Работая над этими вопросами, мы исследовали также интересные случаи билингвизма, так как исследование владения двумя языками и исследование процессами, которые протекают в сознании билингвов, имея большое значение для наших основных исследований в сфере перевода. И нужно сказать, что билингвы не способны переводить синхронно. Это отмечают многие ученые. Например, известный

ученый, психолингвист Татьяна Чернигорская. Она говорит о запрете на взятие билингов в качестве синхронных переводчиков, так как у них нет адекватной дистанции между языками, а синхронный перевод - это молниеносное переключение с одного языкового кода на другой. Вот ее слова: "Я видела картинки, которые показывают функционально-магнитный резонанс во время синхронного перевода. То есть голова человека во время синхронного перевода. Я вообще не понимаю, почему он жив, этот человек. Там просто горит-полыхает весь мозг. По сложности и стрессорности это работа близкая к предельной. Это очень быстрое переключение кодов. Еще одна интересная вещь, профессиональные синхронисты эту работу проделывают фактически в сомнамбулическом состоянии. Я специально опрашиваю: "А про что переводили сейчас?". И очень высокий процент ответов: "Ой, не знаю даже, про что". Причем речь идет об очень высоком классе переводчиков. Как только они начинают задумываться [о сути переводимого материала], они проваливают эту историю, потому что скорость: сознание не может за такой скоростью успеть".

В качестве действий в переводе рассматриваются способы представления смыслов языковыми выражениями. Автор фиксирует свои личностные смыслы посредством языкового выражения, а переводчик порождает свои личностные смыслы на основе интерпретации представленных в тексте конвенциональных языковых единиц. Каждый раз в процессе интерпретации порождается «свой» уникальный текст. Этот текст связан с оригиналом инвариантным смыслом, но в нем присутствуют оттенки профессиональных и личных качеств переводчика. Хорошо виден и результат избранных переводчиком приоритетных переводческих тактик и стратегий.

В переводоведении обязательно надо использовать исследовательские приёмы психолингвистики. Это очень полезно во время исследования таких тем, как знак, концепт, адекватность, эквивалентность и т. д.

Процесс восприятия и понимания текста с психолингвистической точки зрения представляет собой иерархическую систему, где в тесной взаимосвязи выступают низший, сенсорный, и высший, смысловой, уровни.

Реальный процесс понимания текста не совпадает с тем порядком, в котором поступает информация.

В современной лингвистике допускается вариативное восприятие одного и того же текста различными реципиентами. Это явление объясняется несколькими психологическими причинами. Это проявления мотивационной, когнитивной и эмоциональной сфер личности: степень концентрации внимания на воспринимаемой

информации, эмоциональный настрой в момент восприятия текста; и т. д. Во время осмысления текста индивид опирается на схемы знаний о мире.

О.С. Зорькина считает, что необходимо отдельно выделить психофизиологические особенности индивида, воспринимающего текст: его пол и возраст. Половые и возрастные особенности определяют наличествующую у человека картину мира, от которой и зависят различия в восприятии и трактовке содержательных компонентов текста [Зорькина, 2003, с. 207].

Белянин выделяет два типа читателей художественных текстов. Реципиенты первого типа интерпретируют текст в пределах авторской концепции. Эта концепция определяется самим текстом. В этом случае проекция текста, выстроенная реципиентом, максимально приближена к смыслу, вложенному в текст его автором. Для второго типа реципиентов исходный текст является лишь толчком к порождению собственных мыслей, связанных с темой текста. Такой читатель заменяет текст автора собственным текстом, достаточно удалённым от значения текста-эталона [Белянин, 1988, с. 74]. В. П. Белянин представляет психолингвистическую типологию художественных текстов по эмоционально-смысловой доминанте [Белянин, 2000, с. 53]. Организует центра текста его эмоционально-смысловая доминанта – «система когнитивных и эмотивных эталонов, характерных для определённого типа личности и служащих психологической основой ... вербализации картины мира в тексте» [Белянин, 2000, с. 54].

Поэтому, создавая текст, человек, обладающий определённым типом акцентуированного сознания, описывает действительность через призму своих собственных представлений о ней. При этом он использует такие элементы языка, которые имеют для него личностный смысл. Что касается восприятия и понимания определённых типов текстов, то наиболее адекватно смысл текста интерпретируется тем индивидом, психологическая структура сознания которого максимально приближена к психологическим особенностям личности автора.

Очень интересно, изучение синхронного перевода с точки зрения психолингвистики. Особенно нужно отметить, что во время синхронного перевода процесс восприятия исходного сообщения и порождения текста перевода протекает одновременно. Поэтому синхронный перевод самый сложный вид перевода. Некоторые ученые считают, что хорошие синхронисты переводят не через мышление, т.е. анализа и синтеза, а через условные рефлексy, т.е. «стимул – реакция». Но, как подтверждают наши исследования, это не совсем так. В процессе синхронного перевода главную роль играет именно мышление.

А.Ф. Ширяев создал психолингвистическую модель синхронного перевода, где каждое действия состоит из трех фаз: фазы ориентирования и поиска решения, фазы осуществления и фазы контроля. [Ширяев, 1979, с. 16].

В первой фазе действия в своем сознании переводчик строит вероятностную модель ораторской речи. С этого момента, когда оратор начинает говорить, переводчик собирает информацию для поиска решения. Потом происходит идентификация исходного отрезка, и переводчик выбирает решения из заранее заготовленных. Но в том случае, когда прогноз окажется не точным, на основе своего опыта и знаний переводчик ищет решения.

Во второй фазе действия происходит завершение порождения текста на языке перевода. Эти фазы (первая и вторая) скоротечны. Продолжительность этих фаз исчисляется несколькими секундами.

В третьей фазе переводчик оценивает правильность перевода. Слушание и говорение во время синхронного перевода составляют единое целое и одновременно как бы мешают друг другу. Происходит одновременное восприятие и порождение речи. По мнению некоторых авторов, эта одновременность обеспечивается механизмом вероятностного прогнозирования. Это значит, что во время слушания у переводчика рождается гипотеза о смысловом завершении намерений говорящего. Этот процесс протекает на основе субъективной подсознательной оценки вероятностей. Переводчик также проверяет вероятность синтаксических структур и лексических средств.

Б. Штайер предполагает, что смысловая гипотеза не может являться основным рычагом в механизме синхронного перевода. Он признаёт, что «проектирование» имеет место в отношении структуры предложения. В создании механизма синхронизации также участвует речевая компрессия – способ уменьшения текста, т.е. опущение избыточных элементов высказывания. Каждое высказывание имеет ядро, несущее основную информацию. Во время речевой компрессии в переводе сохраняется именно это ядро, а другие детали теряются во время перекодирования. В первую очередь, устраняется информация, восполняемая экстралингвистической ситуацией общения. Потом устраняются дубликаты предшествующих высказываний. И, наконец, устраняются эпитеты, причастные обороты, формулы вежливости, отступления от темы, собственные имена, даты и числовые данные.

При компрессии большое значение имеет слуховые узнавания речевых образов.

Во время перевода в узнавании речевых сигналов на исходном языке использование переводчиками речедвигательного анализатора чрезвычайно ограничено. Переводчики используют новый субъективный код, который формируется

в результате тренировки. Этот код функционирует на основе узнавания слов и словосочетаний только на основе слуховых образов, без артикуляционного воспроизведения. Переводчики удерживают в сознании полученную информацию в виде слуховых и зрительных ощущений. В это время некоторые переводчики используют микро паузы в собственной речи для восприятия некоторых фрагментов слов на исходном языке.

Во время перевода во взаимодействие вступают целостные, организованные системы информации, в которых отражаются особенности национального мировоззрения и индивидуально-авторской картины мира. При переводе с одного языка на другой, например, с грузинского на русский, происходит взаимное наложение картин мира грузинского языка (языка оригинала) и русского языка (языка перевода). Они одновременно взаимно проникают друг в друга и взаимно влияют друг на друга. Результатом их взаимодействия будет вариант перевода, репрезентирующий своеобразие картины мира, изображённой в подлиннике, и в тоже время хранящий элементы, присущие картине родного для переводчика языка.

Таким образом, переводной текст является по существу результатом «пере восприятия», а переводчик выступает в роли посредника в диалоге культур [Проценко, 2005, с.124]. С. Саворнин в статье «Traduire l'intraduisible après les postcolonial studies», подчеркивает, что «... процесс перевода, оставаясь творческим процессом, кроме тесных связей между языками и культурами требует лингвистической компетенции. Он играет важнейшую роль в создании идентифицирующих конструкций, но также требует со стороны переводчика осознания ответственности этой роли, наравне с разработкой и внедрением этики в практику перевода» [Savornin S.; электронный ресурс].

Основным инструментом межкультурной коммуникации считается иностранный язык, а через перевод осуществляется взаимодействие языков и культур. Переводчик является бикультурным медиатором, который помогает в общении представителям двух языковых картин мира, отправителям и получателям речи.

Часто возникает противоречие между оригиналом и переводом из-за различия между культурой отправителя и культурой воспринимающей среды, в которой осуществляется перевод. И мастерство переводчика, как языковой личности проявляется в умении искусно и точно сблизить две различные культуры, два различных языка. Для этого переводчику нужны такие когнитивные компетенции, как понимание авторской смысловой программы текста, рефлексорная способность и интерпретативная готовность переводчика как медиатора культур.

Выводы:

1. В экспериментах, которые проводил и мы во время исследования, принимали участие профессиональные переводчики синхронисты. Все они действовали по одной схеме и выбирали из всех способов перевода те, которые были близки к вербализации их субъективного восприятия мира.

2. В результате исследований было выявлено, что лексико-семантические трансформации во многом зависят от личностных характеристик переводчика.

3. Перевод, как специфический вид речевой деятельности, нуждается в посреднике. Психологические характеристики автора и посредника могут отличаться.

4. У переводчика есть свои особенности представления картины мира, которые вербализуются в тексте. Они проявляются в семантических трансформациях. То, что эти трансформации есть в тексте перевода, нельзя объяснить только тем, что в системы исходного языка и языка перевода различны.

5. Синхронный перевод, как и другие виды перевода, имеет интерпретативный характер, который обусловлен различным эмоциональным отношением переводчиков к описываемой в речи автора ситуации.

6. Когда личностные доминанты автора и переводчика не совпадают, происходит изменение эмоционально-смысловой доминанты перевода и пересказа.

7. В речи переводчика доминанта перевода сохраняется, но речь приобретает новые смысловые оттенки. Это значит, что можно говорить о вторичной эмоционально-смысловой доминанте, т.е. о доминанте перевода.

8. С установкой личности переводчика коррелируют синтаксические трансформации. Экстравертной установке соответствует замена статических элементов динамическими, а интровертной установке соответствует замена динамических элементов статическими.

Список литературы:

Белянин В. П. Психолингвистические аспекты художественного текста. //М.: Изд-во МГУ, 1988. 123 с.

Белянин В. П. Основы психолингвистической диагностики (модели мира в литературе). //М.: Тривола, 2000. 248

Залевская А.А. Введение в психолингвистику: Учебник. 2-е изд. испр. и доп. //М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 2007. – 560 с.

Зорькина О.С. О психолингвистическом подходе к изучению текста // Язык и культура. 2003. С. 205–210

Леонтьев А.А. Языковое сознание и образ мира // Язык и сознание: парадоксальная рациональность. М., 1993. - С. 16-21

- Леонтьев А.А.* Основы психолингвистики. – 3-е изд. // М.: Смысл; СПб.: Лань, 2003. – 287 с.
- Проценко Е.А.* Возможна ли репатриация при переводе? // Вестник ВКУ, Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». 2005. №2, С. 124–128.
- Ширяев А. Ф.* Синхронный перевод: Деятельность синхронного переводчика и методика преподавания синхронного перевода. // М.: Воениздат, 1979. — 183с.
- Savornin S.* Traduire l'intraduisible après les postcolonial studies [Электронный ресурс] // URL: <http://e-lla.univprovence.fr/pdf/article5.pdf>

Тер-Саркисян Л.А.
Ереванский государственный университет
г. Ереван (Армения)

Ter-Sargsyan Luiza
Yerevan State University
Yerevan (Armenia)

СТИЛЬ АВТОРА И ПЕРЕВОД

AUTHOR'S STYLE AND TRANSLATION

Полноценное воспроизведение художественного исторического произведения в переводе требует отображения индивидуального стиля автора в отборе и преобразовании фактов, его специфической системы исторической стилизации, отражающейся также в языковой системе произведения, что в свою очередь предполагает оценку качества перевода с позиций воспринимающего языка и культуры, требующих от переводчика создания фраз, подчиненных логике и эстетике русского языка, иначе говоря, фраз, звучащих по - русски.

Сопоставительный анализ оригиналов армянских исторических романов с переводами на русский язык вырисовывает картину достижения на протяжении почти полувека понимания необходимого сочетания вышеназванных факторов, демонстрируя зависимость качества перевода не только от индивидуальности, таланта, «вкуса», опыта, интуиции и чутья переводчика, но и от его мировоззрения, национальной среды, эпохи и литературного окружения.

A full reproduction of a historical fiction in a translation requires a reflection of an individual style of selection and reformation of the facts by the author, his/her specifics of the historical stylization, which is also reflected in the language system of the work, which, on the other hand, is evaluated from the position of the comprehending language and culture, assuming making phrases subjected to logics and aesthetics of the Russian language. In other words, phrases must sound Russian.

A comparative analysis of the originals of Armenian historical novels with their Russian translations made throughout almost half a century draws a picture of how the translators achieved the understanding of the necessary combination of the above mentioned factors, which depends not only on the translator's individuality, talent, "taste", intuition and nose, but also on his/her national environment, epoch, literature circle and mind-view.

Ключевые слова: русский язык, перевод, исторический роман, специфика языка исторического романа, художественная литература, отображение стиля автора.

Keywords: the Russian Language, translation, historical fiction, historical stylization of the work, the specifics of the language of the historical novel, reflection of the author's style.

Индивидуальный стиль повествования или присущие автору видение мира и восприятие жизни, интерпретация темы и манера изложения материала придают художественному произведению неповторимость и своеобразие.

Современная школа перевода рассматривает необходимость воспроизведения авторского стиля как неперемную задачу, выдвигаемую перед переводчиком художественного произведения. «... От художественного перевода требуется, чтобы в нем были воспроизведены не только образы и мысли переводимого автора, не только

его сюжетные схемы, но и его литературная манера, его творческая личность, его стиль. Перевод может считаться отличным, если в нем передано самое главное: художественная индивидуальность автора, его стиль».¹⁴⁹-пишет К. Чуковский.

Лишь при условии постижения переводчиком стилистического облика подлинника им может быть создано полноценное художественное произведение в свойственном ему единстве содержания и формы, с отражением эстетических и смысловых качеств оригинала, в противном случае возможна фальсификация идейного содержания художественного произведения, искажение национальной и исторической окраски, характера связи между вещественным содержанием образа и его языковой формой. «Понятие стиля складывается из мелочей, отклонения от которых могут в совокупности испортить весь перевод».¹⁵⁰- говорит Л. Мкртчян. Это и нужное слово, зачастую скрытое в синонимическом ряду, и передача образности, поэтики языка, что является результатом глубокого постижения переводчиком оригинала, его сопереживания с автором произведения. Как считает В. Виноградов, «Огромное значение для стилистики художественной литературы могут иметь заложенные в структуре языка приемы и принципы расстановки или расположения слов, а также связанные с ними формы и типы интонационного членения предложений».¹⁵¹ Следовательно, это и единственно верный порядок расположения слов, который стилистически более выразителен и связан с особенностями формы оригинала, подчиненной замыслу автора.

Особую сложность для перевода представляет историческое художественное произведение, обладающее рядом специфических черт, выделяющих его из общего ряда реалистических произведений в особый жанр художественной литературы, не случайно считающийся одним из труднейших. Раскрытие закономерностей общественной жизни, облика людей, картин жизни в неповторимом своеобразии, обусловленном эпохой, воссоздание культуры, быта, нравов далекого исторического времени требует от автора фундаментальных знаний в различных областях, свободного владения огромным фактическим материалом, умения объективно оценивать события далекого прошлого на основе подлинно научной методологии.

В первую очередь это историзм, находящий свое выражение в исторической подлинности событий с участием в них реальных исторических лиц. Однако исторический роман прежде всего - художественное произведение, поэтому реальная

¹⁴⁹ Чуковский К.И. Высокое искусство. – М.: Сов. писатель, 1968, с.22

¹⁵⁰ Мкртчян Л.М. Родное и близкое. Статьи. - М.: Сов. писатель, 1978, с.12

¹⁵¹ Виноградов В. В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. М.: Изд-во АН СССР, 1963, с.12

история здесь изображается по законам художественной литературы – с определенным вымыслом и его слиянием с реальной историей. Только в этом случае он будет живым литературным явлением, призванным воздействовать на читателя. Далее, в историческом романе мы имеем дело с неизменной дистанцией во времени между писателем и темой – с историческим подходом писателя к изображаемому. Писатель исследует и воссоздает далекое прошлое, при этом не искажая сущности вопроса. Изучая направление пути, которое прошел народ в своем историческом развитии, автор рассматривает это прошлое сквозь призму времени, с позиций своего времени, связывая тем самым историю с эпохой, в которой он живет, что делает исторический роман злободневным, отвечающим потребностям эпохи, в которую он создавался.

Одной из важнейших проблем исторического жанра в художественной литературе является проблема языка как средства и материала художественного изображения исторического прошлого. В частности, остро стоит вопрос о пределах и методе использования в историческом романе языка избранной писателем эпохи.

Основой художественного исторического произведения является общеупотребительная лексика, являющаяся фоном, на котором выделяются и с которым вступают в определенные отношения различные элементы из разнообразных пластов словарного состава языка. – архаической лексики, историзмов, синонимических (на уровне лексики) и фразеологических средств исторической стилизации, стилистических и структурно – ритмических средств архаизации языка (стилистического функционирования устаревших грамматических форм), необходимых для воспроизведения языкового колорита эпохи. При этом каждый писатель своеобразно решает проблему передачи языкового колорита изображаемой им эпохи, с характерными, присущими только ему принципами использования слов и языковых формул, связанных с бытом и духовной культурой отображаемой исторической эпохи и служащих опорными точками в исторической стилизации произведения.

Воспроизводя подлинник, переводчики художественных исторических произведений не только должны довести до читателя идейное богатство, образный строй, художественное своеобразие и эмоциональную окраску исторического произведения, но и сохранить в переводном произведении индивидуальный и сознательный подход автора в применении определенной системы языковых категорий на фоне национально обусловленных средств образности, составляющих национальную специфику литературы данного народа, и на фоне определенной исторической эпохи, стоящей за произведением. Только отображение в переводе

специфического для данного автора способа отбора и преобразования фактов, который отражается в общем решении им проблемы стилизации, в самой художественно-стилистической манере изложения дает возможность переводчику верно представить переводимого автора.

Именно научно обоснованный подход к переводу в целом позволяет показать инонациональному читателю все идейно-художественное богатство национальной литературы. Поэтому, считает Е. Эткинд, «переводу художественного произведения всегда должен предшествовать углубленный стилистический анализ произведения, имеющий целью выяснить, что в данном произведении обладает первостепенной важностью, что составляет сущность его, а какие элементы второстепенны...»¹⁵²

Необходимость воспроизведения в переводе доминирующей в произведении языковой черты попробуем продемонстрировать на материале русских переводов ряда армянских исторических романов.

Одним из важных стилеобразующих факторов в романе Раффи «Самвел» являются *слова-реалии*, создающие исторический и национальный колорит. Будучи специфической лексической прослойкой армянского языка, слова-реалии в историческом романе Раффи «Самвел» являются источником глубокой национально-самобытной информации, не имеющей эквивалентов в картине мира. Каждый отдельный случай использования писателем этой информации осуществляется в свойственной ему специфической манере, обусловленной его индивидуальным стилем изложения, который должен обязательно отображаться в переводе как крайне необходимая предпосылка создания адекватного, полноценного перевода.

Два разных перевода данного произведения, сделанные с весьма большим перерывом в несколько десятков лет показывают разные способы передачи слов-реалий и две отличающиеся стилевые установки переводчиков в воссоздании манеры автора по включению в текст этой специфической лексики.

Стремление А. Дубровиной (Тер-Карпетовой) и И. Кусикьяна (перевод сделан в 1914г., полностью роман в этом переводе издан в 1946г.) к максимальному сохранению национального колорита произведения в переводе определило основной способ передачи слов-реалий – транслитерацию с объяснением значений в сносках и комментариях, в редких случаях переводчиками применяется их передача при помощи лексических эквивалентов.

¹⁵² Эткинд Е. О поэтической верности. - В сб.: Мастерство перевода. 1962. М., Сов. писатель, 1963, с.150

В переводе Н.Хачатурян (1982 г.), в зависимости от контекста, применяются различные приемы передачи слов-реалий – как транслитерация, так и описательный и контекстуальный способы, а также перевод при помощи аналога.

Применение метода транслитерации как А.Дубровиной и И.Кусикьяном, так и Н.Хачатурян, как основного способа сохранения в переводе национального и исторического колорита оригинала, обосновано и объяснимо, поскольку эквивалентов специфически национальным словам одного языка в другом языке с иной лексической системой нет.

Однако весьма интересно решение проблемы необходимости объяснения значений слов-реалий, которая нашла совершенно разные выражения в изучаемых переводах и которая, соответственно, привела к разным результатам.

Что касается перевода А. Дубровиной и И. Кусикьяна, схематичное включение в русский текст иностранных (армянских) слов в оригинальном звучании создало диссонанс в изложении на русском языке, поскольку самобытные и специфические слова другой лексической системы вошли в противоречие с языком перевода, что, конечно, крайне нежелательно с точки зрения языка перевода. Установка переводчиков на частое использование национальных слов-реалий привела даже к созданию лже-реалий, которые вполне можно было перевести на русский язык, а не объяснять их значения в комментариях. Таким образом, вследствие недостаточного использования переводчиками вариативности и динамики границ переводимости слов-реалий изложение лишилось гладкости и плавности русского языка. Справедливости ради отметим, что в переводе можно указать примеры нахождения лексических соответствий словам – реалиям, в которых переводной текст звучит по-русски, при этом отражены и национальная специфика, и отдаленность во времени. С другой стороны, что особенно важно, применение способа транслитерации А.Дубровиной и И.Кусикьяном, объясняющих значения слов в сносках и комментариях, не отражает способа применения слов-реалий автором произведения, разъясняющим их значения в самом предложении. Иначе говоря – в переводе А.Дубровиной и И.Кусикьяна очевидно недостаточное выполнение условия обязательного воспроизведения стиля писателя произведения, в частности, в способе включения слов-реалий в роман «Самвел».

Тогда как Н.Хачатурян, прибегая к способу транслитерации, следует стилевой установке автора оригинала по возможности объяснять значения слов-реалий в контексте, а именно:

- использование известных читателям перевода слов-реалий не сопровождается каким-либо объяснением;

- географические и собственные имена воспринимаются переводчицей как слова-реалии, заключающие в себе необходимую информацию, и объясняются в той же фразе;
- использование неизвестных читателям перевода слов-реалий сопровождается объяснением в той же фразе.

Что касается применения Н. Хачатурян указанных выше других приемов для передачи слов-реалий, заметим, что они, во-первых, весьма продуктивны и оправданы как в передаче исторического и национального колорита произведения, так и в придании тексту естественности и плавности изложения на русском языке. И, во-вторых, их стилистическое разнообразие способствует сохранению многоплановости авторских подходов к их применению, а также делает язык перевода неоднородным и богатым, воспринимаемым как язык произведения оригинальной русской литературы.

Наблюдаемые нами в переводах романа «Самвел» на русский язык разные результаты в создании переводного произведения, призванного отражать стиль автора оригинала и звучать естественно на переводном языке, мы объясняем разными стадиями и уровнями развития практики перевода армянской исторической прозы на русский язык, обусловившими неравноценные переводческие выражения в решении как частных задач, так и в комплексном воспроизведении оригинала.

Перейдем к переводам романа Д. Демирчяна «Вардананк». Воспроизведение эпохи, описываемой в историческом художественном произведении, подразумевает воссоздание исторической атмосферы далекого времени. Одним из очередных приемов создания необходимого исторического колорита является *архаизация языка произведения* - сильное языковое средство, эффективное действие которого применяется автором произведения в зависимости от поставленных задач и в соответствии с индивидуальными стилистическими предпочтениями.

В основном в романе «Вардананк» Д. Демирчян ведет изложение на современном армянском литературном языке, к архаизации автор прибегает только в целях создания речевых характеристик персонажей; есть также несколько образцов античной армянской устной литературы на древнеармянском языке - грабаре. В зависимости от образа персонажа применяется или сплошная архаизация (речь полностью построена на древнеармянском языке с архаической языковой системой - лексической, фонетической, морфологической и синтаксической) или архаизация включением большего или меньшего количества архаических (лексических и синтаксических) элементов в литературный армянский язык.

От перевода, следовательно, требуется соблюдение особенностей архаизации произведения автором.

Роман на русский язык переведен А. Тадеосян, издан в 1956г. Основой языка перевода является современный литературный русский язык с нейтральным лексическим слоем. Элементы архаизации – лексические (книжные, устаревшие формы речи, характерные для старославянской и библейской лексики) и синтаксические архаизмы (инверсия) в комплексе создают «высокий» стиль повествования. Конечно, наличие архаической лексики в переводном тексте является обязательным для исторического художественного произведения, что и видим в переводе А.Тадеосян, поскольку сохраняется намерение автора создать языковой фон далекой исторической эпохи.

Однако переводчицей не были учтены особенности стилистического почерка автора произведения – различная степень архаизации текста.

Прежде всего отметим, что авторское изложение в оригинальном произведении ведется на нейтральном литературном армянском языке, и в переводе оно также должно было быть лишено каких-либо архаических элементов. Переводчицей не учтен этот нюанс и авторская речь в переводном тексте насыщена архаическими элементами.

Далее, хотелось бы отметить, что перевод образцов древнеармянской поэзии с применением определенного количества лексических и синтаксических архаических элементов не вполне удался с точки зрения поэтического перевода. Перевод древнеармянской поэзии-это напряженный филологический труд, требующий специальных знаний в понимании древнеармянского языка и его поэтической образности, и даже при выдающемся творческом даровании и таланте переводчика адекватное воспроизведение поэзии, являющейся порождением сложнейшей системы древнеармянского языка и мышления, создание переводов, являющихся верным отражением многозначности оригинала - крайне сложная и неразрешимая в полном объеме задача. В переводе в основном построчно излагается содержание образцов устного поэтического творчества, благодаря чему иноязычный читатель получает представление о характерах и образах народных преданий и легенд. Архаизированные переводы отрывков выполняют функцию передачи общей атмосферы далекого исторического прошлого и способствуют созданию у читателя необходимого настроения для восприятия содержания произведения.

Далее, в переводе нет дифференциации языка представителей разных слоев общества, чему писатель уделял особое внимание. При создании речевых характеристик монахов и церковного руководства автором применялись и лексические,

и синтаксические архаизмы, тогда как язык высшей сословной знати был архаизирован только устаревшими синтаксическими формами на фоне книжной, литературной лексики. В переводе же все герои романа говорят одинаково звучащим языком, равномерно стилизованным «под старину» как архаической лексикой, так и устаревшими синтаксическими формами.

Речь простонародья переведена простыми предложениями, без сложных оборотов и придаточных предложений, что соответствует оригиналу. Однако нет адекватной передачи народных образных выражений и фразеологических сочетаний.

Таким образом, во-первых, в переводе не сохранен метод автора применять в различных стилистических комбинациях лексические и стилистические архаизмы с целью индивидуализации речи персонажей. Наоборот, мы видим равномерное введение на протяжении всего текста устаревшей лексики в русский литературный язык с редкими случаями синтаксической архаизации, что не способствует дифференциации речи различных персонажей. И, во-вторых, замена выразительной и интересной художественной канвы произведения текстом с однообразной архаизацией не только лишила язык перевода богатства и стилистической целенаправленности языка оригинала, но и придала изложению оттенок дословного, буквального перевода.

В новом издании романа (1985г., под редакцией М. Шатирия), необходимость которого была продиктована новым, возросшим уровнем мастерства переводчиков армянской исторической прозы на русский язык, текст переработан и отредактирован. Несмотря на то, что принципы архаизации не изменены, изложение на русском языке стало более гладким, фразы звучат естественнее и логичнее.

Стиль автора произведения проявляется также в *специфичном синтаксисе*, создающем особое ритмическое звучание и своеобразную картину текста.

Синтаксическая система исторического романа С.Зорьяна «Царь Пап» принимает разные формы выражения в зависимости от целей автора. В авторской речи С. Зорьян образует длинные и сложные синтаксические конструкции, способствующие детальному и подробному описанию, выстраиванию логической последовательности повествования, однако архаизации текста нет, тогда как в речи персонажей он делает предложения короче, проще, применяя в основном синтаксическую архаизацию, степень насыщенности которой архаическими элементами определяется уже образом персонажа. Следовательно, в переводе художественного произведения должна быть передана эта своеобразная манера изложения автора оригинала, направленная как на воспроизведение исторической атмосферы произведения, так и на создание речевой характеристики образов персонажей.

Роман переведен дважды. Первый перевод принадлежит А. Иоаннисян (в редакции С. Спасского), издавался дважды, первое издание в 1946г., в 1976г. роман выходит в переводе В. Дудинцева.

Изучение двух переводов дало нам возможность определить качество и уровень отображения в каждом из них индивидуальной синтаксической манеры изложения автора оригинала.

При переводе авторской речи А. Иоаннисян разрушает сложную синтаксическую форму изложения, меняет систему предложений, интонационные и формальные связи, сокращает детали, иначе говоря, прибегает к «синтаксической конденсации» фраз, что превращает сложную и продуманную систему изложения текста оригинала в сокращенное переложение содержания, лишенное какого-либо сходства с оригиналом. В итоге мы имеем «вольный» перевод с искаженным стилем автора произведения.

В. Дудинцев, не повторяя механически синтаксической схемы предложений, не упуская при этом из внимания ни одной детали повествования в оригинале, образует по аналогии свою систему синтаксического построения фраз с применением необходимых для воссоздания стиля автора различных синтаксических фигур русского языка. Иначе говоря, В. Дудинцев, избегая механического копирования текста оригинала с его синтаксическими особенностями, специфичными для армянской грамматики, но чуждыми для русской, воссоздает его по новой схеме, соответствующей по степени сложности индивидуальной манере автора, однако построенной по правилам русской грамматики, сохраняющей «логику и эстетику русского языка».

Что касается речи персонажей, в переводе А. Иоаннисян опять прослеживается тенденция кратко пересказывать содержание переводимой фразы, исключать из перевода слова и фразы, менять объем и длину предложений, их структуру, порядок построения во фразах и т.д., а также, что особенно важно отметить, не применять необходимых синтаксических средств исторической стилизации.

В то время как В.Дудинцев весьма часто прибегает к инверсиям в речи персонажей, создавая атмосферу исторической отдаленности и демонстрируя причастность персонажей к описываемым в романе далеким историческим событиям. Отступая от дословной точности в синтаксическом построении фраз (придерживаясь при этом лексической точности), В.Дудинцев определяет выбор каждого синтаксического элемента в соответствии с его функцией в контексте, а не от степени прямого соответствия элементу оригинала, в то же время переводчик не теряет оригинал из виду, отдельные его языковые средства - преобладающие в нем

синтаксические конструкции, образные и эмоционально окрашенные средства грамматики и т.д., что в итоге приводит к передаче в переводе стилистических оттенков речи героев, хода мыслей, порядка их изложения и т.д., и, таким образом, к осуществлению авторского замысла в создании речевых характеристик персонажей.

Язык исторического произведения, описывающего жизнь народа, должен отражать свойственные ему стиль и специфические формы речи. Роман С. Ханзадяна «Мхитар Спарапет» выделяется именно своей *разговорно-просторечной стихией*, насыщенной идиоматикой, диалектизмами и народными образными выражениями.

В романе отмечается различная степень включения в язык просторечных элементов:

- речь представителей простого народа в основном состоит только из фразеологических оборотов, народно-разговорных и диалектных слов и словосочетаний;
- авторское изложение, а также речь некоторых персонажей лишь местами стилизована диалектным или просторечным лексическим или грамматическим элементом;

При переводе, следовательно, необходимо учесть всю сложность стиля автора оригинала и в соответствии с этим выработать систему стилистических приемов, направленных на воспроизведение своеобразия авторского стиля.

Русскому читателю роман представлен в переводе Р.Кафриэлянц и Г.Манасяна. Первое издание перевода было в 1971г.,

Фразеологические обороты, являющиеся одной из составляющих просторечной лексики романа, переведены или частичными эквивалентами, с несовпадением в лексическом составе фраз, или же полными эквивалентами, с абсолютными совпадениями в лексике. Здесь переводчикам удалось достигнуть эквивалентности как в плане семантики, так и образности.

Применяемые переводчиками описательный метод перевода фразеологизма, метод дословного перевода, а также подбора лексического эквивалента, привели в основном (за некоторыми исключениями при передаче лексическим эквивалентом) к потере художественной образности и стилевой принадлежности переводимого словосочетания, причем буквальный, дословный перевод фразеологического оборота на русский язык образовал неуклюжие с точки зрения русского языка конструкции. Отметим также, что во многих случаях не переведен целый ряд фразеологизмов, тогда как, с другой стороны, в ряде случаев свободное сочетание слов передается русскими

фразеологизмами, очевидно, с целью компенсировать в результате неудачного перевода потерю художественности и эмоциональности.

При переводе следующей составляющей просторечный слой романа - диалектной лексики - большинство нелитературных диалектных слов и выражений переведено словами нейтрального стиля, даже привнесен элемент книжности, диссонирующий с контекстом. Очевидно, что в переводе не выполнена заданная стилистическая задача диалектизмов – образовать просторечную лексику. К тому же фразы не звучат по-русски.

Что касается стилизации в оригинале авторской речи и речи отдельных персонажей редким просторечным лексическим или грамматическим элементом, в переводе этот способ также не находит адекватного отражения - все переведено литературным русским языком.

В переводе также отсутствуют морфологический и фонетический ненормативные уровни, играющие свою роль в создании разговорно-просторечной стихии в оригинале.

В результате нарушения пропорций оригинала и перевода Р.Кафризлянц и Г.Манасяном стилистическая направленность романа «Мхитар Спарпет» - яркая просторечная среда, созданная сознательным использованием автором ненормативных элементов как в лексическом составе, так и в фонетическом звучании и грамматическом строе языка произведения, не получила адекватного отражения в переводном тексте.

Кроме того, с конструкциями, чуждыми русскому языку и построенными под влиянием армянского оригинала, стиль изложения переводного произведения оставляет впечатление дословного перевода.

Обобщая вышесказанное, отметим, что материал переводов ряда армянских исторических романов на русский язык, сделанных на протяжении полувека, наглядно демонстрирует зависимость качества перевода от определенных факторов, формирующих принципы перевода, и вырисовывает перед нами интересную картину их изменения и роста мастерства переводчиков.

Осознание необходимости выяснения и воссоздания необходимых стилистических особенностей переводимого произведения зависит от зрелости переводческого метода, формируемого под влиянием таких факторов, как национальная среда, эпоха, литературное окружение и мировоззрение переводчиков.

Конечно, качество перевода и удачное воссоздание художественного текста прежде всего обуславливаются индивидуальностью, талантом, «вкусом», опытом,

интуицией и чутьем переводчика, которые всегда важны в творческом процессе. Не только владение переводным языком, но и «чувство языка и дар творчества переводчика», его стремление «к тому, чтобы каждая фраза, переведенная им, звучала по-русски, подчиняясь логике и эстетике русского языка», приводят к созданию на переводном языке произведения художественной литературы с позиций воспринимающего языка и культуры.

Список литературы:

Виноградов В. В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. М.: Изд-во АН СССР, 1963

Мкртчян Л.М. Родное и близкое. Статьи. - М.: Сов. писатель, 1978

Чуковский К.И. Высокое искусство. – М.: Сов. писатель, 1968

Эткинд Е. О поэтической верности. - В сб.: Мастерство перевода. 1962. М., Сов. писатель, 1963

Томанова С.
Юго-западный университет «Неофит Рилски»
г. Благоевград (Болгария)

Tomanova Svetla
South-Western University «Neophyte Rilski»
Blagoevgrad (Bulgaria)

**ЭТНИЧЕСКИЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ В ПЕРЕВОДЕ
(ПЕРЕВОД СЛОВ И СЛОВСОЧЕТАНИЙ С ЭТНИЧЕСКИМ
ОБОЗНАЧЕНИЕМ)**

**ETHNIC SYMBOLS IN TRANSLATION
(TRANSLATION OF IDIOMS WITH ETHNICAL MARKER)**

В статье рассматриваются возможные способы перевода некоторых устойчивых слов и словосочетаний с этническим маркером типа «руска салата, френски парфюм, шведска стена».

В докладе также перечислены примеры с названием стран, городов, национальностей. Интерес вызывает поведение этих слов и паремий в переводе. Их можно передать путем поиска эквивалента, путем буквального перевода, транслитерации, описательного перевода или локализации.

This article is about the translation of idioms with ethnical marker, such as *the Scotch whisky, the Chinese massage, the English tea, the Afro-Americans, the French doors*.

The article includes examples of indicated nationality, citizenship, country. These types of idioms are divided into several groups. They are translated in different ways: they could be literally translated, there could be equivalent word, they could be localized by an analogue or translated descriptively.

Ключевые слова: идиомы, перевод, этнический маркер.

Keywords:: idioms, translation, ethnical marker.

Настоящая статья рассматривает перевод устойчивых словосочетаний. Термин «устойчивые словосочетания» здесь обозначает словосочетания, фразеологизмы, паремии, идиомы, идиоматические единицы, устойчивые смысловые и словесные единства, т.е. этот термин употребляется в самом широком смысле, не имея при этом давать точную жанровую или лингвистическую формулировку использованного термина и без идеи о строгой научной классификации использованного материала.

В центре внимания здесь стоят словосочетания или слова, которые содержат этническую характеристику типа *швейцарски часовник, арабска месарница, циганска махала, арменския поп, турска баклава, френски прозорец* и др.

Уточнения требует и слово «этнический». Это слово тоже будет рассмотрено в широком смысле – приведены примеры, в которых указана национальность, этнос, народность, область, край, город или другое населенное место, раса, название

государства. Словосочетания, включенные в исследовании, могут быть разделены на несколько групп:

1. Первая группа включает устойчивые словосочетания, которые выражают положительное эмоциональное отношение и являются символом высокого качества. Они обозначают вещи (предметы) и людей; они выражают одобрение, восхищение, согласие с высокой оценкой. Например, сочетание *френски парфюм* является синонимом высокого качества, даже если эти духи сделаны в Милане или разработаны дизайнером кубинского происхождения. Таких словосочетаний обычно переводят слово в слово, т.е. делают буквальный перевод.

б. френски парфюм – р. французские духи

френска козметика – французская косметика

чешка бира – чешское пиво

скоч – шотландский виски

кубински пури – кубинские сигары

К этой группе относятся и примеры типа *българско кисело мляко*, *швейцарски шоколад*, *немска дисциплина*. Эти национальные маркеры популярны во многих странах, даже некоторые из них известны во всем мире. Их переводят буквально, так как у них есть эквивалент в языке перевода. Например, в русском языке они звучат следующим образом: *французский коньяк*, *швейцарский сыр*, *бельгийские конфеты*, *болгарское кислое молоко*, *баварские колбаски*, *русская водка*.

2. Подчеркнуто негативную коннотацию имеют следующие словосочетания: *византийско коварство*, *негърски номера*, *циганска работа*, *мръсен арабин*; в русском языке *жидовская морда*, собирательный образ *лица кавказской национальности*, *чурки*, которые в фольклоре постсоветского пространства перекочевали в *лица неправильной национальности*. Эти выражения являются плодом националистических взглядов и этнической нетерпимости, они недопустимы в формальном общении, но, к сожалению, некоторые из них все еще бытуют в речи. В переводе следует заменять их другими объяснениями или переводить эвфемистично. Некоторые из них имеют метафорический смысл. Например, выражение *тъмна Индия* – эквивалент чего-то непонятного и незнакомого. В английском языке есть эквивалент с другим маркером – *it is all Greek to me*.

3. Третья группа таких языковых единств обозначают происхождение предмета. В недалекие времена названия некоторых импортных товаров становятся эмблематичными: *финская стенка* (*б. финландска секция*), *чешские туфли* (*б. чешки обувки*), *финские сапоги*, *финское масло*, *югославская мебель*, *болгарские сигареты*.

После того, как известная шведская марка стала популярной на болгарском рынке, продавая шведскую складную мебель и товары для быта, выражение *шведски мебели* приобретает популярность и устойчивость. Есть в русском языке слова, которые содержат в себе информацию о стране происхождения, они пережили развитие, глубоко закрепились в языке и постепенно потеряли прямую этимологическую связь, т.е. их воспринимают как предметы определенного вида, качества и определенной функциональной принадлежности. Несмотря на страну производства, они называются: б. *еспадрили, кубинки* (грубые ботинки на шнурках), *канадка* (куртка с капюшоном), *шотландска вълна* (шерсть), *кашмир* и др.; р. *грецкие орехи, болгарский перец* и его оппозиция *chilly pepper, швейцарский сыр, финский дом* – б. *сглобяема дървена къща, р. болгарка* – б. *ъглошлайф, полька* (танец), *полька* (вид стрижки), *корейка* (мясо), *испанка* – смертельная заразная болезнь начала 20 в., *вьетнамки* (тапки из тряпки, сравни б. *джапанки*), р. *чешки* – б. *цвички, панама* (шляпа от солнца), *бермуды* (летние короткие штаны), *голландка* (печь для дома), *шотландка* (пестрая клетчатая ткань), *русская печка, китайка* (хлобчатобумажная ткань), *френч* (куртка военного образца, в талию).

В английском языке очень много словосочетаний с маркером *French: French bread* – *франзела*, *French chalk* – *креда за чертане*, *French fried (potatoes)* – *пържени картофи*, *French toast* – *пържена филия*, в архитектуре *French roof* – *мансарден покрив*, *French window* – *двойна стъклена врата на тераса*, *French doors* – *двойни врати* и др. Следует отметить и сочетания типа: *Spanish chestnut* – б. *кестен*; *Italian cloth* – б. *сатиниран плат за подплата*; *China ink* – *туш*.

4. Четвертая группа объединяет такие единицы, которые обозначают способ приготовления, рецепт (кулинарный) независимо от страны происхождения ингредиентов или места приготовления. Со своей стороны они делятся на:

4а. Такие, которые имеют точный эквивалент в переводе или могли бы быть локализованы с помощью приблизительного эквивалента: б. *гръцка салата* – р. *греческий салат* – *Greek salad*; б. *мексиканска салата* (салат с кукурузой и с фасолью).

Может быть именно здесь следует отметить, что б. *македонска наденица* незнакома как название в Македонии, а то, что в болгарском языке именуется *руска салата*, поразительно похоже на р. *салат Оливье* или *столичный салат*. К этой группе также относятся б. *шведска тройка* (трима партнера двух полов); р. *русская тройка* (старинная русская запряжка лошадей. *Тройка* была придумана для быстрой езды на большие расстояния); р. *кофе по-турецки* – б. *турско кафе* – *Turkish coffee* (вполне может быть сортом арабика или колумбийского происхождения); р. *турка* – б. *джезве*.

4б. К группе без эквивалента с маркером в английском языке относятся б. *шведска маса*, б. *шведска стена* – р. *шведская стенка* – *ladder wall*.

Особое внимание переводчики должны уделять переводу сложных слов типа *афроамериканец*, *от азиатски производ*, *от скандинавски производ*, *от еврейски производ* и др.

4в. Известный бренд, допускающий буквального перевода, представляют следующие устойчивые сочетания: р. *тайский массаж*, *финская баня* – *сауна*, *чили соус*, *украинский борщ*, *сибирские пельмени*, *узбекский плов*, *кавказское долголетие*, *сибирское здоровье*, *итальянская паста*, *грузинское харчо*, *армянская долма*, *грузинское вино*, *армянский коньяк*; б. *белгийски бонбони*, *турско кафе*, *китайска храна* (*китайско*), *средиземноморска диета*.

5. Некоторые устойчивые выражения обозначают сорт растения, порода животных, класс организмов и др. Например, *грецкие орехи*, *немецкая овчарка*, *болгарский перец*; б. *немска овчарка*, *германски дог*, *кокер шпаньол* – р. *спаниель*, б. *индийско орехче* – р. *мускатный орех*. Некоторые связывают этимологически слово *гречка* с Грецией, однако, это морфологически немотивированное предположение.

За рамки перечисленных групп остались б. *власите се давят на края на Дунава*, р. *цыганская почта* – б. *развален телефон*, б. *циганско лято* – р. *бабье лето* – *Indian summer*, р. *китайский телевизор* – б. *контрабандна стока*, а также один из главных персонажей анекдотов 60-70 гг. – *Армянское радио*.

6. Встречаются паремийные словосочетания с названиями городов или стран:

р. *Москва слезам не верит*;

р. *Ехать в Тулу со своим самоваром* – англ. ... *carry/ take coals to Newcastle* (Br E) = *You are taking wine with you to France?*;

...*the luck of the Irish*;

... *Dutch courage* (Br E) – *courage or confidence that you get by drinking alcohol*;

go Dutch (with sb) *informal* – *share the cost of a meal, cinema, trip, etc., equally with sb.*;

double Dutch – *language that is impossible to understand*;

Rome was not built in a day...;

... *when in Rome do as the Romans do*;

... *fiddle while Rome burns*;

to take French leave – р. *уйти по английски* – б. *напускам без да се сбогувам*

Таким образом способы передачи устойчивых словосочетаний с этническим маркером приближаются к технике перевода национально-специфических реалий. Эти реалии многочисленны в рамках каждой определенной культуры. Их можно разделить

на группы и подгруппы в зависимости от их принадлежности к той или иной сфере быта, к духовной жизни человека и общества, к миру природы. Перевод таких единиц зачастую требует экстралингвистического подхода. Успешный перевод соизмерим с общей переводческой и интеллектуальной компетентностью переводчика.

В науке о переводе их называют „подводными камнями” или „ложными друзьями переводчика”. Иногда переводчика подводит межязыковая омонимия особенно в близко родственных языках. В транслатологии известны следующие способы перевода таких слов и словосочетаний:

I. Транслитерация или транскрипция (очень редко) – они передаются в неизменном виде в языке перевода (в языке, на котором переводим).

II. Калькирование – новое слово путем буквального воспроизводства структуры иностранного слова с помощью существующих в языке словообразовательных средств.

III. Аналогичный перевод – или уподобляющий перевод, локализация. Это перевод типа *donat – поничка – пирожное*. Таким образом в переводе используют слова, обозначающие что-то близкое, даже не совсем тождественное по функции. Например, р. *торт „Прага”* – б. *шоколадова торта* или *торта Гараш*. Конечно, в таких случаях теряется национальный колорит, потому что все таки *пирог* и *баница*, а также р. *пасхальный кулич* и б. *великденски козунак* и *коледен щолен* все таки есть разные вещи.

IV. Любимая переводная трансформация – описательный перевод, с помощью которого безэквивалентная лексика описательно можно передать в языке перевода.

Список литературы:

Никитина Т.Г. Толковый словарь. Молодежный сленг. - М. 2004.

Whitney Norman, Cruse Alan. Oxford Idioms Dictionary for learners of English. - Oxford University Press, 2008

Хамраева Ш.А.
Казахский университет международных отношений
и мировых языков имени Абылай хана
г. Алматы (Казахстан)

Khamrayeva Shakhidam
Kazakh Ablai khan University of
International Relations
and World Languages
Almaty (Kazakhstan)

КОГНИТИВНЫЕ АСПЕКТЫ ПЕРЕВОДА МЕНАСИВНЫХ РЕЧЕВЫХ АКТОВ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

COGNITIVE ASPECTS OF THE MENACING SPEECH ACTS TRANSLATION IN POLITICAL DISCOURSE

В статье предпринята попытка рассмотреть процесс перевода менасивных актов политического дискурса с позиции когнитивно-деятельностной парадигмы. Когнитивно-деятельностная парадигма предполагает исследование перевода, прежде всего, как разновидности мыслительной функции человека направленной на понимание и трансляцию результата понимания исходного индивидуального знания в переводной текст. С нашей точки зрения, процесс перевода менасивных речевых актов в политическом дискурсе не может быть автоматизирован, так как язык постоянно совершенствуется и только человек, который использует язык ежедневно и непосредственно сам участвует в его развитии, может создать перевод, который будет считаться адекватным. Кроме того, недостаточно просто знания языка, потому что во многих случаях правильный перевод зависит именно от фоновых знаний переводчика, а также от уровня его языкового и предметного тезаурусов. Перевод менасивных речевых актов в политическом дискурсе с позиции когнитивно-деятельностной парадигмы позволит переводчику разложить текст на концепты с целью его актуализации и более точно передать смысл исходного текста.

The article deals with attempt to analyze the process of menace speech acts translation in political discourse within the frame of cognitive – activity paradigm. Cognitive- activity paradigm suggests to consider translation as the variety of thinking function of personality focused on understanding and transfer of the results of understanding of the source individual knowledge to the target text. From our point of view, the process of menace speech acts translation in political discourse is not an automatized procedure because language is improved and changed and the person who uses this language and participates in the creation of the language can create the adequate translation. Moreover, it is not enough to know language as in many cases the adequate translation depends on translator's background knowledge, his language and subject thesaurus. The translation of menace speech acts translation in political discourse within the frame of cognitive – activity paradigm will help the translator to divide the source text into concepts to actualize it and render the meaning of the target text adequately.

Ключевые слова: когнитивный аспект, менасивный речевой акт, политический дискурс, адекватный перевод.

Key words: cognitive aspect, menacing speech acts, political discourse, an adequate translation.

Восприятие перевода как чисто технического процесса устарело. В последнее время интерес лингвистов к когнитивным аспектам переводческой деятельности. Указанная тенденция знаменует собой постепенный отход теории перевода от чисто лингвистических концепций, в рамках которых процесс перевода рассматривался, в основном, как поэтапная трансформация исходного текста на одном языке в текст на другом языке, происходящая благодаря объективно существующим «эквивалентным» отношениям между единицами двух языков на основе выражаемого ими содержания или выполняемой функции [Минченков, 2007, с. 4]. Постепенно внимание, которое раньше уделялось непосредственно языковой системе, переходит на личность переводчика. На смену традиционным понятиям (адекватность, эквивалентность и пр.) приходят такие понятия как когниция, эвристика, концепт, фрейм.

С одной стороны, когнитивная лингвистика использует проверенные методы сбора и анализа языковых данных, к которым относятся: сбор устных и письменных языковых данных и расчленение этих данных на тексты, предложения, фразы, слова, морфемы и фонемы; классификация этих единиц по типам текстов, предложений (синтаксические конструкции), по частям речи (морфологические конструкции) и фонемы; сравнение единиц и классов, позволяющее выявить сходства и различия, которые обычно описываются в виде набора признаков (синтаксические, семантические, фонологические признаки). С другой стороны, когнитивная лингвистика стремится перенести объект своего исследования на психо- и нейролингвистическую почву, при этом используются экспериментальные моды наблюдения над поведением и над процессами, происходящими в головном мозге.

При переводе различных текстов, переводчик всегда имеет дело, в первую очередь, со смыслом данного текста. Мы можем определить смысл как значение, присущее какому-либо слову. Используя определенные слова в своей речи, человек ожидает, что для его собеседника эти слова будут иметь то же значение, что и для него самого, поэтому значение, в определенной степени «привязано» к слову. Смысл же, всегда оказывается динамическим, текучим и сложным образованием. Он субъективен, появляясь единицей внутренней речи, и может существовать без слов [Выготский Л, 1999, с. 401]. Согласно исследованиям Дж. Олвуда о когнитивных операциях, на процесс формирования смысла влияют три основных фактора: фактор прототипического значения анализируемой единицы, фактор значения других единиц, образующих лингвистическое окружение данной единицы, фактор фоновых знаний об окружающем мире. Вместе эти факторы устанавливают пределы интерпретации смысла [Олвуд, 2003, с. 2]. То есть, на значение языковой единицы, помимо концепта,

который становится смыслом посредством актуализации, влияют значения языковых единиц, которые окружают данную, а также все языковые единицы, которые составляют данную фразу или текст. Также на значение языковой единицы влияют фоновые знания об окружающем мире, которыми обладает переводчик. Все вместе смыслы создают определенную структуру, которая называется концептуальной структурой. Она представляет собой ситуацию, которая описана в предложении, фразе или тексте.

Концепты могут актуализироваться не только самими знаками, но и определенными их сочетаниями. В этом случае концепт актуализируется лишь благодаря нашим фоновым знаниям и вообще не связан ни с одним словом, то есть невозможно сказать, какое конкретно слово его актуализировало. Так часто происходит, например, при сочетании английского инфинитива в функции определения с существительным или местоимением [Минченков, 2007, с. 125]. Некоторые языковые единицы представляют интенциональные (интенция – направленность мышления на какой-либо объект) концепты. Частица *even*, например, актуализирует концепт, содержащий информацию о том, как говорящий представляет норму или, проще говоря, концепт нормы. Также, использование коммуникантом нестандартных выражений, дает собеседнику представление об уровне образованности оппонента, а также о его социальном положении.

После того, как смысл сформирован, происходит следующая стадия нашего мышления, на которой рождается мысль. Эта стадия движения от слова к мысли оказывается «динамическим, неустойчивым, текучим моментом, мелькающим между более оформленными и стойкими крайними полюсами...: между словом и мыслью», моментом, когда вербальные концепты порождают в сознании предметные образы и схемы языка мысли и взаимодействуют с ними.

По утверждению В. Беньямина, ни один перевод не был бы возможным, если бы в своей сущности он не стремился бы к подобию исходному тексту, и высшее предназначение перевода заключается в том, чтобы выявить глубинное, а не поверхностное отношение между языками. Выражаемая в языке мысль всегда зависима, так как она прикреплена к словам и словосочетаниям. Языки друг от друга отличаются способами существования слов, модусами. Поэтому слово, обладающее одним и тем же значением не понятно для носителя другого языка. Перевод же, в свою очередь, позволяет освободить «чистое значение» от языковых форм исходного языка, превратить обозначающее в обозначаемое и вновь обрести чистый язык, который уже ничего не обозначает и не выражает, он просто есть [Беньямин, 1978, с. 16].

В своем фундаментальном исследовании по когнитивной семантике Л. Тальми обращает внимание на то, что отношение между семантическими элементами (концептами) и поверхностными элементами структуры предложения (словами) часто носит непрямой характер. Набор семантических элементов может выражаться одним поверхностным элементом, и, наоборот, один семантический элемент - целой комбинацией поверхностных элементов. Главное, что это отношение оказывается разным для разных языков. Среди семантических элементов, участвующих в концептуальном представлении события движения, например, Л.Тальми выделяет четыре центральных - субъект, действие, фон и путь, и два факультативных - способ и причину. Как показывает исследователь, в романских языках при описании события движения действие и путь регулярно представлены одним поверхностным элементом (словом), в то время как в английском языке каждый из двух представлен отдельным словом. По наблюдению Л. Тальми, представление действия и способа в одном глаголе характерно для всех индоевропейских языков, кроме языков романской группы [Talmy, 2000, с. 21].

Таким образом, концепты-смыслы обычно скомбинированы относительно значений слов, вокруг которых они образованы, создавая тем самым единую структуру, которая непосредственно зависит в большой мере от контекста. При переводе такого предложения на какой-нибудь язык из романской группы, переводчик столкнется с тем, что ему трудно (зачастую даже невозможно) будет подобрать слово, которое могло бы точно актуализировать этот концепт. Эти же проблемы возникают и при переводе безэквивалентной лексики или же при передаче каких-либо реалий, присущих одной национальности. Решением дано проблемы является возможность языка расширять свои границы, обогащаться, по мнению В. Бенъямина, ради воплощения чистого языка, мысли, переводчик расширяет границы того языка, на который переводит. Полностью мысль может выразить только чистый язык, все языки стремятся, используя разные средства, каждый по-своему, максимально полно и компактно выразить человеческую мысль. Именно благодаря наличию у языка этого свойства он способен выходить за свои обычные пределы, выражать новые для себя смыслы, используя имеющиеся средства или создавая новые. Благодаря языку мысли человеческое сознание способно вычленять субконцепты даже в тех случаях, когда языковая единица актуализирует единый концепт. Такое расчленение концептов на субконцепты и рекомбинация концептов реально происходит при переводе.

Ф. Унгерер и Х.Й. Шмид приводят много примеров того, как в романских языках, в частности, французском и испанском, в отличие от английского, в состав

единого концепта, актуализируемого глаголом движения, не включается семантический компонент способ [Уингерер, Шмид, 1996, с. 233-239]. Таким образом, язык в целом позволяет объективировать нужный нам концепт. Пока не появилось слово, четко его фиксирующее, язык может объективировать его в виде или посредством словосочетаний и предложений. Концепты, которые невозможно или нежелательно объективировать одним словом или словосочетанием, могут быть актуализированы всем составом предложения.

Отношения между словом и смыслом не постоянные и устойчивые, а активно изменяющиеся и динамичные. При движении коммуниканта от слова к мысли в сознании актуализируется прототипическое значение слова, от которого посредством процессов интерпретации сознание формирует смысл, и на последнем этапе смыслы, образованные от слов предложения, перетекают в единое мыслительное представление описываемой в предложении ситуации. При движении от мысли к слову происходит обратный процесс - мысль постепенно «совершается в слове» [Лакофф Д, 2003, с. 293].

В соответствии с когнитивной концепцией перевода исходный текст ни во что не трансформируется, и его значение никуда, не переносится. Он, тождественный лишь самому себе, в том виде, в каком он создан своим автором, воспринимается переводчиком и служит источником формирования в его сознании определенной концептуальной структуры, точно так же, как если бы переводчик воспринимал его не с целью перевода, а как обычный читатель. Концептуальная структура формируется в сознании переводчика на основе текста, но благодаря существованию в его сознании когнитивной структуры знаний. Эта когнитивная структура знаний, как было отмечено, связана интерфейсами с лингвистической информацией и информацией, получаемой посредством восприятия и действия. Благодаря интерфейсу, обвязывающему концепты со звуками или графическими знаками, информация от исходного текста поступает в сознание и актуализирует там соответствующие концепты. При актуализации концептов задействуется, фоновые знания, в том числе общие знания о мире, используются знания, возникающие в результате восприятия переводчиком общего контекста речевого взаимодействия [Маслова, 2008, с. 157].

Текст, созданный в процессе перевода, в свою очередь, не является копией исходного текста, потому что он рождается не путем трансформации исходного текста, а путем замещения концепта исходного текста новым смысловым концептом. И здесь снова используются фоновые знания переводчика, но уже связанные с картиной мира языка перевода. В зависимости от фоновых знаний переводчика, а также различных

внешних факторов, перевод одного и того же текста у разных авторов получается разным.

Осмысление стратегий перевода менасивных речевых актов в политическом дискурсе в рамках когнитивно-деятельностной парадигмы представляет для нас особый интерес [Харитоновна, 2006, с. 5-12]. Когнитивно-деятельностная парадигма предполагает исследование перевода, прежде всего, как разновидности мыслительной функции человека направленной на понимание и трансляцию результата понимания исходного индивидуального знания в переводной текст. С нашей точки зрения, процесс перевода менасивных речевых актов в политическом дискурсе не может быть автоматизирован, так как язык постоянно совершенствуется и только человек, который использует язык ежедневно и непосредственно сам участвует в его развитии, может создать перевод, который будет считаться адекватным. Адекватная их интерпретация дает возможность решения многих проблем, связанных с социально-политическими вопросами. Исследуя вопросы перевода политического дискурса, мы пришли к мнению, что политический дискурс обладает прагматическим потенциалом, который на наш взгляд, необходимо передать в полной мере с иностранного языка на язык перевода. Очень важно для переводчика в процессе декодирования информации учесть особенности передачи менасивного речевого акта в политическом дискурсе, с целью достижения конструктивного диалога и взаимопонимания между различными государствами. В целом, разного рода противостояния могут привести конфликтам. Так, например, противостояние США с Северной Кореей из-за ядерной программы может вылиться в военный конфликт, как сообщает CNN, в доказательство приводя слова 45-го Президента США Дональда Трампа в интервью *Reuters* своего 100 дня президентства:

"There is a chance that we could end up having a major, major conflict with North Korea. We'd love to solve things diplomatically, but it's very difficult... I believe he is trying very hard. He certainly doesn't want to see turmoil and death. He doesn't want to see it..." [<http://edition.cnn.com/2017/04/28/politics/trump-100-day-interview/>].

Дональд Трамп упоминая о существующем конфликте между двумя государствами, где отмечает, что США хотели бы решить проблему демократическим путем, признавая сложность задачи. Особенно угрозу в речи президента США, мы можем наблюдать в предложении: *He certainly doesn't want to see turmoil and death*, где он имплицитно выражает определенную угрозу.

В интервью *The Financial Times* президент Соединенных Штатов Америки выразил желание обсудить нарастающую угрозу со стороны Северной Кореи и их

программы ядерного оружия с Си Дзиньпин во время визита председателя Китайской Народной Республики в штат Флорида. В свою очередь г-н Д. Трамп заявил:

“China has great influence over North Korea. And China will either decide to help us with North Korea, or they won't... ..If they do, that will be very good for China, and if they don't, it won't be good for anyone” [<https://www.ft.com/content/4d9f65d6-17bd-11e7-9c35-0dd2cb31823a>].

В данном отрывке президент Трамп отметил: «Китай будет решать, помочь нам с Северной Кореей или нет. Если они согласятся, это будет хорошо для Китая. Если нет – это не пойдет на пользу никому». Тем самым, Д.Трамп предупреждает о предстоящей угрозе, которая передана посредством условного предложения.

Таким образом, существует необходимость разработки стратегий перевода политической речи, в частности менасивных речевых актов с целью сохранения внутреннего прагматического потенциала, воздействующего на адресата. В этом контексте, адекватность перевода определяется тем, насколько эффективно используются в переводе языковые средства воздействия.

Кроме того, недостаточно просто знания языка, потому что во многих случаях правильный перевод зависит именно от фоновых знаний переводчика, а также от уровня его языкового и предметного тезаурусов. Различия в концептуализации возникли как результат разных способов восприятия мира, но по мере развития языка, он оказал влияние на дальнейшее формирование мысли. Язык не участвует в самом процессе чувственного восприятия, но он своими средствами стремится передать полученную информацию. Концептуализация объектов окружающего мира возможна вне языка, более того, у каждого индивидуума есть свой способ концептуализации языка и построение структур концептов. Таким образом, мы можем говорить скорее не о воздействии мира на мышление, а о взаимодействии между познающим субъектом и объектами в мире.

Смеем надеяться, что перевод менасивных речевых актов в политическом дискурсе с позиции когнитивно-деятельностной парадигмы позволит переводчику более точно передавать смысл исходного текста. Разложение текста на концепты поможет актуализировать процесс перевода. В будущем, для более чистой картины исследования планируется провести серию экспериментов, с учетом влияния эвристики на перевод и ее взаимосвязи с когницией.

Список литературы:

- Беньямин В.* Задача переводчика. – Франкфурт, Суркамп Инсел, 1978.
- Выготский Л.* Мышление и речь. – М., Лабиринт, 1999.
- Лакофф Дж.* Женщины, огонь и опасные вещи. – М., Гнозис, 2003.
- Маслова В.* Когнитивная лингвистика. – М., ТетраСистемс, 2008
- Минченков А.* Когниция и эвристика в процессе переводческой деятельности. – М., Антология, 2007.
- Олвуд Дж.* Прагматика и когниция. – Тель Авив, Тель-Авивский Университет 2003.
- Уингерер Ф., Шмид Х. Дж.* Введение в когнитивную лингвистику. 1996.
- Харитонова Е.* Концептуализация как стратегия перевода научного текста: на материале русс и английских языков: дисс., канд, филол.,наук: спец. 10.02.20
- Talmy L.* Force Dynamics in language and cognition. – New York, The MIT Press, 2000.
- «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание». – Пермь, 2006.
- <http://edition.cnn.com/2017/04/28/politics/trump-100-day-interview/>
- <https://www.ft.com/content/4d9f65d6-17bd-11e7-9c35-0dd2cb31823a>

Черенькая С.В.
Московский педагогический государственный университет
г. Москва (Россия)

Chernenkaya Svetlana
Moscow State Pedagogical University
Moscow (Russia)

КОНЦЕПЦИЯ ПЕРЕВОДА В РАБОТАХ Н.В. ГОГОЛЯ И ФР. ШЛЕЙЕРМАХЕРА

THE CONCEPT OF TRANSLATION IN THE WORKS OF N. V. GOGOL AND FR. SCHLEIERMACHER

В статье сопоставляются концепции перевода Н.В. Гоголя и Фр. Шлейермахера. Общие подходы к методологии перевода объясняются наличием у них общих представлений о языке как носителе национальной духовности.

The article compares the concepts of translation of N.V. Gogol and Fr. Schleiermacher. General approaches to the methodology of translation are explained by a common understanding of the language as a bearer of national spirituality.

Ключевые слова: язык, перевод, методологии перевода, отношения между языками.

Key words: language, translation, methodology of translation, the relationship between languages.

В архиве Н.В. Гоголя нет ссылок или упоминания имени Фр. Шлейермахера, немецкого филолога, переводчика, одного из основателей философской герменевтики. Но в текстах Н.В. Гоголя, в частности, в «Выбранных местах из переписки с друзьями», представлена определенная теория перевода, параллели между которой и теорией Фр. Шлейермахера («О разных методах перевода» (1813) и др.) очевидны.

Свою концепцию перевода Гоголь излагает прежде всего в письме к Н.М. Языкову «Об «Одиссее», переводимой Жуковским». Он начинает свое письмо с рассуждения о разных толкованиях «Одиссеи», определяющих соответственно «идею» её перевода. По убеждению Гоголя, понимать и переводить «Одиссею» следует, исходя из её нравственного назначения. Это «самое нравственнейшее произведение, единственно затем и предпринято древнегреческим поэтом, чтобы в живых образах начертать законы действий тогдашнему человеку» [Гоголь, 2008, с. 228]. «Одиссея» содержит массу историко-культурных фактов, например, из текста мы узнаём о наличии у греков ременных задвижек на дверях (пример Гоголя) и т.д., но исторические и другие элементы в тексте выступают как несущественные. Телеологический подход к тексту у Гоголя прослеживается и в других письмах [Черенькая, 2009, с. 221].

Гоголь ставит вопрос о соотношении текста и его перевода, обращая внимание на то, что «Одиссея» распалась на множество историй, ставших предметом многочисленных трагедий, комедий, а сама «Одиссея» забылась. В данном случае речь идёт не просто о «судьбе» текста, но выделяются причины, могущие «разрушить» связь текста и перевода:

1) недостаток перевода, не способного передать художественное великолепие древнего произведения;

2) недостаток языка, в такой степени богатого и полного, на котором отразились бы вся красота как языка Гомера, так и вообще эллинской речи;

3) недостаток, наконец, восприятия, неразвитость художественного вкуса народа, необходимого для того, чтобы почувствовать язык Гомера.

Гоголь обозначил возможные отношения между языками. Во-первых, это отношения неравноправные – когда один язык не может быть творчески представлен в другом. Во-вторых, отношения свободные, равные, открытые – когда «чужой» текст творчески расширяет, преображает родной язык. Говоря о переводе Жуковского, он пишет: «перевод “Одиссеи” вышел не рабская передача, но слышалось ... в нем слово *живо* (курсив Гоголя), и вся Россия приняла ... Гомера, как родного!» [Гоголь, 2008, с. 227]. Сохранить чужое слово «живым» может язык «зрелый», утвердившийся как литературный язык, а не только разговорный.

Шлейермахер, размышляя над актом перевода, также выделяет отношения господства и подчинения между языками, отрицающие возможность подлинного перевода, и отношения «равные», позволяющие представить «чужое» в родном языке, соответственно, осуществить подлинный перевод, и указывает на возможные риски. Неподлинный перевод, являясь способом адаптации чужой культуры, не несет никаких видимых рисков для родной культуры и национального языка, но он и не позволяет открыть и хоть как-то приблизиться к другой культуре. Подлинный перевод, отмечает, Шлейермахер, может позволить себе культура, уверенная в себе, в своей способности ассимилировать чужое без ущерба для себя и своего языка, поскольку такой перевод может нарушить *das heimische Wohlbefinden der Sprache* (домашнее благополучие языка).

Шлейермахер – герменевт, переводчик, теоретик, рассуждающий о возможности достижения понимания между культурами, о месте перевода в общем пространстве понимания, об условиях подлинного перевода, при котором национальный язык способен воспринимать другие языки в их инаковости и удерживать первенство в качестве языка культуры. Задача Гоголя уже – он стремится определить возможное

влияние «Одиссеи» на русскую культуру. Во-первых, он отмечает воздействие «Одиссеи» на «пишущую братию», которая получит образец ясного и четкого изложения мысли в художественной речи. Во-вторых, подчеркивает, что «Одиссея» подействует на развитие вкуса и эстетического чувства читателей. В-третьих, утверждает Гоголь, «Одиссея» своей русской одеждой будет способствовать «очищению» нашего языка. Примечательно, что, рассматривая отношения между русским и рядом других европейских языков, он часто выделяет их «засоряющее», «затемняющее» воздействие на его чистоту. Отталкиваясь от конкретного текста и подчиняясь логике своих рассуждений, Гоголь говорит в дальнейшем о влиянии в целом древнегреческого языка благодаря переводам на русский язык, об интересе и внимании к древнегреческому языку и культуре в русском обществе.

Мы видим, что в «Выбранных местах...» Гоголь вновь и вновь возвращается к вопросу о взаимоотношениях между языками и культурами. Свободные отношения возможны между языками «равными» по своему духовному содержанию. Гоголь отмечает, что поэма язычника (Гоголь специально указывает на этот момент) Гомера потому оказалась понятна и принята русским обществом, что Гомер обращался к внутреннему миру своих современников. Вот связующий момент культур, разделённых временем, религиями и многими другими факторами. «Одиссей, – пишет Гоголь, – во всякую трудную и тяжелую минуту обращался к своему милому сердцу, не подозревая сам, что таковым внутренним обращением к самому себе он уже творил ту внутреннюю молитву Богу, которую в минуты бедствий совершает всякий человек, даже не имеющий никакого понятия о Боге. Вот то *общее* (курсив Гоголя), тот живой дух её содержания» [Гоголь, 2008, с. 229].

Помимо объективных условий аутентичного перевода Гоголь выделяет и субъективные:

- 1) знание и приятие чужой культуры, позволяющие увидеть общее и особенное между культурами, выделить ценность другой культуры;
- 2) уверенность в том, что опыт другой культуры необходим для того, чтобы понять свою культуру;
- 3) наличие у переводчика опыта переводческой деятельности, способствующего развитию языкового «чутья», чувства слова;
- 4) «психологическая» готовность переводчика представить иное содержание в родном языке;
- 5) наличие целостного мировоззрения у переводчика, чувства меры по отношению к родному и чужому языку, родной и чужой культуре.

Обращает на себя внимание четкая формулировка Гоголем принципов и условий перевода. Это не просто рассуждения проницательного писателя, а программное сочинение в сфере переводческой деятельности. Текст рассматривается им как продукт самовыражения субъекта и одновременно как объективный феномен языка, потому он определяется как автором, так и конкретной ситуацией в языковой и культурной истории. Перевод соответственно представляется Гоголем, с одной стороны, как субъективный процесс, важна личность автора и переводчика, личность Гомера и Жуковского. Но в тексте Гомера, «вечном», по определению Гоголя, содержится и объективное знание, что вызывает необходимость обращения к тексту и современников Гоголя, и наших современников.

Фр. Шлейермахер, обосновывая в своей «Герменевтике» возможность достижения общезначимой интерпретации, исходил из анализа процесса понимания. Общность духовных процессов автора и интерпретатора выступает, согласно, Шлейермахеру, необходимым условием понимания.

Согласно приёму воссоздающей конструкции Шлейермахера, в процессе истолкования (перевода), следуя за движением мысли автора, мы выводим на уровень сознания многое, что для самого автора оставалось неосознанным, воссоздаём текст, следовательно, можем понять автора лучше, чем тот понимал себя сам. Читаем у Гоголя: «Это не перевод, но скорей воссоздание, восстановление, воскресенье Гомера. Перевод как бы еще более вводит в древнюю жизнь, чем сам оригинал. Переводчик незримо стал как бы истолкователем Гомера, стал как бы каким-то зрительным, выясняющим стеклом перед читателем, сквозь которое еще определительней и ясней выказываются все бесчисленные его сокровища» [Гоголь, 2008, с. 228]. Такой подход Гоголя обусловлен и оправдан трактовкой перевода как способа понимания.

Как мы отмечали ранее, маловероятно, что Гоголь был знаком с текстами Фр. Шлейермахера. Но на «Герменевтику» Шлейермахера определённое влияние оказали братья Шлегели, Гёте, чьи работы были известны Гоголю. Объяснить параллели с классическими текстами Фр. Шлейермахера, возникающие при чтении «Выбранных мест...», и само наличие концепции перевода, представленной в указанном письме, можно тем, что, во-первых, представленная концепция перевода необходимо следует из наличия у Гоголя целостной концепции языка. Главное у Гоголя – представление о языке как о среде, формирующей определённое восприятие мира и организующей это восприятие. Усваивая родной язык, мы усваиваем определённый способ видения и отношения к миру. Такой подход к языку не являлся новым для европейской философии. И В. Гумбольдт, и Фр. Шлейермахер определяли язык как «мировидение».

Гумбольдт писал: «Каждый язык описывает вокруг народа круг, из пределов которого можно выйти только в том случае, если вступаешь в другой круг... Только потому, что в чужой язык мы переносим в большей или меньшей степени своё миропонимание и своё языковое воззрение, данный процесс незаметен» [Гумбольдт, 1984, с. 80]. Как и его современники-немцы Гоголь утверждает идею родного языка, идею национального своеобразия языка и литературы. Можно вспомнить, что в церковнославянском языке слова язык и народ суть одно. Уже в названии глав «Выбранных мест...» мы видим национальные акценты: «Чтение русских поэтов перед публикой», «О лиризме наших поэтов», «В чем же наконец существо русской поэзии и в чём её особенность». Эти акценты объясняются убеждением писателя в естественной привязанности человека к родному языку, к речи, в реальности языковых и культурных различий, в самодостаточности национальных культур и в то же время в наличии общего, единого, которое Гоголь пытается определить, утверждая место «Одиссеи» в русской культуре.

Родной язык в виду своего духовного содержания, первично усвоенного нами, не сопоставим ни с одним другим языком. Интересно, что в в работах Фр. Шлейермахера, фигура переводчика сравнивается с перебежчиком (*Überläufer*), с дезертиром. Другая культура несёт опасность «растворения» в ней своего культурного начала, поскольку ценностное содержание, хранимое и транслируемое в языках, может не совпадать и даже противоречить друг другу. Гоголь отмечает, что переводчик теряет собственную личность, оказавшись в пространстве двух языков, он не свободен по отношению к языкам. И тут же Гоголь подчеркивает, что на всех переводах Жуковского, которые «вернейший сколок, слово в слово», лежит отпечаток личности поэта, которому присуще было «уноситься в заоблачное». Перевод не просто открывает возможность некоторой творческой свободы, но требует её ввиду наличия языковых и культурных особенностей. Неслучайно, одним из определяющих условий переводческой деятельности, по Гоголю, оказывается наличие сложившегося мировоззрения и гражданской позиции у переводчика.

Шлейермахер, рассуждая о методологии перевода, говорил, что подлинный перевод в культуре должен осуществлять систематически и в массовом масштабе: переводы одного и того же сочинения разными авторами, переводы с разных языков и т.д., что должно привести к возникновению особого переводческого поля в пространстве языка и национальной литературы. Только при таком подходе можно усвоить чужую культуру и обрести равновесие в отношении к родному языку. Говоря о русском языке, Гоголь указывает на его «духовную трезвость», которая чувствуется каждым человеком, а писателем может быть особо осознана. Невольно возникают

параллели с классическим определением В. Гумбольдта: «Язык есть постоянно возобновляющаяся работа духа, направленная на то, чтобы сделать артикулируемый звук пригодным для выражения мысли» [Гумбольдт, 1984, с. 40].

Параллели между текстом Гоголя и работами Шлейермахера объясняются наличием у них общих представлений о языке как носителе национальной духовности. Можно вспомнить, что у самого Шлейермахера «Герменевтика» выступает завершением его экзегетического курса. Размышления Гоголя о русском языке в «Выбранных местах...» также направляются религиозным видением и пониманием Слова. Конечно, идеи Фр. Шлейермахера получили более полное развитие. Но четкая, хорошая проработанная концепция, сформировавшаяся у русского писателя в связи с обсуждением им теологических вопросов, безусловно, в рамках современных исследований заслуживает своего внимания.

Список литературы:

Гоголь Н.В. Выбранные места из переписки с друзьями // Н.В. Гоголь. Нужно любить Россию / Сост., предисл. и коммент. В.А. Воропаева. / Отв. ред. О. Платонов. — М.: Институт русской цивилизации, 2008. — С. 204-424.

Гумбольдт В. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества. — М.: Прогресс, 1984. С. 37–297.

Переписка Н.В. Гоголя: в 2 т. — Т. 2. — М.: Художественная литература, 1988. 527 с.

Черненко С.В. Перевод как проблема понимания в работах Н.В. Гоголя // Философия Н.В. Гоголя. Сборник научных статей. Серия: «Философия: Люди и идеи». Выпуск III. М.: МГПУ, 2009. 261 с. Сс. 220–234.

Шлейермахер Фр. О разных методах перевода: Лекция, прочитанная 24 июня 1813 г. // Вестник МГУ. Сер. 9: Филология. 2000. № 2. С. 127–145.

Уржа А. В.
Млсковский государственный университет
имени М.В.Ломоносова
г. Москва (Россия)

Urzha Anastasia
Lomonosov Moscow State University
Moscow (Russia)

ПЕРЕВОДНОЙ ТЕКСТ ДЛЯ ДЕТЕЙ: ОПЫТ КОМПЛЕКСНОГО ФУНКЦИОНАЛЬНОГО АНАЛИЗА

TRANSLATION FOR CHILDREN: COMPLEX FUNCTIONAL ANALYSIS

В фокусе исследования – ряд на первый взгляд разнородных, но в действительности тесно связанных языковых и композиционных приемов, реализующих единую стратегию переводчика при создании популярнейшей интерпретации оригинального англоязычного текста. Перевод книги о Мэри Поппинс, предложенный Борисом Заходером, рассматривается в статье в функционально-лингвистическом ракурсе. Тесное прагматическое взаимодействие разнообразных морфологических, синтаксических, стилистических и композиционных средств, привлеченных переводчиком, позволяет ему успешно ориентировать текст на незрелого читателя. Среди таких средств – подбор частноперцептивной лексики для колоритных описаний, интерпретация визуальных сравнений, трансляция дейктических показателей, предпочтение финитных форм и прямой речи, использование местоимения «ты» и обращений к читателю, включение оборотов «от сказочника», уместное привлечение и обыгрывание русских идиом. Все эти приемы и средства, традиционно приписываемые разным уровням анализа языка и текста, рассматриваемые в разных лингвистических и литературоведческих дисциплинах, могут быть продуктивно изучены как составляющие функционального единого комплекса в исследуемом переводном тексте.

The article focuses on the functional complex of linguistic and compositional devices applied by the translator addressing Russian children audience. The material for the comparative research is the translation of “Mary Poppins” made by B. Zakhoder, the original book by P. Travers and, in some parts, the translation offered by M. Litvinova. Pragmatic connections are revealed between such devices of B. Zakhoder as preferring of finite verb forms to non-finite ones in narration, adding deictic indices and words denoting perception for colourful descriptions and visual comparisons, preferring direct speech to the indirect one, using the appellation to the reader in singular form, inserting special “storyteller” formulas and Russian idioms. These various devices, traditionally studied within different spheres of word-formation, morphology, syntax, stylistics and composition, should be revealed and analyzed together as parts of the whole functional complex of the translator’s arsenal in this particular text.

Ключевые слова: перевод для детей, прагматика, функциональный анализ, дейксис, обращение.

Keywords: translation for children, pragmatics, functional analysis, deixis, appellation.

Исследование, результаты которого представлены в статье, является частью проекта по функциональному комплексному изучению параллельных переводов художественных произведений «Текст в зеркалах интерпретаций» [Текст в зеркалах, 2017]. Современные лингвистические исследования переводных текстов традиционно

развиваются в двух направлениях: речь идет либо о фокусировании на определенном языковом явлении или ряде явлений, контекстом для которых становится выбранное произведение (или нехудожественный материал), при этом наличие ряда уже созданных (и нередко опубликованных) интерпретаций обуславливает ситуацию «подготовленного лингвистического эксперимента» [Фёдоров, 2002, с. 31]. В рамках другого направления на первом плане оказывается сам текст, его сложное структурно-семантическое, когнитивное и стилистическое устройство, и в этом случае изучение привлеченных автором и интерпретированных переводчиком грамматических средств неизбежно подчиняется раскрытию общего замысла, различные языковые приемы упорядочиваются и соотносятся друг с другом. Оба подхода весьма продуктивны, каждый из них позволяет по-своему реализовать функциональный подход к изучению лингвистических явлений, заявленный в переводоведении гораздо раньше, чем собственно в лингвистике [Фёдоров, 2002, с. 28—29]. При этом привлечение переводного материала с учетом характеристик целевой аудитории, которой он был адресован переводчиком, позволяет исследователю обоснованно выбрать прагматический ракурс анализа задействованных лингвистических средств. «Фактор адресата» [Арутюнова, 1981, с. 356] оказывается не только влиятельным, но подчас решающим при выборе переводчиком общего направления интерпретации произведения [Nida, 1964, с. 155] и конкретных языковых приемов, формирующих его «ткань» [Natim, Mason, 1997, с. 106—119]. Безусловно, степень влияния «фактора адресата» на язык перевода имеет свои диахронические характеристики, колеблясь в разные эпохи и у разных переводчиков от «склонения на наши нравы» до полной форенизации [Venuti 1995]. Важное значение в этом случае имеет место переводимого автора, жанра, произведения в «исходной» культуре и степень знакомства с этим автором (жанром, произведением) в культуре принимающей [Even-Zohar 1990, с. 9—26]. Нельзя не учитывать и осознанный выбор переводчиков, по-разному представляющих запросы читательской аудитории и стремящихся или, напротив, не стремящихся эти запросы учитывать [Schleiermacher, 1838]. Однако полное отсутствие воздействия фактора адресата на перевод невозможно. Будучи заложено уже в закономерностях «принимающего» языка, в картине мира «принимающей культуры», оно конкретизируется на определенном историческом этапе, для определенного произведения и переводчика с учетом всех аспектов, перечисленных выше.

Русские переводы цикла повестей П. Трэверс о Мэри Поппинс представляют специфический материал для переводоведческих исследований. Эту ситуацию очень точно охарактеризовала А.Л. Борисенко в статье «История сказки», предваряющей

собрание переводов повестей о няне-волшебнице: «В России «Мэри Поппинс» необыкновенно повезло — на русском языке она впервые вышла в 1974 году, в переводе блестящего детского поэта, драматурга, переводчика Бориса Заходера (кстати, он переводил многих любимых авторов Памелы Трэверс — А. Милна, Дж. Барри, Л. Кэрролла). <...> Новым переводчикам приходилось, во-первых, очень стараться, поскольку следовать за таким мастером, как Борис Заходер, всегда нелегко, а во-вторых — пользоваться разными находками и идеями из первых двух книг, с глубокой благодарностью к первопроходцу» [Борисенко 2012].

Перевод книги о Мэри Поппинс, предложенный Борисом Заходером, уже много лет привлекает внимание критиков, литературоведов-компаративистов, переводоведов [Глоцер 2000, Левин 2000, Шевченко 2005, Лунин 2007, Исаковская 2012]. Мы обратимся к этому материалу в функционально-лингвистическом ключе. Сравнивая вариант Б.Заходера с переводом М.Литвиновой, обратим внимание на набор языковых приемов, реализующих в созданных интерпретаторами текстах ориентацию на читателя. Нас будет интересовать не только то, как организуется языковая ткань и смысловая структура конкретных переводных текстов, но и возможности взаимодействия, обнаруживаемые между различными лингвистическими и композиционными средствами, удаленными друг от друга в традиционных морфологических, семантических, синтаксических и нарратологических исследованиях. Таким образом, данное исследование можно отнести ко второму из двух вышеупомянутых типов.

Переводы Б.Заходера нередко считают «вольными», отмечают, что сам он настаивал на примечании «пересказал Б.Заходер» к созданным текстам. Известно, что в первый перевод книги о Мэри Поппинс не вошли некоторые оригинальные главы, другие же были взяты из продолжения повествования о няне, созданного П.Трэверс. Однако наш анализ показывает, что все главы, переведенные Б.Заходером, представляют близкий к оригиналу текст, сопоставимый с другими ныне существующими переводами. Более того, внимание переводчика к семантическим нюансам и деталям оригинального произведения, так же как и творческое стремление передать эти детали, несомненно. Поэтому с методологической точки зрения текст Б. Заходера может быть объектом сопоставительного лингвистического анализа, привлекающего оригинальный текст П.Трэверс и другие его переводы на русский язык.

Одним из показательных в выбранном нами ракурсе фрагментов повести может стать ее начало, где читательское внимание задействуется при помощи разнообразных языковых средств.

P.L.Travers	Пер. Б.В. Заходера	Пер. М.Д. Литвиновой
<p>If YOU want to find Cherry Tree Lane all you have to do is ask the Policeman at the crossroads. He will push his helmet slightly to one side, scratch his head thoughtfully, and then he will point his huge white-gloved finger and say: “First to your right, second to your left, sharp right again, and you’re there. Good morning.”</p> <p>And sure enough, if you follow his directions exactly, you will be there — right in the middle of Cherry Tree Lane, where the houses run down one side and the Park runs down the other and the cherry-trees go dancing right down the middle. If you are looking for Number Seventeen — and it is more than likely that you will be, for this book is all about that particular house — you will very soon find it. To begin with, it is the smallest house in the Lane. And</p>	<p>Если ты хочешь отыскать Вишнёвый переулок, просто-напросто спроси у полисмена на перекрёстке. Он слегка сдвинет каску набок, <i>задумчиво</i> почешет в затылке, а потом вытянет палец своей <i>ручищи</i> в белой перчатке:</p> <p>— Направо, потом налево, потом опять сразу направо — вот ты и там! Счастливым путь!</p> <p>И будь уверен, если ты ничего не перепутаешь, ты окажешься там — в самой середине Вишнёвого переулка: по одной стороне <i>идут</i> дома, по другой — <i>тянется</i> парк, а посредине <i>ведут свой хоровод</i> вишнёвые деревья.</p> <p>А если ты ищешь Дом Номер Семнадцать — а скорее всего, так и будет, потому что ведь эта <i>книжка</i> как раз про этот дом, — ты его сразу найдёшь. Во-первых, это самый маленький домик</p>	<p>Хотите попасть на Вишнёвую улицу? Это совсем просто. Подойдите к полицейскому на перекрёстке. Он слегка сдвинет на один бок каску, <i>сосредоточенно</i> почешет в затылке, вытянет вперёд белый, затянутый в перчатку палец и скажет:</p> <p>— Сначала поверните направо, потом налево, ещё раз направо — и вы на Вишнёвой. Всего доброго!</p> <p>Идите, как сказал полицейский, и окажетесь на Вишневой улице, дома на ней <i>стоят</i> на одной стороне, на другой – парк, а вишни <i>растут</i> как раз посередине.</p> <p>Вы, конечно, будете искать дом № 17, ведь эта история про него, и вы сразу его найдёте. Во-первых, это самый маленький дом на Вишнёвой, во-вторых, он самый старый и обшарпанный. Дело в том, что мистер Банкс, который живёт в этом доме, в своё время спросил миссис Банкс, чего она хочет — новый</p>

<p>besides that, it is the only one that is rather dilapidated and needs a coat of paint. But Mr Banks, who owns it, said to Mrs Banks that she could have either a nice, clean, comfortable house or four children. But not both, for he couldn't afford it.</p>	<p>во всём переулке. Кроме того, это единственный дом, который порядком облез и явно нуждается в покраске. Дело в том, что его нынешний хозяин, мистер Бэнкс, сказал своей жене, миссис Бэнкс: — <i>Выбирай, дорогая, одно из двух: или чистенький, хорошенький, новенький домик, или четверо детей. Обеспечить тебе и то и другое я не могу. Не в состоянии.</i></p>	<p>красивый дорогой дом или четверых детей? Того и другого он позволить себе не может.</p>
---	--	--

Нельзя не заметить принципиально разные решения переводчиков при выборе **личного местоимения** для обращения к адресату повествования. «Вечная» проблема перевода с английского – выбор «ты» или «вы», и соответственно, различная интерпретация того, что Т.В.Шмелева называет «социальной модусной категорией» [Шмелева, 1984, с. 98], встает перед интерпретатором повести о «Мэри Поппинс» с первых строк. Выбор «ты» оказывается, так сказать, маркированным – повествование эксплицитно адресуется ребенку, и лишь во вторую очередь – взрослому, который готов «включиться» в соответствующую читательскую игру.

Целая группа средств привлекается переводчиком для описания фрагментов сказочного мира, которые должен увидеть читатель, Б.Заходер активно использует **эмотивно окрашенные суффиксы**, или, по В.В.Виноградову, суффиксы со «значением субъективной оценки» [Виноградов, 1947]: *ручища в белой перчатке, маленький домик*. Следующий эффективный семантический прием – введение **дейктических показателей** (*там, нынешний*) в описательные фрагменты: *ты окажешься там — в самой середине Вишнёвого переулка*. Потенциальный наблюдатель оказывается локализованным в описываемом пространстве, он готов сам видеть и слышать происходящее в сказке. И действительно, Б. Заходер активно привлекает средства репродуктивного, или изобразительного текстового регистра [Золотова и др., 1998, с. 29], разворачивая перед глазами читателя колоритные картины повести: «по

одной стороне *идут* дома, по другой — *тянется* парк, а посередине *ведут свой хоровод вишнёвые деревья*». Если мы сравним это описание с предложенным у М.Литвиновой (*дома на ней стоят на одной стороне, на другой — парк, а вишни растут как раз посередине*), то увидим, что Б.Заходер тщательно (и с опорой на оригинал) подбирает глаголы, семантика которых позволит оформить данный фрагмент именно в изобразительном, а не в информативном регистре. Использование для описания пространства слов типа *идут*, *тянется* указывает на перемещение взгляда наблюдателя, а метафора *ведут свой хоровод* основана на зрительном соответствии. Внимание к интерпретации дейктических показателей, подбор лексико-семантических средств перцептивизации при описании сказочного пространства – эти черты перевода Б. Заходера, обычно не замечаемые исследователями, придают изображенному миру живость и яркость, специфическую наглядность. Нельзя сказать, что соответствующие приемы оставлены без внимания у М. Литвиновой. Ее перевод также полон интересных лексических и стилистических находок, однако у Б. Заходера налицо продуманное взаимодействие описанных выше средств с некоторыми другими.

Вместо причастных оборотов и цепочек разнотипных определений (ср. *затянутый в перчатку палец; старый и обшарпанный дом* у М. Литвиновой) Б. Заходер привлекает **личные формы** глаголов или безглагольные конструкции (*дом, который порядком облез и явно нуждается в покраске*). Такие синтаксические формы описания несколько облегчают визуализацию и делают изложение более динамичным. Вводя фразы персонажей повести, Б. Заходер подает их в форме прямой речи, тогда как М. Литвинова (в данном случае будучи ближе к оригиналу) придерживается речи косвенной. Читая перевод Заходера, мы словно слышим этот забавный монолог: *Выбирай, дорогая, одно из двух: или **чистенький, хорошенький, новенький домик**, или четверо детей. Обеспечить тебе и то и другое я не могу. Не в состоянии*. Интересно, что обращаясь к жене, мистер Бэнкс тоже использует ряд диминутивов, словно создавая наглядную оценочную картинку в воображении своей жены (диминутивы могут здесь также быть вызваны фактором адресата, только внутритекстового). Отметим, что мистер Бэнкс обращается к жене при помощи местоимения второго лица, тогда как в косвенном пересказе этой фразы у Литвиновой он ограничивается констатацией собственных возможностей: *Того и другого он позволить себе не может*. Подключение диалога всегда оживляет нарратив, актуализирует события для читателя [Chvany, 1990, с. 221], и Заходер осознанно пользуется этим приемом.

Наконец, обратим внимание на использование слов *самый*, *весь* и *свой* в следующих оборотах: *ты окажешься там — в **самой** середине Вишнёвого переулка;*

ведут **свой** хоровод вишнёвые деревья; это **самый** маленький домик во **всём** переулке. Для чего понадобились переводчику эти слова? Затруднительно утверждать, что они в данном случае реализуют важные диктумные смыслы. Скорее, их функция – стилистическая, а задействованная сфера семантики – модусная. Говорящий словно эксплицирует таким образом свою традиционную роль «сказочника», повествователя, неторопливо начинающего рассказ и готового поведать слушателям об увлекательных событиях. Сравним: «жили-были старик со старухой у **самого** синего моря...».

Итак, уже в начальном фрагменте сказки мы можем обнаружить целый комплекс функционально взаимосвязанных лексических, синтаксических и стилистических средств, общая роль которых – создание колоритного повествования, изобилующего яркими картинками и живыми диалогами, обращенного к незрелому читателю и приглашающего его присоединиться к сказочному миру, стать наблюдателем удивительных событий. Прежде чем добавить к вышеперечисленному комплексу еще ряд композиционных и лексических приемов, использованных Б. Заходером в переводе, рассмотрим некоторые упомянутые средства чуть более подробно, опираясь на текст дальнейших глав повести. В фокусе нашего анализа будут наименее изученные в переводоведении аспекты, связанные с интерпретацией изобразительных (репродуктивных) фрагментов текста и с так называемым явлением перцептивизации.

Мы уже отметили выше, что привлечение слов с перцептивной семантикой является одним из приемов, акцентирующих присутствие наблюдателя в тексте. Наглядная картинка становится более выразительной, привлекает внимание читателя (как незрелого, так и взрослого), он во всех подробностях следит за действием вместе с персонажами. «Наблюдаемое событие, происходящее в материальном мире, может выражаться в языке тремя способами: общеперцептивным, частноперцептивным, интерпретационным» [Сидорова, 1997, с. 8]. Общеперцептивная лексика основана на зрительном восприятии как основном канале получения информации об окружающей нас действительности, она формирует наше видение события в целом (*Девушка шла по коридору; Петя пишет за столом*), тогда как частноперцептивная лексика актуализирует определенный канал восприятия в соответствии с коммуникативным намерением автора (например, вкусовой, частнозрительный (световой, цветовой), а также тактильный или слуховой: *Девушка цокала каблуками по коридору; Петя скрипит карандашом за столом*). «При интерпретационной номинации к наблюдению добавляется эмоционально-оценочная реакция, осмысление события, включение его в причинно-следственные связи, что уводит нас от непосредственной наблюдаемости в область трактовок, догадок, выводов» [Золотова и др. 1998, с. 425]: *Девушка спешила на*

свидание; Петя сочиняет стихи. Если перцептивная лексика представляет сферу реализации репродуктивного (изобразительного) регистра, то интерпретационная лексика ведет нас в область информативного регистра: от восприятия – к выводному знанию [Золотова, 1982, с. 349]. В противоположность интерпретации – естественной попытке объяснить воспринимаемое (эксплицировав причину события, намерение субъекта) и оценить его (выразив свое отношение и эмоции, вызванные происходящим), в художественных текстах существует и обратное явление – перцептивизация – «усиление, акцентирование, обогащение изобразительного плана путем замены общеперцептивного выражения на частноперцептивное» [Сидорова, 2000, с.171]. Именно перцептивизация используется рядом авторов как осознанный прием локализации точки зрения наблюдателя в хронотопе происходящего (см. примеры из М. Булгакова, описанные М.Ю. Сидоровой: «Мышлаевский... зашлепал шпорами из гостиной» или «Прибежала, шурша, Елена»).

Сопоставляя перевод Б.Заходера с переводом М.Литвиновой, мы выделили несколько групп случаев, сопряженных с перцептивизацией.

1. Добавление частноперцептивной лексики, активизация разных каналов восприятия.

P.L.Travers	Б. Заходер	М. Литвинова
A delicious taste ran round his mouth. He turned his tongue in it.	Восхитительно! Он проглотил лекарство и чмокнул языком.	Ух, какая <i>сладость!</i> Он <i>пошевелил во рту языком и проглотил.</i>
He was heaving and trembling and bursting with laughter at the thought of Aunt Emily's umbrella.	И, сам того не замечая, он уже <i>трясся от смеха.</i> Он <i>фыркал и задыхался,</i> вспоминая зонтик тётушки Эмили.	Не успел он закрыть рта, как опять <i>заколыхался от смеха:</i> надо же – спасли зонтик!
The Bus roared on, wildly lurching and bounding.	Автобус несся вперёд, <i>ревя мотором и покачиваясь.</i>	Автобус ехал и ехал, <i>бешено трясясь и подпрыгивая.</i>

Переводчики по-разному конкретизируют описываемые события, вводя частноперцептивную лексику. В вариантах, предложенных Б. Заходером, активизируется слуховой канал: *чмокнул языком; фыркал; ревя мотором*, а в переводе М. Литвиновой – вкусовой и тактильный (*сладость, пошевелил во рту языком и проглотил, бешено трясясь и подпрыгивая*). Можно полагать, что использование в переводе Б. Заходера слова *чмокнул*, отсутствующего в оригинале, было вызвано стремлением максимально приблизить читателя к происходящему действию, заставить

«услышать» реакцию Майкла и представить, каким же все-таки восхитительным оказалось “лекарство”. Слово *сладость*, выбранное Литвиновой, тоже отсутствует в оригинале, но в плане предпочтения перцептивного канала соответствует обороту *a delicious taste*, конкретизируя его так, чтобы было понятно ребенку: сладко – это, конечно, вкусно.

Во фрагменте, описывающем поездку главных персонажей на автобусе, Б. Заходер и М. Литвинова используют глаголы разной степени интенсивности тактильного ощущения (у М. Литвиновой переданное ощущение опять гораздо интенсивнее, ср. *покачиваясь* и *бешено трясясь и подпрыгивая*). Глагол движения у Б. Заходера (*нёсся*) указывает на стремительность действия, а, вариант М. Литвиновой *ехал и ехал* подчеркивает его продолжительность (дети, уставшие за полный удивительных приключений день, могут воспринимать поездку домой и таким образом). При этом оба переводчика формируют представление о движении автобуса, опираясь на свою трактовку частицы *on*. Что касается слова *roar*, то слуховое восприятие события находит отражение только у Б. Заходера (*рева мотором*).

2. Визуализация образа при помощи общеперцептивной лексики и наглядных сравнений.

Наглядное сравнение – это явление, возникающее «на границе» нескольких когнитивных контекстов. С одной стороны, оно вызывает в сознании адресата конкретную «картинку», с которой ему предлагается ассоциировать описываемое явление. С другой стороны, подобная ассоциация действенна только тогда, когда у читателя есть предшествующий опыт восприятия вводимого для сравнения элемента, есть определенные впечатления, а иногда даже эмоции и оценки, им вызванные. Наконец, автор рассчитывает в результате сравнения вызвать сходное впечатление у всех читателей, то есть ориентируется на общечеловеческий опыт.

P.L.Travers	Б. Заходер	М. Литвинова
For Miss Persimmon,	Увы, ноги мисс Персиммон,	Да, мисс Эйми
quite against her will, was	совершенно против её воли,	Персиммон, вопреки
off the ground and was	оторвались от пола, и она	себе, оторвалась от земли
stumbling through the air,	заковыляла по воздуху,	и, качаясь, полетела по
rolling from side to side	переваливаясь с боку на бок,	воздуху, как узкий
like a very thin barrel,	словно очень тоненький	длинный воздушный шар,
balancing the tray in her	бочонок, с трудом балансируя	изо всех сил жонглируя
hand.	своим подносом.	подносом.

Сравнительный оборот *like a very thin barrel* в переводе Б. Заходера дословный (*словно очень тоненький бочонок*), но с добавлением уменьшительного суффикса к

прилагательному и модифицирующего – к существительному (бочонок действительно меньше бочки). Создается образ с одной стороны фанастический, гротескный (бочонок может быть узким, но не «очень тоненьким»), но с другой стороны юмористический (даму сравнивают с бочонком) и нестрашный (уменьшительные суффиксы нивелируют резкость сравнения). Вспомнив о том, что диминутивы характерны для детской речи, предположим, что необычное сравнение мисс Персиммон с тоненьким бочонком могло возникнуть как раз в воображении детей: Джейн и Майкла. М. Литвинова меняет визуальный образ для сравнения, здесь незадачливая мисс похожа на *узкий длинный воздушный шар*. Нельзя не согласиться с тем, что такой наглядный объект более знаком и понятен современному ребенку, однако там, где у Б. Заходера фантастика сочетается с комизмом (бочонок «ковыляет по воздуху», «переваливаясь с боку на бок»), у М. Литвиновой остается только фантастика (мисс-воздушный шар «летит»). Слово *балансируя* передает смысл оригинала более точно (миссис Персиммон старается не уронить поднос и не упасть, а вовсе не развлекает детей), но слово это менее знакомо детям, чем цирковое *жонглировать*. Можно сказать, что переводчица стремится удивить незрелого читателя, создать запоминающиеся визуальные образы. Б. Заходер мастерски использует другой аспект воздействия на адресата – он читателя смешит, его картинки (в особенности наглядные сравнения) необычны, а вводимые в контекст русские идиомы (*заливаться смехом*), напротив, узнаваемы.

Здесь уместным окажется обращение к еще двум переводческим приемам, использованным в переводе Б.Заходера с ориентацией на «фактор адресата», на восприятие незрелого читателя. Выбирая свою стратегию при интерпретации реалий оригинального повествования, Заходер находит **удачные эквиваленты английским выражениям среди русских идиом:**

P.L.Travers	Б. Заходер	М. Литвинова
“There’s only one thing for it,” he said. “We must think of something serious. Something sad, very sad. And then we shall be able to get down.	— Есть только одно средство помочь горю, — сказал он. — Надо упасть духом. Подумать о чём-нибудь печальном, грустном. И тогда мы сможем спуститься.	– Нам может помочь только одно, – сказал он. – Надо упасть подумать о чем то серьезном. О чем то очень, очень печальном. И тогда мы приземлимся.

And suddenly, with a rush, Jane and Michael	И в ту же секунду Джейн, и Майкл, и мистер Паррик	И тут внезапно, как от хорошей встряски, Джейн,
---	---	---

and Mr Wigg came down. внезапно **спустились** с Майкл и мистер Кудри **небес на землю.** полетели вниз.

Как мы помним, в гостях у дядюшки Мэри Поппинс дети все время смеялись, и это веселье позволяло им волшебным образом парить под потолком. Поэтому, когда приходит пора идти домой, ребята должны спуститься вниз, перестав смеяться. Русские обороты «упасть духом» и «спуститься с небес на землю» как нельзя лучше подходят для этой ситуации, добавляя языковую игру в повествование.

Интерпретируя инокультурные реалии нарратива, оба переводчика чередуют приемы адаптации и остранения, чтобы донести содержание до читателя, но сохранить колорит английской сказки. Так, у Заходера *лимонный сок с сахаром, печенье, райские яблочки* чередуются с *палочками лакрицы и пудингом*, а у Литвиновой *лимонный сироп и карамельные палочки* соседствуют с *яично-молочным киселем*. Однако подбор русских фразеологизмов, их остроумное обыгрывание в контексте сказки – это удачная находка Б.Заходера, с которой последующим переводчикам соперничать трудно.

В заключение обратимся к **переводам названий глав** повести, которые также демонстрируют вышеописанные тенденции.

P.L.Travers	Б. Заходер	М. Литвинова
Laughing gas	Смешинка	Смехотворный газ
Miss Lark's Andrew	Мисс Ларк и ее Эдуард	Эндрю, принадлежавший мисс Ларк
John and Barbara's story	История Близнецов	История Джона и Барбары

Для названия главы о волшебном чаепитии у дядюшки Мэри Поппинс Б. Заходер выбирает существительное *смешинка*, при виде которого в сознании всплывают всем известные выражения *смешинка в рот попала и проглотить смешинку*. Чаще всего эти выражения слышат от взрослых в свой адрес дети, и при чтении им будет это ближе и понятнее, чем *смехотворный газ*. Следующая глава носит название *Мисс Ларк и ее Эдуард*. Номинативное словосочетание с союзом *и* по форме напоминает невзрослому читателю названия русских народных сказок «Маша и медведь», «Волк и лиса», «Журавль и цапля» и т.д с которыми, наверняка, он уже успел познакомиться в раннем детстве. Название главы М. Литвиновой *Эндрю, принадлежавший мисс Ларк* с причастным оборотом выглядит гораздо более тяжеловесно. Глава о Джоне и Барбаре у Б. Заходера носит название *История Близнецов* – вместо двух иностранных имен здесь выбрано русское слово, объединяющее брата и сестру. И действительно, история «взросления» у этих малышей

общая. Уже самое первое упоминание близнецов в книге (в рамках внутренней речи миссис Бэнкс) переведено Б. Заходером с акцентом на этой общности и сопровождается комментарием «от сказочника» в скобках: *пусть уж лучше у неё будет Джейн (старшая) и Майкл (младший) и Джон с Барбарой (они близнецы и самые-самые младшие).*

Итак, о феномене перевода сказки о Мэри Поппинс, предложенного Б.Заходером, можно говорить не только в терминах переводческой критики (отмечая его «вольности» или говоря о «талантливом», «мастерском» исполнении), но и в функционально-лингвистическом плане. Этот текст позволяет нам наблюдать ряд взаимосвязанных языковых приемов, тонких интерпретаторских решений и композиционно-стилистических находок, раскрывая возможности прагматического взаимодействия таких средств, как частноперецептивная лексика, визуальные сравнения, дейктические показатели, предпочтение финитных форм и прямой речи, использование местоимения «ты» и обращений к читателю, включение оборотов «от сказочника», уместное привлечение и обыгрывание русских идиом. Анализ подобного материала – переводных текстов с чётко определенной тактикой интерпретатора, аккумулирующей языковые средства в их направленности на единый прагматический эффект – даёт исследователю возможность рассмотреть на первый взгляд разнородные словообразовательные, морфологические, синтаксические, стилистические и композиционные средства в специфическом контексте, выявляющем их изофункциональность.

Список литературы:

- Арутюнова Н.Д.* Фактор адресата / Н.Д. Арутюнова // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. Ред. Г.В. Степанов. Т. 40, № 4, Москва 1981. С. 356-367.
- Борисенко А.Л.* История сказки / А.Л. Борисенко // Трэверс П. Всё о Мэри Поппинс. Сказочные повести. Москва, 2012.
- Виноградов В.В.* Русский язык. Грамматическое учение о слове / В.В. Виноградов М.-Л.: Учпедгиз, 1947. 784 с.
- Глоцер В.* Памяти Бориса Заходера / В. Глоцер // Литературная газета, ред. Л.Н. Гуцин, №47, 2000.
- Золотова Г.А.* Коммуникативные аспекты русского синтаксиса / Г.А.Золотова М.: Наука, 1982. 366 с.
- Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю.* Коммуникативная грамматика русского языка / Г.А. Золотова, Н.К. Онипенко, М.Ю. Сидорова. М.: Изд. филол. ф-та МГУ, 1998, 540 с.
- Исаковская А.Ю.* Детская сказка в русской советской литературе (рецепция мировых сюжетов). Дисс. ... канд. филол. наук / А.Ю. Исаковская. М., 2012. 246 с.

- Левин В.* Два Бориса Заходера: с детства любимый и незнакомый / В. Левин. Планета писателя. [Электронный ресурс <http://www.wplanet.ru/index.php?show=text&id=17652>] Харьков 2000.
- Лунин В.* Заходер-переводчик. Остров сокровищ. Выпуск 01 (12). Вкладка в «БШ» № 01 (181). [Электрон. ресурс] / В. Лунин. 2007. Режим доступа: <http://lib.1september.ru>.
- Сидорова М.Ю.* О средствах формирования коммуникативных типов речи (репродуктивный регистр) / М.Ю. Сидорова // Вестник МГУ. Филология. М.: Изд-во МГУ, 1997, №6. С. 7-19. 98с.
- Сидорова М.Ю.* Грамматика художественного текста / М.Ю. Сидорова. М.: Изд. МГУ, 2000, 416 с.
- Текст в зеркалах интерпретаций: сборник научных статей участников исследовательского семинара А.В.Уржи / МГУ им. М.В.Ломоносова, филологический факультет. М.: МАКС Пресс, 2017. 275 с.
- Уржа А.В.* Русский переводной художественный текст с позиций коммуникативной грамматики / А.В. Уржа. М.: Спутник +, 2009, 292 с.
- Фёдоров А.В.* Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы). (1968). 5-е изд. / А.В. Фёдоров. М.: ООО Издательский дом «Филология три», 2002. 416 с.
- Шевченко О.Н.* Языковая личность переводчика: на материале дискурса Б.В. Заходера: автореф. дис... канд. филол. наук: 10.02.19 / О.Н. Шевченко; Волгоградский гос. пед. ун-т. Волгоград: Изд-во ВГПУ, 2005. 13 с.
- Шмелева Т.В.* Смысловая организация предложения и проблема модальности / Т.В. Шмелева // Актуальные проблемы русского синтаксиса. Ред. К.В. Горшкова, Е.В. Клобуков. М., 1984. Вып.1. С. 78—100.
- Chvany C.V.* Verbal Aspect, Discourse Saliency, and the So-called 'Perfect of Result' in Modern Russian / C.V. Chvany // Verbal Aspect in Discourse. Nils Thelin (ed.). Amsterdam: John Benjamins Publishing, 1990. P. 213—235.
- Even-Zohar I.* Polysystem Theory / I. Even-Zohar // Polysystem Studies. Poetics Today. Ed. Brian McHale 1990. № 11(1). P. 9—26.
- Hatim B., Mason J.* The Translator as Communicator / B. Hatim, J. Mason. London and New York, 1997. 218 с.
- Nida E.* Towards a Science of Translation. With Special Reference to Principles and Procedures involved in Bible Translating / E. Nida. Leiden, 1964. 332 p.
- Schleiermacher F.D.* Über die verschiedenen Methoden des Übersetzens (1813) / F.D. Schleiermacher // Das Problem des Übersetzens. Stuttgart, 1963. P. 38—70.
- Venuti L.* The Translator's Invisibility: A History of Translation / L. Venuti. London, New York: Routledge, 1995. 353 p.

Цю Шу
Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова
г. Москва (Россия)

Qiu Shi
Lomonosov Moscow State University
Moscow (Russia)

ИСТОРИЯ ПЕРЕВОДОВ ПРОИЗВЕДЕНИЙ А.П. ЧЕХОВА В КИТАЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА

THE HISTORY OF TRANSLATIONS OF CHEKHOV'S WORKS IN CHINA IN THE FIRST HALF OF THE 20TH CENTURY

В статье говорится о полувековой истории переводов произведений Чехова в Китае. Первое знакомство китайских читателей с переводами русской литературы состоялось в самом начале XX в. и примерно в это же время появились первые публикации произведений Чехова на китайском языке. В этот период переводы произведения Чехова взялись следующими переводчиками: У Тао, Лу Синь, Гэн Цзичжи, Чжао Цзиншэнь, Жу Лун и др. Высказываются особенности переводаторов разных стратегии художественного перевода.

The article deals with the half-century history of translations of Chekhov's works in China. The first acquaintance of Chinese readers with translations of Russian literature was in the early twentieth century and around this time appeared the first publication of Chekhov's works in Chinese. In this period translations of Chekhov's work came from the following translators: Wu Tao, Lu Xun, Geng Jizhi, Zhao Jingshen, Ru Long etc. The author expresses feature of the translation supporters of the different strategies of literary translation.

Ключевые слова: художественный перевод, дословный перевод, смысловой перевод, повторный перевод, форенизация, доместикация.

Key words: literary translation, literal translation, free translation, foreignization, re-translation, domestication.

Согласно особенностям историко-социального и культурного периода были разделены 3 этапа развития перевода произведений А.П.Чехова, первый этап перевода и восприятия Чехова наблюдался в первой половине XX века [Чжан Цзяньхуа; 2010, с. 102].

В начале 20 века большинство переводчиков были знакомы только с английским и японским языками, поэтому при переводе произведений с других языков им приходилось опираться на английскую или японскую версию таких произведений. С появлением такого явления, как двойной перевод, невозможно было в переведённом тексте избежать следов первоначальных английских и японских версий, тем самым в китайском переводе в той или иной степени проявлялось влияния Англии или Японии.

Такое влияние включало много аспектов, например, выбор тем, методы перевода, мнение касательно содержания произведения и т.д.

Первым чеховским произведением, переведенным на китайский язык, стал «Черный монах». Издательство «Шанъу» выпустило книгу в 1907 году, перевод был выполнен У Тао на базе японского варианта. «Черный монах» был опубликован на вэньяне (литературном языке старого Китая).

Следует сказать, что еще долгое время китайские переводчики не смогут переводить с русского языка и будут обращаться к языкам-посредникам (японскому, английскому и немецкому). Естественно, перевод не с оригинала увеличивал возможность появления ошибок и неточностей. Неудивительно, что на первой же странице перевода «Черного монаха» имя и отчество (китайцами не употребляемое) превратились в фамилию героя, а «Коврин» стало его именем. Ученая степень «магистр» воспринята как название местности, в которой жил главный персонаж. В результате произошла некоторая адаптация текста, поскольку рассказ приобрел зачин, привычный для китайской традиционной прозы (напр., в танских новеллах наряду с именем и фамилией героя непременно назывался его родной уезд). Видимо, тогдашний читатель мог не одобрить действия женщины, прочитав чеховскую фразу: «Кстати же пришло длинное письмо от Тани Песочкой, которая просила его приехать в Борисовку и погостить», поэтому в переводе уточняется: «чтобы пожить вместе с ее отцом».

Отношение к Чехову и восприятие его произведений академическими кругами Японии сильно повлияли на У Тао. В версии "Черного монаха" июльского издания «Коротких рассказов» в 1907 году издательства Commercial Press У Тао цитирует переведенное им с японского послесловие японского переводчика (薄田斩云), где он в частности затронул чеховские "лаконичность и остроту, желание описывать недостатки мира людей, мысли о том, что такой мир людей невозможно спасти, невозможно сделать лучше, поэтому остаётся только наблюдать за обществом со стороны холодным непричастным взглядом" [У Тао; 1990.]. Можно заметить, что восприятие Чехова для У Тао базируется на переводах японского переводчика (薄田斩云), который особенно внимательно относился чеховскому стилю «беспристрастного и холодного повествователя».

Когда У Тао переводил «Черного монаха», переводная литература в Китае уже получила определенную степень развития, читатели стали «все более радушно принимать переведенную литературу». Однако этоприятие имело одну важную особенность: переводы должны были адаптироваться к традиционной национальной литературной традиции, включая лингвистическую сторону и стиль. У Тао очень

старался приблизиться в своих переводах к читателю, поэтому переводил с японского, стараясь передать содержимое в максимально простой и привычной для читателя форме. В этом состояло главное отличие особенности его перевода от Лу Синя и его брата Чжоу Цзожэнь, которые издали в двух томах “Сборник зарубежных рассказов”, в котором среди 37 произведений Л. Андреева, Гаршина, Степняка, Мопассана, Сенкевича и других были чеховские рассказы “В усадьбе” и “В ссылке” (перевод Чжоу Цзожэня) в 1909 г. Лу Синь резко выступал против адаптирования языка перевода и даже настаивал на подготовке новых версий переводов на «байхуа» в случае использования «смыслового» перевода.

Только в 1923 г. в переводе с русского оригинала Гэн Цичжи и Гэн Мянчжи опубликовали в Шанхае “Сборник рассказов Чехова”, состоящий из произведений “После театра”, “Княгиня”, “Володя”, “Дома”, “Соседи”, “Рассказ неизвестного человека”, “Скучная история”. [Серебряков; 2005]

Первым автором масштабных переводов чеховских произведений стал Чжао Цзиншэнь (赵景深). В 1930 г. в издательстве «Каймин» («开明») вышел в свет «Сборник избранных произведений Чехова» (162 произведения), переведенных с английского. Он использовал широко известные переводы Констанс Гарнетт (1862—1946) — “Рассказы А. П. Чехова” в тринадцати томах (Лондон. 1916—1923). Касательно стратегии перевода Чжао Цзиншэнь придерживался метода, который можно выразить как «читабельный, а не достоверный».

По-настоящему познакомил китайского читателя с Чеховым Жу Лун (汝龙). Он – автор перевода 200 с лишним произведений в 27 томах, выпущенных с 1950 по 1958 год издательствами «Пинмин» и «Синьмэньи». С 1950 и по 1958 годы в переводах Жу Луна было издано 27 томов избранных произведений Чехова, куда вошло 220 рассказов и повестей. Как отмечает Гэ Баоцюань, «по сравнению с “Собранием лучших рассказов Чехова”, изданным в 1930 г., это издание было дальнейшим шагом вперед и дало нам возможность познакомиться с еще большим числом чеховских произведений», кроме того, казалось, перевод Жу Лун позволяет читателям приближаться к оригиналу автора.

В истории художественного перевода в Китае, самой известной дискуссией является перевод «Млечный путь», оригинал был в произведении Чехова «Ванька». «Ночь темна, но видно всю деревню с её белыми крышами и струйками дыма, идущими из труб, деревья, посеребрённые инеем, сугробы. Все небо усыпано мигающими звёздами, и *Млечный путь* вырисовывается так ясно, как будто его перед праздником помыли и потёрли снегом». Перевод Жу Луна: «天河», т.е. «река на небе». А Чжао Цзиншэнь переводил как «牛郎路» по дословному переводу на русский будет

«молочный путь». После всем известного случая, когда Лу Синь сильно раскритиковал Чжао Цзиншэня за то, что тот перевел «Млечный путь» как «牛奶路» (молочная дорога) [Лу Сунь,], данное выражение стало в переводческих кругах Китая классическим примером «неверного перевода» и даже «беспардонного перевода». Однако сравнив перевод Чжао Цзиншэня, который он делал с английского перевода, с этим самым английским переводом, сделанным с оригинала, у нас будут все основания сказать, что Чжао Цзиншэнь, переведя *milky way* как «молочную дорогу» (牛奶路), в общем-то не ошибся. Во-первых, английский перевод верно передает культурную образность выражения русского оригинала, а «молочная дорога» Чжао Цзиншэня не только сохранила образность дороги из русского оригинала, но с помощью такого перевода удалось избежать словесного противоречия, переведя данное выражение на привычное в китайском языке выражение «небесная река» (天河). Во-вторых, Чжао Цзиншэнь переводил не научный труд по астрономии, а литературное произведение. Однако, к сожалению, данный классический пример форенизации – «молочная дорога» Чжао Цзиншэня – проигнорировал впечатления читателя, переводчик не продумал как оптимизировать перевод.

С 1909 г. до 1950 г. чеховские произведения были переведены даже повторно или множественно переведены разными переводчиками и включены в сборники и выхожены отдельными изданиями. Согласно словам Н.К. Гарбовского в работе «Новый перевод: свобода и необходимость»: всякий новый перевод – довольно рискованное предприятие, ставящее переводчика, нередко помимо его желания, в положение соперника по отношению к предшественникам [Гарбовский; 2011, с. 3]. Как говорят «*There are a thousand Hamlets in a thousand people's eyes*», переводчики, живущие в разный период, имеющие разную базу знания, принимают различные решения и различные переводческие стратегии при встрече проблемы в переводе.

«Повторный перевод, - писал Лу Синь,- подразумевает не только отказ от вольного перевода, но и является необходимым для уже хорошо переведённых текстов... Пусть даже появившийся раньше перевод на байхуа заслужил признание, но если переводчики считают, что можно перевести ещё лучше, тогда не мешает перевести ещё раз. Не нужно скромничать и уж тем более не нужно обращать внимания на всякие лишённые смысла разглагольствования. Пользуясь преимуществами «старых переводов» и нашими новыми достижениями, можно успешно создать близкий к совершенству аутентичный текст. Из-за того, что язык меняется вместе с развитием общества, будут появляться и новые повторные переводы, и не будет ничего удивительного, если их количество достигнет 7-8». [Лу Синь; 1935]

В настоящее время, культура становится чем дальше, тем важнее. Разнообразие нации в мире определяет разную культурную среду. Под влиянием отечественной культуры людям трудно себе представлять культуру и жизнь других стран, только путём переводческой деятельности. Таким образом, исходя из предпосылки уважения к различным культурам, точный перевод, содержащийся в оригинальном вкусе, играют важную роль в культурном развитии. Кроме того, правильная передача содержания оригинала путём стратегии форенизации в пользу обогащения отечественного выразительного способа.

В первой половине 20 века художественный перевод в Китае большую часть времени в качестве основного метода перевода использовал стратегию доместикации (адаптация) текста. Стратегия форенизации (диссимиляции) как метод ХП получила сравнительно широкое распространение лишь в последние 20 лет XX века. Стимулом ее развития послужило знакомство с западной переводческой теорией, в результате чего заново были оценены заслуги и недостатки обоих методов перевода – доместикации и форенизации.

Можно сказать, что полувековая эволюция переводческих стратегий КТХП не привела к кардинальным изменениям главного представления об идеале художественного перевода – его верности оригиналу и эффективной реализации эстетической коммуникативной функции. На всех этапах своей эволюции китайские стратегии художественного перевода утверждали важность именно этих критериев: принципа верности по отношению к оригинальному тексту, и принципа свободы творческой инициативы переводчика. Вместе с тем признавался и такой фактор, как объективная ограниченность его возможностей в достижении идеальных результатов.

Во всех требованиях к переводу в той или иной мере учитывались культурные и языковые различия оригинального текста и перевода, а также социальная обстановка, восприятие читателем, творческая инициатива самого переводчика и другие важные вопросы. По большому счету практически все участники споров вокруг антиномий «буквального и смыслового переводов», «формы и духа», «стиля и смысла», «верности и творческой свободы», «равенства по ценности и равенства по точности», «функциональности и равнозначности» в конце концов не покушались на принцип верности оригиналу.

Список литературы:

Чехов А.П. Избранная проза А. П. Чехова в 27 томах / пер. Жу Лун, В 1981 г. все 27 томов этого издания были вновь опубликованы шанхайским издательством “Переводная литература”.

Чехов А.П. Черный монах / пер. У Тао Большой сборник китайской современной литературы (Ши Чжэцунь, 1840-1949), сборник переведенной литературы (1). Шанхай, Шанхайский книжный магазин, 1990.

Серебряков Е.А. Чехов в Китае (обзор). // Русская литература и фольклор.

Гарбовский Н.К. Новый перевод: свобода и необходимость / Общая теория перевода/ Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода. №1, 2011

Чжан Цзяньхуа А.П. Чехов глазами китайских переводчиков и критиков/ Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода. №3, 2010

阿英, А Ин. Переводы русской литературы // Собрание материалов литературы Поздней Цин. Т. I. Пекин, 1961. С. 3

戈宝权 [Гэ Баоцюань]. Произведения Чехова в Китае // Шицзе вэньсюе. 1960. № 1.

鲁迅 [Лу Синь], 风马牛 «Ничего общего» // 二心集 [Сборник произведений Лу Суя в период 1930-1931гг.].1932.

鲁迅, 非有复译不可 [Отсутствие повторных переводов невозможно]. 文学月刊第四卷. 上海,1935

Чович Б.
Панъевропейский университет „Апеирон“
г. Баня-Лука (Босния и Герцеговина)

Chovich Branimir
The Pan-European University
Banja Luka (Bosnia and Herzegovina)

**ОТ ПЕРЕВОДА КЛЮЧЕВЫХ ФРАГМЕНТОВ К ОСНОВНОЙ ИДЕЕ
ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ
(ИСТОРИЯ И ПОЭТИКА)**

**TRANSLATION OF KEY SEGMENTS TO THE IDEA OF A LITERARY WORK
(HISTORY AND POETICS)**

Предметом данной статьи являются вопросы перевода ключевых сегментов («конструктивной доминанты») как элемента интеграции литературно-художественного произведения и возможности для проявления творческой инициативы при переводе метафор. Процесс становления метафор рассматривается с двух сторон – с аспекта чисто теоретического и с аспекта двух анализируемых корпусов. Переводчик должен следить за всеми ступенями трансформации слова практического языка в образное слово с открытой семантической перспективой, чтобы потом все это проверить с одной единственной целью – создать у читателя то же самое впечатление, какое было у читателя оригинала. Теоретик анализа семантических трансформаций довольно-таки большого количества текстов, внутри многократных переводах одной и той же развернутой метафоры, должен обнаружить и объяснить общую модель в сущности одной и той же метафоры.

The subject of this work is the question of the place of transfer of key segments (“Construction Dominants”) of the text of fiction and critical assessment. The metaphor creation procedure is considered on two levels: on the purely theoretical one, and from the aspect of the corpus of analyzed texts. The analyst, as potential translator, has to follow all the stages of transformation of words of a practical language into the iconic, with all of the semantic shifts which accompany the given transformation, and then, as translator to repeat all that in the translation, in order to invoke in the readers of the translation almost the same impression as in the readers of the original. Last come the theoreticians of literary translation who, on the basis of a sufficient number of comparative-stylistic analytical procedure of semantic transformations in which the metaphors arise, both in the original and in the translation (or, even better, in several translations of one and the same metaphorical cluster) have to discover and interpret the common model for originating the varieties of essentially one and the same metaphor.

Ключевые слова: компаративистика, перевод, конструктивная доминанта, рецепция, метафора, образ.

Keywords: comparativ studies, translation, construction dominants, reception, metaphor, poetical imagine

Современная компаратистика включает в приоритные свои задачи: перевод литературно-художественного произведения, посредствующего в обмене литературными ценностями между различными национальными литературами и культурами, трансформации оригинала и проблемы толкования и оценки переводного

текста; индивидуальная проекция переводчика, интерпретирующего в собственном духе интенции оригинала; вопросы места переводной художественной литературы в рамках национальной литературной продукции; сравнительное изучение стиля оригинала и перевода при помощи принципов и приемов компаративной стилистики и стилистической критики; креолизация элементов стиля оригинала и перевода; проблемы литературного посредничества; вопросы рецепции одной литературы в другую и литературных связей и, наконец, отправляясь от анализа перевода ключевых фрагментов литературно-художественного произведения, попытаться разгадать основную идею, либо произведения в целом, либо отдельной весьма значимой его части. Другими словами, вопрос сводится к тому, как добраться до основы, хотя бы и оголенной идеи, после проведенного скрупулезного имманентного и компаративно-стилистического анализов ключевых фрагментов оригинала и его перевода, если под идеей подразумевать единство элементов значения внутри сложного знака-системы.

Такой комплекс взаимосвязанных вопросов требует соответствующего комплексного подхода с применением самых разнообразных методологических подходов и таких же комбинированных аналитических процедур: имманентных и сравнительно-стилистических с одной единственной целью – своеобразного толкования и оценки такого фрагмента переводного текста. Это имеет особое значение, потому что любой перевод содержит в себе индивидуальную проекцию переводчика, в переводе которого в завуалированном виде содержится индивидуальная интерпретация интенций автора оригинала, так что можно без преувеличений сказать, что любой новый удачный перевод, в сущности, – это одна из возможных интерпретаций оригинала. А это можно реализовать в ряде новых филологических дисциплин, предметом которых является литературно-художественное произведение как целостное единство, как единая словесно-эстетическая структура: в стилистике, имманентной и сравнительной, как лингвистической, так и литературоведческой, в лингвистике и стилистике текста, в прагматике. И все это проводится с одной общей целью, чтобы в переводном тексте выявить следы скрещивания элементов интенций оригинала с интенциями переводчика.

Особенное значение отводится очередному этапу исследования: место и роль переводного фрагмента в прочтении основной идеи. Это подчеркивает большинство исследователей указанной проблемы, ибо таким образом обеспечивается переход к следующему этапу компаратистики, которая настолько широко охватывает, так что прямо ведет к литературному посредничеству. А оттуда - к еще более сложным задачам: к вопросам рецепции и литературным связям – в первую очередь контактным.

На предварительном этапе так называемого «внимательного чтения» (англ. close reading) исследователь должен выделить в литературно-художественном тексте структурно-семантические конструкции с «калмыцкими узлами», как «центрами структурности», являющимися в результате пока еще неопределенного и несознательного чувства взволнованности, восхищения реципиента, катарсиса, который всегда, как правило, сопровождается внутренним вопросом: «Что является причиной такого чувства невесомости?». Идти по следам такого, вначале неясного внутреннего волнения, которое заставляет его останавливаться на загадочных местах, перечитывать снова и снова, сравнивая их с подобными местами в этом же произведении, равно как и с текстом перевода. Другими словами – аналитику придется прибегать ко всему тому, чего нет ни в одном из ныне существующих методологических пособий и рекомендаций. Это, по нашему мнению, тот самый единственный верный путь, который обязательно предшествует применению аналитических процедур в толковании поэтических образов-символов, несущих помимо фактуальной и концептуально-эстетическую информацию. Внимательный читатель непременно останавливается на таких конструкциях (их основная цель тормозить их восприятие) с чувством «сладкой пустоты», «легкости на душе».

В моем докладе из-за строгого регламента я ограничусь пока лишь двумя примерами.

1. Именно такой процес «внимательного чтения» предшествовал анализу функций первого из многочисленных «лирических отступлений», разлитых по всей эпической структуре «Тихого Дона» Михаила Шолохова. Неопытному читателю оно на вид может показаться простым, хотя и выражено при помощи довольно сложного метафорического ряда, образующего не менее сложный поэтический образ-символ, несущий важную концептуально-эстетическую информацию в концепции главного героя Григория Мелехова. В самом начале романа первая пейзажная зарисовка передается именно с точки зрения молодого Гришки Мелехова, которая после проведенного нами скрупулёзного анализа окажется ключевым фрагментом, на котором можно прочесть одну из основных идей романа в целом.

"По Дону наискось – волнистый, никем не езженный лунный шлях. Над Доном - туман, а вверху звездное просо. (...) Григорий долго стоял у воды. Прелью сырой и пресной дышал берег. С конских губ ронялась дробная капель. На сердце у Григория сладкая пустота. Хорошо и бездумно. Возвращаясь, глянул на восход, там уже рассосалась синняя полутьма." (С С в IX тт. Т. 2: 23-24. - *Курсив наш* - Б. Ч.).

Оба переводчики «Тихого Дона» на сербский язык, Милош Московлевич и Милосав Бабович, деметафоризировали часть сложного символического образа, так как важный компонент «езженный» в метафоре «ником не езженный лунный шлях» перевели автоматически первым попавшимся им эквивалентом, не углубляясь в несущую собой концептуально-эстетическую информацию: Московлевич – глаголом «путовати» („путовао“) /русс. „путешествовать“ – „путешествовал“/; Бабович – «газити» («газио») /»вступить ногой» – «вступил ногой»/. Плюс ко всему, Московлевич обе метафоры передал с помощью сравнения, что ослабляет эффект двух оригинальных метафор оригинала. Менее опытному читателю может показаться, что ошибки двух известных и маститых сербских переводчиков не такие уж крупные. Но именно они как раз лишают возможности в анализе уловить в данном отрывке основную идею в авторской концепции образа главного героя Григория Мелехова, выраженную на минимальном вербальном пространстве, но несущая символическую нагрузку этого сложного образа-символа.

"По Дону попреко таласави пут од месечине, којим нико није газио. Над Доном магла, а горе звездано просо. (...) Григорије је дуго стајао код воде. Обала је мирисала на влажну и бљутаву трулеж. С коњских губица капале су ситне капи. У Григоријевом срцу лака и слатка празнина. Добро му је, и не мисли. Враћајући се, погледао је на исток, тамо је већ чилела полутама". (Бабовић 1989, 1: 32).

Ср.: „По Дону пружио се попреко млаз месечеве светлости као неки пут којим нико није путовао... а горе расуте звезде као просо“ (Московљевић 1946, 1: 19)

Трансцедентной вертикалью с двумя метафорами, в которых налицо замена атрибутов земли атрибутами неба (*лунный шлях* и *звездное просо*), катартическое состояние «сладкой пустоты» и «бездумия» на сердце у Григория переходит и на «внимательного читателя». А такое чувство не свойственно человеку примитивному, а навязывает мысль о том, что перед читателем во весь рост встает *мифический герой*, который в будущем сможет *проскакать* на боевом коне *по никем не езженному лунному шляху, что по Дону наискось стелется, и прямо ведет к звездному просу*. А все эти скрытые в завуалированной форме далекие намеки в дальнейшем тексте романа подтвердятся, вплоть до последнего загадочного абзаца, в котором появится та же трансцедентная вертикаль, соединяющая горизонталь грубой действительности, в которой главному герою грозят уходом из жизни, с метафизической высью, где витают души мифологических героев.

Нужно подчекнуть, что трансцедентность присуща не только на синтагматическом уровне, но и на глобальном. Обе вертикали, с двумя различными

направлениями: восходящая ("по Дону лунный шлях") и нисходящая ("а вверху звездное просо"), а обе являются характерными как раз для казака, с одной стороны, как всадника на мифологическом коне, который ездит по «лунному шляху» и, с другой, - как земледельца, которому звезды кажутся как просо, рассеянное по ночному небу, так как жизнь его (казака) проходит на открытом пространстве, между небом и землей. Поэтому переводчики должны были сохранить в данном случае точку зрения казака Григория («ником не еженный лунный шлях») – «којим још нико није пројахао». А неполное предложение «Хорошо и бездумно» нужно было перевести: «Лепо му је и нинашта не мисли».

Этот сложный образ-символ, созданный из густого ряда метафор на небольшом вербальном пространстве эстетически эффективен сам по себе. Он обладает своей собственной внутренней самоценностью и характеризуется такой глубиной, что внимательный читатель волею-неволею погружается в нее, и на сердце у него сладкая пустота; хорошо и бездумно. Однако, если приступить к ее структуре аналитически, чтобы добраться до „центра структурности“, который несет элементарную идею этого сложного образа, если под идеей понимать единство элементов значения внутри сложного знака-структуры, тогда поэтический образ становится символом, который далеко переливается за пределы своего основного значения и тем самым предвещает многие идеи и эмоции.

В данном сложном образе, занимающем небольшое вербальное пространство, где словам тесно, а мыслям широко, сразу можно заметить оригинальный стилистический прием повторяющейся метафоризации при помощи „замены атрибутов, которые до сих пор принадлежали одним предметам и на другие предметы, слова, явления, понятия“ (Маяковский 1965, 2: 499): «лунный шлях» вместо «отражение луны в воде»; «звездное просо» вместо «многочисленные звезды на небе, напоминающие просо», а оба вместе представляют собой два основных атрибута казака: мифического всадника на добром коне и земледельца, которому звезды на небе напоминают просо, а точка зрения также казацкая, персональная, принадлежащая молодому Григорию Мелехову. Таким образом восстанавливается вертикаль, при помощи которой горизонталь повседневной жизни возносится в трансцендентную высоту. Этим своим интегральным восприятием природы в ее тотальности, хотя и бессознательным, молодой Григорий обеспечивает себе эпитет мифологического героя, что найдет свое подтверждение во всех его поступках, редчайшей моральной чистоты и отваги.

Результаты только что проведенного нами структурно-семантического анализа первого из многих «лирических отступлений», разлитых по всей прозаической

структуре романа-эпопеи, не лишний раз свидетельствуют о том, что основная идея литературно-художественного произведения нередко проникнута индивидуальной проекцией переводчика-интерпретатора, в особенности на тех местах текста, где некоторые элементы речевого ряда обдуманно распределены так, что доминируют текстом в целости, образуя метафорический ряд, в котором в завуалированном виде содержится большое количество потенциальных значений, с открытой семантической перспективой значений, которые расширяются во многих направлениях и много чего предвещают.

Однако, несколько не случайно, а очевидно заранее обдуманно, в конце романа, с этой же самой точки зрения Григория, попавшего после гибели Аксиньи в остатки разбитой банды Фомина, - в последнем, заключающем роман «лирическом отступлении» содержится еще одна существенная концептуально-эстетическая информация. Она является важной, как для понимания концепции образа трагического главного героя, так и «Тихого Дона» как романа-трагедии о донском козачестве, в частности. В этот раз оно («лирическое отступление») выражено в виде «акватической (водяной) метафоры», одной из самых частотных во всем романе-реке, передающей несколько видоизмененный образ изначального «никем не езженного лунного шляха». Таким образом вокруг романа в целом образуется так называемая «кольцевая конструкция», обрамляющая роман в целом, при помощи которой можно «прочесть», разгадать в конечном итоге и основную идею романа в целом, как романа-трагедии.

"Вечерами горели на западе вишнево-красные зори. Из-за высокого тополя вставал месяц. *Свет его белым холодным пламенем растекался по Дону.* (...) А однажды, бесшумно подойдя к берегу, Григорий увидел неподалеку от острова большую стаю лебедей. Еще не всходило солнце. За дальней грядиной леса ярко полыхала заря. Отражая свет ее, вода казаклась розовой, и такими же розовыми казались на неподвижной воде большие величественные птицы, повернувшие гордые головы на восход. Заслышав шорох на берегу, они взлетели с зычным трубным кликом, и, когда поднялись выше леса, - *в глаза Григория ударил дивно сияющий, снежный блеск их оперения*". (С С, 5: 434).

Ср. "Увече је на западу пламтела вишњевоцрвена румен. Иза високе тополе изгревао је месец. Његова *светлост разливала се по Дону као бели, хладан пламен, титрајући отблесцима и мрким преливима* тамо где је ветар таласао и мрешкао воду (...) А једном је Григорије, кад се нечујно привукао обали, видео недалеко од острва велико јато лабудова. Сунце још није било изгрејало. Иза далеке леје шуме јарко је пламтело јутро. Одбијајући његову светлост вода је изгледала румена, а исто тако биле су румене

на непомиčnoј води крупне, дивне птице, поносних глава окренутих ка истоку. Кад су осетиле шум на обали, узлетеле су с кликтањем продорним као труба, и кад су се винуле изнад шуме, *очи Григоријеве је засенио дивни, снежни сјај њиховог п ерја*". (Бабовић 1989, 4: 444-445) .

2. Когда какое-либо слово окажется в контекстуальном окружении, в котором не может быть реализовано его основное, номинативное значение, оно под влиянием этого нового окружения и, благодаря своему доминирующему месту в данном словесном ряду, открывает свое слишком узкое семантическое поле в направлении к семантическим полям окружающих его слов, абсорбируя элементы их семантических полей. Таким образом семантически обогащенное, с открытой семантической перспективой, оно начинает доминировать данным рядом, подчиняя и приглушая значения окружающих слов. Обогащенное расширением своего семантического объема в разных контекстах в одной и той же прозаической или поэтической структуре, оно становится «конструктивной доминантой», так что его семантическое поле и в дальнейшем может расширяться. Такой пример исключительно фреквентной доминанты встречаем в краткой, но многозначительной главе романа Льва Толстого «Война и мир» о Платоне Каратаеве, на которой можно после скрупулёзного анализа «прочесть» одну из основных идей романа в целом. Доминанта «круглый» всего на нескольких страницах текста повторяется пятнадцать раз и всегда в различном контекстуальном окружении и с таким же количеством семантических вариаций; основная цель которых – представить Каратаева как идеального героя, послужившего Пьеру Безухову образцом поведения в трагических и переломных для него жизненных обстоятельствах. Отсюда доминанта «круг» («круглый») превращается в обобщенную идеальную модель мира.

Вопрос, который должен решить переводчик этого ключевого фрагмента при переводе на близкородственный сербский язык, в котором имеется этот же корень «круг», но с несколько иным прилагательным («округао», как эквивалент русскому «круглый», но с значительно ограниченной валентностью) – состоит в следующем: во-первых, заменить ли «конструктивную доминанту» «круглый» исходного текста в каждом отдельном случае ее появления ближайшим функционально-смысловым эквивалентом, соответствующим контекстуальному окружению («округао», „заокругљен“, „целовит“), как это сделал в свое время в конце XIX века первый переводчик романа Льва Толстого, знаменитый сербский писатель Милован Глишич, или следовать за Радованом Коштутичем, который, анализируя этот ключевой сегмент в своей «Русской хрестоматии» (1910), рекомендует всегда «круглый» заменить одним и

тем же эквивалентом «округао». Однако во всех подобных случаях до сих пор остается открытым вопрос: передать ли в переводе многозначность «доминанты» в каждом ее появлении всегда иным эквивалентом, или всегда одним и тем же, как в оригинале.

Список литературы:

Шолохов М.А. Собрание сочинений в девяти томах. Тт. 2-5. Москва: Художественная литература, 1965.

Шолохов М.А. Тихий Дон. Превод и предговор Милосав Бабовић. Књ. 1-4. Београд: Рад, 1989.

Шолохов М.А. Тихий Дон. Превео Милош Московљевић. Београд: Култура, 1946.

Човић Бранимир. Семантичка перспекива речи и индивидуални стил. (У:) Зборник за славистику, Нови Сад: Матица српска, св.13. с. 54-60.

Кошутић Радован. Примери књижевнога језика руског. Књ. 1-3. Београд: Српска Краљевска Академија, Друго издање.

Човић Бранимир. Поетска слика. Нови Сад: Институт за стране језике и књижевности. 1989.

Чович Бранимир. Образы и символы «Тихого Дона». (В:) Зборник Матисе српске за славистику, св. 30, 1986, с. 57-83.

Чович Бранимир. Поетика књижевног превођења. Београд: Наука, 1994.

НАПРАВЛЕНИЕ 3

КУЛЬТУРНО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ МЕЖЪЯЗЫКОВОЙ КОММУНИКАЦИИ

Богданова Л.И.

МГУ имени М.В. Ломоносова
г. Москва (Россия)

Bogdanova Liudmila

Lomonosov Moscow State University
Moscow (Russia)

ПОНИМАНИЕ И ОЦЕНКА В МЕЖКУЛЬТУРНОМ ОБЩЕНИИ

UNDERSTANDING AND EVALUATION IN INTERCULTURAL COMMUNICATION

В статье рассматривается понимание как оценочный акт в межкультурной коммуникации, исследуется диалогическая природа процесса понимания на фоне изучения культурных ценностей, которые получают отражение в языке, литературных текстах, паремиологическом фонде. В работе анализируются оценочные характеристики лексики, обозначающей культурно значимые для общества понятия. Обобщение опыта изучения оценок и ценностей показывает, что одним из наиболее результативных является коммуникативно-деятельностный подход, который ставит перед исследователями задачу представить оценочные характеристики с позиций реципиента и продуцента речевых произведений. Задача статьи – изучить проблему понимания в ситуации конфликта ценностей и оценок в межкультурном общении. Исследование показало, что структура представлений об одном и том же явлении может не совпадать у разных культурных сообществ. Даже при наличии сходного опыта люди разных культур могут по-разному воспринимать и оценивать одни и те же факты, что подтверждает тезис о существовании основополагающих кодов культуры, которые управляют её языком и её схемами восприятия. В данной статье отражены результаты исследования, связанные с рецептивным аспектом изучения ценностей.

The article considers understanding as an evaluation act in intercultural communication, examines the dialogical nature of the process of understanding against the background of the study of cultural values, which are reflected in the language, texts, paremiological fund. The article deals with the evaluation characteristics of lexis, which denotes the concepts that are culturally significant for the society and have received various reflections in Russian explanatory dictionaries. The generalized experience of studying of estimations and values demonstrates that one of the effective directions is a communication-and-activity approach, which sets the task for researchers to present evaluation characteristics from the positions of the recipient and the producer of the speech. The special attention is paid to the research of problem of understanding of cultures in contact. The structure of views about the same event cannot correspond in different cultural communities. Even having similar experience people of different cultures can differently perceive and evaluate the same facts that confirms the thesis about the existence of fundamental culture codes, which manage its language and perception schemes. This article reflects the results of research related to the receptive aspect of the study of values.

Ключевые слова: понимание, оценка, код культуры, культурные ценности, наивная этика, конфликт ценностей, межкультурное общение.

Keywords: understanding, evaluation, culture code, cultural values, “naive ethics”, values conflict, intercultural communication.

Выявление факторов понимания/непонимания в общении, и особенно в межкультурном общении, по праву можно считать одной из жизненно необходимых и наиболее сложных задач современной науки. Объективно между замыслом говорящего/создателя текста и истолкованием речевого произведения/текста получателем существует неизбежное расхождение, поскольку говорящий (автор текста) не всегда может рассчитывать на то, что его объединяет с адресатом один и тот же способ мировидения и общий фонд знаний. Нередко читатель в силу своей некомпетентности не может понять и интерпретировать текст, осмыслить его систему образов и символику. Другой причиной нестыковки замысла автора и интерпретации текста читателем является творческий характер самого процесса понимания. Как отмечал А.А. Потебня, «понимание есть повторение процесса творчества в изменённом порядке...», из этого следует, что «думать при слове именно то, что думает другой, значило бы перестать быть самим собой» [Потебня, 1997, с.70]. Идя от готового текста, читатель в ходе своей мыслительной работы объективно не может повторить замысел автора произведения. Становится понятным, что люди разных культур, нередко оказывающиеся в одной аудитории в качестве учащихся, могут по-разному воспринимать и оценивать одни и те же факты, поскольку существуют основополагающие коды культуры, которые «управляют языком и схемами восприятия культуры» [Фуко, 1994, с. 37].

Действительно глубокое понимание предмета характеризуется возникновением общей картины, включением изучаемого явления в более широкий контекст, осознанием всех его связей. Человек, обладающий широтой горизонта, способен правильно оценить значение всех вещей, лежащих внутри этого горизонта [Гадамер, 1988, с. 358].

Проблема понимания во многом является аксиологической, неизбежно связанной с оценкой. Как подсказывает опыт, поступающая извне информация всегда обусловлена чьим-нибудь мнением, а смысл определяется точкой зрения, так что даже окружающие человека вещи наделяются не только теми или иными свойствами, но и определёнными ценностными характеристиками: они могут для нас быть прекрасными или безобразными, приятными или неприятными, милыми или отвратительными. Такие же оценки нередко получают те или иные слова. Легко найти в нашем окружении людей, которые назовут отвратительными слова типа *молочка*, *вкусняшка*, *сфоткаться*, *лайкать* и т.п.

Оценка тех или иных явлений, вещей или слов зависит от исходной точки зрения – мнений, убеждений и представлений говорящего, а эта точка зрения корректируется конкретными прагматическими условиями. Наше восприятие опосредуется, по мысли Г.Г. Гадамера, своего рода «предрассудками», или «предмнениями» [Гадамер, 1988, с. 322-323], а эти «предрассудки», которые на самом деле вовсе не являются предрассудками в бытовом смысле, формируются в согласии с идиолектными и социолектными аксиологическими нормами.

Особенно это касается восприятия фактов иной культуры, поскольку известно, что человек подходит к оценке чужой культуры с позиций собственной культуры, ценностные ориентиры которой он интуитивно считает либо универсальными, либо лучшими.

Коммуникация, и особенно межкультурная коммуникация, способствует выявлению различий в понимании, которые связаны с существованием специфических для каждой культуры способов кодирования культурных феноменов. Самые простые примеры в этом плане – различия в структуре знакового пространства с точки зрения отправителя и получателя информации. Это положение можно проиллюстрировать с помощью примера, описывающего реальный, но почти анекдотический случай, когда на лекции по зарубежной литературе название известного произведения Боккаччо «Декамерон» было записано студенткой как *Д.К. Мирон*, что вполне закономерно и объяснимо: произведение Боккаччо студентке было неизвестно, а Мирон – распространённая молдавская фамилия [Лукин, 1999, с.16]. Даже на этом простом примере можно ещё раз убедиться, что одна из закономерностей человеческой психики состоит именно в том, что, когда мы хотим что-нибудь понять, мы вынуждены соотнести новую информацию со своим предшествующим опытом. Это доказывает, что уже в самом механизме понимания заложено диалогическое соотнесение нового, неизвестного со старым, знакомым.

Кроме недостатка энциклопедических и фоновых знаний, без которых невозможна ни одна адекватная интерпретация, искажение при восприятии смысловой структуры текста или сообщения может быть вызвано и некоторыми другими причинами. Характерным примером того, как получатель старается трансформировать сообщение, является его стремление приспособить сообщение к ситуации, к условиям, в которых живёт и действует адресат сообщения / читатель текста. Г.Г. Гадамер, в определённом смысле определяя понимание с позиций целесообразности, подчёркивает следующее: «в понимании всегда имеет место нечто вроде применения подлежащего пониманию текста к той современной ситуации, в которой находится интерпретатор»

[Гадамер, 1988, с. 364]. Поэтому человек может не понимать того, в чём не видит необходимости. Применение к ситуации современности направляется нередко внешними факторами – идеологическими, политическими, эстетическими, этическими. Так, например, теперь уже мало кому известный критик 30-х годов XX века С. Динамов, анализируя роман Э. Хемингуэя «Прощай, оружие!», писал: «Хемингуэй отравлен сексуальностью – он непременно возвращается к эротической теме. Фронт и пол, причём всё же больше пол, чем фронт, – вот содержание первой части книги» [bibliofond.ru/view.aspx]. Такой вывод был типичен для советской критики того периода, так как интимные чувства воспринимались как нечто второстепенное, малоценное по сравнению с социальной деятельностью, и писатель, отдавший предпочтение в своём художественном творчестве личной сфере, сурово осуждался. Характерно, что писатель Андрей Платонов, давая критический разбор роману Э. Хемингуэя «Прощай, оружие!», с одной стороны, отмечает, что одной из главных мыслей Хемингуэя является «мысль о нахождении человеческого достоинства», с другой стороны, А. Платонов видит в страстном чувстве лейтенанта Генри к медсестре Кэтрин Баркли прежде всего только половое влечение, отмечая «животные инстинкты, солдатские, жадно примитивные формы» [hemingway-lib.ru/analiz-proizvedenii/platonov]. Главную причину трагедии Генри и Кэтрин он видит в том, что любовь быстро прекращается, если «будет невозможно или нежелательно совместить свою страсть с участием в каком-либо деле, выполняемом большинством людей». Выходом из трагического тупика, в котором оказались герои Хемингуэя, могло бы стать, по мысли А. Платонова, активное действие, «прямое, честное наблюдение борьбы массового трудящегося человека за свою будущую достойную судьбу» [там же]. Анализируемые факты соотносятся с точкой зрения Ю.М. Лотмана, который отмечал, что «под воздействием сложных социально-исторических процессов складываются специфические формы исторического и социального поведения, эпохальные типы реакций, представления о правильных и неправильных, разрешённых и недозволенных, ценных и не имеющих ценности поступках» [Лотман, 1992, с. 119]. Таким образом, понимание становится «предпониманием», а антиципация смысла – субъективным актом. Понимание не мыслится как завершённое статичное состояние ума. Оно всегда имеет характер процесса проникновения в суть выражаемого смысла – зачастую неполного и частичного.

В процессе понимания, диалогичном по своей сути, как бы восполняется то, что мы хотим понять, «переотражается» и творится заново объект понимания в соответствии с личностью понимающего. Поэтому безоценочное понимание

невозможно. Понимание и оценка составляют единый целостный акт. В акте понимания происходит борьба, ведущая к взаимному изменению и обогащению диалогических позиций. Активное согласие или несогласие способствуют более глубокому пониманию. По словам М.М. Бахтина, это активность вопрошающая и отвечающая, возражающая и соглашающаяся, провоцирующая на постановку новых проблем, а не завершающая и не заглушающая чужой голос [Бахтин, 1986].

В осмысление процесса понимания как оценочного акта большой вклад внёс Ролан Барт [Барт, 1994], который вскрыл коннотативные механизмы идеологических мифов. Согласно его концепции, коннотативные смыслы способны прикрепляться не только к вербальным знакам – словам, но и к различным материальным объектам (предметы быта, одежда и пр.). Эти смыслы латентны, никогда прямо не называются, и поэтому могут либо актуализироваться, либо не актуализироваться в сознании воспринимающих их людей, легко «поселяясь» в любом знаке. Коннотативные смыслы могут легко «освобождать помещение»: они диффузны и агрессивны. Коннотативные смыслы стремятся подавить знаки денотативной системы и даже их вытеснить. Будучи зависимы от социокультурного контекста, эти дополнительные, нередко оценочные смыслы часто не фиксируются словарями, и их распознавание зависит от фонда общих знаний и интуиции интерпретатора. Коннотативные смыслы активно живут до тех пор, пока активно живёт идеологический контекст, их породивший, и пока люди, интуитивно владеющие этими смыслами, сами свободно ориентируемся в данном контексте. Умирание контекста чревато умиранием данного смысла (*туземец, амбициозный, агрессивный*). Интерпретация нередко представляет собой осознанную или неосознанную попытку преодолеть дистанцию между двумя культурами. Под интерпретацией обычно понимают приписывание значения какой-нибудь анализируемой последовательности. Установление значения осуществляется с помощью определенных правил и процедур. Интерпретация поясняет то, что требуется понять. В когнитивной семантике интерпретация сводится в основном к пониманию, а понимание – к узнаванию путём соотнесения слов с прототипами, высказывания – с концептуальными схемами типа фрейма. Из памяти извлекаются типовые ситуации. Интерпретация усложняется, когда к высказываниям нельзя подобрать никакие фреймы и прототипы, а для понимания требуются неизвестные знания. В поисках скрытых смыслов интерпретация нередко заходит в тупик, и тексту навязывается несвойственное ему кодирование. Интерпретацию можно сравнить с перефразированием. По мнению Н.Д. Арутюновой, пониманию в аксиологических суждениях подлежит отношение говорящего к объекту, а интерпретации –

квалификация этого объекта в суждении [Арутюнова, 1998, с. 185]. Интерпретация призвана ответить на вопрос: «Что значит хорошо?» или «Почему это плохо?». Наиболее ценным при этом, как правило, признаётся то, что согласуется с внутренней установкой говорящего в рамках определённой нормативной системы. Понимание, с одной стороны, основано на постоянном учете дистанции между участниками коммуникации, что М.М. Бахтин обозначает как «внезаходимость» понимающего по отношению к тому, что он хочет понять [Бахтин, 1986], с другой стороны, для понимания необходимо «согласие» психического состояния коммуникантов. Представление о понимании как об активно-ответном творческом процессе, диалогичном в своей основе, обеспечивает, на наш взгляд, плодотворный выход в практику, в частности, в методику преподавания иностранных языков и культур.

Характерно, что представители разных культурно-языковых сообществ не всегда осознают несовпадение в структуре восприятия феноменов культуры, но различия в оценке заметны сразу и могут явиться источником коммуникативных неудач и межкультурных конфликтов. Так, в частности, жизненные идеалы чеховского героя Ионыча, к которым он приходит в конце рассказа, положительно оцениваются, например, арабскими студентами. Многие студенты, исходя из своих культурных установок, резко отрицательно оценивают героиню романа Л.Н. Толстого Анну Каренину. Таких фактов несовпадения оценок достаточно много: начиная с фольклорных образов (Емеля, Иванушка-дурачок) и кончая произведениями современной литературы.

Выявление ситуаций конфликта ценностей в условиях межкультурного общения важно не только для предотвращения возможного непонимания, но также значимо для уяснения и конкретизации национально-культурной специфики русских ценностей. Предпосылкой для такого подхода является идея о том, что общечеловеческие ценностно-оценочные концепты по-разному группируются и вербализуются в языках в зависимости, как от лингвистических, так и культурных факторов. Фиксация ценностных концептов в разных значениях приводит к несоответствиям между языками, которые необходимо учитывать в процессе межкультурной коммуникации.

Представление об оценках и ценностях достаточно легко извлекаются из значений лексических единиц, в словарных дефинициях которых содержится прямое или косвенное указание на положительное качество. Именно семантика обеспечивает выход в коммуникацию. Ценностно-коммуникативный анализ убеждает, что факты неполной оценочной эквивалентности культурных понятий и лексических единиц порождают ошибки, а иногда и «провалы» в межкультурном общении, связанные с

несовпадающей, а нередко и противоположной оценкой того или иного явления в другом сообществе с иными ценностными установками.

В научных исследованиях уже неоднократно отмечалось, что даже сходные условия жизни и сходная история народов далеко не всегда предполагают сходство взглядов, идей и оценок. Так, напр., в польской культуре, одной из славянских культур, большое значение имеет понятие *honor* (честь), представляющее собой безусловную культурную ценность. Казалось бы, в русском языке также есть это понятие, обозначенное словом *честь* (ср. с *честью*, *имею честь*, *честь и достоинство*, *честь и совесть* и др.) и сыгравшее значительную роль в русской культуре XIX века. В толковом словаре С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой *честь* определяется как ‘достоинные уважения и гордости моральные качества человека’ [Ожегов, 1999], а в словаре В.И. Даля как ‘внутреннее нравственное достоинство человека, доблесть, честность, благородство души и чистая совесть’ [Даль, 1999]. Очевидно, что в первом случае авторы словаря апеллируют к оценке обществом и самим субъектом данного качества, не уточняя конкретно, какие именно моральные качества человека достойны уважения и гордости, а В.И. Даль даёт толкование слову *честь* через набор слов с, безусловно, положительной оценкой. В результате, исходя из данных определений, однозначно можно заключить, что *честь* оценивается положительно и представляет собой ценность для русского коллектива, что подтверждается, в частности, и отрицательной оценкой, характеризующей словосочетания *бесчестный человек*, *бесчестный поступок*: *бесчестный человек* – это человек, нарушающий требования чести, а значит, не порядочный.

Однако, как считает Б.Ю. Норман, русское культурное понятие *честь* в советские времена девальвировалось, обесценилось и десакрализовалось из-за частотного использования в различных лозунгах типа «Партия – ум, честь и совесть нашей эпохи», который сейчас цитируется исключительно в иронических контекстах. Поэтому считать «польское *honor* и русское *честь* синонимами можно только условно, первое из них имеет сильную традицию в шляхетской культуре и культивировалось веками практически без перерыва» [Норман, 2013, с. 12]. Примечательно, что слово *гонор* в русском языке имеет отрицательную оценку, что отмечается в словарях: *Гонор* – ‘самоуверенность, заносчивость’: *Сбить с кого-н. гонор* [Ожегов, 1999].

Значения слов отражают общественные ценности, лексическая семантика содержит, как известно, не только объективный компонент значения, но и субъективный, оценочный компонент, связанный с «наивной этикой», о которой писал Ю.Д. Апресян [Апресян, 1995, с. 351]. Так, например, слова типа *доносчик*, *ябеда*,

фискал, стукач не только сообщают нам о том, что в действительности делают люди, получившие такое обозначение в русском языке, но и указывают на то, что данные действия оцениваются обществом отрицательно: «нехорошо передавать негативную информацию о ком-либо третьим лицам». Такая оценка далеко не универсальна. Как известно, в некоторых культурах стран Западной Европы передавать информацию о каких-либо нарушениях в полицию и другие органы считается правильным и оценивается положительно. При обучении текстовой деятельности необходимо учитывать наличие субъективного компонента значения и уметь выделять его из семантики слова. Такие умения формируются последовательно на разных уровнях языка, так, например, на уровне морфемы – при рассмотрении суффиксов субъективной оценки (-ик, -очк, -еньк и т.п.), на уровне слова – в процессе анализа лексических единиц, имеющих общее объективное значение, но различающихся оценкой: *трусливый – осторожный, бережливый – экономный – скупой – жмот*, на уровне предложения – во время изучения модальности, на уровне текста – в ходе рассмотрения внутритекстовых связей, способов выражения «своего» и «чужого» слова и т.п.

Различия в понимании оценочных знаков ценностей, степени их выраженности могут быть обнаружены даже в отношении ценностей, которые, на первый взгляд, являются общечеловеческими, универсальными. Такие различия могут быть выявлены только при контакте культур. Так, например, любовь и уважение детей к родителям представляется естественной ценностью и нравственным императивом для подавляющего большинства культур. В структуре языка можно обнаружить участки, фиксирующие своего рода «кодекс морально-нравственных правил, оценок бытия» [Телия, 1996, с. 74], к которым относится, в частности, фразеология, поговорки. Так, в русском языке есть много пословиц, доказывающих ценность семьи: *Земля без воды мертва, человек без семьи – пустоцвет; Дерево держится корнями, а человек семьёй. Немало пословиц, призывающих любить, уважать и почитать родителей: Отца с матерью почитать – горя не знать; Родителей чти – не собьёшься с истинного пути; Живы родители – почитай, померли – поминай; Кто родителей почитает, тот вовеки не погибает* и др. Казалось бы, трудно представить ситуацию культурного сбоя, связанного с неоднозначным пониманием сыновней любви. Однако анализ данных эксперимента, который был проведён во время работы в Южной Корее, убеждает и в оценочном характере процесса понимания, и в различной иерархии ценностей в культурно-ценностном универсуме разных сообществ (см. об этом подробнее [Богданова, 2017, с. 75-76]). Суть эксперимента сводится к тому, что на занятии по русскому языку корейским студентам был предложен текст без названия и без

окончания, в котором в доступной форме рассказывалось о мальчике Мише, живущем на севере и страстно мечтающем учиться. Миша, вопреки воле отца, уходит из дома и отправляется в Москву учиться. Задание к тексту предполагало, что студенты напишут окончание этой истории. Варианты продолжения текста удивили своим единодушием в том плане, что действия нашего героя резко осуждались: плохой сын нарушил волю отца, за что и был наказан (умер, спился, попал в тюрьму, связался с «плохими» женщинами и т.п.). Все корейские учащиеся, участвовавшие в эксперименте, отрицательно оценили тот факт из биографии М.В. Ломоносова, который связан с его уходом из родного дома. По их мнению, он не должен был противиться отцовской воле, не должен был покидать родительский дом. При изучении ответов студентов закономерно возникает вопрос, получил бы герой отрицательную оценку, если бы учащиеся изначально знали, что речь идёт о М.В. Ломоносове, основателе Московского университета? Ответ на этот вопрос может быть найден в результате комплексного исследования проблем межкультурного общения.

Анализ всех данных, полученных как в процессе изучения семантического пространства русского общения, так и в результате эксперимента, позволил прийти к выводам, касающимся природы понимания как оценочного акта в межкультурной коммуникации.

Итак, структура представлений об одном и том же явлении может разительно не совпадать у разных культурных сообществ. Даже при наличии сходного опыта люди разных культур могут по-разному воспринимать и оценивать одни и те же факты, что ещё раз подтверждает мысль М. Фуко о существовании основополагающих кодов культуры, определяющих алгоритм восприятия и понимания культурных феноменов.

В кодировке текста участвуют аксиологические нормы. Понимание начинается с «набрасывания смысла»: «... тот, кто хочет понять текст, постоянно осуществляет набрасывание смысла» [Гадамер, 1988, с. 318]. Мы с самого начала, читая текст или слушая сообщение, ожидаем найти в нём тот или иной определённый смысл, который нам близок. Понимание основано на «предпонимании», на антиципации смысла. Прагматическая ситуация входит в толкование как неотъемлемый компонент смысловой структуры речевого произведения.

Позиция «внезаходимости», о которой писал М.М. Бахтин, в процессе понимания явлений другой культуры помогает увидеть и понять особенности своей культуры. Так, на основе проведённого эксперимента можно заключить, что в русском культурном сознании остаётся в тени факт сыновнего непослушания, доминантами в структуре восприятия является совсем другие черты – страстное желание учиться, сила

воли, целеустремленность, т.е. в данном случае можно выявить те качества, которые высоко оцениваются членами русского культурного сообщества. Но именно эти черты характера остались вне культурного сознания корейских учащихся, поскольку иерархия ценностей оказалась разной в русской и корейской культурах.

Проведённое исследование даёт основание задуматься о мифологизированности биографий, т.е. о тех языковых мифах, которые развенчивал Ролан Барт. Миф в данном случае – не искажение фактов, а официальная оценка фактов, которая незаметно внушается вместе с информацией об известных и уважаемых людях. Всякий текст оказывается сплетённым из необозримого числа культурных кодов, в существовании которых автор или говорящий, как правило, не отдаёт себе отчёта. Эти коды впитаны текстом и даже прецедентным именем (таким, как Ломоносов) совершенно бессознательно.

И, наконец, встаёт вопрос о том, можно ли научить пониманию. Однозначного ответа на этот вопрос нет. Как уже отмечалось, объективно между замыслом автора и истолкованием текста получателем существует неизбежный зазор, поскольку далеко не всегда у коммуникантов существуют общие пресуппозиции, в связи с чем можно заключить, что учить готовому пониманию невозможно, но можно и нужно учить видеть не только «своё» в культуре, но и находить позитивное в другой культуре, в другом языке. Действительно глубокое понимание характеризуется возникновением широкого общего горизонта. При этом становится очевидным, что знания и понимание далеко не всегда совпадают.

Список литературы:

- Апресян Ю.Д.* Избранные труды. Интегральное описание языка и системная лексикография. Т. 2. / Ю.Д. Апресян. М.: Языки славянской культуры, 1995. 766 с.
- Арутюнова Н.Д.* Язык и мир человека. / Н.Д. Арутюнова. М.: Языки русской культуры, 1998. 896 с.
- Барт Р.* Избранные работы. Семиотика. Поэтика. / Р. Барт. М.: Прогресс, Универс, 1994. 616с.
- Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. /М.М. Бахтин. М.: Искусство, 1986. 445 с.
- Богданова Л.И.* Русские культурные ценности: код культуры / Л.И. Богданова // Русский язык и культура в зеркале перевода. 2017, №1. С. 70-78.
- Гадамер Г.Г.* Истина и метод. Основы философской герменевтики. / Г.Г. Гадамер. М.: Прогресс, 1988. 704 с.
- Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1. / В.И. Даль. М.: Русский язык, 1999. 699 с.
- Лукин В.А.* Художественный текст. Основы лингвистической теории и элементы анализа. / В.А. Лукин. М.: Ось-89, 1999. 192 с.
- Лотман Ю.М.* Культура и взрыв / Ю.М. Лотман. М: Гнозис, 1992. 272 с.

- Норман Б.Ю.* Когнитивный синтаксис русского языка / Б.Ю. Норман. М.: Флинта. Наука, 2013. 254 с.
- Ожегов С.И.* Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. М.: Азбуковник, 1999. 944 с.
- Потебня А.А.* Из лекций по теории словесности / А.А. Потебня // Русская словесность. Антология. М.: Academia, 1997. 320 с
- Телия В.Н.* Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В.Н. Телия. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 288 с.
- Фуко М.* Слова и вещи / Мишель Фуко. СПб: А-сad, 1994. 408 с.
- Литература «потерянного поколения» в культурно-историческом контексте [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.bibliofond.ru/view.aspx/>
- Хемингуэй Эрнест Миллер:* А. Платонов. Навстречу людям (по поводу романа Эрнеста Хемингуэя «Прощай, оружие!») [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.hemingway-lib.ru/analiz-proizvedenii/platonov>

Боженкова Н.А.

Государственный институт русского языка
имени А.С.Пушкина
г. Москва (Россия)

Боженкова Р.К.

МГТУ имени Н.Э. Баумана (НИУ)
г. Москва (Россия)

Bozhenkova Natalya

Pushkin State Russian Language Institute
Moscow (Russia)

Bozhenkova Raisa

Bauman Moscow State Technical University
Moscow (Russia)

ДИСКУРСИВНЫЕ СЛОВА КАК ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ ЭКСПЛИКАНТЫ ЛЕГИТИМНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРАКТИК¹⁵³

DISCURSIVE WORDS AS LINGUISTIC AND CULTURAL INDICATORS OF LEGITIMATE POLITICAL PRACTICES

В статье рассматриваются механизмы и способы знакового закрепления лингвокультурных традиций русской, американской, австрийской политико-коммуникативных практик. В свете интенсивного формирования новых институциональных отношений понимание принципов устройства и функционирования глобального политического диалога, владение его разнообразными средствами, причем не только вербальными и невербальными, но и «семасиологически скрытыми», становится чрезвычайно важным. Центральным звеном в исследовательской цепи оказываются интеръективные единицы – дискурсивные слова, маркирующие особую контекстность легитимного политического поля, восстановление которого требует единой системы идеологических и когнитивно-прагматических установок коммуникантов. Однако широкий референциальный статус элементарных дискурсивных единиц, составляющих парадигму интеръективов в русском, английском и немецком языках, в определенной мере обуславливает «индивидуальность» языка политики и возможность отражения аксиологических и этнокультурных особенностей универсума. Дискурсивные маркеры, воссоздающие в рамках идеологической сферы целостность естественной коммуникации, наглядно характеризуют аспекты развития как отдельного индивида, так и разных социальных групп – от малой общности до целого этноса, тем самым оказываются важнейшими конститuentами политического взаимодействия.

The article considers mechanisms and methods of signing linguistic and cultural traditions within Russian, American and Austrian practice of political interaction. In the light of intensive establishment of new attitudes between various institutions, understanding the structure and functioning of the global political dialogue and mastery of its diverse verbal, non-verbal as well as semasiologically hidden tools become particularly relevant. Thus, the so-called interjective units become the main focus in this coherent research. Interjective units are discursive words that mark a specific contextual meaning of a legitimate political field which – in order to be restored – requires a unified system of ideological, cognitive and pragmatic settings actual for all the communicants. Nevertheless, the broad referential status of the

¹⁵³Статья выполнена в рамках гранта РФФИ № № 18-12-00574 «Лингвокультурные доминанты легитимных / нелегитимных политических дискурсивных практик в пространстве русскоязычной коммуникации: типологическое исследование»

elementary discursive units which constitute a paradigm of interjectives in the Russian, English and German languages to a certain extent determines the “peculiarity” of the language of politics and its ability to reflect axiological and ethnocultural features of the universe. Discursive markers which recreate the integrity of natural communication within ideological realm vividly characterize the aspects of individual development and the development of social groups ranging from smaller communities to entire ethnoses. Thereby these social groups become an essential part of political interaction.

Ключевые слова: политический дискурс, дискурсивные маркеры, интеръективные единицы, лингвокультурное сознание, когнитивно-семиотические функции.

Keywords: political discourse, discursive markers, interjective units, linguistic and cultural consciousness, cognitive and semiotic functions.

Политический дискурс как вид социальной коммуникации, бесспорно, в полной мере манифестирует культуру отдельного общества с его идеологическими установками, ментальными символами и иными аксиологическими знаками: не случайно язык политики сегодня экстраполируется в бытийное и бытовое общение самых широких гражданских масс. Причинами данного явления можно назвать различные факты современной общественной жизни: от собственно (интра) языковых – количественного и качественного усложнения сфер речевого взаимодействия (в первую очередь, дисплейной коммуникации, специфика которой детерминирует создание новых видов текста и дискурса), расширения нормативных границ языка масс (вследствие разнообразия форм речевого поведения отдельных социальных групп), демократизации публицистического стиля (обусловленного широкой «миграцией» языковых конститuentов и некоей данью речевой моде) – до вне (экстра) языковых – нестабильности мировой экономической сферы и, как результат, инфляционных процессов (даже в «благополучных» европейских странах), глобализации и интеграции лингвокультурных составляющих каждого этноса, – имеющие не только позитивные, но и внушительный ряд негативных аспектов¹⁵⁴. Но главным фактором, безусловно, является значительное влияние субъектов политической деятельности на психологическую организацию конкретной личности, поскольку политика – единственная профессиональная сфера, общение в которой ориентировано на массового адресата.

В этой связи рождается вопрос о специфике языкового оформления¹⁵⁵ политических дискурсивных практик и наличии собственной системы

¹⁵⁴Например, снижение образовательного уровня членов общества, в том числе и из-за не всегда оправданных реформ в этой сфере и т.д.

¹⁵⁵Отметим вместе с тем, что некоторые ученые отказывают политическому дискурсу в уникальности, подчеркивая немногочисленность языковых черт его своеобразия и сложность процедуры их идентификации и утверждая, что лексические и грамматические особенности политического дискурса,

профессионально ориентированных знаков – вербальных, невербальных и «семасиологически скрытых». Актуализация данной задачи обусловлена тем фактом, что люди в большинстве случаев напрямую не соприкасаются с миром политики и их знания в этой области складываются не на основе собственного опыта политического участия, а преимущественно на основе предлагаемых им «вербальных картинок». Сообщения «о состоянии дел» могут выступать в форме описаний, мнений, сравнений и выводов; они могут быть реализованы в самых разнообразных речевых действиях и жанрах – неформальной беседе, интервью, пресс-конференции, послании конгрессу и т.д. Помимо эксплицитной, лексически выраженной информации, эти сообщения непременно включают имплицитно-коннотативный слой информации – в первую очередь, эмотивно окрашенные ключевые слова, репрезентирующие базовые политические ориентации и ценности, патриотические символы, эвфемизмы и пр. [Катышев, 2010]. Имплицитная информация может быть также получена путем обобщения, «чтением между строк»: значимыми оказываются характеристики хронотопа вербального акта, его связь с историко-культурными, аксиологическими и иными факторами, смысловая неопределенность и заданная ритуальность, паралингвистические компоненты и др. Особое место в корпусе «семасиологически скрытых» маркеров занимают, с нашей точки зрения, дискурсивные слова.

Дискурсивные слова (или дискурсивные маркеры) – это единицы, которые не имеют закрепленного лексического значения, но обладают важной функцией – формировать структуру речи, передавая / уточняя интенции говорящих и отражая контроль над ментальными процессами адресата. Объем и границы данных операторов, безусловно, варьируются от одного языка к другому. Кроме того, проблема бытования элементарных единиц в речи осложняется постоянным расширением сферы дискурсивных исследований (от телефонных диалогов до ток-шоу).

При построении диалогического общения в легитимной политической среде значимость таких дискурсивных средств многократно увеличивается: особая институциональность нередко детерминирует невозможность эксплицитного маркирования идеологем, в результате расширяется тезаурус прецедентных текстов и высказываний, сопровождаемых своеобразными речевыми приемами и оригинальным звуковым оформлением. Соответственно, характеристика дискурсивных маркеров позволяет не только определить статусно-ролевые признаки данной социальной

позволяющие рассматривать его как специфическое явление, «не выходя за рамки соответствующих идиоэтнических языков» [Паршин, 2001, с.193].

группы, но и выявить специфичность коммуникативного поведения, обусловленную лингвокультурным сознанием [Bozhenkova, 2015].

К характерным единицам, оформляющим русскую политическую речь, можно отнести *вот, как бы, там, ну, это, на самом деле, да?* Яркие примеры активного их включения в дискурсивную структуру – фрагменты предвыборных дебатов:

1) *...И объединение это было не ради высоких целей, да? / ну абсолютно никаких высоких целей не было/, но способ, да?/ преодоления войны и способ получения конкурентоспособных / и политически, в первую очередь, способных каждой страны* [RuPolitSHow, 2018].

2) *Понимаете, в определенный момент настала какая-то успокоенность, да?/ Пришло понимание того, что / несмотря на эти вот все проявления интернационализма/ Европа смогла преодолеть вот этот вот тысячелетний кошмар, да?* [RuPolitSHow, 2018].

В приведенных случаях после маркера *да?* следует пауза, а затем получение подтверждения высказываемой идее через междометные интеръективы *угу, ага*. Обратную связь устанавливают и такие сигналы, как *да, ну да, нда, конечно, угу, хм, точно, понятно, кошмар*, а также невербальные знаки (кивок, движения глаз и др.). Функция единицы *вот* состоит в выделении предмета речи, дублирование этого маркера усиливает апелляцию к вниманию адресата (*вот этот вот кошмар*).

Особого внимания заслуживают композиты *как бы* и *на самом деле*. Высокая частотность их использования, немотивированного смысловой стороной высказывания, объясняется следующим: как дискурсивные маркеры эти единицы выполняют функцию выражения собеседником неуверенности, восполнения недостатка знания, наконец, заполнения паузы. Тем же качеством характеризуется и местоимение *это/этот*, обеспечивающее подстановку «пустой» составляющей в ходе лексического поиска.

1) *Такой подход, ну о чем мы как бы неоднократно говорили, то есть позволил бы создать предпосылки для нормализации двусторонних отношений КНДР с РК, США и Японией, как бы перейти к практической работе/ то есть по формированию многосторонних механизмов обеспечения безопасности/ и как бы сотрудничества в данном регионе на равной и недискриминационной для всех участников основе* [RuPolitSHow, 2018].

2) *Стыдно же потом будет, на самом деле!// Посмотрите вот, как журналистам с ТВЦ этим / сейчас стыдно за создание культа неприличности Жириновского на самом деле! / Неужели вы думаете, что вот людям с Первого канала или, допустим, ну с НТВ / никогда не придется вот краснеть за обратное?* [RuPolitSHow, 2018].

Многokратные повторения дискурсивных частиц выступают показателем напряженного эмоционального состояния говорящего, обуславливающего в свою очередь «сбои» нахождения подходящего слова, не случайно наибольшее количество дискурсивных слов демонстрирует жанр политического интервью: *«Дать победить правым, да?/ в нашем то есть понимании / – это продемонстрировать допустим ну, /что политическая вообще жизнь России на самом деле/ не может сводиться ну просто к борьбе единокроссов и коммунистов, да?. Поэтому вот необходимо понимаете?/ создать ну мощный полюс как бы притяжения сил на правом политическом вот фланге, альтернативный путинской министерской вот элите [RuPolitSHow, 2018].*

Частотность употребления инъеръектива *ну* объясняется его референцией к разнообразным единицам широкого семиотического поля, инвариантом которых, по мнению А.Д. Шмелева, является «вынужденное говорение», т.е. говорящий сигнализирует о том, что его высказывание мотивировано условиями конкретной речевой ситуации, известными адресату речи, и выражает установку на взаимопонимание и кооперацию [Шмелев, 2004]. В свою очередь оператор *да?* маркирует определенную степень неуверенности коммуниканта, апелляцию к совместному выражению мысли и обеспечивает реализацию интеракционно-прагматической функции. Не случайно Д. Пайар писал: «Дискурсивные маркеры кажутся необязательными элементами, функционирующими в качестве сигналов для слушателя, облегчающими интерпретацию высказывания на базе различных контекстуальных подсказок, но их значение является решающим для взаимодействия, осуществляемого речью. Единицы данного класса выражают отношение говорящего к адресату или к ситуации, о которой идет речь, его намерения, предположения и эмоции. Если изучающие язык не освоили значение этих слов, их коммуникативная компетенция значительно ухудшится» [Дискурсивные слова русского языка, 1998, с.47],

Бесспорно, что особая языковая картина легитимного политического взаимодействия детерминруется не столько общими, сколько дифференциальными характеристиками идеологического дискурса: в нем реализуются все конститuentы социального поля – они либо составляют собственно предмет общения, либо выступают в качестве элементов прагматического контекста. Соответственно, трансляция в политическую коммуникацию фрагментов «реальной речевой практики» (как русскоязычной, так и иноязычной) обуславливает ее внешнюю «деспециализацию» и условную «естественность», формируя тем самым некий

«стандарт» политического деятеля и одновременно предлагая оценку степени соответствия реальных политиков данному стандарту.

К типичным этнодескрипторам англоязычного политического дискурса относятся единицы *oh, ok, well, so, actually, really, like*, процессуально оформляющие речь и идентифицирующие эмоциональное состояние говорящего.

Структурно-смысловая организация английского коммуникативного текста характеризуется своеобразным «скреплением» сверхфразовых единств многочисленными этноментальными конститuentами, маркирующими последовательное, четкое развитие интеракции, стройное развертывание мысли, демонстрация чего представлена в следующем в диалоге.

A. **Ok**, you clearly understand that even the democratic state of America can't allow a non-American citizen to vote. (Окей, но вы же четко понимаете, что даже столь демократичное государство, как Америка, не может позволить не американцу голосовать.)

B. No, I **really** can't understand that, America is open for everyone. (Нет, я этого действительно не понимаю, Америка открыта для всех.)

A. So, let me get this right. **Say**, I make a call to the help line from Florida on a 800 number, but I'm **actually** calling India. But it doesn't cost me any more money. (Дайте-ка я объясню. Скажем, я звоню в справочную службу из Флориды по номеру 800, а на самом деле я звоню в Индию. И это не стоит дороже.)

B. **Right**. (Правильно)

A. And you're talking to me from Bangalore, but I think I'm talking to an American in another state. (Ты говоришь со мной из Бангалора, а я думаю, что говорю с американцем из другого штата.)

B. **Well**, it is **like** another state, because, **actually**, with global telecommunications there's no difference. (Ну, это и есть почти как из другого штата, потому что на самом деле для мировой телекоммуникации нет разницы.)

C. **Well**, there is a cultural difference. You may speak with an American accent. But you don't know America. (Есть разница в культурах. Можно говорить с американским акцентом, но не знать Америки.)

B. **Well, actually** we do. It's part of our training. (Вообще-то мы знаем. Это часть нашей подготовки.)

A. I don't believe this. How can you train to be like an American? (Я не верю. Как можно научить быть похожим на американца?)

B. Ok, let's imagine I'm responsible for Tennessee [...] So, if you are calling me and you make a comment about last weekend's baseball game, I'll know what you're talking about. (Хорошо, представьте, что я отвечаю за Теннесси [...] Поэтому если мне звонят и упоминают бейсбольный матч, состоявшийся в прошлые выходные, я пойму, о чем речь.) [Канал «Foxnews», 2018].

В приведенном диалоге многие дискурсивные слова не требуют обязательного перевода: это некий сигнал внутренней речи, «отправная точка» реплики, необходимая для сохранения структурной целостности текста. Данные слова маркируют интенциональную структуру диалога; в русском же языке значение, выражаемое ими, нередко передается при помощи интонации.

Анализ немецкоязычного политического диалога, репрезентирующего австрийскую культуру, демонстрирует использование разнообразных процессуальных частиц, выстраивающих дискурсивную структуру. К наиболее распространенным единицам, называемым *Füllworte* («слова-вставки, вставные слова»), относятся *mal, ja, na, oder, nun*. Специфика функционирования этих операторов состоит в многократном воспроизведении их сочетаний в пределах нескольких реплик.

Частица *mal / раз* (сокращенный вариант единицы *einmal*) используется преимущественно в политических интервью, включаясь в предикат и выражая просьбу, желание или побуждение: *Sag mal / Скажи-ка*. В других случаях это маркер моментального развертывания речи: *Wenn das mal gut geht! / Если только всё обойдется хорошо!*

Частица *ja* весьма многозначна. Основные ее значения передаются русскими интеръективами *значит, же, просто*: *Das ist ja nicht möglich! / Это просто невозможно!* Здесь маркируется высокая степень досады или удивления. См. также: *Du bist ja schon wieder zurück! / Так ты уже вернулся!* Наблюдается эмоциональное выражение значения следствия, убеждения в чем-либо. Или: *Das haben wir ja oft gemacht / Мы же это всегда делали! Das sind wir ja gegangen! / Мы же здесь были!* В последних двух примерах включение дискурсивного слова обеспечивает прагматическую функцию интенсификации высказывания.

Частица *na* отличается высокой степенью разговорной окраски. Контаминируясь с другими лексемами, она образует сочетания непринужденного бытового характера. Прежде всего, *na* переводится на русский язык формой *ну!* Это возглас нетерпения, раздражения, сомнения, удовлетворения, подтверждения. Особенно популярны следующие выражения: *Na bitte! / Вот тебе и пожалуйста! Na servus! / Ну, пока!*

Союз *oder* выступает маркером разделительных вопросов, причем его произношение отличается от общепринятого [odr]: *Heute ist schönes Wetter oder?* – *Сегодня хорошая погода, нет?*

Наконец, маркер *nun*, подобно частице *na*, образует множественные словосочетания, обуславливая, таким образом, расширение национально-междометного репертуара. Так, базовая функция заполнения нулевой лексемы, паузы (*Nun gut!* – *Ну ладно!*) сегодня реализуется как маркер «попытки оживления», окончания беседы: *Nun, da läßt sich nichts machen* / *Ну что ж, ничего не поделаешь*; *Nun, machen wir mit den Debatten Schluss* / *Что ж, давайте завершим дебаты* [Канал «ARD», 2017]. Наблюдаемые изменения в немецкоязычном коммуникативном поведении и, как следствие, в социальном взаимодействии наглядно свидетельствуют об особой онтологической сущности интелективов в сфере политического дискурса.

Таким образом, можно утверждать, что дискурсивные маркеры служат средством манифестации когнитивно-семиотических и культурно-прагматических функций политического взаимодействия, формируют субъективный образ фрагмента действительности и эксплицитно управляют процессом общения, при этом принципы выбора этих средств и механизмы их функционирования обнаруживают фундаментальное сходство в рамках различных социально-коммуникативных систем. Дискурсивные слова, организуя и направляя ход коммуникации, выступают одновременно организаторами структуры политического дискурса, показателями его пространственно-временного развертывания, лингвокультурными репрезентантами этноментальной сферы и идентификаторами сложнейшего социального феномена человеческой коммуникации.

Список литературы:

Дискурсивные слова русского языка: опыт контекстно-семантического описания / под ред. К. Киселевой и Д. Пайара. М., 1998.

Катышев П.А. Влияние синтактики языка на языковую личность как проблема риторической критики/ П.А.Катышев// Сибирский филологический журнал. 2010. № 4. С. 191–199.

Кибрик А.А. Анализ дискурса в когнитивной перспективе: дисс... в виде научного доклада, составленная на основе опубликованных работ, представленная к защите на соискание ученой степени/ А.А.Кибрик. М., 2003.

Шмелев А.Д. «Заполнители пауз» как коммуникативные маркеры/ А.Д.Шмелев // Жанр интервью: Особенности русской устной речи в Финляндии и Санкт-Петербурге. Tampere (= Slavica Tampereusia VI), 2004. С.205 – 222.

Bozhenkova R.K. Comprehension of text in the aspect of linguistics and culturology / R.K. Bozhenkova. Raleigh, North Carolina, USA: Lulu Press, 2015. 153 p.

Schiffrin D. Discourse markers. Cambridge: Cambridge University Press, 1987.
<http://www.independent.co.uk>

Паршин П.Б. Исследовательские практики, предмет и методы политической лингвистики / П.Б. Паршин // Scripta linguisticae applicatae. Проблемы прикладной лингвистики / Ин-т языкознания РАН. М.: Азбуковник, 2001. С.181-207.

Канал «ARD». Режим доступа: <https://www.tagesschau.de/multimedia/video/video-288549.html>

Канал «Foxnews». Режим доступа:

<http://video.foxnews.com/v/5744225211001/?#sp=show-clips>

RuPolitSHow. Режим доступа: <http://rupolitshow.ru/vybory-2018-debaty-s-vladimirom-solovevym-15-03-2018.html>

RuPolitSHow. Режим доступа: <http://rupolitshow.ru/vybory-2018-debaty-s-vladimirom-solovevym-14-03-2018.html>

RuPolitSHow. Режим доступа: <http://rupolitshow.ru/vybory-2018-debaty-s-vladimirom-solovevym-13-03-2018.html>

Вотякова И.А.
Удмуртский государственный университет
г. Ижевск (Россия)

Votyakova Irina
Udmurt State University
Izhevsk (Russia)

ИЗМЕНЕНИЕ В СТРУКТУРЕ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ГНЕЗДА СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО *СТРАХ* ПРИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО КОНЦЕПТА *СТРАХ*

STRUCTURAL CHANGES IN THE WORD-FORMATION NEST OF THE NOUN *FEAR* WHILE REPRESENTING EMOTIONAL CONCEPT *FEAR*

Количество производных словообразовательного гнезда существительного *страх* сокращается с течением времени под влиянием лингвистических и экстралингвистических факторов, отражая эволюцию концептуального представления о мире человеком. В современном русском языке наиболее важными семантическими зонами рассматриваемого гнезда являются зоны «действие» и «признак». Семантика субъекта не получила должного деривационного развития, реализовавшись в образовании производных, обозначающих некую неопределенность и подобие человеку. Словообразовательное пространство «интенсивности» пополнилось соответствующими новообразованиями значительно позже и стало носить универсальный характер, т.к. способно взаимодействовать со всеми другими зонами. Кроме того, уже в XVIII-XIX веке сформировалось новое словообразовательное гнездо от глагола *страховать*, представленное и в современном русском языке.

The number of derivatives of the family of words of the noun *fear* [*strakh*] has been decreasing in time influenced by linguistic and extralinguistic factors. This process reflects the evolution of the conceptual vision of the world as it is seen by a man. In the modern Russian language, the most important semantic zones of the family of words under consideration are the "action" and the "attribute" ones. The semantics of the subject has not received a proper derivational development as it has been implemented through development of derivatives denoting some kind of uncertainty and similarity to a man. The word-formation field of intensity was added to by corresponding new innovations much later and began to be general in nature as it could interact with all other zones. In addition, as late as in the XVIII-XIX century a new family of words was formed from the verb *to insure* [*strakhovat'*] which is also represented in the modern Russian language.

Ключевые слова: словообразовательное гнездо, эмоциональный концепт, страх, репрезентация концепта.

Keywords: family of words, emotional concept, fear, concept representation.

Одной из важных особенностей словообразовательного гнезда является комплексность, системность и упорядоченность, несмотря на то, что это наиболее широкое объединение производных образований в языке [Балалыкина, 1985, с. 147]. Состав гнезда меняется под влиянием лингвистических и экстралингвистических факторов, отражая эволюцию концептуального представления о мире человеком, т.к. это «особая комплексная динамическая единица словообразования, объединяющая

лексемы с общим историческим корнем, который носителями живого языка зачастую не воспринимается в качестве самостоятельной корневой морфемы вследствие утраты между этимологически родственными словами живых семантических и словообразовательных связей» [Григорьева, 2013, с.7]. Элементы словообразовательного гнезда наделены определенным знанием, порождаемым при образовании новых слов. Эти процессы в силу комплексности и упорядоченности связей носят закономерный характер, участвуя в оязыковлении меняющейся картины мира. Производные слова наиболее информативны для изучения языковой картины мира, т.к. «позволяют увидеть (в отличие от простой и непроемкой лексики), как была воспринята определенная реальность в мире «как он есть» – через отсылки к каким (исходным, мотивирующим) сущностям (объектам, действиям, качествам и т.д.) они были осмыслены и затем поименованы» [Кубрякова, 2006, с.6]. Таким образом, исследование структуры словообразовательного гнезда помогает понять, «какие типы знаний фиксируются в производных и как они связаны с семантикой исходного слова» [Миниярова, 2010, с. 984].

Изучение формирования словообразовательного гнезда концепта *страх* предполагает анализ изменения в составе этого гнезда, вершина которого – существительное *страх* – является ядерной лексемой, вербализующей представление об одной из важнейших эмоций человека.

Материалом для нашего исследования стали данные Национального корпуса русского языка и словарей: Старославянский словарь, Материалы для словаря древнерусского языка И.И. Срезневского, Словарь русского языка XI-XVII вв., Словарь Академии Российской, Словарь церковно-славянского и русского языка, Словообразовательный словарь русского языка А.Н.Тихонова, Новый частотный словарь русской лексики.

Этимологически слово *страх* связано с русским «строгий» и восходит к и.-е. *(s)terg- : *(s)treg- (ср. о.-с. *strogъ): (s)terk (последнее – в рус. торчать), также и на немецкой почве прилагательное *strack* – «прямой» и глагол *strecken* – «вытягивать», «делать прямым», восходящие к тому же и.-е. корню, связаны со *streng* – «строгий», «суровый» (назализованная форма) [Черных, 1999, с. 207]. Это слово с первоначальным значением «оцепенение» сближается с лит. *stregti, stregiu* «оцепенеть, превратиться в лед», лтш. *strēģele* «сосулька» [Фасмер]. Таким образом, в семантике корневой морфемы, по-видимому, с самого начала была заложена идея об изменении объекта в результате некоего физического воздействия, что нашло свое отражение в современном русском языке и при описании состояния человека, испытывающего страх: *похолодеть*

от страха, съежится от страха, скорчиться от страха, подгибаться или отняться ногам от страха, закрыть глаза от страха, плакать от страха и т.д. [Вотякова, 2014, с. 179-180].

Анализ данных исторических словарей указывает на важность следующих семантических составляющих *страха*: «страх, ужас; угроза; явление, внушающее страх», «благоговейный страх, трепет». Таким образом, это слово издавна обозначает эмоциональное состояние человека, а также явление, которое вызывает это состояние. *Страх* также мог быть благоговейным, когда говорится о почитании Бога и всего, что с ним связано. Однако уже в XVIII веке фиксируются значительные изменения в семантике существительного, обозначающего не только «ужас, беспокойство», «повиновение», но и «ответственность», *Страх* как «послушание, повиновение» характеризуется как церковнославянское. Таким образом, слова с этим корнем стали обозначать состояние человека, возникающее в результате какого-либо воздействия, но не физического, а эмоционального. Следовательно, можно отметить, что семантика существительного *страх* претерпела изменения, а его употребление отражает будущую полисемантическую структуру словообразовательного гнезда (признак, действие, состояние и т.д.) [Вотякова, Килина, 341-354].

Современное словообразовательное гнездо существительного *страх*, по данным словообразовательных словарей, включает 50 производных, однако многие из них являются устаревшими и не употребляются. Учитывая данные частотного словаря, мы сократили количество анализируемых производных, исключив слова с нулевым индексом частотности, и распределили оставшиеся слова по нескольким группам - микрополям с учетом словообразовательного значения: действие, качество, интенсивность, лицо.

I. Изначально в древнерусском языке микрополе «Действие» было представлено более значительной группой производных:

- существительные: *страшение, устрашение; страцание; страхование, страшливствие, страшильствие* [примеры здесь и далее по тексту даны в современной орфографии - ИВ];

- глаголы: *страшити, страшати, страцати, устрашити, устрашати, страшитися, страшатися, устрашитися, устрашатися, страховатися.*

Словари XVIII – начала XIX века фиксируют следующие производные:

- существительные: *страхование, устрашение, бесстрахование;*

- глаголы: *застращивать* – *застращать*, *настрашить*, *настрашиться*, *остращивать* – *острастить*, *перестращать*, *пострашити*, *страховать*, *страшить*, *страшиться*, *стращать*, *устрашать*, *устрашаться*.

Производные *страшити*, *страшение* отмечаются как устаревшие. Кроме того, происходит формирование нового словообразовательного гнезда на базе глагола *страховать*, основным значением которого становится «отдавать имение, вещи и денежные капиталы на чей либо страх, или ответственность». В это гнездо входят производные *страхование* «действие страхующего», *страхователь* «отдающий что-либо на страх», *страховательница*, *страховый* «до взятия на страх касающийся, относящийся», «учрежденный для страхования», *страховщик* «кто берет что на свой страх», *застрахованный* «отданный на страх». Например: «Сложилась даже легенда, что бедствия не прекратятся, покуда в городе существует хоть один либерал, и что только тогда, когда Феденька окончательно разорит гнездо нечестия, можно будет не *страховать* имущество, не удобрять полей, не сеять, не пахать, не жать, а только наполнять житницы...» [Национальный корпус], «Когда письмо, нарочно *страхованное*, было отослано назад, я отдал его на хранение Энгельсону» [Национальный корпус], «Здесь *страхуют* дома от огня и воды» [Национальный корпус] и т.д.

Существительное *страхование* ранее употреблялось со значением «угрожение, явление, производящее страх». Например, в текстах конца XVII века мы находим такие подтверждения: «... и никаких людей к Москве и из Москвы не пропускают неведомо для чего, и от того в царствующем нашем граде Москве чинится великое смятение и людям *страхование*» [Национальный корпус], «А из Юрьева стрельба была пушечная великая, и на шведов *страхование*, и от такого ужаса они сами посады свои выжгли» [Национальный корпус]. Однако подобное употребление слова *страхование* в Словаре церковно-славянского и русского языка отмечается как *церковное* и указывается, как мы уже отмечали ранее, на другое значение существительного - «действие страхующего».

Как известно, в Россию практика страхования развивалась в конце XVIII века. Источником формирования новой семантики является употребление слова *страх* в значении «ответственность» и широкое распространение в то время выражения *взять что на страх* «принять что на свой отчет, попечение; ответственность в чем». Появление нового словообразовательного гнезда обусловлено, на наш взгляд, экстралингвистическими обстоятельствами, что является весьма примечательным фактом.

В современном русском языке наиболее частотными будут следующие производные:

- существительное: *устрашение*;

- глаголы: *страшить, стращать, устрашить - устрашать, страшит – страшиться*.

II. Первоначально микрополе «Признак, качество», как фиксируют исторические словари, было представлено более широким кругом производных:

- прилагательное: *бесстрашный, (бестрашьный), страшивъ (страшивый), страшьливый, страшьнь (страшьный), страхливый, страшительный, страхованный, устрашенный, неустрашенный, страховидный*;

- существительное: *бесстрашие (бестрашие), страшивьство, страшливство*; -

наречие: *страшно (страшне), страховито, страховидно страховприступно*.

Прилагательное *страшивъ (страшивый)* «испуганный, боящийся», «боязливый; боящийся; уstraшенный; исполненный страха» меняло свое значение: первоначально данное прилагательное обозначало временное состояние человека, который испытывал страх, затем прилагательное начинает характеризовать человека, который постоянно чего-либо или кого-либо боится. Кроме того, в словарях указано значение «внушающий страх», т.е. *страшивый* – это не только тот, кто сам боится, но и тот, кого боятся. К данной группе также относятся производные: *страшьливый* «боязливый, трусливый», *страхливый* «боязливый, пугливый; вызывающий страх», *страшнивый* «то же, что страшливый», *страховитый* «вызывающий опасения, опасный; страшный, пугающий своим видом».

Кроме того, мы отмечаем производные сложные прилагательные *страшнощитный* «внушающий страх своим щитом, имеющий страшный щит», *страхоносный* «вызывающий чувство страха», *страшливосердый* «трусливый, робкий». В настоящее время основосложение как способ образования новых слов в исследуемом гнезде не является продуктивным.

Словари XVIII – XIX века фиксируют изменения, происходящие в словообразовательном гнезде. Как мы уже отмечали выше, отделяется группа однокоренных слов, связанных с глаголом *страховать*. Остальные производные с семантикой «признак, качество» распределяются следующим образом:

- существительное: *бесстрашие, нестрашимость, страховитость, страховатость, страшливость*;

- прилагательное: *бесстрашный, неустрашимый, страховатый, страховитый, страшный*;

- наречие: *бесстрашно, страховито, страшливо, страшно*.

Почти все производные прилагательные данной группы, а также образованные на их основе существительные, не употребляются в современном русском языке, что, на наш взгляд, вызвано вытеснением их «универсальным» прилагательным *страшный*, которое в своем значении уже в XVIII веке сохраняет лишь семантику «приводящий в страх», теряя «боязливый, пугливый».

В современном русском языке данное микрополе представлено следующими производными:

- существительные: *бесстрашие, неустрашимость*
- прилагательные: *бесстрашный, неустрашимый, страшный, устрашающе*;
- наречие: *страшно, бесстрашно, страховато, неустрашимо, устрашающе*.

III. Микрополе «Интенсивность» представлено только современными производными: *страшненький, страховатый, страшенный*. Подобных образований в исторических словарях нет, что, по-видимому, обусловлено достаточно поздним возникновением механизма деривации данной группы. Так, в текстах до первой половины XIX века Национального корпуса русского языка, мы отмечаем только один пример: «То правда, отвечал г. Балабин, ехать туда теперь очень, очень *страшненько*, как попадешься под обух, так нечего говорить!» [Национальный корпус]. В материалах второй половины XIX века количество употребления таких производных сразу растет: «И шут его, прости господи, знает, откуда он только выкапывал деньжищу эту *страшенную*?» [Национальный корпус]; «А? Собакища *страшенная*. Вы как думаете, выйдет?» [Национальный корпус]; «— А на дворе что? — Мороз *страшенный*. — Что ж они, одурели, что ли?» [Национальный корпус] и т.д. Таким образом, мы можем говорить о весьма позднем формировании данной группы производных.

IV. Микрополе «Субъект» также претерпело значительные изменения. В исторических словарях отмечаются следующие существительные: *страшило* «тот, кто (или то, что) вызывает страх, ужас, нечто безобразное, ужасное, пугало; о масках», *страшилище* «нечто наводящее страх, ужас», *бесстрашникъ* «тот, кто не имеет страха».

В словарях XVIII-XIX века указаны производные: *бесстрашник, страшилище, страшило, страхователь, страховательница, страховщик*. Последние, как мы уже указывали выше, позднее вошли в другое словообразовательное гнездо глагола *страховать*. Например: «Тут славный Лойдов кофейный дом, где собираются лондонские *страховщики* и куда стекаются новости из всех земель и частей света; тут лежит большая книга, в которую они вписываются для любопытных и которая служит магазином для здешних журналистов» [Национальный корпус].

В современном русском языке в словообразовательном гнезде *страх* нет существительных с подобным значением. Мы отмечаем производное со словообразовательным значением лица по действию, образованное при помощи суффикса *-лиц-*: *страшит* → *страшилище*. Оно относится к общему роду и встречается в разговорной речи и просторечии, характеризуется особой экспрессивностью, может обозначать и мужчину, и женщину, а также нечто бесполое и нечеловеческое, напоминающее что-то живое, сказочное чудовище и т.п.

Таким образом, в современном русском языке наиболее важными семантическими зонами словообразовательного гнезда существительного *страх* являются «действие» и «признак, качество». Категория «субъекта» не получила должного деривационного развития, реализовавшись в некой неопределенности и подобии человеку. Словообразовательное «пространство» интенсивности пополнилось производными значительно позже и стало носить универсальный характер, т.к. способно взаимодействовать со всеми другими зонами. В целом мы можем говорить о значительном сокращении состава гнезда существительного *страх*, чему в ни малой степени способствовал тот факт, что уже в XVIII-XIX веке сформировалось новое словообразовательное гнездо от глагола *страховать*, представленное и в современном русском языке.

Список литературы:

- Балалыкина Э.А.* Русское словообразование / Э.А. Балалыкина, Г.А. Николаев. Казань, 1985. 182 с.
- Вотякова И.А.* Словообразовательное гнездо как способ репрезентации концепта «страх» в русском языке / И.А.Вотякова, Л.Ф.Килина. Русистика и современность. Старые вопросы, новые ответы. - Katowice, 2017. - С. 341-354.
- Вотякова И.А.* Концепт "страх" в русском языке / Вестник Удмуртского университета. Сер. История и филология. Вып. 4. Ижевск, 2014. С. 179-184.
- Григорьева Н.С.* Словообразовательное и семантическое развитие корня *vѣt- в истории русского языка: автореф. дисс. канд. филол. н.: 10.02.01. / Н.С. Григорьева. Самара, 2013. 19 с.
- Кубрякова Е.С.* Образы мира в сознании человека и словообразовательные категории как их составляющие / Известия АН. Серия литературы и языка. Т. 65. № 2. Москва, 2006. С. 3–13.
- Миниярова И.М.* Когнитивный анализ словообразовательных гнезд / Вестник Башкирского университета. Т. 15. №3(1). Уфа, 2010. С. 984-986.
- Национальный корпус русского языка. [Электрон. ресурс] / Режим доступа: <https://ruscorpora.ru>.
- Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. [Электрон. ресурс] / М. Фасмер. Режим доступа: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/vasmer>.
- Черных П.Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. / П.Я. Черных. Т.2. Москва, 1999. 560 с.

Вьюнов Ю.А.
Высшая школа перевода (факультет)
МГУ имени М.В. Ломоносова
г. Москва (Россия)

Yunov Yuriy
Higher School of translation and interpretation
Lomonosov Moscow State University
Moscow (Russia)

**КОНЦЕПТ «РУССКАЯ СОБОРНОСТЬ» КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ
ФЕНОМЕН
THE CONCEPT OF THE 'RUSSIAN SOBORNOST' AS A SOCIOCULTURAL
PHENOMENA**

В статье в широком историческом контексте рассматривается смысл и содержание понятия «русская соборность», как социокультурного феномена. При этом подчеркивается, что русская соборность формировалась под влиянием как православно-христианских, так и этнических, природно-географических, политических, экономических, социокультурных и других факторов. В этой связи, смысл и содержание данного концепта рассматривается автором в контексте соответствующей концептосферы (в которую включены, помимо собственно «соборности», такие понятия, как «общинность» и «коллективизм»). Эти три ключевых понятия, по мнению автора, органично сплетены в тугий узел русской ментальности, дополняя друг друга и взаимодействуя.

В статье отмечается также, что утверждению соборности как идеи и своеобразной формы гражданства, способствовали не только внутренние факторы, но и внешние – прежде всего необходимость защиты границ огромного государства в условиях практически постоянной внешней агрессии.

В XX в., указывает автор, соборность, как характерная черта мироощущения русского человека, его ментальности, претерпела тяжелейшие испытания и с религиозной, и с общественно-политической, и с социокультурной точек зрения. Более того, исчезли некоторые факторы, ее питавшие (например, община). Тем не менее, как показывают многие исследования и сама общественная практика, соборность (в рассматриваемом контексте), остается неотъемлемой частью архетипа русского человека и поныне. Актуализация этого социокультурного феномена – залог успешного ответа на вызовы времени и эффективного развития российского общества на современном сложном этапе.

The article deals with the sense and the content of the notion of 'Russian sobornost' as a sociocultural phenomenon in a broad historical context. It is emphasized that 'Russian sobornost' was formed under the influence of many factors: orthodox christianity, ethnicity, nature, geography, politics, economics, sociocultural phenomena and etc. Within this framework the author considers the meaning and the content of 'sobornost' in the concept of the appropriate concept sphere (which includes besides 'sobornost' such notions as 'community' and 'collectivism'.) According to the author, these three key notions complement and cooperate with one another in an organically coupled tight knot of Russian mentality.

It is also noted that the foundation of 'sobornost' as an idea and a peculiar form of citizenship were contributing not only to the internal factors, but external as well. First of all, there was the necessity to protect the boarders of the enormous country under almost constant external aggression.

The author notes that in the 20th century 'sobornost' was a characteristic feature of the Russian person's attitude and his mentality. 'Sobornost' has undergone through heavy experiences from religious, sociopolitical and sociocultural points of view. Moreover, some factors maintaining this phenomena disappeared, as exemplified by 'community'. However, as

proven by extensive research, 'sobornost', within the studied context, is nowadays an integral part of the archetype of the Russian person.

The mainstreaming of this sociocultural phenomena is a guarantee to the successful response of the time challenges and effective development of the Russian society on a modern complex level.

Ключевые слова: православие, соборность, общинность, коллективизм, ментальность, архетип, социокультурный феномен.

Key words: sobornost, orthodoxy, communality, collectivism, mentality, archetype, sociocultural phenomena.

*«...Русское мировоззрение содержит в себе
ярко выраженную философию «Мы»...»
С.Л.Франк, русский философ.*

*«Истинный защитник России – это история;
ею в течение... столетий неустанно разрешаются в
пользу России все испытания, которым подвергает
она свою таинственную судьбу».
Ф.И.Тютчев, русский дипломат и поэт.*

В современной России, в сложных внутренних условиях и обострившейся геополитической ситуации, осознание сути и содержания базовых духовных ценностей русского народа, сформировавшихся в прошлом, приобретает большое значение для прогресса российского общества, сохранения его единства и консолидации, интеграции в мировое сообщество государств. Не случайно, поэтому, появление в последние годы большого числа публикаций, в том числе в средствах массовой информации, связанных с русским культурным архетипом, русской духовной культурой и ментальностью.

Национальное самосознание представляет собой целый комплекс принципов, черт, взглядов, традиций и ориентиров, составляющих духовные ценности того или иного народа, его национальный облик, его культурный код. Приведем в этой связи слова видного русского философа-интуитивиста Н.О.Лосского (1870-1965) о русском народе: «Пытаясь дать характеристику русских людей, приходится говорить, конечно, о тех общих свойствах, которые чаще всего встречаются у русских и потому выразились в общих понятиях» (Лосский Н.О. 1991. С.238). Именно к числу таких общих свойств и понятий можно отнести русскую соборность, которая составляет одну из важных черт русского культурного архетипа, его своеобразие (по мнению некоторых исследователей, даже основу русской цивилизации).

Концепция соборности была всесторонне развита прежде всего в русской религиозно-философской мысли (А.С.Хомяков, Вл.Соловьев, Н.Ф.Федоров, Е.Н.Трубецкой, И.В.Киреевский, П.А.Флоренский, С.Н.Булгаков, Н.А.Бердяев и др.). В России середины XIX в. понятие соборности было одним из ключевых для славянофилов. При этом они подчеркивали, что соборность может быть понята и

усвоена только теми, кто является членами православных общин, а для «чуждых и непризванных» она недоступна. Интересно, что эта мысль вполне коррелируется с идеями О.Шпенглера о душе культуры, проникнуть внутрь которой, по мнению философа, может только тот, кто вполне принадлежит этой культуре.

Русская соборность формировалась под влиянием как православно-христианских, так и этнических, природно-климатических, географических, политических, социально-экономических и других факторов. Поэтому смысл и содержание данного концепта будет рассматриваться нами в контексте соответствующей концептосферы (которую составляют, помимо соборности, такие понятия, как общинность и коллективизм), а также отношений концептов между собой. И еще одно предварительное замечание: в статье анализируются истоки, смысл и содержание русской соборности, главным образом, с культурологических позиций.

Несомненно, соборность, как типично русская черта, органичная часть русского национального самосознания, имеет своим истоком православие. Однако зародилась она в Древней Руси еще раньше, её корни восходят еще к восточнославянской общине – миру (или верви) и знаменитому русскому вече (вечевым сходам), о которых речь пойдет ниже. «Таинство рассматриваемой категории, генетически происходящей от общины и православия... в синтезе веры, мысли и действия...», - отмечает руководитель Ассоциации по комплексному изучению русской нации проф. Е.С.Троицкий (Троицкий Е.С. 1994. С.283).

В принципе, соборность – один из основных признаков христианской церкви, отражающий её самопонимание, как всеобщей и универсальной. Впервые упоминание о соборности появляется в Новом Завете как «вера во единую, святую соборную и апостольскую церковь». И в этом, сугубо религиозном смысле, соборность, в большей или меньшей степени, – атрибут сознания всех христианских народов, универсальная духовная ценность. У русского народа, в силу исторических причин, она стала, типичной чертой мироощущения и важной духовной ценностью. В ней многие отечественные мыслители видели не только определяющий фактор развития, но и источник энергии Руси, её культуры, опору русской государственности. По-сути православие и историческая практика превратили русскую соборность в своеобразную форму гражданства. Этому способствовала и византийская традиция «соединения царства и священства», унаследованная и развитая Русью. В результате соборность как духовная категория, вышла в России далеко за пределы понятия «собор» (храм) и органично соединилась с такими понятиями как державность, государственность, народность и патриотизм, мир и согласие между людьми. Так, согласно словарю

В.И.Даль, «собор, собрание, заседание чинов от земли или от духовенства, для совета и решения важных дел». «Соборно..., вообще, сообща, общими силами, содействием, согласиём» (В.И.Даль. М., 1980. с. 142)

Можно сказать, что в ходе становления русского этноса национальные и религиозные начала тесно сплелись в тугой узел русской ментальности. Как отмечал русский философ Н.А.Бердяев, «русская история явила исключительное зрелище – полнейшую национализацию церкви» (Бердяев Н.А. 2004. С.10). Соборное единение в духе православной традиции получило яркое выражение в изобразительном искусстве. Например, в одном из самых знаменитых произведений русского живописного искусства, иконе А.Рублева «Троица», которая была создана «дабы воззрением на «Святую Троицу» побеждался страх ненавистной розни мира сего». Эта мысль преподобного Сергия Радонежского - великого подвижника русской земли - стала жизненным императивом для Руси на все времена.

Православная церковь, вплоть до начала XX в., играла в России исключительно важную роль в жизни народа, а понятия «русский» и «православный» были неразделимы и тождественны, означая одно – принадлежность к русской православной культуре. Вместе с тем, православным мог стать человек и любой другой национальности, принявший крещение и следовательно христианско-православное мировоззрение и бытие. Нередко эти люди оставляли заметный след в отечественной истории и культуре. Таким образом, можно сказать, что гражданская общность в дореволюционной России формировалась не только по национальному признаку, но и на основе принадлежности к православию, отношению к православному государству. Во главе же государства мог стоять только православный монарх, венчанный на царство по православной традиции. В законах российской империи при этом подчёркивалось: «Повиноваться ему не только за страх, но и за совесть сам Бог повелевает».

Один из лидеров славянофильства – А.С.Хомяков рассматривал соборность как специфическое достояние православной традиции, как совокупный разум церковного народа, в отличие от религиозного индивидуализма протестантизма и авторитаризма в римско-католической церкви. Русская соборность, согласно взглядам Хомякова, есть общий принцип устройства бытия, характеризующий множество, собранное силой любви «в свободное и органичное единство» и направленное на поиски совместного коллективного пути к спасению, своего рода «неформальный церковный коллективизм, общинность» (Хомяков А.С. 1992. С. 52). Примечательной представляется также мысль Хомякова о том, что славянские просветители Кирилл и Мефодий для перевода

греческого слова «кафолическая» (вселенская, всеобщая), избрали для определения «Церкви Христовой» именно слово «соборная». Н.Лосский, уже в XX в., также писал, что надо решительно отказаться от простого отождествления понятий «соборный» и «всеобщий». Здесь следует заметить, что слово «соборность», как принято считать, происходит от слова «собор». Однако, прежде чем в истории церкви появились первые Соборы, она уже была соборной, по сути своей. Наоборот, церковные Соборы, по мнению некоторых исследователей, являются выражением соборности Церкви.

Понятие соборности было затем воспринято и развито русской религиозной философией конца XIX-начала XX вв. «Соборность, - писал, например, Н.А.Бердяев, - есть Русская идея». Идея соборности, по его мнению, «и есть русская коммунитарность, общинность, хоровое начало, единство любви и свободы, не имеющие никаких внешних гарантий». Одновременно философ отмечал, что нужно различать понятия «соборность» и «коллективизм». «Мы», в соборности, - писал он, - не есть коллектив. Коллективизм не соборность, а сборность» (Бердяев Н.А. 1990. С.134-135).

Большой интерес представляет мнение Л.Н.Толстого о русской соборности, как понятии и явлении русской жизни. Сойтись по-настоящему, - утверждал писатель, - могут люди только в Боге. Для того, чтобы людям сойтись, им не нужно идти навстречу друг другу, а нужно всем идти к Богу. Типичный образ соборного человека – Платона Каратаева – создал Толстой в романе «Война и мир». Писатель так говорит о своем герое: «Жизнь его, как он сам смотрел на неё, не имела смысла как отдельная жизнь. Она имела смысл как частица целого, которое он постоянно чувствовал». Православная соборность не предполагает «личного» счастья, во всяком случае, в том смысле, как его понимают в секулярном обществе. Ибо, быть вполне счастливым одному человеку нельзя – счастье, в благе общего дела.

Итак, русская душа, разумеется, в высших своих проявлениях, тождественна православию. Но, она впитала в себя и другие истоки. Здесь важно вернуться к проблеме общины (общинности) и ее роли в русской жизни, главным образом, в контексте соборности. «Русскую соборность связывали не только с церковной идеей, но и с национальными формами социально-производственной деятельности русских – с крестьянской общиной, с артелью и т.д., то есть с коллективным трудом» (Россия. М., 2007.С.518). Русская территориальная община, являлась важнейшим элементом общественного устройства России с древнейших времен и просуществовала вплоть до коллективизации рубежа 30-х годов XX в. Она органично сочетала в себе два важнейших начала: хозяйственное (главный организатор земледельческого труда) и

духовно-нравственное, формировавшее у членов общины такие качества, как коллективизм, готовность прийти на помощь и встать на защиту общих интересов, справедливость и патриотизм. Большую роль она играла и в передаче знаний, традиций, социального опыта поколений, молодежи. «Человек принадлежал миру, мир ему» - писал И.В.Киреевский. (Киреевский И.В., «В ответ А.С.Хомякову». 1992. С. 69). Как ни парадоксальным и странным покажется на первый взгляд, но даже крепостное право, с его «круговой порукой», где «каждый за всех, все за одного», приучало крестьян к равной ответственности за несение государственных повинностей и тягот.

Славянофилы утверждали, что русская община является лучшей формой социальной организации жизни и даже требовали сделать общинный принцип всеобщим, то есть перенести его в область городской жизни. «Общинным сознанием в прошлом были глубоко затронуты все социальные слои, что нашло свое отражение в программных установках разных идейных направлений и политических партий, в художественной литературе, науке, народных выступлениях»... (Данилова Л.В. 1994. с.60). Более того, оно «надолго пережило само общинное бытие...», оставаясь и после ликвидации общины важной составной частью советского образа жизни. В модифицированном виде общинный архетип, общинное сознание живы в нашем обществе и поныне» (Там же). Отметим, что по проблеме русской общины и общинности, в науке и публицистике, до сих пор идет острая полемика. Однако, ясно одно: рассматриваемый социокультурный фактор несомненно оказал значительное влияние на формирование русской ментальности, в том числе, в контексте соборности. Ф.М. Достоевский, много внимания уделявший этой теме, так говорил о соборности : «чисто русское слово, картинка».

В тесной непосредственной связи с соборностью и общинностью находится и такое свойство русской национальной жизни, национального характера, как коллективизм. Эти три понятия, на наш взгляд, органично сплетены в тугой узел русской ментальности, взаимодействуя и дополняя друг друга. Коллективизм, как характерная и яркая национальная черта, также формировалась исторически, став важным социокультурным компонентом русского архетипа. В его основе – установка массового сознания на идею: « все за одного - один за всех». Многие народные пословицы и поговорки отражают коллективистское сознание русского народа, его мироощущение («один в поле не воин», «доброе братство дороже богатства», «что одному не под силу, то легко коллективу», «в тесноте, да не в обиде», «собором и черта поборем», «на миру и смерть красна», «будете друг за дружку держаться – можете ничего не бояться» и др.). Это важное качество русских, о чем сказано выше, уходящее

своими корнями в далекое прошлое народа, конечно, видоизменялось, под влиянием разных факторов в разные исторические эпохи. В советское время оно являлось важнейшей частью официальной идеологии, приняв всеобъемлющий и гипертрофированный характер. Но суть его, как «принципа общности, коллективного начала в общественной жизни и деятельности людей» (С.И.Ожегов. М., 1990. С.284), оставалась неизменной.

В современной России это свойство подверглось серьезной деформации. С распадом СССР, ликвидацией советской власти, разрушением госструктур, крушением коммунистической идеологии, люди оказались разобщены, предоставлены сами себе. В условиях рыночной экономики, либерально-индивидуалистическая идеология стремится вытеснить из сознания людей коллективистское сознание. В обществе, под влиянием новых реалий, стали распространяться индивидуализм, эгоизм, социальная апатия и равнодушие, рваться социокультурные связи. В результате часть общества восприняла псевдолиберальные ценности как наиболее приемлемые и актуальные в современных условиях, для реализации личных проектов и личных интересов.

Тем не менее, и сегодня, в условиях абсолютно новой парадигмы развития, доминирующей чертой общественного сознания, остается коллективизм, который, естественно, и сам развивается, приобретает новые черты и формы. Можно, например, с полным основанием констатировать, что объединительные идеи являются одним из основных трендов современной общественно-политической жизни. Пожалуй, наиболее ярко единение россиян, их сопричастность к общегосударственному делу, уважение к памяти предков, победивших германский фашизм в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг., проявились в беспрецедентной патриотической акции «Бессмертный полк». Миллионы людей по всей стране, по велению своего сердца, а не по чьему-либо указу, принимают в ней активное и самое искреннее участие. Президент РФ В.В.Путин в феврале 2018 г., на встрече с участниками форума «Наставник», справедливо отметил, что коллективизм, «который присущ русскому народу и который присутствует в сердце, в душе, является одним из его конкурентных преимуществ» (интернет-ресурс, news.sputnik.ru). Свою способность к мобилизации и консолидации в условиях сложных внутренних проблем, сильнейшего внешнего давления и обострения международной обстановки, российское общество убедительно продемонстрировало и своей реакцией на возвращение Крыма в Россию. В этой связи появился даже новый политологический термин - «посткрымский консенсус». Можно было бы и дальше продолжить эти примеры из разных сфер общественного бытия.

Таким образом, вопрос о том, что важнее и перспективней для современной России - интересы общества или интересы личности – вопрос не отвлеченный, академический, а имеющий большое практическое значение, в общем контексте развития российской цивилизации на современном сложном этапе. Представляет интерес в этой связи мысль И.В.Киреевского, который писал в ответ А.С.Хомякову: «вопрос – который из двух элементов исключительно полезен теперь?»... предложен неправильно. Не в том дело, который из двух, но в том, какое *оба* они должны получить направление, чтобы действовать благодетельно (подчеркнуто – Ю.В.). Чего от взаимного их действия должны мы надеяться или чего бояться?» (Киреевский И.В. 1992. С.66). Думается такой поход к проблеме является и сегодня актуальным, и верным.

Утверждению соборности как идеи, выражающей внутреннее единство русского народа, единство его духа («все во всём») способствовали не только внутренние факторы (этнические, исторические, духовные, социокультурные, общественно-политические и др.), но и внешние – прежде всего необходимость защиты границ огромного государства в условиях практически постоянной внешней агрессии. Достаточно вспомнить борьбу против татаро-монгольского нашествия, длившуюся два с половиной века, народное ополчение К.Минина и Д.Пожарского, освободившего Москву от польских интервентов в начале ХУ11 в., борьбу против наполеоновской (1812 г.) и немецко-фашистской агрессии (1941-1945гг.), эпоху «холодной войны» и др. Да, и сегодня, как известно, на Российскую Федерацию оказывается большое, и все возрастающее, давление со стороны так называемого «коллективного Запада». Все это вызывало насущную необходимость мобилизации сил народа, его единения и консолидации на всем протяжении отечественной истории..

Следует подчеркнуть также, что обширность российских пространств (10 часовых поясов и более 10 тыс. км., с запада на восток) предопределила необходимость огромных усилий народа, единство его воли и устремлений по организации и освоению этих пространств, созданию огромной индустриальной сверхдержавы. По существу получилось так, что внешняя деятельность русского человека, на всем протяжении исторического пути, была полностью подчинена общему государственному интересу. Иначе нация просто не смогла бы состояться, не смогла бы стать суперэтносом, вобравшим в себя другие народы.

Помимо названных и других объективных факторов, консолидирующую роль на протяжении всей русской истории играли также различные идеологические теории и доктрины, формировавшие общественное сознание. В Московской Руси – это доктрина

«Москва-третий Рим», в России XIX - начала XX вв. - теория официальной народности: «Самодержавие, православие, народность», а в советский период – идейные установки, направленные на создание новой исторической общности людей – советский народ, принципы пролетарского социалистического, интернационализма, концепция социалистического реализма в развитии литературы и советской культуры, создание единого народнохозяйственного комплекса и многое другое. Причем, в этом последнем случае, как видим, речь идет по сути о некоей «соборной общности» уже не только русских, но и всех народов, живших в СССР. Известный богослов и историк Г.В.Флоровский даже видел в российском социализме «подсознательную и заблудившуюся жажду соборности» (Г.В.Флоровский. М., 1990, с. 339)

Здесь нельзя не сказать и о русской творческой интеллигенции, оказавшейся в результате Гражданской войны за границей, в эмиграции. Русский мир тогда оказался расколотым. Тем не менее, и за пределами родины русское зарубежье, хотя и творившее вне контекста советской художественной культуры, оставалось неотъемлемой частью отечественной культурной жизни. Дело в том, что русское зарубежье в целом, как социокультурный феномен, ощущало себя наследником и хранителем исконно русских национальных традиций, духовных ценностей русского народа. И в его среде, в те годы, было создано немало значительных художественных произведений, которыми может гордиться отечественная культура и которые стали органичной ее частью.

В XX в. соборность, как характерная черта мироощущения русского человека, его ментальности, претерпела тяжелейшие испытания и с религиозной, и с общественно-политической, и с социокультурной точек зрения. На первый взгляд может даже показаться, что она совершенно исчезла, стерта в его сознании, в результате трагических катаклизмов этого века. В том числе, конечно, в итоге разрушения сельской общины в процессе «сплошной коллективизации» на рубеже 30-х гг. и беспрецедентных гонений на Русскую православную церковь в советское время. Да и сама церковь после революционных событий октября 1917 г. оказалась расколотой – в эмиграции возникла тогда Русская зарубежная церковь, воссоединение которой с Московской патриархией произошло лишь сравнительно недавно.

Но, это только на первый, поверхностный взгляд. Как показывают многие исследования, соборность (и, как уже отмечено, коллективизм), являясь неотъемлемой частью архетипа русского человека, живет в глубине его души и поныне. Как справедливо отмечают некоторые эксперты, «никакой режим не может изменить корневую систему нации», ее архетипические начала, иначе это не нация. Просто нация

проходит через общественные катаклизмы, «прорастая через них» и возрождая то положительное, что позволяет сохранить свою идентичность, свою самобытную культуру, обеспечивает дальнейшее развитие. И никакой государственный строй не сообщит, сам по себе, человеку ни любви, ни добродетели, ни чувства ответственности и долга, ни честности, ни благополучия, - писал, например, известный русский политолог и философ первой половины XX в. И.А. Ильин. «Ибо истинное обновление идет не от внешнего внутрь, не от формы к содержанию, не от видимости к существу, а обратно. Все великое и священное, - утверждал он, - идет изнутри» (Ильин И.А. 1992. С.40-41). Ту же мысль высказывал и Н.А.Бердяев, говоря об абсолютном духе России, «в котором все должно идти от внутреннего, а не внешнего». При этом, добавляет: «В него можно только верить, его доказать нельзя» (Бердяев Н.А. 1992. С.312)

Конечно, как отмечено выше, многие факторы (в том числе, сельская община), питавшие соборность исчезли, но остались и те, которые являются постоянно действующими на всем историческом пути. Прежде всего, такие как: православие, историческая память народа и его исторический опыт, социокультурные традиции и обычаи, передающиеся от поколения к поколению, многонациональный и многоконфессиональный характер России и др.. И, разумеется, русский язык – хранитель соборного начала. Как здесь не вспомнить знаменитые строчки И.С.Тургенева: «Во дни сомнений, во дни тягостных раздумий о судьбах моей родины, - ты один мне поддержка и опора, о великий, могучий, правдивый и свободный русский язык!». И далее подчеркивает: « Но нельзя верить, чтобы такой язык не был дан великому народу!». Однако, эта важная и интересная проблема – предмет особого научного исследования. Здесь же подчеркнем, что соборность как характерная архетипическая черта и цивилизационная ценность, на языковом уровне, проявляется в самых разных сферах народного бытия. В обычной повседневной жизни, например, в частом употреблении местоимении «Мы», «Наши». Эта принципиальная мысль, отражающая свойство русского национального мировоззрения, не случайно вынесена в качестве эпиграфа к данной статье,

К числу постоянно действующих относятся и внешние факторы, в которых осуществляется историческая деятельность народа. Прежде всего – это необходимость защиты границ огромного государства (о чем уже говорилось ранее), а также защита и освоение природных ресурсов, обустройство обширной территории в разнообразных (порой очень трудных) природно-климатических, географических (включая освоение российской части Арктики) и геополитических условиях, на новом сложном этапе нашего цивилизационного развития.

Сегодня в обществе приходит понимание того непреложного факта, что для успешного развития, консолидации общества, необходимо возвращение к национальным корням. Конечно, не в вульгарном, упрощенно-националистическом или ура-патриотическом смысле, а к лучшим качествам и традициям народа, в числе которых и рассматриваемая нами духовная категория. В октябре 2010 г., кинорежиссер и президент Российского фонда культуры Н. Михалков представил руководству страны и общественности политический документ под названием «Право и правда. Манифест просвещенного консерватизма», в котором автор размышляет о проблемах современной России и предлагает свое видение их решения. В нем он, в частности, призывает россиян не разрушать традиции, а сохранять и развивать их. «Мы убеждены: перестав делить прошлое, мы обретем настоящее и гарантируем будущее» (mikhalkov – ns... manifest... konservatizma). Манифест вызвал неоднозначную реакцию в обществе: от безусловно одобрительных оценок, до резко критических. Однако, главное состоит в том, что Манифест получил широкий отклик в обществе, стимулировал открытую и заинтересованную, порой очень бурную, дискуссию в СМИ и Интернете о судьбах России и, прежде всего, по проблеме единства российского общества, общезначимой системе целей и духовных ценностей. Обратим внимание и на такой важный шаг как создание в 2007 г. фонда «Русский мир» и журнала с аналогичным названием, которые позиционируют Русский мир, включая в это понятие «примирение, согласие, лад», а также «общину, общность, социальную и культурную гармонию».

В современных трудных условиях реформирования страны созидательный потенциал, заключенный в идеалах соборности, может сыграть важную консолидирующую роль в решении сложнейших задач возрождения страны. Как писал, еще А.С. Хомяков в статье «О старом и новом», «настало для нас время понимать, что человек достигает своей нравственной цели только в обществе, где силы каждого принадлежат всем и силы всех каждому» (Хомяков А.С. 1992. С.63). В данном контексте уместно вспомнить и мысли Ф.М. Достоевского, об органическом сочетании единого и всеобщего, индивидуального и коллективного. Соборное единство, согласно Достоевскому, предполагает принятие личностями, его составляющими, общих высших духовных ценностей. При этом должны сохраняться неповторимые индивидуальные черты каждого отдельного человека. «Достоевский с поразительной пронизательностью формулировал совершенно парадоксальный принцип христианской этики, - пишет, в этой связи, Б.П. Вышеславцев, - индивидуум и всеобщность равноценны» (Вышеславцев Б.П. М., 1990, с. 404

Здесь следует сказать и о роли православной церкви в современной России.. Сегодня Церковь - хранительница соборного духа на протяжении всего исторического пути народа, возрождается, растет интерес людей к религии, ее духовным ценностям и роли в отечественной культуре. Более того, многие связывают с ней и возрождение России в сложных постсоветских условиях. По оценкам многих экспертов в рейтинге доверия населения к властным структурам и общественным институтам церковь, в последние годы, неизменно занимает одно из ведущих мест. Именно под влиянием русской православной церкви сформировалась идентичность русского народа и сама российская государственность. На разных исторических этапах она по-разному выполняла эту миссию, но всегда в большей или меньшей степени, влияла на эти процессы. Именно православие на протяжении всей истории Руси, России последовательно исповедует как одну из важнейших духовную ценность Отечества, и именно оно стало, по сути, тем идейным и духовным фактором, который в историческом контексте можно без преувеличения назвать государственно-образующим. В.В.Путин в 2012 г. отмечал: «Страна наша, переживая непростые, турбулентные процессы с момента развала Советского Союза, не могла (и страна, и каждый конкретный человек) опираться морально ни на что другое, кроме как на религиозные ценности»... «И церковные организации, Русская Православная Церковь, традиционные конфессии, да и другие религиозные организации сыграли очень большую положительную роль в возрождении нашей страны, и, что самое главное, в том, что люди наши, граждане РФ, приобрели какую – то моральную, нравственную основу, почву под ногами, что чрезвычайно важно для стабильности общества, для будущего государства и для каждого конкретного человека» (simvol-veri.ru/...putin-golos-cerkvi...).

Возрождение православных традиций, заветов предков, патриотизма и заботы об укреплении российской государственности, не может не быть плодотворным и полезным в современной России. В этой связи ещё раз заметим, что социальная соборность не есть что-то внешнее, по отношению к православию, а является его продолжением в сфере гражданской, общественной, жизни.

Таким образом. Церковь в России хоть и отделена от государства, но, как отмечает глава РПЦ Патриарх Кирилл, не отделена от общества, его насущных проблем и задач. При этом высшие иерархи Русской православной церкви подчеркивают, что только политико-экономических средств и хороших законов недостаточно для решения стоящих перед страной задач. Без фундаментальной трансформации самого общества, без идеи, сплачивающей людей, государство

бессильно и обречено отставать от общественных запросов и интересов, также как и обречено осуществление, заявленной властью стратегии модернизации. Поэтому, считает руководство РПЦ, так важно вернуться к истокам национальной культуры, базовым ценностям народа, включая и идеалы соборности.

На своём многотрудном пути Россия не раз переживала смутные времена и даже катастрофы, после которых казалось, что она погибла и никогда более не возродится. Тем не менее, всякий раз она не просто возрождалась, демонстрируя поразительную способность преодолевать невероятные трудности, свои проблемы, недостатки и слабости, но и становилась еще более сильной. Истоком этого всегда были: богатейший исторический опыт и традиции русского народа, среди которых и его соборный дух, его огромный интеллектуальный и духовный потенциал, единение с другими народами страны, то есть те объективные факторы, которые обеспечивали России не только историческое выживание, но и развитие, достижение выдающихся результатов во многих сферах общественной жизни. Востребование и актуализация этих факторов в новых условиях – залог успешного ответа на вызовы времени и эффективного развития российского общества на современном сложном этапе.

Список литературы:

- Лосский Н.О. «Условия абсолютного добра. Характер русского человека». М., 1991, с. 238.
- Троицкий Е. О русской идее. Очерк теории возрождения нации. М., 199, с.283
- Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т.4. М., «Русский язык» . 1980, с.142
- Бердяев Н.А. Судьба России. М., Изд. «АСТ». 2004, с. 10
- Бердяев Н.А. Философия неравенства. М., 1990, с. 134-135
- Хомяков А.С. О старом и новом. Русская идея. Изд. Республика. М., 1992, с.52
- Россия. Большой лингвострановедческий словарь. М., 2007, с. 518.
- Киреевский И.В. В ответ А.С.Хомякову. 1992, с. 69
- Данилова Л.В. Сельская община в средневековой Руси. М., Наука. 1994, с.60
- Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1990, с.284.
- Путин В.В. news.sputnik.ru.
- Киреевский И.В. 1992, с.66.
- Флоровский Г.В. Философы русского послеоктябрьского зарубежья. М., 1990, с. 339
- Ильин И.А. Наши задачи. Историческая судьба и будущее России. Статьи 1948-1954 гг. В 2-х т. М., 1992. Т.2. 40-41.
- Бердяев Н.А. Душа России. Русская идея. Изд. Республика. М., 1992, с.312
- Михалков Н.С. «Право и правда. Манифест просвещённого консерватизма» 2010. Интернет-ресурс: [www.russia.km.ru/.../mikhalkov – ns... manifest... konservatizma](http://www.russia.km.ru/.../mikhalkov-n.s.manifest-konservatizma)
- Хомяков А.С. О старом и новом. Русская идея. Изд. Республика. 1992, с.63
- Вышеславцев Б.П. Достоевский о любви и бессмертии.//О Достоевском. Творчество Достоевского в русской мысли 1881-1931 годов. М., Книга. 1990, с.404
- Путин В.В. Интернет-ресурс: [simvol-veri.ru/.../putin-golos-cerkvi....](http://simvol-veri.ru/.../putin-golos-cerkvi...)

Гасанова Сеадет Гусу гызы
Институт образования Азербайджанской Республики
г. Баку (Азербайджан)

Hasanova Seadet Husu
Leading Researcher Institute of Education of the Republic of Azerbaijan
Baku (Azerbaijan)

ПУТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ТРАДИЦИЙ С ОПОРОЙ НА ПРИМЕР РОДИТЕЛЕЙ И УЧИТЕЛЕЙ

WAYS OF USE WITH THE SUPPORT OF NATIONAL TRADITIONS EG PARENTS AND TEACHERS

В статье говорится о том, что на сегодняшний день воспитание человека определено законами общества как первоочередная задача.

Отмечается, что пример играет важную роль в воспитании в духе национальных традиций. Учителям и родителям отводится важная роль в этом деле. Народный учитель является «архитектором» духовного мира ребенка. Первые уроки нравственности, национальные обычаи и традиции ребенок получает и видит в семье. Поэтому высокие нравственные качества родителей и учителей оказывают большое воспитательное воздействие.

Именно благодаря такой работе молодежь, приняв эстафету от старшего поколения, с достоинством несет ее, с честью продолжая путь отцов.

The article says that today education is determined by the laws of human society as a priority. It is noted that the sample plays an important role in education in the spirit of national traditions. Teachers and parents have an important role in this matter. National Teacher is the "architect" of the spiritual world of the child. The first lessons of morality, national customs and traditions, and the child receives the family sees. Therefore, the high moral qualities of the parents and teachers have a great educational effect.

It is thanks to this kind of work young people, taking over from the older generation, it carries with dignity, with honor fathers went on their way.

Ключевые слова: национальные традиции, личные качества, воспитание, духовное богатство, пример взрослых.

Keywords: national traditions, personal qualities, education, spiritual wealth, the example of adults.

На сегодняшний день воспитание человека определено законами общества как первоочередная задача.

Благодаря каждодневной заботе о благе народа воспитание человека духовно богатого, обладающего нравственной чистотой и физическим совершенством, выходит на первый план. Именно благодаря такой работе молодежь, приняв эстафету от старшего поколения, с достоинством несет ее, с честью продолжая путь отцов.

Известно, что личные качества учителя, его пример являются важным фактором воспитания учащихся в духе национальных традиций. В настоящее время мы мало обращаемся к наследию восточных мыслителей, их высказываниям о роли учителя.

Хотя еще Хагани, Низами, Насими, Физули, Амир Хосров Дехлеви, А.Тебризи, Ахведи, Наваи, Н.Туси и другие высоко оценивали роль учителя. Восточные покорители Чингизхан, Баты хан, Эмир Теймур, Баязид, шах Исмаил Хатаи и другие также высоко ценили труд учителя. Покоритель Востока Эмир Теймур, или Теймур Великолепный, прославившийся в истории как «кровавый палач», также не был чужд человеческих чувств. Возвращаясь с походов, он в первую очередь навещал могилу своего отца, похороненного у изножья своего учителя, великого тюркского полководца Сеида Береке. Очень поучительна дошедшая до наших времен история, произошедшая с его визирем и говорящая о высоком уважении к учителю. В легенде говорится о том, что Эмир Теймур казнил всякого, кто опаздывал на какое-либо мероприятие и благодаря этому добился железной дисциплины. Однажды на важное мероприятие опаздывает сам визирь и на вопрос о причинах опоздания он говорит, что, когда шел сюда, то оказался в дороге впереди своего учителя, то есть спиной к нему. А так как это является признаком неуважения к учителю, то он был вынужден помедлить шаг, чтобы учитель обошел его. И в результате он опоздал. Эмир Теймур похвалил его за такое поведение в отношении учителя и отменил казнь.

Личность учителя, его пример являются важным и незаменимым фактором, влияющим на воспитание школьников в национальном духе.

Стоит также отметить, что трудящиеся массы осознали трудность работы по воспитанию детей, ведь ребенок как «белый лист», который светится теми красками, которые на него нанесешь. Главное условие воспитания – это выбор правильных путей, методов воздействия и способов формирования детской личности. Народная мудрость гласит: «Дело мастера боится», «Мастеру свой секрет все ворота открывает». Значит, как и любая деятельность, воспитание тоже имеет свои правила, методы и способы. А чтобы правильно воспитать ребенка, надо быть «мастером своего дела».

Одним из широко используемых методов воспитания является пример. Дети в силу возраста, будучи очень чувствительными и малоопытными, постоянно имитируют поведение и действия окружающих (родителей, воспитателей, учителей и т.д.), берут с них пример. Если ребенок становится свидетелем того, как взрослые, приходя с работы, здороваются друг с другом, то они перенимают этот пример. И если вначале приветствие ребенка носит отражательный характер, то впоследствии он начинает понимать, что это не просто приветствие, а еще и знак уважения к взрослым и это становится для него осознанной традицией.

Неряшливому ребенку обычно в пример приводят детей аккуратных, собранных, дисциплинированных. И такие примеры часто возымеют действие. Недаром наши

бабушки и дедушки уподобляли людей зеркалу, отражающему положительные и отрицательные качества людей. Это нашло свое отражение в пословицах и поговорках: «Каждая трава растет на своем корне», «Привычка, вошедшая в характер с молоком, выйдет вместе с душой», «У хорошего человека и товарищ хорош» и др.

Действительно, чтобы стать вежливым, послушным и дружелюбным, надо общаться и дружить с образованными, вежливыми, дружелюбными людьми.

Известно, что пример, особенно взрослых, является очень действенным средством в формировании сознания школьников. Древнеримский философ Сенека писал, что воспитывать увещаниями тяжело, а воспитывать примерами легче. В процессе воспитания пример заменяет наглядность. Ни одно слово не может создать такое действенное представление о хорошем и плохом, как наглядный пример. Психологическую основу воспитания на примере составляют желание ребенка быть похожим на взрослых, все делать так, как взрослые. Обладающие еще недостаточным запасом знаний и представлений об окружающем мире, дети с большим интересом смотрят на взрослых, стараются походить на них, перенимая их манеры поведения и общения.

Один из знаменитых педагогов писал, что дети учатся имитировать раньше, чем научатся познавать. При этом важно использовать примеры из жизни и истории, так как они более близки детям и оказывают на них очень мощное воздействие. На сознательность детей и их поведение оказывают влияние не только образы окружающих их людей, но и примеры исторических личностей, влияние которых на воспитание огромно. Велико значение также и примера известных и прославленных людей, героев художественных произведений и кинофильмов, оказывающих глубокое эмоциональное воздействие.

Приемлемые и понятные и взрослым, и детям примеры определяют воспитательный процесс, оживляя его и делая конкретным. Школьники на примере нравственных поступков и правил учатся доверять. Но нравственные примеры окружающих воздействуют не только на сознание и чувства детей, но и пускают глубокие корни в их умах. Для воспитания духовности у детей и подготовки их к предстоящей жизни необходимо приводить примеры достойных людей.

В наших пословицах и поговорках нашли отражение не только положительные, но и отрицательные примеры, которым не стоит следовать. Например, «У кого учился уму? – У безумного?», «У кого учился порядочности? – У непорядочного?» и т.п. Из этих поговорок вопросительного характера следует, что приведенным здесь примерам следовать нежелательно. В то же время, становясь свидетелем таких примеров в жизни,

ребенок должен понимать, что такое поведение ни к чему хорошему не приводит и в жизни лучше всего избегать людей, подающих такие примеры.

Но бывает так, что ребенок в силу своего возраста, малоопытности и внушаемости может подпасть под влияние отрицательных примеров. Поэтому задача взрослых максимально удалять детей от отрицательных примеров и воспитывать их на положительных примерах.

Положительный пример как средство воспитания, играло и играет неоценимую роль в этом процессе. С этой точки зрения очень показательна цитата из опубликованной статьи: «В прошлые времена мужчины уходили вместе с караванами в длительные шестимесячные, а то и годичные и двухгодичные поездки в дальние страны. Женщины клали им в дорогу различные сладости и, прощаясь, бросали вслед караванам ковш воды с приговором: «Езжайте с миром, возвращайтесь здоровыми и невредимыми!»».

Возвращавшихся из поездок встречали розовой водой, в честь этого совершались жертвоприношения.

Разве этот небольшой пример не пример долга и верности наших бабушек? Конечно, можно сказать, что в те далекие времена женщины были подневольными и покорными, однако ожидать своих мужей, заботиться о детях и хозяйстве, пока муж отсутствует, говорит о женском достоинстве и верности.

Вспомним таких отважных женщин, как Хаджар, Нигяр и Туту Бике, которые бок о бок воевали рядом со своими мужьями, вместе с ними делили тяготы войн и хранили им верность до конца жизни.

Разве мало женщин, которые с нетерпением ждут по вечерам с работы своих суженых, мужей? Что их заставляет это делать? Конечно же, их женское достоинство, верность и долг.

Естественно, что на духовность детей, растущих в таких семьях, это оказывает большое влияние. Они с детства впитывают все, что видели и слышали в семье положительного и в дальнейшем, создав свою семью, стараются и в ней создать такие же взаимоотношения.

Как видно из приведенного, с точки зрения примера личность родителей стоит на первом месте, так как именно в семье ребенок получает азы воспитания. Поэтому роль родителей в воспитании детей очень велика. Каким будет ребенок – активным, добрым, заботливым или наоборот, все это находится в зависимости от влияния семьи и примера родителей.

Все эти принципы воспитания нашли свое отражение в устном народном творчестве. Такие поговорки и пословицы, как «Дочь учится у матери», «Каждая трава растет на своем корне», «Сын - продолжатель дела отца» и др. указывают на роль матери в воспитании дочерей, а отцов в воспитании мальчиков. Хотя в средневековых трактатах, посвященных проблемам воспитания и роли родителей в этом процессе, главная роль воспитателя отводится отцу. О матери и ее роли вообще не говорилось или упоминалось вскользь. В народной педагогике роль и пример родителей в воспитании детей освещались более справедливо и достоверно.

Известно также, что процесс воспитания ребенка не ограничивается воспитанием родителей. С возрастом круг общения ребенка растет, а с ним растет и количество людей, с которыми он общается. Он учится на реальных примерах и на примерах из книг, читает, слушает и видит вокруг много примеров, как положительных, так и отрицательных. Влияние всего этого на личность ребенка велико. Ребенок начинает учиться у людей, его окружающих, у своих учителей, усваивая их положительные примеры, старается быть похожим на них.

В одной пословице говорится: «Человек становится человеком благодаря человеку». Как видно, здесь трижды было употреблено слово «человек». В первом случае имелся в виду ребенок, который нуждается в воспитании. Во втором случае имеется в виду мастер, учитель, человек, совершенный во всех отношениях: ребенок, воспитанный таким человеком, без сомнения переймет их самые лучшие качества и будет в жизни следовать нравственным принципам. То есть, воспитать добрых, отзывчивых, трудолюбивых детей с активной жизненной позицией может только тот, кто сам обладает этими качествами. Одним словом, воспитатель должен быть нравственно чистым и совершенным человеком, никогда не забывать, что ребенок учится на его примере. Если ребенок воспитан на отрицательных примерах, то ждать от него или требовать проявления положительных нравственных качеств, поступков и действий, естественно, неправомерно. Как говорят народные пословицы, «Если посеял овес, то пшеницу не пожнешь», или «Что посеял, то и пожнешь».

Подчеркивая в воспитании молодежи роль родителей и учителей, народная педагогика также призывает учиться у старших, прислушиваться к их мнению. Такие пословицы, как «Главное слово за старшим», «Младшие должны следовать указаниям старших» и другие призывают именно к этому. Именно по этой причине воспитанием большинства героев наших эпосов занимались специальные, умудренные жизненным опытом учителя – воспитатели (вспомним эпос «Шах Исмаил»).

В азербайджанских народных сказках герои также в затруднительных ситуациях обращались за советом к мудрейшим старейшинам и, следуя их советам и указаниям, выходили победителями.

Например, в «Сказке о Дашдамире» герой обращается к Мирза Мохсуну, в «Амирахмеде, сыне дровосека» - к старому слепцу, в «Пастухе Аллахверди» - к аксакалу, в сказке «Всадник на белом коне» - к старому садовнику, в сказке «Сирота Ибрагим» - к старику, то есть все это примеры того, что учиться нужно у старших.

Слушаться старших, следовать их советам делает молодежь более активной, заставляя стремиться к лучшей жизни. В этих же сказках наглядно показывается, что следуя советам мудрейших, можно многого добиться; а если же не следовать им, то можно потерять даже то, что имеешь. Пример тому сказки «Белая птица», «Три принца», эпосы «Асли и Керем», «Кёроглу», «Шах Исмаил» и другие.

Следовательно, нравственные качества людей, их доброжелательность, благородство могут стать примером для большинства людей.

Хороший пример является средством воспитания детей. Еще Н.Туси писал, что «детей необходимо держать подальше от людей, подающих плохой пример, так как дети очень восприимчивы к любым примерам».¹⁵⁶ [Агаев, 2005, с.94]

Пример играет также важную роль в воспитании в духе национальных традиций. Учителям и родителям отводится важная роль в этом деле. Народный учитель является «архитектором» духовного мира ребенка. Первые уроки нравственности, национальные обычаи и традиции ребенок получает и видит в семье. Поэтому высокие нравственные качества родителей и учителей оказывают большое воспитательное воздействие. Дети с большим удовольствием выполняют поручения уважаемых людей, стараются следовать их примерам.

Школе принадлежит одна из важнейших ролей в формировании детской личности. Выдающийся просветитель, педагог и поэт Мухаммед Таги Сидги, высоко оценивающий труд учителя, писал: «Что такое школа? Школа есть средство науки и просвещения. Школа это лекарство от невежества, школа обучает учтивости и вежливости, дает знания. Ученики, годами ходящие в школу и не получающие там

¹⁵⁶ Агаев И. Воспитание у детей культурных навыков и привычек. Баку, 2009.

знаний и умений, подобны слепцам, блуждающим в саду, полным цветов. Школа это тело, душой которого является учитель». ¹⁵⁷[Гаралов, 1 том, 2005]

Высоко оценивающий роль учителя в школе, М.Т. Сидги в то же время выдвигал серьезные требования перед учителями. Он считал, что учитель, в первую очередь, должен обладать глубокими знаниями; во – вторых, знать методы обучения и воспитания. Постановкой проблемы в таком виде он коснулся вопроса, кому же можно поручать воспитание ребенка.

В конце XIX - начале XX века М.А.Талыбов, касаясь в своих трудах проблемы воспитания, писал: «Ждать от необразованного учителя правильного воспитания и знаний, все равно, что требовать от кузнеца навыков часовщика». ¹⁵⁸[Гаралов, 1 том, 2005]

Следовательно, репутация учителя в первую очередь зависит от того, как он работает, от его профессионализма и уровня знаний, от того, как он общается с окружающими, как ведет себя в обществе. Репутация зависит от того, как учитель заботится о своих учениках, принимает ли близко к сердцу их проблемы, вызывает ли общение с ним у учеников положительные эмоции.

Ребенок по своей природе является реалистом. Он старается подойти к любому делу с правильной позиции, принимать происходящее как есть. В этом вопросе учитель должен их правильно направлять.

Учитель Бакинской школы №254 Э.Мамедова всеми своими нравственными качествами является примером для учеников. Прочтя детям стихи народного поэта И.Сафарли о своем первом учителе, она объясняет детям, что хорошего учителя дети помнят всю свою жизнь. В республике есть сотни учителей, жизнь которых стала примером и идеалом для их учеников.

Один из известных азербайджанских педагогов - Абдулла Шаиг оказал огромное влияние на своих учеников и последователей. Он интересовался жизнью своих учеников, тем, в каких семьях они растут, умел найти ключ к их душам, учитывал индивидуальные качества каждого.

А. Шаиг был требовательным учителем, любил учеников как родных, мог видеть будущее каждого из них. Один из его учеников, известный азербайджанский поэт С.Рустам в своих воспоминаниях писал: «Я знал А. Шаига с начальных классов. Он был самым уважаемым и передовым учителем в школе. Своей педагогической деятельностью, литературным творчеством и личной жизнью он служил примером для

¹⁵⁷ Гаралов З.И. Воспитание. В трех томах. Баку, 2005

¹⁵⁸ Гаралов З.И. Воспитание. В трех томах. Баку, 2005.

нас. Результатом этого было то, что на его уроках мы всегда были подготовленными, старались заслужить его одобрение, были чрезвычайно внимательны на его уроках».¹⁵⁹[Агаев, 2009, с. 89]

Здесь уместно будет привести такую народную пословицу: «Если думаешь о будущем десятилетия – посади рожь; если думаешь на десятилетия вперед – посади дерево; думаешь о веках – воспитай детей». То есть, прежде чем приступить к делу, необходимо знать цели. Если цель ясна, то и пути достижения ее будут вырисовываться ясно. Также и в деле воспитания: если воспитатель не обладает достаточным запасом знаний, не видит цели своей деятельности, то он ничего не добьется.

«Лучше раз увидеть, чем сто раз услышать» - эта поговорка также говорит о том, что пример является более действенным методом воспитания, чем увещевания, приказы, указания и упреки.

Учителя, воспитатели и родители должны знать, что в личном примере демонстративность не даст положительных результатов. Надо создать такую воспитательную среду, чтобы ребенок имел возможность осознанно отличать плохое от хорошего, усваивая только положительные примеры.

Для того, чтобы воспитать в ребенке положительные нравственные качества, воспитатель должен быть внимательным ко всему, так как ребенок, обладающий чуткой и чистой душой, замечает все вокруг. И именно маленькие дети больше всего склонны к имитации и подражанию. Поэтому, учитель, воспитатель и родители своим внешним видом, правильной и культурной речью, глубокими знаниями, широким кругозором, нравственной чистотой, доброжелательные в общении и в быту, одним словом, всем своим духовным миром должны быть примером для детей.

Учителя, гордо, с честью и достоинством несущие свое звание, требовательные и заботливые, у которых слово не расходится с делом, воспринимаются со стороны учеников как идеал. Дети всегда с радостью выполняют их поручения и указания.

В воспитании младших школьников в духе национальных традиций также велика роль родителей. Кругозор ребенка, его отношение к тем или иным ситуациям,

¹⁵⁹ Агаев И. Воспитание у детей культурных навыков и привычек. Баку, 2009.

зарождение национальных чувств – все это формируется и совершенствуется под влиянием родителей тоже.

Ясно, что ребенок большую часть времени проводя в семье, подражает тем примерам, которые видит. Ребенок оценивает родителей более высоко, чем других людей из окружения. Поэтому они стараются во всем подражать родителям. Мы часто слышим от них: «Мой папа (мама) так сказал. Мой старший брат так сказал» и т.п. В своем поведении и действиях они часто опираются на их примеры. Все это говорит о том, что поведение родителей является важным фактором воспитания. Бывает, что родитель не чувствует этого, но надо знать, что любое слово или действие оставляет след в душе ребенка.

А.С.Макаренко писал: «Ваше собственное поведение играет решающую роль. Не думайте, что вы воспитываете ребенка только тогда, когда говорите с ним или учите его. Вы воспитываете его в каждый момент своей жизни, даже когда вас нет рядом с ним. То, как вы одеты, как разговариваете с окружающими, с друзьями и врагами – одним словом, все это имеет огромное значение для ребенка». ¹⁶⁰[Макаренко, 2012, с. 156]

Список литературы:

- Агаев И.* Воспитание у детей культурных навыков и привычек. Баку, 2009
Войтович А.Г. Глобальные проблемы мира. - М.: «Наука», 1999.
Гаралов З.И. Воспитание. В трех томах. - Баку, 2005
Копыл А.О. Методологические основания истории педагогики и образования. - М.: «Педагогика». 2007, № 8.
Макаренко А.С. Избранные педагогические труды. Баку. 2012.
Концепция образования Республики Азербайджан. - Баку, 2000.
Новое педагогическое мышление. (Под ред. А.В.Петровского). - М.: «Педагогика», 1989.

¹⁶⁰ Макаренко А.С. Избранные педагогические труды. Баку, 2012.

Голубева-Монаткина Н.И.
Высшая школа перевода (факультет)
МГУ имени М.В. Ломоносова
г. Москва (Россия)

Golubeva-Monatkina Natalia
Higher School of Translation and Interpretation
Lomonosov Moscow State University
Moscow (Russia)

ЗАМЕТКИ О ФРАНЦУЗСКОЙ АВТОРСКОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ

NOTES ON FRENCH AUTHOR LEXICOGRAPHY

Статья посвящена краткому обзору произведений французской авторской лексикографии, то есть таким словарям, в которых представлено словоупотребление одного / целой группы французских писателей. В Европе появление предшественников таких словарей в виде специальных лексиконов, объясняющих малопонятные слова в текстах древних авторов, относится к эпохе эллинизма, а собственно авторская лексикография начинает оформляться в XVII в., возникнув из потребности пояснить язык и стиль писателя, философа, богослова. Франция является одной из первых стран, где появляются авторские словари разного типа, что связано с началом нормирования французского языка. В статье рассказывается о макро- и микроструктуре второго издания словаря Мориса Реймса «Дикие слова. Словарь слов, неизвестных словарям. Писатели XIX и XX веков» (Rheims M. «Les Mots sauvages. Dictionnaires des mots inconnus des dictionnaires. Écrivains des 19e et 20 e siècles»). В нем собраны индивидуально-авторские неологизмы французских писателей XIX-первой половины XX вв. Оригинальность этого словаря обусловлена, в частности, тем, что его автор – не филолог, а собиравший «особенные» слова искусствовед и писатель.

The article briefly reviews French author lexicography works, that is dictionaries that set out the usage of one / whole group of French writers. In Europe the predecessors of such dictionaries in the form of special lexicons explaining obscure words in the texts of ancient authors refer to the era of Hellenism, and actually the author lexicography begins to elaborate in the 17th century arising from the need to explain the language and style of a writer, philosopher or a theologian. France is one of the first countries where author dictionaries of various types developed and this is associated with the beginning of the rationing of the French language. The article describes the macro- and microstructure of the second edition of the dictionary by Maurice Reims "Wild Words. Dictionary of words unknown to dictionaries. Writers of the 19th and 20th centuries» (Rheims M. Les Mots sauvages. Dictionnaires des mots inconnus des dictionnaires. Écrivains des 19e et 20e siècles). It contains individual author neologisms of French writers of the 19th – first half of the 20th century. The originality of this dictionary is due, in particular, to the fact that its author is not a philologist, but an art critic and writer who collected "special" words.

Ключевые слова: авторская лексикография, французский авторский словарь, неография, словарь Мориса Реймса.

Keywords: author lexicography, French author dictionary, neography, dictionary by Maurice Reims.

Авторская лексикография – «это теория и практика составления словарей языка отдельных авторов или групп авторов», «изучение таких словарей и выявление возможностей их использования». Также под авторской лексикографией понимается

«совокупность созданных в разное время словарей языка писателей, философов, ученых, политиков <...>», причем существуют «словари всего творчества автора / авторов, их отдельных произведений, произведений одного жанра и т.п.». Основным адресатом авторских словарей являются филологи, но «создатели современных авторских справочников специально делают акцент на адресованности их <...> и читателю – любителю художественного слова <...>» [Шестакова, 2011, с. 15, 32].

В таких словарях основной объект описания – «словоупотребление отдельного автора как конкретной языковой личности, личности творческой», причем «традиционно авторская лексикография строилась вокруг имен классиков, признанных мастеров той или иной национальной литературы (Грибоедов, Пушкин, Гоголь и др. – у нас, Шекспир, Мильтон и др. – в Англии, Гёте, Шиллер – в Германии, Сервантес – в Испании, Мицкевич – в Польше...). Опыт описания современных авторов менее значителен <...>» [Шестакова, 2011, с. 44, 54].

Французская лексикография в целом и авторская лексикография в частности имеют многовековую историю [Гельгардт, 2003, с. 23]: «еще до XVII в. были известны так называемые "стилистические словари" как пособия для писателей в технике художественной речи и для более широкого круга лиц, занятых изучением литературы. Упомянем хотя бы словарь "Les épithètes de Maurice de la Porte Parisien" (Paris, 1582), который рекомендуется составителем как "книга полезная не только для тех, кто занимается поэзией по профессии, но и весьма пригодная также для пояснения всякого другого французского сочинения" <...>. Было бы ошибочным рассматривать такие труды только в пассивной роли справочника или вспомогательного пособия для работы над произведениями художественной литературы. Их значение в литературном языке определенного периода имело нормативный оттенок <...>».

Во Франции XIX века издается весьма большое количество авторских словарей: «Новая эпоха требовала нового языка, новых средств выражения, и, начиная с 1840-х гг., нормативные словари, основывающиеся на классической традиции, стали постепенно вытесняться другим типом лексикографических работ – словарями языка писателя. Конечно, первым опытам авторской лексикографии – например, сопоставительным словарям Ф. Женана («Lexique comparé de la langue de Molière et des écrivains du XVIIe siècle») и Т. Лорана («Vocabulaire pour les oeuvres de La Fontaine») – были свойственны нормализаторские тенденции. Тем не менее можно говорить о том, что середина XIX в. является переломным периодом в истории французской лексикографии – в это время происходит переход от нормативных словарей, ориентирующихся на традицию литературного употребления, к авторским словарям,

фиксирующим метаморфозы и трансформации слова в текстах отдельного писателя» [Карева, 2016].

В работе [Гельгардт, 2003] упоминается целый ряд французских авторских словарей XIX – начала XX вв., имеющих разные наименования – Glossaire ‘глоссарий’, Lexique de la langue de... ‘лексика языка ...’, Vocabulaire pour les oeuvres de ... ‘словарь к произведениям ...’:

Oeuvres complètes de Clément Marot. Nouvelle édition. 1824, t. 3, p. 511–579 (glossaire); Vocabulaire pour les oeuvres de La Fontaine ou explication et définition des mots, locutions, formes grammaticales etc. employés par La Fontaine et qui ne sont plus utilisés par Théodore Lorin. Paris, 1852; *Regnier H.* Lexique de la langue de La-Rochefoucauld avec une introduction grammaticale et des appendices. Paris, 1869; Lexique de la langue de Malherbe avec une introduction grammaticale par A. de Regnier fils. Paris, 1869; Lexique de la langue de La Bruyere. Avec une introduction grammaticale par M. A. de Regnier fils. Paris, 1878; Lexique de la langue de La Fontaine avec une introduction grammaticale par M. Henri Regnier. Paris, 1882, t. 1–2; *Regnier H.* Lexique de la langue de La-Rochefoucauld avec une introduction grammaticale. Paris, 1883; Lexique de la langue de J. Racine avec une introduction grammaticale par M. Ch. Marty-Laveau, précédé d'une étude sur le style de Racine. Paris, 1888; *Livet Ch. L.* Lexique de la langue de Molière, comparée à celle des orthographe et sa syntaxe par L. Mellegio et une préface par M. Petit de Julleville. Paris, 1895; Lexique de Ronsard / Précédé d'une étude sur son vocabulaire, les écrivains de son temps avec commentaires de philologie historique et grammaticale. Paris, 1895–1897, t. I–III; Lexique de la langue de Molière / Publié avec une introduction grammaticale par M. M. Arthur et Paul Desfeuilles. Paris, 1900, t. 1–2; *Villon Fr.* Oeuvres. Édition critique avec notices et glossaire par Louis Thuasne. Paris, 1923, t. 3, p. 699–718.

В таких словарях «не делая акцента на исторических проблемах, лексикографы чаще давали чисто подготовительные работы для "наблюдений над словарным составом языка", над "особенностями словосочетания" того или иного художника слова. Упрощая задачу, они стремились облегчить восприятие "творческой индивидуальности писателя", полагая, что оно может быть достигнуто более или менее изолированным, замкнутым изучением его "словарного запаса" и различных особенностей его художественной речи в форме лексикона <...>» [Гельгардт, 2003, с. 25]. Авторский словарь «должен "облегчить наблюдения над языком и слогом писателя", и вместе с тем он как "частный труд" может служить материалом для истории общеупотребительного языка, для общего словаря и грамматики, как определяет его задачи акад. Я. Грот [Словарь к произведениям Державина. – В кн.:

Державин Г. Р. Соч. / Под ред. акад. Я. Грота. S. 1., s. a., т. IX]. Но круг задач лексикографа, поставившего перед собой разрешение одной из проблем в истории литературного языка (исторической лексикологии), не следует ограничивать "замкнутым изучением" языка того или иного писателя, поскольку должен быть дан ответ на вопрос о том, каково отношение писателя к своим предшественникам, что нового внес он в поэтический стиль своей эпохи и каково его влияние на последующий ход истории литературного языка [*Томашевский Б. В.* Пушкин. – В кн.: *Современные проблемы историко-литературного изучения.* Л., 1925, с. 87]. К сожалению, это требование оставалось чисто нормативным и в полной мере так и не было осуществлено ни в зарубежной, ни в русской науке дореволюционного периода. Исключением является лишь такой солидный труд, как богатый сравнительным языково-историческим материалом "Lexique de la langue de Molière, comparée à celle des écrivains de son temps, avec des commentaires de philologie historique et grammaticale" (Paris, 1894–1897, t. I–III), разработанный Ш. Ливе и необходимый, по мнению составителя, "с точки зрения истории, а также углубленного знания языка"» [Гельгардт, 2003, с. 24].

Исследователи отмечают, что во второй половине XX в. внутри авторской лексикографии идет процесс оформления неографии – создаются словари авторских неологизмов поэтов и писателей XIX–XX вв., формируются теоретические основы создания таких словарей. В нашей стране начиная с 1990-х гг. созданы, в частности, словари неологизмов Хлебникова, Маяковского, Игоря Северянина, Высоцкого, Евтушенко, Вознесенского, Лескова, Набоков, Саши Соколова [Шестакова, 2018, с. 142]. Подобные словари создаются и в других странах, причем это могут быть и онлайн-словари – как, например, словарь неологизмов французского писателя Селина, созданный в Румынии в Клужском университете имени Бабеша Бойяи [Dictionnaire Céline].

Образцом французского авторского словаря может служить неографическое произведение Мориса Реймса «Дикие слова. Словарь слов, неизвестных словарям. Писатели XIX и XX веков» [Rheims, 1989], в котором собраны индивидуально-авторские неологизмы французских писателей XIX-первой половины XX вв. Впервые этот однотомный многоавторский (по типологии в работе [Шестакова, 2011, с. 53]) словарь вышел в 1969 г. в издательстве «Librairie Larousse», был раскуплен менее чем за два года, стал довольно известен за пределами Франции и получил следующий краткий отклик В.Г. Гака: «Для полноты нашего обзора отметим <...> «Словарь диких слов», хотя он и не является словарем неологизмов в собственном смысле слова <...>».

Обычно речь идет об индивидуально-авторских словообразованиях и словоупотреблениях, преследующих экспрессивную цель. Словарь дает богатый материал для изучения поэтики, языка художественного произведения. Он интересен и для лингвистов <...>. Причины такого словотворчества различны: иногда это вербальная реакция на языковые нормы как на проявление нормализаторства буржуазного общества, иногда же это – пустая словесная эквилибристика. В этом случае авторы вместо обновления содержания дают обновление лишь формы, скрывающей бессодержательность» [Гак, 1978]. Отечественные исследователи французской неологии нередко пользуются коллекцией, собранной М. Реймсом (но при этом на сам словарь ссылаются не всегда).

Будучи текстом, каждый словарь несет отпечаток личности своего автора, – ведь о том, что личность пишущего тот или иной текст отражается в этом тексте, известно давно, а сам этот феномен появился еще в европейской античности, с возникновением как личности, так и самой литературы: «Но что же это такое – личность, понятая объективно, чужое «я», наблюдаемое и описываемое как вещь? Греки ответили на это одним словом: «характер» (χαρακτήρ). Слово это по исходному смыслу означает либо вырезанную печать, либо вдавленный оттиск этой печати, стало быть, некий резко очерченный и неподвижно застывший пластичный облик, который легко без ошибки распознать среди всех других <...>. Понятию индивидуального характера строго соответствует понятие индивидуального стиля; по-гречески оба эти понятия покрываются термином (χαρακτήρ) <...>. Слово выражает индивидуальность и потому само индивидуально, оно запечатано авторской печатью (χαρακτήρ) <...>» [Аверинцев, 1996, с. 23-23, 28].

Автор словаря Морис Проспер Жиль Реймс (1910-2003) – не филолог, а получивший блестящее образование и ставший известным историк искусства¹⁶¹, писатель (27 искусствоведческих работ и романов), участник Второй мировой войны, награжден орденами и медалями, с 1976 г. член Французской академии, и в словаре «Малый Робер имен собственных» (Le Petit Robert des Noms Propres, 2003) ему посвящено шесть с половиной строк. Работая над текстами по искусству рубежа XIX-XX вв., Реймс начал собирать «особенные» слова, а сотрудники издательства Larousse, куда он принес свою коллекцию, придали ей словарную форму. На презентации книги

¹⁶¹ М. Реймс был одним из первых среди тех, кто начал изучать изобразительное искусство 1900-х гг. Исследуя творчество Боннара и Пикассо, он сделал несколько открытий.

в 1969 году¹⁶² он говорил, что речь идет «не совсем о неологизмах, а скорее о необычных словах, о словах, которые нам незнакомы».

Макроструктура словаря «Les Mots sauvages» включает:

Краткое предисловие ко второму изданию.

Развернутое «Введение» («Introduction»).

Словник из почти 2700 слов.

Список цитируемых произведений.

Список использованных словарей.

Список использованной научной литературы.

Благодарность автора.

Список произведений М. Реймса.

Список цитируемых авторов и их произведений («Auteurs et ouvrages cités») содержит почти 250 фамилий (писателей, поэтов, деятелей культуры). Указаны издательство и год публикации. У многих авторов перечислен целый ряд произведений (20 у Раймона Кено, 11 у Селина...), у некоторых дается указание на собрание сочинений без названия произведения (Бальзак, Поль Валери, Поль Клодель...).

Список словарей («Dictionnaires»), использованных для семантизации словника: пять словарей старофранцузского языка, один словарь языка XVI в., четыре словаря языка XVII-XVIII вв., десять словарей языка XIX-XX вв., 17 диалектных словарей, три этимологических словаря, десять словарей аргю, включая этимологический.

В список использованной научной литературы («Bibliographie») включены 80 работ 62 филологов первой половины XX в., посвященных преимущественно языку французских писателей, а также истории французского языка, его грамматике и лексике.

В конце словаря – страница «Remerciements», где Морис Реймс поименно благодарит тех, кто так или иначе участвовал в создании словаря: тех, кто поверил в его проект, издательство Larousse в целом и тех сотрудников, кто помогал ему сделать словарь, а также, в частности, Эрве Базена, Андре Бретона, Сальвадор Дали, Мориса Дрюона, Жана Жионо, Эжена Ионеско, Анри де Монтерлана, Раймона Кено, Алена Роб-Грийе – тех, кто помогал ему коллекционировать «mots sauvages» (то есть, в русском переводе, слова «неодомашненные», «незаконные», «появившиеся самопроизвольно»).

¹⁶² Трехминутное видео представлено на www.ina.fr/video/CAF96082564.

В микроструктуру словаря «Les Mots sauvages» (части словарной статьи разделены графически) включены:

заголовочное слово;

частеречная помета;

иллюстрация (обычно одно предложение);

ссылка (автор и произведение без указания страницы),

толкование слова (в случае заимствования указывается источник).

allélouyer v. intr.

*Je ne m'entends plus jouer, pardonnez-moi – Elle a raison, hurla Miss Charlotte.
Nous allélouyons trop fort.*

Green, Les Pays lointains.

À partir de l'hebreu *allelou-yah*, louez le Seigneur, devenu *alleluia* en latin ecclésiastique. La graphie de Julien Green est francisante. Chanter des alleluias.

‘аллилуйствовать неперех. гл.

Я играю и себя не слышу, извините. – Она права, проорала мисс Карлот. Мы аллилуйствуем слишком громко.

Грин, Далекые страны.

От еврейского *allelou-yah*, хвалите Господа, ставшего *alleluia* в церковной латыни. Жюльен Грин офранцузил написание слова. Петь аллилуйю' [Rheims, 1989, p. 31].

Несомненно правы исследователи, пишущие о том, что, «по-видимому, существует связь между, например, достигшей поразительных высот литературой Франции и наличием во французской лингвистике сравнительно большого количества исследований о языке писателей и словарей к их произведениям как пособий, дающих работникам литературы возможность известного "анатомического подхода" в изучении "приемов и техники литературного труда" и в освоении классических образцов художественной речи» [Гельгардт, 2003, с. 26].

Что касается теоретического и практического вклада создателей французских словарей в современную лексикографию, то он также несомненен: «<...> можно сказать, что французская лексикографическая и грамматическая традиция XVII-XVIII вв. была не просто одной из национальных традиций грамматического описания, но общеевропейской традицией, заложившей фундамент теоретической лексикографии и грамматики. Во Франции <...> возникла впервые схема нормирования литературного языка как взаимодействия трех сил: обихода (узуса, языкового обычая) – понятия «социально-психологического (языковых привычек «социальной элиты» <...> как

референтной социальной группы, на которую остальные группы ориентируют свое речевое поведение), разума – понятия неопределенного, но неотвязного как своеобразной мечты о совершенстве языка в горьком сознании того, что «нет в мире совершенства», и оправдательного примера как понятия положительной лингвистики, требующей документировать доводы как узуса, так и разума. Сложившись окончательно как тип, нормативный толковый словарь национального литературного языка стал самым подходящим реально существующим прообразом универсального словаря как конструкта современной теоретической лексикографии» [Денисов, 1977, с. 221-222].

Список литературы:

Аверинцев С.С. Греческая «литература» и ближневосточная «словесность» (противостояние и встреча двух творческих принципов) // Риторика и истоки европейской литературной традиции / С.С. Аверинцев. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. С.13-75.

Гак В.Г. О современной французской неологии // Новые слова и словари новых слов. Сб. ст. Л., 1978. [Электрон. ресурс] Режим доступа: http://neolexiling.narod.ru/material/gak_franz_neol.htm.

Гельгардт Р. Р. Словарь языка писателя. К истории установления жанра // Русская авторская лексикография XIX-XX веков: Антология / РАН. ИРЯ им. В.В. Виноградова; отв. ред. чл.-корр. РАН Ю.Н. Караулов. М.: Азбуковник, 2003. 512 с.

Денисов П.Н. Об универсальной структуре словарной статьи // Актуальные вопросы учебной лексикографии. Сост. В.А. Редькин. М.: «Русский язык», 1977. С. 205-225.

Карева Н.В. Французские словари синонимов, эпитетов и поэтического языка (конец XVII – первая половина XIX в.) [Электрон. ресурс] / Н.В. Карева. М., 2016. Режим доступа: http://www.ruslang.ru/images/seminar_aut_lexicogr/kareva-2.pdf.

Шестакова Л.Л. Русская авторская лексикография: Теория, история, современность. М.: Языки славянских культур, 2011. 464 с. (Studia philologica).

Шестакова Л.Л. Авторские неологизмы в словарной перспективе // Вторые Григорьевские чтения. Неология как проблема лингвистической поэтики: Тезисы докладов международной научной конференции (14-16 марта 2018 г.) / ИРЯ им. В.В. Виноградова РАН. ИЯ РАН. М.: Издательский центр «Азбуковник», 2018. С. 142-144.

Dictionnaire Céline [Электрон. ресурс] Режим доступа: <http://duclos.tripod.com/Dictiona.htm>.

Rheims M. Les Mots sauvages. Dictionnaires des mots inconnus des dictionnaires. Écrivains des 19e et 20 e siècles. Larousse, 1989. 359 p.

Джасим В.
МГУ имени М.В. Ломоносова
г. Москва (Россия)

Jasim Wasan
Lomonosov Moscow State University
Moscow (Russia)

СОЦИАЛЬНО-РЕЛИГИОЗНЫЕ АСПЕКТЫ ГЛЮТТОНИИ В АРАБСКИХ СТРАНАХ

SOCIO-RELIGIOUS ASPECTS OF GLUTTONIA IN THE ARAB COUNTRIES

В статье рассматриваются социально-религиозные аспекты глuttonии в арабском мире. Глuttonический дискурс является одним из наиболее репрезентативных национально-культурных кодов в социальной коммуникации жителей различных арабских стран, поскольку культура питания как важнейший компонент ментальности народов является неотъемлемой частью повседневной жизни человека.

The article deals with the socio-religious aspects of gluttonia, in the Arabic world. Gluttonic discourse is one of the most representative national and cultural codes in the social communication of the inhabitants of various Arab countries, since the culture of nutrition as an important component of the mentality of peoples is an integral part of a person's daily life.

Ключевые слова: глuttonический (гастрономический) дискурс, пища, напитки, картина мира, культура, язык, традиции, религиозный аспект.

Keywords: gastronomic discourse, food, drinks, world picture, culture, language, traditions, religious aspect.

С давних пор внимание исследователей в области лингвистики, философии, социологии, культурологии и других отраслей знания было привлечено к поиску особенностей, выражающих мировидение того или иного этноса. С этой целью в науке появилось понятие «картины мира», отражающей свойственное народу или отдельному индивиду представление о структуре мира и окружающей действительности. Картина мира – это «изображение мира», где мир является и космосом, и историей, и даже природой [Хайдеггер, 1993, с. 45]. Под картиной мира принято понимать «отображение в психике человека предметной окружающей действительности, опосредованное предметными значениями и соответствующими когнитивными схемами и поддающееся сознательной рефлексии» [Красных, 2012, с. 116]. Обычно рассматриваются различные картины мира, такие, как: реальная, философская, научная и др.

В нашем исследовании мы коснемся культурной, языковой, а также глuttonической (гастрономической) картины мира. Последняя формируется под влиянием культурной картины мира и отражается в языке. Говоря о языковой картине мира, В. фон Гумбольдт заострил внимание на национальном содержании языка и

мышления, отметив, что «различные языки являются <...> различными мировидениями» [Гумбольдт, 1985, с. 370].

Глуттоническая (гастрономическая) картина мира, представляет собой в широком социально-философском, лингвокультурологическом, когнитивно-прагматическом аспектах многоуровневое понятие, отражающее взгляды различных этносов. Поэтому глуттоническую картину мира можно отнести к составляющей культурной картины мира при наличии особой связи с языковой картиной мира. В нашем исследовании мы уделяем особое внимание лингвокультурологическим, социолингвистическим особенностям, которые воздействуют на гастрономическую номинацию. Гастрономическая картина мира выражает специфику жизни и быта людей, их отношение к пище, к продуктам питания, она тесно связана с языковой картиной мира, с образом сознания, которое отражается средствами языка, а также является моделью знания о концептуальной системе представлений, репрезентируемых языком [Манакин, 2004, с. 200].

Гастрономическая картина мира находит свое воплощение в гастрономическом номинативном фонде – в кулинарных текстах, рецептах, в тропеических, фразеологических единицах – и формируется под воздействием следующих факторов:

- 1) мифологического представления о пище;
- 2) религиозных предпосылок, формирующих воззрения о мире питания, пищевых разрешениях и запретах;
- 3) географических данных и климатических условий, определяющих выбор пищи.

Следует отметить, что глуттонический дискурс является одним из наиболее распространённых и употребляемых в социальной коммуникации в разных странах мира. Культура питания явилась важнейшим компонентом ментальности, неотъемлемой частью повседневной жизни людей. Глуттонический дискурс стал зеркалом культурных, языковых, этнических и социально-идеологических картин мира, определив в качестве объектов исследования тексты различной спецификации и жанров.

Гастрономические предпочтения, свойственные тому или иному народу, формировались на протяжении многих столетий, отражая особенности верований и образа жизни. По мнению Леви-Стросса, пища отражает собой ментальный код языка, который помогает человеку формировать основные представления о реальности. Правила питания «приготовленной» и «сырой» еды в некоторых культурах

продиктованы священными историями (мифами) и запретами (табу). Эти правила отражают основные различия в культуре [Леви-Стросс, 2006, с. 190].

Разные верования придерживаются своего набора пищевых традиций. Религиозные запреты на языковом уровне выражаются в использовании устойчивого терминологического аппарата в тексте священных книг, в сопровождении ритуалов, связанных с пищей, молитвами (обращение к Господу перед едой, произнесение молитвы перед убиением животного и т.д.) Например, в тексте Корана этому посвящена глава (пятая) – «Пища». В отношении разрешенной (халяльной) или запрещенной (харамной) пищи существует специальный терминологический аппарат. Некоторые продукты в исламе запретны (свинина, алкогольные напитки, мертвечина и др.). Особенности питания сторонников той или иной религии отражены в соответствующих языках.

Таким образом, религия оказывает существенное влияние на формирование гастрономической картины мира. Поиск пищи приводит к духовным разысканиям, которые закреплены в ритуалах и выражаются в молитвах и метафорах. Вырабатывается определенный терминологический аппарат, напрямую связанный с гастрономией, в рамках которого можно выделить наименования запрещенной и дозволенной пищи, обозначение процедур, профессий людей, связанных с приготовлением еды, присвоение имен продуктам, имеющим религиозное значение. Традиции, связанные с верой, закладываются в культуре народов, закрепляются в религиозных текстах.

Большое влияние на формирование гастрономической картины мира оказывает *мифологическая составляющая*.

Представления о пище можно найти в мифах и легендах народов мира. В мифологии питание подразделяется на *божественное, повседневное и ритуальное*. В то же время еда отождествляется с тремя важнейшими элементами: жизнью, смертью и плодородием. В этом мировоззрении все ассоциируется с щедростью Богов. Так, например, шумерский бог Энлиль создал мотыгу и дал человеку, чтобы тот мог обрабатывать землю. Египетский бог Птах создал мир и все в нем: «Вышли из него (Птаха) все вещи: пища и еда, пища богов и все другие прекрасные вещи» [Рак, 2000, с. 327].

В хадисах пророка Мухаммада содержится информация о здоровье, его ценности как божественного блаженства. Комплексный подход к здоровью в исламе подразумевает также, чтобы люди бережно относились к своему здоровью, питались разрешенной, полезной пищей согласно указаниям Создателя, придерживаясь

здорового рациона питания, выбирая полезные продукты и избегая вредные. Коран содержит множество советов по поводу здорового питания, которые указывают на взаимосвязь физического и духовного здоровья. Например, в Коране говорится: يَا أَيُّهَا " " الَّذِينَ آمَنُوا كُلُوا مِن طَيِّبَاتِ مَا رَزَقْنَاكُمْ .. " – «О те, которые уверовали! Вкушайте дозволенные блага, которыми Мы наделили вас...» [Коран 2:172, с. 30]; " كُلُوا مِمَّا فِي الْأَرْضِ حَلَالًا طَيِّبًا .. " – «Вкушайте на земле то, что дозволено и чисто...» [Коран 2:168, с. 29]. Ведь если человек будет переедать или увлекаться вредной едой (фастфудом и пр.), то ослабнет и не сможет поклоняться Богу надлежащим образом.

Коран напоминает нам о том, как мы должны питать наш организм и поддерживать его в здоровом состоянии, предотвращая развитие заболеваний: وَالْأَنْعَامَ " " وَهُوَ الَّذِي سَخَّرَ الْبَحْرَ " – «Он также сотворил скот, который приносит вам тепло и пользу. Вы также употребляете его в пищу» [Коран 16:5, с. 327]; " لِنَأْكُلُوا مِنْهُ لَحْمًا طَرِيًّا.. " – «Он – Тот, Кто подчинил море, чтобы вы вкушали из него свежее мясо...» [Коран 16:14, с. 328]; " يُنْبِتُ لَكُمْ بِهِ الزَّرْعَ وَالزَّيْتُونَ وَالنَّخِيلَ وَالْأَعْنَابَ وَمِنْ كُلِّ الثَّمَرَاتِ.. " – «Он возвращает для вас злаки, маслины, финики, виноград и всевозможные плоды» [Коран 16:11, с. 328] и др.

Бог обеспечил мусульман также списком продуктов, которые запрещены: حُرِّمَتْ " " عَلَيْكُمُ الْمَيْتَةُ وَالدَّمُ وَلَحْمُ الْخِنزِيرِ وَمَا أُهْلِيَ لِغَيْرِ اللَّهِ بِهِ.. " – «Вам запрещены мертвечина, кровь, мясо свиньи и то, над чем не было произнесено имя Аллаха (или что было зарезано не ради Аллаха)...» [Коран 5:3, с. 127]; а также опьяняющие напитки, приводящие к ненормальному поведению: إِنَّمَا يُرِيدُ الشَّيْطَانُ أَنْ يُوقِعَ بَيْنَكُمُ الْعَدَاوَةَ وَالْبَغْضَاءَ فِي الْخَمْرِ وَالْمَيْسِرِ وَيَصُدَّكُمْ " " عَنِ ذِكْرِ اللَّهِ وَعَنِ الصَّلَاةِ فَهَلْ أَنْتُمْ مُنتَهُونَ " – «Воистину, сатана при помощи опьяняющих напитков и азартных игр хочет посеять между вами вражду и ненависть и отвратить вас от поминания Аллаха и намаза. Неужели вы не прекратите?» [Коран 5:91, с. 146]. В шариате упомянуто о том, какие части тела животных нельзя употреблять в пищу: половые органы, щитовидные железы, спинной мозг и жир с обеих его сторон, желчный и мочевого пузыри, селезенку. Сладости и фастфуд не запрещены, но их следует потреблять в умеренных количествах. Ведь большинство хронических заболеваний у людей – следствие нездорового питания [См: Стейси].

Пищевые запреты в исламе включены в понятие حرام («харам» – запретное), куда помимо прочего входит перечень запретных пищевых продуктов и напитков. Такие пищевые предписания несколько различаются в зависимости от мазхаба (مذهب – «путь») – богословско-правовой школы. Так, нет единого мнения об употреблении в пищу мяса осла, слона, зайца и ряда других животных. Рыбу, лишенной чешуи (осетровые породы, угорь и др.), в одних мазхабах считают запрещенной, в других – лишь порицаемой

пищей. Не одобряется (но не запрещается) употребление в пищу конины или мяса мула. Это нашло отражение в шариате под влиянием тюркских и монгольских народов. Арабы и персы, например, почти не едят конины и не пьют кумыса и т.д.

Запрещены напитки и пища с опьяняющими и одурманивающими свойствами, но некоторыми мазхабами употребление их дозволено в количествах, не вызывающих нежелательных последствий, или как лекарств. Надо отметить, что грехом в исламе считается только преднамеренное, добровольное употребление запрещенной пищи и питья. Если же кто-либо был принужден к этому силой или голодом и жаждой, не имея возможности удовлетворить их иначе, то этот грех мусульманину прощается. Гибкость такого подхода проявляется и в понятии *مكروه* («макрух» – недостойное, порицаемое) – т.е. не являющееся нарушением норм шариата, но осуждаемое с моральной точки зрения.

Понятие «макрух» занимает важное место в исламской этике, являясь чем-то средним между запрещенными (харам) и разрешенными действиями. Хадисы Мухаммада призывают к умеренности в питании, Коран подчеркивает необходимость соблюдать баланс между различными крайностями. Определяя дозволенные и запрещенные в пищу продукты, исламские предписания о пище упоминают и о продуктах, относящихся к категории условно-запретных или условно-допустимых (так называемых порицаемых или не одобряемых продуктах), которые характерны для народов исламских стран, образ жизни и национальные традиции в питании, которые отличаются от традиций арабов Аравии – основателей классического ислама [См: Стейси].

Из поколения в поколение передаются и отражаются в арабских народных сказаниях (былинах и сказках), в пословицах, поговорках, загадках, в современной литературе, мифологические, ритуальные, божественные образы, например: " ذاق من العيش طعميه الحلو والمر " – «Вкусить горечь и сладость жизни» [Баранов, 1998, с. 474], " لا يصبر على طعام واحد " – «Не терпит одинаковой еды» [Аль-Майданий, с. 104] и др.

Таким образом, гастрономическая картина мира арабов сложилась под влиянием мифологических, религиозных воззрений, географического месторасположения, климатических условий, что стало определяющим при формировании их вкусовых предпочтений. Доступность к природным ресурсам предопределила образ жизни, способ добычи и производства пищи, вследствие чего произошло формирование арабской национальной кухни. Это нашло яркое отражение в языке арабов как с точки зрения количества наименований того или иного продукта, так и в отношении, номинации способов его приготовления, а также в ритуалах, молитвах, особом

терминологическом аппарате, связанном с запрещенной или дозволенной пищей и т.д. [См. об этом: Ундрицова, диссертация..., 2015, с. 11–21, Пищевые предписания...].

Важнейшими текстовыми структурами, входящими в состав глуттонического дискурса, являются рецепты, меню, а также гастрономические художественные тексты. Особенности, присущие гастрономическим нормам у различных народов создают известные сложности для межкультурной коммуникации и перевода. Надо сказать, что проблема перевода находится сегодня в центре исследования многих наук, среди которых культурология, этнография, психология, история, литература и, конечно, лингвистика. Касаясь науки о переводе, (переводоведения), В.Н. Комиссаров выделял «...культурологические, когнитивные, психологические, литературные и прочие аспекты» [См.: Комиссаров, 2001, с. 11].

«Несомненно, пишет Э.Н. Мишкуров, – теория и практика перевода – одна из наиболее значимых и заметных «гуманитарных вершин» общечеловеческой культуры, а его междисциплинарный/трансдисциплинарный конструкт зиждется в значительной мере на фундаменте «лингвокреативного» – лингвокультурологического и этнопсихолингвистического способа восприятия контентно-смысловой, функционально-когнитивной, образно-символической и метасемиотической авторской картины ИТ (исходного текста. – АВТОР), пересоздаваемой переводчиком в виде результирующего ПТ (текста перевода. – АВТОР) посредством герменевтической парадигмы перевода (ГПП), и его методологической составляющей – «герменевтического методологического стандарта...» [Мишкуров, 2015, с. 30–31]. Герменевтическая парадигма перевода, по Э.Н. Мишкурову, – «...это системно выстроенная по принципу дополнительности дискурсивная соборность философо-/филолого-герменевтических, когнитивно-информационных, семиотико-интерпретирующих, деятельностных и иных теорий, моделей, стратегий и тактик перевода, способов и приёмов перевыражения, перелагания, адаптации, перепорождения и других разновидностей игровой трансформации ИТ в ПТ на уровнях контентно-смысловом, образно-символическом, этнопсихолингвистическом, лингвокультурологическом, функционально-стилистическом и других в зависимости от рабочих текстотипов и их жанров» [Там же, с. 34].

Арабская кухня - одна из самых древних в мире. Это особая часть национальной культуры. Её особенность отражена в различных многочисленных пословицах и поговорках. Эти реалии важны для практики перевода. Так, к примеру, арабскую пословицу: «Не ездят финики в Басру» можно пояснить русской паремией, -« В Тулу со своим самоваром не ездят».

Прагматическая модель глоттонии в арабском языке представляет собой сложную, полиарусную структуру, отражающую совокупность стереотипов социально речевого поведения, религиозных ритуалов, а также морально-нравственных норм.

Список литературы:

- Гумбольдт, В.* Фон. Язык и философия культуры / Ф. Гумбольдт. – М.: Прогресс, 1985. – 452 с.
- Комиссаров, В.Н.* Современное переводоведение / В.Н. Комиссаров. – М.: ЭТС, 2001. – 424 с.
- Комиссаров В.Н.* Теория перевода (лингвистические аспекты). М.: Высшая школа, 1990. – 253 с.
- Красных, В.В.* Основы психолингвистики. Лекционный курс / В.В. Красных. – Изд. 2-е, дополненное. – М.: Гнозис, 2012. – 333 с.
- Леви-Стросс, К.* Мифологии: Сырое и приготовленное / К. Леви-Стросс; Пер. с фр. А. З. Акопяна и З. А. Сокулер. – М.: FreeFly, 2006. – 399 с.
- Манакин, В.Н.* Сопоставительная лексикология / В.Н. Манакин. – К.: Знания, 2004. – 327 с.
- Мишуров Э.Н.* Герменевтико-переводческий методологический стандарт в зеркале трансдисциплинарности (часть 1) / Э.Н. Мишуров // Вестник Московского университета. – Изд-во Московского ун-та. Сер. 22. Теория перевода. – № 2. – 2015. – С. 17–37.
- Рак, И.В.* Египетская мифология / И.В. Рак. – изд. 2, перераб. и доп. – Спб.: «Журнал «Нева»», «Летний сад», 2000. – 416 с.
- Смысловой перевод священного Корана на русский язык / Пер. с араб. Кулиева Эльмира. – 1-е издание. Комплекс им. Короля Фахда по изданию священного Корана. – Медина, Саудовская Аравия. – 1423 г. [по хиджре]. – 1088 с.
- Стейси Аиша.* Здоровье в Исламе (часть 3 из 4): рацион и питание / Аиша Стейси, 26 октября 2015 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: статьи: <http://www.islamreligion.com/ru/articles/1892> Copyright © 2006-2015 www.IslamReligion.com. (дата обращения: 09.01.2018 г.).
- Хайдеггер М.* Время картины мира / М. Хайдеггер // Время и бытие: статьи и выступления. – М.: Республика, 1993.

Дутбаева С.С.
Атырауский государственный университет им. Х. Досмухамедова
г. Атырау (Казахстан)
Арсениев С.
Университет национального и мирового хозяйства
г. София (Болгария)

Dutbayeva Saule
Kh. Dosmukhamedov Atyrau State University
Atyrau (Kazakhstan)
Arseniev Sviatoslav
University of National and World Economy
Sofia (Bulgaria)

ОБРАЗ РОДИНЫ В БОЛГАРСКОЙ ПОЭЗИИ XX ВЕКА В РЕЦЕПЦИИ В. АРСЕНЬЕВА

THE IMAGE OF THE MOTHERLAND IN THE BULGARIAN POETRY OF THE XXth CENTURY IN THE RECEPTION OF V. ARSENIIEV

В статье рассматриваются переводы произведений болгарских поэтов Г. Джагарова, Д. Дамянова, А. Далчева на тему любви к родине, выполненные русским поэтом, представителем первой волны эмигрантов - Валентином Арсеньевым. Основное содержание исследования составляет сопоставительный анализ оригиналов и переводов, в результате которого определены составляющие образа Родины в болгарской поэзии XX века в рецепции В. Арсеньева. Основное внимание в статье акцентировано на особенностях поэтики В. Арсеньева. В исследовании подтверждается мысль о глубинной сущности понимания В. Арсеньевым образа Родины, представленного природными и историческими реалиями, хронотопами «дом» и «дорога». Выявлен мотив тоски по родине, потерянной навсегда, который в имплицитной форме звучит в рассмотренных произведениях болгарских поэтов.

The article reviews the works of the Bulgarian poets G. Dzhagarov, D. Damianov, A. Dalchev, related to the love of the Motherland and the translations, performed by the Russian poet, representative of the first wave of emigrants - Valentin Arseniev. The main content of the study is the comparative analysis of the originals and the translations, as a result of which were determined the elements of the image of the Motherland in the examined works in the reception of V. Arseniev. The article focuses mainly on the particularities of V. Arseniev's poetics. In the study is confirmed the thought of the depth of V. Arseniev's understanding of the image of the Motherland, represented by natural and historical realities, the chronotopes "home" and "road". The motif of sadness after the Motherland, forever lost, which in implicit form sounds in the works of the Bulgarian poets, is revealed.

Ключевые слова: образ родины, болгарская поэзия, перевод, рецепция, хронотоп, история.

Key words: image of the Motherland, Bulgarian poetry, translation, reception, chronotope, history.

Валентин Пантелеевич Арсеньев (настоящая фамилия Нечаев) является одним из представителей первой волны русской эмиграции в Европе. Он известен прежде всего как поэт-переводчик, который внес значительную лепту в популяризацию

болгарской литературы, создав переводы самых известных болгарских поэтов и писателей на русский язык.

Семья Валентина Нечаева, как и тысячи людей, бросивших родные места после октябрьских событий 1917 года и последовавшей за ними гражданской войны, вынуждена была жить на чужбине. Волей судьбы он перенес много тяжелых испытаний, из которых вышел закаленным физически и духовно: труд чернорабочего, неимоверно тяжелую и опасную работу в шахтах, на стройках, в геологических партиях. Но самое главное, судьба послала ему одиночество, лишив его родителей и младшей сестры. Вся жизнь и творчество Валентина Арсеньева являются подтверждением его несломленного духа и стойкости, его любви к исторической родине, о которой он не переставал думать.

Валентин начинает свою литературную деятельность как поэт. Первые переводы В.Арсеньева (Арсеньев - псевдоним, ставший его официальной фамилией) относятся к 50-ым годам XX века. Время расцвета переводческого таланта поэта – 60-70-ые годы. В эти годы им было переведено множество художественных произведений болгарских поэтов и писателей на русский язык.

Валентин Арсеньев в основном выбирает для перевода лирические произведения на тему любви к родине, женщине, теме дружбы, труда, революции и войны. Эти темы наиболее близки Арсеньеву – человеку, пережившему революционные события в России, участнику Второй мировой войны.

В 40-50-ые годы болгарские поэты не могли остаться в стороне от бурных перемен, происходящих в Европе. События Второй мировой войны, тема борьбы с фашизмом придавали эмоциональную взволнованность и гражданский пафос произведениям многих поэтов. В 50-ые годы «развитие болгарской поэзии шло прежде всего по линии сближения с человеком, раскрытия его внутреннего мира». [В.М.Тимофеева, Б.П.Мицкевич, 1976, стр. 454]. Жизнеутверждающий гуманизм пронизывает лучшие стихи поэтов.

В.Арсеньев обращается к творчеству известных поэтов Болгарии – Георгия Джагарова, Дамяна Дамянова, Атанаса Далчева. В качестве материала исследования отобраны стихи болгарских поэтов на тему Родины, созданные в 60-70-ые годы. Как же создавался образ Родины – Болгарии в рецепции русского поэта-эмигранта?

Георгий Джагаров (1925–1995) – известный литературный и общественный деятель, писатель, драматург, народный деятель культуры Болгарии, автор стихотворений на социальную и патриотическую тематику, которые отличаются драматической напряженностью лирического чувства и политической страстностью.

Рассмотрим его широко известное стихотворение «България»

«България»

*Земя като една човешка длан...
Но по-голяма ти не си ми нужна,
Щастлив съм аз, че твойта кръв е южна,
че е от кремък твойта стар Балкан.*
[Джагаров Г., 1979, 101]

«Болгария»

*Земля с человеческую ладонь...
Но большей я не желаю,
Я счастлив, что кровь твоя южная,
И что из кремня старый твой Балкан.*
(перевод мой – А.С.)

«Болгария»

*Страна с ладонь – ты мне милей всех стран,
И лишь тебя на жизнь и смерть мне нужно!
Я так горжусь твоею кровью южной,
Гранитом неподатливым Балкан!*
(Перевод В.Арсеньева)

Поэтизация природы и использование приема панорамы (взгляд сверху), сравнение «Земля с ладонь», указывающее на небольшую территорию Болгарии – все это говорит нам о большой любви лирического героя к своей родине. Образ Родины – это Балканы, поля, леса, сады. В переводе на русский язык переданы неповторимая красота и величие страны. Наше внимание привлекает один образ в переводе В.Арсеньева. Хотя в болгарском языке лексема «гора» переводится на русский язык как «лес» (слово «гора» с русского языка на болгарский переводится «планина»), в рецепции Арсеньева собирательный образ «полета и гори» – «поля и леса» был изменен на один образ – «горы» («в горах»):

*Какво, че виха вълци и чакали
из твоите полета и гори?* (Г.Джагаров)

*Что с того, что выли волки и шакалы
в твоих полях и лесах?*

(перевод мой – С.А.)

*В твоих горах надрывный вой шакала
влетал над мертвецами до утра.* (В.Арсеньев).

Как видим, в данном случае произошла интерференция, определяемая Э. Хаугеном «как лингвистическое частичное совпадение (overlap), при котором языковая единица оказывается элементом двух систем одновременно, или как наложение двух языковых систем» [Хауген Э., 1972, с. 69-70]. В.Арсеньев изменил образ природы, созданной Г.Джагаровым. В переводе нет слова «лес». «Лес» в данном случае, где воют волки и шакалы – художественное пространство, «одно из основных местопребываний сил, враждебных человеку» [Ощепкова А.А., 2016, с.6-9]. В интерпретации В.Арсеньева образ природы Болгарии создают поля и горы. Враждебные человеку силы переданы через образы «шакала» и сопутствующих ему «мертвецов». Следует обратить внимание на звукопись этих двух строк: звук «а» создает ощущение пространства, а

твердый, громкий звук «р» вызывает ассоциацию тревоги, напряжения, страха. Можно лишь предположить, что билингвальный поэт В.Арсеньев, прекрасно владея русским и болгарским языками, решил использовать лексему «гора», а не «лес» с целью создания звукового эффекта (аллитерации):

*В твоих горах надрывный вой шакала
взлетал над мертвецами до утра.*

Г. Джагаров с помощью ярких исторических деталей в своем произведении рисует прошлое страны и дает картину современной ему жизни: «турски ятаган» («турецкий ятаган»), «стакан с византийската отрова» («кубок с византийским ядом»), «търговци на тютюн и кръв човешка» («поставщики рабов и табака»), «кремък твоят стар Балкан» («гранитом неподатливым Балкан»), «здравец» (герань, в переводе – «травы») и др. Все эти детали служат для создания образа Болгарии – страны с многовековым прошлым. Например, «кубок с византийским ядом» уводит нас в глубь истории, во времена соперничества между Византией и Болгарией, которое продолжалось с момента образования болгарского государства (681 г.) до потери Болгарией независимости в 1396 г.

«Турецкий ятаган» свидетельствует о турецком иге, длившемся с 1396 г. по 1878 г. и закончившемся в результате Русско-турецкой Освободительной войны.

Это одно стихотворение дает нам много сведений об истории и культуре Болгарии. Мы узнаем о том, что табак - традиционная культура в Болгарии, которую выращивают на юго-западе страны и районе горного массива Родопы. Из стихотворных строк нам становится ясно, что после Освобождения страны скупщики табака грабили производителей, покупая продукцию по очень низким ценам.

*Торговцы табака и людской крови
За гроши продавали твою землю
(подстрочник)*

*Неистово глумились над тобою
поставщики рабов и табака...
(В.Арсеньев)*

В изображении Г.Джагарова мы видим цветущую страну. В стихотворении использована лексема «чернозем» как символ плодородия. В рецепции В.Арсеньева появляются лексемы «урожай», «поля», которые ассоциируются со словом «чернозем». Мы не только видим картины природы Болгарии, но и чувствуем запахи плодородной земли, ароматных трав и урожайных полей:

*Ты в цвету! Набухает чернозем
под ласковыми болгарскими руками,
благоухает геранью твое лицо
и новую песнь ветер запекает.
(подстрочник)*

*Ты вся в цвету! Под сильными руками
Вскипает урожайем чернозем,
и запах трав в дыхании твоём,
и песни не смолкают над полями
(В.Арсеньев)*

Образ Родины складывается в стихотворении болгарского поэта из малых образов – хронотопов «дом» и «дорога». «Дом» в изображении Г.Джагарова – это традиционные болгарские дома с открытым пространством, своеобразной террасой, расположенной на верхнем этаже дома.

*И стана чудо: смъртю смърт поправ,
усмихнаха се чардаклии къщи
и заплююща знамена могъщи,
и път се ширна – радостен и прав.
правой.*
(Г.Джагаров)

*Настало чудо: смъртью смърть поправ,
Улыбнулись старинные дома
и плещутся могучие знамена,
Открылась ширь дороги – радостной и
правой.*
(перевод мой – С.А.)

*Свершилось чудо: смъртью смърть поправ,
осенена знаменами свободи,
шагаеш ты через дела и годы,
и путь твой ясный радостен и прав.*
(В.Арсеньев)

В рецепции русского поэта мы не видим образа дома. Малый образ дома заменен образом родины: изображен «правый» путь страны с ее тысячелетней историей, борьбой за независимость и победами. Возможно, хронотоп «дома» связан у В.Арсеньева с личными воспоминаниями, поэтому он опускает его.

Следующий хронотоп «път» переводится с болгарского языка «дорога». В болгарском языке нет оппозиции «путь-дорога», поэтому нельзя отождествлять лексемы «път» и «путь». В переводе В.Арсеньева мы видим лексему «путь». Хотя автор перевода прекрасно владел болгарским языком, он использовал в данном случае русское слово «путь», а не прямое значение «дорога». По поводу этого хронотопа в научных исследованиях множество разных точек зрения.

«Концепт пути, дороги (далее: П, Д) – это универсалия мировой культуры. В мифопоэтическом представлении пространства центр и путь – оказываются его основными элементами. В славянской и особенно в русской концептуальной и вербальной картинах мира понятия П, Д и обозначающий их пласт лексики также занимают весьма важное место.

Вхождение в структуру хронотопа является и следствием, и причиной многих символических смыслов понятия и лексем П, Д, выступающих как семиотический код в реализации ряда оппозиций, формирующих ментальную и вербальную картины мира.

Понимание П, Д как пространственной материализации времени сделало возможным такие сочетания, как жизненный путь «время жизни, жизнь», исторический путь «последовательность исторических событий, историческое развитие».

Протянувшаяся в пространстве нить дороги...– это судьба. Отчетливая связь идеи судьбы с идеей пути видна... в выражениях путеводная звезда, путеводная нить. Дорога-судьба – это может быть бесконечный безблагодатный путь как символ вечности..., тернистый путь страдания во имя спасения людей и постижения вечных ценностей..., это трудный путь, исполненный блужданий, неустроенности, борьбы во имя достижения необходимых целей. Значительно реже дорога понимается как путь в светлое будущее, благополучная судьба, окрыленная счастьем» [Черепанова О.А, электр.ресурс].

В исследуемых художественных текстах лексема «път» – «дорога» подходит по значению к «дороге-судьбе» и «пути в светлое будущее». *«Открылась ширь дороги – радостной и правой»*: дорога широкая, правая (правильная) и радостная, потому что все беды позади – все войны и тяготы жизни, впереди – новая радостная и счастливая жизнь.

По мнению российского писателя, журналиста, ведущего «Школы русского языка» В.В.Сундакова, «дорога и путь – вовсе не одно и то же. Эти слова не синонимы. Дорога и путь существенно отличаются друг от друга» [Сундаков В.В., электр.ресурс]. Дорога бывает проложена и построена людьми, а «путь нужно держать самому», т.е. прокладывать и выбирать свой путь, отличный от других.

Лексема «путь» в рецепции В.Арсеньева может означать «свой путь» развития, избранный Болгарией.

В переводе на русский язык В.Арсеньевым использованы сравнения «страна с ладонь», «как мать, добра». Второе сравнение привнесено переводчиком. В стихотворении Г.Джагарова говорится о доброте, но нет сравнения «как мать». В рецепции В.Арсеньева эти слова служат для выражения сыновней любви к Родине.

В интерпретации Арсеньева строка о любви к своей стране звучит более пафосно, чем в оригинале: «и лишь тебя на жизнь и смерть мне нужно!» (в подстрочном переводе «большей не желаю»). Кроме того, в переводе на русский язык звучат слова, которых нет в оригинале: *Земя, като една човешка длан...* (оригинал) – *Земля с человеческую ладонь...*(подстрочник) – *Страна с ладонь – ты мне родней всех стран!* (перевод).

В воспроизведении В.Арсеньева 3 раза появляются строки, которые звучат рефреном всего произведения: «ты мне родней всех стран!» и «ты мне милей всех стран...» (2 раза). Таким образом Валентин Арсеньев подчеркивает силу любви лирического героя к Родине – Болгарии.

Атанас Далчев (1904-1978) – известный болгарский поэт и переводчик, автор нескольких поэтических сборников, Указом Президиума Верховного Совета СССР был награжден орденом «Знак Почёта» за вклад в популяризацию русской и советской литературы в Болгарии.

«Особое место в лирике А.Далчева занимает стихотворение «Към родината» – «Родине», написанное в 1965 году, почти в конце его творческого пути. Произведение дает своеобразный ответ на вечный вопрос о том, что такое Родина и каково ее место в жизни человека. Подтверждая мысль Сенеки, что «Родину любят не за то, что она великая, а за то, что она своя», А.Далчев делится сокровенными чувствами и с особым волнением раскрывает свою любовь и принадлежность к Родине.

Уже с первой строки автор с кажущейся банальностью констатирует очевидные факты:

<i>Не съм те никога избирал на земята.</i>	<i>Не выбирал тебя никогда на земле.</i>
<i>Родих се просто в теб на юнски ден във зноя.</i>	<i>Просто родился в тебе в зное июньского дня</i>
<i>Аз те обичам не защото си богата,</i>	<i>Люблю тебя не потому, что ты богата,</i>
<i>а само за това, че си родина моя»</i>	<i>а только за то, что ты родина моя.</i>

[Тасковова С., электр.ресурс – перевод А.С.] (Подстрочник мой – А.С.)

*Не потому, что я избрал тебя когда-то,
Мне свет твоей зари в глаза впервые брызнул.
Люблю тебя не потому, что ты богата,
А просто потому, что ты моя отчизна.*

(Перевод В.Арсеньева)

В самом начале стихотворения произведена замена: переводчик изменил содержание второй строки: «...родился в тебе в зное июньского дня» переведено «Мне свет твоей зари в глаза впервые брызнул». То есть, вместо календарного времени года в переводе картина времени суток. Сам А.Далчев действительно родился в июне 1904 года. Но для автора перевода это не главное, в его рецепции вторая строка стихотворения восхищает своей музыкальностью. Используя аллитерацию и ассонанс, Арсеньев создает благозвучную строку из звонких и мягких согласных (б, в -5 раз, з-3 раза, л-2 раза) и гласных (е-5 раз и а-3 раза): *Мне свет твоей зари в глаза впервые брызнул.*

Переводчик должен обладать знанием языка и истории, прежде всего. Одной емкой строкой «ослепленные бойцы Самуила» А.Далчев напоминает о трагическом эпизоде из истории Болгарии: в 1014 году в кровопролитном сражении при Беласице византийский император Василий II разбил болгарскую армию, и, взяв в плен 15000 болгар, приказал всех их ослепить и затем отпустил на свободу, оставив в каждой сотне по одному поводырю с одним глазом.

«Автор произведения отталкивается от сухих, бездушных утверждений, приводя в пример не славное прошлое или прекрасную природу родного края, а выводя на первый план один из самых страшных моментов болгарской истории, полной трагизма – «ослепленных бойцов Самуила». Истоки любви не в гордости от исторического прошлого Отечества, а в осознании глубины трагизма («че съм безсилен да забравя») и в сострадании («страданияето мен по-силно с теб ме свързва»). Так, сопереживание, солидарность в горе, бесславии, бесчестье и в позоре превращается в наивысшую основу духовной связи, в неоспоримое доказательство человечности лирического субъекта Далчева. Именно милосердие объединяет судьбы, именно оно способно соткать из отдельной личности, коллектива и всей страны земли неделимое целое [Таскова С., электр.ресурс]».

*И българин съм не заради твойта слава
И твойте подвизи и твойта бранна сила,
а зарад туй , че съм безсилен да забравя
за ослепелите бойци на Самуила.*
[Далчев А., 1972]

*И я болгарин не ради твоей славы
и подвигов твоих и силы твоей бранной,
а потому, что мне не по силам забыть
об ослепленных бойцах Самуила*
(перевод мой – С.А.)

*И я твой сын не потому, что с поля брани
Не раз ты в блеске ратной славы приходила,
А потому, что не могу забыть преданий
Об ослепленном войске Самуила.*
(В.Арсеньев)

В оригинале в начале второй строфы строка «И българин съм не заради твойта слава» (подстрочный перевод: «И я болгарин не ради твоей славы») переведена «И я твой сын не потому, что с поля брани...». В рецепции В.Арсеньева «болгарин» заменено на «сын». Возможно, здесь мы в очередной раз сталкиваемся с позицией Валентина, человека, который принял свою судьбу – русского, живущего в Болгарии. Тем не менее, слово «сын» в данном контексте звучит не менее пафосно, чем «болгарин».

Если у Далчева речь идет о бойцах, то у Арсеньева мы встречаем «ослепленное войско Самуила», что является лексически верным решением – указывает на огромный масштаб потерь и человеческого горя.

«По своей тематике и ее выражению текст однозначно отходит от типичного проявления патриотического пафоса в национальной литературе. Лирическое Я отклоняет самый яркий традиционный аргумент болгарского патриотизма – богато одаренную „землю-рай“, обладающую всеми благами природы. Вместо сакральной

клятвенной формулы принадлежности к Родине – искреннее объяснение этого чувства посредством трагического исторического экскурса.

Эмоциональная кульминация связана с патриотизмом, воспринимаемым как бескорыстное чувство сопричастности к страданиям Родины, к обычной жизни обыкновенных людей, полной трагизма, пронизывающим историю Болгарии с древних времен до наших дней. Не почести и власть, а сопричастность к трагизму связывают человека с Родиной. Этим объясняется тихая патетика стихов:

Страданияето мен по-силно с теб ме свързва *В моей душе твои страдания живы*
И нашата любов в една съдба превръща». *И делают любовь к тебе – судьбою.*
[С.Таскова, электр.ресурс– перевод мой - А.С.] (В.Арсеньев)

Стиль стихотворения А.Далчева отличается простотой, в нем минимум художественно-выразительных средств. Лексемы и метафоры, тщательно подобранные В.Арсеньевым, служат для создания приподнятого, торжественно-возвышенного стиля, характерного для патриотической лирики: «отчизна», «твой сын», «в блеске ратной славы», «свет твоей зари», «поле брани», «войско», «предания», «судьба». Каждое из этих слов дает нам ощущение дыхания истории. Кроме того, в переводе Арсеньева использовано олицетворение: Родина «в блеске ратной славы **приходила**» (выделено мной – Д.С.)

Одно из известных произведений Дамяна Дамянова – болгарского поэта, автора многочисленных лирических сборников – стихотворение «Българийо, от обич плача». В переводе на русский язык – «Болгария, плачу от любви», в рецепции же В.Арсеньева оно звучит «На коленях стою пред тобою». Это обращение к родной стране – Болгарии, эмоционально-экспрессивное признание в горячей любви к ней, выраженное словами: «плачу от любви», «припав к твоей материнской груди», «самая святая земля», «ради тебя опоздал умереть», «священная любовь».

Българийо, от обич плача
над майчините ти гърди!
Благодаря ти за това, че
под свойто слънце ме роди.
[Дамянов Д. 1967].

Болгария, плачу от любви
припав к твоей материнской груди!
Благодарю тебя за то, что
под своим солнцем меня родила!
(перевод мой – С.А.)

Болгария, от счастья плачу,
Припав к твоей груди родной!
Любовью воздаю горячей
За то, что я рожден тобой!
(В.Арсеньев)

Поэт благодарит Болгарию за то, что он родился именно в этой стране («под своим солнцем меня родила!»), гордится тем, что здесь жили национальные герои Болгарии – Караджа (Стефан Караджа – борец за независимость и свободу народа) и Левский (политический деятель, революционер, участник национально-освободительного движения, известен как «Апостол свободы»).

Дамянов благодарит Отчизну за ее небо, солнце, землю, на которой он родился, корит себя за то, что он не герой, не сделал ничего для родины, не совершил подвиг. Образ Болгарии в его стихах – это солнце, небо, земля, исторические личности Караджа и Левски. Болгария для многих людей ассоциируется с солнцем, морем, курортами и пляжами – Солнечная Болгария, Золотые пески и т.д. Солнце в этом стихотворении не просто необходимый элемент пейзажа, а символ тепла, детства и родной страны.

В.Арсеньев воссоздает особенности образной системы (Караджа, Левский, солнце, небо, лестница), бережно передает звучание оригинала и его интонацию. В его интерпретации стихотворение также звучит пафосно, как в оригинале, благодаря использованной лексике возвышенного стиля: «от счастья плачу», «припав к твоей груди родной!», «любовью воздаю горячей», «за землю, любимую, святую», «благодарю, о мать моя». Само название стихотворения в рецепции В.Арсеньева «На коленях стою пред тобою» говорит о глубокой любви к родине.

Поэт-переводчик должен обладать фоновыми знаниями. Например, непонятный для некоторых образ «лестницы» связан с рассказом писателя Христо Смирненского «Приказка за стълбата» («Сказка о лестнице»), исключительно популярного в Болгарии, герой которого, обездоленный и требовавший всеобщей справедливости, поднимаясь по лестнице (успеха и благополучия), постепенно забывает о страданиях своих братьев и присоединяется к ранее ненавистной верхушке общества.

Любой переводчик имеет право вводить свои образы, эпитеты, сравнения. Не исключение и В. Арсеньев. Он вводит новый образ – «могучие хребты», вероятно, для дополнения образа Болгарии или для создания рифмы «Левского черты»:

<i>За твое солнце – то,</i>	<i>И за могучие хребты,</i>
<i>в котором вижу, как светит</i>	<i>За солнце ясное, в котором</i>
<i>Левского русая голова.</i>	<i>Я вижу Левского черты.</i>
(перевод мой – С.А.)	(В.Арсеньев)

Болгарские поэты с разной степенью чувств выражают свою, ни с чем неизмеримую, любовь к родине – небольшой стране с великой историей, героическим прошлым и красивой природой. Образ Родины в болгарской поэзии XX века состоит из географических, исторических и культурных реалий. Валентин Арсеньев тонко

чувствует семантику слова, глубоко понимает особенности поэтического мира переводимых авторов. У него всегда присутствует образ времени, раздумья об историческом процессе, о смысле истории.

Переводы произведений болгарских поэтов на русский язык в образно-художественном аспекте адекватны оригиналам. В рецепции В. Арсеньева сохранено национальное своеобразие, художественный мир болгарских поэтов. Экспрессивный строй (пафос, патетика, интонация) произведений сохраняет силу эстетического воздействия. Это объясняется, прежде всего, знанием языка и историко-культурного фона народа, с языка которого переводится произведение.

В любви болгарских поэтов к родине есть и ответное чувство благодарности Валентина Арсеньева – русского поэта-эмигранта к стране, которая в трудные для него годы дала ему кров и надежду на будущее. Болгария помогала ему расти физически и духовно, дала ему возможность раскрыть полностью свой творческий потенциал, не дав ему затеряться на чужбине, а напротив, стать одним из известных переводчиков в Болгарии. Тем не менее, в интерпретации образа Родины чувствуется необъяснимая грусть и тоска русского поэта-эмигранта.

Список литературы:

- Ощепкова А.А.* Хронотоп дороги в поэзии Н. Е. Ряшенцевой // Филология и лингвистика. – 2016. – №1. – С. 6-9. – URL <https://moluch.ru/th/6/archive/23/784/julvius.org/doroga-ili-put-v-sundakov-o-raznom-znachenii-etih-slov/>
- Черепанова О.А.* (г.Санкт-Петербург). Путь и дорога в русской ментальности и в древних текстах kizhi.karelia.ru/library/ryabinin-1999/213.html
- Тимофеева В.М., Мицкевич Б.П.* Зарубежная литература (1917-1975 годы). – Мн.: Изд-во БГУ им.В.И.Ленина, 1976. – 463 с.
- Далчев Атанас.* Балкон. Стихотворения. София: Български писател, 1972. – 243 с.
- Дамянов.* Дамян Коленича пред тебе... Стихотворения. София. Профиздат, 1967. – 74 с.
- Георги Джагаров.* Понякога. Избранные стихотворения. *София: Български писател, 1979. – 234 стр.*
- Тасковова Светлана.* Атанас Далчев и неговият поетичен свят на вещите. <http://www.blgari.eu/Archiv/PDF/1405/www/1405-38-39.pdf>
- Хауген Э.* Языковой контакт // Новое в лингвистике. – Вып. 6. – М., 1972. – С. 69-70.

Зверева М.И.
Военно-космическая академия имени А.Ф. Можайского
г. Санкт-Петербург (Россия)

Zvereva Marianna
Mozhaisky Military Space Academy
Saint Petersburg (Russia)

ЭВФЕМИЗМЫ И НАЦИОНАЛЬНЫЙ МЕНТАЛИТЕТ

EUPHEMISMS AND NATIONAL MENTALITY

Статья посвящена проблеме отражения национального менталитета в эвфемизмах. В статье приведены результаты эксперимента, в котором участвовали представители 6 стран (Россия, Камерун, Нигер, Ангола, Мозамбик, Турция) – носители 4 языков: русского, французского, португальского и турецкого. Для решения обозначенной проблемы был проведён сопоставительный анализ эвфемизмов из этих 4 языков. Результаты анализа показали, что эвфемизмы бывают как национально специфические, так и интернациональные. По этой причине для корректного перевода текстов с эвфемизмами необходимо знать эквиваленты этих эвфемизмов в иностранном языке. Кроме этого, в статье дана характеристика понятия «эвфемизм» и отмечены его функции: 1) замена грубых, неприличных, неприятных слов, 2) выражение политкорректности, 3) манипуляция, 4) юмористическая функция.

The article is devoted to the problem of reflecting the national mentality in euphemisms. The article presents the results of the experiment, which was attended by representatives of 6 countries (Russia, Cameroon, Niger, Angola, Mozambique, Turkey) – they are speakers of four languages: Russian, French, Portuguese and Turkish. To solve this problem, a comparative analysis of euphemisms of these four languages was conducted. The results of the analysis shows that some euphemisms are nationally specific and another euphemisms are international. For this reason, for the correct translation of texts with euphemisms, it is necessary to know the equivalents of these euphemisms in a foreign language.

In addition, the article describes the concept of "euphemism" and notes its functions: 1) replacement of gross, indecent, unpleasant words, 2) expression of political correctness, 3) manipulation, 4) humorous function.

Ключевые слова: эвфемизм, национальный менталитет, политкорректность, функции эвфемизмов, комический эффект, речевая манипуляция.

Keywords: euphemism, national mentality, political correctness, functions of euphemisms, comic effect, speech manipulation.

Национальный менталитет как «свойственный данной этнической общности стиль жизни, культуры; присущая данной нации система ценностей, взглядов, мировоззрения, черт характера, норм поведения» [Этнопсихологический словарь, 1999], главным образом, отражается в фольклоре, художественной литературе, публицистике, изобразительном искусстве, кинематографе, танцах, музыке, т. е. в своеобразных семиотических системах, способных посредством определённых знаков передавать, доносить важную национально-культурную информацию.

Национальный менталитет «характеризуется устойчивыми неизменностью, постоянством, консерватизмом; он слабо подвержен воздействию извне, попыткам идеологического, административного, правового или управленческого давления» [Этнопсихологический словарь, 1999], и поэтому прочнее всего он закреплён в языке – семиотической системе статичной и динамичной одновременно.

Национальный менталитет связан с языком – он отражён, запечатлён в языке, в выражениях и текстах, созданных посредством определённого языка. Причём проверить достоверность такого суждения можно не только путём анализа идейно насыщенных фольклорных и литературных произведений, но и при осмыслении некоторых языковых единиц, например, эвфемизмов.

Эвфемизм – это «более мягкое выражение вместо грубого» [Словарь-справочник лингвистических терминов, 1976], употребляемое «для не прямого, прикрытого обозначения какого-нибудь предмета или явления, называть которое его прямым именем в данной обстановке неудобно, неприлично, не принято» [Толковый словарь русского языка, 1940].

Эвфемизм – это перифрастическое средство, обладающее такой семантической структурой, в которой базовое и контекстуальное значения не совпадают или совпадают лишь отчасти, что существенно расширяет спектр возможностей для передачи разных смыслов и идей с его помощью.

Чтобы нагляднее продемонстрировать специфику семантической структуры эвфемизма, можно воспользоваться методом, разработанным группой лингвистов из Пермского государственного национального исследовательского университета [Куприянычева, 2016, с. 152–155.], которые, в свою очередь, при создании этого метода опирались на опыт группы ученых Pragglejaz Group из Свободного Университета г. Амстердама, похожим образом идентифицирующих метафору [Pragglejaz Group, 2007, p. 1–39].

В качестве примера возьмём текстовый фрагмент из газеты «Известия»:

«Кстати, одним из разработчиков была и российская антидопинговая лаборатория, когда ей руководил наш “замечательный” Григорий Родченков. В ситуации, которая сейчас сложилась, не представляется возможным рассуждать о достоверности анализов» (Известия. 2016. 17 августа).

В приведённом примере базовое и контекстуальное значения лексемы «замечательный» не совпадают. Дополнительным маркером этого является написание данного слова в кавычках: «кавычки могут указывать на подтекст, на скрытый смысл, требующий декодирования» [Ковшова, 2007, с. 145].

Дефиниционное значение лексической единицы «*замечательный*» («исключительный по своим достоинствам; выдающийся» [Толковый словарь русского языка, 2000]) отмечено на графической схеме (Рис. 1) на оси абсцисс. Контекстуальное значение лексической единицы «*замечательный*» («скандально известный, противник российской сборной») отмечено на оси ординат. Таким образом, на оси абсцисс отмечена область-цель (a); на оси ординат – область-источник (b); расположенная в поле «+/-» точка (c) – это эвфемизм, смягчение или нейтрализация основного значения.

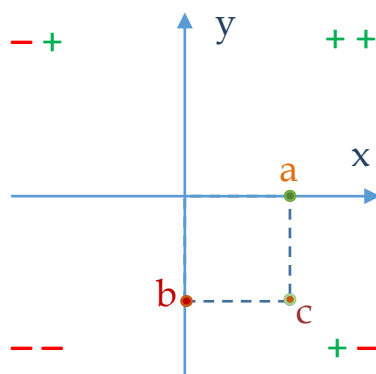

Рис. 1 «Графическая схема идентификации эвфемизма».

При этом важно отметить то, что в рассматриваемом примере «*замечательный*» – это ирония. А поскольку данная фигура речи выполняет смягчающую функцию, её можно рассматривать как эвфемизм.

Благодаря такой своей природе эвфемизм способен выполнять в тексте не только основную функцию смягчения и нейтрализации негативных смыслов, но и ещё целый ряд функций, наиболее яркими из которых являются следующие:

1) замена грубых, неприличных, неприятных слов:

«Женская сборная России по теннису **уступила** команде Белоруссии со счётом 1:3» (Известия. 2016. 18 апреля) – эвфемизм «*уступила*» мягче и отчасти приятнее звучит, чем прямая номинация «*проиграла*»;

2) выражение политкорректности:

«32-летний форвард столичного “Динамо” Кевин Кураньи начал вести переговоры о продлении контракта с клубом. <...> Только в клубе знают, как обстоят дела со здоровьем Кевина. Все-таки это **возрастной футболист**, которому в 2015-м исполнится 33 года» (Известия. 2014.8 декабря) – эвфемизм «*возрастной*» – порождение современного «политкорректного мира» – заменяет прямую номинацию «*старый*».

3) манипуляция через размывание, сокрытие смысла:

«Соседствующий с “ПСМА Рус” завод Volkswagen только готовится к остановке и возможному **изменению трудовых взаимоотношений с сотрудниками**» (Известия. 18.12.2014) – здесь посредством эвфемизма «*изменение трудовых взаимоотношений*» читатель вводится в заблуждение, поскольку такой эвфемизм обладает предельно размытой семантикой и лишь отдалённо соотносится со словами «сокращение», «увольнение», отражающими суть происходящего;

4) создание комического эффекта, юмористическая функция:

«Среди тех, кто обращался в течение последнего года в государственные медицинские учреждения, 17% попадали в ситуацию, когда для получения медицинской помощи необходимо было передать персоналу **подарок** <...>. При этом сумма, которую в среднем тратят россияне на “благодарность” медикам, составляет 4,2 тыс. рублей. В 2013 году **подарки** были почти в два раза дешевле — 2643 рубля» (Известия. 2014. 12 декабря) – эвфемизм «подарок» в данном контексте использован не столько с целью смягчения негативного значения прямой номинации «взятка», сколько с целью реализации юмора в тексте.

Благодаря такой перифрастичности, двойственности семантической структуры, функциональной дифференцированности эвфемизмы потенциально способны отражать национально-культурную, ментальную специфику. Но чтобы понять, в какой степени национальный менталитет может быть отражён в эвфемизмах, необходим сопоставительный анализ эвфемизмов из разных языков.

Для проведения такого анализа был отобран 21 эвфемизм из текстов газеты «Известия» за 2014-2017 гг. Принципом отбора стал фактор неоднократной воспроизводимости этих эвфемизмов как в текстах газеты «Известия», так и в иных источниках средств массовой коммуникации. Отобранные эвфемизмы условно были разделены на три тематические группы: «общие», «социально-экономические», «спортивные». Так сформировался своеобразный словник «безусловных»¹⁶³ эвфемизмов русского языка, представленный в Таблице 1.

№	Русский эвфемизм	Прямая номинация
ОБЩИЕ		

¹⁶³ В случае, если в контексте не использована прямая номинация с явно негативными коннотациями. Для корректного анализа или использования эвфемизмов учёт контекста обязателен.

1	человек старшего возраста (поколения) / человек в возрасте (в годах) / человек серебряного возраста	= старый человек
2	полный / с избыточным весом	= толстый человек
3	человек с ограниченными возможностями /особый человек / человек с особенностями	= инвалид, человек с физическими отклонениями
4	скончался / ушёл из жизни / покинул мир / человека не стало / человек больше не с нами	= человек умер
5	ликвидировать / обезвредить (преступника)	= убить (преступника)
6	не переоценивать объективность и т.п.	= считать что-то необъективным и т.п.
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ		
7	оптимизация / изменение трудовых взаимоотношений с работниками	= увольнение, сокращение работников
8	освободить от должности / расстаться с	= уволить, расторгнуть контракт с ...
9	серый капитал	= незаконный капитал
10	уйти в тень	= начать вести незаконную деятельность
11	теневая деятельность / теневой рынок	= незаконная деятельность, незаконный рынок
12	не найти себя	= не трудоустроиться
13	уходить от погашения долга	= не платить долг
14	сомнительный	= мошеннический
15	фигурант	= обвиняемый
16	заинтересовались (спецслужбы)	= расследовать // (спецслужбы) начали расследование, проверку
17	подарок / передать подарок	= взятка // коррупция

СПОРТИВНЫЕ		
18	уступить / упустить победу / удача на стороне соперника	= проиграть
19	неубедительно играть	= плохо играть
20	недостаточный игровой ресурс	= плохие игроки
21	возрастной (футболист)	= старый (футболист)

Таблица 1. «Выражения русского языка, часто выполняющие эвфемистические функции».

После этого представителям из пяти стран (Камерун, Нигер, Ангола, Мозамбик, Турция) – носителям французского, португальского и турецкого языков – было предложено написать эвфемизмы на родном языке (если такие существуют) к прямым номинациям.

Сопоставление русских эвфемизмов с турецкими, французскими, португальскими эвфемизмами и анализ результатов проведённого эксперимента позволили сделать несколько любопытных выводов.

I. Некоторые русские эвфемизмы (например, «сомнительный» (= *мошеннический*), «заинтересовались спецслужбы» (= *спецслужбы начали расследование / проверку*), «фигурант» (= *обвиняемый*)) не имеют адекватного эвфемистического эквивалента, в частности, в турецком языке, т.е. там используются прямые номинации, говорят прямо. Это не может не указывать на ментальную специфику турецкого народа, возможно, связанную с более строгим отношением к нарушениям законов, запретов. И это можно засчитать в качестве подтверждения того, что эвфемизмы обладают качеством национально-культурного, ментального «отражателя».

Об этом же свидетельствует и другой факт: в разных языках в качестве эвфемизмов к одному и тому же явлению (реалии) порой выступают разные слова.

Например, эквивалентами русского эвфемизма «подарок» в значении «взятка» будут:

- во французском языке «cadeau» (*подарок*);
- в португальском языке «oferta» (*подарок*), однако, это слово крайне редко используется носителями португальского языка из Анголы и Мозамбика, частотным и самым распространённым эвфемизмом для слова «взятка» является слово «gasosa» (*газировка*) – примечательно, что эвфемизмом стало название именно холодного

напитка, а не горячего (не чай, например) – в этом, вероятно, есть логическая связь с жарким климатом этих стран;

➤ в турецком языке «*çorba parası*» («деньги на суп») и «*yeşillendirmek*» (в значении «зеленей!»): первое выражение связано с тем, что суп в Турции – это, как правило, очень дешёвая еда, она стоит мало денег, и порция маленькая – таким образом говорящий вуалирует реальную сумму взятки, которая, разумеется, будет в разы превышать стоимость маленькой тарелки супа; второе выражение, согласно объяснению одного носителя турецкого языка, связано с аналогией весны в природе, т.е. когда природа зеленеет, она даёт какие-то блага человеку, поэтому глагол «зеленей!» в значении «давай взятку» тоже побуждает передать определённые «блага» взяточнику.

II. В то же время, при сопоставлении эвфемизмов из разных языков были зафиксированы случаи, когда эвфемистические выражения различались совсем незначительно, оттенками (даже в буквальном смысле этого слова), например, «*серый капитал*», «*теневой рынок*», «*capital gris*» (фр. «серый капитал»), «*marché noir*» (фр. «чёрный рынок»), «*kara para*» (тур. «чёрные деньги»), «*karanlık işler*» (тур. «тёмное дело»). Вряд ли такая цветовая вариативность несёт в себе большие смыслы, однако, как факт, такая «оттеночность» в ходе эксперимента тоже была отмечена. Но если не брать во внимание незначительную разницу цветовой палитры, то такие эвфемизмы, в отличие от первых, не имеют отношения к отражению национального менталитета.

III. Кроме этого, был замечен ещё один интересный факт. При сопоставлении эвфемизмов, написанных респондентами из Анголы и Мозамбика, было установлено, что совпадают не все эвфемистические выражения, несмотря на то, что они написаны на одном португальском языке. Например, избегая прямых номинаций «старый человек», «толстый человек», «инвалид», жители Мозамбика могут сказать «*pessoa cansada*», «*pessoa completa*», «*pessoa incompleta*», а в Анголе такие варианты совсем не употребительны. При этом, подобные случаи несовпадения эвфемизмов не были обнаружены среди вариантов, написанных на французском языке респондентами из Камеруна и Нигера. И хоть такие данные недостаточны для того, чтобы сделать какой-либо основательный вывод, зато они достаточны для того, чтобы сделать предположение: несовпадение некоторых португальских эвфемизмов и совпадение французских обусловлено не столько фактором «государство» (потому что и в одном, и в другом случае респонденты, говорящие на одном языке, были гражданами разных стран), сколько фактором «территория». Так, государства Ангола и Мозамбик находятся на противоположных побережьях Южной Африки – западном и восточном

соответственно – и существенно отдалены друг от друга страной Замбией с англоговорящим населением. А государства Нигер и Камерун территориально близки, объединены водами озера Чад. В связи с этим вспоминаются и немного шире интерпретируются идеи философа И.А. Ильина и его мысль, согласно которой, одним из 10 сокровищ – фундаментальных национальных ценностей – является территория. Однако в настоящем контексте под территорией подразумевается не только национально-государственная платформа, но и лингвогеографическая и даже просто географическая.

Итак, эвфемизмы и национальный менталитет – это связанные понятия. Однако насколько они связаны между собой, особенно, в современном динамично развивающемся и подверженном процессу глобализации мире – это дискуссионный и весьма интересный вопрос. Но связь определённо существует. И раз связь есть, и есть примеры, подтверждающие то, что в эвфемизмах порой отражается национальный менталитет, то это важно. Это сигнализирует о том, что корректный перевод текстов, содержащих эвфемизмы, невозможен при автоматическом калькировании таких специфических слов – необходимо знание эвфемистического эквивалента, который используют носители того языка, на который осуществляется перевод.

Список литературы:

- Ильин И.А.* О России. Три речи / И.А. Ильин. София: За Россию, 1934. 26 с.
- Ковшова М.Л.* Семантика и прагматика эвфемизмов. Краткий тематический словарь современных русских эвфемизмов / М.Л. Ковшова. М.: Гнозис, 2007. 320 с.
- Куприянычева Е.А.* Особенности идентификации гиперболы и эвфемизма // Историческая и социально-образовательная мысль / Е. Куприянычева, С. Мишланова, Е. Химинец, 2016. Т. 8. №4/2. С. 152–155.
- Словарь-справочник лингвистических терминов [Электрон. ресурс] / Д.Э. Розенталь, М.А. Теленкова. – 1976. – Режим доступа: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/lingvistic/1852/эвфемизм>.
- Толковый словарь русского языка [Электрон. ресурс] / Ред. Д.Н. Ушаков. – 1940. – Режим доступа: URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/1095558>.
- Толковый словарь русского языка [Электрон. ресурс] / Ред. Т.Ф. Ефремова. – 2000. – Режим доступа: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/165342>
- Этнопсихологический словарь [Электрон. ресурс] / Ред. В.Г. Крысько. – 1999. – Режим доступа: https://ethnopsychology.academic.ru/190/менталитет_национальный.
- Pragglejaz Group. MIP: A method for identifying metaphorically used words in discourse // Metaphor and Symbol / Pragglejaz Group, 2007. №22 (1). P. 1–39.

Лыткина О.И.
Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова
г. Москва (Россия)

Lytkina O.I.
Lomonosov Moscow State University
Moscow (Russia)

КОНЦЕПТ «СВОЙ - ЧУЖОЙ» В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КАРТИНЕ МИРА С. ДОВЛАТОВА И М. ЗАДОРНОВА

THE CONCEPT OF «OWN-ALIEN» IN THE ARTISTIC PICTURE OF THE WORLD OF S. DOVLATOV AND M. ZADORNOV

Работа посвящена изучению проблемы соотношения языка и культуры на материале художественных текстов. В статье были проанализированы произведения С. Довлатова «Иностранка» и М. Задорнова «Возвращение» с точки зрения когнитивной лингвистики. Установлено, что произведения построены по принципу противопоставления «свой – чужой», которое реализуется в противопоставлении концептов «Россия» - «Америка» и «Государство» - «Родина». Результатом исследования стало выявление и описание способов языковой репрезентации концептов.

The work is devoted to the study of the problem of correlation of language and culture on the material of literary texts. The article analyzes the works written by S. Dovlatov «A Foreign Woman» and M. Zadornov «Return» from the point of view of cognitive linguistics. It is established that the works are built on the principle of the opposition «own – alien», which is implemented in opposition to the concepts of «Russia» - «America» and «state» - «homeland». The result of the study was to identify and describe the method of linguistic representation of concepts.

Ключевые слова: концепт «свой – чужой», художественная картина мира, С. Довлатов, М. Задорнов.

Key words: concept «own – alien», America, artistic picture of the world, S. Dovlatov, M. Zadornov.

Наша работа посвящена изучению русской национальной концептосферы на материале повести С. Довлатова «Иностранка» (1986) и путевых очерков М. Задорнова «Возвращение» (1989). Выбор материала исследования обусловлен тем, что, во-первых, художественная картина мира авторитетных авторов является составляющей национальной картины мира, в той или иной степени отражая ее специфику, а во-вторых, является одним из факторов, ее определяющих. Последний тезис подтверждается результатами ассоциативных экспериментов. Так, например, в ответах респондентов на стимул «Америка» нами было зафиксирована реакция «Задорнов» [Лыткина, 2008]. Обращение именно к произведениям С. Довлатова «Иностранка» и М. Задорнова «Возвращение» объясняется не только общностью темы Америки и

американцев (США) и жанром путешествия. Произведения написаны практически в одно время (с разницей в 3 года), что позволяет предположить большое сходство в описании и восприятии чужой страны и культуры, которое, вероятно, обусловлено национальной картиной мира, носителями которой являются писатели. Следует также отметить, что композиция анализируемых произведений базируется на противопоставлении «своего» («русского»/«советского», «родного») и «чужого» («американского»), России (СССР) и Америки (США).

Объектом нашего исследования является художественная картина мира С. Довлатова и М. Задорнова, а предметом – способы языковой репрезентации концепта «свой – чужой» в текстах произведений.

Поскольку понятия «художественная картина мира» и «концепт» относятся к сфере ментальности и не имеют единой трактовки, нам представляется целесообразным пояснить, что в данной работе понимается под этими терминами. Мы придерживаемся узкого понимания художественной картины мира как художественного мира писателя/поэта (разновидности индивидуально-авторской картины мира). Художественная картина мира в таком понимании «отражает представления о писателе, об окружающем его мире, закрепленные в языковой форме в одном или нескольких произведениях» [Петрова, 2006, с. 48]. Инструментом познания художественной картины мира является концепт, под которым вслед за Ю.Е. Прохоровым нами понимается «сложившаяся совокупность правил и оценок организации элементов хаоса картины бытия, детерминированная особенностями деятельности представителей данного лингвокультурного сообщества, закрепленная в их национальной картине мира и транслируемая средствами языка в их общении» [Прохоров, 2008, с. 159]. Содержание концепта представлено различными когнитивными признаками: образными, информационными, интерпретационными, ценностными, понятийными, историческими, ассоциативными, общенациональными, групповыми, региональными (локальными), индивидуальными и др. признаками, т.е. разными типами знаний, относящихся к разным типам картин мира (научной, публицистической, рекламной, наивной, национальной, индивидуальной и т.д.).

Для определения содержания концепта «свой - чужой» нами были использованы следующие методы исследования: контент-анализ, декодирование, методы когнитивной лингвистики, позволяющие выявить реальный смысл языковых единиц, выражающих идею исследуемых текстов, интерпретировать тексты с точки зрения адресанта и адресата, выстроить модели текстообразования от замысла говорящего к его вербализации.

Концепт «свой - чужой» в повести С. Довлатова «Иностранка». Познание «чужого» для героев повести С. Довлатова «Иностранка» начинается с эмиграции, которая представлялась им чем-то нереальным, идеей о загробной жизни, когда можно начать все сначала, избавиться от бремени прошлого. Эмиграция, действительно, коренным образом изменила жизнь героев, а краткое упоминание об их прошлом напоминает в отдельных случаях некролог (этому способствует многократное употребление слов «был», «бывший»): «Леве Баранову за шестьдесят. Он бывший художник-молотовист» [Довлатов 2007: 9]; «Елесеевский был в Киеве преподавателем марксизма-ленинизма» [Там же: 10]; «В Союзе Зяма был юристом» [Там же: 13]; «В Союзе Зарецкий был известен популярными монографиями о деятелях культуры» [Там же: 14]; «В Союзе Лемкус был профессиональным затейником» [Там же: 17] и др.

Поскольку жизнь всех героев сосредоточена в Нью-Йорке, то и представление обо всей стране у них складывается только по жизни одного города. В этом случае ключевым словом концепта «Америка» будет цивилизация: «Муся ехала «Амтраком» в шесть утра. За окнами мелькали реки, горы, перелески - все как будто нарисованное. Утренний пейзаж в оконной раме. Не природа, думала Маруся, а какая-то цивилизация...» [Там же: 123-124].

Знакомство с американской культурой главной героини начинается в аэропорту Кеннеди: «Еще через шестнадцать дней Маруся приземлилась в аэропорту имени Кеннеди. В руках у нее был пакет с кукурузными чипсами» [Там же: 47]. Американская культура это еще и автомобили, Бродвей, витрины, дайперсы, разноцветная бумажная посуда, фисташки: «Ночной Бродвей показался ей шумным и грязным [Там же: 53]; «Черeda автомобилей на бульваре превратилась в стоянку такси» [Там же: 58]; «Мимо захламленных тротуаров и ослепительных, безвкусных витрин» [Там же: 58]; «Эти самые дайперсы - первое, что Маруся оценила на Западе. «Кроме того, ей нравились чипсы, фисташки и разноцветная бумажная посуда. Поел и выбросил...» [Там же: 55] и т.д.

Город оглушил героиню, его звуковая характеристика выражена в словах: вой, сирены, гудки, крики лотошников, шум, нескончаемый барабанный грохот, однообразная вибрирующая музыка, грохот...: «Триста восемьдесят шагов сквозь разноцветную, праздную, горланящую толпу. В облаках бензиновой гари, табачного дыма и запаха уличных жаровен. ...Под крики лотошников, вой автомобильных сирен и нескончаемый барабанный грохот...» [Там же: 58]; «Там грохотала музыка» [Там же: 119] и др. Вот почему, ища способ разбогатеть, Рафаэль решает продавать тишину: «В нашей жизни слишком много шума. Это вредно. Действует на психику. От этого все

люди стали нервными и злыми. Людям просто не хватает тишины. Так вот, мы будем собирать ее, хранить и продавать...» [Там же: 120].

В содержании концепта «Америка» представлен еще один тип информации – запах: аммиачное зловоние, бензиновая гарь, запах дыма, уличных жаровень, пиццерии, косметики..., например: «Ей хотелось достичь равнодушия к шуму транзисторов и аммиачному зловонию сабвея» [Там же: 58]; «Смешанные запахи пиццерии, косметики и бензиновой гари?» [Там же: 80-81]; «Тяжелый запах дыма и бензина» [Там же: 112] и др.

Эмоциональная составляющая концепта «Америка» представлена неоднозначно. С одной стороны, чужая незнакомая среда вызывает у героев чувства страха, беспомощности, одиночества, тревоги, раздражения, неустойчивости, желание выпить: «Одиноким русским женщинам...» [эпиграф]; «Нью-Йорк внушал Марусе чувство раздражения и страха» [Там же: 58]; «Ежедневная порция страха и неуверенности...» [Там же]; «Маруся чувствовала себя, как на даче у родственников. Рано или поздно надо будет возвращаться домой. Но куда? ...В общем, чувство тревоги с каждым днем нарастало...» [Там же: 63]; «Рафаэль материализовался из общего чувства неустойчивости. Из ощущения праздника, беды, успеха, неудачи, катастрофической феерии» [Там же: 81] и др.

Объединяющим всех эмигрантов является чувство разочарования, рухнувшей надежды: «На Западе Еселевский окончательно разочаровался в марксизме. Начал публиковать в эмигрантских газетах запальчивые статьи. Но затем, он разочаровался и в эмигрантских газетах» [Там же: 10]; «Америка разочаровала Караваева» [Там же: 17], у Рафаэля галстук «цвета рухнувшей надежды» [Там же: 81] и т.д.

Свобода и демократия – визитная карточка великой и богатой страны – для русских эмигрантов оказались иллюзией, которая, как оказалось, была самым ходовым товаром в Америке: «...Я буду торговать иллюзиями по сорок центов штука. И заработаю на этом миллионы. Потому что самый ходовой товар в Америке - иллюзия...» [Там же: 104].

Разочарование рождает чувство одиночества, ощущение себя чужим и ненужным в «чужой, заморской, непонятной жизни» [Там же: 80]: «Но мы в чужой стране. Языка практически не знаем. В законах ориентируемся слабо. К оружию не привыкли. А тут у каждого второго - пистолет. Если не бомба...» [Там же: 85]; «Великая страна! Да мы-то здесь чужие, независимо от убеждений» [Там же: 118].

Ненужными в богатой и великой стране оказываются русская литература и все те ценности (не материальные), за которые эмигранты терпели гонения на родине:

«Известно, что американцы предпочитают собственную литературу. Переводные книги здесь довольно редко становятся бестселлерами. Библия – исключительный случай» [Там же: 75]. Но в Америке нет справедливости, ее ценности – деньги, богатство; заветная мечта – разбогатеть, получить миллионы: «Я заработаю миллионы! Вот увидишь! Миллионы!» [Там же: 120].

Показательно сравнение русских эмигрантов с командированными, зажавших в руке «два сорок», на которые нужно было существовать, а именно: «три раза в день питаться. Плюс сигареты, транспорт, мелкие расходы. Плюс непременно выпить. Да еще и отложить чего-то женам на подарки» [Там же: 89]. Таким образом автор еще раз подчеркивает ощущение некоего непостоянства и неустойчивости у своих героев. В этом отношении русские эмигранты очень отличаются от типичных американцев, целеустремленных, богатых, со здоровыми нервами, которые передеваются каждый день, являются принципиальными оптимистами, рассчитывают только на себя.

Чувство разочарования и растерянности приводят главную героиню к мысли о возвращении домой, в Россию. Однако Маруся Татарович не вернется в СССР. Причиной этого нам видится в разделении героями таких понятий, как «родина» и «государство», так намечается еще один способ вербальной реализации концепта «свой – чужой».

Родина – это, прежде всего, дом и ощущение дома. Поэтому в минуту отчаяния главная героиня заявляет о желании вернуться домой - «я хочу домой!» (так называется одна из глав):

«- Да хоть бы и в Москву! А что особенного?! Ведь не посадят же меня. К политике я отношения не имею...

- А свобода?

- На фиг мне свобода! Я хочу покоя... И вообще, зачем нужна свобода, когда у меня есть папа?!» [Там же: 113].

Концепт «государство» в художественной картине мира С. Довлатова имеет следующие способы вербализации: «Союз», аресты, верноподданничество, гонения, дефицит, диссидентство, карательные органы, конформизм, лагерь, марксизм, номенклатура, партия, разговоры о будущем, режим, советская власть, социалистический реализм, хамство, ханжеская мораль, цензура... Например: «Аресты не прекращались два года» [Там же: 27]; «Родители обвиняли своих детей в предательстве. Дети презирали родителей за верноподданничество и конформизм» [Там же: 45]; «Короче, Лемкус подвергся гонениям» [Там же: 19]; «Ему не хватало

здесь советской власти, марксизма и карательных органов» [Там же: 17]; «А кругом бурлила жизнь, наполненная социалистическим реализмом» [Там же: 21] и т.д.

Концепт «свой - чужой» в путевых заметках М.Задорнова «Возвращение». Путевые заметки М. Задорнова «Возвращение», так же как повесть С. Довлатова «Иностранка», наполнены чувством разочарования, но отличие в том, что это разочарование не от того, что герой ожидал увидеть в Америке, а от сравнения родины с Америкой. Само произведение строится по принципу развенчания официальных, навязываемых гражданам СССР представлений об Америке, которые вербализуются следующим образом: Запад, дядя Сэм, «утраченные иллюзии», «страдания эксплуатируемых масс», «небоскребы», ср. например: «Ему [партийному работнику – О.Л.] надо будет рассказывать о том, как там плохо. О чем он расскажет? О том, что их мостовые устланы утраченными иллюзиями неимущих, а тротуары вымощены страданиями эксплуатируемых масс?»; «Старая большевичка, мать Вали, до последнего дня искренне верила нашему правительству и Кукрыниксам, что Америка – это небритый дядя Сэм с жирным мешком денег вместо туловища и носом, похожим на Гренландию» [Задорнов 2009: 144]; «Среди лысой земли Техаса показался небоскребный затылок еще одного чудища...» [Там же: 192] и др.

Итак, Америка в заметках М. Задорнова – страна магазинов и миллионеров: «Стоит зайти в магазин, к тебе подбегает продавец и с идеально отшлифованной улыбкой: «Что вам угодно? Чем могу быть полезен?» Ну как ему объяснить, чем он может быть полезен? Только тем, что исчезнет немедленно. И не будет мешать. Потому что я зашел не купить, а посмотреть. Так как никогда не видел сто метров разной обуви сразу. Поэтому у меня сейчас экскурсия!» [Там же: 141]; «С другой стороны, какое еще выражение может быть у нашего человека, если он заходит в продуктовый магазин и видит там 40 сортов сыра?» [Там же: 143] «Американцы средней зажиточности для нас все миллионеры. Слово «миллионер» в настоящее время не имеет того смысла, который советские люди вкладывали в него поколениями. Хороший дом, сад, пара машин, бассейн, квартира в городе – вот уже и миллионер. Американское богатство – это оборот денег в год, это собственность, это кредитные карточки, а не сумма в банке...» [Там же: 178] и т.д.

«Американцы» охарактеризованы М. Задорновым следующим образом: «улыбчивые», «нет национальности», «толстые», «патриоты», «скупые», «прямоугольное мышление», «не любят эмигрантов», ср., например: «Даже прохожие улыбались мне, словно меня только что показали по американскому телевидению. Откуда же мне было знать, что в Америке просто так принято - улыбаться друг другу»

[Там же: 141]; «В Америке нет национальности, потому что там есть все остальное» [Там же: 151]; «...их человек туп от сытости» [Там же: 157]; «В результате в Америке появились настолько толстые люди, что американцы стали ими даже гордиться» [Там же: 179]; «У американцев хуже чувство юмора. Их юмор одноклеточный» [Там же: 181]; «...особые, непонятные нам отношения со своей конвертируемой валютой...» [Там же: 193]; «Скупость и та приобрела в Америке цивилизованный вид. И американцы хвастаются пакетами для собак не меньше, чем своей демократией» [Там же: 193] и т.д.

Продолжая традицию русской литературы, М. Задорнов дает характеристику и американскому языку. Следует отметить, что эта характеристика дается через сопоставление с советским (не русским!) языком: «У американского и советского языков есть общее. Советский – испорченный русский, американский – исковерканный английский. Советский язык – это русский язык, сознательно растянутый на бюрократической дыбе ради инструкций, которые не надо выполнять, докладов, которые не надо понимать, рапортов, за которые не надо отвечать. Язык, затуманенный солидными иностранными существительными, безграмотными прилагательными и деепричастными оборотами с продолжениями на следующей странице.

...Американский язык, наоборот, - язык деловых людей. Сжатый английский. Порой пропускаются звуки в словах, не договариваются сами слова... На американском языке можно кратчайшим путем договориться о сделке. Он постепенно избавляется от литературных, ненужных бизнесу красотостей. Американский вариант английского языка оказался настолько выгодным, что наиболее яркие «американизмы» стали быстро проникать в английский» [Там же: 173-174].

Таким образом, при описании Америки герой-рассказчик М.Задорнова постоянно «перекидывает» «грустный мостик на Родину». Так намечается еще одно противостояние «своего» и «чужого» - Родины и государства: «Так уж повелось на Руси, что понятия Родины и государства никогда не совпадали» [Там же: 200].

Родина – это, прежде всего, друзья, семья, дети, родители, руки отца, семейный альбом, школьный двор, уважение, Новый год, ёлка, свадьба, «фотография любимой девушки», гитара, стройотряд, «запрещенные магнитофонные записи», общежитие, рыбалка, «любимый изгиб реки», «туман в распадке», «костер под ухой», «солнечная дорожка на закате», могилы, «наша литература и наша живопись», Пушкин, Красная площадь, Нева, куранты, могила Неизвестного солдата, Поклонная гора, Бородино, Куликово поле... [Там же: 198-199].

Государство – это «опасная неожиданность», «газеты с пустыми, как грузовики на тех же дорогах, речами депутатов», плакаты, лозунги, план, соцобязательства, склады в церквях, «Нахимов», Чернобыль, «проданная часть тайги», «солнечная дорожка на отравленной индустриализацией воде Рижского залива», демократизация вместо демократии, «нелитература», «неживопись», «несалют», «развалившиеся предприятия» и т.д. [Там же: 200-201].

Изучение концепта «свой - чужой» представляется в дальнейшем перспективным, и не только на материале художественных текстов. Это позволит лучше понять свою культуру, поскольку, как известно, «свое» всегда осознается и понимается лучше в сопоставлении с «чужим».

Список литературы:

- Довлатов С.* Иностранка. СПб.: Азбука-классика, 2007. 160 с.
Задорнов М. Этот безумный, безумный, безумный мир... М.: Астрель, 2009. 352 с.
Лыткина О.И. «Американский текст» в русском языковом сознании // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2008. № 4 (60). С. 244-249.
Петрова Л.А. Лингвокогнитивные основы художественной картины мира. Симферополь: ОАО «СГТ», 2006. 284 с.
Прохоров Ю.Е. В поисках концепта / Ю.Е. Прохоров. М: Флинта: Наука, 2008. 176 с.
РАС - Русский ассоциативный словарь: В 2 т. Т. 1. М.: ООО «Изд-во Астрель»: ООО «Изд-во АСТ», 2002. 784 с.

Савосина Л.М.
Московский государственный лингвистический университет
г. Москва (Россия)

Savosina L.M.
Moscow State Linguistic University
Moscow (Russia)

ВОПРОСЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ КУЛЬТУР В МЕЖЪЯЗЫКОВОЙ КОММУНИКАЦИИ

ISSUES OF CULTURAL INTERACTION IN CROSS-LANGUAGE COMMUNICATION

В статье рассматриваются понятия межъязыковой коммуникации; компетенции межкультурного общения и ее роли в условиях интерграции, возможности сближения культур разных стран; проблемы воспитания толерантности к чужим культурам и понятие толерантной коммуникативной личности; роль языка как средства познания мировой культуры; указываются некоторые способы преодоления культурного барьера. В статье делается попытка ответить на некоторые вопросы взаимодействия культур в межъязыковой коммуникации: Как достичь взаимопонимания в межкультурном диалоге? Что является основой диалога культур? Чем из чужой культуры нужно овладеть в первую очередь? Как именно влияют особенности культуры на язык и его использование? Как язык отражает национальную культуру? Каковы типичные межкультурные неудачи и как их избежать? и др.

This article discusses the concept of cross-language communication; intercultural competence and its role in terms of integration, the possibility of convergence between cultures of different countries; problems of education of tolerance to foreign cultures and the notion of tolerant communicative personality; the role of language as a means of knowledge of world culture; identify some ways of overcoming cultural barriers. The article attempts to answer some of the questions the cultural interaction in cross-language communication: How to achieve understanding in intercultural dialogue? What is the main dialogue of cultures? Than from foreign culture need to learn first? As it is influenced by the culture in the language and its use? How language reflects national culture? What are the typical intercultural failures and how to avoid them? etc.

Ключевые слова: национальная культура, межкультурная коммуникация, межъязыковая коммуникация, межкультурный полилог, культурный барьер, толерантная коммуникативная личность.

Keywords: national culture, intercultural communication, cross-language communication, intercultural polilog, the cultural barrier, tolerant communicative personality.

Прежде всего представляется целесообразным остановиться на проблеме: что же такое, собственно, **культура**, поскольку сегодня исследователи насчитывают более 500 определений «культуры».

Начнем с того, что **культура** – понятие широкое: в *гносеологическом* (познавательном) аспекте **культура** выступает как совокупность достигнутых в процессе освоения мира материальных и духовных ценностей; в *гуманистическом* аспекте **культура** раскрывается как развитие самого человека, его духовных, творческих способностей; в *нормативном* аспекте **культура** выступает как система, регулирующая социальные отношения в обществе, ориентирующая человека в мире, т.е. все отношения, которые складываются между людьми в процессе их взаимодействия, в том числе и в межъязыковой коммуникации; в *традициях лингвокультурологии* – как миропонимание, мироосознание и мироощущение народа (представителей национально-лингво- культурного сообщества); в *учебных целях* термин «**культура**» рассматривается нами как достижения, реально выраженные в языке, словах, текстах (ср. материальная культура, духовная культура).

Отметим также два важных для наших целей *закона развития культуры*: закон *единства и разнообразия культур* и закон *взаимодействия и сотрудничества различных культур*. Взаимосвязь, взаимодействие различных культур – важнейшая объективная закономерность. В разные эпохи развивались культуры разных народов, и каждая по-своему выражала собственное понимание мира («мировидение»).

Напомним, что **культура** полифункциональна. Среди основных функций, выполняемых **культурой** (коммуникативной, познавательной, информационной, нормативной, гуманистической и др.) важнейшей в системе культуры является семиотическая (знаковая) функция. Представляя собой определенную знаковую систему, **культура** предполагает знание, владение ею.

Языком культуры называют те средства, знаки, формы, символы, тексты, которые позволяют людям вступать в коммуникативные связи друг с другом, ориентироваться в пространстве культуры. Так, язык (устный или письменный) является средством общения людей. А литературный язык выступает в качестве важнейшего средства овладения национальной культурой.

Безусловно, взаимопонимание в межкультурном диалоге достижимо в том случае, если участники диалога знакомы с национальной культурой, признают ее самоценность, т.е. понимают и принимают менталитет друг друга, который складывается только благодаря овладению культурой. И, разумеется, для полноценной межкультурной коммуникации необходима межкультурная компетенция, обеспечиваемая знанием иной культуры и языка, что позволяет использовать язык не только в качестве средства общения, но и как средство познания мировой культуры, культуры страны народа-носителя изучаемого языка и страны, где изучается язык.

Компетенция межкультурного общения особенно важна в условиях интеграции, возможности сближения культур разных стран. Тенденция к диалогу культур по-прежнему сильна во всем мире, о чем свидетельствуют многочисленные международные конференции и форумы.

Межкультурная компетенция понимается нами как совокупность культурных, языковых, социокультурных, прагматических компетенций, необходимых в ситуации межкультурной коммуникации. Отметим некоторые важные для наших целей типовые свойства межкультурной коммуникации: **1) конфликт и толерантность** (межкультурная коммуникация отличается противоречивостью в протекании коммуникативного акта; конфликт между коммуникантами может возникать вследствие недостаточного знания **а)** культуры страны, представителем которой является один из коммуникантов; **б)** второго языка, без которого коммуникация невозможна); **2) антиномия «свой» и «чужой»** (отражающая основные проблемы межкультурной коммуникации, связанные с проблемами культурного шока и толерантности).

Среди других культуроведческих компетенций (страноведческой, лингвострановедческой, лингвокультурологической) выделим и социокультурную компетенцию, поскольку формирование определенных коммуникативных навыков, соответствующих нормам поведения, является одной из ключевых задач. Известно, что русская, европейская и азиатская культуры различны, поэтому представитель нерусской культуры, не получив необходимых комментариев, будет действовать по привычной ему модели в соответствии со свойственным любому человеку этноцентризмом.

Несомненно, что овладение культурой как постижение системы ценностей народа осуществляется и на уровне *личностного смысла*, когда необходимы суждения, связанные с личностным эмоционально-ценностным отношением к факту чужой культуры, когда «факт чужой культуры переживается как факт личной жизни». Поэтому чрезвычайно важно воспитание *толерантной коммуникативной личности*,

способной применять во время речевого общения вербальные и невербальные средства, позволяющие достичь взаимопонимания участников процесса коммуникации, т.е. личности, обладающей толерантной компетенцией, под которой понимается проявление уважительного отношения к собеседнику, принятие представителя иной лингвокультуры без каких-либо условностей, стремления достичь взаимопонимания и согласованности.

Тема данной статьи представляется нам весьма актуальной. Понятно, что рамки статьи не позволяют рассмотреть данный вопрос подробно, поэтому мы изложим лишь некоторые наши соображения.

Мы живем в мире, где сосуществуют разные страны и народы, развивающиеся в соответствии со своими культурами, ориентирующиеся на самые разнообразные принципы, представления, системы ценностей, стереотипов, образов, где люди постепенно приходят к пониманию того, что общение в этом полиязыковом и поликультурном мире уже невозможно без межъязыкового и межкультурного взаимодействия. Сегодня невозможно решить ни одной значимой проблемы без участия представителей разных культур, без их конструктивного, взвешенного диалога, без знания традиций и культур других народов, взаимопонимания, уважения к разным национальным культурам.

Известно, что язык народа неразрывно связан с его менталитетом, национальным характером этноса. Следовательно, изучение языка – это широкое овладение культурой других стран, это наведение живых мостов между народами, формирование новой личности, способной к адекватному восприятию языковой (культурной) картины мира.

Межъязыковая коммуникация – это средство общения людей различных наций и народов. Это понятие можно рассматривать как синонимом «межкультурной коммуникации», так как язык – это часть культуры, уклада жизни, быта и традиций. Вне языка не может сохраняться и развиваться культура, общение в мире, поэтому познать мир во всем его многообразии можно только через освоение языков и культур на основе методологических принципов межкультурной коммуникации.

Сегодня особенно остро встала проблема воспитания толерантности к чужим культурам, пробуждения интереса и уважения к ним, преодоления в себе чувства раздражения к другим культурам. Важно привлечь внимание к вопросам межкультурной, международной коммуникации, и тем самым способствовать стремлению и готовности к межкультурному диалогу.

Можно привести массу примеров, подтверждающих, что коммуникация «правит людьми, их жизнью, их развитием, их поведением, их познанием мира и самих себя как части этого мира». Приведем только два случая, связанные с русской традицией подавать гостю на новогодний праздник поросенка.

К русскому ученому приехал коллега из одной мусульманской страны поздравить с праздником. Ученый пригласил гостя к праздничному столу. Гость-мусульманин вежливо отказался: «Мы свинину не едим», хозяйка очень расстроилась.

И другой случай. К известному кинорежиссеру приехали друзья из одной из стран СНГ. Когда им подали поросенка, они спросили: «Что нам с ним делать, мы же не едим свинину?». Видимо, опытный в межкультурной коммуникации хозяин ответил: «Скажите ему: «Хрюша, с Новым годом» и передайте дальше». Друзья-мусульмане, тоже опытные в политкорректном поведении, так и сделали. Все засмеялись, и праздник продолжался.

Эти примеры показывают, что умение быть толерантными смягчает общение представителей разных культур, а интолерантность может привести к конфликту.

Культурная и языковая картины мира тесно взаимосвязаны, находятся в состоянии непрерывного взаимодействия и восходят к реальному миру, окружающему человека.

Диалог – это общение с культурой, реализация и воспроизводство ее достижений, это обнаружение и понимание ценностей других культур. Взаимодействие культур и цивилизаций предполагает и какие-то общие культурные ценности. «Взаимопонимание во всех его аспектах – языковом, социокультурном, аксиологическом (осознание и понимание ценностей другой культуры, партнера по диалогу) и многих других – это основа и цель диалога культур» [Тер-Минасова, 2007, с 35.]

По М. Бахтину, каждая культура живет только в вопрошании другой культуры, что великие явления в культуре рождаются только в диалоге различных культур, только в точке их пересечения. Способность одной культуры осваивать достижения другой – один из источников ее жизнедеятельности. «Чужая культура только в глазах другой культуры раскрывает себя полнее и глубже... Один смысл раскрывает свои глубины, встретившись и соприкоснувшись с другим, чужим смыслом..., между ними начинается как бы диалог, который преодолевает замкнутость и односторонность этих смыслов, этих культур... При такой диалогической встрече двух культур они не сливаются и не смешиваются, но они взаимно обогащаются» [Бахтин, 1986, с.354].

Итак, при диалоге культур происходит обмен культурными ценностями. При этом основой диалога культур является отношение одной культуры к другой как к «равноправной, равноценной при всех ее отличиях и интересной, нужной, желанной именно в ее непохожести, в ее уникальности» [Каган, 1988, с. 213]. «Мы ставим чужой культуре новые вопросы, каких она сама себе не ставила, мы ищем у нее ответа на эти наши вопросы; и чужая культура отвечает нам, открывая перед нами новые свои стороны, новые смысловые глубины» [Красных, 2002, с.154].

Видимо, знание только вербального кода (языка) и правил его использования недостаточно для успешного общения с носителями других языков (некоторые лингвисты считают, что языков как таковых «не существует», существуют индивиды, владеющие этими языками и объединяющиеся в группы по сходству индивидуальных и социальных языков): необходимо владеть внекодовыми, фоновыми знаниями, элементами невербального культурного кода. Именно такие знания помогут избежать при общении коммуникативных неудач. А для этого мы должны ответить на вопросы: *Чем из чужой культуры нужно овладеть в первую очередь? Как именно влияют особенности культуры на язык и его использование? Как язык отражает национальную культуру? Каковы типичные межкультурные неудачи и как их избежать?* и др.

Постараемся ответить на некоторые из этих вопросов.

Напомним уже ставший аксиоматичным тезис, сформулированный С.Г.Тер-Минасовой в работе «Война и мир языков и культур»: *«Преодоление языкового барьера недостаточно для обеспечения эффективности общения между представителями разных культур. Для этого нужно преодолеть барьер культурный»* [Тер-Минасова, 2007, с. 28].

Полагаем, что одним из способов преодоления культурного барьера являются *тексты*. Дело в том, что культура воплощается в языковых сущностях не напрямую: сначала она является в тексте, а потом из текста берутся понятия культуры. У культуры иная знаковая система, чем в языке. Как мы уже отмечали, в культуре главное – это культурные ценности. *«Истинными хранителями культуры являются тексты. Не язык, а текст отображает духовный мир человека. Именно текст напрямую связан с культурой, ибо он пронизан множеством культурных кодов, именно текст хранит информацию об истории, этнографии, национальной психологии, национальном поведении, т.е. обо всем, что составляет содержание культуры»* [Маслова, 2004, с.122].

Так, в текстах художественной литературы часто выявляются несовпадения (или совпадения) образов своей (родной) культуры с образами чужой культуры. К примеру, образ дороги в русской художественной культуре является одним из важнейших и наполнен многими смыслами. У русских «Дорога» бывает длинной, извилистой, прямой, разбитой, хорошей, утомительной, ошибочной, в никуда, последней, к дому и т.д. А, например, китайцам «Дорога» видится прекрасной, солнечной, радостной, украшенной деревьями и цветами, что соответствует реальному положению вещей.

Именно эти несовпадения в выражении ценностно-оценочного смысла важнейших концептов разных культур дает возможность находить то общее основание, которое позволяет преодолеть трудности при изучении национально-культурных образов русской литературы, несмотря на существование значительных различий в художественных и языковых картинах мира.

Нам представляется, что, исходя из ценностного подхода к культуре, а также в целях воспитания толерантности и уважения к чужим народам, надо находить (или создавать самим) и показывать ценные образцы текстов (речи), имеющих этнокультурную ценность, в которых противопоставление культур переходит к их взаимному переплетению, от интеркультурности к транскультурности, или, например, образцы текстов, дающих описание родной культуры и инокультурное (чужое) видение этого феномена культуры.

К разновидностям лингвокультурных текстов мы относим фразеологизмы и поговорки (пословицы и поговорки), поскольку одной из составляющих культуры страны, язык которой изучается, является фольклор, понимаемый нами и как коллективное вербальное творчество, незаменимое в межкультурной коммуникации. Каково же его место в диалоге культур?

В период глобализации проблема проживания в общем доме (на Земле) острее ставит задачи изучения общих традиций, норм, которые бы не разъединяли народы, а больше консолидировали. В этом плане интерес представляют фразеологизмы, которые отражают не только специфические, но и общие, универсальные, человеческие нормы.

Лингвокультурологи в своих работах чаще демонстрируют национально-культурное своеобразие этих единиц. В нашем же случае фразеологизмы интересны в качестве носителей культурной информации – норм, правил жизни (общежития) в культурах разных народов как опыт, передаваемый из поколения в поколение, присущий не одной культуре, не одному этносу.

У каждого народа своя культура, свой менталитет, своя философия, своя концептосфера. Не в каждой культуре (даже исторически родственной) одни и те же фольклорные жанры актуализируются в той же степени, что и в родной культуре. Поэтому важно знание не только своего (русского) фольклора, но и фольклора чужой (другой) страны.

При изучении фразеологизмов и паремий происходит познание национальной культуры, менталитета, языковой картины мира, реализуется межкультурная коммуникация. В них репрезентируются множество концептов, языковая ментальность. Но при их изучении выявляются не только различия, но и то общее, что характерно для разных этносов. Это общее сближает национальные культуры и является «мостиком», при помощи которого происходит межкультурная коммуникация, так необходимая для сближения разных этносов.

Известно, что внутренняя форма фразеологизмов – это настоящий клад сведений о природе, географии, истории, культуре страны. Идиомы открывают доступ к национально-специфичным знаниям о мире и специфике национального менталитета. Во всех языках они обладают яркой самобытностью и неповторимостью: «в языке закрепляются и фразеологизируются именно те образные выражения, которые ассоциируются с культурно-национальными эталонами, стереотипами, мифологемами и т.п. и которые при употреблении в речи воспроизводят характерный для той или иной лингвокультурной общности менталитет» [Бокачев, Незнамова, 2007, с. 214].

В качестве иллюстрации к сказанному приведем несколько примеров.

Народы мира давно заметили значение и силу **коллективизма**: «*Вместе болеют, друг друга жалеют, вместе горюют, друг друга спасают*» (кит.); «*Дружный табун волка не боится*» (удм.); «*Скотину, брошенную стадом, волк пожирает, человека, брошенного народом, могила забирает*» (башк.); «*Самую злейшую змею*

может одолеть куча муравьев» (японск.); «Веника не сломишь, а прутья по одному все переломаешь» (русск.) и др.

Доброжелательность во взаимоотношениях не только с родственниками, но и соседями, другим народом: «С соседом надо ладить» (кирг); «Хотя хороший, хотя богатый, хотя бедный, без соседа не проживешь» (казахск.); «Когда сосед мирный, и душа спокойна» (удм.); «Близкий сосед лучше дальней родни» (русск.) и др.

Ценится **взаимопомощь и доброжелательность в отношениях:** «В согласии жить легко» (вьетн.); «К другу всегда можно обратиться» (абхазск.); «Не живи только для себя, делай и для другого» (удм.); «Когда загорелся мой стог, я познакомился с друзьями» (албанск.); «С добрым и жить хорошо» (русск.) и др.

Миролюбие. Не навязывать свое мнение другим: «Унижая язык народа, причиняешь боль его сердцу» (удм.).

Известная мудрость «В чужой монастырь со своим уставом не ходят» распространена среди разных народов в разных вариантах: «*Do in Rome as Romans*» (англ.) - *Веди себя в Риме так, как себя ведут римляне;* «В мире 70 и 7 языков, 70 и 7 народов» (чуваш.); «У каждого цветка – свой аромат, у каждого народа – свой нрав и лад» (башк.); «На какую гору поднялся – такую песню и пой» (кит.).

Отношение к Родине: «Одна зима на родине лучше ста весен на чужбине» (азерб.); «Расставшийся с другом плачет семь лет, расставшийся с родиной – всю жизнь (узб.); «Человек без родины – что соловей без песни» (русск.) и др.

Однако межкультурная синонимия во многих случаях оказывается обманчивой, поскольку сходство по значению часто не означает сходство в употреблении. Дело в том, что не всегда принимается во внимание коммуникативная ситуация – социальный статус коммуникантов, характер отношений между ними, правила, диктуемые этикетом.

Известно, что в основе поведения узбеков, киргизов, таджиков, казахов и др. лежит этическое и моральное учение ислама, оно зафиксировано в их фразеологии; в основе поведения тайцев, камбоджийцев, вьетнамцев и др. азиатских народов лежит этическое и моральное учение буддизма, также зафиксированное в их фразеологии. Это своего рода максимы поведения, хранящиеся в языковом сознании в яркой и образной форме. Так, русская идиома «кивнуть головой» (коммуникативный жест со значением согласия) при дословном переводе на тайский язык совпадает с русским жестовым фразеологизмом, но его значение совершенно иное – «не поддаваться», «не склонять головы».

Таким образом, функционирование любого языка в межкультурной (межъязыковой) коммуникации – процесс очень сложный и многоплановый, включающий в себя взаимодействие взаимосвязанных и взаимообусловленных факторов: социальных, лингвистических, психолингвистических, этноязыковых и др. Любой язык существует в национальной культуре носителей этого языка. И чтобы действительно понимать друг друга надо научиться понимать культуру, которая создана с помощью этого языка.

В заключение позволим себе добавить следующее.

Кроме наказания за грехопадение человечества в лице Адама и Евы, Священное Писание упоминает еще второе наказание за коллективное грехопадение всего человечества, именно: смешение языков, последовавшее в виде кары за вавилонское столпотворение, лишив народы способности понимать друг друга.

Но можно посмотреть на этот эпизод мировой истории по-другому. Возможно, это была не потеря, а обретение – прежде всего языков, а вместе с ними невероятного разнообразия этнических традиций и культур.

Еще Н.С.Трубецкой писал, что закон многообразия национальных культур имеет для человечества благотворные последствия: благодаря этому закону «становится возможным возникновение у разных народов культурных ценностей морально-положительных и духовно-возвышающих человека» [Трубецкой, 1999, 45]

Закончить статью хочется фразой: *«Хорошо, что человечество – это альпийский луг, а не свекольное поле»* (мысль наша – Л.М.).

Список литературы:

- Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. – М., 1986.
Бокачев И.А., Незнамова И.И. Язык как основа духовности и культуры народа // Вестник Северо-Кавказского государственного технического университета. 2007, № 3.
Верецагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура. М., 1990.
Каган М.С. Мир общения: Проблемы межсубъектных отношений. – М.: Политиздат, 1988.
Красных В.Н. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология. - М.: Гнозис, 2002
Маслова А.В. Лингвокультурология - М.: Academia, 2004.
Тер-Минасова С.Г. «Война и мир языков и культур: вопросы теории и практики межъязыковой и межкультурной коммуникации: учебное пособие. – М.: АСТ, 2007.
Трубецкой Н.С. Наследие Чингисхана. – М., 1999.

Юнал К.
Университет Фатих / Стамбульский Университет
г. Стамбул (Турция)

Kerami Unal
Fatih University/Istanbul University
Istanbul (Turkey)

КРАТКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ТУРЕЦКО-ТЮРКСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

BRIEF CHARACTERISTICS OF TURKISH-TURKIC BORROWINGS IN RUSSIAN

Судьбы слов, как и судьбы людей, изменчивы. Заимствование - судьба всех языков. У славянских и тюркских языков тоже есть эта общая судьба. Славяно-тюркские языковые связи восходят к рубежу античности и раннего средневековья. Они имели тесные языковые контакты и влияли друг на друга. Взаимные отношения были разнонаправленными, и сформировались разные каналы взаимопроникновения языков. Каналы расширяются, охватывая более широкий фронт с Балканского полуострова, Средней и Восточной Европы до Центральной и Восточной Азии, который при более стабилизированном соседстве между этими народами (при помощи этнических и государственных границ) сохранился и до наших дней. В результате этих тесных отношений в русский язык вошли многие тюркские слова. Тюркские заимствования (тюркизмы) – понятие наиболее общее, родовое, охватывающее ряд родственных языков. Оно определяется по конкретным источникам – языкам, откуда то или иное заимствование произошло. В данной статье в таблицах представлены время заимствования, конкретные источники, преемники, посредники проникновения тюркизмов в русский язык (кроме непосредственных заимствований). В качестве образца были взяты несколько тюркизмов в русском языке и сделан анализ в контексте этимологии, фонетики, лексикологии и морфологии цитируемых слов.

Like people, the destinies of words are variable. Borrowing is the fate of all languages. Slavic and Turkic languages also have this common destiny. Slavic-Turkic language ties date back to the antiquity and early Middle Ages. They had bilateral close language contacts and influenced each other. Mutual relations were multidirectional, and different channels of interpenetration of languages were formed. The channels had been expanded covering a wider front from the Balkan Peninsula, Middle and Eastern Europe to Central and East Asia, which, with a more stable neighborhood between these peoples (with ethnic and state borders), has survived to this day. As a result of these close relations, many Turkic words entered the Russian language. Turkic borrowing (Turkism) is the most common concept, generic, covering a number of related languages. It has been identified by specific sources – languages that where and how borrowings had taken from. In this article, the tables show the time of borrowing, specific sources, successors, intermediaries of penetration of the Turkisms into Russian (except for direct borrowing). As a sample, several Turkisms have taken in Russian and analysis has been made in the context of etymology, phonetics, lexicology and morphology of borrowing words.

Заимствование – элемент чужого языка (слово, морфема, синтаксическая конструкция и т. п.), перенесенный из одного языка в другой в результате языковых контактов, а также сам процесс перехода элементов одного языка в другой. В силу длительных экономических, политических, военных, культурных и прочих связей

русского народа с другими народами в русский язык проникло и укрепилось в его системе довольно значительное количество иноязычных элементов лексики [1].

Славяно-тюркские языковые связи восходят к рубежу античности и раннего средневековья. В Средние века они расширяются, охватывая более широкий фронт с Балканского полуострова, Средней и Восточной Европы до Центральной и Восточной Азии, который при более стабилизированном соседстве между этими народами (при помощи этнических и государственных границ) сохранился и до наших дней [2].

Выявляют следующие исторические области наиболее активных славяно-тюркских языковых контактов: Причерноморье, Среднее Поволжье и бассейн Дона, Нижний Дунай, Среднее Приднепровье, Крымский полуостров, Северный Кавказ, Закавказье, Приуралье, Сибирь, Казахстан и Средняя Азия, пограничные страны и области, не входившие в Российскую империю (в них проживает тюркское население).

Тюркские заимствования (тюркизмы) – понятие наиболее общее, родовое, охватывающее ряд родственных. Оно определяется по конкретным источникам – языкам, откуда произошло. Их довольно трудно определить на практике и, вместе с тем, нельзя не разграничивать. К носителям тюркских языков, помимо турков, относят такие этносы, как авары, болгары, булгары, гунны, гагаузы, казанские и крымские татары, огузы, печенеги, половцы, кипчаки, тюркские народы России, хазары. Некоторые языки являются мертвыми: аварский, кипчакский, гуннский и т.п. Большинство тюркских языков функционирует и поныне: татарский, чувашский и др.

Таким образом, источники и пути проникновения тюркских слов в русский язык очень разнообразны. Их можно представить в виде таблицы.

Таблица.

Время заимствования	Конкретные источники	Преемники	проникновения в русский язык(кроме непосредственных заимствования)
II–V в.в.	Гунны и не-известные тюрки	Восточные и западные славяне, анты, германские народы	Все славяне
V–VII в.в.	Авары	Болгары и южные славяне, западные славяне, германцы	Западные славяне и германцы
VIII в.в.	Хазары	Восточные славяне, финно-угры	Финно-угры
IX в.в.	Булгары, печенеги, тюрки и другие огузы	Восточные и южные славяне	Южные славяне (болгары)

X–XIII в.в.	Булгары, по-ловцы, турецкие государства в Анатолии и на Балканах	Восточные славяне и венгры (мадьяры)	Болгары и венгры
XIII–XVI в.в.	Булгары, золото-ордынские та-тары и турки	Все славяне и венгры, кавказские народы	Южные славяне и кавказцы
XVI–XIX в.в.	Татары и турки, народы Средней Азии и Сибири	Южные славяне, восточные славяне	Кавказцы и финно-угры
XVIII–XX в.в.	Гагаузы	Гагаузы	Украинцы
XIX–XX в.в.	Народы Рос-сийской им-перии и турки	Русские и ук-раинцы	Кавказцы

После распада СССР начинается новый период взаимовлияния тюркских и славянских языков.

Осветив некоторые положения, касающиеся славяно-тюркских взаимосвязей в историческом аспекте, обратимся к определению понятия турецкого заимствования, или заимствования из турецкого языка. Вопрос не так прост, каким он может показаться на первый взгляд.

Системное описание и изучение турецкого языка началось в середине XIX в. в эпоху Танзимата. Тогда же усилился интерес исследователей к проблеме славяно-турецкого языкового взаимодействия. Возникшая после Ататюркской народной революции 1918-1923 г.г. проблема создания новых форм турецкого литературного языка, близких народу, изменила ориентацию и методы исследования. Мероприятия по языковому строительству, включая реформу алфавита 1928 г., получили наименование «языковой революции» (Dil Devrimi). Они связаны с деятельностью турецкого лингвистического общества (Türk Dil Kurumu). Все это стимулировало исследования турецко-русских и тюркско-славянских языковых связей [3].

Собственно турецкий язык в Турции отличается от османско-турецкого языка. Хотя демократизация письменно-литературного языка в Турции началась еще в XIX в., языковая революция в этой области свершилась только в 20-х г.г. XX в. Именно тогда в литературный язык в полном объеме были включены собственно турецкие (анатолийско-тюркские) формы и слова. Османско-турецкий настолько отличается от турецкого, что в Турции издаются специальные османские словари и грамматика, изучают османский язык почти как иностранный.

Османско-турецкий язык характеризовался большим количеством арабско-персидских слов и выражений, особенно в области терминологии военного дела и

управления. Грамматика сохранила ряд общетюркских и общеогузских черт. Вообще османский язык оформился под сильным влиянием языка тюрков в Средней Азии. Замена слов и выражений османского языка новыми и привела к тому, что турецкий язык отделился от других литературных языков: староузбекского, азербайджанского, старотатарского и др. Ряд ученых ныне отрицательно относится к новшествам, указывая, что неологизмы 20-х г.г. так же непонятны народным массам, как и прежние арабизмы и фарсизмы.

Если османская лексика теперь отражается в фундаментальном турецко-немецко-французском словаре Ценкера [4], то лексика нового турецкого языка отражается в столь же капитальном словаре К. Штойервальда [5]. Характерно, что К. Штойервальд даже не упоминает словарь Ценкера в качестве своего источника.

Так что же мы будем понимать под турецким заимствованием? Конечно, не только заимствования из «нового» турецкого языка, которых очень мало, но и из османского и новотурецкого, взятых вместе.

Турецкий язык – один из огузских тюркских языков, к которым относятся туркменский, азербайджанский и гагаузский, а также некоторые тюркские языки и диалекты Ирана (материалы которых нам недоступны).

В некоторых случаях имеет смысл говорить об общеогузских словах и формах. Это те случаи, когда слово не имеет никаких особых примет, позволяющих конкретизировать его происхождение. Приметы, или «марки», «черты» могут быть в данном случае прежде всего семантическими, изредка – морфологическими (это касается заимствований из новотурецкого языка, в котором появился ряд новых словообразовательных элементов – суффиксов и префиксов). Общеогузские черты всегда проявляются в фонетике.

Дело осложняется и тем, что среди турецких заимствований есть такие, которые не имеют собственно огузских черт (вообще огузизмы не охватывают всю толщу лексики ни одного живого огузского языка). С другой стороны, далеко не все слова с огузскими чертами относятся к турецкой лексике.

Турецкий язык, как и всякий другой самостоятельный язык с длительной историей, включает в себя множество разнородных элементов на всех уровнях. Эти элементы при первом приближении можно классифицировать в следующем виде:

- 1) общетюркские элементы, которые сами по себе вызывают споры;
- 2) мусульманско-тюркские элементы;
- 3) элементы с огузскими чертами;
- 4) собственно турецкие элементы;

5) регионально-турецкие (арабско-турецкие, персидско-турецкие, итало-турецкие и др.) элементы.

Среди турцизмов в русском языке различаются следующие группы слов (без учета семантики): прямые заимствования, заимствования через восточно-славянские языки, заимствования через южно-славянские языки, заимствования через нетюрские языки, заимствования через нетюрские и неславянские языки Кавказа и Причерноморья, заимствования через молдавский и румынский языки, заимствования через западно-славянские языки, заимствования через немецкий, французский и другие языки Западной Европы. Очевидно, что эта классификация имеет полную силу только тогда, когда основной интерес сосредоточен на турецких словах, на роли турецкого языка в обогащении лексики русского языка. Иначе говоря, отнесение того или иного слова к определенному разряду из данной классификации обусловлено позицией исследователя, оно субъективно. Существуют слова, которые, прежде чем попасть в русский язык, прошли через ряд посредников. Одно и то же слово может быть охарактеризовано как заимствование из любого языка, в котором оно побывало. Конечно, есть и объективный момент: где, в каком языке и когда сформировалось данное слово в своем ядерном значении и характерном звучании. Но и он может оказаться для исследователя не очень важным.

Например, слово *пижама* заимствовано в русский язык из нем. *pijama*; судя по произношению (-ж-) в немецкий язык оно вошло из французского, во французский - из английского *pijama*, в английский - из индийских языков, в индийские языки - из персидского *pāijāmā*// *pājāma* // *pādjāmā* "кальсоны" (букв. "одежда ноги") [6]. Чье же слово *пижама*? С точки зрения морфологии, оно образовано в персидском языке. Но то значение, в котором *пижама* употребляется в русском языке, отнюдь не персидское, оно, скорее, французское, английское. Потому что инд. *roujama* означало не "пижама", а широкая юбка, прикрывающая ноги женщины". В связи с французским звучанием (-ж-) в слове *пижама* возникает вопрос: действительно ли эта лексема в Европе является английской? Ведь персидские слова широко распространены по всему Ближнему Востоку, и слово *пайжама* могло встречаться (и, по всей вероятности, употреблялось) и в турецком языке. Французы в XV – XVIII в.в заимствовали из турецкого языка ряд слов (была своеобразная «турецкая мода») и, скорее всего, лексема *пижама* заимствована французами из турецкого языка. На эту мысль наталкивает тат. диал. *письма* "оборки у женского платья" [7]: значит, слово *пайжама* бытовало и в тюркских языках и наречиях.

Для нас представляет интерес участие турецкого языка в рас-пространении слова *пижама*, для германиста главный интерес имеет участие немецкого языка и т. д. К сожалению, лексика народного языка турок прошлых эпох (до XX в.) плохо исследована. Турецкие филологи мало интересовались языком собственного народа: языком канцелярии долгое время оставался персидский.

Турецкий язык – типичный тюркский язык без особых отклонений от тюркского языкового строя. В нем в полном объеме сохраняются такие фундаментальные особенности тюркских языков, как посткорневая агглютинация и сингармонизм и т.п.

На общем фоне тюркских языков турецкий язык отличается до-статочно хорошо выраженными огузскими очертаниями и в то же время отклонениями от огузской основы.

Огузские особенности – это, прежде всего, тотальные переходы древнеобщетюркских звуков $k > d$ и $t > d$ и связанные с этими переходами изменения фонетического строя. Тотальные переходы звуков наблюдаются исторически в единственном разовом принятии целых народностей нового языка. Именно при таких условиях влияние субстрата выражается целостно. Предки самой многочисленной ныне ветви тюркских языков были не тюрками, они когда-то разговаривали на совершенно другом языке, скорее всего – на языке монгольского типа. Но «чистый» огузский язык просуществовал недолго: древние огузы быстро сменились другими тюрками, и в их диалект (или диалекты) вошло множество элементов из других тюркских языков. Ныне наиболее типичным огузским языком является азербайджанский, хотя некоторые древние особенности огузских языков лучше сохранились в туркменском и в гагаузском.

Турецкий язык никогда не был чисто огузским: он всегда испытывал сильное влияние других ветвей тюркских языков – уйгурской и кипчакской. Кроме того, на этапе формирования турецкий язык находился под влиянием субстратных языков Малой Азии, а также адстратных персидского и арабского языков.

Субстратные языки имели еще больший, чем в турецком языке, вес при сложении азербайджанского языка, но характер субстрата был таков, что в этом языке огузские черты не только терялись, но как бы восстанавливались (употребление плавных z и x вместо взрывных k и g).

Вместе с тем, в огузских языках наблюдались переходы $m > b$, $b > v > \emptyset$, $b > n$ (оглушение начального b), вследствие чего в турецком языке появились звучания *para* "цена" (< перс. *baha*), *patuk* "хлопок" (межтюрк. *vatic* > *patuk* и т.п.), *parmak* "палец" (< о.-тюрк. *barmaq*), *pay* "часть" (ср. тат. диал., алт. *бай* "доля"), *pazar* "базар", *pek*

"крепко", "очень" (< о.-тюрк. *bek*), *pire* "блоха" (межтюрк. *bürge*). Рус. *печенег* (< о.-тюрк. *becenek*, *bacanak*) говорит о том, что эти явления были свойственны огузам еще в IX – X в.в.

Здесь мы упомянули только наиболее характерные, бросающиеся в глаза фонетические особенности огузских и турецкого языков. Подробная и систематическая их оценка дается в специальных работах.

Вообще тюркские заимствования в русском языке иногда дают ценный материал для истории тюркских языков; нередко в русском языке сохраняются фонетические варианты и паронимы тюркских слов, бытовавших в самих тюркских языках. Примером древнего звучания является рус. *харалуг* "сталь, булат" (др.-рус. *харалужный* "стальной"), ср. чагат. *karaluk* "сталь" [8]. Среди современных тюркских языков нет такого, в котором могло бы существовать слово *харалуг* (о.-тюрк. $q > x$, сохранение др.-тюрк. z , звук y в аффиксах). Но такой язык был, возможно, на Северном Кавказе, где побывали многие тюркские племена. Конкретный источник слова *харалуг* остается загадочным, хотя нет оснований сомневаться в тюркском происхождении данного слова. *Харалуг* < о.-тюрк. *karalik* означает "чернота", но очевидно, существовало значение "чернение (металла)", то есть закалка железного изделия в копти, известная с древних времен карбонизация (внедрение углерода, вследствие чего железо приобретает твердость). Конечное *уг* даёт возможность предположить огузское (азербайджанское) происхождение слова. Но равно возможна и несобственно тюркская этимология: изменение тюрк. *karaluk* на *харалуг*, в нетюркском языке (но отнюдь не в славянских языках). Несомненно славянским является прилагательное *харалужный* ($z > ж$), при заимствовании тюрк. z терял заднеязычный характер.

Особенности турецкого языка в принципе не отличаются от общетюркских, прежде всего, в области словопроизводства, что нас и интересует. В современном турецком языке активизировались некоторые редкие в тюркских языках словообразовательные аффиксы, например, *sal//sel*, но это уже поздние наслоения, почти не отражающиеся в турецких заимствованиях.

Сложность заключается в том, что многие заимствования из турецкого языка вошли в русский язык не непосредственно, а через другие языки (включая украинский). Определить язык-посредник трудно. Кроме того, одно и то же слово могло заимствоваться (и заимствовалось) как через польский, немецкий и французский языки, так и непосредственно из турецкого.

Причиной неверного определения источника заимствования может стать также пренебрежение одним из важнейших, на наш взгляд, принципов этимологии -

принципом историзма. Вообще этимология, как известно, учитывает три фактора: фонетический, лексический и морфологический. При этом обязательно должен присутствовать элемент *историзма*, который предполагает:

1) обязательный учёт конкретных исторических данных при выдвижении гипотез относительно происхождения того или иного выражения, слова, лексемы и морфемы;

2) знание исторических закономерностей в изменении слов и морфем. Наряду с типологическими, частыми изменениями в фонетике, морфемике и т.д. в истории любого языка существуют сдвиги, звуковые переходы, которые могли происходить только в определённое время, в определённом месте, в определённой среде.

Как показывают наблюдения, в существующих этимологических словарях русского языка довольно часто обнаруживается невнимание именно к историческому принципу исследования тюркских и турецких заимствований.

Например, М. Фасмер и П.Я. Черных считают слово *кабала* турецким заимствованием, почти не задумываясь о том, при каких исторических условиях оно пришло [9].

Между тем для перехода слова *кабала* "несправедливые, грабительские условия оплаты, займа" из другого языка надо, чтобы русские деловые люди, чиновники, купцы хорошо знали носителей этого языка, то есть тех же деловых людей, чиновников, купцов – выходцев из другого народа и среду употребления данной лексемы.

Русские, много воевавшие с турками, проявляли повышенный интерес к вооружению, обмундированию, снабжению армии и военной организации у турок. Значительно меньше они интересовались гражданским состоянием и внутренним управлением в Турции, то есть средой, где прежде всего бытовало слово *кабала*. И, соответственно, они лучше знают турецкую военную терминологию, чем слова, относящиеся к внутренней жизни турок. Непосредственные торговые отношения с турками у русских никогда не были слишком оживлёнными и тесными: турецких торговых колоний в Московии и в России не было, как не было русских торговых колоний и в Турции. Правда, с турками в хозяйственно-торговой сфере тесно общались балканские славяне, с которыми, в свою очередь, контактировали русские. Но русско-балканские связи опять-таки имели преимущественно религиозный, культурный и политический, но не хозяйственно-торговый характер. Поэтому можно сказать, что условий для заимствования слова *кабала* из турецкого языка в русский не было. Этот факт подтверждается тем, что *кабала* – слово эмоционально-аффективное, ср. переносное значение "договор" < араб. букв. "принятое (сторонами)" от корня *цбл*

"стоять лицом; принимать, соглашаться" (отсюда и *кыйбла* "сторона, в которую обращаются молящиеся во время намаза – сторона Мекки"). В первичном языке-источнике слово *кабала* не имеет того отрицательного, переносного, эмоционально-аффективного значения, как у рус. *кабала*. Оно возникло либо уже в русском языке, либо в том языке, который передал это слово русскому языку. И надо выяснить, где и когда именно произошёл этот сдвиг значения.

Если слово *кабала* считается турецким (то есть воспринятым из турецкого языка), то обратимся к турецкому материалу. В современных словарях турецкого языка, даже в очень подробных, как, например, турецко-немецкий словарь К. Штойервальда [10], слова *кабала*, *кабале* не упоминаются. Его нет и в словаре А. Йегина, в котором собраны устаревшие слова и заимствования [11]. Лексема *kabalet* отмечена только в словаре, в котором собраны старые турецкие слова [12]. Это обстоятельство исключает возможность заимствования русского *кабала* из турецкого языка. Важно то, что слово *кабала* в турецком языке, судя по словарям, переносного значения не имело.

Область распространения слова *кабала* также не свидетельствует в пользу обязательного турецкого происхождения. Кроме русского языка, оно встречается ещё в татарском и башкирском, ср. *кабалä* "договор (о купле – продаже)" [13], в мордовском, ср. *габала* "бумага; документ", в коми, ср. *кабала* "бумага". Мордовский и коми варианты требуют особого разбора: без этого любая этимология русского слова *кабала* повисает в воздухе. Кроме того, существует удм. *куболо* "расписка, записка", очевидно, достаточно древнее и не связанное ни с тур., ни с рус. *кабала*.

Слово *кәбалä* "крепость", "контракт" встречается в персидском языке. Однако нельзя отнести слово *кабала* к персидским заимствованиям, так как оно никак не могло попасть в русский язык, минуя тюркские языки.

Вероятно, ст.-тат. *хәблә*, *хабәлә*, *хабла* "вид подати за землю" также восходит к слову *кәбалä*, но оно заимствовано в татарский язык непосредственно из болгарского ($q > x \sim h$).

В целом вопрос о путях проникновения слова *кабала* в русский язык остаётся открытым. При этом первом приближении нельзя отдавать предпочтение турецкому языку. Скорее всего, это слово заимствовано из татарского языка времён Золотой Орды (понятие «татарский язык Золотой Орды» нуждается в уточнении).

Как видно из данного примера, нарушения принципа историзма заключаются в следующем:

1) распространено предвзятое мнение, что хозяйственно-административные термины могли быть заимствованы только у турок как у носителей развитой государственности;

2) часто отсутствует обоснованная мотивировка заимствования;

3) отсутствует характеристика обстоятельств и условий заимствования;

4) исследователи слабо знакомы с особенностями языков малых народов.

Таким образом, мы определили понятие турецкого заимствования в русском языке. Турецкий язык является одним из типичных тюркских языков. (Поэтому для его обозначения мы в диссертации довольно часто употребляем термин «тюркизм»). В то же время турецкий язык имеет и своеобразные черты, которые позволяют отличить его от других тюркизмов. Турецкие заимствования могут проникать в русский язык непосредственно, прямо, или опосредованно, через другие языки (что затрудняет квалификацию).

Список литературы:

Большой энциклопедический словарь языкознания. М., 2000.

Yenisoy H.S. Tarih boyunca Slav – Türk dil ilişkileri: Türkçede ve öteki türk lehçelerinde slav leksik unsurları. Ankara, 1988. С. 312.

Орлов С.А. Языковая реформа и лексикографическая работа в Турция // Сов. тюркология. 1976. № 2. С. 89-97.

Zenker J.G. Dictionnaire Turc-Arabe-Person. Leipzig, 1866-1876. Т. 1-2.

Steuerwald K. Türkisch-Deutsches Wörterbuch. İstanbul, 1998.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4-х т. М., 1986-1987. Т. 3. С. 259.

Тумашева Д.С. Словарь диалектов сибирских татар. Казань, 1992. С. 174.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 4. С. 223.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 2. С. 148; Черных П.Я. Историко-этимологический словарь русского языка. Т. 1. С. 363.

Steuerwald K. Türkisch-Deutsches Wörterbuch. İstanbul, 1998.

Eğin A. Yeni Lugat. İstanbul, 1992.

Şemseddin el-Ahteri M. Ahteri Kebir. İstanbul, 1309 [1891]. S. 787.

Никольский Н.В. Сборник исторических материалов о народностях Поволжья. Казань, 1919. С. 400 – 403.

НАПРАВЛЕНИЕ 4

СИСТЕМЕ ПОДГОТОВКИ СПЕЦИАЛИСТОВ МЕЖЪЯЗЫКОВОЙ КОММУНИКАЦИИ

Абрамова В.И.

Архангельская Ю.В.

ТГПУ им. Л.Н. Толстого

г. Тула (Россия)

Фатюшина Е.Ю.

РХТУ им. Д.И. Менделеева, Новомосковский институт (филиал)

г. Новомосковск (Россия)

Abramova Veronika

Arkhangelskaia Julia

Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University

Tula (Russia)

Fatyushina Ekaterina

D. Mendeleev University of Chemical Technology of Russia,

Novomoskovsk institute (branch)

Novomoskovsk (Russia)

«В ПОИСКАХ «ЗЕЛеной ПАЛОЧКИ» Л. ТОЛСТОГО»: МЕТОДИКА СОЗДАНИЯ И РЕЗУЛЬТАТЫ АПРОБАЦИИ ВИРТУАЛЬНОГО ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО КВЕСТА ДЛЯ ИЗУЧАЮЩИХ РКИ

IN SEARCH OF L. TOLSTOY'S 'GREEN STICK': METHODS OF CREATING AND THE RESULTS OF TESTING A VIRTUAL EDUCATIONAL QUEST FOR STUDENTS OF RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE

Образовательный квест – современная интерактивная педагогическая технология, успешно применяемая в преподавании гуманитарных дисциплин, в том числе при обучении РКИ. Предлагаемая нами разработка представляет собой медиа-квест, тема которого – жизнь, творчество и философия Л.Н. Толстого, цель - знакомство студентов с понятиями, отражающими основные положения философии писателя и базовые концепты русской культуры и ментальности. В ходе квеста иностранные студенты совершили виртуальную экскурсию по Ясной Поляне, составили из букв слова «единство» и «самосовершенствование», провели с ними лингвистическую работу, ответили на вопросы теста и анкеты. Результатом работы стало освоение актуальной лексики, пробуждение интереса к русской культуре, расширение общекультурных знаний.

Educational quest is a modern interactive educational technology successfully used in the teaching of humanities including Russian as a foreign language. The topic of this media quest is life, work and philosophy of L. N. Tolstoy. The purpose of the quest is to acquaint international students with the concepts reflecting the main issues of the writer's philosophy as well as the basic notions of Russian culture and mentality. During the quest, the international students made a virtual tour around Yasnaya Polyana, looking for the letters to make up key words "unity" and "self-improvement", that reflect Tolstoy's idea of happiness. The participants of the quest also did some linguistic tasks, answered the questions of a test and of a questionnaire. The work helped to expand the students' vocabulary and cultural knowledge and excite their interest in Russian culture.

Ключевые слова: образовательный квест, методика преподавания РКИ, русская культура, Л.Н. Толстой, «зеленая палочка», счастье.

Keywords: educational quest, methods of teaching Russian as a foreign language, Russian culture, L. N. Tolstoy, "green stick", happiness.

В методической литературе «квест» определяют как «специальным образом организованный вид исследовательской деятельности, для выполнения которой обучающиеся осуществляют поиск информации по указанным адресам (в реальности), включающий и поиск этих адресов или иных объектов, людей, заданий и пр.» [Осяк и др.; 2015] Этимологически слово «квест» является транскрипционной калькой английского quest, «поиск».

Метод квестов восходит еще к теоретической установке Дж. Дьюи на отождествление интереса к обучению и действия, усилия. Дьюи считал, что прочное знание может быть получено только в результате доведенной до завершения целенаправленной деятельности. На основе этой теории У. Килпатрик разработал методику целевых проектов, и в наши дни она особенно популярна при изучении иностранных языков.

Для того чтобы деятельность студентов в проекте была максимально продуктивной, участники должны обладать на уровне средней сформированности интеллектуальными, творческими, коммуникативными, социальными умениями.

Можно сказать, что метод проектов действует по принципу «гамбита»: он требует подготовки, знаний и умений, но после завершения проектной деятельности усилия окупаются, знания и умения значительно совершенствуются.

Заметной особенностью проектной технологии является ее ориентированность на визуальный контент, поскольку психологические особенности восприятия сформировались у молодых людей в эпоху преобладания визуальных средств получения информации. «В настоящее время уже существует поколение школьников и студентов, для которых более привычным является восприятие аудиовизуальной информации, нежели печатной, недаром в англоязычной литературе его называют Generation Dot Com. И приходится признать, что эту ситуацию нельзя повернуть вспять: телевидение, видео, компьютер, Интернет и другие телекоммуникационные сети неумолимо изменяют аудиторию, постепенно превращая “читателей” в большей мере в “зрителей”» [Новикова, Федоров; 2008, с. 71].

Собственно метод квестов, будучи разновидностью проектного метода, имеет и свою специфику. Квест развернут сюжетно (различают сюжеты линейные, штурмовые, кольцевые) и пространственно (это может быть поиск информации в помещении или в

«полевых условиях», а также, в случае веб-квеста, в пространстве Интернета). Необходимо также отметить, что квест – интерактивная форма деятельности. Кроме того, квест обычно включает в себя командную работу, помогающую развивать, с одной стороны, способность эффективно взаимодействовать с другими, быть частью целого, с другой стороны – лидерские качества. Е.И. Баргузина отмечает, что технология проведения квестов является весьма актуальной, так как она, имея в основе проектный метод, интегрирует в него коммуникативный и проблемный методы, а также метод беседы [Багузина; 2012].

Пространственная ориентированность квеста делает его уникальной разновидностью материализованного, экстериоризованного мыслительного процесса нахождения новой идеи, получения нового знания. Работа в команде позволяет сделать все этапы зарождения идеи зримыми (подобно тому, как противоборствующие идеи и чувства материализовались в мультфильме 2015 года «Головоломка»). Проговаривание каждого этапа решения проблемной задачи – редкая возможность увидеть механизм осуществления мыслительного процесса. Интересно, что когда после долгих попыток «заглянуть в мозг» ученые Ньюэлл и Саймон попросили двух испытуемых, собирающих один и тот же пазл, размышлять вслух, то есть проговаривать все пришедшие в голову мысли, им наконец-то удалось получить адекватную схему хода мыслительного процесса [Пинкер; 2017, с. 155]. По сути, этот эксперимент тоже являлся разновидностью квеста.

Метод квестов требует серьезной подготовки со стороны педагога. Все детали и предполагаемые варианты возможных и нежелательных отклонений сюжета должны быть продуманы. «Педагогу, разрабатывающему квест, необходимо определить цели и задачи квеста; целевую аудиторию и количество участников; сюжет и форму квеста, написать сценарий; определить необходимое пространство и ресурсы; количество помощников, организаторов; назначить дату и заинтриговать участников» [Осяк и др.; 2015]. Последнее немаловажно. Задания подобного рода должны восприниматься студентами как полезное развлечение, которое ожидается с предвкушением.

Выделяют несколько типов образовательных квестов: по форме проведения (компьютерные игры-квесты, веб-квесты, QR-квесты, медиа-квесты, квесты на природе, комбинированные); по режиму проведения (в реальном режиме; в виртуальном режиме; в комбинированном режиме); по сроку реализации (краткосрочные; долгосрочные); по форме работы (групповые; индивидуальные); по предметному содержанию (моноквест; межпредметный квест); по структуре сюжетов (линейные; нелинейные; кольцевые); по информационной образовательной среде

(традиционная образовательная среда; виртуальная образовательная среда) [Кичерова, Ефимова; 2016].

Нашу разработку можно типологически определить как медиа-квест в комбинированном режиме и традиционной образовательной среде, краткосрочный, групповой, моноквест с линейным сюжетом.

В ходе разработки квеста мы обратились к биографии Л.Н. Толстого, к его дневникам и воспоминаниям [Толстой; 1928-1964, т. 34, с. 392; Толстой; 1998, с. 216, 271, 278]. Через всю свою жизнь писатель пронес образ-символ «зеленая палочка». Одной из детских игр братьев-Толстых, придуманных старшим – Николаем, – была игра-поиск. Искали «зеленую палочку» – волшебный предмет, на котором написан секрет всеобщего счастья. В конце жизни Толстой в статье «Зеленая палочка» (опубликована в 1911 г.) размышлял о том, как правильно понимать главные жизненные ценности. В дневниках писателя сформулированы идеи о том, что счастье в единстве людей друг с другом и в самосовершенствовании. Каждый человек должен стремиться к тому, чтобы стать лучше. Тогда все люди на земле будут счастливы.

Образ-символ «зеленая палочка» и идеи Толстого о самосовершенствовании и единстве легли в основу разработанного нами квеста. Он был проведен 28 ноября 2017 года в НИ РХТУ им. Д.И.Менделеева (г. Новомосковск Тульской области) в рамках занятия по русскому языку как иностранному. В выполнении заданий приняли участие 15 человек из 7 стран (Йемен, Египет, Кот-д’Ивуар, Чад, Ангола, Колумбия, Туркменистан). 13 из 15 студентов изучают русский язык в течение двух месяцев. Поэтому непосредственно квесту предшествовал подготовительный этап.

За две недели до проведения квеста в группе читали и обсуждали текст о Доме-музее А.С. Пушкина на Арбате (урок 10 учебного комплекса «Дорога в Россию», авторы В.Е. Антонова, М.М. Нахабина, М.В. Сафронова, А.А. Толстых). Студенты познакомились с самим феноменом дома-музея, а также с фрагментами биографии русского поэта и писателя А.С. Пушкина. Мы посчитали методологически обоснованным провести знакомство с жизнью и творчеством другого великого писателя – Л.Н. Толстого – после работы с этим текстом.

В ходе подготовки к квесту мы выяснили степень осведомленности студентов о Пушкине и Толстом, о русской литературе и, шире, о культуре. Оказалось, что их уровень познаний практически нулевой. Они не читали не только произведения русских авторов. Большинство, помимо учебников и Священных Книг, не читало совсем ничего. Поэтому примерно за неделю до проведения квеста со студентами обсуждались следующие вопросы: «Почему в России такое большое значение

придается литературе и культуре?», «Почему великие авторы писали свои книги? Они хотели заработать деньги? Они хотели, чтобы их все знали? Они хотели рассказать людям что-то важное?», «В каком веке жили Пушкин и Толстой? Чем отличалась жизнь в 19 веке от современной жизни (усадебная, слуги, отсутствие электричества и технических устройств и под.)?», «Что дает нам сравнение дат жизни Пушкина и Толстого? В каком возрасте умер Пушкин и в каком возрасте – Толстой? У кого было много времени, чтобы подумать о своей жизни и у кого – мало?».

В тексте о Доме-музее Пушкина из учебника «Дорога в Россию» сказано, что в доме на Арбате Александр Сергеевич и Наталья Николаевна были счастливы. Почему они были счастливы? Варианты ответов студентов: «потому что они любили друг друга», «потому что у них были дети», «потому что они были вместе».

За урок до квеста ребятам было дано домашнее задание: написать по два предложения, используя структуры «я был счастлив, потому что...» и «..., поэтому я был счастлив». Полученные ответы условно можно разделить на четыре категории:

Счастье от связи с семьей («я была счастлива, потому что слышала голос мамы»; «я был счастлив, потому что в семье родился племянник» и под.).

Счастье, связанное с успехом в учебе («я хорошо сделал тест», «я уже чуть-чуть понимаю по-русски»).

Счастье – комфорт (погулял, выспался, выпил вкусный кофе).

Счастье – покупки (купил i-phone, машину и под.)

Во время проверки и анализа домашнего задания мы старались подчеркнуть большую ценность счастья, связанного с отношениями и меньшую – с радостью от удачных покупок. Еще раз упомянуто, что есть люди, которые видят радость только в том, что радует их, а есть такие, которые хотят счастья и для других.

Вопросом о счастье мы начали и квест «В поисках «зеленой палочки» Л. Толстого». Квест состоял из следующих блоков:

1) вводный блок

Преподаватель: Здравствуйте! Сегодня мы с вами будем говорить о счастье. Каждый представляет себе счастье по-своему. И в то же время, есть общее в том, что мы думаем о счастье. Не случайно великий русский писатель Лев Толстой начал свой роман «Анна Каренина» такой фразой: «Все счастливые семьи похожи друг на друга...» (слайд презентации с портретом Толстого).

Методический комментарий: цель блока – связать уже обсуждавшийся со студентами вопрос о счастье с творчеством Л.Н. Толстого.

2) биографический блок

Преподаватель: Вы знаете, я не случайно вспомнила писателя Льва Толстого. Я хочу предложить вам прогулку по Ясной Поляне. Вы знаете, что такое Ясная Поляна?

Ясная Поляна – место, где Лев Толстой родился и провел свое детство (слайд с панорамой Ясной Поляны). В Ясную Поляну Лев Толстой вернулся после женитьбы на Софье Андреевне Берс. Здесь родились их дети. Здесь жила их большая семья (слайды со «свадебными» фотографиями Толстого и Софьи Андреевны, семейное фото с детьми). В Ясной Поляне Лев Толстой написал свои знаменитые произведения – романы «Война и мир» и «Анна Каренина». Здесь он часто размышлял над вопросом: что делает человека счастливым (слайды: Толстой за работой, обложки произведений).

Методический комментарий: цель блока – включить вопрос о счастье в биографический контекст, связать его с жизнью Л.Н. Толстого.

3) экскурсионно-поисковый блок

Преподаватель: Сегодня мы с вами вместе с великим писателем будем искать секрет счастья.

Когда Лев Толстой был маленьким мальчиком, его старший брат Николай придумал такую легенду. В Ясной Поляне спрятана зеленая палочка. На ней написан секрет: как сделать людей счастливыми (на слайде – фото Николая).

Давайте вместе попробуем найти зеленую палочку Толстого и прочитать то, что на ней могло быть написано.

Методический комментарий: цель блока – через знакомство с жизнью и творчеством Л.Н. Толстого подвести студентов к понятиям, отражающим базовые концепты русской культуры и ментальности (соборность и приоритет духовных ценностей).

Квест был проведен в форме соревнования двух команд, в каждой из которых были назначены лидеры (те два студента, которые, после непродолжительного обучения русскому языку поздней весной 2017 года, были снова переведены на начальный этап обучения осенью). Для студентов сначала была проведена виртуальная экскурсия по Ясной Поляне (презентация), а затем командам розданы наборы по 16 конвертов с фотографиями: Дом Волконского, Дом Толстого, Флигель Кузминских, Дом, где Толстой родился, столовая, «малая гостиная», кабинет, спальня Толстого, «секретарская», библиотека, «комната под сводами», «комната с бюстом», парк Клины, Чепыж, Калинов луг, Ёлочки. Студенты должны были ответить на вопрос, где Л.Н. Толстой был счастлив и почему. За правильные ответы команды получали буквы, из которых должны были получиться два слова (у каждой команды – свое). Эти слова –

«единство» и «самосовершенствование», как мы предполагаем, определяли секрет счастья для Льва Толстого и могли быть написаны на «зеленой палочке».

В ходе работы, мы старались вовлечь студентов в диалог, задавая им наводящие вопросы, а также подчеркивали ключевые мысли: любовь Льва Николаевича к брату Николаю (поэтому так важна комната «с бюстом»); любовь Софьи Андреевны к Льву Николаевичу (поэтому из нескольких парков особенно выделяются Ёлочки, где по инициативе Софьи Андреевны поставили лавочку, на которой Лев Николаевич мог бы отдыхать); любовь Льва Николаевича к физическому труду и к самообразованию (специально для арабской аудитории к слайду «Библиотека» была добавлена информация о том, что Толстой учил арабский язык и пробовал читать Коран); его желание учить детей не из-за денег (он не получал зарплату за преподавание), а для того, чтобы сделать добро и пр.

На вопрос «Где Толстой быть счастливым и почему?» были получены следующие ответы: 1. Дом Толстых (потому что там жила вся большая семья, и они были счастливы); 2. Флигель Кузминских (там была школа, Толстой любил быть преподавателем и делал это не за деньги); 3. Дом, где Толстой родился (в детстве он был счастлив); 4. Столовая (вся семья вместе); 5. Кабинет (там родились дети, дети – это счастье, а еще там Толстой работал, ему нравилось работать); 6. Библиотека (Толстой любил читать и учить языки); 7. Комната «с бюстом» (Толстой любил брата, это Николай придумал легенду про «зеленую палочку»); 8. Калинов луг (Толстой любил косить, работать), 9. «Ёлочки» (там жена Софья Андреевна поставила скамейку, чтобы мужу было удобно, хорошо). Несмотря на ограниченный словарный запас, студенты предлагали хорошие формулировки объяснений своего мнения.

Среди сложностей, возникших в ходе квеста, можно отметить следующие моменты. Сложно было объяснить студентам отсутствие букв в некоторых случаях («малая гостиная», усадебные парки). Единственное фото, вариант с которым сразу исключили, – Дом Волконского, где жили слуги. В остальных случаях студенты говорили: «В малой гостиной Толстой тоже был счастлив, там Софья Андреевна помогала ему, потому что переписывала его книги много-много раз, Толстому это нравилось» или «В этом парке он тоже был счастлив, потому что здесь очень красиво» и т.д. В качестве объяснения пришлось упомянуть о существовании дневников, на записи в которых мы опирались при составлении заданий к квесту.

4) философский блок

Преподаватель: Давайте вспомним еще раз, что Лев Толстой считал счастьем: духовное единение с людьми; совместный труд; единение с природой; внутреннюю, духовную работу.

Одно из слов, которое могло быть написано на зеленой палочке, имеет значения: общность, цельность, сплочённость. Лев Толстой считал, что людей должны объединить любовь, добрые мысли, совместный труд, красота природы. Тогда они будут счастливы.

Второе слово, которое могло быть написано на зеленой палочке, означает работу человека над собой. Толстой писал, что счастье – это «духовное усилие изнутри». Он говорил, что счастье – это не внешние условия. Это не богатство, не обладание дорогими вещами, не высокое положение в обществе. Счастье внутри человека. Счастье – это когда человек совершает внутреннюю работу: старается стать лучше, добрее, внимательнее к окружающим, перестает лениться. И когда это происходит каждый день. Каждый день человек прилагает усилия для того, чтобы стать чуть-чуть лучше.

Методический комментарий: цель блока – обобщить информацию и подвести студентов к важнейшим понятиям философии Л.Н. Толстого.

Обе команды справились с задачей и смогли собрать слова «единство» и «самосовершенствование».

5) лингвистический блок

Преподаватель: Чтобы лучше понять составленные слова, проанализируем их с точки зрения фонетического и морфемного состава, грамматики, словообразовательных связей, возможностей использования в синтаксических конструкциях.

Методический комментарий: цель блока – побудить студентов проникнуть в суть составленных ими слов через лингвистический анализ, освоить их с помощью правил и законов изучаемого языка.

При лингвистическом анализе применялись толковые и словообразовательные словари [Словарь современного русского литературного языка 1962, стлб. 132]; [Тихонов 1990, стр. 54, 630]. Студенты должны были ответить на вопросы: *Сколько букв и сколько звуков в слове «самосовершенствование» и в слове «единство»? Сколько корней в этих словах? Как эти слова образовались? К какой части речи они относятся? Какой у них род? Имеют ли они формы множественного числа? Почему? Каково лексическое значение этих слов?* Кроме того, студентам предлагалось составить словосочетания с этими словами (единство + люди, самосовершенствование + нравственный и др.).

В ходе лингвистической части занятия студенты самостоятельно на доске сделали транскрипции ключевых слов, произвели поиск корня в однокоренных словах. Сложным оказалось понимание толкований из словаря (смысл слова «самосовершенствование» по отношению к жизни Толстого, и по отношению к их собственной жизни для студентов оказался более понятен). Сложной для студентов оказалась работа по составлению словосочетаний (не знают значения слова «нравственное», не проходили родительного падежа множественного числа).

6) обобщающий блок

Преподаватель: Итак, все могут стать счастливыми, если каждый будет самосовершенствоваться, стремиться к добру, красоте, отзывчивости, трудолюбию и другим хорошим качествам в себе, если людей объединит это стремление.

Мы заглянули во все уголки Ясной Поляны, кроме одного. Этот зеленый холмик – могила писателя (слайд). Он похоронен здесь, в Ясной Поляне. На могиле нет ни памятника, ни камня. Нет надписи, что здесь покоится великий человек. Так хотел сам писатель. А еще он хотел, чтобы его похоронили именно здесь, в этой части усадьбы. В легенде, которую придумал брат Толстого Николай, говорилось, что зеленая палочка зарыта в землю в этом месте...

В своих «Воспоминаниях» Л.Н. Толстой писал: «Очень, очень хорошо это было, и я благодарю бога за то, что мог играть в это. Мы называли это игрой, а между тем всё на свете игра, кроме этого».

Тысячи людей приезжают в Ясную Поляну, приходят на могилу писателя, посещают его дом, гуляют по паркам, садам, аллеям... Их объединяют интерес к произведениям Толстого, любовь к природе, духовные стремления и искания. Их объединяет память о великом писателе и место, где он искал счастье и, несомненно, был счастлив.

Методический комментарий: цель блока – финальное обобщение, сведение воедино трех основных линий занятия: биографической, историко-литературной и философской.

7) контрольно-измерительный блок

Преподаватель: Ответьте, пожалуйста, на вопросы теста.

Методический комментарий: цель блока – проконтролировать уровень усвоения студентами материала занятия. Предложенный студентам тест включал 13 вопросов с выбором ответов. Вопросы теста были направлены на: 1) проверку усвоения фактического материала (например, «Как называется усадьба, в которой родился и прожил большую часть своей жизни Лев Толстой?», «Какие произведения написал Лев

Толстой?», «Кто рассказал Толстому сказку о «зеленой палочке?»); 2) проверку понимания философской составляющей занятия (например, «Что такое единство?», «Что такое самосовершенствование?», «Почему Л.Н. Толстой в своих «Воспоминаниях» на склоне лет писал: «И как я тогда <то есть в детстве> верил, что есть та зеленая палочка, на которой написано то, что должно уничтожить все зло в людях и дать им великое благо, так я верю и теперь, что есть эта истина и что будет она открыта людям и даст им то, что она обещает?»)).

Несмотря на интерес, проявленный к обоим ключевым словам – «самосовершенствование» и «единство» – в тесте только один студент выбрал оба эти слова. Остальные выбирали либо «самосовершенствование», либо «единство». Один человек выбрал «знания».

Мы сделали акцент на любви Толстого к физическому труду, и 2 студента в вопросе 7, наряду с правильным ответом 5, выбрали и вариант 2 (рубил деревья).

В целом, подавляющее большинство ответов, данных студентами, были правильными. Единственный вопрос, на который был получен всего один совершенно верный ответ – вопрос о произведениях Толстого. Остальные либо называли только рассказ «Филиппок» (он не только упоминался, но и пересказывался в презентации), либо давали неверные ответы («Мертвые души», «Преступление и наказание»).

8) рефлексивный блок

Мы предложили студентам ответить на вопросы анкеты: *Как вас зовут? Из какой вы страны? Что нового вы узнали сегодня на занятии? Понравилось ли вам искать зеленую палочку? Какие задания были для вас легкими, а какие сложными? Почему? Что означало слово «счастье» для Льва Толстого?*

Методический комментарий: цель блока – рефлексивный анализ, который имеет два вектора: 1) информация для преподавателя (какие элементы квеста требуют корректировки); 2) информация для студентов (рефлексия своего восприятия занятия, своего эмоционального состояния).

После проведения квеста мы поинтересовались, какие прилагательные подобрали бы студенты, чтобы описать проведенную с ними работу. Почти все сказали «несложно» и «интересно». Более того, у ребят возникло желание в тёплое время года посетить Ясную Поляну, чтобы увидеть все «своими глазами» (эту идиому они также недавно встречали в учебнике).

Таким образом, можно сказать, что итогом работы стало освоение актуальной лексики, пробуждение интереса к русской культуре, расширение общекультурных знаний и, как нам кажется, наиболее важным результатом нашей работы стал повод

задуматься о саморазвитии, о возможности стать другим, лучшим человеком, увидеть образец постоянной работы над собой – самосовершенствования.

Список литературы:

Багузина Е.И. Веб-квест технология как дидактическое средство формирования иноязычной коммуникативной компетенции (на примере студентов неязыкового вуза): автореф. дис... канд. пед. наук : 13.00.01 / Багузина Елена Ильинична; [Место защиты: Моск. гуманитар. ун-т]. - Москва, 2012. - 24 с.

Кичерова М.Н., Ефимова Г.З. Образовательные квесты как креативная педагогическая технология для студентов нового поколения [Электронный ресурс] // Интернет-журнал «Мир науки» 2016, Том 4, номер 5. – Режим доступа <http://mir-nauki.com/PDF/28PDMN516.pdf>

Новикова А.А., Федоров А.В. Медиаобразовательные квесты // Инновации в образовании. 2008. № 10. С.71-93.

Осяк С.А., Султанбекова С.С., Захарова Т.В., Яковлева Е.Н., Лобанова О.Б., Плеханова Е.М. Образовательный квест – современная интерактивная технология [Электронный ресурс] // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 1-2. – Режим доступа

URL: <https://www.science-education.ru/ru/article/view?id=20247>

Пинкер С. Как работает мозг / Пер.с англ. О.Ю. Семиной. – М.: Кучково поле, 2017.

Словарь современного русского литературного языка в 17 тт. – М., Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1962. Т. 13: С–сняться. 1516 стлб.

Тихонов А. Н. Словообразовательный словарь русского языка: В 2 т. Ок. 145 000 слов. 2-е изд., стер. – М.: Рус. яз., 1990. Т. 2: Словообразовательные гнезда. Р–Я. Производные слова, размещенные в гнездах. Одиночные слова. 886 с.

Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: В 90 томах (юбилейное). – М., 1928 – 1964.

Толстой Л. Н. Избранное (Исповедь. Дневники 1895–1905 гг. «Тайный» дневник 1908 года. «Дневник для одного себя»). – Ростов н/Д.: Издательство "Феникс", 1998, 544 с.

Бердичевский А.Л.
Университет прикладных наук Вены
г. Вена (Австрия)

Berdichevski Anatoli
FH BFI Wien
Vienna (Austria)

**СОЦИАЛЬНО - ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ОПТИМИЗАЦИЯ УЧЕБНОГО
ПРОЦЕССА ПРИ ИЗУЧЕНИИ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО**

**SOCIALLY-PSYCHOLOGICAL OPTIMIZATION OF EDUCATIONAL PROCESS
AT THE STUDY OF RUSSIAN AS FOREIGN LANGUAGE**

В статье рассматриваются вопросы социально-психологической оптимизации учебного процесса при изучении русского языка как иностранного. Автор подробно останавливается на данном понятии и понятии когнитивной методики. При этом в изучении иностранного языка выделяются два когнитивных стиля, два типа мышления: некоммункативный, или аналитический, который свойственен людям с доминантностью левого полушария, и коммуникативный, или рационально - логический, связанный с доминантностью правого полушария головного мозга. Автор подробно описывает особенности каждого из стилей и предлагает различные формы проведения практических занятий по русскому языку, создающих наилучшие условия для развития мотивации обучающихся и творческого характера учебной деятельности в зависимости от их учебных стилей.

The article deals with the problems of socially-psychological optimization of educational process at the study of Russian as foreign language. An author in detail decides on this concept and concept of cognitive methodology. Thus in the study of foreign language two cognitive styles, two types of thinking, are distinguished: uncommunicative, or analytical, that to the typical people with the dominant of the left hemisphere, and communicative, or rationally - logical, related to dominant of right hemisphere of cerebrum. An author in detail describes the features of each of styles and offers the different forms of realization of practical employments on Russian, creating the best terms for development of motivation of student and creative character of educational activity depending on their educational styles.

Ключевые слова: когнитивные стили, некоммункативный и коммуникативный тип мышления, социально-психологическая оптимизация учебного процесса, оптимальное педагогическое общение, активные методы обучения

Keywords: cognitive styles, non-communicative and communicative type of thinking, socio-psychological optimization of the educational process, optimal pedagogical communication, active teaching methods

В 80-х годах прошлого века в методической науке появился термин *когнитивная методика*, предполагающая изучение индивидуальных стилей восприятия и переработки поступающей информации с целью поиска методических приёмов, отвечающих индивидуальным способностям обучаемого, его когнитивному стилю, позволяющих обеспечить успешность обучения.

При этом в изучении иностранного языка выделяются два когнитивных стиля, два типа мышления: *некоммункативный, или аналитический*, который свойственен

людям с доминантностью левого полушария, и *коммуникативный, или рационально - логический*, связанный с доминантностью правого полушария головного мозга.

Люди с доминирующим левым полушарием (*некоммуникативный тип*):

- воспринимают новую информацию последовательно, концентрируясь на деталях
 - в познавательную деятельность включаются постепенно, обычно медленнее, чем учащиеся с доминирующим правым полушарием.
 - эффективнее запоминают списки слов
 - предпочитают вербальные способы передачи и восприятия информации. Им необходимо (даже при наличии модели) вербальное толкование правила.
 - обычно тщательно контролируют грамматическую правильность своей речи, произвольная речь для них предпочтительнее, чем произвольная.
 - при изучении иностранных языков любят работать с учебными текстами, а не с аутентичными
 - медленнее устанавливают связи на этапе восприятия и фиксации в памяти, поэтому нуждаются в большом количестве тренировочных упражнений с вариантами выбора (вписывание правильных форм, выбор нужных лексем)
 - могут работать только в полной тишине
 - не любят составлять диалоги в ролевых играх
 - любят делать письменные переводы
 - слишком контролируют свою речь, поэтому у них меньше ошибок в речи и т.д.
- Попытки преподавателя вовлечь их в свободную беседу, особенно на первых этапах обучения, редко имеют успех: эти студенты должны дожидаться, когда они закончат запоминать новые слова и правила. Поэтому они больше тяготеют к учебникам, построенным по грамматико-переводному методу.

Лица с доминирующим правым полушарием (*коммуникативный тип*):

- воспринимают информацию целостно, одномоментно, преимущественно образно
- не проявляют интереса к поэтапному углублённому изучению грамматики
- плохо запоминают списки слов, особенно вне контекстных связей, опираясь на изобразительную и эмоциональную сферу
- предпочитают принцип коммуникативности, так как им необходимо хорошо осознавать конечную практическую цель каждого шага своей когнитивной деятельности и запоминать вербальную информацию помогает её смысловая организация

- не нуждаются в словесном толковании правила, предпочитают сформулировать его, опираясь на пример или схему.
- предпочитают получать информацию аудиально
- быстрее устанавливают связи на стадии восприятия и закрепления и не нуждаются в таком количестве тренировочных упражнений, которое обычно необходимо людям с левополушарной доминантностью
- обычно непосредственно переходят к продуцированию, минуя стадию репродукции, поэтому уже на стадии тренировки они успешно выполняют упражнения продуктивного характера.
- не проявляют интереса к работе с учебными текстами, предпочитают аутентичные тексты, понять которые им помогает интуиция.
- им часто нужен музыкальный фон, они не могут работать в полной тишине
- с удовольствием составляют диалоги в ролевых играх
- не контролируют правильность своей речи, поэтому у них больше ошибок в речи
- с удовольствием работают по современным учебникам русского языка коммуникативного типа.

В аудитории, однако, редко бывают обучающиеся лишь одного стиля обучения, поэтому преподавателю в своей работе необходимо опираться на оба стиля, т.к. несоответствие между стилем преподавания и стилем обучения приводит к конфликту стилей: то, что преподаватель ожидает от обучающихся на занятии, основывается на его собственных предпочтениях в обучении. И когда эти предпочтения не совпадают с предпочтениями обучающихся, возникает конфликт стилей.

Поэтому в настоящее время речь идёт о *социально-психологической оптимизации учебного процесса* (А.А. Леонтьев), связанной с выработкой оптимального педагогического общения на занятии (общения преподавателя и студентов), создающего наилучшие условия для развития мотивации обучающихся и творческого характера учебной деятельности в зависимости от учебных стилей обучающихся.

Экспериментально установлено, что в памяти человека запечатлевается до 90% того, что он делает, до 50% того, что он видит, и только 10% того, что он слышит. Следовательно, наиболее эффективная форма обучения должна основываться на активном включении обучающихся в соответствующее действие в зависимости от их когнитивных стилей. Для этой цели наиболее целесообразно использование так

называемых *активных методов обучения*: суггестопедии, ролевых и деловых игр, мозговых атак (мозгового штурма), метода конкретных ситуаций, Fremdsprachenwachstum и других.

Социально-психологическая оптимизация учебного процесса при изучении РКИ может быть достигнута посредством оптимизации всех составляющих элементов этого процесса. В результате такой оптимизации возникла принципиально новая система обучения, которая была названа по основному ведущему признаку - адаптивной системой обучения (АСО) (А.С. Границкая). Адаптивная система обучения - это способ обучения, который обеспечивает адаптацию к индивидуальным особенностям обучающихся и способствует интенсификации учебного процесса за счет изменения его структуры.

Основными признаками АСО являются:

1. Изменение структуры учебного занятия, обеспечивающее резкое увеличение времени активной самостоятельной работы студентов на учебном занятии и нормализацию их загруженности домашней самостоятельной работой.

2. Совмещение самостоятельной работы студентов в аудитории с их индивидуальной работой с преподавателем.

3. Адаптация к индивидуальным особенностям обучающихся за счет непрерывного управления всей самостоятельной работой студентов в аудитории и дома при помощи системы средств управления /сетевой план, график оперативного самоучета, материалы с обратной связью.

4. Адаптация к индивидуальным особенностям обучающихся в условиях дифференцированного обучения при комплексном планировании всех видов взаимодействия преподавателя и студентов.

5. Использование самоконтроля и взаимоконтроля в условиях коллективного обучения.

При переходе к АСО необходимо провести постепенную подготовку к занятиям: изменить структуру учебного занятия и перейти к совмещению индивидуальной работы преподавателя и самостоятельной работы остальных студентов.

При переходе к адаптивной системе обучения каждое учебное занятие начинается с проведения всех запланированных коллективных (групповых) видов деятельности, а затем переходят в совмещение индивидуальной и коллективной самостоятельной работы.

На переходных этапах при условии использования старых учебников система средств управления состоит из заданий с ключами печатного и звучащего вариантов, а

управление остальными видами деятельности осуществляется в свободных режимах в паре или преподавателем.

Преподаватель, наряду с уже сформированными профессиональными умениями проведения преимущественно групповой работы, должен овладеть принципиально новыми умениями и перестроить само отношение к учебному процессу.

Преподаватель должен овладеть умением готовить материалы для самостоятельной работы студентов, умением управлять коллективной самостоятельной работой, одновременно работая индивидуально с одним из студентов. Не менее важно научиться управлять работой динамических пар и давать свободу студентам при формировании статических и вариационных пар.

Научиться доверять студентам, когда они сами оценивают результаты своей работы и работы товарища, умело поощрять студентов за достигнутые успехи и тактично указывать на недостатки.

Вместо ориентации на среднего студента необходимо ориентироваться на каждого студента, адаптируясь к его индивидуальным особенностям, объективно оценивая результаты не только по достигнутому уровню, но и по прогрессу и ритмичности выполнения плана.

Чтобы облегчить переход к новой структуре учебного занятия следует пройти несколько этапов.

На первом этапе преподаватель, проводит в начале занятия все виды коллективно-групповой работы, затем дает "домашнее", задание и разрешает студентам выполнять его на занятии. В это же время преподаватель вызывает к своему столу одного студента для индивидуальной работы, затем следующего, проверяя "домашнее" задание, частично выполненное на предшествующем занятии и законченное дома.

Независимо от того, какой вариант обучения используется в вузах языкового профиля - комплексное или аспектное – каждое занятие следует начинать с рассказа или объяснения преподавателя на иностранном языке. Это позволит научить студентов непосредственно понимать речь преподавателя общим охватом содержания с установкой на самооценку, степени понимания в условиях формирования внутреннего самоконтроля с эпизодическим использованием внешнего контроля преподавателем.

Длительность общения с группой не менее 10 минут. Через 10 минут преподаватель переходит к индивидуальной работе с вызванным к своему столу студентом. Таким образом, опрос студента перед группой заменяется беседой с сидящим у стола преподавателя студентом. В это время остальные студенты беседуют

20 минут в паре, а затем сдают друг другу ранее выполненные задания, причём проверяющий студент пользуется ключом.

Во время работы студентов в парах преподаватель проводит индивидуальную работу: контролирует устную речь студентов, консультирует слабых студентов, принимает домашнее чтение, осуществляет тестовый контроль.

Данный метод особенно актуален для студентов с некоммуникативным типом мышления.

Для коммуникативного учебного стиля наиболее подходящим будет метод суггестопедии.

Как известно из дидактики, успешность обучения зависит от интенсивности отдельных фаз усвоения материала: чем интенсивнее каждая предыдущая фаза, тем успешнее последующая.

При трёх этапах усвоения материала по русскому языку: ознакомление, тренировка, применение - интенсификация этапа ознакомления с материалом (восприятия материала) ведёт к лучшему усвоению материала на этапе тренировки (активизируется его вызов во время тренировки); интенсификация этапа тренировки с помощью активизации её форм способствует более успешному его применению в речи и т.д.

Суггестопедия изменила, прежде всего, этап восприятия материала, что оказало активизирующее влияние на весь процесс усвоения материала.

Суггестопедический метод, получивший международное признание, возник в Болгарии в 60-е гг. XX в. и связан с именем его создателя Г. Лозанова. Слово «суггестия» происходит от лат. *suggestum*, что означает «подставлять», «нашептывать», «внушать».

Суггестология наука о внушении, суггестопедия— ее применение в педагогике. Информация извне может проникать во внутренний мир личности, утверждает Лозанов, по двум каналам — сознательному и неосознаваемому. Неосознаваемое может рассматриваться как основной источник «резервных возможностей психики».

Принципы обучения.

1. Авторитет источника информации.

2. Инфантилизация (от лат. *infantilis*). Используется на занятии в качестве суггестивного средства воздействия. Проявление инфантилизации – установление полного доверия между учащимися и преподавателем, который создает доброжелательную атмосферу, помогающую повышению восприятия и запоминания учебного материала, стимулирующего речевую активность

3. Двуплановость. В это понятие включаются паралингвистические средства (мимика, жесты) и другие неосознаваемые сигналы, имеющие большое значение для обучаемых.

Под вторым планом в поведении человека подразумеваются те изменения в мимике, жестах, манере говорить, посредством которых он воздействует на окружающих.

Интонация. Помимо того что интонация относится к компонентам, обеспечивающим принцип двуплановости, она имеет самостоятельное значение для создания суггестивной атмосферы.

Ритм. Известно, что эффективность суггестивного воздействия во многом зависит от ритмичного повторения формул внушения.

Концертная псевдопассивность. Она используется на этапе предъявления нового материала и способствует возникновению эффекта гипермнезии – сферхзапоминания.

Так, введение диалога "В купе" (Harald Loos, Anatoli Berditchevski. Новые проекты. E.Weber Verlag 2013) может быть проведено на основе метода суггестопедии:

- Добрый день! Это одиннадцатое место?

- Да, пожалуйста, вот здесь внизу. Давайте познакомимся. Меня зовут Лариса Владимировна Муравьёва.

- Очень приятно. Ютта Штайнер.

- Очень рада. Вы из Германии?

- Да, из Гамбурга. А вы?

- Я из Санкт-Петербурга. Вы уже были в нашем городе?

- Нет, я еду в первый раз.

- И сколько дней вы будете в Петербурге?

- Пять.

- Это, конечно, не очень много. Тогда я вам советую сначала автобусную экскурсию по городу, она даёт общее представление о городе, и вы познакомитесь с самыми известными местами Питера, с Эрмитажем и Русским музеем, Исаакиевским и Казанским соборами, Петропавловской крепостью, Невским проспектом, самыми красивыми дворцами, ...

- Лариса Владимировна, я буду в Петербурге только 5 дней.

- А в театр не пойдёте?

- Пойду на «Жизель», в субботу вечером. Билет уже есть.

- Тогда я вас поздравляю. В нашем Мариинском театре самый известный и самый лучший балет ...

- *А москвичи говорят, что самый известный и самый хороший балет у них в Большом театре ...;*

Первое предъявление текста - диалога направлено на создание у учащихся общего представления о содержании диалога. Преподаватель рассказывает его общее содержание, помогая учащимся в понимании средствами внешней выразительности или переводом.

Второе предъявление диалога направлено на активизацию имитационной и мнемонической деятельности учащихся. Они повторяют произносимые преподавателем фразы с теми же жестами, движениями, разнообразными интонациями. Отдельные фразы могут пропеваться на известные мотивы, проговариваться в определённом ритме и т.д. После каждой фразы преподаватель даёт перевод на родной язык. При этом преподаватель сам придумывает различные приёмы, облегчающие восприятие и воспроизведение речи. Так, начало второго предъявления диалога могло бы выглядеть следующим образом:

- *Добрый день!* Произносится с хлопками в ладоши.

- *Это одиннадцатое место?* Проговаривается с разной интонацией: утвердительной вопросительной - с удивлением.

- *Да, пожалуйста, вот здесь внизу.* Произносится с изменением уровня громкости: шёпотом - нормально - громко.

- *Давайте познакомимся.* Можно пропеть.

- *Меня зовут Лариса Муравьёва. Меня (жестом на себя) зовут? - меня зовут? - меня? - зовут? - Лариса? (медленно) - меня зовут (медленно) - Лариса Владимировна Муравьёва (быстро)*

- *Очень приятно.* Можно пропеть.

- *Ютта Штейнер* Громко.

- *Очень рада.* Радостно.

- *Вы из Германии?* С удивлением.

- *Да, из Гамбурга. А Вы?* Прорекламировать как стихи.

- *Я из Санкт-Петербурга.* С гордостью

- *Вы уже были в нашем городе?*

С увеличением длины предложения: *Вы... Вы уже... Вы уже были... Вы уже были в нашем городе?* (Или то же самое с конца предложения).

- *Нет, я еду в первый раз.* Декламация или пение.

- *Сколько дней вы будете в Петербурге?*

Шёпотом – нормально - громко.

- *Пять*. Показать на пальцах.
- *Это, конечно, не очень много*. Медленно-нормально-быстро и т.д.

Как при первом, так и при втором предъявлении учащиеся книгами не пользуются, а воспринимают материал только со слуха.

Третье предъявление того же диалога проводится в форме так называемого "интонационного чтения". Книги при этом открыты. Преподаватель произносит фразу на родном языке, делает паузу, давая возможность учащимся припомнить (или найти) её соответствие в русском языке, затем повторяет фразу по-русски: "*Добрый день!*" и снова делает паузу, в течение которой учащиеся повторяют фразу на русском языке про себя. Русские фразы произносятся громко в чередовании нейтральной, мажорной и интимной тональностей:

- *Добрый день!* (нейтрально).
- *Это одиннадцатое место?* (мажорно, весело)
- *Да, пожалуйста, вот здесь внизу* (интимно, загадочно) и т.д.

Четвёртое предъявление, или "концертный (музыкальный) сеанс" представляет собой чтение текста диалога в музыкальном сопровождении. Желательно приглушить свет в аудитории, дать учащимся установку на полное расслабление: "*Сядьте удобно. Закройте глаза. Слушайте музыку*". Затем, выдержав паузу, преподаватель включает запись симфонической музыки и читает весь текст-диалог без перевода в естественном темпе, очень выразительно, на фоне звучащей музыки. У учащихся создаётся при этом эффект отдыха и удовлетворения от того, что они теперь понимают весь текст без перевода (подробнее о методе см. Г.А. Китайгородская).

Введение диалога по методу суггестопедии проводится в течение одного занятия. Дома учащиеся должны прослушать запись диалога перед сном в этот же день. Вся тренировка материала диалога, описываемая ниже, осуществляется в этом случае на следующем занятии.

1. Прослушивание диалога при открытых книгах и его чтение в парах со сменой ролей.
2. Выписывание из диалога всех вопросов, которые в нём встречаются.
3. Учащиеся по очереди зачитывают выписанные вопросы и сначала находят реакцию на них в тексте диалога, а затем предлагают свои варианты реакции.

Напр.:

- Ты из Германии?*
-*Да, из Гамбурга*

(-Нет, из Вены). А ты?

-А я из Санкт-Петербурга (- А я из Москвы) и т.д.

4. Анализ реплик диалога и составление его функциональной схемы:

- Приветствие. Вопрос.

- Ответ. Предложение. Представление.

- Реакция на представление. Представление себя.

- Реакция. Вопрос.

- Подтверждение. Контрвопрос.

- Ответ. Вопрос.

- Ответ. Утверждение.

- Вопрос.

- Ответ

- Утверждение. Совет - объяснение.

- Возражение.

- Вопрос.

- Ответ - утверждение.

- Поздравление. Утверждение.

- Возражение.

5. Воспроизведение диалога по составленной схеме в парах с заслушиванием 2 - 3 пар.

Учёт различных учебных стилей может осуществляться также на различных этапах усвоения материала.

Как известно, при изучении учебного материала студенты проходят через четыре стадии его усвоения, а именно: *ознакомление* (введение) - *тренировка* (закрепление) - *применение* (в речи) - *контроль* (тестирование).

В этом случае ознакомление можно осуществлять, например, следующим образом: студенты получают текст, в котором имеются новые слова. Они получают задание найти в тексте новые слова, выписать их, назвать их формы, перевести на родной язык. Это задание учитывает особенности как коммуникативного (связный текст), так и некоммуникативного (анализ текста, отдельные слова, их анализ) типа обучающихся.

При тренировке, например, темы "Еда" преподаватель может предложить сравнить меню двух ресторанов и попросить студентов сказать, в какой ресторан они пригласили бы своих друзей и почему (некоммуникативный тип) и провести интервью среди коллег и составить меню (коммуникативный тип).

Разница между типами обучения особенно ярко проявляется во время контроля изученного материала. Так, при письменных видах контроля, особенно при формальных тестах (например, при выборе подходящего ответа из ограниченного числа заранее заданных вариантов) в наиболее благоприятном положении находятся обучающиеся некоммуникативного типа, а при устном - коммуникативного. Поэтому так важно сочетание этих двух форм контроля, ибо ограничение одной из них ведёт к искажённой картине уровня владения русским языком.

Вообще при постановке заданий, особенно для домашней работы, имеет смысл предлагать студентам несколько вариантов, и они инстинктивно выберут тот, который будет соответствовать их стилю обучения. Это и создаст тот благоприятный социально-психологический климат, который будет способствовать поддержанию внутренней мотивации в изучении русского языка.

Важным аспектом при тестировании и контроле сформированности умений обучающихся является его содержание, которое тоже должно мотивировать к дальнейшему изучению русского языка. Часто в качестве содержания используется контроль не умений, а знаний, например о России, в то время как объектом контроля, особенно на заключительном этапе обучения, должны быть умения решать коммуникативные задачи в условиях межкультурной ситуации средствами русского языка. Но действительно: где и кому студенту-иностранцу в жизни придётся рассказывать(!) о Москве на русском(!) языке? А ведь на экзаменах и олимпиадах он это делает и даже получает награды! Основным принципом обучения, как известно, должно быть: читай и слушай о стране изучаемого языка, а рассказывай и пиши носителю русского языка о своей собственной стране.

Большие возможности для самостоятельной работы по иностранному языку предоставляют современные *онлайн - курсы*, выполняющие роль языковых лабораторий. Эти курсы могут взять на себя работу по ознакомлению, тренировке и письменному контролю изученного материала, особенно для обучающихся некоммуникативного типа. В принципе всю тренировочную работу можно вынести на самостоятельную работу обучающихся с компьютером дома, что в значительной мере освободит время в аудитории для речевой практики.

Список литературы:

- Бердичевский А. Л., Гиниатуллин И.А., Лысакова И.П., Пассов Е.И.* Методика межкультурного образования средствами русского языка как иностранного. Москва: «Русский язык-Курсы», 2011
- Бердичевский А.Л.* Альтернативные технологии в преподавании русского языка как

иностранного. „RETORIKA A“, 2018.

Границкая А.С. Основы научной организации учебного процесса по иностранным языкам. Москва, 1979.

Китайгородская Г.А. Интенсивное обучение иностранным языкам. Москва: «Высшая школа», 2009.

Леонтьев А.А. Педагогическое общение. Москва: Издательство «Знание», 1979.

Мелентьева Т.И. Обучение иностранным языкам в свете функциональной асимметрии полушарий мозга. М.: КРАСАНД, 2010.

Гао Гуоцуй
Северо-восточного педагогического университета(СВПУ)
г. Чанчунь(Китай)

Gao Guocui
Northeast Normal University(NENU)
Changchun(China)

О СИСТЕМЕ ПОДГОТОВКИ СПЕЦИАЛИСТОВ РКИ К МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ¹⁶⁴

На основе комплексной реформы обучения бакалавров в СВПУ(2014 -2017)

ABOUT THE TRAINING SYSTEM TRIALS TO INTERCULTURAL COMMUNICATION

On the basis of a comprehensive reform of bachelor's studies in NENU (2014 -2017)

В предлагаемой статье представлены результаты ряда мер и достижения учебной реформы в СВПУ, которая длилась 3 года с лишним (10.2014 - 12.2017) специально для всех бакалавров, особенно в реформе обучения РКИ. Цель реформы состоит в том, что последовательно приводить в исполнение основную суть реформы, выпустить выдающийся учебный коллектив, изготовить качественные занятия, улучшить качество обучения. Заостря внимание на разных вопросах, например, старая рамка и модель обучения, простейшая модель управления обучением и учёбой, создание методов и приёмов многообразного оценивания, выделены три модуля. Реформа проводится на трёх студиях: 09. 2014 – 09.2015: модель ОРС и создание платформы дистанционного самостоятельного обучения на основном курсе; 09. 2015 – 09. 2016: модель ОРТ и создание платформы дистанционного самостоятельного обучения на старшем курсе; 09. 2016 – 12. 2017: выполние строительства базы для подготовки практических специалистов инновационного типа. Исходя из процесса данной реформы был представлен эффективный пример для улучшения качества обучения РКИ, подготовки специалистов к межкультурной коммуникации.

The proposed article presents the results of a number of measures and achievements of educational reform in NENU, which lasted for more than 3 years (10.2014 - 12.2017) specifically for all bachelors, especially in the reform of the teaching Russian as a foreign language. The purpose of the reform is to consistently implement the main essence of the reform, to release an outstanding teaching staff, to make high-quality classes, to improve the quality of education. There are three modules that focus on different issues, for example, the old frame and model of teaching, the simplest model of teaching and learning management, the creation of methods and techniques of multiple assessment. The reform is carried out in three studios: 09. 2014 – 09.2015: model TSS(training-speech-situation) and the creation of a platform of remote self-learning in basic training; 09. 2015 – 09. 2016: model TST(training-speech-topic) and creation of a platform for distance teaching in senior year; 09. 2016 – 12. 2017: construction of the base for the training of practitioners of innovative type. Based on the process of this reform, an effective example was presented to improve the quality of teaching Russian as a foreign language, training of specialists in intercultural communication.

Ключевые слова: реформа обучения РКИ, план воспитания бакалавров, модуль, платформа, хранилище ресурсов.

¹⁶⁴Данная статья представляет собой стадийное достижение в сфере фундаментальных научных исследований в области общественных наук в Китае по теме «Исследование эффективности дискурса преподавателей ВУЗов Китая» (16ВУУ189).

Key words: the reform of the teaching Russian as a foreign language, education plan of bachelors, module, platform, repository of resources.

В последние годы Министерство образования уделило большое внимание на развитие высшего образования, разделило большое средство на строительство научных дисциплин и предметов. В системе образования и воспитания оформлены конкретные критерии для проверки эффективности воспитания специалистов. Под общим критерием Министерство образования требует всех вузов от определения своей модели, стандартов, цели подготовки специалистов и меры и приёмы для осуществления цели, направления специальности и т. д.[2010, с. 8-10]

В связи со стратегией китайской экономики “один пояс, один путь”, в согласии со требованиями Министерства образования, по цели воспитания специалистов СВПУ организовал учёных, профессоров и педагогов, чтобы разобраться в своей цели обучения, найти существующие проблемы, выдвинуть варианты и меры реформы, критерии оценки, предложения или советы. На этот раз университет оказал материальную помощь всем институтам 30 миллионов юаней в виде проектов. Реформа конечно осуществится в конкретных учебных предметах. Ниже приводятся конкретные меры и результаты реформы обучения РКИ.

I. Цель реформы обучения РКИ

В данной комплексной реформе мы выдвинули такой вариант реформы: "Проект и меры реформы обучения РКИ на основе подготовки инновационных специалистов к межкультурной коммуникации", чтобы полностью повысить качество подготовки специалистов РКИ. В общем, данная реформа планируется начать со следующих аспектов:

- Прорвав старое в традиционной рамке и конструкции обучения, построить новую модель для подготовки инновационных специалистов, подходящую социальному развитию.

- Изменить традиционную модель управления обучением, энергично развивать и использовать сетевые ресурсы и сетевые технологии, создать полную автономную обучающую платформу, чтобы помочь студентам в изучении русского языка, развивать их способность к обучению.

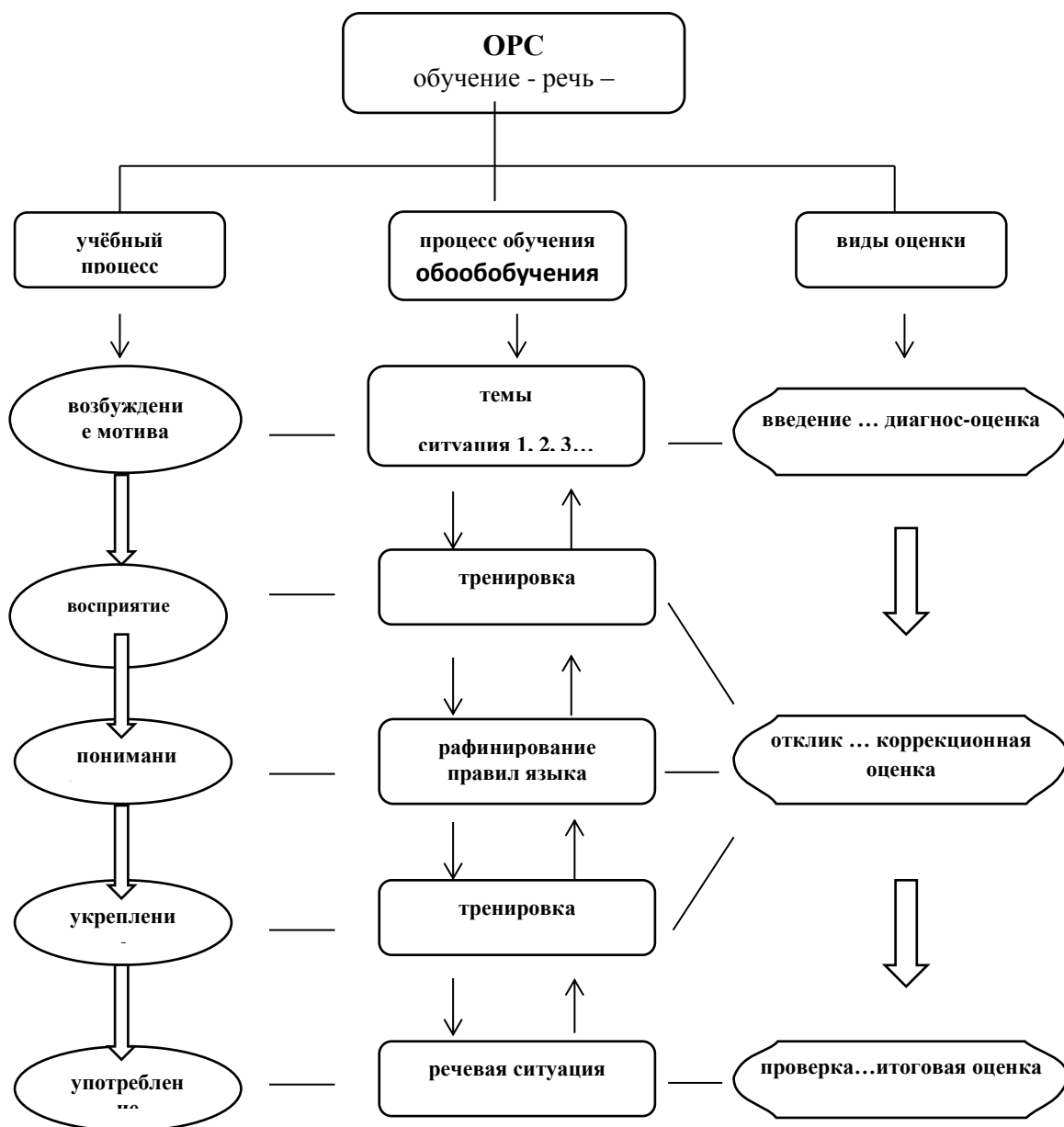
- Создание различных методов оценки, которые дополняют друг друга.

- Создание прекрасного класса, чтобы запустить отличную команду преподавателей.

II. Меры и способы осуществления цели реформы обучения РКИ

Реформа обучения РКИ делится на три модуля:

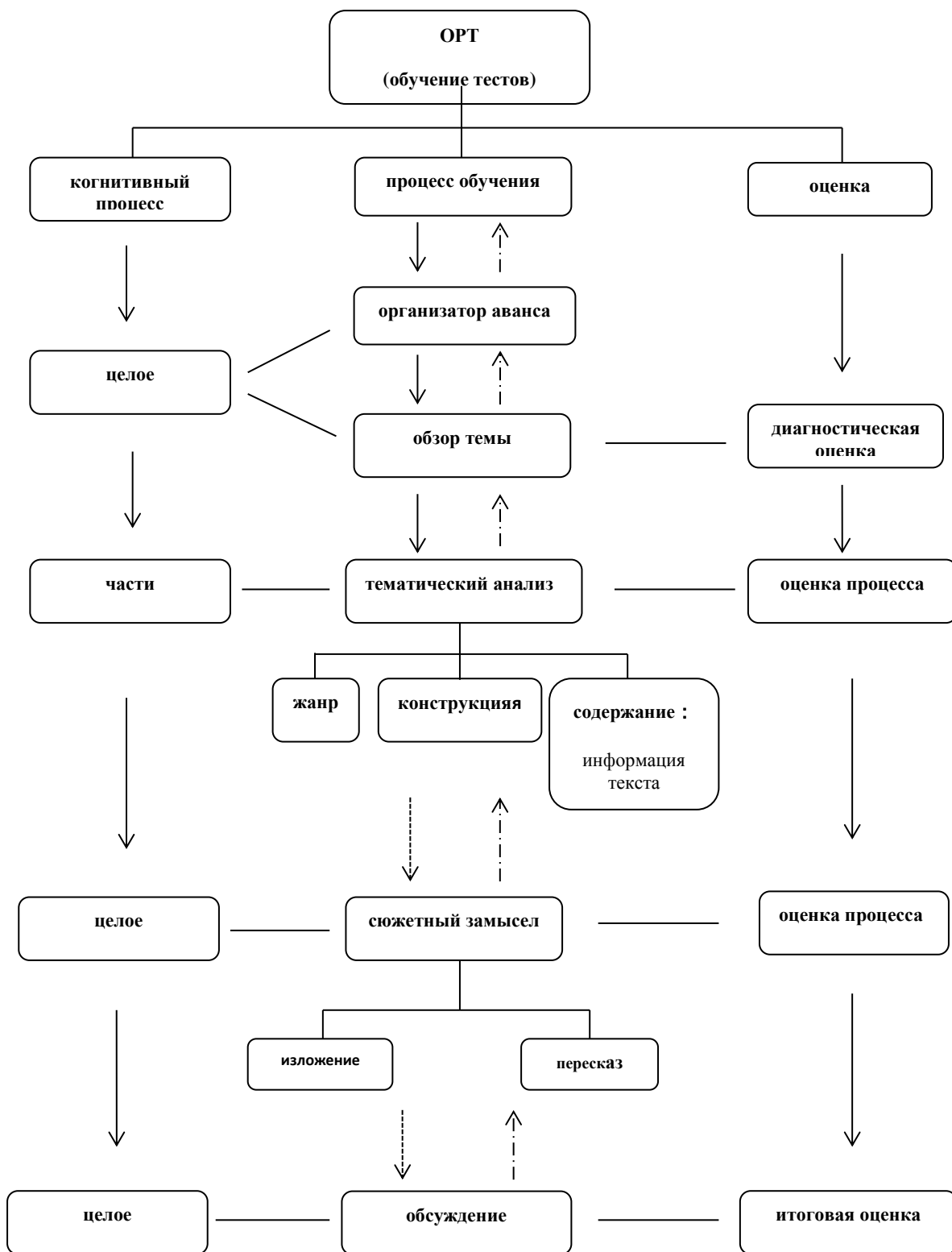
1-ый модуль: выдвинута модель обучения РКИ О - Р - С (обучение - речь – ситуация, ниже ОРС) на основной стадии. Цель модели ОРС состоит в том, чтобы студенты усвоили основные знания по фонетике, грамматике, лексике, подготовить их основные умения: аудирование, говорение, чтение, письма и способность к речевой межкультурной коммуникации, овладели знаниями по страноведению.

2-ой модуль: выдвинута модель обучения РКИ О - Р - Т (обучение - речь – тема, ниже ОРТ) на высшей стадии. Цель обучения в воспитании точного понимания речи и когерентных умений говорить. В центре внимания реформы обучения следует сосредоточиться на развитии способности студентов к пониманию и строительству текстов разных жанров, чтобы студенты стали прикладными талантами межкультурной коммуникации, овладевшими основными знаниями русского языка, имеющими независимую способность к обучению и инновационное сознание.

3-ий модуль: на основе цели воспитания качественных специалистов РКИ, создать 4- модель У - П - К(университет - правительство - компания, ниже УПК) для подготовки практических специалистов инновационного типа.

5-

Благодаря обучению и практике трёх модулей мы в основном выполнили следующие задачи:

- дореформенное обучение, назначение задачи, предложение требования каждого этапа;
- заведующий кафедрой и его помощник посещают аудитории и дают отзывы в аудиториях;
- открытые занятия;
- замечание текущих проблем в обучении РКИ;
- пересмотрение плана курса;

В начале реформы наступил случай поправки варианта воспитания бакалавров. Ниже таблица 1, 2 – «Вариант воспитания бакалавров 2015г. СВПУ». С 2015г. обучение РКИ соблюдает этот вариант. В отличии от бывшего варианта в новом варианте были подчеркнуты педагогическая специфика, цель, направленность, практичность и прикладность специальности.

Таблица 1

Виды предметов				учебный балл		частный итог	
Общие предметы воспитания	Обяз.	идейно-политическое воспитание		14		37	
		физическое воспитание и оборонное воспитание	физическое воспитание	4			
			оборонное воспитание	2			
		Общение, выражение и технический уровень	письмо на китайском языке		2		
			Второй иностранный язык		8		
			информационная техника		4		
		Математика и логика	математика	3	выбрать один из них		
	логика		3				
	Фак.	Гуманитарность и искусство			10		
		Общество и поведенческая наука					
		Естественная наука					
	Обяз.	Основные предметы			50		78
		Главные предметы			28		
						107	

		практика дипломная работа	10	
	Фак.	Предметы по специальности	19	
Предметы по направлению			15	
Итого учебных баллов			169	

Таблица 2

Виды предметов	Названия предметов	Учебный балл	часы	Учебный семестр	Учебный балл
Основные предметы по специальности	основной курс русского языка 1	12	216	1	Обязательные предметы 50 б.
	основной курс русского языка 2	12	216	2	
	основной курс русского языка 3	10	180	3	
	основной курс русского языка 4	10	180	4	
	аудиодирование и говорение 1	2	36	2	
	аудиодирование и говорение 2	2	36	3	
	аудиодирование и говорение 3	2	36	4	
главные предметы по специальности	росийское страноведение 1	2	36	3	Обязательные предметы 28 б.
	Российское страноведение 2	2	36	4	
	русский язык средней степени 1	6	108	5	
	русский язык средней степени 2	6	108	6	
	русский язык высшей ступени 1	6	108	7	
	теористическая грамматика 1	2	36	5	
	русско-китайская теория перевода и практика 1	2	36	5	

	предмет и дидактика русского языка	2	36	6	
Практика и дипломная работа	практика	6	108	8	10 б.
	дипломная работа	4	72	8	
Ряды Фактических предметов по специальности	Ряд 1: знания по специальности и умения				Фактические предметы не менее 19 б.
	устная речь 1	2	36	3	
	устная речь 2	2	36	4	
	чтение 1	2	36	3	
	чтение 2	2	36	4	
	письмо	2	36	4	
	устная речь 3	2	36	5	
	российское общество	2	36	5	
	история русской литературы 1	2	36	5	
	кино и телевидение	2	36	6	
	устная речь 4	2	36	6	
	Русская газета	2	36	6	
	теоретическая грамматика 2	2	36	6	
	устная речь 5	2	36	7	
	Открытки из русских произведений	2	36	7	
	новость 1	2	36	7	
	новость 2	2	36	8	
	русский язык высшей степени 2	2	36	8	
		Ряд 2: расширение специальности			
история русской литературы 2	2	36	6		
межкультурная коммуникация	2	36	6		
русско-китайская теория перевода и практика 2	2	36	6		

	обиходный письменный русский язык	2	36	6	
	введение в языкознание	2	36	7	
	Тренировка умений обучения русскому языку	2	36	7	
	торгово-экономический русский язык	2	36	7	
	введение в китайскую культуру (на русском языке)	2	36	7	
	анализ учебников русского языка в школе(в том числе и критерии)	2	36	8	
	лекции по российским торгово-экономическим законам и правилам	2	36	8	
	письмо дипломной работы	2	36	8	
второй иностранный язык	английский язык 1	2	36	1	обязательные предметы 8 б.
	английский язык 2	2	36	2	
	английский язык 3	2	36	3	
	английский язык 4	2	36	4	

В соответствии с «Программа обучения русскому языку в вузах в Китае» [2012, с. 1-5], данный план полностью учитывает потребность в таланте, собственные характеристики и преимущества воспитания специалистов СВПУ. Система обучения 3 года до 5 лет. Итог учебных баллов 169. Настройка курса в трёх направлениях: академическое, торговое и экономическое, педагогическое. Предметы с первого семестра до четвёртого семестра проходят курсы профессиональной подготовки, с пятого семестра студенты начинают выбирать предметы по своему направлению.

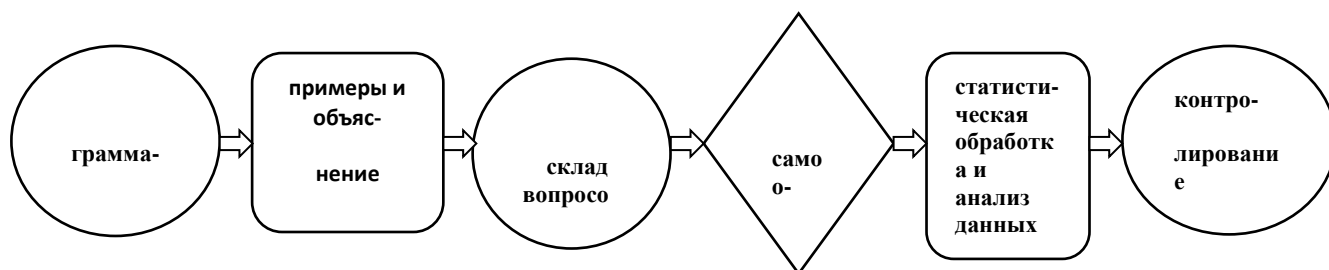
- Внедрение системы руководителей. Мы разделили преподавателей на 4 кружка: кружок фонетики, кружок грамматики, кружок культуры, кружок консультации о способах изучения русского языка и о выборе будущего направления в аспирантуре. И студенты могут заниматься в этих кружках вместе с преподавателями в свободное время от занятий.

- создание сетевой библиотеки ресурсов для обучения РКИ;

При помощи иностранных преподавателей мы нашли сетевые словари, новости, выступления литеров и другие материалы.

- создание платформы дистанционного самостоятельного обучения;

На основе учебников анализирующего чтения (всего 8 томов) и справочников русского языка как специальности все коллеги вместе сдали контрольные работы по темам. И мы положили эти материалы в платформу. Ниже пример изучения грамматических знаний.

Кроме того, мы купили программу из Издательства обучения и исследования иностранных языков в Китае. Студенты в любое время везде в университете могут входить и заниматься.

- лекции;

Мы пригласили знаменитых профессоров в стране приехать к нам на доклады по обучению иностранным языкам.

- внеурочные деятельности: чтение стихотворений, выступление, конкурсы по страноведению, фестиваль культуры и др.

- обучающая оценка;

Оценка включает в себя устный экзамен, письменный экзамен и интернет-наблюдение.

- построение практической базы.(модель: УПК)

Мы построили практические базы в г. Хуньчунь в провинции Цзилинь и в г. Маньчжоури в автономном районе Внутренней Монголии, которые граничат с Россией, устроили сотрудничество с Управлением по иностранным делам провинции Цзилинь и с Художественным институтом Цзилинь. И таким образом мы можем отправить студентов в учреждения правительства, отделы образования, компании и др. на практику.

III. Результаты реформы обучения РКИ

Благодаря выше изложенным мерам и способам в течении реформы обучения РКИ мы получили большие успехи. К тому же некоторые прорывы сделаны в

некоторых областях. Это отражается и со стороны преподавателей, и со стороны студентов. Реформа улучшила видимость и влияние СВПУ в стране и за рубежом.

В-первых, со стороны преподавателей. Обновлена концепция обучения, выдвинуты подходящие методы и модели обучения РКИ, улучшены качества общего состава преподавателей. В сфере фундаментальных научных исследований в области общественных наук в Китае мы получили тему «Исследование эффективности дискурса преподавателей ВУЗов Китая» (16ВУУ189). В сфере фундаментальных научных исследований в области гуманитарных и общественных наук в провинции Цзилинь мы получили тему «Профилирование способности к переводу текстов и подготовка переводчиков в вузах»(2016В340) . В сфере фундаментальных научных исследований в области естественных и общественных наук для молодёжи в СВПУ мы получили тему «Подготовка студентов-руссистов к межкультурной коммуникации и кино-телевидение». В течение реформы наши коллеги опубликовали ВАК 9 статей, написали 4 монографии, получили 5 наград: 2 премии за выдающиеся достижения в области образования в провинции Цзилинь, 2 премии за отличную работу в СВПУ, 1 премия за обучение «Вэйжань», созданная в 2011г. СВПУ награда за обучение. В целом реформа содействовала развитию педагогических навыков преподавателей.

Во-вторых, со стороны студентов.

- Результаты ТРЯ-4 и ТРЯ-8 в период 2014-2017 годов

В течение реформы в ТРЯ-4 и в ТРЯ-8 наши студенты получили желаемые успехи, в том числе 2014 курсница и 2015 курсница получили 95.5 баллов.(Полная оценка 100 баллов). Во всей стране ранг привязан к восьмому.

ТРЯ-4:

курс	средний балл	Удовлетворительно (%)	Отлично (%)
2013 курс	73,5	100	10,7
2014 курс	79	97	25
2015 курс	81,9	100	46,4

ТРЯ-8:

курс	средний балл	удовлетворительно (%)	отлично (%)
2012 курс	62,2	76	0

2013 курс	69,8	92,5	3
-----------	------	------	---

- Важные крупномасштабные конкуренции

С 2014г. в конкуренции русского языка как специальности в вузах в Китае, проводящейся раз в год, всего 5 соперников получили третью премию, и поэтому они были посланы Министерством образования Китая в Россию на бесплатную учёбу на год. В 2016г. и в 2018г. в олимпийском конкурсе русского языка «Едем в Москву», который был совместно устроен Московским государственным педагогическим университетом России и Пекинским педагогическим университетом Китая, 2 соперника СВПУ получили право бесплатно учиться в аспирантуре в МГПУ.

- Совершенствование в учёбе

С 2014г. количество студентов, которые поступили в аспирантуру, увеличилось. Степень вузов, куда поступили студенты, выше, чем раньше. По рекомендации 2 студентки были приняты Пекинским университетом иностранных языков, 3 студентки – Шанхайским университетом иностранных языков, 8 студенток – СВПУ. 5 студентов поступили в аспирантуру СВПУ. 14 студентов поступили в аспирантуру других ктайских и российских вузов.

IV. Итог и выводы

Выше представлены достижения реформы обучения РКИ для бакалавров СВПУ. Реформа достигла желаемой цели. Она представляет собой успешный пример для подготовки инновационных специалистов к межкультурной коммуникации. На основе примера автор считает, что повышение качества подготовки специалистов требует следующих условий:

- Подготовка должна стоять на определенной высоте, исходя из национальной стратегии экономического развития, согласно требованию общества о специалистах, собственным характеристикам и преимуществам развития вуза, пересмотреть нынешний план и определить модели, стандарты и цели воспитания специалистов.

- Создать выдающуюся команду преподавателей.

Окончательный успех реформы тесно связан с составом преподавателей. В какой-то степени преподаватели решают качество обучения, даже качество персоналов. Поэтому следует сосредоточиться на подготовке преподавателей, воспитывать и развивать методические умения и навыки обучения преподавателей РКИ, поощрять их к активному участию в научных исследованиях, чтобы научные исследования содействуют преподаванию.

- Подготовка специалистов должна выявлять текущие проблемы. Именно против них принять подходящие меры и способы реформы. И только таким образом подготовка будет обеспечена эффективностью.

- Против текущих проблем надо разработать эффективную модель обучения;

- Сотрудничая с моделью обучения, в полной мере использовать сетевые ресурсы, активно развивать учебное программное обеспечение, создать автономную обучающую платформу, чтобы обогатить учебные ресурсы;

- Активно выполнять вторую классную деятельность, чтобы вдохновлять интерес к изучению русского языка;

- Диверсификация оценки обучения, обращать внимание на оценку процесса;

- Построение базы практики. База образовательной практики непосредственно относится к качеству обучения. Она играет очень важную роль в воспитании в качественных специалистах способности к межкультурной коммуникации, инновации и предпринимательской способности.

Список литературы:

Министерство образования КНР, Краткое изложение плана реформы и развития национального среднего и долгосрочного образования(2010-2020), Пекин: изд-во. народа, 2010. [1]

Руководящий комитет по обучению иностранным языкам в вузах Китая, руководящий подкомитет по обучению русскому языку в вузах Китая, Программа обучения русскому языку как специальности в вузах в Китае, Пекин: изд-во. Обучение иностранным языкам и их исследование, 2012. [2]

Гергинов Д.

Филипов П.

Югозападный Университет «Неофит Рилски»

г. Благоевград (Болгария)

Gerginov Dmitro

Filipov Pavel

South-West-University “Neofit Rilski”

Blagoevgrad (Bulgaria)

СТИЛИСТИКА В РУССКОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ STYLISTICS IN THE RUSSIAN LINGUISTIC TRADITION

Настоящий доклад рассматривает понятия «стиль» и «стилистическая мысль» от их возникновения и до конца XX века. Риторика епископа Макария – 1617-1619. Разделение по родам – «научающий» род, «судебный» род, «рассуждающий» род, «показательный» род. Три стиля речи: - высокий стиль, -средний стиль, низкий стиль. Церковнославянский язык и его влияние на литературный и на «живой» языки в России. Феофан Прокопович и его рассуждения о трех стилях. Эпоха Пушкина и развитие стилей в русском языке. М.В. Ломоносов и его теория «трех шпилей». Виноградов – проблемы стилистики. Три направления: стилистика языка, стилистика речи, стилистика художественной литературы. Основные функциональные стили: разговорный, научно-деловой, публицистический, официально-канцелярский или официально-документальный стиль.

This paper discusses the concept of “style” and “stylistic thought” from their origins until the end of the twentieth century. Some of the moments examined in this report are: Bishop Macarius’s Rhetoric (1617-1619); division by genera: “learning” genus, “judicial” genus, “reasoning” genus, “indicative” genus; the three styles of speech: “high” style, “middle” style, “low” style; the Church-Slavic language and its influence on the “living” and literary language in Russia; Theophan Prokopovich and his reflections on the three styles; Pushkin’s era and the development of styles in the Russian language; M. V. Lomonosov and his “Theory of the Three Spires/Tops”; Vinogradov - the problems of stylistics: the three strands of stylistics of language, style of speech, the stylistics of literature; the main functional styles: conversational, scientific, business, newspaper or publicistic, official stationery or official documentary style.

Ключевые слова: стиль, стилистическая мысль, стилистика, функциональные стили.

Key words: style, stylistic thought, stylistics, functional styles.

Сравнительно длинная история понятия *стиль* в России, также и развитие стилистической мысли от ее возникновения на русской почве до конца XX века прослежены подробно в трудах Кожиной [1977, с. 19 сл.] и Дерягина [1978, с. 7 сл.].

Еще в донациональном периоде известны методы для изучения ораторской и поэтической речи и получили широкое распространение разнообразные сочинения по риторике – созданные по древним образцам или переводы с греческого, латыни или польского языка.

Таковым, например, является труд епископа из Вологды Макария – достигнувший до наших дней в переписи «Риторика», составленной в 1617-1619 гг. Авторът называет риторику «сладкогласием или краснословием» из-за того, что она

«красовито и удобно глаголати научает». Макарий называет функциональные признаки речи по родам: «научающий» род – используемый в обучении, «судебный» род – используемый в судебных полемиках, «рассуждающий» род – в деловых советах, и «показующий» род – при восхвалах или порицаниях. Но классификация речи в связи с тематикой и целью высказывания отступает место традиционной логической схемы, когда автор пытается описать стилистическую систему языка. «Род смиренный не восстает над обычаем повседневного глаголанья – это речь простого народа» [Дерягин, 1978, с. 7]. В сравнении с ним «род высокий» полон метафорами и риторическими фигурами и «показует украшение глагола». Между ними разполагается «род мерный». Фактически в этой и в более поздних риториках XVII и начала XVIII веков украшенная реч противопоставляется неукрашенной; а «мерный род глаголанья» - просто вид речи, украшенный с мерой.

В XVII веке в своей «Риторике» Усачев специально разрабатывает теорию трех стилей, които тогда назывались «трех родов глаголанья». В XVII и в первой половине XVIII веков понятие *стиль* встречается очень часто в литературе, в трудах Феофана Прокопович и В. К. Тредиаковского, в Грамматике на Ф. И. Буслая, которая содержит общестилистическую тенденцию.

Стилистические теории того времени ограничиваются до размещения общих требований к созданию текстов, не связанных с рассмотрением конкретного языкового материала. Както, само собой подразумевалось, что высокий род речи должен связываться с книжной церковно-славянской традицией, из-за факта, что до самого конца XVII века в России не только как язык богослужения, но и как язык школьного обучения (которое практически было исключительно церковным), и как язык литературы (в большинстве), используется церковно-славянский язык. В русской редакции церковно-славянский язык представлял подложенный на определенное влияние со стороны живой речи литературный язык в письменной форме. С помощью этого международного литературного языка славянских народов, в русскую речь проникли множество заимствований из языков богатой античной культуры – греческого и латынского. При своем распространении в России, церковно-славянский язык со временем почти не изменился, в отличии от него живой русский язык продолжал развиваться, получая в своем развитии значительные перемены.

Церковно-славянский язык не являлся единственной формой письменной речи в России. Наряду с ним употреблялся и древнерусский письменно-литературный язык, возникший на основе живой речи. Он давно использовался в деловой письменности, на нем были написаны множество известных произведений древнерусской литературы, в

основном светского содержания [Дерягин, 1978, с. 9]. Древнерусский язык был подложен влиянию со стороны церковно-славянского языка, но не смешивался с ним; использовался, например в XVII веке, в жанрах демократической сатиры, в развитом, в то время, делопроизводстве, в дипломатической, деловой и частной корреспонденциях и т.д. Виноградов считал, что в средневековой Руси существовали не два различных литературных языка, а два типа литературного языка: книжно-славянский и писменно обработанный народно-литературный [по Дерягину, 1978, с. 9].

Такое письменное двуязычие проуществовало в России до XVIII века и было своеобразным, но не исключительным явлением; в странах Западной Европы во время Средневековья в качестве письменного языка использовался в основном латинский язык – по существу значительно более отдаленный от народной речи населения в Западной Европе.

С формированием русского национального языка область использования «чистого» церковнославянского языка резко ограничивается. В письменной речи двуязычие отступает место стилистической смеси в рамках единого письменно-литературного языка. А в устной речи еще в конце XVI века постепенно устанавливаются единые общерусские разговорные нормы на базе московского говора. Эти процессы очень важны для дальнейшей судьбы русского языка. Их сложность и противоречивость перемен находят отражение в науке стилей русского языка в XVIII и в начале XIX веков.

В работах известного писателя и просветителя эпохи Петра I Феофана Прокопович «О поэтическом искусстве» и «Об искусстве риторики», написанных на латинском языке, так же и в других его произведениях, античная и средневековая традиции отчасти адаптируются к условиям нового времени: развитие светской литературы и просвещение. Прежде всего, было важно отделить обработанный литературный язык от литературной речи. Прокопович видит основу литературного языка не в мертвом языке богослужебных книг, а в «просторечии» – этот термин неоднократно отмечен в его педагогических сочинениях. В самом деле, термин «просторечие» - Прокопович и его современники называют одну все еще очень пеструю смесь устаревших книжно-славянских форм с отдельными застывшими формами народной речи и последними заимствованиями из западноевропейских языков. В теории Прокоповича все три стили литературного языка по традиции отличаются в зависимости от употребления различного вида украшений, соответствующих предмету изложения – возвышен или ежедневен; каждый стиль используется в определенных литературных жанрах. Например: средним стилем

описываются исторические события. Этому роду речи нет необходимости быть ни высоким, ни низким, и поэтому в нем не встречаются утонченные рассуждения, изящные слова, частое использование метафор. По отношению к «простому» стилю Прокопович пишет: «Комедию следует писать в простом, сельском, простонародном стиле, в соответствии с тем, кто является действующими лицами». Все примеры, иллюстрирующие его теорию, Прокопович берет из произведений античных авторов, так как только мертвые классические языки, с очевидным отсутствием внутренних противоречий давали идеальные образцы для формально-логической стилистической теории.

Однако, и Прокопович, и другой известный писатель и филолог XVIII в. В. К. Третьяковский не успели преодолеть идею о неизменяемости, о статичности литературного языка. На русской почве эти качества содержались только в церковнославянском языке с его закостеневшими устаревшими формами.

Совершенно новое отношение к языку и стилю встречается в богатом наследстве Александра Сергеевича Пушкина. Русские писатели-классики не только включают новые слова и формы из народной речи, расширяя выразительные возможности языка. Они умело иллюстрируют старый и принципиально новый, современный подход к литературному употреблению слова и стилистической организации текста, поднимают вопрос о «хорошем» и «плохом» вкусе. Как в литературе, так и в языке вкусы имеют сословно-классовую основу. В стилистической теории Третьяковского «хороший вкус» – знание, которое подчиняется заданным, неменяющимся правилам. Отступить от правил значило писать «против искусных людей употребления», «по-площадному» [Дерягин, 1978, с. 15]. Пушкин представил совершенно другое понятие о вкусе:

Истинный вкус состоит не в безотчетном отвержении такого-то слова, такого-то оборота, но и в чувстве соразмерности и сообразности.

А о Лермонтове академик А. И. Соболевский пишет, что он:

пожелал совместить старину и новизну в одно гармоничное целое, так чтобы друзья старины не имели основания сетовать о крушении этой старины, а друзья новизны не укоряли с старомодности. [цит. по Дерягину, 1978, с. 12-13]

Противопоставление понятий хороший и плохой вкус в языковом употреблении продолжает столетия. Интересно отметить, что существуют опыты найти междинное решение – избежать критики со стороны защитников старого, и со стороны желающих обновления. Отмечая достижения современной для того времени науки и культуры, опираясь на достижения народного гения и вводя соответствующие ситуации новости,

писатели классического периода русской литературы полагают основы современного русского языка. Пытаясь найти баланс между церковнославянским и русским национальным языком, они успели утвердить свой индивидуальный авторский стиль, который с течением времени превратился в образец хорошего стиля.

Традиция в стилистических исследованиях в России начинается с М. В. Ломоносова и его «теорией трех штилей».

Ломоносов¹⁶⁵ определяет роль старославянского языка в истории русской письменно-литературной речи и определяет место старославянизмов в стилистической системе русского национального литературного языка. Он применяет сравнительно-исторический метод для изучения родственных по происходу славянских языков и указывает на существование двух традиций в древнерусской письменности. К первой – церковнославянской – он относит книги с религиозным содержанием, а к другой – исконно русской – летописи, самые древние княжеские договоры и сборники законов.

К описанию русского литературного языка Ломоносов применяет классическое учение о трех стилях. Но его «теория трех штилей» получает новое, историческое объяснение и опирается на первое научное описание состава слов и грамматическое построение русского языка. По мнению академика А. И. Соболевского самая большая заслуга Ломоносова состоит в успешном сочетании «старого и нового в одно гармоническое целое» [цит. по Дерягину, 1978, с. 13]. Для формирования литературного языка «старое» это те самые слова, словосочетания и конструкции, которые были изначально присущи церковному языку и церковным писаниям. Некоторые из них – называемые Ломоносовым «весьма обветшалые» – уже вышли из употребления, т.е. стали непонимаемыми для большинства членов общества. (например: *обаваю* «заклинаю, заговариваю», *рясны* «ожарелье, украшение» и т.п.) Новое, на свой счет, охватывало те словоформы живого русского языка, заимствованного, в основном, из речи царского двора и высшего московского общества, которые все больше утверждались во всех сферах общественной жизни. Так живой разговорный язык, обогащенный элементами литературного церковнославянского языка, образует основу для книжного литературного русского языка.

«Российская грамматика» 1755 г., «Предисловие о пользе книг церковных в российском языке» от 1757 г., обе «Риторика» и другие философские сочинения Ломоносова содержат стройную теорию литературного языка и его стилей. По

¹⁶⁵ По Дерягину 1978, с. 11 сл.

стилистическим признакам ученый характеризует основные разделы русской лексики, произношение, большую часть морфологических форм и видов предложений.

Интересна и предложенная Ломоносовым классификация слов по происходу, употреблению и как следствие – по стилистической окраске. Эта классификация служит как основание для определения границ литературного языка, в основном в его письменной форме, и для разграничения трех стилей в литературном языке. Высокий стиль – по мнению Ломоносова – это та прослойка языка, в которой вместе с нейтральными „славенороссийскими речениями“ широко употребляется стилистически окрашенная старославянская лексика. Высоким стилем следует писать героические поэмы, оды, торжественные речи. Средний стиль охватывает набор слов, которые часто употребляются в русском языке; в нем можно использовать и старославянизмы, но очень внимательно. Среднему стилю характерна известная равнопоставленность, т.е. одинаковое количество используемых слов обоих стилей, и эта равнопоставленность теряется, когда одни преобладают перед другими. Рекомендуется использовать средний стиль во всех театральных жанрах, в большинстве поэтических жанров, а так же и в научной и исторической прозе. Низкий стиль состоит из исконно русских слов, может иногда перемешиваться и со средним стилем, по усмотрению в нем могут использоваться и простонародные обыкновенные слова. Низкому или „простому“ стилю соответствуют следующие литературные жанры: комедия с сюжетом из простонародной жизни, увеселительная эпиграмма, лирическая песня, дружественные письма.

Ломоносов относится исключительно отрицательно к заимствованиям из чужих, из иностранных языков. В литературный язык могли бы попасть только те из них, которые «в такое пришли обыкновение, что будто бы они сперва в российском родились», т.е. они уже хорошо прижились и, в самом деле необходимы. Ломоносов пишет:

Старательным и осторожным употреблением сродного нам коренного славянского языка купно с российским отвратятся дикие и странные слова нелепости, входящие к нам из чужих языков. [цит. по Дерягину, с. 1978: 14]

Ядром словесного богатства литературного русского языка Ломоносов считает «славенороссийские речения» – слова, которые одинаково употребимы как в славянских, так и в русском языке. По своему происходу это слова из праславянского языка, которые сохранились в старославянском и в русском языке. Благодарение своей употребляемости в письменной и в разговорной речи они составляют, если

воспользоваться современной терминологией, пласт междустоловой нейтральной лексики.

М.В. Ломоносов выделяет одну вторую группу слов, которые не употребляются часто, но которые из-за своего славянского происхождения понимаемы всеми; это в основном лексика из разговорного языка, употребляемая в определенных случаях. Выделяя эту группу слов, практически, учения поднимает вопрос о частичном ее употреблении в определенной ситуации и в определенных типах текстов, и отсюда и вопрос о стилистической окраске.

Сформируется третья группа слов, которые не встречаются ни в славянском языке, ни в церковных книгах; это слова, которые возникли в периоде самостоятельного развития русского языка и чей объем постоянно увеличивается.

В XVIII веке, в России практически существовали строго регламентированные правила по отношению к литературному языку и языку, на котором писались литературные произведения. Это относилось в полной силе к высокому стилю. Ведущие литературные жанры этого периода подчинялись безпрекословно этим правилам. Регламент был обязателен для всех. Произведения создавались как будто бы по одному и тому же рецепту для соответствующего жанра.

Долгое время после Ломоносова в учебниках (например в «Практическая русская грамматика» на Н. И. Греч от 1827 г. второе издание 1834 г.), как и в многочисленных пособиях по риторике были предписаны строгие правила для трех стилей, в то же время, в литературной практике великих писателей система трех стилей была разрушена еще в конце XVII – начале XVIII вв.

За начало современного русского литературного языка принято считать эпоху А.С. Пушкина, вопреки всем переменам в языке за последние два века. В начале XIX в. почти преодолевается очень резкое различие между разговорной и письменной речью. Образованная часть общества пытается ввести как норму принципы и правила литературного языка. Утверждается, что люди начали «писать, как говорят и говорить, как пишут». Это показывает взаимодействие и взаимное проникновение живого разговорного языка и письменной речи, которое превращается в норму, определяющее правило, закон для дальнейшего развития русского литературного языка, это очень ярко видно в произведениях М. Н. Карамзина, И. А. Крылова, А. С. Грибоедова, К. Ф. Рылеева и М.Ю. Лермонтова. На общую славянскую основу, с добавлением слов и форм из живой народной речи, обогащается русский письменный и говоримый язык..

В XIX в. стилистические исследования в России развиваются в основном в двух направлениях¹⁶⁶: практическая стилистика, которая не очень ясно разграничена от риторики и поэтики, и стилистика художественной речи. В конце XIX века, в русскоязычной науке доминируют труды А. А. Потебни¹⁶⁷, в которых он развивает свою теорию о внутренней форме слова, и его ученика Д. Н. Овсяников-Куликовского. В конце XIX и начале XX вв. опубликованы труды Н. А. Морозова и А. А. Маркова о применении статистических методов в стилистике. В 20-х годах XX века стали известными исследования В. Ф. Чистякова и Б. К. Крамаренко. Традиции стилистической грамматики ведут свои корни еще из XVIII-XIX в., но развитие, с практической направленностью достигается только в начале XX века, книгой на В. И. Чернышева «Правильность и чистота русской речи. Опыт стилистической грамматики» – первое издание 1911 г., второе – 1915 г. В 20-х годах XX в. на сцену выходят представители русского формализма. Проблемы художественной речи рассматриваются в 20-ых 30-ых годах XX в. в основном в лингвистических трудах Пешковского, Щербы, Ларина, Виноградова. В 40-ых годах XX в. Винокур развивает понятие „внутренняя форма“ слова в художественных произведениях, а Виноградов демонстрирует принципы историко-стилистического анализа текста. В 20-ых и 30-ых годах оформляется функциональная стилистика. Винокур выражает мнение, что основным объектом стилистиката является устная речь и называет «сферы языка-речи (соответствующие современному понятию функциональных стилей): разговорную, художественную, газетную, научную». [Кожина, 1977, с. 22] Щерба публикует свои примечания по отношению к официально-деловому (законодательному) стилю. В 1937 г. М. А. Рыбников пишет «Введение в стилистику», а в 1952 г. А. Н. Гвоздев публикует «Очерки по стилистике русского языка».

Переломным для русскоязычной лингвистической науки оказывается 1954 год, когда на страницах журнала «Вопросы языкознания» возникает и расширяется дискуссия по проблемам стилистики. Обсуждается предмет стилистики, определение понятия *стиль*, дифференция понятий *стиль языка* и *стиль речи*, история понятия *стиль*, место языка художественной литературы среди функциональных стилей.

¹⁶⁶ Рассмотрено по Кожина 1977.

¹⁶⁷ Потебня създава научна школа, известна като „Харковска лингвистична школа“, която оказва значително влияние върху много руски лингвисти от втората половина на XIX и първата половина на XX век. Освен Харковската известност добиват и други лингвистични школи. Московската лингвистична школа на Филип Фортунатов и Алексей Шахматов поставя началото на социологическия подход към езика и има многобройни привърженици. Сравнително малобройната Казанска лингвистична школа на Ян Бодуен де Куртене, Николай Крушевски и Василий Богородицки е извънредно представителна с оригиналната си теория за т.нар. морфологическа абсорбция, както и с подчертания интерес към социалните аспекти на езика.

Начало дискуссии ставится статьей Ю. С. Сорокина «К вопросу об основных понятиях стилистики» во втором номере журнала, в которой он объявляет три главных вывода, два из них подложены серьезной, резкой критике, а третий вывод – о необходимости разделить стилистику на два раздела – аналитическая стилистика и функциональная стилистика – просто оставлен без особенного внимания.

Определяющими как направление для развития исследований в советской стилистике оказываются работы Виноградова. Ученый разделяет стилистику на три направления: стилистика языка, стилистика речи и стилистика художественной литературы, и определяет основные функциональные стили: разговорный, который выполняет коммуникативно-бытовую функцию, научно-деловой, который имеет научно-коммуникативную функцию, журнальный или публицистический с агитационно-коммуникативной функцией и официально-канцелярский или официально-документальный стиль.

Споры и разногласия не утихают в продолжении двух десятилетий. В 1968 г. в Москве выходит сборник «Развитие функциональных стилей современного русского языка», с его выходом в пространстве и начинается усиленное изучение стилей в русском языке.

Появляются естественно и принципные различия.¹⁶⁸ С одной стороны Виноградов ясно разграничивает стиль речи и стиль языка с соответствующим им стилистикам, то другие ученые считают такое разграничение несущественным и даже неоправданным. Функциональные стили – научный, деловой и публицистический – названы некоторыми учеными языковыми стилями, а другими учеными – речевыми стилями. По мнению некоторых ученых художественный стиль так же является функциональным стилем – по мнению других – не является таковым. Множество споров появляются по отношению разговорного стиля – насколько он является стилем устной, насколько стилем письменной речи. Разные авторы в разных своих трудах используют разные принципы и методы для исследований, для описаний и анализирования стилей. И много других подобных проблем. В конце концов приходят к заключению, что в основе проблем стоит дефиниция что такое *стиль* и что такое *стилистика*, которые ни в коем случае не однозначны. Сам Виноградов дает следующее определение о *стиле*:

Стиль – это общественно осознанная, функционально обусловленная, внутренне объединенная совокупность приемов употребления, отбора и сочетания средств речевого общения в сфере того или иного общенародного, общенационального языка,

¹⁶⁸ Рассмотрено по Одинцов 1980.

соотносительная с другими такими же способами выражения, которые служат для иных целей, выполняют иные функции в речевой общественной практике данного народа. [Виноградов 1955, с. 73].¹⁶⁹

Развитию дискуссии помогают и работы Р.А. Будакова «Литературные языки и языковые стили», Москва 1967, М. И. Привалова «О типах и стилях русского литературного языка» в книге «Вопросы теории и истории языка», ЛГУ 1969, И. Р. Гальперин «К проблеме дифференциации стилей речи» в «Проблемы современной филологии», Москва 1965, Б. В. Горнунг «Несколько соображений о понятии стиля и задачах стилистики» – там же, К. А. Логинова «Деловая речь и ее стилистические изменения в советскую эпоху» в «Развитие функциональных стилей современного русского языка», А. И. Горшков «История русского литературного языка», Москва 1969, серия монографий М. Н. Кожиной «О специфике художественной и научной речи в аспекте функциональной стилистики», Пермь 1966, «К основаниям функциональной стилистики», Пермь 1968, «О речевой системности научного стиля сравнительно с некоторыми другими», Пермь 1972, и др.

В то же время се заметна и известная переориентация языковедских исследований. Кожина пишет:

Как справедливо отметила О. С. Ахманова, в последнее время в языкознании всех стран происходит заметная "переориентация исследований от изучения структуры к исследованию функции. (Ахманова А. С., Натан Л. Н., Полторацкий А. И., Фатющенко В. И. *О принципах и методах лингвостилистического исследования*, Москва, 1966, с. 7-8) [Кожина 1977, с. 8]

Эта переориентация является движимой силой современного развития науки стилистика в России в конце XX и начале XXI в.

Список литературы:

- Виноградов В.В.* Итоги обсуждения вопросов стилистики – в: Вопросы языкознания, 1955/1
Виноградов В.В. О понятии „стиля языка“ (применительно к истории русского языка) – В: Известия Академии наук СССР, ОЛЯ, вѣт. 4, Москва, 1955
Виноградов В.В. Стилистика. Теория поэтической речи, изд. Поэтика, Москва, 1963
Дерягин В.Я. Беседы о русской стилистике, изд. Знание, Москва, 1978
Кожина М.Н. Стилистика русского языка, изд. „Просвещение“, Москва, 1977
Одинцов В.В. Стилистика текста, изд. Наука, Москва, 1980
Щерба Л.В. Избранные работы по русскому языку, Москва, 1957

¹⁶⁹ Кожина принимает это определение как основание для дефиниции понятия *стиль*, так же требует разъяснения содержания термина „сфера общения“ [Кожина 1977, с. 38].

Гюрдзиди С. С.
Фракийский университет имени Демокрита
г. Комотины (Греция)

Gkiourtzidi Sousana
Democritus University of Thrace
Komotini (Greece)

**ВОПРОСЫ МЕТОДИКИ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОЙ
ПРЕДЛОЖНОЙ СИСТЕМЫ В ГРЕКОЯЗЫЧНОЙ АУДИТОРИИ
НА ПРИМЕРЕ ПРЕДЛОГА «В»**

**METHODOLOGY MATTERS OF TEACHING RUSSIAN
PREPOSITIONAL SYSTEM TO GREEKSPEAKING AUDIENCE
THE EXAMPLE OF THE PREPOSITION «В»**

Предметом освещения данной статьи является методика преподавания русского языка как иностранного на примере преподавания русского предлога «в» аудитории с родным греческим языком и русским – иностранным. В статье представлены значения и функции русского предлога «в», способы его передачи на греческий язык, сравнительный анализ грамматических и синтаксических структур, употребляемых в этих языках для выражения одного и того же значения, а также трудности, возникающие у грекоязычных студентов при освоении и употреблении предлога «в» в устной и письменной речи.

The present article refers to the field of teaching methodology of the Russian language as a foreign language in Greece, to an audience of Greek and Russian native language, and in particular, the teaching of Russian prepositions. The article presents in detail examples the definitions and functions of the Russian «в» preposition, the ways of their interpretation in Greek and a comparative analysis of grammatical and syntax structures used in both languages for constructing and writing the same message. Furthermore, the difficulties encountered by a Greek speaking student in comprehension and production of oral and written speech during the learning process of the preposition «в».

Ключевые слова: русский язык как иностранный в Греции, русские предлоги.

Keywords: Russian language as foreign, Russian prepositions.

Данная статья касается практической части процесса преподавания русского языка как иностранного грекоговорящим учащимся. Русские предлоги для грекоговорящих – тема большая и сложная.

Первообразный предлог (в), состоящий из одного элемента, рассматриваемый в данной статье, требует особого внимания ввиду своего употребления в разных грамматико-синтаксических формах, в разных лексических значениях и разных синтаксических структурах. Значение предлога (в) не рассматривается вне контекста [Розенталь, 2010, с. 271].

В русском языке предлог (в) употребляется с винительным и предложным падежами, с одушевлёнными и неодушевлёнными именами. Чаще всего русский

предлог (в) соответствует греческому предлогу (σε). В значениях, соответствующих предлогу (в), предлог (σε) употребляется только с винительным падежом. Предложного падежа в греческом языке нет. В отличие от русского неизменяемого предлога, греческий – может меняться морфологически, соединяясь с определённым артиклем косвенных падежей, в данном случае – с винительным:

а). В единственном числе:	б). Во множественном числе:
Муж. р.: σε + το(ν) = στο(ν)	σε + τους = στους
Жен. р.: σε + τη(ν) = στη(ν)	σε + τις = στις
Ср. р.: σε + το = στο	σε + τα = στα

Значение предлога (в) и способы его передачи на греческий язык.

1. Пространственные значения предлога (в).

1.1. Обозначение места нахождения предмета или места совершения действия.

Вопрос *где?*

Предлог (в) в русском языке с предложным падежом употребляется для обозначения места нахождения предмета или совершения действия. В греческом языке для передачи данного значения употребляется винительный падеж с предлогом (σε = в/на) в составе с определённым артиклем, образуя грамматические формы, указанные выше. Русская конструкция *Кто/что + находится/делает + в/на + П.п.* (во всем тексте курсив и подчеркивание мои – С. Г.) соответствует греческой конструкции *Кто/что находится/делает + σε + В.п.* Примеры: а). Место нахождения предмета: *Библиотека находится в университете* – *Η βιβλιοθήκη βρίσκεται στο πανεπιστήμιο.* б). Место совершения действия: *Они работали в больнице* – *Αυτοί δούλευαν στο νοσοκομείο.*

Различие русских понятий на закрытое/ограниченное и открытое пространство при обозначении места нахождения не соответствует греческой языковой картине мира, следовательно, греческим грамматическим конструкциям. Данное различие на начальном этапе обучения требует от грекоговорящих учащихся понимания русской языковой картины мира. В греческом языке выражения места нахождения не определяется по принципу закрытое или открытое пространство, оно во всех случаях употребляется с одним и тем же предлогом (σε), поэтому у грекоговорящих сразу возникает вопрос, открытое ли это место или закрытое? Примеры: а). В русском языке: открытое пространство ≠ закрытое пространство: *Мы были на стадионе ≠ Мы были в магазине.* б). В греческом языке: открытое пространство = закрытое пространство: *Ημασταν στο στάδιο = Ημασταν στο μαγαζί.*

Для уточнения открытого и закрытого пространства в греческом языке могут употребляться наречия места *внутри (μέσα σε), на поверхности (πάνω σε):*

Вопрос: Πού είναι το ψαλίδι; (Где ножницы?) / Ответ 1: Στο γραφείο (На столе / в столе) / Ответ 2: Μέσα στο γραφείο (В столе) / Ответ 3: Πάνω στο γραφείο (На столе).

Некоторые слова русского языка, обозначающие открытое пространство, употребляются с предлогом (в), другие слова, обозначающие закрытое пространство, употребляются с предлогом (на), составляя исключения из основного правила [Современный русский язык, 2001, с.576-578]. Это несоответствие греческой языковой картине мира, вызывает трудности восприятия. В греческом языке употребляется один предлог (σε) во всех случаях. Примеры: а). Открытое пространство: *Мы были на площади* ≠ *Мы были во дворе* (*Ημασταν στην πλατεία* = *Ημασταν στην αυλή*). б). Закрытое пространство: *Мы были в кафетерии* ≠ *Мы были на фабрике* (*Ημασταν στην καφετέρια* = *Ημασταν στη βιοτεχνία*).

Трудности обычно возникают при переводе с греческого на русский, когда стоит вопрос выбора предлога (в) или (на).

1.2. Обозначение направления движения. Вопрос куда?

Предлог (в) с винительным падежом употребляется с глаголами движения и перемещения для обозначения направления в закрытое или ограниченное пространство [Полякова, 2013, с.66]. В греческом языке данное значение передается в конструкциях с предлогом (σε = в/на) с винительным падежом. Русская конструкция *Кто/что + глагол движения + в + В.п.* соответствует греческой *Кто/что + глагол движения + (σε) + В.п.*: *Мы идём в магазин* — (*Εμείς*) *πάμε στο μαγαζί*.

Предлога (в) требуют глаголы движения с приставкой (в-), не имеющие схожих структур в греческом языке: *Утром мы въехали в город* — *Το πρωί (εμείς) μπήκαμε στην πόλη*. Предлог (в) может так же употребляться с глаголами движения с антонимичной приставкой (вы-), имея схожие структуры в греческом языке: *Утром мы вышли в город* — *Το πρωί (εμείς) βγήκαμε στην πόλη*. Русские существительные, производные от глаголов движения, так же употребляются с предлогом (в) и винительным падежом, имея греческие аналоги: *Въезд в город* — *Η είσοδος στην πόλη* / *Выход в город* — *Η έξοδος στην πόλη*.

Как русский предлог (в), так и греческий – (σε) может употребляться в самом вопросе для уточнения конкретного места направления: *Вы едете в Испанию?* — *Εσείς ταξιδεύετε στην Ισπανία;*

В русском языке слова, обозначающие открытые, но ограниченные пространства, при обозначении направления употребляются в винительном падеже с теми же предлогами, что и в предложном: (в) или (на). В греческом языке тоже

употребляется тот же предлог (σε). Примеры: а). Открытое пространство: (Εμείς) πηγαίνουμε στην πλατεία = (Εμείς) πηγαίνουμε στην αυλή (Мы идём на площадь ≠ Мы идём во двор). б). Закрытое пространство: (Εμείς) πηγαίνουμε στο μαγαζί = (Εμείς) πηγαίνουμε στο εργοστάσιο (Мы идём в магазин ≠ Мы идём на завод).

Очень часто грекоговорящие учащиеся путают предложный падеж места с винительным падежом направления. Это происходит из-за вопроса (πού), который переводится как (где?) и как (куда?). Вторая трудность связана с выбором предлога (в) и (на).

2. Обозначение временных отношений.

Предлог (в) в русском языке употребляется во временном значении. Он употребляется в ответах на общий вопрос «когда?», в конкретных вопросах, касающихся времени (часов, дней недели, месяцев, года, века, тысячелетия), а также и в самих ответах [БТС, 2001, с.108-109]. Конструкция с русским общим вопросом «когда?»: *Когда + глагол + что?* соответствует греческой *Κοгда + глагол + что?* Примеры: *Когда мы поедem в парк?* — *Πότε θα πάμε στο πάρκο;*

2.1. Обозначение времени (часов).

Предлог (в) употребляется в вопросе, касающемся времени: *В котором часу + глагол ...? Во сколько (часов) + глагол...?* Примеры: *В котором часу начинается фильм? / Во сколько начинается фильм?* Аналогичный вопрос в греческом языке не содержит предлога (σε): *Τι ώρα + глагол...;* Пример: *Τι ώρα αρχίζει η ταινία;* Предлог (σε) может употребляться в самом вопросе, если этот вопрос имеет уточняющий характер: *Η ταινία αρχίζει στις 22:00;* — *Фильм начинается в 22:00?* В ответе на вопрос о времени в русском языке употребляется предлог (в), а в греческом – (σε): *Фильм начинается в 22:00* — *Η ταινία αρχίζει στις 22:00.*

2.2. Обозначение дней недели.

При обозначении действия в определённый день недели в русском языке употребляется винительный падеж с предлогом (в): *Кто/что + глагол + в + В.п.: Мы уедem в среду.* В греческом употребляется винительный падеж с определённым артиклем женского или среднего рода в винительном падеже (τη(ν), το): *Кто/что + глагол + опред. артикль в винительном падеже + В.п.: (Εμείς) θα φύγουμε την Τετάρτη.*

Вопросительное предложение, уточняющее день недели, в который произойдет событие или действие, в русском языке содержит предлог (в), а в греческом – не содержит: *В какой день вы приедете?* — *Ποια μέρα θα έρθετε;*

2.3. Обозначение месяца.

Для обозначения действия в определённый месяц в русском языке употребляется предложный падеж с предлогом (в). В греческом языке употребляется винительный падеж с определённым артиклем. Русская конструкция *Кто/что + глагол + в + П.п.* соответствует греческой *Кто/что + глагол + определённый артикль (В.п.) + В.п.:* *Я родилась в июле — (Εγώ) γεννήθηκα τον Ιούλιο.*

Вышеописанные конструкции с днями недели и месяцами русского языка не вызывают трудностей у грекоговорящих учащихся, но всегда вызывает удивление их написание с маленькой буквы. В греческом языке названия дней недели и месяцев пишутся с большой буквы.

2.4. Обозначение года.

Предлог (в) употребляется в конструкциях, обозначающих год, в который произошло или может произойти событие. Последнее числительное должно быть порядковым, и оно должно стоять предложном падеже. Если в предложении употребляется слово *год*, оно так же должно склоняться в предложном падеже: *Кто/что + глагол + в + П.п.:* *Я родился в тысяча девятьсот девяносто пятом году.* В греческом языке при обозначении года употребляются количественные числительные и не употребляется предлог (σε): *Кто/что + глагол + опред. артикль в вин. п. + количественные числительные:* *(Εγώ) γεννήθηκα το χίλια εννιακόσια ενενήντα πέντε.* Русский предлог (в) употребляется в самом вопросе: *В + каком + году + глагол?* Пример: *В каком году ты родился?* Греческий предлог (σε) в вопросе не употребляется: *Ποιο έτος + глагол; / Ποια χρονιά + глагол;* Примеры: *Ποιο έτος γεννήθηκες; Ποια χρονιά γεννήθηκες;*

Употребление в одном ряду количественных числительных в именительном падеже и порядковых – в предложном кажется непривычным для грекоговорящих, не вызывая особых затруднений. Трудности возникают в другом случае – студенты часто путают родительный и предложный падеж: *Я родилась в мае тысяча девятьсот девяносто третьего года* или *Я родилась в тысяча девятьсот девяносто третьем году.* В греческом языке разницу между двумя вариантами обозначают артикли в родительном и винительном падеже: *Εγώ γεννήθηκα το Μάιο του χίλια εννιακόσια ενενήντα τρία ≠ Εγώ γεννήθηκα το χίλια εννιακόσια ενενήντα τρία.*

2.5. Обозначение века, тысячелетия.

Предлог (в) с порядковыми числительными мужского или среднего рода в предложном падеже употребляется при обозначении действия в определенном веке или тысячелетии. В греческом языке употребляется количественное числительное или

существительное *χιλιετία* (тысячелетие) в винительном падеже с определенным артиклем в винительном падеже: *Пушкин жил в 18ом веке* — *Ο Πούσκιν ζούσε τον 19^ο αιώνα.* / *Таблица Менделеева была открыта в прошлом тысячелетии* — *Ο Πίνακας του Μεντελέγιεβ ανακαλύφθηκε την προηγούμενη χιλιετία.*

2.6. Обозначение эпохи.

Предлог (в) с винительным падежом употребляется для обозначения события в определённую эпоху. Конструкция «... в + эпоху + кого/чего ...»: *Мы живём в эпоху высоких технологий.* В греческом языке употребляется винительный падеж с определенным артиклем: *(Εμείς) ζούμε την εποχή της υψηλής τεχνολογίας.*

2.7. Обозначение длительности действия.

Предлог (в) может употребляться для обозначения длительности действия. В греческом языке употребляется предлог (μέσα σε = в течение) с винительным падежом: *Мы закончим работу в месяц* — *Θα τελειώσουμε τη δουλειά μέσα σε ένα μήνα.*

2.8. Обозначение явления природы.

Предлог (в) с винительным падежом употребляется для обозначения времени, которое описывается каким-либо природным явлением: *Они занимались спортом в жару и в мороз.* В греческом языке употребляется предлог (μέσα = посреди) с определённым артиклем в винительном падеже: *Αυτοί αθλούνταν μεσ'τη ζέστη και το κρύο.*

3. Выражение количественных отношений.

3.1. Со значением уменьшения, увеличения.

Предлог (в) в сочетании с числительными может выражать уменьшение или увеличение количества предмета: *Прибыль компании возросла/уменьшилась в два раза.* В греческом языке употребляется предлог (κατά = во сколько раз): *Τα κέρδη της εταιρείας αυξήθηκαν/μειώθηκαν κατά δύο φορές.*

3.2. С количественной характеристикой предмета.

Предлог (в) употребляется для количественной характеристики предмета в конструкции «... + в + сколько + чего ...»: *Они построили дом в два этажа / У меня чемодан весом в 25 килограмм.* При передаче данных значений греческие конструкции могут быть самыми разными в зависимости от управляющего слова: *Αυτοί έχτισαν σπίτι με δύο ορόφους / Έχω βαλίτσα 25 κιλά.*

3.3. С обозначением кратности соотношений.

Предлог (в) с винительным падежом употребляется для выражения соотносительных чисел: *Два в пять раз меньше, чем десять.* В греческом языке предлог не употребляется: *Το δύο είναι πέντε φορές μικρότερο του δέκα.*

4. В составе некоторых глаголов.

Предлог (в) употребляется с некоторыми глаголами, не внося никакого лексического значения и составляя лишь часть его грамматической конструкции. Примеры: 1. Одеться + во + что: *Я оделась в новое платье.* / Пойти + куда + в + чем: *Я пошла на концерт в новом платье.* / Быть + одетым + во + что: *Я одета в новое платье.* Данные конструкции, употребляемые в русском языке для обозначения ношения субъектом одежды, обуви, аксессуаров, не имеют аналогов в греческом языке и трудно воспринимаются грекоязычными учащимися. В греческом языке для обозначения ношения одежды, обуви, аксессуаров употребляется конструкция *Кто + носит + что* (В.п.) (*Ποιος + φοράει + τι*), соответствующая полностью русской конструкции *Кто + носит + что* (В.п.): *Εγώ φοράω καινούργιο φόρεμα* — *Я ношу новое платье.* 2. Верить + в + кого/что: *Ирина верит в Бога* — *Η Ειρήνη πιστεύει στον Θεό* / *Мы верим в чудеса* — *Εμείς πιστεύουμε στα θαύματα.* Различие в управлении данного глагола в зависимости от его семантики вызывает удивление у грекоговорящих: *Верить + кому/чему: Ирина вам верит* — *Η Ειρήνη σας πιστεύει.* 3. Играть + в + кого/что: Категория одушевлённости-неодушевлённости субстантива, управляемого глаголом *играть*, имеет свои особенности. Субстантивы, обозначающие неодушевлённые предметы, не вызывают никаких вопросов: *Дети играют в прятки* — *Τα παιδιά παίζουν κρυφτό.* Субстантивы, обозначающие людей, выражаются именительным падежом, имея показатель неодушевлённости: *Дети играют в казаки-разбойники* — *Τα παιδιά παίζουν κλέφτες κι αστυνόμοι.* Это противоречит теоретическому правилу склонения одушевлённых существительных в винительном падеже. Данные случаи обучающимся приходится запоминать наизусть.

5. Выражение объектных отношений.

Предлог (в) в сочетании с некоторыми глаголами может выражать объектные отношения. Пример: *бросать + в + кого/что: Дети бросают камни в озеро* — *Τα παιδιά ρίχνουν πέτρες στη λίμνη* / *Антон влюбился в Свету* — *Ο Αντώνης ερωτεύτηκε τη Σβέτα.* В греческом языке эти отношения выражаются с определённым артиклем и без предлога.

6. Употребление предлога (в) для обозначения содержания речи.

Предлог (в) с предложным падежом употребляется для обозначения содержания письменной или устной речи. Для передачи данного значения в греческом языке употребляется винительный падеж с определённым артиклем в винительном падеже: *В его словах есть правда* — *Στα λόγια του υπάρχει αλήθεια* / *Это написано в газете* — *Αυτό το γράφει στην εφημερίδα.*

7. Выражение целевых отношений.

Предлог (в) с винительным падежом употребляется для обозначения цели, с которой производится действие. Примеры: *Я это сказал в шутку / Папа отнес часы в ремонт.* В греческом языке обычно употребляется предлог (για = для): *То είπα για πλάκα / Ο μπαμπάς πήγε το ρολόι για επιδιόρθωση.*

8. Употребление предлога (в) для обозначения состава чего-либо.

Предлог (в) употребляется для обозначения состава чего-либо. Пример: *В супе много лука.* В греческом языке данное значение передается без предлога: *Η σούπα έχει πολύ κρεμμύδι.*

9. Выражение определительных отношений.

Предлог (в) с винительным падежом употребляется при обозначении признака предмета: *Таня любит платье в горошек, а Сергей рубашку в полоску.* В греческом языке употребляются беспредложные конструкции: *Στην Τάνια αρέσει το φόρεμα πουά, ενώ στο Σεργέι το πουκάμισο ριγέ.*

10. Выражение средства действия.

Предлог (в) с винительным падежом употребляется для выражения средства, с помощью которого осуществляется действие. В греческом языке это значение передается с предлогом (σε) и без него в зависимости от управления главного слова: *Я смотрю в луну — Κοιτάω στο μεγέθυντικό φακό / Музыканты бьют в барабаны — Οι μουσικοί χτυπούν τα τύμπανα.*

11. Выражение отношений уподобления.

Предлог (в) употребляется для указания на сходство с кем-либо: *Кто + глагол + в кого: Он весь в отца / Он растет в своего отца — (Αυτός) είναι ο ίδιος ο πατέρας του.* Обычно употребляются глаголы: *быть, расти, пойти, выйти.* В греческом языке употребляется глагол «μοιάζω = быть похожим» с винительным падежом и без предлога, либо местоимение «ο ίδιος = вылитый».

12. Выражение отношений превращения.

Предлог (в) с винительным падежом употребляется для обозначения превращения одного предмета или состояния в другой предмет или состояние. В этом значении употребляются глаголы *превращаться, становиться* и т.д.: *Вода превратилась в лёд.* В греческом языке предлог (σε) употребляется в зависимости от конкретного глагола: *То νερό μετατράπηκε σε πάγο / Το νερό έγινε πάγος.*

13. Выражение отношений соединения.

Предлог (в) с винительным падежом употребляется для обозначения соединения разных частей в одно целое, обычно с глаголами с приставкой (с-): *Вся природа слилась в единое целое.* В греческом языке употребляются беспредложные конструкции: *Όλη η φύση έγινε ένα.*

14. Выражение отношений разделения.

Предлог (в) с винительным падежом употребляется для обозначения разделения единого целого на отдельные части: *Она разорвала в клочья свой платок.* Греческие аналогичные конструкции не включают предлогов: *Αυτή έκατε κομμάτια τη μαντίλα της.*

15. Выражение отношений состояния

Предлог (в) с предложным падежом употребляется для указания положения, в котором находится человек: *Они состоят в браке.* В греческом языке предлог не употребляется: *Αυτοί είναι παντρεμένοι.* В сочетании с винительным падежом указывает на роль человека: *Он работает в качестве помощника.* Данные примеры передаются на греческий язык с помощью частицы (ως = как): *Αυτός εργάζεται ως βοηθός.*

16. Выражение эмоционального состояния.

Предлог (в) с предложным падежом употребляется для указания эмоционального состояния человека: *Дина вся в слезах / Я в восторге!* В греческом языке данное значение может передаваться как с предлогом (μέσα = в), так и без него: *Η Ντίνα είναι μεσ'τα δάκρυα. Είμαι ενθουσιασμένος!*

17. Употребление предлога (в) в устойчивых сочетаниях и фразеологизмах.

Предлог (в) в русском языке часто употребляется и в устойчивых сочетаниях с самыми разными значениями. Аналоги данных сочетаний в греческом языке передаются разными конструкциями. Примеры: *В чём проблема? – Ποιο είναι το πρόβλημα; / В мгновение ока – Εν ριπή οφθαλμού / В миг – Σε μια στιγμή / В раз – Με τη μία / Бросаться в глаза – Χτυπάει στο μάτι,* и т.д.

Как показывает практика, для понимания русских предлогов грекоязычными учащимися необходимы наглядные сопоставительные примеры из двух языков, родного и иностранного, которые помогут эффективнее и быстрее освоить эту сложную и интересную тему русского языка.

Список литературы:

Большой толковый словарь русского языка / РАН, Ин-т лингвистич. исследований – СПб.: Норинт, 2001. С. 108-109.

Полякова С. Ю. Семантическая категория направленности: лингвистический и методологический аспект. Новый филологический вестник РГГУ, М.: 2013, № 1(24). С. 66.

Розенталь Д. Э. Современный русский язык / Д. Розенталь, И. Голуб, М. Теленкова. М.: Айрис-пресс, 2010. С. 271.

Современный русский язык: Учебник: Фонетика. Лексикология. Словообразование. Морфология. Синтаксис. – 3-е изд. / Л. А. Новиков, Л. Г. Зубкова, В. В. Иванов [и др.]; Под общ. ред. Л. А. Новикова. СПб.: Лань, 2001. С. 576-578.

Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. [Электронный ресурс] <https://slovarozhegova.ru/>

Babiniotis G., Kleris Chr., Grammatiki tis Neas Ellinikis Glossas, Kentro Lexikologias EPE, Athina, 2011.

Зиновьева Т.И.
Московский городской педагогический университет
г. Москва (Россия)

Zinoviev Tatiana
Moscow city pedagogical University
Moscow (Russia)

**ГОТОВНОСТЬ ПЕДАГОГА ПОЛИКУЛЬТУРНОЙ ШКОЛЫ К
ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ОБЛАСТИ
УСТНОГО ДИСТАНТНОГО ОБЩЕНИЯ**

**THE WILLINGNESS OF THE EDUCATOR IN THE MULTICULTURAL SCHOOL
FOR PROFESSIONAL WORK IN THE FIELD
DISTANT ORAL COMMUNICATION**

В статье представлен анализ проблемы профессиональной готовности педагога поликультурной школы к обучению школьников устному дистантному общению, телефонному диалогу. Охарактеризованы понятия «профессиональная компетентность» и «готовность к профессиональной деятельности», «устное дистантное общение» и «телефонный диалог». Определены составляющие профессиональной готовности в области обучения устному дистантному общению, представлен перечень выявленных недостатков устного дистантного общения школьников, указаны соответствующие этим недостаткам задачи и направления коррекционной работы в данной области. Охарактеризованы достижения методической науки в области обучения школьников устному дистантному общению.

The article presents the analysis of the problem of professional readiness of a multicultural school teacher to teach students oral distant communication, telephone dialogue. The concepts of "professional competence" and "readiness for professional activity", "oral distant communication" and "telephone dialogue" are characterized. The components of professional readiness in the field of training of oral distant communication are defined, the list of the revealed shortcomings of oral distant communication of schoolboys is provided, the tasks corresponding to these shortcomings and the directions of correctional work in this area are specified. Achievements of methodical science in the field of teaching pupils to oral distant communication are characterized.

Ключевые слова: профессиональная компетенция, компетенция, профессиональная готовность педагога, дистантное общение, телефонный диалог как жанр устного дистантного общения, методика обучения русскому языку.

Keywords: professional competence, competence, professional readiness of the teacher, distant communication, telephone dialogue as a genre of oral distant communication, methods of teaching the Russian language.

Подготовка педагогических кадров к осуществлению ими профессиональной деятельности в поликультурной среде, в условиях межкультурной коммуникации, предполагает построение образовательного процесса в высшей школе на основе требований федеральных государственных образовательных стандартов нового поколения, что «связано с реализацией в учебном процессе вуза идеи

компетентного подхода, общей нацеленности на формирование профессиональной компетенции» [Зиновьева, Львова, 2013, с. 91].

Профессиональная компетенция трактуется современными исследователями (Т.М. Балыхиной, М.А. Холодной, Н. Хомским и др.) как «уровень сформированности знаний, умений, способностей, инициатив личности, необходимых для эффективного выполнения конкретной деятельности. Природа компетенции такова, что последняя может проявляться только в органическом единстве с ценностями человека и общества» [Зиновьева, 2010, с. 49]. Профессиональная компетенция педагога представляет собой сплав компетенций, особое место в котором занимает коммуникативная компетенция как «способность успешно решать средствами языка актуальные задачи педагогического общения» [там же, с. 50].

Коммуникативная деятельность современного педагога нередко переносится в режим дистантного общения, осуществляется с применением средств телекоммуникаций. Это объясняется особенностями российского общества начала XXI века: высокой социальной активностью граждан (в том числе педагогов), их стремлением оперативно выполнить множество задач личного и делового свойства; внедрением в образовательный процесс современной школы технологии дистанционного обучения, установками государственных образовательных стандартов на формирование у обучающихся совокупности коммуникативных универсальных учебных действий.

Понятие «дистантное общение» сегодня трактуется как разновидность опосредованного общения, при котором взаимодействие коммуникантов осуществляется с помощью технических посредников (e-mail, сотовой связи, интернета и др.), воплощается в устных (диалог по телефону, по скайпу и др.) и письменных (традиционные и электронные письма, смс-сообщения по сотовой связи и др.) жанрах [Ладъженская, 2003].

Современный педагог, осуществляющий профессиональную деятельность в поликультурной среде, в условиях межъязыковой и межкультурной коммуникации, вступает в дистанционные контакты с участниками образовательного процесса (обучающимися, их родителями, коллегами) ежедневно, поэтому должен обладать *готовностью* к осуществлению профессиональной деятельности в области устного дистантного общения. Готовность «осуществить профессиональную деятельность ...предполагает наличие у будущего педагога профессиональной компетентности как комплекса профессионально значимых компетенций» [Бегунова, Зиновьева, 2014, с. 18] (знаний, умений, навыков, опыта, личностных качеств). Важнейшими компетенциями в

области устного дистантного общения являются: понимание особенностей устной коммуникации в дистанционном режиме; высокий уровень культуры дистантного общения педагога; осведомленность о востребованности дистантной формы общения в речевой практике школьников, об уровне сформированности у обучающихся представлений и умений, о типичных недостатках дистантного общения; знание достижений методической науки в названной области; умение проектировать содержание обучения (чему учить?); владение эффективными методическими приемами (как учить?) и др.

Компетенция «*высокий уровень культуры дистантного общения педагога*» в ситуации обучения эффективной коммуникации в поликультурной школе, по нашему мнению, предстает в статусе риторического идеала, который мы, вслед за А. К. Михальской, трактуем как образец речевого поведения, которому нужно следовать, который в основных чертах соответствует общим представлениям человека о прекрасном [Михальская, 2002].

В работе по формированию у учеников поликультурной школы умений устного дистантного общения считаем целесообразным реализовать принцип ориентации на идеал, представленный в Примерной основной образовательной программе начального общего образования как важнейший принцип духовно-нравственного воспитания. Составителями программы идеал трактуется как высшая ценность, совершенное состояние человека, семьи, школьного коллектива, социальной группы, общества, как высшая норма нравственных отношений. Идеалы сохраняются в традициях, служат ориентирами человеческой жизни, духовно-нравственного и социального развития личности [Примерная основная образовательная программа, 2013, с. 13]. Внедрение принципа ориентации на риторический (речевой) идеал позволяет предложить способ решения коммуникативных задач, способ познания ценностей, в том числе – ценности вежливого, уважительного общения.

Собственный педагогический опыт, результаты анализа реальных ситуаций дистантного общения обучающихся поликультурной школы позволяют нам констатировать *предпочтения сегодняшних школьников в выборе форм и жанров дистантного общения*: 1) имеет место преобладание дистантного общения в устной форме; 2) очевидна тенденция нарастания количества устных дистантных контактов; 3) распространенным жанром устного дистантного общения школьников является диалог по телефону; 4) общение по телефону школьники часто начинают по собственной инициативе; 5) обучающиеся вступают в телефонный диалог не только с родственниками и друзьями (личное общение), но и с учителем, одноклассниками по

вопросам учебной деятельности (деловое общение). Таким образом, в ежедневной речевой практике, в образовательном процессе школьниками востребованы устная форма дистантного общения, жанр телефонного диалога.

Готовность педагога к обучению школьников устной коммуникации определяется знанием особенностей устного дистантного режима, понимание специфики телефонного диалога. В научной литературе *понятие «телефонный диалог»* трактуется как форма устного спонтанного диалога, осуществляемого при помощи технических средств, общение контактное во времени, дистантное в пространстве, опосредованное специальной аппаратурой [Ладыженская, 2003]. Представим педагогическую интерпретацию данного понятия: признак спонтанности телефонного диалога предупреждает педагога о возможности возникновения рисков, барьеров коммуникации. Признак диалогичности выявляет задачу обучения смене речевых ролей (говорящий, слушающий), повышает значимость умений говорения и слушания. Признак дистантности в пространстве свидетельствует об исключении из процесса общения невербальных средств (глазного контакта, мимики, жестов), существенно повышает значимость голоса, уровня произносительной культуры, выдвигает на первый план необходимость соблюдения норм речевого этикета и правил ведения диалога. Приведенный анализ телефонного диалога как жанра устного дистантного общения позволяет педагогу предвидеть «зоны риска», барьеры, возникающие в речевой практике школьников и в рамках обучения устному общению в дистанционном режиме, а также помогают определить аспекты демонстрации ученикам образцов устного дистантного общения.

Готовность педагога к работе по проектированию и реализации программы обучения школьников устному дистантному общению в жанре телефонного диалога предполагает умения проведения диагностики, изучения состояния сформированности представлений и умений учеников в области устного дистантного общения. В числе *типичных недостатков владения школьниками жанром телефонного диалога*: 1) несовершенство диалогических умений обучающихся (общая пассивная позиция ученика в диалоге (отвечает, сам вопросы не задает); неумение начать и завершить диалог; неумение сохранять тему диалога; нарушение логичности речи; неумение запрашивать информацию; малый объем реплик; повторы реплик; перевод обсуждения в ссору и др.) [Богданова, 2014]; 2) несформированность умений слушания как вида речевой деятельности: непонимание коммуникативной задачи, речевой роли; нарушение правил культурного слушания (перебивает, не выслушивает собеседника); «отсутствие у учащихся внимания; неумение воспринимать звучащую информацию,

что связано с несовершенством речевого слуха учащихся; отсутствие осмысленного восприятия высказывания» [Бегунова, Зиновьева, 2014, с. 91]; 3) нарушение общепринятых норм речевого этикета (полное отсутствие в общении по телефону единиц речевого этикета; использование просторечных единиц («Здравствуйте!», «Ну, давай!» и др.); использование в качестве обращения неуместных лексических единиц («Слушай!», «Ты!» и др.); ограниченность запаса этикетных формул востребованных тематических групп [Курочкина, 2014]; 4) ошибки порождения речи: «неоправданные паузы, которые в процессе говорения младших школьников занимают более 50% речи»; «оговорки (предвосхищение, перестановка, повторение, сращение)» [Методика обучения русскому языку и литературному чтению, 2017, с. 368]; 5) недочеты произносительной культуры (неверное членение паузами речевого потока; нарушения дикции массового и индивидуального характера; орфоэпические ошибки; общая монотонность звучания; несоответствующие ситуации общения, темп речи, интенсивность звучания (слишком тихо, либо чрезмерно громко) и др.) [Богданова, 2014]; 6) несоблюдение правил общения по телефону [Курочкина, 2014].

Выявление типичных недочетов владения обучающимися жанром телефонного диалога позволяет педагогу не только определить основные задачи и направления работы по формированию соответствующих представлений и умений школьников, по предупреждению типичных недостатков, но и актуализирует проблему выбора путей их преодоления.

Определить эффективные способы обучения, ответить на традиционный вопрос методической науки «как учить?» позволяет *знание достижений методической науки*. Анализ трудов методистов (Л.Я. Желтовской, А.В. Богдановой, Т.И. Зиновьевой, Е.А. Зыряновой, И.Н. Курочкиной, Т.А. Ладыженской, А.С. Львовой, М.С. Соловейчик, Л.Е. Туминой и др.), публикаций учителей-практиков (О.А. Паниной, О.П. Ступенко, Ан.Ю. Чирво и др.) согласно выявленным нами направлениям показал, что получили освещение различные аспекты обучения школьников эффективному устному дистантному общению.

Вопросы культуры слушания как вида речевой деятельности школьников находится в центре внимания многих методистов (Т.А. Атапина, Е.Г. Бегунова, Л.Н. Вьюшкова, М.С. Соловейчик, Л.Е. Тумина и др.): отмечается значение слушания (в том числе в дистанционном режиме), которое является важнейшей частью коммуникации, поскольку от уровня культуры слушания собеседников зависит не только результативность беседы, но и качество межличностных отношений коммуникантов. Выявлено своего рода неблагополучие: слушание как вид речевой деятельности

занимает более половины учебного времени, однако большая часть воспринятой на слух информации обучающимися не осознается. Причины подобного положения состоят в следующем: детям младшего школьного возраста трудно удерживать внимание на звуковом потоке речи в ситуации отсутствия «верных помощников» – невербальных средств общения (именно они передают более 80% информации); в процессе слушания у ребенка нет возможности послушать еще раз тот фрагмент высказывания, который понят недостаточно; речевой слух младшего школьника в целом, его отдельные компоненты (физический, фонематический, интонационный) несовершенны; «усилия педагога традиционно направлены на обучение младших школьников чтению, письму, формированию умений устной речи (говорения). Слушание как вид речевой деятельности до недавних пор оставалось вне зоны внимания учителей-практиков, ученых-методистов, авторов школьных учебников» [Методика обучения русскому языку и литературному чтению, 2017, с. 362].

Исследователи проблем обучения слушанию (Т.А. Атапина, Е.Г. Бегунова, Л.Е. Тумина и др.) определяют содержание такого обучения, которое мы интерпретируем применительно к ситуациям общения в дистанционном режиме. Поскольку в телефонном диалоге в разной степени частотности представлены все виды слушания (глобальное, детальное, критическое), необходимо познакомить обучающихся с особенностями каждого вида слушания, с ситуациями их реализации; следует учить соотносить ситуацию общения, особенности воспринимаемого текста, вид слушания и уместные приемы слушания; следует помочь школьникам осмыслить удачу и неудачу собственной практики восприятия на слух, осознать частотные «барьеры» слушания; «следует сформировать у представлении о речевом идеале – о «хорошем слушателе», который выполняет соответствующие правила» [Бегунова Е.Г., Зиновьева Е.Г., 2014, с. 101]; усвоению подлежат «психофизиологические механизмы слушания: механизм слуховой памяти, механизм прогнозирования, механизм выделения смысловых опорных пунктов» [Методика обучения русскому языку. Практикум, 2017, с. 21].

Результативность телефонного диалога зависит от осознания собеседниками целей слушания (зачем мы слушаем?), поэтому обучающихся следует познакомить с функциями и целями слушания: слушаем, чтобы знать – познавательная функция (получение информации); слушаем, чтобы делать – регулятивная функция (усвоение способов деятельности); слушаем, чтобы отвечать – функция реагирования (в ситуации необходимости ответить на вопрос); слушаем, чтобы получать эстетическое удовольствие – эстетическая функция (получение эстетического наслаждения) [Методика обучения русскому языку и литературному чтению, 2017, с. 363]. В

телефонном диалоге школьников чаще реализуются познавательная функция и функция реагирования, которым следует уделить особое внимание.

Успех устного дистантного общения обеспечивается умениями слушания, в их числе: умение осознавать коммуникативную задачу; умение по началу беседы предвосхищать характер предстоящего высказывания, его тему, цель, развитие; умение понимать значение услышанных слов, конструкций, интонации, задачу речи; умение разграничивать основную и дополнительную, известную и новую информацию; умение контролировать степень понимания текста, авторской позиции [Бегунова, Зиновьева, 2014, с. 91].

В процессе обучения слушанию как компоненту устного дистантного общения необходимо реализовать такие подходы: обеспечить активность процесса слушания, осмысление воспринятой информации; содействовать осознанию цели слушания (посредством установки на восприятие), которую на ранних этапах обучения ставит учитель, в дальнейшем – сам ученик; «обеспечивать осознание обусловленности слушания ситуацией общения» [Методика обучения русскому языку и литературному чтению, 2017, с. 362].

Весьма значимое направление гармонизации общения школьников по телефону – целенаправленное обучение *говорению как продуктивному виду речевой деятельности*. Методисты (Т.И. Зиновьева, М.С. Соловейчик и др.) отмечают, что обучение школьников говорению состоит в формировании умения создавать собственное оригинальное высказывание на основе осознания своего замысла. Говоримая речь рождается, творится «на глазах» у собеседника, имеет спонтанный характер. Опыт показывает, что временная доля такой «живой» речи в учебной деятельности современных школьников невелика; в условиях традиционной классно-урочной системы собственное оригинальное высказывание ребенок порождает нечасто, он преимущественно играет речевую роль слушателя. Сказанное объясняет несовершенство продукта порождения речи младшим школьником – несоответствие созданного учеником высказывания первоначальному замыслу говорящего. Изменить такое положение позволяет внедрение в образовательный процесс начальной школы инновационных педагогических технологий (диалогизации учебного процесса, проблемного обучения, учебного сотрудничества, работы в группе и в паре, игровых технологий и др.), что значительно расширит возможности реализации «живой» речи.

Повышение эффективности работы по формированию умений говорения предполагает построение этой работы на основе теории речевой деятельности (с учетом ее этапов): на этапе ориентировки в условиях осуществления речевой деятельности

целесообразно отрабатывать умение осознавать коммуникативную задачу; на этапе планирования речевой деятельности следует особое внимание уделить умениям определять тему будущего высказывания, его начало, развитие и концовку и др.; на этапе реализации плана формированию подлежат умения отбирать слова, строить синтаксические конструкции, связывать высказывания между собой; на этапе контроля отрабатывается умение устанавливать соответствие полученного речевого продукта изначальному замыслу [Методика обучения русскому языку и литературному чтению, 2017, с. 366]. Такой подход позволяет сформировать умения порождения речи, способствует практическому усвоению детьми этапов составления речевого высказывания.

Важнейшим условием повышения результативности обучения школьников созданию оригинального высказывания является осознание говорящим необходимости предварительной подготовки говорения и овладение соответствующими приемами. В ряду таких результативных приемов: предварительное продумывание будущего высказывания по вопросам («О чем буду говорить? Какова цель высказывания? Что именно хочу сказать? Как надо начать?»); выполнение записей (плана, отдельных фактов или выражений, начала и концовки высказывания и др.); «репетиция высказывания (проговорить, заглядывая в собственные записи; произнести самостоятельно, стараясь не заглядывать в записи; произнести, заботясь о произносительной культуре)» [Методика обучения русскому языку и литературному чтению, 2017, с. 369]. Усвоение этих приемов связано с овладением навыками делового общения при подготовке к телефонному диалогу на важную для коммуникантов тему, когда запись заданий используется во избежание пропуска значимой информации.

Важнейшим ресурсом повышения результативности устного дистантного общения младших школьников является *обучение речевому этикету*. Современные методисты (Т.А. Ладыженская, И.Н. Курочкина, Н.И. Формановская и др.) отмечают значение овладения обучающимися нормами и правилами речевого этикета для всестороннего развития личности ребенка. Овладевая этикетом, ребенок «присваивает часть социального речевого опыта народа, овладевает культурно-речевыми эталонами, характерными для среды проживания. Введение словесных формул речевого этикета в систему речевого взаимодействия ребенка с окружающими способствует формированию комфортного, эмоционально позитивно заряженного коммуникативного поля, оказывает безусловное положительное влияние на духовный мир ребенка. Назначение использования единиц речевого этикета состоит в признании достоинств собеседника, проявлении уважения к нему. Обучение речевому этикету

рассматривается как средство гуманизации коммуникативных навыков учащихся, которые должны научиться не только доброму отношению к людям, но и способам выражения этого отношения» [Методика обучения русскому языку и литературному чтению, 2017, с. 375].

Методисты (И.Н. Курочкина, Т.А. Ладыженская и др.) единодушны в определении цели и задач обучения речевому этикету, которые мы интерпретируем применительно к жанру телефонного диалога. Цель этой работы состоит в формировании у школьников умений уместного использования единиц речевого этикета в ситуациях устного дистантного общения для достижения поставленных целей. Реализации данной цели способствует решение таких задач: формирование коммуникативной грамотности учащихся в области использования речевого этикета в телефонном диалоге, что предполагает знание предназначения, норм и функций речевого этикета, понимание причин коммуникативных конфликтов, возникающих в процессе учебного и бытового общения по телефону; формирование умения критически осмысливать собственную практику ведения телефонного диалога (анализировать свою речь, замечать ошибки); обогащение речи школьников формулами речевого этикета; формирование навыка ответственного речевого поведения в процессе телефонного диалога; обучение «выбору единиц речевого этикета в зависимости от ситуации общения; обучение ... разворачиванию (сворачиванию) формул (единиц) речевого этикета в соответствии с ситуацией» [Методика обучения русскому языку. Практикум, 2017, с. 89].

Методическая литература располагает описанием условий повышения эффективности обучения речевому этикету (Е.А. Зырянова, И.Н. Курочкина, Т.А. Ладыженская, Е.Ю. Никитина, Н.И. Формановская и др.). В контексте анализа проблемы обучения телефонному диалогу учащихся поликультурной школы приоритетным условием становится ориентирование обучающихся на толерантное общение. Осуществление этого замысла связано с реализацией принципа ориентации на идеал. Именно педагог демонстрирует образцы толерантного речевого поведения, соответствующие исторически сложившимся в русской культуре представлениям о прекрасном. В общении педагог проявляет гибкость, умение согласовывать собственное речевое поведение с меняющимися ситуациями коммуникации; обнаруживает эмпатийность, способность к сопереживанию, что проявляется в стремлении выбирать одобряющие фразы, уточнять, обращаться к чувствам ученика-собеседника; демонстрирует некатегоричность суждений, способность характеризовать действия учеников, словесно их не оценивая. Следует подчеркнуть важность

организации культурно-просветительской работы с родными учеников в направлении освещения проблем вежливого общения, в том числе в рамках телефонного диалога.

Значительный потенциал повышения результативности обучения младших школьников телефонному диалогу как жанру устного дистантного общения имеет работа по формированию *произносительной культуры* «как совокупности устно-речевых навыков, необходимых для произнесения речи в соответствии с литературной нормой и ситуацией общения» [Зиновьева, 2014, с. 27]. Исследователи проблем совершенствования звуковой стороны речи (А.А. Бондаренко, Н.Е. Богуславская, А.В. Богданова, Т.И. Зиновьева, М.Л. Каленчук, А.Ю. Чирво и др.) рассматривают эту работу с позиций принципа ориентации на идеал, при этом идеал произносительной культуры трактуется как «гармоничное сочетание дикционной отчетливости, соблюдения орфоэпических норм, интонационной выразительности» [там же]. Сказанное объясняет разработку методики совершенствования произносительной культуры по трем взаимосвязанным направлениям: совершенствование техники речи (дикции, речевого дыхания, голосообразования, артикуляции); усвоение произносительных норм; развитие интонационной стороны речи.

В трудах методистов (А.А. Бондаренко, Т.И. Зиновьевой, М.Л. Каленчук и др.) обоснована необходимость реализации в этой работе стилистического подхода, что «предполагает практическое, без введения терминов, ознакомление с произносительными стилями, развитие у учащихся чувства стиля в произношении как умения интуитивно соотносить особенности произношения высказывания и ситуации общения» [там же, с. 28]. Овладение произносительными стилями предусматривает «становление первоначальных произносительных навыков в рамках полного стиля; коррекция, совершенствование навыков нормированного разговорного стиля; содействие преодолению ненормативного просторечного произношения» [там же].

Особая «проблемная зона» общения младших школьников по телефону – незнание ими *правил построения и ведения телефонного диалога*, как следствие, их нарушение в практике устного дистантного общения. Автор книги «Уроки этикета в начальной школе» И.Н. Курочкина отмечает, что проблема поведения детей в процессе разговора по телефону становится социально значимой, особенно в крупных городах (мегаполисах), поэтому требуется уделять этой проблеме особое внимание. Предлагается практическое, в игре усвоение минимума правил телефонного диалога: ждать ответа по личному телефону следует 6 гудков, по служебному – 4 гудка; услышав звонок, надо аккуратно снять трубку и сказать приветливо, доброжелательно слово «алло»; звонить по личному телефону можно с 9 утра до 8 вечера (звонок в

другое время требует веской причины); деловой разговор длится не более 5 минут; если друзья желают обсудить много вопросов, следует договориться о встрече; окончание делового разговора определяет, как правило, старший по возрасту (или тот, кто позвонил); перезванивает обычно тот, кто позвонил и др. [Курочнина, 2014].

Организация целенаправленного обучения устному дистантному общению позволит существенно повысить культуру ведения телефонного диалога, столь востребованного в ежедневной речевой практике школьников.

Таким образом, содержание готовности педагога поликультурной школы к профессиональной деятельности в области устного дистантного общения определяется совокупностью компетенций, в числе которых: понимание особенностей устной коммуникации в дистанционном режиме; собственный высокий уровень культуры дистантного общения; осведомленность педагога о востребованности дистантной формы общения в речевой практике школьников, об уровне сформированности у обучающихся представлений и умений, о типичных недостатках в области дистантного общения; знание достижений методической науки в названной области; умение проектировать содержание обучения (чему учить?); владение эффективными приемами работы (как учить?) и др.

Список литературы:

Бегунова Е.Г., Зиновьева Т.И. Профессиональная компетентность будущего учителя в области обучения младших школьников слушанию как виду речевой деятельности: Монография. М.: Экон-Информ, 2014. 187 с.

Богданова А.В. Обучение младших школьников школьному диалогу: интонационный аспект: Монография. М.: Экон-Информ, 2014.

Зиновьева Т.И. Звуковая сторона речи и произносительная культура // Начальная школа. 2014. № 7. С. 26–31.

Зиновьева Т.И., Львова А.С. Проектирование образовательного процесса подготовки педагогических кадров в интернатуре//Актуальные вопросы повышения квалификации педагогических и руководящих работников сферы образования города Москвы. Сборник материалов IV Международной научно-практической конференции. Ярославль-Москва: Изд-во «Канцлер», 2013.

Зиновьева Т.И. Формирование профессиональной компетенции учителя начальных классов в области языкового образования / Т. И. Зиновьева // Начальная школа. 2010. №3. С. 48-52.

Курочкина И.Н. Уроки этикета в начальной школе. М., 2014.

Ладыженская Н. В. Дистантное и контактное общение // Русская словесность. 2003. № 3.

Методика обучения русскому языку и литературному чтению : учебник и практикум для академического бакалавриата / Т. И. Зиновьева [и др.]; под ред. Т. И. Зиновьевой. М. : Издательство Юрайт, 2017. 468 с.

Методика обучения русскому языку. Практикум : учебное пособие для академического бакалавриата / Т. И. Зиновьева, О. Е. Курлыгина, Л. С. Трегубова. 2-е изд., испр. и доп. М. : Издательство Юрайт, 2017. 309 с.

Михальская А.К. Основы риторики: Учеб. для общеобразов. учреждений. М.: Дрофа, 2002.

Примерная основная образовательная программа образовательного учреждения. Начальная школа / [сост. Е. С. Савинов]. М., 2013.

Костова-Панайотова М.
Югозападный университет имени «Неофита Рильского»
г. Благоевград (Болгария)

Kostova-Panayotova Magdalena
South-West University «Neofit Rilski»
Blagoevgrad (Bulgaria)

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА В БОЛГАРИИ ПОСЛЕ 1989 Г. ПРОБЛЕМЫ ПРЕПОДАВАНИЯ И ПЕРЕВОДА

THE RUSSIAN LITERATURE IN BULGARIA LAST 1989. ASPECTATIONS TEACHING AND PERFORMANCE

Известно, что преподавание русской литературы в Болгарии имеет серьезную, уже вековую традицию. Изучение русского языка и русской литературы является частью учебной программы каждой болгарской школы до 1989 г. В эти программы входят классики XIX века, а в учебных программах так называемых русских гимназий входят и основные авторы и произведения XX века.

Последовательность политических преобразований однако в конце XX-века, привела в конечном итоге, несмотря на то что косвенно, к значительному «сокращению» изучения русского языка в болгарских школах. Эти процессы отразились и на изучении русской литературы, которая в средних школах в последние двадцать лет с маленькими изменениями была ограничена до представления трех или четырех писателей, в основном с ознакомлением с одним или двумя произведениями данного автора (Пушкина, Гоголя, Чехова). К счастью в последние годы мы наблюдаем обратную тенденцию по отношению изучения русского языка, которого обучающиеся записываются изучать по собственному желанию еще в детском саду и в начальных классах в школе – тенденция, которая могла бы помочь и изменению в плане учебных программ в средней школе по отношению к русской литературе. В болгарских университетах для каждого кто посмотрит программы лекционных курсов Софийского, Пловдивского, Югозападного университета в Благоевграде, университетов в Шумене и Велико Тырново видно основное желание – сохранить и дополнить общеизвестные имена русских писателей, рассмотреть русскую литературу как единое целое, обобщить и представить болгарским студентам самое значимое из классики и нового русского литературного наследия.

В последние годы студенты изучают русскую литературу, в основном, в двух курсах, являющихся обязательными для филологов – русская классическая литература и русская литература XX века, при этом в ряде других выбираемых по желанию студентов курсах предлагаются модули русской литературы XXI века, русская эмигрантская литература, история русского романа и другие. В Софийском и Пловдивском университетах в специальности русская филология студенты изучают старую русскую литературу (до XVIII века).

It is known that the teaching of Russian literature in Bulgaria has a serious, already centuries-long tradition. The study of the Russian language and Russian literature is part of the curriculum of every Bulgarian school until 1989. These programs include the classics of the XIX century, and the curricula of the so-called Russian gymnasiums includes the main authors and works of the twentieth century.

The succession of political transformations, however, at the end of the 20th century, ultimately led, despite indirectly, to a significant "reduction" in the study of the Russian language in Bulgarian schools. These processes also affected the study of Russian literature, which in secondary schools over the past twenty years, with small changes, was

limited to the representation of three or four writers, mainly acquainted with one or two works of this authors (Pushkin, Gogol, Chekhov). To our happiness, in recent years, we have seen a reverse trend in relation to the study of the Russian language, which students are enrolled to study at their own discretion even in kindergarten and in primary grades at school - a trend that could help change the curriculum plan in secondary school in relation to Russian literature.

Ключевые слова: преподавание, русская литература, перевод на болгарский язык, учебные программы болгарских университетов.

Keyword: teaching Russian literature, translation to Bulgarian, curriculum of Bulgarian universities.

На курсе классической русской литературы изучаются известные всем имена от Пушкина до Чехова, а литература XX века начинается с рассмотрения этапов русского модернизма, развитие романа, повести, эмигрантской литературы первой волны эмиграции и литературные центры, литература второй половины века и некоторые современные процессы.

Современный преподаватель русской литературы в Болгарии сталкивается с некоторыми очень серьезными проблемами:

- По причине, что в последние двадцать лет регулярное изучение русского языка в школах было нарушено, огромное количество учеников не знают русский язык и не могут читать русскую литературу на русском языке. Подобное положение мы наблюдаем и у студентов выросших в этом периоде. Студенты, для которых русский язык в школе не был обязательным и для большинства он является более незнакомым чем английский. Вряд ли только я слышала выражение: „Вы не могли бы дать нам библиографию на английском языке?“

- Суженный объем лекций на ряду с десятками имен, которых русская литература второй половины XX века вновь приобрела, ситуация которая ставит каждого преподавателя перед нелегким выбором;

К примеру, в данный момент лекции по русской литературе XX века для студентов болгарской филологии насчитывают 30. Студенты по специальности прикладная лингвистика слушают русскую классическую литературу и русскую литературу XX века в общем счете за 45 лекционных часов.

Отсюда и происходит проблема с наличной переводной литературой. Если можно сказать, что болгарские издатели проявляют устойчивый интерес по отношению к современной русской прозе, то тоже самое нельзя сказать по отношению новой русской поэзии. Издательства, которые охотно печатают романы Пелевина, Акунина, Марининой, прозу Ерофеева, Юза Алешковского, Ев. Попова колеблются по

отношению идеи печатать современных русских поэтов или сборника стихов на типу антологии, потому что они не являются коммерческими изданиями.

Несколько лет подряд со студентами из Софийского, а потом из Благоевградского университета мы переводили на семинарах или в виде самостоятельной работы стихотворения поэтов конкретистов и концептуалистов. Некоторые из переводов были отпечатаны в газете „Литературный форум”, другие в моей книге „Деконструкция канона”, остальные в антологии изданной университетским издательством в Благоевграде. Непрерывно публикуются фрагментарно стихи в прессе. Регулярно делают переводы Надя Попова, Бойко Ламбовски и Владимир Морзоханов. Последний выдал прекрасное двухязычное издание поэзии Мандельштама в 2012 г. Но отсутствие систематически представленной современной русской поэзии без сомнения оказало отражение и на восприятие ее среди студенческого общества.

Вопрос о преподавании русской классической литературы в Болгарии имеет и другую сторону. Как известно, не только в последние годы, а по протяжению всего XX века представление о том, что является значимым, а что нет менялось непрерывно по всей России и в Болгарии. Ощущение „о вышедшем из берегов времени”, о разрыве эпох, о „выброшенной с корабля современности” литературы даст отражение несколько десятилетия спустя. Иногда в учебниках, энциклопедических изданиях не только по причине динамики научных парадигм, которое является естественным процессом, получается абсолютизация отдельных персоналий, доводится до пафоса, часто связанным с данной социальной и культурной ситуации. Необходимость выработать необходимых критериев, по которым сформировался бы бесспорный ценностный канон в русском литературоведении на протяжении целого 20 века свидетельствует о динамике научных парадигм, но и об известной абсолютизации определенных персоналий доводится до пафоса, часто связанным с данной социальной и культурной ситуации. Так например Л.П. Егорова и П.К. Чекалов в своем учебнике “История русской литературы XX века”. (Вып. 2. Советская классика: новый взгляд. М.-Ставрополь, 1998) определяют самостоятельные главы для Горького, Маяковского, Есенина, Фадеева, Леонова, Шолохова, в этом же году в МГУ печатается учебник под редакцией Кормилова “История русской литературы XX века (20-90-е годы). Основные имена”, где имя Леонова отсутствует. Учебник содержит подробные статьи о Блоке, Горькове, Северяnine, Ходасевиче, Маяковском... Замятин упомянут мимоходом. Это вполне недопустимо для специалистов исследующих Замятина С. Никоненко и А. Тюрина, которые подготовили пятитомное собрание сочинений этого „признанного

классика”, как они сами говорят. С другой стороны проф. В. Смирнов из Института “М. Горького” спрашивает необходимо ли выдавать целый том исследований о Замятине если их нет о Леонове, о Мандельштаме, о Пришвине? (См. Ямпольский 1998). Примеров о диссонансе достаточно много. В систематических болгарских учебниках проф. Петко Троева „Руска класическа литература” в двух томах, последний печатанный в 2012 г. и „Русская литература XIX и XX века” отпечатанные издательством „Хермес” 2002 успел избежать неувязки. Авторы представлены очень отдаленно от политических оборотов, внимание уделено значимости автора, проблемам и произведений.

Среди числа того, что помогает нам понять самих себя, литература и культура нашего времени в более общем представлении без сомнения это классические русские произведения. Пастернак сравнивает их с „заметкой человечества”, к которой каждое поколение прибавляет свои „особенности и зарубки”. Но чтобы одно произведение начало „говорить”, чтобы стать живым оно должно находить отклик в стремлениях и тревогах читателей а не воспринимать его как что-то вводимое силой. Восприятие классики как вопрошение культуры и нравственности как нечто по которому надо строить живую жизнь – другой уклон, который наносит тоже большой ущерб, поскольку искусство не является и не может являться прообразом действительности. Русскую классику не надо использовать в образе иконостаса, потому что она сама по себе противоречива, динамична, не является благообразной, в ней отражены острые идейные и эстетические пререкания. Она не является идиллическим миром, в котором писатели гуляют по парам, „спокойно, классически просто”, если перифразировать Г. Иванова. Классический текст медленно „умирает” и когда он превращается в часть всеобщей образовательной системы, становится частью обязательной для чтения книги, частью канона, понимаемым как „правильные книги”. Таким образом регламентирование интерпретаций стандартизировано, эталонировано и восприятие его связывается с ожиданием формирования определенного нормативного поведения читателей и определенных нравственных критериев. Так из средства для „инициации” молодого человека, классический текст часто превращается в утомительное руководство по „правильному” чтению. При этом, как говорит Смирнов, следуя за „буквой классических образцов, используя их как материал для своих строений, современные авторы „в процессе интеллектуальной работы” в значительной степени упрощают предтексты”. Зачем нужна нам русская классика сегодня? Коротко определил необходимость классики еще Томас С. Елиат. По его мнению классика требует зрелость ума, она нуждается в истории и осознании истории, а историчность

сознания у поэта может полностью проснуться, только если у него рядом с сознанием о прошлом его народа, живет и прошлое другой цивилизации – это необходимо, чтобы он увидел свое место в истории. Соотнесение собственных культурных достижений к мировой культурной сокровищнице – движущий творческий импульс для ряда писателей русского 20 века. Если футуристы в самом радикальном проявлении отдают предпочтение прошлому, то „грусть мировой культуры”, интерес к давно прошедшим эпохам, верность культурной памяти, пылью столетий превращается в своеобразную визитную карточку акмеизма.

Литература русского постмодернизма последней трети 20 века хлынула прежде всего своими скандальными текстами, импульсом обращаться к табуированным темам и дискредитировать модели и образцы. Провокационное отношение к классике как к форме официозного эпоса, бунт против традиционных форм искусства превратилось в один из способов расставания с прошлым. Но нападки, отрицание, обвинение и искажение не успевают скрыть факт, что первое: классика сегодня и в постмодернистской литературе и вне ее (очевидно не все создаваемое в эпоху постмодернизма имеет отношение к нему) присутствует везде в современности, в каждой сфере культурного пространства, не собирает „пыль на прилавках” (См. Авдошин 2006; Катаев 2006; Фатеева 2006 и др.). Второе, даже для таких символических фигур постмодернизма как Игорь Яркевич в конечном итоге литературная классика является абсолютной ценностью, соотнесение с которой выявляет неоспоримую правду, дает представление о норме, способствует личностному самоопределению, «без нее грустно и страшно жить». (см. Яркевич:1991:77). Продолжают ли говорить слова классиков сегодня? Только копилкой для сюжетов, мотивов и образов ли является классика для современных писателей, художников, музыкантов? Очевидно то, что именуем классикой в русской литературе является как нечто более чем игрой с образами, абсурдом, отталкиванием от предыдущей культурной эпохи не изобретенное новой критикой или постмодернистского чтения, а является частью изначального стремления литературы к радикальным переменам по отношению художественной словесности. Поэтика негации часто направлена на догматизацию известного, против стереотипов восприятия классики в массовом сознании. Когда рассматриваем современное отношение к классике, хорошо было бы не забывать, что писатели и поэты XIX века к примеру тоже смотрят чаще с усмешкой и иронией на произведения своих предшественников. «Классика не нужна детям, потому что и взрослые перестали с нею советоваться» - этими словами кончается одна из статей Дмитрия Быкова, поэта, прозаика, критика, для которого отдаляющийся

контекст делает русскую классическую литературу все более непонятной для наших современников и как он сам говорит она имеет уже «только специфично историческую ценность», мы не можем искать в ней ответы на все вопросы. (Быков 2007). Под воздействием времени сам материал классики утрачивает актуальность, меняются реалии, проблемы, конфликты, а если в книге молодой человек не успевает найти ответы на вопросы которые его интересуют вряд ли он опять вернется к ней по собственному желанию. В этом смысле романы о современных «новых русских» на много ближе к действительности сегодня от «Мертвых душ» или «Под иглом» например. И все таки, если всмотреться то видно, что не смотря на сказанное причин для скептицизма нет, классика проникла во все области современной культуры, наполняет ее под формой скрытых реминисценций, аллюзий, цитат, перифраз... С ней непрерывно спорят, переписывают ее, режут ее части, «перечищают», но даже тогда когда ее отрицают, противопоставление прежде всего свидетельствует о том, что классика жива, о бессмертии «ненавистных» произведений. Может быть потому что эти произведения оказываются «всеобщим коммуникационным кодом» литературы, язык понимаемый людьми многих эпох. Поэтому современная литература не может отдалиться от классики, непрерывно подтверждает свою несвободу по отношению старых идей, приемов и проблем. Поэтому непрерывно обращается к пыльному сундуку в ожидании найти там золотых слитков. В амплитуде между прекрасной и ужасной, отверженной или обожаемой, русская классика сегодня продолжает жить настоящей и полноценной жизнью не только как копилка для сюжетов, мотивов, имен и цитат, не только через отталкивание от ее образов, но и как полигон испытаний для ценностей литературы, как корректив и бесконечный источник для современной литературы. В русской классике содержатся не только представления нации о самой себе, о пути для осмысления мира, для специфически русского и это сохраняется в подсознании, по мнению Архангельского, «даже тогда когда сознание порывает с традицией», но и примеру «Розы Иерихона» русская классика расцветает вновь и вновь когда имеется подходящая культурная среда. [Архангельский, 1996].

Современный русский анекдот твердит, что классика то чему мы уже научились подражать. Во всех культурных периодах чаще всего стремление подражать связано с представлением о ценностном, значимом и актуальном. Еще Гораций определил классическое через его актуальность: если произведение искусства остается актуальным спустя столетие, мы можем причислить его к классике.

Но, мы преподаватели не имеем столетие чтобы распорядиться. Но мы должны представить ценностное, значимое, актуальное нашим воспитанникам прямо сегодня.

Список литературы:

Авдошин Г. Русские классики в пыли. В: - Октябрь, N 12, 2006.

Архангельский А. Классика школьного ряда. В: - Новый Мир, N3, 1996.

Молчание классики., В: - Огонек, 31, 2007.

Катаев В. Игра с отломъци. Съдбата на руската класика в епохата на постмодернизма.

София, 2006.

Фатеева Н.А. Интертекст в мире текстов, М., 2006.

Яркевич И. Как я и как меня., Рассказы., М. 1991.

Кулик А.Д.
Российский университет дружбы народов
г. Москва (Россия)

Kulik Alla
Peoples' Friendship University of Russia
Moscow (Russia)

**МОДЕЛИРОВАНИЕ ЯЗЫКОВОГО СОДЕРЖАНИЯ В ПРЕДВУЗОВСКОЙ
ПОДГОТОВКЕ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ.
ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ МОДУЛИ «ПОЛИТОЛОГИЯ», «МЕЖДУНАРОДНЫЕ
ОТНОШЕНИЯ»**

**MODELLING OF THE LANGUAGE CONTENTS IN PREHIGH SCHOOL
PREPARATION FOREIGN STUDENTS.
PROFESSIONAL MODULES "POLITICAL SCIENCE",
"INTERNATIONAL RELATIONS"**

Данная статья посвящена проблеме моделирования языкового содержания обучения иностранных студентов русскому языку. Языковые знания в форме микромодуля содержания обучения русскому языку как иностранному представляют собой знание материальных единиц языка (его формы, семантики, правил употребления и соединения этих единиц в высказываниях). Речевая деятельность невозможна без умений оперирования языковыми знаниями, которые являются ориентировочной основой навыков и умений. Одна из задач моделирования языкового содержания обучения заключается в том, чтобы свести структурное многообразие изучаемого языка к ограниченному числу структурно-смысловых единиц – моделей, на основе которых строятся речевые действия и пользование которыми приблизит иностранных учащихся к построению высказываний, а через них – к овладению языком профессионального общения. Моделирование языкового содержания позволяет свести к обозримому числу объекты усвоения, то есть основные единицы организации учебного материала.

This article is devoted to a problem of modeling of the language content of training of foreign students in Russian. Language knowledge in the form of the micromodule of the content of training in Russian as foreign represents knowledge of material units of language (its form, semantics, rules of the use and connection of these units in statements). Speech activity is impossible without abilities of operating by language knowledge which are an approximate basis of skills and abilities. One of problems of modeling of the language content of training consists in reducing structural variety of the learned language to limited number of structural and semantic units – models on the basis of which speech actions and use with which are based will approach foreign pupils to creation of statements, and through them – to language acquisition of professional communication. Modeling of the language contents allows to reduce objects of assimilation, that is the main units of the organization of a training material to foreseeable number.

Ключевые слова: язык специальности, моделирование, отбор языкового и речевого материала, средства массовой информации (СМИ), функциональный и тематический принципы.

Keywords: specialty language; modeling; selection of language and speech material; mass media (MM); functional and thematic principles.

Языковой компонент цели зафиксирован в стандарте предвузовской подготовки в виде требований к владению русским языком, причём эти требования сформулированы как для общего владения языком, так и для владения языком специальности [Требования к минимуму ..., 1997; Государственный образовательный стандарт, 1999; Требования к первому сертификационному уровню ..., 2011]. Цели в языковой области описаны в стандарте достаточно полно, тем самым созданы необходимые начальные базовые условия для реализации принципов учёта уровня владения языком обучения и коммуникативности при условии последовательной детализации языковых целей в более подробных моделях педагогической системы. Требуется только лишь некоторые уточнения в диагностичном описании целей и приведение в соответствие отраслевого образовательного стандарта предвузовской подготовки и разработанного позже на его основе государственного образовательного стандарта по русскому языку как иностранному (первый сертификационный уровень) [Государственный образовательный стандарт ..., 1999].

Языковые знания в форме микромодуля содержания обучения русскому языку как иностранному представляют собой знание материальных единиц языка (его формы, семантики, правил употребления и соединения этих единиц в высказываниях). Речевая деятельность невозможна без умений оперирования языковыми знаниями, которые являются ориентировочной основой навыков и умений.

Языковые знания являются *средством* обучения языку специальности (курсив мой – А.Д.), а не целью. Целью обучения является общение на русском языке: учащийся должен уметь участвовать в реальном общении.

Языковой материал, составляющий основу обучения, в первую очередь, зависит от целей обучения. В зависимости от целей обучения он может меняться как по характеру, так и по объёму.

Совершенно очевидно, что языковой материал не исчерпывает содержания образования, так как его усвоение – это лишь база для развития навыков и умений устной речи и чтения, формирующихся не только на основе различного языкового материала, но и на основе связного целого, которое выступает в форме устных или письменных текстов. Отсюда следует включение текстов и тематики в содержание обучения.

Цель обучения языку специальности (курсив мой – А.Д.) – подготовить студентов к восприятию научной речи в письменной и устной форме, а также к активной речевой деятельности на профильном лексико-грамматическом материале.

Успешность овладения языком специальности зависит от того, насколько удачно отобран и организован лексико-грамматический материал.

Языковой материал по специальности следует считать трудным для усвоения, так как это материал, не содержащий дифференциальных признаков, которые могли бы быть перенесены из одного языка в другой.

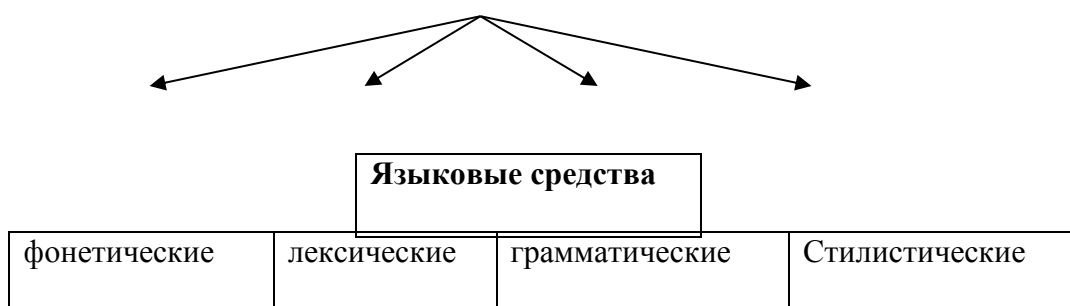
Одна из задач моделирования языкового содержания обучения заключается в том, чтобы свести структурное многообразие изучаемого языка к ограниченному числу структурно-смысловых единиц – моделей, на основе которых строятся речевые действия и пользование которыми приблизит иностранных учащихся к построению высказываний, а через них – к овладению языком профессионального общения.

Моделирование языкового содержания позволяет свести к обозримому числу объекты усвоения, то есть основные единицы организации учебного материала.

В этой связи следующей ступенью моделирования содержания обучения следует считать *отбор языкового и речевого материала* (курсив мой – А.Д.).

В отборе языковых средств в целях обучения составители минимумов выделяют четыре направления: а) фонетические средства; б) лексические средства: отбор минимума по словообразованию с оперированием понятиями производящих основ, аффиксов и моделей их сочетания; отбор лексики определением набора слов и фразеологизмов с уточнением и свободной сочетаемости слов активного запаса; в) грамматические средства: отбор речевых моделей, наполнение которых идёт за счёт лексического минимума; г) стилистические средства. Это рационализирует отбор материала для развития речи учащихся и завершает собою всю работу по отбору репродуктивно усваиваемого минимума.

Таблица №1. **Языковые средства**

Центральной проблемой, решаемой при отборе учебного материала, является определение единицы языкового учебного материала и количества единиц, подлежащих усвоению.

В практике преподавания иностранных языков сложилась традиция считать единицами отбора, как элементы структурных уровней языковой системы, так и отдельные явления, важные для практического владения языком.

На фонологическом уровне в качестве единиц отбора служат фонемы и аллофоны, интонационные модели и такие явления, как ассимиляция, палатализация и т.д. В грамматике единицами отбора являются грамматические категории и средства их реализации в языке: система временных отношений и временных форм глагола, категории рода, числа и соответствующие формы имени существительного, прилагательного, местоимения, синтаксические модели словосочетаний и предложений. В области лексики отбираются и слова, и словосочетания свободного и устойчивого характера.

Источниками отбора языкового материала могут служить средства массовой информации (СМИ). Учебный материал предъявляется студентам, как в виде учебных текстов, так и в виде отдельных учебных единиц: слов, словосочетаний, предложений, сверхфразовых единств.

Количество отбираемых единиц определяется тем, что продуктивная часть языкового материала, подлежащего усвоению студентами, должна быть больше, чем его рецептивная часть. Для чтения и понимания со слуха требуется владение бОльшим объёмом грамматического материала.

В соответствии с целью обучения и программными требованиями для решения коммуникативных задач студенты должны овладеть определённым объёмом лексики, который увеличивается от уровня к уровню (I сертификационный уровень – 500-700 единиц), основным грамматическим минимумом и фонетическим составом русского языка. Принцип концентрического расширения, заложенный в лексическом минимуме, позволяет наращивать языковой материал и осуществлять общие дидактические принципы последовательности и систематичности в усвоении учебного материала.

На I сертификационном уровне продолжается расширение фонетического, грамматического и лексического материала, усвоенного на предпороговом уровне. На этом уровне вступают в действие функциональный и тематический принципы отбора учебного материала.

Под функциональным принципом отбора (курсив мой – А.Д.) понимается отбор коммуникативно значимых языковых единиц. Так, например, подлежит усвоению

некоторый минимум общественно-политической лексики, и продолжается работа по продуктивному и рецептивному усвоению языкового материала при чтении прессы.

Тематический принцип отбора (курсив мой – А.Д.) определяет соответствие языкового материала задачам политической направленности и познавательной ценности. При этом тематическая стабильность должна сочетаться с актуальностью, научностью, конкретностью.

Особенность (курсив мой – А.Д.) нашего подхода в составлении лексических минимумов заключается в том, что в качестве источников отбора лексического материала предлагается рассматривать язык радио, видео, газет, телевидения, Интернет, то есть *язык СМИ как источник актуальной профессиональной информации и терминологической лексики* (курсив мой – А.Д.) при обучении русскому языку как иностранному. Следует отметить, что текст газетной статьи развивает стилистическое чутьё, навыки и умения оценивать и правильно употреблять языковые средства в речи в соответствии с содержанием высказывания. Введение стилистического компонента в практику преподавания РКИ является фактором, формирующим коммуникативную и языковую компетентности учащихся [Лысакова И.П., 2007, с. 30].

В СМИ особенно широко употребляется общественно-политическая лексика (ОПЛ). Как известно, ОПЛ – это особая лексико-семантическая подсистема языка, к которой относятся названия различных государственных, партийных и других общественных организаций и учреждений, социальных институтов, наименования социальных реалий и явлений жизни разных стран, а также политические идиомы языка СМИ, то есть особые слова и словосочетания, которые, с одной стороны, служат для точного выражения специальных понятий, обозначения различных политических явлений и событий, с другой стороны, имеют ярко выраженный эмоциональный компонент значения.

Язык может выступать как средство политики (курсив мой – А.Д.). Существует новое исследовательское направление, всё более укрепляющее свой собственный научный статус, - это «Лингвополитология, или политическая лингвистика».

Политическая лингвистика как целостное знание, обладающее собственными критериями системности, вобрала в себя очень многое из социологии, политологии, истории, социолингвистики, риторики, лингвистики воздействия. Полноценность каждого из подходов обеспечивается соответствующей дисциплиной с собственной методологией и инструментарием анализа. Для лингвополитологии важна совместность, некая новая конвергентность накопленных знаний. Последняя

проявляется в политическом дискурсе как события речи, дающем представление о субъектах коммуникации и их целях.

Следует отметить, что при работе с материалами СМИ, в частности, с газетной статьёй, необходимо учитывать не только лингвистические особенности, но и особенности самой тематики статьи. Предназначенные для изучения темы можно разделить на стабильные и так называемые «дополнительные» темы. Стабильные темы составляют ядро тематики. Однако материалы по газетно-публицистическому стилю речи отражают ту область жизни, которая претерпевает постоянные изменения, находится в развитии. Поэтому целесообразно сочетать работу над стабильными темами с изучением тем, которые связаны с актуальными текущими событиями и которые условно можно назвать «дополнительными» темами. Например, тема «Политические партии», представленная в учебном пособии по политологии, будет стабильной, а статья «Сурков объявил политический квартет» будет нестабильной, отражающей текущие события и соотношение сил на политической арене. Привлечение этих двух видов учебных материалов обеспечивает такое изучение каждой темы, которое даёт студентам глубокие знания, основывающиеся на знании конкретных фактов и актуальных событий, что представляется особенно важным для аргументированного изложения своей точки зрения в акте коммуникации.

Проиллюстрируем вышесказанное текстами стабильной и нестабильной тематики.

Политические партии

Политические партии возникают как организации, объединяющие людей, имеющих общие цели, единые идейно-политические взгляды. У всех политических партий есть особенности.

Во-первых, они стремятся к участию в осуществлении государственной власти, к вхождению в высшие государственные органы.

Главными задачами партий являются достижение максимального числа мест в законодательных органах, получение права на формирование правительства, участие в работе государственных структур. В этом заключается отличие партий от групп давления (профсоюзов, общественных объединений, массовых движений). Партия может добиваться решения задач, как парламентскими методами, так и при помощи насилия.

Во-вторых, партии представляют собой организации со сложившейся системой формальных отношений, которые имеют строгую иерархию.

Нормы и правила, определяющие характер внутривнутрипартийных отношений, излагаются в уставе партии. Устав партии определяет условия вступления в партию, структуру партийных организаций, порядок избрания руководящих органов. Партии не зависят от личных симпатий и антипатий, то есть они формализуются. В этом заключается главное отличие партий от клиентел, то есть групп, организованных по принципу личной зависимости, преданности определённому лидеру.

В-третьих, партия всегда обращена к массам. Массовая поддержка – главный ресурс влияния партии.

Политическая партия – это устойчивая формализованная организация, стремящаяся к участию в осуществлении государственной власти и объединению людей с общими идейно-политическими взглядами и интересами. (Пугачев, Соловьёв, 2007, с. 272).

Сурков объявил политический квартет

«Независимая газета» от 2 июня 2010

На состоявшейся в Москве общепартийной конференции «Единой России» произошло событие, претендующее на главную политическую сенсацию года. Первый замглавы администрации президента РФ, главный идеолог страны Владислав Сурков заявил, что в России сложилась четырёхпартийная система.

В настоящий момент в Госдуме представлены четыре партии - «Единая Россия», «Справедливая Россия», КПРФ и ЛДПР. Существуют ещё 11 партий официально зарегистрированных, но в парламент не прошедших. Парламентские партии отражают интересы примерно 70% населения. Такой представительности российский парламент не имел за всю свою историю. Оставшиеся 11 партий пользуются поддержкой только 3% россиян.

Возможно, из этих четырёх партий системообразующими останутся две. «Хотелось бы, чтобы это были «Единая Россия» и «Справедливая Россия», - сказал В. Сурков.

Помимо отражения интересов большинства, «системные партии» выполняют ещё одну важную функцию: сохранения политической стабильности. «Если каждый день в любой стране менять политическую систему, если, например, в Великобритании или Франции каждый день возникают какие-то новые игроки, лейбористы пять лет поправили, а потом исчезли, - это был бы хаос», - заявил В. Сурков.

Однако в современной России понимают, что четырёхпартийную систему нельзя установить ни законодательно, ни административно.

«Традиционные примеры четырёхпартийной системы – это помимо Германии и Франции, Италия, - добавляет директор Агентства политических и экономических коммуникаций Дмитрий Орлов. Три крупные партии в Великобритании. Две партии в США. Одним словом, в традиционных демократиях основных участников политического процесса немного. Тут Россия развивается в классической политической традиции» (курсив мой – А.Д.).

Следовательно, лингводидактическая задача состоит не только в понимании смыслового содержания текста газетной статьи как источника профессиональной информации и терминологической лексики, но и в определении *тематико-ситуационных блоков (модулей)* (курсив мой – А.Д.) в содержании обучения.

Такой функциональный подход в отборе материала создаёт основу для развития умений аргументировать свою точку зрения, критически анализировать получаемую информацию и дискутировать по определённому вопросу. Данные умения оказываются особенно важными при общении, например, в области политики, так как именно здесь акт коммуникации непосредственно связан с системой взглядов человека, с его мировоззрением.

Выделение лексико-грамматического материала как в синхронном, так и в диахроническом срезе языка и с учётом синхронной и диахронной межпредметной координации даёт возможность создать актуальный глоссарий, который является объектом изучения на занятиях по РКИ.

Являясь базовым лексическим материалом для овладения навыками и умениями приёма и передачи научной информации, термины занимают большое место в системе обучения иностранных учащихся общению на учебно-профессиональные темы.

Владение терминологической лексикой во многом определяет результативность рецепции, репродукции и продукции научной речи, так как термины – это основные информативные элементы научного текста.

Мы полагаем, что *термины* (курсив мой – А.Д.) определённой терминосистемы оказываются *основным лексическим* (курсив мой – А.Д.) пластом при работе над языком специальности иностранных учащихся, так как они (термины) являются номинационным ядром языка науки, наиболее информативным пластом лексики научного стиля речи, главным различителем подстилей научных дисциплин.

Нам думается, что обучение терминологической лексике является одним из путей реализации принципа преемственности на начальном этапе обучения и на I курсе. Главной трудностью на I курсе для иностранных учащихся является слабое владение терминологической системой конкретной узкой специальности. Преодолеть

этот разрыв можно, начиная обучение терминологической лексике уже в рамках вводно-предметного курса и продолжая в рамках курса «Введение в специальность», одной из целей которого является терминологическое обеспечение. Первичным источником научной информации для студентов-иностранцев подготовительного факультета является устная речь преподавателя-предметника, специалиста в той или иной научной области. Именно эту речь студенты должны понять. В большинстве своём студенты оказываются психологически и лингвистически неподготовленными к восприятию устной научной речи преподавателя-предметника. Преподаватель должен знать механизмы аудирования и переводческой деятельности, так как на начальном этапе обучения студенты подсознательно используют перевод.

В Таблице №2 перечислены механизмы аудирования и переводческой деятельности, которые соотнесены с навыками и умениями.

Таблица № 2. Соотношение механизмов переводческой деятельности с навыками и умениями

Механизмы аудирования:		Навыки и умения:
	Механизмы переводческой деятельности:	
1.	смыслового зрительного (слухового восприятия)	-видеть текст как речевую единицу с ее экстралингвистическим контекстом, широким кругом явлений реальной действительности;
2.	внутренней речи мышления	-«вербального мышления» -делить текст на группы мыслей;
3.	мышления	-выделять «смысловые вехи»; -устанавливать структурные связи между «смысловыми вехами»; -соотносить содержание текста с собственными знаниями, частей текста по содержанию между собой;
4.	вероятностного прогнозирования	-создавать гипотезы о структуре воспринимаемого текста в целом и отдельных его компонентов; -сопоставить выдвинутую гипотезу и воспринимаемое;

5.	памяти (оперативной и долговременной)	-сохранять информацию о словесных сигналах, после того как действие их уже прекратилось; -определять систему связей между признаками элементов, между единицами разных уровней;
6.	внимания	-избирательности, устойчивости и переключения внимания от одной информации к другой; -находить главные и подчиненные денотаты;
7.	воображения	-управлять смысловым вербальным слуховым, зрительным восприятием, своим выстраиваемым и формулируемым текстом-переводом посредством образов; - создавать внутреннюю программу текста-высказывания во внутренней речи, манипулируя образами, смыслокомплексами.

Таблица даёт представление о системности и структурности навыков и умений в переводческой деятельности, которая присутствует в обучении русскому языку как иностранному, а также языку специальности на элементарном (как прямой перевод слов), базовом и I сертификационном уровнях (не только в аудировании, но и в говорении, чтении, конспектировании).

В первом семестре в пропедевтическом курсе студенты овладевают общенаучной терминологией, синтаксическими конструкциями, функционально-коммуникативными блоками (ФКБ), то есть усваивают такие темы, как «Определение предмета», «Качественная и количественная характеристика предмета», «Классификация объектов и явлений», «Характеристика процесса» и др.; развивают навыки чтения, говорения, аудирования и письма.

Таким образом, при моделировании языкового содержания целесообразно учитывать лексику СМИ, общественно-политическую, лексические единицы с учётом синхронной и диахронной межпредметной координации, термины (контекст – предметное описание и произвольное образование от термина): общеупотребительные, общенаучные, профильные.

Список литературы:

Андрюшина Н.П., Битехтина Г.А., Владимирова Т.Е. и др. Государственный образовательный стандарт по русскому языку как иностранному, 1999.

Лысакова И.П. Практическая стилистика русского языка. М.: Русский язык. Курсы, 2007.

Требования к минимуму содержания и уровню подготовки выпускников факультетов и отделений предвузовского обучения иностранных граждан (отраслевой стандарт). Утверждены Приказом Минобразования России от 8 мая 1997 г. № 866.

Требования к первому сертификационному уровню владения русским языком как иностранным, 2011.

Лесневская Д.
Университет национального и мирового хозяйства
г. София (Болгария)

Lesnevskaya Dimitrina
University of National and World Economy
Sofia (Bulgaria)

ОСОБЕННОСТИ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО В БОЛГАРСКОЙ АУДИТОРИИ

PARTICULARITIES OF TEACHING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE IN A BULGARIAN AUDIENCE

Статья посвящена особенностям преподавания русского языка как иностранного в болгарской среде. Сделан обзор научных достижений болгарской русистики в области разработки современных подходов к обучению русскому языку как иностранному: межкультурного, контрастивного, социокультурного, лингвокультуроведческого, этнокультурного и когнитивно-прагматического. Рассмотрено современное состояние исследований эпистолярного делового дискурса в целях обучения русскому языку в болгарской среде. Подчеркиваются специфика преподавания русского языка как инославянского в болгарской аудитории, роль различных подходов для развития социокультурной компетенции и формирования базовой культуры личности.

The article is devoted to the particularities of teaching Russian as a foreign language in the Bulgarian environment. We make a review of scientific works of the Bulgarian Russian studies in the field of the development of modern approaches to teaching Russian in Bulgarian environment, such as: intercultural, contrastive, socio-cultural, linguo-cultural, ethno-cultural, and cognitive-pragmatic. The current state of studies of epistolary business discourse in order to teach the Russian language in the Bulgarian environment is considered. The specificity of teaching Russian as another Slavic language in the Bulgarian audience, the role of different approaches for the development of socio-cultural competence and the formation of the basic culture of the person are emphasized.

Ключевые слова: болгарская методика преподавания русского языка, русский язык как инославянский, межкультурная парадигма, когнитивно-прагматическая парадигма, антропоцентрическая парадигма, дискурс, базовая культура личности, межкультурный учебник

Keywords: Bulgarian methodology of teaching the Russian language, Russian language as another Slavic language, intercultural paradigm, cognitive-pragmatic paradigm, anthropocentric paradigm, discourse, basic culture of a person, cross culture textbook

В настоящее время исследования в области преподавания русского языка как иностранного (РКИ) в болгарской русистике направлены на разработку новой межкультурной парадигмы современного иноязычного образования (труды болгарских русистов Алексиевой Т., Бировой И., Ганевой И., Гочевой Е., Капиновой Е., Лесневской Д., Мавровой А., Палий М., Радковой А., Шамониной Г. и др.[Языковедческая русистика, 2013]), теоретические положения которой заложены российской методикой соизучения иностранных языков (ИЯ) и культур на принципе диалога равноправных культур – иноязычной (русской) и культуры данной страны

(труды российских специалистов в области теории и методики лингводидактики А.М. Бердичевского, Н.Д. Гальсковой, Елизаровой Г.В., Кафтайловой Н.А., Кургановой Н.И., Мишлановой С.Л., Пассова Е.И., Сафоновой В.В., Таревой Е.Г., Халеевой И.И. и др. [Шибко, 2010]. Утвердившемуся сегодня межкультурному подходу в обучении РКИ были посвящены доклады юбилейной Международной конференции Общества русистов Болгарии «Русистика: вчера, сегодня, завтра», София, 29 июня – 2 июля 2017 г., а также ряд статей в болгарских научных журналах «Болгарская русистика» и «Русистика без границ» / «Русистика без границ»¹⁷⁰. Культуроведчески-ориентированные методические подходы в теории и методике обучения ИЯ стали предметом широкого обсуждения среди участников Юбилейной конференции специальности «Русская филология» Софийского университета им. Св. Климента Охридского, София, 23–25 ноября 2016 г.¹⁷¹.

Сегодня творческое развитие болгарской методики преподавания русского языка как инославянского (РКИ инсл) осуществляется на основе теории проф. Боголюба Станковича¹⁷². Теоретические положения методики преподавания РКИ инсл. в инославянском, нерусском окружении (болгарском, сербском, польском, чешском и др.), выдвинутые Б. Станковичем, стали объектом обсуждения первого выпуска сербского журнала «Русский язык как инославянский» – Белград, 2009 г. С тех пор журнал «Русский язык как инославянский» регулярно издается Обществом славистов Сербии и кафедрой славистики филологического факультета Белградского университета, где принимают участие и болгарские русисты¹⁷³. Преподавание русского языка как инославянского в Болгарии осуществляется на базе общеславянской лексики, различение видов глагола и др. – т.е. используется положительная интерференция. Исходя из положительного переноса, акцент ставится на преодоление отрицательной интерференции – наличие пердложно-падежной системы в русском языке при

¹⁷⁰ Лесневская Д.С. Диалог культур на занятиях по деловому русскому языку в болгарской аудитории / Д.С. Лесневская // Русистика: вчера, сегодня, завтра. – София, 2018. – С. 713 – 719; Лесневская Д.С. Новое и традиционное в болгарской методике преподавания русского языка как иностранного // Болгарская русистика. Альманах. – 2017. – С. 176 – 189; Тарева Е.Г. Культура как ключевой концепт лингводидактики / Е.Г. Тарева // Русистика без границы. – 2017. – № 1. – С. 88 – 98; Тарева Е.Г. Межкультурный подход в системе лингводидактических инноваций // Русистика без границы. – 2017. – № 3. – С. 25 – 31; Сафонова В.В. Комплексный подход к оценке качества учебной литературы для обучения РКИ / В.В. Сафонова // Русистика без границы. – 2017. – № 2. – С. 87 – 118.

¹⁷¹ Бирова И.Л. Межкультурный диалог в обучении студентов-русистов переводу (на материале анекдодов); Сафонова В.В. Культуроведческие основы изучения русского языка в поликультурном пространстве современного мира; Юсупова К.Т. Межкультурные и межъязыковые аспекты обучения греков русскому языку // Русистика сегодня: традиции и перспективы. – София, 2017. – С. 342 – 348; 417 – 424; 456 – 464.

¹⁷² Станкович Б. Актуальные вопросы изучения и преподавания русского языка как инославянского / Б. Станкович // МАПРЯЛ 2010. Десятый международный симпозиум. – Верико-Тырново, 2010. – С. 11 – 14.

¹⁷³ Лесневская Д.С. Дискурс торговой сделки в обучении русскому языку в инославянской среде / Д.С. Лесневская // Русский язык как инославянский. – Белград, 2014. – вып. VI. – С. 148 – 156.

отсутствии падежей в болгарском языке и др.¹⁷⁴ Сотрудничество между болгарскими и сербскими русистами в области преподавания РКИ инсл. осуществляется также на ежегодном Международном славистическом симпозиуме, проводимом каждый год в Белграде Филологическим факультетом и кафедрой славистики Белградского университета¹⁷⁵.

Инновационное паритетное взаимодействие двух культур при современном иноязычным образовании предусматривает следующую совокупность действий: знакомство с фактом иной культуры изучаемого языка – перенос его в родную культуру и осознание ее особенностей – переоценка факта родной культуры – постижение с этих позиций явления иной культуры – переоценка факта иной культуры» [Тарева, 2014, с.500].

Целью обучения ИЯ является формирование межкультурной коммуникативной компетенции. Межкультурный подход действует в соответствии с механизмом «мягкой силы», реализуя диалог культур и формирование подлинной толерантности как качества личности¹⁷⁶. Рассматривая образование как инструмент «мягкой силы», ректор МГИМО А. В.Торкунов утверждает:«Не империя, а культурное продвижение; не пушки, не импорт политических режимов, а экспорт образования и культуры помогут создать благоприятные условия для российских товаров, услуг и идей»¹⁷⁷.

Установлена неделимость изучения ИЯ с ознакомлением с культурой страны изучаемого языка. Если изучать только культуру иной страны, возникает условия образования этноцентризма, для преодоления которого в учебной ситуации необходимо обеспечить полное равноправие культурных ценностей изучаемого и родного языков. Применяя межкультурный подход к обучению ИЯ, в учебном процессе нужно достичь признания фактов двух культур как полноценных и равноправных. Следуя концепции культурного релятивизма, контрастивный (сравнительно-сопоставительный) подход к обучению РКИ инсл. является одним из основных подходов в сочетании с

¹⁷⁴ Лесневская Д.С. Обучение русскому языку как иностранному в инославянской болгарской аудитории / Д.С. Лесневская // Актуальные проблемы межкультурной коммуникации. – Ростов-на-Дону: РГМУ, 2018. – С. 57 – 60.

¹⁷⁵ <http://www.rusistikabg.com/> Сайт журнала «Русистика без границ». Рубрика «Хроника»: 56-ое Собрание славистов Сербии, Белград, 2018. Доклады болгарских русистов: Лесневской Д.С. (София) «Современные подходы к обучению русскому языку как инославянскому в болгарской аудитории»; Цоневой Л.М. (Велико-Тырново)«Имя политика как часть его образа»; Мановой И. (София) «Стереотипное представление о тыкве в языковом сознании русских и болгар»; Милановой Е. (Пловдив) «Искажение славянских мифологических образов в компьютерных играх».

¹⁷⁶ Тарева Е.Г. Обучение языку и культуре: инструмент "мягкой силы"? / Е.Г. Тарева //Вестник МГПУ. Серия "Филология. Теория языка. Языковое образование". – 2016. – 3(23). – С. 94 – 101.

¹⁷⁷ Торкунов А.В. Образование как инструмент "мягкой силы" во внешней политике России / А.В. Торкунов // МГИМО – У. – 2012. – 4(25). – с. 85 – 93.

межкультурным, лингвокультурологическим, этносоциокультурным и когнитивно-прагматическим подходами в болгарской методике преподавания русского языка¹⁷⁸.

Современный межкультурный подход к преподаванию ИЯ комбинируется также с дискурсивно-стилистическим подходом, основанным на теоретических постулатах коммуникативной стилистики и прагмалингвистики. Объектом обучения ИЯ является дискурс – целостное речевое произведение, включающее в себя текст и экстралингвистические факторы. Дискурсивное обучение РКИ направлено на формирование прагмалингвистической компетенции как основного компонента межкультурной коммуникативной компетенции в русле равноправного диалога родной и иноязычной культур. Прагмалингвистическая компетенция представляет собой способность ориентироваться в коммуникативно-прагматическом пространстве и правильно использовать правила речевого поведения в конкретной ситуации общения, адекватно совершать коммуникативный акт (совокупность речевых актов). Так, межкультурная лингводидактика осуществляет межкультурное дискурсивное обучение ИЯ, имеющее деятельно-творческий характер и направленное на индивидуальное развитие обучаемого в целях создания полилингвальной и поликультурной личности¹⁷⁹.

Контрастивный подход к обучению РКИ инсл. в инославянской (нерусской) среде основывается на теоретических, сопоставительных исследованиях славянских языков¹⁸⁰. В соответствии с принципом минимизации и цикличности [Лесневская, 1986], а также с комплексно-концентрическим принципом обучения русской лексики в инославянской аудитории, Е.М. Маркова выделяет три концентра-уровня когнитивного изучения лексики в процессе поэтапного, последовательного подхода преподавания РКИ инсл.: денотативный, системный и концептуальный уровни смысловой структуры лексики близкородственных, славянских языков. Третий, высший уровень семантики – концептуальный – связан с этнокультурой и основан на этнокультурологическом и

¹⁷⁸ Лесневская Д.С. Современные подходы к обучению русскому языку как инославянскому в болгарской аудитории (в печати). См. Срчан Петрович. LV Скуп слависта Србије (Београд, 30 – 31, јануар 2017) // Славистика. – Београд, 2017. – Кн. XXI, св. 1–2. – С. 505.

¹⁷⁹ Лесневска Д.С. Коммуникативная стилистика и преподавание русского языка как иностранного в неязыковых вузах / Д.С. Лесневска // МАПРЯЛ 2014. Десятый международный симпозиум. – Велико-Тырново, 2014. – С. 568 – 572; Лесневска Д.С. Обучение межкультурному деловому дискурсу в теории и практике преподавания РКИ в болгарских неязыковых вузах // Стереотипность и творчество в тексте. – Пермь, 2014. – № 8. – С. 293 – 302; Лесневска Д.С. Эпистолярный дискурс в обучении РКИ в болгарской аудитории // Светът е слово, словото е свят. – Благоевград, 2016. – С.457 – 465.

¹⁸⁰ Лесневска Д.С. Рецензия: Маркова Е.М., Григорянова Т. Динамические аспекты лексики современных языков. – Врно, 2016. – 180 с. // Русистика без границ. – 2017. – № 3. – С. 76 – 80. Авторами монографии выявлена тенденция симметрии и конвергенции в развитии лексиконов славянских языков, имеющая лингводидактическое значение в аспекте использования положительного переноса при изучении близкородственных, славянских языков, в частности при обучении РКИ инсл. в славянской среде; Маркова Е.М. Конвергентно-дивергентные отношения лексики славянских языков (на материале адъективных дериватов от глаголов движения) – доклад, зачитанном на 56-ом Собрании славистов Сербии, Белград, 2018.

лингвокультурологическом подходах к обучению РКИ инсл. [Маркова, 2018]. Сравн. различия в фразеологизмах для выражение череды бед в межславянском диалоге культур: рус. *из огня да в полымя*; болг. *от трън та на глог*; словац. *z blata do kaluže*; серб. *с коња на магарца*.

Современное межкультурное дискурсивное обучение РКИ инсл. в болгарской аудитории основано на контрастивных исследованиях русского и болгарского научных, деловых, публицистических и художественных дискурсов¹⁸¹. В болгарской лингводидактике детально исследуются переводческие трансформации с русского на болгарский язык и с болгарского на русский язык в процессе межъязыкового взаимодействия, развиваются теоретические положения межъязыкового перевода¹⁸². Выделяются типичные ошибки в учебном переводе художественных текстов в процессе обучения РКИ инсл. в целях преодоления отрицательной интерференции на синтаксическом уровне, напр.: «У него, лишившегося в детстве родителей, никого больше не было, – буквальный ошибочный, учебный перевод: *Той, загубил родителите си като дете, нямаше никого друго*. – Редакция: *Той беше загубил родителите си като дете и нямаше никого друго*.»¹⁸³.

Исследования делового дискурса в целях обучения РКИ инсл. в болгарской русистике базируются на коммуникативно-прагматической и когнитивно-дискурсивной парадигмах как направлениях антропоцентрической и межкультурной парадигм [Лесневская 2017]. Следуя когнитивно-прагматическому и контрастивному подходам, деловые письма подразделяются на следующие типы в зависимости от коммуникативной цели, дискурсивной стратегии и набора концептов (обязательство/отсутствие обязательства, необходимость/ отсутствие необходимости, польза, требование, известие, потребность, выгода/отсутствие выгоды, оценка, доверие, надежность, связи) в рамках новой когнитивно-прагматической парадигмы [Лесневская 2017, 483]:

¹⁸¹ Георгиева С. За новите двуезични фразеологични речници и антропоцентрични подход при лексикографирането / С. Георгиева // 70 години българска академична лексикография. – София, 2013. – С. 269 – 275; Цонева Л. М. Новые слова в болгарской и русской публицистике / Л.М. Цонева // Лингвистические и культуроведческие аспекты русского языка в сопоставлении с родным. – Пловдив, 1997. – С. 67 – 71; Лесневская Д.С. Коммерческая корреспонденция в дискурсивно-стилистическом аспекте / Д.С. Лесневская // Русистика XXI века: традиции и перспективы – Шумен, 2013. – С. 131 – 138; Манова И.И. Концепт «персик» в русской и болгарской лингвокультурах / И.И.Манова // Болгарская русистика. – 2016. – № 1. – С. 66 – 76; Бирова И. Переводные соответствия пословиц и поговорок со значением язык-речь (русско-болгарские параллели) / И. Бирова // Перевод. Язык. Культура. – СПб, 2013. – С. 11 – 14; Георгиева И. Темпоралните фразеологизми през призмата на българския и руския език / И. Георгиева // Светът е слово, словоот е свят. – Благоевград, 2016. – С.429 – 440.

¹⁸² Томанова С.В. Теория на междуезиковия превод. – Благоевград, 2012. – 120 с.; Томанова С.В. Междуезиково взаимодействие в превода. – Благоевград, 2009. – 156 с.

¹⁸³ Христова Н.В. Интерференция на синтаксическом уровне в учебном переводе художественных текстов / Н. В. Христова // Русистика: вчера, сегодня, завтра. – София, 2018. – С.480 – 486.

1. Информационные письма: уведомление, извещение, сообщение, напоминание (письма, побуждающие к действию); сопроводительное письмо (оповещение); рекламное письмо, отчет (убеждение);

2. Письма, побуждающие адресата совершить действие: заявка, заказ, запрос, приглашение, просьба (побуждение); предложение (убеждение);

3. Письма, содержащие требование или претензию: требование, рекламация (требование);

4. Письма, сообщающие о принятом решении: отказ, согласие (сообщение);

5. Письма, содержащие обязательства, подтверждение, гарантии: гарантийное письмо, письмо-подтверждение (подтверждение); рекомендательное письмо (убеждение);

6. Этикетные письма: письмо – поздравление, соболезнование, благодарность, извинение, приглашение (выражение отношения).

Когнитивно-прагматической особенностью эпистолярного делового дискурса является его ядерная структура, где в ядре располагаются регламентированные письма с наибольшей стандартизованностью, а в периферии находятся нерегламентированные письма с большей вариативностью в тексте и языковом выражении. В ядре модели делового письма находятся такие жанры, как уведомление, извещение, заявка, запрос, заказ, требование, рекламация, отказ, согласие, гарантийное письмо. На среднем уровне расположены напоминание, сообщение, сопроводительное письмо, предложение, подтверждение, соболезнование, извинение, приглашение. На периферии находятся рекламное письмо, отчет, просьба, рекомендательное письмо, поздравление и благодарность.

Установленная когнитивно-прагматическая классификация русских и болгарских деловых писем в сравнительно-сопоставительном плане оформлена в списках устойчивых речевых клише, служащих учебным материалом при преподавании РКИ инсл. в болгарской аудитории, сравн. рус. *Мы готовы с Вами сотрудничать.* – болг. *Ние сме готови да сътрудничим с Вас;* рус. *Желательно прислать новый прейскурант.* – болг. *Желателно е да изпраитте нова ценова листа.* рус. *Не могли бы Вы нам послать...* – болг. *Бихме Ви помолили да ни изпратите...*; рус. *Выгодные цены на элегантные сапожки! Предлагаем широкий выбор моделей по СУПЕРЦЕНАМ!* – болг. *Изгодни цени за елегантни ботушки! Предлагаме широк избор на модели на СУПЕРЦЕНИ!*

Основанный на методологических принципах антропоцентрической парадигмы и поликультуральности, дискурсивность иноязычного обучения требует наличия

страноведческого, культуроведческого, этносоциокультурного, лингвокультуроведческого, психолингвистического, когнитивно-прагматического концептов в современном межкультурном учебнике иностранного языка¹⁸⁴.

Болгарская методика русского языка восприняла научную школу В. Сафоновой в области педагогической социокультуралистики и концепции социокультурного подхода к обучению ИЯ. В.В. Сафоновой сформулированы новые методические положения о соизучении иностранного языка и культуры, а также создана инновационная учебная и учебно-методическая литература¹⁸⁵. Дополняя и расширяя межкультурную компетентность, социокультурная компетенция состоит из общекультурной осведомленности, культуроведческой и лингвокультуроведческой компетенций, социолингвистической и социально-стратификационной компетенций, реализующих формирование базовой культуры личности [Сафонова, 2016, с.22].

Следуя принципам социокультуристики в русле межкультурной парадигмы, болгарский русист И. Бирова провела исследование игры в обучении РКИ в болгарской аудитории¹⁸⁶. Для формирования социокультурной компетенции в болгарской лингводидактике используется биографический метод в комбинации с межкультурным коммуникативным методом¹⁸⁷. Для творческого развития теории социокультурной концепции болгарской методики русского языка положительный эффект имеют результаты научных исследований болгарского Международного социолингвистического общества¹⁸⁸.

В процессе обучения РКИ инсл. в болгарской среде активно используются этнокультурный и лингвокультуроведческий подходы на базе теоретических исследований русских и болгарских этноединиц и этнофразем, напр. прозвищ, возникших на базе реальных лиц, таких как болг. «*Марко Томев*» – невезучий; болг. «*Гюро Михайлов*» – простодушно-исполнительный, наивный человек, болг. «*Бай Ганьо*» – представитель болгар с отрицательными чертами¹⁸⁹.

¹⁸⁴ Бердичевский А.Л. Как написать современный межкультурный учебник иностранного языка? / А.Л. Бердичевский // Иностранные языки в школе. – 2016. – № 10. – С. 12 – 18.

¹⁸⁵ Лесневска Д.С. Рецензия: Базина Н.В., Сафонова В.В. Метро, троллейбус, трамвай – читай, используй, изучай. – Москва: НИЦ «Еврошкола», 2016. – 48 с. // Русистика без границы. – 2017. – № 3. – С. 81 – 84.

¹⁸⁶ Бирова И. Игра в обучении русскому языку как иностранному. – Москва: НИЦ «Еврошкола», 2017. – 273 с.

¹⁸⁷ Капинова Е. Биографический метод в обучении русскому языку студентов-нефилологов / Е. Капинова // Перспективы науки и образования. – 2013. – № 4. – С. 114 – 118.

¹⁸⁸ Симеонова К. За някои промени в социалната оценка и отношението на обществото към термините / К. Симеонова // Проблеми на социолингвистиката. – София, 2014. – Т. 11. – С.464 – 469; Алтимирска Р. Социално-психологическите параметри на езиковото клише / Р. Алтимирска // Светът е слово, словото е свят. – Благоевград, 2016. – С. 183 – 190.

¹⁸⁹ Георгиева С. Национальные образы в зеркале языковых образов / С. Георгиева // Русистика: вчера, сегодня, завтра. – СОФИЯ, 2018. – С. 371 – 383.

Разработана также лингвокультурологическая тема *«Русские памятники – значимое культурное и архитектурное наследие Болгарии, Софии»* в рамках обучения РКИ инсл. в болгарской аудитории [Лесневска Р., Лесневска Д., 2015]. Для болгарской аудитории интерес представляет исследование русских памятников Русско-турецкой освободительной войны 1877 – 1878 гг. с лингвокультурологической точки зрения¹⁹⁰. Новая дискурсивная теория межкультурной коммуникации, согласно которой язык и культура представляют собой единый интегративный объект, является исходной теоретико-методической основой данного исследования. Защита русских памятников в Болгарии, в частности, в столице Софии, – актуальная задача и национальная ответственность всего болгарского общества. Целью исследования является рассмотрение русских памятников в Софии в хронологическом порядке: начиная с Русского памятника (1882) и кончая памятником генералу И. В. Гурко (2013). *«Русские памятники»* – часть культурно-исторического богатства Болгарии. Считаем, что тема *«Русские памятники в Софии 1882 – 2015 гг.»* может стать основой будущей учебной программы в рамках национального форума *«Культура Болгарии»* в связи с интегрированием Софии в Европейское культурно-историческое наследие. Язык архитектуры является актуальной темой болгарских исследований в области социолингвистики и лингвокультурологии¹⁹¹.

В последние годы в Болгарии издаются учебные комплексы – межкультурные учебники русского языка для болгарских учащихся, разработанные в соавторстве Т. Алексиевой, О. Лазовой, В. Милановой, А. Радковой, Е. Костовой и др., в которых грамматический и лексический материал тесно связан с межкультурным содержанием с целью развития умений в восприятии фактов культуры в межкультурной ситуации.

Итак, культуuroобразующая, антропоцентричная концепция современного языкового образования обосновывает рассмотренные подходы к обучению русскому языку как инославянскому в болгарской методике преподавания русского языка – дискурсивно-стилистический, межкультурный, контрастивный, этнокультурный, социокультурный, лингвокультурологический и когнитивно-прагматический. По нашему мнению, при преподавании русского языка в болгарской среде для формирования базовой культуры личности необходимо исходить из общей славянской

¹⁹⁰ Лесневская Д.С. Руските паметници – значимо архитектурно, историческо и културно наследство на София // Многообразие в единството. София – 135 години столица на България. – София, 2014. – С. 35 – 41.

¹⁹¹ Виденов М. Архитектурата и езиковият стил / М. Виденов // Език и литература. – 1994. – № 6. – с.66 – 74; Исса К. Езикът и архитектурата. Езикът и архитектурата// Проблеми на социолингвистиката. – София, 2014. – С. 348 – 354.

истории и культуры, приводя примеры, отражающие славянскую культуру, причем не только на русском и болгарском, но также и на других славянских языках.

Список литературы:

Лесневская Д.С. Минимизация на учебния материал и цикличност при обучението по руски език на чуждестранните студенти / Д.С. Лесневская // Проблеми на учебно-възпитателната работа по чужди езици с чуждестранни студенти. Варна: ВИНС, 1986. С.86 – 90.

Лесневская Д.С. Традиции и современное состояние исследований делового русского языка в болгарской русистике / Д.С. Лесневская // Университетская славистика: традиции, современное состояние, перспективы. Ред. К. Кончаревич. Београд: Беогр. У-тет, 2017. С. 475 – 487.

Лесневска Р.В. Значимое культурное и архитектурно-историческое наследие Софии / Р.В. Лесневска, Д.С.Лесневская // Научный Вестник ВГАСУ. Лингвистика и межкультурная коммуникация. № 4 (18). 2015. С. 234 – 238.

Маркова Е.М. Русская лексика в инославянской аудитории: лингвокогнитивный и лингвометодический аспекты / Е.М. Маркова // Русистика: вчера, сегодня, завтра. София: Дружество на русистите, 2018. С.720 – 726.

Сафонова В.В. Принципы междисциплинарного содружества в проектировании образовательного коммуникативного пространства в высшей школе / В.В. Сафонова // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. № 4. 2016. С. 17 – 26.

Тарева Е.Г. Паспортизация лингводидактических инноваций: постановка проблемы / Е.Г. Тарева // МАПРЯЛ 2014. Одиннадцатый Международный Симпозиум. Ред. Г. Гочев. Велико-Тырново: Унив. Изд., 2014. С. 500 – 504.

Шибко Н.Л. Обучение межкультурному общению в современном иноязычном обучении: парадигма, подход или перспектива? / Н.Л. Шибко // Актуальные проблемы организации учебного процесса и обучения иностранных граждан в ВУЗ. Отв.ред. С.И. Лебединский. Минск: Изд. центр БГУ, 2010. С. 131 – 136.

Языковедческая русистика в Болгарии. Библиографический указатель 2007 – 2013. Отв. Ред. В. Аврамова. Шумен: Унив. Изд., 2013. 143 с.

Литвинова Г.М.
Высшая школа перевода
МГУ имени М.В. Ломоносова
г. Москва (Россия)

Litvinova Galina
Higher School of translation and interpretation
Lomonosov Moscow State University
Moscow (Russia)

ОБУЧЕНИЕ ИНОСТРАННЫХ УЧАЩИХСЯ РУССКОЙ ИНТОНАЦИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

TEACHING RUSSIAN INTONATION TO INTERNATIONAL STUDENTS: PROBLEMS AND PROSPECTS

В статье рассматриваются проблемы, возникающие при обучении иностранных учащихся русской интонации на современном этапе. Нехватка часов в образовательных программах, невнимательное отношение многих преподавателей к этому аспекту речи, распространением теории аппроксимации произношения, минимизации интонационной системы русского языка в процессе обучения (особенно в области стилистически экспрессивной речи), недостаточное количество специалистов-практиков, которые могли бы вести занятия по практической фонетике на высоком профессиональном уровне, сумели бы объяснить систему интонационных средств родного языка, орфоэпические нормы и помочь развитию фонематического слуха, а также были бы способны проанализировать особенности того или иного иностранного акцента в области произношения и интонирования и устранить их - все эти факторы создают объективные трудности в процессе обучения. Кроме того, следует отметить и тот факт, что изменение орфоэпических норм, зачастую связанное со стремительными социальными изменениями, влечет за собой и изменения в оформлении интонационных контуров. Решение этих актуальных проблем требует обобщения опыта многих лингвистов и методистов, работающих в области преподавания практической фонетики русского языка как иностранного.

The article deals with teaching Russian intonation to international students at present. Numerous are the factors that can pose learning difficulties: insufficient academic hours, some teachers' negligence of this aspect of language learning, spreading approximate pronunciation theory, declining importance Russian intonation in language teaching (in expressive speech in particular), the lack of experts who could professionally teach pronunciation, could explain the intonation system, pronunciation norms and help develop phonemic listening skills, could analyze learners' accents and be able to teach to avoid them. Moreover, changes in pronunciation norms caused by drastic social transformations lead to changes in intonation patterns is well. To face these issues, it is necessary to rely on the expertise of linguists and teachers specializing in teaching Russian pronunciation to international students.

Ключевые слова: интонация как средство порождения речевого высказывания, речевые интенции, норма, интонационная культура речи

Key words: intonation as a means of producing speech, speech intentions, norms, intonations norms

В последнее время внимание исследователей все чаще привлекают проблемы, связанные с обучением интонации русской речи иностранных учащихся. Связано это

прежде всего с той ролью, какую интонация играет при порождении речевого высказывания и при понимании речи на слух. Отсутствие интонационных умений становится причиной непонимания речевых сообщений при слушании или неточной передачи намерения говорящего. Кроме того, интонация является важным средством для выражения коммуникативных значений. По мнению таких авторов, как Гришина О.А., Иванова-Лукьянова Г.Н., Князев С.В., Черемисина-Ениколопова Н.В., она выполняет в речи не только коммуникативную функцию, но и стилистическую, смысловозначительную, эмоционально-экспрессивную, синтезирующую, кульминативную и делимитативную.

Однако, несмотря на большое количество работ, посвященных изучению интонации, методике работы с ней в иностранной аудитории, правильное интонирование остается серьезной проблемой для иностранной аудитории. Речь иностранных студентов изобилует ошибками интонационного характера. Интонационные ошибки свойственны не только носителям языков, значительно отличающихся от русского по грамматическому строю, так и учащимся, языки которых имеют типологическое сходство с русским языком.

Это связано с рядом объективных причин: нехваткой часов в образовательных программах, невнимательным отношением многих преподавателей к этому аспекту речи, что, в свою очередь, обусловлено распространением теории аппроксимации произношения, минимизации интонационной системы русского языка в процессе обучения (особенно в области стилистически экспрессивной речи), недостаточным количеством специалистов-практиков, которые могли бы вести занятия по практической фонетике на высоком профессиональном уровне, сумели бы объяснить систему интонационных средств родного языка, орфоэпические нормы и помочь развитию фонематического слуха, а также были бы способны проанализировать особенности того или иного иностранного акцента в области произношения и интонирования и устранить их.

Существенную трудность составляют также те изменения, которые происходят в последние десятилетия в области интонирования устной речи, что можно наблюдать, например, при внимательном изучении речи дикторов радио и телевидения, а также ведущих различных радио- и телепередач. Исследователями неоднократно отмечалось, что в речи многих российских журналистов проявляется англизированность интонации¹⁹². «Просодическая интерференция имеет обратную сторону: усвоенная

¹⁹² См. Воротников, Ю.Л. О некоторых особенностях языка средств массовой информации / Ю.Л. Воротников. – http://www.gramota.ru/biblio/magazines/gramota/ruspress/28_606 (дата обращения:

чужая норма может оказывать разрушительное воздействие на соответствующий ортологический тип в родном языке. Деформированные интонационные модели, представленные в публичной речи авторитетных носителей языка, бессознательно усваиваются аудиторией, что приводит к утрате национальной самобытности в этом звене ортологической системы» [Хакимова, 2015, с.57].

Помимо этого, необходимо помнить о том, что «интонация – сложная совокупность мелодики, силы голоса, темпа речи, ее тембровой окраски и т.п. – неотъемлемый компонент звучащей речи и мощный инструмент воздействия на слушателя» [Авдоница, 2013., с. 16]. При помощи интонации мы порой передаем собеседнику больше информации, чем при помощи слов: важнее оказывается то, как человек сказал, чем то, что именно он сказал, потому что истинный смысл сказанного мы понимаем благодаря интонации: «В человеческом голосе больше интонаций, чем имеется знаков препинания [Бархин, 1929, с. 227]. Интонация помогает понять эмоциональный настрой собеседника, независимо от лексического наполнения высказывания и его построения: «Произнесенная на высоком уровне фраза – выражает эмоцию радости, на низком – грусти» [Коврижкина Д.Г. , 2014, с. 238].

Интонация зависит от многих факторов, в том числе и от того, какой голос у говорящего (высокий или низкий), каков темп речи, характер речи (громкий или тихий) спокойный или энергичный, эмоциональный или нейтральный), каким типом темперамента обладает говорящий, мужчина это или женщина.

Система средств организации звучащей речи включает в себя:

- 1) движение основного тона голоса (мелодику);
- 2) ударения (синтагматические и фразовые), которые помогают оформлять интонационные конструкции, передавать значения сказанного и эмоциональное состояние говорящего;
- 3) темп речи;
- 4) паузирование.

Все эти факторы затрудняют обучение интонированию в иностранной аудитории. «Главная причина недостаточной изученности интонационных норм заключается, по нашему мнению, в многоаспектности интонации, которая является не только лингвистическим, но и физиологическим, психологическим и социологическим

26.12.2014); Пальвелева, Л. Интонация устной речи / Л. Пальвелева. – <http://www.svoboda.org/content/article/129847.html> (дата обращения: 26.12.2014).

феноменом, выражающим вместе с собственно языковыми пара- и экстралингвистические значения [Хакимова, 2015, с.58].

Интонация выполняет прагматическую функцию в высказывании. В рамках личностно-ориентированного, деятельностного подхода к обучению языку, при котором учащийся реализует себя как личность, языковые средства рассматриваются как потенциальные носители прагматической информации. «Интонация, являясь смысловозначительным средством языка, выполняет прагматическую функцию, выражает речевую интенцию говорящего, воздействуя на партнера по общению и меняя объем и структуру его знания» [Лузикова, 2011, с. 8].

Поэтому, рассматривая интонацию в прагматическом аспекте, нужно обучать иностранцев русской интонации как средству реализации речевых интенций. Исследователи неоднократно указывали на тот факт, что ритмика и интонация звучащего текста не являются чем-то произвольным, случайным, всецело зависящим от экстралингвистических условий и личностных качеств говорящего, а определяются рядом лингвистических факторов: лексикой текста, его грамматикой, в особенности синтаксисом, порядком слов и актуальным членением, стилистикой, а также экспрессивной окрашенностью, модальностью и другими семантическими категориями, которые содержатся в тексте [Иванова-Лукиянова, 2002, с. 3].

Как правило, обучению фонетике и интонации уделяется внимание только на начальном этапе (вводно-фонетический курс). Однако мы убеждены, что для успешного усвоения фонетической системы русского языка и достижения орфоэпически грамотной, нормативной русской речи иностранными студентами необходима единая стратегия, осуществляемая на всех занятиях (языковых и неязыковых) с иностранными студентами, которая бы способствовала не только формированию и автоматизации навыков и умений в области русского произношения и интонирования в течение всего времени обучения. Особенно это актуально в курсе подготовки устных переводчиков.

Таким образом, обучение иностранных учащихся практической фонетике и интонации русского языка – это один из наиболее сложных и продолжительных аспектов преподавания русского языка как иностранного. «Как и любой другой аспект, он преследует несколько целей: чисто практическую (в методике ее часто называют коммуникативной), направленную на совершенствование слухо-произносительных навыков (наиболее общая цель для всех студентов, независимо от их будущей специальности); методическую, или профессиональную, специфическую для студентов-филологов, направленную на усвоение системности явлений русского

звукового строя и возможных интерференционных отклонений от произносительных норм, овладение контролем и самоконтролем за произношением и способами и приемами корректировки артикулирования и интонирования; наконец, лингвистическую, научно-исследовательскую, требующую учить студентов наблюдать, оценивать и объяснять факты звукового строя языка, уметь сопоставлять явления разных языков, находить причины речевых ошибок и сознательно исправлять их» [Логинова, 2015, с. 16]. По мнению Логиновой, наибольшего эффекта можно добиться, если организовать работу по фонетике, учитывая межпредметные и межаспектные связи. «При постановке фонетического практикума необходимо учитывать специфику параллельных аспектов обучения русскому языку как иностранному: устной и письменной речи, научной речи, газетно-публицистической и деловой речи, лингвистического анализа художественного текста и др. Фонетический практикум помогает усвоению особенностей членения и интонационного оформления текстов разных функциональных стилей и художественных текстов, сложной звуковой и ритмической организации терминологической лексики и характерных словосочетаний, а также способствует развитию способности восприятия речи на слух» [Логинова, 2015, с. 17].

Обучение правильному русскому произношению требует глубокой фонетической подготовки: даже при хороших способностях учащихся к имитированию одного имитационного способа для выработки слухо-произносительных навыков будет недостаточно. Интонация является не только фактом речи, но и языка и обладает набором собственных средств – интоном.

При изучении и преподавании русской интонации исследователи¹⁹³ выделяют два основных подхода:

- 1) семасиологический - от средств выражения к их значению, ориентирующийся слушателя;
- 2) ономасиологический - от значения к средствам выражения, ориентирующийся на говорящего.

Такие исследователи в области лингвистики текста, как Е.А. Брызгунова, Т.М. Николаева, М.К. Румянцев, Н.В. Черемисина, В.И. Петрянкина, Р.К. Потапова, Т.П.

¹⁹³ См., например, Хромов С.С. «Системное описание интонации в лингводидактических целях», М., 2000 г.

Скорикова, Л.В. Златоустова, аудитории отдают предпочтение ономаσιологическому подходу к описанию русской интонации при преподавании в иностранной аудитории.

С 70-х годов XX века в практике преподавания РКИ широкое распространение получила фонологическая теория Е.А. Брызгуновой. Исследователь выделила следующие основные интонационные средства русского языка: синтагматическое членение, тип интонационной конструкции (ИК), место центра ИК и пауза внутри синтагмы. ИК представляет собой, по мнению Брызгуновой, ряд модальных реализаций. Смыслоразличительная роль каждой ИК были установлены методом оппозиции высказывания. Различия между ИК определяются уровнем и направлением движения тона в интонационном центре той или иной конструкции, что, в свою очередь, помогает определить такие характеристики высказывания, как утверждение, вопрос, волеизъявление, завершенность/незавершенность. В основе концепции Е.А. Брызгуновой лежит комплексный коммуникативный анализ звучащей речи при помощи звукового и лексико-грамматического состава высказывания, типа синтаксической конструкции, интонации и смысловых связей с контекстом.

Однако происходящее достаточно интенсивно в последние годы изменение орфоэпических норм, связанное, в свою очередь, с бурными социальными изменениями (норма зачастую отражает не только лингвистические, но и социальные явления, и даже, по мнению некоторых лингвистов, в частности М.Кронгауза, отчасти создает социальные различия), приводит не только к тому, что меняются ударения, произношение отдельных звуков, но и изменяется интонирование речи.

Изучение фразовой интонации и просодии при помощи экспериментальной техники современных фонетических исследований показывает, что сейчас происходит смешение ИК, замена одной ИК – другой в различных интенциях, изменение в схематическом рисунке той или иной ИК. Кроме того, как уже было сказано выше, интерференция просодии приводит к тому, что даже в речи говорящих на русском (родном) языке звучат нерусские интонации. Так, например, исследователь Хакимова отмечает, что в перцептивно слабой позиции зачастую происходит смешение ИК в рамках одного интонационного типа (например, ИК-4 вытесняет в определенных позициях ИК-3) , таким образом, «нормативные характеристики интонационных единиц имеют не абсолютный, а относительный характер» [Хакимова, 2015, с. 59]. Исследователь Янко [см. Янко, 2014] на основании проведенного компьютерного анализа приходит к выводу, что в подготовленной речи дикторов и лекторов наблюдается экспансия ИК-2, заменяющая ИК-3: нисходящий тон ИК-2 регулярно подменяет восходящий тон нормативной ИК-3 или комбинируется с ним. Коврижкина

Д.Г. в статье «Связь интонации с выражением эмоций (на примере эмоции удивления)» [Коврижкина, 2014, № 3, с. 241] отмечает при выражении неожиданности у ИК-5 только один интонационный центр. Нам представляется, что ИК-5 постепенно уходит из речи говорящих на русском языке или же кардинально меняет свое значение: все чаще она употребляется не в значении радости, восхищения, а с ироническим оттенком.

Таким образом, нельзя не согласиться с исследователем Янко, что «абстрактный характер значений, имплицитные средства их выражения, а также то, что интонация – это языковой уровень, интроспекция по поводу которого у носителя языка, даже у лингвиста, развита крайне слабо, ставят новые методологические и теоретические задачи» [Янко, 2014, с.120]. Одна из таких задач – проверка перцептивных гипотез относительно интонационных параметров звучащей речи. Для выполнения этой задачи необходимо использование современных компьютерных систем анализа устной речи, которые позволят инструментально проверить слуховые впечатления исследователя на предмет изменений, происходящих в современной русской речи, что поможет, в свою очередь, при обучении иностранцев русской интонации.

Так, в работе Н.В. Черемисиной-Ениколоповой «Законы и правила русской интонации» [Черемисина-Ениколопова, 2013, с. 123] мы находим 10 инвариантных мелодем (мелодических моделей): констатирующую, вопросительную, императивную, начинательную; восклицательную, перечислительную, противительную, пояснительную, вводную, уточняющую. Автор проанализировала мелодические контуры русских синтагм и доказала, что данные интонационные модели представляют собой эталонные формы, которые хранятся в памяти носителей русского языка.

В этой связи можно обратиться также и к другим подходам к обучению интонирования русской речи, например, к методике национально-языковой ориентации, являющейся современной модификацией сознательно-сопоставительного метода. Как известно, лингводидактической основой данной методики стал принцип учета родного языка учащегося. При создании соответствующей стратегии обучения сторонники этого метода ориентируются на национально-языковую специфику восприятия и усвоения целевого языка.

В.Н. Вагнер выделяет интонацию простого предложения – нисходящую и восходящую: тон повышается и понижается на ударном слоге последнего слова. Существует интонация повествовательного предложения (нисходящая интонация, при которой тон понижается на ударном слоге, последующие заударные остаются на том же уровне); интонация вопросительного предложения (нисходящая интонация в конструкциях с вопросительным словом: тон также понижается на ударном слоге

последнего слова: восходящая интонация в конструкциях без вопросительного слова: тон резко повышается на ударном слоге последнего слова, если есть заударные слоги (тон резко падает на них). Кроме того, отдельно выделяется интонация перечисления, интонация переспроса, интонация восклицательных предложений интонация вопроса типа *А вы?* Исследователь говорит также об интонации сложного предложения: об интонации сложносочиненных предложений (первая часть имеет восходящую интонацию, вторая — нисходящую, между ними необходима пауза) и интонации сложноподчиненных предложений (если придаточная часть предшествует главной, придаточная часть имеет восходящую интонацию, а главная — нисходящую: если же, наоборот, главная часть предшествует придаточной, обе части имеют нисходящую интонацию. При произнесении обе части также отделяются паузой).

Работая в мононациональной группе, можно попытаться минимизировать ошибки в интонировании, сопоставляя две языковые системы, сравнивая функционирование тех или иных элементов. Сопоставительный анализ двух систем и анализ типичных ошибок помогает выявить характер влияния системы исходного языка, что, в свою очередь, дает возможность «устанавливать такие способы обучения, которые способствуют положительному переносу, предупреждению и преодолению интерференции» [Вагнер, 2001, с. 8]. Интонационные системы можно сравнивать по нескольким критериям: по функциональной нагрузке интонаций в разных языках, по тому, какие просодические структуры соответствуют тому или иному коммуникативному типу предложения. Таким образом можно выявить как положительные, так отрицательные переносы на изучаемый язык навыков, сформированных на базе родного языка и не только устранить ошибки, но и облегчить усвоение иностранной интонации.

Учитывая все вышесказанное, а также, ввиду тех изменений, который происходят сейчас в области речевых норм в современном русском языке, на наш взгляд, было бы целесообразно пересмотреть понятие интонационной культуры речи для методики преподавания РКИ и создать новый комплексный подход к обучению интонации в иностранной аудитории.

Список литературы:

Авдонина А.Ю. Вопросы взаимосвязи обучения устной и письменной речи в методической системе развития речевых умений школьников К. Б. Бархина в аспекте проблем современной лингводидактики // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2013. – № 5 (23). – Ч. 1. – С. 15–18.

- Бархин К.Б.* Культура слова: метод. пособие для преподавателей 2 ступени. – М.: Работник просвещения, 1929. – 229 с.
- Вагнер В.Н.* Методика преподавания русского языка англоговорящим и франкоговорящим [Текст]. М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2001. 384 с
- Иванова-Лукьянова Г.Н.* Культура устной речи: интонация, паузирование, логическое ударение, темп, ритм: Учеб. пособие. - 4-е изд., - М.: Флинта: Наука, 2002. – 200 с.
- Коврижкина Д.Г.* Связь интонации с выражением эмоций (на примере эмоции удивления) // Вестник, Серия «Филология», 2014, № 3, с. 233-243.
- Лузикова Л.Э.* Обучение иностранных учащихся русской интонации как средству реализации речевых интенций: дис... канд. пед. Наук: 13.00.02 / Лузикова Л.Э., М., 2011, 211 с.
- Логинова И.М.* Фонетический аспект обучения филологов русскому языку как иностранному // Вестник РУДН, серия «Русский и иностранные языки и методика их преподавания», 2015, № 2, с. 16-22.
- Хакимова Е.М.* О функциях интонационной нормы в современном русском языке // Вестник ЮУрГУ, Серия «Лингвистика» 55, 2015. Т. 12, № 3. с. 54–60.
- Черемисина-Ениколопова Н.В.* Законы и правила русской интонации / Н.В. Черемисина-Ениколопова. – М.: Флинта, 2013. – 520 с.
- Янко Т.Е.* Проблемы анализа коммуникативных структур и интонации: вопросы и решения // Критика и семиотика, Новосибирск, 2014, №2, с. 93-126.

Мареева Ю.А.
АНО ДПО «Учебный центр русского языка МГУ»
г. Москва (Россия)

Mareeva Iuliia
Moscow State University Russian Language Center
Moscow (Russia)

РЕДУПЛИКАЦИЯ В РУССКОМ И ГРЕЧЕСКОМ ЯЗЫКАХ (НА МАТЕРИАЛЕ НАРЕЧИЙ)

REDUPLICATION IN RUSSIAN AND GREEK LANGUAGES (BASED ON THE MATERIAL OF ADVERBS)

Статья посвящена феномену редупликации при образовании русских и новогреческих наречий. В статье сделан обзор публикаций, содержащих сведения по данному вопросу, и представлено, какие явления описываются с помощью термина «редупликация». Отдельно рассмотрено, какое место занимают редуплицированные адвербиальные лексемы в системе морфосинтаксических типов наречий в обоих языках. Объектом нашего внимания стали различные семантические разряды наречий, объединённые по способу образования, а также адвербиализованные лексемы других категориальных классов слов. Помимо примеров из русского и новогреческого языков, в статье предлагаются отсылки к другим языкам (македонский), подтверждающие универсальный или, по крайней мере, фреквентальный характер некоторых языковых фактов. Нами предложены модели греческих наречий-редупликатов и схемы, обобщающие функции и основные формальные типы редупликации.

The article deals with the phenomenon of reduplication in formation of Russian and Greek adverbs. In the article we made a review of publications containing information on this issue and presented the cases which are usually being described as reduplication. Moreover, we survey which place the adverbial lexemes have in the system of morphosyntactic types in two languages. We analyze different semantic groups of adverbs, which are united due to their way of formation, and also adverbialised lexemes of other word classes. Apart from Russian and Modern Greek examples there are references to other languages (Macedonian), which confirm the universal or at least frequental characteristics of some language phenomena. We suggest the models of Greek reduplicated adverbs and the generalizing tables of functions and basic formal types of reduplication.

Ключевые слова: наречие, редупликация, морфосинтаксические типы, сопоставительный анализ, грамматика наречий.

Keywords: adverb, reduplication, morphosyntactic types, comparative analysis, the grammar of adverbs.

Редупликация представляет собой фонеморфологическое явление, состоящее в удвоении начального слога или целого корня. На этом основании выделяют два вида редупликации: частичную и полную. Предельным выражением редупликации является повтор, т.е. удвоение всего слова (например, в русском языке наречие *эле-эле*). В некоторых языках редупликация выражает грамматические значения, но чаще всего редупликация выступает как средство варьирования лексического значения, выражая интенсивность, уменьшительность и т.п. [ЛЭС, 1990]. В ряде языков редупликация

может выступать в качестве одного из основных словообразовательных средств. К примеру, в тюркских языках наречия образуются на базе других частей речи с помощью редупликации: в азербайджанском языке *бир* "один" — *бир бир* "по одному" [Крючкова, 2000, с. 74]. В.В. Корнева в статье «Испанские дейктические наречия в зеркале русских наречий» отмечает: «Удвоение дейктического наречия реализует верификативную функцию в дискурсе и служит подтверждением правильной информированности собеседника относительно местонахождения того или иного объекта, ср.: - *Иванов здесь живет? – Здесь – здесь...*» [Корнева, 2004, с. 40].

Таким образом, в самом общем виде редупликацию можно определить как удвоение лексемы. Первая часть удвоенной лексемы называется редупликантом, (редуплицируемым), а вторая часть – редупликатором, (редуплицирующим). Удвоенная, редуплицированная, лексема называется редупликатом. Вопросы редупликации в русском и других языках рассматриваются в монографиях и статьях Ф.И. Рожанского, Е.Ф. Арсентьевой, Р.Б. Валиуллиной [Арсентьева, 2013], Е.А. Овтиной [Овтина, 2015] и др. Модели редупликации адвербиальных выражений во французском языке описаны Е.Н. Гулидовой. В случае с новогреческим языком чаще всего говорят об удвоении в причастиях. В настоящей статье мы рассматриваем типы и функции редупликации адвербиальных лексем в русском и новогреческом языках.

Среди наречий, как в русском, так и в новогреческом языках, существует множество редупликатов, образованных по различным моделям. Ф.И. Панков рассматривает редупликацию как частный случай сложения [Панков, 2009, 196].

В дальнейшем будут использованы следующие обозначения: N – существительное, Adv – наречие, Adj – прилагательное, Part – частица, comp – компаратив, pref – префикс, И – именительный падеж, Р – родительный падеж, Т – творительный падеж, В – винительный падеж, art – артикль, pl – множественное число.

В русском языке выделяются следующие основные модели наречий-редупликатов [Панков, 2009, с. 198]:

1. Прономинально-прономинальные наречия-редупликаты (**Pron_p-на+Pron_p**): *всего-навсего*;
2. Субстантивно-субстантивные наречия-редупликаты:
 - 1) модель **N_т-N_т**: *бочком-бочком*;
 - 2) модель **N_т-не+N_т**: *волей-неволей*;
 - 3) модель **N_и-на+N_в**: *крест-накрест*;
 - 4) модель **N_и-в+N_в**: *точь-в-точь*.
3. Субстантивно-адъективные наречия-редупликаты (**N-Adj**): *день-деньской*.

4. Адъективно-адвербиальные наречия-редупликаты (**Adj₁-Adv**): *темным-темно*.

5. Адвербиально-адвербиальные наречия-редупликаты:

1) **Adv-Adv**: *быстро-быстро, долго-долго*;

2) **Adv-pref+Adv**: *перво-наперво*;

3) **Adv u Adv**: *вновь и вновь, снова и снова*;

4) **Adv как Adv**: *тут как тут*;

5) **Adv₁-Adv₂**: *нежданно-негаданно, денно-ночно*.

6. Компаративно-компаративные наречия-редупликаты (**(всё) comp и comp**): *(всё) чаще и чаще*.

7. Партикулярно-партикулярные наречия-редупликаты (**Part-Part**): *вот-вот, только-только*.

8. Фразеологизированные редупликаты: *сорок сороков, бок о бок* [Панков, 2009, с. 198].

Е.Ф. Арсентьева и Р.Б. Валиуллина в статье «Редупликация в современном английском и русском языках» отмечают: «Наречия в русском языке, образованные путём редупликации, встречаются в подавляющем большинстве случаев в разговорной речи, так как они образованы с помощью префиксов, имеющих соответствующий коннотат». В целом данное утверждение является верным и для греческого языка [Арсентьева, 2013, с. 14].

В греческом языке с помощью редупликации в частности могут передаваться аспектуальные значения глаголов: *τρέχει τρέχει* ('бежит и бежит'). А для прилагательных - высокая степень проявления признака: *ψηλός ψηλός* ('высокий высокий', 'очень / «действительно» высокий') [Kallergi, 2015, с. 153]. Для русского языка также характерно такое употребление:

(1) *Алексей прям мужчина-мужчина*.

(2) *А вот это уже кофе-кофе!*

(3) *Смотрел-смотрел на глобус, да так и не выбрал* (примеры из [Овтина, 2015, с. 327]).

Как правило, в наречиях редупликация происходит для усиления, интенсификации значения исходной основы: *πρώτα πρώτα* (рус. 'перво-наперво', 'прежде всего'), *τελευταία τελευταία* (рус. 'наконец', 'в конце концов'), *τώρα τώρα* (рус. 'сейчас-сейчас'). Иногда редуплицированные наречия имеют особые оттенки в значении или же вообще иной смысл по сравнению с редупликантом, от которого они

образованы. Например, *ίσια* – рус. ‘прямо, непосредственно’ (*ίσια στο σπίτι* – рус. ‘прямо до дома’), *ίσια ίσια* – рус. ‘точь-в-точь’.

В новогреческом языке при словообразовании наречий редупликация играет очень большую роль. В большинстве случаев редуплицирующий элемент усиливает значение редуплицируемого, придаёт ему оттенок большей интенсивности. Как например, наречие *λίγο* (рус. ‘мало’) в редуплицированном виде *λίγο-λίγο* (рус. ‘мало-мало’) значит *πολύ λίγο* (рус. ‘очень мало’ или ‘понемногу’). Такого рода образования являются древнейшими в греческом языке, они отмечаются в микенском и древнем кипрском диалектах. В языке классического периода встречается меньшее количество примеров. В среднегреческом языке редуплицированные формы появляются вновь, а в новогреческом – переживают свой расцвет [Manolessou, 2009, с. 964]. В грамматике А. Цопанакиса отмечено: «Очевидно, что в зависимости от семантики наречия, повтор может привести усиление значения производящей основы. *Μαλο-μало* означает *очень мало*, следовательно, посредством удвоения передаётся уменьшительность. В наречии *вперёд-вперёд* усиливается значение продвижения вперёд» (перевод мой – Ю.М.) [Τσοπανάκης, 1994, с. 511].

Редупликация тесно смыкается с таким способом словообразования, как словосложение, состоящим в морфологическом соединении двух или более основ. В диссертационном исследовании [Andrikoroulou, 2015] утверждается, что в результате редупликации не образуется новое слово: «К категории сложных слов новогреческого языка не относятся адвербиальные выражения, образованные способом полной редупликации, как, например, *κοντά κοντά* ‘рядом рядом’, *πλάι πλάι* ‘близко близко’, *σιγά σιγά* ‘медленно медленно’ и другие. Образование наречий путём повтора представляет собой часть формообразования наречий в новогреческом языке, но не является словосложением. Повтор того же наречия не создаёт нового слова, а лишь интенсифицирует значение исходного» (перевод мой – Ю. М.) [Andrikoroulou, 2015, с. 13].

Вопросы редупликации в греческом языке (не только для наречий, но и других частей речи) рассматриваются в монографии Харитини Каллерги «Редупликация на уровне слова: факты греческого языка в типологической перспективе» (перевод названия мой – Ю. М.) [Kallergi 2015]. В греческом языке используется термин *διπλασιασμός επιρρημάτων* (‘удвоение наречий’). В греческой терминологии не принято использование точного эквивалента английского ‘reduplication’, каковым является *αναδίπλωση* [Kallergi, 2015, с. 113].

Мы применили систему морфосинтаксических типов русских наречий, разработанную Ф.И. Панковым [Панков 2009] к их новогреческим коррелятам. Среди основных моделей редупликации наречий, свойственных новогреческому языку, выделим следующие:

1. Адвербиально-адвербиальные наречия, т.е. образованные сочетанием двух наречий:

1) модель **Adv-Adv**: это достаточно многочисленная группа наречий, образованная в результате асиндетической редупликации, т.е. простого соположения лексем: *αγάλη-αγάλη* ('постепенно'), *γρήγορα-γρήγορα* ('очень быстро', 'быстро-быстро'), *καλά καλά* ('хорошо', 'тщательно'), *κάπου-κάπου* ('иногда'), *πότε πότε* ('иногда'), *δειλά δειλά* ('нерешительно, несмело', 'потихоньку, не спеша'), *δίπλα-δίπλα* ('рядом-рядом'), *ίσως-ίως* ('может быть – может быть'), *κάτω-κάτω* ('вниз-вниз'), *κοντά-κοντά* ('близко-близко'), *λίγο-λίγο* ('мало-мало'), *μόνο-μόνο* ('только-только'), *μπροστά-μπροστά* ('впереди-впереди'), *πάνω-πάνω* ('сверху-сверху'), *πέρα-πέρα* ('перед-перед', 'подалее') *πίσω-πίσω* ('назад-назад'), *πρώτα-πρώτα* ('прежде всего'), *μαλακά-μαλακά* ('мягко-мягко') и др.

Редупликат *ίσα-ίσα* (производный от *ίσα* – 'прямо') имеет два значения: 1) 'едва', 'точь-в-точь', 'как раз', *Τα λεφτά φτάνουν ίσα-ίσα για το νοίκι* (рус. 'Денег едва хватает на оплату аренды'); 2) 'наоборот', *Συμφώνησες κι εσύ; – Ίσα-ίσα* (рус. 'И ты согласился? – Наоборот (напротив, совсем не так)'. Таким образом, *ίσα-ίσα*₂ отрицает глагол, к которому относится. Синонимом к *ίσα-ίσα*₁ (существует также вариант *ίσια ίσια*) выступает редупликат *τίμα τίμα* (слово заимствовано из итальянского языка).

2) модель **Adv₁-Adv₂**: в качестве редупликатора и редупликанта сопологаются два разных наречия, зачастую смежных по значению: *συχνά-πυκνά* ('очень часто', 'часто-часто'), *φαρδιά-πλατιά* ('широко-широко'), *ξανά-μανά* ('снова', 'опять'). Прокомментируем структуру наречия *συχνά-πυκνά* ('очень часто', 'часто-часто'): *часто* как темпоральное наречие – *συχνά*, *часто* в значении *γυστο* – *πυκνά*. А редуплицированное наречие *συχνά-πυκνά*, соответствующее русскому *часто-часто*, образуется сложением этих двух основ. При этом редупликант – фреквентативное наречие, редупликатор – преимущественно пространственное, редупликат же употребляется только во временном значении.

3) модель **Adv και Adv**: копулятивная, или связочная редупликация с помощью союза *και* (рус. 'и'): *ξανά και ξανά* ('снова и снова', 'вновь и вновь'), *πως και πως* ('как и как', 'нетерпеливо'), *πού και πού* ('иногда'), *έτσι και έτσι* ('так себе');

4) модель **Adv₁-Adv_{2ant}** (ant – антоним): редупликатор и редупликант являются антонимами: *λίγο-πολύ* ('мало-много', т.е. 'более или менее'). Другие наречия, образованные по той же модели: *καλά-κακά* (рус. 'плохо-хорошо'), *μπρος-πίσω* (рус. 'вперёд-назад'), *πάνω-κάτω* (рус. 'вверх-вниз'), *ψηλά-χαμηλά* (рус. 'приблизительно', дословно 'высоко-низко'), *πέρα-δώθε* (рус. 'вперёд-назад', 'из стороны в сторону'). Просторечное, народное наречие *ζερβόδεξα* (*ζερβόδεξια*) (рус. 'лево-право') имеет два значения: 1. 'налево и направо'; 2. 'повсюду', 'где бы ни было' (*Πράγματα σρκορπισμένα ζερβόδεξα* – рус. 'Вещи разбросаны повсюду').

5) модель **Adv₁ και Adv₂**: *αραιά και πού* ('иногда'), *έτσι και αλλιώς* (рус. 'так или иначе', дословно 'так и по-другому');

6) модель **art-Adv-Adv** (art - артикль): редупликация сопровождается присоединением определенного артикля среднего рода: *το πολύ πολύ* ('самое большее', 'максимально', дословно 'много-много').

2. Субстантивно-субстантивные, т.е. образованные от сочетания двух существительных:

1) а) модель **NI-NI** (I – именительный падеж): в результате асиндетической редупликации: *βράδυ-βράδυ* ('поздно вечером', 'поздно-поздно', дословно 'вечер-вечер'), *πρωί-πρωί* ('рано-рано', дословно 'утро-утро');

б) модель **NI-NI** (I – винительный падеж): *τοίχο τοίχο* (дословно 'стену стену', 'по стеночке', 'вдоль стены', пример употребления: *Ο γεροντάκος βάδιζε τοίχο τοίχο* – дословно 'Старичок шёл стену стену' (т.е. 'вдоль стены')). Многие существительные в винительном падеже удваиваются и переходят в разряд наречий при выражении значения пространства, вдоль которого происходит некоторое действие, например, *άκρη άκρη* ('по краю'), *γιαλό-γιαλό* (от *γιαλός* – побережье, 'вдоль берега'), *σκαλί-σκαλί* ('по ступенькам').

в) модель **NI-NI** (I – родительный падеж): адвербиализуются существительные в родительном падеже. Таким образом сформировались редупликаты *καλού κακού* (рус. 'на всякий случай (хороший или плохой)', 'во всяком случае', дословно 'плохого-хорошего'), *λάου λάου* (рус. 'спокойно, без спешки, легко').

2) модель **NI-NI**: редупликатор и редупликант являются антонимами: *βράδυ-πρωί* ('с утра до вечера', 'денно-ночно', дословно 'вечер-утро'), *πρωί-βράδυ* (рус. 'утро-вечер'). В грамматике А. Цопанакиса читаем: «Очень показательным является соположение двух слов, которые взаимоисключают друг друга, поскольку они имеют противоположное значение» (перевод мой – Ю. М.). Например, наречие *γιορτή-καθημερινή* (рус. 'праздник-будни') образовано в результате эллипсиса во фразе «не

важно, праздник или будний день, мы работаем», *μέρα-νύχτα* (рус. ‘день-ночь’, ‘и днём, и ночью’), *χειμώνα-καλοκαίρι* (рус. ‘зима-лето’, ‘и зимой, и летом’) [Γσποανάκης, 1994, с. 511].

3) модель **№п1-№п1**: редупликация некоторых существительных во множественном числе: *μέρες-μέρες* (‘иногда’, от *μέρα* – ‘день’), *φορές-φορές* (‘иногда’, от *φορά* – ‘раз’), *ώρες-ώρες* (‘иногда’, от *ώρα* – ‘час’). Адвербиализованные существительные множественного числа могут иметь распределительное значение: *πήγαιναν παρέες παρέες* – рус. ‘ходили компаниями’.

В греческом языке есть наречия, существующие только в редуплицированной форме, например, *μάνι μάνι* (‘быстро’, ‘в один миг’), *στο τάκα τάκα* (‘быстро-быстро’), *άρον άρον* (‘поспешно’, ‘торопливо’), *λάου λάου* (рус. ‘спокойно, без спешки, легко’), *τείμα τείμα* (рус. ‘едва’).

Анализ языкового материала показывает, что многие модели редупликации наречий являются универсальными для целого ряда языков. Заметим, что в македонском языке, входящем в южнославянскую семью языков, а вместе с греческим языком – в балканский языковой союз, русским редупликатам *медленно-медленно*, *быстро-быстро* соответствуют наречия *лека-полека*, *брго-брго*. При этом в редуплицированном наречии две части могут быть абсолютно одинаковыми или модифицированными (*згора-згора* – рус. ‘сверху-сверху’), *одвреме навреме* (‘время от времени’), *и (до) ден-денес(ка)* (‘до сегодняшнего дня’, ‘до настоящего момента’), *денес(ка) за денес(ка)* (‘изо дня в день’, ‘постоянно’). Что касается семантики, то основное значение редупликанта может только усиливаться, т.е. подчёркиваться более высокая интенсивность проявления признака, или полностью изменяться: *згора-згора* – т.е. *површно* (рус. ‘поверхностно’). В македонском языке также можно обнаружить довольно много примеров антонимической редупликации. В русском языке это наречия *туда-сюда*, *вверх-вниз*, макед. *горедолу* (‘приблизительно’, дословно ‘вверх вниз’), *денес-утре* (‘сегодня-завтра’), *право-криво* (‘прямо-неровно’), *овде-онде* (‘сюда-туда’), *налево-надесно* (‘налево-направо’), *ваму-таму* (‘сюда-туда’)). Деадвербиально-адвербиальный редупликат *горедолу* имеет значение, не совпадающее со значениями его частей: *приблизительно*, *около*. Сходный пример из греческого языка: *ψηλά-χαμηλά* (рус. ‘приблизительно’, дословно ‘высоко-низко’).

Обобщим функции редупликации русских и новогреческих наречий в виде схемы 1, а способы образования редуплицированных наречий, свойственные как русскому, так и греческому языкам, представим в виде второй схемы 2.

Схема 1.

Схема 2.

Под модификацией мы понимаем фактически полное изменение лексического значения исходной основы, а под интенсификацией – средство варьирования лексического значения исходной основы. Примером варьирования лексического значения, выражающим интенсивность, являются наречия *быстро-быстро* в русском и *γρήγορα γρήγορα* в греческом языке соответственно. Значение модифицируется в наречиях *тут как тут* русского языка, *το πολύ πολύ* ('самое большее', 'максимально'), *τοίχο τοίχο* ('вдоль стены'), *μέρες μέρες* ('иногда') греческого языка.

Специфическими для греческого, отсутствующими в русском языке моделями образования редуплицированных наречий оказались модель **art-Adv-Adv**, модели **Nв-Nв** и **№р-№р**, модель **№р-№р**. Некоторые несовпадения обусловлены структурными различиями наших языков. В греческом языке определённый артикль играет важную роль при адвербиализации, а также субстантивации различных частей речи. Не характерна для русского языка и модель образования, достаточно продуктивная в греческом языке, при которой происходит редупликация и адвербиализация существительного во множественном числе.

Вероятно, не всякий редупликат можно считать отдельной лексической единицей, однако в случае с наречиями мы склонны считать редупликацию самостоятельным способом словообразования.

Список моделей редупликации наречий является открытым. И в русском, и в греческом языках наблюдается многообразие словообразовательных моделей наречий и их конкретных реализаций. Редупликация занимает важное место при описании грамматического потенциала категориального класса наречий в обоих языках. Как было показано выше, редуплицироваться могут как собственно наречия, так и адвербиализованные слова других частей речи, что также свидетельствует о полевой устроенности функционально-грамматического поля наречия.

Данный материал может быть полезен как в теоретическом плане, так и применяться в дидактических целях для русских, изучающих греческий язык, и греков, изучающих русский язык. Наречия составляют важную часть языковой картины мира. Знание разных разрядов наречий, понимание их структуры позволит лучше понимать повседневную речь носителей языка и аутентичные тексты. На практических занятиях следует уделять особое внимание случаям несовпадения в системах двух языков во избежание деструктивной интерференции. С помощью редупликации выражаются как объективные, диктумные, так и субъективные, модусные смыслы, которые могут вызвать трудности у инофонов.

При обучении греков русскому языку и русских греческому языку можно использовать семантизацию с помощью перевода (в том числе дословного перевода); объяснения, включающие сопоставление двух языковых систем; систему упражнений и заданий, направленных на перенос навыков, уже сформированных на греческом и на выработку новых, необходимых для корректного употребления слов и конструкций русского языка, в частности, наречий.

Список литературы:

- Арсентьева Е.Ф., Валиуллина Р.Б.* Редупликация в современном английском и русском языках // Филология и культура № 1. 2013.
- Корнева В.В.* Испанские дейктические наречия в зеркале русских наречий // Вестник ВГУ, Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация», № 1. 2004.
- Крючкова О.Ю.* Редупликация в аспекте языковой типологии // Вопросы языкознания, № 4. 2000.
- Лингвистический энциклопедический словарь (ЛЭС) [Электронный ресурс] // Ред. В.Н. Ярцева. М., 1990. – Режим доступа: <http://tapemark.narod.ru/les/408d.html>
- Овтина Е.А.* Редупликация в русском языке: формы и функции // Национальные культуры в межкультурной коммуникации, т. 2. Колоград Минск, 2015.

- Панков Ф.И.* Функционально-коммуникативная грамматика русского наречия: диссертация д-ра филол. наук: 10.02.01 // Панков Ф.И. М., 2009. 844 с.
- Andrikoroulou E.G.* Η σύνθεση και τα σύνθετα νοήματα στην ελληνική νοηματική γλώσσα // Διδακτορική διατριβή. Πάτρα, 2015.
- Kallergi H.* Reduplication at the Word Level: The Greek Facts in Typological Perspective, 2015.
- Manolessou I., Tsolakidis S.* Greek Coordinated Compounds: Synchrony and Diachrony // Patras Working Papers in Linguistics: Morphology. Vol.1, 2009.
- Τσοπανάκης Αγαπητός Γ.* Νεοελληνική γραμματική. Εκδοτικός Οίκος Αδελφών Κυριακίδη Α.Ε., Θεσσαλονίκη, 1994.

Петрова С.М.
СВФУ имени М.К. Аммосова
г. Якутск (Россия)

Petrova Svetlana
Federal State Autonomous Educational Institution
of Higher Education «М.К.Аммосов
North-Eastern Federal University»
Yakutsk (Russia)

**ГРАФИКО-СИМВОЛИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ РАССКАЗА И.С. ТУРГЕНЕВА
«БЕЖИН ЛУГ» В КОНТЕКСТЕ ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК
ИНОСТРАННОМУ**

**GRAPHIC-SYMBOLIC ANALYSIS OF THE STORY I.S. TURGENEV «BEZHIN
LOUG» IN THE CONTEXT OF TEACHING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE**

Статья посвящена юбилею великого русского писателя второй половины XIX в. Ивана Сергеевича Тургенева, чье 200-летие со дня рождения отмечают во всем мире. В статье говорится о роли и месте русской литературы в контексте обучения русскому языку иностранцев. На материале рассказа И.С. Тургенева «Бежин луг» показана система работы с художественным текстом, в процессе чего используется наша авторская методика графико-символического анализа художественного произведения. В основе составления адаптированного текста для работы с иностранными студентами лежат хорошее знание истории, культуры России изучаемого периода, биографии писателя, а также осмысленное понимание анализируемого текста.

The article is devoted to the jubilee of the Great Russian writer of the second half of the 19th century Ivan Sergeevich Turgenev, whose 200th birthday is celebrated all over the world. The system of work with the literature text, in the process of which our author's method of graphic-symbolic analysis of the literature text is used, is shown on the material of the story of I.S. Turgenev «Bezhin loug». The basis for compiling an adapted text for working with foreign students is a good knowledge of the history, culture of the studied period, writer's biography, as well as a meaningful understanding of the text being analyzed.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, русская литература XIX в., И.С. Тургенев, «Записки охотника», рассказ «Бежин луг».

Keywords: Russian as a foreign language, Russian literature of the XIX century, I.S. Turgenev, «Notes of a Hunter», the story «Bezhin loug».

2018 год занимает особое место в литературном календаре России: у многих русских писателей разных времен различные юбилеи, но есть юбилеи, которые воспринимаются по-особому. Например, в 2018 г. исполняется 190 лет со дня рождения «патриарха» русской литературы XIX в. Л.Н. Толстого, 150 лет со дня рождения А.М. Горького, 100 лет со дня рождения А.И. Солженицына. При этом особняком стоит имя еще одного великого русского писателя, творчество которого знакомо во всем мире и до сих пор вызывает неподдельный интерес исследователей [Новикова Е.Г; 2015, с.199-204.]. Это Иван Сергеевич Тургенев, чье 200-летие со дня рождения отмечается в разных странах мира. Не случайно подготовка к его юбилею стала предметом

внимания на самом высоком уровне [www.kremlin.ru/acts/news/20399]. Великий писатель-философ, певец родной земли, тончайший психолог, человек сложной, драматической судьбы, долгое время живший за границей, И.С. Тургенев, как никто другой, ратовал за чистоту русского языка.

В наше время русский язык является не только «транслятором» культурных ценностей, но рассматривается как фактор неотъемлемой части мировой цивилизации. Стратегически важным направлением международной политики Российской Федерации сегодня становится проблема изучения русского языка в России, популяризации его в странах ближнего зарубежья и продвижения в мире. За рубежом русский язык вызывает большой интерес со стороны различных слоев населения. Русский язык как иностранный (РКИ) в качестве филологической дисциплины представляет собой динамично развивающееся направление науки о русском языке.

В последнее время русский язык как иностранный стал предметом активного внимания, обсуждения и исследования, а также поиска наиболее эффективного его изучения. Преподавание русского языка как иностранного сегодня должно соответствовать новой геополитической, глобальной социоязыковой ситуации, новым собственно языковым процессам в самом русском языке. В связи с этим востребованными становятся *принципиально новые* подходы к преподаванию русского языка как иностранного. Актуальным в современной русистике являются создание экспериментальных и альтернативных учебных программ, поиск новых и использование традиционных средств обучения, стремление национальных и этнокультурных систем образования к интеграции в мировое образовательное пространство.

Пристальное внимание ученых все больше привлекает семиотика – междисциплинарная наука, которая изучает мир с помощью элементарной частицы, называемой знаком. Семиотические идеи были заложены ещё в античности. История знака проходит сложный путь в своем развитии: от Аристотеля, считавшего, что «слова – это знаки мысли», до А.Ф. Лосева, признававшего, что «символ есть развернутый знак». Важную роль в развитии российской семиотики сыграла тартуская школа Ю.М. Лотмана, сформулировавшая философию знака и символа. [Лотман Ю.М.; 2015, с. 416].

Современные исследователи отмечают: «Семиотические исследования... приближают к пониманию не только культуры отдельных народов, но и эстетических их универсалий и психологических констант человечества [Мечковская Н.Б.; 2008, с.432]. Обращение к семиотике важно не только в теоретическом плане, но и для ряда практических задач [Враймуд И.В.; 2014, с.190]. Семиотика играет важную роль для

понимания коммуникативно-познавательной эволюции культуры. И в этом большую роль может сыграть семиотика текста. Ученые разных стран и эпох находили много общего между знаком и символом: «Знак выражает, а символ раскрывает данное значение» (А.М. Пятигорский и др.). Сегодня эта проблема приобретает новое звучание. Некоторые ученые рассматривают семиотику как «методику обращения со знаками...», тем самым давая новое направление «науке о знаках» (М.К. Мамардашвили, А.М. Пятигорский).

Практика работы по русскому языку как иностранному имеет свою давнюю историю и представлена многими учеными, которые в разное время и в разных аспектах исследовали данную проблему (Е.И. Мотина, О.Д. Митрофанова, С.А. Хавронина, Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров, Е.И. Пассов, И.П. Лысакова, А.Н. Щукин и др.). Однако, как показывает многолетний опыт работы русистов разных стран, обучение русскому языку как иностранному «должно соответствовать принципам работы мозга» (М.Ф. Косилова). А практическая траектория обучения РКИ должна идти «от методики к этнометодике» [Балыхина Т.М., Чжао Юйцзян; 2012, с.344].

В Северо-Восточном федеральном университете имени М.К. Аммосова на кафедре русского языка как иностранного разработана инновационная методика обучения иностранцев русскому языку. Обучение РКИ невозможно без междисциплинарного подхода, и здесь важную роль играет обращение к русской литературе, истории, философии, культуре. Что касается литературы, то она имеет особые преимущества для исследования национального восприятия и преобразования мира. Литература имеет свою *специфическую логику*. Она становится все более *интерактивной*. Подобная интерактивность созвучна самой природе литературы, которая построена по принципу некоего *глобального интертекста*, где существует огромное количество вариантов переживания и прочтения всей предыдущей литературной традиции [Фатеева Н.А.; 2012, с.280]. Исследователи не случайно отмечают, что «... у человека существует ещё один образ мира – собственно-знаковый, в котором мир представлен ... в текстах литературного произведения» (Г.А.Глотова). Сегодня в поле зрения науки о тексте находятся лишь вербальные (словесные) знаки, но «*настоящую действительность текста составляют также и многочисленные невербальные знаки (числа, символы, рисунки и др.)*» (курсив мой – С.П.) [Плотников Б.А.; 1992, с.5].

В основе нашей авторской методической системы [Петрова С.М.; 2009, с.186] лежат практико-ориентированные положения семиотики мнемотехники, эргономики, а

также такие общедидактические принципы, как историзм, научность, доступность, наглядность, связь с жизнью. Особый упор мы делаем на осмысление философии изучаемой эпохи, хорошее знание истории создания произведения, понимание нравственно-мировоззренческой позиции автора. Важное значение в понимании изучаемого произведения имеет словарно-фразеологическая работа, в которой смысловую роль играют не только общепринятые в методике понятия *опорные, ключевые* слова, но и поиски *знакового* (авторская методика) слова, выражающего идею произведения. Кроме того, мы обращаем внимание на слова, отражающие историко-национальный колорит художественного текста. Такой подход позволяет расширить представление иностранцев, изучающих русский язык, о России, её культуре, духовном мире русских.

Развитию устной связной речи, расширению словарного запаса обучаемых, осмысленному восприятию изучаемого произведения способствует адаптированный текст учебного материала. С ним иностранцы работают по нашей системе: читают, перечитывают, осмысливают, пересказывают. Каждая глава изучаемого произведения обозначается графически, с использованием символики, и очень легко запоминается. Графика способствует развитию творческого воображения иностранцев, стимулирует их мыслительную деятельность, учит логическому пониманию изучаемого текста и быстрому запоминанию его композиции. Обращение к семиотике коренным образом изменяет мышление иностранцев, обеспечивает каждому обучающемуся собственную траекторию обучения.

Отдавая дань 200-летию юбилею И.С. Тургенева, мы на занятиях по русскому языку как иностранному обратились к рассказу писателя «Бежин луг», чтобы познакомить наших студентов с одним из самых интересных произведений великого русского писателя. [Ломакина Е.И.; 2017, с.18]. В сборник рассказов И.С. Тургенева «Записки охотника» вошли более 20 рассказов, среди которых наиболее известные «Хорь и Калиныч», «Малиновая вода», «Касьян с красивой мечи», «Бирюк», «Два помещика», «Смерть», «Певцы», «Гамлет Щигровского уезда», «Живые мощи», «Стучит!» и др. [Тургенев И.С.;1992, с.152]. Главная тема, которая волновала писателя, – это изображение простого русского народа, крепостных крестьян, оценка их высоких духовных и моральных качеств. Главная идея его рассказов – протест против крепостного права. Тема далекая и во многом непонятная нашим современникам, но острая, злободневная в эпоху, когда жил и творил великий русский писатель И.С. Тургенев. И это тоже важно для иностранных студентов – знать историю и культуру России.

Работе по изучаемой теме предшествует рассказ преподавателя о жизни И.С. Тургенева. Используемые слайды дают ясное представление о времени, личности русского писателя. В 1847 году И.С. Тургенев вернулся из-за границы. В 1850 г. он работает над рассказом «Бежин луг». В 1851 г. рассказ вышел в журнале «Современник». О его замысле автор писал: «Описать, как мальчики гоняют лошадей в пустыри на ночь». Но на самом деле этот рассказ не столь прост по содержанию. Главный герой рассказов – Петр Петрович, дворянин из села Спасское, хотя никто не сомневался в авторстве самого писателя. Рассказ не случайно начинается с очень подробного описания русской природы. Так глубоко, во всех её оттенках, описывать природу мог только человек, который давно не был в России, которому дорога каждая травинка, являющаяся символом Родины [Полунина Л.И., Баудер Г.А.; 2015, с.356]. Нетрудно уловить в этом описании позицию писателя и саму эпоху 40-60 гг. XIX в., в исследовании которой ученые находят много нового [Недзвецкий В.А., Полтавец Е. Ю; 2016, с.376]. О непростом времени, в котором жил И.С. Тургенев, говорят слова, являющиеся ключевыми и отражающими настроение писателя: «Громадными клубами вздымался угрюмый мрак», «Глухо отдавались мои шаги в застывающем воздухе», «Уныло висело небо», «Сердце у меня сжалось», «Меня охватила неприятная... сырость, точно я вошел в погреб»... «Я очутился над страшной бездной», «Прозрачный сумрак ночи», «обрыв»... «воздушная пустота»... Охотник трижды останавливался и спрашивал себя: «Да как же это я?», «Да как же это я сюда зашел? Так далеко? Странно». Зная еще со школьной скамьи мировоззренческую позицию И.С. Тургенева, его отношение к современным ему событиям, нетрудно представить, в какой степени эти вопросы относятся к самому писателю. Противник всяческого насилия, Тургенев верил в нравственные устои русского человека, верил в светлое будущее России, символом которой были для него дети. Поэтому описание природы совершенно меняется, когда автор встречается с детьми... «Картина была чудесная»... «мрак боролся со светом». «Темное чистое небо торжественно и необъятно высоко стояло над нами со всем своим таинственным великолепием»... «Сладко стеснялась грудь, вдыхая тот особенный, таинственный и свежий запах – запах русской летней ночи».

На занятиях по русскому языку как иностранному особое место занимает литература. Обращение к литературному тексту в значительной степени оживляет работу с иностранцами, мотивирует их к самостоятельной работе по развитию устной связной речи. Преподаватель готовит адаптированный пересказ учебного текста, проводится объяснительная работа с незнакомыми словами, которые

дифференцируются на *опорные* и *ключевые*. Рассказ И.С. Тургенева «Бежин луг» условно делится на четыре части. К каждой из них преподаватель составляет адаптированный текст, понятный иностранным обучающимся. При этом очень важно не потерять смысл тургеневского текста, наполненного символикой, иносказанием, стилистической особенностью. Проводится объяснительная работа по правильному чтению текста, с нахождением опорных и ключевых слов. Домашнему заданию по работе с адаптированным текстом и уяснению графического изображения той или иной части рассказа предшествует работа в аудитории: медленное чтение с проговариванием трудных слов, словарно-объяснительная работа, пересказ части, формулирование вопросов и ответов. Подобная подготовительная работа способствует заинтересованному отношению обучающихся к выполнению домашнего задания.

Более наглядно данная работа представлена в приводимой ниже таблице.

Мастер-классы по графико-символическому анализу художественного произведения в контексте обучения русскому языку как иностранному на материале романа в стихах А.С. Пушкина «Евгений Онегин», романа М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени», поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души» и др. были проведены не только в Российской Федерации, но и за рубежом (Китай, Монголия, Южная Корея, Тунис). Везде он вызывал глубокий профессиональный интерес у русистов разных стран. Данная методика показала свою эффективность в обучении русскому языку как иностранному. Занимаясь по этой методике, иностранцы, приезжающие на обучения в СВФУ и совершенно не знающие русский язык, через 3-4 месяца свободно говорили на нем и принимали участие в проводимых в университете мероприятиях.

Список литературы:

- Балыхина Т.М., Чжао Юйцзын.* От методики к этнометодике. Обучение китайцев русскому языку: проблемы и пути их преодоления: Монография.- Изд.2.-М.: РУДН, 2012.
- Враймуд И.В.* Знаки и знаковое сознание: графосемиотический подход. - М.: ФЛИНТА: Наука, 2014.
- Ломакина Е.И.* Пейзаж в рассказе и. С. Тургенева "Бежин луг" (урок литературы в 6-м классе "Я наполняю душу красотой".) Научно-методический журнал «Педагогический поиск». 2017. № 3.
- Лотман Ю.М.* Внутри мыслящих миров.- СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2015.
- Мечковская Н.Б.* Семиотика: Язык. Природа. Культура.- М.: Академия, 2008.
- Недзвецкий В.А., Полтавец Е.Ю.* История русской литературы XIX века. 1840-1860-е годы // Учебник. М.,: изд-во МГУ, 2010.
- Новикова Е.Г.* Тургеневедение XXI в. Рецензия на книги: И.С. Тургенев. Новые исследования и материалы/отв. ред. Н.П. Генералова, В.А. Лукина. 2009-2012. Вып. 1. Вестник Томского государственного университета. Филология. 2015. № 4 (36).

Петрова С.М. Графико-символический анализ художественного произведения в системе профессиональной подготовки будущего учителя-словесника.- Якутск: изд-во ЯГУ, 2009

Плотников Б.А. Семиотика текста: Параграфемика. Минск,1992.

Полунина Л.И., Баудер Г.А. Русская ментальность в творчестве И.С. Тургенева Научный альманах. 2015.

Тургенев И.С. Записки охотника.- М.: Просвещение, 1992.

Указ Президента РФ от 05.03.2014 № 114 «О праздновании 200-летия со дня рождения И.С. Тургенева» www.kremlin.ru/acts/news/20399.

Фатеева Н.А. Интертекст в мире текстов. Контрапункт интертекстуальности. - М.: ЛИБРОКОМ, 2012.

Садыгова А.
Азербайджанский государственный университет культуры и искусств
г. Баку (Азербайджан)

Sadigova Afag Allahverdi
Azerbaijan State University of Culture and Art
Baku (Azerbaijan)

ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ ОБУЧЕНИЯ КОММУНИКАТИВНОЙ РЕЧИ НА УРОКАХ РКИ

LINGUODIDACTIC PRINCIPLES IN TEACHING COMMUNICATIVE SPEECH IN THE LESSONS OF RUSSIAN AS FOREIGN LANGUAGE

Одним из ведущих принципов обучения русскому языку учащихся в современных условиях является коммуникативная направленность обучения. В настоящее время в общеобразовательных школах процесс обучения осуществляется по новой образовательной программе (куррикулум), которая считается наиболее эффективной моделью образования. По этой программе за объект обучения принимается не содержание образования, а результаты обучения. Предлагаемая в настоящем куррикулуме концепция преподавания иностранных языков (в том числе и русский язык) строится на идеях и методах коммуникативного обучения, приводящего к речевой компетенции учащихся.

One of the leading principles of teaching Russian to students in modern conditions is the communicative orientation of learning. Currently, in general schools, the learning process is carried out under a new educational program (curriculum), which is considered the most effective model of education. According to this program, not the content of education, but the results of training, is taken as a learning object. The concept of teaching foreign languages in the present curriculum (including the Russian language) is based on ideas and methods of communicative instruction leading to students' verbal competence.

Ключевые слова: принципы обучения, коммуникативная направленность, содержание, результат.

Key words: principles of teaching, communicative orientation, content, result.

Содержание обучения любому иностранному языку изменяется в соответствии с целями обучения иностранным языкам на конкретном этапе исторического развития системы образования. Комплексно-концентрический принцип подачи лингводидактического (лингвистического и учебного) материала является наиболее удачным на сегодняшний день подходом для разработки учебного комплекса при обучении русскому языку как иностранному. Суть данного принципа заключается в последовательном изучении языкового материала в виде отдельных концентров (блоков) в условиях естественного речевого общения, то есть на основе текстов, моделирующих ту или иную ситуацию речи.

Одним из основных вопросов, возникающих в процессе обучения русскому языку, является вопрос о целесообразности и необходимости обучения грамматике в

коммуникативном классе, где основной целью является овладение языком как средством коммуникации.

Получивший широкое распространение коммуникативный подход предполагает в качестве основной цели формирование коммуникативной компетенции на изучаемом иностранном языке. Внутренняя мотивация в контексте использования коммуникативного подхода порождается интересом не к структуре языка, а к тому, что можно сообщить на данном языке. В контексте коммуникативного подхода гораздо более целесообразно говорить не о приобретении грамматических знаний, а скорее, о формировании грамматических навыков и умений, грамматических возможностей, о накоплении грамматического потенциала. Поведенческий аспект предполагает достаточно высокий уровень автоматизации действий по использованию накопленного грамматического потенциала в процессе речевого общения на изучаемом языке.

Особое значение в рамках коммуникативного подхода уделяется практике как способу развития коммуникативных умений. Приобретение же теоретических знаний должно быть сведено к необходимому минимуму.

Коммуникативная направленность учебного процесса и учет специфики русского языка требуют особой организации уроков, в основу которой положены принципы комплексного обучения языку.

Способность общаться - слушать и понимать, говорить, читать и писать - составляет цель обучения русскому языку. Разработка специальной системы подачи грамматического материала будет способствовать осуществлению эффективного протекания учебного процесса, формированию речевой компетенции учащихся.

В современных условиях коммуникативная направленность обучения является одним из ведущих принципов обучения русскому языку учащихся. В число основных принципов обучения входят:

- а) учёт особенностей родного языка при обучении русскому языку;
- б) роль и место принципа преемственности в обучении учащихся русскому языку.

Учёт родного языка при обучении русскому языку нерусских учащихся признан в современной лингводидактике как важнейший принцип обучения. Этот принцип приобретает особую актуальность при обучении неродному языку. Учёт родного языка учащихся повышает образовательный и научный уровень содержания обучения, приучает правильно выражать свои мысли на русском языке, развивает навыки самостоятельности и самоконтроля, стимулирует познавательную активность учащихся.

Практика показывает, что навыки родной речи помогает учащимся овладевать соответствующими навыками русской речи. «Умения учащихся воспринимать речевой материал, классифицировать и обобщать те или иные явления родного языка содействует приобретению ими таких же умений на материале русского языка» [Матюшкин, 1982, с. 6].

В основу принципа учёта родного языка обычно кладется классическое высказывание Л.В. Щербы: «...можно изгнать родной язык из процесса обучения (и тем обеднить этот процесс...), но ...изгнать родной язык из голов учащихся в школьных условиях невозможно» [Щерба, 1957, с. 462]

Пути использования родного языка в процессе обучения русскому языку включают три основных аспекта:

1. Опосредованный учет особенностей родного языка, который принято называть «скрытым». Этот аспект реализуется в структуре и последовательности презентации материала, его объема, выборе приемов, количества повторений, упражнений, намеренном выделении, подчеркивании важности усваиваемого явления.

2. Опора на знания по родному языку, располагающему многочисленными аналогичными фактами. Перенос этих знаний на соответствующие явления русского языка облегчит процесс овладения русским языком. Опираясь на родной язык, указывая на сходные выразительные и изобразительные средства, можно добиться глубокого понимания соответствующих структур и значений на русском языке, обеспечения эффективности. С другой стороны, необходимо в упражнениях делать акцент на тех явлениях, которые связаны с интерференцией, отрицательным влиянием родного языка.

3. Использование фактов родного языка в процессе обучения русскому языку так называемым «открытым» способом – переводом, сравнением, сопоставлением. Однако увлекаться этим способом не следует. В свете современных методических тенденций нет необходимости прибегать к многочисленным сравнениям родным языком, к двуязычным упражнениям. Это психологически задержит переключение учащихся в новое речевое мышление.

Во всех случаях, когда постижение явлений русского языка легко осуществить с помощью беспереводных средств, то это следует широко использовать. Но в ситуациях, когда осознание изучаемых явлений беспереводным путем либо делается невозможным, либо даётся ученикам с большой затратой времени и усилий, необходимо апеллировать к родному языку.

При новой системе обучения создаются более эффективные условия для обогащения речи учащихся. Преемственность в обучении предполагает необходимую связь и правильное соотношение между частями учебного предмета на разных ступенях его изучения, непосредственную связь того, что изучается в данное время, с тем, что уже было изучено.

В лингводидактике дается четкое определение преемственности в обучении русскому языку, как одному из дидактических принципов, сущность которого состоит в «последовательности, систематичности расположения материала, в опоре на изученное и на достигнутый учащимися уровень языкового развития» [Лернер, 1986, с. 150]

Преемственность в построении курса и в расположении практического материала осуществляется с учетом содержания и логики объекта усвоения, а также с учетом закономерностей процесса усвоения учащимися.

Преемственность объективно существует в процессе обучения при реализации основных принципов программы и содержания учебного материала и должна учитываться при разработке любого аспекта методики.

При обучении русскому языку в нерусской школе наряду с принципами учета родного языка и роли и места преемственности в обучении учащихся следует придерживаться и других принципов обучения: принципа доступности, индивидуальности, наглядности, научности, систематичности, единства теории и практики и др.

Доступность обучения, как дидактический принцип, предполагает изучение возрастных возможностей учащихся и строгую дозировку материала как по годам обучения, по разделам курса, так и на каждый урок. Доступность того или иного материала проверяется в эксперименте. Для большей доступности весь материал в программе младших классов расположен ступенчато. Однако не следует понимать доступность обучения как принцип какого-то облегченного обучения: обучение должно проходить на достаточно высоком уровне трудности, с соблюдением меры трудности, в противном случае учащимся будет неинтересно, не сформируется познавательный интерес, не сложатся черты характера, необходимые для преодоления трудностей.

Индивидуальный подход, как принцип обучения, предполагает знание и учет интересов, склонностей, уровня развития, пробелов в знаниях и умениях каждого ученика. На уроке – это внимание учителя к каждому учащемуся, помощь индивидуального характера, вопросы и задания, учитывающие индивидуальные возможности и недочеты в знаниях, индивидуальный подход в смысле учета черт

характера, темперамента учащегося и пр. Вне урока – это привлечение в кружки по интересам, на факультативы, индивидуальная помощь отстающим и т.п.

Наглядность – один из дидактических принципов, применяемых при обучении русскому языку – опирается на чувственное познание и направлена на образование у учащихся представлений и понятий на основе живого восприятия предметов и явлений, в данном случае – явлений языка. «Наглядным» материалом при этом служит в первую очередь сам язык – живая речь, звучащая и написанная, образец русской речи, как правило, художественные произведения, служащие материалом для наблюдений над языком, для анализа упражнений. Поэтому в методике русского языка говорят о «слуховой наглядности», особенно при изучении фонетики, орфоэпии, интонации, орфографии. При усвоении письма, орфографии существенную роль играет зрительная наглядность. Средства обучения, реализующие принцип научности, различаются: по характеру материала – словесный и изобразительный, конкретные языковые единицы и их модели, схемы; по видам восприятия – зрительному, слуховому, зрительно – слуховому; по способам подачи материала – с помощью технической аппаратуры или без нее, в статике или в динамике; по организационным формам работы с ними – фронтальная работа на основе демонстрационных пособий и индивидуальная на основе раздаточного материала.

Согласно принципу научности, учащимся даются только строго проверенные, определенные в современной науке положения; не допускается искажение материала во имя его доступности; вводятся термины, употребляемые в данной науке; усвоение основ науки строится с расчетом на дальнейшее его изучение на более высоком научном уровне.

Единство теории и практики в обучении русскому языку состоит в опоре на живую речь и на письменный текст, а также в применении теоретических знаний в практике письма, чтения, устной речи, в овладении орфографией, орфоэпией, культурой речи. Единство теории и практики обеспечивается системами упражнений, комментированием, построением языковых конструкций – словосочетаний, предложений, текста и пр.

Практическая направленность обучения русскому языку ставит вопрос о правильном соотношении теоретического и практического в обучении, о недопустимости чрезмерного теоретизирования.

Согласно принципу систематичности, все стороны изучаемого предмета предстают перед учащимися в их взаимосвязи, а в процессе преподавания наблюдается преемственность, последовательность и перспективность. Так, систематичность

обучения состоит, в частности, в том, что явления языка изучаются в их семантическом, грамматическом и коммуникативном аспектах; в изучении грамматики используются принцип единства морфологии и синтаксиса; орфография опирается на фонологический и словообразовательный анализ слов. В изучении материала учащиеся идут от простого к сложному, от неполного знания к полному, опираются на систему знаний и умений, усвоенных ранее, усложняя ее, вводя в неё новые структурные единицы. Системное представление учебного материала способствует его лучшему восприятию и запоминанию. При подаче языкового материала необходимо определять степень легкости или трудности данного языкового материала для определенной языковой аудитории. Следует постепенно расширять системно представляемые темы и этим реализовать принцип последовательности от простого к сложному. При отборе языкового материала следует учитывать сложность материала, его коммуникативную значимость, необходимость для формирования речевой компетенции. Грамматический материал необходимо представлять в соответствии с лексическим материалом и текстом. Систематичность обучения наблюдается также в организации работы учащихся. Разработка наилучших, оптимальных систем обучения русскому языку является одной из важнейших задач методики обучения как педагогической науки.

Одно из практических применений систематичности обучения – систематизация знаний: приведение их в систему, установление внутренних связей, зависимостей, что не только углубляет знания, совершенствует их, но и обеспечивает формирование диалектического мышления.

Эффективность учебно-воспитательного процесса невозможна без сопутствующего качественного изменения подхода к процессу обучения. Характер этого подхода отражают следующие инновационные принципы построения процесса обучения, заимствованные из современной прогрессивной педагогики:

1. Принцип обучения, ориентированного на ученика (ученик – ключевая фигура процесса обучения).
2. Принцип активного обучения (дать возможность учащимся испытать радость «первооткрывателя»).
3. Принцип развивающего обучения (возможности ребёнка раскрываются в ходе самостоятельной работы).
4. Принцип «опережающего обучения» (обучение должно отражать тенденции развития общества).
5. Принцип гибкости учебно-воспитательной системы (систематическое обновление содержания программ, учебных планов и т.д.).

6. Принцип сотрудничества (в системе взаимоотношений «учитель – ученик – родитель» все они выступают партнерами в ходе процесса обучения).

7. Принцип группового обучения (организовать работу в малой группе).

Реализация всех этих принципов обучения имеет особо важное значение в процессе обучения русскому языку.

Список литературы:

Лернер И.Я. Дидактические основы методов обучения. М., 1986, с.139

Матюшкин А.М. Психологическая структура, динамика и развитие познавательной активности. Вопросы психологии. 1982, №4, с.6

Щерба Л.В. Избранные работы по русскому языку. М., 1957, 462

Сарапас М.В.
Московский педагогический государственный университет
г. Москва (Россия)

Sarapas Marina
Moscow State Pedagogical University
Moscow (Russia)

ИСТОРИЧЕСКИЙ КОММЕНТАРИЙ ПРИ ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ

HISTORICAL COMMENTARY DURING TEACHING OF RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE

В современном научном дискурсе существуют различные мнения по поводу использования исторического комментария при обучении русскому языку как иностранному. Между тем многие факты современного русского языка трудно объяснить, не обращаясь к истории языка. Исторические справки могут явиться ценным средством создания разного рода проблемных ситуаций. При отборе материала для исторического комментирования главное внимание должно быть уделено его практической направленности, что обеспечивает формирование у иностранных студентов коммуникативной, языковой и культуроведческой компетенции. Одним из наиболее действенных средств, способных вызвать интерес к истории русского языка, является дидактическая игра. При использовании в иноязычной аудитории различных игровых технологий интерес к русскому языку, к его истории возрастает, языковые факты становятся для иностранных студентов более доступными и понятными. В статье представлены дидактические принципы отбора языкового материала для игровых технологий, приводятся примеры лингвистических игр, направленные на отработку трудных для иностранных студентов орфографических, фонетических и грамматических тем, связанных с историей русского языка.

There are various opinions about the use of historical commentary during teaching of Russian as a foreign language in the modern scientific discourse. Meanwhile it is difficult to explain lots of facts of the modern Russian without having recourse to language history. Historical notes can be valued creating tool of different problem situations. The main attention during material take-off for historical commentary should be paid to its practical focus that provides the formation of communicative, linguistic and culturological competence of foreign students. The one of the most efficient mean for arouse an interest to Russian language history is didactic game. Using of various playing technologies in auditory of other languages causes the increasing of interest to Russian language and its history. Linguistic facts become more accessible and understandable. The article presents didactic principles of material take-off for playing technologies, adduces examples of linguistic games oriented to training of difficult for foreign students themes related to Russian language history such as orthography, phonetic, grammar.

Ключевые слова: исторический комментарий, история русского языка, игровые технологии, дидактическая игра, русский язык как иностранный, методика обучения русскому языку как иностранному.

Keywords: historical commentary, Russian language history, playing technologies, didactic game, Russian as a foreign language, teaching methodology of Russian as a foreign language.

В современном научном дискурсе существуют различные мнения по поводу использования исторического комментария при обучении русскому языку как

иностранному. Между тем исторический комментарий необходим для формирования у обучаемых целостного представления о системе языка, о характере исторических процессов в языке, обусловивших его современное состояние.

Цель исторического комментария при обучении русскому языку как родному «интегрировать накопленные знания по истории языка, соотнести их с общим языкознанием и грамотно осмыслить структурно-системные и асистемные, аномальные явления в современном устном и письменном речевом общении» [Глинкина, 2016, с. 25].

Всё вышесказанное бесспорно важно и при обучении русскому языку как иностранному. Но в силу сложности самого материала, требующего основательной теоретической базы и навыков разграничения современных и устаревших лексических единиц, грамматических форм и синтаксических конструкций, исторический комментарий, с одной стороны, труден для освоения иностранными студентами, с другой – крайне необходим, так как без этого «понять особенности современного русского языка нельзя» [Лейчик, Никулина, 2012, с. 28]. Многие факты современного русского языка трудно объяснить, не обращаясь к истории языка. Исторические справки могут явиться ценным средством создания разного рода проблемных ситуаций.

При отборе материала для исторического комментирования главное внимание должно быть уделено его практической направленности, что обеспечивает формирование у иностранных студентов коммуникативной, языковой и культуроведческой компетенции.

Одним из наиболее действенных средств, способных вызвать интерес к истории русского языка, является дидактическая игра. При использовании в иноязычной аудитории различных игровых технологий интерес к русскому языку, к его истории возрастает, языковые факты становятся для иностранных студентов более доступными и понятными. К тому же игры часто становятся «средством формирования культуры выходов из кризисов с помощью рефлексии» [Крючкова Л.С., 2009, с. 70]. Современные учебные пособия уже трудно представить без игровых заданий.

Материал статьи поможет педагогам дать необходимый исторический комментарий языковым фактам современного русского языка, которые трудно объяснить, не обращаясь к истории языка. Исторические справки могут явиться ценным средством создания на занятиях в иноязычной аудитории разного рода проблемных ситуаций.

При изучении раздела «Фонетика и графика» необходимо дать исторические сведения об одной из первых славянских азбук – кириллице, созданной славянскими первоучителями, свв. братьями Кириллом и Мефодием.

Русская азбука прошла долгий путь развития, в результате которого в ней закрепилось 33 буквы, однако первоначально в кириллице, буквенных символов было гораздо больше – 43.

Современному количественному и качественному состоянию русской азбуки способствовал целый ряд реформ. Две фундаментальных реформы – это реформа графики Петра I (1707 – 1710 гг.) и орфографическая реформа 1917 – 1918 гг., а между ними три менее значимые реформы, проведённые Академией наук в 1735, 1738, 1758 гг.

Исторические изменения алфавитно-буквенного состава русской азбуки условно можно разделить на три группы:

- 1) исключение букв, заимствованных из греческого алфавита и с самого начала ненужных для передачи звуков славянской речи, а также букв, ставших ненужными вследствие исторических изменений в фонетике русского языка;
- 2) изменение в значении и применении некоторых букв в соответствии с историческими изменениями в звуковом строе русского языка;
- 3) введение в русскую азбуку недостающих новых букв.

Некоторые буквы русской азбуки изменили своё значение и применение в связи с историческими изменениями в звуковом строе русского языка. Это прежде всего касается букв Ъ и Ь.

Одним из основных фонетических процессов древнерусского языка, перестроившим его звуковую систему и приблизившим её к современному состоянию, был процесс падения, или утраты редуцированных. В древнерусском языке Ъ (ер) обозначал краткий, ослабленный (редуцированный) звук, близкий к [o], а Ь (ерь) – краткий, ослабленный (редуцированный) звук, близкий к [e], например: сънь (сон), днь (день). Но к XIV веку эти буквы окончательно утратили своё звуковое значение в результате падения редуцированных и стали применяться для обозначения твёрдости – мягкости предшествующих согласных. Буква Ъ (ер) была сохранена только как разделительный знак, Ь (ерь) — как разделительный знак и для обозначения мягкости предшествующего согласного.

В конце слова употребление буквы Ъ (ер) было излишним, так как на твёрдость согласного указывало отсутствие буквы Ь (ерь). Однако вплоть до реформы 1917 – 1918 гг. букву Ъ (ер) в конце слова продолжали писать. Эта буква была «самой дорогой

буквой мира» (Л.В. Успенский), так как употреблялась чаще других букв, а на конце слов ещё и без надобности, исключительно только по традиции.

В романе-эпопее Л.Н. Толстого «Война и мир» (издание 1897 года), по подсчётам Л.В. Успенского, буква Ъ встречается 115 тысяч раз.

В результате утраты редуцированных (кратких) гласных звуков Ъ и Ь в русском языке появилось чередование гласных [о] и [э] с нулём звука (так называемые беглые гласные): лоб – лба, день – дня.

Более прочному усвоению данной темы, а также развитию орфографических навыков и ассоциативного мышления способствует проведение различного типа дидактических игр, например, «Третий лишний».

Найдите в каждом ряду «лишнее» слово и объясните свой выбор:

- 1) отец, мох, дом;
- 2) нос, весь, день;
- 3) лев, рожь, небо.

Утрата редуцированных (кратких) гласных Ъ и Ь отразилась не только на письме, но и в произношении. Одним из следствий падения редуцированных гласных Ъ и Ь является оглушение звонких согласных в абсолютном конце слова. В словах, типа *морозь, плодь, лобь* до падения редуцированных звонкий согласный перед гласным Ъ сохранял свою звонкость, после утраты конечного гласного Ъ звонкий согласный в абсолютном конце слова всегда оглушается.

Различным результатам падения редуцированных могут быть посвящены проблемные задания лингвистических игр и квестов, которые могут решаться «методом мозгового штурма».

Ещё один тип исторических изменений алфавитно-буквенного состава русской азбуки – введение недостающих новых букв. Несмотря на фонетическое богатство русской азбуки, в ней всё же отсутствовали буквы для передачи звуков [й] и [jo], [‘o] – Ё, характерных для русской речи. С буквой Й (и краткое) всё понятно и просто: она была введена Академией наук при реформе 1735 года и с тех пор утвердилась в русской азбуке. Иначе обстоит дело с буквой Ё – одной из самых загадочных и многострадальных букв русской письменности. Более 200 лет назад она вошла в русский язык, но, к сожалению, до сих пор в русском письме не закрепились.

Долгое время изобретение буквы Ё приписывали Н.М. Карамзину, и только в конце прошлого столетия стало известно имя истинного создателя этой буквы. Букву Ё предложила ввести в русскую азбуку Екатерина Романовна Дашкова. 18/29 ноября 1783 года президент Петербургской Академии наук обсуждала проект Словаря Академии

Российской, по сути первого толкового словаря в нашей истории, и вдруг, улыбнувшись, предложила уважаемым академикам написать слово «ёлка». Увидев вариант «іолка», спросила, не лучше ли ввести новую букву Ё. Так родилась замечательная буква русской азбуки.

Значение буквы Ё для русской письменности прекрасно осознавали многие наши крупнейшие лингвисты, такие, например, как Лев Владимирович Щерба и Александр Александрович Реформатский. Л.В. Щерба отмечал, что «знаки Ё и Ы надо обязательно считать за особые буквы», а введение обязательного употребления буквы Ё считал «делом первостепенной важности». А.А. Реформатский посвятил этой букве даже особую статью, призывая «юридически её узаконить в списке алфавита». Но до сих пор эту букву часто игнорируют, а ведь она имеет важное смысловозначительное значение, например: все впереди или всё впереди. Многострадальной букве Ё в 2005 году был поставлен памятник в городе Ульяновске, где она красуется на двухметровой треугольной призме из красного гранита весом в три тонны.

После знакомства с историей русской азбуки можно предложить ряд игровых заданий. Например, студентам, поделённым на две команды, предлагается вспомнить и написать на карточках как можно больше пословиц и устойчивых выражений, в которых сохранились старые названия русских букв: от аза до ижицы – знать всё на свете, от начала до конца, от а до я; начинать с азов – с самого начала, с самого простого; сперва аз да буки, а там и науки – сперва выучи алфавит, а потом постигнешь и науки; стоять фертом – стоять подбоченясь, «руки в боки», что похоже на букву Ф (ферт – название этой буквы в кириллице); сам ни аза в глаза, а людей ижицей тычет – человек ничего не знает (даже аза), а других упрекает в незнании чего-то более сложного (конечного); ставить покоем (столы) – поставить столы так, чтобы они образовали букву П; знать (сделать) на ять – очень хорошо, крепко и др. Потом команды меняются карточками и объясняют значения пословиц и устойчивых выражений.

Ещё одно задание: придумайте такие высказывания, которые можно продолжить, и предложите сделать это другой команде. Например:

Заметно изменился количественный состав азбуки:

Изменилось звуковое значение некоторых букв:

Стало иным начертание некоторых букв:

Произошла смена названий следующих букв:

На протяжении почти тысячелетней истории русского письма в русской азбуке произошли такие изменения:

Обращение к истории языка также необходимо при изучении тем «Чередование гласных в корне», «Чередование согласных в корне», «Полногласные и неполногласные сочетания в современном русском языке».

История языка помогает объяснить некоторые явления в современном правописании. Например, известно, что шипящие [ш'], [ж'] и аффрикаты [ч'], [ц'] в древнерусском языке были мягкими согласными. Эта их особенность и сейчас отражается в орфографии современного русского языка: мы пишем *жизнь, шина, рожь, мышь, несешь, цирк*, хотя произносим [ж], [ш] и [ц] твердо. Подобные написания называются историческими или традиционными; иными словами, мы продолжаем писать так, как писали в эпоху мягкости шипящих и [ц']. Шипящие [ж'], [ш'] и аффрикаты [ч'] и [ц'] появились еще в праславянском языке в результате разного рода палатализаций (смягчения) определенных согласных звуков. Звук [ж'] восходит к [г], [з] и [д], звук [ш'] - к согласным [х] и [с], звук [ч'] - к согласным [к], [т] и сочетаниям согласных [гт] и [кт], звук [ц'] - к согласному [к]. Шипящие [ж] и [ш] в древнерусском языке до XIV века были только мягкими, а после XIV века стали только твёрдыми. Аффриката [ц] отвердела только в XVI веке, а [ч'] сохраняет мягкость до сих пор. С происхождением шипящих и аффрикат связаны и чередования согласных в корне, например: рука - ручка, дорога - дорожный, ухо - уши, лик - лицо, носить - ношу, любить - люблю, свет - свеча - освещение, водить - вожу - вождение.

В современной научной этимологии решающим является фонетический, а не семантический критерий; в методике преподавания - семантический. Это означает, что при анализе примеров в игровой форме обучаемый должен в первую очередь увидеть общий признак, лежащий в основе анализируемых слов.

Так, например, рассматривая этимологическое родство представленных слов: *а) соха — сохатый — посох; б) пригожий — негодяй; в) стол — постель; г) еда — яд — яство*, студент должен рассуждать следующим образом: *соха - сохатый - посох* - этимологически родственны, так как слово *соха* исторически значит 'кол, дерево с развилком'; благодаря метафорическому переносу олень назван *сохатым*, так как имеет ветвистые рога; в слове *посох* корень *сох-* употреблен в прямом значении 'кол', а приставка *по-* имеет значение 'похожий на то, что названо корнем' (ср. в другом фонетическом облике *паводок, пасынок, патрубок*).

Стол - постель: этимологически родственные, так как их общая идея связи с глаголом *стелить*. Корни *стол-* и *стел-* связаны историческим чередованием *е/о*, которое обнаруживается в целом ряде слов русского языка: *нести - ноша, везти - воз, плести - плот, велеть - воля* и др. Нетрудно заметить, что гласный *е* употребляется в

глаголах, обозначающих действие, а гласный *о* – в существительных, обозначающих результат этого действия. Таким образом, стол – это результат действия *стелить*, *стлать*.

Полезны также сопоставления русских слов и иноязычных заимствований, восходящих к тому же индоевропейскому корню, например: *nana* – *патриций* – *патриот* – *патрон*; *портик* – *портал* – *паспорт* – *парить* – *переть* и другие.

Сведения о полногласных и неполногласных сочетаниях помогут повысить орфографическую грамотность иностранных учащихся и будут способствовать более точному и тонкому пониманию текстов, особенно произведений русской классической литературы. Полногласные и неполногласные сочетания в корне слова – результат изменения дифтонгических сочетаний **or*, **ol*, **er*, **el* в положении между согласными, которые по-разному проявились в разных группах славянских языков. У восточных славян после согласного появляется гласный, подобный гласному перед плавным сонорным (полногласие), а у южных славян в данных дифтонгических сочетаниях происходит метатеза (гласный и согласный меняются местами) и удлинение гласного (неполногласие). Таким образом, в современном русском языке слова с полногласными сочетаниями *оро*, *оло* (*ело*), *ере* – исконно русские по происхождению (сторона, город, холод, голова, молоко, дерево, берег), а слова с неполногласными сочетаниями *ра*, *ла*, *ре*, *ле* заимствованы из старославянского языка (страна, град, хлад (прохладный), глава, млеко (Млечный путь), древо, брег (прибрежный)).

На закрепление данной темы можно предложить игру «Найди пару». Выпишите однокоренные слова парами. Выделите чередующиеся сочетания звуков. Например, ворота - вратарь.

Огород, страна, платье, согласный (звук), полотно, молоко, голос, младенец, сторона, ограда, молодежь, млекопитающее.

В современном русском языке встречаются однокоренные слова с начальными сочетаниями *ро*, *ло* и *ра*, *ла* перед согласным. Историческое изменение дифтонгических сочетаний **ol*, **or* в начале слова (корня) перед согласным также проходило по-разному у восточных и южных славян. Слова с начальными сочетаниями *ро*, *ло* – исконно русские (восточнославянские) (подросток, рост, ровный, роспись, розыгрыш, лодка, локоть), а слова с начальными сочетаниями *ра*, *ла* заимствованы из старославянского языка (возраст, равенство, расписка, разыграть, ладья).

Оживить занятие и способствовать более глубокому усвоению данной темы может игра «Весёлый мяч». Преподаватель называет слово с начальным сочетанием (корня или приставки) *ра*, *ла* и бросает мяч учащемуся, который должен его поймать и

назвать однокоренное слово с начальным *ро, ло* (корня или приставки). Например: возраст – рост, расчертить – росчерк, ладья – лодка, расписка – роспись, разыграть – розыгрыш, равный – ровный.

Исторического комментирования также требуют реликтовые формы разных частей речи на занятиях по морфологии и при изучении произведений русской классической литературы.

При изучении имени существительного необходимо дать исторический комментарий прежде всего таким грамматическим категориям, как число и падеж.

В современном русском языке имена существительные имеют два числа – единственное и множественное. В древнерусском языке было ещё и двойственное число, которое употреблялось, если речь шла о двух либо парных предметах, например: два сына, два глаза, два рукава. В современном русском языке в сочетаниях существительных мужского рода с числительным два сохраняется старая форма именительного-винительного падежа двойственного числа, но поскольку двойственное число утратилось, эта форма стала осознаваться как форма родительного падежа единственного числа. Древнерусские формы двойственного числа с окончанием *-а* оказали влияние и на другие существительные мужского рода: вместо исконных окончаний именительного падежа множественного числа *-и, -ы* у некоторых существительных стало употребляться окончание *-а (-я)*, например: директора, доктора, номера, паспорта, профессора, учителя, якоря.

Пример задания на данную тему. Определите род существительных, поставьте ударение и объясните, почему мы так говорим: два часа, но нет ни часа времени; два шага, но с первого шага; два ряда, но с пятого ряда?

В древнерусском языке было семь падежных форм, седьмая, звательная, значительно отличалась от других. Особая звательная форма употреблялась только в единственном числе и только у существительных мужского и женского рода в функции обращения, например: боже (от богъ), старче (от старикъ), княже (от князь), отъче (от отць). Эта особая форма рано утратилась (приблизительно в XIV- XV вв.), в качестве обращения в современном русском языке употребляется форма именительного падежа. Иностранцы могут встретить звательную форму в текстах русской классической литературы, а также в разного рода устойчивых сочетаниях.

Исторического комментария требуют отношения полной и краткой формы имён прилагательных, которые были другими в древнерусском языке. Первичной, начальной формой прилагательных была краткая форма, полная форма образовывалась от краткой путём присоединения к ней указательных местоимений *И, Я, Е*. Краткие формы

прилагательных так же, как и полные, изменялись по числам, родам и падежам, поэтому могли выполнять функцию определений. Падежные формы кратких прилагательных в роли определений встречаются в фольклорных произведениях, художественной литературе XVIII – XIX вв., а также в некоторых застывших оборотах, например: *ночь темна, мала земля; не красна изба углами, а красна пирогами; царь Салтан, с женой простяся, на добра коня садяся* (А.С. Пушкин).

Кроме кратких форм имён прилагательных, в фольклоре и художественной литературе XVIII – XIX вв. встречаются еще и искусственно образованные усечённые формы, например: *по белу свету, красна девица; уж тёмна ночь на небеса всходила* (А.С. Пушкин). И краткие, и усечённые формы прилагательных образуются от полных. Отличие их заключается в том, что в полных формах имён прилагательных и образованных от них усечённых формах ударение падает на один и тот же слог, а при образовании кратких форм ударение перемещается на другой слог.

На закрепление данного материала можно предложить студентам игру-соревнование «Эрудит». Группа делится на две команды, первая команда выбирает из предложенных текстов краткие формы прилагательных, вторая – усечённые. Дополнительное задание: определить, из каких произведений эти предложения и кто автор:

На миру и смерть красна. Поля покрыла влажна ночь. Свято место пусто не бывает. Уж темна ночь на небеса всходила. Долго ли, коротко он по белу свету хаживал. К красну солнцу наконец обратился молодец. Царь Салтан, с женой простяся, на добра коня садяся, ей наказывал себя побережь, его любя. Снова князь у моря ходит, с синя моря глаз не сводит. Добра ты, царска грамота, да не про нас ты писана. Не красна изба углами, а красна пирогами. Тогда Александр опрокидывался на спинку стула и уносился мысленно в место злачно, в место покойно, где нет ни бумаг, ни чернил.

В современном русском языке требуют исторического комментария глаголы в форме прошедшего времени. В современном русском языке глаголы настоящего и будущего времени изменяются по лицам и числам, т.е. спрягаются, как и положено глаголам. Почему же глаголы прошедшего времени изменяются по родам? По происхождению это не глаголы, а древние причастия прошедшего времени с суффиксом *-л*. В древнерусском языке было четыре формы прошедшего времени: аорист, имперфект, перфект, плюсквамперфект. Современное прошедшее время образовалось из перфекта, который состоял из двух слов: вспомогательного глагола *быти*, спрягаемого в форме настоящего времени, и причастия прошедшего времени с

суффиксом *-л*, которое изменялось по числам и родам: *(я) емь пришель(а,о), (ты) еси пришель(а,о), (он) естъ пришель(а,о)*.

Первое слово – глагол *быти* – указывало на лицо 1, 2 или 3, а второе – древнее причастие – указывало на число и род. В процессе изменения первое слово (глагол) утратилось, а второе (причастие) осталось. Поэтому современный глагол прошедшего времени не изменяется по лицам, а изменяется по числам и родам, как и все другие причастия. Например, *пришел – пришла – пришло*, как и современные причастия: *пришедший (м. р.) – пришедшая (ж. р.) – пришедшее (ср. р.)*

Предложенный материал позволит, активно развивая лингвистические и общекультурные компетенции, совершенствовать знания иностранных студентов в области русского языка.

Следует отметить, что при обучении русскому языку как иностранному исторический комментарий осуществляется преимущественно комплексно, на материале разного рода аутентичных текстов, в том числе текстов русской классической литературы. Это обеспечивает формирование у иностранных студентов коммуникативной, языковой и культуроведческой компетенции.

Список литературы:

- Алхасов Я.К.* Историко-этимологический комментарий в обучении русскому языку как иностранному / Я.К. Алхасов. Мир русского слова. 2008. №1.
- Глинкина Л.А.* Заметки о лексикализации и грамматикализации в аспекте лингводидактики / Л.А. Глинкина. Вестник Челябинского гос. ун-та. 2016. № 4 (386).
- Крючкова Л.С.* Практическая методика обучения русскому языку как иностранному. Учебное пособие для начинающего преподавателя, для студентов-филологов и лингвистов, специализирующихся по РКИ / Л.С. Крючкова, Н.В. Мощинская. М., 2009.
- Лейчик В.М.* Модернизация обучения русскому языку в иноязычной аудитории / В.М. Лейчик, Е.А. Никулина. Русский язык за рубежом. 2012. № 3.
- Матохина А.В.* Использование игровых образовательных технологий в системе обучения русского как иностранного языка в современном вузе / А.В. Матохина, Н.В. Харламова, О.А. Шабалина, Е.А. Куликов. Открытое образование. Т. 21. № 3. 2017.

Смолина К.П.
Московский педагогический государственный университет
г. Москва (Россия)

Smolina Ksenia
Moscow State Pedagogical University
Moscow (Russia)

ДЕЛОВАЯ И ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ КОММУНИКАЦИЯ – ВАЖНЕЙШИЙ ОБЪЕКТ В ИЗУЧЕНИИ РКИ

BUSINESS AND PROFESSIONAL COMMUNICATION THE MOST IMPORTANT OBJECT IN THE STUDY OF RCTS

В статье ставится вопрос о значении деловой и профессиональной коммуникации в обучении иностранных студентов русскому языку на продвинутом этапе обучения. Но прежде всего, следует показать на конкретных примерах важность в изучении русского языка таких его аспектов, как «общенародная» и «государственная» функция языка, проиллюстрировать стилистическое богатство русского языка.

Вместе с тем обращается особое внимание на изучение иностранными студентами важнейших «компонентов» литературного языка: деловой и профессиональной речи. В статье рассматриваются причины возрастающей роли деловой и профессиональной коммуникации в обучении русскому языку как иностранному.

The article deals with the importance of business and professional communication in teaching RFL (Advanced Level). The aspects of Russian as the "national" and "state" language are discussed. The stylistic richness of the Russian are shown. Special attention is being paid to the study the most important "components" of the literary language: business and professional speech. The article examines the reasons for the growing role of business and professional communication in teaching Russian as a foreign language.

Ключевые слова: деловая коммуникация, профессиональная коммуникация, жанрово-стилистическая коммуникация, грамматико-стилевые особенности.

Keywords: business communication, professional communication, genre and stylistic communication, grammatical and stylistic features.

Быть профессионалом в своей отрасли (в нашем случае в филологии) – мечта любого человека, будь то гражданин Российской Федерации или гражданин любого другого государства.

Но для того, чтобы эта мечта воплотилась в жизнь, нужно иметь хорошую профессиональную подготовку, которая зависит как от экстралингвистических, так и собственно лингвистических факторов.

К собственно лингвистическим факторам относится, прежде всего, хорошее знание русского литературного языка, и его функционально-стилевой дифференциация. Необходимо также иметь представление о языковых нормах и выразительных средствах языка, их использование в различных ситуациях общения и самых разных сферах деятельности, с которыми иностранные учащиеся могут столкнуться как в Москве, так и в других городах России.

Итак, русский язык – это язык русского народа, средство межнационального общения народов России. Конституцией нашей страны русский язык определяется как государственный язык Российской Федерации. В статье 68 читаем:

1. Государственным языком Российской Федерации на всей ее территории является русский язык.

2. Республики вправе устанавливать свои государственные языки. В органах государственной власти, органах местного самоуправления, государственных учреждениях республик они употребляются наряду с государственным языком Российской Федерации.

3. Российская Федерация гарантирует всем ее народам право на сохранение родного языка, создание условий для его изучения и развития. [Конституция Российской Федерации, 2004, с. 16]

Хочется заметить, что русский язык как государственный язык Российской Федерации не умоляет роли родного языка для любого народа, населяющего Россию (см. п. 3 данной статьи).

На занятиях РКИ (на продвинутом этапе изучения) мы должны показать студентам важность таких аспектов изучения русского языка как его общенародную и государственную функцию, показать роль литературного языка: 1) как языка, способного выразить все знания, накопленные человечеством во всех областях его деятельности, из чего вытекает, что литературный язык применим во всех сферах общения; 2) общеобязательность его норм, как образцовых для всех, кто им владеет и пользуется, независимо от социальной, профессиональной и территориальной принадлежности; 3) стилистическое богатство, основанное на наличии своеобразных вариантов для обозначения одних и тех же значений единиц (с дополнительными стилистическими оценками или без них) и средства выражения особых значений, уместных только в определенных речевых ситуациях [Русский язык. Энциклопедия, 1979, с. 268, с. 269].

Особое внимание также следует обратить на изучение иностранными студентами важнейших компонентов литературного языка – языка деловой и профессиональной речи. А на это, как нам кажется, внимания обращается недостаточно.

Почему это важно? Это подсказывается самой жизнью. Международная деятельность становится все более активной, увеличиваются ее масштабы в самых разных областях жизни общества (экономика, торговля, здравоохранение, культура и др.). И потому все больше возрастает роль переписки как одного из самых

распространенных видов деловых связей, а значит, все больше возрастает и необходимость изучения деловой и профессиональной коммуникации.

Какова же эта мотивация? Знать русскую культуру, читать классическую русскую литературу – это было основным мотивом изучения русского языка. Студенты, изучающие русский язык в настоящее время, хорошо понимают, что мотивация его изучения расширяется. Времена меняются. Сейчас век прагматизма. Все, что практически полезно, приносит выгоду – вот истина. Россия успешно интегрируется в мировое экономическое пространство. Происходит активизация деловой жизни. Всему этому способствуют мировые и глобализационные процессы, развитие информационных технологий, электронных средств связи. Это оказало огромное влияние на мышление людей и, в первую очередь, на молодежь. Поэтому мотивацией изучения русского языка сегодня наряду с желанием понимать русскую культуру, читать замечательные художественные произведения появилось желание, а, следовательно, ставится задача – быть профессионально-компетентным специалистом в той области знаний, которую студент выбирает.

Следовательно, роль деловой и профессиональной коммуникации не уменьшается, а все больше возрастает. И это хорошо понимают наши слушатели.

Основная функция языка – коммуникативная. Именно она особенно важна при изучении русского языка как иностранного, но следует иметь в виду и другое: в языке сохраняется накопленный веками социокод поколений, на который будут опираться следующие поколения. Таким образом, язык выполняет важнейшую функцию, отражающую национальное самосознание народа, национальное своеобразие его культуры. И это также важно знать всем тем, кто изучает русский язык как иностранный.

Язык делового общения – это социально значимая разновидность современного русского литературного языка, а точнее его официально-делового стиля. Такой подход к языку делового общения ещё больше мотивирует на его изучение. К этому можно добавить, что деловой язык «социально значим» был еще в глубокой древности.

Учащимся следует показать, что деловой язык – один из самых древних функциональных разновидностей современного русского литературного языка.

Начало становления функционально-делового стиля исследователи относят к X веку, к эпохе Киевской Руси, когда появляются первые тексты договоров между Киевской Русью и Византией. Деловой язык прошел длительный путь своего развития. Для деловой письменности «старшей поры» в истории русского литературного языка характерно было использование местных диалектов русского языка с отдельными

вкраплениями элементов церковнославянского языка. Позднее в силу исторических условий на базе языка ведущего центра (Москвы) развивается общегосударственный деловой язык (в основе лежит язык Московских приказов). Деловой язык Московских приказов был очень близок к живому московскому наречию. Однако деловой язык менялся, по мере изменения жизни в обществе.

Петровская эпоха сформировала новый стиль делового языка, т.к. в это время происходит процесс европеизации во всех сферах жизни русского государства, в том числе и в сфере деловой жизни, а значит и в сфере языка.

Деловой язык «... сыграл огромную роль в становлении национального русского литературного языка. Сложившийся еще в древнерусский период на народной основе именно этот язык является общенациональным, понятным и доступным средством общения». Г.О. Винокур видел в канцелярском языке «первую попытку человека овладеть языковой стихией» [Стилистический энциклопедический словарь, 2006, с. 273]. Иностранцев студентов также как и студентов-носителей русского языка следует ознакомить как с письменной, так и с устной формой делового общения.

Письменная форма делового общения связана с необходимостью документировать ту или иную информацию; с умением структурировать определенные виды документов, придавая им правовую значимость. Письменная форма делового общения – это основная форма функционирования официально-делового стиля.

На практических занятиях учащиеся знакомятся с элементами структуры официально-делового письма, которые являются обязательными; с видами писем, с этикетными формами официального письменного обращения, получают задания, связанные с написанием разных форм деловых официальных писем.

На занятиях следует также ознакомить учащихся и с новыми явлениями официально-делового стиля (электронные документы, электронная переписка, официальные интернет-сайты органов управления, государственных коммерческих организаций).

В устной форме делового общения следует обратить самое серьезное внимание учащихся на умение правильно строить речевое общение в беседе, дискуссии, переговорах и других видах устного речевого общения.

Нормы употребления русского языка как в письменном, так и в устном деловом общении – важнейший компонент речевой культуры. Кроме речевой культуры необходимо овладеть культурой общения и тактикой общения (или коммуникативной культурой). В работе «Устная речь в деловом общении» авторы совершенно справедливо замечают, что «культура общения (коммуникативная культура) становится

лично и общественно значима» и «рассматривается как важнейшая составляющая самоутверждения в деловой и профессиональной карьере» [Зарецкая, 2009, с. 13, с. 150].

Итак, взаимосвязь правильно выбранной мотивации при обучении русскому языку как языку деловой и профессиональной коммуникации с многоаспектным изучением его устной и письменной формы речи поможет хорошо подготовить профессионально компетентного специалиста в любой сфере деятельности, что является главной задачей нашего образования.

Список литературы:

Власова Т.И., Данилова М.М., Шарухин А.П., Профессиональное и деловое общение в сфере туризма, М.: Издательский центр «Академия», 2005. 256 с.

Зарецкая И.И., Бруссер А.М., Оссовская М.П., Устная речь в деловом общении, М.: Высшее педагогическое образование, 2009. 224 с.

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю., Толковый словарь русского языка, М.: АЗЪ, 1996. 928 с.

Стилистический энциклопедический словарь русского языка / гл. ред. Кожина М.Н., М.: Издательство «Флинта», издательство «Наука», 2006. 696 с.

Русский язык. Энциклопедия, М.: Издательство «Дрофа», 1979. 721 с.

Конституция Российской Федерации, М.: «Издательский дом А. Громова», 2004. 31 с.

Сюань Чжиинь
Северо-восточный педагогический университет
г. Чанчунь (КНР)

Xuan Zhiyin
Northeast Normal University of PRC
Changchun (China)

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ПЕРЕВОДА И ТЕСТИРОВАНИЕ В СИСТЕМЕ ПОДГОТОВКИ СПЕЦИАЛИСТОВ МЕЖЪЯЗЫКОВОЙ КОММУНИКАЦИИ КНР

METHODS OF TEACHER TRANSLATION AND THE TESTS IN TGE SYSTEM OF TRAINING SPEACIALISTS OF INTER-LANGUAGE COMMUNICATION IN CHINA

В данной статье рассмотрены процесс обучения и методика преподавания перевода в аудитории китайских вузов, а также программа Всекитайского тестирования по русскому языку 8-го уровня для студентов-филологов. Кроме того, с помощью аналитического программного обеспечения SPSS (Statistical Product and Service Solutions) в данной статье анализируются результаты государственного тестирования по русскому языку 8-го уровня 2017 года в разных, но типичных вузах Китая, с целью выявления достоинств и недостатков методики преподавания перевода, а также чтобы сделать обоснованные предложения для дальнейшего усовершенствования методики преподавания русского языка, и подготовить самых лучших специалистов по межкультурной коммуникации.

This article describes the teaching method and the outline of translation in test level 8 of China. Test is the detection of the teaching effect, and it more should be the positive backwash to the teaching. Based on the internationally recognized SPSS software, data analysis of Level 8 test results of Russian Majors in 2017 can help us find out the shortcomings of Russian Majors in higher education stage more scientifically and effectively, and put forward useful suggestions for teaching.

Ключевые слова: преподавание перевода, Всекитайское тестирование по русскому языку 8-го уровня, статистический анализ, предложение по методике преподавания русского языка

Keywords: teaching translation, Test of Russian level 8, statistical analysis, suggestions for teaching translation

Перевод является важной частью преподавания русского языка в системе подготовки специалистов межъязыковой коммуникации КНР. И эффективность такого преподавания проявляется в результатах Всекитайского тестирования по русскому языку 8-го уровня. С помощью аналитического программного обеспечения SPSS (Statistical Product and Service Solutions) мы можем проанализировать и выявить достоинства и недостатки методики преподавания русского языка и на основе полученных данных сделать вывод относительно дальнейшего усовершенствования методики преподавания русского языка, «так как без системного контроля процесс обучения не может быть эффективным. Контроль все более выступает не только как

средство управления образовательным процессом, но и как средство развития обучающихся и образовательных систем» [1, с.15].

I. Программа Всекитайского тестирования по русскому языку 8-го уровня

Всекитайское тестирование по русскому языку 8-го уровня (в дальнейшем сокращенно именуемое как Тестирование 8-го уровня) впервые было проведено в 1999 году. С 2003 года это тестирование вышло на новый уровень, его проводят каждый год, экзаменационные работы проверяют сконцентрировано: в одном месте, единым составом, состоящим из преподавателей выбранных вузов Китая. Студентам, получившим удовлетворительную оценку, Комитетом вузовского преподавания и тестирования по специальности иностранные языки выдается Сертификат.

В связи с изменениями во втором издании «Учебной программы для обучающихся по специальности русский язык», изданной в 2012 году, в 2013 году также изменилась программа, форма и содержание Тестирования 8-го уровня.

§1.1 Цель тестирования

Согласно Программе тестирования 8-ого уровня цель данного тестирования состоит в том, чтобы «проверить уровень овладения разными языковыми знаниями и речевыми навыками, узнать положение выполнения учебной программы, содействовать реформе преподавания, и повысить уровень преподавания». [3, с. 4]

§ 1.2 Содержание Тестирования 8-го уровня по переводу

Тест делится на 6 частей: говорение, аудирование, комплексные знания¹⁹⁴, чтение, перевод и письмо.

Перевод состоит из двух частей: перевод с русского на китайский и перевод с китайского на русский.

В задании «Перевод с русского на китайский» требуется переводить художественную литературу, публицистику, научные материалы или деловые тексты о внешней политике и торговле. Средняя скорость - 250-300 слов в час. Количество слов приблизительно 100.

В задании «Перевод с китайского на русский» требуется переводить тексты о политике, экономике, культуре, повседневной жизни нашей страны и т. д. Средняя скорость - 150-200 слов в час. Количество слов приблизительно 100. [3, с. 11]

II. Статистический анализ успеваемости Тестирования 8-го уровня 2017 года

¹⁹⁴ В этой части теста включаются задания по грамматике, лексике, стилистике, литературе, страноведению.

Как уже было сказано ранее, Тестирование 8-го уровня нового формата существует с 2013 года и в таком виде проводилось уже 5 раз. Следовательно, тестирование 2017 года по сравнению с 2013, 2014 годами является более продуманным, стандартизированным по формату, трудности экзамена и типу заданий. С помощью общепринятого в мире Аналитического программного обеспечения SPSS (Statistical Product and Service Solutions) мы пытаемся определить надежность, валидность, коррелятивность разных тем и заданий в тестировании 2017 года. Результат такого анализа помогает нам выявить недостатки в преподавании перевода, способствует реформе преподавания, повышает уровень дальнейшего развития методики преподавания. Анализ сделан на основе результатов теста 228 студентов из 4 вузов провинции Цзилинь. Выборка и анализ тестовых работ представлена экзаменационными работами студентов различных вузов - это и многопрофильный, и педагогический, и политехнический, и специализированный вуз иностранных языков; с другой стороны – это государственный, и провинциальный, и частный вузы. При такой выборке нам кажется возможным полагать, что данные успеваемости студентов таких вузов могут служить показателем средней успеваемости студентов по всему Китаю.

А. Анализ надежности

Надежность - один из критериев качества теста, его устойчивость по отношению к погрешностям измерения. Анализ надежности помогает проанализировать результаты тестирования с точки зрения адекватности уровня владения студентами русским языком.

Обычно коэффициент надежности (Коэффициент альфа Кронбаха / Cronbach's alpha) изменяется с 0 по 1. Чем он выше, тем выше внутренняя согласованность, тем надежнее и достовернее результаты тестирования. Результаты анализа надежности Тестирования 8-го уровня 2017 года приведены в таблице 1.

Таблица 1

Название категории анализа	Письмо	Устная речь	Аудирование	Перевод	Комплексные знания	Чтение	Итоговая успеваемость
Величина надежности и	.770	.803	.789	.769	.786	.766	.948
0,814							

Из таблицы видно, что степень надёжности тестирования 2017 года в общем хорошая - 0,814. Коэффициент надёжности теста по переводу достигает 0,769, что тоже достаточно. Значит результаты тестирования этого года надёжные. Опираясь на них, можно делать дальнейшие анализы.

Б. Анализ валидности

Валидность — это комплексная характеристика, включающая, с одной стороны, сведения о том, пригодна ли методика для измерения того, для чего она была создана, а с другой стороны, какова ее действенность, эффективность, практическая полезность. При оценке валидности Тестирования 8-го уровня нужно определить, в какой степени экзаменационные билеты удовлетворяют цели тестирования, точности и значительности результатов тестирования. В частности, нужно измерить внутреннюю валидность, которая состоит из двух частей: содержательной и структурной.

§1.1 Содержательная валидность

Для измерения содержательной валидности пока нет формулы или программного обеспечения, поэтому мы пытаемся определить ее по требованиям, представленным в «Учебной программе по специальности русский язык» и «Программе тестирования по специальности русский язык».

В тестировании 2017 года в части перевода в первом задании требуется перевести цитату из публицистики о воспитании детей с русского на китайский язык. Новых слов в тексте почти нет, лишь одно слово «привязываться» выходит за рамки Учебной программы, но корень слова «-вяз-» студентам знаком, и они легко могут догадаться о значении этого глагола. Таким образом, и стиль, и содержание данного текста соответствуют требованиям Учебной программы. Во втором задании требуется перевести с китайского на русский текст о китайской медицине. В тексте встречается название 世界卫生组织 (Всемирная организация здравоохранения), которое, вероятно, вызывает у студентов, не знакомых с данным названием, определенные затруднения при переводе. Таким образом, содержательная валидность Тестирования 8-го уровня 2017 года по переводу высокая.

§1.2 Структурная валидность

Измерение структурной валидности проводится факторным анализом, т. е. статистическим способом разделить переменные в категории, количество переменных уменьшается и переменные превращаются в несколько факторов, которые показывают информацию изначальных переменных.

С помощью программного обеспечения SPSS мы получили следующие результаты:

Первый факторный анализ: КМО и Бартлет (Bartlett's test) - 0,92. Значит, факторный анализ очень подходит к данным тестирования 2017 года.

Второй факторный анализ: относительная дисперсия простых факторов (common factor variance) - степень совпадения / общности переменных. Результат анализа приведен ниже в таблице 2.

Таблица 2

Категории	Письмо	Устная речь	Аудирование	Перевод	Комплексные знания	Чтение
относительная дисперсия простых факторов	.825	.748	.865	.854	.809	.860

Из таблицы видно, что почти все результаты выше 0,8, включая ПЕРЕВОД, т.е. факторы, которые извлечены из переменных имеют высокую экспланаторность.

Таким образом, можно считать, что данным тестирования 2017 года также присуща высокая структурная валидность.

III. Анализ корреляционный

Корреляционный анализ — это метод обработки статистических данных, заключающийся в изучении коэффициентов корреляции между переменными, с целью проверки гипотезы о статистической значимости двух и более переменных, если исследователь их может измерять, но не изменять.

Если речь идет о тестировании 8-го уровня, то цель проведения такого анализа состоит в том, чтобы уточнить статистическую значимость отдельных объектов (например, перевод, чтение и т. д.) или значимость отдельных объектов со значимостью итоговой успеваемости. Направление изменения и степень тесноты корреляционной зависимости переменных измеряется коэффициентом Пирсона (γ). Результаты измерения Тестирования 2017 года показаны в таблице 3:

Таблица 3

	Письмо	Аудирование	Перевод	Комплексные знания	Чтение	Итоговая успеваемость
Устная речь	.809**	.748**	.740**	.688**	.747**	.851**
Письмо		.800**	.807**	.736**	.806**	.913**
Аудирование			.830**	.859**	.830**	.922**
Перевод				.805**	.854**	.930**
Комплексные знания					.815**	.895**
Чтение						.936**

Из таблицы следует, что все коэффициенты (γ) выше 0,8, значит, успеваемость всех 6 объектов тесно связана с итоговой успеваемостью. Среди них перевод занимает 2-ое место, $\gamma = 0,930$. Таким образом, студенты, которые лучше выполнили часть «Перевод» на Тестировании 2017 года, получили больше баллов.

Перевод является способом проверки способности к образованию и восприятию речевых форм. Чем развитее такая способность, тем выше успеваемость на экзамене.

Одним словом, результаты статистического анализа доказывают, что задания тестирования 2017 года в основном объективны и позволяют проверить степень овладения учащимися русским языком. И на основе данного результата можно сделать дальнейшие выводы относительно преподавания перевода.

III. Проблемы в преподавании перевода и предложения для преподавания

Американский психолог Саул Розенцвейг в 1950 г. разделил методы психодиагностики на три группы: субъективные, объективные и проективные. [2, с.61] Тестирование по переводу представляет собой субъективный и синтетический тест, который требует от сдающих экзамен высокого уровня овладения родным и целевым языками.

Прежде всего приложим таблицу 4, в которой показана средняя успеваемость и частота баллов учащихся, сдававших экзамен, чтобы иметь представление о результатах Тестирования 2017 года.

Таблица 4

	Письмо	Устная речь	Аудирование	Перевод	Комплексные знания	Чтение	Итоговая успеваемость
Средняя успеваемость	12.36	6.12	8.47	11,75	8,83	12,43	59.99
Максимальный балл	20	10	15	20	15 (9+6)	20	100
Частота баллов (%)	61.8	61.2	56.47	58.75	58.87	62.15	59.99

Из таблицы видно, что частота баллов по итоговой успеваемости составляет 59,99%, по переводу еще ниже: только 58,75%. Далеко не все студенты сдали экзамен. Следовательно, существуют какие-то проблемы в преподавании перевода.

§1. 1 Методика преподавания перевода на продвинутых курсах

Преподавание начинается с включения дисциплин в учебный план. В таблице 5 приложены дисциплины, введенные для обучения переводу (в том числе и вспомогательные дисциплины) в ведущих вузах Китая.

Таблица 5

Название ун-та / Название дисциплины	Пекинский ун-т иностран. я.		Хэйлунцзянский ун-т		Северо- восточный педагогический ун-т	
	Номер семестра	Кол-во учебных часов	Номер семестра	Кол-во учебных часов	Номер семестра	Кол-во учебных часов
География России	2	2				
История России	3	2				
Страноведение России			2, 3	2	3, 4	2+2
Культура России	4	2	5	2		
Современная Россия	5	2				
Общество России					5	2
Чтение по культуре России	7	2				
Дипломатия между КНР и Россией	6	2				
Итого кол-во уч. ч.	12		6		6	
Письменный перевод с р. на к.	5	2				
Письменный перевод с к. на р.	6	2				
Устный перевод	7, 8	2+2	8	2		
Теория и практика по переводу с р. на к.			6	2	6	2
Торговый перевод					7	2
Научно-технический перевод			7	2		
Новости и обозрение	7	2			7	2
Итого кол-во уч. ч.	10		6		6	
Общий итог	22		12		12	

Данные в таблице привлекают наше внимание к тому факту, что во всех университетах уделяется большое внимание формированию системы знаний о России.

Кроме того, в Пекинском университете иностранных языков количества учебных часов по переводу и страноведению или культуре гораздо больше, чем в других вузах. Можно предположить, что при таком интенсивном обучении результаты тестирования по переводу у студентов такого университета будут обязательно выше, чем у студентов других вузов. Еще один факт, на который стоит обратить внимание, это малое количество дисциплин, связанных с китайской культурой.

К тому же в процессе преподавания вышеупомянутых дисциплин и дисциплин других основных практических курсов принято отдавать предпочтение русскому языку. Конечно, это помогает обучающимся научиться думать и говорить по-русски более точно и связно, но в то же время появляются пробелы в знаниях относительно китайской культуры и самого китайского языка, что в конечном итоге приводит к снижению качества перевода.

§1.2 Предложения по улучшению методики преподавания

Исходя из актуального положения преподавания перевода в китайских вузах, мы предлагаем следующее:

Во-первых, надо составить сбалансированный учебный план: увеличить количество учебных часов на дисциплины по переводу, культуре России и Китая для того, чтобы обучающиеся глубже и шире узнали культуру двух стран, лучше говорили по-русски и по-китайски, легче создавали русский и китайский дискурс, лучше овладевали навыками перевода, свободнее переходили с одного языка на другой.

Во-вторых, в процессе обучения другим дисциплинам, включая и практические курсы, и теоретические курсы, нельзя игнорировать китайский язык. Он не только не мешает, но зачастую помогает воспринимать русскую речь, и заодно помогает закреплять навыки перевода. Надо понимать, что на занятиях использование только русской речи в некоторой степени ослабляет способность к говорению по-китайски, что также является одним из факторов плохого результата в Тестировании по переводу.

В-третьих, все представленные дисциплины находятся в неразделимом единстве, при обучении каждой из них развиваются не только один или два навыка, потому как в процессе обучения аудирование, говорение, чтение, письмо, перевод интегрируются друг с другом. Когда мы говорим, читаем, мы и слушаем. Когда пишем, работает наша внутренняя речь: мы и говорим, и слушаем. Когда мы читаем на иностранном языке, наша внутренняя речь переводит его на родной. И так, надо вести занятия всех дисциплин с общей целью: тренировать все 5 навыков, соблюдая пропорции и способы обучения в рамках отдельно взятой дисциплины. Таким

способом у обучающихся будет развиваться восприимчивость к языку, и даже выразительность на двух языках.

В заключении стоит отметить, что тестирование и обучение взаимодополняющие понятия. Они взаимозависимы и взаимообусловлены. Обучение осуществляется не только с целью проведения тестирования, но тестирование помогает «выявить достоинства и недостатки новых методов обучения, установить взаимосвязь между планируемыми, реализуемыми и достигнутыми уровнями образования ... дать руководителю учебного заведения объективную информацию для принятия управленческих решений и выполнить ряд других не менее важных задач». [5, с. 12]

Список литературы:

Ефремова Н. Ф. Тестовый контроль в образовании. М.: Университетская книга, Логос, 2007. 263 с.

Проективная психология / Под ред. Р. Римской, И. Кириллова. М. Апрель-Пресс; ЭКСМО-Пресс, 2000. 519с.

Тестирование по русскому языку 8-ого уровня для учащихся-филологов вузов. Программа. Официальные тесты. Тренировочные тесты. / Под ред. Ши Тиецян. Пекин: Изд-во "Преподавание и исследование иностранных языков", 2014. 250 с.

Учебная программа для обучающихся по специальности русского языка/ Под ред. Всекитайского руководящего комитета по обучению специальным иностранным языкам в вузах. Пекин: Изд-во "Преподавание и исследование иностранных языков", 2012. 380 с.

Чельшикова, М. Б. Теория и практика конструирования педагогических тестов. М.: Логос, 2002. 432 с.

Торсуков Е.Г.
МГУ имени М.В. Ломоносова
г. Москва (Россия)

Torsukov Yevgeniy
Lomonosov Moscow State University
Moscow (Russia)

ФОРМЫ СУГГЕСТИИ В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

FORMS OF SUGGESTION IN FOREIGN LANGUAGE TEACHING

В основу обучения и воспитания студентов положены достижения педагогической науки и новых информационных технологий. Основная цель учебного процесса заключается в том, чтобы, используя передовые методики обучения отечественных и зарубежных филологических и лингвистических школ, дать студентам максимум знаний теории перевода, привить устойчивые умения и навыки письменного, устного и синхронного переводов, необходимых в профессиональной деятельности специалиста. Главным направлением обучения в ходе достижения данной цели является использование психолингвистических способностей студентов, которые должны действовать в созданных языковых ситуациях, приближенных к объективной реальности. Для этого применяются новейшие дидактические материалы и совершенные медийные средства обучения. В качестве медийных средств обучения используются ситуационные классы, в которых оборудование позволяет создать языковые ситуации, где обучаемый смог бы самостоятельно использовать накопленные знания и умения для достижения цели, поставленной преподавателем. В статье рассматривается системно–ситуативное обучение с использованием суггестии, как одного из методов повышения эффективности обучения.

Teaching and education of students are founded on the achievements of the pedagogical sciences and new information technologies. The main goal of the educational process is to use the advanced methods of teaching which were generated by domestic and foreign philological and linguistic schools, to provide students with the maximum level of knowledge of the translation theory, to create sustainable abilities and obtain skills of written, oral and simultaneous translations which are required in the professional life of a specialist. The main direction of education is the use of psycholinguistic abilities of students which must act in established language situations that are close to objective reality. Therefore, the latest didactic materials and media training facilities are utilized. Situational classes are used as media training facilities in which the equipment makes it possible to create different language situations where the student could use the accumulated knowledge and skills to achieve the goal which was set by the teacher. The article focuses on the system–situated teaching with the use of suggestion as one of the methods to increase teaching efficiency.

Ключевые слова: педагогическая психология, системно–ситуативное обучение, внушение, суггестопедия, суггестология, речевое воздействие, тестирования, психокоррекция, игры–релаксации.

Keywords: pedagogical psychology, system–situated teaching, suggestion, suggesthepedy, suggestology, linguistic manipulation, testing, psychocorrection, relaxation games.

Под системно–ситуативным обучением следует понимать создание языковых ситуаций в сложившейся системе обучения в соответствии с программой и тематическим планом изучаемой дисциплины. Речь идет об интенсификации учебного процесса с максимальным напряжением возможностей обучающихся. Применение

суггестии требует высокого профессионализма профессорско-преподавательского состава и инженерно-технического персонала. Системно ситуативное обучение с использованием суггестии позволяет применять компьютерную технику, интерактивные ЖК-экраны с предложенными заданиями для организации медийного диалога в рамках данного урока. Соединение персональных компьютеров в ситуационном классе со спутниковым телевидением и системой Интернет позволяет обучаемым присоединиться к трансграничным информационным сетям. С помощью этого преподаватель и студент получают полную и достоверную информацию любого вида и назначения на иностранном языке любого государства. Это важно как при изучении страноведения, а также для развития навыков перевода по практическому курсу и практикуму речевой культуры. Такое обучение позволяет создать широкую информационную базу по различным темам изучаемых дисциплин, обеспечивает фактическое удовлетворение любых потребностей преподавателя в информационных продуктах. В системно-ситуационном обучении с использованием суггестии важную роль играет педагогическая психология, рассматривающая психологические вопросы управления процессом обучения, формирования познавательных процессов (прежде всего теоретического мышления). В современных условиях ученые все большее внимание в педагогической психологии уделяют суггестопедии и суггестологии (Г. К. Лозанов), методу активизации резервных возможностей личности (Г. А. Китайгородская), группового сплочения, групповой динамике в процессе такого обучения (А. В. Петровский, Л. А. Карпенко).

Под суггестивным воздействием понимают внушение. Просто слово «суггестия» (от латинского «suggestion» - намек, совет, предложение) используют в научных работах практические психологи, а внушение более общеизвестный ее эквивалент.

В настоящее время у педагогов появилась возможность проникать в подсознание человека с помощью специальных технических разработок. Возможности, которые могут открыться перед психологами в случае внедрения и практического использования современных психотехнологий, могут оказаться на порядок выше ныне существующих. Цель данной работы проанализировать возможности и направления использования различных форм суггестии в процессе обучения.

В 1908 г. вышла первая в России книга о внушении. Ее написал замечательный русский ученый В.М.Бехтерев. Он понимал внушение как «искусственное прививание путем слова или другим каким-либо способом различных психических явлений, например, настроения, внешнего впечатления, идеи или действия другому лицу при отвлечении его волевого внимания и сосредоточения ». Бехтерев писал: «внушение

есть один из способов воздействия одних людей на других, которое производится намеренно и ненамеренно со стороны воздействующего лица и которое может происходить или незаметно для внушаемого лица или даже с его ведома».

В отличие от убеждения, где требуется критическое осмысление предъявленных аргументов, внушение означает некритическое восприятие и усвоение информации, что особенно важно при воздействии на обучаемых. При внушении сначала происходит восприятие информации, содержащей готовые выводы, а затем на ее основе формируются мотивы и установки определенного поведения. В процессе внушения интеллектуальная (аналитико-синтезирующая) активность сознания либо отсутствует, либо она ослаблена, а восприятие информации, настроений, чувств, шаблонов поведения базируется на механизмах заражения и подражания¹⁹⁵.

Некритичному восприятию информации способствует, прежде всего, рост ее объема и дефицит времени для осмысления полученной информации. Это приводит к возникновению «клипового» сознания – то есть восприятие готовых оценок того или иного явления действительности, внедряемых в индивидуальное и общественное сознание. Такая тенденция в большей степени наблюдается у молодого поколения, у которого отсутствует готовность проверить увиденное, услышанное, прочитанное.

Применение суггестии в педагогической практике появилось впервые в Болгарии в 1966 г. Началом развития послужила разработанная Г. Лозановым суггестопедическая система в области интенсификации обучения иностранным языкам.

Технология суггестивного обучения Лозанова строится на следующих пяти принципах:

- 1) никакой зубрежки;
- 2) учебный процесс без утомления;
- 3) в основе обучения лежит интерес, мотивация;
- 4) обучать укрупненными единицами (блоками);
- 5) возможно комплексно решать задачу.

Эксперименты Лозанова показали, что каждый способен запомнить в десятки, чуть ли не в сотни раз больше: за один час почти столько, сколько обычно за год. Известно, например, что средний ученик на уроке иностранного языка запоминает примерно 10 незнакомых ему слов. Да и они довольно быстро забываются, и за год в активе остается лишь сотня-полторы новых слов. У Лозанова за один урок ученик может выучить до 200 слов. Лозановская технология обучения основывается на

¹⁹⁵ Андреев В.А. Современные суггестивные методы психологического воздействия и их возможное использование в психологических операциях.

использовании двух закономерностей человеческой памяти. Первая: запоминается все, что попадает в человеческое сознание: люди, слова, события, но в активном состоянии остается только то, что важно человеку, интересно или нужно, что его волнует и связано с какими-то переживаниями; вторая закономерность связана со своеобразным механизмом, напоминающим ворота: интересно - ворота приоткрыты, очень интересно - ворота широко распахнуты, неинтересно - закрыты.

Сила лозановского обучения в том, что за 10 суток можно добиться колоссальных результатов, но слабость в том, что знания, быстро приходящие, быстро и улетучиваются, если не находят постоянного применения. Это подтвердилось как в Болгарии, так и в России. Американцы тоже взяли принципы лозановской технологии на вооружение, апробируя их как на обучении естественным дисциплинам, так и иностранным языкам. Польза в изучении иностранных языков на основе лозановской технологии обучения: преодолен страх общения, который в основном присущ всем, изучающим иностранный язык обычными способами. Система Лозанова использует возбуждение 1-й сигнальной системы, эмоциональный фактор на фоне общей релаксации обучаемого. Эта система требует значительных усилий со стороны преподавателя, максимальной мобилизации его интеллектуальных и эмоциональных ресурсов и определенных актерских способностей обучающего. Кроме того, необходимы специально оборудованные учебные помещения (мягкие кресла, поставленные кругом, уютная обстановка, музыка и т.п.). Все это, видимо, не позволило широко внедриться лозановской технологии в учебные заведения. Однако интенсивные курсы обучения иностранным языкам проводятся на основе лозановской технологии¹⁹⁶.

Разрабатываемые методы интенсивного обучения базируются на взаимодействии осознаваемых и неосознаваемых компонентов психики в процессе усвоения и переработки информации.

Суггестология - одно из научных направлений, теоретические и экспериментальные положения которой формируют суггестивную часть суггестивной педагогики. С каждым годом увеличивается накопленный практический и теоретический объем знаний и исследований в этой области. Основы суггестопедии также заложены в трудах В.Н. Мясищева, Д.Н. Узнадзе и Б.Д. Парыгина. Эффективность и практическая значимость суггестивной технологии с успехом используется за рубежом: в Германии, Канаде, Италии, США и СНГ.

¹⁹⁶ https://studwood.ru/1065295/pedagogika/suggestivnoe_obuchenie

Для исследователей принципиально важным остается тот аспект проблемы, который касается рассмотрения суггестии как специального, произвольного воздействия. Именно в этом качестве суггестия впервые себя обнаруживает для научного понимания, когда речь идет о сознательном использовании внушающего воздействия в обучении¹⁹⁷.

По мнению автора, формы суггестии, как совокупность приемов и средств в обучении могут быть различными. Они включают: речевое воздействие; акустическое воздействие путем неосознанного внушения при прослушивании музыки, песен, радиотрансляций, фонограмм и т.п.; аудиовизуальное воздействие путем неосознанного внушения при работе обучаемого на компьютере при просмотре телепередач; психотехнические игры.

Наиболее распространенной и значительной формой суггестии является речевое воздействие, которое осуществляется практически в ходе всех занятий.

Б.Ф. Поршнев прямо называет исходным свойством человеческой речи выполняемую словом суггестию. Исследования И.Ю. Черепановой, Е.В. Кузнецовой, Н. Петрова показывают, что человеческая речь обладает суггестивным воздействием, которое определяется как формой речи в целом, так и отдельными ее элементами.

Внушаемость усиливают также такие ситуативные факторы, как телесное расслабление, сонливость, утомление (общее, органов чувств, мышления), сильная боль, сильное эмоциональное возбуждение, озабоченность, ощущение безысходности положения, скука, симпатия к субъекту, слабая воля, низкая критичность мышления, слабые монотонные раздражители, некомпетентность в обсуждаемом вопросе или выполняемом виде деятельности, малая степень значимости для людей, отсутствие опыта действий в сложной или незнакомой обстановке, дефицит времени для принятия решения, неожиданность внушения и др.

По мнению профессора, доктора филологических наук О.С. Иссерс «речевое воздействие предполагает, что его субъект регулирует деятельность другого человека, в определенной мере свободного в выборе своих действий и поступающего в соответствии со своими потребностями»¹⁹⁸. В контексте нашей статьи, это следует понимать, как воздействие педагога на студента с помощью лингвистических, паралингвистических и символических средств в процессе речевого общения, с целью изменения личностного восприятия учебного материала, перестройку категориальных

¹⁹⁷ И. В.Юрова. Условия и функции конструктивного использования суггестии в образовании. Журнальный клуб Интелрос » Credo New » №2, 2007

¹⁹⁸ Иссерс О.С. Речевое воздействие: учебное пособие. М. Флинта: Наука. 2013. С. 23.

структур, его сознания, изменения поведения и психического состояния. Достижение этой цели предполагает решение преподавателем ряда задач: преодоление защитного барьера студента (негативного отношения к материалу, личности преподавателя), «навязывание» ему тех или иных образов мыслей (способствующих положительному восприятию материала, личности преподавателя), эмоций и установок (эмоционально-установочное внушение). Речевое воздействие может изменить смысловые структуры оценок и поведенческие модели студента.

Петрусинский В.В. говорит о том, что «управлять состоянием можно с помощью суггестивных речевых сигналов» даже на расстоянии при дистанционном обучении.

Внушение достигается языковыми средствами — словами, и невербальными — интонацией, мимикой, жестами, действиями, внешней обстановкой.

Можно выделить три уровня суггестивного воздействия в речи: 1) содержательно-композиционный, 2) коммуникативно-стратегический и уровень лингвистических средств.

Содержательно-композиционный:

Включение в речь «реалий» повседневной жизни, которые позволяют преподавателю сформировать у студента, необходимое ему эмоциональное состояние и привести к мысли о необходимости совершить то или иное действие.

Коммуникативно-стратегический:

Тактика, целью которой является подстройка к состоянию студента: преподаватель фиксирует эмоциональное состояние обучаемого и использует коммуникативную тактику эмоционального присоединения (номинализация; пассивизация).

Грамматический:

Использование грамматических форм с целью вызова отрицательных (положительных) эмоций у студентов (суффиксов преуменьшающих или преувеличивающих те или иные качества создаваемого образа; использование имен собственных в качестве нарицательных; использование междометий для усиления эмоциональности и т.п.).

Акустическое воздействие путем неосознанного внушения при прослушивании музыки, песен, фонограмм предполагает камуфлирование речевого сообщения. Например, введение новой лексики в ходе занятий по страноведению с помощью песен (рождественские, пасхальные и другие песни по теме «Нравы и обычаи страны изучаемого языка»). Под специальную расслабляющую музыку преподаватель

произносит текст, одновременно и успокаивающий, и активизирующий. То есть, суггестивное воздействие может быть одновременно тормозным и тонизирующим. Это позволяет на неосознаваемом уровне вводить информацию в подсознание студента, модифицируя притом память и, как следствие, увеличивать объем лексики. Причем суггестивное воздействие может оказываться на студента в процессе восприятия любой акустической информации.

Аудиовизуальное воздействие путем неосознанного внушения при работе обучаемого на компьютере, при просмотре телепередач. Посредством телесигнала телевидение кодирует психику индивида. Основано такое кодирование на законах психики, согласно которым любая информация сначала поступает в подсознание, и уже оттуда оказывает воздействие на сознание. Таким образом, посредством телетрансляции становится возможным моделировать поведение индивида и масс.

В АНБ США на современном этапе разработана технология суггестивного воздействия под наименованием: «Применение подсознательного внедрения постгипнотического внушения с использованием акустического ввода и фонетического ускорения постгипнотических команд без сомнамбулической подготовки для целей разведки и контрразведки». Кратко эта программа называется: «компьютерное моделирование языка подсознательной речи».

Затем был разработан алгоритм, программно реализуемый на базе персонального компьютера и позволяющий получать и выводить неосознаваемую акустическую информацию. Суггестивные тексты вызывают заметные изменения в поведении уже через 15-20 минут после начала воздействия.

Эти программы лежат в основе не только компьютерных игр, но и специальных обучающих видеороликах.

Психотехнические игры полезны во многих случаях как игровая форма обучения. Основными типами психотехнических игр, цель которых снять психическую напряженность, развить внутренние психические силы конкретного человека являются: игры – релаксации (шутки, юмор на иностранном языке), адаптационные игры (ситуационная, ролевая или деловая игры), игры–формулы.

Для использования предлагаемых форм суггестии необходимо хорошо понимать механизм внушения. В целом, по определениям разных авторов, занимавшихся проблемой изучения механизмов внушения, можно выделить следующие основные характеристики процесса внушения:

- воздействие со стороны суггерента происходит при сниженной критичности его сознания;

- внушение со стороны суггестора рассматривается преимущественно как сознательное, хотя и не исключаются такие явления, как интуитивное внушение, взаимовнушение;

- внушение может осуществляться как с помощью вербальных, так и с помощью невербальных средств;

- внушение создает внутреннюю установку личности, которая потом реализуется в его деятельности.

По мнению отечественных авторов, эффективность суггестопедического метода заключается в следующих его особенностях:

- усвоение большого количества информационных единиц;
- выработка таких способностей учащихся, как:
 - умение активно использовать информационных «запас» в профессиональном общении,
 - умение гибко варьировать свое общение,
 - умение переносить усвоенные информационные единицы в другие ситуации;
- создание мощной мотивации обучения;

Д.А.Зарайским была предложена следующая формула внушения:

воображение		подражание	установка	
		эмоция	→	внушение
доверие		заражение	конформность	

Согласно данной формуле, внушение образуется на основе доверия путем стимуляции воображения и эмоций, развитых с помощью механизмов заражения и подражания, с использованием сложившихся установок суггерента и, частично, конформности.

Для М.Л.Линецкого, как и для целого ряда исследователей, главным условием в принятии внушения выступает все-таки установка:

воображение	установка	внушение
	→	
	конформность	

Установка играет одну из ключевых ролей во внушении. Это хорошо демонстрирует схема внушения, предложенная И.Е.Шварцем:

$V \rightarrow П1 \rightarrow П2 \rightarrow У \rightarrow О \rightarrow ИП \rightarrow Д$, где

V — внушение;

П1 — первичная потребность, например, потребность в питье;

П2 — новая потребность, усиленная внушением, например, жажда;

У — установка;

О — прошлый опыт;

ИП — импульсивное действие;

Д — действие, реализующее установку, — глоток воды.

Использование форм и механизма суггестии предполагают определенные требования к преподавателю и студентам, а также создание определенных условий.

М.Г. Каспарова отмечает, что: «Преподаватель, работающий в интенсиве, должен быть хорошим суггестором: уметь быть авторитетным и обаятельным, эмоциональным и выразительным, обладать волевым, интеллектуальным и характерологическим превосходством над учениками, быть непосредственным и свободным в действиях, спокойным внешне и внутренне». Н.Б. Мухорина, исследуя проблему формирования суггестивных умений у будущих педагогов, подчеркивает, что «одним из условий, определяющих процесс формирования суггестивных умений, будет развитие определенных личностных качеств, таких как воля и уверенность в себе, а также совершенствование педагогической техники, в частности, техники речи». Развитые волевые качества создают ситуацию психологического превосходства над суггерендом.

Для преподавателя это означает:

- высокий авторитет: широкая известность, впечатляющие успехи в обучении, выдающиеся личные качества, сила убеждения и др.;
- инфантилизация - установление естественной обстановки доверия, когда обучаемый как бы вверяет себя преподавателю;
- двуплановость при введении нового материала: каждое слово, несущее самостоятельную смысловую нагрузку, сопровождается соответствующей интонацией, жестом, мимикой и т. д.

Наряду с требованиями, предъявляемых преподавателю, для обучаемого необходимо:

- формирование веры в осуществимость задач обучения;

- постоянное положительное эмоциональное подкрепление за счет эстетических и комфортных условий; внушения мысли об огромных возможностях интеллекта обучаемых, демонстрации быстрого продвижения вперед в изучении дисциплины и др.;

- "погружение" в учебную дисциплину, концентрированное изучение материала: каждый день только одна учебная дисциплина по 4-6 часов в течение 2-3 месяцев и др.

Суггестивные умения предполагают навыки саморегуляции, уверенность в себе, способность к прогнозированию поведения суггеренда, в том числе и его контрсуггестии, готовность к взаимодействию.

Следовательно, задачи преподавателя и воспитателя лежат, в первую очередь, в области роста личности учащегося, его самостоятельности, а значит и суггестивные приемы, с необходимостью используемые в обучении, должны в принципе стать поэтапно раскрываемыми для суггеренда и этически ограниченными.

В целом, учитывая опыт, наработанный суггестопедагогами, можно выделить следующие функции конструктивного внушения:

- 1) улучшения: а) физического состояния, б) психологического состояния, в) группового взаимодействия;

- 2) увеличения: а) скорости запоминания, б) объема усваиваемого материала;

- 3) мобилизации скрытых резервов: а) организма, б) психики;

- 4) создания дополнительной мотивации.

В ходе суггестии широко применяется метод релаксопедии. Релаксопедическое обучение выгодно отличается доступностью и простотой. Его особенности:

- Релаксопедическое обучение дает возможность точно ориентироваться на различные возрастные аудитории обучаемых, в том числе и школьников.

- Ускоренное обучение определяет организацию и методику занятий, которая требует отказа от традиционной системы обучения.

- Организация релаксопедического обучения не требует специального оборудования, занятия могут проходить в любых условиях школы или вуза. Это открывает возможности для его массового внедрения.

- В основе релаксопедического обучения лежит психическая саморегуляция, которая имеет большое профилактическое значение. Управление психическим состоянием происходит вначале через регуляцию психического состояния обучаемого с помощью и под руководством преподавателя, а по мере овладения аутотренингом переходит в саморегуляцию.

- Основным условием эффективности в ряде методов ускоренного обучения является специальная подготовка преподавателя, который должен обладать определенными психическими качествами. Данный метод дает возможность любому преподавателю овладеть приемами психосаморегуляции.

Структура релаксopedического тренинга релаксации предполагает три этапа:

- Создание необходимого психологического настроения и ознакомление с теоретическим материалом (кратко) от 3 до 5 мин.

- а) "Ввод" или "погружение" в релаксацию. Для этого необходимо удобно сесть, принять позу "кучера на дрожжах", расслабиться, ни о чем постороннем не думать, сосредоточить свое внимание на словах преподавателя (звучит тихая, спокойная музыка, глаза закрыты). Вводятся формулы внушения "вы совершенно спокойны, вам хорошо и приятно... никаких волнений и неприятных мыслей нет". б) Подается необходимая психотерапевтическая информация, в обучении - лексический материал (от 8 до 15 мин.).

- Заключительная стадия релаксopedического тренинга - вывод из релаксации. Важное значение приобретают формулы внушения (суггестии), направленные на формирование уверенности в своих силах, закреплении материала в памяти и активизации психических процессов (от 3 до 5 мин.)¹⁹⁹.

Групповая внушаемость обеспечивается взаимовнушением («заражением») между членами группы. Под психологическим «заражением» понимают процесс передачи эмоционального состояния одного индивида к другому на психофизиологическом уровне контакта, помимо смыслового воздействия или дополнительно к нему. В процессе заражения на каждого члена группы действует не только внушающий субъект, но и другие члены группы, что значительно увеличивает общий эффект внушения.

Психологическое воздействие в коммуникации имеет свои закономерности:

- 1) если оно направлено на потребностно-мотивационную сферу людей, то его результаты сказываются на силе побуждений, влечений и желаний;

- 2) когда акцент в воздействии делается на эмоциональную сферу психики, это отражается на внутренних переживаниях, а также на формировании отношения к происходящему;

- 3) сочетание приемов убеждения и внушения позволяет влиять на волевую активность людей и управлять их поведением;

¹⁹⁹ Тарасова Л. В. НГПИ. Суггестивная технология.

4) влияние на коммуникативно-поведенческую сферу, взаимоотношения и общение (производные приемы воздействия) позволяет создавать социально-психологический комфорт или дискомфорт, побуждает аудиторию принимать информацию или вступать в противоречие с прочитанным;

5) в результате психологического воздействия на интеллектуально-познавательную сферу человека изменяются его представления, черты характера, особенности восприятия поступающей информации и, в итоге, его картина мира.

Эффективность суггестии возрастает, если преподаватель хорошо знает аудиторию. Познанию обучаемых способствует тестирование. Тестирование личности студента заключается в поиске скрытых очагов страха в объеме изучаемой дисциплины (предмета). Основная цель тестирования, это поиск очага страха (сложность воспринимаемого материала, отчетность о знаниях пройденного материала и т.п.). Следующим этапом в организации суггестивного воздействия является побуждение поделиться с преподавателем сложностями и переживаниями по поводу освоения материала. Затем ведется работа педагога и студента по переоценке значимости материала, скрытого в очаге страха. На этом этапе большое значение имеет внимательное отношение педагога к студенту и изменение его системы установок к изучаемому материалу. Заключительная стадия предполагает эмоциональную окраску установки (положительная, спокойная) и ликвидация очага страха («перекидывание» ярлыков – «неприятное, непонятное, незнакомое» в «простое, понятное, доступное»). Этот подход работы со студентом основан на методе М. Балинта, помогающем анализировать отношения, складывающиеся в диалоге «специалист – клиент»²⁰⁰.

Группы тестов могут включать:

- 1) Тесты способности (интеллектуальная функция, знания, способы и т.д.).
- 2) Тесты умений и навыков (зрительно – моторная координация, прохождение лабиринта).
- 3) Тесты на восприятие.
- 4) Опросники (анкетный вопрос о поведении, состоянии здоровья и т.д.).
- 5) Мнения (выявления отношения к другим людям, нормам и т.д.).
- 6) Эстетические тесты (выявление предпочтений картин, рисунков и т.д.).
- 7) Ситуационные тесты (изучение выполнения задания в различных ситуациях – индивидуально, в группе, в соревновании и т.д.).
- 8) Методика диагностики социально–психологических установок в мотивационно–потребностной сфере.

²⁰⁰ Осипова А.А. введение в теорию психокоррекции. Москва Воронеж 2000 год. С. 269

9) Методика В. Стефансана. Диагностика основных тенденций поведения в реальной группе и представлений о себе.

10) Методика определения типа характера по К. Юнгу (см. прил. к статье²⁰¹).

Суггестия по мнению автора полезна во всех случаях, когда нет необходимости логически объяснять передаваемую информацию и условия, создающие комфортную обстановку процесса обучения, способствуют его успешности. Она полезна во многих случаях в игровой форму обучения. Суггестивный способ обучения, эффективен когда преподаватель полностью управляет процессом усвоения информации и в определенной степени лишает ученика личностных качеств.

Кривошеина Е.Ю. считает, что при традиционном обучении превышение нагрузки сверх защитных барьеров вызывает стресс, а новая технология позволяет его избежать: «Преодоление этих барьеров без стресса возможно, если учебная информация предъявляется в необычной форме: на высоком уровне эмоций, в развлекательной игровой форме, с использованием неосознаваемых видов психической деятельности и с использованием акмеологических методик управления состоянием».

По мнению автора, суггестия может быть эффективным средством обучения языку в сочетании с естественными формами в усвоении нового материала. Важно, чтобы педагог объясняя урок, использовал при этом мягкое внушение, которому предшествуют определенные условия:

- создание языковой ситуации приближенной к реальной действительности;
- высокий профессионализм и авторитет преподавателя;
- доброжелательная атмосфера в группе;
- включение в процесс обучения дополнительных резервов организма (эмоциональных состояний возбуждения обострения восприятия, активизацию работы органов чувств: зрения, слуха).

Список литературы:

- Андреев В.А.* Современные суггестивные методы психологического воздействия и их возможное использование в психологических операциях. ГШ МО РФ 2005 г. ст. 35;
Бурлачук Л. Ф. Психодиагностика [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.insai.ru/slovar/trans> (дата обращения: 25.02.2017).
Иссерс О.С. Речевое воздействие: учебное пособие. М. Флинта: Наука. 2013. С. 23.

²⁰¹ Д.Я. Райгородский. Практическая психодиагностика. Методика и тесты. Учебное пособие, – Самара: Издательский дом «Бахрах –М», 2015.

Кривошеина Е. Ю. Технология интенсификации процесса обучения [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.intensiv.narod.ru>obzor.doc> (дата обращения: 24.02.2017).

Лозанов Г. К. Суггестопедия при обучении иностранным языкам // Методы интенсивного обучения иностранным языкам. М., 1973. Вып. 1. С. 9-17.

Осипова А.А. введение в теорию психокоррекции. Москва воронеж 2000 год. С. 269

Петрусинский В. В. Интенсивное дистанционное обучение (акмеологический подход к совершенствованию системы электронного обучения) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.intensive.ucoz.ru/art1.htm> (дата обращения: 25.02.2017).

Райгородский Д.Я. Практическая психодиагностика. Методика и тесты. Учебное пособие, – Самара: Издательский дом «Бахрах –М», 2015.

Тарасова Л. В. НГПИ. Суггестивная технология.

Трегубова Л.С.
Московский городской педагогический университет
г. Москва (Россия)

Tregubova Lidiia
Moscow City Pedagogical University
Moscow (Russia)

ПРОБЛЕМА ПОВЫШЕНИЯ МОТИВАЦИИ ИЗУЧЕНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА НА НАЧАЛЬНОЙ СТУПЕНИ ОБУЧЕНИЯ В УСЛОВИЯХ МНОГОЯЗЫЧИЯ

THE PROBLEM OF INCREASING MOTIVATION TO STUDY RUSSIAN LANGUAGE AT THE PRIMARY STAGE OF EDUCATION IN TERMS OF MULTILINGUALISM

Статья посвящена важной проблеме языкового образования учащихся начальных классов в условиях многоязычия. В статье рассматриваются возможности технологии учебного сотрудничества, игровой технологии, а также технологии проектной деятельности для организации процесса обучения русскому языку как неродному. Данные образовательные технологии в значительной степени способствуют формированию положительной мотивации учащихся-инофонов к овладению русским языком как средством общения, повышают степень усвоения и осознания школьниками языковых единиц русского языка. В статье содержатся рекомендации по организации коллективной учебно-познавательной, игровой и проектной деятельности учащихся начальных классов в условиях многоязычия, представлены примеры реализации структурных компонентов технологического процесса учебного сотрудничества и игровой деятельности в процессе обучения русскому языку как неродному.

The article is devoted to the important issue of language education primary school pupils in terms of multilingualism. This article discusses the possibilities of technology training cooperation, gaming technology, as well as project activities for the process of learning Russian as a foster. Information educational technology significantly contributes to a positive motivation of students-INO background to master the Russian language as a medium of communication, enhance the level of learning and awareness of students of linguistic units in Russian language. This article contains recommendations on the Organization of collective training and learning, gaming and project activities primary school pupils in terms of multilingualism, presented examples of structural components of the technological process academic cooperation and gaming activities in the process of learning the Russian language as a foster.

Ключевые слова: поликультурное образовательное пространство, языковая компетенция, лингвистическая компетенция, коммуникативная компетенция, культурологическая компетенция, мотивация, технология учебного сотрудничества, игровая деятельность, проектная технология.

Keywords: multicultural educational space, linguistic competence, linguistic competence, communicative competence, cultural competence, motivation, educational technology cooperation, game activities, project technology.

В современной Концепции филологического образования отмечается значимость русского языка как языка межнационального общения, языка культуры, образования и науки. Изучение русского языка и литературы играет ведущую роль в процессах воспитания личности, развития ее нравственных качеств и творческих

способностей, в приобщении к отечественной и зарубежной культуре, в сохранении и развитии национальных традиций и исторической преемственности поколений [Концепция школьного филологического образования, 2015].

Российское общество на современном этапе его развития характеризуется многообразием этнического состава. В Концепции национальной образовательной политики Российской Федерации особую значимость приобретает идея поликультурного социального и образовательного пространства, в котором особое внимание уделяется реализации компетентностного подхода в обучении русскому языку как неродному. В рамках данного подхода осуществляется формирование языковой, лингвистической, коммуникативной и культурологической компетенций учащихся-инофонов.

Языковая компетенция предполагает освоение необходимых знаний о языке как знаковой системе и общественном явлении, его устройстве, развитии и функционировании [Божович, 1997]. Учащиеся-инофоны овладевают основными нормами русского литературного языка, усваивают лексическое богатство русского языка, особенности его грамматического строя, учатся строить собственные высказывания. Процесс обучения русскому языку младших школьников русскому языку в условиях многоязычия осуществляется с учетом следующих двух компонентов, выделяемых в структуре языковой компетенции: данных речевого опыта, накопленного ребенком в процессах общения и деятельности; и знаний о языке, усвоенных в ходе специально организованного (школьного) обучения [Божович, 2002].

При обучении русскому языку как неродному важно соблюдать основные условия формирования языковой компетенции: а) потребность в высказывании, повышение речевой мотивации, желание выразить свои чувства и мысли; б) наличие содержательной основы для высказывания, когда ребенок не только хочет говорить, но и может о чем-то сказать; в) освоение детьми языковых средств, необходимых для создания высказывания, выработка у них умения отбирать и использовать эти средства в зависимости от ситуации общения [Божович, 1997].

Лингвистическая компетенция связана с познанием и усвоением основ науки о языке, то есть комплекса лингвистических понятий и их особенностей. В процессе формирования лингвистической компетенции учащихся в условиях многоязычия осуществляется развитие их познавательной деятельности, логического мышления, памяти, воображения. Школьники овладевают овладение навыками самоанализа, самооценки, лингвистической рефлексией.

В условиях единого многоэтнического образовательного пространства важно научить детей, плохо владеющих русским языком, выбирать и использовать необходимые языковые единицы в соответствии с определенной ситуацией общения. В связи с этим в процессе обучения русскому языку как неродному особую значимость приобретает коммуникативная компетенция, предполагающая овладение учащимися-инофонами всеми видами речевой деятельности, а также формирование их коммуникативной культуры.

При переходе к новому социокультурному типу образования актуальной становится проблема формирования культурологической компетенции, то есть способности осуществлять межкультурную коммуникацию на базе знания лексических единиц с национально-культурным компонентом семантики и умения адекватного их применения в ситуациях межкультурного общения. Данная компетенция предполагает создание педагогических условий для полноценного приобщения учащихся-инофонов к культуре и традициям русского народа; формирование представления школьников о многообразии культур, о культурном наследии других народов; воспитание положительного отношения учащихся к культурному наследию других народов; создание условий для интеграции и взаимообогащения культур разных народов и развитие этнической толерантности; формирование и развитие межкультурной коммуникации [Трегубова, 2017, с.31].

Эффективность формирования обозначенных выше компетенций в процессе обучения русскому языку как неродному в значительной степени зависит от наличия положительной мотивации у учащихся-инофонов к овладению русским языком как средством общения. Младший школьный возраст – это период позитивного восприятия окружающего мира. В свою очередь язык представляет собой объективную часть этого мира. В связи с этим важно помочь ученику, плохо владеющему русским языком, уже на начальной ступени обучения почувствовать радость познания этого языка, приобрести умение общаться на русском языке, обрести уверенность в своих языковых возможностях и способностях. Для того чтобы повысить степень усвоения младшими школьниками русского языка в условиях многоязычия, необходимо соблюдать следующие условия мотивации: а) создание позитивной эмоциональной и психологической атмосферы в процессе учебно-познавательной деятельности; б) опора на личный речевой опыт учащихся; в) увлекательная подача учебного материала; г) использование современных образовательных технологий.

По мнению ученых (Д.Б. Эльконин, В.В. Давыдов, Г.А.Цукерман и др.), источником мотивации в учебном процессе, а также мощным ресурсом обучения

является специально организованное обучение в форме учебного сотрудничества, которое создает условия для активной совместной учебной деятельности учащихся в различных учебных ситуациях. Сотрудничество учеников в группе оказывает положительное влияние на формирование их способности понимать точку зрения другого и действовать, учитывая позицию другого человека, как в интеллектуальной, так и в эмоциональной и личностной сфере [Цукерман, 1985, с. 48]. Технологический процесс учебного сотрудничества осуществляется в соответствии со следующими компонентами:

1. Подготовка к выполнению задания: а) постановка познавательной задачи; б) инструктаж о последовательности работы; в) раздача дидактического материала.

2. Работа в группе (в паре): а) знакомство с материалом; б) распределение заданий внутри группы (пары); в) индивидуальное выполнение заданий; г) обсуждение индивидуальных результатов в группе; д) обсуждение общего результата группы; е) подведение итогов группового задания.

3. Заключительная часть: а) сообщение о результатах работы в группе (в паре); б) анализ познавательной задачи, рефлексия; в) общий вывод о групповой работе и достижении поставленной задачи [Первин, 1985].

Приведем пример реализации данных структурных компонентов в процессе работы над тематической группой слов «Детеныши животных».

При подготовке к выполнению задания целесообразно сформировать у учащихся-инофонов умение самостоятельно ставить познавательную задачу. С этой целью предлагается следующее задание:

Задание 1. Прочитай.

«Мяу» – мяукнула мама-кошка, и к ней сразу же примчался рыжий (котик, котёнок). За ним прибежали остальные (котёнки, котята).

За уткой шагают маленькие (утятки, утята).

У лисьей норы весело играют рыжие (лисята, лисёнки).

Мама-медведица заботится о своих (межвежонках, медвежатах).

Как ты думаешь, какое задание нужно выполнить, чтобы правильно прочитать этот текст? Что ты узнаешь при выполнении этого задания?

Далее учащиеся получают инструкцию о последовательности работы:

1. При выполнении задания ученики работают в парах.
2. Каждая пара учеников получает карточки со словами.
3. Нужно прочитать слова на карточках и определить, что обозначает эта группа слов.

4. После этого каждая пара учеников выполняет предлагаемое задание.

Для выполнения задания каждой группе учеников предлагаются карточки со следующими словами:

Волк – ..., Лошадь – ..., Корова – ..., Заяц – ..., Овца – ..., Собака – ...,

Работая в паре, учащиеся знакомятся с дидактическим материалом и определяют, к какой тематической группе относятся слова на карточках. После этого учитель предлагает выполнить следующее задание:

Подберите название одного детеныша и название нескольких детенышей каждого животного.

Для того чтобы организовать процесс совместной учебной деятельности школьников, им предлагается обсудить, как они будут работать в паре и выбрать один из предлагаемых способов действия:

а) один из учеников подбирает название одного детеныша и нескольких детенышей к первому слову, другой ученик – ко второму слову и т.д.

б) один ученик подбирает название одного детеныша данных животных, другой – нескольких детенышей данных животных.

в) ученики по очереди подбирают название одного детеныша и нескольких детенышей данных животных. Например: первый ученик подбирает название одного детеныша, другой – нескольких детенышей к первому слову. Затем второй ученик подбирает название одного детеныша, а первый ученик – нескольких детенышей ко второму слову и т.д.

После выполнения задания каждой паре учеников предлагается обсудить результат проделанной ими совместной работы.

На заключительном этапе учебного сотрудничества учащиеся демонстрируют результаты выполненного ими в паре задания. Младшие школьники сообщают о том, что нового они узнали при выполнении этого задания, анализируют допущенные ошибки при подборе названий детенышей животных. После этого учитель делает общий вывод о проделанной в парах работе и о достижении поставленной цели [Трегубова, 2016, с.207-208].

Для успешного формирования у учащихся-инофонов положительной мотивации к изучению русского языка на начальной ступени обучения целесообразно использовать игровые технологии. По мнению ученых, игра создает условия для «мягкого» включения школьников в процесс обучения, положительную эмоциональную реакцию учащихся на изучение русского языка как неродного,

способствует развитию и совершенствованию всех видов речевой деятельности (аудирования, чтения, говорения, письма) [Модернизация комплексной системы обучения русскому языку детей мигрантов на начальной ступени обучения, 2016].

Организация игровой деятельности учащихся строится с учетом ее компонентов: дидактическая задача, игровая задача, игровые действия, правила дидактической игры, результат (подведение итогов).

Рассмотрим каждый из компонентов более подробно на примере дидактической игры «Путешествие в Страну Частей Речи».

Дидактическая задача определяется целью организации учебно-познавательной деятельности школьников. Она формулируется педагогом. В дидактической задаче находят отражение знания, умения и навыки, которыми должны овладеть учащиеся. Дидактическая задача данной игры – активизация словаря учащихся-инофонов, формирование умения употреблять в речи имена существительные, имена прилагательные, глаголы.

Игровая задача ставится перед учащимися. Она определяет игровые действия, становится задачей самого ребенка. Например:

Путешествуя по Стране Частей Речи, учащиеся посещают разные города. Жителями одного города являются Имена Существительные, жителями другого – Имена прилагательные, а в следующем городе живут Глаголы. Во время путешествия ученики должны составить словарик слов определенной тематической группы, например, словарик «зимних слов». После составления словарика учащиеся каждой группы должны составить предложение с одним из подобранных «зимних слов».

Игровые действия – это основа игры. Они являются, прежде всего, средством реализации игрового замысла, но в то же время включают действия, направленные на выполнение дидактической задачи. Чем разнообразнее игровые действия, тем интереснее для детей сама игра и тем успешнее решаются познавательные и игровые задачи.

Дидактическая игра «Путешествие в Страну Частей Речи» предполагает выполнение учащимися следующих игровых действий в составе группы:

1. Каждая группа учеников получает конверт, в котором определен маршрут путешествия по Стране Частей Речи.
2. Школьники знакомятся с предложенным маршрутом путешествия.
2. Две группы отправляется в город Имен Существительных, две других группы – в город Имен Прилагательных, две следующих группы – в город Глаголов.

3. Каждый ученик в составе группы получает рисунок-открытку с изображением зимнего пейзажа. На рисунке-открытке при составлении словарика «зимних» слов каждый ученик записывает слова определенной части речи.

4. После подбора «зимних» слов учащиеся в процессе коллективного обсуждения составляют предложение о зиме с одним из подобранных слов.

5. Составленные на открытках словарика «зимних» слов ученики оставляют в подарок жителям каждого города.

Регулируют дидактическую игру правила, выполнение которых способствует развертыванию содержания игры, осуществлению дидактических задач. Правила указывают путь решения задачи, определяют приемы предстоящей умственной деятельности, регулируют взаимоотношения играющих.

Правила дидактической игры «Путешествие в Страну Частей Речи» таковы:

1. При выполнении задания в ходе игры ученики работают в группе.

2. Каждый ученик в группе при составлении словарика должен подобрать и записать по 2 слова определенной части речи в зависимости от маршрута путешествия.

3. В случае затруднения ученики могут воспользоваться словами для справок.

4. Учащимся предлагается один способ выполнения задания. Например:

а) учащиеся в группе по цепочке подбирают и записывают по 2 слова определенной части речи в зависимости от маршрута путешествия. В процессе подбора слов составляется словарик «зимних слов»;

б) каждый ученик в группе самостоятельно подбирает и записывает по 2 слова определенной части речи. В процессе обсуждения составляется словарик «зимних слов»;

в) предложение составляется коллективно в процессе обсуждения.

На заключительном этапе игры учащиеся каждой группы представляют словарика «зимних» слов. В процессе коллективного обсуждения выделяются наиболее образные и выразительные слова, которые передают особенности этого времени года.

Сразу же по окончании игры осуществляется подведение итогов игровой деятельности учащихся. Это может быть подсчет очков, поощрение детей, которые лучше выполнили игровое задание, определение команды-победителя и т.д. При этом важно отметить достижения каждого ребенка, подчеркнуть успехи отстающих детей.

Степень познавательной активности учащихся, их интерес к изучению русского языка в условиях многоязычия повышается в процессе совместной проектной деятельности. Выделяются следующие этапы работы над проектом:

1. Погружение в проект. Проблема проекта, которая обеспечивает мотивацию включения школьников в самостоятельную работу, должна иметь отношение к области познавательных интересов учащихся и находиться в зоне их ближайшего развития. В связи с этим предлагаемые для проекта темы должны быть посильны пониманию ученика, который в недостаточной степени владеет русским языком. Для формирования у учащихся-инофонов умения осознавать тему предстоящего проекта предлагается задание следующего характера:

Задание 2. Работаем над темой проекта!

Прочитай. Помоги животным найти свой домик. Соедини стрелочками название животного и его жилище.

<i>Медведь</i>	<i>Гнездо</i>
<i>Волк</i>	<i>Конюшня</i>
<i>Собака</i>	<i>Логово</i>
<i>Лиса</i>	<i>Берлога</i>
<i>Аист</i>	<i>Конура</i>
<i>Лошадь</i>	<i>Нора</i>

Подумай и предложи тему проекта, в котором можно использовать данный материал.

На данном этапе осуждается содержание проекта. Младшие школьники под руководством учителя учатся определять цель и задачи предстоящей познавательной и исследовательской деятельности.

Приведем пример задания, направленного на формирование данных умений.

Задание 3. Работаем над целью и задачами проекта!

Прочитай данные тексты, правильно употребляя слова-признаки в скобках.

1. *Деревья – (самый, могучий) жители нашей земли. У них есть (свой) память. Годовые кольца могут о многом рассказать. (Широкий) кольца говорят об (обильные) годах. (Узенький) кольца расскажут о годах (злые, засушливые).*

2. *У (северный) народов есть примета: если ты заблудился в лесу, то можно определить стороны света с помощью мха, растущего на деревьях — он растет с (северный) стороны. Мох растет именно с (северный) стороны деревьев, так как он не любит (прямой, солнечный) света и лучше всего растет в тени. В (северные) лесах прямой свет никогда не падает с (северный) стороны, поэтому мох чаще и растет на (северный) стороне деревьев.*

Мох растет и размножается лишь в таких местах, где есть влажность. Приносить влагу могут и западные ветра. В таком случае мох может расти и на западной стороне деревьев.

Что ты узнал о деревьях из этих текстов? О чем могут рассказать годовые кольца деревьев? О чем может рассказать мох на деревьях?

Ты можешь использовать эту информацию для проекта о деревьях. Как ты думаешь, с какой целью ты будешь использовать эту информацию для работы над проектом.

Попробуй назвать следующие задачи проекта:

- а) задача, связанная с содержанием необходимой информации;
- б) задача, предполагающая поиск необходимой информации в справочной, познавательной и художественной литературе;
- в) задача, предполагающая опрос;
- г) задача, связанная с оформлением собранного материала.

2. Организация проектной деятельности. На этом этапе разрабатывается план предстоящей работы над проектом, происходит организация совместной учебно-познавательной и исследовательской деятельности учащихся в группах, распределение ролей внутри группы. Школьники выбирают формы и способы презентации предполагаемых результатов.

3. Осуществление проектной деятельности. Данный этап предполагает сбор необходимого для проекта материала. Учащиеся самостоятельно работают с учебной и справочной литературой, а также с другими источниками в соответствии с задачами проекта и ролью внутри группы.

С целью формирования у учащихся-инофонов умения находить различного рода информацию в рамках работы над проектом целесообразно использовать задание следующего характера:

Задание 4. Учимся собирать информацию!

Прочитай.

Приметы осени

Сентябрьский гром предвещает тёплую осень, а октябрьский гром – белоснежную зиму. Ива рано серебристым инеем покрылась – к долгой затяжной зиме. Поздний листопад обещает суровую и продолжительную зиму.

Продолжи текст. Назови другие приметы осени.

Составь текст о приметах зимы, весны, лета (по выбору). Для того чтобы выполнить задание, найди информацию о приметах разных времен года. Для этого

используй Словари пословиц и поговорок, познавательные тексты о природе, произведения детской художественной литературы.

Запиши приметы того времени года, о котором тебе хочется рассказать. Укажи, откуда ты взял эту информацию. Расскажи, как ты собирал необходимый для составления текста материал.

В процессе проектной исследовательской деятельности часто возникает необходимость использования метода анкетирования. Для подготовки учащихся к проведению анкетирования предлагается такого рода задание:

Задание 5. Учимся проводить опрос к проекту «О чем может рассказать фамилия?»

Расспроси у своих родителей о происхождении и значении твоей фамилии.

Проведи опрос среди группы учеников из твоего класса или среди учеников из другого класса. Для этого подготовь для каждого ученика лист опроса и предложи ответить на вопросы.

Фамилия, имя:

Вопросы

Ответ

(подчеркни вариант свой ответа)

Знаешь ли ты, что фамилия человека имеет свою историю?	Да	Нет	Не задумывался над этим
Ты интересуешься историей своей фамилии?	Да	Нет	Не задумывался над этим
Ты можешь рассказать об истории своей фамилии? Как она появилась? С чем она связана?	Да	Нет	Не задумывался над этим
Тебе нравится твоя фамилия?	Да	Нет	Не задумывался над этим

4. Презентация. Учащиеся представляют подготовленные проекты и демонстрируют степень осознания проблемы проекта, его цели и задач. Происходит коллективное обсуждение и взаимооценка проектной деятельности, ее результатов в каждой группе.

Учитель обобщает полученные результаты и оценивает умения школьников общаться, слушать друг друга, обосновывать собственное мнение, их толерантность, способность работать в группе на общий результат и др. [Пахомова, 2008, с.35].

Таким образом, использование современных образовательных технологий будет способствовать, на наш взгляд, формированию познавательного интереса учащихся-инофонов к изучению русского языка как неродного, созданию положительной мотивации в овладении разнообразными языковыми единицами, развитию коммуникативных умений школьников в условиях многоязычия.

Список литературы:

Божович Е.Д. Развитие языковой компетенции школьников: проблемы и подходы // Вопросы психологии. 1997. № 1. С. 33-45.

Божович, Е.Д. Учителю о языковой компетенции школьника: психолого-педагогические аспекты языкового образования / Е.Д. Божович. М., 2002. 286 с.

Коллективная учебно-познавательная деятельность школьников // Под ред. И. Б. Первина. М., 1985. 144 с.

Модернизация комплексной системы обучения русскому языку детей мигрантов на начальной ступени образования: коллективная монография / Научн. ред.: Т.И.Зиновьева. М.: Издательство «Перо», 2016. 205 с.

Пахомова Н. Ю. Метод учебного проекта в образовательном учреждении. - М., 2008. 112 с.

Трегубова Л.С. Использование современных образовательных технологий в процессе обучения русскому языку как неродному // Теория и практика преподавания языков и культур: философские и методологические аспекты: Материалы II Международной научно-практической конференции. 25 сентября – 2 октября 2016 г. Будва, Подгорица (Черногория) /Отв. ред. А.Г.Катаева, И.И.Воронцова. М.:РГГУ, 2017. С. 204-211.

Трегубова Л.С. Формирование культурной идентичности обучающихся в условиях многоязычия современной начальной школы // Начальное языковое образование и подготовка учителя: проблемы формирования культурной идентичности: Материалы Международной научно-практической конференции преподавателей, аспирантов, студентов (2 марта 2017 года) /Сост. и отв. ред.: Т.И.Зиновьева. М., 2017. С. 30-37.

Цукерман Г.А. Зачем детям учиться вместе? М.: Знание, 1985. 80 с.

Электронное научное издание

Русский язык и культура в зеркале перевода.
Материалы Международной научной конференции
27.04 – 02.05. 2018 г.

Подписано в печать 12.04.2018. Формат 60х90 1/8

Усл.печ.л. 35,0

Тираж 100 экз.

Ордена «Знак Почета»

Издательство Московского университета.

119991, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1, стр. 15 (ул. Академика Хохлова, 11)

Тел.: (495) 9393291

E-mail: secretary@msupress.com

Сайт издательства МГУ: <http://msupress.com>

Отдел реализации:

Москва, ул. Хохлова, 11 (Воробьевы горы МГУ).

E-mail: izd-mgu@yandex.ru.

Тел.: (495)939-34-938; (495) 939-33-23 (отдел реализации)

Московский государственный университет
имени М.В.Ломоносова
Высшая школа перевода (факультет)

esti.msu.ru
info@esti.msu.ru